

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

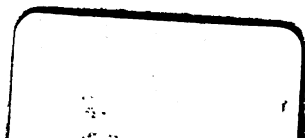
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190624 4

11/15/55

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1877

СЕНТЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО ЛЖЕ-ДИМИТРІЯ. Гл. II. П. С. Казанскаго.
- II. ВОСПОМИНАНІЯ КРѢПОСТНАГО. 1800—1868. (По подлинной рукописи.) Окончаніе. Н. В. Щербани.
- III. ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНІЕ ДЖОРДЖА ГЕНРИ ЛУИ-СА. Окончаніе. А. Ш. Стадлина.
- IV. ПРОИСХОЖДЕНІЕ РОМАНА. Литературно-историче-скіе очерки. Продолженіе В. Г. Авсѣенка.
- V. ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ОТРОЦЕНКО.
- VI. УПРЕКИ ПРОШЛАГО. Комедія въ четырехъ дѣйстви-тельствъ. И. В. Шпажинскаго.
- VII. МАДОННА. Повѣсть въ двухъ частяхъ. (Изъ одной се-мейной хроники.) Часть первая. Гр. Е. А. Салиаса.
- VIII. ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. Поездка по Ломбардіи и Австріи. Гл. V. Виктора Тиссо.
- IX. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. XLVIII—LI. Андрея Пе-черскаго.
- X. Г. МАККЕНЗИ УОЛЛЕСЪ О РОССИИ. С—
- XI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ НА СТАТЬЮ Г. ВЕНЮ-КОВА „МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ АЗІИ“. А. И. Воейкова.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НАБАВЪ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Пере-водъ съ французскаго. Часть первая. Гл. VII—X.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Батковичъ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1877

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660041
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1919 L

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ*

II. Доказательства мнѣнія что первый Лжедимитрій былъ Григорій Отрельевъ*.

Кажется что и самъ Самозванецъ въ началѣ появленія своего въ Польшѣ съ именемъ Димитрія Царевича не скрывалъ того что онъ подъ именемъ Григорія Отрельева укрывался въ Россіи. Иначе для чего бы ему разказывать свои похождения такъ что въ нихъ повторилась исторія Отрельева?

Было много случаевъ, когда Самозванецъ могъ и долженъ бы для своей выгоды ясно выставить что онъ не одно лицо съ Григоріемъ Отрельевымъ, но онъ этого не сдѣлалъ. По крайней мѣрѣ ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ его царствованія не содержитъ прямого опроверженія наименованія его Григоріемъ Отрельевымъ.

Увѣдомляя изъ Путивла письмами короля Польскаго и Бучинскаго о томъ что войско русское прислало князя Ивана Голицына съ заявленіемъ локорности и объясненіемъ что противъ Гришки Отрельева-равстриги присягали они стоять, но такъ какъ въ формѣ присяги Феодору

* Продолженіе. См. *Русск. Вѣст.* № 8.

Борисовичу имени Гришки не уломауто, то они присягать отказались,—Лжедмитрій ничего болѣе не говоритъ касательно Отрельева.

Онъ какъ будто просить у нихъ совѣта какъ поступить ему. Очевидно, представлялось опаснымъ объявить теперь что подъ именемъ Отрельева скрывался именно онъ, Димитрій Царевичъ. Православные не могли бы примириться съ тою мыслью что разстрига будетъ царемъ. Дѣйствительно, Самозванецъ уже не повторяетъ тѣхъ вѣстей какія разказывалъ о себѣ въ Польшѣ. Онъ ограничивается неопредѣленными фразами о своемъ спасеніи въ юности. Если когда, то теперь слѣдовало ему уничтожить обнародованное Борисомъ извѣстіе что онъ Григорій Отрельевъ; но онъ не дѣлаетъ этого и въ грамотѣ къ Московскому народу даже мимоходомъ не касается этого предмета.

Въ продолженіе одиннадцатимѣсячнаго правленія Лжедмитрія много разъ раздавались голоса называвшіе царя разстригой. Казнями отвѣчали за эти названія, даже публично въ лицо царю сказаннаго (какъ сдѣлалъ дьякъ Осиповъ), а ничѣмъ не доказали лживости такого обвиненія.

Самозванецъ не боялся объявить что онъ носилъ имя Григорія Отрельева, но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ нужно бы признаться что онъ разстрига, онъ и долженъ былъ молчать. Замѣтили что онъ ни разу не посѣтилъ Чудова монастыря и что многіе иноки изъ Чудова монастыря были высланы. Авраамій Палицынъ говоритъ что бывшій чудовскій архимандритъ, тогда митрополитъ крутицкій Пафнутій, съ перваго раза узналъ въ новомъ царѣ бывшего монаха своего монастыря, но не посмѣлъ объявить о семъ.

Смирной-Отрельевъ, дядя Григорія Отрельева, сосланъ былъ въ Сибирь. Названный Димитрій и въ Москвѣ уклонялся отъ очной ставки съ нимъ, какъ уклонился отъ нея въ Польшѣ. Въ рѣшеніи вопроса о томъ, былъ ли первый Лжедмитрій Отрельевъ, большое значеніе имѣлъ бы судъ надъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, бывшій въ началѣ царствованія Лжедмитрія, еслибы доказано было что Шуйскій открыто называлъ его Отрельевымъ, и что на судѣ обнаружена лживость его показанія. Всѣ почти историческіе источники относящіеся къ злодѣя перваго Лжедмитрія согласны въ томъ что Шуйскихъ судили, пригово-

рши Василія къ смерти, вывели на мѣсто казни, но царь замѣнилъ ему смертную казнь ссылкой вмѣстѣ съ его братьями и чрезъ нѣсколько времени простилъ его и всю родню и приблизилъ опять къ престолу. Но какъ подробности этого событія, такъ и время указываются не одинаково. Русскія сказанія объ этомъ событіи слагаются и частью записаны были въ царствованіе Шуйскаго, а потому личность его выставляется въ лучшемъ свѣтѣ, и разказъ окрашивается уже принятыми убѣжденіями. Скорѣе бы можно было довѣрять иностранцамъ современникамъ этого событія, но и у нихъ нѣтъ согласія въ показаніяхъ.

Русскіе летописцы хотя почти согласно относятъ время суда надъ Шуйскимъ къ первымъ днямъ вступленія Самозванца въ Москву, но не всѣ говорятъ чтобы Шуйскій судимъ былъ за то что открыто называлъ новаго царя Гришкой Отрельевымъ.

По однимъ сказаніямъ дѣло происходило такъ: По прибытіи Димитрія въ Москву „начаша московскіе люди знающе его мнози называти его, и откры Богъ В. И. Шуйскому того законопреступника растругу разумѣти и нача велегласно обличати глаголюще: Азъ вѣмъ, ако носи ты сынъ царевъ, но суца его законопреступникъ Гришка Богдановъ сынъ Отрельевъ.“ Въ субботу, на третій день по приходѣ въ Москву, 23го іюня, Шуйскій былъ захваченъ. Въ понедѣльникъ, 25го іюня, велѣно было его казнить. Въ приговорѣ сказано что Шуйскій измѣняетъ царю, разсѣивъ недобрыя рѣчи на него, „остужаетъ мя со всѣми вами бояры и дворяны и съ дѣтьми боярскими и съ гостями и со всѣми людьми великія Россіи, мя называетъ не Димитріемъ Царевичемъ, а Гришкой Отрельевымъ.“ * Другіе разказываютъ такъ: „Мнози же люди зряще наступлющее гоненіе на христіанскую вѣру, начаша ломышляти, дабы до конца не разорилась, первый же въ ономъ ломышленіи бояринъ князь В. И. Шуйскій. Увѣдавъ же сіе Гришка, переимавъ ихъ и собравъ соборъ ихъ ради, яко честнѣи суть вельможи бояся ихъ тако погубити, да навъ не возглаголютъ, яко всеу погуби ихъ, и объяви всему собору умышленіе ихъ надъ собою. Весь же соборъ знающе,

* Иное сказаніе о самозванцахъ. *Врем. XVI*, стр. 30—31 и *Сборникъ Потова*, стр. 271.

яко не царевъ сынъ есть, но Гришка Отрельевъ, но никто же смѣяше обидити, бояхубося другъ друга, и на оныхъ Шуйскихъ вси воляху. Растрига же зрящи сія, лаче дерзновеніе восприя, повелѣ Шуйскихъ въ темницу заключити, старѣйшаго же повелѣ казнить, во разосла ихъ въ Галицкія пригородки“ *.

Патріархъ Гермогень въ 1606 году въ двухъ грамотахъ говоритъ о судѣ надъ Шуйскимъ, но въ такихъ выраженіяхъ что яснаго свидѣтельства не находимъ у него. „Исправя убо *селегласно* облачая злокозненное его пронырство, что онъ не сынъ царевъ, и не Дмитрій Царевичъ, но врагъ Божій и нашъ губитель, и вѣры крестьянскія разоритель, и за сію истинную проповѣдь, не токмо множество бѣдъ претерпѣвъ отъ того злодѣя, но и мученные гладыи сосуды предъ очима своими видѣвъ, и преславно отъ смерти избавленъ бысть. Сему и вси Московскіе народы самоудцы быша“ **. Это *селегласное* облаченіе Отрельева Шуйскимъ *исправя*, о которомъ говоритъ патріархъ Гермогень, относится вѣроятно къ свидѣтельству данному Шуйскимъ еще при жизни Бориса. По словамъ хронографовъ, Шуйскій, по приказу Бориса, говорилъ публично и *селегласно*: „О всенародное множество не сумнитеся и не прельщайтеся, яко истинно Царевичъ Дмитрій убіенъ бысть, азъ бо его своими очима видѣхъ, даже и погребохъ его во градѣ Угличѣ, а се то истинно идетъ растрига Гришка Отрельевъ нарицаемаго его Царевичевымъ именемъ.“ *** Это, вѣроятно, облаченіе патріархъ и ставитъ причиной гоненія воздвигнутаго Дзедиміріемъ на Шуйскаго.

Въ *Повѣсти*, *аже содѣяся въ царствующемъ градѣ* и пр. сказано: „По малѣ же времени (послѣ воцаренія Самозванца) князь Василій съ братомъ своимъ Димитріемъ Шуйскимъ познаша его еретика Гришку, и повѣдаша торговымъ людемъ Федору Кошеву съ товарищи, что не прямой Дмитрій Ивановичъ, но злой врагъ христіанскій, еретькъ и воръ Гришка Отрельевъ, присланный отъ Литовскаго короля разорити вѣру христіанскую, да проповѣдаютъ въ мірѣ, дабы стояли христіане въ православной вѣрѣ“

* Врем. XVII, *Новый Лѣт.* 71.

** *Акты*. Эп., т. II, стр. 127, 131.

*** Врем. XVI—90—91. *Изборн. Попови*, стр. 227.

крѣпко, а еретики познали. Они же торговые люди повѣдаша безъ разсужденія многимъ и усамшано бысть совѣтнику растригину Басманову.... Еретику Гришка повелѣ Шуйскихъ казнити. Но Вседержитель смирилъ сердце злодѣя, не велѣ казнити, повелѣ же ихъ развезти по разнымъ городамъ въ темницы. Потомъ же по малѣ времени повелѣваетъ взяти къ Москвѣ и быть у себя въ боярахъ попрежнему.“*

По аѣтолиси о мятежахъ: „Князь В. И. Шуйскій съ братією начаша помышляти чтобы православная христіанская вѣра до конца не разорилась. Гришка увѣда ихъ и повелѣ поймати, и повелѣ собрати соборъ, и объявиша яро нихъ яко умышляютъ сіи на мекя. На томъ же соборѣ не властники изъ бояръ; но изъ простыхъ людей никто же имъ лособотвующе, вси на нихъ же кричаху. Растрига повелѣ князя Василия казнити и едва улроси его царица Марѣа и бояре.“**

Авраамій Палицынъ разказываетъ объ осужденіи В. И. Шуйскаго уже послѣ того какъ сказалъ о признаніи царицей Марѣей Лжедмитрія: „Вскорѣ послѣ казни Тургенева и Ѳедора Калачникова и князь В. И. Шуйскій на плаху осудися, его же усрамившеса Поляки у растриги едва улросиша отъ посѣченія.“***

Извѣстія иностранцевъ таковы что нѣтъ возможности допустить судъ надъ Шуйскимъ въ первые дни по вступленіи Самозванца въ Москву, равно они не подтверждаютъ и того чтобы Шуйскій открыто называлъ Лжедмитрія Отрельевымъ.

Петрей говоритъ что предъ вступленіемъ Самозванца въ Москву Москвитяне явились къ князю Шуйскому, прося сказать имъ откровенно, точно ли Димитрій Царевичъ убитъ, и его ли хоронилъ Шуйскій? Князь отвѣчалъ что Димитрій спасся отъ свѣтей Годунова, что онъ живъ и теперь находится въ Тулѣ съ войскомъ; а въ Угличѣ убитъ

* *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1847, № 9й, стр. 17—18. *Сказаніе еще содѣлалъ...* Карамзинъ и другіе называютъ баснословнымъ; но всѣ имъ пользуются; ибо оно содержитъ такіа свѣдѣнія, какихъ нѣтъ въ другихъ источникахъ. Баснословная же примѣсь есть во всѣхъ сказаніяхъ о Самозванцѣ.

** *Лѣт. о мятежахъ*, стр. 62.

*** *Объ осадѣ Троицкой Лавры*, стр. 21.

вмѣсто него сынъ половскій. Услышавъ это, народъ сказалъ что свидѣтельство Шуйскаго, преданность бояръ и всего войска доказываютъ неоспоримое право Димитрія на престолъ.

Шаумъ также говоритъ что послѣ смерти Бориса Годунова простой народъ, не умѣвшій самъ съ собою посоветоваться, приступилъ къ В. И. Шуйскому, умоляя его не утаить правды, точно ли онъ похоронилъ Димитрія, истиннаго сына Ивана Васильевича, якобы въ Угличѣ убитаго. Тогда Шуйскій показалъ что Димитрій сплелся отъ лоуцковъ Бориса и вмѣсто его убитъ сынъ одного священника и погребенъ по-великокняжески, и что теперь явился настоящій Димитрій. Полагаютъ что сей князь или изъ страха и ненависти, или изъ желанія получить скипетръ не сказалъ правды народу. Показаніе Шуйскаго рѣшило судьбу Феодора Борисовича.

Между тѣмъ Массъ говоритъ что послѣ смерти Бориса В. И. Шуйскій, предъ народомъ, сопровождая свои слова страшными клятвами, говорилъ что Димитрій умеръ, а выдающій себя за Димитрія есть разстрига, бѣглый монахъ.*

Шуйскій, какъ бывшій въ Угличѣ для изслѣдованія обстоятельствъ смерти Царевича Димитрія, естественно могъ дать самое достовѣрное свидѣтельство о томъ, дѣйствительно ли Царевичъ Димитрій умеръ и погребенъ. Но пользовался ли Шуйскій довѣріемъ народа? Да и согласно ли было съ его интересами давать такое рѣшительное показаніе въ пользу Лжедимитрія? Для низверженія Феодора Борисовича достаточно было не противодѣйствовать волненію народному, а о мнимомъ Димитріи отозваться неопредѣленно.

Весьма вѣроятно что Шуйскій питалъ надежду, по низверженіи династіи Годунова, самъ занять престолъ Московскій, права его на который признавались общимъ мнѣніемъ. Канцлеръ польскій Замоѣскій писалъ своему королю: яслѣ Феодора Ивановича, права наслѣдства Московскаго престола переходятъ на князя Шуйскаго.** Потому нужно признать болѣе справедливымъ извѣстіе Маржерета, что Мстиславскій, Шуйскій и Бѣльскій старались укротить

* Сказ. Массы, стр. 140.

** Рус. Ист. Библ. Т. I, стр. 17.

волеиіе народа, склонявшагося на сторону Лжедмитрія. Когда увидѣли они свое безсиліе бороться съ волненіемъ народнымъ, и можетъ-быть другъ въ другѣ увидѣли соперниковъ въ домогательствѣ занять престоль, подчинились ходу событій и рѣшились признать Лжедмитрія.

Далъ насъ свидѣтельство Петра и Шаума имѣеть то значеніе что общая молва не считала В. И. Шуйскаго противникомъ Самозванца при вступленіи его въ Москву. По словамъ польскихъ пословъ, которыхъ не опровергали русскіе бояре, В. И. Шуйскій ѣздилъ въ Тулу на поклонъ Лжедмитрію. Паэрле также пишетъ: въ Тулѣ явились Самозванцу два знатнѣйшіе боярина и сенатора, князь Феодоръ Ивановичъ Метиславскій и князь Василій Ивановичъ Шуйскій; они поднесли ему, какъ законному наслѣднику всего государства Московскаго, богатые дары, состоявшіе въ драгоценныхъ каменьяхъ, золотѣ, серебрѣ и одеждахъ, и на другой день возвратясь въ Москву, объявили народу что сей Димитрій есть истинный сынъ Іоанновъ. Князья Метиславскій и Шуйскій привели гражданъ къ присягѣ. При такихъ свидѣтельствахъ немислимо чтобы Шуйскій сталъ обличать въ самозванствѣ Лжедмитрія тотчасъ же по прибытіи его въ Москву. Русскіе лѣтописцы хотѣли снять съ Шуйскаго упрекъ въ томъ что онъ призналъ его за истиннаго Димитрія.

Почти всѣ извѣстія иностранцевъ относятся судъ надъ Шуйскимъ къ болѣе позднему времени; исключеніемъ служатъ Де-Ту и Лавицкій. Де-Ту пишетъ: когда всѣ бояре, заскательствуя царю, падали къ столамъ его, одинъ Шуйскій, недовольный новымъ правленіемъ и опасаясь губельныхъ слѣдствій, былъ непреклоненъ; раздражалъ Димитрія упростомъ, распускалъ о немъ молву неблагопріятную, говорилъ что царь есть пришлецъ, бродяга; что онъ замышляетъ со злодѣями Россіи, т.-е. Поляками, разрушить святыя храмы, и что, открывъ въ нее путь иностранцамъ, хочетъ истребить древнее дворянство. Димитрій, одаренный искусствомъ убѣжденія, оправдалъ себя въ соитѣ вельможъ помощію многорѣчія и вооружилъ ихъ ревностью къ виновнику клеветы. Шуйскій былъ схваченъ, преданъ суду и за дерзкія слова приговоренъ къ смерти. Юль бго (25го іюня ст. ст.) вывели его на мѣсто казни. Когда онъ лалъ на колѣна и совершивъ всенародно

молитву ожидалъ отъ палача удара, Димитрій присланною грамотой даровалъ виновному жизнь.

Де-Ту не очевидецъ событій, хотя и добросовѣстный передатчикъ полученныхъ отъ другихъ извѣстій, потому его хронологическое указаніе не имѣетъ особенной важности. Притомъ чтобъ успѣло обнаружиться все то, въ чемъ по словамъ Де-Ту Шуйскій обвинялъ Самозванца, потребно не мало времени. Ввести этотъ рядъ обвиненій за одинъ день царствованія — немисливо. Самъ Де-Ту далѣе опровергаетъ достовѣрность своего хронологическаго указанія уломинаніемъ о присутствіи Шуйскаго при коронованіи Лжедимитрія. Шуйскій послѣ суда надъ нимъ сосланъ былъ въ ссылку, и былъ въ ней, по свидѣтельству хронографовъ, около полугода, коронованіе же Лжедимитрія было мѣсяць спустя послѣ вступленія его на престоль.

Г. Костомаровъ приводитъ еще свидѣтельство Лавицкаго, іезуита, бывшаго тогда въ Москвѣ; онъ день казни Шуйскаго полагаетъ 10го іюля (т.-е. 30го іюня ст. ст.). Различіе въ показаніи дня когда назначена была казнь Шуйскаго у тѣхъ которые судъ надъ нимъ относятъ къ первымъ днямъ царствованія Лжедимитрія, показываетъ что точныхъ свѣдѣній они не имѣли.

Къ Де-Ту и Лавицкому примыкаетъ свидѣтельство дгевника Борши. „Въ то время какъ Самозванецъ дождался матери для коронованія, Шуйскіе, знатные люди Русскіе, задумали ночью зажечь Москву и учинить надъ царемъ и нами предательство. Но мы вовремя узнали объ этомъ и царь приказалъ ихъ арестовать и вывести на площадь для казни. По ходатайству однако нѣкоторыхъ сенаторовъ имъ дарована жизнь, и они были отосланы куда-то далеко отъ Москвы; а теперь они олять уже возвращены и олять въ милости у царя.“ Но Борша не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, ибо тотчасъ по вступленіи Самозванца въ Москву былъ отпущенъ и воротился уже послѣ января 1606, такъ какъ въ январѣ вмѣстѣ съ Хрипуновымъ ѣхалъ въ Москву. * Надобно принять во вниманіе и то что въ слискѣ членовъ совѣта, учрежденнаго Лжедимитріемъ въ началѣ его царствованія, мы встрѣчаемъ на самомъ почетномъ мѣстѣ Шуйскихъ,—чего не могло бы быть, еслибъ они

* *Сбор. Гос. грам.* Т. II, стр. 261—263.

сосланы были въ ссылку на четвертый день послѣ вступленія Самозванца въ Москву. *

Поэтому мы признаемъ вѣрными показанія тѣхъ иностранцевъ которые относятся судъ надъ Шуйскимъ ко времени слѣдовавшему за коронаціей Лжедмитрія, и которые были очевидцами событій; таковы: Маржеретъ, Паэрле, Буссовъ, Масса.

Маржеретъ пишетъ: „Въ послѣдній день іюля Димитрій короковался. Черезъ нѣсколько времени, въ присутствіи выборныхъ изъ всѣхъ сословій, князя Василя Шуйскаго судили и признали виновнымъ въ оскорбленіи величества. Шуйскаго уличили въ измѣнѣ, доказали самыми явными и поступками предателя въ разсужденіи Бориса что ни онъ, ни предки его никогда вѣрно не служили государямъ Русскимъ. Даже всѣ приближенные убѣждали Димитрія казнить его какъ неусыпнаго возмутителя тишины общественной, — говорю что я видѣлъ своими глазами, что слышалъ своими ушами. Царь повелѣлъ отрубить ему голову, а двухъ братьевъ его сослать въ заточеніе. Въ четвертый день послѣ приговора Шуйскаго вывели на площадь народную, и когда уже положили его на плаху, объявлено прощеніе по ходатайству царской матери, Поляка Бучинскаго ** и другихъ особъ; преступника наказали только вмѣстѣ съ братьями его ссылкой. Но онъ вскорѣ призванъ былъ ко двору. Димитрій помилował его, хотя зналъ что никто кромѣ рода Шуйскихъ не дерзалъ помышлять о коронѣ.“

* Карамзинъ (т. XI, пр. 373) говоритъ что роспись чинамъ думнымъ писана въ іюнѣ мѣсяцѣ 1605, рукой секретаря Димитріева Яна Бучинскаго. Но въ прим. 388 упоминаетъ что Янъ Бучинскій прѣхалъ къ Лжедмитрію въ августѣ 1605 гонимомъ отъ Мнишка и остался въ Москвѣ. Послы польскіе говорили о Бучинскомъ боярину: „сами вѣдаете что они оба-два не были съ тымъ Дмитромъ, ажь онъ тутъ отъ васъ на государство спроваженъ, а ажь по коронаціи его въ доагомъ времени былъ тутъ“ (Ак. З. Р. Т. IV, 285). Такимъ образомъ не видно, на чемъ основано показаніе что списокъ чинновъ думы писанъ въ іюнѣ 1605.

** Царица Марѣя и Бучинскій могли ходатайствовать за Шуйскаго только послѣ коронаціи. Бучинскій въ письмѣ къ Лжедмитрію говорилъ что онъ воставалъ противъ помилуванія Шуйскихъ и Годуновыхъ; но здѣсь разумѣется возвращеніе ихъ въ Москву изъ ссылки; ибо Годуновы на казнь не осуждались.

Царю говоритъ: „Черезъ нѣсколько недѣль послѣ коронаціи, Василій Ивановичъ Шуйскій началъ разглашать въ народѣ что Димитрій былъ не сынъ Иоанновъ, а измѣнникъ и растрига. Нѣкоторые граждане донесли о семъ царю. Постулокъ Шуйскаго оказался ему весьма страннымъ. Измѣнникъ былъ взятъ подъ стражу, найденъ виновнымъ и какъ сенатомъ такъ и народомъ осужденъ на смерть; его вывели на площадь предъ замкомъ, положили на плаху, и когда палачъ поднялъ уже сѣкиру или топоръ чтобъ отсѣчь ему голову, вдругъ раздался вдали крикъ: стой, стой! Прибѣжалъ изъ дворца чиновникъ и объявилъ что великій князь по просьбѣ и желанію народа Польскаго даруетъ виновному жизнь. Его сослали въ Сибирь, но еще съ дороги воротили. Димитрій довольствовался одною клятвой Шуйскаго болѣе не замышлять измѣны, и возвелъ его въ прежнее достоинство.“ Буссовъ, сказавъ о томъ что учрежденіемъ тѣлохранителей изъ Нѣмцевъ Самозванецъ оскорбилъ Русскихъ, продолжаетъ: „Димитрій вскорѣ далъ новый поводъ къ неудовольствію народному: онъ велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходовъ, оцѣнить ихъ помѣстья и оставилъ изъ нихъ только необходимое для содержанія праздныхъ монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску готовившемуся идти въ походъ противъ враговъ христіанства; сверхъ того примудилъ арбатскихъ и чертольскихъ священниковъ уступить Нѣмцамъ свои дома находившіеся вблизи дворца, для того чтобы въ случаѣ нужды имѣть подъ рукою тѣлохранителей вѣрныхъ. Пора за дѣло! Бѣда за плечами! сказалъ старшій изъ братьевъ Шуйскихъ и слѣшилъ воспользоваться временемъ. Имѣя въ Москвѣ многихъ помощниковъ, онъ составилъ заговоръ съ цѣлью умертвить царя со всѣми людьми ему преданными. Но умыселъ обнаружился: многіе священники и стрѣльцы въ мученіяхъ пытки признались что В. И. Шуйскій былъ главнымъ всему виновникомъ. Участвовавшіе въ возмущеніи стрѣльцы изрублены своими товарищами, по указанію Димитрія. В. И. Шуйскій взятъ подъ стражу, наказанъ плетью и осужденъ на смерть. Но смертная казнь отмѣнена ради знатнаго рода Шуйскаго.

Петрей говоритъ: „В. И. Шуйскій свидѣтельствовалъ что новый царь не истинный Димитрій. По этой-то причинѣ Гришка и велѣлъ взять подъ стражу Шуйскаго, отвезти

его на площадь и положить на плаху, располагая казнить его, если онъ не откажется отъ распущенныхъ слуховъ. Какъ человѣку жизнь ему была милае, онъ отперся отъ своихъ словъ. И такимъ образомъ дожь и жизнь счелъ выше и благороднѣе правды и чести, за то и освободили его и возстановили его прежнюю добрую славу.“

Масса рассказываетъ такъ. * О заговорѣ Шуйскаго узнали отъ нѣкоторыхъ лицъ, не знавшихъ ничего положительнаго и не бывшихъ въ состояніи привести въ подтвержденіе никакихъ вѣрныхъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ оговоренныхъ были пытаны; одни сознались, другіе отвергли взведенное обвиненіе. Шуйскаго схватили, объявили измѣнникомъ покушавшимся на жизнь царя, и приговорили къ казни; совершеніе ея назначено 25го августа. Помедлили казнью, вопреки желанію Басманова, какъ бы ожидая помилованія. Дьякъ, везшій помилованіе, не торопился; ибо желалъ казни Шуйскаго. По свидѣтельству Массы, Шуйскіе возвращены были изъ ссылки при наступленіи праздника Рождества Христова.

Послы польскіе говорили въ 1608 году: Мы не слышали чтобы кто-нибудь изъ вашихъ большихъ бояръ явно высказался противъ Дмитрія; напротивъ, настаивали чтобы скорѣе вѣвчался. Онъ не хотѣлъ вѣвчаться до пріѣзда княжны Маріи, которую звалъ своею матерью. А въ это время никто изъ бояръ не обличилъ его и не помѣшалъ ему послать за матерью. **

Изъ сличенія сказаній иностранцевъ о судѣ надъ Шуйскимъ открывается что онъ судимъ былъ не за открытое обличеніе Лжедмитрія, а за тайный заговоръ противъ него. Можно предполагать что Шуйскій хотѣлъ возбудить народъ противъ Лжедмитрія главнымъ образомъ указаніемъ на оскорбленіе вѣры, на покровительство всѣмъ имовѣрцамъ, оговаривалъ царя, какъ говоритъ Лавицкій, въ оскорбленіи церкви.

Въ этомъ обвиненіи не трудно было оправдаться Лжедмитрію, потому что глава духовенства, патріархъ, былъ на его сторонѣ, и каковы бы ни были тайныя намѣренія

* Масса не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Лжедмитрія; ибо вскорѣ послѣ смерти Бориса Годунова онъ уѣхалъ въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ.

** *Ак. Зап. Р.*, т. IV, стр. 283.

Самозванца, открыто въ оскорбленіи вѣры православною его обвинить было нельзя. Что касается терпимости къ ино-вѣрцамъ, то ее оказывали и предшественники Самозванца. Намъ думается что Гаркманнъ, въ разказѣ объ одной бесѣдѣ Самозванца съ духовенствомъ, высказалъ то что говорилъ Самозванецъ во время суда надъ Шуйскимъ. Лжедмитрій говорилъ что тѣ которые разказываютъ что у него подъ кроватью спрятана икона Богоматери, суть возмутители, которые ни разу даже не подходили къ его кровати. Также недостовѣренъ разказъ о крестѣ будто найденномъ въ салогѣ у него. Для большаго удостовѣренія что это ложь, онъ связъ со стѣны икону, висѣвшую близъ него, и приложившись къ ней предъ всѣми, сказалъ: „Пусть со-творитъ Господь Богъ надо мною или надъ этою иконою какое-нибудь знаменіе, если я когда-нибудь помышлялъ от-ступиться отъ святой вѣры русской и принять другую, не говоря уже объ оскорбленіи и сокрытіи святыхъ иконъ подъ кроватью или въ салогѣ.“ Затѣмъ снова повторилъ: „Да совершитъ Господь въ глазахъ вашихъ знаменіе надо мною или надъ иконою, если я мыслю что-либо иное.“ То же повторялъ онъ и лицамъ другихъ сословій и убѣдилъ что онъ дѣйствуетъ съ добрымъ намѣреніемъ.

Судъ надъ Шуйскимъ объясняется отношеніемъ Шуйскаго къ дѣлу о смерти Царевича Дмитрія. Шуйскій былъ очевиднымъ свидѣтелемъ смерти и погребенія Дмитрія Царевича. По смерти Бориса онъ, какъ выразился патріархъ Гермогенъ, велегласно обличалъ самозванство явившагося Дмитрія. Видя услѣхъ Лжедмитрія, Шуйскій нослѣдшилъ обезопасить себя, явившись къ Самозванцу на поклонъ въ Тулу и присягнувъ ему въ числѣ первыхъ. Эта покорность отягала у Лжедмитрія возможность немедленно избавиться отъ Шуйскихъ. Но какъ опасный человѣкъ, онъ остался подъ тщательнымъ надзоромъ и, какъ говоритъ патріархъ, терпѣлъ гоненіе и утѣсненіе. Между тѣмъ и Шуйскій не могъ съ покорностію поклоняться бродягѣ на престолѣ, и въ виду недавней присяги и свидѣтельства что это Царевичъ Дмитрій не могъ распускать слуховъ что это разстрига, а надѣялся подорвать уваженіе народа къ нему, распуская слухи о его нечестіи. Это и дошло до Лжедмитрія; послѣдшили нарядить судъ изъ всѣхъ сословій, чтобъ одна дума боярская не защитила своего члена, и Шуйскій, угравшій

послѣднее время такія перемѣнныя роли, потерявъ и въ народѣ уваженіе своимъ двоедушіемъ, былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи царя.

Еслибы на этомъ соборѣ была рѣчь о томъ что должно новаго царя называть Григоріемъ Отрельевымъ, то всѣ современные писатели уломянули бы объ этомъ, особенно иностранцы.

По нашему мнѣнію судъ надъ Шуйскимъ, предъ выборами изъ всѣхъ сословій, на которомъ новый царь почелъ нужнымъ оправдывать себя, а между тѣмъ не снялъ съ себя главнаго обвиненія что онъ разстрига Отрельевъ, и совсѣмъ не коснулся важнаго для всѣхъ вопроса о томъ, какъ онъ спасенъ въ юности и гдѣ жилъ до своего появленія въ Польшѣ, — служить новымъ подтвержденіемъ что первый Лжедмитрій былъ дѣйствительно тотъ монахъ, который извѣстенъ былъ подъ именемъ Григорія Отрельева.

Еслибы было объяснено по крайней мѣрѣ то что новый царь не есть Григорій Отрельевъ, Шуйскій не рѣшился бы называть его Григоріемъ Отрельевымъ, и послѣ его смерти. Между тѣмъ послѣ гибели Самозванца Шуйскій не только называлъ его Отрельевымъ, но и повторялъ въ присутствіи Романовыхъ и Черкаскаго что Отрельевъ въ отрочествѣ прислуживалъ у нихъ.

Изъ дѣла Шуйскаго не видно ясно чтобъ онъ дѣйствительно открыто называлъ Лжедмитрія во время его царствованія Гришкой Отрельевымъ; но за то несомнѣннымъ остается тотъ фактъ что дьякъ Тимошей Осиповъ публично и въ лицо самому Самозванцу назвалъ его Григоріемъ Отрельевымъ. Осиповъ, по общему отзыву, былъ человѣкъ глубоко благочестивый. Его возмущали всеобщее поклоненіе Лжедмитрію, о которомъ зналъ онъ что это разстрига Отрельевъ, и надменность этого похитителя престола. Онъ рѣшился открыто обличить его. Предъ тѣмъ онъ наложилъ на себя постъ, двукратно причащился Св. Таинъ. На третій день послѣ свадьбы Самозванца на него какъ на дьяка возложено было порученіе объявить Марину царицей и присутствовать при присягѣ ей. Утромъ этого дня онъ простился съ женой и дѣтьми, ничего не знавшими о его намереніи. Его мать думала что онъ хочетъ удалиться въ монастырь. Представъ предъ лицо Самозванца, онъ сказалъ: „Велишь ты себя писать въ титулахъ и грамотахъ цезарь

недобѣдимый, а то слово по нашему христіанскому закону Господу нашему Іисусу Христу грубо и противно: а ты воръ и еретики, подлинный разстрига Гришка Отрельевъ, а не Царевичъ Димитрій“. Осиповъ затѣмъ объявилъ что онъ не хочетъ присягать іезуиткѣ, царицѣ азычанцѣ, которая своимъ присутствіемъ оскверняетъ святыню московскую. Онъ хотѣлъ еще продолжать, но его тотчасъ же убили.*

Самоотверженная рѣшимость дьяка Тимоѣя Осипова обличить въ глаза Самозванца, назвать его прямо Гришкой Отрельевымъ, показываетъ, какъ ясна и глубока была увѣренность многихъ что названный Димитрій есть дѣйствительный бѣглый монахъ Чудова монастыря Григорій Отрельевъ.

Не знаемъ, можно ли въ пользу какого-либо мнѣнія привести столько доказательствъ, сколько представляется возможнымъ привести въ подтвержденіе той мысли что первый Лжедимитрій былъ монахъ, извѣстный прежде подъ именемъ Григорія Отрельева. Укажемъ въ заключеніе на одно частное обстоятельство. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ, пишетъ Карамзинъ, видимъ въ латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ русскихъ — твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя приказнаго, каковъ

* Свидѣтельство Осипова и смерть его Масса и Геркманъ, равно какъ и нѣкоторые хронографы русскіе, относятъ къ 17 мая. По сказанію Массы и Геркмана онъ является соучастникомъ заговора Шуйскаго и какъ бы передовымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ. Но по ихъ же свидѣтельству Осиповъ къ своему подвигу готовится какъ къ мученичеству, кромѣ смерти не думая ни о чемъ. Высылать подобнаго человѣка въ дѣлѣ заговора впередъ значило обнаружить его преждевременно, тогда какъ отъ нечаянности зависѣлъ весь успѣхъ. Самъ же Масса говоритъ что на третій день послѣ свадьбы долженъ былъ Осиповъ быть приведенъ къ присягѣ царицѣ и вмѣсто того облачилъ царя. Слѣдовательно по его же указанію мы должны отнести это событіе къ 10 или 11 мая. Въ дневникѣ Польскихъ пословъ говорится что Маринѣ присягали прежде брака въ теченіе двухъ дней, въ понедѣльникъ и вторникъ (*Сказ. о самозв. Устр.*, изд. 3, ч. 2, стр. 231). То же говоритъ Пазрае (тамъ же. ч. 1, стр. 187). Потому и смерть Осипова можно относить къ этому времени. У Маржерета о пыткѣ дьяка, хотя не названнаго по имени, но очевидно Осипова, разказывается рядомъ съ разказомъ о приготовленіи къ свадьбѣ. У Авраама Палицына дѣло Осипова совсѣмъ отдѣляется отъ заговора Шуйскаго. Все это не позволяетъ относить убіеніе Осипова къ 17му мая.

былъ Отрельевъ, дьякъ патріаршій. Онъ не уступитъ ни какому дьяку того времени въ красивомъ изображеніи буквъ.

Но была молва, которой нѣкоторые придаютъ большее значеніе при рѣшеніи вопроса о личности Самозванца, молва что Самозванецъ велъ съ собою Отрельева, привелъ въ Москву и потомъ сослалъ въ Ярославль. Если былъ Григорій Отрельевъ при Самозванцѣ, то очевидно было бы что Самозванецъ не Григорій Отрельевъ. Къ такому выводу приходилъ Устряловъ, а г. Костомаровъ положительно допускаетъ существованіе Григорія Отрельева какъ лица отдѣльнаго отъ Самозванца. Потому молва эта требуетъ изъясненія.

Стоитъ только сопоставить всѣ свидѣтельства о Григоріи Отрельевѣ, какъ объ отдѣльномъ отъ перваго Лжедмитрія лицѣ, чтобы видѣть ихъ несостоятельность, чтобы убѣдиться въ томъ что отдѣльный Отрельевъ измышленъ для открытія происхожденія Лжедмитрія.

Буссовъ пишетъ: „Былъ въ одномъ русскомъ монастырѣ монахъ, именемъ Гришка Отрельевъ. Зная хорошо всѣ происшествія своего отечества, онъ вмѣстѣ съ кромѣшниками распускалъ о Борисѣ худую славу; но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Борисеена, нашелъ въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу (то былъ лобочный сынъ Стефана Баторія, какъ открыли мыъ по довѣренности польскіе вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла: уговорилъ его сдѣлаться слугою князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыть сему вельможѣ съ притворною горестью, будто ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть. Послѣ сего Отрельевъ возвратился въ Россію, пришелъ въ землю казаковъ и началъ тамъ разглашать что у князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный наслѣдникъ Русскаго престола, Димитрій Іоанновичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Раслутивъ сію молву, Отрельевъ проситъ, убѣждаетъ казаковъ подать помощь Царевичу и сулитъ имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго монаха не остались безъ дѣйствія. Въ сентябрѣ 1604 года, по его наущенію, собралось на русской границѣ до 6.000 казаковъ; въ то же время Отрельевъ далъ знать мнимому Димитрію что казаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразиться за него съ

Борисомъ, что самъ онъ, Отрельевъ, съ ними и готовъ служить ему совѣтами.“

Отрельевъ, создавшій Самозванца, приведшій ему 6.000 казаковъ и предложившій служить совѣтами, въ дальнѣйшемъ разказѣ Буссова совсѣмъ исчезаетъ; нѣтъ объ немъ и помину.

У Буссова Отрельевъ является хитрымъ, дѣятельнымъ лицомъ, а Маржеретъ говоритъ что до бѣгства изъ Россіи онъ слылъ негодеемъ и горькимъ пьяницей, и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ что съ нимъ бѣжалъ за границу истинный Царевичъ Димитрій. Но ничего Маржеретъ не говоритъ, какую роль игралъ Отрельевъ при настоящемъ Димитріи со времени бѣгства изъ Россіи до вступленія въ Москву. Въ теченіе трехъ лѣтъ о немъ нѣтъ и помину. Мы указывали на затруднительное положеніе Самозванца. Когда Русскіе объявили въ Путивлѣ что они клялись воевать противъ Гришки Отрельева, а не противъ Царевича Димитрія Іоанновича, предстояла надобность назвать кого-либо Отрельевымъ, и вотъ въ Путивлѣ является Отрельевъ. На сеймѣ посольскомъ 1608 года послы польскіе говорили боярамъ московскимъ: „сами Москвичи чтобы всѣ болѣе вѣрили, отыскали льянаго Гришку Отрельева Москвитина, котораго именемъ называлъ Борисъ Димитрія, и предъ всѣми ставили его въ Путивлѣ, обличая неправду Бориса и оправдывая Димитрія, а дѣлали это Москвичи, а не Поляки, и этого Гришку доставили изъ Москвы, а не изъ Польши.“ * У Бареццо-Барреція встрѣчаемъ иное сказаніе: Въ Бѣлгородѣ схваченъ былъ Гришка Отрельевъ, тотъ знаменитый магъ и волшебникъ, о которомъ Борисъ распустилъ слухъ что не Димитрій сынъ Ивана Васильевича, а этотъ магъ, извѣстный во всей Московіи за дурнаго человѣка, приходилъ вмѣстѣ съ казаками польскими чтобы отнять у него престолъ. ** Въ этомъ разказѣ Отрельевъ является не льяницей, но магомъ и волшебникомъ. Должно допустить что

* *Ак. Зап. Рос. т. IV, стр. 277. Въ Сеймовомъ разсужденіи 1609.*

** *Чтенія Общ. Ист. и др. 1847. № 5, отд. III, стр. 11. О войнѣ Сигизмунда съ В. И. Шуйскимъ также сказано: въ Путивлѣ для устраненія всякаго сомнѣнія сама Москва приняла и всѣмъ представляла какого-то Гришку Отрельева. I. Чт. Общ. Ист. и др. 1866 года, ч. 4, отд. V стр. 43.*

была сдѣлана въ Путивлѣ попытка указать на какого-то подставнаго Отрельева. Въ иномъ сказаніи о Самозванцѣ читаемъ: * „Многіе говорили что идетъ Димитрій, а не разстрига, да и разстригу прямо съ собою въ Москву везетъ и покажетъ чтобы не сомнѣвались люди“. Молва такимъ образомъ плущена была. Но когда пожелали подтвержденія сему извѣстію въ Путивлѣ, то объявили что Отрельевъ посаженъ въ темницу за вину вѣкую. Видно что попытка показать подставнаго Отрельева была не совсѣмъ удачна и его постарались убрать. Въ извѣстіи о заключеніи въ тюрьму Отрельева кажется скрывается та истина что въ Путивлѣ, когда Русскіе окружили Самозванца, при немъ не видѣли никакого Григорія Отрельева. Польскіе слуги Самозванца не упоминаютъ объ Отрельевѣ. Можетъ-быть со стороны Лжедмитрія это была не первая попытка показать подставнаго Отрельева; ибо есть извѣстіе что будто въ Кіевѣ монаху Леониду Крылецкому онъ велѣлъ называться Григоріемъ Отрельевымъ. ** Этимъ объясняется разногласіе о лохожденіяхъ Отрельева въ Кіевѣ. Конечно онъ имѣлъ цѣлю залутать свой слѣдъ отъ шпіоновъ Бориса Годунова.

Показаніе Маржерета что Отрельевъ былъ привезенъ въ Москву, и отосланъ Самозванцемъ въ Ярославль не заслуживаетъ никакого довѣрія. Маржеретъ пишетъ: „Дозвано (кѣмъ и когда?) что разстригъ было отъ 35ти до 38ми лѣтъ. Димитрій вступилъ въ Россію 23хъ или 24хъ лѣтъ и привезъ съ собою разстригу, котораго всякъ могъ видѣть. Разстрига, до побѣга изъ Россіи самаъ негодлемъ и горькимъ льяницей, за что Димитрій удалилъ его за 230 верстъ отъ столицы въ Ярославль.“ Хотя всякъ могъ видѣть Отрельева, но Маржеретъ не рѣшился сказать что видѣлъ его самъ. И какъ за то что до побѣга изъ Россіи назадъ тому три года Отрельевъ самаъ негодлемъ и льяницей удалять

* Врем. XVI. 22. 23.

** Карамз. т. XI. пр. 200. Въ иномъ сказаніи о Самозванцѣ сказано: „а который старецъ Леонидъ съ нимъ шелъ до Путивла и назывался его именемъ Гришкинымъ Отрельевымъ, и показавъ его многымъ въ Литвѣ, и въ Сѣверскихъ предѣлахъ, и въ Путивлѣ его въ темницу засадилъ будто за вину вѣкторую“ (Врем. XII. 23).

его въ Ярославль? * Кто-то изъ дома Англійской компаніи въ Ярославль увѣрялъ Маржерета что сосланный туда разстрига называлъ себя Гришкой Отрельевымъ, а убитаго царя истиннымъ Димитріемъ. Такъ какъ послѣднее ложно, то и первое несправедливо; повторять слова пьянаго чело-вѣка не слѣдовало. Можетъ - быть и до Шуйскаго дошли рѣчи эти, онъ навелъ справки, и ничего не оказалось. Мас-са рассказываетъ новую молву, вышедшую будто отъ родныхъ Отрельева, что по вступленіи на престолъ Самозванецъ подкулилъ одного вора, который, повсюду выдавая себя за Григорія Отрельева и притворяясь юродивымъ, ходилъ въ монашеской рясѣ. По убіеніи Лжедимитрія, этотъ монахъ сознался что онъ былъ подкуленъ, и могъ рассказать какъ Самозванецъ, выдавая себя за Димитрія, бѣжалъ съ нѣко-торыми бумагами въ Польшу.

Нужно слишкомъ сильное увлеченіе Маржеретомъ, что бы подобно г. Костомарову сдѣлать смѣлое предположе-ніе что Лжедимитрій во время суда надъ Шуйскимъ показ-залъ настоящаго Григорія Отрельева и тѣмъ обличилъ клевету Шуйскаго. Мыслимое ли дѣло чтобы послѣ такого публичнаго доказательства что Лжедимитрій не былъ Отрель-евъ, Шуйскій осмѣлился опять увѣрять и за нимъ продол-жали повторять всѣ Русскіе что Самозванецъ былъ Отре-льевъ.

Итакъ появленіе въ мѣстоисяхъ извѣстія о другомъ Отрельевѣ объясняется попытками Самозванца заставить другаго носить его имя. Но должно-быть самъ онъ почув-ствовалъ неудобность подобной мѣры, и потому не рѣшил-ся долго играть съ другимъ эту комедію, частію не надѣ-ясь на скромность этого лица, частію опасаясь вступить въ противорѣчіе съ прежними своими показаніями.

Нужно устранить еще одно возраженіе.

Г. Бицынъ считаетъ невозможнымъ признать перваго Лжедимитрія Отрельевымъ, потому что въ такомъ случаѣ нельзя объяснить какъ могли признать его за истиннаго

* Что Отрельевъ до побѣга изъ Россіи не былъ пьяницей, видно 1) изъ того что въ извѣщеніяхъ о немъ не обвиняли его въ пьян-ствѣ, 2) горькаго пьяницу не ввезъ бы къ себѣ въ двѣки патріархъ; 3) Варлаамъ, напротивъ, обвиняетъ его за то что онъ съ ними не пилъ.

Дмитрія бояре. Онъ говоритъ что бояре готовили Самозванца въ Отрельевѣ, но вдругъ сталкиваются съ другимъ лицомъ имъ неизвѣстнымъ, подливымъ съ виду сыномъ Ивана Васильевича, съ полною увѣренностью идущимъ за нимъ Мономаха. Имъ оставалось въ недоумѣніи преклониться предъ нимъ.

Но собственная теорія г. Бидына о томъ что бояре подготавливали Самозванца въ лицѣ Григорія Отрельева должна бы, казалось, дать ему весьма простое объясненіе признанія Отрельева боярами. Если бояре готовили Самозванца, то конечно готовы были поддержать его своимъ содѣяніемъ по крайней мѣрѣ до той степени чтобъ онъ успѣлъ низвергнуть Годунова съ престола. Но успѣхъ Самозванца превзошелъ желанія бояръ; городъ за городомъ признавали его царемъ; все войско перешло на его сторону. Попытки бояръ остановить волненіе народное въ пользу Самозванца оказались безуспѣшны, какъ сказано въ грамотѣ объ избраніи Михаила Феодоровича на престолъ: „начальныя же бояре и стратеги суетному волненію противишася, но ничто же успѣха суровому народскому глаголанію“. * Оставался имъ или безцѣльный протестъ съ опасностію лишиться жизни, или покорное смиреніе предъ силой. Опальные при Борисѣ бояре, преимущественно и окружавшіе тронъ Самозванца, конечно довольны были пережвѣной своей участи, отъ кого бы она ни происходила. Что бояре неравнодушно подчинились новому царю, доказываютъ начавшіяся съ самаго воцаренія его попытки низвергнуть его подготовленіемъ къ тому умовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Польшѣ: и дѣйствительно, Отрельеву не дали процарствовать и году.

И не принимая теорій Бидына, легко объяснить признаніе Самозванца боярами. Самозванецъ вступилъ въ предѣлы Россіи не разстригой, бѣглымъ монахомъ, но съ именемъ Дмитрія Царевича, поддерживаемый королемъ Польскимъ, окруженный лалами польскими. Сколько ни утверждалъ Борисъ Годуновъ что это Гришка Отрельевъ, странно было вѣрить подобному объявленію, когда всякій понималъ что Годунову нужно было выдать явившагося претендента на престолъ за Самозванца, а Полякамъ не было видимыхъ расчетовъ поддерживать вора разстригу.

* Собр. Гос. грам. т. I, стр. 604.

И какъ подозрѣвать въ этомъ отважномъ довольно образованномъ воинѣ бѣлаго монаха московскаго? Лично Григорій Отрельевъ былъ извѣстенъ весьма не многимъ и тѣмъ менѣе боярамъ, которые если и видали гдѣ діакона Отрельева, то не обращали на него никакого вниманія. Притомъ перемѣна костюма, большая возмужалость, иные манеры могли дѣлать его неузнаваемымъ даже и для знавшихъ его. Не безъ причины конечно Самозванецъ не носилъ бороды, чтобъ она не напоминала его монашескій обликъ; для того же можетъ-быть онъ зачесывалъ волосы вверхъ чтобы открытѣе было лицо, которое у монаха, прикрытое клобукомъ и бородой, могло имѣть другой видъ; народу являлся Самозванецъ съ покрытою головою, никогда ее не обнажая, такъ что и цвѣтъ волосъ его не былъ виденъ. У Гаркмана есть разказъ, * что мнимый Димитрій для спасенія себя въ случаѣ возмущенія Русскихъ, отыскалъ человѣка похожаго на себя, велѣлъ хирургу сдѣлать ему надрѣзъ около носа, и залѣчить такъ чтобъ образовалась бородавка, что и исполнено. Можетъ-быть Лжедимитрій, готовясь въ Польшѣ провозгласить себя Царевичемъ, именно это и сдѣлалъ съ собою, слышавъ отъ кого-либо что истинный Димитрій имѣлъ бородавку около носа. Эта бородавка измѣняла уже наружность Лжедимитрія и давала ему такой знакъ какого не имѣлъ Отрельевъ, слѣдовательно и для людей знавшихъ Отрельева затрудняла признать его за одно и то же лицо; утвердительно могли говорить только о сходствѣ его съ Отрельевымъ. Между тѣмъ выгоды многихъ бояръ влекли ихъ на сторону явившагося претендента на Московскій престолъ. Бориса не любили; тронъ его видимо колебался, потому нѣкоторые слѣшпши заручиться милостію того кто сядетъ на престолъ. Когда Борисъ умеръ, очевидно было что его сынъ не удержится на престолѣ, а потому лучше перейти на сторону ложнаго Димитрія чтобы занять при немъ видное мѣсто. Такъ поступалъ Басмановъ, вполне увѣренный что онъ служить же Димитрію Царевичу. Да и другіе вельможи не очень смущались службой у заведомыхъ воровъ, какъ показываетъ исторія другихъ самозванцевъ. Къ Тушинскому вору отирались служить Тру-

* Масса и Гаркм. стр. 272.

бедкой, Черкасскій, Алексѣй Суцкій, Засѣкины и другіе, влодѣвъ зная что оны обманщикъ и притомъ самый грубый мужикъ. Собственныя выгоды, личные расчеты становились на первомъ планѣ. Тѣ же побужденія могли склонять бояръ и къ признанію перваго Самозванца. Послѣ гибели перваго Самозванца естественно было явиться разнымъ толкамъ и предположеніямъ о его личности и происхожденіи. Разстрига, бѣглый монахъ низкаго происхожденія, и царь—это казались понятія несомнѣстимыя. Не только само по себѣ это событіе представлялось невозможнымъ, но имъ оскорблялось вмѣстѣ съ тѣмъ самолюбіе многихъ слугъ Самозванца, многихъ лицъ величавшихъ его какъ царя. Особенно больно было это гордымъ иноземцамъ, и вообще не уважавшимъ Русскихъ. Какъ было примириться напримѣръ яковель-можнымъ панамъ польскимъ, которые не знатныхъ не звали даже людьми, а быдломъ, съ мыслію что они лобызали руку, съ благоговѣніемъ предстояли предъ разстригой монахомъ, считая за великую честь для себя породниться съ нимъ? Потому одни продолжали твердить что это былъ истинный Дмитрій Царевичъ, другіе—что это лобочный сынъ короля Стефана Баторія, третьи—что это былъ Полякъ хорошаго рода. Готовы были признать его дьяволомъ волаощеннымъ, только бы не Гришкой Отрельевымъ. Сами Русскіе, которые имѣли положительныя доказательства что это былъ Отрельевъ, такъ поражены были его чудною судьбой что объясняли успѣхъ его чернокнижествомъ и волшебствомъ.*

Дѣйствительно, это явленіе въ русской исторіи доселѣ поражаетъ своею загадочностью. Какъ въ головѣ какого-то монаха Чудова монастыря могла родиться мысль выдать себя за Дмитрія Царевича и какъ объяснить его успѣхъ?

Во всѣхъ русскихъ извѣстіяхъ Григорій Отрельевъ называется сыномъ боярскаго сына, честнѣйшаго стрѣлцаго сотника Богдана Отрельева. Родился оны въ Галичской области, въ волости Борокъ. Но сказанія о первыхъ годахъ его жизни разнорѣчатъ между собою. По однимъ оны вое-литывался отцомъ и матерью; въ немъ замѣчаютъ дурныя наклонности и для исправленія его отдають въ монастырь; по другимъ оны лишается отца въ младенствѣ,

* Сказанія объ этихъ толкахъ у Маржерета и Массы.

воспитывается матерью, служить въ холодѣхъ у Романовыхъ и Черкасскихъ и потомъ самъ, по внушенію Трифона Вятскаго, постригается, имѣя 14 лѣтъ отъ роду. Нельзя не признать, что ни Годуновъ, ни Шуйскій, ни Романовы не едѣлали попытокъ пролить свѣтъ на первоначальное происхожденіе Григорія Отрельева. Всѣ официальные извѣстія направлены только къ объясненію исторіи бѣгства Отрельева за границу и его походовъ. Для Годунова конечно нужно было прежде всего доказать что именно монахъ называвшійся Григоріемъ Отрельевымъ принялъ на себя имя Димитрія Царевича. Предшествующая его судьба не представляла интереса. Послѣ низверженія Самозванца, когда многіе узнали въ немъ Григорія Отрельева, увѣренность въ этомъ дѣлала повидимому ненужными дальнѣйшія изслѣдованія объ Отрельевѣ. Есть свидѣтельство Авраамія Палицына что Самозванца обличали его мать Варвара, его дядя и его братъ; но конечно это свидѣтельство относится не къ тому времени какъ Самозванецъ вступилъ въ Москву. Если мать Димитрія Царевича признала Самозванца своимъ сыномъ, то осмѣлилась ли бы явиться мать Отрельева? Могли ли допустить ее обличить самозванство Отрельева? Мы думаемъ что еслибы нужно было Самозванцу имѣть показаніе матери Отрельева, то онъ сумѣлъ бы заставить ее дать показаніе благоприятное для себя. Материнская любовь и безъ принужденія заставила бы ее отречься отъ сына, чтобы утѣшиться его величіемъ. Едва ли и Годуновъ, отыскивая свѣдѣнія объ Отрельевѣ, обращался къ его матери; ибо для него достаточно было показаній дяди Отрельева, Смирнаго-Отрельева. Масса говоритъ *, что уже послѣ гибели Самозванца отысканы были отецъ и мать Отрельева, бѣдные люди, говорившіе что Самозванецъ былъ ихъ сынъ, и что онъ, по вступленію на престолъ, всѣхъ своихъ родственниковъ въ числѣ шестидесяти человекъ велѣлъ содержать въ тюрьмѣ подъ крѣпкою стражей. Очевидно Масса разказываетъ не достовѣрные слухи, ибо отца Отрельева давно не было въ живыхъ, и заключать Отрельевыхъ въ тюрьму скорѣе могъ Годуновъ нежели Самозванецъ, который такимъ поступкомъ только возбудилъ бы противъ себя подозрѣніе. Сопоставляя свидѣтельство Массы со свидѣ-

* Масса стр. 112.

тѣльствомъ Авраамія Палицына, мы должны признать что при вступленіи Шуйскаго на престолъ были дѣшнытки отобрать свѣдѣнія объ Отрепьевѣ у его матери. Но могла ли какая-нибудь Варвара Отрепьева, жившая въ Галицкой области и не выдавшая Самозванца царемъ, утверждать что вступилъ на престолъ и погибъ дѣйствительно ея сынъ? Она могла сказать только объ Отрепьевѣ въ его юности, о чертахъ лица его и т. п. Потому-то ни Годуновъ, ни Шуйскій не ссылаются на свидѣтельство матери Отрепьева.

Но если Отрепьевы не могли выступить обвинителями перваго Самозванца, все-таки отъ нихъ можно было допытаться болѣе подробныхъ свѣдѣній о Григоріи Отрепьевѣ до его бѣгства за границу. Этихъ-то свѣдѣній мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Какъ правительство Шуйскаго, такъ и правительство Михаила Федоровича какъ бы умышленно избѣгали уясненія этого вопроса; по крайней мѣрѣ попытки ихъ уяснить этотъ вопросъ остались неизвѣстны. Въ сказаніи Массы и Авраамія Палицына есть указаніе что попытки эти были, но почему-либо признано нужнымъ умолчать объ нихъ.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ предположенію, которое многое можетъ объяснить въ исторіи перваго Самозванца. Григорій Отрепьевъ не былъ сынъ Богдана Отрепьева, но лобочный сынъ какого-либо знатнаго лица, приписанный къ семейству Отрепьева чтобы дать ему имя. Что такое свѣдѣніе было у правительства, видно изъ словъ Де-Ту что Борисъ требовалъ отъ Сигизмунда выдачи живымъ или мертвымъ мнимаго Дмитрія, незаконнорожденнаго сына поповскаго. Грамоты Бориса подобнаго содержания не дошло до насъ, но Де-Ту историкъ осмотрительный, и занося въ свою записку это извѣстіе, оцѣнилъ, безъ сомнѣнія, какое-нибудь свѣдѣніе заслуживающее довѣрія. У Баренцо-Барренци также говорится: * Борисъ утверждалъ что Дмитрій сынъ священника и обманщикъ. Этомъ этого же извѣстія, по нашему мнѣнію, служатъ сказанія Буссова и Маржерета о двойствѣ, такъ - сказать, Отрепьева. Этимъ объясняется и то, почему не хотѣли выяснять свѣдѣнія объ Отрепьевѣ въ его юности. Отсутствие этихъ свѣдѣній оставило въ некоторую печать таинствен-

* Чт. Общ. Ист. и Др. 1847. № 5, отд. 3, стр. 8.

ности на происхожденіи Лжедмитрія. Съ дѣтства онъ жилъ при боярскихъ домахъ, частію Бориса Черкаскаго, частію Романовыхъ, которыхъ имѣніе Домкино находилось въ волости Борокъ или близъ нея, верстахъ въ двадцати отъ монастыря Іоанна Предтечи что на Желѣзномъ Борку. Въ юности онъ получилъ образованіе гораздо высшее нежели какое могъ получить сынъ стрѣлецкаго сотника. Хронографы признаютъ и его образованность и его быстрыя способности, такъ что только наученіемъ отъ бѣса находятъ возможнымъ объяснить его познанія. * Изъ всего можно заключить что принявшій имя Григорія Отрельева былъ избалованный мальчикъ, живой и воспріимчивый, знавшій о томъ что онъ не сынъ Отрельева, хотя, можетъ-быть, и не знавшій кто именно были его родители. Недовольство своимъ положеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлительность характера побудили его, подъ вліяніемъ наставленій Трифона Вятскаго **, извѣстнаго своею подвижническою жизнью и по смерти причтеннаго къ лику святыхъ, принять постриженіе въ монашество. Трифонъ Вятскій, какъ можно заключать по жалованнымъ грамотамъ даннымъ по его ходатайству, приходилъ въ Москву въ 1588, 1589, 1595 и 1597. *** Отправляясь въ Москву изъ имѣнія Строганова, гдѣ нерѣдко бывалъ Трифонъ, онъ долженъ былъ проходить мимо Желѣзно-боровскаго монастыря и имѣнія Романовыхъ, и Отрельевъ тутъ могъ съ нимъ встрѣтиться. Трифонъ постригъ Отрельева, вѣроятно, въ 1595 году; потому что Отрельевъ до постриженія услѣлъ уже ложить у Романовыхъ Никитичей, слѣдовательно не смерти ихъ отца, бывшей въ 1586 году; и Трифонъ архимандритомъ Вятскаго монастыря поставленъ былъ уже отъ патріарха Іова, слѣдовательно послѣ 1589 года. Этимъ приблизительно опредѣляется и возрастъ Отрельева, и опровергается извѣстіе Маржерета, которое онъ называетъ доказаннымъ, что разстригъ Отрельеву въ 1605 году должно быть отъ 35 — 38 лѣтъ. Предположивъ постриженіе 14лѣт-

* *Собр. госуд. грам. и дог.* Т. 2, стр. 214.

** Нѣкоторымъ казалось несообразнымъ съ честью Трифона Вятскаго постриженіе имъ въ монахи Отрельева, а потому Новый Лѣтописецъ говоритъ: не вѣмъ отъ кого пострижемъ.

*** *Житіе преп. Трифона.* Казань 1868.

ного Отрельева, въ 1595 и 1605 годах мы должны считать ему 24 года, что сходится съ показаніемъ Маржерета о годахъ Самозванца, которому въ 1605 году даетъ онъ 24 году. Если же отвести постриженіе его къ 1589 году, то и тогда Отрельеву было бы только 30 лѣтъ; эти года Самозванцу при его вступленіи на престолъ даетъ Буссовъ. Имѣетъ значеніе и то обстоятельство что передававшіе извѣстіе о постриженіи Отрельева Трифоновъ Вятскимъ не находятъ никакой хронологической несообразности утверждать что этотъ Отрельевъ былъ первымъ Лжедмитріемъ. Это одно обличаетъ несостоятельность возраженій г. Бицына противъ личности первого Лжедмитрія, заимствованныхъ изъ извѣстія о постриженіи его Трифоновъ. *

Монашество не дало покоя подвижной натурѣ Отрельева. Подъ вліяніемъ первого лорыва юношескаго благочестія, возбужденнаго бесѣдой съ Трифоновъ, онъ можетъ-быть искалъ строгой иноческой жизни и не находя ея переходилъ изъ монастыря въ монастырь. Онъ наконецъ оставался въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ удостоивается сана діакона, и патріархъ, замѣтя его смышленость и хорошей почеркъ, беретъ его къ себѣ для занятія писемными дѣлами. Сохранилось сказаніе что живя въ Москвѣ Отрельевъ часто приходилъ къ князю Черкасскому Борису и былъ чтимъ и любимъ его сыномъ Ивановъ. **

Карамзинъ пишетъ: „Пользуясь милостію Иова, Отрельевъ часто съ нимъ ѣздилъ и во дворецъ: видѣлъ лышность царскую и лѣвлялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ, когда въ искреннихъ тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Дмитрія Царевича;

* По житію Трифона видно что онъ еще былъ въ Москвѣ въ 1607 году, когда князю Воротынскому предсказалъ о рожденіи у него чрезъ годъ сына Алексѣя, на крестинахъ котораго, какъ гласитъ молва, отравленъ Скопинъ - Шуйскій. Можетъ-быть Трифона вызывали чтобъ отобрать у него свѣдѣніе о постриженіи Отрельева.

** „Сказаніе еже содѣяся въ царств. градѣ Москвѣ.“ *Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс.* 1847, № 9й стр. 4. Это свѣдѣніе составитель сказанія получалъ вѣроятно отъ князя Ивана Борисовича Черкаскаго и оно можетъ быть признано сильнымъ доказательствомъ того что первый Лжедмитрій былъ Григорій Отрельевъ. Только лосѣщенія эти нужно относить уже къ тому времени когда Отрельевъ жилъ въ Чудовѣ.

вездѣ гдѣ могъ вывѣдывалъ обстоятельства судьбы несчастной и записывалъ на хартии. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя,—мысль что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ умиляемыхъ памятью Димитрія, и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу. Юный діаконъ читалъ російскія лѣтописи и нескромно, хотя въ шутку, говаривалъ иногда чудовеснымъ монахамъ: „знаете ли что я буду царемъ въ Москвѣ?“

Отвѣтить на вопросъ, какъ родилась у Отрепьева мысль выдать себя за Царевича Димитрія, можно только предположеніями и указаніемъ на аналогическія явленія. Исторія Емельки Пугачева можетъ служить объясненіемъ исторіи Гришки Отрепьева. Пугачевъ работаетъ у Кожевникова вмѣстѣ съ солдатомъ который проговорился какъ-то Кожевникову что Пугачевъ похожъ на покойнаго государя Петра III. Кожевниковъ сказалъ Пугачеву: „слушай, другъ мой, если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то на это рѣшиться одному невозможно; хочешь ли начать лучшее намѣреніе? Здѣсь есть люди которые находятъ въ тебѣ подобіе съ Петромъ III, прими на себя это званіе и лоди на Яикъ. Я точно знаю что Яиккіе казаки теперь притѣснены, объявись тамъ подъ симъ высокимъ названіемъ государя и подговаривай ихъ бѣжать съ собою, и вотъ сей солдатъ скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять что ты подлинно государь и онъ тебя знаетъ, а народъ простой всему повѣритъ“.* И Емелька Пугачевъ назвался Петромъ III. Что можетъ быть каррикатурнѣе безграмотнаго казака въ концѣ XVIII вѣка, принявшаго на себя имя Русскаго императора? Но онъ взволновалъ огромныя массы; графъ Панинъ въ интимныхъ письмахъ выражалъ даже опасеніе что Москва пристанетъ къ нему. Свое дѣло Пугачевъ велъ съ удивительною самоувѣренностью; ничто его не смущаетъ. Съ серіознымъ видомъ принимаетъ онъ привесенные ему будто бы отъ великаго князя Павла Петровича подарки; встрѣтивъ свою прежнюю жену Софью, онъ объявляетъ что это жена его друга Емельяна Пугачева, у котораго онъ нѣкоторое время скрывался.

* Русск. Стар. 1876, авг., стр. 611.

Если мы соберемъ нѣкоторыя отдѣльныя историческія указанія на то какъ выступилъ на поприще самозванства Отрельевъ, то увидимъ сходство съ исторіей Пугачева.

Въ Исторіи Московской Милтона говорится что Отрельевъ основалъ свои надежды на всеобщемъ ловѣрѣ Русскихъ, что молодой Дзедимірій не былъ умерщвленъ, но скрытъ. * Оларій, пишетъ: Гришка Отрельевъ будучи взрослымъ юношей со смѣтливимъ умомъ, началъ это дѣло по внушенію одного стараго, хитраго и богатаго чернца. Самозванецъ указывалъ на бородавку подлѣ носа и на то что одна рука у него была короче другой, какъ на доказательство что онъ былъ Дзедимірій Царевичъ. Имѣлъ ли эти признаки Дзедимірій Царевичъ истинный—мы не знаемъ; но не встрѣчаемъ вида свѣдѣтельства и о томъ чтобы онъ ихъ не имѣлъ. Въ Горлицкомъ женскомъ монастырѣ Новгородской епархіи есть икона Царевича Дзедимірія, приславная его матерью Марейю Ѳеодоровной. Разсматривавшій эту икону графъ М. В. Толстой говоритъ что она на холстѣ изображаетъ одишь ликъ; тѣло приписано послѣ на доскѣ, къ которой приклеенъ этотъ холстъ. Можетъ-быть это портретъ Царевича, который Марья Ѳеодоровна показывала послѣ гибели Дзедимірія; но портретисты не имѣютъ обычая писать на лицѣ бородавки. Если же у Самозванца эти признаки дѣйствительно были общи съ Царевичемъ, то одно указаніе на нихъ могло уже возродить мысль о самозванствѣ въ молодомъ человекѣ, который привыкъ уже такъ-сказать къ роли самозванца, нося чужое имя, и въ характерѣ своемъ имѣлъ много наклонности и способности къ смѣлымъ приключеніямъ. Можетъ-быть рѣчи, что Отрельевъ похожъ на Дзедимірія Царевича и что худо бы пришлось Годунову, еслибы Дзедимірій былъ живъ,—рѣчи очень естественныя въ домѣ Романовыхъ и Черкасскихъ, говимыхъ Годуновымъ, и родили у Отрельева мысль назваться Царевичемъ. Въ то время въ Молдавіи явилось нѣсколько самозванцевъ, которые находили себѣ поддержку въ казакахъ; Отрельевъ слѣдовательно имѣлъ и примѣръ въ виду, и указаніе, гдѣ искать содѣйствіе своей затѣѣ. По духу тогдашняго времени могъ онъ искать отвѣта объ успѣхѣ своего дерзкаго предпріятія въ гаданіяхъ разнаго рода, столь обычныхъ тогда и у

* „Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн.“ 1874 г., ч. 3, отд. IV, стр. 26.

царственныхъ особъ. Благопріятныя, по его мнѣнію, указанія рѣшили его выступить на поприще самозванства. Не безъ причины же сохранились сказанія о томъ что онъ занимался черноквижествомъ и волшебствомъ, до бѣгства въ Польшу и въ Польшѣ, уже объявивъ себя Димитріемъ Царевичемъ, онъ также обращался къ гаданію. Геркманъ пишетъ: * „Димитрій, занимаясь въ особенноти астрологіей или искусствомъ предсказывать будущее по звѣздамъ, пристрастился къ сей наукѣ, принималъ многихъ астрологовъ и гадателей и совѣтовался съ ними о началѣ и исходѣ предпринимаемой имъ войны. Они увѣряли его что онъ безъ боя и сопротивленія достигнетъ власти.“ Въ послѣдствіи на разныя предостереженія противъ заговоровъ онъ отвѣчалъ что ему предсказано царствовать тридцать четыре года. ** Пребываніе въ Москвѣ польскаго посла Льва Салѣги совпадаетъ съ тѣмъ временемъ когда Отрельевъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ и состоялъ дякомъ при патріархѣ Іовѣ. Онъ могъ войти въ сношеніе съ Поляками и убѣдиться что въ Польшѣ можетъ найти себѣ поддержку. Этими отношеніями могутъ быть объяснены и слухи доходившіе до Массы и Буссова что Лжедимитрій былъ въ Москвѣ съ посольствомъ Салѣги. Такъ или иначе, но неумовный успѣхъ сопровождалъ дѣло Самозванца. Едва онъ бродяга - монахъ назвалъ себя Царевичемъ, какъ знатныя польскіе ланы признають его въ этомъ достоинствѣ, съ почестью принимаетъ король Польскій и оказываетъ ему помощь и вліяніемъ и деньгами; римскій первосвященникъ принимаетъ его подъ свое покровительство; могущественный орденъ іезуитовъ оказываетъ ему горячее содѣйствіе; воинственные казаки предлагаютъ свои дружины. Отовсюду онъ получаетъ помощь деньгами и людьми, отъ людей Московскаго царства слышитъ онъ призывы съ обѣщаніемъ. Единственнымъ условіемъ его дальнѣйшаго успѣха было выказывать увѣренность въ своихъ правахъ за Московскій престолъ. Это было необходимое условіе самозванства. Притомъ ему и трудно было бы воротиться назадъ; съ его судьбой связана была судьба многихъ приставшихъ къ нему, которые въ

* Массы и Геркманъ 272.

** Повѣствуя бо о себѣ океанныи (растрига), яко тридцать и четьре лѣта царствовати имать. Карамз. т. XI, пр. 438.

своихъ интересахъ не позволили бы ему воротиться назадъ, и ему оставалось только идти впередъ. Да и терять ему было нечего, даже въ случаѣ неуспѣха предпріятія,—за нимъ оставалась честь претендента на престолъ. Нельзя сказать чтобы Отрельевъ съ полною выдержкой игралъ свою роль. Одну неудачу встрѣтилъ онъ при Добрыничахъ и отъ нея потерялъ было вѣру въ успѣхъ своего предпріятія. Въ этомъ случаѣ онъ показалъ менѣе отважности и самоувѣренности нежели Пугачевъ, который многократно терпя пораженіе, опять съ бодрымъ духомъ принимался за свое предпріятіе, собиралъ людей и шелъ впередъ. Отрельевъ принужденъ былъ остаться въ Россіи съ своими соучастниками; но прибытіе Корелы выручаетъ его, послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ смерть Бориса Годунова подготовила переходъ всего русскаго войска на его сторону. Москва отдается ему безъ сопротивленія; всѣ враждебныя ему лица гибнутъ или изгоняются изъ Москвы. Не одна Москва, но и все Московское государство безпрекословно присягаетъ ему какъ царю.

Успѣхъ долженъ былъ внушить увѣренность Самозванцу въ счастливой своей звѣздѣ. Казалось, Провидѣніе приняло его подъ свое покровительство и довело его до престола Русскаго. Когда Янъ Бучинскій предостерегалъ его отъ Шуйскихъ Лжедмитрій говорилъ: „Я крѣпко уловаю на Бога, какъ Онъ меня сначала на руки Свои взялъ въ молодости, такъ и до конца въ своемъ бреженьи Божескомъ будетъ беречи“.*

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПЕТРЪ КАЗАНСКІЙ.

* Собр. Гос. Гр. и дог. 72, стр. 261.

ВОСПОМИНАНІЯ КРѢПОСТНАГО

1800—1868

(ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ)*

ІХ.

Вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ Москвы, нашъ помѣщикъ вдругъ лишетъ приказъ въ вотчину чтобы немедленно собрать оброкъ за два года впередъ и деньги внести полностью въ Московскій Олехунскій Совѣтъ, пожертвованіемъ на какое-то, ужъ не помню, благотворительное дѣло; а кто не уплатитъ сполна, того сдать въ солдаты, съ тѣмъ чтобы за такого уплатилъ другой, кто побогаче, и тѣмъ освободилъ себя и семью отъ будущей рекрутчины.

На сходкѣ прочитали приказъ, потолковали, померекали и сдѣлали раскладку сколько съ кого взять: какъ ни плохо житье крестьянское, никому не хотѣлось тогда быть солдатомъ, всякій тянулся, тащилъ свою долю. На меня наложили сто рублей. Наличныхъ было у меня рублей семьдесятъ; матушка дала тридцать изъ своихъ, а чтобы было чѣмъ продолжать торговлю, продала свою жемчужную нит

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, № 7.

ку за сто-двадцать и отдала выручку мнѣ. Эти деньги меня какъ будто оживили. Повель я дѣло бойче, такъ что пріобрѣлъ даже посторонній кредитъ и купилъ себѣ лошадедку. Зимой по обычаю возился я со льномъ и пряжей, на лѣто же снялъ садъ съ яблоками. И такъ удачно это вышло что въ два мѣсяца заработалъ съ товарищемъ, съ которымъ былъ пополамъ, восемьсотъ рублей чистыми.

Тутъ помѣщикъ олять лишетъ бурмистру: выбрать четырехъ человѣкъ самаго высокаго роста, не старше двадцати лѣтъ, способныхъ ѣздить на заляткахъ за каретой, да четырехъ красивыхъ дѣвушекъ не старше восемнадцати, и всѣхъ сихъ людей лично привезти къ барину въ Петербургъ....

Приказъ, какъ водится, прочитали сходкѣ; перечить никто не посмѣлъ, хотя всѣ были огорчены, особенно у кого молодые сыновья и красавицы-дочери. Родительница моя, тоже услугавшись за меня, заворчала: „Старый грѣховникъ! по лѣтамъ-ли ему такъ баловаться! А чтѣ если и тебя, Саушка, по сиротству возьмутъ въ эти проклятые гайдюки?... Я не вытерплю, брошу домъ, полетусь съ тобою въ Питеръ, буду кланяться, просить чтобъ отпустили тебя ради отца твоего, которымъ баринъ хвалился предъ своими лизоблюдами. Коли же не сжалятся, кошкой кинусь ему въ глаза. Суди меня Богъ и Царь! Я мать!“

Въ такомъ азартѣ никогда не видалъ я матушки. Не могъ выдержать, залакалъ и сталъ потихоньку утѣшать ее, говоря: „Бурмистръ, старый пріятель покойному тятенькѣ, не обидитъ насъ, не выдастъ; а притомъ на селѣ много молодцовъ выше меня ростомъ.“

— Эхъ, Саушка, возговорила матушка, — помнятъ люди пріязнь! Развѣ вотъ чтѣ тебя спасетъ: у бурмистра племянница; слышно прочить ее за тебя....

Бурмистръ между тѣмъ совѣтовался въ домѣ вотчиннаго правленія со старшинами, изъ какихъ семей взять молодцовъ и дѣвушекъ. Сказывали потомъ что и я былъ назначенъ, но онъ своеручно вычеркнулъ меня изъ списка. Другихъ же молодцовъ и дѣвушекъ отцы сколько его ни угощали, нѣкоторымъ пришлось поплакать при разставаньи, особенно матерямъ за участь дѣвичей красы.

Въ обычныхъ хлопотахъ время шло своимъ чередомъ до 1818 года. Подходила весна. Тутъ матушка олять стала

говорить о женитьбѣ, требуя уже настоятельно, и хотя предоставляя выборъ мнѣ, однако намекая что связь родственная для нашего сиротства необходима. Въ мои лѣта я не имѣлъ еще наклонности къ женитьбѣ; все же обѣщаль, а о невѣстѣ просилъ дать мнѣ подумать.

Черезъ малое время прѣвхаль въ село Великое одинъ тоже нашъ крестьянинъ, Петръ Ивановичъ, но который около тридцати лѣтъ уже былъ главнымъ караваннымъ прикащикомъ при славѣ на баркахъ изъ сибирскихъ заводовъ къ Петербургу до полумилліона пудовъ господскаго желѣза ежегодно, и проживалъ въ своей семьѣ не болѣе мѣсяца въ году. Петръ Ивановичъ слылъ добрымъ человекомъ и честнымъ; подчиненные служители любили его какъ отца, самъ помѣщикъ уважалъ его и величалъ всегда, лично и въ письмахъ, не иначе какъ „Петромъ Ивановичемъ“; а въ селѣ всѣ кланялись ему въ поясъ. Покойный мой родитель дружилъ съ нимъ, и какъ была у него дочь, всего одна, то часто говаривали: „быть намъ сватами, если Богъ благословитъ“. На дѣвушку эту, годомъ помоложе меня, я самъ частенько засматривался, вмѣстѣ мы гуляли лѣтомъ, зимой катались на горахъ: но въ теперешнемъ моемъ состояніи не смѣлъ надѣяться на согласіе ея стариковъ....

А все-таки думалось...

Въ бытность тогда на селѣ Петра Ивановича, иду я разъ мимо ихъ каменнаго дома, вдругъ отворяется окно и меня зовутъ. Вхожу, глядь—тамъ матушка, и Петръ Иванычъ говоритъ что все уже ими замѣчено и рѣшено, что, по моей робости а ея вдовству, самъ онъ предлагаетъ упрочить старое знакомство родствомъ.

Такъ мы веселымъ пиркомъ да и за свадебку.... Тесть мой, добрый человекъ, крѣмъ приданаго, тогда же далъ мнѣ тысячу рублей ассигнаціями на торговлю.

X.

Женитьба въ восемнадцать лѣтъ по мѣстному тогда нашему обычаю была ничуть не диво, но странно кажется мнѣ теперь то, что съ малолѣтства бывъ скромнымъ и покорнымъ мальчикомъ, вдругъ я почувствовалъ въ себѣ противоположную перемѣну, точно получилъ какое-то особое право. То ли было причиной что я имѣлъ въ своихъ

рукахъ тысячу рублей, а лодь бокомъ богатаго тестя, или такъ ужъ это въ порядкѣ вещей, что когда человекъ женился значитъ самъ сталъ на ноги,—только я очутился со всѣмъ въ другой колесъ, и началась въ моей головѣ работа. Одна думка смѣнялась другою, каждый день рождались новые планы, въ воображеніи моемъ рисовалась будущность такая отрадная и гладкая какъ будто все отъ одной моей воли зависѣло. Одно слово: во чтѣ бы то ни стало я рѣшилъ непремѣнно добиться той степени на которой стояли мой дѣдъ и родитель. Примѣръ ихъ до той поры хранился въ моей памяти неподвижно, тутъ же вдругъ послужилъ начальнымъ поводомъ къ развитію природнаго честолюбія, которое тогда какъ погонялка вынуждало меня безъ оглядки бѣжать впередъ.

Правда, не было и большого труда расширить кругъ своей торговли; всѣ выгодныя условія были на моей сторонѣ, практика минувшаго времени дала достаточныя познанія въ качествахъ товаровъ; я зналъ хорошо, когда и гдѣ чтѣ лучше купить, а при продажѣ взялъ за правило пользоваться самымъ малымъ барышомъ, лишь бы расположить къ себѣ покупателя и тѣмъ достигнуть частаго оборота.

Увеличивъ свою дѣятельность, при скромномъ поведеніи, я добылъ себѣ кредитъ, такъ что если бывало иногда при покупкѣ товара нѣтъ наличныхъ,—развѣ половину требуютъ, остальную охотно довѣряютъ на срокъ безъ наклада. И до того возрасло ко мнѣ довѣріе, что наконецъ о деньгахъ и рѣчи не было при уговорѣ. Я же всегда хранилъ слово, вѣсь и мѣру держалъ справедливо, и при расчетѣ не прижималъ.

Такъ успѣшно продолжалось до 1820 года, однако наличный мой капиталъ увеличился лишь немногими сотнями, оттого что понадобились кое-какія перестройки въ домѣ и прибавка домашнихъ вещей. Матушка сначала крѣпко на меня взѣлась: все ей казалось что я расширяю торговлю не по силамъ, и притомъ тѣвдалась на излишній прѣчивъ прежняго домашній расходъ, особенно когда случалось угощать нужныхъ постороннихъ людей. Упреки ея само-собой были не такъ-то пріятны, но я удерживался отъ прѣтворючія и продолжалъ вести дѣло по-своему, какъ владѣлъ.

Въ ту пору наѣхалъ къ намъ на село мужъ одной изъ наслѣдницъ покойнаго помѣщика, военный генералъ А. съ

супругой. Приняли ихъ какъ слѣдуетъ, а они собрали сходку, и баринъ держалъ рѣчь:

— Надо намъ, ребята, впередъ быть исправнѣе. Пора переговорить съ вами. Напримѣръ, со всего села получается нами оброку въ годъ только двадцать тысячъ. Покойный батюшка, отецъ жены, много лѣтъ давалъ вамъ льготу, да и мы послѣ него продолжали лоблажать вамъ два года: ожидали что вы будете признательны и сами увеличите платежъ по телерешимъ цѣнамъ. Богъ съ вами за прошлое, но вы должны чувствовать нашу ласку, и за нее впередъ намъ постараться.

Бурмистръ и старшины всѣ съ поклономъ отвѣчаютъ что де очень вамъ благодарны за все, молимъ Бога о вашемъ здравіи и чтимъ память вашего лаленьки.

На это баринъ, улыбувшись, сказалъ:

— И это, старики, не худо. Спасибо за память. Но не забывайте что намъ нужны теперь деньги. Мы не хотимъ увеличивать оброкъ, а вотъ что сдѣлаемъ. Соберите намъ одновременно двѣсти тысячъ рублей, мы же въ теченіе десяти лѣтъ не будемъ ничего съ васъ требовать. Какъ вы люди все зажиточные, исполнить наше желаніе вамъ не трудно. А? Что скажете?

И съ такимъ неожиданнымъ вопросомъ обернулся къ сходкѣ.

Всѣ до того были озадачены, что ни слова не выговорили. Баринъ, принимая молчаніе за знакъ согласія, говоритъ:

— Такъ вы исполните какъ сказано? да?

И тутъ никто не отвѣчаетъ.

Баринъ снова повторяетъ:

— Смотрите же, мужички, чтобы внесено было исправно!

— Нѣтъ, батюшка, не можемъ!

Этакое слово вдругъ само сорвалось съ моего языка, и въ ту жь минуту изъ разныхъ мѣстъ посылалось какъ изъ ящика. Одинъ говоритъ: „Нѣтъ, кормилецъ, шутка ли собрать двѣсти тысячъ! Гдѣ мы ихъ возьмемъ!“ Другой кричитъ: „Мы какіе зажиточные, часто нуждаемся въ рублѣ.“

— А дома-то смотри какіе настроица, усмѣхнулся баринъ.

Тутъ ему загадѣли:

— Дома, что дома. Это нашъ кормъ. Мы не хлѣбопашцы. Земли у насъ на тысячу триста душъ тысяча-сто-тридцать десятинъ. Питаемся промысломъ, платимъ оброкъ бездомочно. Чего еще!

И поднялся шумъ.

Услышавъ такой рѣшительный отказъ, баринъ, должно-быть подумавъ „что мнѣ съ этими дураками толковать“, посмотрѣвъ на насъ, опять улыбулся, повернулся, взялъ барыню подъ ручку, приказалъ бурмистру изготовить карету подавать лошадей, и сейчасъ уѣхалъ въ Ярославль.

У насъ было отлегло, но не долго порадовались. Наслѣдники получили изъ гражданской палаты свидѣтельство что такое-то ихъ имѣнiе не состоитъ подъ запрещенiемъ, и вся вотчина была заложена въ Олекунскiй Совѣтъ, а получено денегъ за тысячу триста ревизскихъ душъ по двѣсти пятьдесятъ рублей за душу, всего триста двадцать пять тысячъ ассигнаціями, на двадцать-пять лѣтъ. Черезъ два мѣсяца вновь собрали сходку, и тогда уже безъ околичности прочитанъ господскiй приказъ, въ которомъ на чистоту сказано:

„По случаю займа въ Олекунскомъ Совѣтѣ трехсотъ-двадцати-пяти тысячъ на двадцать пять лѣтъ, процентовъ и погашенiя долга требуется около тридцати тысячъ въ годъ, которые поставляется въ непрѣмънную обязанность вотчиннаго правленiя ежегодно собирать съ крестьянъ, кромѣ прежняго оброка въ двадцать тысячъ; и весь годичный сборъ пятьдесятъ тысячъ разложить по усмотрѣнiю нарочно выбранныхъ людей, съ тѣмъ чтобы недоимокъ ни за кѣмъ не числилось, въ противномъ случаѣ, подъ отвѣтственностью бурмистра, неплательщики будутъ, молодые—безъ очереди еданы въ солдаты, а негодные на службу—отосланы на работу въ сибирскiе желѣзные заводы.“

XI.

Въ безмолвной тишинѣ, прерываемой вздохами, окончилось чтенiе грознаго приказа...

Въ этотъ моментъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ я прискорбность своего крѣпостнаго состоянiя! Тогда въ неолытномъ моемъ понятiи въ первый разъ представилась ужасный вопросъ: „Что же такое мы?!“ Крѣпко рвало мое сердце, повуждая меня высказаться, но посмотрѣвъ вокругъ на грустныя лица и слыша одинъ только

робкій шелоть, я услѣлъ удержать и затаить въ себѣ свой порывъ.

Нечаянность эта и не одного меня ошеломила; такой огромный налогъ всѣхъ устрашилъ до крайности. Казался онъ намъ и незаконнымъ. Но что же было дѣлать? Въ то время подавать жалобы на господъ крестьянамъ строго воспрещалось; самовольно отказываться отъ платежа—значило только олозорить себя званіемъ бунтовщиковъ; заупрямившись—подвергнуться тяжкому наказанію и военной экзекуціи, которая разорить въ конецъ. Сходка окончилась тѣмъ что въ платежъ требуемаго мы составили на самихъ себя по формѣ приговоръ, согласно полученному приказу, возлагая надежду на помощь Божію. Никому вѣдь не хотѣлось лишиться родины: лучше отказаться отъ праздничнаго куска, лишь бы избавиться отъ опалы. Утѣшеніемъ послужило то что не стѣсняется хоть свобода наша въ промыслахъ.

При всей общей тяжести, наша семейная жизнь, благодаря Всевышняго, не впадала въ крайность; торговля моя шла своимъ порядкомъ, не было нужды въ продовольствіи, и маложенный на меня оброкъ, около двухсотъ рублей ассигнаціями, всегда я платилъ своевременно. Только все раздумывалъ: какъ же это баринъ съ нами поступилъ? И сталъ приглядываться, чего доселѣ не приходило въ голову, къ окрестному крестьянскому быту.

ХІІ.

Вышло что намъ еще ничего.

Былъ у насъ не очень дальній сосѣдъ, Иванъ Ивановичъ **, кутила первой руки, охотникъ до красотокъ изъ города. Жилъ онъ постоянно въ деревнѣ, деньги съ крестьянъ бралъ безъ счета и безъ опредѣленной мѣры: какъ потребуетъ—неси, не то порка.

Такъ этоть, пожилой уже баринъ, своихъ крѣпостныхъ обиралъ да поролъ за дѣло и безъ дѣла, пока тѣ наконецъ взбѣленились и полѣзли на стѣну... Иванъ Ивановичъ видитъ что дѣло плохо, и поладилъ съ мужиками: выкатилъ имъ два боченка водки, лобожился что впередъ не обидитъ. Народъ и тому радъ. Только какъ былъ Иванъ Ивановичъ большой волокита, то въ шутку и приударъ онъ по близе-

сти за одною барышней небогатаго семейства. Тамъ смекнули что гуся этого хорошо бы заманувъ изловить, до поры до времени смотрѣли на его шалости сквозь пальцы, да потомъ застучали молодца и принудили жениться. А какъ въ молодости своей Иванъ Ивановичъ успѣлъ надѣлать столько долговъ что никогда не могъ ихъ уплатить, дѣла его экономіи были плохи, съ крестьянъ же взять уже нечего, то по совѣту тестя занялъ онъ въ Олекунскомъ Со-вѣтѣ подѣ залогъ тысячи двухсотъ душъ не знаю сколько-то, что-то много.

Дымъ пошелъ коромыслою: гости да въ гости, нужно и въ городѣ ложить, экилажи, вечера, экипировка, — на все подавай деньги; только на хозяйство ихъ не хватаетъ: хозяйство и осталось попрежнему. За пять лѣтъ проценты и погашеніе вылатили, потомъ весь долгъ и сѣлъ, какъ у насъ, на шею крестьянъ, не имѣвшихъ нашихъ промысловъ.

Это еще человѣкъ не злой, а только баловень, безлечный вѣтрогонъ и дрянной хозяинъ. Другой сосѣд инаго цвѣту, Левъ Петровичъ ***, древняго боярскаго рода, владѣлецъ трехсотъ душъ и многихъ отхожихъ лѣсныхъ дачъ. Въ молодости онъ гдѣ-то служилъ, дослужился до провинціального секретаря, терся около знати, искусно передергивалъ карты, такими продѣлочками нажилъ себѣ порядочное количество билетовъ Сохранной Казны, женился и поселился въ своемъ сельцѣ *. Несчастливая жена его, замученная жестокимъ обращеніемъ, на третій годъ померла, оставивъ сына Леонида Львовича, который въ подросткахъ еще не поладилъ съ отцомъ, уѣхалъ въ городъ къ теткѣ и тамъ въ посаждствіи нащелъ себѣ невесту.

Послѣ смерти жены Левъ Петровичъ мало того что все полевалъ и выгонялъ мужиковъ своихъ на облаву, но вынуждалъ всѣхъ молоденькихъ крестьяночекъ чередоваться у него ночнымъ дежурствомъ, за осдушаніе же наказывалъ розгами или на цѣлый мѣсяцъ надѣвалъ на шею желѣзную рогатку.

Крестьяне вышли наконецъ изъ терпѣнія и чрезъ близкихъ барину псарей объявили что имъ не въ моготу, и что если грѣхъ будетъ продолжаться, то найдутъ на него свою расправу.

Сначала Левъ Петровичъ было погорячился, хотѣлъ всѣхъ передрать, но раздумавъ что лѣтъ подѣ рукой надежныхъ людей и, чего добраго, самому достанется, какъ былъ при-

мѣръ въ Переяславльскомъ уѣздѣ, гдѣ мужики втихомолку добравшись до барина съ барыней оставили ихъ еле-живыхъ. Ночныя дежурства прекратились, а женился онъ во второй разъ не на дворянкѣ: никто не выдалъ бы за него свою дочь, не взирая на капиталъ его, и ни одна благородная дѣвица не позарилась бы на него, черномазаго, у котораго всего разговору было только что любимая его поговорка: „охъ, дѣла дѣланскія, земля землянская, народъ все христіанскій“.

За деньги черезъ усаужливыхъ негодяевъ обвѣнчался онъ на городской мѣщаночкѣ. Эту жалкую жертву привезъ въ свою усадьбу, засадилъ въ тѣсный флигелекъ, и несчастная томилась тамъ около пятнадцати лѣтъ, подаривъ мучителю двухъ сыновъ.

Левъ Петровичъ между тѣмъ, оборвавшись на дежурствахъ, долекалъ своихъ крестьянъ по хозяйству. Экономическая залашка его была не такъ-то велика и мужикамъ не лиха бѣда ее обработать, но онъ изнурялъ ихъ другими тягостями: рубкой въ лѣсныхъ дачахъ дровъ и отправкой слишкомъ за двадцать верстъ въ городъ; лоборомъ деньгами и льномъ; каждой бабѣ опредѣлялъ, зимой—спрясть столько-то талекъ, лѣтомъ—выткать и выбѣлать столько-то аршинъ полотна, набрать столько-то фунтовъ грибовъ и вишенъ; каждой семьѣ—принести столько-то яицъ и масла. Сверхъ того, ни одна свадьба не могла состояться безъ разрѣшенія Льва Петровича, за которое—особая подать деньгами, льномъ и домашнимъ холстомъ. И такой онъ былъ мастеръ своего дѣла, что увидить у крестьянъ удачный всходъ льна, замѣтитъ себѣ, а когда продадутъ—у всѣхъ по одиночкѣ отберетъ полученную выручку, подъ предлогомъ что „на сохраненіе“, приговаривая: „ты дуракъ прольешь, у меня цѣлы будутъ“. Иной ломается, выставляетъ нужду—лошаденку купить, или что-нибудь для домашняго обихода: „Потеряешь деньги, канала, говоритъ Левъ Петровичъ, а понадобится лошадь—я дамъ“. Или просто скажетъ: „Болванъ! видно захотѣлось березовой каши“.

Ну словомъ, крестьяне дошли до того что ужъ не радѣли о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, „потому что все равно—Левъ Петровичъ узнаетъ и себѣ возьметъ“. Ябедникъ тоже былъ онъ исправный, такъ что его опасались и лосторонніе люди. Изъ многихъ штукъ приведу одну.

Былъ у него не молодыхъ лѣтъ крестьянинъ-бобыль. Этотъ человекъ держался раскола, часто ходилъ „странникомъ“, и проживалъ иногда по близости въ одномъ селѣ у своихъ одновѣрцевъ. Взять съ него было нечего, такъ вотъ какую придумалъ Левъ Петровичъ канитель. Подалъ онъ въ земскій судъ явочное прошеніе, что „такой-то его крестьянинъ Иванъ Кондратьевъ такого-то числа и мѣсяца скрылся неизвѣстно куда“, тогда какъ ему очень вѣдомо было, что онъ то дома по избамъ таскается, то гоститъ у своихъ одновѣрцевъ, которые принимая его не могли считать бѣглымъ, такъ какъ знали его родину въ шести всего верстахъ отъ себя и вѣдали что онъ ее не покинулъ, а бродитъ себѣ промежъ ней и ими. Прошло послѣ явочнаго прошенія не мало времени. Иванъ Кондратьевъ все ходитъ взадъ и впередъ, изъ села къ одновѣрцамъ; вдругъ подаетъ Левъ Петровичъ въ тотъ же земскій судъ прошеніе, что „бѣглый его крестьянинъ такой-то укрывается тамъ-то“, и проситъ „произвести обыскное слѣдствіе“.

Командировали чиновника, схватили Ивана Кондратьева въ самомъ молитвенномъ домѣ. Улика налицо; забрали нѣсколько человекъ „укрывателей“, да вмѣстѣ съ Иваномъ въ городъ, къ суду. Левъ Петровичъ потребовалъ съ крестьянъ двѣ тысячи рублей, однако какъ членамъ суда была тутъ своя большая пожива отъ раскольниковъ, то они крутили-вертели, и свели на мировую въ шестьсотъ...

Вотъ тебѣ и Иванъ Кондратьевъ! Долго его помнили; а Левъ Петровичъ только посмѣивался, приговаривая: „Мужика надо учить чтобъ умѣе былъ“. За то бывало пріѣдетъ онъ къ намъ на базаръ: сосѣди-помѣщики, встрѣчаясь, лѣмятся поклонъ ему отдать...

Однако и онъ за годъ до смерти подобрѣлъ, дворовымъ людямъ выдалъ вольныя, съ мужиковъ пересталъ дѣлать прежніе поборы, даже нѣкоторымъ бѣднякамъ выдалъ со скотнаго своего двора кому лошадь, кому корову, а кому далъ лѣсу на постройку и немножко деньжонокъ.

Хорошъ Левъ Петровичъ, но были обрацики и почище. Одинъ старый вельможа съ ватагой дармоѣдовъ переселился на жительство въ свою усадьбу и завелъ лсовую охоту. Разъ крестьянскій мальчикъ (у него тамъ было три тысячи душъ) зашибъ по глупости камешкомъ ногу борзой собаки изъ барской своры. Баринъ какъ увидѣлъ что

его *Налетъ* хромаетъ, разгнѣвался: спрось, „кто изувѣчилъ собаку?“

Цари должны были указать. Привели мальчика, тотъ созвался.

Вѣрно на утро быть готовымъ къ охотѣ въ полномъ составѣ. Выѣхали въ поле, около лѣсу остановились, гончихъ пустили, борзыхъ держатъ на сворахъ. Тутъ привезли мальчика. Приказано раздѣть, и бѣжать ему нагому по полю; а вслѣдъ за нимъ со всѣхъ своръ пустили въ догонку собакъ: значить, травить его.

Только борзые добѣгутъ до мальчика, понюхаютъ и не трогаютъ... Подослѣла мать, лѣскомъ обѣжала и ухватила свое дѣтище въ охапку. Ее оттащили въ деревню и опять пустили собакъ. Мать помѣшалась, на третій день умерла.

Говорили что обо всемъ узналъ императоръ Александръ Павловичъ, и повелѣлъ судить барина: но тотъ, свѣдавъ что дѣло дошло до государя, самъ наложилъ на себя руки.

Или вотъ еще вспомнилъ двухъ братьевъ А. и И. Б., правда, не нашей мѣстности, но слухомъ земля полнится, о нихъ дошло и до насъ.

Эти два брата, Т—скіе помѣщики, были основателями, въ 1755 году, знаменитыхъ въ послѣдствіи Ш—скихъ заводовъ, имѣвшихъ громадныя владѣнія и доставлявшихъ чрезвычайный доходъ. Особенно способный изъ нихъ былъ И., человекъ предприимчивый, за то же и въ высшей степени корыстный и великій мастеръ присваивать себѣ чужую собственность не разбирая средствъ. Людей своихъ онъ всѣхъ вооружилъ и самъ былъ какъ бы ихъ атаманомъ, всегда развѣзая съ шайкой въ двѣнадцать отборныхъ молодцовъ и распоряжаясь какъ разбойникъ. При начальномъ устройствѣ заводовъ, много смежной земли и лѣсовъ принадлежало касимовскимъ Татарамъ, которые не соглашались продать ихъ: такъ онъ самовольно рубилъ и жегъ лѣса, и многихъ при этомъ перебилъ. Доставалось и сосѣднимъ помѣщикамъ, чья земля понадобилась или приглянулась. Сторгуется не жалѣя цѣны, совершитъ запись, зазоветъ къ себѣ для полученія денегъ, вручитъ все сполна и угоститъ на славу; а вечеркомъ, какъ сытый и пьяный гость съ казной отправится домой, нарочно поставленные молодцы дорогой его ухлопаютъ, деньги же назадъ барину, который награждалъ за это щедро. Противиться ему, или вывести

наружу самоуправство, никто не смѣлъ: въ городскихъ судахъ на него не было управы, доходило до сената, и тамъ тоже куплена была сильная протекція. Въ заводской конторѣ должно храниться до сихъ поръ письмо сенатора Л*, который предостерегая И. Б., писалъ: „Ванька, твои дѣла поганы, перестань проказничать, а то тебѣ худо будетъ, да и намъ не сдобровать, поладемъ въ опалу.“

А тотъ все-таки не унялся, и свидѣтелями его звѣрства—тѣ скелеты, которые потомъ найдены были однажды въ стѣнахъ при ломкѣ стараго заводскаго строенія.

Однако и то скажу, это злоупотребленія: но изъ помѣщиковъ много было умныхъ, полезныхъ и заслуживающихъ уваженія господъ, а въ другихъ званіяхъ тоже творилось лихое. Вотъ тому примѣръ изъ тѣхъ же III —скихъ заводовъ.

Въ 1783 году все имѣніе было раздѣлено между братьями Б. Ивану досталось четыре завода, полтора ста тысячъ десятинъ земли, въ томъ числѣ около ста десяти тысячъ лѣсу, восемнадцать тысячъ душъ крестьянъ, изъ которыхъ девять тысячъ мастеровыхъ, производство въ миллионъ двѣсти тысячъ оборотнаго капитала и двѣсти тысячъ рублей чистаго дохода. Послѣ его смерти все это перешло къ единственной его дочери, выданной замужъ за генерала Д. Д. III., который сначала хорошо принялся за дѣло, но скоро раскучалъ хлопотливимъ занятіемъ, такъ что при немъ уже денежная часть разстроилась и потребовался заемъ восьмисотъ тысячъ рублей изъ Олекунскаго Совѣта. Почти вся эта сумма пошла на постройку въ заводѣ громаднаго театра и на содержаніе труппы заграничныхъ актеровъ. Дѣла же заводскія очутились исключительно въ рукахъ крѣпостныхъ людей, причемъ надъ ними не было правильного наблюденія и надзора, а одна безтолковая строгость. Порядокъ заводскаго производства соблюдался только по наружности, скрытно допускались всякія недобросовѣстныя продѣлки и расхищеніе. Послѣ смерти генерала, наследство приняли въ свое личное завѣдываніе два его сына, Иванъ и Николай, господа образованные и въ чинахъ, которые тоже не обратили надлежащаго вниманія на хозяйственную часть. Меньшой, Николай, не захотѣлъ даже лично участвовать въ управленіи и довѣрилъ его брату и зятю. Дѣятельность ихъ

по заводу ограничилась подписью конторскихъ бумагъ безо всякаго разсмотрѣнія.

Вотъ тутъ-то и показалъ себя одинъ мужичокъ. Въ главномъ заводѣ много лѣтъ былъ въ литейномъ домѣ цѣловальникомъ одинъ елабужскій мѣщанинъ С*. Онъ пріохотилъ къ себѣ заводскихъ рабочихъ пріемомъ краденыхъ вещей, тѣмъ составилъ себѣ хорошее состояніе, и стакнулся съ управляющимъ, изъ заводскихъ крѣпостныхъ, обмануть хозяевъ. Тогда былъ неурожай на хлѣбъ, цѣны ржаной муки доходили до рубля *серебромъ* за пудъ, желѣзо напротивъ подешевѣло. С* съ управляющимъ и состряпали контрактъ, который подсунули къ подписи и который давалъ С* поставку муки въ заводъ *на три года*, по пятидесяти тысячъ пудовъ въ годъ, съ тѣмъ что за муку уплачивать С* желѣзомъ, пудъ за пудъ, такихъ сортовъ какіе ему понадобятся. Въ первый годъ заводъ потерялъ не много, но въ слѣдующіе два, когда хорошіе урожаи понизили муку до двадцати ляти колѣвекъ за пудъ, а желѣзо подыялось, пришлось терять на немъ почти по девяности колѣвекъ на каждомъ пудѣ.

Замѣтивъ ошибку, хозяева пошли было на полатыный дворъ, но С* по суду заставилъ заводское управленіе исполнять контрактъ: уголовное слѣдствіе открыло грѣхи за управляющимъ, и его, наказавъ плетью, сослали въ Сибирь на поселеніе, но гражданская сдѣлка осталась въ своей силѣ. Другія дѣла С* тоже были кляузныя, что не помѣшало ему выйти въ люди и при могучемъ посредствѣ тогдашняго воротилы З* получить сначала медали, потомъ и Анну на шею.

Однако Богъ его ждалъ и покаралъ: какъ онъ собрался вѣхать къ своему покровителю съ поклономъ за орденъ, вдругъ изъ гортани хлынула кровь, и онъ въ тотъ же часъ скончался. Имѣніе, нажитое какъ сказано, послѣ смерти грѣшнаго пріобрѣтателя растаскали кто какъ властенъ, а семья осталась въ Москвѣ почти что въ бѣдности.

О заводахъ этихъ кстату прибавлю: чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже. Такимъ манеромъ масса долговъ увеличилась до того что пресѣкся всякій кредитъ и съ трудомъ уплачивались проценты по займу Олекунскаго Совѣта. Кончилось тѣмъ что это богатѣйшее имѣніе, гдѣ лѣса и рудники для заводской потребности были подъ рукой, съ заводами въ

центрѣ Россіи и близкомъ разстояніи отъ Москвы и Нижегородской ярмарки, при доставкѣ туда и сюда водой,—оказалось несостоятельнымъ, и въ 1846 году все поступило въ олекунское управленіе.

XIII.

Въ этихъ примѣрахъ выведены помѣщики и крестьяне; а изъ купцовъ что дворянъ хаять и на мужиковъ кричатъ развѣ нѣтъ тоже уродовъ?

Передамъ свѣдѣніе объ одной бывшей московской знаменитости, суконномъ фабрикантѣ П. М. А*. Качествомъ его производство было безукоризненное и пользы ему доставляло весьма хорошія, но жадность корысти не удовлетворялась честнымъ трудомъ. Захотѣлъ А* разбогатѣть вдругъ: ни съ того, ни съ сего—объявляетъ себя несостоятельнымъ.

Сошло съ рукъ, тѣмъ легче что сдѣлка не была слишкомъ убыточна для кредиторовъ и всякому извѣстная дѣятельность должника подавала надежду имѣть отъ него выгоду въ будущемъ. У А* же шло на умъ. Увидѣвъ удачу перваго опыта, при пособіи двоихъ сообщниковъ онъ повелъ свои конторскія книги въ двухъ видахъ: въ одномъ писалъ настоящее, въ другомъ—съ выводомъ мнимыхъ убытковъ, и съ такимъ коварствомъ велъ свои дѣла около десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ вездѣ добыть себѣ свободный кредитъ. Когда онъ хорошо имъ пользовался, онъ и приглашаетъ циркулярными записками всѣхъ своихъ кредиторовъ пожаловать къ нему на вечеръ. Тѣ, ничего ни понимая, однако чуя недоброе, всѣ налицо кто жилъ въ Москвѣ явились. Видятъ, готовится какое-то непріятное угощеніе, потому что принимаютъ гостей два прикащика (тѣ самые сообщники), а самъ хозяинъ показавъ лишь когда всѣ сѣхались. Прикидываясь полубольнымъ и съ личной душевнаго прискорбія, началъ онъ сцену поклономъ, потомъ съ притворною робостью смиренно объяснилъ что по затруднительности своего положенія не можетъ очистить вдругъ своихъ долговъ, простиравшихся до двухъ милліоновъ, въ доказательство чего представилъ книги: дефициту выведено милліонъ....

Кредиторы пошумѣли, посмотрѣли, поворочали листы,

походили по комнатамъ, померекали такъ и саятъ, и кончили тѣмъ что согласились разсрочить уплату на четыре года.

Ладно. Дѣло опять пошло, а въ первый же срокъ — ни шиша. Думали, толковали, рѣшили: А* точно не въ состоянiи отвѣчать полнымъ рублемъ, такъ черезъ годъ получить съ него по полтинѣ. Одинъ небогатый кредиторъ такъ былъ пораженъ безсовѣстнымъ грабежомъ что, возвращаясь домой, бросился съ Каменнаго моста и утопился.

Съ нашего молодца это какъ съ гуся вода. Онъ не выполнялъ и новыхъ обязательствъ, хитростью вымучилъ у кредиторовъ учрежденiе надъ его дѣлами администраціи, самъ втерся въ главное распоряженiе по фабрикѣ, долги уплачивалъ доходами съ нея, и въ концѣ-концовъ почти ничего не заплатилъ: миллионъ остался въ карманѣ.

Да, нечего сказать, ловко провелъ людей: но обманулъ ли Бога? Правосудіе Его вдругъ поразило А* мучительною болѣзною; семь лѣтъ былъ онъ живымъ мертвецомъ, никакія врачевныя пособія не помогли, три года сряду не могъ онъ ничего ѣсть кромѣ ложки бульона, искалъ спасенія по монастырямъ, одинъ даже обогатилъ своими щедрыми приношеніями,—и умеръ въ адскихъ страданіяхъ. А послѣ его кончины миллионъ достался частью сообщникамъ его воровства, частью отдаленнымъ родственникамъ, потому что А* былъ не женатъ, и своей семьи не имѣлъ.

Другой еще случай припоминаю изъ купеческаго быта.

Два брата были богачи и радушные хлѣбосолы, что дѣлало имъ честь: только хлѣбосольство ихъ не ограничивалось радушнымъ гостепріимствомъ, а состояло въ увлеченіи барскими прихотями,—не для себя по вкусу: для того только чтобы послѣ роскошнаго обѣда щеголять предъ гостями антиками въ которыхъ ни тотъ, ни другой ничего не понимали. Кромѣ того, одному изъ братьевъ вздумалось блеснуть оранжереей, которая обошлась въ пятьдесятъ тысячъ, другой выстроилъ при фабрикѣ стотысячный домъ, не для постоянного житья, а на время своего туда пріѣзда, да мамелька ихъ, изъ суетнаго тщеславія, поусердствовала: въ * монастырѣ возвела на свой счетъ огромную пятиглавую церковь—тысячъ тоже болѣе чѣмъ во сто серебромъ.

Такъ мотали, мотали, когда дѣла были уже сильно разстроены, кредиторовъ и оставили на бобахъ.

Или еще былъ въ Москвѣ одинъ первой гильдіи купецъ

П. И. Кж., который велъ большую торговлю чаемъ. Онъ черезъ прикащиковъ размѣивалъ въ Кяхтѣ, а здѣсь лично производилъ олтовую продажу, не довѣряя никому отлускъ на одного цыбика. Такой былъ подозрительный и скупои что самъ каждыйдневно ходилъ на рынокъ за провизіей для семейнаго продовольствія, которое въ будни ограничивалось расходомъ меньше рубля ассигнаціями. Стрелня и все въ домѣ исполнялось одною кухаркою, въ праздники пироги готовила сама хозяйка, безпрекословно исполнявшая наказы своего благовѣрнаго, который тогда только былъ доволенъ когда урывалъ гдѣ изъ самаго нужнаго колѣбуку экономіи. Скаредъ былъ неимоверный! Кяхтинскіе его доверенные возвращались въ Москву всегда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ съ личною отчетностію. Въ этой отчетности нельзя было писать расходъ въ настоящемъ видѣ: съѣсть! Нужно было лукавить и сокращать всѣ цифры на показъ строжайшей во всемъ бережливости, иначе самый честный и дѣйствительно бережливый человѣкъ полетитъ съ мѣста.

Повеюль усваивалась привычка обманывать, наверстывая передержку противъ показаннаго стороной. Одинъ изъ прикащиковъ самъ мнѣ говорилъ что когда они возвращались изъ Кяхты въ Москву и проживали въ Москвѣ за покупкой для Кяхты товаровъ, то секретно получали съ продавцевъ верховые проценты, которыми и покрывали невыставленные по счету хозяйскіе расходы; то же и въ Кяхтѣ дѣлали при размѣивѣ, такъ что и на ихъ долю оставались частицы равныя всему ихъ жалованью. А въ три мѣсяца что жили они въ Москвѣ въ хозяйскомъ домѣ, должны были дровъ наколоть на цѣлый годъ, дворъ и конюшни вычистить, предъ домою мостовую починить, всѣ черныя работы лично исправить и тѣмъ доказать свою рачительность о соблюденіи хозяйскихъ интересовъ. Не то — рачеть, съ ласковымъ присловьемъ: „Ну, любезный, я рачтываю васъ за то что вы при моихъ глазахъ не хотѣли потрудиться: посудите сами, какъ же я могу надѣяться на вашу заочную службу?“

Такъ скаредничалъ Кж. не для обезпеченія семейства и будущаго потомства, а только для того чтобы, раскрывъ сундукъ, полюбоваться на мѣшки съ золотомъ и посчитать бачеты Сохранной Казны. Отъ него не переладало ни церкви, ни страждущимъ, ни благотворительнымъ заведеніямъ. Даже

пять тысячъ рублей съ тѣмъ чтобъ ему исходатайствовали Владимира 4й степени или хоть Анну 3й. Разумѣется ему не удалось, такъ онъ ограничилъ свое пожертвованіе только двумястами рублѣй.

Однако глупое честолюбіе его пошло на пользу. Задѣтый за живое отказомъ богачъ захотѣлъ во что бы то ни стало имѣть орденъ. Для этого онъ выстроилъ образцовую суконную фабрику, которую разчетаивый хозяинъ ни за что бы не поставилъ: купилъ С., загородную дачку въ семи верстахъ отъ Москвы, возвелъ тамъ фабричныя корпуса, для жилья дома въ готическомъ вкусѣ, выписалъ тайкомъ изъ Англіи паровыя машины и всѣ фабричныя принадлежности, которыя тогда весьма трудно было имѣть (потому что вывозъ ихъ изъ Англіи безусловно былъ запрещенъ, и Кж. добился ихъ лишь за большія деньги); пустилъ фабрику въ ходъ. Сукна оказались лучшаго качества; тѣмъ прославился, и добился-таки Владимира, а государству принесъ выгоду.

Самъ же Кж. не вывезъ. Можетъ-быть при поддержкѣ тогдашней тарифной системы и получилъ бы барышъ, но лично онъ дѣломъ не озаботился, а поручилъ управленіе фабрикой человѣку безпорядочному и корыстолюбивому, такъ что къ 1830 году десять милліоновъ здѣсь ухнуло. Фабричное движеніе остановилось. По просьбѣ Кж. завѣщанный неприкосновенный капиталъ, четыре милліона, изъ Олекунскаго Совѣта разрѣшено было правительствомъ выдать для дальнѣйшаго производства сполна. Но при безнечности распоряженій и кутежахъ не на долго ихъ хватило. Потомъ пошли займы за высокіе проценты, и несостоятельность. Фабричныя заведенія послѣ многолѣтняго секвестра обратились въ развалины, едва выручили за нихъ тридцать тысячъ на уплату долговъ, а вѣдь устройство ихъ стоило болѣе трехъ милліоновъ. Самъ хозяинъ остался ужъ въ какомъ незавидномъ положеніи!

Жаль, потому что съ его-то почину сукна для китайскаго разнѣна работаются на московскихъ фабрикахъ, и минула надобность выписывать для кяхтинской мѣкы сукно подъ названіемъ Мизирцаго изъ-за границы, да и другіе сорта какіе требуются для внутренняго употребленія стали изготовляться въ Россіи, особенно какъ поразводили у насъ шпанскихъ овецъ и заграничныя машины начали получаться

безъ затрудненія, дешевле противъ выписки Кж. на восемьдесятъ процентовъ.

Однако я заболтался и перескочилъ изъ двадцатыхъ годовъ въ тридцатые и сороковые, притомъ затесался въ хоромы именитаго кулечества. Возвращаюсь къ своей тогдашней крѣпостной долѣ.

XIV.

Я ужъ упоминалъ что съ дѣтства имѣлъ большую охоту къ чтенію, но до женитьбы начитанность моя ограничивалась преимущественно книгами священнаго содержанія и очень немногими гражданскою печати. Послѣ сватъбы я началъ знакомиться съ настоящею литературой, и до такой степени увлеклась моя любознательность что цѣлыя ночи бывало просиживалъ за книгами. Особенно прельщенъ былъ я поэзіей того времени, такъ что до сихъ поръ * держатся въ моей памяти многія фантазіи и цѣликомъ піесы избранныхъ поетовъ. Разумные выводы талантливыхъ писателей всегда любѣжидали односторонній мой крестьянскій взглядъ и многіе предразсудки свойственные быту простолюдина. Ясно обличалось мое невѣжество почти во всемъ.

При всемъ томъ какъ-то страдало мое самолюбіе, и хотя я соглашался съ мыслями нѣсколько доступными моему понятію и постепенно уничтожались во мнѣ толки старины, но взамѣвъ того въ головѣ моей поселились какія-то перелутанные и разнородныя мысли, которыхъ я не только что не могъ сообразить, но изъ которыхъ возникло даже ко всему читаемому недоумѣріе. Конечно тому причиной—безъ разбору чтеніе.

Можетъ-быть то было однако и къ лучшему, оттого что я осторожнѣе соглашался съ тѣми смѣлыми мыслями которыя не могли быть примѣняемы къ порядку дѣйствительной жизни моего крѣпостнаго званія. Да и былъ я не одинъ, нужно было подумать по возможности обезпечить участь своего семейства...

Такъ и рѣшился я вести свою жизнь по знакомой тропинкѣ промышленности, хоть она, доставляя средства къ домашнему обиходу, не совсѣмъ удовлетворяла нравствен-

* Писано въ шестидесятыхъ годахъ.

ныя стремленія. Книги однако взяли свое и жизнь подтолкнула. Прежде, когда не тяготился мои понятія крѣпостнымъ положеніемъ, желанія мои ограничивались тѣмъ чтобы стать въ уровень съ почетными людьми села изъ зажиточныхъ, или ло крайней мѣрѣ не уронить памяти отца и дѣда. Но послѣ того событія какъ насильственно былъ увеличенъ нашъ платежъ, власть помѣщика и уважительное рабство цѣлаго общества тяжело дали себя почувствовать.

А какъ вылутаться изъ этой вѣковой сѣти и вытащить своихъ? Много пришлось передумать, много постигло вѣло на головѣ... Что можетъ сдѣлать семейный человѣкъ, ограниченный мелкими познаніями, безъ денегъ, безъ связей знакомства, безъ случая и протекціи, и наконецъ—крѣпостной крестьянинъ?... При тогдашней моей раздражительности чувствъ, при разстроенномъ воображеніи, признаться, угрожала мнѣ большая оясность. Всего болѣе мучилъ меня соблазнъ живыхъ примѣровъ людей разными живыми изворотами нажившихъ огромные капиталы. Но Всемогущій Богъ сохранилъ чистоту моего намѣренія, натура моя не могла усвоить низкихъ путей и разсудокъ мой одобрялъ только честный заработокъ.

Съ этимъ должны были согласоваться мои дѣйствія, ограниченный же кругъ моей дѣятельности не могъ обѣщать въ будущемъ капиталовыхъ средствъ для выкупа.

Тогда-то рѣшился я расширить свою торговлю. Внимательно разсмотрѣвъ и обсудивъ всѣ знакомыя и сподручныя дѣла, остановился я на мѣстныхъ продуктахъ покупаемыхъ значительными партіями къ Архангельскому порту, и возымѣлъ счастливую мысль, разчитавъ сообразить излишекъ цѣны отъ перехода товара черезъ нѣсколько рукъ.

Результатъ оказался на мой взглядъ довольно убѣдительнымъ. Вслѣдствіе того я дерзнулъ представить обо всемъ въ Архангельскѣ, совершенно незнакому мнѣ торговому дому Бранта,—предлагая ему свои личныя услуги быть исполнителемъ его порученій. Конечно все мною изложенное было добросовѣстно и сообразно съ обстоятельствами дѣятельности.

Однако можно ли было мнѣ надѣяться на успѣхъ? Я не представилъ ни обезпеченія, ни даже простой рекомендаціи!

Несмотря на то вдругъ получаю (помню, утромъ 1822 года) письмо отъ Вильгельма Ивановича Бранта, которое

коротко и ясно поручаетъ мнѣ покупку льнянаго волокна. Вслѣдъ затѣмъ, по слѣдующей же почтѣ, высылается мнѣ тридцать тысячъ рублей.. Потомъ, смотрю, шлетъ своего завода рафинадъ на комиссію...

И пошло это дѣло до 1830 года. Разъ только въ теченіе восьми лѣтъ побывалъ я самъ въ Архангельскѣ и лично познакомился съ моимъ довѣрителемъ, обыкновенно же годовичные обороты и отчетность вершилась письменно. Трудно повѣрить, а это истинно такъ! и это событіе моей жизни послужило мнѣ поощреніемъ къ новой предпримчивости, не менѣе удачной и замѣчательной. Черезъ годъ послѣ Бранта, въ 1823, безо всякой протекціи и рекомендаціи, возьми я да и обратись къ управлявшему Императорскою Александровскою Мануфактурой генералу Александру Яковлевичу Симпсону...

Что же! И онъ тоже охотно согласился сдѣлать мнѣ порученность относительно покупки льна, которую исправно и исполнялъ я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Деревенская же моя торговля продолжалась своимъ порядкомъ. Петербургское наводненіе 1824 года затолпило мнѣ въ убытокъ товару на семь тысячъ. За всѣмъ тѣмъ, въ 1826 въ оборотѣ у меня было собственнаго капитала пятнадцать тысячъ. Съ такими средствами можно бы ужъ мнѣ выйти изъ крѣпостнаго состоянія, нравственно всегда принижавшаго меня въ кругу свободныхъ людей.

Но какъ-то эта завѣтная мысль отъ времени слабѣла.... Оттого ли что свободу моей торговли и самый кредитъ не стѣсняло крѣпостное положеніе, оттого ли что по ходу оборотовъ неудобно было взять изъ капитала нужную для выкупа часть, ужъ не знаю. Только я все откладывалъ да откладывалъ, пока въ двадцать шестомъ году произошедшее на моихъ глазахъ сильно дало мнѣ почувствовать горькую мою крѣпостную долю.

XV.

Я уже говорилъ что окружныя деревни были съ нами одной вотчины, и что въ старину, при первомъ посѣѣ князя Реллина владѣльць-откупщикъ, всѣ мы гонялись на фабричную работу. По второму раздѣлу двадцать три деревни съ бумажною фабрикой, всего около тысячи шестисотъ

ревизскихъ душъ, достались племяннику нашего барина, который въ 1818 году продалъ все имѣнiе одному князю, по фамилии *. Въ послѣдствіи времени, находясь даже въ крѣпостномъ еще званіи, крестьяне тамошніе имѣли довольное благосостояніе.

Не то было тридцать - сорокъ лѣтъ назадъ. Тогда они управлялись наемнымъ фабричнымъ нѣмецкимъ начальствомъ, которое притѣсняло ихъ всачески, кромѣ поборовъ прибѣгая и къ нравственному насилію, такъ что повсемѣстному начиналъ искореняться порядокъ добровольныхъ брачныхъ союзовъ, а почти всѣ они заключались по наряду заводской конторы. Назначили для этого одно время въ году и по особому списку вызывали въ контору жениховъ и невестъ. Тамъ по личному указанію Нѣмца-управляющаго составлялись пары, и подъ надзоромъ конторскихъ служителей прямо отправлялись въ церковь, гдѣ и вѣнчались по нѣскольку вдругъ. Склонности и желанія не спрашивалось.

По долгомъ времени такой горести, изъ общаго продолжительнаго ропота возникли личныя жалобы крестьянъ къ самому помѣщику, который на бѣду не обратилъ на нихъ вниманія, а вѣтряса управляющему и, не разобравъ, дозволялъ ему „проучить“ всѣхъ просителей домашнимъ образомъ.

И пошла потѣха: каждодневная жестокая порка. Терпѣніе наконецъ истощилось. Въ 1828 году почти всѣ деревни безъ зову собрались къ заводской конторѣ, спросить этого самаго бусурмана, за что такое тиранство? Хитрый Нѣмецъ, увидѣвъ большую толпу, смѣтилъ въ чѣмъ дѣло. Объяснился бы онъ, да показалъ господскій приказъ самого барина, тѣмъ и прекратилъ бы негодованіе.

Нѣтъ, онъ велѣлъ прислугѣ сказать что потакуеть съ мужиками вечеромъ, въ вечеру подъ предлогомъ болѣзни отложили разговоръ до другаго утра, и тутъ же отпустилъ всѣмъ по стакану вина и по краюхѣ хлѣба на ужинъ, а самъ между тѣмъ ночью махнулъ втихомолку въ губернской городъ за тридцать верстъ, да и явился сейчасъ къ губернатору съ жалобой что крестьяне князя вышли изъ повиновенія, съ неистовствомъ кричатъ и бунтуютъ, и будто онъ самъ едва спасъ жизнь бѣгствомъ. Мужики въ ту пору, совсѣмъ не думавшіе о бунтѣ, въ простотѣ душевной, не подозревая такого коварства,—ласковымъ отвѣтъ, чарку

водки, кусокъ хлѣба привали за знакъ особой милости и за лучшую надежду на будущее, преспокойно разошлись кому куда ближе, а на утро, какъ приказано было, олять собрались къ заводской конторѣ въ твердой увѣренности что вотъ улышатъ милостивое рѣшеніе.

Не тутъ-то было! Вдругъ на вѣсколькихъ тройкахъ подкатили чиновники съ военною командой и управляющимъ, который видомъ собравшихся по его же распоряженію мужиковъ могъ подтвердить свою клевету, да вѣроятно и подмазалъ кого слѣдуетъ. Начальство громко крикнуло:

— Чего притащались, бунтовщики! По домамъ, не то десятаго отдеруть!

Сходка, пораженная такою неожиданностью, хотѣла было разказать дѣло, но не посмѣла, и молча всѣ стали одинъ по другому уходить. А изъ тѣхъ кто позамѣшкался, приказано солдатамъ вѣсколькихъ человекъ схватить и сковаанными отправить въ городъ какъ зачинщиковъ. Составили и протоколъ объ усмиреніи неповиновенія, формально подписанный всѣми чиновниками. Только стрѣлчій не только не подписалъ, но подалъ протестъ, гдѣ изложилъ что крестьянъ не спросили о причинѣ ихъ сбора и что при всемъ томъ они по первому слову покорно стали расходиться. Хотя этотъ протестъ скрыли отъ губернатора и схваченныхъ, какъ зачинщиковъ, предали суду, однако увѣданный судъ немедленно освободилъ арестованныхъ, какъ невиноватыхъ.

Казалось къ лучшему дѣло, а вышло еще хуже: потому что хотя нареканіе въ бунтѣ съ крестьянъ свали, однако жалобъ ихъ не обслѣдовали и все осталось попрежнему, а управляющій, со злости на свою неудачу, сталъ мстить и хуже тѣснить, притомъ представилъ князю что мужики бунтуютъ, а судъ имъ повадку даетъ. Вельможа, олять не разобравъ и усомнившись въ послѣдствіяхъ мнимой потачки, вопреки судебному рѣшенію, своею законною помѣщичьею властью приказалъ: всѣхъ оправданныхъ крестьянъ безъ зачету отдать въ солдаты или сослать въ Сибирь на поселеніе. Мужики, между тѣмъ, какъ-то не доверяя благополучному окончанію и предчувствуя съ иной стороны грозный исходъ, приготовили прошеніе на Высочайшее имя, съ прописаніемъ всего, и со всѣхъ деревень приложили къ нему подписи грамотныхъ людей. Какъ только до-

шло до заводской конторы строгое распоряженіе барина и прошелъ о немъ слухъ, тотъ же часъ четыре выборныхъ человѣка отправились въ Петербургъ къ самой государевой защитѣ. Эта депутація подала прошеніе самому императору Николаю Павловичу, лично, и получила отъ министра внутреннихъ дѣлъ открытый листъ для свободнаго сѣдованія на родину.

Но пока она страствовала, въ деревняхъ стали брать крестьянъ по господскому приказу, какъ велѣно. Ожидая возвращенія своихъ выборныхъ, мужики рѣшительно отказались выдать обреченныхъ на гибель односельцевъ, говоря что если угодно барину, такъ они всѣ готовы идти въ солдаты или въ Сибирь, не иначе... Тутъ управляющій, именемъ князя—къ губернатору; и поставлена по всѣмъ деревнямъ военная экзекуція, а министру отправлено доносеніе о возмущеніи.

Пошла страшная кутерьма. Цѣлый баталіонъ поселился у крестьянъ, властно распоряжаясь ихъ хозяйствомъ. Потомъ, помню въ іюнь мѣсяцѣ, въ ближайшую къ нашему ослу деревню согнали всѣхъ окрестныхъ жителей, и оцѣнили. Я самъ былъ свидѣтелемъ. Сдѣлали кругъ постороннихъ зрителей, посрединѣ начальство, поодаль—два лапача. И болѣе ота человѣкъ, кто помоложе, наказанъ плетью. Всѣ, оцѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, безропотно терпѣли истязаніе. Крѣпкаго сложенія люди, охраняя слабыхъ, сами выступали впередъ. Бабы жалобно кричали, дѣти плакали. Не имѣю способности передать видѣнное... Само начальство (кромя одного только исправника) отворачивалось и смотрѣло внизъ.

Но должно-быть безвинное страданіе не пропадаетъ втунѣ: этотъ день былъ для крестьянъ послѣднимъ испытаніемъ, изъ котораго возникло начало новаго порядка. Въ скоромъ времени Нѣмецъ-управляющій былъ смѣненъ другимъ, Русскимъ, болѣе снисходительнымъ и добрымъ человекомъ, который нашелъ средство замѣнить барщину фабричныхъ работъ машинами и вольноваемымъ трудомъ своихъ крестьянъ: одни стали платить оброкъ, другіе добровольно работали на фабрикѣ за плату въ зачетъ своихъ повинностей. И въ нѣсколько лѣтъ всѣ поправились, даже многіе оказались зажиточными людьми.

Примѣчанія достойно что по нѣкоторомъ времени князь,

въ своемъ домѣ, посреди своего семейства, былъ убитъ изъ листоэта въ Петербургѣ какимъ-то докучливымъ просителемъ, Финляндцемъ. Не совершилось ли это правосудіе Всевышняго за истязаніе крестьянъ, которые въ свою очередь не послужили ли очистительною жертвой за грѣхи своихъ предковъ?

Не намъ судить.

XVI.

До этого несчастнаго случая, я, говорю, все еще полурасвѣдливо смотрѣлъ на крѣпостное свое состояніе, не впечатлѣніе видѣннаго возобновило прежнее мое желаніе освободить отъ неволи себя и семью, хотя бы цѣной всего своего наличнаго капитала. Съ этою цѣлью два года хлопоталъ я, употреблялъ разныя средства, заходилъ съ подарками куда надобно было, къ домашней приближенной челяди барина, и все-таки получалъ лишь кое-какія надежды, а подъ конецъ и тѣ уничтожились усерднымъ, но неосторожнымъ ходатайствомъ добрыхъ моихъ пріятелей, которые слишкомъ ужъ меня захвалили, полагая тѣмъ послужить моей выручкѣ. Особенно старался за меня мои знакомые по торговлѣ.

Вдругъ одинъ изъ нихъ увѣдомляетъ что господа не хотятъ слышать о моемъ увольненіи, добавляя: „Имѣя васъ на примѣтѣ, кажется они намѣрены употребить васъ по своимъ дѣламъ“.

Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ предписано вотчинному правленію: „объявить такому-то нашему крестьянину и обязать его подпиской подъ строгою отвѣтственностью правленія чтобы впредь не дерзалъ безлокуить домогательствами о выкупѣ, тѣмъ болѣе что за него хлопочуть извѣстные люди, которые вѣроятно имѣютъ его въ виду по своимъ коммерческимъ дѣламъ: почему беремъ его теперь на особое замѣчаніе впредь до нашего распоряженія.“

Скрѣпя сердце выслушалъ я господскій приказъ, и далъ подписку что впредь не стану тревожить помѣщиковъ...

XVII.

До 1828 года, лаятя исправно опредѣленную повинность, мало участвовалъ я въ общественныхъ дѣлахъ села, которыя не касались меня лично. Все мое время занимала своя торговля. Однако жалобы односельцевъ на злоупотребленія бурмистра частенько до меня доходили. Какъ я былъ ему съ родни и жилъ съ нимъ въ ладу, то пріятельски много разъ говоривалъ ему, исправился бы ояъ въ своихъ обязанностяхъ. Читалъ я мораль эту такъ, по дружбѣ; а ояъ на дыбы, обидѣлся, и давай придираться. То выдачу мнѣ паспорта на мои разъѣзды пріостановить подъ тѣмъ предлогомъ что я самими господамъ нуженъ, то тѣмъ другимъ доѣзжаетъ. На счетъ паспорта обходилось хорошо. Не уважая его прихотей, я прямо обращаю къ барину, который не стѣсняя моею промышленности всегда приказывалъ выдавать мнѣ видъ, а подчасъ даже давалъ сильный нагоняй бурмистру.

Вдругъ вмѣсто паспорта приказано объявить мнѣ чтобъ я былъ готовымъ къ продажѣ господскихъ заводовъ желѣза на Нижегородской ярмаркѣ!... Исполнилось слово что господа держать меня на примѣтъ.

Эта честь довѣряемой порученности крѣпко была мнѣ неприятна, не потому чтобы боялся я дѣла, а потому что страшился нашихъ безтолковыхъ правилъ продажи, стѣснявшихъ ее такъ какъ будто торговля тоже принадлежитъ къ крѣпостному состоянію, или какъ будто заводскій нашъ продуктъ до того обязательенъ для потребителей, что они должны безусловно соглашаться на произволь инструкціи выдаваемой посланцу на ярмарку. О дѣльности ея можно судить изъ слѣдующаго. Въ ней, напримѣръ, назначалось:

1) Продавать желѣзо, всѣ сорта, по цѣнамъ *выше* другихъ заводчиковъ, и отнюдь не дешевле такіе-то сорта такой-то цѣны: за всякое же улучшеніе въ этомъ ты отвѣтствуешь. 2) Продажу производить *за наличныя деньги*, не отпуская безъ латы впередъ ни одного фунта. 3) Непременно продать *все* отпущенное на ярмарку количество, и затѣмъ столько-то отослать съ почтой въ сибирскіе наши заводы, столько-то перевести черезъ банкъ намъ въ Петербургъ,

столько-то оставить впредь до распоряженія. 4) Если лаче чайнїя нельзя продать по назначеннымъ цѣнамъ, то доносить и *ожидать* на уступку разрѣшенія...

Такъ ли ведутъ торговлю, и кто изъ людей свободнаго состоянїя согласился бы принять на себя подобную порученность, когда въ олтовой торговлѣ не существуетъ обычая требовать отъ покупателя всѣ деньги предъ отпускомъ, а всегда приходится довольствоваться задаткомъ, залиской и честнымъ словомъ?... Положеніе мое было довольно опасное; но что дѣлать! не спорить же съ баринкомъ.

На первый случай въ мое распоряженіе предоставлено было около полутора ста тысячъ пудовъ желѣза,—количество хотя значительное, но не представившее мнѣ большаго затрудненїя въ продажѣ. Нижегородская ярмарка и тамошнїе приемы были мнѣ извѣстны съ начала основанїя, то-есть съ 1817 года. Не трудно было познакомиться съ главными торговцами желѣзомъ, и не стѣсняясь мелочными ограниченїями владѣльцевъ, я дѣйствовалъ свободно, сообразуясь съ общимъ ходомъ дѣла на ярмаркѣ. Такимъ образомъ съ Божьею помощью начальную операцію я кончилъ весьма удачно, и за успѣхъ свой получилъ отъ господъ благодарность и лятьсотъ рублей награды.

Это такъ прїятно подѣйствовало на мое самолюбіе что я почти бросилъ мысль о выкупѣ.

XVIII.

Между тѣмъ, въ нашемъ общественномъ управленїи безпорядки постепенно увеличивались и жалобы крестьянъ на бурмистра до того наскучили господамъ что ввезлавно поспѣвовало предписаніе вотчинному правленїю быть бурмистромъ мнѣ, принять всѣ дѣла по селу въ свое вѣдѣніе, а по прежнимъ потребовать отъ стараго бурмистра подробный отчетъ.

Вотъ эта почетная порученность хотя также польстила мое самолюбіе, но ни мало не порадовала, а просто перелугала, потому что въ сельскомъ управленїи я не имѣлъ никакой опытности. По такому чистосердечному своему сознанїю, я усердно просилъ господъ уволить меня отъ налагаемой обязанности. Они не согласились, а подтвердили,

милостиво присовокуливъ, что дабы не стѣснялась моя промышленность, вольно мнѣ взять себѣ въ помощники благонадежнаго свѣдущаго человека.

Такое распоряженіе нѣсколько меня усложнило и ободрило обычную мою дѣятельность на новое поприще. Сталъ я выкапывать. При разборкѣ дѣлъ минувшаго времени сами собою оказались явныя злоупотребленія, таковыя что привели даже прежняго бурмистра къ добровольному взносу растроченныхъ имъ общественныхъ суммъ. На мою бѣду, подъ наружною покорностью судьбъ таилось его недоброжелательство, замѣченное мною, но оставленное безъ вниманія. Съ своей стороны я старался окончить ревизію списходительнымъ домашнимъ образомъ, не разводя дрязгъ.

Покопивъ съ прошлымъ, пришлось заняться теперешнимъ своимъ уже управленіемъ. Сдѣлавшись общественнымъ человекомъ хоть и недобровольно, все же я долженъ былъ по совѣсти пытаться понять общественныя нужды, и изъ первыхъ замѣтилъ тотъ недостатокъ что въ такомъ значительномъ и торговомъ селѣ нѣтъ училища. Никто о немъ не позаботился!

Я немедленно доложилъ обществу, которое охотно согласилось съ моею мнѣніемъ объ этой потребности. Составилъ я проектъ; разумѣется потребовалось согласіе помѣщиковъ, которые отнюдь не препятствовали, напротивъ мнѣ самому поручили дальнѣйшее ходатайство по учебному округу.

Утвердили! Законоучителемъ назначили протоірея нашей церкви, и дали штатнаго учителя грамматики, ариеметики и правописанія.... Ко времени открытія нашлось желающихъ до семидесяти мальчиковъ, въ теченіе годичнаго курса ихъ умножилось до ста, и на экзаменѣ, въ присутствіи директора гимназіи, многіе показали хорошіе успѣхи, всѣ вообще умѣли читать и писать, тогда какъ въ мое дѣтство мальчикъ даже слособный, просидѣвъ у дьячка такое же время, едва только мямлилъ по складамъ Псалтирь, да и то больше памятью, что испытано и мною.

Потому-то успѣхъ чрезвычайно меня обрадовалъ и до такой степени заинтересовалъ, что я рѣшился предложить въ дополненіе къ нашему училищу ремесленную школу, которая въ селѣ Великомъ была необходима по той причинѣ что всѣ мы занимались не хлѣбопашествомъ, а торговыми промыслами изъ рода въ родъ. Къ сожалѣнію, это

мнѣ не удалось. Помѣщики не согласились пожертвовать одновременно на обзаведеніе пять тысячъ рублей, а сельское общество не посочувствовало и даже явно воспротивилось моему намѣренію, считая его какою-то барщиной...

Потомъ замѣтилъ я что, въ мѣстѣ нашего селенія (нынѣ уже съ тремя тысячами душъ обоого пола) нѣтъ домашнихъ средствъ врачевнаго пособія больнымъ, которые пользуются лишь случаемъ пріѣзда уѣзднаго врача, и то одни зажиточные, въ крайности болѣзни, а прочіе умираютъ безъ пособія или довольствуются бабьими снадобьями. Это обстоятельство крѣпко меня обижало. Однако я не посмѣлъ предложить его обществу, оттого что зналъ закоренѣлость его предразсудковъ, а прямо представилъ господамъ.

Они тотчасъ одобрили и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядились сами прислать изъ Петербурга вольнопрактикующаго врача, Михаила Логиновича, съ назначеніемъ ему отъ себя жалованья и предписавъ мнѣ дать ему приличное помѣщеніе, прислугу и топливо. Этотъ добрый человекъ оказалъ намъ большія услуги, можно сказать благодѣянія: устроилъ въ небольшомъ видѣ домашнюю аптеку, выучилъ нѣсколькихъ мальчиковъ фармацевтикѣ и фельдшерскому искусству, — все то благодаря помѣщикамъ, безъ малѣйшей тягости для общества, которое въ послѣдствіи убѣдилось въ пользѣ сдѣланнаго и было признательно своему врачу, тоже умѣвшему цѣнить простодушную расположенность нашихъ мужиковъ. Этой взаимности радовался я сердечно, и Михайло Логиновичъ всегда былъ въ моемъ домѣ первымъ гостемъ.

Наконецъ пришло мнѣ въ голову предположеніе объ улучшеніи мѣстной сельской промышленности или домашняго ремесла. Вся торговля и ремесленность должны быть основаны на чистой добросовѣстности. Правда, тутъ нужно имѣть терпѣніе до того времени какъ изъ положенія дѣла сдѣлается извѣстна честность; за то когда упрочится ою твой кредитъ, всякій охотно и преимущественно будетъ имѣть съ тобою дѣло. Ремесленность, кромѣ добросовѣстности, должна не ограничиваться стародавнимъ исполненіемъ, а слѣдить за потребностью времени, и выгоды свои извлекать не изъ дешевизны худыхъ матеріаловъ, употребляемыхъ фальшиво на выдѣлку вещей, а изъ искусства и прочности.

Теперь надобно повторить ужь отчасти сказанное, что

на моей родинѣ, въ Великомъ селѣ, съ незапамятныхъ временъ усвоено женскимъ поломъ искусство работать тонкія полотна, которыя по качеству своему вездѣ оаавились. Бабій трудъ этотъ весьма достаточно вознаграждался до того времени какъ за границей техническія усовершенствованія удешевили и улучшили это производство. Встрѣтивъ конкуренцію, наши женщины не могли уже пользоваться прежними выгодами, а вмѣсто того чтобы стараться сколь возможно поправить свою работу, онѣ въ угоду своей корысти начали въ угокъ полотна употреблять бумажную пряжу. Сначала и выгадалась такимъ манеромъ большая польза, потому что при продажѣ фальшивую поддѣлку трудно было замѣтить и опытному покупателю.

Но разумѣется подмѣсь сама собою оказывалась при употребленіи. Стала теряться репутація нашихъ полотенъ, до того даже что ихъ опасались покупать! Вотъ и составилъ я проектъ, и предложилъ обществу чтобы зло этой фальши воспретить. Никто того не похьялъ, не понимая настоящихъ своихъ выгодъ. Я свою мысль на разсмотрѣніе главнаго правленія. Тамъ не только не обратили вниманія на дѣло, а даже съ выговоромъ возвратили мнѣ бумагу назадъ, строго воспретя на будущее время безпокоить „лодобными затѣями, могущими быть прелятствіемъ въ сборѣ оброчной суммы“...

XIX.

Такъ шло съ моими „затѣями“ по бурмистерству. Въ общемъ—благополучно, и всѣ были мною довольны. Желѣзо тоже долженъ былъ я продавать на Нижегородской ярмаркѣ: съ этою частью до 1830 года все оканчивалось удачно, такъ что я всегда получалъ похвалу и денежныя награды. И въ тридцатомъ году наше желѣзо было продано услѣшно, дѣнами даже свыше назначенныхъ.

Къ несчастью моему открывшаяся въ это время эпидемія, холера, погубила дорогой двухъ караванныхъ прикащиковъ, которые, принявъ товаръ на сибирскихъ заводахъ, были обязаны сдать его по моимъ продажнымъ запискамъ покупателямъ, какъ то всегда водилось. При сдачѣ и оказался недочетъ въ тысячу двѣсти пудовъ, стоившихъ по тогдашней цѣнѣ четыре тысячи лятьсотъ шестьдесятъ рублей

ассигнаціями. Дѣло пріемки на заводахъ и сдачи покупателямъ нисколько меня не касалось.

Однако правленіе общей конторы *отъ меня* потребовало объясненія. Вслѣдъ затѣмъ оно прислало въ Великое село ревизора. Тотъ ни по дѣламъ вотчиннымъ, ни разпросомъ товарищей умершихъ прикащиковъ—по желѣзу, не только чего-либо явнаго противъ меня, но даже сомнительнаго не могъ отыскать. При всемъ томъ по этому дѣлу дѣлѣй годъ тянулась переписка.... Очевидно, со стороны господъ ко мнѣ не было претензій, иначе не стали бы со мною долго церемониться. Орудовалъ тутъ главный правитель дѣлъ, да подъ рукой прежній бурмистръ, котораго замѣнили мною. И не трудно было бы мнѣ склонить правителя въ свою пользу, что и видно было изъ нескрываемаго письменнаго его вымогательства.

На бѣду, почитая себя по совѣсти правымъ, я не хотѣлъ унизиться до продажной протекціи, а былъ даже радъ что авось телерешнее неблаговоленіе окончится избавленіемъ меня отъ тяжелой порученности.

Въ 1831 году желаніе мое и сбылось, только не такъ какъ думалось: на ярмарку къ продажѣ желѣза назначень прикащикъ изъ сибирскихъ заводовъ, а мнѣ велѣно явиться въ Петербургъ для личнаго объясненія....

Такая нечаянность не обѣщала ничего добраго. Неприятность была еще и та, что въ то время по своимъ дѣламъ нуженъ былъ личный надзоръ и распоряженіе. Однако долженъ былъ повиноваться, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ вотчинныя дѣла привада въ порядокъ и сдать своему помощнику, въ первыхъ числахъ декабря пріѣхалъ я въ Петербургъ.

Немедленно являюсь къ управляющему главной конторой. По прежнему личному знакомству принять довольно вѣжливо, но очень сухо, лишь съ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ о явкѣ моей доложить при случаѣ господамъ, которые де разъ въ недѣлю бываютъ въ конторѣ. Между прочимъ, по прежнему дозволено мнѣ занять комнату въ господскомъ домѣ. Проходить двѣ недѣли,—все нѣтъ мнѣ вызову.

Такъ рѣшился я безъ зову отправиться къ самому барину, генералу А., тѣмъ болѣе что до сихъ поръ всегда пользовался личною его благосклонностью. Не трудно было это исполнить: камердинеръ, нашъ землякъ, тотчасъ доложилъ

генералу и тогда же позвали меня въ кабинетъ. Здѣсь рѣшилась участь моей будущности, поэтому передамъ разговоръ подробно....

.....

Къ сожалѣнію, именно на этихъ строкахъ подлинная рукопись обрывается: смерть, постигшая автобіографа въ 1868 году, не дозволила ему дописать повѣсть о своей жизни. Дальнѣйшая судьба нашего героя извѣстна по устнымъ разсказамъ его, переданнымъ мнѣ близко знавшими его людьми: излагаю ее вкратцѣ, сожалѣя объ отсутствіи подробностей, которыя вѣроятно были бы въ высшей степени интересны.

Полавшій по чужой винѣ и по вражьи́мъ проускамъ въ нежилость крѣпостной бурмистръ, Савва Дмитріевичъ Пурлевскій, вошелъ въ кабинетъ своего барина ни живъ, ни мертвъ. Сцена произошла грозная, заключилась строгимъ приказомъ: „сейчасъ отправляться назадъ въ деревню, тамъ ждять распоряженія“.

Страшное слово „ждать распоряженія“ ошеломило Пурлевскаго. Ему почудилась та расправа, которой онъ не разъ былъ свидѣтелемъ, тѣлесное наказаніе, можетъ-быть краивая шалка, быть-можетъ Сибирь... Онъ, обыкновенно расудительный, на этотъ разъ потерялъ голову, и тутъ же рѣшился бѣжать. Куда? Объ этомъ долго раздумывать нечего: куда чаще всего бѣгаютъ раскольники, которые вѣроятно не разъ ухаживали и изъ его села, гдѣ ихъ довольно: за Прутъ, за Дунай!

Въ тотъ же день изъ Петербурга его и слѣдъ простыль. Мучила его мысль что внезапное удаленіе поставятъ ему въ строку какъ доказательство его виновности, такъ чтобы не считали его бѣглымъ, а уходъ его—сознаемъ въ винѣ и уклоненіемъ отъ заслуженнаго наказанія, съ дороги онъ послалъ господамъ по почтѣ письмо, въ которомъ обстоятельно излагалъ и матеріальную невозможность согрѣшить въ дѣлѣ, ходившемъ своимъ лутемъ, мимо его рукъ, и тѣ нравственныя побужденія, которыя заставили его, все бросивъ, поскорѣе искать спасенія изъ боязни возможныхъ послѣдствій взведенной на него клеветы.

Отправляясь въ Петербургъ, Пурлевскій взялъ съ собою лишь незначительную сумму и, послѣ петербургскихъ издержекъ да траты на обратный проѣздъ, прибылъ въ Москву всего съ пятидесятью рублями.

Двадцать изъ нихъ, положенныхъ въ кошелекъ, у него украли... На остальные онъ кое-какъ дотащился до Кіева, гдѣ и очутился безъ копѣйки. Въ Кишиневъ пришлось

зажиточному крестьянину, домовладѣльцу и бурмистру отстранствовать уже лѣшкомъ.

Отсюда до Прута рукой подать, только нѣтъ средствъ устроить удобную безъ риска переправу, какую обыкновенно налаживали пограничные Евреи за приличную плату. Дѣлать нечего, подобрался въ темную ночь предприимчивый горемыка одинъ-одинешенекъ къ рѣкѣ, нарѣзалъ камышу, связалъ пучокъ, легъ на него, оттолкнулся ногой и поплылъ по течению.

Течениемъ прибило его въ Молдавію. Черезъ нѣсколько дней молодецъ очутился уже въ Яссахъ, измученный, оборванный, голодный, рѣшительно безо всякихъ средствъ. Здѣсь онъ нашелъ не мало русскихъ бѣглыхъ, особенно скопцовъ, занимавшихся преимущественно извозомъ. Пурлевскій къ нимъ. Они приютили земляка, накормили, приваля къ себѣ въ услуженіе. Хозяинъ попалъ въ работники, да и тому былъ радъ.

Вскорѣ впрочемъ онъ пошелъ въ гору: по своей честности и трудолюбію былъ отличенъ, получилъ экипажъ на развѣздъ, жалованье, долю изъ выручки, началъ обживаться и понемногу разживаться, такъ что мечтались ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ свои собственныя дрожки. Только слышитъ онъ разъ ночью въ просонкахъ около себя разговоръ: „Парень хороший, надо бы его къ намъ...“

Искренній православный, Пурлевскій и своихъ старообрядцевъ на селѣ никогда не одобрялъ, а то стать ему скопцомъ! А какъ слышалъ онъ что скопцы частенько употребляютъ насиліе, то шибко перелугался и при первой возможности скрыться бѣжалъ на Дунай, къ Некрасовцамъ, на рыбные промыслы.

Здѣсь жилъ онъ два года, былъ обласканъ, всѣмъ доволенъ. Одно сокрушало: тоска по родивѣ, по седу, по семьѣ, отъ которой, хоть и посылалъ ей отъ себя вѣсточку, не получалось никакого извѣстія. И сильно подмывало возвратиться. Но какъ? вѣдь онъ бѣглый крѣпостной!

Некрасовцы очень интересовались тѣмъ что дѣлается въ Россіи и выписывали газеты. Разъ, чуть ли не въ 1834 году, читають въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* что по представленію графа Воронцова всемилостивѣйше разрѣшено бѣглымъ, не участвовавшимъ уголовныхъ преступленій, свободно явиться и прилгаться въ Новороссійскомъ краю гдѣ пожелаютъ.

Пурлевскій, собравъ воѣ накопленные гроши, тотчасъ въ Одессу, въ мѣщане. Опредѣлился половымъ въ трактиръ, понравился хозяину и сдѣлался прикащикомъ.

Въ трактиръ ходилъ одинъ магистратскій секретарь. Онъ очень любилъ Савву Дмитрича, и это знакомство немного спустя очень пригодилось. Кто-то послалъ изъ Одессы главноуправляющему доносъ что находится здѣсь такой-то бѣглый крѣпостной Великаго села. Котора и хотѣла былъ

потянуть его, но благодаря секретарю, магистратъ и Херсонская уголовная палата отстояли приписку въ одесскіе мѣщане.

Между тѣмъ, извѣстные Яхненко и Смиренко начали свое сахарное производство. Магистратскій секретарь приходился имъ ллемьянникомъ. По его рекомендаціи, Савву Дмитріевича пригласили въ комиссіонеры открывающагося дѣла. Первоначально не ладилось. Поѣхалъ онъ, въпримѣръ, въ 1847мъ году, въ Астрахань, всего съ пятидесятью бочками, три мѣсяца жилъ тамъ и не продалъ ни одной. Собирался уже во свояси ни съ чѣмъ, какъ приходитъ къ нему мѣстный торговецъ колониальныхъ товаровъ, И. И. Козловъ и покупаетъ всѣ пятьдесятъ бочекъ.

Съ легкой руки этого покупателя, комиссіонерство пошло удачно, и положеніе С. Д. Пурлевскаго окончательно упрочилось. Онъ приписался въ купцы, до пятидесятихъ годовъ разъѣзжалъ по Россіи, живя главнымъ образомъ въ Севастополѣ; въ 1852мъ переселился въ Москву, гдѣ до самой смерти (1868) оставался комиссіонеромъ сперва Яхненко и Смиренки, потомъ замѣнившаго ихъ товарищества. Въ 1856 году онъ выкупилъ своего единственнаго сына за двѣ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ (мать и жена, кажется, задолго предъ тѣмъ умерли). Когда послѣдовало объявленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ, старикъ, возвратившись отъ обѣдни, молча сѣлъ и залился слезами...

Изъ подобныхъ слезъ и слилось неисчерпаемое море признательности вокругъ престола Державнаго Преобразователя!

Н. ЦЕРБАНЬ.

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ
ДЖОРЖА ГЕНРИ ЛУИСА*

(Вопросы о Жизни и Духъ. Problems of Life and Mind)

XVI. И т о г и.

1. Знаніе и Вѣра.

Faust: Der du die weite Welt umschweifst,
Geschäftiger Geist, wie nah' fühl' ich mich dir!
Geist: Du gleichst dem Geist, den du begreifst,
Nicht mir!

Goethe.

Во всѣ времена конечною задачей философіи было возможно удовлетворительное разрѣшеніе слѣдующихъ капитальныхъ вопросовъ: Что мы можемъ знать? Чему мы въ правѣ вѣрить? Какъ должны мы поступать?

Знаніе, вѣра, дѣятельность—вотъ основные факторы, изъ которыхъ слагается личность человѣка какъ разумнаго существа, въ индивидуальномъ и общественномъ смыслѣ. Изъ этихъ вопросовъ первый, о знаніи, чисто-теоретическій и рѣшается независимо отъ остальныхъ. Второй, о вѣрѣ, отчасти теоретическій, отчасти практическій, и рѣшеніе его тѣсно связано съ отвѣтомъ который получится на первый вопросъ. Наконецъ третій вопросъ, о способѣ

* Окончаніе. См. *Рус. Вѣст.* №№ 7, 10, 12 и 1876 и № 5, 7 и 8 и 1877.

дѣйствія, есть чисто - практической, причемъ рѣшеніе его цѣликомъ зависитъ отъ рѣшенія двухъ первыхъ. Вѣра и знаніе, пока не обнаруживаются въ дѣйствіи, въ поступкѣ, суть факты внутренніе, психическіе, исключительно субъективные. Дѣйствіе же, поступокъ, всегда есть фактъ вѣдѣній, реальный, объективный. Въ силу кореннаго закона его природы, человѣку свойственно стремленіе воплощать свои чувства и субъективныя представленія во вѣдѣніяхъ фактахъ, реализовать свои идеи въ окружающей его средѣ, словомъ, осуществить свою мысль на *дѣлѣ*. Вотъ почему проблемы о вѣрѣ и знаніи важны не столько сами по себѣ, сколько потому что ими главнымъ образомъ опредѣляются характеръ, направленіе и предѣлы практической дѣятельности. Отъ философской теоріи познанія непосредственно зависитъ философская же доктрина *этики*. Наши понятія о томъ что *должно быть* вытекаютъ логически изъ нашихъ понятій о томъ что *есть* (знаніе) и о томъ что *предполагается* сущимъ (вѣра).

Спрашивается: которому изъ этихъ двухъ факторовъ принадлежитъ главная роль руководителя человеческой дѣятельности,—знанію или вѣрѣ? Разумѣется знанію, скажутъ реалисты. Что такое вѣра? Дѣло личнаго вкуса и фантазіи, дѣло субъективныхъ чаяній, не долженствующихъ имѣть никакого вліянія на наши разумные поступки. Единственнымъ руководствомъ для частной дѣятельности каждаго, а тѣмъ болѣе для устройства общественныхъ дѣлъ и отношеній должно служить положительное знаніе.

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Существуетъ ли фактически, возможна ли по крайней мѣрѣ практическая дѣятельность опирающаяся исключительно на данныя положительнаго знанія, не основанная на вѣрѣ ни прямо, ни косвенно? Такой дѣятельности не существуетъ, отвѣчаемъ мы; она и невысказана, невозможна. Вѣра есть необходимое условіе, естественная почва всякой вообще дѣятельности. Это требуетъ объясненія. Прежде всего спрашивается: что такое знаніе? Что такое вѣра?

Если въ чемъ-либо существуетъ полное согласіе между опытною наукою и философіей, между реализмомъ и идеализмомъ, то это относительно вопроса о характерѣ и предѣлахъ такъ-называемаго *положительнаго* знанія. Мы знаемъ наши впечатлѣнія, то-есть модификаціи собственнаго

сознанія, и больше ничего. Таково основное положеніе признанное всѣми, даже самыми противоположными школами. Область положительнаго знанія строго ограничена предѣлами опыта; какъ бы широко оно ни развилось внутри этихъ предѣловъ, переступить ихъ оно не можетъ нигдѣ и никогда. Прошедшія и настоящія впечатлѣнія, ощущенія испытанныя нами прежде и испытываемыя теперь, — вотъ все что мы знаемъ. Строго говоря, дѣйствительное знаніе каждаго ограничивается его личнымъ, индивидуальнымъ опытомъ. Не видавъ никогда храма Св. Петра или города Нью-Йорка, вы не знаете, а только вѣрите что они существуютъ. Однако, придавая термину такой исключительный смыслъ, оказалось бы что даже самыя несомнѣвыя научныя истины, самыя бесспорныя факты составляютъ предметъ вѣрованія, а не знанія, поскольку они не проверены каждымъ изъ насъ лично; поэтому въ область знанія включаются не только предметы нашего дѣйствительнаго, индивидуальнаго опыта, но также опыта другихъ людей, вообще всякаго возможнаго опыта. Но затѣмъ уже все то что не было, не есть и не можетъ быть опытомъ, ощущеніемъ (для насъ или для другихъ людей), то не есть и не можетъ быть предметомъ положительнаго знанія.

Будучи строго ограничено сферой опыта, представляетъ ли положительное знаніе достаточно твердую и широкую основу для практической дѣятельности? Ни въ какомъ случаѣ. Начиная съ того что умъ человѣскій никогда не останавливается да и не можетъ остановиться на данныхъ положительнаго опыта, онъ всегда и по необходимости заходитъ далѣе этихъ данныхъ. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующій наглядный примѣръ изъ числа самыхъ простыхъ. Вы слышали, положимъ, лучечный выстрѣлъ и видѣли предъ этимъ облако дыма и стволъ орудія. Впечатлѣніе болѣе или менѣе сильнаго звука, неясное или отчетливое зрительное впечатлѣніе—вотъ все что вы тутъ знаете положительно. Однако вы ни на секунду не сомнѣваетесь что эти впечатлѣнія произведены чѣмъ-то вѣшнымъ, постороннимъ. Вотъ уже *стра* въ причину. Точно также вы твердо увѣрены что дымъ и орудіе суть не только ваши личныя ощущенія, не простыя зрительныя изображенія, но дѣйствительныя предметы существующіе внѣ васъ, своимъ собственнымъ бытіемъ и со-

вершено независимо отъ вашего сознанія. Вотъ и *сѣра* въ субстанцію. Кроме того, вы твердо убѣждены что выстрѣлъ послѣдовалъ не самъ собою, а вслѣдствіе известнаго сочетанія матеріальныхъ условій. Вотъ и *сѣра* въ причинную связь вѣдшихъ явленій.

Что же будетъ сравнительно сильнѣе—уверенность въ данныхъ составляющихъ предметъ положительнаго знанія, или убѣжденіе въ данныхъ составляющихъ предметъ собственно вѣрованія? Пусть кто-нибудь вамъ скажетъ что слышанный вами гулъ былъ залпомъ нѣсколькихъ орудій, а не выстрѣломъ одной пушки, какъ вы полагали; что облако дыма было сѣраго цвѣта, а не бѣлаго, какъ вамъ показалось; что орудіе ошибочно принято вами за осадное, на самомъ дѣлѣ полевое, и т. д. Какъ же вы отнесетесь къ этимъ и подобнымъ показаніямъ, противорѣчающимъ вашимъ личнымъ впечатлѣніямъ? Быть-можетъ вы останетесь при прежнемъ своемъ взглядѣ, быть-можетъ вы согласитесь съ мнѣніемъ оппонента; но во всякомъ случаѣ вы допустите возможность ошибки какъ съ вашей, такъ и съ его стороны; вы не станете утверждать безусловно что факты не могли произойти на самомъ дѣлѣ такъ какъ вамъ ихъ изложили. Итакъ, пока дѣло касается области собственно знанія, возможны сомнѣнія, колебанія, ошибки, перемѣны взгляда.

Но теперь предположимъ что вамъ держать такого рода рѣчь. То что вы принимаете за лучечный залпъ или за единичный выстрѣлъ есть просто нѣкоторое измѣненіе вашей собственной чувствительности, нѣкоторое состояніе вашего сознанія, не имѣющее никакой причины внѣ васъ самихъ; а то что вамъ кажется орудіемъ и облакомъ дыма вовсе не существуетъ внѣ вашего сознанія; это субъективныя представленія, чистыя идеи. Выслушавъ такое заявленіе, вы конечно сочтете его за шутку, и ваша уверенность въ дѣйствительности выстрѣла, въ реальномъ существованіи пушки, дыма и пр. не будетъ поколеблена подобною рѣчью ни на одну секунду. Слѣдовательно, гдѣ дѣло касается данныхъ *сѣрованія*, тамъ нѣтъ ни сомнѣнія, ни колебанія, тамъ даже мысленно не допускается возможность ошибки.

Другой примѣръ. Что такое для васъ вышеприведенная рѣчь предполагаемаго собесѣдника-скептика? Ничего болѣе,

очевидно, какъ сочетаніе звуковъ, рядъ слуховыхъ впечатлѣній. Правда, эти звуки составляютъ для васъ слова, слова предложенія, съ которыми вы соединяете извѣстный, опредѣленный смыслъ. Но вѣдь представленія и понятія, вызываемыя въ вашемъ умѣ даннымъ рядомъ звуковъ или словъ, суть очевидно факты психическіе, внутренніе, происходящіе въ вашемъ сознаниі, а не внѣ его. Тѣмъ не менѣе, усматривая въ сказанной рѣчи, шутку или явную нелѣпость, вы возражаете. Это значитъ что, желая опровергнуть или разувѣрить собесѣдника, кольнуть его, либо подшутить надъ нимъ, вы переходите *от дѣятельности*. Отчего? на какомъ основаніи? Должно-быть оттого и на томъ основаніи что вы твердо и непоколебимо увѣрены въ томъ, во первыхъ, что слышанный рядъ звуковъ не просто явленіе вашего сознания, а былъ произнесенъ кѣмъ-то; во вторыхъ, что этотъ нѣкто есть предметъ внѣ васъ находящійся, реально-существующій; в третьихъ, что это предметъ одушевленный, человекъ подобный вамъ; в четвертыхъ, что произнесенный имъ рядъ звуковъ образуетъ для него какъ и для васъ слова и предложенія; в пятыхъ, что съ этими словами и предложеніями собесѣдникъ соединяетъ тотъ же смыслъ какъ и вы сами; в шестыхъ, что слѣдовательно онъ имѣетъ представленія, понятія, мысли, словомъ сознаніе; в седьмыхъ, что вашимъ возраженіемъ вы вызовете въ его сознаниі извѣстный рядъ представленій и понятій; в восьмыхъ, что кромѣ того, какъ содержаніемъ такъ и тономъ возраженія, вы возбудите въ слушатель соответствующія чувствованія, какъ-то: согласія или несогласія, удовольствія или досады, и т. д. Еслибы вы не были безусловно увѣрены во всемъ этомъ, то рѣшительно не зачѣмъ было бы и отвѣчать. Такъ что же изъ этого? спросите вы. А просто то что всѣ исчисленные пункты вашего безусловнаго убѣжденія суть предметы вѣры, а отсюда не положительнаго знанія! Вы не знаете, да и не можете знать есть ли кромѣ васъ еще другія сознательныя, мыслящія и чувствующія существа, но вы этому вѣрите и, прибавимъ, не можете не вѣрить.

Но если, скажутъ реалисты, назвать вѣрой, а не знаніемъ, такія основныя убѣжденія какъ убѣжденіе во внѣшней причинѣ нашихъ ощущеній, въ реальномъ бытіи предметовъ внѣ сознания, въ существованіи другихъ чувствующихъ и мыслящихъ субъектовъ кромѣ нашего лич-

наго я, въ причинной связи явленій и т. л., то въ концѣ-концовъ окажется что всякое знаніе, всякая наука цѣликомъ зиждется на вѣрѣ. Можно ли это допустить? Что же дѣлать, волей-неволей, а приходится допустить, ибо такъ оно и есть: всякая наука, всякое знаніе и прибавимъ, всякая дѣятельность основаны на вѣрѣ и держатся вѣрой. Точнѣйшія вычисленія планетныхъ орбитъ, а равнымъ образомъ ученнѣйшія разсужденія о химическихъ свойствахъ сѣрнистаго водорода, стало-быть и наши дѣйствія по части наблюденія и экспериментированія сихъ фактовъ имѣють смыслъ и значеніе лишь въ томъ случаѣ, если сами планеты и сѣристый водородъ существуютъ. Существованіе же ихъ есть постулатъ, предположеніе, словомъ, дѣло вѣры. А безъ таковыхъ предположеній и необходимыхъ постулатовъ не обойдется ни одна, даже наиболѣе точная наука, не обойдется никакая, даже практически-утилитарная дѣятельность.

Такъ налримврѣ, геометрія предполагаетъ *пространство* трехъ измѣреній; астрономія предполагаетъ существованіе движущихся космическихъ тѣлъ, стало-быть ея постулаты: *пространство*, *движеніе* и слѣдовательно *время*. Кромѣ этихъ данныхъ, физико-химическія науки еще предполагають *матерію* и *силу*, біологическія—*жизнь*, *чувствительность*, *сознаніе*, нравственныя науки—*добро* и *зло*, правду и неправду, а всѣ—*причинную связь* явленій. Словомъ, чѣмъ спеціальная наука сложнѣе, чѣмъ выше она стоитъ въ общей іерархіи, тѣмъ больше число ея необходимыхъ постулатовъ, то-есть предположеній принятыхъ ею на вѣру. Въ основныхъ идей и данныхъ пространства, времени, движенія, матеріи, силы и т. д. невозможны никакая наука, никакое положительное знаніе, а эти-то идеи и данныя принадлежать цѣликомъ и навсегда области вѣры.

Напрасно стали бы возражать что такъ какъ эти коренныя данныя суть необходимыя предпосылки положительнаго знанія, то они и входятъ въ самую сферу знанія, что коль скоро мы знаемъ что вода = H^2O , то ео ipso знаемъ что существуютъ водородъ, кислородъ и ихъ соединеніе, вода, стало-быть также пространство, въ котораго не могутъ же находиться эти вещества, время, въ котораго не можетъ происходить ихъ соединеніе, и такъ далѣе, а слѣдовательно.... Слѣдовательно, отвѣчаемъ мы, вы твердо,

непоколебимо *уверены* въ существованіи матеріи, времени, пространства и т. д.—и только. А это именно доказываетъ истину нашей тезы что *вѣра* несравненно сильнѣе положительнаго знанія и служитъ послѣднему непремѣннымъ фундаментомъ. Пусть матерія, сила, причинная связь и пр. будутъ предметомъ *вѣрованія*.... А я все-таки *знаю* объ ихъ существованіи!

Но не о простомъ ли названіи идетъ рѣчь? Что мѣшаетъ окрестить именемъ „знаніе“ все то въ чемъ мы болѣе убѣждены и что необходимо для нашего мышленія, для самой способности представленія? Пусть такъ; но въ такомъ случаѣ придется выбросить за бортъ аксіому гласящую что „знаніе ограничено сферой опыта, то-есть явленій,“ объявивъ ее лишнею всякаго смысла и основанія. Дѣйствительно что-нибудь одно изъ двухъ: или эта *коренная аксіома эмпирической школы позитивизма* истинна безусловно; тогда общія основныя начала (пространство, время, сила, причина, жизнь, сознаніе и пр.), какъ лежащія въ области опыта и феноменальности, не могутъ быть включены въ кругъ положительнаго знанія и вообще науки. Или же аксіома истинна не безусловно, то-есть знаніе *не* ограничено строго и исключительно сферой опыта, оно возможно и за предѣлами явленій; но это будетъ прямымъ отрицаніемъ эмпирической доктрины ученія позитивизма и открытымъ признаніемъ возможности метафизическаго знанія, возможности трансцендентной науки. Никакого компромисса или средняго термина тутъ быть не можетъ: либо общія начала на которыхъ зиждется и которыми держится все знаніе такъ-называемыхъ положительныхъ наукъ — непознаваемы и слѣдовательно фундаментъ, *conditio sine qua non* всякаго знанія есть *вѣра*; либо эти начала познаваемы (хотя бы только въ *нѣкоторомъ* смыслѣ и до *нѣкоторой* степени), и тогда рѣшительно не зачѣмъ толковать о невозможности и призрачности метафизики и даже того что окрещено Луисомъ именемъ „метэмпирики“. Тогда метафизика и „метэмпирика“ будутъ отраслями *знанія*, специальными *науками*, совершенно также и на томъ же основаніи какъ *натриумъ* физика или анатомія.

На которой же изъ сторонъ этой альтернативы слѣдуетъ остановиться? По нашему мнѣнію—на *обѣихъ*. Первая *вѣра* съ абсолютной точки зрѣнія, вторая — съ точки зрѣнія

относительной, чисто человеческой. Въ строгомъ смыслѣ, отвѣдочно-теоретически, основная аксіома эмпирической школы о предѣлахъ знанія (то-есть собственно теорія относительности) истинна вполнѣ и безусловно. Съ этой аксіомой согласны, какъ неоднократно было сказано, самыя противоположныя философскія доктрины; она установлена Кантомъ (въ *Критикѣ Чистаго Разума*) неопровержимымъ образомъ. Дѣйствительно и безспорно что мы знаемъ и можемъ знать одни только впечатлѣнія, мысли и чувствованія, то-есть одни состоянія и акты собственного сознанія. Все остальное, все что не есть субъективное состояніе, дѣятельность или пассивность индивидуальнаго сознанія, стало-быть всякая внѣшняя реальность, не есть предметъ знанія, а лишь вѣрованія. Это несомнѣнно. Но теперь спрашивается: если руководствомъ, притомъ единственнымъ руководствомъ въ практическихъ дѣйствіяхъ имѣеть служить то что, согласно теоріи познанія, мы положительно знаемъ, то какого же рода будетъ человеческая дѣятельность? Что послужитъ ей объектомъ и цѣлью? Отвѣчаю, никакой дѣятельности не будетъ, ни что рѣшительно не могло бы служить ей объектомъ или цѣлью. Пассивное созерцаніе, абсолютное бездѣйствіе, тупое погруженіе въ „нирвану“, вотъ единственно возможное состояніе человѣка исключительнымъ руководствомъ и стимуломъ котораго было бы то что (согласно теоріи) называется „положительнымъ знаніемъ“. Чтобы ступить хоть шагъ, чтобы протянуть руку, чтобы производить какія-либо измѣненія или перестановки въ окружающей средѣ, чтобы вліять на другихъ словомъ, убѣжденіемъ, примѣромъ, чтобы заниматься устройствомъ людскихъ отношеній, удовлетвореніемъ общественныхъ потребностей и интересовъ—для этого мы необходимо должны быть твердо увѣрены въ существованіи внѣшней среды, реальныхъ предметовъ, другихъ сознательныхъ и мыслящихъ существъ, имѣющихъ интересы и потребности; въ противномъ случаѣ всякая дѣятельность была бы лишена какъ предмета, такъ и смысла. Увѣренность эта должна быть для насъ равносильна съ самымъ положительнымъ знаніемъ, другими словами: мы должны нѣкоторымъ образомъ *знать* то самое, знаніе чего, въ силу безспорной философской теоріи, совершенно невозможно!

Такъ оно въ дѣйствительности и есть, какъ это ни кажется

страннымъ и даже противорѣчивымъ. Чтò для философіи и науки служить необходимою предпосылкою и сознательнымъ постулатомъ, какъ-то: пространство, время, вещество, сила и пр., то самое является предметомъ инстинктивного, природнаго довѣрія всѣхъ людей, довѣрія болѣе непосредственнаго и несокрушимаго чѣмъ какой-либо фактъ изъ области собственно положительнаго знанія. Изъ этого слѣдуетъ что основоположеніе эмпиризма (то-есть ученіе объ относительности и субъективности всякаго знанія), будучи истинно теоретически, перестаетъ быть истиннымъ въ практическомъ смыслѣ, съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Капитальный грѣхъ эмпириковъ и позитивистовъ вообще, а Луиса въ особенности, заключается въ томъ что непреложную въ отвлеченно-теоретической области истину они переносятъ (и то только отчасти, какъ увидимъ далѣе) на практическую почву, придавая ей и тутъ полное, безусловное значеніе принадлежащее ей между тѣмъ лишь въ ея собственной, теоретической сферѣ. Объяснимъ это посредствомъ сравненія.

Читателю, конечно, извѣстно слѣдующее положеніе: „матерія не уничтожается и вновь не создается; количество ея неизмѣнно.“ Отсюда можно весьма основательно заключить что съ точки зрѣнія общей экономіи природы совершенно безразлично, находится ли извѣстное количество золота въ обращеніи между людьми или въ морской глубинѣ, существуютъ ли данныя химическіе элементы въ видѣ банковыхъ билетовъ или въ видѣ пелла и въ газообразномъ состояніи. Относительно природы и общаго количества матеріи это—непреложная истина. Но слѣдуетъ ли отсюда что и *для насъ* безразлично будетъ-ли золото въ нашихъ карманахъ или въ глубинѣ моря, существуютъ-ли данныя вещества въ формѣ банковыхъ билетовъ или въ видѣ пелла и дыма? Теперь положимъ что вамъ предлагаютъ такое рѣшеніе вопроса: собственно для Россіи аксіома о неуничтожаемости матеріи безусловно истинна какъ теоретически, такъ и практически; для Англіи же—*c'est autre chose*—аксіома истинна въ теоріи, но отнюдь не на практикѣ! Общая экономія природы, а равномѣрно народное богатство Россіи нисколько не пострадаютъ отъ того, окажутся ли наличные капиталы сего государства въ его банкахъ и въ рукахъ жителей или

хоть на лонѣ Тихаго Океана; для національной же экономіи Альбіона это далеко не одно и то же!

Не знаемъ насколько подобная аргументація покажется убѣдительною и научною гг. реалистамъ, однако такимъ же точно образомъ рассуждаютъ корифеи эмпиризма по поводу проблемы о природѣ и предѣлахъ знанія и между тѣмъ находятъ-таки массу ревностныхъ приверженцевъ. Они утверждаютъ—таковъ весь смыслъ философіи Льюиса—что въ абсолютномъ значеніи термина мы *знаемъ* одни только наши ощущенія и идеи, что слѣдовательно все выходящее за предѣлы чувственнаго опыта и субъективнаго сознанія есть предметъ вѣры, а отнюдь не знанія. Противъ этого никто и не споритъ. Но затѣмъ они (то-есть большинство позитивистовъ и эмпириковъ) преспокойно размежевываютъ область вѣры на двѣ половины, изъ которыхъ одна болѣе или менѣе подразумѣваемо изъемлется изъ-подъ приложимости къ ней общей аксіомы, тогда какъ къ другой половинѣ эта аксіома примѣняется во всей ея абсолютной силѣ. Пока дѣло касается предполагаемой подкладки *физическихъ* феноменовъ, вещества, физическихъ силъ, причинной связи физическихъ явленій, словомъ, матеріальнаго порядка міра—вѣра возводится на степенъ „знанія“, за ней признается „реальный“ характеръ, „положительное“ достоинство. Но лишь только рѣчь заходитъ о предполагаемомъ субстратѣ *психическихъ* явленій, о душѣ, о духовныхъ началахъ, о нравственномъ порядкѣ міра, о разумной причинѣ всего существующаго, то вдругъ оказывается что все это предметы не знанія, а „вѣры“, причемъ слову „вѣра“ явно или подразумѣваемо придается смыслъ бессодержательныхъ личныхъ чаяній, иллюзій, умозрѣнія, словомъ, пустыхъ мечтаній. А это дѣлается яко бы во имя науки. Хороша наука, произвольно примѣняющая свой коренной принципъ въ одномъ случаѣ и столь же произвольно игнорирующая его въ другомъ.

Истинная суть дѣла между тѣмъ заключается въ слѣдующемъ. Въ абсолютномъ смыслѣ мы такъ же мало знаемъ матерію какъ и духъ; всякая сущность на вѣки непостижима. Въ человѣческомъ же смыслѣ возможно познаніе и духа, и матеріи, или по крайней мѣрѣ природное довѣріе и сознательная вѣра вполнѣ замѣняютъ для насъ положительное знаніе. Последнее тѣсно замкнуто въ сферѣ личнаго сознанія, и потому безусловно субъективно; никакое бытіе,

никакая реальность, кроме модификацій индивидуальнаго я, ему недоступны. Но предѣлы мышленія не совпадаютъ съ предѣлами положительнаго знанія, они несравненно шире: отъ явленія человѣческой разумъ переходитъ къ субстрату, отъ дѣйствія къ причинѣ, отъ субъекта къ объекту, и создаетъ такимъ образомъ возможность и предметъ практической дѣятельности, возможность и предметъ самой науки. Обширная область мышленія обнимаетъ собою всю совокупность разумныхъ проявленій человѣческой природы, то-есть сферу вѣрованія, сферу знанія и сферу дѣятельности. Прилагаясь къ даннымъ естественнаго довѣрія (то-есть къ аліорнымъ элементамъ сознанія), мышленіе создаетъ философію; прилагаясь къ даннымъ опыта, оно создаетъ спеціальныя науки; а въ примѣненіи къ интересамъ, потребностямъ и отношеніямъ людей оно создаетъ общественныя учрежденія, гражданственность и, по выраженію поэта,

....dans l'informe bloc des sombres multitudes
La pensée en rêvant sculpte des nations.

Безусловныхъ результатовъ, абсолютной истины мышленіе не достигаетъ, правда, ни въ одномъ изъ названныхъ направленій. Наши учрежденія суть учрежденія человѣческія, наша философія есть философія человѣческая, наша наука, даже наиболее точная, есть наука человѣческая; а кто говоритъ „человѣческой“, этимъ самымъ говоритъ „условный, ограниченный, конечный“. Но слѣдуетъ ли отсюда, какъ это утверждаютъ эмпиризмъ и Луисъ, что мышленіе компетентно и законно въ одной лишь области чувственнаго опыта, что оно должно ограничиться исключительно этимъ направленіемъ или по крайней мѣрѣ перемести въ область философіи и практической дѣятельности всѣ приемы, правила и готовые выводы чувственнаго опыта. Странное поистинѣ притязаніе! Самъ опытъ и положительное знаніе въ смыслѣ систематизаціи опыта покоятся цѣлкомъ на неопытныхъ предположеніяхъ матеріи, причины, силы и т. д.; они имѣютъ значеніе и достовѣрность настолько лишь насколько прочны и несомнѣнны эти предположенія, и вдругъ разуму предписывается игнорировать и обойти именно то что составляетъ фундаментъ всякой науки, основу всякаго умственнаго акта. И что за причина устраненія изъ сферы мышленія аліорныхъ элементовъ сознанія, то-есть данныхъ

природнаго довѣрія? Истинная, хотя не высказанная Льюисомъ причина заключается въ слѣдующемъ: будь матерія, а пожалуй также причина и сила (въ специально физическомъ смыслѣ) единственными данными природной вѣры, тогда бы, несмотря на ихъ апріорность, нашъ философъ и его школа не думали бы изгнать эти данныя изъ области „дозволеннаго“ мышленія; но бѣда въ томъ что рядомъ съ этими основами чувственнаго опыта въ человѣческомъ сознаніи находятся еще другіе апріорные элементы, другія не менѣе существенныя и непреодолимыя данныя естественнаго довѣрія, какъ-то: свобода воли, причины и силы духовныя, идея добра и зла и т. д.; а эти-то данныя не входятъ въ программу эмпирическо-позитивнаго утилитаризма, а напротивъ служатъ существеннымъ препятствіемъ ея осуществленію и торжеству. *Inde igitur*—этимъ и объясняется олапа наложенная Льюисомъ и его адептами на всякія „начала“, на все внѣшнѣе, нечувственное. А практическій результатъ игнорированія общихъ „началъ“? Что собственно достигается систематическимъ устраненіемъ изъ круга мышленія основныхъ элементовъ сознанія? Практическій результатъ тотъ что эти начала и элементы остаются въ какомъ-то неопредѣленномъ полумракѣ, вмѣсто того чтобы быть возведенными, посредствомъ критическаго изслѣдованія, въ систему разумно-сознательной вѣры; этимъ путемъ достигается умственная односторонность и исключительность, обнаруживающаяся въ болѣе или менѣе полномъ индифферентизмѣ относительно всего что не есть фактъ осязательно-чувственный, интересъ непосредственно-матеріальный. Насколько такая умственная односторонность и индифферентизмъ къ духовнымъ интересамъ, къ эстетическимъ и нравственнымъ вопросамъ составляютъ дѣйствительное явленіе среди современнаго общества, и вліянію какихъ воззрѣній и доктринъ слѣдуетъ это приписать—предоставляемъ судить самому читателю. Возвратимся къ занимающему насъ вопросу о роли и взаимныхъ отношеніяхъ вѣры и такъ-называемаго положительнаго знанія.

Выше было сказано что философія возникаетъ изъ дѣятельности мышленія, обращенной на первичныя элементы сознанія, на данныя природнаго довѣрія, естественной вѣры. Эти же первичныя элементы и данныя суть не иное что какъ такъ-называемыя „апріорныя“ или „врожденныя“ идеи,

критическое, всестороннее изслѣдованіе которыхъ и составляетъ предметъ философіи. Ея матеріалъ—первоначальный синтезъ сознанія, подобно тому какъ матеріаломъ науки служитъ синтезъ, вѣрнѣе хаосъ чувственныхъ воспріятій. Дѣйствительно, между простымъ ощущеніемъ и научнымъ знаніемъ существуетъ то же отношеніе какое существуетъ между естественнымъ довѣріемъ и философіей. Ощущеніе само по себѣ еще не есть положительное знаніе, въ смыслѣ науки; точно также естественное довѣріе само по себѣ не есть сознательно-разумная вѣра, въ смыслѣ философіи. Чтобы первое стало знаніемъ, наукой, а второе—сознательною вѣрой, философіей, для этого необходима разсудочная дѣятельность, то-есть критическое изслѣдованіе основъ, взаимной связи и зависимости ощущеній съ одной стороны, а данныхъ естественнаго довѣрія съ другой, словомъ, необходимо *мышленіе*. Такимъ образомъ мыслящій разумъ является творцомъ какъ знанія, такъ и вѣры, какъ науки, такъ и философіи. Будутъ ли предметомъ изслѣдованія чувственные факты или апріорныя данныя сознанія, въ обоихъ случаяхъ точность и достовѣрность результата зависитъ исключительно отъ правильности и основательности самаго процесса мышленія, а вовсе не отъ природы разсматриваемыхъ объектовъ. Тутъ однако возникаютъ слѣдующіе вопросы:

Вопервыхъ, прилагаясь къ даннымъ чувственнаго опыта или же къ даннымъ естественнаго довѣрія, можетъ ли мышленіе держаться строго и исключительно той или другой изъ этихъ сферъ? Возможно ли положительное знаніе безъ примѣси элементовъ вѣры, либо сознательная вѣра безъ примѣси элементовъ знанія, короче—возможны ли наука безъ философіи, философія безъ науки? Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ что это совершенно невозможно и невысказуемо. Мало того что такъ-называемое положительное знаніе, какъ мы видѣли, цѣликомъ держится на догматическихъ предпосылкахъ и не опытныхъ постулатахъ, то-есть на данныхъ естественнаго довѣрія, но въ своемъ поступательномъ развитіи, въ своихъ конечныхъ выводахъ наука неизбѣжно доходитъ до обобщеній и теорій далеко превышающихъ предѣлы возможнаго опыта и принадлежащихъ, слѣдовательно, области сознательной вѣры, то-есть философіи. Выростая изъ почвы природнаго довѣрія, наука

довершаетъ изслѣдованіе опытныхъ фактовъ и явленій идеальными построеніями. Такимъ образомъ вѣра есть начало и конецъ, корень и вершина положительнаго знанія. Лишенное своей подпоры, необходимыхъ предпосылокъ естественнаго довѣрія, знаніе обратилось бы въ ничто, въ тумъ, а безъ высшихъ выводовъ и обобщеній, безъ системы сознательно-разумной вѣры наука была бы ремесломъ, бессмысленною рутинной. Но и съ другой стороны, мышленіе обращенное на первичныя данныя сознанія не можетъ ограничиться исключительно сферой чистыхъ элементовъ естественнаго довѣрія, а должно по необходимости опираться на положительные факты, на результаты опыта. Внѣшній и внутренній опытъ—вотъ наиболѣе надежная почва для построеній философіи: идеальная наука выводится изъ положительныхъ фактовъ, абстракція — изъ конкретовъ. Какое значеніе могли бы имѣть, на примѣръ, теорія эстетики или доктрина нравственности, не основанная на дѣйствительныхъ стремленіяхъ, потребностяхъ и свойствахъ человѣческой природы? Очевидно такое же значеніе какое имѣло бы ученіе механики не выведенное изъ реальныхъ законовъ движенія, то-есть ровно никакого. Итакъ, система сознательной вѣры, чуждая опытныхъ данныхъ, представлялась бы безсодержательною мечтой; философія чуждая элементовъ положительнаго знанія—праздною игрой фантазіи.

Вопросъ, если философія есть плодъ мышленія, возводящаго данныя естественнаго довѣрія въ систему сознательно-разсудочной вѣры, то возможны ли противорѣчія между конечными результатами этого мысленнаго процесса и тѣми первичными данными изъ которыхъ добыты и выработаны сами результаты? словомъ, можетъ ли сознательно-разсудочная вѣра противорѣчить естественному, природному довѣрью? Отвѣчаемъ: это не только возможно, но почти неизбежно. Отчего же? Оттого, главнымъ образомъ, что при анализѣ и критическомъ изслѣдованіи первичныхъ идей мышленіе необходимо раздѣляетъ то что въ сознаніи существуетъ нераздѣльно; раздѣляя же, для удобства изученія, то что неразрывно связано единствомъ сознанія, мыслящій умъ легко впадаетъ въ односторонность, легко принимаетъ часть за цѣлое, нѣкоторые элементы сознанія за совокупность всѣхъ элементовъ. Односторонность, въ свою очередь, неминуемо порождаетъ исключительныя

системы, возрѣнія болѣе или менѣе узкія, вмѣсто обширной доктрины, обнимающей человѣческую природу въ ея полнотѣ, со всѣми ея началами и проявленіями. Этому еще въ значительной мѣрѣ споспосбствуетъ свойственная разсудку наклонность къ *простотѣ*, его стремленіе къ *единству* возрѣній во что бы ни стало. Отсюда потребность ума примирить встрѣчающіяся въ основныхъ данныхъ сознанія противорѣчія, а если примиреніе невозможно или кажется таковымъ, то разсудокъ, ради спасенія простоты и единства, склоненъ разрѣшить затрудненіе посредствомъ обхода или даже просто отрицанія. Наконецъ, готовый строй мысли, заранѣе сложившіеся взгляды и умственный темпераментъ изслѣдователя оказываютъ вліяніе, иногда очень замѣтное, на самый процессъ и черезъ это на результаты его мышленія. Общая тенденція, установившіяся возрѣнія на „жизнь“ и на „духъ“ не могутъ, конечно, не отразиться на теоретическомъ рѣшеніи „Вопросовъ о жизни и духѣ“. Такимъ образомъ нечего удивляться, если вслѣдствіе указанныхъ причинъ — односторонности мышленія, стремленія ко всеобъемлющему единству, предвзятыхъ взглядовъ и тенденцій — получаютъ доктрины выдвигающія одни элементы естественнаго довѣрія въ ущербъ другимъ, или даже отрицающія, отчасти или цѣликомъ, то что составляетъ первичное содержаніе сознанія и предметъ естественнаго довѣрія. Такъ, напримѣръ, идеализмъ и матеріализмъ являются системами разсудочной вѣры, основанными на признаніи каждому изъ нихъ особой группой данныхъ естественнаго довѣрія и на исключеніи и отрицаніи противоположной группы. Философское же ученіе Льюиса есть не что иное какъ отрицаніе всѣхъ данныхъ естественнаго довѣрія вообще, возведенное въ систему разсудочной, да притомъ *положительной* вѣры.

Втретьихъ, остается еще слѣдующій вопросъ: имѣя нѣкоторыя первичныя идеи или апріорныя элементы непосредственнаго довѣрія, по сущности своей тождественныя у всѣхъ людей; обладая нѣкоторою суммой положительнаго знанія, весьма различною смотря по способностямъ каждаго, по степени его развитія и обширности приобрѣтеннаго опыта, обладая, наконецъ, болѣе или менѣе ясною и опредѣленною разсудочною вѣрой, то-есть нѣкоторымъ общимъ міровозрѣніемъ, опять-таки крайне различнымъ у

различныхъ людей, — чѣмъ же собственно, которымъ изъ этихъ данныхъ руководствуется человѣкъ въ своей сознательно-разумной дѣятельности? Ибо стремленіе къ сознательной дѣятельности, къ волющенію своихъ представлений въ реальныхъ фактахъ, къ осуществленію идей въ окружающей вѣдшей средѣ есть коренной законъ нашей природы. Оставляя въ сторонѣ вліяніе (конечно весьма немаловажное) личнаго характера, темперамента и индивидуальныхъ наклонностей на образъ дѣйствія каждаго, мы коснемся лишь значенія уломянутыхъ факторовъ, именно — знанія и вѣры, послѣдней въ двойственной формѣ естественнаго довѣрія и разсудочной вѣры, короче — мировоззрѣнія. Возможность и какъ бы реальная почва всякой вообще дѣятельности дается тѣмъ что мы назвали естественнымъ довѣріемъ, то-есть первичными данными сознанія. Но, будучи самаго общаго и отвлеченнаго свойства, идеи пространства и времени, матеріи и духа, причинности и свободы, добра и зла и т. д. не въ состояніи сами по себѣ сообщить единичнымъ дѣйствіямъ *опредѣленное* содержаніе. Содержаніе это, то-есть точный объектъ, модусъ, и средства отдѣльныхъ дѣйствій опредѣляются положительнымъ знаніемъ, опытомъ; характеръ же, направленіе, общій духъ дѣятельности обуславливаются разсудочною вѣрой, мировоззрѣніемъ.

Каковы же будутъ послѣдствія болѣе или менѣе полнаго разлада между природнымъ довѣріемъ и разсудочною вѣрой? Нѣтъ сомнѣнія что подобный разладъ долженъ сильно отразиться на цѣломъ строѣ мыслей и, слѣдовательно, на характерѣ и направленіи дѣятельности лицъ и общественныхъ слоевъ, въ сознаніи которыхъ онъ существуетъ. Однако степень этого вліянія зависитъ отъ массы постороннихъ условій, и вообще практическія послѣдствія разобщенія и противорѣчій между результатами критическаго мышленія и основными данными естественнаго довѣрія бываютъ далеко не такъ рѣзки и безусловны какъ это могло и должно бы быть, еслибы человѣкъ былъ существомъ неуклонно логическимъ, еслибы онъ всегда доходилъ до крайнихъ послѣдствій своихъ теоретическихъ воззрѣній. Къ счастью, этому препятствуетъ живучесть и фактическая неуничтожаемость основъ естественнаго довѣрія, несокрушимость природныхъ, инстинктивныхъ убѣжденій. Пусть

3*

идеалистъ будетъ твердо увѣренъ (теоретически) что не существуетъ никакой матеріи, что вселенная есть не иное что какъ явленіе его личнаго сознанія; все же онъ не станетъ морить голодомъ себя или другихъ людъ предлогомъ что лица не имѣютъ реального бытія и потому не нужны. Пусть материалистъ объявитъ неотрѣзъ духовное начало за мнѣ и праздную выдумку и докажетъ вамъ какъ дважды два что чувство, воля, мысль суть химическіе процессы нервовъ и мозга; на дѣлѣ же онъ никогда не отнесется къ своей собственной или къ чужой мысли какъ къ химическому процессу, начиная съ того что свои соображенія о сущности ума и мышленія онъ непременно выдаетъ за „истину“: какъ будто химическій процессъ можетъ быть истиннымъ или ложнымъ! Пусть „передовые“ реалисты воѣхъ оттънковъ отрицаютъ свободу воли и, слѣдовательно, всякую нравственную вѣняемость; къ постулкамъ, мысламъ и даже намѣреніямъ другихъ людей (хотя рѣже къ своимъ собственнымъ) они относятся тѣмъ не менѣ со всею строгостью суровѣйшихъ моралистовъ. Никто такъ часто не пускаетъ въ ходъ слова въ родѣ: *право, долгъ, совесть, свобода, честность, безкорыстіе* и пр. и пр. какъ именно тѣ „передовые“, которымъ, въ силу ихъ же теорій и міровоззрѣнія, эти слова должны бы представляться пустымъ звукомъ, лишеннымъ всякаго смысла и содержания...

Итакъ, разладъ между положеніями теоретическаго міровоззрѣнія и данными естественнаго довѣрія не въ состояніи окончательно заглушить или парализовать вліяніе послѣднихъ на практическую дѣятельность. Разсудочное противорѣчіе основнымъ началамъ природной вѣры можетъ ослабить энергію этихъ началъ, но не уничтожить ихъ. Слѣдуетъ ли однако отсюда что вліяніе теорій, системъ и міровоззрѣній на практическую дѣятельность не существуетъ, или что оно ничтожно, не стоить вниманія? Опытъ всей исторіи, личный опытъ каждаго, цѣлый рядъ общественныхъ явленій, иногда отраднаго, иногда прискорбнаго свойства, во всегда тѣсно связанныхъ съ тѣмъ или другимъ умственнымъ направленіемъ, съ тѣми или другими господствующими идеями и воззрѣніями—ясно и убѣдительно доказываетъ противное.

2. Этическое значение философии Льюиса.

Und was in schwankender Erscheinung schwebt,
Befestiget mit dauernden Gedanken.

Goethe.

„Въ чемъ заключается цѣль философіи? Какую роль играть въ ней знаніе? Ея высшая и вмѣстѣ съ тѣмъ низшая (?) цѣль есть *руководство въ дѣйствіяхъ*.“ (II, стр. 20) Это положеніе Льюиса можетъ быть принято лишь съ существенною оговоркой. Высшая и низшая, короче—единственная цѣль философіи есть *истина*. Что познанная истина или то что мы принимаемъ за такую даетъ намъ норму для разумной дѣятельности, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такимъ образомъ „руководство въ дѣйствіяхъ“ оказывается вовсе не прямою цѣлью, но во всякомъ случаѣ фактическимъ результатомъ философіи. Если же данное ученіе сочинено и придумано именно съ цѣлью служить теоретическимъ фундаментомъ и какъ бы научнымъ оправданіемъ извѣстнаго, заранѣе принятаго и одобреннаго направленія дѣятельности, то этимъ самымъ оно теряетъ характеръ истинно-философской доктрины и становится орудіемъ пропаганды, средствомъ для проведенія тѣхъ или другихъ тенденцій. Законность притязанія философіи на право руководить нашими дѣйствіями обуславливается именно отсутствіемъ въ ней всякой тенденціозности, отсутствіемъ предвзятости, предвзятыхъ воззрѣній. Полное безпристрастіе, строгая объективность, исканіе истины, одной истины, ради ея самой, а не ради постороннихъ цѣлей—вотъ неумѣняемыя условія дѣйствительной философіи, и въ то же время единственный залогъ ея благотворнаго вліянія.

Выше было сказано мимоходомъ что философское ученіе Льюиса представляетъ собою какъ бы систематическое отрицаніе началъ природнаго довѣрія, тѣхъ лервичныхъ данныхъ сознанія которыя лежатъ въ основѣ всякаго мышленія и, слѣдовательно, всякой дѣятельности. Признавая одну только феноменальность, одни явленія, безусловно отождествляя „явленіе“ съ „ощущеніемъ“, это ученіе отрицаетъ или по меньшей мѣрѣ устраняетъ тѣ необходимые постулаты

(матерію, духъ, причину, силу и пр.), безъ которыхъ сами явленія немыслимы и непонятны. Словомъ, доктрина Луса предлагаетъ намъ атрибуты безъ субъекта, дѣятельности безъ дѣятеля, качества безъ субстрата, дѣйствія безъ причины. Однако это дѣлается не сразу, а постепенно. На первыхъ порахъ оказывается что ощущение, представленіе, мысль, воля, словомъ вся психическая жизнь есть „нервный процессъ“, сознание—„продуктъ органическихъ функцій“, духъ—„продуктъ социальныхъ функцій“, совокупность психическихъ явленій—„движеніе“ (въ матеріальномъ смыслѣ). Такимъ образомъ пока рѣчь идетъ объ устраненіи субстрата психическихъ явленій, то-есть духовнаго начала, до тѣхъ поръ реальное бытіе матеріи авторомъ не подвергается сомнѣнію; напротивъ, изъ нея же выводятся, ею объясняются всѣ сознательные и духовные акты. Но какъ только исследование доходитъ до субстрата физическихъ явленій, до матеріальнаго начала, то вдругъ оказывается что вещественный міръ самъ по себѣ не существуетъ, а „возникаетъ въ сознаніи“, что матеріальные предметы суть „сумма ихъ свойствъ“ или просто „группы отношеній“, словомъ, что вещи существуютъ лишь настолько насколько „влащаются въ нашемъ духѣ“ (замѣтите, тоже не существующемъ).

Далѣе. Вывода сперва психическія явленія изъ матеріальныхъ данныхъ, а затѣмъ матеріальныя явленія изъ психическихъ данныхъ, объясняя то—сознаніе какъ продуктъ физической среды, то—физическій міръ какъ продуктъ сознанія, Лусъ въ обоихъ случаяхъ открыто стоитъ за начало причинной связи: въ первой гипотезѣ матеріальная среда является причиной, психическая—слѣдствіемъ; во второй гипотезѣ психическая среда превратилась въ причину, а матеріальная—въ слѣдствіе. Тѣмъ не менѣе среди этой путаницы противорѣчій, самый принципъ причинности пока остается неприкосновеннымъ. Что жъ, съ помощью одного этого начала ситуація еще можетъ быть спасена: будетъ ли человѣческій духъ, наше личное я продуктомъ міровой субстанціи, или матеріальный міръ—продуктомъ духовной субстанціи, для насъ, для нашей дѣятельности это совершенно безразлично. При обоихъ предположеніяхъ очевидно что единая субстанція, производящая изъ себя либо психическую, либо физическую феноменальность, не есть

то что намъ опытно извѣстно какъ матерія или какъ сознание. Матерія, поскольку мы ее знаемъ, не можетъ быть творцомъ или причиною разума, чувства, воли; а сознание, наше личное я не можетъ быть творцомъ или реальною причиною матеріи. Слѣдовательно въ томъ и въ другомъ случаѣ приходится допустить нѣкоторую верховную, совершенно непостижимую причину, производящую столь же непостижимыя дѣйствія. Не будучи доступна положительному (то-есть эмпирическому) знанію, эта первичная причина доступна вѣрѣ и составляетъ логическій постулатъ, необходимое требованіе разума.

Но это такой выводъ который нашъ философъ ни подъ какимъ видомъ не согласенъ допустить! Поэтому, лишь только великая проблема причинности въ свою очередь становится спеціальнымъ предметомъ разсужденій Луса, то въ результатъ выходитъ что не явленія опредѣляются закономъ, а напротивъ, „законы опредѣляются явленіями“, что „причина есть эффектъ“, „*natura naturans est natura naturata*“, что сила и дѣйствіе „одно и то же“, короче, что никакой причинной связи всего существующаго нѣтъ и быть не можетъ. Ясно что за отнятіемъ этой послѣдней опоры все зданіе природной вѣры такъ и рухнетъ окончательно: нѣтъ духа, нѣтъ матеріи, нѣтъ причины, нѣтъ ничего субстанціального, вѣчнаго, непреходящаго! Что же однако остается? Какъ что? остается бездушная и безлотная фантазмагорія, именуемая авторомъ *реальностью*; остается міръ явленій, міръ ощущеній, но явленій безъ являющагося объекта, ощущеній безъ чувствующаго субъекта, остается, слѣдовательно, *actus purus* и только!

Nicht Schlösser sind, nicht Riegel wegzuschieben,
 Von Einsamkeiten wirst herumgetrieben:
 Hast du Begriff von Oed' und Einsamkeit?

На *ощущеніи* цѣликомъ основана философія Луса; другаго источника познанія, вѣры и дѣятельности она не призываетъ. Критерій всякой достовѣрности есть „приведеніе вывода къ ощущенію“; никакая задача „не можетъ подлежать разсмотрѣнію, если она не допускаетъ *эмпирическаго* исслѣдованія“ (I, стр. 90). „Не смѣдуетъ допускать (даже мысленно) никакого дѣятеля не имѣющаго основанія въ нашихъ *чувствахъ*, никакого вліянія которое не могло бы быть

провѣрено или вычислено“ (I, стр. 93). „Всякое умозаключеніе которое не есть воспроизведеніе *ощущеній* однажды существовавшихъ будетъ ошибочно; всякое умозаключеніе которое не можетъ быть *превращено въ ощущеніе* будетъ обманчиво“ (II, стр. 14). Эти изреченія и множество въ томъ же духѣ не нуждаются въ комментаріяхъ: одно что мы знаемъ, одно чему должны вѣрить, это—чувственные факты; въ нихъ заключается единственная реальность, единственная истина, единственный источникъ и предѣлъ всякой дѣятельности. Мышленіе законо, плодотворно и вообще состоятельно лишь до тѣхъ поръ пока вращается въ сферѣ чувственныхъ данныхъ, а становится призрачнымъ, безсодержательнымъ какъ только оно не можетъ быть „переведено въ конкреты“, то-есть „превращено въ ощущеніе“.

Теперь спрашивается: если цѣль философіи—быть „руководствомъ въ дѣйствіяхъ“, то какова же норма практической дѣятельности вытекающая изъ философской доктрины Лунса? На это приходится отвѣчать, не колеблясь: предполагая что доктрина Лунса истинна, единственною нормою человѣческой дѣятельности должно быть преслѣдованіе исключительно матеріальныхъ цѣлей, возможно широкое удовлетвореніе чувственныхъ потребностей, словомъ, достиженіе возможнаго максимума *наслажденія*. И что же будетъ пружиной, принципомъ такой дѣятельности? Единственнымъ принципомъ можетъ быть безусловный личный *эгоизмъ*. Добра и зла въ нравственномъ смыслѣ, правды и неправды для нашихъ чувствъ вовсе не существуетъ. Ощущенія бываютъ пріятны и непріятны; одни сопровождаются удовольствіемъ, другія—страданіемъ. Поэтому все что можетъ доставить намъ первыя и устранить вторыя должно быть признано за законное средство къ достиженію столь же законной цѣли, именно—возможно полнаго и разнообразнаго чувственного наслажденія. Жизновать краткою жизнью, всемѣрно увеличить сумму пріятныхъ ощущеній и уменьшить сумму непріятныхъ—вотъ въ чемъ должны заключаться цѣль, характеръ и предѣлъ нашей дѣятельности. Стѣсняться какими-либо соображеніями о чужихъ правахъ, о благѣ или страданіи другихъ рѣшительно нѣтъ надобности, если только чужія страданія и нарушенныя права не сопряжены съ непріятными лично для насъ послѣдствіями. Жертвовать хоть малѣйшею прихотью, отказаться отъ удовлетворенія стра-

стей или отъ личной выгоды во имя какихъ-нибудь „идеаловъ“ и „миражей ума“, въ родѣ нравственныхъ началъ и убѣжденій, было бы крайне нелѣпо, такъ какъ ни одно изъ такъ-называемыхъ моральныхъ понятій не можетъ быть „переведено на ощущение“, что, какъ мы видѣли, признается Льюисомъ за *conditio sine qua* по всякой достовѣрности, всякой истинности. Слѣдовательно, личное благополучіе, личный интересъ, притомъ замкнутые въ сферу чувственности, словомъ, личное счастье нашего индивидуальнаго я — таково долженъ быть предметъ всѣхъ нашихъ помышленій и стремленій.

Однако, скажетъ читатель, не можетъ же быть чтобы Льюисъ проповѣдывалъ подобную мораль; не можетъ быть чтобы онъ возвелъ животный эгоизмъ въ принципъ человѣческой дѣятельности! Слѣдимъ оговориться. Только-что изложенное „руководство въ дѣйствіяхъ“ есть строго-логическій выводъ изъ философскаго ученія Льюиса, но напередъ мы стали бы искать что-нибудь похожее на этотъ выводъ въ *Вопросахъ о жизни и душѣ*. Благодаря счастливой непосредственности, авторъ спасается отъ роковыхъ послѣдствій собственнаго ученія, вопреки всякой логикѣ онъ основываетъ этику на тѣхъ именно началахъ которыя имъ же упорно и всемирно отрицаются. Не безъ удивленія читаемъ мы, между прочимъ, слѣдующій пассажъ (глава: *Нравственные типы*, II, стр. 301): „Истина, а не праздная фраза изреченіе что человекъ живетъ не однимъ хлѣбомъ: человекъ имѣетъ преимущество жить *вѣрой, надеждой и любовью*, руководиться высшими побужденіями и подавлять въ себѣ движенія низкаго самолюбія, отвергать преходящія чувственные наслажденія и страстно искать благороднѣйшихъ радостей сердца и ума.“ Вѣра, надежда, любовь! не странно ли звучатъ великія евангельскія слова въ устахъ философа признающаго одни лишь чувственные факты, объявляющаго обманчивымъ и призрачнымъ все то что не поддежитъ чувственной повѣркѣ? Но еще болѣе неожиданнымъ является слѣдующее мѣсто (I, стр. 450): „Наша жизнь окружена *тайнами*; мы постоянно слытываемъ вліянія благоговѣнія, нѣжности, сочувствія, которыхъ никакія слова не выражаютъ ясно, никакія теоріи не объясняютъ вполнѣ. У насъ есть, на примѣръ, *нравственные и эстетическіе инстинкты*, которыя определяютъ наши поступки и *возвышаютъ* нашу

жизнь. Но этому желанію добра другимъ, этому наслажденію красотой мы не можемъ дать ни лучшаго объясненія чѣмъ то что они—*факты человеческой природы*, ни лучшаго оправданія (стало-быть тутъ требуется *оправданіе!* предъ кѣмъ?), чѣмъ то что вліяніе ихъ *благоворно*.”

А la bonne heure — давно бы такъ! Но если человѣческая жизнь „окружена тайнами“; если существованіе „нравственныхъ и эстетическихъ инстинктовъ“ есть фактъ нашей природы, фактъ положительный, „опредѣляющій наши постулки“ и даже „возвышающій нашу жизнь“; если никакія теоріи не въ состояніи „объяснить“ (а тѣмъ менѣе уничтожить) эти „инстинкты“, которые къ тому же „благоворны“,—то спрашивается: къ чему ожесточенный походъ противъ „тайственности“, составляющей признающую авторомъ цѣль книги: *Вопросы о жизни и духѣ?* Къ чему безчисленныя отрицанія тѣхъ самыхъ „тайнъ“, несомнѣнное существованіе которыхъ наконецъ допускается самимъ Луисомъ? Отчего все содержаніе человѣческаго духа такъ настойчиво сводится къ однимъ ощущеніямъ, а послѣднія—къ нервнымъ процессамъ, то-есть къ чисто матеріальнымъ движеніямъ? Къ чему столь же безплодныя сколь упорныя усилія объяснить или, вѣрнѣе, устранить теоретически то что, по невольному признанію автора, необъяснимо и неустранимо? Почему въ двухъ объемистыхъ томахъ упоминается всего разъ или два, да и то мимоходомъ, мелькомъ, о существованіи нравственныхъ и эстетическихъ „инстинктовъ“, этихъ „необъяснимыхъ“ съ точки зрѣнія автора „конечныхъ фактовъ человеческой природы“, тогда какъ разсужденіямъ прямо или косвенно отрицающимъ эти самые „инстинкты“, аргументамъ имѣющимъ подорвать значеніе этихъ „конечныхъ фактовъ“ нѣтъ мѣры и числа?

Какъ бы то ни было, но въ концѣ-концовъ Луисъ не отвергаетъ, а напротивъ, формально (хотя весьма лаконически) признаетъ этическія и эстетическія стремленія, присущія человеческой природѣ, а также нравственныя начала, обуславливающія возможность общежитія, культуры, цивилизаціи. Было бы несправедливо упрекать его въ томъ будто онъ, вѣрный до конца основоположеніямъ собственной доктрины, возводитъ эгоизмъ въ принципъ человеческой дѣятельности, будто онъ ограничиваетъ послѣднюю удовле-

творениемъ животныхъ инстинктовъ, чувственнымъ наслажденіемъ и вообще достиженіемъ однихъ матеріальныхъ благъ. Напротивъ, принципомъ человѣческой дѣятельности Льюисъ выставляетъ не эгоизмъ, а *альтруизмъ*. Терминъ этотъ, заимствованный у основателя позитивизма, Огюста Конта, означаетъ „жизнь для другихъ“, то-есть подчиненіе личности социальности, индивидуальныхъ интересовъ интересамъ общественнымъ.

Но что же это доказываетъ? Неужели то что „альтруизмъ“, начало самоотверженія и подчиненія своихъ выгодъ общему благу дѣйствительно вытекаетъ изъ философскаго ученія автора? Нѣтъ, это доказываетъ только то что философія Льюиса своимъ порядкомъ, а его этика—тоже своимъ порядкомъ, что между тою и другою нѣтъ логической связи. Нравоученіе Льюиса не прямо, ни косвенно не вытекаетъ изъ его доктрины; оно стоитъ совершенно особнякомъ и построено на тѣхъ именно данныхъ природной вѣры, на систематическое устраненіе и отрицаніе которыхъ направлены всѣ усилія автора. Философія, цѣликомъ основанная на „ощущеніи“, выводящая всѣ проявленія человѣческой природы изъ этого источника, приписывающая реальность и достовѣрность однимъ только чувственнымъ фактамъ—такая философія никогда не была и не будетъ въ состояніи объяснить умственную, а тѣмъ болѣе—нравственную жизнь человѣка, то-есть тѣ именно элементы, совокупность коихъ составляетъ родовое отличіе человѣка отъ животныхъ! Истинны нравственнаго порядка, идея *долженствующаго быть*, да и самое понятіе *обязанности*, моральнаго долга на вѣки останутся внѣ сферы чувственнаго воспріятія. Если же, какъ это стократно утверждается Льюисомъ, *всякое* понятіе не способное къ „превращенію въ ощущеніе“ eo ipso обманчиво и ложно, то элементарная послѣдовательность требовала бы совершеннаго исключенія изъ его философіи всякихъ этическихъ понятій, какъ не подлежащихъ опытной провѣркѣ. На такой подвигъ авторъ не рѣшился; но чтобы сласти хоть основныя положенія этики, для этого ему пришлось волей-неволей вывести на сцену новый факторъ не имѣющій ничего общаго съ ощущеніемъ и, слѣдовательно, съ его философіей пришлось прибѣгнуть къ какимъ-то „тайнственнымъ и необъяснимымъ фактамъ человѣческой природы“, къ какимъ-то загадочнымъ „нравствен-

вымъ и эстетическимъ инстинктамъ“. Неужели уму автора не представилась слѣдующая дилемма? Одно изъ двухъ: или ощущеніе есть единственный источникъ психической жизни, а въ такомъ случаѣ разные „таинственные факты“ и этические „инстинкты“ суть мифъ и игра воображенія, ибо они не заключаются въ ощущеніи и не могутъ быть продуктомъ его; или же кромѣ ощущенія существуетъ еще другой источникъ духовной жизни, а если такъ, то философія упорно отрицавшая этотъ источникъ и вдругъ ни съ того ни съ сего допускающая его въ основѣ этики, противорѣчитъ самой себѣ и выдаетъ себѣ свидѣтельство несостоятельности.

Несмотря однако на такое волюющее противорѣчіе, несмотря на внезапное, ни чѣмъ не мотивированное появленіе на сцену (словно *deus ex machinâ*) „нравственныхъ и эстетическихъ инстинктовъ“, этика Луиса все-таки виситъ на воздухѣ, ей не достаетъ твердой почвы. Отчего же? Оттого что въ философскомъ ученіи автора нѣтъ мѣста началу составляющему непремѣнное условіе всякой этики, нѣтъ мѣста свободной волѣ, самопроизвольности человека. Чтò проку въ нравственныхъ „инстинктахъ“ и даже убѣжденіяхъ, если не отъ насъ зависитъ дѣйствовать по собственному почину, согласно или наперекоръ этимъ инстинктамъ и убѣжденіямъ? Нравственная оцѣнка какого-либо поступка необходимо предполагаетъ нравственную же вмѣняемость лица его совершившаго, а вмѣняемость не мыслима безъ предположенія возможности дѣйствовать такъ или иначе, по собственному свободному выбору. Но свобода воли отвергается доктриной Луиса. Въ силу теоріи *развитія* (*evolution*), проведенной авторомъ чрезъ всю неорганическую и органическую природу и служащей для него объясненіемъ какъ матеріальныхъ такъ равно и психическимъ явленій, оказывается слѣдующее (I, стр. 212): „Жизненный организмъ развился путемъ преемственныхъ видоизмѣненій, вызываемыхъ его приспособленіями ко вѣшной средѣ; слѣдовательно мы думаемъ что *все* его функціи или проявленія развились посредствомъ опыта.“

Слѣдуетъ имѣть въ виду что для Луиса „опытъ“ означаетъ *ощущеніе* испытанное лично нами или же „регистрованное“, то-есть испытанное нѣкогда нашими „предками“ и переданное намъ въ видѣ какихъ-то особенностей нашего вернаго строенія. Стало-быть положеніе автора о развитіи жизненнаго организма и его функцій сводится къ слѣдующему:

Наша дѣйствія оуть свѣдѣствія нашихъ представлений, мыслей, страстей и пр.; эти послѣднія обусловливаются особенностями нашего организма, а организмъ есть продуктъ вѣншей среды. Что духъ есть „произведемие соціальнѣй среды“, а сознание—„функциональный продуктъ“ организма, что чувствованіе не иное что какъ „нервный процессъ“, что всякій вообще психическій актъ сводится къ нервнымъ „дрожаніямъ“ и въ концѣ-концовъ есть „движеніе“—все это не представляетъ и тѣни сомнѣнія въ глазахъ Льюиса. Но ясно вѣдь что всякое матеріальное движеніе совершается по непреложнымъ законамъ механики; число, скорость и специфическія свойства нервныхъ „дрожаній“ ничуть отъ насъ не зависятъ; всякіе органические „процессы“ и „функциональные продукты“ суть дѣло роковой необходимости, неизбѣжные результаты дѣйствія кооперирующихся факторовъ—организма и среды. Очевидно что о свободѣ воли, о какой-либо самопроизвольности тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Но разъ какъ личный починъ человѣка, его власть надъ мыслями и постулками отрицается въ самомъ принципѣ и относится въ область химеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ понятія добра и зла, правды и неправды превращаются въ бессмыслицу, въ пустой звукъ, исчезаетъ возможность какого-либо нравственнаго мѣрила: гдѣ нѣтъ свободной воли, тамъ нѣтъ и не можетъ быть этики. Кому же въ самомъ дѣлѣ придетъ въ голову странная мысль назвать таяніе свѣга добродѣтельнымъ или порочнымъ, давленіе газа на стѣнки сосуда — справедливымъ или несправедливымъ, горѣніе свѣчи — благороднымъ или гнуснымъ? Всякій фактъ совершающійся въ силу непреложныхъ законовъ ео ipso ускользаетъ отъ нравственнаго суда, отъ этической оцѣнки. Если же мысли, намѣренія и постулки людей безусловно подчинены роковой связи причинъ и свѣдствій, если они управляются тѣми же неизмѣнными законами какъ и явленія физической природы, то одобреніе или порицаніе человѣческихъ дѣйствій, примѣненіе къ нимъ какого бы то ни было нравственнаго мѣрила окажется положительною нелѣпостью. Льюисъ, между тѣмъ, напелъ возможнымъ даже по устраниеніи всякой свободы воли сохранить въ неприкосновенности—по крайней мѣрѣ номинальной — мѣръ нравственныхъ идей и этическихъ началъ. Въ силу какой логики? это ужъ его секретъ!

Суммируя все выше сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: изъ теоріи познанія исключительно основанной на *ощущеніи* логически-неотразимо вытекаетъ, какъ принципъ дѣятельности, абсолютный *эгоизмъ*; личный интересъ, личное благополучіе и наслажденіе — вотъ въ чемъ должна заключаться единственная цѣль всѣхъ нашихъ стремленій. Луисъ однако отшатнулся отъ такого послѣдствія своей доктрины; принципомъ дѣятельности онъ выставляетъ, наперекоръ всякой логики, *альтруизмъ*, то-есть начало любви и самоотреченія, мотивируя эту непослѣдовательность тѣмъ что существуютъ какіе-то *таинственные* факты человѣческой природы, какіе-то *необъяснимые* нравственные и эстетическіе инстинкты. Благодаря такому компромиссу намъ предлагаются, какъ „руководство въ дѣйствіяхъ“, нравственные понятія и начала не имѣющія ровно ничего общаго съ философіей автора, а заимствованныя имъ цѣликомъ изъ христіанскаго ученія. Введенная искусственнымъ образомъ и лишь благодаря явной непослѣдовательности въ сенсуальную доктрину Луиса, его этика не связана съ этою доктриною никакою органическою связью и удерживается въ ней только цѣной очевидныхъ противорѣчій: гдѣ отвергается самопроизвольность, тамъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста идеямъ этического порядка. „Альтруизмъ“ несомнѣннѣе съ философіей ощущенія, а нравственный законъ безъ предпосылки свободы человѣческой воли есть абсурдъ. Одно изъ двухъ: или сенсуальное ученіе Луиса несостоятельно, или его этика—чистая фантазія. Но этика эта, вся суть которой выражается въ трехъ словахъ: *вѣра, надежда, любовь*—имѣеть въ нашихъ глазахъ то громадное преимущество что она вовсе не принадлежитъ автору *Вопросовъ о жизни и душѣ*. Эта этика есть вѣковое достояніе человечества; она основана на незыблемыхъ идеяхъ добра и зла, неизгладимо присущихъ человѣческому духу, и составляетъ предметъ какъ инстинктивнаго вѣрованія, такъ и святѣйшихъ убѣжденій людей. Поэтому мы естественно отдаемъ предпочтеніе первой сторонѣ альтернативы, то-есть предложенію совершенной несостоятельности какъ Луисовой, такъ и всякой вообще односторонне-сенсуальной доктрины.

А. СТАДИНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОМАНА *

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

II. Сервантесъ.

I.

Жизнь испанскаго романиста вводитъ насъ въ мiръ глубоко отаичный отъ того въ которомъ жилъ Раблъ.

Судьбы Испанiи далеко разошлись съ судьбами остальнаго западно-европейскаго мiра. Испанiя также имѣла свою эпоху Возрожденiя, и имя Сервантеса связано съ этою эпохой; но характеристическiе признаки испанскаго Возрожденiя имѣютъ такъ много самобытнаго, мѣстнаго, что вѣкъ Фердинанда и Изабеллы нельзя разсматривать какъ эпизодъ общаго движенiя возникшаго въ XV вѣкѣ въ Италiи и обоеднаго оттуда всю западную Европу. Въ пышномъ разцвѣтѣ испанской культуры древность играла не самую значительную роль, италянское влiяние замѣчалось въ довольно слабой степени. Политическое объединенiе, изгнанiе Мавровъ, океаническiя экспедиции, подвиги Колумба, Кортеса и Пизарро, свѣточи Саламанкскаго уни-

* См. Русс. Вѣстн. № 6й, гдѣ помѣщенъ очеркъ жизни и трудовъ Раблз.

верситета, геній Сервантеса и Лопе-де-Веги—все это Испанія создала сама изъ себя, изъ глубины своего національнаго духа и особенныхъ условій своей національной исторіи. Съ изумительною, неожиданною быстротою выдвинулась она изъ мрака Среднихъ Вѣковъ, изъ безплодныхъ усобицъ и утомительныхъ войнъ съ чужеземнымъ завоевателемъ, чтобы наполнить Старый и Новый Свѣтъ славой своихъ подвиговъ и чтобы также скоро снова погрузиться во мракъ. Блестящій вѣкъ Испаніи былъ такъ скоротеченъ что Сервантесъ, принадлежавшій этому вѣку, уже носилъ въ себѣ сознаніе роковаго улада, къ которому шла страна. *Донъ-Кихотъ*, этотъ самый зрѣлый плодъ испанскаго Возрожденія, проникнутъ скорбною проніей, на немъ почіетъ печать унынія, въ немъ слышатся слезы сквозь смѣхъ.

Стихи средневѣковой жизни также отличились въ Испаніи въ своеобразныя формы. Многочисленное и гордое испанское дворянство было въ большинствѣ очень бѣдно. Оно не успѣло сосредоточить въ своихъ рукахъ поземельныя богатства страны и не выработало майората. Между тѣмъ едва ли гдѣ-нибудь аристократическій духъ проявлялся такъ сильно, какъ въ средѣ этихъ бѣдныхъ кастильскихъ гудальго, все существованіе которыхъ зависѣло иногда отъ небольшого клочка пашни или виноградника и отъ десятка муловъ и ословъ, ласшихся на выжженномъ солнцемъ выгонѣ. Но этотъ гудальго, домашняя обстановка котораго очень мало отличалась отъ обстановки сосѣднаго крестьянина, и который относился къ этому крестьянину съ сосѣдскимъ добродушіемъ, былъ проникнутъ чувствомъ своего личнаго и родоваго превосходства не менѣе нѣмецкаго барона, англійскаго лорда или французскаго маркиза, предки которыхъ ходили на Востокъ подъ знаменами Копрадовъ, Ричардовъ и Лудовиковъ. Когда мы говоримъ о рыцарствѣ, мы обыкновенно представляемъ себѣ рыцарей нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, какихъ изобразила намъ національная поэзія этихъ странъ, баллады Шиллера и романы Вальтеръ-Скотта; а между тѣмъ нигдѣ основная идея рыцарства не утвердилась такъ прочно какъ въ Испаніи, нигдѣ борьба съ невѣрными и суровое служеніе Кресту не создали столько же героевъ какъ въ отечествѣ Сиды. Рыцарство было въ Испаніи самымъ популярнымъ учрежденіемъ, и достаточно однихъ свидѣтельствъ Серван-

теса чтобъ убѣдиться съ какою жадностью даже въ началѣ XVII вѣка народъ Испанскій зачитывался произведеніями рыцарской литературы. Бѣдность дворянства и мрачный, сосредоточенный характеръ Испандцевъ помѣшали рыцарству принять въ этой странѣ тѣ блестящія, пышныя формы, въ какія оно облакалось въ Германію или Францію; но ни одно дворянство не служило такъ вѣрно и такъ долго главной задачѣ рыцарства какъ испанское. Борьба со врагами Креста наполняетъ весь героическій періодъ испанской исторіи; сломивъ могущество Мавровъ на собственной территоріи, Испанія продолжаетъ бороться съ исламизмомъ на водахъ Средиземнаго моря, на берегахъ Африки. За Океаномъ, въ неведомыхъ странахъ Новаго Свѣта, она совершаетъ свои сказочныя завоеванія подъ знаменемъ Креста. Такъ продолжается до тѣхъ поръ пока реформація, разрушивъ католическое единство западной Европы, втягиваетъ Испанію въ борьбу съ протестантизмомъ, и побѣжденное въ этой борьбѣ отечество Сервантеса владаетъ на цѣлыя столѣтія въ глубокой летаргической сонѣ.

Сервантесъ былъ пламеннымъ выразителемъ національной идеи. Мы знаемъ его преимущественно какъ автора бессмертнаго романа, съ котораго до сихъ поръ начинаются литературныя впечатлѣнія каждаго образованнаго человѣка, къ какой бы странѣ онъ ни принадлежалъ. Послѣ *Робинзона* Дефоз, *Донъ-Кихотъ* есть едвали не единственный романъ о которомъ можно сказать что его непременно всякій читалъ, хотя бы въ сокращеніи для дѣтей. Но этотъ романъ написанъ Сервантесомъ уже въ старости, когда онъ разочаровался въ своихъ силахъ для той борьбы которая была главнымъ дѣломъ всей его жизни, для борьбы съ исламизмомъ. На это дѣло онъ положилъ свою кровь, свою молодость, самую горячую свою мысль. Когда во второй части *Донъ-Кихота* рыцарь печальнаго образа высказываетъ проектъ изгнанія Турокъ, мы присутствуемъ при зрѣлищѣ исполненномъ трагическаго омысла: на этихъ пролинувшихъ скорбною проклетіемъ страницахъ Сервантесъ свѣтаетъ надъ самыми святыми и пламенными увлеченіями собственной молодости. Разочарованный, больной, искалѣченный, опозоренный, онъ чувствуетъ какъ его собственная страдальческая жизнь воплощается въ образѣ этого поло-

умнаго гудальго, такъ строго наказаннаго за то что онъ много вѣрилъ и многого хотѣлъ. Между жизнью Сервантеса и его романомъ есть личная связь, которую необходимо объяснить себѣ, чтобы вполнѣ понять его бессмертное произведеніе.

Эта жизнь—тоже романъ, полный самаго драматическаго интереса. За исключеніемъ Камюэнса, мы не знаемъ другаго поэта молодость котораго прошла бы среди такой кипучей дѣятельности и такихъ романтическихъ приключеній какъ молодость Сервантеса. Онъ служитъ живымъ опроверженіемъ латинской поговорки, утверждающей что при звукахъ оружія молчатъ музы. Его муза была подругой бога войны. Онъ былъ влюбленъ въ ремесло солдата и до конца дней сохранилъ въ себѣ солдатское сердце. Воспоминанія боевой жизни, такъ плохо вознагражденной, остались навсегда его лучшими воспоминаніями.

По происхожденію онъ принадлежалъ къ тому сословію въ которомъ сосредоточивалась вся политическая жизнь страны. Родъ Сервантесовъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ сѣверной Испаніи. Отчиной этого рода была горная Галиція. Оттуда Сервантесы выселились въ Кастилію, гдѣ породнились съ домою Сааведра, и позднѣе въ Андалузю. Всѣ они изъ поколѣнія въ поколѣніе прославились въ нескочаемыхъ войнахъ съ Маврами и заслужили кровью свои гербы и девизы. Въ XVI вѣкѣ нѣкоторые изъ нихъ переселились въ Новый Свѣтъ, гдѣ продолжали служить оружіемъ своимъ королямъ; другіе остались въ южной части полуострова, сохраняя среди крайней бѣдности гордое сознаніе родовой чести и воинственныя преданія отцовъ и дѣдовъ. Сервантесъ былъ весь полонъ этихъ славныхъ преданій, и многіе изъ его предковъ фигурируютъ въ его драмахъ и повѣстяхъ. Онъ гордился именемъ Сааведры, и стремленіе поддержать личными подвигами честь своего рода управляло всѣми событіями его жизни.

Къ сожалѣнію, многое въ этой жизни навсегда потеряно для исторіи. Великій писатель былъ долгое время въ небреженіи у своихъ соотечественниковъ. Только въ половинѣ прошлаго столѣтія явилась первая его біографія, написанная Григоріемъ Сискаромъ, по приглашенію графини Монтихо и барона Картерета. Эта первая попытка была

положена трудами Саміенто, Винченца Ріоса и въ особен-ности Наваррета, написавшаго лучшую на испанскомъ языкѣ книгу о Сервантесѣ. Большаго уваженія заслуживаютъ также труды Віардо, Тикнора, Роско и Эмиля Шаля; сочиненіе послѣдняго считается лучшимъ пособіемъ для тѣхъ кто не можетъ пользоваться трудомъ Наваррета. Переводовъ *Донъ-Кихота* на иностранные языки сдѣлано было множество; утверждаютъ что на одномъ англійскомъ языкѣ ихъ издано до 200. На нѣмецкомъ языкѣ лучшими считаются Ферстера (1825) и Келлера (1840), на французскомъ Делоне (De l'Aulney, 1821) и Віардо. По-русски мы имѣемъ очень точный и полный переводъ Карелина; кромѣ того г. Кириличниковъ помѣстилъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* прекрасный переводъ одной изъ повѣстей Сервантеса *Сеньйора Корнелія*.

II.

Мигуэль Сервантесъ Сааведра родился въ маленькомъ городѣ Алкала-де-Генаресъ, въ 1547 году, сдѣдовательно за шесть лѣтъ до смерти Раблэ. Семейство его состояло изъ отца Родриго, матери Леоноры, двухъ сестеръ и брата Родриго. Былъ живъ еще и дѣдъ будущаго писателя, старикъ Жуанъ Сервантесъ, безплодный тилъ кастильскаго гадальго, весь погруженный въ славныя боевыя преданія своего рода. Всѣ они были люди очень бѣдные, и мы едва ли ошибемся если предположимъ что Сервантесъ, описывая жилище и обстановку *Донъ-Кихота*, далъ много мѣста воспоминаніямъ собственнаго дѣтства и семьи. Мы можемъ смѣло отнести къ его отцу или дѣду строки которыми начинается знаменитый романъ: „Жилъ недавно одинъ изъ тѣхъ гадальго, у которыхъ можно найти старинный щитъ, копые на ладкѣ, тощую клячу и голую собаку. Кусокъ отварной баранины, изрѣдка говядины—къ обѣду, вшегреть вечеромъ, кушанье скорби и сокрушенія по субботамъ, чечевича по латвицамъ и пара голубей, приготовлявшихся сверхъ обыкновеннаго по воскресеньямъ—поглощали три четверти его годоваго дохода. Остальная четверть расходовалась на платье, состоявшее изъ тонкаго оукомнаго полукафтаныя съ лаисовыми лавталонами и такими же туф-

лями, надѣваемыми въ праздники, и камзола изъ лучшей туземной саржи, носимаго имъ въ будни.“

Алкала-де-Генаресъ, гдѣ жили Сааведры, представлялъ въ то время однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Испаніи, благодаря заботамъ и пожертвованіямъ знаменитаго Хименеса, архіепископа Толедскаго. Алкалскій университетъ, считавшій въ своихъ аудиторіяхъ одиннадцать тысячъ студентовъ, славился не только въ Испаніи, но и за границей. Въ Алкалѣ было 19 коллегій, 38 церквей, множество общественныхъ и частныхъ сооруженій замѣчательной архитектуры. Науки и искусства процвѣтали въ этомъ городкѣ, пользующемся прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Тамоннія типографіи печатали на языкахъ латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ, арабскомъ и халдейскомъ. Всѣ эти условія дѣлали Алкалу однимъ изъ значительнѣйшихъ умственныхъ центровъ страны и привлекали туда изъ Кастиліи, Каталоніи и Андалузіи мужей науки и жаждавшее образованія юношество.

Мы не знаемъ, въ какой степени Мигуэль Сервантесъ могъ воспользоваться учебными средствами своего роднаго города, но кажется что бѣдность родителей помѣшала ему слушать курсъ въ университетѣ. По всей вѣроятности образованіе его ограничилось курсомъ одной изъ мѣстныхъ коллегій и было дополнено въ послѣдствіи обширною начитанностью и обращеніемъ въ кругу образованныхъ и ученыхъ людей. Кромѣ недостаточности матеріальныхъ средствъ, его по всей вѣроятности отвлекали отъ сухихъ и систематическихъ занятій наклонность къ поэзіи, проявившаяся въ немъ съ весьма ранняго возраста, мечтательный характеръ, страсть къ продолжительнымъ удивительнымъ прогулкамъ среди живописныхъ окрестностей Алкалы. Поэзія и природа были его главными учителями. Онъ писалъ стихи, читалъ латинскихъ и испанскихъ поэтовъ, и вообще рано пріобрѣлъ литературную начитанность. Изъ нѣкоторыхъ страницъ *Донъ-Кихота* видно, какъ близко зналъ онъ даже всѣ неважныя ему рыцарскіе романы, противъ которыхъ потомъ такъ горячо ратовалъ. Изъ профессоровъ принимавшихъ участіе въ образованіи Сервантеса сохранились извѣстія о Лопецъ-де-Гойосѣ, обучавшемъ реторикѣ и стремившемся развить въ своихъ ученикахъ поэтическій

таавтъ. Онъ первый поощрилъ Сервантеса, напечатавъ нѣсколько его стихотвореній, впрочемъ довольно слабыхъ.

Другимъ наставникомъ, имѣвшимъ на будущаго писателя огромное вліяніе, былъ знаменитый въ то время странствующій комедіантъ, Лопе-де-Руэда. Одаренный комическимъ гениемъ, онъ покинулъ Севилью, гдѣ жилъ простымъ ремесленникомъ, и пустился странствовать по городамъ и селамъ, сочиняя фарсы и интермедіи и разыгрывая ихъ на жалкихъ подмосткахъ предъ восхищенною толпою народа. Театра тогда не было ни въ Алкаль, ни даже въ Мадридъ; представленія давались подъ открытымъ небомъ, декорацией служило старое рдѣло, повѣшенное на двухъ веревкахъ. Тѣмъ не менѣе жители Алкалы чрезвычайно любили эти нехитрые спектакли, и Сервантесъ прибѣгалъ задолго до начала чтобы добыть мѣсто впередъ. Руэда бралъ обыкновенно въ основу фарса какую-нибудь веселую народную сказку и создавалъ рядъ сценъ, полныхъ неподдѣльнаго юмора и иногда не чуждыхъ намековъ на извѣстныя не популярныя въ народѣ личности. Безпритязательная публика такъ полюбила этого перваго національнаго драматурга, предшественника Лопе-де-Веги и Кальдерона, что по смерти почитала его великолѣпными похоронами, какихъ не удостоились многіе сильные земли. Молодой Сервантесъ былъ самымъ горячимъ поклонникомъ странствующаго комедіанта и до конца жизни сохранилъ восторженное воспоминаніе о наслажденіи доставленномъ ему нѣкогда этими спектаклями подъ открытымъ небомъ. Въ прологѣ къ собранію своихъ драматическихъ сочиненій онъ говоритъ между прочимъ: „Мнѣ случилось недавно въ обществѣ моихъ друзей толковать о театрѣ и обо всемъ относящемся къ театру. Пускались въ такія тонкости, въ такую критику что получался образецъ идеальнаго совершенства. Толковали также кто первый въ Испаніи вывелъ комедію изъ леленокъ и поставилъ ее на роскошную сцену, облекъ въ пышныя одежды. Я, самый старшій изъ всѣхъ, разказалъ что помню еще представленія великаго Лопе-де-Руэды, человѣка необыкновеннаго по своему сценическому таланту и уму. Онъ родился въ Севильѣ и по ремеслу былъ *batihaja*, то-есть золотыхъ дѣлъ мастеръ. Въ пасторальной поэзіи онъ былъ превосходенъ; въ этомъ родѣ никто ни раньше, ни позже не превзошелъ его, и хотя я тогда не могъ еще оцѣнить

его стиховъ, но припоминая теперь, въ моемъ зрѣломъ возрастѣ, нѣкоторые куплеты, я нахожу что тогдашнее впечатлѣнiе мое было вѣрно.... Во времена этого знаменитаго испанскаго актера, весь инвентарь директора театра состоялъ изъ мѣшка, заключавашаго въ себѣ четыре камзола изъ голубой замши, отдѣланныхъ позолоченною кожей, четыре парика съ подвязными бородами и четыре пастушескiе посоха. Комедiи состояли изъ эклога и изъ разговоровъ между тремя пастухами и пастушкой. Ихъ оживляли и растягивали интермедiями, въ которыхъ выступали негрятянка, или забулдыга, или дурачокъ, или Бискайецъ; эти четыре роли исполнялъ самъ Лопе, также какъ и многiя другiя, и всегда съ величайшимъ совершенствомъ и естественностью.“

Живость этого воспоминанiя свидѣтельствуеетъ о силѣ впечатлѣнiя вынесеннаго молодымъ Мигуэлемъ; представленiя странствующаго комедiанта повидимому дали энергическiй толчокъ поэтическимъ стремленiямъ жившимъ въ душѣ юнаго гидальго, и эти стремленiя нѣкоторое время держали его въ нерѣшимости относительно выбора карьеры. Вкусы его склонялись къ литературѣ; но въ немъ жили также инстинкты врожденные всему кастильскому дворянству, воспитанному среди битвъ и осласныхъ океаническихъ экспедицiй. Военное полприще привлекало Мигуэля тѣмъ болѣе что въ характерѣ его, вмѣстѣ съ утонченными потребностями ума, было очень много физической энергiи. Самая наружность его напоминала солдата: мужественное смуглое лицо, высокiй лобъ, круглыя брови, орлиный носъ, рѣзко очерченный ротъ, короткiе черные волосы, всегда зачесанные назадъ—такимъ представляютъ намъ Сервантеса дошедшiе отъ временъ его молодости портреты. Вся фигура его дышала энергiей, твердостью и рѣшимостью; мужественный взглядъ какъ бы подтверждалъ то что онъ сказалъ въ одной повѣсти, включенной въ *Донъ-Кихотъ*: „Великъ подвигъ воиновъ, которые, замѣтивъ въ крѣпостной стѣнѣ брешь такой величины, какую могло произвести ядро, забывая разсудокъ и страхъ, пренебрегая грозящею имъ оласностью, одушевленные единымъ желанiемъ явптъ себя достойными защитниками вѣры, короля и своего народа, безстрашно кидаются на встрѣчу тысячѣ ожидающихъ ихъ смертей.“ Боевые инстинкты до конца жизни были

чрезвычайно живучи въ натурѣ Сервантеса, и ни о чемъ нигдѣ не говорить онъ съ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ какъ о боевыхъ подвигахъ и о преимуществахъ военного полрища. Эти пламенные выходки часто выставлялись въ смѣшномъ видѣ врагами Сервантеса, утверждавшими что въ лицѣ Донъ-Кихота онъ изобразилъ часть самого себя. Но когда мы ознакомимся съ боевымъ полрищемъ нашего романиста, мы должны будемъ признать что его солдатское краснорѣчіе было естественнымъ выраженіемъ личнаго мужества, засвидѣтельствованнаго въ кровавыхъ бояхъ.

Въ эпоху когда Сервантесъ достигъ совершеннолѣтія, берега Средиземнаго моря были свидѣтелями ужасовъ, вызванныхъ быстрыми военными и политическими успѣхами Турокъ. Громадный турецкій флотъ, предводимый опытными адмиралами, лобѣдоносно плавалъ по водамъ „международнаго озера“, а турецкіе корсары, сновавшіе по всѣмъ побережьямъ, наводили невыразимый ужасъ на мирныхъ обитателей Архипелага, Сициліи, Неаполя, Далматіи. Все пространство отъ Гибралтара до Дарданеллъ, по берегамъ трехъ материковъ, было театромъ отчаянной борьбы. Величайшіе военные таланты эпохи стремились сюда вмѣстѣ съ безвѣстными искателями счастья и приключеній. „Когда всѣ они встрѣчались на этой великой сценѣ—говоритъ Эмиль Шаль въ своей книгѣ о Сервантесѣ—генералы и корсары, христіане и ренегаты, Европейцы и Азіяты, борьба становилась величественна, и весь міръ со вниманіемъ слѣдилъ за нею. Каждый оказывалъ чудеса храбрости и жестокости, достигая предѣловъ того что можетъ сдѣлать человекъ въ добрѣ и злѣ. Сегодняшній побѣдитель завтра становился рабомъ, по прихоти событий. Для двадцатилѣтняго юноши, Исланца и поэта, было соблазнительно это зрѣлище блестящаго и кроваваго лобовища, никогда не кончавшагося, этого турнира, этой драмы изъ дѣйствительной жизни, герою которой привлекали всеобщее вниманіе.“

Прибывъ въ Римъ въ свитѣ кардинала Аквививы, обратившаго благосклонное вниманіе на молодого алкалскаго поэта, Сервантесъ, подъ влияніемъ кипучихъ военныхъ приготовленій, которыя онъ засталъ въ Италіи, быстро рѣшилъ свой выборъ и поступилъ солдатомъ подъ знамена Донъ-Жуана Австрійскаго. „Всѣ толковали въ то время—

объявляетъ этотъ шагъ самъ Сервантесъ—о лигѣ образованной между палой Сицией, Венеціей и Испаніей, противъ общаго врага, т.-е. противъ Турокъ. Турецкій флотъ овладѣлъ предъ тѣмъ островомъ Кипромъ, принадлежавшимъ Венеціанцамъ, и это была тяжелая и роковая потеря. Узнали съ достовѣрностью что свѣтлѣйшій Донъ-Жуанъ Австрійскій, побочный братъ нашего короля Филиппа, прибылъ въ качествѣ главнокомандующаго лигой и дѣлаетъ громадныя приготовленія къ войнѣ. Все это воспламенило меня желаніемъ участвовать въ предположенной кампаніи. Въ другомъ мѣстѣ онъ какъ бы отвѣчаетъ тѣмъ, кого удивляло предпочтеніе отданное имъ военной карьерѣ предъ литературною: „самые лучшіе солдаты — студенты, бросившіе свои занятія ради военной службы.“

Донъ-Жуанъ былъ геройемъ всѣхъ тѣхъ кого увлекала жажда героическихъ подвиговъ. Молодой, блестящій, красивый, отважный, онъ соединялъ въ себѣ лучшія черты кастильскаго тѣла. Войска обожали его. Втихомолку сравнивали его съ царственнымъ братомъ, мрачнымъ и завистливымъ Филиппомъ II, и не могли не признавать его превосходства. Какъ только разнеслась вѣсть что онъ избранъ главнокомандующимъ войсками лиги, къ нему со всѣхъ сторонъ начали стекаться испанскіе пѣхотинцы, считавшіеся въ то время лучшими въ мірѣ. Это были солдаты по призванію; ни на комъ солдатское платье не сидѣло такъ ловко; они щеголяли превосходнымъ оружіемъ, на которое тратили свои послѣднія деньги. Діего Урбина, землякъ Сервантеса, привелъ одинъ изъ отрядовъ этихъ храбрыхъ мушкетеровъ изъ Фландріи; Мигуэль вступилъ въ его ряды, составившіе часть арміи знаменитаго своею неустрасимостью Лопе-де-Фигвероа, Астурійца по происхожденію и одного изъ лучшихъ слодвижниковъ Донъ-Жуана.

Въ сентябрѣ 1577 года войска лиги, составленные изъ испанскихъ, нѣмецкихъ и венеціанскихъ полковъ, сѣли на суда. Отрядъ Діего Урбины, въ которомъ находился и Сервантесъ, размѣстился на галерахъ Андрея Доріи. Судно принявшее нашего лова называлось *Маркеза*. Но плаваніе съ самаго начала было неудачно для Сервантеса: онъ заболѣлъ горячкою и не могъ встать съ койки. Между тѣмъ флотилія медленно продолжала свой путь, направляясь къ востоку и отыскивая непріяеля. Подозрительный и завистливый

Филиппъ окружилъ Донъ-Жуана совѣтниками, мѣшавшими ему на каждомъ шагѣ и едва не разстроившими предпріятіе въ самомъ началѣ. Наконецъ 8го октября, въ виду Лепанта, войска лиги увидѣли громадный турецкій флотъ, ожидавшій встрѣчи въ полномъ боевомъ порядкѣ. Какъ только показался флагъ лиги, Турки подняли паруса и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, пошли прямо въ атаку.

Донъ-Жуанъ раздѣлилъ флотилію на три части, вѣрилъ правое крыло Доріи, лѣвое Барбериго, а резервъ Санта-Круцу. Затѣмъ, схвативъ въ руку Раслятіе, онъ садится въ небольшую шлюпку и проплываетъ съ нимъ между рядами галеръ, показывая солдатамъ священный символъ.

Приготовленія къ бою не укрылись отъ большаго Сервантеса. Онъ вскакиваетъ съ койки и выбѣгаетъ на палубу. Офицеръ отсылаетъ его назадъ; Сервантесъ противится; завязывается борьба, въ которой горячій пылъ молодаго солдата наконецъ одерживаетъ верхъ. Ему разрѣшаютъ занять вмѣстѣ съ двѣнадцатью товарищами небольшую лодку, принадлежащую *Маркезу*, чтобы биться въ первыхъ рядахъ.

Сигналъ поданъ, горячій бой закипѣлъ по всей линіи. Христіане и Турки бились съ равнымъ ожесточеніемъ. Улухъ-Али, одинъ изъ лучшихъ турецкихъ адмираловъ, сильно тѣснилъ лѣвое крыло Донъ-Жуана. Здѣсь бой принималъ самый истребительный характеръ. Большинство офицеровъ было перебито; Сервантесъ, полавшій въ самую жаркую схватку, получилъ четыре раны; между прочимъ пуля раздробила ему лѣвую руку. Къ счастью вѣтеръ, благоприятствовавшій непріятелю, перемѣнился. Съ этой минуты шансы боя оказались на сторонѣ христіанъ. Стремительная атака прорвала центръ турецкаго флота; поднявъ на мачту окровавленную голову Али-паши, только-что убитаго, Донъ-Жуанъ направилъ все свои усилія противъ Улухъ-Али, тѣснившаго лѣвый флангъ, и обратилъ его въ бѣгство. Отважный Лопе-де-Фигвероа овладѣлъ непріятельскимъ знаменемъ. Вскорѣ Турки отступили на всей линіи. Пораженіе ихъ было полное. Они потеряли до 30.000 убитыми и лополненными, кромѣ 15.000 христіанскихъ рабовъ, посаженныхъ гребцами на турецкихъ галерахъ.

„Когда звуки торжества прозвучали въ прозрачномъ воздухѣ, говоритъ Сервантесъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, и трубы возвѣстили побѣду христіанскаго оружія.

„Въ эту сладостную минуту, печальный, я стоялъ, положивъ руку на шлагу; другая истекала кровью.

„Я чувствовалъ глубокую рану въ моей груди, и лѣвая рука моя была разбита на части.

„Но такая радость наполняла мою душу, когда я видѣлъ что христіане разбили жестокой и невѣрный народъ.

„Что я не замѣчалъ своей раны. Но страшныя страданія лишали меня чувствъ.“

Воспоминанія объ этой ужасной битвѣ, результаты которой, благодаря нерѣшительности Филиппа II, были недостойны ея, остались навсегда живы и святы въ душѣ Сервантеса. Онъ гордился своими ранами, онъ съ восторгомъ показывалъ свою исколѣченную руку. Надъ нимъ смѣялись, онъ продолжалъ воспѣвать въ пламенныхъ стихахъ подвигъ Донъ-Жуана и своихъ ратныхъ товарищей.

Въ числѣ другихъ раненыхъ, Сервантесъ былъ перевезенъ въ Мессину и провелъ тамъ въ госпиталѣ зиму 1571—1572 годовъ. Весной, почувствовавъ возвращеніе силъ, онъ хотѣлъ вернуться къ войскамъ. Послѣ подвиговъ мужества, такъ блистательно доказанныхъ при Лепантѣ, онъ рассчитывалъ на скорое повышеніе, на новые подвиги и лобъяды. Но надеждамъ его не суждено было сбыться. Король Филиппъ мало сочувствовалъ борьбѣ съ исламомъ; его гораздо болѣе привлекала борьба съ протестантизмомъ. Донъ-Жуанъ сталъ для него еще подозрительнѣе и ненавистнѣе послѣ Лепантской битвы; онъ отозвалъ его и разстроилъ лигу. Въместо борьбы съ Турками, Европа втянула его зловѣщею политической во внутреннія войны.

III.

Пала, представитель католическаго единства, повидимому, былъ равнодушнѣе къ успѣхамъ реформаціи, и считалъ Турокъ болѣе опасными врагами церкви и Европы, чѣмъ французскихъ гугенотовъ или нидерландскихъ диссидентовъ. Когда оказалось что Колонна, назначенный главнокомандующимъ лиги, не въ состояніи справиться съ морскими силами Улукъ-Али, онъ убѣждалъ Филиппа вернуть лигѣ Донъ-Жуана. Филиппъ долженъ былъ согласиться, но приставилъ къ лепантскому герою опекуна въ лицѣ

герцога Сезы, стѣснившаго всѣ его движенія. Тѣмъ не менѣе Донъ-Жуанъ пустился въ море отыскивать соединенный флотъ лиги, безцѣльно бродившій между Адриатикой и Архипелагомъ. Съ этимъ флотомъ бауждали между прочимъ на венеціанскихъ галерахъ пятнадцать тысячъ отборной испанской пѣхоты подъ начальствомъ Лопе-де-Фигвероа; въ рядахъ этого войска находилоя и вычисавшійся изъ Мессинскаго госпиталя Сервантесъ. Донъ-Жуанъ достигъ наконецъ Колонну и приказалъ атаковать Уаухъ-Али подъ Навариномъ. Но крайняя нераспорядительность Фарнезе и ошибки лопмановъ дали Туркамъ возможность избѣгнуть готовившагося имъ удара; между тѣмъ стѣстные приласы истощились, и Сеза настоятельно потребовалъ возвращенія въ Италію на зимнія квартиры. Въ это время лала Пій V, ревностно поддерживавшій лигу, умеръ, а преемникъ его Григорій XIII обваружилъ намѣреніе сообразоваться съ видами Филиппа II. Донъ-Жуанъ, предвидя окончательное распаденіе лиги, рѣшился дѣйствовать собственными средствами и основать на берегахъ Африки испанское владѣніе, которое современемъ разраслось бы и возвысилось въ самомъ центрѣ мусульманства. Съ этою цѣлью, высадившись осенью 1573 года въ Африкѣ, онъ взялъ приступомъ Тунисъ и укрѣпилъ вблизи его небольшою фортъ Гулетту, подъ стѣнами котораго сосредоточился на нѣкоторое время весь интересъ борьбы христіанства съ исламомъ. Къ несчастью, обстоятельства заставили Донъ-Жуана оставить Гулетту, когда укрѣпленія еще не были вполнѣ окончены, поручивъ защиту крѣпости малочисленному гарнизону. Сервантесъ послѣдовалъ за Донъ-Жуаномъ въ Сардинію, гдѣ и провелъ зиму 1573—1574 годовъ. Лѣтомъ Турки собрали громадную армію и осадили Тунисъ и Гулетту. Послѣ отчаянной борьбы, слабый гарнизонъ былъ уничтоженъ, прежде чѣмъ Донъ-Жуанъ могъ подать ему помощь.

Гибель Гулетты разсѣяла послѣдніе результаты Лепантской побѣды. Турки стали страшнѣе чѣмъ когда-либо, и ихъ флаги гордо развѣвались на Средиземномъ морѣ. Филиппъ былъ доволенъ неудачей брата; теперь онъ могъ спокойно отказаться отъ борьбы съ исламомъ и направить всѣ свои удары противъ еретиковъ. Донъ-Жуанъ былъ посланъ во Фландрію, куда онъ отправился нехотя, какъ бы пред-

чувствуя свой грустный конецъ. Войска его были распущены и небольшими группами возвращались въ Испанію.

Сервантесъ отплылъ изъ Неполя въ сентябрѣ 1575 года, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Родриго, на небольшой галерѣ *Солнце*. Въ открытомъ морѣ эта галера была неожиданно атакована флѣю мавританскою флотиліей, предводимую отважнымъ ренегатомъ Дали-Мами, по прозванію Хромымъ. Несмотря на неравенство силъ, Испанцы защищались съ мужествомъ отчаянія; но ничто не помогло, и весь экипажъ галеры былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Алжирь.

Для молодого поэта настали долгіе, мучительные годы рабства. Онъ раздѣлялъ участь безчисленныхъ христіанскихъ плѣнниковъ, въ тѣ времена чуть не ежедневно захватываемыхъ пиратами Средиземнаго моря. Его страданія были тѣмъ ужаснѣе что къ бѣдотвіямъ личнаго положенія присоединялась глубокая скорбь человека съ пламеннымъ религіознымъ и политическимъ чувствомъ, оставленнаго лицомъ къ лицу съ торжествующимъ врагомъ. Предъ нимъ, день за днемъ, воочию проходила полная ужасовъ и крови живая лѣтопись безсилія, униженія и мукъ, выпавшихъ на долю десятковъ тысячъ христіанъ, между которыми Испанцы составляли болѣе половины. Онъ видѣлъ подвиги безплоднаго геройства, наказываемые кровавымъ возмездіемъ, видѣлъ малодушную измѣну, видѣлъ оскорбленія, жестокости, пытки. Всѣ впечатлѣнія этихъ ужасныхъ лѣтъ такъ тяжело придавили ему душу что до конца жизни онъ сохранилъ горечь скорби, поразительно выступающую среди самыхъ веселыхъ страницъ *Донъ-Кихота*.

Съ первыхъ дней своего плѣна, какъ только онъ успѣлъ оглядѣться среди новой обстановки, онъ уже сталъ обдумывать шансы побѣга. Эти подготовленія и попытки, столько разъ разрушаемыя, наполняли скуку заточенія и поддерживали необычайную энергію его духа. Въ своемъ положеніи раба, жизнь котораго зависѣла отъ прихоти хозяина, онъ сознавалъ себя такимъ же врагомъ ислама, какимъ былъ подъ знаменами Донъ-Жуана, и хотѣлъ продолжать борьбу. Мы не знаемъ всѣхъ подробностей его жизни въ плѣну, но знаемъ что необыкновенная высота характера, обнаруженная имъ въ этихъ тяжкихъ условіяхъ, создала для него совершенно особенное положеніе: христіане по безмолвному соглашенію признали въ немъ своего вождя, а Мавры

относились къ нему съ какимъ-то непостижимымъ уваженіемъ, оставляя его безнаказаннымъ въ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ всякаго другаго ждала неминуемая смерть.

Въ первый разъ Сервантесъ предпринялъ бѣгство при помощи одного Мавра, хорошо знавшаго страну. Подговоривъ нѣсколькихъ товарищей по несчастію, онъ тайно покинулъ съ ними городъ и вышелъ въ пустыню; но къ вечеру того же дня Мавръ бросилъ ихъ, и бѣглецы, не зная дороги, принуждены были вернуться. Неловкато, какимъ образомъ эта попытка осталась безнаказанною, тогда какъ не задолго предъ тѣмъ за такую же вину одинъ Италіанецъ былъ повѣшенъ, а два Исландца забиты палками на смерть.

Вскорѣ затѣмъ Сервантесу удалось послать съ однимъ выкупленнымъ Исландцемъ письмо на родину, которымъ онъ извѣщалъ отца объ участи своей и своего брата. Старый Сервантесъ, пораженный горемъ, принялся готовить выкупъ. Заложивъ клочокъ земли которымъ онъ владелъ и присоединивъ къ вырученной суммѣ скромное приданое дочерей, онъ послѣдшне отправилъ деньги въ Алжиръ. Но Дали-Мами разсмѣялся, когда Сервантесъ принесъ ихъ ему. Интеллигентная наружность плѣнника, огромное вліяніе его на товарищей, письма Донъ-Жуана, найденныя при немъ, заставляли корсара предполагать въ немъ очень важную особу. За такого плѣнника надо было получить гораздо больше, чѣмъ онъ предлагалъ; и чтобы заставить его поскорѣе позаботиться о выкупѣ, Дали-Мами заковалъ его въ цѣли.

Великодушный Сервантесъ предложилъ своему брату Родриго воспользоваться одному всею суммой высланною отцомъ. Родриго былъ отпущенъ и обѣщалъ, пріѣхавъ въ Испанію, снарядить небольшое судно, которое облегчило бы несчастному брату новую попытку бѣгства. Тогда неутомимый Мигуэль снова принялся за дѣло. „Я искалъ, разказываетъ онъ, другихъ способовъ достигнуть столь желанной цѣли, потому что надежда возвратить себѣ свободу никогда не покидала меня. Я думалъ, хлопоталъ, и когда успѣхъ не отвѣчалъ моему намѣренію, то не поддаваясь горести я хватался за новую надежду, и какъ бы ни была она слаба, она поддерживала мое мужество.“ Вторая попытка къ бѣгству была обдуманна гораздо лучше первой. Въ трехъ миляхъ къ востоку отъ Алжира находилось имѣніе

нѣкоего Гассана, у котораго садовникомъ былъ одинъ лѣвный Наваррецъ. Этому бѣдняку Сервантесу удалось привлечь къ своему замыслу обѣщаніемъ взять его съ собою, если онъ поможетъ ему и его товарищамъ скрыться въ садахъ Гассана до прибытія Родриго. Наваррецъ вырылъ въ потаенномъ мѣстѣ пещеру, куда Сервантесъ отправилъ по одиночкѣ четырнадцать христіанъ. Одинъ ренегатъ, по имени Дорадоръ, согласился носить имъ пищу и служить посредникомъ между ними и Сервантесомъ. Все это происходило уже въ 1577 году. Время было крайне неблагопріятное для успѣха смѣлаго предпріятія, потому что Мавры и Турки, пользуясь распаденіемъ лиги и отозваніемъ Донъ-Жуана, были полными господами Средиземнаго моря и бдительно сторожили всякое христіанское судно, рисковавшее показаться вблизи африканскаго берега. Нѣсколько мѣсяцевъ уже сообщники Сервантеса томились въ узкой пещерѣ ожидая часа избавленія. Наконецъ Родриго увѣхалъ, повторивъ свое обѣщаніе. Спустя мѣсяць, небольшое судно было дѣйствительно выслано имъ къ Алжирскому берегу. Сервантесъ не могъ долѣе медлить, тѣмъ болѣе что доставка сѣстныхъ припасовъ въ пещеру становилась все затруднительнѣе. 20го сентября онъ покинулъ Алжиръ и присоединился къ своимъ сообщникамъ. Спустя восемь дней, ожидаемое судно показалось вблизи берега; но нѣсколько Мавровъ, проходя мимо, замѣтили его и подняли тревогу. Судно удалилось. Неизвѣстно, появлялось ли оно опять, но только чрезъ три дня Сервантесъ услышалъ изъ своей пещеры топотъ коней и шумъ приближавшагося отряда. Дорадоръ выдалъ его тайну и привелъ Мавровъ. Бѣглецы были тотчасъ окружены. Сервантесъ, видя свой планъ разрушеннымъ, успѣлъ только шепнуть сообщникамъ: „Единственное ваше спасеніе, обвинить меня во всемъ“, и первый вышелъ изъ пещеры.

— Объявляю что никто изъ христіанъ не виновенъ, сказалъ онъ.—Я одинъ составилъ заговоръ и увлекъ ихъ всѣхъ.

Его привели къ дею. Въ Алжирѣ царствовалъ въ то время ренегатъ Гассанъ, родомъ Венеціанецъ, человекъ жестокій, жадный и мстительный. Онъ желалъ воспользоваться заговоромъ Сервантеса чтобы погубить миссіонера Оливара, монаха ордена Искулленія, прибывшаго въ Алжиръ для выкупа христіанскихъ лѣвниковъ. Допросъ, сдѣланный

Сервантесу Гассаномъ, имѣлъ цѣлью вырвать у него признаніе о соучастіи Оливара. Одно слово могло бы спасти нашего поэта. Но онъ твердо стоялъ на томъ что у него не было сообщниковъ. Всѣ въ Алжирѣ знали что Гассану нужна голова Оливара, и когда стало извѣстно уворство Сервантеса, никто не сомнѣвался въ предстоящей ему казни. Но общія ожиданія не сбылись: по неизвѣстной причинѣ Гассанъ, вмѣсто того чтобы предать Сервантеса смерти, приказалъ вновь заковать его въ цѣли и посадить въ острогъ. Онъ удовольствовался казнью несчастнаго Наваррца, скрывавшаго въ пещерѣ бѣглецовъ. Всѣ были изумлены, не знали какъ объяснить событіе. Можно подумать что Гассана заинтересовала личность Сервантеса, что со свойственною ему жестокостію онъ хотѣлъ продлить зрѣлище неравной борьбы, которую велъ съ нимъ этотъ непреклонный характеръ, закованный въ цѣли. Можетъ-быть также что послѣднее событіе заставило Мавровъ еще болѣе увѣряться въ знатности Сервантеса и болѣе цѣнить этого замѣчательнаго лѣвшака, за котораго надо было ожидать богатаго выкупа. Извѣстно по крайней мѣрѣ что Гассанъ послѣ разказаннаго случая купилъ Сервантеса у Дали-Мама за 500 экю и удвоилъ сумму его выкупа.

Тѣмъ не менѣе положеніе Сервантеса было самое ужасное. Гассанъ какъ бы наслаждался его безсиліемъ и игралъ имъ какъ играетъ кошка добычей, полавшею къ ней въ когти. У пиратовъ вообще было въ обычаѣ, чѣмъ знатнѣе лѣвшаикъ тѣмъ хуже съ нимъ обращаться, чтобы побудить его сильнѣе хлопотать о выкупѣ. Острогъ въ которомъ помѣщенъ былъ Сервантесъ представлялъ квадратную яму, биткомъ набитую узниками. Едва прикрытые лохмотьями, они томилась въ убійственной праздности, тщетно поджидая освобожденія. Для тѣхъ изъ нихъ кто подобно Сервантесу привыкъ къ постоянной дѣятельности, праздность была еще тяжелѣе рабства. Но среди этихъ страшныхъ испытаній обнаружилась вся сила духа Сервантеса, все величіе его характера. Онъ былъ опорой, и надеждой всѣхъ товарищей по несчастію, онъ одинъ не только не терялъ бодрости, но и умѣлъ поддержать ее въ другихъ. Поэтическій талантъ и любовь къ литературѣ помогли ему наполнить долгіе бездѣятельные часы заточенія. Онъ лѣлъ о подвигахъ Довъ-Жуана и своихъ товарищей по оружію, онъ прославлялъ

мужество Исландцевъ погибшихъ въ Гулеттѣ. Увлеченный его примѣромъ, одинъ лѣтний Итальянецъ написалъ рукою закованною въ цѣпи исторію экспедицій въ Тунисъ. Эти занятія, чтенія, разговоры сокращали дни и наполняли тюремную праздность. На праздникъ Рождества Сервантесъ выхлопоталъ даже разрѣшеніе устроить въ острогѣ спектакль, и разыгралъ одну изъ пьесъ Лопе-де-Руэда, видѣнныхъ имъ въ дѣтствѣ. Но спектакль закончился кровавою катастрофой: Маврамъ показалось будто на горизонтѣ появился многочисленный христіанскій флотъ; они бросились на христіанъ и произвели страшную рѣзню, при шумѣ и заревѣ которой закончилось это странное театральное зрѣлище, поставленное на подмостки острога.

IV.

Закованный въ цѣпи, Сервантесъ продолжалъ страстно стремиться къ свободѣ. Казалось неудачи заставляли его только расширять свои планы. Онъ мечталъ уже не о томъ чтобы свергнуть съ себя иго рабства, но о томъ чтобы освободить десятки тысячъ такихъ же несчастныхъ какъ онъ, разрушить самое гнѣздо пиратовъ и на развалинахъ ненавистнаго мусульманскаго царства основать христіанское владѣніе. Онъ разчитывалъ что еслибъ одновременно съ высадкой испанскаго флота произвести общее возстаніе рабовъ, то можно было бы истребить Мавровъ. Обстоятельства повидимому благопріятствовали его мечтамъ. Въ Алжирѣ ходили темные слухи, будто Филиппъ II собираетъ войско и флотъ чтобы броситься на африканскіе берега. Филиппъ въ самомъ дѣлѣ былъ занятъ обширными военными приготовленіями, и даже въ Испаніи всѣ ожидали новой африканской экспедиціи. Но это была только военная хитрость: Филиппъ готовился вторгнуться въ Португалію, и чтобы замаскировать свои планы, нарочно распускалъ молву о высадкѣ въ Алжиръ. Между тѣмъ среди Мавровъ молва эта произвела страшное волненіе, обрушившееся на христіанскихъ рабовъ. Считая ихъ главными виновниками угрожающей опасности, Гассанъ удвоилъ надзоръ за ними, обременялъ ихъ двойною работою и уменьшилъ отпускавшееся имъ пропитаніе. „Голодъ и лишенія, говоритъ Серван-

тесъ, могли утомить насъ, но ничто такъ не изнуряло насъ какъ представлявшееся на каждомъ шагу зрѣлище неслыханныхъ жестокостей, совершаемыхъ надъ христианами. Ежедневно мой господинъ одного вѣшалъ, другаго сажалъ на колъ, третьему обрѣзывалъ уши, вслѣдствіе ничтожѣйшаго повода или совсѣмъ безо всякаго повода. Самы Турки говорили что онъ дѣлалъ это ради одного удовольствія, потому что по природѣ своей онъ былъ палачъ рода человеческого.“ Надзоръ за самимъ Сервантесомъ отличался особенною строгостью, и Гассанъ говорилъ обыкновенно: „когда мой казѣнка-Испанецъ подъ хорошимъ присмотромъ, я спокоенъ за городъ, за плѣнниковъ и за портъ.“

Но время шло, и надежда на появленіе испанскаго флота уступала мѣсто новому отчаянію. Тогда Сервантесъ задумалъ вновь попытку бѣжать. Съ однимъ преданнымъ ему Мавромъ онъ послалъ письмо къ коменданту Орана, которымъ извѣщалъ что намѣренъ бѣжать по направленію къ этой крѣпости, вмѣстѣ съ четырьмя другими дворянами, и просилъ выслать ему на встрѣчу конвой. Мавръ съ этимъ письмомъ былъ пойманъ, приведенъ въ Алжиръ и посаженъ на колъ, а Сервантесу назначено было двѣ тысячи палокъ.

Въ третій разъ, и такимъ же нелояльнымъ образомъ, онъ избавился отъ наказанія, и не теряя времени принялся за новый планъ бѣгства. Ему удалось сблизиться съ однимъ ренегатомъ, по имени Абдельраманомъ, родомъ изъ Гренады, и пробудить въ немъ желаніе возвратиться въ отечество и въ лоно католической церкви. Этотъ Абдельраманъ согласился купить небольшое судно и увести на немъ Сервантеса. Послѣднему удалось достать денегъ на локулку судна, но когда все было готово, ему захотѣлось воспользоваться счастливымъ случаемъ для спасенія наиболѣе дорогихъ изъ товарищей его по несчастью. Это великодушіе погубило все предпріятіе: одинъ изъ сообщниковъ выдалъ тайну. Гассанъ въ некоторое время не принималъ никакихъ мѣръ, ограничиваясь намеками что ему извѣстенъ заговоръ. Кулцы, давшіе Сервантесу денегъ, считали себя погибшими, и опасаясь чтобъ онъ въ попыткахъ не открылъ ихъ соучастія, убѣждали его поскорѣе уѣхать, бросивъ товарищей. Сервантесъ усложнилъ ихъ, поклявшись что сама смерть не принудитъ его выдать кого-нибудь; но рѣшительно отказался воспользоваться однимъ средствомъ

спасенія, которое онъ приготовлялъ для друзей. Велѣдъ за тѣмъ онъ скрылся у одного стараго своего товарища, Діега Кастеллано. Гассанъ приказалъ объявить чрезъ глашатаевъ что казнить смертию того кто дастъ убійци Сервантесу. Угроза эта не поколебала Кастеллана, но Сервантесъ, узнавъ о ней и не желая подвергать своего друга опасности, самъ оставилъ его домъ и предалъ себя въ руки Мавровъ.

Ему скрутили руки, закинули петлю на шею и въ такомъ видѣ привели къ допросу. На этотъ разъ ему объявили прямо, что если онъ не выдастъ сообщниковъ, то будетъ казненъ. Сервантесъ отвѣчалъ что весь заговоръ устроилъ онъ самъ, съ помощью четырехъ дворянъ уже услѣвшихъ покинуть Алжиръ, и что болѣе ни на что не знаетъ о его замыслѣ. Никакія угрозы не могли вырвать у него другаго признанія. Его опять оставили безнаказаннымъ, къ невѣроятному изумленію всего города.

„Какимъ образомъ, спрашиваетъ Шаль, Сервантесъ могъ столько разъ избѣгать казни? Что до меня касается, то едѣда за нимъ въ эти годы испытаній, я пораженъ таинственнымъ дѣйствіемъ великаго характера на событія и на окружающихъ. Среди пестраго, непрерывно мѣняющагося населенія, среди толпы лѣнныхъ солдатъ и ученыхъ онъ занимаетъ исключительное положеніе. Монахи, христіанскіе купцы, ренегаты всевозможныхъ національностей, признаютъ за нимъ превосходство чисто-нравственнаго характера. Удивлялись его мужеству и характеру, говоритъ свидѣтель его лѣвна, Педроша. Этотъ отзывъ подтверждаютъ всѣ видѣвшіе его въ Алжирѣ, и даже враги его.“

Тѣмъ сильнѣе была ненависть которую питали къ Сервантесу люди ничтожные и подлые. Нѣкто Бланко-де-ла-Пацъ, принадлежавшій къ доминиканскому ордену и выдававшій себя за уполномоченнаго инквизиціи, человекъ честолюбивый и хитрый, не могъ простить Сервантесу вліянія которымъ онъ пользовался среди христіанъ и Мавровъ, и искалъ случая погубить его. Благодаря именно его предательству, разстроилось предпріятіе Абдельрамана. Гассанъ воспользовавшись доносомъ, во выразилъ свое презрѣніе къ доносчику тѣмъ что послалъ ему въ награду одну золотую монету и горшокъ масла.

Семейство Сервантеса не переставало между тѣмъ хлопотать изо всѣхъ силъ чтобы собрать выкупъ. Старый Са-

аведра, рассчитывая на помощь правительства, озабочился приобрести официальное свидетельство о личности и заслугах Мигуэля. Но формальности заняли такъ много времени что старикъ умеръ раньше чѣмъ свидетельство было получено. Вдова, ея сынъ и дочь собрали какими-то путями 200 эку, которыя и послали отцамъ ордена Искупленія. Король Филиппъ съ своей стороны присоединилъ 60 дукатовъ. Но Гассанъ отвергъ эту скромную сумму. По-видимому, Сервантесу предстояло проститься со всякою надеждой на избавленіе, потому что Филиппъ окончательно отказался отъ плановъ на Алжиръ, а Гассанъ въ довершеніе всего приказалъ отослать Сервантеса въ Константинополь. Несчастный уже вступилъ на палубу корабля, готовога къ отплытію, но именно въ эту минуту страданіямъ его суждено было кончиться: одинъ изъ братчиковъ успѣлъ собрать разными путями недостающую сумму и вырвать Сервантеса изъ рукъ Гассана.

Долгія лѣтъ лѣтъ жестокаго рабства миновали. Въ 1580 году Сервантесъ возвратился въ отечество, искалѣченный, измученный, нищій, но сохранившій энергію духа и страстное желаніе продолжать служеніе возвышенной идеѣ, одушевлявшей его съ дѣтства. Онъ приносилъ съ собою изъ тяжкаго плѣна горячее религіозное чувство, горячее желаніе вырваться изъ рукъ невѣрныхъ тысячи такихъ же какъ и онъ страдальцевъ, томящихся въ постыдномъ рабствѣ. Чувствуя себя уже мало способнымъ къ продолженію боеваго поприща, онъ хотѣлъ служить своей возвышенной цѣли литературнымъ трудомъ, и съ этой поры выступаетъ на сцену съ цѣлымъ рядомъ произведеній, которыя одинъ изъ его біографовъ называетъ „крестовымъ походомъ противъ исламизма“. Но мы сперва докончимъ разказъ о внѣшнихъ событіяхъ его жизни.

V.

„Павъ на колѣни, мы лобзали родную землю, говорить Сервантесъ, и съ глазами увлажненными сладостными слезами радости, благодарили Господа. Видъ Испанской земли заставилъ насъ забыть всѣ наши бѣдствія и несчастія. Намъ казалось что ихъ испытали не мы, а другіе — такъ велико было счастье вернуть себѣ утраченную свободу!“

Въ первыя минуты восторга Сервантесъ могъ забыть свое положеніе, забыть что онъ возвращается на родину нищимъ, убогимъ, безъ родныхъ и друзей. Отецъ его уже умеръ, мать доканчивала дни свои въ страшной бѣдности, братъ Родриго служилъ въ арміи, товарищи молодыхъ лѣтъ гдѣ-то вдали отъ него боролись съ испытаніями и невзгодами жизни. Неумолимая, черствая бѣдность лежала гнетомъ на цѣлой странѣ, въ то время какъ сокровища Новаго Свѣта лились въ нее золотыми потоками: непродуманная почва и дурное управленіе уничтожали плоды отдаленныхъ и отважныхъ экспедицій.

Тѣснымъ нуждой, Сервантесъ не могъ ждать и выбирать. Единственнымъ готовымъ приставищемъ для него была армія. Несмотря на искалѣченную руку, его приняли солдатомъ. Онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1581, 1582 и 1583 годовъ подъ знаменами Санта-Круца, въ Португаліи и на Азорскихъ островахъ, гдѣ маленькая испанская армія должна была бороться съ соединенными силами Португаліи, Франціи и Англии. Безрукій Мигуэль не могъ уже совершать тѣхъ подвиговъ физическаго мужества, какіе прославили его подъ Лелантомъ; но онъ былъ опытный солдатъ, умѣвшій внушить отвагу болѣе молодымъ товарищамъ, и начальники высоко цѣнили его присутствіе въ отрядѣ. За то братъ его Родриго оказалъ чудеса храбрости, и Мигуэль былъ счастливъ, зная что имя Сервантесъ-Сааведры звучитъ по всей Испаніи наравнѣ съ самыми блестящими боевыми именами.

Возвращеніе побѣдоносной арміи Санта-Круцы въ Лиссабонъ, надъ которымъ гордо развѣвалось испанское знамя, сопровождалось рядомъ триумфовъ. Солдатамъ былъ данъ отдыхъ. Сервантесъ забылъ свои раны, свои труды и лишения, и предался удовольствіямъ городской жизни. Къ этой эпохѣ относится эпизодъ его любви, о которой впрочемъ мы ничего не знаемъ кромѣ того что плодомъ ея была дочь Изабелла, получившая отъ отца имя Сааведры и взятая имъ къ себѣ. Впрочемъ романтическая связь скоро была порвана, и въ слѣдующемъ году Сервантесъ былъ снова влюбленъ. На этотъ разъ предметомъ его страсти была особа высокаго происхожденія. Каталина де-Палаціосъ-Саацаръ-Воцмедіана. Она была прекрасна собой, хорошо образована, но совершенно бѣдная. Романъ кончился бра-

комъ, въ декабрѣ 1854 года, въ маленькомъ городкѣ Эскивнисъ. Какъ незначительно было приданое принесенное женой Сервантеса, можно судить по тому что въ нотаріальной описи его фигурируетъ на видномъ мѣстѣ — поддюжины куръ...

Обзаведясь семействомъ, Сервантесъ тотчасъ переѣхалъ въ Мадридъ и рѣшился искать средствъ существованія на другомъ поприщѣ. Военная карьера очевидно не могла дать много безрукому ветерану, а потребности расширялись, и разстроенное здоровье требовало отдыха. Зимовка въ Лиссабонѣ, въ кругу образованнаго общества, страстно преданнаго литературѣ и искусствамъ, расшевелила поэтической гоним Мигуэля и побудила его испытать себя серьезно на авторскомъ поприщѣ. Онъ написалъ романъ *Галатею*, очень длинный, сентиментальный и скучный, въ настоящее время мало читаемый даже въ Испаніи. Переселившись въ Мадридъ, онъ промѣнялъ романъ на драму и выступилъ съ цѣлымъ рядомъ пьесъ, главнымъ содержаніемъ которыхъ была жизнь христіанскихъ пѣвниковъ въ Алжирѣ. Впечатлѣнія дѣтства воспитали въ немъ сильную страсть къ театру, и притомъ дѣйствовать на публицу со сцены казалось ему гораздо удобнѣе для той идеи, которая наполняла всю его мысль и всѣ его чувства, и которую Шаль опредѣляетъ выраженіемъ: „Литературный крестовый походъ противъ ислама“. Объ этой эпохѣ его авторской дѣятельности мы еще будемъ говорить подробнѣе; здѣсь достаточно сказать что первыя его пьесы имѣли значительный успѣхъ, и онъ уже мечталъ посвятить всѣ свои таланты театру и найти въ этой дѣятельности средства для безбѣднаго существованія, когда неожиданно явился соперникъ, разомъ и на всегда вытѣснившій его съ драматическаго поприща. Этотъ соперникъ былъ знаменитый Лопе-де-Вега, гонимъ вполнѣ національный, блестящій, неустойчивый, созданный исключительно для сцены, и именно для испанской сцены. Необыкновенная фантазія, бессознательное умѣнье льстить народному вкусу, способность развить стремительную интригу и сообщить дѣйствующимъ лицамъ пламенную горячность собственного сердца—этихъ качествъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы публика только-что получившая вкусъ къ серьезнымъ, благороднымъ, но нѣсколько сухимъ и мало сценичнымъ драмамъ Сервантеса, быстро позабыла

ихъ и пошла за новымъ гениемъ, средства котораго казались неистощимы. Сервантесъ пытался бороться съ своимъ соперникомъ, но нѣсколько неудачъ, болѣзненно поразившихъ его авторское самолюбіе, показали ему всю безнадѣжность борьбы. Ударъ былъ тяжель; Сервантесъ не только долженъ былъ измѣнить своей страстной любви къ театру, но и искать для поддержанія жизни новаго рода дѣятельности, совершенно чуждой его вкусамъ и привычкамъ. Онъ еще продолжалъ писать для театра, повинаясь внутренней потребности, но уже не рассчитывалъ на успѣхъ, не охотно отдавалъ свои піесы на сцену и списывалъ хлѣбъ занятіями одинаково мало свойственными какъ натурѣ солдата, такъ и вкусамъ поэта и романиста. Эти занятія напоминали кругъ дѣятельности нынѣшнихъ интендантскихъ чиновниковъ. Испанское правительство было въ то время озабочено сварженіемъ пресловутой „необѣдимой армады“; чтобъ обезпечить продовольствіе ея громаднаго экипажа, избранъ былъ интендантомъ Антонио Гевара, въ свою очередь подыскавшій себѣ четырехъ помощниковъ. Въ числѣ ихъ находилась и Сервантесъ. Основавъ свою главную квартиру въ Севильѣ, онъ разъѣзжалъ по городамъ и селамъ Андалузіи, скулая хлѣбъ, масло и другіе продукты. Усталый, заѣзжалъ онъ на короткое время въ Севилью, гдѣ отдыхалъ въ обществѣ своихъ дальнихъ родственниковъ и своего друга художника Пачеко, и затѣмъ снова пускался въ свои утомительные разъѣзды. Эти короткіе отдыхи возстановляли его силы; онъ любилъ Севилью, веселую леструю толпу на ея площадяхъ, ея прекрасный климатъ и поэтическіе нравы; но равновѣсіе духа, приобретаемое здѣсь, быстро утрачивалось среди ежеминутныхъ неприяностей, дразгъ и опасностей, сопряженныхъ съ обязанностями провіантскаго чиновника. Между прочимъ, онъ былъ даже отлученъ отъ церкви, за то что повинаясь предписанію, конфисковалъ заласы одного монастыря. Всѣ эти столкновенія раздражали и мучили Сервантеса, и онъ радъ былъ когда ему давали порученія другаго рода, напримѣръ посылали курьеромъ въ Африку. Труды его вознаграждались плохо, и онъ употреблялъ всѣ усилія чтобы какъ-нибудь выбиться на другую дорогу. Въ 1590 году онъ послалъ королю просьбу о назначеніи его куда-нибудь въ Новый Свѣтъ; просьба была принята милостиво и Сервантесу да-

вы были въкоторыя обѣщанія, но потомъ чье-то вліяніе помѣшало ихъ осуществленію. Такимъ образомъ въ 1591 и 1592 годахъ мы снова видимъ его интендантскимъ агентомъ, разъѣзжающимъ по Андалузіи для казенныхъ закупокъ. Въ 1594 году онъ отправился въ Мадридъ хлопотать о какой-нибудь другой должности. Ему поручили собрать податныя недоимки въ Гренадѣ. Совершенно неопытный въ такомъ затруднительномъ дѣлѣ, онъ вскорѣ сдѣлался жертвой своей доверчивости: какой-то купецъ, вызвавшійся отвезти въ Мадридское казначейство значительную сумму денегъ, оказался неисправнымъ; Сервантесъ былъ преданъ суду, лишился всего что у него оставалось, и попалъ въ тюрьму. Вскорѣ однако его освободили, но онъ съ горестью видѣлъ свое честное имя олезореннымъ въ унизительномъ процессѣ. Къ тому же, свобода была дана ему на короткое время: процессъ возобновился, и бѣднаго поэта волочили на допросъ то въ Севилью, то въ Мадридъ, то въ Вальядолидъ. Онъ лобывалъ во всѣхъ тюрьмахъ Андалузіи, Кастиліи и Ламанчи. Всѣ эти бѣдствія и униженія продолжались до 1598 года, когда онъ вдругъ исчезаетъ съ горизонта на дѣлыя пять лѣтъ. Объ этомъ періодѣ его жизни не сохранилось никакихъ свѣдѣній, ни одного документа; извѣстно только что обстоятельства его нисколько не поправились, и что гдѣ-то въ Андалузіи или въ Ламанчѣ была тюрьма, скрывавшая его въ своихъ стѣнахъ, и что въ этой тюрьмѣ онъ обдумалъ планъ и написалъ первыя страницы своего бессмертнаго романа... Печальное рожденіе!

Въ 1603 году Сервантесъ снова появляется. Ему было уже 57 лѣтъ и онъ жилъ въ Вальядолидѣ, въ маленькомъ бѣдномъ домикѣ на краю города. „Съ волненіемъ, котораго я не умѣю передать, говорить Эмиль Шаль, я посѣтилъ это жилище. Никакая надпись не отличаетъ его. Ветхое крыльцо ведетъ въ двѣ маленькія комнаты, обитаемая нѣкогда Сервантесомъ. Одна, безъ сомнѣнія служившая ему спальней, имѣетъ квадратную форму, изъ-подъ потолка торчатъ толстыя балки; другая, нѣчто въ родѣ темноватой кухни, выходитъ окномъ на крыши соседнихъ пристроекъ; въ ней еще сохранился cantarelo, т.-е. камень съ выбитыми въ немъ круглыми отверстиями, куда ставились кувшины съ водой. При Сервантесѣ жили его жена донна Каталина, дочь его Изабелла, имѣвшая тогда двадцать лѣтъ, сестра

его донна Андреа, племянница Констанца, и еще одна родственница, по имени Магдалина. Тутъ же жила и служанка. Гдѣ они всѣ могли помѣститься? Во всякомъ случаѣ работали всѣ вмѣстѣ. Женщины добывали средства къ жизни шитьемъ придворныхъ костюмовъ. Вальядолидъ, резиденція новаго короля и герцога Лермы, былъ тогда переполненъ придворными, грандами и генералами. Бѣдные обыватели жили этимъ наплывомъ. Маркизь Виллафранка, возвратясь изъ Алжира ко двору, заказалъ свой парадный костюмъ семейству солдата-ловта, котораго онъ зналъ прежде. Самъ Сервантесъ былъ занятъ или расчетами съ заказчиками, или дѣлами въ которыхъ вельможъ, или наконецъ окончаніемъ долгаго процесса съ казной. Вечеромъ, когда иглы женщинъ вышивали узоры, онъ брался за перо, и присѣвъ за угломъ стола, записывалъ свои мысли. Тамъ написалъ онъ прологъ къ книгѣ которую давно уже сочинялъ съ любовью и въ которой обнаружилъ всю силу своего генія. Привезя ее съ собою въ Вильядолидъ, онъ отдавался то надеждѣ, то страху, чувствуя что эта книга была главнымъ дѣломъ его жизни.“

Тюрьма, и потомъ крошечный домикъ на краю города, состоящій изъ низенькой спальни и полутемной кухни— вотъ гдѣ создавалась эта безсмертная книга, которою человечество наслаждается въ теченіе почти трехъ столѣтій. Читая вышеприведенныя строки Шала, невольно вспомнишь слова вложенныя Сервантесомъ въ уста Сида Беннегели, мавританскаго арабскаго историка подвиговъ Донъ-Кихота: „О бѣдность, бѣдность! Не знаю, что заставило великаго Кордуанскаго ловта назвать тебя святымъ дурно принятымъ даромъ. Что до меня, то хотя я Мавръ, я узналъ однако въ сношеніяхъ съ христіанами, что святость у нихъ заключается въ милосердіи, умиленности, вѣрѣ, покорности и бѣдности, и тѣмъ не менѣе говорю что тотъ кто радуется своей бѣдности, долженъ считать себя человекомъ особенно взысканнымъ Богомъ; если только это не та бѣдность, о которой одинъ изъ величайшихъ святыхъ сказалъ: владѣйте всѣми вещами такъ какъ будто вы ими не владѣете; это то что называется быть нищимъ духомъ. Но ты, бѣдность другаго рода, о которой я теперь говорю, къ чему ты гнѣдишься ло преимуществу между гудальго и дворянами?... О, несчастный гудальго, съ твоимъ

благородною кровью, затворивъ двери, питаешься ты одною честью твоею, и выходя изъ дома лицемъ твоимъ употребишь зубочистку, не съѣвъ ничего такого что могло бы заставить тебя чистить себѣ зубы.“

Эта скорбная провіа надъ положеніемъ *Донъ-Кихота*, у котораго не было зеленого шелку чтобы заштопать свои зеленые чулки, и который готовъ уже былъ заштопать ихъ нитками другаго цвѣта, „высшее доказательство бѣдности, которое можетъ проявить гудальго среди постоянныхъ лишеній своихъ“, эта скорбная провіа звучитъ особенно грустно, когда мы знаемъ что Сервантесъ самъ часто былъ въ томъ же положеніи какъ и бессмертный герой его, и что сходство не ограничивалось одними только затрудненіями съ чулками.

VI.

Первая часть *Донъ-Кихота*, задуманная и начатая въ 1598 году, оконченная въ 1603, появилась въ печати въ 1604. До тѣхъ поръ Сервантесъ хотя много уже написалъ, но кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній и романа *Галатея* ничего не печаталъ. Имя его, извѣстное въ литературныхъ кружкахъ, пользовалось очень ограничевою популярностью въ публикѣ. *Донъ-Кихотъ* былъ для нея величайшею неожиданностью, тѣмъ болѣе что романъ *Галатея* принадлежалъ къ той самой категоріи рыцарскихъ сказокъ, которая такъ зло осмѣяна въ исторіи безлодобнаго Ламанчскаго дворянина. Но тѣмъ громаднѣе былъ успѣхъ выпавшій на долю новаго произведенія. Оно тотчасъ проникло ко двору, въ литературные круги, во всѣ слои общества. Каждый грамотный Испанецъ хотѣлъ прочесть его. Изданія быстро слѣдовали одно за другимъ, появились переводы на всѣ языки. По всей Европѣ пронесся судорожный смѣхъ.... Поколѣніе XVII вѣка почувствовало только комическую сторону романа, но трагическое содержаніе его не было понято.

Успѣхъ былъ громаденъ, но обошелся не безъ терній. Многіе принявъ за личное оскорбленіе дерзость стараго солдата, столь смѣло завоевавшего вниманіе литературной публики. Герцогъ Бежаръ, которому Сервантесъ по обычаю того времени посвящалъ свою книгу, очень разсердился на мало извѣстнаго автора за такую смѣлость. Именитые

литераторы, къ числу которыхъ къ сожалѣнію надо присоединить Лопе де-Вега, были возмущены услѣхомъ презираемаго ими собрата и начали противъ него подпольную войну, разрѣшившуюся чрезъ десять лѣтъ событіемъ, глубоко оскорбившимъ и огорчившимъ престарѣлаго Сервантеса. Имъ не было достаточно что бросивъ въ міръ свое великое созданіе, разошедшееся сразу въ неизвѣрномъ количествѣ экземпляровъ, авторъ остался такимъ же нищимъ, заброшеннымъ и вознагражденнымъ, какимъ былъ раньше. Имъ не было достаточно что дворъ и общество, наслаждаясь *Донъ-Кихотомъ*, не полюбопытствовали даже узнать, кто такой этотъ Сервантесъ, сочинившій столь безподобную книгу. Мелкая профессиональная зависть побудила враговъ Сервантеса къ очень неблагоприятному поступку. Въ 1614 году, когда авторъ *Донъ-Кихота* приготовлялъ къ печати вторую часть романа, вдругъ появилась книга, на заглавномъ листѣ которой стояло крупными буквами: „*Второй томъ остроумнаго гидадьго Донъ-Кихота Лаламчскаго*, содержащій въ себѣ разказъ о его третьемъ выѣздѣ, и лютую книгу его приключеній“. Затѣмъ мелкимъ шрифтомъ было обозначено имя автора: Авелланеда. Произведеніе это заключало въ себѣ дѣйствительно продолженіе исторіи Донъ-Кихота, но какъ героямъ романа, такъ и самому роману былъ приданъ пошлый и шутовской характеръ. Составители этой контрафакціи, скрывшіеся подъ псевдонимомъ Авелланеды, очевидно имѣли двоякую цѣль: во первыхъ, введя въ заблужденіе публику, подорвать расходъ подлиннаго второго тома *Донъ-Кихота* и отнять у нищаго автора крохи, добытыя гениемъ и трудомъ, и вовторыхъ, насмѣяться надъ нимъ, низведя его замысль до совершенно балаганныхъ размѣровъ и разсѣивъ по книгѣ множество недостойныхъ намековъ на личность самого Сервантеса. Читавшіе *Донъ-Кихота* знаютъ, съ какимъ горячимъ негодованіемъ отнесся Сервантесъ къ этому недостойному поступку. Онъ много разъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ говоритъ объ Авелланедѣ, и прощаясь съ читателемъ и со своимъ героемъ, заканчиваетъ любимый трудъ своей жизни слѣдующимъ обращеніемъ къ своему перу: „О перо мое, хорошо или дурно очиненное, не знаю, отнынь станешь ты висѣть на этой мѣдной проволоцѣ, и проживешь на ней многіе и многіе вѣки, если только не снимешь и не осквернишь тебя

какой-нибудь бездарный историкъ. Но прежде чѣмъ онъ прикасается къ тебѣ, ты скажи ему: „Остановись, остановись измѣнникъ! да не коснется меня ничья рука! Мнѣ, мнѣ одному предназначено совершить этотъ подвигъ! Да, для меня одного родился Донъ-Кихоть, какъ я для него. Онъ умѣлъ дѣйствовать, а я писать. Мы составляемъ съ нимъ одно тѣло и одну нераздѣльную душу, наперекоръ какому-то самозванному тордесиласскому историку (такъ называлъ себя Авелланеда), который дерзнулъ или дерзнетъ писать своимъ грубымъ, дурно очиненнымъ страусовымъ перомъ похождения моего славнаго рыцаря. Эта тяжесть не по его печамъ, эта работа не для его тяжелого ума, и если ты когда-нибудь встрѣтишь его, скажи ему, пусть онъ не тревожитъ усталыхъ и уже гнѣющихся костей Донъ - Кихота; пусть не ведетъ онъ его, наперекоръ самой смерти, въ старую Кастилію, вызывая его изъ могилы, гдѣ онъ лежитъ вытянутымъ во весь ростъ, не имѣя уже возможности совершить третій выѣздъ. Чтобъ осмѣять всѣ выѣзды страждующихъ рыцарей, довольно и тѣхъ двухъ которые онъ совершилъ на удивленіе и удовольствіе всѣмъ, до кого достигла вѣсть о немъ въ близкихъ и далекихъ краяхъ.“

Послѣдніе годы жизни Сервантесъ исключительно посвятилъ литературнымъ трудамъ. Онъ собралъ и приготовилъ къ печати свой театръ, свои многочисленныя повѣсти, написанныя имъ въ періодъ 1580—1598 годовъ, написалъ и издалъ вторую часть *Донъ-Кихота*, вышедшую въ 1614 году, и кромѣ того оставилъ большой совершенно оконченный романъ *Персилесъ и Сигизмунда*, изданный уже послѣ смерти автора и, говоря относительно, весьма мало замѣчательный.

Мы уже говорили что несмотря на громадный успѣхъ *Донъ-Кихота*, Сервантесъ до конца своихъ дней оставался такимъ же всѣми забытымъ бѣднякомъ, какимъ вернулся въ отечество изъ алжирскаго плѣна. Испанія оставила одинаково неознагражденными его заслуги какъ солдата и какъ писателя. Участъ его служить печальнымъ подтвержденіемъ той истины что трудно быть пророкомъ въ странѣ своей. Во Франціи, въ Италиі, въ Англии Сервантеса оцѣнили раньше и выше чѣмъ въ отечествѣ. Приведемъ любозытное свидѣтельство одного современника, Морквеца Торреца: „25го февраля 1615 года, говоритъ этотъ современникъ, мы пошли съ господиномъ моимъ, кардиналомъ-архі-

елисколомъ Толедскимъ, отдать визитъ французскому послу. Многіе французскіе дворяне спрашивали меня и другихъ каплеллановъ, какія лучшія произведенія нашей литературы. Я сказалъ что въ настоящее время изучаю одно изъ нихъ; и едва только услышали имя Мигуэля Сервантеса, какъ заговорили о немъ съ увлеченіемъ, выставляя на видъ уваженіе какимъ пользовались его произведенія во Франціи и въ сосѣднихъ странахъ. Они называли *Галатею*, которую одинъ изъ нихъ зналъ почти наизусть, первую часть *Донъ-Кихота* и повѣсти. Ихъ похвалы были такъ горячи что я предложилъ имъ сводить ихъ къ автору чтобъ они могли его видѣть, и они высказали свое желаніе самымъ пылкимъ образомъ. Спрашивали какихъ онъ лѣтъ, чѣмъ занимается, словомъ обо всемъ до него относящемся. Я долженъ былъ сказать что онъ старъ, бѣденъ, что онъ солдатъ и гудаальго. На это одинъ изъ нихъ отвѣтилъ дословно: „Какъ! такой человекъ! Испанія не дала ему состоянія и не содержитъ его на государственный счетъ!“ Другой сказалъ съ большою тонкостью: „Если писать заставляетъ его нужда, то дай Богъ чтобъ онъ никогда не пользовался излишкомъ. Труды бѣдняка обогащаютъ міръ“.

Съ 1606 года Сервантесъ почти безвыездно жилъ въ Мадридѣ. Только весной 1616 года онъ выѣхалъ на короткое время въ Эсквивиасъ, гдѣ находился маленькій клочокъ земли принадлежавшій его женѣ, но заболѣлъ тамъ и въ апрѣлѣ вернулся въ Мадридъ уже въ безнадежномъ состояніи. 16го числа его причастили и соборовали, а 20го онъ умеръ, за десять дней до смерти своего величайшаго современника—Шекспира. Последними словами его говорятъ были: *Post tenebras spero lucem!* (надѣюсь видѣть свѣтъ послѣ мрака). Домъ гдѣ его застала смерть сохранился до настоящаго времени и украшенъ медальоннымъ изображеніемъ Сервантеса. Схоронили его въ монастырѣ ордена Св. Троицы, но гробница его уже не существуетъ.

Такова была жизнь перваго испанскаго романиста—жизнь, которою онъ могъ гордиться столько же какъ и своимъ бессмертнымъ произведеніемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

В. АВСѢНКО.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ОТРОЩЕНКО *

Среди роскошной малороссійской природы я увидѣлъ Божій свѣтъ подъ скромнымъ кровомъ родителей моихъ, и въ туманѣ простоты росъ подъ строгимъ надзоромъ отца моего, отставнаго поручика, служившаго прежде въ казачьихъ малороссійскихъ полкахъ. Онъ зналъ хорошо грамоту и по тогдашнему времени былъ краснорисецъ; почеркъ руки его былъ чистый и четкій, литеры наклонны были къ правой рукѣ; зналъ также польскій языкъ, изучивъ его находясь на форпостахъ въ Подоліи; въ послѣдствіи былъ правителемъ канцеляріи при двухъ кievскихъ генералъ-губернаторахъ, Шарковѣ и Бекашовѣ. Ни отецъ, ни мать не имѣли достаточнаго состоянія чтобы дать мнѣ воспитаніе, приличное дворянскому достоинству, а материнская любовь не рѣшилась и на то чтобы отдать меня въ кадетскій корпусъ, когда Великая Екатерина приглашала родителей отдавать сыновей своихъ матернему ея попеченію. „Какъ можно, говорила она, отдать дитя на чужую сторону, кто тамъ о немъ позаботится, когда онъ

* Генералъ-отъ-инфантеріи Я. О. Отрощенко скончался въ пятидесятыхъ годахъ. Любопытныя оставшіяся послѣ покойнаго *Записки* передамы въ редакцію его внукомъ.

заболѣеть.“ Отецъ хотя имѣлъ твердый характеръ, но видно и онъ побѣжденъ былъ тѣми же чувствами.

Въ то время мало еще было такихъ людей которые понимали что познаніе наукъ молодому человѣку необходимо; для нихъ достаточно казалось и того если онъ умѣетъ читать и писать; чтеніе церковныхъ книгъ было изучаемо рачительно; чтеніе въ церкви Апостола составляло уже половину учености, а сочинить просьбу въ судъ—крайній придѣлъ образованія. Итакъ остался я дома, слушалъ сказки, чудныя дѣйствія малороссійскихъ вѣдьмъ, русалокъ и проч. и проч.

Учителемъ моимъ былъ самъ отецъ и занимался неутомимо первенцемъ своимъ; не щадилъ ни трудовъ, ни прекрасныхъ березокъ, осыпавшихъ фронтъ нашего домика. Признательно сказать я былъ очень тулъ къ наукамъ, хотя заучили меня въ день пророка Наума, со всѣми положенными обрядами, но все что-то плохо шло на умъ. Я любилъ рѣзвость, однакоже время все преодолеваетъ, и я наконецъ добрался до таблицы, сталъ писать мѣломъ, а потомъ на бумагѣ чернилами, но и тутъ дѣло шло медленно; я любилъ болѣе чертить человѣческія фигуры и животныхъ, нежели писать литеры; мнѣ строго запрещено было тратить время на рисунки и часто я получалъ за это наказаніе. Въ ариметикѣ я далѣе умноженія и сложенія не зналъ ничего. Объ иностранныхъ языкахъ я не имѣлъ никакого понятія, кромѣ польской азбуки, которую преподавалъ мнѣ отецъ.

На четырнадцатомъ году, я познакомился съ однимъ студентомъ Кіевской академіи; онъ первый далъ мнѣ понятіе о томъ что есть люди на землѣ которые говорятъ и пишутъ не такъ какъ мы; это мнѣ показалось сначала страннымъ, а потомъ любознательность увлекла меня и я началъ обучаться у моего знакомяца латинскому языку; но и тутъ я не могъ открыто брать уроки; отецъ мой не любилъ причта духовнаго, и оласался чтобы къ учебнымъ урокамъ не привились и дурныя наклонности отъ учителя. Итакъ мнѣ оставалось брать уроки тайно. Это было время развитія моихъ понятій, я имѣлъ неутолимую жажду къ наукамъ и память твердую, но на это не обращено было вниманія; къ рисованію я имѣлъ непреодолимое влеченіе. Но тайный учитель мой самъ имѣлъ слабыя познанія и не могъ

дать мнѣ основныхъ правилъ, и притомъ онъ могъ преподавать уроки только лѣтомъ въ вакантное время. Нельзя было ожидать отъ такого короткаго времени успѣховъ.

До этого времени я не имѣлъ ничего болѣе для чтенія кромѣ церковныхъ книгъ. Житія святыхъ отцовъ, Апостоловъ, пророчества и Евангеліе были тѣ книги изъ которыхъ я черпалъ понятія о духовной жизни. Другихъ книгъ не было у насъ въ домѣ и я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни объ исторіи, ни о географіи. Но вотъ явился въ наше мѣстечко новый сосѣдъ, человѣкъ образованный; онъ свелъ знакомство съ отцомъ моимъ и потомъ сдружился. Человѣкъ этотъ имѣлъ у себя небольшую бібліотеку. Онъ любилъ меня, и далъ для прочтенія историческое описаніе о разореніи Иерусалима и о взятіи Турками Константинополя. Отъ него же я получилъ книгу и прочиталъ похождение Мирамонада. Книга эта зашевелила во мнѣ какое-то непонятное чувство; но описаніе побойца Мамая Дмитриемъ Донскимъ возродило желаніе быть воиномъ и сражаться съ невѣрными; разказы о подвигахъ Суворова увлекали меня.

Такъ прожилъ я до шестнадцати лѣтъ въ домѣ отца моего, отца строгаго.

Наконецъ рѣшено было приступить къ окончательному моему образованію, рѣшено опредѣлить меня въ уѣздный судъ для познанія законовъ,—рѣшено и приступлено къ исполненію.

Въ назначенный къ отъѣзду день мысль что я разлучусь съ родительскимъ домомъ навѣяла грусть на меня, несмотря на то что городъ уѣздный былъ всего въ сорока верстахъ. И немудрено; вѣдь я изъ дому, какъ молодая птичка изъ гнѣзда, никуда не отлучался; но грусти этой противостояло любопытство обѣщавшее разрѣшить многіе не разрѣшаемые собственными моими вопросы. Итакъ призвавъ въ помощь Бога и получивъ благословеніе и доброжелательство родителей и родныхъ, выѣхалъ въ путь.

Морозъ былъ сильный и день свѣтлый; снѣгъ искрился на поляхъ и ивей на деревьяхъ; лошадки мчали по скрыпучему пути. Съ закатомъ солнца мы прибыли въ городъ и остановились на квартирѣ прежде доверенной. Отецъ мой вручилъ меня на попеченіе; хозяйкѣ старушкѣ, вдовѣ священника; въ этомъ домѣ не было никого болѣе кромѣ старушки и единственной ея дочери, созрѣлой уже дѣвицы.

Лицо старушки удрапировано морщинами, а лицо дочери ужасно исцаралала оспа. Двора при домѣ не было, и свѣдательно ворота не нужны были; калитка была единственнымъ входомъ въ садикъ, по срединѣ коего стоялъ жилой домикъ, наклонившійся уже на бокъ, и крыша защищала только отъ солнечныхъ лучей; дождикъ орошалъ живущихъ въ этомъ пріютѣ какъ въ шалашѣ прикрытомъ хвостомъ; однимъ словомъ, это былъ вдовій домъ.

Отецъ, оставивъ тутъ меня, самъ уѣхалъ ночевать на другую квартиру. Отъ грусти я легъ спать безъ ужина. Заботы и ласки почтенной старушки нѣсколько успокоили меня.

На другой день приведенъ былъ я отцомъ въ судъ и порученъ покровительству протоколита Лагоды, человека отличныхъ качествъ, и веселаго характера, который приказалъ мнѣ сѣсть за столъ и далъ переписывать бумагу. Всѣ бывшіе тутъ товарищи мои писцы, коліисты, подканцеляристы, канцеляристы и губернскіе регистраторы посматривали съ любопытствомъ на меня и перешептывались между собою. Я до того оробѣлъ что едва могъ перо держать въ рукѣ. Къ счастью одинъ дворянинъ изъ нашего мѣстечка, постулившій сюда прежде меня, подошелъ ко мнѣ и нѣсколько ободрилъ; къ обѣду мы уже пошли вмѣстѣ съ нимъ на квартиру. Послѣ обѣда отецъ уѣхалъ обратно въ домъ, а я отправился въ судъ и принялся за работу. Товарищи мои подходили ко мнѣ и подшучивали; я молчалъ и писалъ; на ночь возвратился на квартиру. Хозяйка старушка ласкала меня, но я скученъ былъ. Грусть всею тяжестью налегла на грудь мою, и я безъ ужина легъ спать. Я легъ только и укрывшись плакалъ; наконецъ сомъ одолевъ и благотворнымъ дѣйствіемъ укрѣпилъ меня. Я проснулся рано. Старушка зажгла ночникъ и я сталъ на молитву, читалъ Псалтирь; старушкѣ понравилось это и она стала молиться вмѣстѣ со мною. На разсвѣтъ она ушла на рынокъ для покупки свѣтлыхъ припасовъ, а дочь ея Елена приготовила для меня завтракъ, предложила мнѣ его очель привѣтаиво; я позавтракалъ и ушелъ въ судъ. Въ этомъ хотя ничтожномъ городкѣ всѣ предметы занимали меня, и особенно величественной архитектуры церковь Успенія Пресвятой Богородицы, построенная графиней Разумовскою, бывшею простою казачкой, и чрезъ сына своего

возвеличенная въ это званіе. Родилась она въ селѣ лежащемъ отъ города Козельца въ десяти верстахъ, но погребена въ городской церкви, въ нижнемъ этажѣ, въ придѣлѣ по лѣвой сторонѣ алтаря; иконостасъ украшенъ великолѣпно искусною рѣзбой и позолотой; храмъ этотъ могъ быть украшеніемъ и губернскому городу. Памятникъ этотъ достоинъ былъ того чтобы потомство Разумовскихъ подерживало его въ первобытной красотѣ; но на это не обращалось вниманія, а городъ не въ состояніи былъ помочь. Такимъ образомъ наружная прекрасная дѣльная работа потухла и внутри все пришло въ ветхость.

Я сталъ заниматься въ судѣ прилежно и исподоволь знакомиться съ товарищами. Но здѣсь знакомство бываетъ тогда только прочно, когда новый человѣкъ будетъ испытанъ во всѣхъ его достоинствахъ, и по нравственности, и по физическимъ силамъ. Особенно это правило или привычка соблюдается между молодыми людьми. Итакъ я долженъ былъ подвергнуться испытанію силъ моихъ; началъ придирааться ко мнѣ и я долженъ былъ преодолевать силу силой. Слабѣйшихъ заставлялъ уважать себя, а къ сильнѣйшимъ искусно приносивался, и такъ непримѣтно пріобрѣлъ нравственно власть надъ всѣми; начальство любило меня за прилежаніе къ дѣлу, а товарищи за предусмотрительныя распоряженія при кулачныхъ бояхъ, и въ другихъ играхъ и даже шалостяхъ.

Старушка хозяйка очень полюбила меня за мою скромность; дочь ея Елена также полюбила, но только не за скромность, а такъ любила, какъ брата, а можетъ-быть и болѣе; я же истинно любилъ ее какъ сестру, несмотря на прошитую оселу, которая крѣпко, безжалостно лоцаралаа ей лицо, и конечно я смотрѣлъ на нее не безъ сожалѣнія; она такая была добрая, разказывала мнѣ о первенствующихъ красавицахъ дѣвицахъ, и общалась при случаѣ показывать ихъ мнѣ; я одобрилъ ея усердіе, хотя красоты я и не умѣлъ еще цѣнить. Случай скоро представился; одна изъ благородныхъ дѣвицъ въ праздничный день проходила мимо нашего домика въ церковь, и Елена съ восторгомъ показала мнѣ ее. Правда, румянецъ яркій игралъ на ея лицѣ, бровь черная, носъ правильный, ростъ средній, волосы темнорусые, огромная коса спускалась ниже пояса; она шла гордо, вслѣдъ за нею отъ косы вилась розовая лента.

Елена съ торжествующею миной спросила у меня: **какова ланочка?** Хороша, сказалъ я ей хладнокровно. Это удивило ее, и она не напомнимала болѣе о красавицѣ, но какъ видно рѣшилась еще испытать искушеніе моею невнимательности; спустя послѣ того нѣсколько недѣль начала мнѣ говорить что она имѣетъ одну изъ пріятельницъ, которая почитается первою красавицею въ городѣ и что при удобномъ случаѣ покажетъ мнѣ ее; я равнодушно одобрилъ ея намѣреніе и забылъ о немъ.

Я прилежно занимался своимъ дѣломъ и доволенъ былъ самъ собою, но иногда являлась ко мнѣ скука безотчетная, причина же этой грусти была неизвѣстна мнѣ; недоставало мнѣ друга которому я могъ бы повѣрить мое горе.

Однажды вышедши изъ суда замѣтилъ я молодаго чело-вѣка, сидящаго на боковыхъ стулеяхъ ларадной лѣстницы. Онъ былъ въ глубокой задумчивости; на изнуренномъ лицѣ его ясно выражалась печаль. Видъ этого страдальца расположилъ меня къ состраданію. Я подошелъ къ нему и остано-вился, но онъ меня не замѣчалъ, потомъ замѣтивъ хотѣлъ было уйти, но я остановилъ его и спросилъ: откуда вы? Онъ посмотрѣвъ на меня сказалъ: изъ Кобижча, какъ назы-вается Коробовское. Тогда я припомнилъ объ немъ; онъ былъ круглый сирота. „И я также изъ Кобижча,“ сказалъ я ему.—„Я зналъ васъ,“ отвѣчалъ онъ, и такимъ образомъ мы познакомились. „Что такъ скученъ?“ спросилъ я.—„Нечему радоваться,“ отвѣчалъ онъ. Я просилъ его прійти ко мнѣ на квартиру чтобы ближе познакомиться съ нимъ; онъ далъ мнѣ обѣщаніе и исполнилъ его.

Онъ пришелъ ко мнѣ въ воскресный день послѣ обѣда и засталъ меня надъ кіевскимъ Патерикомъ. Мнѣ казалось что чтеніе этой книги пріятно занимало его; онъ сказалъ что любить также чтеніе священныхъ книгъ и признаетъ что въ мірѣ семь нѣтъ ничего постояннаго и что все суета суетъ въ сравненіи съ будущимъ. Онъ завидуетъ лутымъжителемъ подвизавшимся въ Палестинѣ, желалъ по-дражать имъ на томъ мѣстѣ. Но монашеская жизнь не нравилась ему, потому что черная ряса не защищала чело-вѣка отъ страстей въ общежительствѣ. Я былъ проникнутъ тѣми же чувствами. Итакъ мы сдружились и окрылились мыс-ленно чтобы лорхнуть въ Палестину; недоставало намъ только путеводителя, а сами о той странѣ имѣли лонятіе только изъ священныхъ книгъ.

Я весьма часто видѣлся съ нимъ, и разговоръ нашъ былъ всегда о Святыхъ Мѣстахъ. Не знаю чѣмъ бы кончилось наше намѣреніе ежели бы не былъ онъ потребованъ въ Черниговское губернское правленіе; съ того времени я потерялъ его изъ виду и не знаю что съ нимъ сдѣлалось.

Иногда добрая Елена, по искреннему своему расположенію, чесала мнѣ косу и сравнивала свои волосы съ моими. У нея волосы лучше моихъ были, свѣтлорусые и кудрявые, а мои какого-то грязнаго цвѣта и лежали просто космами. Когда же дарила меня искреннимъ поцѣлуемъ, то я отвѣчалъ ей поклономъ и стиралъ тщательно жгучее это тавро.

Я не находилъ въ себѣ никакихъ достоинствъ относительно моей фигуры, и старался не смотрѣть въ зеркало: потому что, ставъ предъ нимъ, видѣлъ одну и ту же дикую фигуру, обтянутую безцвѣтною кожей. Это была основа, на которой время и натура должны были развить надлежащія формы; это былъ нѣжный отростокъ, возникшій подъ свѣтлою строгой родительскою властью, тѣсно огражденный десятью заповѣдями и не испытавшій еще раздольной свободы.

На другой годъ послѣ моего опредѣленія, зимою пріѣзжалъ отецъ мой въ городъ и остановился на другой квартирѣ; онъ пришелъ поутру рано ко мнѣ. Въ это время старушка ушла на рынокъ для покупки провизіи. Я и Елена остались дома; она приготовляла для меня завтракъ, а я не знаю чѣмъ занимался. Вдругъ постучали въ дверь, которая была заложена крючкомъ, оттого что морозъ тянулъ ее на дворъ. Елена сняла крючокъ и, къ удивленію моему, я увидѣлъ вошедшаго отца. Онъ, поздоровавшись со мною, спросилъ о хозяйкѣ-старушкѣ и узналъ что ея нѣтъ дома, посидѣлъ немножко съ нами, посмотрѣвъ сюда-туда, потомъ, взявъ меня, отправился въ судъ; я занялся дѣлами, а онъ, немного побывъ въ судѣ, пошелъ по своимъ дѣламъ.

Въ сумерки пришелъ онъ опять ко мнѣ и пригласилъ прогуляться съ нимъ въ Диколѣтки. Я обрадовался что увижусь съ дядюшкой который меня очень любилъ; одѣлся послѣшно и пошелъ.

Ночь была звѣздная, но не лунная, и морозная, крѣпкій свѣтъ скрипѣлъ подъ ногами нашими. Когда же вышли за городъ въ чистое поле, то отецъ спросилъ меня, для чего была дверь залерта на крючокъ когда онъ прибылъ; отвѣтъ

былъ не затруднительный, я тотчасъ же прямо ему сказалъ: для того что дверь морозъ отводилъ. „И только?“ сказалъ онъ мнѣ. „Да“, я отвѣчалъ. „Ну, слушай меня“, сказалъ онъ, „впередъ этого не дѣлай, а не то ты будешь достоинъ гнѣва моего и наказанія.“ Продолжая путь, я слушалъ разные его отеческія наставленія, но все-таки не понималъ какой же тутъ грѣхъ держать двери на крючкѣ, когда морозъ коробитъ ихъ.

Между тѣмъ заботливая дочь хозяйки не переставала расхваливать мнѣ свою пріятельницу и превозносить ея красоту; но вида что слова ея мало дѣлаютъ на сердце мое впечатлѣнія, рѣшилась принять свои мѣры, хотя не совсѣмъ пріятныя для ея самолюбія, то-есть отдать подругѣ своей то что и ей самой какъ видно нравилось, сознаваясь такимъ образомъ что не надѣется сама собою побѣдить меня. А быть-можетъ имѣла намѣреніе наказать меня за невнимательность къ ней. О, дѣвицы умѣютъ привести свои затѣи къ желанной цѣли! Ибо въ послѣдствіи я помнялъ что ей хотѣлось познакомить меня съ собственною любовью.

Однажды въ праздничный день, возвращаясь съ прогулки, шелъ я на квартиру, погрузившись мысленно въ какія-то безотчетныя идеи, никого не видалъ и ничего не замѣчалъ. Вдругъ раздался въ близкомъ разстояніи позади звавшей меня знакомый голосокъ доброй Елены. Я оглянулся и увидѣлъ ее шедшую за мною вслѣдъ съ незнакомою мнѣ прекрасною молодецкою дѣвицей, и остановившись далъ имъ дорогу. Поровнявшись со мною, Елена сказала: „Вотъ это другъ мой Олимпиада Семеновна, о которой я вамъ сказывала.“ Я вѣжливо поклонился и пропустивъ ихъ мимо себя пошелъ на квартиру, а онѣ ловоротили въ сторону, неизвѣстно мнѣ куда; однако же несмотря на то что я, можно сказать, мелькомъ только взглянулъ на дѣвицу, черты лица ея живо впечатлѣлись въ сердце мое. Она безпрестанно представлялась въ мысли моей, и я самъ не понималъ отчего мнѣ было пріятно думать объ ней. Потомъ при занятіи моемъ въ судѣ бумажными дѣлами чрезъ нѣсколько дней забылъ про нее и попрежнему сталъ спокойнѣе, доволенъ самъ собою, доброю старушкой хозяйкой и дочерью ея.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней послѣ обѣда сидѣлъ я за столомъ и читалъ житіе святыхъ. Вдругъ входитъ Елена

съ Олимпиадой Семеновной. Я взглянулъ на нее и тотчасъ опустилъ глаза на книгу, потомъ привставъ поклоунился и олять сѣлъ, и чувствуя себя въ тревожномъ состояніи не зналъ что мнѣ дѣлать, уйти или остаться. Меня уже не занимало чтеніе. Но сражался такимъ образомъ съ нерѣшимостью, остался на своемъ мѣстѣ. Олимпиада Семеновна полпривѣтствовавшись съ Еленой и старушкой, которая сидѣла на лѣчкѣ, смѣло, весело спросила о ея здоровьѣ, а та спросила также о здоровьѣ ея матери. Потомъ Олимпиада Семеновна, подошедши ко мнѣ, положила свою прекрасную ручку на то мѣсто куда глаза мои были устремлены и пріятнымъ своимъ голоскомъ спросила: „Что вы читаете?“ Я смутился, будучи пораженъ какимъ-то непонятнымъ для меня огнемъ, и робко отвѣчалъ что читаю житіе святыхъ. „Я люблю также читать священныя книги; я вамъ могу достать житіе Св. Великомученицы Варвары.“ Но ручки своей съ книги не снимала и я могъ смотрѣть на нее безъ зазрѣнія совѣсти какъ будто по необходимости, но въ лицо ей взглянуть не смѣлъ. Я смотрѣлъ на нее и все желалъ смотрѣть, и въ самомъ дѣлѣ подобной ручки до того времени не случалось мнѣ видѣть; вѣжна, бѣла, полна и казалось прозрачна. На указательномъ пальчикѣ два золотые перстня. Въ одномъ блестѣлъ какой-то свѣтлый камень, а въ другомъ розовый. Но это меня не интересовало, я любовался ручкой и не смѣлъ прикоснуться къ ней.

Поговоривъ нѣсколько со мною, она занялась съ Еленой какими-то тайными разговорами, но сѣла, какъ видно, съ намѣреніемъ, въ противоположномъ углу, такъ чтобы меня видѣть и себя не закрывать.

Я остался какъ прикованный къ своему мѣсту, переворачивалъ листы безсмысленно, съ крайнею осторожностью поглядывалъ на красавицу; она, казалось, не замѣчала этого, однако же иногда встрѣчался ея взоръ съ моимъ и я со стыдомъ торопливо убиралъ глаза мои въ свое мѣсто.

Просидѣвъ такимъ образомъ нѣсколько времени Олимпиада простилась съ Еленой и ушла весела и казалась какъ будто торжествующею. А я остался въ какомъ-то непонятномъ положеніи какъ будто оглушенъ. Да и могло ли быть иначе когда она увезла съ собою всѣ мои мысли.

Послѣ сего не проходило уже ни одного праздничнаго дня

чтобъ она не навѣщала насъ и я наконецъ пріучился безъ робости смотрѣть на нее прямо, потому что глаза мои безпрестанно обращались на нее. И въ самомъ дѣлѣ это прекрасное милое личико ярко блестяло предъ лицомъ Елены, изцараланнымъ, взборожденнымъ безжалостною ослпой.

Время уносило день за днемъ и я почти не замѣтилъ какъ промелькнула масляница и вотъ уже насталъ Великій Постъ.

Въ субботу на первой недѣлѣ, пришедши на квартиру къ обѣду, не засталъ Елены дома: но старушка вынула изъ печки горячіе на тарелочкѣ блины, сказала весело: „вотъ, ланчю, прислала вамъ Олимпиада Семеновна блинковъ.“ Говоря это поставила на столъ тарелочку съ блинами, прибавила: извольте кушать, но я остался въ нерѣшимости, не прикасался къ блинамъ. Во мнѣ родилась мысль: не съ худымъ ли намѣреніемъ они присланы, не съ тѣмъ ли чтобы меня очаровать. Но старушка повила мое сомнѣніе и съ усмѣшкой сказала: „кушайте не бойтесь, вотъ я первая съѣмъ одинъ за ваше здоровье.“ Мнѣ стало стыдно что она отгадала мысль мою и тотчасъ сталъ ѣсть блины, несмотря на то что въ тайнѣ я тревожился, и не безъ причины: мнѣ сказывали что родной мой дядя Грицко былъ очарованъ дѣвицей и умеръ. А притомъ не даромъ же и лѣсна есть: „Не ходи Грицю на вечерницу...“ А мнѣ умирать еще не хотѣлось. Послѣ сего посѣщенія Олимпиады Семеновны становились чаще и чаще. Она уже почти исключительно занималась мною. Елена и старушка были уже ей совсѣмъ сторонніе предметы—такъ для предлога. Онѣ хорошо это понимали и не вмѣшивались въ дѣла наши.

Въ одно время послѣ обѣда, когда я сидѣлъ съ нею надъ раскрытымъ Патерикомъ, Елена вышла изъ комнаты по какой-то надобности, а старушка хралѣла себя на теплой печкѣ покойнымъ сномъ. Олимпиада вдругъ подарила меня, какъ вы думаете чѣмъ? поцѣлуемъ. Новое неизвѣстное еще мнѣ пріятное ощущеніе потрясло весь мой организмъ, сердце вздрогнуло и откликнулось на сей сигналъ. Я тотчасъ въ благодарность отплатилъ ей не сухимъ поклономъ какъ Еленѣ, а тою же монетой съ удвоенными процентами за несомнѣнную ея ко мнѣ довѣренность. Дверь въ сѣняхъ скрикнула и мы приняли прежнюю позицію. Да иначе и быть не могло, потому что Елена тутъ

свѣдѣтель неумѣстный. Когда же присутствіе Елены отвѣдало отъ меня сладкую волшебную атмосферу, то я сдѣлалъ самъ себѣ вопросъ: отчего поцѣлуй этотъ такъ сладокъ и пріятенъ? А Елена въ былъ такъ безвкусенъ, жестокъ и холоденъ. Я долго размышлялъ о семъ предметѣ, и рѣшилъ что это происходитъ отъ того что Олимпиада собой лучше Елены, а можетъ-быть и въ блины что-нибудь подсыпала.

Я могъ быть съ Олимпиадой при хозяйкѣ и Еленѣ безъ зазрѣнія и безъ предосужденія. Но поцѣлуи были тайные для стороннихъ, когда я провожалъ ее одинъ до садовой калитки. Она хотѣла непременно показать меня своей матери, но я на это не рѣшался. Видя мою нерѣшимость, нашла средство поставить меня въ необходимость исполнить ея волю: она принесла мнѣ житіе Святой Великомученицы Варвары, и просила дать ей Патерикъ для прочтенія. Я не подозрѣвая ея умысловъ далъ и потомъ чрезъ нѣсколько времени просилъ чтобъ она принесла его обратно, но она отвѣчала что еще не докончила. Наконецъ настала рѣшительная минута. Предъ праздникомъ прислали за мною лошадей; я сталъ уже настоятельно требовать отъ нея Патерикъ, но она отвѣчала: „приди и возьми“, а мнѣ безъ Патерика опасно было предстать предъ отца. Итакъ, по общему совѣту доброй старушки и Елены, пошелъ я въ домъ Олимпиады.

Домъ этотъ не такъ былъ далекъ какъ я воображалъ. Я вошелъ на чистый олятный дворъ, окруженный съ двухъ сторонъ разными строеніями, а съ третьей заборомъ сада. Наружный видъ показывалъ во всемъ порядкѣ доброй хозяйки. Олимпиада ввела меня въ среднее отдѣленіе дома, и съ торжествующимъ видомъ представила своей матери, почетной старушкѣ, но еще бодрой въ силахъ. Та приняла меня весьма ласково и посадила возлѣ себя. Олимпиада была въ восхищеніи; показывала мнѣ свое рукодѣлье и цѣлый коробъ писанокъ и предлагала чтобъ я выбралъ себѣ самыя лучшія. Я взялъ скромно двѣ и тѣмъ доволенъ былъ. Но Олимпиада выбрала самыхъ лучшихъ по ея мнѣнію лятнадцать писанокъ и сама назначила кому какія подарить изъ сестеръ моихъ и братьевъ, уложила осторожно въ кузовокъ, навязала цѣлый узелъ яблокъ на дорогу, возвратила книгу и сама проводила меня до квартиры.

У дверей калитки моей квартиры я простился съ нею. Признавшись во взаимной любви, мы залечатлѣли актъ сей для вѣрности пламеннымъ поцѣлуемъ.

На другой день я отправился въ родительскій домъ съ Карломъ, будучи счастливъ, съ самодовольствіемъ и увѣренностію. Да и какъ было не радоваться! Книгу я получилъ обратно, я люблю и меня любятъ.

Пріѣхавъ домой, я показалъ лисанки брату и сестрамъ и матушкѣ, всѣ они хвалили за хорошіи рисунки и колеръ. Но отецъ подошедши спросилъ съ видомъ подозрительнымъ, откуда я взялъ ихъ. Я немножко замаявшись потомъ сказалъ что дочь хозяйки дала мнѣ. Потомъ вспомнилъ о десяти заповѣдяхъ, но уже было поздно. Къ счастью набѣжали мнѣ на мысль слова апостола, что и ложь во спасеніе извинительна. Во время праздника ложилась скука на меня. Я видѣлъ образъ милой Олимпіады и вздыхалъ что въ разлукѣ съ нею. Но для вздоховъ нужно было укрываться куда-нибудь и тамъ навздыхавшись возвращаться съ веселымъ лицомъ. Я хранилъ свою тайну истинно за душою; открытіе ея привело бы меня подъ отмѣтки камышевой тростки.

Кончился срокъ отлука моего и я опять отправился съ Карломъ въ городъ Козелецъ. Но мнѣ казалось что лошадки наши идуть лѣниво и Карлъ все спалъ, не логонялъ ихъ. А остановка для роздыха такъ была долга и такъ скучна что я безпрестанно будилъ Карла и все твердилъ ему: лора ѣхать, а тотъ мнѣ отвѣчалъ что еще рано, еще кони не наѣлись, еще успѣемъ доѣхать до Лихолѣтокъ. „Нѣтъ, нѣтъ, Карлъ, сказалъ я ему,—не надо ѣхать на Лихолѣтки, это будетъ кругъ, а мнѣ надобно непремѣнно сегодня явиться въ городъ.“ И такъ заложилъ онъ лошадей и прибыли уже въ городъ поздно. Старушка и Елена обрадовались моему пріѣзду. Я имъ привезъ лисанокъ и яблокъ, а Елена сообщила мнѣ что Олимпіада Семеновна бывала каждый день у нихъ, и отъ скуки безъ меня даже похудѣла. Эта вѣсть, пріятная сердцу моему, обрадовала меня. Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣться съ нею и даже не вѣрилъ тому что завтра увижусь.

Я легъ спать, но нетерпѣніе и ожиданіе тревожили мой духъ. Я хотѣлъ понять какая сила непостижимая привязала меня къ ней; напрасно я терялся въ мысляхъ и не могъ себѣ дать вѣрнаго отчета. Долго мечталъ я въ бессонницѣ. Наконецъ зефиръ навѣялъ своими легкими крыльями сквозь разбитое окошко благотворную утреннюю прохладу и я потонулъ въ забвеніи.

Но въ скоромъ времени зазвучалъ серебряный голосокъ Елены: „Вставайте ланчу, оце якъ довго заспались! Олимпиада Семеновна давно уже присылала сюда дѣвушку узнать о вашемъ прїѣздѣ.“ Я проснулся, увидѣлъ что дѣйствительно заспадся, лоскорѣе умылся, помодился, написалъ письмо къ родителямъ, отправилъ Карла домой, позавтракалъ и хотѣлъ идти уже прямо въ судъ, но на порогѣ присланная отъ Олимпиады дѣвушка подала мнѣ записочку, въ силу которой я долженъ пройти мимо ея сада. Я воротился, взявъ кулленные мною на Кобыжской ярмаркѣ три аршина лунцовой ленты и отправился по назначенному пути.

У садовой калитки меня ожидала Олимпиада; мы бросились другъ къ другу съ привѣтственными поцѣлуями. Разговорамъ здѣсь не было мѣста. Только успѣли сказать какъ мы счастливы что видимъ олять другъ друга. Я повязалъ ей ленту черезъ плечо и простившись до вечерняго свиданья пошелъ въ судъ, а она съ радостнымъ восторгомъ любѣжала домой.

Вечеромъ, возвратившись изъ суда на квартиру, я засталъ Елену вмѣстѣ съ Олимпиадой. Она была въ томъ же утреннемъ платьѣ съ моею лентой черезъ плечо. Какъ она была хороша! Живой румянецъ на щекахъ ея спорилъ съ бѣлизной; черныя брови, свѣтлорусые волосы, розовый маленькій ротикъ постоянно улыбался, а каріе глаза сіяли радостію. Мы не говорили, но глазами читали ощущенія сердечныя.

Мнѣ предлагали ужинать, но я отказался, вышелъ съ Олимпиадой на дворъ, сѣли и предлагали другъ другу разные вопросы о минувшей разлукѣ, какъ скучали другъ за другомъ и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали свиданія.

Наконецъ когда весенняя ночь слустила надъ землею прозрачный свой покровъ, ислещренный звѣздами, окаймленный свѣтлою зарей, мы встали, прощались нѣсколько разъ, но все не разставались; такъ подошли къ калиткѣ въ забвеніи и тутъ олять сѣли на уютую скамейку подъ роскошнымъ кустомъ. Здѣсь уже не было свидѣтелей кромѣ можетъ-быть Елены наблюдавшей изподтишка за нами.

Позади насъ въ углу сада на вышинѣ соловей воспѣвалъ весну близъ своей подруги. Онъ лѣлъ тихо, нѣжно, со всѣмъ затихалъ. Какъ будто въ утомленьи вздыхалъ. Потомъ вдругъ дробился, щелкалъ, свисталъ, разливался и въ треляхъ

разсыпался, и олять какъ будто исчезалъ, терялся, потомъ въ восторгѣ оживалъ къ новой жизни. Хрусти жужжали надъ нами. Вдалекѣ слышенъ былъ ропотъ шумящей воды, рвущейся изъ-за преградъ прелятствующихъ ей, и каики водяныхъ птицъ. Въ эти минуты торжества воскресающей природы мы, ловѣря другъ друга сердечныя чувства, были въ счастливомъ забвеніи, и...

Но любезные читатели, строгіе мои судьи, не будьте скоры къ осужденію меня, не думайте что я поставилъ знакъ союза съ точками чтобы закрыть бореиіе совѣсти со стыдомъ. О нѣтъ! Чистая любовь не есть преступленіе и я безъ стыда могу все разказать предъ вами.

Я слышалъ бьющееся сердце—оно билось для меня. Я былъ въ восторгѣ, и не искалъ другаго счастія, другаго наслажденій. Долго ли можно сопротивляться въ подобномъ случаѣ пламени пожирающему разсудокъ; но невидимый и неусылный мой страхъ, страхъ Божій вездѣ былъ со мною. Этотъ менторъ лучшій всѣхъ наставниковъ и учителей воспрещалъ мнѣ улоупотреблять во зло довѣренность преданной мнѣ дѣвицы. Я полный былъ властелинъ надъ нею, участь ея зависѣла отъ моей воли, но я боялся шагнуть за черту положенную совѣстью и довольствовался счастіемъ безукоризненнымъ.

На разсвѣтѣ мы растались залечатлѣвъ поцѣлуями вѣчную любовь.

Въ эту счастливую эпоху всегдашній мой слутникъ и собесѣдникъ вѣрный Патерикъ лежалъ уже безтревожно на полкѣхъ подъ толстымъ слоемъ лыли. Мнѣ недоставало времени бесѣдовать съ нимъ. Бродить мысленно въ мрачныхъ подземельяхъ, и влачить обѣтныя оковы, или заключаться въ каменные стѣны и въ этой тѣснотѣ томить себя голодомъ, вздыхать и плакать, и всегда быть довольнымъ однимъ и тѣмъ же. Мнѣ не нравилась уже такая безцвѣтная жизнь.

Отецъ мой пріѣхавъ въ городъ облекъ меня довѣренностію для хожденія за него по дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ мнѣ перейти на другую квартиру. Обстоятельство это не по мнѣ было, но я долженъ былъ исполнить родительскую волю.

На этой квартирѣ были три ностояльца совершенныхъ лѣтъ, и давно уже служившіе въ уѣздномъ судѣ. Хозяинъ

веселый, добрый, человекъ. Хозяйка еще лучше хозяйина, молода и хороша. Дѣтей не было у нихъ. Прежняя моя хозяйка старушка искренно пожалѣла обо мнѣ, а Елена даже скучна стала. Что касается Олимпиады, я замѣтилъ что она была даже довольна этимъ. И положено было между нами въ тайнѣ имѣть свиданія въ собственномъ ея саду. Такъ протекло время до осени; ничто не возмущало нашего счастья, только Елена все грустна была и я замѣтилъ что дружба ея съ Олимпиадой ослабѣвала.

Однажды утромъ проходя въ судъ мимо прежней моей квартиры, я увидѣлъ Елену стоящую на улицѣ возлѣ своей калитки залаканную. Слезы еще катились по ея щекамъ, въ рукахъ держала она свертокъ бумаги; когда я подошелъ къ ней, то она громко сказала мнѣ: вотъ что надѣлала ваша Олимпиада, и указала на калитку замаранную дегтемъ. Подала мнѣ свертокъ, я развернулъ его и увидаль что это былъ ласквиль злобный на эту бѣдную дѣвушку, удивился, отдалъ ей свертокъ и сказалъ что Олимпиада не можетъ быть способна на это. „Нѣтъ, она, она негодная дѣвчонка сдѣлала это. Матушка уже пошла къ городничему съ жалобой, просить за безчестіе чтобы ее взяли въ тюрьму.“ Я оставилъ Елену и пошелъ въ судъ, будучи увѣренъ что моя Олимпиада этого не сдѣлаетъ. Не можетъ быть, думалъ я, чтобы подъ такою прелестною наружностью могла таиться адская злоба, нѣтъ, нѣтъ не можетъ быть, говорилъ я самъ съ собою. Но сердце мое предчувствовало что-то недоброе.

Возвращаясь изъ суда къ обѣду я съ тревожнымъ духомъ подошелъ къ садовой калиткѣ Олимпиады и увидѣлъ ее стоящую въ саду въ великомъ смущеніи. Я спросилъ у нея что это значитъ, но она молчала. „Неужели ты Елену обидѣла такъ жестоко?“— „Я, отвѣчала она, она достойна того: не смѣй порочить она моей любви съ тобою. Я продиктовала одному изъ постояльцевъ записочку; онъ, перемѣнивъ свой почеркъ, написалъ ихъ четыре и я ночью приказала калитку Еленѣ замарать дегтемъ, постояльца же попросила чтобы онъ прилѣпилъ записки въ разныхъ мѣстахъ города.“— „Что ты сдѣлала; я слышалъ въ судѣ что городничій будетъ производить слѣдствіе, будетъ случать всѣ канцелярскіе почерки и приводить къ присягѣ. Мать Елены пошла просить чтобы тебя взяли въ тюрьму.“ Она измѣнилась въ лицѣ отъ

страха и сказала: „теперь надобно быть очень осторожнымъ пока пройдетъ оласность“. Она залакала и я тоже и такъ разстались.

Не знаю кто разгласилъ объ обоюдной любви нашей, но она уже была извѣстна не только товарищамъ моимъ, но даже хозяину и хозяйкѣ. Я былъ грустенъ; она замѣтила это и стараясь облегчить печаль мою, осыпала безъ пощады упреками Олимпиаду, даже говорила что она не стоитъ моеѣ любви, что она дурно себя ведетъ и пр., и пр., и пр.

Я слушалъ и ничему не вѣрилъ, однакожь изъ предосторожности рѣже сталъ видѣться съ ней, и то не входя уже въ садъ, а такъ чрезъ ограду на самое короткое время.

Сознаюсь что страхъ тяготилъ и меня. Я былъ невиненъ, но если слухи дойдутъ до отца, тогда раздѣлка будетъ плоха.

Добрая хозяйка моя принимала во мнѣ искреннее участіе. „Плюньте, говорила, паничу, на эту сержантовну: она не стоить васъ; у меня есть племянница въ Бабарикахъ, майорская дочь, прехорошенькая и такая добрая що куда вамъ.“ Я однакоже все любилъ Олимпиаду, но злобное ея сердце и черная мечь помрачили ея прелесть и она теряла достоинства въ душѣ моеѣ. Я сталъ навѣщать ее рѣже, рѣже, и мѣсяца черезъ полтора уѣхалъ въ домъ разсѣять грусть свою, и старался забыть ее.

Возвратившись опять въ городъ, я нашелъ товарищей моихъ расположенныхъ ко мнѣ какъ и прежде. Они желали избавить меня навсегда отъ мрачной скуки, стали приучать пить водку, но какъ я никогда не употреблялъ ее и она противна мнѣ была, то они поступали осторожно и не вдругъ, а раздѣлили науку на уроки. Сначала обмокнувъ хлѣбъ давали мнѣ ѣсть, потомъ смѣшавъ съ водою полрюмочки, потомъ рюмочку и такъ постепенно приучали меня. Я былъ прилеженъ къ наукѣ и скоро оказалъ блестящіе успѣхи: уже могъ и стаканами пить водку. Удивлялся самъ быстрому развитію моихъ способностей по этому предмету. Но силы измѣняли мнѣ: я всегда страдалъ головою болью жестоко послѣ перелоя. Такъ провелъ я осень.

Въ обществѣ товарищей я старался быть спокойнымъ; пилъ съ ними съ размаху стаканами водку и отлускалъ шутки на счетъ влюбленныхъ. Но внутренно страдалъ и духомъ, и сердцемъ.

Пьяный чадъ заглушалъ только на время мои мученія, а обѣщанія и увѣщанія доброй моей хозяйки не исцѣлили ранъ моихъ. Борьба любви съ разсудкомъ сильно потрясла мое существо. Въ сердцѣ моемъ, наполненномъ прежде пламенемъ счастливой, чистой любви, теперь осталась ужасная пустота, въ которой гнѣздится холодная, мрачная скука. Я чувствовалъ что не доставало мнѣ частицы самого меня, частицы согревающей благотворнымъ огнемъ.

Въ продолженіи зимы проходили войска чрезъ нашъ городъ, назначенныя въ походъ за границу. Видъ этихъ воиновъ, блестящее оружіе ихъ, музыка, возродили въ душѣ моей желаніе быть воиномъ. Я давно уже скучалъ сидѣть со скрилучимъ леромъ среди товарищей предававшихся безразсудно и безпрелятственно порокамъ неприличнымъ званію истинно благороднаго человѣка. Я ощущалъ въ себѣ высшее назначеніе и только по необходимости долженъ былъ исполнять волю отца моего. Будучи подъ властію строгаго отца я привыкъ быть строгъ самъ къ себѣ и занимаясь прилежно своею обязанностію заслужилъ довѣренность и особенное вниманіе какъ секретаря такъ и присутствующихъ. Они всѣ знали меня лично и были внимательны.

Къ величайшему моему удовольствію императоръ Павелъ I воззвалъ къ молодымъ Малороссіянамъ предлагая имъ идти въ военную службу кто пожелаетъ. Когда только объявленъ былъ при открытыхъ дверяхъ высочайшій указъ я всталъ съ своего мѣста и торжественно сказалъ: желаю идти въ военную службу. Товарищи мои до того испугались что нѣкоторые вырвали подъ столъ.

II.

Я извѣстилъ отца моего о томъ что иду въ военную службу и онъ не прелятствовалъ уже пламенному моему желанію. Матужка и бабушка согласились также.

Теперь я чувствовалъ себя уже въ другой сферѣ, свѣтлой, просторной, высокой; я уже воинъ, я защитникъ отечества, говорилъ самъ себѣ. О! можетъ ли быть что лучше военной службы? Воображеніе украшало ее чудными прелестями; но начальству моему непріятно было лишиться меня: усердіе мое и способность обратили уже вниманіе его ко мнѣ. Я

управлялъ уголовнымъ повѣьемъ исправно, имѣлъ чинъ губернскаго регистратора. И чинъ этотъ получалъ не будучи ни копиистомъ, ни канцеляристомъ. Судья позвалъ меня къ себѣ, уговаривалъ оставить мое намѣреніе, представляя всѣ невыгоды военной службы: холодъ, голодъ, всякаго рода недостатки, оласность и смерть, и вознося гражданскую похвалами, исчисляя превосходства ея: „Можетъ ли быть что лучше, говорилъ онъ, имѣть службу на роднѣ, не удаляясь отъ родныхъ, притомъ же гражданская служба не имѣетъ никакихъ стѣсненій;“ но я непрекломенъ былъ; тогда онъ съ досадою сказалъ: „Ну такъ я не дамъ тебѣ аттестата.“ — „Я самъ себѣ вездѣ напишу аттестатъ поведеніемъ моимъ“, отвѣчалъ я ему и вышелъ; однакоже аттестатъ былъ выданъ и безъ моей просьбы.

День разлуки приближался; я простился со всѣми родными моими. Крестный отецъ и дядя мой со вздохомъ изобразили на мнѣ знаменіе креста, бабушка благословила лятю имперіалами, матушка тоже, отецъ лятюдесятью рублями ассигнаціями, да еще цѣлковыхъ десять, прочіе же подарили усерднымъ желаніемъ благополучія.

Въ назначенный къ отъѣзду день получивъ напутственное благословеніе отъ родителей, я бросился на колѣни предъ святыней, усердно молился Богу, прося благословенія свыше на предпріятіе мое, потомъ со слезами простился съ матушкой, братомъ и сестрами и отправился съ отцомъ въ Козелецъ. Сколь ни блистательно представлялось новое поприще моей жизни, но неизвѣстность будущаго имѣла сильное вліяніе на душу: тяжела первая разлука! Проходя чрезъ садъ мысленно прощался я со всѣми любезными предметами, свидѣтелями дѣтскихъ лѣтъ моихъ.

Старецъ вѣковой дубъ возносилъ главу свою ровно съ главами храмовъ Божіихъ. Съ грустью думалъ я: „не буду уже больше засыпать подъ шелестомъ листьевъ твоихъ, не буду уже взоромъ искать кудрявой главы твоей изъ полей далекихъ, я иду далеко въ чужую сторону. Прости и ты роскошный смородиновый кустъ, пріюти весенняго лѣвца надъ могилою брата моего, и березка, посаженная моею рукой, и ты храмъ святой прости, благослови меня въ путь невѣдомый, ты видѣлъ усердіе мое къ тебѣ.“

Выѣхавъ изъ мѣстечка Кобыцы въ поле, я оглянулся назадъ, дабы еще сказать: прости родина моя; взоръ мой

встрѣтилъ вчера внесенный крестъ на Рождественскую церковь. Съ благоговѣніемъ преклонилъ главу мою предъ симъ знаменіемъ и потомъ уже не оглядывался болѣе назадъ, дабы не огорчить себя тревожными чувствами.

Въ Козельцѣ я нашелъ уже нѣкоторыхъ дворянъ пріѣхавшихъ, а цѣлыя хотѣли уже было возвратиться въ домъ, но предводитель дворянства, Григорій Мандрыка, приказалъ непремѣнно отправляться въ Черниговъ. Итакъ чрезъ три дня, простившись съ отцомъ въ послѣдній разъ, я отправился съ прочими дворянами въ Черниговъ. Но мнѣ еще оставался одинъ порогъ перешагнуть. Въ томъ селѣ гдѣ назначенъ былъ ночлегъ, была дѣвица которую я уважалъ, а она меня любила; надобно было пожертвовать ей ночью, то-есть просидѣть съ ней въ слезахъ до свѣта. Я исполнилъ это и, залечатлѣвъ послѣдній обѣтъ вѣрности горячимъ поцѣлуемъ, оставилъ ее почти въ обморокъ. Вышелъ за село, отряхнулся и свободенъ сталъ. Эта послѣдняя черта раздѣлила меня со всѣми искушеніями.

По прибытіи въ Черниговъ, губернаторъ Трефортъ раздѣлялъ насъ по инспекціямъ. Я назначенъ въ Литовскую инспекцію, и 27го августа 1800 года лартія выступила въ походъ въ городъ Вильну, подъ командой кавалергарда Петра Петровича Пасенки (который препровождалъ насъ отъ Козельца до Чернигова). Мы переправились черезъ рѣку Днѣпръ при мѣстечкѣ Лоевъ и потомъ слѣдовали черезъ города: Рѣчицу, Бобруйскъ*, Глуекъ, Слуцкъ, Несвижъ, Миръ, Борунъ, Опшяны, и не доходя Вильны за шесть верстъ, расположились по деревнямъ и застѣнкамъ.**

Всякій шагъ сдѣланный впередъ представлялъ мнѣ какую-нибудь новость. На берегу рѣки Десны я увидѣлъ черную избу; это показалось мнѣ такъ страшно что я боялся слать въ ней. Съ каждымъ днемъ измѣнялся разговоръ людей,

* Начиная отъ Бобруйска до Несвижа, проходили дремучими лѣсами и толкими болотами.

** *Застѣнками* называются избы и при нихъ хозяйственныя строения расположенныя въ разныхъ мѣстахъ, въ лѣсу и на полѣ, разстояніемъ одна отъ другой на версту и далѣе. Въ нихъ живутъ по большей части бѣдная шляхта и другіе люди свободнаго состоянія, не имѣющіе собственной земли. Они платятъ за землю, которую владѣютъ, помѣщикамъ чиншъ или поземельную плату.

примѣтно отзывалось *дзе*; за Двѣлпромъ валялось много камней и я удивлялся что ихъ никто не собиралъ. Тутъ уже языкъ смѣшанъ, такъ что я едва могъ понимать его. Въ лѣсахъ дремучихъ заглядывался на пирамидальныя ели, на бѣлую ароматную смолу ихъ и очень смѣшно казалось мнѣ что лошадь вмѣстѣ съ коровой везли одну уродливую литовскую телѣжку.

Черныя избы* не нравились мнѣ страхъ. Костелы, органы, одежда священниковъ не оставались безъ вниманія моего**. Латинскія надписи я читалъ свободно и нѣкоторыя переводилъ. Товарищи мои считали меня мудрецомъ. Къ польскому нарѣчію я скоро привыкъ и все понималъ. Читать и писать училъ меня самъ отецъ. Онъ былъ въ Польшѣ во время конфедераціи. И о Польшахъ онъ отзывался съ удовольствіемъ. Онъ даже желалъ чтобъ я его подарилъ невѣсткой прекрасною Полькой. Какъ видно, Польки и въ то время умѣли прельщать сердца.

Наконецъ ввели насъ въ городъ Вильну. Здѣсь былъ инспекторъ Михаилъ Иларіоновичъ генералъ Кутузовъ. Расположились по квартирамъ. Огромные костелы со статуями, сплошныя каменныя зданія были предметомъ моего удивленія. Солдаты всѣ были красавцы, шалки мѣдныя, острия, пукли, косы, пудра, штіблеты, алебарды, ружья, тесаки, знамена, — все это восхищало меня, и я съ нетерпѣніемъ желалъ скорѣе надѣть военный мундиръ. Мы простояли здѣсь нѣсколько времени, пока раздѣлили по полкамъ. Нѣкоторыхъ изъ товарищей моихъ взяли въ дежурство военной канцеляріи для писъма, которые сказали тамъ что и я грамотѣй, но мнѣ не хотѣлось писать и потому рѣшился отдѣлаться хитростью. Меня позвали въ канцелярію.

* Начиная отъ самой Десны, по всему пути гдѣ мы проходили, всѣ уже избы черныя. Для освѣщенія избы употребляютъ сосновый смолистый корень, нарубленный въ малыя кусочки. По срединѣ избы вставлена огромная труба въ потолокъ, обмазанная гашной, подъ которою виситъ маленькая рѣшетка, гдѣ кладутся маленькіе кусочки корня. Когда печку затопляютъ, то отворяютъ дверь на дворъ и вынимаютъ небольшія задвижныя окна для того чтобы дымъ выходилъ вонъ.

** Священниковъ бороды бриты, волосы острижены въ кружокъ, по срединѣ головы папъшь, а волосы кругомъ.

Часовой гренадеръ, страшный усачъ, показалъ усомъ мнѣ дверь. Я вошелъ въ канцелярію. Дежурный штабъ-офицеръ спросилъ, умѣю ли я писать. „Умѣю“, весело отвѣчалъ я ему. „Напиши же что-нибудь“, сказалъ онъ. Я принялся за перо и обмакивалъ его болѣе десяти разъ и все отрахивалъ. Потомъ, прижавъ крѣпко, потихоньку намазалъ караульками: „Радуюсь“. Онъ взглянулъ на меня и съ усмѣшкой спросилъ: „Чему же ты радуешься?“—„Слава Богу, пришелъ въ Вильну.“—„Ну, ступай же на квартиру.“ Я взялъ шапку, поклонился и ушелъ, а товарищи мои, сидя за бумагами, почесали головы.

Такъ отдѣлялся я лукавствомъ отъ письма, но оно не прошло мнѣ даромъ: на квартирѣ украли у меня чуйку, зеленую чуйку, праздничную чуйку.

Раздѣливъ по полкамъ, отправили въ полковые штабы; я назначенъ былъ въ 7й Егерскій полкъ, вмѣстѣ съ дворянами Козелецкаго уѣзда: Бялевскимъ, Любежкомъ, Бобройкомъ и Ташутой. Во время слѣдованія въ Вильну, намъ помогалась одна подводка на двоихъ, а теперь на 25 человекъ одна; слѣдовательно, мы должны были всѣ наши вещи нести на себѣ. Къ несчастію, у меня былъ преогромный чемоданъ, бывший въ услуженіи у отца моего во время первой польской конфедераціи. Я взвалилъ его на себя и такъ шелъ въ походѣ. Сначала эта ноша была очень непріятна мнѣ, но въ послѣдствіи сдѣлалась полезною, она защищала спину мою и бока отъ холода, ибо я имѣлъ одну только куртку и ту праздничную.

Вышедши изъ Вильны, мы расположились на окрестныхъ высотахъ по застѣлкамъ.

Въ это время былъ здѣсь недостатокъ въ хлѣбѣ. Тотъ, который мы еще видѣли, нельзя было назвать хлѣбомъ. Это была одна гречневая пѣлуха, перемѣшанная съ малымъ количествомъ муки только для того чтобы не развалился въ печи. И за фунтъ хлѣба этого мы платили по пяти копѣекъ. Счастливы были тѣ жители которые имѣли картофель; счастье ихъ раздѣляли и постояльцы: они ѣли картофель. Одному изъ товарищей нашихъ судьба была благосклонна: ему досталась квартира хозяина которой Богъ благословилъ изобиліемъ картофеля. Слухъ объ этомъ разнесся по всѣмъ бѣднѣлкамъ. Мы собрались къ хозяину до десяти человекъ; онъ всѣхъ насъ накормилъ кар-

тофелемъ съ солью; и платы взять не захотѣлъ. Мы отъ души поблагодарили его.

Насъ направили къ Словому, и вездѣ встрѣчалъ насъ голодъ; одинъ картофель составлялъ пищу нашу, но и тѣмъ хозяева не охотно дѣлились: всѣ отговаривались что нѣтъ ничего. Одному товарищу нашему попалась прелукавая хозяйка. Ничего не давала ему вѣсть, говоря что не имѣетъ ничего; но сосѣди сказали ему что у нея картофель заклепанъ въ ямкѣ подъ окномъ. Постоялецъ, обрадовавшись такой находкѣ, приближалъ къ ней, потребовалъ лопату и сталъ отрывать яму. Хозяйка со слезами говорила что здѣсь лежитъ покойникъ, но онъ копалъ далѣе и нашелъ картофель. Открывъ это сокровище, приказалъ хозяйкѣ топить печь, варить и печь картофель. Такимъ образомъ чрезъ три дня много убавилъ его. Выхода въ походъ, хотѣлъ помириться съ нею. „Прощай, хозяйка!“—„Прощай, лавочекъ, чтобъ тебя перша луна не минула.“ Онъ воротился и приблизилъ ее; потомъ уходя опять сказалъ: прощай хозяйка, а она дала ему первый отвѣтъ; онъ повторилъ лобозъ, но и это не помогло: всякъ изъ нихъ остался при своемъ.

13го января 1861 года прибыли въ мѣстечко Волчинъ (въ имѣніе князя Чарторыйскаго) безо всякихъ прикаючей достойныхъ замѣчанія. Здѣсь была штабъ-квартира 7го Егерскаго полка. Шефъ этого полка, генералъ-майоръ Миллеръ 3й, имѣлъ отъ роду не болѣе 20 лѣтъ. Онъ былъ одинъ изъ числа гатчинскихъ любимцевъ императора Павла I. Онъ раздѣлялъ насъ по-ротно. Я назначенъ былъ въ командирскую роту имени полковника Головачева (тогда роты назывались по именамъ командировъ). Командиръ этой роты былъ штабъ-капитанъ Домбровский, человекъ благоразумный и кроткаго нрава. Ротный дворъ находился на чертѣ прусской границы, въ селѣ Орѣшкахъ. Капитанъ поручилъ меня въ особенное полеченіе фельдфебеля Кузнецова; дядюшка этотъ полюбилъ меня за прилежаніе къ ученью и трудамъ, а еще болѣе за то что я покупалъ ему водку каждый день; но при ученьи ружейныхъ приемовъ, по заведенному тогда порядку, билъ изъ ушердія палочкой по икрамъ. Болѣе всего было трудно для меня и даже невозможно было сдѣлать выгибъ кисти правой руки чтобы большой палецъ былъ наравнѣ съ дуломъ штуцера, потому что я былъ высокъ ростомъ, а штуцера коротки. Меня нарядили въ мундиръ; полы его до-

стигали почти до шкря, цвѣтъ сукна былъ сѣвѣозеленый, подкладка такого же цвѣта, воротникъ и обшлага бѣлаго цвѣта, на правомъ плечѣ бѣлый вѣтанный эксельбантъ, суконный черный галстукъ съ бѣлою хлящевомъ оторочкой, камзолъ мундирнаго же сукна, панталоны суконные такого же цвѣта и короткіе салогі; шляпа изъ коровой шерсти трехугольная съ зеленою кисточкой наверху. Голову мнѣ остригли по формѣ, завилъ локли, а въ кошу увязали для прибавленія вѣсу кусокъ свинцу вылитаго изъ трехъ пуль. Это для того дѣлалось чтобы коса лежала плотнѣе и казалась толще. Мнѣ выдали изъ ротнаго цѣхауза лортулею съ кортикомъ, который примыкался къ штуцеру пружинкой весьма слабою, такъ что при выстрѣлѣ отскакивалъ прочь. Назначеніе этого оружія было двойко: чтобы можно было имъ рубить и колоть, и, кромѣ сего, въ разсыльномъ строю употреблять его вмѣсто подставки, вѣтавъ на колѣна для вѣрнаго прицѣла, но онъ могъ быть удобенъ только для рубки, для колотья неудобенъ потому что лезвіе его широко и длинно, а слабость въ примычкѣ дѣлала его неудобнымъ и для приклада на стрѣльбѣ. Патронная подсумка съ шестидесятью патронами стягивалась широкою пряжкой на брюхѣ, на ремнѣ черезъ лѣвое плечо былъ кожаный мѣшокъ, гдѣ помѣщались сухари, рубашки и прочія вещи, а сверху привязывалась скатаная шпаль. Кромѣ сего отлускался овчинный коротелькій полумубокъ для зимы, и на ремонтъ его ежегодно дѣлали по 50 копѣекъ.

Унтеръ-офицеры имѣли на воротникахъ и обшлагахъ золотой галушъ, замшевыя перчатки съ большими крагами и камышевую трость съ набалдашникомъ; офицерскіе мундиры дѣлались изъ сукна тонкаго, бирюзоваго цвѣта, такой же формы какъ и солдатскіе. Но только все тѣсно, въ обтяжку. Пуговицы были вылуканы золотыя въ два ряда, эксельбанты тоже золотыя, треугольныя шляпы высокія, обложенныя широкимъ галушомъ съ городками, съ жѣдною огромною петлицей и зеленымъ султаномъ изъ перьевъ; наконецъ коротелькая шпала съ темлякомъ, висѣвшая на длинной лортулѣ и камышевая трость. Генералы имѣли такую же шляпу съ прибавленіемъ бѣлаго люмажа. Салогі коротелькіе въ обтяжку съ длинными острыми носками.

Дядюшка мой заставлялъ меня перелисывать формуляры, арматуры и рапорты въ лодкѣ. Неосторожность эта дѣлила

почтеннаго дядюшку прибыточнаго племянничка. Меня вы-требовали въ полковую штабную квартиру; почеркъ мой понравился шефу. Я переписывалъ бумаги къ государю императору и къ главнѣйшимъ начальникамъ.

Итакъ опять попалъ я за письменный столъ; кортакъ мой и штуцеръ лежали на квартирѣ, но я всякій день, вставъ рано, сотворивъ молитву, осматривалъ и чистилъ штуцеръ, передѣлывалъ ружейные приемы. Затѣмъ слѣдилъ въ полковую канцелярію и садился работать между писарей, отъ которыхъ несло вонюю бочкой. Квартира моя была не бѣдна, но хозяинъ занимался выдѣлкой кожъ и тутъ же возлѣ окошка на дворѣ были вставлены въ землю большія кадки, гдѣ квасились сырыя кожи, отчего былъ смрадъ несносный, но хозяину это было ни по чѣмъ. Чтобы подышать чистымъ воздухомъ мнѣ оставалось пространство не болѣе 200 сажень отъ квартиры до канцеляріи, и я пользовался имъ при переходѣ отъ одной неприятности къ другой, ибо въ канцеляріи я долженъ былъ переносить брань отъ полковаго писаря, образцоваго льянцы и вора. Онъ неавидѣлъ дворянъ за то что скоро выходятъ въ офицеры, а онъ двадцать лѣтъ служить и все унтеръ-офицеръ.

Однакожь я скоро помирился съ нимъ, давая ему иногда на похмѣлье. Правду сказать что въ то время пьянство было въ модѣ, никто имъ не гнушался, исключая только рѣдкихъ случаевъ.

Постройка лагеря поручена была полковому адъютанту Квасову; хворостъ и колья были доставлены, но дѣло не шло. Квасовъ рано ложился спать, поздно просыпался, и олохмѣдившись опять засыпалъ, почему возложена была постройка эта шефомъ на меня. Дѣло пошло живо и чрезъ четыре дня шалаши были готовы. Адъютантъ Квасовъ смотрѣлъ и расхваливалъ меня, а шефъ приказалъ мнѣ иллюминировать шалаши красками. Шефъ былъ въ восхищеніи отъ моей работы, спросилъ гдѣ я обучался. Я ему отвѣчалъ что рисую самоучкой. Онъ похвалилъ меня и полюбилъ.

Въ тогдашнее время полки не были собираемы въ общій дивизіонный или корпусный лагерь. Но всякій полкъ собирался либо въ тѣсныя квартиры возлѣ полковаго штаба, либо тутъ же въ лагерь. Егерскіе полки палатокъ не имѣли, а выстраивались по плану лагернаго расположенія плетневые шалаши покрытые кое-какъ. Тутъ и помѣщались на шесть

недѣль для ученья. Въ это время инспекторъ объѣзжалъ полки своей инспекціи и производилъ инспекторскіе смотры.

Въ 1801 году пріѣхалъ инспекторъ нашъ генералъ Беннгсенъ для осмотра полка.

По сему случаю всѣхъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ находившихся въ полковой канцеляріи приказано отправить въ роты. Смотръ назначенъ былъ на другой день поутру въ десять часовъ. Прибывъ въ лагерь, я увидѣлъ здѣсь большую суету: кому голову стригали, кому ерошили волосы кирличомъ, лачкали свѣчнымъ саломъ, натрусывали провіантскою мукой, завивали лукаи, привязывали косы. И въ такомъ нарядѣ долженъ былъ солдатъ до смотроваго времени либо сидѣть, либо стоять всю ночь, для того чтобы не повредить лукаей и не попортить прически. Я явился къ капитану, который осмотрѣвъ меня, передалъ унтеръ-офицеру съ приказаніемъ привести меня въ надлежащую форму. Меня тотчасъ передали парикмахерамъ, тѣ посадили на отрубокъ дерева и начали обрабатывать меня. Стрижка ничего не представляла особеннаго, но когда начали тереть кирличомъ по выстриженному мѣсту тогда надобно имѣть большое терпѣніе: мнѣ казалось что кожу съ головы сдираютъ. Послѣ кирлича терли мѣломъ; все это дѣлалось для того чтобы волосы стояли на тулеи ежомъ. Потомъ намазали свѣчнымъ саломъ, завили щипцами лукаи, притрусили пылью провіантской муки, привязали со свинцомъ тяжелую косу и отпустили; голова моя горѣла какъ будто облитая киляткомъ. Я вышелъ изъ шалаша, съѣлъ везлѣ стѣнки и въ такомъ положеніи пробылъ безъ сна цѣлую ночь. Къ счастью, что ночи тогда были коротки.

Съ разсвѣтомъ начали одѣваться, пошли смотры да пересмотры ефрейторскіе и унтеръ-офицерскіе. Наконецъ рота стала во фронтъ; мнѣ по росту пришлось стать на правомъ флангѣ первой шеренги. Когда же осмотрѣлъ капитанъ прическу, одежду, чистоту и исправность оружія, приказалъ составить въ козлы штуцера и ожидать приказанія чтобы выходить на учебное мѣсто, тогда я подошелъ къ капитану, сказалъ: „ваше благородіе, оружейные приемы я твердо знаю, но маршировкѣ и разсылному строю мнѣ не доставало времени учиться, я занимался перепиской бумагъ въ канцеляріи, какъ вамъ извѣстно. На ученья я буду портить дѣло по незнакомію, мнѣ будетъ худо, да и вамъ не

пріятно.“ Онъ тотчасъ приказалъ фельдфебелю вытребовать мнѣ изъ головы пудру, надѣть шинель и оставить въ числѣ слабыхъ за фронтомъ. Тотчасъ начали мнѣ вытаскивать пудру изъ волосъ частымъ гребнемъ. Боль возобновилась, потому что дѣлалось это торопливо, ибо велѣно уже было выводить роту на смотровое мѣсто. Смотръ кончился благополучно. Инспекторъ угощенъ шефомъ и послѣ сего уѣхалъ и всѣ были рады. Дѣло пошло по прежнему порядку. Я опять въ канцелярію за письменный столъ, а штудеръ на квартиру. Въ полковой канцеляріи было дѣла много залуценныхъ по комиссаріатской части, я долженъ былъ отыскивать разбросанные документы и приводить къ окончанію. Кромѣ сего и судебныя дѣла лежали также на моей ответственности, потому что аудиторъ былъ не свѣдущъ по дѣламъ.

Къ несчастію, въ это время были сильныя побѣги за границу нашихъ солдатъ, и особливо въ Пруссію, потому что полки расположены были близко возлѣ прусской границы, проходящей между лѣсовъ. Главная побудительная причина—жестокость наказаній при ученьи. Солдаты бѣгали даже не по одиночкѣ, а по нѣскольку человекъ вдругъ, а изъ Архангелогородскаго мушкатерскаго полка ушла цѣлая рота. Были и такіе случаи, что пришедши на границу нѣкоторые лишали себя тутъ жизни. Изъ Пруссіи и изъ Австріи и къ намъ также было много дезертировъ. Изъ Пруссіи много приходило польскихъ дворянъ для опредѣленія въ службу.

Въ 1803 году, когда уже я былъ адъютантомъ и имѣлъ всю полковую канцелярію въ моемъ распоряженіи, пріѣхалъ опять инспекторъ генералъ Беннигсенъ и съ нимъ тотъ лѣвшивый штабъ-офицеръ, который экзаменовалъ меня по знанію моему грамоты въ Вильнѣ. Я пришелъ къ нему съ разными полковыми письменными отчетами. Онъ принялъ бумаги, пересмотрѣлъ ихъ и не найдши никакихъ ошибокъ сказалъ: хорошо. Потомъ спросилъ, давно ли я управляю канцеляріей. „Болѣ десяти мѣсяцевъ.“—„Теперь виденъ у васъ по бумагамъ порядокъ.“ Я сказалъ: „по возможности стараюсь приводить. Теперь началъ я заниматься повѣркой счетныхъ книгъ.“—„Не хотите ли вы въ адъютанты въ нашъ штабъ?“—„Благодарю васъ покорно, сказалъ я. Я здѣсь привыкъ къ своимъ товарищамъ и не желаю разставаться съ ними.“—„Но у васъ

было бы вамъ лучше," сказалъ онъ. Тогда я спросилъ его: „вы вѣрно меня не узнали?“ Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: нѣтъ.—„Не помните ли вы одного изъ дворянъ котораго вы хотѣли въ Вильнѣ въ вашей канцеляріи посадить за письменный столъ, но приказали ему написать чтобы посмотрѣть какъ онъ пишетъ, и милостиво изволили отпустить на квартиру?“ Онъ посмотрѣвъ на меня сказалъ: „ахъ ты плутъ! Какъ же ты смѣлъ это сдѣлать?“—„Мнѣ не хотѣлось писать.“—„Какимъ же ты образомъ здѣсь попалъ въ канцелярію?“—„По ошибкѣ дялюшки моего фельдфебеля, онъ заставлялъ написать рапортъ въ полковую канцелярію и въ скоромъ времени полученъ былъ приказъ, прислать того писаря въ полковую канцелярію, который писалъ рапортъ за номеромъ такимъ-то; тутъ уже нельзя было мнѣ увернуться, потому что улика была на лицо.“ Тогда онъ потрелавъ меня по плечу сказалъ: „пожалуста постарайся привести въ порядокъ залупенныя въ этомъ полку дѣла, а мы все-таки тебя причислимъ къ нашему штабу.“ Быть-можетъ это и случилось бы, но этотъ штабъ-офицеръ въ скоромъ времени кончилъ жизнь.

Въ 1804 году я произведенъ въ поручики и избранъ былъ въ полковые казначеи. Я отправился въ Брестъ-Литовскую комиссію для пріема вещей и по неопытности моей былъ обманутъ въ комиссіи. Мнѣ отпустили холостъ рубашечный гаилон. Но это я только считалъ обманомъ, прочіе всѣ казначеи приняли его безъ зазрѣнія совѣсти съ придачей. Рубашки одѣланные изъ этого холста въ полгода пропали. Это тяготило совѣсть мою до того что я получалъ горячку и едва же лишился жизни. Шефъ былъ ко мнѣ всегда хорошъ, но въ это время имѣлъ обо мнѣ отеческое поученіе. Онъ навѣщалъ меня каждый день, привосилъ апельсины и лимоны и присылалъ отъ своего стола кушанье. Я къ нему былъ привязанъ всею душой, но теперь въ припадкѣ сумашествія щелкалъ предъ всѣми о его любовныхъ интригахъ. Но онъ не сердился за это; да будетъ ему вѣчная память. Онъ имѣлъ доброе сердце, но былъ вслышчиваго характера. Увлекался страстями по молодости своей и былъ жестокъ по духу времени. Онъ иногда дѣлалъ неумовляемыя наказанія за службу на ученьи, но терпѣніе русскаго солдата удивительное. Нижніе чины въ то время тѣлеславились тѣмъ кто болѣе переносилъ на себѣ ялочныхъ ударовъ. Офицеровъ

каждый день арестовалъ по нѣскольку вдругъ, а во фронтѣ ругалъ даже штабъ-офицеровъ. Это тогда казалось обыкновеннымъ дѣломъ. Я ловилъ его характеръ и пользовался его довѣренностію не улобляя ее во зло; никакая клевета вредить мнѣ не могла. Сначала хотѣлъ онъ знать черезъ меня мысли офицеровъ, но я просто сказалъ ему что объ немъ говорятъ хорошо, хотя самъ онъ зналъ что его ненавидятъ. Послѣ сего никогда объ этомъ не спрашивалъ. Офицеры тоже хотѣли знать чрезъ меня его мысли, но я имъ сказалъ что не знаю. Сначала меня подозрѣвали объ стороны, но потомъ и шефъ и офицеры полюбили меня.

По милости Всевышняго я выздоровѣлъ и покаялся отъстать всей Брестской комиссіи при будущемъ приѣмѣ вещей; признался шефу въ моемъ намѣреніи и просилъ поддержать меня. Онъ былъ радъ этому, ибо давно уже недоволенъ былъ комиссіей.

Въ назначенное время я прибылъ въ Брестъ и явился къ управляющему комиссіей полковнику. Въ это время случился у него партіонный офицеръ, отъ котораго должно было принимать холсты. Полковникъ отрекомендовалъ меня ему какъ казначея.

Офицеръ этотъ былъ естественный плутъ. Онъ уже сдѣлался съ прочими казначеями; но меня все разсматривалъ и не зналъ какъ начать дѣло; онъ кажется предугадывалъ мои намѣренія и всячески старался провѣкауть въ мою душу чтобъ узнать слабую сторону. Онъ сдѣлалъ роскошный обѣдъ для всѣхъ казначеевъ. Кушанья разносили въ серебряныхъ вызолоченыхъ кострюляхъ, шампанскаго было въ волю. Товарищи мои хвалили холсты и доблести хозяина; я былъ умѣренъ и о приѣмѣ холста ни слова не говорилъ, потому что еще не видалъ его. Это бѣсило плута и онъ гордо обращался со мною.

Наконецъ я получилъ ассигновку и пришелъ въ магазинъ. Но плутъ сказалъ: пусть теперь принимаютъ другіе, а мы пойдемъ въ трактиръ выпить водки. Потомъ предложилъ играть на биліардѣ; я согласился и на это въ угожденіе ему, но о приѣмѣ холста не говорилъ ни слова.

На другой день онъ отдалъ мнѣ въ восемнадцати тюкахъ все количество холста сдѣлующаго въ полкъ и самъ ушелъ. Я нашелъ что весь рубашечный холстъ ниже образца изъ восемнадцати тюковъ я выбралъ только около 500 аршинъ, а прочее

все забраковалъ. Пришедши предъ вечеромъ онъ увидѣлъ забракованный холоть и спросилъ: „это что?“ Я сказалъ: „это твое а то мое.“ Тогда онъ взялъ меня за руку и отвелъ въ сторону сказалъ: „вотъ тебѣ 200 р., принимай весь холоть подъ рядъ.“—„Ни двухъ тысячъ не возьму; мнѣ нуженъ холоть съ образцомъ оходный.“ Онъ разсердился и сказалъ: „завтра я отдамъ тебѣ еще лучшаго холоста столько же.“ Я перебралъ и этотъ холоть, но тутъ еще менѣ было оходнаго. Тогда онъ пришедши льяный началъ ругать меня, а я разсердился и сказалъ: „Послушай ты; у тебя здѣсь одинъ вахтеръ, а у меня пятнадцать человекъ егерей; я прикажу тебя здѣсь же растянуть, выскку увязочными вѣрвками и самъ доведу о томъ моему начальству. Давай холоть!“ Тогда онъ понизивъ голосъ сказалъ что у него нѣтъ больше холоста. „Ну такъ ступай вонъ изъ магазина.“ По выходѣ его, мы приложили печати къ дверямъ и я поставилъ вездѣ своихъ часовыхъ и подавъ рапортъ въ комиссію что представленный холоть не оходенъ съ образцомъ. Тогда вся комиссія и товарищи мои возстали противу меня; все увѣрили что холоть хорошъ и отрицали что за несправедливую браковку отдадутъ меня подъ судъ, но я былъ твердо увѣренъ въ моей правотѣ и стоялъ на своемъ.

Черезъ три дня по просьбѣ комиссіи пріѣхалъ графъ Ланжеронъ для освидѣтельствованія забракованнаго мною холоста. Съ нимъ прибыли и все члены комиссіи. Я и комиссіонеръ сняли печати и все вошли въ амбаръ. Тогда комиссаріатскій полковникъ взялъ штуку холоста и поднесъ Ланжерону сказалъ: чѣмъ этотъ холоть худъ?—Ма фоя, этотъ холоть хорошъ, сказалъ графъ.—Ваше сіятельство, отвѣчалъ я, я не говорю что холоть дуренъ, но онъ не оходенъ съ образцомъ; пусть перемѣнитъ комиссія образецъ и я возьму его.—Вотъ, ваше сіятельство, сказалъ полковникъ, присылаютъ полки этикихъ несвѣдущихъ пріемщиковъ, которые только затрудняютъ комиссію.—Господинъ полковникъ, отвѣчалъ я ему, пятьдесятъ человекъ товарищей моихъ и мои начальники ручаются за мою способность. Графъ ушелъ не сказавъ ни слова рѣшительнаго и потому холоть проданъ былъ съ аукціоннаго торга. Я приступилъ къ пріему сложнаго товара и выбралъ самый лучший, презирая накладку по двенадцати копѣекъ за лару за то чтобы брать все подъ рядъ. Но когда пришелъ къ комиссіонеру принимать

вмнуживныя вещи, которыя были очень худы, онъ приказалъ открыть магазинъ и самъ ушелъ на квартиру. Я въ магазинъ не пошелъ ни одной вещи годной; комиссіонеръ не приходилъ, но вахтеръ отыскалъ его на квартирѣ въ темной коморкѣ съ перерезаннымъ горломъ лежащаго въ крови. Горло было еще не совсѣмъ перерезано, ему подали скоро помощь, и комиссія выставила его что онъ лишился ума и сдѣлалъ это въ припадкѣ сумашествія. Я возвратился въ полкъ и отъ шефа получилъ благодарность за мои дѣйствія.

Въ маѣ мѣсяцѣ комиссія опять потребовала приемщика за холстомъ; я прибылъ въ Брестъ и явился къ полковнику комиссаріатскому. Онъ съ явительною насмѣшкой сказалъ: теперь не будетъ браковать холста, всякій конецъ—образецъ.

Въ магазинъ я увидѣлъ что весь холстъ дѣйствительно очень хорошъ, такой какого въ полевые полки никогда отпущаемо не было. Онъ былъ отпущенъ изъ казенной Павловской фабрики; на каждомъ концѣ штемпель и мѣра. Я приказалъ прикинуть одинъ конецъ, оказалось противъ фабричной мѣры въ каждомъ кускѣ аршинъ лишнему, и хотѣлъ тотчасъ принимать по нумераціи. Но вахтеръ сказалъ что онъ не отпуститъ по нумераціи. Хорошо, сказалъ я и началъ сортировать и несходный съ образцомъ браковать. Онъ пошелъ жаловаться на меня въ комиссію; но ему приказали отдать мнѣ по нумераціи; я привезъ въ полкъ холстъ и всѣ солдаты были довольны мною.

Подкладочный холстъ былъ забракованъ мною и потому присланъ былъ таковой изъ Виленской комиссіи прямо въ полковую квартиру по почтѣ съ вахтеромъ. Итакъ сталъ я извѣстенъ комиссаріатскимъ лаутамъ. Я познакомившись въ комиссаріатѣ уговорилъ одного изъ чиновниковъ опредѣлиться въ нашъ полкъ аудиторомъ; этотъ человекъ съѣдуць по письменной части и я передалъ въ вѣдѣніе его полковую канцелярію.

Въ 1804 году я былъ откомандированъ въ Тулу для покупки оружія на мѣсто свесеннаго дезертирами; вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ поручилъ мнѣ кулацкую имѣ семью дворовыхъ людей доставить въ имѣніе его, состоящее Тульской губерніи, подаренное ему императоромъ Павломъ I, гдѣ находились его отецъ, мать и четыре сестры. Въ то время, гдѣ были полковыя штабъ-квартиры, не только въ городахъ, но

даже и въ мѣстечкахъ были на выѣздахъ выставлены караулы которые записывали билеты или подорожныя проезжающихъ, и отъ гауптвахты всякій разъ посылаемъ былъ мельдъ-ефрейторъ къ начальнику полка съ цыдулькою. Это обстоятельство крайне меня затрудняло, потому что я только имѣлъ билетъ отъ шефа, а ключей крѣлости не было. Для этого я проезжалъ городъ впередъ, оказывая на заставѣ что вслѣдъ за мною будутъ проезжать мои люди. Самъ оставался въ городѣ, а людямъ приказывалъ выѣзжать за городъ и сказывать на заставѣ что офицеръ остался де въ городѣ, у него билетъ на нихъ; такимъ образомъ мнѣ удалось провезти людей этихъ безо всякихъ приключеній. На обратномъ пути я взялъ дорогу на Кіевъ, заѣхалъ къ родителямъ въ домъ, пробылъ три дня и взявъ съ собою брата Андрея для опредѣленія въ службу, отправился къ полку.

До сего времени мы жили можно сказать припѣваючи; но получено было повелѣніе что будетъ инспектировать полки генераль-адъютантъ князь Долгоруковъ. Это намъ было не весьма пріятно. Слухъ разнесся что онъ входитъ во всѣ подробности и повѣряетъ даже полковые суммы. „Но для чего, говорили, нужно ему касаться хозяйственныхъ полковыхъ дѣлъ. Посмотри себѣ маршировку и уѣзжай по примѣру генерала Беннигсена. Тотъ смотрѣлъ нашъ полкъ два раза и столько былъ вѣжливъ что никогда не касался этой щекотливой стороны.“

Болѣе всего меня это безлокоило потому что въ казенномъ ящикѣ денегъ было для завода только около 50 руб. Я принялъ благоразумныя мѣры чтобъ избавить шефа отъ непріятности, да и самому не полагать въ бѣду, обратился къ офицерамъ и ротнымъ командирамъ прося ихъ дать росписки что они взяли денегъ въ долгъ до жалованья. И такимъ образомъ приготовился къ оборонѣ.

Наконецъ привелась къ намъ грозная эта туча. Шефъ спросилъ у меня, нельзя ли занять гдѣ-нибудь денегъ для того чтобы показать Долгорукову въ ящикѣ, но я сказалъ: „не извольте безлокоиться, мѣры уже приняты мною.“ Итакъ князь Долгоруковъ, осмотрѣвъ ученіе полка, показалъ какъ раздѣлять взводы на отдѣленія, ибо прежде дѣленія были только на полувзводы,—потомъ потребовалъ меня съ полковыми книгами, отчетами, и повѣривъ ихъ сказалъ:

„денегъ остальныхъ?“ Я подалъ ему не болѣе 50 рублей; тогда онъ закричалъ: „гдѣ же остальные?“ Я сказалъ ему что вотъ росписки отъ гг. офицеровъ, которые просили у генерала денегъ и онъ приказалъ выдать до жалованья. Онъ пересмотрѣлъ росписки и сказалъ: „еще не достааетъ“; тогда я показалъ ему счетъ на покупку дровъ, угля, дегтя, желѣза и пр. Онъ разсмотрѣвъ все это, повѣрилъ и оказалъ: „не вѣрно“. Я имѣлъ счеты съ собою и сказалъ ему: „вѣрно“; онъ опять сталъ вычислять по ариметикѣ, сказавъ: „не вѣрно“; но я вновь отвѣчалъ ему: „вѣрно“. Онъ крикнулъ на меня: „ты врешь!“ Въ это время вошелъ генералъ и онъ обратясь къ нему сказалъ по-нѣмецки: *er ist faul*, то-есть онъ лѣнивъ, а тотъ ему сказалъ: „онъ торопливъ“. Я же себя подумалъ, вѣтъ я не фауль, я славно все обработалъ. Шефъ послѣ говорилъ мнѣ: „въ короткое время услѣлъ все обдѣлать дѣло прелоздно.“

До сего времени я не сказалъ ничего о мѣстечкѣ Волчимѣ, гдѣ мы стояли.

Оно принадлежало, какъ я уже прежде сказалъ, князю Чарторыйскому. Окрестности его не представляютъ ничего особеннаго и даже скучны. Неровныя песчаныя поля, усыпанныя камнями голышами, не вознаграждаютъ даже трудовъ земледѣльца. Но здѣсь построены огромный княжескій дворецъ на возвышенномъ и сухомъ мѣстѣ. Дворецъ этотъ дѣлится на три отдѣленія и обведенъ каменными стѣнами; къ нему примыкаетъ къ сѣверной сторонѣ большой регулярный садъ съ оранжереями; въ немъ въ различныхъ мѣстахъ устроены прекрасныя бесѣдки, и въ паркѣ ротонда и пустынный домикъ. Садъ этотъ раздѣленъ на три части огромнымъ прудомъ, въ немъ въ свѣтлое время прогуливаются жирныя карпы. Берега его окаймлены липовыми аллеями, сдѣланными на подобіе стѣнъ съ окошками и съ дверьми. Въ разныхъ мѣстахъ разставлены группы статуй искусно изъ песчанаго камня сдѣланныя. А на оконечности пруда, противъ главнаго выхода дома, устроена возвышенность, площадь и подъ ней нѣсколько гротовъ украшенныхъ раковинами. На самой площади поставленъ Нептунъ съ тритонами. Вѣрность въ размѣрахъ съ величайшею точностью соблюдена и издали очаровываетъ зрѣніе. Съ западной стороны залпужена

рѣчка, протекающая мимо сада, и въ садѣ дѣется безпрерывно гремѣщій каскадъ.

Противъ двorca каменный костелъ. Мѣстечко, боткое и торговое, отдѣляется отъ двorca потокомъ, чрезъ который перекинутъ каменный мостъ. За нимъ начинаются корчмы набитыя Жидами и каменные торговыя лавки, протрѣвныя полукругомъ съ двухэтажными жилыми башнями на оконечности. Противъ лавокъ унитская деревянная церковь, а за лавками деревянная также жидовская школа и торговая баня; далѣе тянутся крестьянскія строения и оканчиваются водною мельницей.

Съ полуденной стороны противъ двorca въ полѣ выстроены огромнаго размѣра костелъ и какъ видно намѣреніе было строителя учредить здѣсь каахторъ, но оны не доконченъ. Выведены каменная стѣны, поставлены стропила и такъ предоставлено времени для разрушенія его.

Во дворѣ, въ двухэтажномъ большомъ флигелѣ, въ нижнемъ этажѣ помѣщаются полковая церковь и штабъ квартирмейстеровъ, полковой лѣкарь, аудиторъ, тутъ же помѣщалась швальня, Я также имѣлъ тутъ квартиру. А въ верхнемъ этажѣ мой полковой цейхаузъ; створена эта была къ саду. Ее обвивали прохладною тѣнью роскошныя камитаны и грабовыя деревья, между коихъ разноцвѣтными кустарникъ изливала ароматный воздухъ ко мнѣ въ разширенное окошко.

По привычкѣ я всегда вставалъ рано и встрѣчалъ восходящее солнце, прогуливаясь въ прекрасномъ своемъ саду.

Въ одне свѣтлое утро, въ то время когда выходящее солнце озарило первыми своими лучами веселую и живую зелень, я ходилъ, углубившись мыслями самъ въ себя, разсуждая о человекѣ, о жизни его и для чего предвзначены оны. Внезапно вырвался изъ груди моей тихій вздохъ. Я взглянулъ на лазурное небо и потомъ на окружающіе меня предметы. Въ это время мнѣ казалось, что меня окружаетъ какой-то крѣпкій свѣтъ. Капли росы, висѣвшія на оконечностяхъ травъ, въ листьяхъ сіяли разноцвѣтными огнями, дрожа и измѣняя безпрестанно оной блескъ. Я остановился и видѣлъ жизнь движущуюся во всей природѣ. Мнѣ казалось какъ на яву что во всякой травкѣ присутствуетъ живой духъ производящій растительность. Я созерцалъ благоговѣнно

тайнства природы и во всемъ видѣлъ чудныя непостижимыя дѣла Божіи.

Это было видѣніе единственное въ моей жизни и не долговременное. Я обратился въ другую сторону въ восхищеніи чтобы насытить свой взоръ, но увы! очарованіе исчезло; я видѣлъ тѣ же деревья, тѣ же калли роса блестящая на нихъ, но все это казалось уже въ обыкновенномъ видѣ.

Я вышелъ изъ сада восхищенный чуднымъ этимъ явленіемъ и положилъ всякое утро приходить на то мѣсто для утѣшенія души мой и никому о семъ не открывалъ.

На другой день въ тотъ же самый часъ я пришелъ на то мѣсто, но духъ мой не былъ въ восхищеніи. Я только видѣлъ прекрасный порядокъ въ натурѣ.

Послѣ сего никогда ужамнѣ не случалось быть въ такомъ состояніи, хотя всею душой желалъ еще насладиться этимъ. По сему заключаю я что такія минуты въ жизни нашей, въ которыя мы выходимъ вѣдъ себя и яснѣе видимъ природу, весьма рѣдки; явленія эти кратковременны и не повторяются.

Я уже сказалъ выше что познакомившись въ комиссаріатѣ уговорилъ одного изъ чиновниковъ опредѣлиться въ нашъ полкъ аудиторомъ.

Аудиторъ этотъ былъ женатъ и вмѣстѣ съ нимъ проживала сестра жены его—крошечное пятнадцатилѣтнее дитя. Обыкновенно штабные чиновники можно сказать составляютъ одно семейство, всегда почти неразлучное, но крайней мѣрѣ такъ у насъ велось.

Волчинскій унитокой священникъ, выдавая свою дочь замужъ, пригласилъ и насъ на свадьбу. Мы тутъ повеселились и начали уже расходиться. Аудиторъ съ женой и свояченицей пошли вмѣстѣ и я съ ними, и проходя мимо ихъ квартиры, будучи нѣсколько навеселѣ, не знаю какъ-то неосторожно наклонился и поцѣловалъ это крошечное дитя, безо всякаго умысла, а такъ захотѣлъ поцѣловать. Но въ мигъ возвращенъ былъ мнѣ поцѣлуй съ придачею. Расторопность этой крошечки удивила меня. Но въ продолженіе ночнаго сна я и забылъ про этотъ случай. Однакоже на другой день она встрѣтила меня въ корридорѣ, когда проходилъ я въ цейхаузъ, и спросила каково я провелъ ночь. Я сказалъ ей: хорошо и пошелъ себѣ безъ остановки; вечеромъ опять та же встрѣча, на другой, третій и въ послѣдующіе дни то же. Когда же я

встрѣтился съ нею въ саду, то она взяла меня за руку и сказала:

— Вы безжалостны и не замѣчаете что я страдаю. Вы не любите меня, а я васъ люблю и давно люблю.

Это открытіе привело меня въ замѣшательство, а не зналъ что ей отвѣчать; огорчить ея нецѣлительнымъ отвѣтомъ не доставало у меня рѣшенія. Наконецъ сказалъ ей:

— Вы шутите.

— О нѣтъ, я люблю васъ, обхватила меня руками за шею и поцѣловала. Надо сказать что ростъ ея не соответствовалъ моему, она едва досагала до груди моей.

Что мнѣ дѣлать? подумалъ я. Однако же я рѣшился сказать что я буду любить и потому искалъ случая чтобы для утѣшенія ея представить ей взаимно себя другого товарища и утѣшалъ себя мыслью что это возможно будетъ сдѣлать. Я представлялъ ей моего любезнаго земляка Бобруйка; онъ моложе меня лѣтами, помельше. Но она его возненавидѣла, нѣтъ старанія его сравнить съ ей были тщетны и бесполезны. Когда случалось мнѣ быть у нихъ въ домѣ, то она въ присутствіи матери своей, приложивъ голову къ моей груди и обхвативъ рукой за шею, говорила: „ахъ мама, ты не знаешь какъ здѣсь хорошо“, и старушка смѣялась этому.

Она ожидала съ нетерпѣніемъ конфирмація своей чтобы считать себя оовершесмоульницею и имѣть право быть замужемъ.

Не знаю чѣмъ бы кончилась пламенная привязанность этого дитяти ко мнѣ, еслибы мы не выступили въ походъ за границу.

Минуло десять лѣтъ, когда случай меня привелъ въ Брестъ-Литовскій. Я пошелъ въ ту улицу, гдѣ былъ прекрасный домъ родителей малютки; но тутъ увидѣлъ груды обгорѣвшихъ кирпичей, и слѣдовъ дома того не осталось. Случившійся пожаръ все истребилъ. Я спросилъ у стараго Баря, проходившаго мимо меня, не знаетъ ли онъ гдѣ находится хозяинъ бывшаго на этомъ мѣстѣ дома.

— Старикъ и старуха давно уже на томъ свѣтѣ, а меньшая дочь ихъ Теофила вышла замужъ за границу въ Терасполь.

Я вздохнулъ и со стѣсненною грудью возвратился на квартиру.

III.

Въ 1805 году назначенъ былъ походъ въ Австрію для общаго дѣйствія противъ Французовъ и скоро получено повелѣніе о выстуленіи полка. Нужно было получить квитанцію изъ Волчина: а это иначе невозможно было сдать какъ улаативъ всѣ генеральскіе и офицерскіе долги Жидамъ. Наличныхъ денегъ не было въ полку. Шефъ приказалъ всѣ вещи собранныя мною въ экономіи, какъ-то: салюги, сукна, холстъ и всю его мебель, обратить на уплату за его долгъ. А офицеры завалили мою квартиру походными погребцами, перебитыми чайниками, жестяною переломанною посудой, перьями и прочими старыми вещами, чтобы всѣмъ этимъ расплатиться съ долгами. Явились кредиторы съ развокалибровыми цыдулками и я сталъ ихъ удовлетворять. Но они требовали денегъ хоть четвертую часть; я оказалъ что нѣтъ денегъ и они по необходимости взяли вещи. Но не довѣряя мнѣ хотѣли просить шефа и для этого яриѣхали въ Брестъ-Литовскій, но я предупредилъ его и онъ уѣхалъ за границу прежде чѣмъ они успѣли просить его. Итакъ кредиторы видя что взять нечего было, выдали квитанцію и усердно желали, даже со слезами, чтобы мы живы и здоровы къ нимъ опять пришли, лгала себя надеждой что съ живаго можно еще что-нибудь сорвать, а съ убитаго взять нечего.

Итакъ 7й Егерскій полкъ выступилъ въ походъ изъ Бреста-Литовскаго чрезъ городъ Вялау и въ мѣстечкѣ Пулавѣ перешелъ черезъ Вислу по мосту на устроенныхъ плотяхъ. Выступили и въ австрійскія владѣнія; прошедши городъ Тропау и отрасль Карпатскихъ горъ, остановились въ окрестностяхъ небольшого городка Штериберга. На переходѣ отъ Тропау до Штериберга имѣется возлѣ самой дороги колодезь съ минеральною водою. Она такъ кисла и холодна что у меня кольнуло въ зубъ первый разъ въ моей жизни, когда я сталъ ее пить. Здѣсь велѣно оставить всея тяжести полковья, а полкамъ слѣдовать налегкѣ къ крѣпости Ольмиуцъ. Я просилъ шефа со слезами позволить мнѣ быть во фронтѣ, но онъ не согласился, обѣщая не забыть меня. Итакъ остался я съ полковымъ обозомъ.

Полкъ въ сраженіи при Аустерлицѣ былъ разбитъ. Шефъ и многіе офицеры взяты въ плѣвъ. Оставшіяся полковымъ обозамъ приказано было сначала всѣхъ людей вооружить саблями, пиками, ружьями, то-есть тѣмъ оружіемъ какое только найти было возможно, и послѣдше слѣдовать обратно въ Россію. Обозы, пройдя Тропау, Бѣлецъ, Ярославецъ, Львовъ, Броды, вступили въ россійскіе предѣлы и расположились въ окрестностяхъ города Дубно. Здѣсь нашелъ я остатки 3го баталіона нашего полка (они прибыли въ Россію прежде насъ), а моего брата Андрея нашелъ больнаго въ горячкѣ; у него прострѣлена была шинель въ нѣсколькохъ мѣстахъ, но онъ не раненъ, и недѣли черезъ три выздоровѣлъ. Полкомъ командовалъ майоръ Дренякинъ, но въ скоромъ времени прибылъ полковой командиръ полковникъ Толбузинъ и вступилъ въ командованіе. Онъ получилъ четыре раны штыкомъ. Войска наши, бывшія при Аустерлицѣ, отступили черезъ Венгрію. Не знаю какъ ихъ принимали Венгерцы, но мы бѣдные обезоруженные терпѣли отъ Поляковъ насмѣшки и ругательства.

Въ исходѣ марта 1806 года вступилъ 7й Егерскій полкъ въ глубь Россіи, и въ Минской губерніи, въ городѣ Рѣчицѣ, расположился по квартирамъ. * Въ этотъ походъ я ознакомился съ трудностями переправы черезъ толкія болота и обходовъ по лѣсамъ. Здѣсь началъ полкъ комплектоваться людьми. Я произведенъ въ штабъ-капитаны и получилъ командирскую роту (въ это время составлялись уже роты изъ 100 человекъ рядовыхъ и прибавлены прапорщики въ егерскихъ полкахъ). Я принялъ роту съ двумя только ружьями.

Въ августѣ мѣсца того же года полкъ выступилъ въ походъ къ городу Житомиру; тутъ окончательно уже вооруженъ полкъ, и я произведенъ въ капитаны.

Въ октябрѣ мѣсца полкъ опять выступилъ въ походъ, и, пройдя мимо Брестъ-Литовска, перешелъ прусскую границу въ селѣ Орѣшкахъ. Безпрерывные дожди испортили ужасно дороги, и походъ нашъ былъ весьма непріятенъ.

* Не доходя города Рѣчицы, въ темныхъ лѣсахъ протекаетъ небольшою ручей, имѣющій свойство приводить въ окаменѣлое состояніе древесныя щелки, которыхъ тутъ было весьма много.

Но въ скоромъ времени получено было извѣстiе что непрiятель вѣдалеко, и мы надѣялись опять повидаться со знакомыми друзьями Аустераица. Однакоже вождь за этимъ разнесся слухъ что наши имѣли дѣло съ Французами при Пултускѣ и принуждены были уступить превосходнымъ силамъ непрiятеля. Мы поворотили направо по берегу рѣчки Наревы, и чрезъ нѣсколько дней вступили въ Старую Пруссию. Ночью неожиданно напали на французскiй гусарскiй полкъ, разбили его и на другой день слѣдовали въ мѣстечко Морунга; но при Морунгѣ набѣжали на корпусъ маршала Бернадота. Предъ вечеромъ завязалось жаркое сраженiе, и наши войска должны были отступить. 7му Егерскому полку поручено было имѣть наблюденiе на правомъ флангѣ въ лѣсу. Къ намъ летали ядра и домали вершины елей. Пѣхота непрiятельская пробовала войти въ лѣсъ, но мы ее прогнали пулями. Тутъ въ первый разъ повиухалъ я славнаго дыму, послушалъ пѣнiе пуль, визгъ ядеръ и говоръ артиллерiи. Въ это время командовалъ авангардомъ генералъ Марковъ.

Мы отступили къ Лейбштадту и здѣсь простояли сутки въ полѣ на снѣгу. Когда же прибылъ для командованiя авангардомъ князь Багратионъ, солдаты и всѣ мы обрадовались: втотъ генералъ стяжалъ уже себѣ славу при отступленiи отъ Кульма къ Аустераицу. На третiй день двинулись опять къ Морунгу, но Французы уже ушли. На полѣ валялись замерзшiе труны. Здѣсь былъ убитъ генералъ Аврель. Переночевавъ, мы расположились бмао на другой день лечь хлѣбы, но вдругъ получено приказанiе о выстуленiи послѣшно въ походъ. Мы шли во всю ночь не останавливаясь. Поутру прибыли въ мѣстечко Юнково, гдѣ уже въ правой сторонѣ происходило сраженiе. Но какъ полкъ нашъ не имѣлъ хлѣба, то позволено въ ближайшей деревнѣ расположиться и испечь хлѣбы. Въ полдень приказано полку выступить изъ деревни и слѣдовать на лѣвый флангъ нашей армiи. Мы прибыли на назначенное мѣсто еще до разсвѣта и остановились; предъ нами была рѣчка и черезъ нее плотина съ водяною мельницей.

Баталiонъ Углицкаго мушкетерскаго полка съ двумя орудiями сталъ на возвышенности противу плотины; позади сего баталiона былъ сосновый лѣсъ, впереди возлѣ самой

заметным расположились роты: 5я, 6я и 8я второго батальона 7го Егерского полка, а мнѣ съ 7ю егерскою ротою велѣно занять лѣсъ правѣе, въ разстояніи отъ сего мѣста не болѣе версты, при болотѣ. Позади и правѣе этого лѣса поставленъ былъ 1й батальонъ нашего полка на открытомъ мѣстѣ. Позади этого батальона былъ лѣсъ, простиравшійся до батальона Углицкаго полка. Отъ водяной мельницы пролегла дорога мимо первого батальона къ главнымъ силамъ нашихъ войскъ; а за дорогой противъ первого батальона—болото съ дозовыми кустами. Къ этому болоту примыкалъ лѣсъ, который также отдѣлялся болотомъ отъ неприятельской стороны. Въ этомъ лѣсу расположенъ былъ 3й батальонъ нашего полка подъ командой капитана Кавецкаго. Отъ сего батальона выставляема была цѣль по краю лѣса и надъ болотомъ, начинавшаяся отъ первого батальона нашего полка, который былъ расположенъ правѣе нашего 3го батальона. Днемъ 1й батальонъ нашего полка оставилъ ружья въ козлы, развелъ огни и отдыхалъ себѣ покойно на мягкомъ снѣгу, который прошедшую ночь выпалъ.

Съ восходомъ солнца явились на высотахъ противу моего лѣса кавалерійскіе неприятельскіе разѣзды; но егеря мои прогнали ихъ ружейными огнемъ. Въ полдень появилось нѣсколько орудій неприятельской артиллеріи, которая одѣлала нѣсколько выстрѣловъ чрезъ мой лѣсъ къ 1му батальону (ибо лѣсъ мой находился въ ложивѣ) и ослыть уѣхали. Въ главной же арміи гремѣла канонада съ промежутками въ продолженіи цѣлаго дня.

Вечеромъ въ сумерки уже сдѣлался крѣпкій морозъ. Полковой нашъ командиръ, будучи навеселѣ, проѣзжая по дорогѣ позади моего лѣса, спросилъ у егерей моей роты: „что холодно ребята?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ развести въ цѣли огни; когда же я доложилъ ему что въ передней цѣли разводить огней не можно, то онъ съ гнѣвомъ закричалъ на меня: „Я тебѣ приказываю сейчасъ развести огни, какъ ты смѣешь спорить; я тебя арестую“. Послѣ сего я приказалъ развести огни. Когда освѣтили огнями край лѣса, я пошелъ по цѣли и пришедши къ болоту спросилъ не замѣтно ли что за болотомъ. „Неприятельская колонна идетъ прямо на насъ“, сказали мнѣ егеря. Я закричалъ чтобы заталтывали огни, и сомкнувъ ближайшія

лары на это мѣсто, приказалъ стрѣлять по колоннѣ; послѣ сего она приняла вправо и скрылась за возвышенное мѣсто. Оставивъ здѣсь людей, я побѣжалъ по цѣпи направо и также спросилъ егерей, не видятъ ли они чѣго-нибудь по болоту впереди, и получилъ отвѣтъ что Французы идутъ рассылавшись кучками по болоту прямо къ намъ и къ первому баталіону. Я велѣлъ открыть пальбу. Непріятель же шелъ не открывая огня. Я подался нѣсколько шаговъ въ глубину лѣса и увидѣлъ что позади меня проходитъ густая цѣпь, сталъ за деревомъ, спросилъ два раза: кто идетъ, и не получилъ отвѣта. Въ это самое время открылся батальонный огонь по первому баталіону. Я вида себя отрѣзанннмъ неприятельскойю цѣпью отъ первого баталіона закричалъ егерямъ: „егера, назадъ“, а Французы кричали: „тире, тире, тире“. Я приближалъ къ край лѣса, сталъ за деревомъ и ожидалъ тутъ, пока всѣ мои люди выбѣжали изъ лѣсу, тогда и я побѣжалъ за ними вслѣдъ. Я изъ моей роты не потерялъ здѣсь ни одного человѣка, потому что Французы стрѣляли во тьмѣ на удачу и болѣе обратились на первый баталіонъ.

Прибѣжавъ къ плотинѣ, я увидѣлъ что баталіонный нашъ командиръ приказалъ разбирать мостъ, и когда я сказалъ ему что неприятель уже на нашей сторонѣ, то онъ мнѣ не хотѣлъ вѣрить; но оборотась назадъ увидѣлъ сильную ружейную пальбу на мѣстѣ гдѣ стоялъ 1й баталіонъ, побѣжалъ къ баталіону Углицкаго полка и приказалъ стрѣлять. Полковой командиръ кричалъ тоже, но впереди насъ неприятели не было. Онъ находился уже въ лѣсу позади насъ. Я не предвидѣлъ другаго средства какъ только скорѣе начать отступленіе по той дорогѣ, по которой прошедшую ночь мы пришли сюда пока не захватилъ ея еще неприятель. Идти на подкрѣпленіе праваго баталіона было уже повдно и притомъ могъ неприятель охватить насъ со всѣхъ сторонъ. Я командовалъ своей ротѣ назадъ, пустился на прежнюю дорогу. Но Французы, разбивъ первый баталіонъ, пробрались лѣсомъ уже и на эту дорогу и встрѣтили нашъ баталіонъ огнемъ. Французы были въ лѣсу, возлѣ котораго пролегалла дорога, а лѣвѣе насъ было чистое поле, покрытое глубокимъ снѣгомъ. Мы бросились въ лѣсъ, отогнали первую встрѣчу, но наткнулись на другую. Эта уже нанесла намъ болѣе вреда, однако же и эту отрѣснили отъ дороги,

но третья встрѣтила насъ сильнымъ огнемъ. Приходилось проложить себѣ дорогу штыками. Въ это время въ лѣсу разсыпались люди по сторонамъ и потеряли дорогу. Со мною вѣсть было пятнадцать человекъ рядовыхъ и одинъ унтеръ-офицеръ. Не зная въ какую сторону уклонялась дорога, я рѣшился идти на большое зарево, которое замѣтилъ съ вечера надъ нашею главною арміею. Вышедши изъ лѣсу на поле, пришелъ къ прусской артиллеріи, спросилъ въ которой сторонѣ русское войско и пошелъ по указанію. Пришедши къ селенію гдѣ были расположены наши главныя силы, увидѣвъ здѣсь своего полковаго командира и баталіоннаго спросилъ у нихъ гдѣ полкъ. „Соберется“, отвѣчали они. Получивъ такой отвѣтъ, я расположился воевъ ихъ и съ моими людьми. Къ свѣту собрался весь полкъ, коего численность не превышала 500 человекъ.

Армія начала отступленіе. 7му Егерскому полку приказано быть въ арьергардѣ, и онъ прикрывалъ отступленіе до самаго вечера. Я находился съ ротой лошади полка. На мосту, въ деревнѣ, черезъ рѣку Алле, одѣлавъ засаду за домами, встрѣтилъ Французовъ съ близкой дистанціи батальнымъ огнемъ и заставилъ передовыхъ оставить мостъ съ потерей убитыхъ и раненыхъ; но за то и я при отступленіи лишился фельдфебеля, двоихъ унтеръ-офицеровъ и пяти рядовыхъ. За деревней стояла уже наша кавалерія, построившись въ три линіи; они смѣняли одна другую и такъ отступали назадъ. Я пробрался между кавалеріей и примкнулъ къ полку, который въ сумерки расположился при деревнѣ на грудахъ замерзшей грязи.

Французы остановились въ трехъ верстахъ отъ насъ. Надъ ихъ арміею явился въ воздухѣ огненный столбъ, отлѣтавшійся совершенно отъ земли,—это было отраженіе огней разложенныхъ въ долину. Это явленіе поразило солдатъ и они шептались про себя что это означаетъ несчастіе для насъ.

Въ полночь приказано продолжать отступленіе. Мы прошли деревню и остановились на тѣхъ мѣстахъ гдѣ стояли другіе полки. Тутъ соломы было много, всѣ прилегали и крѣпко уснули, потому опять двинулись и такимъ образомъ отступая прибыли къ Ландбергу. При закатѣ солнца раскинули цѣль на позиціи и расположились въ чистомъ полѣ. Ночью приказано оставить эту позицію.

Отошедши назадъ нѣскольکو верстъ, мы остановились въ полѣ, рассыпали цѣль, и тутъ пробыли до разсвѣта.

26го числа января съ разсвѣтомъ приблизился непріятель и закинула сильная перестрѣлка. Французы сильно напали на насъ, и мы начали отступать. Дорога пролегла чрезъ лѣсъ. Здѣсь разлито было много бочекъ съ водкой и она стояла лужами на дорогѣ. Я предложилъ товарищу капитану Пилленку одѣлать въ чащѣ лѣса двумя ротами засаду, чтобъ угостить Французовъ свинцомъ на закуску. Мы уже совѣемъ было расположились, какъ прококавшій казакъ закричалъ: „назадъ егеря, непріятель обогналъ уже лѣсъ.“ Мы послѣшили назадъ, но вышедъ изъ лѣсу смѣшались съ лѣшими Французами и потѣшились на штыкахъ пока пробились. Наша артиллерія безъ разбору щедро осыпала насъ картечью, пока мы отдѣлались отъ непріятелей съ нѣкоторою потерей людей; еще болѣе пострадали тѣ которые лѣвѣ насъ шли чрезъ деревню. Потеряно много, захвачены въ лѣвнѣ майоръ Дрейеръ и четыре ротные командира: Атрешковъ, Улитинъ, Михѣевъ и Бобруйка. Предъ закатомъ солнца дошли къ городу Прейсшъ-Эйлау. Здѣсь смѣняли насъ лѣхотные полки, а 7й Егерскій прошедши городъ расположился въ двухъ верстахъ по Кенигсбергской дорогѣ. Командиръ полка получилъ сегодня увольненіе отъ службы, бросилъ полкъ и мы его болѣе не видали. Эту ночь мы провели роскошно: хлѣба, водки, муки и гусиного сала было въ волю, мы подкрѣпились и заснули на соломѣ при огняхъ покойно, до насъ только доходило эхо ночнаго боя въ Прейсшъ-Эйлау.

27го числа 7й Егерскій полкъ занялъ мѣсто при Прейсшъ-Эйлау на правомъ флангѣ боевой линіи. Впереди мы рассыпали цѣль и тотчасъ вступили въ бой; лошади къ городу, но Французы отбѣснули насъ. Мы получивъ подкрѣпленіе прогнали ихъ въ городъ, потомъ олять отступили, и такъ продолжался бой до десяти часовъ. Въ это время пошелъ густой снѣгъ и вдругъ лѣвѣ меня раздаеса крикъ. Французскія колонны подъ закрытіемъ снѣга хотѣли ударить на нашъ правый флангъ. Наши полки стоявшіе въ линіи бросились на штыки и истребили ихъ. Говорили что въ это же время непріятельскіе кирасиры проскочили въ нашей линіи, но уцѣлѣвшіе едва убрались обратно. Между тѣмъ людей у насъ уменьшилось много, несмотря на то что по

утру было болѣе 400 человекъ. При мнѣ осталось только два рядовыхъ и изъ тѣхъ одинъ уже былъ раненъ; я не видѣлъ ни офицеровъ, ни унтеръ-офицеровъ и потому рѣшился отступить съ этими двумя егерями. Позади себя я нашелъ лежащій не помню какой егерскій полкъ и предупредилъ его о томъ что впереди никого уже изъ нашихъ нѣтъ. Въ это время пуля задѣла моего здороваго егера.

Проехавши назадъ линіи я нашелъ одного раненаго майора изъ нашего полка, но болѣе никого. Но я надѣялся что изъ числа тѣхъ людей которые выводили раненыхъ должно быть сколько - вѣдуть на томъ мѣстѣ гдѣ мы ночевали. Нашелъ дѣйствительно около тридцать человекъ, велѣлъ имъ пополнить патроны изъ патронныхъ ящичковъ, выпить по крышкѣ водки, и повелъ ихъ опять въ бой, приглашая съ собою и капитана ралортовашагося больнымъ. Онъ согласился и мы пошли вмѣстѣ; но когда дошли подъ лара, то у него заболѣлъ животъ: я простился съ нимъ и пошелъ съ егерями въ боевыя линіи. Здѣсь присоединился къ сражавшимся чужимъ полкамъ и былъ тутъ до самой ночи. Французы крѣпко налегали на насъ въ сумерки, но прусская кавалерія пришедшая справа заставила ихъ прекратить свои дѣйствія. Ночью началось общее отступление по дорогѣ къ Кенигсбергу. Я пошелъ вмѣстѣ съ прочими. На томъ мѣстѣ гдѣ мы ночевали все было забраво и сарай зажегъ; при мнѣ было егерей пять человекъ.

Отославши около пяти верстъ, я нашелъ больнаго капитана и при немъ двухъ офицеровъ съ десятью человекъ рядовыхъ. Отъ нихъ узналъ я что нашему баталіонному командиру, подполковнику Дренякину, оторвало ядромъ правую руку еще по утру возлѣ кирпичныхъ сараевъ позади насъ бывшихъ, а о прочихъ никакого свѣдѣнія не имѣлось. Къ свѣту собралось на походѣ офицеровъ пятнадцать и всѣ люди оставшіеся неранеными: ихъ было около двухсотъ человекъ. Во время сраженія 7й Егерскій былъ полкъ разорванъ французскими коломънами шедшими атаковать наши линіи и потому разсѣялся по всему протяженію боевой линіи.

Теперь у насъ никого изъ штабъ-офицеровъ не было и начальство по праву старшинства принялъ больной капитанъ. Мы остались какъ сироты безъ начальства.

Такъ мы пришли въ окрестности Кенигсберга. Здѣсь прибылъ къ намъ вновь назначенный шефъ генераль-майоръ

Корфъ. Онъ былъ уже почтенныхъ лѣтъ и принималъ насъ какъ добрый отецъ. Мы благодарили Бога что имѣемъ начальника.

Черезъ нѣсколько дней составленъ былъ для него особенный отрядъ, съ порученіемъ наказать на французскій кавалерійскій отрядъ, который придвинулся близко къ нашему расположенію. Мы напали на него и разбили. Потомъ черезъ два дня приказано слѣдовать отряду даже впередъ; мы прошли черезъ городъ Ландебергъ, черезъ который Французы отступали послѣ Прейсцишъ-Эйлаускаго сраженія, и здѣсь имѣлся огромный ихъ госпиталь съ ранеными и больными. Черезъ нѣсколько дней мы прибыли ночью въ селеніе Петерсвальдъ.

Въ это время была оттепель, дороги сдѣлались грязны и люди весьма устали. Генераль, желая ихъ успокоить, приказалъ развести по квартирамъ. Офицеры 7го Егерскаго полка всѣ помѣстились на одной квартирѣ напротивъ кирки. Хозяинъ нашъ оказалъ намъ что Французы есть въ лѣсу недалеко. Лѣсъ отъ деревни былъ не даже какъ три четверти версты по дорогѣ къ селу Альтъ-Кирхенъ. Я совѣтовалъ старшему капитану яко полковому командиру доложить о томъ генералу и спросить не прикажетъ ли онъ поставить караулы на выѣздахъ. Онъ доложилъ и генераль изъявилъ на это согласіе. Караулы наряжены были: на выѣздъ по дорогѣ ведущей къ лѣсу отъ 25го Егерскаго полка изъ восьмидесяти человекъ, а на прочіе выѣзды отъ другихъ полковъ по двадцати пяти человекъ. Выставивъ караулы всѣ уснули покойно.

Къ четыремъ часамъ утра я проснулся и спросилъ у старшаго капитана, спитъ ли онъ? Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ и просилъ меня чтобъ я пошелъ переменить караулъ нашего полка. Я разбудилъ адъютанта, приказалъ нарядить людей, сѣлъ на лошадь и повелъ людей на ликеть, развелъ самъ на часы въ цѣль, внушая каждому осторожность и разказалъ какъ распознавать непріятеля. Мѣра эта необходима была, потому что въ полку весьма мало было старыхъ солдатъ, а все рекруты; потомъ возвратился опять къ квартирѣ. Въ это время раздался выстрѣлъ впереди села, потомъ другой; я соскочилъ съ лошади, вбѣжалъ въ квартиру, разбудилъ офицеровъ и бросился къ домамъ гдѣ расположена

была моя рота. Пули уже сновали по деревьям; люди, встревоженные неожиданно, выбѣгали не одѣтые, схвативъ ружья. Я сталъ противу своей квартиры и всѣхъ бѣгущихъ собиралъ къ себѣ, и вида проходящій спокойно мимо меня караулъ стоявшій на дорогѣ къ лѣсу отъ 25го Егерскаго полка, просилъ офицера чтобъ онъ остановился тутъ, представляя что всѣ люди будутъ собираться къ намъ. Но онъ, не внимая мнѣ, прошелъ мимо; вслѣдъ за нимъ шла въ близкомъ разстоянн кучка людей и я полагалъ что это отдѣльный ликеть, потому что за темнотою ночи нельзя было распознать; я не заботился о нихъ и устранивалъ своихъ людей. Вдругъ блеснули въ кучкѣ огни и поразили людей моихъ лули; нѣсколько человекъ упало на мѣстѣ, а прочіе разбѣжались, я также любѣжалъ за ними и увидѣлъ между строемъ разбѣжавшаго командира 25го полка, говорившаго солдатамъ: „сласайтесь, ребята“.

Начало уже разсвѣтать когда мы выбрались за деревню; люди всѣхъ полковъ были смѣшаны вмѣстѣ, потѣмъ построились роты, но генерала нашего не было и никого изъ штабъ-офицеровъ другихъ полковъ. Полковой штабъ-лѣкарь нашего полка, вочевавшій вмѣстѣ съ генераломъ, сказалъ что онъ взять въ лѣвъ; дѣлать уже было нечего, выручить невозможно. Между тѣмъ Французы вели на насъ атаку съ праваго фланга.

Я взялъ двѣ роты нашего полка и пошелъ противъ нихъ; они остановились и стали стрѣлять изъ орудій по моему фронту. Я тотчасъ приказалъ одной ротѣ разсыпаться, а другую поставилъ въ долину для закрытія отъ ударовъ. Между тѣмъ показалося отъ деревни Цехернъ наша кавалерія, и Французы отступили въ лѣсъ, а мы заняли опять деревню.

Съ кавалеріей прибылъ Павелъ Петровичъ графъ Фандеръ-Палевъ, и полковникъ, говорившій солдатамъ: „сласайтесь, ребята“, обвинялъ предъ нимъ несчастный 7й Егерскій полкъ за потерю своего шефа, съ которымъ онъ вочевалъ вмѣстѣ, тогда какъ мы даже и не знали гдѣ шефъ остановился. Кромѣ старшаго калитана, четыре изъ насъ калитана рѣшились идти къ графу Палеву чтобъ оправдаться, и въ то время когда злодѣй нашъ чернилъ нашъ полкъ, я сказалъ ему: „не вы ли, господинъ полковникъ, кричали

солдатамъ: спасайтеоь, ребята.“ За это прогнали насъ вонъ и обѣщались представить государю.

На другой день отрядъ нашъ потянулся къ Лаунау. Мы шли всю ночь безостановочно и непріатель не безлокаилъ насъ; одни казаки только имѣли перестрѣлку.

На слѣдующій день съ самаго утра слышна была впереди насъ пушечная пальба. При закатѣ солнца, приблизившись къ лѣсу близъ Лаунау, увидѣли что дорога наша занята непріателемъ; но при наступленіи нашемъ онъ принужденъ былъ отогнать. Онъ расположился при селеніи Цехернъ и Петерсвальдъ, а мы ночевали въ лѣсу, на мѣстѣ сраженія.

На другой день поутру рано Французы ворвались было въ лѣсъ, но мы ихъ вытѣснили. Но они, получивъ подкрѣпленіе, ворвались въ лѣсъ, отгѣснили насъ на прежнее мѣсто, и цѣлый день происходила перестрѣлка, а на полѣ пушечная пальба. Къ вечеру мы опять выгнали ихъ изъ лѣса и расположились ночевать на прежнемъ мѣстѣ. Я легъ возлѣ солдатъ на снѣгу и проспалъ крѣпко до самаго утра, не замѣтивъ и того что со мною рядомъ лежалъ убитый Французъ; но мнѣ странно показалось что ни одного не было офицера тутъ изъ моихъ товарищей. Потому они собрались, и началось опять сраженіе. Я расположился на правомъ флангѣ нашей боевой линіи, тамъ гдѣ Французы хотѣли ворваться въ лѣсъ отъ селенія Петерсвальда, и всякій разъ отбивалъ ихъ. Когда подходили ихъ стрѣлки, я высылалъ своихъ на поле противъ нихъ, когда же замѣчалъ что они очищаютъ мѣсто для своей артиллеріи, которая мнѣ была видна, то приказывалъ людямъ стать за деревьями, и такъ закрывалъ ихъ отъ ядеръ и картечи; ко мнѣ собралось солдатъ изъ разныхъ полковъ до 250 человекъ, но офицеровъ не было. Я раздѣлилъ команду эту унтеръ-офицерамъ, и они со мною были весь день. Сколько солдаты любятъ того офицера который раздѣляетъ вмѣстѣ съ ними опасность и бережетъ ихъ, столько и ненавидятъ того который въ такомъ случаѣ оставляетъ ихъ. Нѣкоторые, замѣтивъ своего офицера далеко назадъ, сказали: „мы пустимъ ему пулю“. Но я сказалъ имъ: „оставьте его, вышьте вы со стыда браться лодыти къ намъ.“

Въ это время мы уже не имѣли ни хлѣба, ни сухарей;

одинъ мушкатеръ досталъ остальные два сухаря изъ-за шивели и, подавая мнѣ, сказалъ: „извольте, ваше благородіе, скушать, вѣдь мы знаемъ что и у васъ есть нечего.“ „Ты же какъ останешься?“ сказалъ я ему. „Ну, мы какъ-нибудь доставемъ. Вотъ подойдетъ къ намъ этотъ нехристь, кого-нибудь свалимъ,—у насъ сухари есть или хлѣбъ.“

Между тѣмъ товарищи мои сказали что они ходили ночью въ Лаунау. Нашли тамъ полковаго адъютанта, лѣкаря и аудитора, и что они накормили ихъ горохомъ. Къ вечеру, когда уже смерклось, прекратилось сраженіе и войска возвратились на прежнія мѣста. Я тотчасъ отправился въ Лаунау и отыскалъ штабныхъ чиновниковъ. Они сидѣли въ избѣ, въ которой не было ни оконъ, ни дверей. Въ каминѣ разведемъ огонь и на огнѣ котелокъ съ горохомъ, предъ друзьями стояла крышка артельная съ луштемъ.

— Здравствуйте, господа, сказалъ я имъ.

— А! Здравствуйте, Я. О.; какъ Богъ милуетъ?

— По милости Его, живъ и невредимъ... Ахъ, какъ хорошо у васъ.

— Просимъ садиться.

Я усѣлся между ними и спросилъ:

— Чтò это у васъ въ котлѣ?

— Горохъ.

— Ахъ, какъ хорошо у васъ. А это чтò въ крышкѣ?

— Лушть.

— Какъ славно у васъ. А у насъ кромѣ ѣлей, да снѣгу больше ничего нѣтъ; да еще куда ни суметься все лежатъ окоченѣвшіе Французы, провалъ ихъ возьми. А скоро ли горохъ послѣветъ?

— Нѣтъ, еще только-что наставили.

— Не хочешь ли лушты?

— Какъ не хотѣть, и съ размаху вылилъ стаканъ.

— Право хорошо у васъ и тепло. Потомъ вылилъ другой, помѣшная притомъ французскою троегранкой огонекъ чтобы скорѣе кипѣлъ котелокъ и не елуская глазъ съ него; но не знаю какъ закрылись у меня глаза и я нечувствительно заснулъ крѣпко и проспалъ долго. Проснулся и тотчасъ къ котлу, но онъ уже былъ лустъ; товарищи мои слали крѣпкимъ сномъ. Видя что тутъ уже ожидать больше нечего, пошелъ скорѣе опять къ солдатамъ въ лѣсъ.

Вмѣстѣ съ разсвѣтомъ я опять пошелъ на то мѣсто гдѣ вчера сражался. Войска наши растянулись вправо; Французы не подходили къ намъ, но начали разводить часовыхъ на полѣ; наши пустили къ нимъ два ядра и задѣли четырехъ человекъ, но они намъ не отвѣчали. Мы заняли цѣпью опушку лѣса и такимъ образомъ 2го февраля расположились на просторныхъ квартирахъ въ лѣсу. Дровъ было въволю, за водой тоже дѣло не стало, но хлѣба не было. Французы остались въ селеніи Цехернъ и деревнѣ Петерсвальдъ. Первое было на берегу Алле, на высокомъ мѣстѣ, которое господствовало на лучешный выстрѣлъ; во всѣ стороны въ немъ устроены были непріятельскія батареи; съ нашей стороны построены были также батареи тоже на берегу Алле, впереди Лаунау, но послѣ ночныхъ нашихъ наладеній на селеніе Цехернъ Французы оставили какъ это селеніе, такъ и Петерсвальдъ, которыя и были заняты нашими войсками. Туда посылаемы были полки полеременно для содержанія передовыхъ карауловъ.

Французы также имѣли въ лѣсу на дорогѣ большіе караулы. Они выставили на этихъ караулахъ вмѣсто пушекъ отрубки изъ дерева и раскрасили ихъ. Въ одно время, когда я былъ въ передовомъ караулѣ съ моею ротой, пріѣхалъ верхомъ государь императоръ и Прусскій король. Я имъ показалъ гдѣ главный непріятельскій караулъ и гдѣ ихніе часовые. Государь, увидѣвъ на мнѣ французскую саблю, спросилъ: „развѣ лучше сабля?“ „Надежнѣе шпаги, ваше величество“. Онъ приказалъ мнѣ подать саблю; я вынулъ изъ ноженъ и, взявъ за клинокъ, подаль ему; онъ взялъ, посмотрѣлъ и опять мнѣ отдалъ, говоря: „тяжелъ эфесъ“. Дѣйствительно у нашихъ сабель былъ перевѣсъ при ударѣ къ мѣсту прикосновенія и раны дѣлали жестокия, а у Французовъ перевѣсъ былъ въ эфесѣ. Французскій же эфесъ защищалъ ручную кисть, а у нашихъ сабель этого не было. Французы также заняли противоположный лѣсъ и селенія Петерсвальдъ и Цехернъ. Между нами разстилалось поле, потому Французы оставили деревню и расположились за лѣсомъ въ бивуакахъ при селѣ Альтъ-Кирхенъ, въ лѣсу оставили караулы, а мы заняли деревню и тамъ имѣли отдѣльные караулы, перемѣняя полки въ нашемъ лѣсу.

Если густыя защищали насъ отъ вѣтра, на постелѣ снѣгъ пушистый былъ, но и тутъ явилась прихоть. Я первый по-

строилъ шалашикъ изъ сучьевъ и осмылялъ его сѣтвомъ, внутри вокругъ огня изъ сѣвѣику являлись диваны мягкіе; товарищи, подражая мнѣ, построили тоже и намъ хорошо было. Солдаты сдѣлали себѣ квадратныя загородки отъ навѣсами внутри, и было бы очень хорошо, еслибы было достаточно хлѣба. Солдаты ложились спать около огня; съ одной стороны было горячо, а съ другой очень холодно и потому должно было ворочаться безпрестанно какъ жаркое на вертелѣ. Иногда искра попадала въ патронташъ и загорались патроны, но отъ этого бѣды не случалось; повернуть только кругомъ егера, ислугаетъ, и все тутъ. (Такъ какъ я первый выстроилъ у себя просторный шалашъ, то ко мнѣ собирались господа офицеры играть въ карты, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ Бюстромъ, который въ послѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ генераломъ.) Но мнѣ и моимъ ротнымъ офицерамъ, стоявшимъ вмѣстѣ со мною, пожаръ причинилъ много вреда, сгорѣло нѣсколько бутылдокъ рому и сыровъ. Франдузы думали что дѣлаемъ сигналъ къ наступленію, зажгли и у себя мааки.

Оставшійся у насъ старшій капитанъ былъ неподвижный чурбанъ, не заботился о полкѣ, а только сидѣлъ въ шалаши. Мы потеряли терпѣніе, просили встрѣтившагося намъ генерала Пасека чтобы далъ намъ штабъ-офицеръ для командованія полкомъ, и желаніе наше исполнилось. Намъ дали штабъ-офицера, но и тотъ также неподвиженъ былъ; мы опять возопили чтобы дали намъ подвижнаго начальника. Между тѣмъ въ исходѣ марта сталъ уже совершенный голодъ, люди раслухали и умирали; кожи, бывшія на шалашахъ, сѣдены и люди питались кореньями собираемыми въ лѣсу. Главнокомандующему дошло до свѣдѣнія что люди ѣдятъ вредные коренья, и отданъ былъ приказъ съ объявленіемъ вредныхъ и безвредныхъ кореньевъ.

Наступилъ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова; явился къ намъ въ лагерь маркитантъ Нѣмецъ со съботными приласами; у меня находилось денегъ всего только два червонца, на эти червонцы я купилъ два ситные хлѣбца, однимъ далъ солдатамъ разгвѣтться, а другой раздѣлилъ съ офицерами моей роты, и такъ разговѣлись мы на сей свѣтлый праздникъ.

Наконецъ прибылъ къ намъ въ полкъ майоръ Ефимъ

Петровичъ Лытвъ, человекъ дѣятельный, и мы стали получать провiантъ, хотя ловешногу.

Въ маѣ мѣсяцѣ прибылъ къ намъ шефъ, генералъ-майоръ Б. Р., человекъ молодой, вѣжливый, чувствительный поэтъ, онъ сочинялъ стихи и воспѣвалъ весну.

IV.

24го мая вся армія двинулась впередъ, авангардъ нашъ поднялся изъ своего лагеря, обошелъ Петервальдскій лѣсъ справа и атаковалъ французскій лагерь при селеніи Альтъ-Курхенъ. Мы нашли въ неприятельскихъ, прекрасно устроенныхъ бивуакахъ, хлѣбъ и прочіе жизненные припасы. На другой день 25го принудили Французовъ отступить за рѣку; при отступленіи своемъ, они сдѣлали много вреда нашему полку картечными выстрѣлами (мы набѣжали внезапно на мѣсто которое обстрѣливалось закрытою батареей). Застрѣльщики перешли было за рѣку, но приказано возвратиться назадъ и запрещено переходить за рѣку по остаткамъ сожженнаго моста.

Мы разсыпались по кустамъ и за толстыми деревьями по берегу и злились на Французовъ за то что они таскали муку изъ каменнаго дома, за рѣкой бывшаго; мы послали имъ безпрестанно то свинець, то чугунъ, изъ своихъ двухфунтовыхъ пушекъ; но эти малютки грызли только известъ; но стѣны не пробивали, и картечь даже задѣвала по своимъ. Французы съ противнаго берега платили намъ тѣмъ же.

Капитанъ Дреякинъ пошелъ сказать чтобы артиллерія перестала стрѣлять и тутъ встрѣтился съ нашимъ злодѣемъ, который грубо спросилъ: „какого ты полка?“ — „7го Егерскаго“, отвѣчалъ Дреякинъ. Тотъ началъ говорить дерзко на счетъ нашего полка. Тогда Дреякинъ схватилъ мощною рукою негодяя, сказалъ: „пойдемъ со мною, я покажу тебѣ гдѣ этотъ полкъ.“ Тотъ, видя дерзость Дреякина, сказалъ: „я пошутить, братъ, дай табаку.“ Дреякинъ пустилъ его и пришедши сказалъ офицерамъ. Мы рѣшились бить его.

Перестрѣлка затихла; мы собравшись въ лондонѣ сидѣли возлѣ огонька. Въ недалекомъ отъ насъ разстояніи стояли

генералы и наши злодѣи съ нами; онъ подошелъ къ намъ закурить трубку и мы его окружили. Онъ хотѣлъ было идти, но мы не пустили. Онъ испугался и спросилъ:

— Что вы хотите отъ меня, господя?

— Мы 7го Егерскаго полка и рѣшились отплатить тебѣ за твою низость. Какъ ты сибѣшь мараль нашъ полкъ?

— Кто? я? никогда, сказалъ онъ.

— Помнишь ли Петерсвальдъ?

— Я вѣрно сумашедшій былъ.

Послѣ сего я сказалъ: „господа, не марайте рукъ объ сумашедшаго“ и мы отпустили его; однакоже онъ не жаловался никому за нашу дерзость.

Въ продолженіе сего дня какое-то неблаговоспитанное не-пріятельское ядро задѣло нашего локтя ло лѣтѣнку и оставило комтюзію; послѣ чего онъ ухажалъ куда-то лечиться, а при насъ остался майеръ Далтгенъ.

Ночью слышна была вдалекѣ скоротечная канонада: это было молодчество нашихъ казаковъ. Они пустились съ вечера на промыселъ, попали на непріятельскій маркъ, разбили прикрытіе, забрали лошадей и потомъ зажгли маркъ съ артиллерійскими снарядами.

Предъ разсвѣтомъ 26го мы начали отступленіе, но не-пріятель скоро насъ нагналъ и завязался перестрѣлка. Онъ живо преслѣдовалъ насъ воими силами (ибо Намодеевъ покоривъ городъ Данцигъ прибѣжалъ сюда съ бывшими тамъ войсками). При нашемъ отступленіи я замѣтилъ что Французы наступая кареями не имѣли артиллеріи въ орудія каре. 7му полку приказано было расположиться въ садахъ города Гутштадта для удержанія не-пріятеля; но въ скоромъ времени приказано было сдвинуть въ поле для выручки нашей артиллеріи на которую пала не-пріятельская кавалерія. Мы бросились, живо выручили артиллерію и потомъ сами стали отступать. Моя рота была рассыпана лѣвѣе дороги; не-пріятельская кавалерія отбѣжала меня отъ прочихъ ротъ; люди сбѣжались въ кучку и я отступилъ отражая локушеніе наѣздивковъ. Но приблизившись къ городу Гутштадту увидѣлъ что на дорогѣ стоятъ уже не-пріятельскія кавалерійскія колонны; я примкнулъ къ рѣкѣ Алле, сталъ на толкомъ мѣстѣ и заставилъ оружейнымъ огнемъ колонны отодвигаться за возвышенность.

Сады были недалеко отъ меня и я полагалъ что уже

избавился отъ опасности, не зная того что мостъ уже истребленъ. Но къ несчастію моему на мѣсто кавалеріи явилась пѣхота неприятельская и перестѣла путь къ садамъ; мнѣ не осталось другаго средства какъ броситься въ рѣку. Я взялся за сукъ и хотѣлъ было спуститься потихоньку въ рѣку; но берегъ обвалился, сукъ переломился и я спустился на дно рѣки. Она не широка, но глубока; я плавать не умѣлъ и сверхъ того былъ въ шивелѣ и въ равцѣ. Не помню какимъ образомъ очутился у противоположнаго берега, ухватился за него, но за шивель мою удѣлились два егеря моей роты и тащили въ рѣку. Я удвоилъ мои усилія, самъ вылѣзъ и ихъ вытаскивалъ. Нѣкоторые тутъ утонули. Французы сыпали на насъ пулями, но мы уже спаслись отъ лапни, хотя ружья остались всё въ рѣкѣ.

Я слышалъ удавиться отъ мѣста гдѣ пули вредили, но еще надобно было переходить шлюзы, на которые направлена была артиллерія и неприятельская и лапа. Наши считали насъ за неприятельскихъ солдатъ и посылали ядра; брусъ разбивался подъ нами и щеплы вверхъ летѣли, но мы подъ защитой Высочайшаго прощали и это мѣсто безвредно и присоединились къ своимъ войскамъ, вступившимъ уже въ лѣсъ.

Неприятель не могъ насъ по этой дорогѣ преслѣдовать быстро, потому что мостъ былъ испорченъ, но пошелъ со всеми силами по лѣвому берегу рѣки Алле, на Цехернъ, и Лауазу и слѣдовалъ за соединенными нашими войсками. Мы прошли въ лѣсу безопасную дорогу и расположились у подножія укрѣпленій, построившихъ на правомъ берегу Алле.

Предъ закатомъ солнца всё наши войска пришли къ самымъ редутамъ, бывшимъ на лѣвомъ берегу рѣки Алле, и тутъ произошло упорное сраженіе. Французы пробовали атаковать редуты, но отбиты были съ урономъ. Въ глубокомъ сумракѣ еще виденъ былъ перебѣгающій батальонный огонь въ лѣніяхъ обѣихъ сторонъ и летали гранаты. Когда же прекратилось сраженіе, приказано отряду бывшему на правомъ берегу рѣки перейти на лѣвый и 7й Егерскій полкъ расположился вовлѣ большаго редута. Я легъ на песокъ въ лоцианѣ и послѣ куланья усталъ крѣпко.

Проснувшись поутру, я увидѣлъ много неприятельскихъ

трудовъ около редута, и былъ въ недоумѣнн, но товарищи мои сказали что эти Французы ночью приходили штурмовать этотъ редутъ, но ихъ отбили, хотя они уже было спустились въ ровъ. Я показалъ имъ мѣсто гдѣ я спалъ и не слышалъ ничего; одно Провидѣнне спасло меня, я могъ бы быть заколотъ соннымъ или затолтанъ кавалеріей; это совершилось чудо надо мною.

27го солнце освѣтило кровавое поле битвы вчерашней; во многихъ мѣстахъ трупы валялись горами, артиллерія наша изрѣдка посылала вызывныя ядра къ бою. Но Французы не отвѣчали намъ. Конные наѣзники съ обѣихъ сторонъ доказывали молодечество на полѣ, но сраженіе не завязывалось, намъ только видно было что за кавалерійскими колоннами тянулись лѣхотныя непріятельскія колонны направо. Такъ мы простояли весь день безъ сраженія. Ночью оставили свою позицію и перешедши обратно Гексбергъ маршировали на городъ Бартенштейнъ. Французы насъ не преслѣдовали, но за рѣкою отзывалась артиллерія.

Понутру 28го прошли мимо Бартенштейна; въ немъ пылали сараи запасныхъ нашихъ магазимовъ; солдаты бросились въ нихъ и тамъ наши нѣсколько изгнавшаго хлѣба. Есть пословица: прятать концы въ воду, а здѣсь провіантныя коммиссіонеры спрятали ихъ въ огнѣ. Мы шли послѣднью черезъ Шилельбергъ и на разсвѣтѣ 29го прибыли къ городу Фридаавду. Тутъ перешедши на лѣвой берегъ рѣки Алле, по вводу устроенному мосту, 7й Егерскій полкъ расположился возлѣ рѣки подъ высокимъ берегомъ и всѣ уснули отъ усталости. Съ восходомъ солнца отозвалась канонада, непріятельскія ядра летали черезъ насъ и ложились въ рѣкѣ; изъ нашего полка назначено было нѣсколько ротъ впередъ къ бою, въ числѣ которыхъ и моя. Мы подошли къ лѣсу; насъ встрѣтили батальнымъ огнемъ; мы бросились дружно на штыки, загнали Французовъ въ болото и захватили въ плѣнъ 200 человекъ гвардейцевъ и одного полковника; но потомъ Французы, оправившись олокнули насъ и вытѣснили изъ лѣса; мы также получили подкрѣпленіе, вышли было опять въ лѣсъ, но должны были уступить превосходству непріятели въ силахъ, вышли изъ лѣса, рассылали цѣль на чистомъ полѣ и остались тутъ. Кавалеристы наши изрѣдка разѣвжали впереди насъ. Полудни, какъ бы въ шестомъ часу, одинъ уланъ, разѣвжая

впереди цѣли нашей, подавался ближе и ближе къ моей телю, потомъ бросился прямо къ лѣсу, гдѣ были Французы тамъ соскочилъ съ лошади и вошелъ въ лѣсъ съ нею.

Въ семь часовъ пополудни Французы выставили артиллерию на оконечности лѣса, къ которому примыкалъ и правый флангъ, открыли сильный огонь на лѣвой им флангъ, который упирался на рѣку Алде и тутъ имъ вогнутый уголъ, потому что нѣсколько егерскихъ полковъ выставлены были впередъ по берегу рѣки, такъ что мы лѣса гдѣ были Французы. Все что было на равнинѣ укрылось за высокій берегъ къ самой рѣкѣ Алде, были возлѣ лѣса примыкавшаго къ рѣкѣ егерскіе полки, и рѣшительную атаку, оласаясь чтобы не пресѣчено бы имъ соединеніе съ боевою линіей (что весьма легко могло быть, потому что Французамъ легко было стать на пути сообщенія), бросились отступать послѣднѣе и все отѣснилось на берегу. Я замѣтилъ по направленію артиллерійскихъ выстрѣловъ намѣреніе Французовъ, что въ скоромъ времени пойдутъ ихнія колонны для перерыва пути отступающимъ егерскимъ полкамъ. Будучи уже оставленъ одинъ на полѣ, не пошелъ на берегъ, но рѣшился одинъ идти по равнинѣ къ своей линіи, увѣренъ будучи совершенно что скорѣе могу здѣсь быть убитымъ, но взять меня живымъ на смертоносномъ этомъ пути никто не рѣшилъ. Предо мною стоялъ фронтомъ Измайловскій полкъ и сдѣлалъ батальнымъ огнемъ къ Французамъ, изъ батальонныхъ интерваловъ стрѣляли картечью. Французы сыпали къ намъ картечью, ядрами и гранатами; я шелъ среди картечи люди вздымали пыль вокругъ меня, пролетали между нами. Въ Павловскомъ гренадерскомъ полку во фронтѣ ряды шатались, но линія не колебалась и держалась на мѣстѣ, смотря на то что въ ней были большіе перерывы отъ убитыхъ людей. Прощедши линію, я принялъ къ берегу и увидѣлъ что полки егерскіе весьма страдали шедши по берегу; французская пѣхота успѣла перейти на тотъ берегъ вмѣстѣ съ отступавшими и производила убійства безъ казни между отѣснившихся внизу егерей.

Позади гренадерскаго фронта развѣжалъ князь Батіонъ и ободралъ солдатъ; генералъ Сабанъевъ сдѣлалъ камѣнь и предъ нимъ горѣлъ брантскугель.

Я замѣтилъ своихъ людей идущихъ съ людьми другихъ полковъ, остановилъ и тѣхъ и другихъ и примкнулъ

лѣвому флангу гренадерскаго полка; между тѣмъ егерскіе полки проходили мимо къ мосту устроенному на рѣкѣ Алле.

Въ сумерки началось общее отступленіе и я получилъ сильную контузію въ правую ногу. Я упалъ было на землю, потомъ съ помощью ружья всталъ и пошелъ назадъ. Казакъ замѣтивъ меня предложилъ сѣсть верхомъ на прекрасную генеральскую лошадь, но въ то время когда я хотѣлъ садиться, ядро неприятельское отвалило карнизъ каменнаго дома, лошадь испугалась, вырвалась и ушла; въ это самое время я замѣтилъ что въ саду фурлейты развели огонь и варили себѣ преспокойно кашу, несмотря что ядра уже перелетали черезъ нихъ; эти люди каменные.

На мосту была ужасная давка отъ проносимыхъ раненыхъ и отступающихъ; солома уже была наложена для сожженія его; я кое-какъ перебрался и присоединился къ своему полку.

Мнѣ казалось что ежели бы поставлена была сильная артиллерія на правомъ берегу рѣки противъ лѣваго фланга гренадерскаго полка, то неприятель не могъ безъ великой потери отважиться на такое дерзкое предпріятіе; на этомъ мѣстѣ артиллерія наша могла бы быть безопасна, потому что рѣка ее отдѣляла.

Мы начали отступать и 29го числа въ сумерки прибыли въ городъ Вейлау, при которомъ рѣка Алле впадаетъ въ Прегель. Всѣ войска перешли за Прегель, а мнѣ съ тремя ротами поручено остаться на ночь въ городѣ, потому что много людей раненыхъ и оставшихъ было. Я зажегъ мостъ на рѣкѣ Алле и засадилъ за домами стрѣлковъ. Неприятельскіе кавалеристы ночью подошли къ мосту; по нимъ начали стрѣлять и они удалились, потерявъ двухъ убитыхъ.

Въ городѣ ночью случился грабежъ; въ лавкахъ, гдѣ продавались сѣстные припасы, разломали дверь и солдаты разныхъ полковъ набѣжали туда, хватали хлѣбъ и разные сѣстные припасы. Въ одной лавочкѣ былъ въ кадкѣ медъ и въ углу также въ кадкѣ стоялъ деготь; слухъ о найденномъ медѣ зашевелилъ сердца всѣхъ, всякій туда тѣснился съ тѣмъ что было у него въ рукахъ, съ манеркой, съ хлѣбомъ, и тѣ которыхъ судьба направила къ меду, захвативъ его сколько могли, старались выбраться изъ тѣсноты, поднявъ вверхъ манерку, разливали жидкую патоку на головы и на мундиры другихъ, а тѣ которые ползли въ

кадку съ дегтемъ, принимая его также за медъ, топили туда манерки и обмакивали хлѣбъ, но узнавъ ошибку по вкусу бросали и разливали деготь между толлы.

Въ другомъ мѣстѣ отбитъ былъ магазинъ въ которомъ сложены были разныхъ цвѣтовъ чехлы для укладки суконныхъ штукъ. Тутъ шла работа не уступающая первой, солдаты брали эти чехлы прельщаясь цвѣтомъ, не развертывая и не разсматривая ихъ качества, выбрасывали что было въ ихъ ранцахъ и набивали этими чехлами. Въ подобныхъ случаяхъ опасно во тьмѣ ночью при смѣшеніи разныхъ полковъ солдатъ полагаться на власть начальника имъ неизвѣстнаго. Поутру, 30го числа, я получилъ приказаніе оставить городъ и зажечь мостъ на Прегель; войска отступили нѣсколько верстъ и сдѣлали привалъ. Въ это время можно было узнать всякаго солдата который былъ ночью на грабежѣ, мундиры ихъ были явнымъ доказательствомъ, потому что на нихъ видны были медовыя и дегтевыя пятна. Мѣсто на которомъ расположились войска для привала вдругъ залестрѣло разноцвѣтными суконныхъ чехловъ; солдаты, разсмотрѣвъ качество ихъ, съ досадою выбрасывали вонъ изъ ранцевъ и жалѣли о тѣхъ вещахъ которыя выбрасывали изъ ранцевъ въ городъ. Въ послѣдствіи надѣлали солдаты себѣ разноцвѣтныхъ брюкъ.

Послѣ сего сдѣлалось уже отступление безо всякихъ сраженій до самаго города Тильзита. Тутъ, перешедши мостъ на Нѣманъ (устроенный на сваяхъ), зажгли его.

Перешедши Нѣманъ мы построили батареи на берегу рѣки. Войска расположились по ближайшимъ деревнямъ, и поочередно приходили на берегъ Нѣмана для прикрытія батарей. Французы заняли Тильзитъ и также выставили орудія по берегу. Мы, находясь на берегу для прикрытія своихъ батарей, жили на Французовъ прогуливающихъ на набережной съ хорошенькими горожанками. Черезъ нѣсколько дней начались переговоры о мирѣ.

Для перваго свиданія императоровъ построена была по серединѣ рѣки Нѣмана на плоту лалатка. Императоръ Александръ пріѣхалъ на берегъ съ Прусскимъ королемъ, и въ одно время съ обѣихъ сторонъ отвалили ларомы. Съ праваго берега императоръ Александръ съ Прусскимъ королемъ, а съ лѣваго Наполеонъ, вмѣстѣ причалили съ обѣихъ сторонъ къ плоту и встрѣтились въ лалаткѣ. Что тамъ

происходило, не извѣстно. Черезъ полтора часа вышли обратно и развѣхались. На другой день государь Александръ расположился въ городѣ Тильзитѣ, гдѣ находился и Наполеонъ со своими войсками. Привзжавшіе къ намъ французскіе офицеры для свиданія съ родственниками говорили что начертываемыя теперь границы карандашомъ будутъ еще стираться. Поэтому заключить было можно что Наполеонъ заключая миръ не оставлялъ плана войны противъ Россіи.

Французы просили показать имъ нашихъ куликововъ, такъ называли они Башкирцевъ-казаковъ, потому что они шли за плечами луки и колчаны набитые стрѣлами. Они интересовались видѣть этихъ людей еще болѣе потому что они нѣсколько французскихъ офицеровъ кавалеристовъ поймали арканами и взяли въ плѣнъ.

По заключеніи мира войска наши отступивъ отъ границы расположились лагеремъ при мѣстечкѣ Шкловѣ. За всю Прусскую войну я получилъ анненскую шлягу, за храбрость и отличіе при отбитіи нашей артиллеріи во время отступления при городѣ Гутштадтѣ.

Полки имѣли большой недостатокъ въ людяхъ и были въ большемъ разстройствѣ, но государю угодно было видѣть войска свои въ такомъ видѣ какъ они были. За два дни предъ высочайшимъ смотромъ приведена была на укомлектованіе полковъ милиція, не обмундированная и не бритая; мужики не хотѣли со своими бородами разстаться; ротные командиры уговаривали ихъ, они согласились, но только чтобы пробрить немножко. Они тщательно подбирали клочки завитой бороды, цѣловали ихъ со слезами и прятали.

Наканунѣ смотра доставлены шитые мундиры, они пригнаты кое-какъ на людей, и лоутру мы вышли къ смотру. Войска построились на полѣ за Могилевскимъ выѣздомъ; съ ружьями были только старые солдаты, а милиційскіе не имѣли и прошли мимо государя ловзводно, милиційскіе не въ ногу и не въ тактъ. И потомъ расположены были полки на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Шклова. Во время приготовленія къ высочайшему смотру прибылъ и шефъ нашъ въ Шкловъ; но на смотръ выѣхалъ неисправно, лальцы выглядывали изъ салогъ, и лошадей на ногѣ съ ловязкой. Послѣ сего мы уже больше его не видали.

Во время квартированія въ окрестностяхъ мѣстечка Шклова по деревнямъ мы познакомились съ тамошними помѣщи-

ками и ѣзжали къ нимъ для прелпровожденія времени. Однажды, подгулявши у сосѣдняго помѣщика съ тремя ротными командирами, приопоздали тамъ до поздней ночи; я пригласилъ товарищей моихъ къ себѣ на квартиру ночевать и всѣ сѣли на лошадей верхами и поѣхали. Дорожка пролегла между кустарниковъ, а потомъ, не доѣзжая моей деревни, по чистому полю. Здѣсь мы, желая испытать быстроту нашихъ лошадей, пустились во весь опоръ; лошади были добрыя и рвались со всѣхъ силъ одна предъ другою; я налетѣлъ прямо на яму, изъ которой брата глина; лошадь моя вдругъ бросилась направо, я слетѣлъ съ нея и ударился о противоположный берегъ лѣвымъ бокомъ такъ сильно что вѣсь со шлага прочь отлетѣлъ. Товарищи мои по темнотѣ ночи не замѣтили сего и поскакали прямо на мою квартиру; тутъ увидѣли они что лошадь моя прибѣжала, а меня нѣтъ, послѣдили отыскивать и нашли въ ямѣ безъ чувствъ, принесли на квартиру. Я пролежалъ въ постелѣ недѣли полторы и потомъ поправился, но всегда ощущалъ въ томъ мѣстѣ гдѣ былъ ударъ неприятную боль.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ войска выступили въ походъ на кантониръ-квартиры въ Кіевскую губернію.

Вышедши изъ Шклова должны были проходить мимо дома отца поручика Микоши, который служилъ въ нашемъ полку. Отецъ его получилъ обѣщаніе отъ полковаго командира Далтева быть у него въ домѣ со всѣми ротными командирами, но полкъ не доходя того мѣста расположился на ночлегъ. Ночью явились къ ротнымъ командирамъ подводы съ запиской отъ Далтева чтобы съ полученіемъ прибыть къ нему въ домъ Микоши. Я прибылъ часу во второмъ полудночи, но хозяинъ еще не спалъ, онъ принялъ меня и хотѣлъ задушить луншемъ, но я отказался.

Въ домѣ видно было много начатаго, но ничего не докочено: печки сложены до половины и такъ оставлены, возлѣ нихъ лежали инструменты и засохшая глина, начато росписывать стѣны и такъ оставлено; на примосткахъ стояли засохшія краски съ кистями, подъ примостками было ложе господина. На второмъ этажѣ въ передней сидѣли саложники и вся прислуга имѣла видъ болѣзненный, оборванные слуги бродили какъ угорѣлые. Онъ сказывалъ что не любитъ баловать дворню, встаетъ самъ всегда рано и взявъ заряженный пистолетъ идетъ гдѣ люди спать, за нимъ слуга

веселье ведро съ водою; надъ тѣмъ котораго найдетъ спящимъ оны стрѣляетъ изъ пистолета, а слуга обливаетъ водою.

Утро начали мы пьянственнымъ завтракомъ и за обѣдъ съѣли въ полдень. Когда гости усѣлись, то огромная лягушка сожаба вскочила на столъ и начала отнимать кушанья; хозяйку это было очень смѣшно. Мы замѣтили что хозяинъ дома сумашедшій и хотѣли было тотчасъ послѣ обѣда уйти изъ двора хотъ пѣшкомъ, но мужики поставлены были вездѣ на караулъ и улаживали насъ чтобы мы не уходили, потому что они будутъ биты. Мы сжалились надъ несчастными, остались ночевать и на другой день едва отпустилъ насъ, напоивъ до полульяна. На другомъ переходѣ видѣли его тещу, которая такъ толста, что не могла встать съ постели, будучи совершенно здорова и весела.

Въ городѣ Козельцѣ также я видѣлъ пустыри тамъ гдѣ были прекрасные господскіе дома, а прежнюю мою хозяйку старушку и Елену нашелъ въ новомъ домѣ построенномъ на другомъ мѣстѣ. Старушка ослѣпла, а Елена состарѣлась.

Вторая хозяйка моя также состарѣлась и хозяинъ покрытъ былъ сѣдинами. Они обрадовались мнѣ, но прежняя веселость уже не существовала, они обѣдѣли и постояльцевъ у нихъ не было. Объ Олимпіадѣ сказали, что она вышла замужъ и кончила жизнь.

Съ разрѣшенія полковаго командира мнѣ позволено было по выступленіи полка изъ Шклова въ походъ отправиться впередъ съ меньшимъ братомъ моимъ Андреемъ для посѣщенія родителей. Дорогой заболѣлъ братъ и я привезъ его въ домъ больного.

Мы застали родителей и всѣхъ братьевъ и сестеръ въ благополучномъ состояніи, общая радость способствовала выздоровленію моего брата Андрея. Мы пробыли въ домѣ вѣдѣли полторы и присоединились къ полку въ городѣ Козельцѣ.

Пришедши въ Кіевскую губернію, расположились на кавтовиръ-квартиры, 7й Егерскій полкъ въ городѣ Черкасахъ, въ Чигринѣ и окрестныхъ деревняхъ. При проходѣ черезъ Кіевъ полки осматривалъ генераль-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УПРЕКИ ПРОШЛАГО

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСѢЙ ДАНИЛОВИЧЪ ПОДОСЕНОВЪ, помѣщикъ лѣтъ
подъ 60.

ПРАСКОВЬЯ ПРОХОРОВНА, жена его, 50ти лѣтъ.

НАСТЕНЬКА, дочь ихъ, молодая дѣвушка.

ДАНИЛА ДАНИЛОВИЧЪ ПОДОСЕНОВЪ, родной братъ Алексѣя
Данилыча, лѣтъ на 10 моложе его, чиновникъ въ отставкѣ.

ВОЛЬДЕМАРЪ, его сынъ, подростокъ лѣтъ 15ти.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ПОРОШЕВЪ, другъ дѣтства Настеньки
Подосеновой, молодой человѣкъ, крупный землевладѣлецъ.

ЛИДІЯ МАТВѢЕВНА БАТВИНА, молодая дѣвушка.

КНЯЗЬ ПЛАТОНЪ ЛЬВОВИЧЪ КЛАДИЦЕВЪ-ЗАТОНСКІЙ.

ДЕМА ПОКОЙНИКОВЪ, считается полоумнымъ, проживаетъ у
Данилы Данилыча.

СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ.

ЛАВРИКЪ, мальчикъ въ домѣ Алексѣя Данилыча.

ПОВАРЬ } Данилы Данилыча.
КУЧЕРЪ }

Первое дѣйствіе — въ „Липкахъ“, имѣніи Алексѣя Данилыча,
остальныя въ домѣ Данилы Данилыча, въ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: комната въ домѣ АЛЕКСѢЯ ПОДОСЕНОВА. Три двери: въ задней стѣнѣ на балконъ, ведущій въ садъ, направо—въ комнату Настеньки, направо—въ другія комнаты. По сторонамъ задней двери по окну. Старинная тяжелая мебель, обитая ситцемъ. На овальномъ столѣ предъ диваномъ—самоваръ и чайныя принадлежности.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРАСКОВЬЯ ПРОХОРОВНА (*за чайнымъ столомъ вьзаетъ чулокъ*) и АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ (*входитъ при поднятіи занавѣса*).

Алексѣй Данилычъ. Не вставала дочурочка?

Прасковья Прохоровна (*съ оттыкомъ досады*). Нѣтъ еще! (*взглянувъ на стѣнные часы*.) Вотъ ужъ одиннадцать часовъ скоро, самоваръ въ третій разъ подогрѣвали, все почивать изводить, баловница.

Алексѣй Данилычъ. Ахъ-ахъ-ахъ, дуся-милуся, какъ же такъ можно!... какъ можно!... Сама знаешь, въ молодости-то сладко спится; ну и пусть почиваетъ, Христосъ съ нею!... А сама-то, бывало, какъ помоложе мы были, ухъ какъ спала! Бывало утречкомъ встанешь, тихохонько выйдешь отъ тебя, и въ лоле съѣздишь, и на мельницѣ лобываешь, по хозяйству нахлопочешься; солнышко высоко взойдетъ, а ты все почиваешь, дуся-милуся, все почиваешь, хе-хе-хе!... И вѣдь какъ мило спала-то, заглядѣнье просто! Такъ вотъ ручку подъ щечку подложишь (*показываетъ какъ подкладывалась ручка*), калачикомъ свернешься и тихо такъ, ровво дышешь; а лицо такое милое, улыбается!... Охъ ты моя дуся-милуся, старушка сердечная! (*Ласкаетъ ее*.)

Прасковья Прохоровна (*растроганнымъ голосомъ*). Экъ какое время вспомнилъ!

Алексѣй Данилычъ. Какъ его не вспоминать, мамочка, какъ не вспоминать!... Многимъ развѣ Господь-Богъ счастье такое посылаетъ? а къ намъ Онъ щедръ и многомилостивъ, Царь Небесный... (*Прислушивается*.) Э, никакъ проснулась!

Прасковья Прохорова (*прислушавшись*). Нѣтъ, это олять должно-быть котъ-Васька шумить, олять проказы какія-нибудь!... (*Торопливо подходит и осторожно заглядываетъ въ правую дверь.*) Такъ и есть! (*шепотомъ въ дверь.*) Брысь, проклятыи! (*грозитъ*) вотъ я тебя!.. (*возвращается къ столу.*) Того гляди Настюшу разбудить... И такой этотъ Васька проказникъ что просто житья отъ него нѣтъ...

Алексѣй Данилычъ. Ну, дуся-милуса, ты ужь очень на него наладаешь.

Прасковья Прохорова. Да право! Вотъ вчера привезли къ обѣду сливки, съ малиной кушать; не успѣла я отвернуться, какъ онъ, разбойникъ, прыгъ на столъ: сливки розлилъ, кувшинъ разбилъ... Ты бы его, палочка, въ скотную избу сослалъ.

Алексѣй Данилычъ. Э, пускай себѣ!.. Дуся-милуса, а вѣдь Настюшины сливки-то совсѣмъ остыли (*пробуетъ ложечкой*) умм... остыли совсѣмъ! А вѣдь она, голубушка, любитъ горяченькія.

Прасковья Прохорова (*попробовала*). И то остыли. Головушка грѣшная!... (*торопится къ лѣвой двери*) Лаврикъ, а Лаврикъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ ЖЕ и ЛАВРИКЪ.

Прасковья Прохорова. Лавруша, бѣги-ка поскорѣе къ Тарасовнѣ, да скажи чтобы сливочекъ барышня въсклятила.

Алексѣй Данилычъ. Да ты проворнѣе, братецъ, проворнѣи! А то барышня встанетъ, а сливки-то холодныя.

Лаврикъ. Тарасовна никакъ, баринъ, къ пономарихѣ ушла.

Прасковья Прохорова. Вотъ тѣ и разъ!

Алексѣй Данилычъ. Зачѣмъ ей къ пономарихѣ?

Лаврикъ. А шутъ ее знаетъ!

Алексѣй Данилычъ. Тсс! ахъ-ахъ-ахъ, развѣ такъ можно? паренекъ ты молодой и вдругъ такъ: „шутъ ее знаетъ!“ Не хорошо! (*женя*) Какъ же теперь быть-то, мамочка?...

Прасковья Прохорова. Ужъ и не знаю, палочка, какъ быть! Погребъ залерть, а ключъ у Тарасовны.

Алексѣй Данилычъ (*рѣшительно Лаврику*). Вотъ что: Бѣги, братецъ, скорѣе слѣдомъ, да ворота Тарасовну; живо бѣги, такъ чтобы лятки сверкали. Ты вѣдь у меня молодчина.

Лаврикъ. Да я духомъ-съ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ, ПРАСКОВЬЯ ПРОХОРОВНА и НАСТЕНЬКА. (*За сценой*)

Прасковья Прохоровна (*прислушиваясь у правой двери*). Прослулась.

Алексѣй Данилычъ. Какъ же сливки-то?!

Настенька (*зоветъ*). Мамаша!

Прасковья Прохоровна. Сейчасъ душевья! (*Побѣжала было на зовъ, но остановилась и торопливо, понизивъ голосъ*). Ты хоть эти-то на спирту подогрѣй.

Алексѣй Данилычъ (*Суетливо*). А? на спирту?... А спиртъ-то гдѣ?

Настя (*Нетерпѣливо*). Мамаша!

Вмѣстѣ. { Алексѣй Данилычъ. Сейчасъ, сейчасъ, голубушка моя!
Прасковья Прохоровна. Иду, душевья, иду!... Ахъ, головушка грѣшная! вѣдь спиртъ-то весь вышелъ. Въ городъ вчера посылали, изъ ума вонъ!

Настенька. Не дозовешься! (*Раздражительно и криливо*). Мамаша, да подите же наконецъ сюда!

Прасковья Прохоровна (*Мажуеъ рукой бѣжитъ въ правую дверь*).

Алексѣй Данилычъ (*Оставшись одинъ, опять пробуетъ сливки, покачиваетъ головой и съ молочникомъ въ рукахъ стоитъ въ раздумьѣ. Потомъ съ просіявшимъ лицомъ торопливо беретъ со стола свою большую фарфоровую чашку изъ которой пьетъ чай и переливаетъ въ нее сливки*). Эге, мы и безъ спирта подогрѣемъ!... (*Заботливо устанавливаетъ чашку на самоваръ*). Вотъ, вотъ, вотъ... (*Отнялъ руки. Чашка летитъ съ самовара, разбивается и сливки погибли. Схватываетъ себя за голову*). Надѣдалъ дѣлать!...

Прасковья Прохорова *(выбѣгаетъ отъ дочери съ пустымъ рукомойникомъ)*. Чтѣ ты, палочка, надѣлалъ! и-ихъ, точно котъ Васька! *(Торопится въ лѣвую дверь.)*

Алексѣй Данилычъ. Да постой же, мамочка!...

Прасковья Прохорова *(задержавшись у двери)*. Гдѣ тутъ стоять, воды вотъ холодной спрашиваетъ. Приготовили—тепла, она не любитъ теплою умываться; за окно выплеснула. Какъ на грѣхъ никого въ домѣ нѣтъ, и Секаитинья куда-то запропастилась... Эхъ, Господи! *(Уходитъ очень озабоченная.)*

Алексѣй Данилычъ. Ну какъ же мнѣ быть-то теперь, а?... *(Безпомощно складываетъ руки.)* Теперь ужъ и вовсе безъ сливокъ, если Тарасовна не выручитъ! *(Глядя на черенки чаишки.)* И какъ это она такъ упала!... *(Ложечкой собираетъ со скатерти пролитое въ полоскательницу.)*

Прасковья Прохорова *(спѣшитъ черезъ сцену обратно съ полнымъ рукомойникомъ воды)*.

Алексѣй Данилычъ. Дуся-милуся, поелушай-ка...

Настя *(за сценой)*. Скоро ли, мамочка?...

Прасковья Прохорова *(было остановилась, но при зовѣ дочери отмахивается отъ мужа и бѣжитъ къ ней)*.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ и ПОРОШЕВЪ *(входятъ съ балкона)*.

Алексѣй Данилычъ. Андриша, голубчикъ!... *(Бѣжитъ на встрѣчу.)* Вотъ бѣда-то!... Здравствуй, родной мой! *(Обнимаетъ его.)* Гляди-тка! *(Печально указываетъ на пролитыя сливки.)*

Порошевъ. Дѣйствительно бѣда! Сколько у васъ коровъ?

Алексѣй Данилычъ. Дойныхъ? А вотъ видишь ли: Дулюня, рыжая; старая она, но молоко первый сортъ; Мамокъ, потомъ Мамченокъ, чтѣ отъ Мамка-то, помнишь?... Бѣдовая коровенка, бодливая. Да вотъ Дорочка еще отелилась. Ты ее знаешь: черная, съ лысиной, еще рогъ одивъ у ней сюда, а другой кривой. *(Показываетъ какъ растутъ рога у Дорочки.)*

Порошевъ. Слава Богу! И бѣда что молочникъ пролили?

Алексѣй Данилычъ. Экій ты братецъ! Вѣдь Тарасовны-то нѣтъ, къ лономарихѣ, говорятъ, ушла... Ключи съ нею, стало-быть сливокъ нѣтъ; а Настюша сейчасъ чаю спроситъ. Какъ же безъ сливокъ?... Уразумѣлъ теперь?

Порошевъ. Что жь, и безъ сливокъ нальется.

Алексѣй Данилычъ. Ну вотъ!... И всегда ты, Андриша, къ ней такъ... какъ бы сказать... Ну какъ же „такъ нальется“, если она сливочки горяченькія любить?... Что жь въ этомъ дурнаго? А ты... Не хорошо, голубчикъ!..

Порошевъ. И въ томъ что до полудня въ постелу вѣжится, а паленька съ маменькой битыхъ нѣсколько часовъ за самоваромъ ждуть ее, и въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго?..

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ и НАСТЕНЬКА *(слышавшая въ дверяхъ послѣднія слова).*

Настенька. Какой наставникъ нашелся!... *(Отецъ бросается къ ней.)* Правоученія изъ грошевыхъ ярописей, ха, ха!... Здравствуйте палаша!

Алексѣй Данилычъ. Здравствуй, моя голубушка! *(Цѣлуетъ ее въ голову, цѣлуетъ ей глаза, ласкаетъ.)* Здравствуй, ненаглядная моя!... *(Треплетъ ее по щекѣ.)*

Настенька *(уклоняясь, съ недовольною миной.)* Ахъ!.. И сколько разъ я вамъ говорила что терпѣть этого не могу! Что за манера хватать за подбородокъ и за щеки!..

Алексѣй Данилычъ. Ахъ, прости, моя душечка, все забываю... Экій я!... *(Указываетъ на Порошева.)* А онъ тутъ ничего, Настюша, онъ... онъ тебя хвалилъ, да... а что лочивала долго, такъ это онъ шутить, хе, хе, хе!..

Настенька. Мнѣ не надо ни похвалъ, ни правоученій.

Порошевъ. По крайней мѣрѣ примите отъ меня желаніе добраго утра, или—вѣрнѣе—дня, въ который вы, очевидно, вступили лѣвою ногой. Удостойте пожать вашу ручку, Настасья Алексѣевна.

Настенька *(Не давая руки).* Гм! какъ бы ни начался мой день, но во всякомъ случаѣ мнѣ пріятнѣе провести его не въ обществѣ тѣхъ людей которыхъ и скучно и досадно слушать.

Алексѣй Данилычъ. Да нѣтъ же, Настюша, Андрюша все шутить; онъ у насъ добрый...

Настенька. Ахъ отстаньте, палочка! *(Садится къ столу.)*

Порошевъ *(серіозно посмотрѣлъ на нее и сталъ ходить по сценѣ)*.

Алексѣй Данилычъ. Сейчасъ, сейчасъ налью... *(Суетливо наливаетъ чашку чаю и подаетъ дочери.)*

Настенька. Это кто же пролилъ?

Алексѣй Данилычъ. Я... я, Настюша, пролилъ!... Пролилось!... Я на самоваръ вотъ такъ въ чашкѣ поставилъ, подогрѣть поставилъ, а чашка—Богъ ее знаетъ какъ—покачнулася, такъ вотъ покачнулася, ну и... пролилось.

Порошевъ. Попросите же извиненія, Алексѣй Данилычъ.

Настенька *(молча смѣрила его глазами и отвернувшись мѣшаетъ ложечкой чай)*.

Алексѣй Данилычъ. Ахъ, Андрюша, да оставь... Не хорошо, мой другъ, такъ... Видишь ли, Настюша, Тарасовна къ пономарихѣ пошла, сливочекъ-то и нѣтъ... Я ужъ Лаврика за нею услалъ, да вотъ все нѣтъ еще. И зачѣмъ только пошла она къ этой пономарихѣ!!..

Настенька. Меня нисколько не интересуетъ зачѣмъ она пошла. *(Пьетъ чай.)*

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ ЖЕ и ПРАСКОВАЯ ПРОХОРОВНА *(съ костромскою дымящеюся сливкою)*.

Алексѣй Данилычъ. Вотъ и сливочки!... Ахъ ты моя дуся-милуся!... *(Бросается къ женѣ и хочетъ ее поцѣловать.)*

Прасковья Прохоровна. Постой, палочка, и эти прольешь!... Вотъ тебѣ, дочка, свѣженькія. *(Ставитъ передъ нею сливки.)* Нѣ-ка!

Алексѣй Данилычъ. Ты, Настюша, не допивай; я сейчасъ другую чашку налью, со сливочками выкушаешь.

Настенька *(сухо)*. Я не хочу сливочекъ.

Прасковья Прохоровна *(печально)*. Не хочешь?!

Порошевъ. Ахъ, Прасковья Прохоровна, какая вы

ведогадливая! Да вы-таки попросите: дочка, милая, окажи милость, покушай сливочекъ!

Н а с т е н ь к а (съ шумомъ отодвигаетъ, вставая, свой стулъ и бросаетъ чайную ложечку такъ что та зазвенѣла). Вотъ наказанье!! (Уходитъ въ свою комнату, хлопнувъ дверью.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЪ ЖЕ безъ НАСТЕНЬКИ.

П р а с к о в ь я П р о х о р о в н а. И кто тебя, сударь, просилъ глупости эти городить!

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ. И правда; Андруша! Не хорошо ты съ Настюшей обращаешься: сердись, ссорисься... Развѣ такъ бы вамъ жить слѣдовало? А мы-то, старики, думали что вы дружны всегда будете какъ дѣтymi жили!...

П р а с к о в ь я П р о х о р о в н а. Чтѣ правда, то правда! Ты, отецъ мой, хоть сердись на меня, а по душѣ тебѣ скажу, что я ласки, да любви отъ тебя для Настеньки ждала, а ты вотъ все козыряешь.

П о р о ш е в ъ. Если виновать, въ уголь поставьте. Стану.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ (*Съ укоризненнымъ жестомъ обращаясь къ жентѣ*). Ну вотъ!... съ нимъ серьезно, а онъ...

П р а с к о в ь я П р о х о р о в н а. (*Повторяя тотъ же жестъ*). Развѣ съ нимъ сговоришь?...

П о р о ш е в ъ (*Усмѣхнулся*). Да каюсъ-же, говорю вамъ! Виновать я предъ Настасьей Алексѣвной, по вашему? да или нѣтъ?

(*Старики переглянулись.*)

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ. Какъ, дуся-милуся?... Вѣдь онъ не отъ злобы, а?... (*Рѣшительно*). Э, да чтѣ тутъ! Виновать.

П о р о ш е в ъ. А виновать,—прощенья буду просить. Зовите. Серiously, буду просить.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ. Зачѣмъ прощенья! а такъ... мирно, чтобы не ссориться... (*Зоветъ*). Настюша! Ужь и какъ же я на васъ люблюсь когда вы въ ладу-то живете! Сердце не нарадуется... А Настюша!...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ТЪ ЖЕ И НАСТЕНЬКА *(входитъ съ зонтикомъ и книгой, смотритъ вопрошительно).*

Алексѣй Данилычъ. Настюша, вотъ Андрюша...
гм....

Порошевъ. Простите, Настасья Алексѣевна.

Настенька. Чтò такое? Въ чемъ васъ простить?

Порошевъ *(обращаясь поочередно къ старичкамъ)*. Въ чемъ? Алексѣй Данилычъ, въ чемъ?

Алексѣй Данилычъ. Ахъ, какой же ты, братецъ!...
(То же жестомъ выражаетъ и Прасковья Прохорова.)

Настенька. Что же это олять нѣчто въ родѣ вашихъ тупыхъ насмѣшекъ?

Прасковья Прохорова *(тихо мужу)*. Оставимъ ихъ, палочка. Пусть!

Алексѣй Данилычъ *(также ей)*. И то! Пусть!

(Уходятъ оба продолжая разговоръ тихо и съ жестами.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ПОРОШЕВЪ, НАСТЕНЬКА и въ концѣ БАТВИНА.

Настенька. Послушайте, Андрей Ивановичъ! Вы, мнѣ кажется, слишкомъ ужъ много на себя берете. Почему - то вы считаете себя въ правѣ стоять надо мною съ указкой. Я вамъ рѣшительно заявляю что это меня бѣситъ. Что мы вмѣстѣ росли, дѣтymi друзьями были и что палаша съ мамашей сентиментальничаютъ на нашъ счетъ, такъ все это не даетъ вамъ права бѣситъ меня разными наставленіями и глупыми насмѣшками. Мечтанія палаша съ мамашей не имѣютъ для меня никакого значенія, понимаете ли: *ровно никакого значенія.*

Порошевъ. Понимаю.

Настенька. И отлично дѣлаете. Меня бѣситъ это готовое будущее, этотъ выборъ съ колыбели... Въ глазахъ моихъ стариковъ это, можетъ-быть, прекрасно, но въ моихъ глазахъ это не болѣе какъ смѣшно-сь.

Порошевъ. Жаль что вы не находите нужнымъ справиться какъ я смотрю на это „готовое будущее“, Настасья Алексеевна. Вы, какъ видно, полагаете что „сентиментальныя мечтанія“ вашихъ отца съ матерью и для меня такіе же сентиментальныя мечты. Съ высоты вашихъ совершенствъ нельзя допустить и сомнѣнія въ этомъ. Не такъ ли?

Настенька. Меня это нисколько не интересовало.

Порошевъ. Жаль. Не потому, конечно, что меня бы это интересовало особенно; меня тоже могло не интересовати: видите ли вы меня въ своемъ будущемъ, или нѣтъ; а жаль потому что вы избѣжали бы того ложнаго положенія въ которомъ сейчасъ находились. А сами знаете, къ лицу ли вамъ ложныя положенія!..

Настенька. Тѣмъ нелѣтѣ ваши кислыя мины.

Порошевъ. Которыя васъ такъ бѣсили. Отъ души желаю, Настасья Алексеевна, чтобы васъ ничто не бѣсило, когда моихъ кислыхъ минъ вы уже не увидите. Едва ли только сбудется мое желаніе, потому что васъ, кажется, все бѣситъ.

Настенька. Андрей Ивановичъ, васъ уже просили...

Порошевъ. Извините, это въ послѣдній разъ. Дѣйствительно, я былъ нелѣпъ со своими минами; теперь это ясно... виновато то дружеское чувство съ которымъ я привыкъ относиться къ вамъ, очень теплое и хорошее чувство, дорогое для меня, въ этомъ сознаюсь, но не желаніе вліять на ваше будущее въ смыслѣ какихъ-нибудь „сентиментальныхъ“ плановъ.

Настенька. И прекрасно! Надѣюсь что послѣ всего сказаннаго я буду избавлена отъ вашихъ дружескихъ попеченій, надѣюсь! (*Идетъ съ балконную дверь и сталкивается съ ней съ Батвиной.*) Ахъ... вотъ не ожидала!

Батвина. Почему же?. Здравствуйте моя хорошая!.. (*цѣлуетъ ее.*) Не мѣшаю ли?..

Настенька. О, нисколько!.. Извините, я пройдусь. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ПОРОШЕВЪ и БАТВИНА.

Батвина. Здравствуйте, Андрей Ивановичъ! Очень рада васъ видѣть. (*Рукопожатіе*) Чѣмъ вы огорчили это милое

дита?.. Ахъ какой же вы.. недобрый! Ха, ха, ха! Впрочемъ, милые бранятся—только тѣшатся. Маленькій раздоръ сблизаетъ ихъ еще тѣснѣе, чего отъ души вамъ желаю.

Порошевъ. Не совсѣмъ удачное сравненіе, Лидія Матвѣевна.

Батвина. Будто бы? Тѣмъ хуже для васъ обоихъ и для васъ въ особенноти.

Порошевъ. Да?

Батвина. Конечно! Еще спрашиваетъ... Ахъ какой вы!.. Настя такое прелестное существо, съ которымъ нельзя не быть счастливымъ.

Порошевъ. Съ которыхъ поръ вы въ свахи записались, Лидія Матвѣевна?

Батвина. Какой сердитый! Можно ли такъ раздражаться?! И вѣрно изъ лустяковъ, споръ, недоразумѣніе какое-нибудь... А на мой счетъ вы ошибаетесь: я не сваха, я радуюсь только со стороны на тѣхъ кто предназначенъ, созданы другъ для друга, кто...

Порошевъ. Ахъ пожалуста!..

Батвина (*съ покорнымъ видомъ*). Ну замолчу.

Порошевъ (*послѣ короткаго молчанія*). Вы говорите: изъ лустяковъ, недоразумѣнія... А если они на каждомъ шагу, если... Э, да мнѣ-то какое дѣло!

Батвина. Вотъ и не хорошо! У Насти такая нѣжная, теплая душа, такое чистое, доброе сердце...

Порошевъ. Ну-съ... кое въ чемъ можетъ-быть вы и ошибаетесь.

Батвина. Вы слишкомъ требовательны, Андрей Ивановичъ. Ужъ если въ Настѣ вы не признаете всѣмъ очевидныхъ достоинствъ, въ Настѣ! то какъ же послѣ этого смотрите на насъ-то, заурядныхъ, на жалкую посредственность...

Порошевъ. Не скромничайте, Лидія Матвѣевна...

Батвина. Нѣтъ, право... Я боюсь послѣ этого говорить съ вами. Быть въ вашихъ глазахъ смѣшною, каррикатурною можетъ-быть—это... это для меня болѣе чѣмъ непріятно. (*Будто хочетъ уйти.*)

Порошевъ. Жаль что я не въ такомъ настроеніи чтобы поддерживать вашъ шуточный тонъ.

Батвина. Но я говорю совершенно серьезно.

Порошевъ. Напрасно.

Батвина. Печему же напрасно?

Порошевъ. А очень просто: потому что мѣрка „жалкой посредственности“, мнѣ кажется, къ вамъ вовсе не идетъ.

Батвина. Андрей Ивановичъ, я на комплименты не напрашиваюсь и признаюсь—поражена что слышу ихъ отъ такого серьезнаго человѣка какъ вы.

Порошевъ. Но я и говорю серьезно.

(Настенька медленно всходитъ на балконъ.)

Батвина. Вы говорите серьезно... *(съ чувствомъ и крѣпко пожимая его руку)*. Я счастлива, если это серьезно. *(Эффектно уходитъ въ лѣвую дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ XI.

ПОРОШЕВЪ и НАСТЕНЬКА.

Настенька *(глядя вслѣдъ Батвиной, съ усмѣшкой)*. Наговорились?

Порошевъ *(молча окинувъ ее удивленными взглядами)*. Наговорились. *(Послѣ неловкаго молчанія беретъ за шляпу.)* Прощайте Настасья Алексѣевна! *(Съ поклономъ проходитъ въ балконную дверь.)*

Настенька. Прощайте. *(По его уходу)* Очень буду рада если отвяжется навсегда. *(У балконной двери и глядя въ садъ.)* Да!.. печальная встрѣча! ха, ха, ха!.. Такъ и знала что она устроить ему печальную встрѣчу! *(Сердито бросаетъ книгу на полъ и зонтикъ куда попало въ сторону.)* Какъ все это меня бѣситъ!..

ЯВЛЕНИЕ XII.

НАСТЕНЬКА и АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ *(вбѣгаетъ на стукъ)*.

Алексѣй Данилычъ. Что здѣсь?.. А, это ты, Настюша! Хе, хе! книжечку уронила, душевья? *(Нагибается и поднимаетъ книгу.)*

Настенька *(спѣла при входѣ отца вытянувшись на креслѣ и откинувъ голову на заложенныя назадъ руки)*. Говоритъ глядя въ потолокъ). Уронила.

Алексѣй Данилычъ (*пожсавает губами, вертитъ книгу въ рукахъ*). Должно-быть дурная книжечка... Дурная, а? (*Открывъ читаетъ*). Барыкина романъ... И хорошій этотъ писатель—Барыкинъ, душенька?..

Настенька. Что-о?..

Алексѣй Данилычъ. Барыкинъ, моля, хорошій овъ...

Настенька. Э, что это! охота вамъ, палаша, о пустякахъ говорить!

Алексѣй Данилычъ (*бережно кладетъ книгу, въ запышательствѣ*). Нѣтъ, это я такъ, Настюша... Барыкинъ... Слышалъ что-то, а что—не припомню... Гм... Ты, душенька, завтракать не хочешь ли? Я сейчасъ... (*Засыетилсь*.)

Настенька. Все у васъ ѣда, да ѣда на умъ! Не успеешь глаза продрать—ѣсть! часъ какой-нибудь пройдетъ—опять, тамъ опять...

Алексѣй Данилычъ. Нѣтъ, вѣдь я только такъ спросилъ... Гм... А Андрюша, душенька, гдѣ?

Настенька (*вскакивая, раздражительно*). Да почему я знаю гдѣ вашъ Андрюша! (*Шумно уходитъ въ правую дверь*.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ, потомъ БАТВИНА.

Алексѣй Данилычъ (*глядя на дверь, въ которую вышла дочь*). Христось съ тобою, моя дѣточка!.. Ужь здорова ли? (*Садится*.) Увидалъ бы кто, недоброю бы дѣвушкой обозвалъ... И неправда, сердце у ней доброе. (*Въ голосъ слезы*) Молодость! душа несложная, ну и бурлитъ... (*Утираетъ глаза*) А развѣ она насъ стариковъ не любитъ? (*Громя, съ жестами*) Эге! любить же, любить!.. (*Ударяя себя въ грудь*) Тутъ не ажетъ, у сердца свои очи есть. Глазами того не разглядишь что тѣ очи видятъ... Андрюша вотъ говоритъ: „цѣвнить мало“. А если не за что? хе-хе, если не за что цѣвнить-то?.. Тоже хорошъ! Самъ-то цѣвнить ли ея!? Э-эхъ, осудить легко, судиму быть трудно... И что у него за манера все фыркать! Овъ фыркаетъ, понятно и она фыркаетъ. Какъ же иначе? Этакъ бы и я сталъ фыркать, да!.. А хорошо еслибы Господь бракомъ ихъ благословилъ. Сложно бы умеръ тогда.

Батвина (*входя съ балкона*). А-а, здравствуйте, дорогой мой Алексѣй Давилычъ! Здоровы ли?

Алексѣй Давилычъ (*проворно встаетъ при первыхъ звукахъ ея голоса и радушно спѣшитъ на встрѣчу*). Вотъ какъ я радъ!.. А я тутъ съ Настюшей заболтался. Смѣху сколько было! Про Барыкина она мнѣ разказывала, что вотъ (*указываетъ на книгу*) романы лишетъ. И какъ, право, смѣшно, хе-хе-хе!.. Ну какъ вы?.. Тетенька здорова ли?

Батвина. Ничего. Все брюзжитъ на меня, Алексѣй Давилычъ.

Алексѣй Давилычъ. Быть не можетъ! На васъ-то? За что же на васъ брюзжать?

Батвина. Говорить что я ничего не дѣлаю, или—другими словами—даромъ хлѣбъ ѣмъ. Вы вѣдь знаете какая моя тетушка ворчунья. (*Серьозно, съ чувствомъ*) Сиротой не весело, Алексѣй Давилычъ!

Алексѣй Давилычъ. Не приведи Богъ! Но вѣдь какъ же вы ничего не дѣлаете? вѣдь въ Москвѣ же вотъ были—трудилась?

Батвина. О да, я тамъ много трудилась. Но... въ столицѣ только издали хорошо, а какъ проживешь тамъ... (*Заканчиваетъ жестомъ.*) Тамъ вѣдь трудно жить, Алексѣй Давилычъ.

Алексѣй Давилычъ. Конечно, конечно.

Батвина. Къ тому же тамъ... непріятность маленькая вышла... Но что объ этомъ! Люди вѣдь тамъ гораздо хуже чѣмъ здѣсь. Ну видѣла ли я тамъ отъ кого-нибудь подобіе такой ласки, такого сердечнаго участія, какъ въ вашей милой семьѣ!

Алексѣй Давилычъ. Ну вотъ, хе-хе! Что же мы-то?..

Батвина. Ахъ, что, Алексѣй Давилычъ! Простите, но скажу откровенно, отъ чистаго сердца, что васъ съ Праксковьей Прохоровной я въ какіе-нибудь два мѣсяца, какъ васъ знаю, полюбила такъ, такъ полюбила, какъ любятъ только отца съ матерью. Своихъ вѣдь родителей я не помню, маленькая сиротой осталась, но мнѣ кажется, къ нимъ моя привязанность не была бы сильнѣе.

Алексѣй Давилычъ (*трокнутый*). Ну вотъ спасибо, хе-хе-хе! (*цѣлуетъ ее въ голову.*) Какая же вы добрая дѣвушка!.. Очень, очень радъ...

Батвина. Вотъ я и хотѣла, Алексѣй Данилычъ, попросить вашего совѣта: ѣхать ли мнѣ опять въ Москву, или здѣсь поискать занятій, хоть въ городѣ?

Алексѣй Данилычъ. Зачѣмъ же въ Москву, если тамъ трудно такъ и люди дурные есть? Не зачѣмъ! Мы и здѣсь какъ-нибудь устроимся. Вотъ я брату Данила напишу, онъ многое можетъ сдѣлать, вліятель въ городѣ, да... Опять Андрияш; у него хорошее знакомство, очень хорошее. Онъ для васъ постарается....

Батвина. Да, Андрей Иванычъ, спасибо ему, относится сочувственно ко мнѣ. Жаль вотъ что уѣзжаетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТЪ ЖЕ и НАСТЕНЬКА.

Настенька (*входя слышала послѣднія слова*). Кто уѣзжаетъ?

Батвина. Андрей Иванычъ.

Алексѣй Данилычъ. Зачѣмъ же? куда?

Настенька. Ахъ, лалаша, почему же Лидія Матвѣевна знаетъ *зачѣмъ* уѣзжаетъ Андрей Иванычъ! Странный вопросъ!

Батвина (*съ усмѣшкой прикусивъ губу, потупляется и молчитъ*).

Алексѣй Данилычъ. Да, да, душенька... А ты знаешь?

Настенька (*пожавъ плечами*). Если я не знала что ему угодно уѣхать, то могу ли я знать *зачѣмъ* онъ уѣхалъ! (*Алексѣй Данилычъ очень сконфузень.*)

Батвина (*не поднимая глазъ*). Андрей Ивановичъ думаетъ ѣхать въ свое полтавское имѣніе чтобы смѣнить управляющаго, у котораго большія упущенія, и вообще все устроить тамъ.

(*Настенька, бросивъ на Лидію выразительный взглядъ, молча уходитъ въ львую дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТЪ ЖЕ, безъ НАСТЕНЬКИ.

Алексѣй Данилычъ. Въ полтавское... далеконько!

Батвина. Можетъ-быть Андрей Иванычъ потому такъ озбочень дѣлами что готовится вступить въ семейную жизнь.

Алексѣй Данилычъ. Умно сказано! *(Вставъ съ присѣвшимъ лицомъ.)* Хе-хе, чрезвычайно умно! *(Прошепсая.)*

Батвина *(улыбнулась про себя).* Ну, какъ ваши голубки поживаютъ?

Алексѣй Данилычъ. Турмана-то? О, выгонялъ отлично, такіе кувыркасы задаютъ!... Да пойдемъ ихъ погояемъ, хотите?

Батвина. Ахъ пожалуста! я такъ люблю смотрѣть какъ они кувыркаются!

Алексѣй Данилычъ. О-о мы ихъ сейчасъ! *(Бѣжитъ къ балкону и, обернувшись, таинственно:)* двѣ голубки на яйцахъ сидятъ, хе-хе-хе!...

(Въ восторгъ махнулъ рукой и убѣгаетъ. Батвина слѣдуетъ за нимъ, со сдержанною улыбкой.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ и ПРАСКОВЬЯ ПРОХОРОВНА *(выходятъ изъ лѣвой двери; первый впереди).*

Прасковья Прохоровна. Вотъ спасибо, братецъ, что вспомнили насъ со старичкомъ.... Рѣдкій вы гость.

Данила Данилычъ. А сами ко мнѣ часто жалуете? Почти подъ городомъ живете, а когда тамъ были? *(Садится развалиясь на диванъ.)*

Прасковья Прохоровна *(тоже садится, но держится съ нѣкоторымъ почтеніемъ).* Правда, давненько не была. Да вѣдь у васъ тамъ шумно, суетно, людно очень, братецъ. Я какъ въ городъ, такъ отъ головы валяюсь. И старичокъ мой, если заѣдетъ туда, только и думаетъ какъ бы домой поскорѣе.

Данила Данилычъ. Ну да, заисли вы въ своихъ Дулкахъ, ихомъ поросли, ха-ха!... Чтò Алексѣй?

Прасковья Прохоровна. Слава Богу! Сейчасъ отыщутъ, послала сказать кого Богъ послалъ.... И радъ же какъ будетъ!... *(Послѣ молчанія, въ продолженіе котораго Данила Данилычъ закуриваетъ сигару.)* Вы, братецъ, яблочный пирогъ со сливками станете кушать?... или, можетъ-быть, вафли лучше?

Данила Данилычъ *(небрежно).* А мнѣ право все

равно... Принцесса ваша какъ? (*Входящей Настя*) А, да вотъ и она! Здравствуй, душа моя! (*Тяжело поднявшись, дѣлаетъ ей навстрѣчу шага два.*)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТЪ ЖЕ и НАСТЕНЬКА.

Настенька (*холодно*). Здравствуйте дядя! (*Пожатіемъ руки ловко предупреждаетъ болѣе нѣжное привѣтствіе.*)

Данила Данилычъ (*опускаясь на диванъ*). По обыкновенію не въ духѣ, э?

Настенька. Расположеніе моего духа зависитъ отъ окружающихъ. (*Садится поодаль, съ равнодушнымъ видомъ.*)

Данила Данилычъ. Тѣкъ-съ!

Прасковья Прохоровна. Настенька недавно васъ вспоминала, братецъ.... хорошо бы, говорила, къ дядѣ провѣхаться.

Данила Данилычъ. Не-у-же-ли?

Настенька. Мамаша ослышалась.

Прасковья Прохоровна (*потерянно*). Какъ же Настюша....

Настенька (*перебивая*). Да такъ же, мамочка, очень просто: я говорила что въ городѣ надо бы съѣздить, но и только. Конечно дядю я всегда рада видѣть, но... въ тотъ разъ вы ослышались.

Данила Данилычъ. Дѣло въ томъ, милая моя Прасковья Прохоровна, что я не имѣю счастья пользоваться расположеніемъ Настасьи Алексѣевны. Конечно я объ этомъ сердечно скорблю, ха-ха!.. но... но насильно милъ не будешь. Не такъ ли, дорогая племянница?

Настенька. Пословица такъ же вѣрна, какъ стара.

Данила Данилычъ (*Прасковью Прохоровну*). Вотъ видите: на чтѣ яснѣе и остроумнѣе.

Прасковья Прохоровна. Да вѣтъ же, вѣтъ, братецъ! Она васъ любитъ, она всѣхъ васъ очень любитъ, а такъ.... скажетъ иной разъ.... (*Почти со слезами.*) Ахъ, Настюша!

Настенька. Чтѣ вы, мамочка! я только про пословицу.... Вольно же выводить изъ этого какія-то особенныя

заключенія... Поэтому, право, я не вижу никакой необходимости защищать мои вѣжныя чувства, никакой необходимости.

Прасковья Прохоровна. Но какъ же...

Данила Данилычъ. Оставьте, оставьте, Прасковья Прохоровна. И какія теперь вѣжныя чувства! Возьмите хоть моего оболтуса Володьку. Ну какія у него вѣжныя чувства?

Настенька *(въ сторону)*. Гм, лестное сравненіе!

Данила Данилычъ. Кто онъ? подростокъ, щенокъ, а по глазамъ вижу что мое наслѣдство считаетъ; и умри я— радехонекъ будетъ, разбойникъ.

Настенька *(встаетъ въ негодованіи)*. Послушайте, дядя, ваше сравненіе слишкомъ ужь грубо, позвольте вамъ это замѣтить. Я не знаю, считаетъ ли ваше наслѣдство вашъ сынъ; мнѣ очень жаль, что у васъ такой дурной сынъ, если такъ; но его чувствами къ вамъ объяснять мои чувства не только оскорбительно, но даже, извините меня, не умно.

Прасковья Прохоровна *(встала, жестами останавливая дочь)*. Настя, голубушка!...

Настенька. Позвольте, мамаша. Мнѣ не разъ приходилось выслушивать отъ дяди подобныя любезности; ему почему-то пріятно выводить меня изъ терпѣнія; такъ дайте мнѣ хоть разъ высказаться....

Прасковья Прохоровна *(прерывая)*. Настенька, милая, прошу тебя!...

Настенька *(поглядѣла на мать долгимъ взездомъ и поуплывала)*. Ну, не буду. *(Пристально вглядываясь въ ея лицо)*. Что это у васъ, мамочка, такъ лицо горитъ? *(Прикладываетъ руку къ ея лбу, заботливо)* и жаръ?... Ужь не я ли, глупая, разстроила васъ?

Прасковья Прохоровна. Нѣтъ, Настюша, нѣтъ, мой ангель.... *(Данилъ Данилычу)* Право, братецъ, она добрая, только горяча.

Данила Данилычъ *(издаетъ скептическое мычаніе и насмѣшливо наблюдаетъ ихъ)*.

Настенька. Болитъ голова?

Прасковья Прохоровна. Побаливаетъ. Да это ничего, пустяки. Капустными листьями обложу и пройдетъ. *(Къ Данилъ Данилычу)*. И такъ нездоровилось, а сегодня

вслотѣвши въ погребъ влетѣла; охватило немножко, сыро у насъ тамъ.

Данила Данилычъ. Эге, это вы напрасно дѣлаете, Прасковья Прохоровна! въ другой разъ ваша храбрость можетъ кончиться худо. И зачѣмъ вамъ самой въ погребъ, когда у васъ полонъ дворъ людьми набить!?

Настенька. Въ самомъ дѣлѣ, мамочка, зачѣмъ вы туда ходили?

Прасковья Прохоровна. Ходила-то зачѣмъ? Гм! словочекъ тебѣ дочурочка достать. Вѣдь Тарасовна о сю лору не отыскалась, пролади она проладомъ, съ нею и ключъ гуляетъ. Ну я подобрала одинъ, да сама поскорѣй...

Настенька. Эхъ мамочка, мамочка, можно ли такія вещи дѣлать!

Данила Данилычъ. Д-да, не слѣдовало бы! Баловство довольно безразсудное и для тѣхъ кто имъ пользуется, нельзя сказать чтобъ очень похвальное.

Настенька. Подите-ка прилягте!..

Прасковья Прохоровна. И, Богъ съ тобой! отъ всякихъ лустяковъ ложиться, когда же на ногахъ быть?

Настенька. Дядя извинить, пойдемте-ка, милая мамочка!

Данила Данилычъ. Резонъ. Пожалуста, Прасковья Прохоровна... *(Подъымается.)* А я въ садъ пройдуся, вѣрно брата встрѣчу.

Прасковья Прохоровна. Ну ужъ дѣлать нечего, если укладываете. *(Идетъ съ дочерью къ лѣвой двери.)* А напрасно, право напрасно! Сейчасъ хрѣнь къ затылку, и какъ рукой сниметь. *(Уходятъ оба.)*

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ.

Ну и зелье! То-есть еслибъ эту дѣвку да въ мои руки, вотъ бы вышколоилъ! такихъ бы ей *словочекъ* поднесъ что всю жизнь бы помнила! Ты ей слово, она тебѣ тридцать!... Тфу!... А эти-то, матушка дура съ батюшкой сахаръ-медовичемъ, чуть не молятся на нее!... *(Въ балконную дверь вы-*

день *Алексѣй Данилычъ съ шестомъ, на концѣ котораго навязана тряпка; онъ гоняетъ турмановъ.*) Вотъ онъ! Хорошъ голубятникъ!.. *(Выходя на балконъ.)* Здравствуй братъ!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ, АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ и за нимъ БАТВИНА.

Алексѣй Данилычъ *(при восклицаніи брата, остановился, пораженный неожиданностью, потомъ бросивъ шестъ, бѣжитъ съ распростертыми объятіями и бросается брату на шею).* Братецъ! голубчикъ! *(Цѣлуетъ его.)* Давно ли?... И никто мнѣ не скажетъ!... Миленькій! *(Цѣлуетъ.)*

Данила Данилычъ. Ха, ха! Ну полно же, полно! *(Освобождается изъ объятий.)*

Алексѣй Данилычъ. Какъ же я радъ-то!... А дуся-милуся, Настенька, гдѣ же онъ?..

Данила Данилычъ. Видѣлся, видѣлся, и съ сестрой, и съ племянницей видѣлся. Успокойся. *(Тихо указывая взглядомъ на Батвину, скромно вошедшую вслѣдъ за Алексѣемъ Данилычемъ.)* Это же у тебя кто?

Алексѣй Данилычъ *(тихо).* А, а, прелестная, братецъ!... *(Громко)* Вотъ какъ отлично! Лидія Матвѣевна, мы съ вами только-что говорили о братѣ, а вотъ и онъ.... Рекомендую.

Батвина *(протягивая руку Данилѣ Данилычу).* Очень, очень рада познакомиться съ вами, Данила Данилычъ.

Данила Данилычъ *(расшириваясь).* Совершенно взаимно, сударыня.

Алексѣй Данилычъ. Ну вотъ и отлично!... Ахъ ты, мой милый! *(Опять обнимаетъ брата.)* Купать не хочешь ли? Чего тебѣ? приказывай.... *(Бѣжитъ къ лѣвой двери.)* Дуся-милуся!

Данила Данилычъ *(удерживая его).* Да постой, не суетись, сдѣлай милость! *(Сажаетъ его.)* Ничего не хочу. Дома позавтракалъ, а на счетъ обѣда тутъ ужъ были разговоры... яблочный пирогъ, вафли.

Алексѣй Данилычъ. Хе, хе, хе! какъ это все хорошо... и какъ я радъ!.. Ну, какъ поживаешь?

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Я ничего, а ты все съ бями?...

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь. О, я все съ ними во хе, хе, хе! Ну, братъ, какой у меня турманъ одишь бѣлый, съ золотистою рябью, и какіе кувырѣасы за красавецъ какой! (*Вскакиваетъ.*) Хочешь показать при

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь (*усаживая его*). Нѣтъ уж жалуста! Тебя мнѣ пріятнѣе видѣть.

Б а т в и н а. Дѣйствительно, это замѣчательный...
Вообще премило и уморительно какъ они кувырѣаютъ!

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь. Вотъ, вотъ!... И какъ съ барышней ихъ голяли...

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь (*любезно*). А вы любите гол Лидія....

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь. Матвѣевна.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Лидія Матвѣевна?

Б а т в и н а. Ахъ, они такіе миленькіе!

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь (*въ сторону*). Вотъ ты, такъ ствительно миленькая. (*Брату.*) Гм! Ты говоришь, в съ Лидіей Матвѣвной голубями угѣшался?

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь. Да, да, какъ же, вмѣствѣ!

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. И тебя могли занимать голубями?

Б а т в и н а (*потупляется*).

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь (*наивно*). А что?

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Ха, ха, ха! Ну на это, отвѣчать не стану. Я... я бы не могъ.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь (*пожсвалъ губами въ разду*). Да, но ты голубей не любишь, ты ихъ только въ ластъ Хе, хе, хе!

Б а т в и н а (*скромно*). Данила Данилычъ намекаетъ другую причину.... Это очень тонкая любезность, но...

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Смѣю васъ увѣрить судя что это истина.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь. О чемъ вы?... Не лон...

Б а т в и н а. Только не о голубяхъ.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Ха, ха, ха! именно толь о голубяхъ. И какъ привлекательны въ молодыхъ ос эта игривость ума, эта... смѣлость тона, эта, такъ-ска...

Б а т в и н а. Все это является невольнымъ отвѣтомъ зывается... все это не больше какъ эхо чужаго голоса

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь (сз сторону). Бѣдовая штука! (Батвиной) Польщень-съ. Но вѣдь иногда голосъ вопіеть въ пустынь?

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь. Послушайте, господа: о чемъ имъ? Что-то ужь очень мудро, и про пустыню....

(Батвина и Данила Данилычъ хохочутъ.)

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Я очень тебѣ признателенъ, братъ, что ты познакомилъ меня съ такою особой какъ Лидія Матвѣевна. (Батвиной.) Я старикъ, поэтому могу позволить себѣ откровенность. Признаюсь, сударыня, что въ средѣ нынѣшней молодежи такое, можно сказать, исключеніе, какъ я имѣлъ удовольствіе встрѣтить въ васъ, также рѣдко какъ алмазъ чистѣйшей воды.

Б а т в и н а (сз сторону). Хоть пошло, за то выразительно.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь. Да, да. Лидія Матвѣевна достойная, добрая... (Батвиной.) Хе, хе, намъ старикамъ правду-матку можно и въ глаза сказать, да.

Б а т в и н а (кажется очень разтроганною). Ваши слова, господа, трогаютъ меня до глубины души. Благодарю васъ. Я жизнью не избалована, напротивъ, она очень сурова ко мнѣ. Другимъ она даетъ и семью, и счастье, и довольство, словомъ все, на мою же долю выпадаетъ лишь горе, да трудъ.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ь (тронутъ). Ахъ, вотъ, братецъ!... Не можешь ли ты приискать Лидіи Матвѣевнѣ какія-нибудь занятія, мѣсто... понимаешь ли, къ хорошимъ людямъ, а?

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Съ удовольствіемъ, какъ не найти!

Б а т в и н а. Да, я бы васъ очень просила, Данила Данилычъ....

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. И не просите! Развѣ можно чего-нибудь не сдѣлать для васъ? (Подумавъ.) Да вотъ что. Дочь моя маленька, но подростетъ, а между тѣмъ не возьметесь ли призаняться съ моимъ сыномъ? Его надо пристроить куда-нибудь. Правда, онъ оболтусъ большой, дурной мальчишка; но вы, съ вашимъ умомъ, надѣюсь.... Главное приберите его къ рукамъ.

Б а т в и а. По моимъ познаніямъ я бы могла... но такая отвѣтственность....

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ. И, Боже мой, что такое! Прости, проси, братъ Лидію Матвѣевну.... Отлично! И ей у тебя хорошо будетъ, и Володѣ твоему хорошо, и всѣмъ хорошо.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ. Надѣюсь... А то что я вдовецъ, полагаю, не можетъ помѣшать Лидію Матвѣевнѣ поселиться у меня, такъ какъ я уже въ такихъ лѣтахъ... и, наконецъ, въ домѣ у меня хозяйничаетъ родственница....

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ. Что скажетъ! экій ты, братецъ, шутникъ! Нечего его слушать, Лидія Матвѣевна; соглашайтесь и дѣлайте конецъ.

Б а т в и а. Я съ удовольствіемъ, если только....

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ ЖЕ и НАСТЕНЬКА.

Н а с т е н ь к а (*тревожно*). Палаша, а вѣдь мамочка-то очень больна. Надо за докторомъ.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ (*вскакивая*). Что?.. какъ?.. кто боленъ?.. ради Господа, кто?.. что?..

Н а с т е н ь к а. Мамаша, мамаша больна. Только не лугайтесь, и сейчасъ же шлите за докторомъ.

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ъ (*всплеснувъ руками*). Батюшки, вотъ горе-то! (*Потерянный бѣжитъ въ дверь въ сопровожденіи дочери.*)

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ (*въ сторону*). Вотъ тѣ и слювочки!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена: комната АЛЕКСѢЯ ДАНИЛЫЧА во фангеаѣ при домѣ ДАНИЛЫ ДАНИЛЫЧА. Полнялыя обои, подержанная мебель, выдѣтшій, мѣстами протертый коверъ на полу. Налѣво, не плотно къ стѣнѣ, клеенчатый спальнй диванъ, на немъ подушка; направо, въ простѣнкѣ между окнами, письменный столъ; въ правомъ заднемъ углу шкафъ. Двери: въ задней стѣнѣ въ прихожую, налѣво въ комнату Настеньки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Пок ой н и ков ъ (сидитъ у стола на полу. Около него нѣсколько бумажекъ и птучковъ, какіе обыкновенно дѣлаютъ дѣтямъ. Глубокомысленно занятъ складываньемъ изъ красной бумаги птучка большаго размѣра). Осанистый!... Ну вы! почтеніе! (Преклоняетъ предъ большимъ нѣсколько маленькиѣхъ птучковъ.) Этотъ Данила Данилычъ, а вы всѣ предъ намъ Дѣмки. (Проворно подбѣгаетъ къ одной, потомъ къ другой двери, заглядываетъ, прислушивается и успокоенный выходитъ на середину сцены.) Какъ Данила Данилычъ ходитъ? (принимаетъ осанистый видъ, взбиваетъ холки и важно рассказываетъ. Подражая голосу Данилы Данилыча:) Демка! поди сюда! Ты какъ смѣлъ колотить мою собаку, а?! (своимъ голосомъ, робко:) Я не билъ, Данила Данилычъ, я оттолкнулъ-съ... Меня Володичка притравилъ; собака меня грызть, а я только оттолкнулъ. (Опять подражаетъ Данилѣ Данилычу.) Врешь, негодяй! (Размахивается, даетъ по воздуху пощечину.) Бьютъ!.. покорно благодарю... чувствую... цѣню! (Плачетъ) Благодарѣтель... отецъ родной!.. (Нѣсколько быстрыѣхъ шаговъ впередъ, со мгновенно измѣнившимся лицомъ) Сатана! (Заслышавъ шаги, вздрагиваетъ и испуганно и торопливо прячетъ птучковъ въ карманы.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОКОЙНИКОВЪ и ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ.

Данила Данилычъ. Ты здѣсь зачѣмъ?

Пок ой н и ков ъ. Я... я-съ, Данила Данилычъ.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ. И опять лѣтухи?! (*Вытаскиваетъ изъ его кармана краснаго пѣтуха.*) Вѣдь было тебѣ говорено чтобы не смѣлъ изводить бумагу на эти глупости! Дурракъ!.. Чтò ни попало тащить: наемни почтовую лѣвѣстку въ лѣтуха свернулъ. Искали, искали—гдѣ? У Демки въ лѣтухахъ... Вотъ у Лидіи Матвѣевны со стола счетъ отъ портнихи пропалъ. Ты изволилъ стянуть? Отвѣчай!

П о к о й н и к о в ъ. Н-нѣтъ-съ, Данила Данилычъ, я не бралъ-съ.. ей-Богу-съ... я не буду, Данила Данилычъ, я никогда не буду-съ.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ. (*Бросаетъ ему пѣтуха въ лицо.*) Дурракъ! Гдѣ братъ?

П о к о й н и к о в ъ. В-вышли-съ... они..

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ. Какъ? куда?.. Приказано тебѣ докладывать какъ только Алексѣй за шалку, приказано или нѣтъ?. Да говори же, олухъ! Какъ же ты видишь что братъ уходитъ, какъ же ты смѣлъ мнѣ не сказать, а? (*Повертываетъ его за плечи и толкаетъ въ дверь.*) Сейчас разыскать!.. Стой! Куда тебѣ дураку, самъ пропадешь! Пошелъ въ домъ! (*Покройниковъ убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ и потомъ БАТВИНА.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ (*ходитъ по сценѣ*). Вотъ коммиссія еще съ братцемъ любезнымъ! Куда-то изъ дому исчезать повадился. Пропадетъ и нѣтъ его; часъ, другой, полъ дня нѣтъ! Притащится еше живехонекъ. Гдѣ былъ? (*Разслабленно передразнивая брата*) „Гулалъ“.. Тфу!.. Нѣтъ, надо прослѣдить, а то чего добраго уйдетъ, да и не воротится. И вѣдь ухитряется же всякій разъ улизнуть такъ что никто не замѣтитъ!.. Совсѣмъ слятилъ! Прежде хорошъ былъ, а какъ схоронилъ жену, изъ рукъ вонъ чтò съ нимъ случилось.

Б а т в и н а (*входитъ*). Я-то васъ ищу, ищу, а вы вотъ гдѣ! И, кажется, изволили прогуляться сюда во флигель въ одномъ сертучкѣ? По такому-то холоду! Хорошъ!

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ. Ворчунья. И все-то она меня журить, все журить. Съ открытою форточкой спать не смѣй—простудишься, послѣ чаю выходить не смѣй—горло заболитъ,

жирнаго кушать не могу—желудочекъ разстроится. Ха, ха, ха! Ну что жь, и простужусь, и заболѣю... Что за бѣда?

Батвина. Глулости вы говорите, Данила Данилычъ.

Данила Данилычъ. Почему же васъ все это заботить, милая моя Лидія Матвѣевна?

Батвина. Почему бы ни заботило, но заботить, и съ васъ достаточно.

Данила Данилычъ. Нѣтъ, однако? Человѣколюбіе?

Батвина. Послушайте, если вы будете приставать ко мнѣ съ глулыми разспросами, то я на васъ не шута разсержусь.

Данила Данилычъ. Ха, ха, ха! и сейчасъ крутыя мѣры!.. Какая сердитая! А за ушко!.. *(Беретъ ее за кончикъ уха.)*

Батвина *(отстраняясь, бьетъ его по рукамъ)*. Осмѣльтесь только!

Данила Данилычъ. А прехорошенькое, преапетитное ушко: маленькое, розовенькое, прелесть.

Батвина. Которое тѣмъ не менѣе терпѣть не можетъ слушать ваши глулости... Человѣколюбіе! Что это такое? Что-то въ родѣ животволюбія, въ родѣ того какъ вашъ братъ раскисаетъ предъ каждою голодною собакой и готовъ слуститься въ помойную яму спасать закинутого котенка. Слущкомъ сентиментально и мнѣ не къ лицу.

Данила Данилычъ. Ха, ха, ха!

Батвина. Да право.

Данила Данилычъ. Экая вы у меня бѣдовая штучка. *(Беретъ ея руку и помявъ ее своими пальцами и долго цѣлуетъ.)*

Батвина. Другое дѣло, не оставлай васъ ваша благовѣрная супруга, ну тогда...

Данила Данилычъ. Что жь тогда?

Батвина. Ахъ, понятно что: тогда бы вы были окружены заботами, любовью...

Данила Данилычъ. Ну-съ что касается жемы, то она на этотъ счетъ была другихъ мнѣній.

Батвина. Тѣмъ хуже для нея.

Данила Данилычъ. Ну, а вы то, вы... находите меня достойнымъ и поощеній и любви, а?

Батвина. Ахъ Боже мой! что вы сегодня ко мнѣ пристали, Данила Данилычъ?

Давила Давилычъ. Ну говорю же что бѣдовая штучка! (*Опять хочетъ уловить ея ручки; но входящій поваръ помѣшалъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ и ПОВАРЪ.

Давила Давилычъ. Тебѣ что?

Поваръ. Я-съ барышню спросить... (*Батвиной*) Алексѣю Даниловичу прикажете говяжій бульйонъ, или изъ курицы-съ? Дарья Ивановна говорила курицу-съ... Покупать надо; такъ какъ прикажете?

Батвина (*Даниль Данилычу*). Какъ?

Давила Давилычъ. Ахъ, сдѣлайте милость, какъ хотите!

Батвина (*повару*). За курицей теперь идти некому, да и поздно. Говежій бульйонъ.

Поваръ. Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ безъ ПОВАРА.

Давила Давилычъ. А куда это Алексѣй пропалъ опять? Меня начинаетъ это безлокоить. Надо бы поискать.

Батвина. И охота вамъ съ нимъ... удивляюсь! Ну одинъ бы остался, еще на дѣло было бы похоже, а то дочь...

Давила Давилычъ. Ахъ вѣтъ, вѣтъ, не говорите такъ: *нужно*. И куда онъ сбѣгаетъ—чортъ знаетъ.

Батвина (*подумавъ и съ усмѣшкой*): Знаете онъ гдѣ?

Давила Давилычъ. Гдѣ?

Батвина. Онъ вѣдь въ эгегическомъ настроеніи, а эгегія любить ютится подъ сѣнью могильныхъ крестовъ, орошать слезами надгробныя насыли и усыпать ихъ цвѣтами. Я почти увѣрена что онъ терзается надъ прахомъ своей незабвенной Прасковьи Прохоровны.

Давила Давилычъ. А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! Удивительная догадливость, провицательность... Словомъ, вы просто прелестъ что такое! Дайте разцѣловать за это ваши крошечныя рученочки. (*Цѣлуетъ ея руки попрежнемю.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ и ВОЛЬДЕМАРЪ (*входитъ незаметный*).

Батвина. Однако вы слишкомъ часто находите предлоги для этихъ вѣжностей...

Вольдемаръ. Совершенно справедливо.

Данила Данилычъ (*отступая отъ Батвиной*). Ка-акъ ты? Чтò тебѣ?

Вольдемаръ (*выходитъ на середину, заложивъ руки въ карманы*). Многоуважаемый и достопочтеннѣйшій лапахень! Я не соперникъ и поэтому не смущайтесь.

Батвина. Какъ это глупо Вольдемаръ!

Данила Данилычъ (*Батвиной*). Пожалуста намывайте ему хорошенько голову, а я съѣзжу туда. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

БАТВИНА и ВОЛЬДЕМАРЪ.

Вольдемаръ (*наклоняетъ предъ ней голову*). Извольте-съ.

Батвина. Чтò?

Вольдемаръ. Мыльте.

Батвина. Ха-ха-ха! Противный, дрянной!.. (*Деретъ его за волосы*.)

Вольдемаръ. О-о, за такую дерзость... (*обнимаетъ и цѣлуетъ ее*.)

Батвина (*вырываясь и строго*). Вольдемаръ, не забываться!

Вольдемаръ (*патетично, съ иронией*). Въ твоихъ объятяхъ, о прекрасная, не забыться невозможно!

Батвина (*съ сожалѣніемъ качая головой*). Чтò только изъ васъ выйдетъ.

Вольдемаръ. Конечно не такая *блѣдовая штука* какъ вы, чортъ возьми! И какіе у моего лапахена остроумные эпитеты! (*Закуриваетъ папиросу и протягиваетъ ей портъ-сигаръ*.) Хотите?

Батвина. Вамъ, кажется, запрещено курить, Владиміръ Данилычъ.

Вольдемаръ. „Запретный плодъ намъ подавай, а безъ того намъ рай не въ рай.“ Знаете слова поэта?.. Родитель, кажется, такихъ же мнѣній относительно *одной особы*, а?

Батвина (*напѣревается уйти*). Какія пошлости!

Вольдемаръ (*бѣжитъ и удерживаетъ ее за талию*). Шерочка, шерочка, куда-же вы?

Батвина (*сбрасывая съ талии его руку*). Я думала что вы гораздо умѣе и порядочнѣй, Вольдемаръ. Дружескія отношенія къ вамъ невозможны.

Вольдемаръ. Да постоите же, сдѣлайте милость! и къ чему этотъ тонъ! Если вы такая душка что палахенъ съ наслажденіемъ подставляетъ лысину подъ вашъ прелестный башмачекъ, то нисколько не удивительно что ваши прелести ослабляютъ глаза мнѣ.

Батвина. Которые должны смотрѣть въ учебникъ.

Вольдемаръ. Э, къ чортѣ учебникъ!

Батвина (*сидя на диванѣ, серьезно*). Слушайте, Вольдемаръ. Васъ отдали здѣсь въ пансіонъ Карнута и выгнали изъ него.

Вольдемаръ. Выгнали (*накидываетъ ринсе-нез и задежигъ руки съ карманъ, раскачивается на носкахъ*).

Батвина. Потомъ васъ отвезли въ Москву въ училище и оттуда исключили.

Вольдемаръ. Исключили. Дальше-съ.

Батвина. Потомъ васъ съ большимъ трудомъ упрятали въ гимназію, и оттуда также попросили удалиться.

Вольдемаръ. Совершенно вѣрно-съ. И что жъ изъ этого? Изъ этого слѣдуетъ что я возвратился къ своимъ певатамъ.

Батвина. Слѣдуетъ что вы мальчикъ котораго нигдѣ не хотятъ терпѣть, который отцу своему причинилъ столько заботъ, столько огорченій....

Вольдемаръ (*сидя рядомъ*). Но, mon Dieu, вы его утѣшите, вотъ и все. Хоть вы, такъ-сказать, мой менторъ, но, шерочка, прошу: предоставьте меня моей судьбѣ, или вѣтъ, умоляю (*склоняется къ ней*), согрѣйте ее лучами вашихъ взоровъ, лобзаніями вашихъ прелестныхъ устъ, иначе чортъ возми, я взорву такую мину, отъ которой въ дребезги разлетится наше семейное благополучіе! понимаете? или—прострѣлю себя въ грудь. Знаете есть лѣсня: „Коль я тебѣ не ло вдраву, прострѣли ты грудь мою“. Вотъ и вы

берите листоль и палите мнѣ прямо въ „сежде“. Такъ говорилъ въ училищѣ преподаватель русскаго языка. Такая дубина! Мы называли его „колченогимъ“. Ха, ха, ха! *(Положивъ голову къ ней на плечо, засматриваетъ въ глаза и ловитъ ея руку.)*

Батвина *(усмѣлаясь и не противясь)*. Шуть!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ПОКОЙНИКОВЪ и потомъ НАСТЕНЬКА.

Покойниковъ *(осторожно выглядываетъ въ дверь)*.

Вольдемаръ *(обернулся, подбѣгаетъ къ нему, вытаскиваетъ его на средину комнаты, кружитъ съ хохотомъ, потомъ даетъ подзатыльникъ и бѣжитъ вонъ, но въ дверяхъ налетаетъ на Настеньку; расшаркивается съ низкими поклонами, давая ей дорогу)*. Ma cousine! *(Напыщенно.)* Не могу выразить какъ я счастливъ имѣя удовольствіе васъ видѣть! Величавая холодность ваша превратитъ въ ледышку всякое сердце. *(Настенька молча оборачивается и спокойно глядитъ на Вольдемара. Онъ съ хохотомъ убѣгаетъ, по пути задвывая Покойникова, который забивается въ уголъ, приглаживая вздерошенные волосы.)*

Настенька *(озираясь)*. Гдѣ же палаша?

Батвина. Исчезъ опять. Данила Данилычъ ловхаль его отыскивать. Онъ того мнѣнія что вамъ не мѣшало бы присматривать за отцомъ, который взялъ странную привычку куда-то исчезать.

Настенька. Свое мнѣніе дядя можетъ мнѣ самъ высказать. *(Поспѣшно направляясь къ двери.)* Боже, гдѣ-же мнѣ его искать!? *(Уходитъ.)*

Батвина *(проводитъ ее взглядомъ полнымъ ненависти)*. Удивляюсь, чѣмъ могъ въ ней прельститься Порошевъ!.. А еслибъ не она, о, какой бы блестящій путь въ жизни открыла я себѣ!.. Впрочемъ, еще увидимъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Покойниковъ. Ха, ха, ха, ха!... Весело! очень весело!... *(Задумчиво)* Другіе не видятъ что видитъ бѣдный Демка... Никому не замѣтно, а начнеть глядѣть Демка, что видитъ?

Ухъ что онъ видитъ!... *(Содрагается.)* Лицо зеленое, глаза на выкатъ, на губахъ пѣна, зубы скрежещутъ, волосы дыбомъ... Страшно!.. Страшно!.. Здѣсь сейчасъ было, здѣсь, здѣсь, здѣсь!.. *(Въ трепетъ закрываетъ руками лицо. Отняла руки прислушиваясь, вздрогнулъ встѣлъ тѣломъ.)* Идутъ! *(Бросается въ сосѣдную комнату.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ *сводитъ подъ руки* АЛЕКСѢЯ ДАНИЛЫЧА *еле передвигающаго ноги, въ загрязненномъ платьѣ.*

Д а н и л а Д а н и л ы ч ѣ. Ты, братъ, этого не дѣлай впереди. Какъ же можно въ такой холодъ на кладбищѣ на мокрой землѣ валяться! *(Усаживаетъ его на диванъ.)* Ну погляди на кого ты ложишь. Измокъ, перелачкался, не хорошо! Этакъ и простудится не долго. Ну жаль, умерла, что же дѣлать! Пожили, слава Богу! тридцать лѣтъ, кажется, вмѣстѣ жили, а?

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ѣ. Безъ двухъ недѣль тридцать... двухъ недѣль голубушка не дождала. *(Смахиваетъ слезу.)*

Д а н и л а Д а н и л ы ч ѣ. Полю же, полю! Будь муцунной... А на кладбище прошу больше не бѣгать. Вѣдь не воротитишь! Самъ посуди: хорошо ли, такой почтенный старикъ, какъ ты, вдругъ на могилѣ валяется, ну плачетъ тамъ, причитаетъ, а тутъ чужой народъ. За льянаго сочтутъ. И зачѣмъ ты свою Прасковью Прохоровну похоронилъ здѣсь, въ городѣ, а не у себя въ Лилкахъ?

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ѣ. А сыночекъ-то у насъ здѣсь лежитъ... Вѣдь у насъ сынокъ былъ, Боренька; не помнишь?.. Да, ты вѣдь не здѣсь служилъ тогда... Какже, былъ, былъ... Покойница и велѣла... возлѣ... рядомъ... *(Плачетъ.)*

Д а н и л а Д а н и л ы ч ѣ. Да переставь! Экій ты, братецъ, люня!

А л е к с ѣ й Д а н и л ы ч ѣ. Я и себѣ рядомъ съ голубушкой мѣстечко купилъ. Тамъ меня и положить, братецъ... Голубчикъ, помни же: рядомъ положить, миленькій!..

Д а н и л а Д а н и л ы ч ѣ. Да хорошо! *(Встаетъ и сурово.)* Ну, а на кладбище прошу больше не бѣгать. Ты у меня живешь, я взяла тебя услокоить, такъ я этого не позволю.

Пожалуй еще ночью сбѣжишь, ограбятъ тебя тамъ, да и мало ли что можетъ случиться. Поэтому прошу глупости эти оставить. Погрустилъ, и довольно, а по-твоему блажить не хорошо. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI.

АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ.

Голубушка! и зачѣмъ ты прежде меня ушла?! Не ропщу я, Господи, нѣтъ, но тяжело, тяжело мнѣ! И никакъ привыкнуть не могу что нѣтъ ужь ея... Все будто ищущу, вотъ-вотъ войдетъ... скажетъ: „старичокъ мой милый“!.. Забудешься, слышишь—зоветь, и такъ явственно слышишь. Очнулся—пусто!.. (*Съ тяжельмъ вздохомъ садится, откинувшись на спинку кресла.*) И засосеть, заглохнетъ... къ горлу подступитъ... душитъ. (*Нервно встаетъ.*) Эхъ! Его святая воля! А дочь?.. За своимъ горемъ забылъ ее, старый грѣшникъ!.. Жизнь въ тяготу, а дочери не нужна она? Что я для нея сдѣлалъ? устроилъ ли, подъ чью охрану поставилъ, кому ввѣрилъ судьбу ея? Призови теперь, Господь, мою душу, Настенькѣ-то какъ же быть?.. О нѣтъ, не хорошо; старикъ, не хорошо!.. и она коритъ будетъ... (*Торопливо подходитъ къ боковой двери.*) Настюша! дочка! Ай нѣтъ ея? (*Приотворяетъ дверь.*) Ну да, нѣтъ!..

ЯВЛЕНИЕ XII.

АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ и ПОРОШЕВЪ.

Алексѣй Данилычъ (*Порошеву.*) Батюшка! (*Со слезами бросается на грудь.*) Самъ Господь тебя послалъ, родимый мой... А Прасковья-то Прохоровна! (*Плачетъ на груди.*) И вѣдь какъ она любила-то тебя, какъ любила!..

Порошевъ. Самъ я крѣпко ее любилъ. Горькая потеря, дорогой мой! тяжело вамъ... (*Заботливо усаживаетъ его на диванъ, садясь рядомъ.*) Словами горю не можешь, но все-таки не круглый же вы сирота.

Алексѣй Данилычъ. Охъ, грѣшнень, голубушка!

Такое горе Господь наслалъ что весь я въ него съ горемъ ушелъ. Вѣришь ли, стыдно признаться, дочь и та будто не такъ мнѣ близка стала. Прежде одною душой я с покойницей и Настюшей жила, понимаешь ли: отдѣльной у меня будто не было; а тутъ какъ-то вдругъ душа ринулась, и вышло—будто я самъ по себѣ, а дочь особо казать только вотъ я не могу тебѣ толкомъ какъ чувствуюсь-то...

Порошевъ. Я и такъ понимаю.

Алексѣй Данилычъ. Ну вотъ... Милый ты ужъ какъ же я тебѣ радъ!.. И Настюша тебѣ очень, будетъ рада... Бѣдная, безъ матери каково ей! Жаль вотъ нѣтъ, ушла куда-то...

Порошевъ. Скажите, дорогой мой, зачѣмъ же вы теперь здѣсь у брата, а не у себя въ Липкахъ? Я думаю дома вамъ было бы лучше.

Алексѣй Данилычъ. Видишь ли, мы вѣдь ее похоронили... Побываешь вѣдь, такъ я покажу гдѣ... (раетъ слезы.) А братъ такой добрый—„тебѣ, говоритъ, дома теперь тяжело будетъ, лучше у меня проживи“. Намъ съ Настюшей флигель этотъ отвелъ и такъ заботливъ. Онъ добрый, Андрюша.. Ты, я знаю, другихъ мыслей,

Порошевъ. Нѣтъ, а... домой право бы лучше. Да что и Настасья Алексѣевна не прочь бы въ Липки?

Алексѣй Данилычъ. О, она такъ и рвется!.. Да поведемъ, мы теперь скоро домой. Теперь ты пріѣхалъ, чить заживемъ; а, заживемъ?

Порошевъ. Еще бы!

Алексѣй Данилычъ (*впалъ въ глубокую задумчивость, потомъ измѣнившійся голосомъ*): Только вотъ что, Аша, жить-то мнѣ не долго. Нѣтъ, ты не возражай, и дай мнѣ!.. Слушай, другъ, что скажу... Андрей! когда не станетъ (*съ дрожаніемъ въ голосъ*), голубчикъ.. для защиты ты ее, охрани!.. стань вмѣсто насъ!.. О другомъ говорить не стану; то—дѣло иной любви, дѣло жизни знаешь какъ я объ этомъ думалъ, какъ она, покойница мала... Знаешь, и довольно, и рѣчь не о томъ... Слушай, Андрюша! Если—не дай Богъ—Настасья и дурное что сдѣлаетъ сердцемъ почувствуй это; обѣщай старику! То укоръ въ ея душу проникнетъ, и руки твоей не оттолкнетъ и поставитъ ее эта рука на путь правый. Гдѣ грѣшны

въ комъ искать отпущенія и помощи если близкихъ около нѣтъ? (*Проворно встаетъ и идетъ къ столу.*) Да вотъ еще... (*Торопливо достаетъ изъ ящика карманный портфель*) вотъ это возьми, на всякій случай возьми...

Порошевъ (*беря портфель*). Но зачѣмъ-же теперь?...

Алексѣй Данилычъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не возражай ты мнѣ! Надо и возьми. Я брата люблю, онъ хорошій; но... (*Прервано входомъ Батвиной*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и БАТВИНА.

Батвина. Боже мой, Андрей Ивановичъ!.. Вотъ не ожидала! (*Порошевъ встаетъ, спрятавъ портфель въ боковой карманъ.*)

Алексѣй Данилычъ. Да, да, пріѣхалъ, обрадовалъ старика!

Батвина (*съ чувствомъ пожимая руку Порошева*). Здравствуйте! А Настя нѣтъ?.. Эхъ, какъ же мнѣ за нее досадно!

Порошевъ. Почему?

Батвина. Во-просъ! Развѣ не досадно потерять хоть минутку счастья? Ахъ, Андрей Ивановичъ, кто счастья не знаетъ и не видитъ, тотъ умѣетъ его цѣнить. Вамъ этого не понять, конечно. (*Безъ прерыва Алексѣю Дунильчу*): Ай-ай-ай, Алексѣй Данилычъ, дорогой мой! можно-ли такъ рисковать! Давила Давилычъ разказалъ мнѣ гдѣ вы были. Въ такую ужасную погоду! Совсѣмъ вы себя не бережете, право. Не выпить ли вамъ глинтвейну? Это отлично согрѣетъ и потомъ уснете. Право, дорогой мой, позвольте я вамъ сейчасъ все устрою. Сейчасъ побѣгу къ Дарьѣ Ивановѣ, попрошу краснаго вина...

Алексѣй Данилычъ. Не нужно, не нужно! И за что вы меня только балуете!

Батвина (*возвращаясь, Порошеву*). Ну что прикажете на это сказать? (*Алексѣю Данилычу*). Найдется-ли хоть одинъ изъ знающихъ васъ кто бы не счелъ за счастье чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ? (*Порошеву*). И я думаю, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, не правда ли?.. Ахъ, какъ же, право, досадно что Настя нѣтъ до сихъ поръ.. Радость-то, радость ей кака!

Порошевъ. Не слишкомъ-ли рѣшительно говорите вы за другихъ?

Батвіна. Ну вотъ! О вы, Ома невѣрный. Живя здѣсь, я почти неразлучна съ Настей, и повѣрьте знаю что за нее сказать. (*Входящей Насть.*) Да вотъ она сама можетъ подтвердить...

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ТЪ ЖЕ и НАСТЕНЬКА (*входитъ въ шляпѣ и теплой тальмѣ.*)

Настенька (*при видѣ Порошева невольно сдѣлала порывистое движеніе въ его сторону, но удержалась; спокойно подошла, протянула ему руку и обратилась къ отцу:*) Палаша, какъ вамъ не грѣшно меня мучить! Искала васъ какъ сумашедшая. Богъ знаетъ что въ голову приходило! (*Сбрасываетъ шляпку и тальму.*) И это ужъ не въ первый разъ!

Алексѣй Давылычъ. Не пропаду, доченька, не пропаду!

Батвіна. Развѣ вы не знаете гдѣ бываетъ Алексѣй Давылычъ?!

Настенька. Кажется ясно что нѣтъ. Кстати, обо мнѣ шла рѣчь?

Батвіна. Еще бы: Андрей Ивановичъ здѣсь.

Настенька (*стала возлѣ отца, окинувъ Батвину выразительнымъ взглядомъ. Неловкое молчаніе.*) Давно возвратились Андрей Ивановичъ?

Порошевъ. Сегодня пріѣхалъ.

Батвіна. Едва ли это можетъ быть волосомъ.

Настенька. Вы думаете?

Батвіна. Конечно! неужели Андрей Ивановичъ сталъ бы медлить свиданіемъ... гм!.. съ Алексѣемъ Давылычемъ.

Алексѣй Давылычъ. О да, онъ любитъ меня, старика. (*Подсаживается къ Порошеву и треплетъ его по плечу.*) Знаю что любить.

(*Опять неловкое молчаніе.*)

Настенька (*въ сторону*). На зло торчитъ эта дѣвка!

Алексы́й Дави́лычъ (*нежногo ослабѣвшимъ голо-
сомъ*). Семъ-ка я прилягу... Ужь извините меня, дѣтки! (*По-
рошевъ помогаетъ старику лечь на диванъ, Батвина заботли-
во поправляетъ подушку.*)

Настенька. Ужь не дурно ли вамъ, палата?

Батвина. Не простудились ли?

Алексы́й Дави́лычъ. Какой! Нѣтъ, я просто такъ,
отдохнуть неможко.

Порошевъ. И хорошее дѣло. До свиданья!

Алексы́й Дави́лычъ. Ужь уходишь?

Порошевъ. Отдохните-ка, отдохните. Скоро увидимся.
Сейчасъ ѣду домой и заверну къ вамъ въ Лилки объявить
чтобы васъ ждали.

Батвина. Ахъ зачѣмъ же? Давила Дави́лычъ не раз-
станется... и здѣсь, въ другой обстановкѣ, Алексы́ю Дави-
лычу легче переносить...

Настенька (*перебивая*). Прошу васъ, Андрей Ивановичъ,
сдѣлайте какъ говорите. Мы скоро вернемся.

Батвина (*Настенькѣ*). Да?.. (*Настенька не отвѣчаетъ и
не смотритъ на нее.*)

Порошевъ. Буду ждать, прѣзжайте.

Алексы́й Дави́лычъ (*приподнявшись на локоть и
глядя на дочь и Порошева*). Дѣтки, дѣтки!.. (*Вздохнулъ и легъ
опять.*)

Порошевъ. Ну-съ, такъ прощайте и будьте здоровы!
Въ Лилкахъ побѣгаю по хозяйству, на скотномъ справлюсь,
какъ ваши „Мамки“ проживаютъ, и голубей погоняю. Можно?
(*Настенька съ просіявшимъ лицомъ отходитъ глядя въ сто-
рону.*)

Алексы́й Дави́лычъ (*опять приподнявшись на локоть
печально*). Погоняешь?

Порошевъ. Непремѣнно; а то разлѣвнцисъ безъ васъ и
кувыркаться разучилсѣ пожалуй.

Алексы́й Дави́лычъ. Ахъ ты, мой хорошій! Ну-ка
побайже. (*Беретъ въ руки его голову.*) Прощай Андриша...
Помни!.. (*Целуетъ его.*) Она тебя очень любила... и я... Богъ
да благословить!

Порошевъ (*сильно тронутый*). Ну зачѣмъ такъ!... Крѣ-
питесь....

Алексы́й Дави́лычъ (*сомнительно покачавъ головой,*

тило). Прощай! (*Цѣлуетъ Порошева еще разъ и опускается на подушку*).

Настенька (*испуганно подходящему Порошеву*). Чтѣ съ нимъ?

Порошевъ. Очень утомленъ, нервы слишкомъ потрясены....

Батвина (*между Настей и Порошевымъ, внушительнымъ шепотомъ послѣднему*). Ваша правда, нервы потрясены до такой степени....

Настенька (*прерывая и будто не замѣчая Батвиной*). Поклонитесь отъ меня милымъ Лилкамъ.

Порошевъ. А вы пріѣзжайте поскорѣи сами. До свиданья! Мое почтеніе, Лидія Матвѣевна! (*Холодно принимаетъ пылокое пожатіе Батвиной и торопливо уходитъ*.)

Батвина (*уходя вслѣдъ, въ дверяхъ обертывается съ лицомъ искаженнымъ злобой*). Не могу сказать чтобы вы отличались особенною вѣжливостью.

Настенька (*холодно*). Каждому по заслугамъ.

Батвина (*съ подавленнымъ гнѣвомъ*). Не дурно сказано, не дурно!.. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

АЛЕКСѢЙ ДАНИЛЫЧЪ и НАСТЕНЬКА.

Настенька (*сидя въ околу отца*). Палочка, милый мой! Чтѣ вы у меня сегодня такой странный, а? Въ самомъ дѣлѣ, родной, ужъ не дурно ли себя чувствуете?

Алексѣй Данилычъ (*открывая глаза*). А?! Нѣтъ, Настюша, нѣтъ.... Ослабѣлъ и все.

Настенька. То-то, голубчикъ мой! Не хотите ли заснуть?

Алексѣй Данилычъ. Нѣтъ... я такъ... вотъ полежу немного....

Настенька. Палочка, вотъ и Андрей Ивановичъ говорить чтобы въ Лилки ѣхать. Поѣдемъ, милый! Какъ будете себя крѣпче чувствовать и поѣдемъ, пожалуста!

Алексѣй Данилычъ (*тяжело вздохнувъ*). Поѣдемъ, поѣдемъ, дочка.

Настенька. А то здѣсь мнѣ ужъ очень тяжело. И вотъ чтѣ еще, лалаша: не уходите вы, ради Бога, безъ меня изъ

дома никуда. Только-что я отлучусь за чѣмъ - нибудь и вы сейчасъ же уйдете. Куда, Богъ васъ знаетъ! не говорите... Прежде вы мнѣ всегда все говорили...

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ТѢ ЖЕ и ПОКОЙНИКОВЪ.

Алексѣй Давилычъ. Кто это?

Покойниковъ. Демка къ старичку пришелъ.

Алексѣй Давилычъ. А, Демочка!.. Иди сюда, иди!

Покойниковъ (*заходитъ за спинку дивана и облокотившись на нее кладетъ голову на руки. Алексѣй Давилычъ поглядываетъ его по головѣ. Взглянувшись въ старика*). Сейчасъ журавли пролетѣли... высоко, высоко... жалобно кричать... Жаль разставаться.... Когда Демка умирать станетъ, ему тоже жаль будетъ разставаться...

Настенька. Полю Дема, что за печальныя мысли, голубчикъ!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

ТѢ ЖЕ и ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ (*выходитъ въ сильномъ раздраженіи. Покойниковъ пристыдится за диванъ*).

Данила Давилычъ (*Настенькѣ рѣзко*). Что вы тутъ затѣваете, моя милая?!

Настенька (*вставая*). Я? затѣваю?... Извините, не ломаю васъ, дядя.

Данила Давилычъ. За что, спрашивается, оскорбила ты Лидію Матвѣеву?... Какъ это дурно, какъ это скверно!.. Потому только что она бѣдная дѣвушка, что некому ее защитить....

Настенька. Но позвольте! Начать съ того что Лидію Матвѣеву я никакихъ оскорбленій не дѣлала...

Данила Давилычъ. Вздоръ-съ! дѣлала! сколько разъ я самъ замѣчалъ... Ты скверно съ ней обращаешься... И чѣмъ ты кичишься предъ нею, чѣмъ?.. (*Возвышая голосъ*).

Но я этого не позволю! Слышишь ты? Если у ней нѣтъ никого, кто бы за нее заступился, такъ я ее защитникъ, а!

(Алексѣй Данилычъ тревожно заметался. Покойниковъ всталъ изъ-за спинки дивана и внимательно на него смотритъ.)

Н а с т е н ь к а. Я васъ покорнѣйше прошу не возвышать на меня голоса даже въ качествѣ защитника Лидіи Матвѣевны. Вамъ не угодно меня выслушать, вы настаиваете на томъ что я ее оскорбила. Не берусь переубѣждать въ такомъ случаѣ и не хочу лишать васъ роли защитника, которая вамъ такъ къ лицу.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь *(кричитъ)*. Молчать!!

(Алексѣй Данилычъ вздрогнулъ и со стономъ потянулся.)

Н а с т е н ь к а *(Нѣсколько мгновений стоитъ пораженная молча)*. Такъ вотъ-съ какъ! *(Въ сильномъ негодованіи)*. Нѣтъ, ужъ это слышкомъ! Такъ продолжаться не можетъ!. Вонъ, вонъ отсюда!! *(Подходитъ къ отцу и голосомъ прерывающимся отъ волненія)*. Папочка!. поведемте домой... сейчасъ же домой... въ Лилку!

П о к о й н и к о в ь *(останавливая ее жестомъ)*. Тсс!.. овъ.. овъ уже уѣхалъ... Закрой старичку глаза...

Н а с т е н ь к а *(съ ужасомъ взглянула на Покойникова, потомъ на отца и всплеснувъ руками)*: Па-поч-ка!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Данилы Данилыча, большая комната. Двѣ двери: въ задней стѣнѣ и налѣво. Надъ широкимъ диваномъ по правой стѣнѣ фотографическіе портреты въ симметричномъ порядкѣ. Письменный столъ на шкафикахъ по лѣвой стѣнѣ, близко къ авансценѣ. На немъ, кромѣ письменныхъ принадлежностей и конторскихъ счетовъ, двѣ статуэтки какихъ-то Венеръ. На лѣвой и задней отъ насъ въ золоченыхъ рамахъ женскія головки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь *(разсматриваетъ и выбираетъ бумаги изъ выдвинутаго ящика стола. Просматривая тетрадку)*: Ха, ха! это мнѣ нравится: „Телка Мамченочъ оте-

лилась въ среду 18го мая, дочь Молодаго Мамка"... Коро-
вий формуляръ! (*Перевернувъ страничку.*) Элитафія! „Коро-
ва Мельничиха въ Жестяномъ Верху была укушена козюль-
кой 27го іюля. Бѣдная раздулась и много страдала.“ Кончи-
лось тѣмъ что съ Мельничихи содрали шкуру, а братецъ
мой при семъ проливалъ слезы горючія. (*Рветъ тетрадь и
бросаетъ въ корзину.*) „Рецептъ для приготовления залеканки
изъ крыжовника.“ Гм, всякая дрянь, а чего нужно — вѣтъ
и вѣтъ! (*Рецептъ летитъ въ корзину.*) Еще что? „Примѣты
о погодѣ и урожаяхъ“. Интересно! (*читаетъ.*) „Съ Евдокеи
погоже—лѣто пригоже... На Макрину мокро—страда нева-
стная... Коль 9го мая лягушка квачетъ — овесъ скачетъ“...
Чортъ его знаетъ чѣмъ занимался человѣкъ!.. „Заговоръ
отъ лихорадки“. Ну-ка, посмотримъ! (*читаетъ.*) „Налиши
на отдѣльныхъ бумажкахъ: Сѣза, Расѣза, Гага и Королѣ-
усъ; сжуй и проглоти“... Ха-ха-ха! Экъ умная голова!

ЯВЛЕНІЕ II.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ и БАТВИНА.

Б а т в и н а. Чему вы?

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ. Да вотъ братцевы *мелуары* раз-
бираю. Дѣльный былъ человѣкъ, нечего сказать! Не хотите-
ли, душа моя, вотъ рецептикъ. Если лихорадитъ будетъ,
вате-ка подѣчитесь.

Б а т в и н а (*просмотрѣвъ рецептъ*). Глупости.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ъ. Вотъ подите-жь; а какое счастье
человѣку везло! Ничего вѣдь не имѣлъ, такъ же какъ и я
тятенька съ маменькой голышами насъ по свѣту пустили.
Вдругъ умираетъ какая-то бабушка и передаетъ ему въ
вѣчное и потомственное Лилки. А будь-ка эти Лилки
въ моихъ рукахъ, я бы показалъ чего они сто́ятъ! Да-съ...
И во всемъ вѣдь такъ. (*Батвина, стоя возлѣ, облакачивается
на его плечо.*) Мнѣ же все хребтомъ доставалось, все! И
сколько лишеній, сколько неудачъ и потерь пришлось пере-
нести!

Б а т в и н а (*глядя его по голову, съ худо скрытою ироніей*).
О бѣдневскій, какъ мнѣ васъ жаль! (*Данила Данилычъ привле-
каетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ въ щеку, что переносится съ гри-*

масой.) Да полно вамъ, шалуны! (*Сбрасываетъ съ талии его руку и отходитъ*). Вообще—я замѣчаю—вы любите похвастаться. Впрочемъ есть одна неудача, которая почему-то не исторгаетъ вашихъ вздоховъ.

Давила Давилычъ. А именно?

Батвина. Семейная. О вы, покинутый супругъ!

Давила Давилычъ. Да-а... вы объ этомъ!

Батвина. Да, объ этомъ. Скажите, вы посылаете ей деньги?

Давила Давилычъ. Кому?

Батвина. Какая недогадливость! Конечно вашей женѣ.

Давила Давилычъ. Деньги? я-я—вѣтъ... Оставимъ пожалуста объ этомъ.

Батвина. Ну чѣмъ же она живетъ? есть у нея какія-нибудь средства?

Давила Давилычъ. Право не знаю... вѣроятно есть, но-о... И что васъ это ужъ такъ интересуетъ?

Батвина. А почему она васъ бросила? Нашла ли кого-нибудь достойнѣе васъ, или вы сами предпочли ей...

Давила Давилычъ (*вспыльчиво*). Ахъ Боже мой, я уже просилъ васъ прекратить!..

Батвина. Ха-ха-ха! теперь ясно. Вѣроятно бѣдвенская, по свойственной женщинамъ глулости, вѣрила въ васъ и, разувѣрившись, слишкомъ горячо приняла это къ сердцу. Во всякомъ случаѣ вы должно-быть очень ей насопили, да, пожалуй, и выгнали—а? Загубленная жизнь, разбитое счастье, словомъ *драматическій канканъ!*.. Но вы, миленькій, все-таки не злитесь. Видите ли, на меня иногда находить: я дѣлаюсь раздражительна, даже зла. Впрочемъ, присутствие въ домѣ такой милой особы, какъ Настасья Алексѣева,—достаточная причина чтобы чувствовать себя скверно. Что вы думаете съ нею дѣлать?

Давила Давилычъ. Не выгнать же ее ради васъ!

Батвина. Что-съ? Вы можете - быть полагаете что мнѣ трудно васъ оставить? Ошибаетесь (*Рѣшительно идетъ къ двери*).

Давила Давилычъ (*почти бѣгомъ—преграждаетъ ей дорогу*). Лидочка, Лидишка! ну зачѣмъ же такъ!.. будь паинькой! Ну не бѣдовая ли штука! (*ведетъ за руки обратно, цѣлуя ихъ*). Вѣдь знаешь же какъ я люблю...

Батвина. Настасью Алексѣеву?

Давила Данилычъ. Э, вѣтъ, Боже мой! Тебя, тебя, душечекъ... Вѣдь знаешь, зачѣмъ же такъ горячиться?.. Понимаешь ли, мнѣ нужно ее удержать, на это есть свои причины... соображенія... уважительныя причины. Вѣдь ты умница, о, большая умница! и поймешь что нужно съ нею помягче, понимаешь ли, не раздражать... Вѣдь понимаешь?

Батвiana. Такъ бы и сказалъ.

Давила Данилычъ. Ну не умница ли! *(Опять цѣплетъ ея руки.)* Вотъ теперь мнѣ надо бы съ нею поговорить... о дѣлахъ. Ты бы къ ней пошла и какъ-нибудь, знаешь ли, ласковѣе пригласила бъ ее ко мнѣ... Участіе, другъ мой, вещь похвальная, и она, бѣдненькая, его заслуживаетъ, а?

Батвiana. Разказывайте! Позову. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ *(складывая въ ящикъ бумаги и задвигая его).*

Бѣсенокъ! А люблю такихъ, люблю: жизнь, огонь! Разсердится: брови сдвинетъ, губы дрожатъ, а глазенки такъ и сверкаютъ, такъ и сверкаютъ. Хороша, канальство!.. Кажется и мой Владиміръ Данилычъ, сынокъ любезный, тоже приволакивается... Сбыть бы его поскорѣй, да трудно: такое сокровище что отовсюду какъ чумнаго гонять.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ и НАСТЕНЬКА.

Давила Данилычъ. А, вотъ и ты, душа моя! Садись милая *(Настенька садится, Давила Данилычъ возмъ)*. Я хотѣлъ съ тобою поговорить вотъ о чемъ: какъ ты думаешь насчетъ своихъ Дилокъ? Разумѣется, до сей поры тебѣ и въ голову не приходили житейскія заботы. Понятно! Мнѣ и самому жаль брата...

Настенька *(холодно перебивая)*. Въ чемъ же дѣло?

Давила Данилычъ *(въ сторону)*. Бѣситъ! Стоить заговорить и взбѣситъ! *(Настъ)* Почтительнѣе и благоразум-

нѣе будетъ, если ты не станешь меня перебивать, моя милая. Я полагаю что это будетъ гораздо приличнѣе. Въ Лилкахъ у васъ все допускалось...

Настенька (*перебивая съ легкой встѣшкой*). Какъ жилось у насъ въ Лилкахъ, никого, кромѣ насъ, не касается.

Данила Данилычъ. Не въ томъ дѣло какъ вы жили въ своихъ Лилкахъ, а въ томъ-съ, что вы ихъ почти прожили.

Настенька (*испуганно*). Какъ прожили?

Данила Данилычъ. А очень просто. Конечно мнѣ очень жаль тебя, моя милая, и прискорбно тебя огорчать, но что же дѣлать! Тебѣ пора узнать, что ты имѣешь и на что можешь разчитывать.

Настенька. Ради Бога, дядя, что это значитъ?

Данила Данилычъ. А значитъ это вотъ что-съ: Лилки твои заложены и дохода съ нихъ едва ли будетъ доставать на уплату процентовъ. Я не осуждаю брата, покойнаго отца твоего; но, имѣя дочь, такъ залутать свои дѣла какъ овъ ухитрился залутать, гм!... Не совсѣмъ похвально. Удивляюсь, какъ вы еще вертѣлись!... Конечно, деньгами которыя братъ занималъ у меня...

Настенька. Какъ! Палаша бралъ у васъ деньги?!

Данила Данилычъ. А тебѣ это неизвѣстно? Вотъ прекрасно! Можешь, конечно, не признавать долга: брату я вѣрилъ безъ документовъ, слѣдовательно законныхъ доказательствъ не имѣю.

Настенька. Я не давала вамъ повода такъ дурно о себѣ думать. Боже мой, вотъ не ожидала! И много палаша остался вамъ долженъ?

Данила Данилычъ. Нѣ-ѣтъ... однако порядочно: тысячь пять. Но ты не огорчайся, моя милая, вѣдь я не къ тому чтобы съ тебя что-нибудь требовать... Прими въ соображеніе что я застулаю тебѣ мѣсто отца и...

Настенька. Очень вамъ благодарна; но мнѣ было бы пріятно, еслибъ эти деньги вы взяли, потому что... Да, кажется, есть изъ чего и заллатить: у палаша занималъ купецъ Овсянниковъ... сколько?.. Да, шесть тысячь, если не больше... Это при мнѣ было даже...

Данила Данилычъ. Знаю; но только съ Овсянникова ты едва ли лолучишь и шесть рублей! Волервыхъ, овъ бан-

кровать, а в воторыхъ, и взыскивать-то съ него не по чемъ, такъ какъ векселя его давно просрочены. Вѣдь у твоего отца всѣ были отличные люди, честиѣйшіе, благороднѣйшіе, ха, ха!

Настенька. Вы меня просто въ отчаяніе приводите! Выходитъ что я почти нищая и... должна жить у васъ изъ милости?

Данила Давилычъ. Те, те, те, къ чему такъ говорить! И опять вовсе не нищая. Ты имѣешь кое-что, то-есть лучше сказать можешь имѣть, если благоразумно заняться твоими дѣлами.

Настенька. Главное долги. Ради Бога чтобъ я никому ничего не была должна и чтобы тѣ пять тысячъ, которыя вы дали палашѣ...

Данила Давилычъ. Настасья!

Настенька. Нѣтъ, ради Бога, не сердитесь, дядя!.. Но меня будетъ это тяготить... Я не могу... Я очень вамъ благодарна что вы заботитесь обо мнѣ, но...

Данила Давилычъ. Но и замолчи.

Настенька. Ахъ Боже мой! *(безмолвно плачетъ.)*

Данила Давилычъ. Къ чему тутъ слезы! Обдумать надо, а не плакать. Полно пожалуста!.. Теперь ты отчасти ознакомилась со своимъ положеніемъ, слѣдовательно не ужаснешься если я скажу что для поправленія твоихъ дѣлъ единственный исходъ: продать Лилки.

Настенька *(поражена)*. Продать Лилки?!

Данила Давилычъ. Если ты знаешь что-нибудь лучшее, то сдѣлай милость, скажи; такъ и сдѣлаемъ.

Настенька. Ничего я не знаю, ничего! Боже мой! *(Съ рыданіемъ.)* Лилки, милыя Лилки!... *(Горько.)* Да знаете ли вы что, лишившись ихъ, я теряю связь съ жизнью, теряю все завѣтное, все дорогое что мнѣ осталось теперь!

Данила Давилычъ. Конечно, мнѣ очень лестно слышать отъ тебя это, моя милая, но...

Настенька. Ахъ, пожалуста простите!... Я не знаю что говорю... я, кажется, съ ума сойду... Но Лилки!... Безъ нихъ я бездомная скиталица въ мірѣ. Это такое сиротство!... *(Слезы сдавили горло, перерывъ.)* Вѣдь душой я всегда тамъ, въ милomъ осиротѣломъ домѣ, въ саду, который возростали отецъ съ матерью, въ которомъ они знали и любили каждое деревцо, каждый кустъ... Тамъ мнѣ дорого каждое

мѣсто, все, все до послѣдней мелочи имѣть для меня значеніе... Всякій разъ, вспоминая отца съ матерью, я вижу ихъ въ Лилкахъ. О себѣ подумаю, олятъ Лилки предо мною какъ наяву... Нѣтъ, ради Бога, если есть хоть малѣйшая возможность, пощадите Лилки, умоляю васъ!

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Душевно сожалею что не могу предложить тебѣ ничего другаго какъ разстаться съ твоими Лилками, гдѣ въ осиротѣломъ домѣ витаетъ твой духъ и все прочее... Я, моя милая, на подобные сантименты не очень чувствителенъ, да и не къ тому съ тобою о дѣлахъ рѣчь завелъ чтобы разсуждать оторвешь ли ты что-нибудь отъ себя, продавъ имѣніе, и будетъ ли скитаться тамъ твой духъ послѣ этого... *(Подымаясь.)* Мнѣ время дорого, моя милая. Дѣлай какъ знаешь. *(Медленно идетъ къ двери.)*

Н а с т е н ь к а *(не оборачиваясь, глухимъ голосомъ)*. Продавайте.

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Такъ будетъ умнѣе. Подыщемъ покупателя... наклеивается одинъ. Впрочемъ, какъ тебѣ угодно, моя милая. Я твоей воли не насилую, избави Богъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

НАСТЕНЬКА и ПОКОЙНИКОВЪ.

П о к о й н и к о в ь *(выглянувъ осторожно изъ боковой двери, подкрадывается сзади къ Настенькѣ, тихо дотрогивается до ея плеча)*.

Н а с т е н ь к а. Ахъ, это ты, Дема!

П о к о й н и к о в ь. А когда старичка хоронили, какое утро было! чистое утро. Тихо было... Колокола плакали... Сначала маленькій: динь! потомъ постарше: довъ... довъ! а потомъ всѣ разомъ, навзрыдъ... Его несутъ, а гробикъ качается. Маленькій гробикъ былъ: старичокъ былъ маленькій. Со святыми улокой! жизнь безконечная... Я къ старичку на могилку ходилъ, лѣтуха отнесъ. Натѣ и вамъ лѣтушка. *(Кладетъ ей на колѣни бумажнаго пѣтуха.)* Только тсс!... *(бѣжитъ на цыпочкахъ къ дверямъ)* тсс!...

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ и ВОЛЬДЕМАРЪ *(на котораго въ дверяхъ наскакиваетъ Покойниковъ).*

Вольдемаръ *(схватывая Покойникова за руку).* Стой! тебя-то мнѣ и надо, дружце.

Покойниковъ. Зачѣмъ вамъ меня? Пустите меня, пустите бѣднаго Демку!

Вольдемаръ. А, здѣсь и прелестная кузина! *Charmé, charmé de vous voir, ma belle!...* Послушайте! зачѣмъ вы такъ неприступно холодны, такая мраморная дѣва!... Демка!! *(Покойниковъ забивается въ уголъ.)* Anastasie! вы прелестны въ вашемъ неземномъ величіи!

Настенька. Прошу васъ, Владиміръ Давидычъ, позволить мнѣ пройти.

Вольдемаръ. Прошу васъ, прелестная Anastasie, осчастливить меня еще минуткой вашего лицезрѣнія, о чудо изъ чудесъ!...

И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной
Его усью той росой!...

Покойниковъ *(беретъ ближайшій стулъ и бросаетъ его на полъ).*

Вольдемаръ *(бросаясь на него).* Демка!... дуракъ!!... какъ ты смѣешь?! О-о, я тебя.... Гдѣ палка? *(Ищетъ палку.)* Ты зачѣмъ бросилъ стулъ, а? *(Замахивается.)*

Настенька *(быстро предупреждая ударъ).* Владиміръ Давидычъ, неужели для васъ самихъ не отвратительно то что вы дѣлаете?

Вольдемаръ *(бросая палку).* Убирайтесь вы.... съ вашими нравоученіями. Я не оскорблялъ отца, какъ дѣлали это вы, и—слава Богу—изъ-за сливокъ еще никого въ гробъ не вогналъ!

Настенька *(съ болѣзненнымъ стономъ поспѣшно уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПОКОЙНИКОВЪ и ВОЛЬДЕМАРЪ.

Вольдемаръ (*вслѣдъ Настенькѣ*). Ха, ха, ха! и осмѣливается еще учить другихъ! (*Покойникову, грозя.*) А ты, Демка, берегись! Знаю зачѣмъ ты стулъ швырнулъ. Ты хоть и дуракъ, но хитрая дрянь. Смотри! (*Доставая изъ жилетнаго кармана ключъ.*) На ключъ; овъ отъ этого ящика. (*Указываетъ на одинъ изъ подвижныхъ ящичковъ письменнаго стола.*) Отпереть. Сверху увидишь зеленый бумажникъ. Достань оттуда радужную. Заперевъ потомъ, ключъ и деньги отдать мнѣ. Понялъ? Бери!

Покойниковъ (*достаетъ изъ кармана и подаетъ ему бумажнаго пѣтуха*). Ха-хи-хи! на!

Вольдемаръ (*вырвавъ пѣтуха, швыряетъ его*). Болванъ! Ты Лазаря-то не корчи, не то самъ у меня закукарекаешь. Бери говорятъ! (*Стучитъ палкой.*) Отлирай! (*перелетѣлая тонъ*) Дурачокъ! вѣдь я у тебя прошу. Здѣсь твои деньги лежатъ, понимаешь: твои.

Покойниковъ. Мои?

Вольдемаръ. Ну да. Тебя отецъ опекаетъ, а видѣлъ ли ты отъ него хоть копѣйку когда-нибудь?

Покойниковъ. Мои?

Вольдемаръ. Фу ты! говорятъ твои! У тебя вѣдь кое-что осталось, даже порядочно. Не все слустилъ когда былъ гусаромъ. (*Къ сторону.*) Ха-ха! и этотъ уродъ былъ гусаромъ! (*Покойникову.*) Ну что ты глаза-то выпялилъ? Забылъ? Наломню. Ты когда слятилъ-то? Когда изъ ревности уколошилъ на дуэли своего друга и когда невѣста твоя отыде къ праотцамъ?...

Покойниковъ (*задрожавъ*). Тс-с! Молчи, молчи!.. Кровь на желтомъ лескѣ... впиталась... большое пятно... Овъ помертвѣлъ... глаза открыты... хрипитъ... „Напрасно! напрасно меня убилъ!..“

Вольдемаръ. Ну, замололъ! Переставь!

Покойниковъ (*снова трепещетъ*). А она. Къ гробу ея подошлъ—между бровей черта, страшная черта!..

Вольдемаръ. Черта какая-то! Полно комедничать! И

умерла-то она отъ простуды, а вовсе не по твоей милости, образина ты этакая! Ну довольно пороть дичь. Къ дѣлу! (*Грубо встряхивая Покойникова, подводитъ его къ столу.*)
 Помни же, Дема, что я у тебя твоихъ денегъ прошу. По зарѣзъ, братъ, нужны. Тутъ они, тутъ... (*Уходя.*) Я жду. (*Уходитъ въ боковую дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПОКОЙНИКОВЪ (*въ началѣ*) потомъ БАТВИНА и ВОЛЬДЕМАРЬ.

Пок ой н и ко в ъ. Моу! (*Машинально оттираетъ ящикъ и роется въ немъ.*)

Ба т в и н а (*остановилась въ изумленіи на порогъ. Подумавъ, въ сторону*). Отличная мысль! (*Ръшительно подходитъ и громко.*) Вы что тутъ дѣлаете?

Пок ой н и ко в ъ (*бросивъ бумаџникъ, опрометью бросается вонъ*).

Ба т в и н а (*заглянувъ въ бумаџникъ и свертывая, кладетъ его на жѣсто, задвигаетъ и запираетъ ящикъ*). Вотъ не воображала чтобъ этотъ идиотъ былъ ворюшкой! Даже ключъ подобралъ... (*Прячетъ ключъ.*) Да, не душно!

Во ль де ма р ь (*выскакиваетъ въ припрыжку изъ боковой двери*). Тра-ля-ля! А, шерочка, вотъ не ожидалъ! (*Обнимаетъ ее за талию.*)

Ба т в и н а (*вырываясь*). Съ ума вы сошли!... Володька!

Во ль де ма р ь. Лидка! (*Въ сторону.*) А, ключъ-то спрятали! (*Къ ней.*) Вы чѣмъ тутъ занимались, мой жизненочекъ?

Ба т в и н а. Васъ дожидалась.

Во ль де ма р ь. Ну, въ палашиномъ кабинетѣ это не совсѣмъ удобно. (*Въ сторону.*) Однако молчокъ! (*Къ ней.*) Вотъ еслубы... (*Обнявъ продолжаетъ что-то нашенгивать ей на ухо. Батвина нетерпливо отбивается отъ его объятий.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЪ ЖЕ и ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ.

Да н и л а Да н и л ы ч ь (*входя со шляпой, въ дверяхъ въ сторону*). Ахъ, щенокъ! (*Громко.*) Владиміръ Давилычъ! теперь, кажется, время вашихъ уроковъ, а вы чѣмъ изволите заниматься съ Лидіей Матвѣвной?

Вольдемаръ. О, родитель! не унижайся до ревеня
(*Бѣжитъ вонъ, но задерживается въ дверяхъ и въ сто*
Ну какъ скажетъ!.. Выдастъ Демка — бѣда!..

Данила Данилычъ (*топая на него ногой*). Ну!

Вольдемаръ. Иду, фатеръ, иду! (*Уходитъ.*)

Данила Данилычъ. И вамъ не стыдно?

Батвина (*сурово*). Вы ошибаетесь въ мѣстоименіи
нила Данилычъ. Вамъ слѣдуетъ сказать: не стыдно ли
своимъ поведеніемъ поощрять сына легкомысленно
ситься къ женщинѣ. (*Уходитъ въ боковую дверь.*)

Данила Данилычъ. Вотъ и извольте разсужда
нею.

Вольдемаръ (*выставляется изъ задней двери*).
какой-то господинъ спрашиваетъ васъ по дѣлу.

Данила Данилычъ (*съ досадою*). Э, чортъ!... Зов
да. (*Вольдемаръ скрывается.*) Охъ ужъ мнѣ этотъ Воло
вотъ гдѣ сидитъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ и князь КЛАДИЩЕВЪ-ЗАТОНСКІЙ.

Князь. Имѣю честь рекомендоваться: князь Пл
Львовичъ Кладіщевъ-Затонскій.

Данила Данилычъ. Ахъ очень пріятно, ваше сі
ство, очень пріятно! (*Подкатываетъ кресло.*) Покорн
прошу... (*Почтительно садится вслѣдъ за княземъ.*)

Князь. Я слышалъ, что вы продаете имѣніе здѣсь
далеко отъ города... Дилки кажется?

Данила Данилычъ. Точно такъ, ваше сіятел
дѣйствительно это имѣніе продается-съ... и я уже имѣ
виду покулщика. Это имѣніе покойнаго моего брата
личное имѣніе, ваше сіятельство.

Князь. Слышалъ что хорошенькое... Я здѣсь чел
чужой, проѣздомъ въ мои южныя помѣстья. Здѣсь
родъ мы должны были съѣхаться съ моимъ главнымъ
правляющимъ. Я запоздалъ нѣсколькими днями. Въ эт
мя мой управляющій узналъ о продажѣ имѣнія вашег
та, побывалъ тамъ и сообщилъ мнѣ довольно удовлет
тельные результаты своего осмотра. Я хотѣлъ предла
себя въ покулщику; вотъ почему позволилъ себѣ вас
покоить; но если вы, какъ говорите, уже имѣете кому
дать (*подымаясь*), то прошу извинить...

Данило Данилычъ. Помилуйте, ваше сіятельство, у меня еще ничего не рѣшено-съ... и я такъ счастливъ... (*Пододвигая кресло.*) Прощу васъ!... Напротивъ, я буду чрезвычайно радъ...

Князь. Въ такомъ случаѣ я бы васъ просилъ переговорить о подробностяхъ съ моимъ управляющимъ, который у васъ въ домѣ, тамъ... въ залѣ.

Данила Данилычъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше сіятельство, очень пріятно.

Князь. Скажите, гдѣ живетъ телерь дочка вашего брата? Вѣдь у него, я слышалъ, осталась дочь?

Данила Данилычъ. Точно такъ, ваше сіятельство, дочь. Живетъ у меня, ваше сіятельство.

Князь. А, у васъ!... Давно я познакомился съ вашимъ братцемъ, въ... Ну ужъ не помню гдѣ, но его помню отлично. Славный человекъ былъ вашъ братъ.

Данила Данилычъ. О да, ваше сіятельство, чудный былъ человекъ, но чудакъ! Да вотъ-съ возьмемъ въ примѣръ хоть то, какъ лошадь свою продавалъ. Была у него лошадь; лошадь съ виду хорошая, только съ большимъ норовомъ. И вотъ-съ какимъ манеромъ онъ ее продавалъ: „вотъ, говорить, у меня лошадка; вѣмъ-бы, говорить, хороша, но долженъ васъ предупредить, что она конюха у меня убила, а оглобелъ переломала не вѣсть сколько-съ.“ Это онъ покупчику-то! Вотъ-съ такимъ манеромъ, ваше сіятельство, продаетъ онъ ее годъ, другой, третій!... Бывало спросишь: „ну что, братъ, продалъ Грачика?“—„Нѣтъ, говорить, не покупаютъ.“ Говорятъ ему люди, что такъ-молъ дѣло не дѣлаютъ. Куда! „Какъ же быть-то, говорить, не предостеречь вѣдь не честно.“ Такъ вотъ-съ, ваше сіятельство, какой отвѣтливый человекъ онъ былъ.

Князь. Мнѣ пріятно бы познакомиться съ его дочкой.

Данила Данилычъ. Ахъ съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше сіятельство! очень, очень... Не позволите ли попросить васъ въ гостиную?

Князь. Право все равно... если позволите, и здѣсь... Какъ зовутъ вашу племянницу?

Данила Данилычъ. Настенькой, Настасьей Алексѣевной, ваше сіятельство... Я сію минуточку... (*Зоветъ въ боковую дверь.*) Настя! Настенька!... Сію секунду, ваше сіятельство. (*Торопливо уходитъ.*)

Князь. Каково же было бѣдной дѣвушкѣ лишиться отца и матери почти въ одно время!.. (*Взглянулъ на картины, замѣтилъ статуетки.*) Однако хозяинъ любитель изящныхъ искусствъ!.. (*Усмѣхается.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

КНЯЗЬ, ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ и НАСТЕНЬКА.

Данила Данилычъ (*вводя Настеньку за руку*). Позвольте, ваше сіятельство, представить вамъ мою племянницу-сь.

Князь. Очень радъ! Позвольте мнѣ, старому знакомому вашего батюшки, положить вашу ручку.

Настенька (*радостно*). Вы знали моего отца?

Князь. Имѣлъ удовольствіе. Поэтому мнѣ особенно хотѣлось познакомиться съ вами, Настасья Алексѣевна. (*Данила Данилычу*) Такъ займитесь...

Данила Данилычъ. Непремѣнно-сь, ваше сіятельство, съ величайшимъ удовольствіемъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

КНЯЗЬ и НАСТЕНЬКА.

Настенька. Я всегда такъ рада видѣть того кто зналъ палашу.

Князь. Прибавьте: и любилъ его.

Настенька. Ахъ, его нельзя было не любить! Близкихъ людей тогда только и цѣнишь когда потеряешь ихъ.

Князь. Но я увѣренъ что и при жизни вашего батюшки вы понимали и цѣнили его?

Настенька. Мало я его понимала и мало цѣнила, князь! Я была дурною дочерью и, вы не повѣрите, какъ меня мучитъ это теперь. Боже, чего бы я ни дала чтобы вычеркнуть изъ прошлаго все то что стоитъ въ немъ суровымъ упрекомъ!

Князь. Въ прошломъ cadaго изъ насъ есть то что хочется забыть. Кто свободенъ отъ упрековъ прошлаго? Наконецъ, вы такъ огорчены теперь что слобобы преувеличивать...

Настенька. Нѣтъ, я знаю что говорю.

Князь. Скажите, кромѣ вашего почтеннаго дядюшки у васъ нѣтъ теперъ близкихъ родныхъ, друзей?

Настенька. Никого у меня не осталось... Впрочем... нѣтъ!

Князь *(съ улыбкой)*. Ну, будто и никого! Что-то не вѣрится чтобъ у васъ не было друзей, право! Да кажется и сами вы сомнѣваетесь. По крайней мѣрѣ ваше „нѣтъ“ звучитъ не совсѣмъ рѣшительно.

Настенька. Нѣтъ, князь, друзья въ горѣ не покидаютъ. Можно ли назвать другомъ того кто забываетъ о васъ въ то время когда именно и нужно участіе? Впрочемъ и тутъ опять я и я виновата. *(Со слабою улыбкой.)* Вообще, князь, вы познакомились съ капризною, злою, скверною дѣвчонкой.

Князь. Тѣмъ не менѣе я въ восторгѣ отъ этого знакомства и, какъ опытный человекъ, скажу вамъ одно: тотъ же дурень кто себя коритъ, сторонитесь того кто себя захваливаетъ... *(Входящему Даниль Данилычу:)* А! кончили?

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ.

Данила Данилычъ. Кончили по запродажной-съ и вашъ управляющій даже вручилъ задатокъ. Не угодно ли...

Князь *(холодно)*. Извините, я не вникаю въ подробности; управляющій уполномоченъ рѣшать... *(Вставая.)* Но, вѣроятно владѣлицѣ не безынтересно узнать судьбу своихъ Лилокъ?

Настенька. Лилокъ?! Что такое? Какую судьбу?

Данила Данилычъ. Его сіятельство, душевѣйка, покупаетъ Лилки.

Настенька. Вы покупаете Лилки, вы?!

Данила Данилычъ. Настенька, что ты? Какъ можно!.. Послушай...

Настенька. Оставьте меня! *(Закрывая лицо руками, убѣгаетъ въ боковую дверь.)* О, я несчастная!

Данила Данилычъ. Ваше сіятельство, извините...

Князь (*сухо прерывая его*). Не нужно мнѣ вашей нечистой, Данила Данилычъ. (*Идетъ къ выходу, Данила Данилычъ спѣшитъ за нимъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

БАТВИНА и потомъ ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ.

Батвина (*входитъ изъ боковой двери*). Кажется и деньги получили... Кстати! О, этотъ проклятый хвостъ!.. Нечего сказать, хорошо извѣстие!.. (*Достаетъ изъ кармана письмо и читаетъ.*) „Васъ ищутъ. Фактъ пленія неожиданно выяснился и ваша прикосновенность казана“... (*Судорожно тербитъ письмо руками.*) И зачѣмъ я только связалась! Фу! такая злость разби... Впрочемъ теперь не время раскисать, когда надо дѣлать и дѣйствовать.

Данила Данилычъ (*входитъ сіяющій*). Ну, к Батвина. Совсѣмъ?

Данила Данилычъ. Совсѣмъ! У меня вѣдь довѣренность. Вотъ и задатокъ! (*Вынимаетъ изъ кармана вскую пачку денегъ.*) Вотъ они!

Батвина (*пристально смотритъ на пачку*). А м

Данила Данилычъ. О-о, кушукъ знатный! (*Заводитъ деньги въ тотъ ящикъ, который выдвигалъ Покойников вина, нѣжно сложивъ руки на его плечъ, зорко слѣдитъ за нимъ.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена третьаго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЛЬДЕМАРЪ, потомъ НАСТЕНЬКА и ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ.

Вольдемаръ (*объгаетъ при поднятіи занавѣса, хлопая съ ладоши*). Скандалъ! словили!

(*Настенька входитъ въ шляпкѣ, сильно взволнованная, за ней Данила Данилычъ очень раздраженный.*)

Данила Данилычъ. Это еще что за новости? Съ чего ты взяла уходить! Какъ смѣть и куда уходить?! Не забудь, сударыня, что я заступаю тебѣ мѣсто отца... Я не позволю! Прошу выбить дурь изъ головы!

Настенька. Прошу васъ оставить этотъ тонъ. Это ни къ чему не поведетъ. Я рѣшилась отъ васъ уйти и уйду.

Вольдемаръ (*заглядывая ей въ лицо и передразнивая*). Я рѣшилась уйти и уйду!

Данила Данилычъ. Нѣтъ, ты не уйдешь, понимаешь ли, не уйдешь! (*Настенька пожимаетъ плечами.*) Ну куда, куда ты можешь уйти?.. Искать приключеній, или жить своимъ трудомъ?... Но вѣдь я на этотъ вздоръ неподастливъ, со мною, голубушка, эти разговоры напрасны-сь.

Настенька. Я не намѣрена вести съ вами никакихъ разговоровъ.

Данила Данилычъ. Не удостоиваете? Конечно, можно ли такой привѣсъ унижаться до меня! Но гримасы можете корчить сколько хотите, моя милая, а насчетъ вашихъ затѣй попеченіе отложите-сь. Отъ меня уйти трудно, очень трудно!

Настенька. Но такъ какъ оставаться здѣсь гораздо труднѣе, да и незачѣмъ, то я уйду. Относительно моихъ дѣлъ и продажи имѣнія за меня явятся попросить у васъ отчетъ.

Данила Данилычъ. Что-о?! Гдѣ Лидія Матвѣевна? Владиміръ, позови сюда Лидію Матвѣевну.

Вольдемаръ. Ее, палаша, мѣтъ еще съ утра. Какой-то чиновникъ приходилъ, спрашивалъ ее.

Давила Данилычъ (*топая ногой*). Пошелъ позови.

Вольдемаръ (*пожимая плечами и уходя, въ сторону*). Родитель, когда взбѣшенъ, противорѣчій не допускаетъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ, безъ ВОЛЬДЕМАРА.

Настенька. Ужь не хотите ли отдать меня подъ надзоръ Лидіи Матвѣевны? Поймите же, наконецъ, что вы мнѣ вовсе не страшны, что даже тѣ оскорбленія которыя у васъ достаетъ духа бросать мнѣ въ лицо, бессильны меня оскорбить. У меня хватить и воли и силы пойти своимъ путемъ. Оставьте ваши угрозы. Впрочемъ, если вамъ такъ нравится потрясать стѣны взрывами негодованія, то я не мѣшаю. (*Идетъ къ двери.*)

Давила Данилычъ (*задымаясь отъ бѣшенства и грубо схватывая ее за руку*). Стой! ты не уйдешь отсюда!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ-ЖЕ и князь КЛАДИЩЕВЪ-ЗАТОНСКІЙ.

Князь. Ай-ай-ай, какой же вы грозный!

Давила Данилычъ (*потерянно*). Ваше сіятельство...

Князь. Извините что являюсь прямо сюда, не предупредивъ о себѣ. Настасья Алексѣевна, я собственно къ вамъ. Съ позволенія Давилы Данилыча, мнѣ нужно переговорить съ вами.

Настенька. Если вамъ угодно видѣть меня, князь, я къ вашимъ услугамъ.

Давила Данилычъ (*еще не оправившійся*). Можетъ-быть, ваше сіятельство, я... я лишній?..

Князь. Ахъ нѣтъ, почтеннѣйшій Давила Данилычъ... Вы меня очень обяжете если позволите только чтобы позвали моего племянника. Онъ остался въ каретѣ.

Давила Данилычъ (*кидаясь къ двери*). Сію минуту, ваше сіятельство, сію минуту!

ЯВЛЕНИЕ IV.

НАСТЕНЬКА и КНЯЗЬ.

Князь. Вы кажется хотѣли прогуляться? Послѣ приятной бесѣды съ Давилой Давилычемъ освѣжиться не лишнее.

Настенька (*Снимая шляпу*). Я хотѣла уйти отсюда съ тѣмъ чтобы не возвращаться.

Князь. Да? Вовремя же я здѣсь. Въ послѣдній разъ я замѣтилъ какъ больно вамъ было видѣть меня покулщикомъ вашего имѣнія...

Настенька. Признаюсь, князь, это неприятно на меня подѣйствовало, но...

Князь. Извините что перебую. Но я именно затѣмъ и прѣхалъ чтобы примирить васъ съ собою. (*Оглядываясь на дверь*.) Почему это такъ заботить меня—отгадать не трудно; не правда ли?

Настенька. То-есть... Извините, князь, я не совсѣмъ понимаю.

Князь. Скорѣе не хотите лгать, но пожалуста поймите. Объясненіе просто: я такъ васъ полюбилъ.... (*Настенька встаетъ въ негодованіи*.) Успокойтесь, успокойтесь, я полюбилъ васъ не для себя, а... (*указывая на входящаго Порошева*) для моего племянника.

ЯВЛЕНИЕ V.

НАСТЕНЬКА, КНЯЗЬ, ПОРОШЕВЪ и ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ
(*случившись входящій за послѣднимъ*).

Настенька (*Порошеву*). Какъ? вы?!

Князь. Удивилъ? Въ другой разъ не корите старыхъ друзей, что васъ забыли.

Настенька. Какъ же я рада, Боже мой!.. (*Крѣпко жметъ Порошеву руки*.)

Князь. Но позвольте, позвольте! Прежде о дѣлѣ, друзья мои. Чтѣ вы скажете, почтеннѣйшій Данила Давилычъ, если я откажусь отъ покулки Лилокъ?

Давила Давилычъ. То-есть какъ же-съ?.. Вы изволили ввести задатокъ....

Князь (*Настя*). Вамъ извѣстно что за ваше имѣніе введено задатка 5.000? (*Данила Данилычу*.) Но я надѣюсь что Настасья Алексѣевна не захочетъ имъ воспользоваться, если я откажусь отъ покупки. Надѣюсь?

Настенька. Благодарю васъ, князь, отъ души благодарю.

Князь. Вотъ видите какая она добрая. Очевидно, моихъ денегъ ей не нужно. Да это собственно и не мои, а Андрюшины деньги. Вы конечно поинтересуетесь какой мотивъ заставилъ меня нарушить условіе. Видите ли, почтеннѣйшій Данила Давилычъ, къ продажѣ Лилокъ въ интересахъ Настасьи Алексѣевны не было никакой необходимости; напротивъ, это, извините меня, клонилось къ ея ущербу. Племянникъ мой того же мнѣнія, и каюсь вамъ, мы покупали съ нимъ Лилки только для того чтобы они никому не были проданы.

Данила Давилычъ. Но-о... она могла не продавать, ваше сіятельство, отъ нея зависѣло-съ... Я полагалъ что... съ такими залутанными дѣлами....

Порошевъ. Извините, про чьи дѣла вы изволите говорить?

Данила Давилычъ. Ахъ Боже мой, конечно про дѣла покойнаго брата.... Имѣніе заложено... и въ такомъ видѣ....

Порошевъ. Алексѣй Давилычъ очистилъ съ имѣнія почти всея долгъ. Мнѣ это извѣстно изъ бумагъ и документовъ которые покойный передалъ мнѣ не задолго до смерти; но и вамъ извѣстна ничтожная сумма долга по залогу: при заключеніи залпной записи вы назвали ее вѣрно.

Князь. Вообще вышелъ маленькій сюрпризъ, Данила Давилычъ! Не правда ли? По этому поводу не позвольте ли съ вами побесѣдовать наединѣ, такъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ.... (*Идетъ къ двери.*)

Данила Давилычъ. Не знаю, ваше сіятельство, о чемъ-съ, но я... я готовъ. (*Уходитъ съ княземъ въ большіе служеніи.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

НАСТЕНЬКА и ПОРОШЕВЪ.

Порошевъ. Ну-съ, Настасья Алексѣевна, вотъ и я!

Настенька. Наконецъ и вы! Давно, давно жду я васъ, Андрей Ивановичъ.

Порошевъ. И рѣшили, что не дождетесь, что васъ забыли?

Настенька. Но что же мнѣ оставалось думать? Когда умеръ отецъ, развѣ вы были возлѣ меня? Развѣ подали мнѣ руку помощи, когда здѣсь, въ этомъ невѣдомомъ домѣ, я мучилась, доходила до отчаянія...

Порошевъ (*пожимая ея руку*). Не продолжайте, знаю какъ вамъ жилось. Я вѣдь сѣднилъ за всѣмъ что здѣсь происходило, и вѣрете душа наболѣла.... Давно бы я протянулъ вамъ руку смѣло и открыто, еслибы... еслибы могъ дѣйствовать какъ хотѣлось.

Настенька. Если хотѣлось, то почему же...

Порошевъ. А „сентиментальныя мечтанія“? Кто смѣлся надъ ними? А „ненавистное готовое будущее“... Чью это слова?

Настенька. Другъ, вы еще помните! Не слѣдовало и мнѣ забывать; тогда бы я лучше взвѣсила свои права на ваше участіе... Я думала что вы лучше меня повимаете, право... и не такъ самолюбивы....

Порошевъ. Я бы давно увидѣлся съ вами, но Данила Давиловичъ не допустилъ.

Настенька. Какъ, развѣ вы пріѣзжали сюда, къ намъ?

Порошевъ. Да, и считалъ себя въ правѣ вступиться за васъ, потому что обѣщалъ Алексѣю Давылычу быть всегда вашимъ заступникомъ. Но Данила Давиловичъ нашелъ *неудобнымъ* мое участіе, иначе пожалуй не заручился бы довѣренностью на управленіе вашими дѣлами. Къ счастью, мой дядя уже летѣлъ изъ Петербурга и, какъ видите, послѣлъ вовремя.

Настенька. Какой онъ милый, вашъ дядя! Въ самомъ дѣлѣ онъ зналъ лалашу?

Порошевъ. Даже не видалъ никогда. Князя никто здѣсь не знаетъ, потому-то Данила Давиловичъ такъ и попался на удочку.

Настенька (*беря его за руки*). Хорошій, дорогой мой другъ... мой *заступникъ*, вѣдь да?... Я очень, очень счастлива что вы оляте со мною. Право на душѣ такъ хорошо и свѣтло, какъ давно не бывало. Вѣдь вы отвезете меня въ Лилку, да?

Порошевъ. О нѣтъ, мы рѣшили съ дядей просить васъ войти въ его семью, которая приметъ васъ какъ нельзя лучше.

А въ Лилкахъ что вамъ дѣлать одной? Теперь тамъ не весело...

Н а с т е н ь к а. Да, это такъ... Отъ всего сердца благодарю князя.. Въ самомъ дѣлѣ какъ мнѣ жить въ Лилкахъ одной? (*Сквозь слезы.*) Сиротливо, не правда ли? Отвѣчайте же, дорогой заступникъ, вѣдь да?

П о р о ш е в ь. Можеть-быть и не сиротливо... Замужъ васъ выдадимъ, домой прѣдете съ мужемъ; вотъ и будете не однѣ.

Н а с т е н ь к а. Какой вы однако заботливый!.. Должно-быть и *это* обѣцано палашѣ?

П о р о ш е в ь. Н-ну нѣтъ, этого не обѣщаль. Намекаль старикъ о вашей судьбѣ въ этомъ отношеніи... Но вѣдь вы знаете, онъ въ такихъ случаяхъ вдавался въ „септиментальныя мечтанія“...

Н а с т е н ь к а. Опять!

П о р о ш е в ь. Хотѣлъ я сказать ему тогда что раздѣляю его желанія и счастливъ буду, если они исполнятся, но...

Н а с т е н ь к а. Раздумали?

П о р о ш е в ь. Нѣтъ, не пришлось... За себя мнѣ нечего было раздумывать. Я и теперь скажу то же самое... (*Беретъ ея руку.*) Только вотъ бѣда...

Н а с т е н ь к а (*съ радостномъ смущеніи*). Какая?

П о р о ш е в ь. Выходить опять „ненавистное готовое будущее“.

Н а с т е н ь к а (*склоняясь къ нему*). Ахъ вы злой, злой!.. Довольно съ меня упрековъ прошлаго.

П о р о ш е в ь (*цѣлуя ея руку.*) Я вѣдь шучу, моя дорогая... Я не сомнѣвался ни въ своей, ни въ вашей любви, и въ будущемъ всегда видѣлъ насъ вмѣстѣ. Другимъ оно не представлялось мнѣ никогда. Въ прошломъ были огорченія, не скрою; но я принималъ ихъ серіознѣе нежели слѣдовало, потому, мнѣ кажется, что очень любилъ васъ. Не такъ ли? Но все это миновало... (*Лаская ее.*) Радость моя, голубка, сколько же горя, сколько испытаній выпало вамъ на долю!.. Теперь имъ конецъ. Предъ вами новая жизнь, въ которую вы вступите моею милою, дорогою невѣстой. (*Съ увлеченіемъ ее цѣлуетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ и ПОКОЙНИКОВЪ *(незамѣтно вошелъ при послѣднихъ словахъ Порошева).*

Пок ой н и ков ъ. А меня, и меня возьмете съ собой!.. Возьмите Демку!

Настенька. Возьмемъ, возьмемъ, голубчикъ.

Пок ой н и ков ъ. То-то же!... Я лѣтуховъ не буду дѣлать... А здѣсь душно, душно. Ночью слышу: „напрасно убилъ!... Напрасно убилъ!..“ Страшно!

Настенька. Дема, Дема!... Ну милый мой, довольно же, довольно... У этого несчастнаго страшная исторія, тоже упреки прошлаго. И вотъ къ чему они привели!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

НАСТЕНЬКА, ПОРОШЕВЪ, КНЯЗЬ, ДАНИЛА ДАНИЛЫЧЪ, ПОКОЙНИКОВЪ *(при входѣ послѣдняго робко забивается въ уголъ)* и потомъ ВОЛЬДЕМАРЬ.

Порошевъ *(подводитъ Настеньку къ князю)*. Дядя, рекомендую тебѣ племянницу: Настасья Алексѣевна моя невеста.

Князь. Да? *(Беретъ Настеньку за руку. Подосенкову.)* Давила Давилычъ! Родители Настасьи Алексѣевны всегда желали видѣть Андрея ея мужемъ. Уважая ихъ память и волю, вы, вѣроятно, порадуетесь теперь вмѣстѣ со мною. *(Настя)* Ну, дорогая моя, не потому чтобы старики любили цѣловать хорошенькихъ, а потому что ужь очень я васъ люблю, позвольте васъ поцѣловать. *(Нѣжно цѣлуетъ ее въ голову.)*

Данила Давилычъ. Поздравляю, Настенька! Я очень радъ, очень... *(Также хотѣлъ поцѣловать ее въ голову, но это не удалось и вышло очень неловкое рукопожатіе.)* Дѣйствительно, братъ всегда желалъ.... Съ такимъ мужемъ, какъ Андрей Ивановичъ, нельзя не быть счастливою.... Ваше сіятельство, мнѣ чрезвычайно лестно....

Князь. Но семейная радость не помѣшаетъ намъ кончить расчеты....

Давида Давидычъ. Ахъ, да! задатокъ-съ.... Я даже сейчасъ.... *(Подходитъ къ столу.)*

(Вольдемаръ входитъ и, держась поодаль, слѣдитъ за вѣтлз проиходящими.)

Князь. Зачѣмъ же теперь, будетъ время!

Давида Давидычъ. Нѣтъ ужъ, ваше сіятельство, позвольте-съ... Именно теперь, непременно-съ.. *(Дрожащею рукой шаритъ въ жилетныя карманахъ, отыскивая ключъ.)*

Князь *(пожавъ плечами)*. Хотя время выбрано и не улачно, но если вы такъ настаиваете....

Настенька. Но папаша былъ долженъ дядѣ... *(Порошеву.)* Я бы просила дать мнѣ эти 5.000 займа чтобы заллатить долгъ отца.

Порошевъ. Напротивъ, Давида Давидычъ остался долженъ брату 5.000, и вотъ росписка. *(Достаетъ росписку изъ того бумажника, который получилъ отъ Алексѣя Давидыча.)*

Князь. Ну что же, мой другъ, это ничего не значитъ: Алексѣй Давидычъ, давая въ займы брату, бралъ росписки, а Давида Давидычъ, давая въ займы брату, не бралъ росписокъ. Изъ этого слѣдуетъ только что братья никогда не квитались.

Давида Давидычъ. *Тщетно старается отпереть замокъ.)* Прошу извинить-съ... Сдѣлайте одолженіе.... *(Отпираетъ наконецъ и выдвигаетъ ящикъ. Пораженъ.)* Гдѣ же?! *(Перерываетъ бумаги.)* Здѣсь были, сюда положилъ!... *(Тревожно продолжаетъ искать.)* Что за чортъ!... *(Покраснѣвъ отъ волненія и дрожащими руками выбрасываетъ на столъ бумаги.)* И мои выигрышные.... Нѣтъ!.. и серіи нѣтъ!... *(Оборачивается къ присутствующимъ ошеломленный)* Господа, я обворованъ!

(Общее движеніе.)

Князь. Странно!

Вольдемаръ. Вотъ такъ штука!

Давида Давидычъ *(дико обводя глазами присутствующихъ)*. Свой воръ!

Князь. Во всякомъ случаѣ билеты и серіи не пропадутъ, если переписаны нумера.

Давида Давидычъ *(съ грубою досадою)*. Ничего у меня не переписано. Не дальше какъ вчера совѣтовала Лидія Матвѣевна переписать.... Ахъ чортъ лобери!... *(Впивается*

глазами въ Покойникова, который дрожитъ отъ страха.) Демка, ты? Твоя работа? ..

Порошевъ. Давила Давилычъ! можно ли подозрѣвать этого несчастнаго! Посмотрите какъ вы его услугали.

Давила Давилычъ. Говори же: ты?

Покойниковъ. Здѣ-всь... м-мои деньги, мои... и... Володичка сказа-алъ.

Давила Давилычъ. А-а! такъ ты стало-быть ходилъ въ столъ за *своими* деньгами, такъ? Говори!

Покойниковъ. Я... я ходи-илъ-съ... Володичка мнѣ ключъ да-алъ-съ...

Вольдемаръ. Чтò ты лжешь, негодяй! Какой я тебѣ давалъ ключъ, когда? Палаша, это штука. *(Быстро удаляется.)*

Давила Давилычъ *(тербя Покойникова.)* Гдѣ же деньги, гдѣ? Куда ты ихъ дѣвалъ? говори!

Покойниковъ. Я не бра-алъ-съ... Тамъ змѣя сидитъ, стра-ашная. Я не бра-алъ...

Давила Давилычъ. Ну, ну, ну! юродство-то оставь!... Дѣло говорить, ну!

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЪ ЖЕ и СУДЕБНЫЙ СЛѢДОВАТЕЛЬ.

Вольдемаръ *(входя)*. Палаша, вотъ господинъ слѣдователь... Немедленно желаетъ васъ видѣть по важному дѣлу.

Покойниковъ *(освобожденный при влходъ слѣдователя опрометью бросается вонъ)*.

Давила Давилычъ *(вопросительно и потерянно)*. Къ вашимъ услугамъ...

Слѣдователь. Если не ошибаюсь, у васъ въ домѣ проживала дѣвица Лидія Матвѣевна Батвина?

Давила Давилычъ. Лидія Матвѣевна? И по сіе время у меня-съ...

Слѣдователь. Извините, въ настоящее время она не у васъ, потому что арестована уже совсѣмъ на пути, въ вокзалѣ, арестована по телеграммѣ изъ Москвы.

Давила Давилычъ. Арестована?

Слѣдователь. Госпожа Батвина оказалась прикосновенною къ одному уголовному дѣлу, совершенному въ Москвѣ съ полгода назадъ. Вотъ причина ареста. Я попрошу васъ

дать о ней нужныя свѣдѣнія; кромѣ того, такъ какъ при господѣ Батвиной оказалась крупная сумма денегъ, то не можете ли объяснить откуда явились они у ней...

(Общее движеніе).

Д а н и л а Д а н и л ы ч ь. Мои-съ! мои-съ! я обворованъ... Боже мой!...

В о л ь д е м а р ь *(въ сторону)*. Вотъ онъ ключикъ-то! Показалъ дорожку!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ и ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ и КУЧЕРЬ вводитъ подъ руки ПОКОЙНИКОВА *(блѣднаго, съ искаженнымъ лицомъ и вздерженными волосами; онъ едва держится на ногахъ).*

К у ч е р ь. Баринъ, Данила Данилычъ!... вотъ съ петли снялъ. Пошелъ въ сарай шлею починить, гляжу—виситъ... на вожжахъ. Спасибо вовремя пришелъ.

П о к о й н и к о в ь. Я не бра-а-алъ-съ... змѣя... не бра-алъ... *(Настенька и Порошевъ овладѣваютъ Покойниковымъ, стараются привести его въ себя. Кучеръ уходитъ. Данила Данилычъ безучастно взглянулъ въ сторону Покойникова и, проведя рукой по лбу, погружается въ то состояніе столбняка, которое слѣдуетъ иногда за сильнымъ и неосужденнымъ потрясеніемъ.)*

К н я з ь *(взволнованный, указывая на Покойникова)*. А вѣдь не спаси случай бѣдныгу, погибъ бы!... Эхъ, Данила Данилычъ, крѣпко же закалена ваша совѣсть!

Занавѣсъ.

И. ШПАЖИНСКІЙ.

МАДОННА

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

(ИЗЪ ОДНОЙ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Въ первые годы царствованія государя Александра Павловича, выселись на одномъ изъ холмовъ Москвы княжескія барскія палаты съ огромнымъ густымъ садомъ, спускавшимся подъ гору къ самой рѣкѣ. Широко и просторно, даже важно разсѣлись на холмѣ эти палаты.

Четвероугольный домина въ три этажа, впереди два флигеля, по бокамъ мощенаго двора, соединенные съ домомъ колоннадами, по которымъ идутъ террасы, а посреди двухъ флигелей высокая чугунная ограда и огромныя ворота. На столбахъ воротъ два льва и каждый повернулъ мохнатую голову на улицу, высунулъ изъ разинутой ласти языкъ и молодецки протянулъ хвостъ закорючкой. И не русскіе звѣри эти держатъ не русскій щитъ, на которомъ не русскій гербъ. Однако хозяинъ палатъ именитаго и стариннаго россійскаго рода, т.-е. предокъ его не то Прусь родомъ, не то изъ Золотой Орды.

Князь Агарины—родъ старинный, былъ прежде богатый и немногочисленный, но вскорѣ сильно расплодился. И всякіе въ роду суть: и богатые и бѣдные, и умные и глупые, и честные и нечестные, и слуги отечеству, славные мужи въ исторіи, и простые колтители неба, шатуны расточители незаработаннаго.

Князь Петръ Ильичъ Агаринъ, хозяинъ палаты, былъ всей Москвой любимъ. Богачъ, хлѣбосоль, ласковъ. Кухня и ловара съ поварятами занимаютъ цѣлый флигель, кони и экипажи съ кучерами и берейторами другой флигель заняли... Всякаго князь кормитъ и поитъ, веселитъ и даритъ какъ и чѣмъ попало, равно ласково и привѣтливо.

Въ домѣ море разливанное, будто круглый годъ чьи-то именины справляютъ въ немъ... А подойдутъ дѣйствительно именины или рожденье холостяка князя, или праздникъ большой, то изъ-за его затѣй по всей Москвѣ дымъ коромысло.

Князь, еще довольно красивый и бодрый холостякъ, пятидесяти лѣтъ съ хвостикомъ, всю свою жизнь прожилъ въ свое удовольствіе и молодость свою во дни Великой Екатерины провелъ на половину въ Петербургѣ, на половину за границей.

Отца онъ потерялъ еще ребенкомъ, а съ младшимъ братомъ былъ въ ссорѣ и никогда не видался. Его мать, принявшая въ ссорѣ по наслѣдству сторону младшаго сына, жила съ любимцемъ и тоже не видалась со старшимъ.

Князь, выйдя изъ олеки, раздѣлившись и поссорившись съ братомъ, остался одинъ какъ перстъ.

Черезъ годъ однако онъ былъ уже на виду въ Петербургѣ и началъ праздную, но веселую жизнь. Часто сталъ ѣздить князь въ Берлинъ и Парижъ, справляя порученія государыни, братьевъ Орловыхъ, позднѣе и братьевъ Зубовыхъ и другихъ именитыхъ вельможъ двора, съ которыми по очереди умѣлъ близко сходиться. Хотя и добылъ князь большой чинъ, придворное званіе, а затѣмъ и звѣзду на шитый кафтанъ, но на дѣйствительной службѣ пробылъ безъ года недѣлю.

Все это сдѣлали отчасти состояніе, а главнымъ образомъ лутешествія его.

Послѣ перваго же лутешествія и возврата онъ былъ представленъ императрицѣ и вскорѣ сталъ играть зачастую

съ государыней въ карты, а затѣмъ и приглашаться иногда на *рыски* ея или *parties de plaisir* въ Царское Село и Петергофъ, равно на разные балы, карусели и маскарады. Князь вскорѣ сталъ уже участвовать въ первыхъ парахъ. Тогда, т.-е. тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ былъ настолько красивъ собой и умѣлъ такъ обворожить каждаго (услужить съ помощью состоянія) и владѣлъ искусствомъ такъ легко и часто лѣвнать прекрасный полъ, что получалъ прозвище *Duc de Russelieu*, въ видѣ намека на знаменитаго сердцеѣда и волокиту герцога де-Ришелье. Объ этихъ своихъ безчисленныхъ побѣдахъ въ Россіи и за границей князь никогда не говорилъ и не хвасталъ.

— *Cela nuit au metier!* объяснялъ онъ.

За границей же князь слылъ, хотя и неправильно, за друга великой Русской монархини. *L'ami intime de la grande Czarine!*..

II.

Вдоволь нагулявшись за границей, прослывъ за яростнаго поклонника Вольтера, князь началъ дѣйствительно читать его и сдѣлалъ визитъ къ нему въ Фервей не задолго до его смерти. Путешествія эти пріучили только князя носить длиннѣйшія кружевные манжеты, особенныя брилліантовыя пряжки на башмакахъ и нюхать табакъ ради моды, но равно заставили полюбить живопись и музыку. Незамѣтно переживъ въ странствованіяхъ все царствованіе великой монархини, князь получилъ вдругъ на берегу Женевскаго озера извѣстіе о ея кончинѣ и несказанно пораженный, какъ всякій русскій дворянинъ того времени, тотчасъ, не отдавая себѣ отчета, полетѣлъ почему-то какъ можно скорѣе въ Петербургъ. И прямо полая въ бѣду.

— Какъ куръ во щи! Да еще и въ чужія! говорилъ князь, забывая вѣроятно что для кура всякія щи чужія. Но этимъ князь хотѣлъ сказать что онъ потерпѣлъ въ чужомъ лѣду лохмѣлье.

Случилось это такъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ князь остановился, какъ всегда, въ домѣ друга своего и тотчасъ наслушался отъ него вдоволь разныхъ диковинъ про новые порядки, но не повѣрилъ и половинѣ, ибо былъ этотъ другъ

извѣстемъ тѣмъ что много привиралъ. Отдохнувъ отъ длиннаго и утомительнаго лятинедѣльнаго пути, князь выѣхалъ на другой день въ каретѣ повидаться кой съ кѣмъ изъ знакомыхъ. Но въ гости князь не попалъ, а попалъ на гаултахту, а съ нея черезъ два дня былъ прямо высланъ вонъ изъ города, съ указомъ жить безъ права выѣзда въ своей вотчинѣ.

— Вотъ такъ блинъ! Ну, времена! ахнулъ князь, выѣзжая и оглядываясь на Питеръ и почти не вѣря своимъ глазамъ, т.-е. своему неожиданному путешествію *dans l'interieur!*

Почему все такъ произошло, князь не зналъ, да и спросить было некого. Самъ онъ былъ на гаултахтѣ подъ строгимъ арестомъ, а къ нему ни души не явилось изъ друзей и знакомыхъ. Точно провалились всѣ сквозь землю. Выѣзжая изъ города, князь думалъ что пріѣдетъ кто-либо проводить и попрощаться, но какъ былъ при немъ Андрианъ (вѣрный его холопъ, объѣздившій съ нимъ всю Европу), такъ и остался одинъ Андрианъ.

Въ деревнѣ князь узналъ наконецъ загадку всего съ нимъ происшедшаго. Одинъ изъ друзей написалъ и объяснилъ ему казусъ. Оказалось что князь, ѣдучи по столицѣ, повстрѣчалъ государя и снѣлъ шляпу, да и проѣхалъ какъ правый, не зная того что слѣдовало скорѣе выскочить изъ кареты и произвести все что указывалъ установленный этикетъ. Государь спросилъ, что за нахаль проѣхалъ. Доложили: князь Агаринъ.

— А? Знаменитый Duc de Russelien! Шатунъ этотъ, что къ Вольтеру ѣздилъ на поклонъ и отъ государыни письмо возилъ.

— Тотъ самый, ваше величество.

— И похоже, сказалъ государь,—очень похоже!... И оборотясь съ улыбкой къ оберъ-полиціймейстеру, бывшему въ свитѣ, государь прибавилъ:—Ты его немножко поучи вѣжливости.

Вотъ тогда оберъ-полиціймейстеръ уже по собственному ли соображенію дѣла, или по особому, другому указу — князя и поучилъ.

Въ гауши вотчины своей князь чуть не умеръ отъ тоски и сталъ отъ скуки по цѣлымъ часамъ вышивать шелками по газету. Главная слабость названнаго Дюка de Russelien поухаживать за представительницами прекраснаго

пола, les belles, и кромѣ того страсть лобесѣдовать, поразказать, послорить, поугостить—все это было почти невозможно. На красивыхъ женщннъ, на умныхъ собесѣдниковъ во всемъ околоткѣ не было. Первая мѣстная красавица въ сосѣдствѣ, прельщавшая всѣхъ, наломинала князю одну статую Парижскаго музея, олицетворяющую собой плодородіе.

„Ce n'est pas une belle, подумалъ князь. C'est l'Abondance! Toute une avalanche de chair!“

Самый умный собесѣдникъ изъ сосѣдей помѣщиковъ былъ знаменитый стихотворецъ времени „забвенныхъ“ и переводчикъ одной Цицероновой рѣчи (самой маленькой), и тоже высланный за стихи, не влопадъ поднесенные, на жительство въ деревню. Но князь ни стиховъ, ни переводовъ его никогда не читалъ, даже услышалъ объ нихъ въ первый разъ теперь отъ самого автора. Съ этимъ повтомъ, неосторожнымъ, не приваннымъ, князь, оказалось, не имѣлъ ничего общаго, кромѣ досады и злобы на правительство, ихъ обоихъ выславшее изъ столицы въ глушь. Этотъ знатокъ латыни и переводчикъ Цицероновой рѣчи оказался, къ изумленію князя, совершенно не грамотенъ по-россійски и невѣжда.

Такъ жалъ князь Петръ Ильичъ въ своей вотчинѣ до вступленія на престолъ государя Александра Павловича, и въ пять лѣтъ постарѣлъ на десять, вина въ этомъ „деревенщину“. Пріятели вспомнили наконецъ о немъ, попросили и выхлопотали прощенье.... Черезъ мѣсяцъ послѣ прощенья князь, сіяя отъ радости и счастья, былъ въ Москвѣ и лѣгъ оттуда въ Петербургъ.... Но увы! странное дѣло! Петербурга, который прежде князь хорошо зналъ, но который при государѣ Павлѣ Петровичѣ онъ видѣлъ лишь мелькомъ, два, три дня, да и то изъ замасленнаго окошка гаубтвахты, Екатерининскаго Петербурга... не было и слѣда... Былъ какой-то другой, новый Петербургъ. Начиная съ военныхъ мундировъ, причесокъ, покроя платья и кончая разговорами и манерами придворныхъ и высшего свѣта—все преобразилось, и князь... да, самъ князь Петръ Ильичъ вдругъ замѣтилъ что надъ нимъ подтруниваютъ, что онъ уже не можетъ играть той же роли что игралъ еще недавно при матушкѣ великой царицѣ въ каруселяхъ и въ кадрилихъ, всего какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ назадъ. Онъ, князь Петръ

Ильичъ, путешественникъ, парижаинъ, вольтеріанецъ, Duc de Russelieu, недавняя звѣзда непоследней величины, вдругъ теперь самъ замѣтилъ, почувялъ что онъ уже не герой, даже не актеръ, а просто изумленный зритель другихъ героев на другихъ подмосткахъ. Все преобразилось. Многое очень милое и умное стало считаться глупымъ. Многое прежде модное стало почему-то смѣшнымъ. Онъ и его друзья, нѣкоторые даже изъ нихъ государственные мужи времени Екатерины, мѣтившіе было прямо въ первые сановники государства какъ ученики *Великой*—теперь попали въ задніе ряды, а впередъ все болѣе и болѣе выдвигались безбородые молокососы и Dieu sait qui...

— L'un de ces matins Андриадъ se reveillera ministre! И мы даже не скажемъ.... nous ne dirons pas: sacré-matin! сострилъ однажды на вечерѣ князь Петръ Ильичъ. Но его шутка никому не понравилась.

— Старый шатувъ! Бабій прихвостень! послышалось князю изъ одной группы собесѣдниковъ. И князь въ первый разъ въ жизни покраснѣлъ отъ обиды.

Всего досаднѣе князю было то что о заграничныхъ своихъ путешествіяхъ онъ не могъ уже разказывать, какъ бывало прежде. Съ тѣхъ поръ столько народу перебывало за границей что розказни его были уже не диковинкой.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ Петръ Ильичъ собрался вонъ изъ Невской столицы, но на этотъ разъ за границу ѣхать ни за что не захотѣлъ.

— Нынѣ туда всякій дурень таскается. Cela n'a plus la même attraction! Et puis, c'est... гм!...

И вотъ тогда-то князь и явился въ древнюю столицу, первопрестольную, бѣлокаменную, гдѣ еще было можно дышать, быть Duc'омъ Russelieu, разказывать о своихъ путешествіяхъ, говорить безъ умолку и быть умнымъ и интереснымъ по-старому.

III.

Въ Москвѣ князь нашелъ свой громадный домъ, въ которомъ бывалъ только проѣздомъ, грязнымъ, заброшеннымъ, съ ларядными комнатами залертыми со смерти отца, но въ одну зиму хоромы преобразились, украсились внутри и снаружы; поднялись и флигеля, появились львы и гербы; и домъ вскорѣ наполнился гостями, загремѣла музыка съ

хоръ и жизнь снова улыбнулась Екатерининскому ораку, какъ и прозвалъ себя теперь самъ Петръ Ильичъ. Одно только не ладилось... Прекрасный полъ отнесся къ князю въ Москвѣ такъ же холодно какъ и въ Петербургѣ... Князь недоумѣвалъ, даже загоревалъ не на шутку. Или ужь съ новымъ вѣкомъ новый воровъ у женъ проявился—мужьямъ не измѣнять!..

Одинъ новый пріятель князя, говорившій чуть-чуть по-французски, москвичъ, старинный дворянинъ, разоренный въ пухъ, Иванъ Максимычъ Смередевъ, явился на помощь горющаго Екатерининскаго орака. Душа на раслашку, привыкшій громко и со смѣхомъ говорить все что было у него на умѣ, человекъ грубый съ виду, но съ которымъ князь, неловято для него самого, крайне быстро подружился, объяснилъ князю загадку напрямки.

— Господь съ тобой, Петръ Ильичъ! Какія тебѣ теперь шашки. Ты хоть еще въ соку, а все-таки не самого перваго разбора. Тебѣ который годокъ-то? Посуди...

И князь посудилъ и разсудилъ.

Дѣйствительно разгадка была самая простая: князю было почти пятьдесятъ три года. Этого-то онъ и не замѣтилъ.

— Стало-быть пора, другъ, остепениться, сирѣчь жениться! разсудилъ Смередевъ.—Коли нѣтъ ямскихъ, стулай на своихъ!

Князь былъ однако не вполнѣ согласенъ и вичего другу не отвѣтилъ, а отвѣтилъ мысленно себѣ:

— Пятьдесятъ лѣтъ! *Morbleu!*... Рашелье женился на *madame de Routh* въ восемьдесятъ четыре года. Правда, въ третій разъ. А первый-то разъ его женили *avec la Duchesse de Noailles* — лятнадцати лѣтъ отъ роду.

Князь всегда враждебно относился къ браку, но не отрицалъ возможности со временемъ тоже жениться. Это услѣтся. Подавиться, повѣситься и жениться не долго, говорилъ онъ всегда друзьямъ и любимцу Андриану.

Однако чрезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора, князь началъ уже приглаживаться и выбирать себѣ жену. Но дѣло затянулось на два года... За него всякую дѣвицу всякіе родители отдали бы ради его состоянія, имени и добраго права. Но самъ-то Петръ Ильичъ былъ разборчивъ и не могъ найти себѣ жену по сердцу.

— Да какую же бы ты хотѣлъ? спросилъ однажды Смередевъ,—опиши. Я объѣду всю Россію, на Макарьевскую

ярмарку съѣзжу. Въ Кіевѣ ловду на лѣто, когда боглохъ много съѣзжается. Хоть хѣлаушку, а добуду. Оли

И князь отшучивался, отшучивался и наконецъ описалъ.
— Ну, первое, будь она дворянка, роду хорошаго, хъ бы и захудалаго. Росту будь она высокаго. Статная толста, ни худа. Лицомъ чистая, чуточку чтобы на лавандку смахивала. Mais un brin! Самую малость, а не чтобы отъ нея лахло портеромъ. Глаза будь синіе, тельватые. Волосы свѣтлые, чуть не бѣлые... Разума чтобы нея было довольно... Но разума, какой приличеству полу женскому: чтобы руководѣльничать и хозяйничать не то чтобы не своимъ, а мужскимъ занятіямъ предавалъ. А то вѣдь теперь гледи что расплодилось разныхъ торокѣхъ, стихотворицѣхъ и всякихъ писательницѣхъ. Избави меня Господь... je veux dire... судьба... отъ такой жены по-гречески знаетъ и переводить! En France... oui!... Пикай! А у насъ барышнямъ и дѣвицамъ это не къ лицу къ рукамъ, острилъ князь. Il faut avant tout se laver mains chaque matin. И бѣлье тоже мѣнять надо.... А потуже уже les sciences!

— Ладно. Ладно. Далѣй. Описывай.

— Ну, разума, стало, не много надо. У меня хватитъ обоимъ. А вотъ сердцемъ чтобы она была... вотъ тутъ, безвѣный пріятель, и загвоздка. Un soeur d'or! Больше т Сердцемъ ей надо быть... такой, какъ ваши, je suppose, тые ангелы. Одно слово! будь она сама доброта, тишина, гладь, вѣжливость да ласковость. Чтобы отъ нея, вотъ къ отъ печурки зимой, и мнѣ и пріятелямъ и холопамъ д моимъ, всѣмъ въ домѣ тепленько стало. Когда есть въ щипѣ это сердце... скажу Богомъ вложенное, je veux ге природою данное, то около нея всѣмъ живется достойно и утѣшно. А ужъ коли жениться, такъ жени на эдакой. Инако же зачѣмъ? Лучше оставаться холостомъ на всю жизнь! Не хочу я тоже и холопамъ сво чертовку княгиню навязать, прибавилъ князь подумавъ. Имъ у меня живется хорошо... А тутъ вдругъ заведе барыня драчунья, бранчивая, да привязчивая, да еще, sou tu dis souvent, баба о семи пятницахъ и безъ середы.

— Вздоръ. Пустое говоришь. На чертовкѣ или бабѣ-какой не надо жениться. А на добронравной надо. Пел холостымъ оставаться въ твои годы.

— Что же дѣлать. Не найдешь, такъ и останешься.

— Пустое. Не бывать сему. Какъ можно. Псой запахнешь. Вотъ какъ я, Смередевъ, Иванъ.

— C'est grossier, mon cher.

— Гроссіе или не гроссіе, а вѣрно сіе! захотѣлъ Смередевъ. — Да небось. Я тебѣ не дамъ запропастъ. Услужу. Вели мнѣ отсчитать и принести тысячу рублей изъ конторы.

— Зачѣмъ?

— Ъду искать. Всю Россію объѣзжу, въ Вятку, въ Тотьму, въ Астрахань, на островъ на Буявъ съѣзжу. Можетъ съ дороги еще тысячу попрошу, а ужъ жену тебѣ эдакую выщу. И бѣловолосую, и сœur d'or, и пещурку, и ангела святого.

— Шутить, mon cher.

— Зачѣмъ. Какія тутъ шутки. Завтра выѣзжаю и жди меня черезъ годъ. А можетъ и ранѣе. А коли черезъ годъ ничего не найду, то тогда пріѣду назадъ, и дѣлай со мной что пожелаешь. Кабы не дворянинъ, далъ бы себя отстегать въ пращевой. Хочешь такой уговоръ: не найду—любей!

Но князь о чемъ-то думалъ, улыбался и не слышалъ предложенія.

— Знаешь ли ты, другъ, заговорилъ князь,—есть вотъ за границей картина Мадонна, писанная триста лѣтъ назадъ мастеромъ Гольбейномъ. Вотъ кабы ты эту Мадонну Гольбейнову видѣлъ, то зналъ бы, что я желаю въ супругѣ.

— И мадаму Гольбейнову найду. Олиши.

— Мадонну, поправилъ князь и цѣлыхъ три часа олисывалъ другу свой идеаль.

Смередевъ прослушалъ очень внимательно, а на утро выѣхалъ изъ Москвы.

Князь, узнавъ объ этомъ, такъ и ахнулъ: ventre bleu!

IV.

Это было въ декабрѣ. Князь сначала смѣялся внутренно надъ затвѣй пріятеля; но понемногу сталъ чаще и чаще подумывать объ этомъ. Смередевъ былъ уменъ и настойчивъ. Получая отъ пріятеля письма изъ разныхъ мѣстъ и городовъ, видя что тотъ и впрямь чуть не всю Россію собираетъ обшарить, князь уже сталъ серьезно интересоваться затвѣй пріятеля отъ которой зависѣла его жизнь.

„Il va me marier tout de bon, ce diable d'homme!“
князь.

Приходили письма, и князь съ волненіемъ прежде гихъ писемъ распечатывалъ тѣ, на которыхъ была шая гербовая печать вѣрнаго друга. Во всякомъ были краткія описанія разныхъ провіціальныхъ дѣ ихъ родныхъ, и письмо всегда кончалось словами:

„И но сему увидишь что намъ не подходяща. Но не кливомъ и вѣду дальше.“

Прошло полгода; письма вдругъ прекратились, до города Пензы... Наконецъ пришло письмо краткое:

„Любезный пріятель! Сіжу въ степи у города у Л въ трехвершковой усадьбшкѣ столбового дворянина. Покуда не поѣду... Лицомъ ангель, прелестница. Тв дама Агалбенская сама.

„Не знаю только еще, какова вразомъ. Можетъ ба при лестѣ и метлѣ! Покуда прости!

„Твой Иванъ Смередъ“

Князь задумался не на шутку. Проѣхавъ столько переводивъ столько невѣсть, застрять другу въ тру стало-быть есть важная причина. Стало-быть есть соотвѣтствующая портрету князя и его Мадоннѣ.

— Неужто и впрямь что-либо такое? волновался князь. Ждалъ письма.—*Ce serait incroyable!.. Ce serait... Quoi?*

Но Смередевъ олять замолчалъ какъ убитый. Ни ни духу.

— *Il me fera mourir!* говорилъ князь.

И князь сталъ раздражителенъ, видимо не по с самъ себя дивился.

— *Je deviens vieux!* Это ребячество! сердился онъ и

Наконецъ пришло письмо. Князь, увидя большую и почеркъ друга, даже привскочилъ. Переведя дух свѣлъ и собрался читать, но распечатавъ и раскрывъ олять вскочилъ съ мѣста. На большой страницѣ бумаги было только написано:

„Любезный пріятель!

Нашель! Подошла! Везу!

„Твой Иванъ Смередевъ“

Князь опустился въ кресло и долго сидѣлъ не дви

„Ну какъ, vraiment — судьба моя рѣшается, думалось ему. Нѣтъ.... Вздоръ, лустое! Можетъ эта дѣвица не Голубейнова моя Мадонна, а впрямь Иванъ Максимычева Мадама Агаалбенская.“

Однако князь, перечитывая письмо друга, все-таки чувствовалъ что онъ робѣетъ и смущается и внутренно желалъ то одного, то другаго. То хотѣлось ему въ явѣ увидѣть свою любимую Мадонну, то хотѣлось чтобъ Иванъ Максимычъ ошибся и сплеховалъ.

„Если Мадонна, то и Гименей! А этого я бога всегда боялся пуще дѣвола!“ думалъ князь.

Наконецъ, чувствуя что въ такія минуты нельзя оставаться одному, онъ позволилъ.

— Послать Андриана!

Любимецъ князя, изъѣздившій всю за границу, былъ высокій и смуглый человекъ лѣтъ сорока, съ умнымъ лицомъ и прямымъ выраженіемъ въ узкихъ глазахъ подъ выгнутымъ лбомъ. Любимецъ конечно зналъ о затѣвѣ князя. Не скоро являлся онъ „предъ барина князьинку“.

Съ пріѣздомъ въ Москву Андрианъ вообще сталъ лѣнливѣе и началъ толстѣть, ибо сталъ дворецкимъ и полноправнымъ властителемъ и судьей въ домѣ и надъ дворежъ князя.

— Иванъ Максимычъ лишетъ: нашлася... Везетъ, лишетъ! какъ-то стыдливо объяснилъ князь своему вѣрному холоду и Лелорелло, знавшему давно всего князя насквозь и все его прошлое, его русскія и иноземныя похождения. Андрианъ смолчалъ и, заложивъ руки за спину, глядѣлъ чрезъ князеву голову.

Князь глянулъ вскользь въ лицо лакея дворецкаго, отвернулася и сталъ ходить по горницѣ.

— Чтѣ? Боишься что княгиня будетъ... Воли той не дастъ, язвительно сказалъ князь.

— Чтѣ мнѣ ваша воля, пробурчалъ Андрианъ.—У васъ послѣдняго щенка въ домѣ пальцемъ не смѣй ткнуть. Срамота на всю Москву чтѣ у насъ дозволяется, да творится. Озарство!!

— Ну. Ну. Старая лѣсня. Не до того... А ты вотъ отвѣчай. Насчетъ княгини-то будущей... А?

— Чтѣ жъ я—отвѣчай. Зачѣмъ Иванъ Максимычъ... ну, онъ и отвѣчай. А я не знаю... Вотъ какъ чрезъ полгода

послѣ вѣнца—хоть черезъ годъ, давай скажемъ,—оно она вамъ.... Ну вотъ тогда что?... А?. Пола что ль раз доставать, да вывернувъ ризы на изнанку развѣ вась съ ней будемъ! Авъ нѣтъ, князька; всаки скажетъ: то молъ не за границей, а у себя. Вздася такъ таяи, да потягивай...

Князь ничего не отвѣтилъ. Андрианъ тоже замолч

Любимецъ сразу попалъ въ цѣль, сказалъ князю то что баринъ думалъ, да не говорилъ. Такъ бывало И оба это знали. Въ этомъ и былъ именно секретъ завности барина къ лакею и полновластіе лакея въ

— Авось... тихо воркнулъ наконецъ князь.

— Глупое русское слово, одновозвучно и тихо выг Андрианъ.

Князь обернулся на ходу и глянулъ на лакея гр

— А?!

— Вы извоите всегда сказывать: Авось—глупое слово.

— Все глупости... А ты себѣ еще не забори въ Когда прѣвдетъ... сердито и громко путался князь, и шій браниться.—Ты что ли мнѣ запретишь! Женитьс тишь. Вамъ у меня баловство. Боятесь вотъ что в рыня... Ну, ступай. Только разсердилъ своимъ вра

Андрианъ вышелъ не слѣша и какъ-то особенно кровно отворилъ и притворилъ за собой дверь каби

— Разумѣется глупое слово! заворчалъ князь о Дурацкое слово. Авось?! *Veillez bien me le traduire.* Гаупо! *Bête somme choi.* Стало-быть что же меня ож Что же это будетъ? *Авосьная* женитьба.

V.

Стель голая, черноземная, богатая хлѣбами... В мѣсяцъ здѣсь какъ въ морѣ зеленомъ, волнистомъ вомъ, тонетъ прохожій во ржи что вытянулся вт человѣческой. Въ декабрѣ здѣсь тоже море безбреж бѣлое и мертвое, и гибнетъ тутъ прохожій и отъ м отъ волковъ. Отъ жилья до жилья по два десятка насчитываютъ, да и тѣ баба клюкой мѣрила. Впроч этомъ краю и за сто версть сосѣдами считаются.

Близеховько отъ города Ломова, т.-е. верстахъ въ пятидесяти, а то и больше, сѣреди голой степи, въ оврагѣ или котловинѣ, у маленькой рѣчки—шумитъ густой и темной сажь, все дубы да кленые. Немножко повыше, на склонт, домикъ бѣловѣкій и маленький, весь съ иглолочки, чисто и старательно вымазанный глиной. Только годъ назадъ везли у домика фронтоны, двѣ колонны, балясничка, а на стѣнѣ подъ кесаконъ крыши лѣду и двухъ амуровъ прицѣпили. Домикъ просто диво-дивное вышелъ и его многіе дворяне изъ Ломова ѣздили смотреть.

Помѣщикъ Лукьянъ Ивановичъ Собакинъ, цокусникъ и мастеръ на всякую штуку—самъ весь домъ ладилъ и строилъ на скопленный въ десять лѣтъ капиталъ. Хотя могъ Собакинъ выстроить домъ на хуторѣ у большой рѣчки, но не рѣшился уйти и остался здѣсь въ этой самой котловинѣ у маленькой рѣчки Малой Дужки. Потому не ушелъ дворянинъ помѣщикъ что здѣсь же наверху оврага, гдѣ садъ уже кончился, тянется деревушка дворовъ съ десяткомъ, а душъ въ пять, считая и малыя ребятъ, не больше поестни наберется. За то всѣ дворы, и задворки, и овины и изгороди—все хотъ не ново, а сѣро и черно, но въ порядкѣ стоитъ, не валится на-земь.

Это усадьба и деревня—Дужино, Собакино тожъ. Дужино еще кто и не знаетъ, но Собакино всѣ знаютъ, потому что Лукьянъ Ивановичъ вся губернія знаетъ теперь, какъ знала его отца и дѣда и прадѣда. Лукьянъ Ивановичъ здѣсь и родился, не въ этомъ новомъ домикѣ, а въ старомъ, который совсѣмъ сгнилъ и провалился, но все еще стоитъ на дурѣ, покосившись на-бокъ, изжелта-сѣрый съ мезониномъ и съ крылечкомъ. Въ этомъ домикѣ родился и прожилъ отецъ Лукьяна Ивановича и дѣдъ его и прадѣдъ. А прапрадѣдъ и всѣ остальные Собакины, начиная кто говорить со времени Ивана Грознаго, а кто—съ царя Михайла, жили хотъ и въ другомъ домикѣ, но на этомъ мѣстѣ. Оттого и не ушелъ отсюда Собакинъ, оттого и не подвинулась рука у Лукьяна Ивановича на старый домикъ, на эту хранину родовую. Да и какъ рука подвинется на кровлю зацѣпавшую отъ непогоды, головы отцовъ и дѣдовъ и на стѣны сѣренькія, межъ которыхъ прошла цѣлая жизнь, гдѣ родились въ свой чередъ, росли, жили тихонько, уютно.

и простовато, жемчужны, плавились и затѣмъ умирали въ свой чередъ, мирною и неостыдною кончиною,—всѣ Собакины, одинъ за другимъ.

Послѣдній представитель древняго рода, Лукьянъ Ивановичъ, былъ когда-то военнымъ, но недолго. Черезъ четыре года послѣ его зачисленія въ одинъ егерскій полкъ, будучи еще только двадцати лѣтъ, попалъ онъ въ походъ, въ Пруссію, съ арміею, бывшею подъ начальствомъ Апраксина. Затѣмъ попалъ въ знаменитое сраженіе подъ Гросс-Егерсдорфомъ и былъ раненъ въ грудь, въ ногу и въ руку. Грудь ему „заштуковали“ по его словамъ, рука сама справилась и стала дѣйствовать, потому что пуля только проскочила и минула въ бокъ, чтобы убить въ високъ его любимца унтера Евсена, который шелъ браво съ нимъ рядомъ и его даже подталкивалъ. А лѣвую ногу у Собакина отрѣзали выше колѣна.

И странное дѣло, когда эта раздѣлила всю жизнь Лукьяна Ивановича на двѣ половины. То было *до ноги*, а то ужъ вотъ было *послѣ ноги*. И всѣ шалости чтѣ предѣлывалъ въ околоткѣ молодой баричъ, а юный капитанъ въ Москвѣ или прапорщикъ въ Германіи—до ноги, того ужъ поручикъ въ отставкѣ, послѣ ноги—не предѣлывалъ.

— Съ деревяшкой куда же сумешься! стыдно, говаривалъ онъ.

Памятны остались минуты послѣ операціи. Плохъ былъ Лукьянъ Ивановичъ, какъ рѣзали его, словно теленку какую, прости Господи; еще плоше былъ послѣ, а помнитъ хорошо что не приказалъ солдатамъ бросать ногу, а велѣлъ положить около себя и цѣлыми сутки глядѣлъ на нее. И глядя на эту ногу онъ Богъ вѣсть почему отъа своего вспоминалъ, чтѣ былъ уже на томъ свѣтѣ, и Дужино свое вспоминалъ съ садикомъ и съ рощей, и Марушъ, и Дуляшъ и Акулекъ разныхъ сѣроглазыхъ и ласковыхъ изъ сосѣдняго села Прокурова; вспоминалъ всю жизнь свою прошлую будто впереглядывалъ да передумывалъ онъ снова. И все это, глядя на отрѣзанную ногу. Пальцы были цѣлехоньки, будто на смѣхъ остались невредимы. И разъ съ десятокъ за этотъ день слезы выступали на лицѣ молодаго Собакина и онъ приказывалъ тихонько мальчишкѣ помощнику фельдшера:

— Оботри. Лицо мокро. У глазъ-то, у глазъ оботри. По-тветъ что-то...

И спасибо никто не видалъ какъ Собакинъ по ногѣ лап-калъ. Да и кому было видѣть! Около него умирали трое другихъ раненыхъ изъ лодка товарищей. Вернувшись инвалидомъ съ крестомъ и съ деревашкой въ Дужино, зажилъ Собакинъ тихонько. Сталъ объ лѣто имѣльщикомъ занимать-ся, а по зимамъ въ карты играть, проводя зиму въ Ломовѣ. Два раза и въ Тамбовѣ побывалъ и въ Саратовѣ. Сталъ со-сѣдами любимъ за добрый нравъ и за разказы про не дол-гую свою, но важную кампанію. Наконецъ сталъ Собакинъ почитать книжки и кой-что вычитывать изъ нихъ и на усь себѣ мотать. Но любимыми книжками были и остались у него двѣ: вопервыхъ, *Самонотѣйшій оракулъ сносиднній и превращеній*. Мудреная была книга, толстая, съ рисунками. Десять лѣтъ бился Лукьянъ Иванычъ чтобы все въ ней одолѣть и понять, но такъ и бросилъ. Иныя главы всякъ на свой толкъ объяснялъ и одну главу „о пирамидальности“—никто во всѣмъ околоткѣ не могъ понять. Въ губер-скомъ же городѣ Собакинъ посоветился съзнать въ сво-емъ необразованіи и совѣта просить. Другая книга настоль-ная, важная въ хозяйскомъ дѣлѣ— была *Брюссовъ календарь*, за который Лукьянъ Иванычъ цѣлый оброкъ съ двухъ душъ полученный, цѣлыхъ двѣнадцать рублей заплатилъ.

Проживая такъ цѣлыхъ десять лѣтъ одинъ какъ перстъ, заскучалъ Лукьянъ Иванычъ. Была у него кручина и пре-жде затаенная отъ всѣхъ, а теперь эта кручина еще лучше сказывалась.

— Какъ проживаете? спрашивалъ у него знакомый.

— Какъ? Живу себѣ... на одной ногѣ!

Но кручина его была уже иная. Не ногу свою—погре-бавую по его просьбѣ солдатами какъ сдѣдуетъ въ Герма-ніи—жалѣлъ теперь инвалидъ. Лукьянъ Иванычъ гордил-ся своею деревашкой, она его всюду вводила и рекомендо-вала. За нее и крестъ висѣлъ у него на груди. А это былъ тогда одинъ крестъ на весь околотокъ въ триста веротъ, если не на всю округу.

Тридцатилѣтній поручикъ въ отставкѣ и помѣщикъ го-релъ о томъ что нельзя подобно отцу и дѣду сочетать-ся законнымъ бракомъ съ какою-либо дѣвицей изъ сосѣд-

нихъ дворянъ и заживъ по-христіански, прижить дѣтей. Лукьянъ Иванычъ былъ убѣжденъ что за калѣку ни одна дѣвица хорошаго роду не пойдетъ.

— Вотъ кто, знать, моя суженая-ряженая! говорилъ онъ показывая на деревяшку.

На крестьянкѣ жениться—осрамиться, а дворянку однодворку коли силкомъ отдадутъ за него замужъ родители, думалось ему, то какого же счастья и благополучія ожидать.

Такъ время и шло...

VI.

Богъ судилъ иначе. Однажды лѣтомъ въ самый полуденный жаръ, когда Собакинъ отдыхалъ послѣ обѣда, приближали съ деревни мужикъ да баба, а за ними еще мужикъ и еще баба и наконецъ ребятишекъ съ десятокъ. Барина велѣли разбудить. Люди дворовые Собакина, числомъ двое: Антонъ и кухарка Лукерья, разбудили барина. Дѣло было важное. Въ сто лѣтъ разъ такое бываетъ! И узналъ проснувшійся Лукьянъ Иванычъ слѣдующее: Проѣзжіе, откуда и куда невѣдомо, на тройкѣ наемныхъ, а не на своихъ, въ тарантасѣ, мимовавъ деревушку стали спускаться на мостъ черезъ овражину, да на косогорѣ завернулъ какъ-то мужиченко кучеръ неловко въ сторону... иль пристяжная рванула! Тарантасъ свернуло на косогорѣ на бокъ... Да все и посыпалось въ рѣчку. И экипажъ, и лошади, и проѣзжіе. Утонуть въ Малой Дужкѣ—курицѣ развѣ только можно, но бѣда была не въ томъ. Самого барина подшибло до смерти, барыню искалѣчило, кучера пристяжная въ рѣчку втащила и вмяла въ тину, вѣроятно тоже померъ, а осталась барышня. Сидитъ телерь какъ шальная и не плачетъ и не говоритъ... Говоритъ что-то сама съ собой, да ничего не поймешь. Языкъ свертѣлся отъ ислуга.

И этотъ день (когда случилось это несчастье, о которомъ узналъ Лукьянъ Иванычъ отъ мужиковъ) сталъ для него днемъ новой жизни, счастья. Такъ знать Богъ судилъ.

Черезъ часъ въ домикъ инвалида Собакина, гдѣ уже болѣе десяти лѣтъ жилъ онъ одинъ одиухонекъ, было хотъ и не радостно, а хлопотливо, за то людно и шумно.

Проѣзжіе оказались—гражданинъ города Митавы Дитрихъ съ женой и съ дочерью. Дитрихъ ѣхалъ изъ Москвы, гдѣ былъ провизоромъ, въ Саратовъ, а далѣе въ Екатеринбургъ, по приглашенію друга, для того чтобы занять должность умершаго аптекаря. Бѣдный Дитрихъ былъ убитъ наповалъ и раздавленъ тарантасомъ. Фрау Каролина, жена его, была очень опасно ранена въ грудь. Кучера, смятаго лошадей, достали и вытащили замертво, но онъ вскорѣ пришелъ въ себя, сидѣлъ, глядѣлъ на всѣхъ и даже заговорилъ. Сказалъ про кого-то: ахъ, ты проклятая!...

Единственная уцѣлѣвшая, и только легко ушибшаяся при паденіи—была дочь Дитриховъ, восемнадцати-лѣтняя Юлія, бѣлокурая дѣвушка, красавица, какихъ Лукьянъ Ивановичъ и на картинкахъ никогда не видалъ. При взглядѣ на нея у Собакина духъ захватывало, и всего въ жаръ бросало. Лукьянъ Ивановичъ, герой Егерндорфа, мараквалъ ло-нѣ-мошки и могъ тотчасъ заговорить съ красавицей своею. Событіе было невѣроятное, но разрѣшилось просто. Дитриха похоронилъ сосѣдній батюшка по обряду православной церкви и черезъ полгода выговоръ за то получилъ отъ архіерея. Вдову раненую положили въ постель и устроивъ все для матери и дочери, Лукьянъ Ивановичъ послалъ за докторомъ въ имѣніе одного богача-помѣщика верстъ за восемьдесятъ.

Мѣсяць пролежала въ постели фрау Каролина, то стонала отъ боли, то плакала по мужъ, но наконецъ подвинулась на ноги и не знала какъ благодарить и какъ отплатить доброду Лукьяну Ивановичу. Но за время болѣзни матери, Юлинька, услѣвшая оплакать потерю отца и услѣвавшая ухаживать за больною матерью, услѣла тоже коротко сойтись съ хозяиномъ,—прельстить, съ ума свести Лукьяна Ивановича.

Когда мать и дочь стали собираться уѣзжать назадъ въ Москву, а затѣмъ въ Митаву, то Лукьянъ Ивановичъ сидѣлъ какъ пришибленный и рѣшилъ наконецъ ѣхать съ ними.

— Зачѣмъ? Lieber Gott! воскликнула мать, Каролина Карловна.

— Я безъ Юліи Ивановны жить не могу! бухнулъ Собакинъ. — Пропадай моя жизнь, пропадай все мое добро. Я толпиться пойду. Вотъ сейчасъ побѣгу толпиться!..

И Лукьянъ Иванычъ, говоря это, глядѣлъ въ полкъ руками надъ головой, а самъ чувствовалъ что стѣлается что-то особенное, но уже знакомое въ жизни то онъ олять второй разъ лодь гуль лушекъ, на Гегерндорфскіе окопы лѣзеть. И вотъ, вотъ сейчасъ убьютъ... Убьютъ его одно слово Юліи или ея матери. Ядра убьютъ! Но ни красавица Юлія, ни Каролина Бонапарта на Лукьяна Иваныча не убилъ отказомъ.

Мѣсяца черезъ полтора въ Ломовѣ переходила въ славіе Юлія Дитрихъ, а черезъ два дни вѣвчалась бакинскимъ. Послѣ вѣнца Каролина Карловна увѣхала таки въ Митаву, чтобы жить съ сыномъ. Молодые люди вдвоемъ.

Все это происходило болѣе тридцати лѣтъ назадъ старомъ домицкѣ, что стоитъ теперь скосившись на Дужинѣ.

Теперь въ Дужинѣ въ бѣленькомъ новомъ домицкѣ лоннами и дирою живутъ трое...

Шестидесяти-восьми-лѣтній герой Егерндорфа, съ валидъ, но румяный, бодрый и веселый какъ и прежде тывающій изрѣдка свой Брюсовъ календарь, затѣмъ не вставая съ постели параличомъ разбитая, очень и немного разумомъ тронутая лятидесяти-лѣтняя рыня Юлія Ивановна, которую мужики очень людавно позабывъ что она родомъ не русская, что она россійскою барыней только вывалившись на косога вуть наша матушка Улья Ивановна.

Съ ними вмѣстѣ ихъ сокровище младшій и девяти ребенокъ, единственный оставшійся послѣ восьми вѣкъ дѣтей умершихъ въ раннемъ возрастѣ. Этотъ ній и единственный ребенокъ боготворимый Лукьяновичемъ—шестнадцати-лѣтняя дочь Маша.

Что такое Маша, Марья Лукьяновна, барышня ская—всякій во всемъ округѣ знаетъ. И мужикъ, и Она золотая барышня.

VII.

Маша, родившаяся и выросшая почти безвыѣзъ Дужинѣ, знавшая изъ всего міра Божьяго только Ломовъ, да село Троицкое съ большимъ златоглавы момъ, куда они были прихожанами—была тотъ полер

токъ, тотъ колокольчикъ степной, что родится въ глуши и красуется среди муравы или на крайнѣ поля ярового. Никто этого колокольчика не поливаетъ, не пересаживаетъ, отъ бури не защищаетъ; на солдце не ставитъ; невѣдомо какъ, зачѣмъ, для кого, слѣвою судьбой, Божьимъ промысломъ, брошенъ овъ среди лахучей муравы и самъ о себѣ заботится, днемъ тавится къ солнышку, льетъ жадно росу по ночамъ; въ непогоду не робѣетъ вихря или дождей, въ ласное время шелчется съ букашками, цѣлуется вооволь съ мотыльками. И долго цвѣтетъ овъ—красивый, сильный! И гордо держитъ головку свою, безъ единого лянтышка.

Маша умѣла читать и писать, наученная отцомъ, пробовала учиться и по-нѣмецки, но эта грамота ей не далась.

Увѣреніямъ родныхъ что Юлія Ивановна Нѣмка Маша съ дѣтства не вѣрила, сердилась, надувала губки, а то и плакать принималась. Лукьянъ Ивановичу это нравилось.

— Моя въ ней кровь. Я Нѣмцевъ-то какъ билъ подъ Егерсдорфомъ.

Тому что Нѣмцы отцу ногу оторвали лущкой, Маша повѣрила сразу, будучи еще семи лѣтъ. Это было просто и повятво. Но послѣ этого согласиться что одинъ ея дѣдушка былъ Иванъ Лукьяновичъ, родившійся въ Дужинѣ, староста церковный въ селѣ Троицкомъ, гдѣ онъ и похороненъ у алтаря; а другой дѣдушка Нѣмецъ изъ Митавы—было для Маши мудрено, и она этого не понимала, т.-е. не хотѣла понимать.

Про перваго дѣдушку она вѣрила, а про втораго—головой качала.

— Ну, пускай тотъ дѣдушка—Нѣмецъ, рѣшила однажды Маша будучи еще десяти лѣтъ,—за то же лошади и убили его въ овражинѣ.

Лукьянъ Ивановичъ расмѣялся, а Юлія Ивановна не сердилась на это разсужденіе.

Вѣдь съ той ужасной минуты много воды утекло, почти тридцать лѣтъ жизни въ Дужинѣ и восемь очередно скороненныхъ родныхъ дѣтей, застилали въ памяти Юліи Ивановны потерю убитаго лошадыми отца.

Подросла Маша, стала шестнадцатилѣтнею барышней Марьей Лукьяновной.

Хотя она ни за что не хотѣла считать себя полу-Нѣмкой, однако, глядя на себя въ зеркало, должна была сознаться

что если сердцемъ она русская барышня, то ея лицо, глаза и въ особенности свѣтло-бѣлокурые волосы, чуть не бѣлые, которыхъ однако не было у ея матери, не было и у бабушки Каролины, не позволяли ей быть совсѣмъ Русскою. Она не походила вовсе какъ на деревенскихъ дѣвушекъ, такъ и на другихъ барышень, которыхъ она видала въ Ломовѣ и въ Троицкомъ селѣ за обѣдней.

— Волосы-то моеи бабушки баронессы Штейнмаркъ, часто говорила Юлія Ивановна. И она радовалась этому, какъ хорошему предзнаменованію. Дитрихи всѣ гордились этою бабушкой, баронессой родомъ изъ Саксоніи, которая только потому попала въ Митаву и сдѣлалась женой Дитриха что вышла за него замужъ сорока лѣтъ, удалившись послѣ очень темныхъ и странныхъ приключеній и даже очень бурной жизни въ этотъ малелькій городокъ. Будучи протостою гражданкой, небогатою женой бюргера—бывшая баронесса никуда ни показывалась, до конца своей жизни переписывалась съ очень высоко поставленнымъ человекомъ.

Въ послѣдствіи оказалось что это былъ самъ курфюрстъ Саксонскій. Мама, сама не зная почему, тоже часто думала объ этой бабушкѣ въ часы уединенія. Такъ какъ для Маши въ сосѣдствѣ не было ни одной сверстницы, то у нея не было и пріятельницъ, она однакоже не проводила время одна, играла въ саду и въ роцѣ, бѣгала и гуляла съ двумя крестьянками, которыхъ позднѣе взяли лѣтнему во дворъ и сдѣлали одну кухаркой, другую горничной. Глаша и Люба, бывшія ея помощницами въ играхъ, потомъ стали помощницами и въ хозяйствѣ. Обѣ были на два года старше ея. Первая была „ротозѣя несообразительная“, по словамъ Собакина, и Мама еще ребенкомъ чувствуя что съ Глашей какъ-то не говорится, болѣе и чаще бесѣдовала съ Любой обо всемъ томъ, о чемъ съ отцомъ и съ матерью бесѣдовать не могла, стыдилась или боялась.

Эта Люба была на счастье Маши избрана судьбой быть первымъ учителемъ въ дѣлахъ житейскихъ для дѣвушки начинающей оглядываться, ловимать и соображать. Люба очень некрасивая, рябая и рыжеватая, была за то добрая и умная дѣвушка, богомольная, кроткая и честная и отъ природы, и отъ случайности. Ее съ трехлѣтняго возраста колотила и звѣрски мучила, чуть не убила разъ совсѣмъ, злющая и шальная мачиха.

Взятая въ домъ къ барышнямъ двѣнадцати лѣтъ, Люба уже была настолько *ученая*, т.-е. настолько измученная и настрадавшаяся дѣвочка что не принесла съ собой изъ деревни въ усадьбу ничего такого что принесла бы всякая другая счастливая и разбитная дѣвка.

Люба еще ребенкомъ уже печально и боязливо озиралась на весь міръ Божій и молилась усердно со страху.

И Маша обожаемая родными и счастливая дома, подъ вліяніемъ задумчивой и печальной по привычкѣ любимицы, стала тоже полугрустно, полугадательно и пожалуй даже боязливо смотрѣть на многое что другимъ дѣвушкамъ въ глуши сель и деревень кажется понятнo, просто, забавно, и во всякомъ случаѣ не страшно....

— Грѣхъ это, барышня! очень часто кратко и кротко объясняла Люба. Иногда же рѣшала вопросъ еще проще.— Не ваше это дѣло дѣвичье—эти мысли имѣть!.. Бросьте!

Помимо Любы и Глаши былъ издавна и у дѣвочки и у барышни Маши еще одинъ близкій человекъ. Однако за послѣднее время его не было больше въ усадьбѣ.

У Маши съ первыхъ лѣтъ жизни оказалась страсть рыться и копать въ землѣ, дѣлать кучки и втыкать вѣточки и прутья. Эти сады и огороды были иногда огромные и занимали ширину всей дорожки отъ дома въ роцу, т.-е. аршина два, и крошка Маша не позволяла никому давить ногами ея деревья, ни роднымъ, ни братьямъ. Кромѣ того эта игра съ землей часто переходила мѣру благодаря особому рвенію Маши и становилась работой, утомляла ребенка и была вредна. Запретить игру отецъ не хотѣлъ, но увидя что Маша иногда проситъ помощи у двухъ братьевъ, а тѣ болѣзненные, лѣнивые и щедущные,—не могутъ помочь ей какъ слѣдуетъ, Лукьянъ Иванычъ надумился достать Машѣ помощника....

Красивый, смѣтливый и проворный мальчуганъ Вася, котораго Маша знала давно, видаа иногда въ дѣвичьей, но всегда прячущагося за юлкой ея кормилицы,—явился однажды на дорожкѣ, гдѣ хлопотала Маша съ братьями.

— Ты тоже и съ нимъ играй! оказалъ отецъ.—Онъ тебѣ пособитъ огородъ-то твой разсаживать. Вася тебѣ молочный братъ! Играй съ нимъ.

Дѣвочка сразу полюбила Васю больше другихъ братьевъ. Тѣ, знай, все солятъ, да солятъ.... или реветъ примутся безъ

нужды и никогда ей не помогутъ, а этотъ братецъ хоть прятался прежде отъ нея за юлки кормилицы, а теперь вышелъ преловкій.... Не хуже Маши все строить да ладить. Вскорѣ изъ двухъ родныхъ братьевъ одного „Богъ взялъ къ Себѣ“, также какъ и прежде другихъ братьевъ Машиныхъ брать, когда ея еще на свѣтъ не было.... Не прошло одного года, въ концѣ зимы однажды, когда Мама съ молочнымъ братомъ своимъ Васей строила домики изъ щелока на полу столовой—она узнала что и другаго брата, который лежалъ уже три дня въ постелькѣ, тоже „Богъ взялъ къ Себѣ“.

— Ну, а Васю Богъ возьметъ? спросила она у отца, бросивъ игрушки.

— Когда-нибудь да-возьметъ! сказалъ разсѣянно горючій по послѣднему сыну Лукьянъ Иванычъ.—Всѣхъ насъ возьметъ въ свое время.

Мама горько задилась слезами и долго плакала.... Оказалось однако что она плакала только оттого что и Васю „Богъ возьметъ“!

VIII.

Иванъ Максимычъ Смередевъ, обшаривая матушку Россію, попалъ въ степную полосу и прибылъ въ городишко Ломовъ. Черезъ три дня, разговорясь о красавицахъ дворянцахъ въ околоткѣ съ однимъ проѣзжимъ полковникомъ одного давно уже раскассированнаго Павлурскаго полка, Смередевъ увидѣлъ что полковникъ знаетъ всѣхъ во всей губерніи.... Онъ прямо заявилъ Смередеву что есть одна такая писаная красавица около Ломова, что врядъ ли можно найти на свѣтъ другую ей подобную.

— Въ однихъ сказкахъ только эдакія описываются, заключительно пояснилъ полковникъ.—Да тамъ вранье одно, а тутъ тебѣ въ явь, отецъ мой!

Смередевъ разспросилъ подробности и узналъ что красавица бѣлокурая, синькокая, но матери Нѣмка, враномъ ангель, разумомъ самъ царь Соломонъ, родомъ по отцу столбовая дворянка, а живетъ въ усадьбѣ—деревнѣ Дужино, Собакино тожь, верстъ съ полсотни.

На утро Смередевъ выѣхалъ прямо въ Дужино къ Лукьяну Ивановичу Собакину въ гости. Это была сотая, а

то и двухсотая проба пофхавшаго по Россіи холостяка. Разскажи кому Смередевъ про свою затѣю, всакій бы его на смѣхъ поддѣлалъ, но самъ онъ считалъ свое странствованіе дѣломъ.

— Чтѣ же? Посылали же эдакъ прежде, при царяхъ Московскихъ, свозить въ Москву боярышень на выборъ государю царю. Не одна пойдетъ, такъ другая, не другая, такъ сотая.

Себѣ же Смередевъ положилъ дофвдаться хоть до тысячной.

Смередева считали друзья и называли „упраищей“, но знали что когда онъ примется за что-либо, то своего добьется. Его тоже, какъ и князя, вся Москва знала и любила. Но князя богача любили за хлѣбосоольство, а разорившагося и живущаго въ своемъ маленькомъ домишкѣ у Спаса на Бору дворянина любили за душу теллаую, за веселый и тихій нравъ.

Вся жизнь Смередева началась и прошла зря, изъ-за одного случая, какъ и у многихъ. И всю ее въ двухъ словахъ описать можно. Смередевъ самъ свою жизнь разсказывалъ такъ:

„Не мудреная моя судьба. Вся вотъ на ладоши. Полюбилъ я княжну.... знаете вѣдь, кто такая была! Ну, за меня не отдали, хоть и любила шибко. Отдали за генерала въ крестахъ, чтѣ могъ посаженнымъ къ себѣ самого Суворова позвать и жену прямо во дворецъ свезти.... Она.... знаете вѣдь, царство ей небесное, не пережила! Я пережилъ.... Вотъ и живу, доживаю своей вѣкъ. Толпалъ я мое горе въ картахъ, да въ винѣ, да въ оварствѣ.... А оно все наверхъ выплывало, не тонуло.... А состояніе, отъ батюшки родителя полученное, то живо толоромъ ко дву пошло. Вотъ я и одинъ, и безъ денегъ. Видите—не мудрено!“

Когда князь переѣхалъ въ Москву, Смередевъ искренно привязался къ нему и любилъ не за одни обѣды и ужины. Поэтому теперь, чтобъ одоажить друга, жевить, Смередевъ былъ готовъ и впрямь всю Россію объѣхать и обшарить.

„Притворюсь что ищю кулить въ округѣ усадьбишкы. Сто разъ за это въ Римѣ съ рукъ сходило и даже въ дружество входилъ. И теперь соидеть. Коли подходящее намъ, то къ отцу въ душу вафву,“ думалъ Смередевъ подѣвзая къ Дуживу.

Собакинь привязалъ Смередева радушно и сталъ еще

любезнѣе узнавъ что пріѣзжій важный баринъ, коренной москвичъ, другъ и пріятель извѣстныхъ бояръ, графа Орлова-Чесменскаго и князя Агарина.

Имѣнія для локулки разумѣется во всемъ околоткѣ не было. Смередевъ пробылъ цѣлый день съ хозяиномъ, побывалъ и въ комнатѣ жены его, поговорилъ съ больной, узналъ что она „вотъ Богъ милоостливъ скоро поправится и встанетъ“. (Юлія Ивановна уже три года ожидала этого всякую недѣлю.) Затѣмъ его попросили остаться переночевать. Обошелъ Смередевъ весь домъ и началъ уже сомнѣваться, даже трусить, что полковникъ Пандурскаго полка надъ нимъ подшутилъ... Дѣло было въ томъ что о дочерцѣ, о барышнѣ какихъ нѣтъ въ сказкахъ, не было и помину.

Когда онъ вѣхалъ въ Дужино, еще далеко отъ усадьбы Собакина, онъ видѣлъ въ стелѣ три женскія фигуры быстро шедшія по дорогѣ, изъ которыхъ одна была не въ сарафанѣ, а въ сѣромъ платьѣ и въ розовомъ платкѣ на головѣ. Показалось ему тоже что на него галнула пара большихъ синихъ глазъ и что лицо это было бѣлѣе чѣмъ у двухъ другихъ дѣвушекъ. Показалось ему что и коса пригала на спячѣ этой дѣвушки бѣлокурая, чуть не совсѣмъ бѣлая. Но развѣ это могла быть барышня Собакина? Въ эдакомъ платьѣцѣ за десять верстъ отъ дома глѣшкомъ съ кузовомъ.

Смередевъ горѣлъ какъ на угольяхъ. Ему хотѣлось главнымъ образомъ не терять времени, и если „бестія Пандуръ“ его надулъ и осмѣялъ, то застать его еще въ Ломовѣ, откуда онъ собирался вѣхать, и отвести душу, здорово обругать. А то и намать бока—отдуть Пандура.

Смередевъ рѣшился на прямой вопросъ.

— Такъ вы и проживаете одни. Дѣтокъ Господь не далъ вамъ?

— Послалъ намъ Господь восьмерыхъ и всѣхъ прибралъ. Назадъ взялъ, выговорилъ Собакинъ.

„Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день; подумалъ Смередевъ и прибавилъ мысленно:—Ну, погоди же ты Пандуръ.“

Но едва успѣлъ онъ подумать это, какъ улыхалъ продолженіе рѣчи хозяина.

— И осталась у насъ отъ всѣхъ одна дочка, единственная утѣха на старости. Не будь она у меня! воскликнулъ Собакинъ и высоко поднимая руку вверхъ махнулъ,—пропа-

дѣй все. Дая нея и живешь на бѣломъ свѣтѣ. Да вотъ сейчасъ увидите. Она должно за грибами ходила. Ну и умерилась. У насъ вѣдь стель. Грибныя мѣста тутъ есть въ сосѣднемъ бору, да вѣдь до него версты съ двѣнадцать.

„Нѣтъ, прости, голубчикъ Пандуръ, подумалъ Смередевъ.—Напрасно тебя охаялъ.“

И Смередевъ тотчасъ сообразилъ кого видѣлъ въ полѣ.

„Такъ вотъ гдѣ я повстрѣчалъ бѣловолосую мадаму Голубовскую, думалъ овъ, увидимъ, какова изъ себя въ близости.“

Смередевъ хорошо помнилъ слово: Мадонна, объясненное ему княземъ, но почему-то упрямо продолжалъ говорить по-своему. Слово это казалось ему черезчуръ дурашкою выдумкой заморскою; признавать его и улотреблять казалось ему глупымъ и постыднымъ для Россіянина.

Черезъ полчаса въ столовой, гдѣ накрытъ былъ чай и шумѣлъ самоваръ, Смередевъ увидѣлъ Дужинскую золотую барышню и остановился какъ истуканъ.

— Далъ мнѣ не вѣхать. Вотъ она княгиня Агарина, окказалъ овъ самъ себѣ.

И холостякъ смутился такъ какъ еслибъ дѣло шло о его собственной и немедленной женитьбѣ.

И кто былъ больше смущенъ въ этотъ вечеръ—Маша или Смередевъ—мудрено знать. Маша напала чаю отцу и гостю. Прошелтааа гостю раза четыре въ отвѣтъ на вопросы: „Да-съ“ и „нѣтъ-съ“. Потомъ вожоръ выскользнула изъ горницы и пропала.

Маша была у матери и уже давно успокоилась.

— Завтра гость вѣдь увидеть!

А Смередевъ все сидѣлъ озабоченный. Легъ спать и въ постелѣ вертѣлся всю ночь.

„Нашель!“ думалось ему.

IX.

На другой же день Смередевъ заручился и объявилъ нестерпящую боль въ ногѣ... Собакинъ очень сочувствовалъ этимъ болямъ, просилъ его не слѣзнуть, погостить, обѣщавъ справиться точнѣе нѣтъ ли продающихся въ сосѣдствѣ вощинъ. И Смередевъ остался пожить въ Дужинѣ, чтобы

ближе узнать эту „мадому Голобенскую“, какъ мысленно сразу прозвалъ оныя Машу. Чѣмъ больше вглядывался оны въ это молодое лицо, ясное, тихое, но однако не влоавъ дѣвичье, съ какою-то думкой на челѣ, будто съ заботой тайною на сердцѣ, тѣмъ болѣе убѣждался что Мама находка и скоро будетъ княгиней. Одно поразило Смередова сразу и всякій день все казалось болѣе, хотя отчасти и смутно. То Мама казалась ему дѣвочкой, чуть не тринадцать лѣтъ ей. То вдругъ казалась женщиной, замуженю, озабщенной цѣлою семьей.

Въ особенноти поражали Смередова большія синіе глаза этой дѣвочки-женщины. Взглянетъ она на него и смотритъ прямо, не жжетъ, не проныываетъ очами въ сердце, какъ бывало его красавица княгиня, а напротивъ будто ласкаетъ да гладитъ этимъ взоромъ.

Саучалось что глядя на Машу, Смередовъ вдругъ отворачивался и мысленно произносилъ: „Тьфу! Прости Господи! Поѣхалъ для другаго, а тутъ... Тьфу! Тьфу!“

И оны готовъ былъ перекреститься и прибавить призраку его лугавшему: „Аминь, разсылься!“

Послѣ недѣли своего пребыванія подъ предлогомъ болѣзни Смередовъ рѣшилъ что пора заговорить съ матерью или съ отцомъ, намеками и обиняками, на отчетъ поѣздки въ Москву, гдѣ настоящіе женихи есть для Марьи Лукьяновны. Проба бесѣды съ матерью не привела ни къ чему. Юлія Ивановна не понимала намековъ и все больше сводила бесѣду на свои болѣзни, на Ваню, на Лукьяшу, на Митю и т. д., на разныхъ младенцевъ, скоромейныхъ ею десять, пятнадцать и двадцать лѣтъ казадъ.

„Нѣтъ, ты залежалась! Тебя не подыметъ“, подумалъ Смередовъ и рѣшилъ обратиться къ отцу.

Въ тотъ же вечеръ, нагулявшись въ полѣ втроемъ по овсамъ и лугамъ и вдоволь наслушавшись отъ Собакина о премудрости Брюсовыхъ предсказаній, Смередовъ остался съ нимъ вечеромъ наединѣ и закинулъ слово о московскихъ женихахъ. Лукьявъ Ивановичъ рукой мухнулъ и разсмѣялся. Объясненіе его было короткое. По его мнѣнію, дочь его должна выдти замужъ за своего брата мелкопомѣстнаго, потому что она „дичокъ“, приданаго одна деревнишка въ десятокъ дворовъ, отецъ каатка, а мать... Богъ съ ней... совсѣмъ „заштатная, вотъ что нашъ городъ Ломовъ“.

— Въ Москву ѣхать, надо истратить на одну дорогу годовой своей доходецъ!.. добавилъ Лукьянъ Ивановичъ.— А зачѣмъ! Въ Москвѣ—кого я въ зятя захочу, онъ мнѣ дыню поднесетъ; а кто польстится на мою деревнишку, у того стало-быть у самого въ карманѣ свистить.

— Польстится не на приданое, а на красоту удивительную Марьи Лукьяновны, замѣтилъ Смередевъ.

— Коли на одну красоту польстится, стало-быть у него въ головѣ свистить.

Видя послѣ дѣлаго вечера бесѣды что Собакинъ крѣпко стоитъ на своемъ, Смередевъ на другой же день увелъ инвалида въ садъ, сѣлъ съ нимъ на лавочку среди высокой столѣтней липовой аллеи, которую сажалъ еще дѣдъ хозяина, и приотулилъ къ дѣлу прямо. Смередевъ, душа на раслапку, сталъ и краснорѣчивѣе, добрѣе и умнѣе, какъ сталъ дѣйствовать по-своему, какъ всю жизнь дѣйствовалъ, то-есть безъ лукавства и хитроеплетеній. Все чтѣ было, сущую правду—все и выложилъ онъ Собакину; про князя Агарина про „мадаму Голбенскую“ и про свое путешествіе.

Лукьянъ Иванычъ сильно смутился, видимо старался скрыть это, все покашливалъ, покрывалъ и вдругъ почувствовалъ что у него въ головѣ темно, слутано, а подъ глазами мокро. Тутъ уже не скажешь Смередеву, какъ бывало фельдшеру послѣ потери ноги: потѣеть, моля, лицо, оботри.

— Такъ какъ же, Лукьянъ Иванычъ! даже два раза повторилъ Смередевъ съ волненіемъ.

— Князь Агаринъ! Князь Агаринъ! повторялъ про себя Собакинъ, и имя это звучало надъ ухомъ его какъ еслибъ ему сказали: родной, моля, братъ государя. Онъ не зналъ, каковъ князь нравомъ, но слыхалъ что страшный богачъ, вельможа и годами уже не мальчуганъ, чтобы вдругъ шутку шутить съ мелкимъ дворяниномъ. Самому же Смередеву и въ истину его словъ онъ вѣрилъ, ибо Иванъ Максимычъ въ одну недѣлю себя показалъ каковъ онъ и былъ: добрякъ, душа прямая, нравъ открытый. Коли и хитрилъ по сую лору, то не съ дурнымъ умысломъ, а ради христіанскаго дѣла.

— Княгиней Агариной? Маша?! вдругъ просвѣтѣло въ головѣ Лукьяна Иваныча и какъ-то кольнуло его въ сердце.

Долго молчалъ Собакинъ и наконецъ тихо произнесъ:

— Эта мадама, какъ вы сказали, Нѣмка или французская госпожа?

— Это бросьте. Это пустое. Картинка...

— Такъ на картинку Маша-то схожа лицомъ? Да! А я вѣдь такъ полагаю что та мадама, старая какая князева... наперсница... Такъ я желалъ узнать, жива ль она еще...

И Собакинъ, радуясь мысленно что избѣжалъ прямого отвѣта, олять смолкъ.

— Что жь, Лукьянъ Ивановичъ?

— Да что?... Свѣжо!.. Домой пора. Скоро и ужинать подадуть... робко заговорилъ инвалидъ и подтянулъ свою деревяшку чтобы встать.

— Стойте! Вы мнѣ отвѣтъ давайте, выговорилъ Смередевъ рѣшительно.—Что жь я у васъ, какъ Татаринъ какой, буду зря жить, ѣсть, пить. Я вамъ не братъ; а сватомъ вотъ называть боитесь.

— Ну... Ну... началъ было Собакинъ и полерхнулся.—Ну какъ же теперь.... Не понравится Маша его сіятельству... Намъ ѣхать во-свои... Стыдно... Предъ собой стыдно, Иванъ Максимычъ.

— Коли князь не женится—меня примете?

— Что вы?

— Старъ?! Знаю что старъ. Помолодѣть не могу. Ну, а любить да уважать могу. Да это я въ шутку...

— Васъ я полюбилъ всею душой, но...

— Да дѣло локуда не обо мнѣ. Въ Москву поѣдемъ..

— Дайте мнѣ сроку...

— Потолковать съ супругой или съ невѣстой?..

— Нѣту. Что. Жена въ этомъ дѣлѣ не судья. Она вѣдь у меня и головкой тронута... А съ Машей? Какъ можно. Нешто съ дѣвицей объ этомъ говорятъ. Когда ужъ будемъ на мѣстѣ и все рѣшится, тогда я ей скажу.... А такъ дайте самому мысли свои раскинуть. Озадачили вы меня ужъ очень...

— Ну, ладно... Господь васъ надоумитъ. До завтра. А болѣе сутокъ думать не дамъ.

— Вонъ, вонъ она, моя лташка! встрепенулся Лукьянъ Ивановичъ и показалъ въ конецъ сада.

Смередевъ увидалъ на аллеѣ, вдали, три женскія фигуры въ сѣренькихъ платьяхъ и бѣлыхъ латкахъ, такія же какія онъ видѣлъ подѣзжая когда-то къ Дужинку.

— Это Марья Лукьяновна?

— Она, съ Глашкой, да съ Любой. Знать на деревню бѣгутъ. Ишь дуютъ... Ноги-то, ноги... На перегонки. И я эдакъ бѣгалъ, шибче бѣгалъ, лѣтъ пятьдесятъ тому.

Смередевъ глядѣлъ, какъ летѣли по аллеѣ и удалялись три фигуры, но не зналъ которая изъ нихъ Маша. Платья были, въ особенности издали, одинакія, ростомъ всѣ три были равны.

— Которая же Марья Лукьяновна?

— А правая-то... По шагу вижу... Мельче перебираетъ ногами, чѣмъ тѣ... Нельзя... То холопки... Шлепаютъ по сучьямъ, по камнямъ, босикомъ. А у Маши оласка.... Мельче беретъ.

Лукьявъ Иванычъ оживился, глядя и объясняя.

Милая его Маша стала ему телерь, послѣ этой неожиданной бѣсѣды съ гостемъ, еще милѣе и краше.

Собесѣдники тихо и молча пошли домой... Только думали, оказалось, объ одномъ томъ же.

„Телерь чуть не въ аалтяхъ. А чрезъ годъ, гляди, въ атаасныхъ будетъ ходить,“ думалъ Смередевъ.

— Да! тихо вымолвилъ Сабакинъ.—Вотъ тутъ бѣжить въ лѣсъ; не отличишь ея издали отъ холопки. А вы прочите въ княгини.

— Э, родной мой, вешто княгини-то всѣ княжнами родятся, а царицы—царицами?

— Такъ-то... такъ...

— А вотъ вы, помолясь, раскиньте мыслями, да и дайте мнѣ за утро добрый отвѣтъ.

На утро Смередевъ и выславъ князю то краткое письмо, которое такъ смутило Петра Ильича.

Смередеву приходило на умъ не разъ что можетъ-быть Маша не понравится набалованному женскимъ лодомъ холостяку князю, но онъ всякій разъ думалъ съ какою-то даже злобой.

„Да врешь! Пустое! Второй эдакой мадамы Голдабенской... или какъ тамъ?.. Агалбенской, нѣтъ. И во Франціи нѣтъ. Самъ твой господинъ Вальтѣръ, нечестивецъ, и тотъ бы отъ Марьи Собакиной свой ехидный разумъ потерялъ.“

Лукьявъ Иванычъ смущался тѣмъ же вопросомъ, но приходилъ къ тому же заключенію:

„Краше моей Маши нѣту дѣвицы. Да и на картинку ту очень, сказываетъ Иванъ Максимычъ, схожа.“

X.

Черезъ три дня послѣ отправленія письма, когда Лукьянъ Ивановичъ началъ видимо волноваться съ утра до вечера, и два раза уже проговорился о сборахъ къ отъѣзду, предполагавшемуся черезъ недѣлю, Смередевъ замѣтилъ странную перемену въ Машѣ.

Та думка которая сквозила иногда въ ея синихъ глазахъ стала проглядывать рѣзче, идти глубже. Темнѣе, суровѣе стало это полудѣтское личико. Она не бѣгала изъ дома въ садъ и обратно, не улыбалась ясно и весело, а переходила и двигалась тихо, и взглядъ ея будто слѣдилъ, подглядывалъ за отцомъ и за гостемъ.

„Оробѣла! Чуетъ!“ подумалъ Смередевъ. И невольное соображеніе пришло ему въ голову. „Она вѣдь себѣ на умѣ! Черезчуръ смыслена, а не то что глупенька! У нея разума болѣе чѣмъ сколько желалось моему князю.“

Вечеру Смередевъ, прождавъ напрасно захопотавшагося уже не на шутку хозяина, ушелъ одинъ въ садъ.

За тремя высокими липовыми аллеями, гдѣ каждое дерево въ объѣмъ, насчитывало годовъ сто и помнило поколѣнья четыре, начиналась просто не разчищенная роща такихъ же богатырей дубовъ, кленовъ и вязовъ. Тамъ Смередевъ былъ одинъ разъ съ самаго пріѣзда, и ему вздумалось прогуляться въ рощу.

„Можетъ и красавица моя тамъ, встрѣтимся, я ее попытаю. Чуетъ плутовка что за хлопоты у отца на умѣ.“

Обойдя всю рощу и чуть не обшаривъ ее, Смередевъ не увидѣлъ въ ней никого и ворочался уже въ домикъ. Этотъ бѣленькій домикъ и около него старый, сизый, покосившійся домишка, казались крошечными около богатырей дубовъ. Да и деревня на пригоркѣ казалась мала возлѣ темной, сплошной и высокой чащи этихъ столѣтнихъ силачей, съ кривыми шершавыми ногами, но съ кудрявыми и развѣсистыми макушками. Каждое дерево чуть не полнеба закрыло...

„Да, продай это на срубъ въ Москвѣ, дровъ много наберешь, и денегъ за нихъ много дадутъ...“ соображалъ Смередевъ.

И онъ тихо шелъ къ началу большой аллеи.

— Иванъ Максимычъ! вдругъ раздался глухо неизвестный голосъ у него за спиной. Онъ обернулся, но никого не было около него...

„Что мнѣ, почудилось что ли?“ подумалъ онъ.

— Иванъ Максимычъ! раздалось снова и опять никого нѣтъ около него.

Смередевъ струхнулъ и уже собирался перекреститься.

— Здѣсь! Куда вы смотрите? послышался голосъ громче и яснѣе, но прямо надъ нимъ.

Онъ поднялъ голову и увидѣлъ Машу на огромномъ кленовомъ суку на сажень отъ земли.

Она сидѣла какъ на креслѣ, не держась руками, а сложивъ ихъ на колѣняхъ и слегка понурившись, грустно смотрѣла на него.

— Ахъ, Господи. Я ужъ думалъ навожденъе какое! Ишь вѣдь куда вы забрались. А уладете, ушибетесь.

— Я ладала и выше этого... глухо заговорила Маша не шевелясь и не слуская глазъ съ лица Смередева.

„Вотъ глаза-то! оказалъ про себя Смередевъ. Какъ ихъ и назвать-то. Дульные глаза что ли. Глядятъ, а сами думу думаютъ. Ну, глаза!“

— А что, барышня моя золотая, прибавилъ онъ вслухъ.— Вы будто не веселы вотъ третій день.

Маша вздохнула и вымолвила ровно и тихо.

— Вотъ я васъ и позвала за этимъ. Скажите мнѣ, Иванъ Максимычъ. Господь васъ къ намъ послалъ или... или... горю одному быть изъ-за этого.

— Зачѣмъ горю... Радости одни да веселье... размѣялся Смередевъ добродушно.—А вотъ вы слазьте тиховечко съ дерева; сядемъ да и побесѣдуемъ.

Маша скользнула съ сука будто оборвалась нечаянно, но перевернулась лицомъ къ суку и цѣлко повисла на рукахъ, затѣмъ тихо прыгнула на землю, легко, ловко, но спокойно и далеко не бойко, не весело.

Смередевъ ахнулъ, но не успѣлъ даже вполнѣ и исполгать: са. Маша медленно подошла къ нему и выговорила тихо:

— Сядемте... Я тоже хочу спросить...

— Ишь вы какъ... Словно бѣлочка...

Они сѣли на траву. Смередевъ хотѣлъ говорить, но Маша ровно и едва слышно перебила его:

— Мы ѣдемъ? Когда?

— А вы знаете, догадались?

— Съ вами ѣдемъ?

— Да... Вмѣстѣ.

— Меня замужъ отдавать. За кого?

Смередевъ широко открылъ глаза и пристально посмотрѣлъ на дѣвушку. Она сидѣла на травѣ, также какъ на суку, слегка сторбившись, съ печальнымъ лицомъ, а глаза ея не глядѣли на Смередева просто, а говорили и много говорили.

„Я все знаю, говорили эти синіе глаза. Вы со мной затѣваете нехорошее. Вы чужой и злой человекъ. Вы околдовали моего отца. Я васъ не люблю! За отца не люблю и за себя не люблю...“

Смередевъ все глядѣлъ въ эти глаза и молчалъ. Маша тоже молчала. А глаза ея продолжали:

„Со мной не надо такъ. Я смѣхунья... но не всегда. Я за себя постою! Я васъ теперь боюсь... но и вы должны тоже меня бояться. Какъ бы чего вдругъ не вышло для васъ.“

И Смередевъ сморгнувъ раза два, вдругъ отвелъ глаза въ сторону и мысленно сказалъ себѣ:

„Въ тихомъ-то омутѣ что, Иванъ Максимычъ, водится? Ужъ не болваншишь ли ты тутъ. Вотъ тебѣ и дичокъ и Маша смѣхунья.“

— Куда мы ѣдемъ? глухо произнесла Маша, и Смередевъ не видѣлъ, но чувствовалъ что она не спускаетъ глазъ съ его лица.

— Въ Москву! отвѣтилъ онъ какъ будто даже смущаясь.

— Такъ мы ѣдемъ?... Вѣрно? Ѣдемъ?

— Ѣдемъ, ѣдемъ. Чего же тутъ робѣть. Посмотрите какъ еще вамъ наша Москва-то...

— Москва! Москва! глухо проговорила Маша и тихо перекрестилась, потомъ вздохнувъ глубоко она перестала глядѣть на Смередева, олустила голову и лоникла лицомъ на грудь.

Только темя ея красивой головки было теперь видно Смередеву. Желтовато-бѣлые волосы были гладко приглажены по бокамъ прямого, тщательно сдѣланнаго пробора и линіи волосъ шли назадъ, гдѣ туго и крѣпко скручивались и уходили въ толстую косу въ четыре пряди. Конецъ этой бѣлой и крѣпкой косы лежалъ на травѣ со вплетенною красною ленточкой. Грудь статвой дѣвушки ровно и высоко

вздыхалась под сѣренькимъ ситцевымъ платьемъ съ синею слегка подивялою косыночкой перекрещенною на груди и связанною сзади.

Смередевъ сразу понялъ что происходило въ дѣвущкѣ и сталъ съ чувствомъ говорить ей, не называя князя по фамилии, что въ Москвѣ ожидаетъ ее счастье и благополучіе. И отъ нея и ея собственной судьбы *устройство*. Долго говорилъ Смередевъ, стараясь быть краснорѣчивымъ, но Маша все молчала не поднимая головки и не двигаясь.

— Да вы слушаете ли меня, Марья Лукьяновна? выговорилъ наконецъ Иванъ Максимычъ.

— Слушаю, слушаю....

— Ну? И что жь? Вру я что ли все. Враки все?...

— Охъ нѣтъ! Но мнѣ то сдается, что тѣмъ хуже если все это такъ! тихо заговорила Маша, не подымая головы и не глядя на него.—Сдается.... Сдается что на свѣтѣ Божьемъ столько... столько чего я не знаю что лучше бы стократъ и не выѣзжать отсюда. Боюсь я, боюсь....

— Да чего же?...

— Какъ чего?! Всего! И Москвы, и князя вашего и всего....

— Почему же, Марья Лукьяновна? Москва городъ дивный, первый городъ въ свѣтѣ, князь первый богачъ, первый бояринъ московскій. Почему же бояться-то... Я не пойму!

— Ахъ, развѣ я знаю. Вонъ въ темномъ лѣсѣ страшно, а чего? Волковъ и медвѣдей у насъ нѣтъ, лихихъ людей и душегубовъ нѣтъ; отъ нечистой силы крестъ и молитва всякаго спасетъ.... Стало чего же бы бояться! Анъ всѣ боятся! И я боюсь.... Да и вы, поди, тоже....

— И напрасно, Марья Лукьяновна. Глуло это. Вотъ давайте разсуждать. Спрашивайте, а я буду отвѣчать.

— Нѣтъ, Иванъ Максимычъ, нечего тутъ разсуждать. Я глулая, деревенская дѣвушка. Я и не пойму. И спросить не знаю что.... А вотъ что лучше, хорошій мой, добрый Иванъ Максимычъ.... Вѣдь вы добрый, я вижу. Ну вотъ и исполните одну мою просьбу, только одну, голубчикъ мой, золотой мой.

— Извольте, хоть десять. Все что прикажете! оживился Смередевъ отъ ласковаго голоса дѣвущки.

— Нѣтъ. Одну только. Одну.

— Ну, одну.... сказывайте и едѣлаю.

— Ей Богу?

— Ей Богу сдѣлаю.... Вѣдь не топиться же вы меня пошлете.... А то все сдѣлаю.

— Уѣзжайте отсюда одни!

— Господь съ вами.... А я думалъ....

— Уѣзжайте, родной мой! тихо и ласково просила Маша.— Скажите батюшкѣ что пошутили. А то тихонько уѣзжайте, еще лучше. Я вамъ и лошадокъ достану на деревнѣ. Лепешечекъ налеку вамъ миндальныхъ на дорогу, съ сахаромъ.... Молитесь Богу за васъ стану ежеочно. Полста поклоновъ въ вечеръ себѣ задамъ за ваше здоровье.... Сказала вотъ, и свято, нерушимо исполню.... Ну, какъ же вы сдѣлаете....

— Господь съ вами. Да развѣ могу я эдакъ поступить.

— Ну, хорошо, не можете тихонько, скажите батюшкѣ прямо.... Выдумайте что-нибудь....

— Не то! Не то! Уѣхать-то я не хочу! расхохотался Смередевъ, звонко и весело.

Маша какъ-то встрепенулась и взглянула на него съ негодованьемъ и изумленіемъ.

— Такъ вы даромъ божитесь....

— Господь съ вами, Марья Лукьяновна. Я вѣдь васъ не такъ понималъ. Да вы сообразите сами.... Вы послушайте что я.... Но Маша отвернулась, не слушала и слезы блеснули у нея въ глазахъ. Она достала платокъ и молча утирала глаза.

Смередевъ просидѣлъ съ дѣвушкой еще часъ времени успокоивая и уговаривая ее. Когда они пошли домой, Маша, молчавшая въ роцѣ все время выговорила входя на крыльцо полупечально, полурѣшительно:

— Ну, Иванъ Максимычъ, коли такъ.... Меня Господь защитить и не оставитъ. Пускай!

XI.

Черезъ день начались сборы къ отъѣзду; весь маленькій домикъ былъ перевернутъ. Казалось одна барыня только осталась на своемъ мѣстѣ, а то все было сдвинуто и обезлокоено. Собакинъ хлопоталъ, волновался, даже сердился, чего никто и не заломнитъ. То говорилъ объ осяхъ и коле-

сахъ своей берлики, куленной за десять лѣтъ предъ тѣмъ у разорившагся кутилы-помѣщика, то говорилъ съ меньшей заботой о брусничной водѣ на дорогу для Маши. Смередевъ тщетно его успокоивалъ.

— Устанете. Не слѣшите. Помаленьку. Намъ не на пожаръ.

— Да вѣдь берлина моя уже тридцать лѣтъ катается. Вдругъ долнетъ ось или шина! Вотъ и сядемъ. Кто тамъ поправить! знаемъ. Славны бубны за горами!...

Впрочемъ Лукьяну Ивановичу мало ли о чемъ приходилось подумать. За послѣднія десять лѣтъ онъ вовсе не въѣзжалъ изъ Дужина, развѣ только въ Ломовъ—и то до вечера. Теперь Лукьянъ Ивановичъ кидался и мысленно и собственнымъ туловищемъ изъ стороны въ сторону. И при этомъ забылъ главное, забылъ что еще ни слова не сказалъ и не объяснилъ дочери.

— Ахъ, Маша, вѣдь мы не въ Ломовъ.... Въ Москву!...

— Да, въ Москву! отвѣтила Маша.

— Ты ужъ знаешь. Иванъ Максимычъ сказалъ?

— Сказалъ, отвѣтила Маша.

— Что жъ рада ты, голубчикъ, Москву-то поглядѣть?

— Поглядѣть? Да! странно отозвалась Маша и быстро выскользнула изъ комнаты вслѣдъ за Любой, уносившею шкатулку.

Такъ прошло въ сборахъ дня четыре.... И эти послѣдніе дни Маша больше сидѣла около постели матери. Но Юлія Ивановна не любила и не могла бесѣдовать, это ее утомляло. И Маша молча сидѣла около матери съ чулкомъ. Изрѣдка только она прекращала однообразную работу и съ чулка и спицы устремляла глубокой и задумчивый взглядъ на больное, олухшее лицо матери. И будто мысль зародившаяся въ ея головѣ требовала чтобы Маша провѣрила ея на лицѣ, на всей фигурѣ безпомощно лежащей больной. Обыкновенно, послѣ этого, Маша вздохнувъ проводила рукой по лицу или по головѣ и нагнувшись снова начинала привычную, бессознательную работу.

Вечеромъ послѣ ужина она ежедневно убѣгала одна въ рошу.

— Соловья послушать! говорила она.

— Ступай. Ступай. Въ Москвѣ ихъ нѣту! провожалъ ее отецъ.

Наступилъ канунъ отъѣзда. Днемъ всё мыкались по дому безъ толку. Дѣлать было нечего. Все было уже справлено, уложено. Собакинъ часто ходилъ къ женѣ и все приказывалъ людямъ на счетъ барыни. Какъ за ней ходить безъ него. Юлія Ивановна охала и только говорила:

— Ты поскорѣ обороти. Чтѣ тамъ дѣлать. О-охъ!

Вечеру послѣ ужина поднялся сильный вѣтеръ; балкончикъ и окна закрыли. Смередевъ ушелъ рано въ свою комнату, а Лукьянъ Ивановичъ пошелъ къ женѣ побесѣдовать. Маши тамъ не было, вѣроятно она дѣлала свои распоряженія по хозяйству.

Часовъ въ десять подъ свистъ налетаващаго вихря и подъ трескъ и шумъ раскачавшихся силачей дубовъ и кленовъ, въ роцѣ среди тьмы сошлись двѣ фигуры и стояли другъ противъ друга шагахъ въ двухъ. Парень рослый, статный, въ кафтанѣ на распаху и въ шапкѣ на бекрень, и дѣвушка стройная и высокая въ серенькомъ платьицѣ.

— Здравствуй Вася.

— Здравствуйте барышня.

— Вася... завтра утромъ.

— Слыхалъ, барышня.

— И вѣрно, Вася. Совсѣмъ отсюда. Назадъ не буду.

— Вѣрно ли это, барышня!... Вѣрно ли что совсѣмъ?

— Охъ вѣрно, Вася. Меня везутъ замужъ выдавать за князя. Развѣ умру тамъ, такъ привезутъ сюда хоронить въ Троицкомъ.

— Зачѣмъ. Живите.... Чтѣ жъ. Вѣдь тутъ какая жистъ. Господа все въ городахъ живутъ.

— Тебѣ, Вася, жалко будетъ, если я умру....

— Жалко? Мое дѣло тоже проладшее. Вы въ Москву, и я соберуся тоже....

— Куда? Чтѣ ты, Вася! Кто жъ тебя отсюда отлустить?

— Самъ себя отлущу. Въ солдаты пойду. Въ этомъ дѣлѣ никто мнѣ не воленъ перечить. А не лустать охотой, свору, подожду.

— Ахъ, Вася! Богъ съ тобой. Чтѣ ты!

Парень не отвѣчалъ, и наступило молчаніе. Оба не двигались, будто застыли. Вѣтеръ прошумѣлъ надъ ними сильнѣй, порывистѣй, двинулъ лохматыми макушками деревъ и закачалъ ими надъ головами стоящихъ. Заскрипѣлъ гдѣ-то въ чащѣ звонко и рѣзко какой-то стволъ, разъ и два,

и снова все стихло, и вѣтеръ еладъ.... Слышно было только гдѣ-то далеко, за деревней, стучала телега по дорогѣ и плѣлъ лѣснымъ горластый мужицкій голосъ.

— Вася... прости... Боюсь долго-то...

— Простите, барышня... Стало въ послѣдній это.

Дѣвушка вынула платокъ и утирала имъ глаза.

— Охъ! вздохнулъ ларень, и снявъ шалку началъ странно махать рукой, будто отъ боли. А самъ глядѣлъ въ сторону, въ чащу, во тьму кромѣшную.

— Вотъ чтѣ... Позвольте мнѣ туда... придти! заговорилъ онъ прерывисто и измѣнившимся голосомъ.— Видать только васъ. Въ Москву. На заработки отпращусь. Тогда и въ солдаты не надо. Чтѣ мнѣ тутъ безъ васъ? смерть! Обрѣкъ большой обещаю—пустять... Позвольте, барышня?

И малый все глядѣлъ въ бокъ, въ чащу.

— Нѣтъ... нѣтъ... Вася. Ужь сказала вчера. Надо здѣсь оставаться. Живи тутъ, самайся батьки своего. Работай... Женись...

— Чтѣ вы, барышня. Женися! Богъ же съ вами! Чтѣ вы?

— Да, да, женися. Люби жену. Я о тебѣ вспоминать буду всегда... гостинцы присылать буду! сквозь слезы, съ трудомъ выговорила дѣвушка... Такъ, такъ, Вася!... Прости, Вася! вдругъ заслѣпшая она, будто боясь чего-то.

— Простите... въ послѣдній... барышня.

— Иди. Богъ съ тобой, хороший мой, Вася, Богъ съ тобой. Если когда я вернусь... Да нѣтъ... стулай, иди! Прости, прости, Вася!

— Иду, барышня, простите... Иду, иду!... Богъ... ларень не договорилъ, повернулся и тихо побрѣлъ въ чащу.

— Ахъ, Вася мой, Вася! чуть слышно прошептала дѣвушка и закрыла лицо. Грудь ея трепетала и билась подъ напоромъ неслышныхъ рыданій.

ХП.

Почему же такъ горько плачетъ Дужинская золотая барышня? Со смертью послѣдняго брата Мати перестали было лускать въ барскій домъ сына кормилицы. Деревенскій парнишка не лара для барышни. Однако горе шести-лѣтней барышни было такъ велико что пришлось опять доставать Ваську съ деревни и держать въ домѣ.

Маша все больше и больше любила своего молочнаго брата; прыткаго, черноглазаго затѣйника. Забижать онъ ее не могъ, еслибъ и хотѣлъ иной разъ въ пылу игры зимой въ горницахъ или лѣтомъ въ саду дать барышня-сестрицѣ здоровую колотушку, то не смѣлъ.

— Тронешь ты барышню лальцемъ, волосъ на головѣ не оставлю и въ рѣчку заброшу какъ щенка! погрозился разъ ему самъ баринъ Лукьянъ Ивановичъ. И этой угрозы боялись равно и Вася и сама Маша. За то помимо этой заботы у нихъ не было никакой. Однажды только Маша, вломивъ про братьевъ, сказала Васѣ тихо и важно:

— Вася! Если и тебя Богъ захочетъ взять, ты мнѣ скажи, смотри. Я тебя такъ спрячу что даже и лапа не найдетъ.

— Хорошо, барышня... Да вѣдь какъ же?... Богъ-то все видитъ, сообразилъ смѣтливый Вася.—Онъ найдетъ!

— Никто, Вася, не найдетъ. Тамъ темно... ничего не видно. Я одна знаю. Ты только скажи, смотри.

Скоро прошли годъ за годомъ; у Маши десятилѣтней дѣвочки были уже еще двѣ товарки—Глаша и Люба... но Вася занималъ первое мѣсто въ ея сердцѣ.

Страсть рыться въ пескѣ и въ землѣ осталась и усилилась въ барышнѣ.

— Да ты бы ужъ настоящій огородъ завела! сообразила разъ Юлія Ивановна. — И тебѣ занятіе и намъ бы всѣмъ польза. И этимъ двумъ ротозеямъ дѣло! А то бездѣльничаютъ съ тобой! Особенно Глашка.

Съ этого дня, каждое лѣто, съ апрѣля по сентябрь, Маша проводила на работѣ и въ хлопотахъ по большому огороду. Всякій годъ огородъ прибавлялся. И здѣсь безъ Васи ужъ совсѣмъ бы пропастъ барышнѣ. Заступомъ рыть и воду носить могли и Люба съ Глашей, но мастерить онѣ не умѣли. А Вася къ гороху, къ бобамъ, такую рѣшеточку сдѣлаетъ что дворяне гости изъ Ломова говорятъ:

— Вишь какой переплетъ!

И покосится тогда Маша на молочнаго брата и засіяетъ радостью ея лицо.

Наконецъ стала Люба горничной и не отходила отъ заболѣвшей барыни; стала неожиданно Глаша кухаркой, потому что умершей кухаркѣ Лукерѣ дрова иногда таскать помогала.

И Маша съ Васей остались на огородѣ одни. И скоро не знала барышня: огородъ ли она любитъ ради красиваго, черномазаго Васи, или Васю любитъ за чисто выполотый и до восхода полутый всегда огородъ. На огородѣ однако безъ Васи рѣдко бывала она.

Но время все шло... Дѣвочка все росла, и Вася тоже не отставалъ, даже обогналъ барышню. Хоть и ровесники они были, одно и то же молоко сосали прійдя на свѣтъ, но Вася былъ головой выше барышни и плечистѣе вдвое, и сильнѣе ея вдесятеро.

Увидя какъ-то разъ зимою какъ легко и прытко каталъ Вася въ санкахъ барышню, уже тоже не маленькую, Лукьянъ Иванычъ подумалъ: „Вишь выровнялся какъ!“ и прибавилъ:

— Эй, Васька, вози-ка, братъ, воду на кухню... Что старика бурога-то гонять. Онъ на ноги падаетъ... А ты вишь какъ дуешь, а Маша тоже не махонькая.

Вася, считаясь дворовымъ и работая въ домѣ, продолжалъ однако сопровождать барышню въ ея прогулкахъ и служить лично ей въ ея затѣяхъ и зимою и лѣтомъ. Зимою на ледяной горѣ въ полверсты длиной, что шла отъ деревни мимо роци и вплоть до барской бани, выстроенной близъ рѣчки на глубинѣ оврага—было не мало дѣла. Лѣтомъ на огородѣ и того больше хлопотъ.

Наконецъ, день за день, годъ за годомъ, не успѣвъ оглянуться, Маша стала взрослою дѣвницей, красавицей. Вася тоже давно не тотъ мальчуганъ что привели когда-то на дорожку играть съ господами. Онъ молодецъ парень, чуть не цѣлый мужикъ. Однажды онъ спасъ уже Машу отъ бодливаго быка, загородивъ ее собою и ухвативъ быка за рога.

Свезъ Собакинъ разъ какъ-то свою Машу въ Ломовъ. Былъ праздникъ; въ соборѣ служилъ архіерей проѣздомъ по епархіи. Ярмарка гудѣла на площади; много помѣщиковъ съѣхалось. Вечеромъ Лукьяна Иваныча позвалъ въ гости городничій и сказалъ что конечно просить пожаловать со своею удивительною и можно сказать „ахтительною“ красавицей дочкой, „которая за литургіей всѣхъ на себя обратила“.

И въ первый разъ въ жизни попала Маша на вечеръ; встрѣтила съ подюжины другихъ барышень, но онъ всѣ

на нее косились, шептались, пересмѣивались. Одна самая бойкая все вертѣлась около нея и даже за косу ее тронула. А затѣмъ стала спрашивать: не съ горя ли она посѣдѣла, не отрубями ли всегда голову себѣ мыла. Маша молча и пристально посмотрѣла на нее и вдругъ вымолвила спокойно:

— Барышнѣ не слѣдуетъ вести себя какъ дѣвкѣ простой. Вы здѣсь въ чужихъ людяхъ. Стыдно!

И съ этихъ словъ Маша вся полудюжина барышень азыки прикусила. Однако Маша тотчасъ же стала просить отца уѣхать изъ гостей. Но этотъ вечеръ памятенъ остался дѣвушкамъ. Она мелькомъ провидѣла что такое чужіе люди. Послѣ этого вечера будто новая жизнь началась для нея.

Въ тотъ же годъ Евстигней, отецъ Васи, захворалъ и послалъ его вдругъ одного съ сохой въ поле, а затѣмъ избилъ больно за „баловство“.

Маша пожаловалась отцу и узнала что Васька „большой болванъ“. Шестнадцать скоро лѣтъ ему, дураку, а еще на полѣ безъ батьки управиться не можетъ одинъ.

— А все отъ того что съ тобой играть допускали. Барчука сдѣлали изъ него.

И жалобы Маша, ея горячія, наивныя просьбы взять Васю совѣтъ во дворъ надоумили отца.

Съ той поры Васѣ было запрещено приходить въ усадьбу и видаться съ барышней.

Но друзья отъ этого стали видаться еще чаще... тайкомъ въ роцѣ, по вечерамъ. Иногда и днемъ, но съ великою опаской.

Эти вечера и эта опаска родныхъ и людей перемѣнили дружбу Маша и Васи и наконецъ, за полгода до пріѣзда Смередева въ Дужино, Маша не выдавъ Васю съ недѣлю, ибо онъ хворалъ, призналась вдругъ сама себѣ что Вася ей чуть не дороже отца съ матерью. А эдакихъ мыслей у ней прежде не бывало. Отдай ее отецъ за Васю замужъ — она лойдетъ. Въ избѣ жить, въ полѣ работать... съ Васей хоть сейчасъ.

Съ этой же минуты Маша стала какъ-то смущаться, бывая съ Васей, да и Вася тоже сталъ будто робѣть барышню своей.

Что было бы дальше?... Превратилась ли бы идиллія въ драму? Привело ли бы все что смутно чуждо и чего ждало сердце Маша къ великому горю, которое убило бы

инвалида отца, къ сраму, который всполошилъ бы всю округу Ломовскую, порадовалъ бы полдюжину барышень, запятналъ бы древній родъ Собакиныхъ... Можетъ-быть—да! Можетъ-быть—нѣтъ! Теперь все кончилось, вдругъ, сразу...

Смередевъ прѣхалъ!...

Воля чужаго человѣка дала толчокъ маленькому розовому мірку Дужинской золотой барышни, и весь онъ рассыпался сразу будто мелкимъ яснымъ бисеромъ. И не можетъ она его собрать... И плачетъ вотъ теперь надъ нимъ въ роцѣ, улавъ на сырую, росистую траву, горько рыдаетъ подъ шумъ ночнаго вѣтра...

Но вотъ стихла Маша, задумалась... Долго сидѣла недвижно, наконецъ встала и тихонько пошла въ домъ. Не шла ли она съ похоронъ своего Васи для новой жизни? Или самое себя, сердце свое схоронила тутъ? Нѣтъ, не сердце... Былъ тутъ, правда, въ этотъ ненастный вечеръ похороненъ кто-то на вѣки. Но кто же? Маша похоронила тутъ и оплакала горько—сама того не вѣдая—Дужинскую золотую барышню!..

XIII.

Часовъ въ шесть утра у крыльца забренчали бубенчики. Привели лошадей запрягать въ берлину на высокихъ колесахъ, которая уже три дня стояла близъ дома и отъ зари до зари наполнялась чемодавами, шкатулками, узелками и всякою всячиной.

Всѣ уже были на ногахъ и вышли къ лошадямъ поглядѣть.... одна Маша выглянула въ свое окошечко и сердце замерло въ ней.

— Неужто ужъ и вѣхаты!...

Она закрыла лицо руками, постояла недвижно съ минутой и тихо пошла къ матери и до самаго отъѣзда не отходила отъ нея.

— Ты прикажи тоже чтобы Глаша безъ васъ служила какъ слѣдуетъ, все повторяла Юлія Ивановна.—Да не сидите тамъ; ворочайтесь скорѣе; что тамъ дѣлать?

— Маменька?! А если тамъ меня замужъ выдадутъ.... выговорила Маша, не стерлѣвъ.

— Ну что жь. Что жь. Давай Богъ.... О-охъ!

— За стараго, заго....

— Ничего, старый. Старый лучше молодого.

— А если бить овъ меня будетъ?.. Забьетъ?!

— Ты его люби.. И не будетъ бить... Охъ какъ олять подводитъ лолатку... Охъ, когда-то я встану... Авось къ вашему прїѣзду. Вы въ двери, а я къ вамъ на встрѣчу, на балковъ.

На томъ и кончилась бесѣда Маши съ матерью.

Черезъ часъ господа садилась въ экипажъ, и все Дужино вся деревня, даже съ ребятами, провожала барина съ барышней, внутренно дивясь и даже смутно оласаясь значенія этой неожиданной повѣздки господъ въ эдакую даль, въ самое Москву!

Мама уныло оглядывала своихъ Дужинцевъ. Весь этотъ сѣрый людъ, простой, добродушный и честный боготворилъ барышню свою. За что? Никто самъ не зналъ. За то что она *илъ* барышня. За то что она всегда спрашивала Матрену о зубкахъ ея маховькаго Стелки, Олюшку о ея желанномъ, мальчугана Петьку о зайцахъ, о бабкахъ, стараго, сѣдаго Филата о его хворости въ сплавъ.

Мама знала всѣхъ, знала ихъ подноготную, не важную и не великую, и на всякое дѣло, на всякую нужду у нея было ласковое слово, помощь, совѣтъ, а то заступленье предъ отцомъ, и безъ того не грознымъ.

Мама не знала что она ихъ всѣхъ такъ любить. Теперь только догадалась.

Усадьбу и садъ, и роцу она не любила, какъ не могла любить свои руки или свои глаза. Усадьба и она—это было одно и то же, и только теперь сказалась въ ней вестерливая боль когда отнимали у нея этотъ домикъ, эту роцу, будто отрѣзали руку.

Вскорѣ берлина загремѣла по дворику и двинулась покачиваясь на высокихъ рессорахъ къ воротамъ. Лукьянъ Ивановычъ и Мама помѣстились рядомъ, Смередевъ противъ нихъ.

Мама чувствовала себя дурно и сидѣла безъ кровинки въ лицѣ, широко раскрывъ глаза. Она не плакала. Люба приладилась съ огромнымъ узломъ на огромныхъ козлахъ и все прощалась безъ конца со своими.

Лукьянъ Ивановычъ усѣвшись все вертѣлся, покрывавалъ, и когда двинулись—прослезился. Мама молчала все время и искала кого-то глазами въ толпѣ стоявшей кругомъ, но не находила. Выѣхавъ изъ воротъ, Лукьянъ Ивановычъ вдругъ высунулся въ окно и крикнулъ:

— Прости, Васька. Что тутъ стоялъ? Не плачь. Я живо назадъ верну.

Мама легко вздрогнула и искоса глянула на Смередѣва. Онъ былъ веселъ, бодръ, но молчалъ, занятый своимъ... Онъ думалъ все о Москвѣ, прїѣздѣ, князѣ. Мама откачнулася въ глубь сидѣнья и закрыла глаза. Она понемногу какъ будто теряла сознание совершающагося кругомъ нея... Черезъ полчаса берлина скрылась изъ глазъ Дужинцевъ.

XIV.

Въ полдень, среди густаго лѣса, по случаему леску тащилась шестерикомъ берлина дворянина Собакина. Мама нетерпѣливо выглядывала въ окно. Это была послѣдняя станція по дорогѣ отъ города Кирсанова до губернскаго города Тамбова. Ямщикъ увѣрялъ что вотъ сейчасъ, минуя пески, выѣдутъ изъ лѣсу и откроется на горѣ за лугами весь Тамбовъ какъ на ладони. Это былъ первый губернский городъ который ожидала увидѣть Мама. Говорили что онъ больше Ломова въ десять, а то и въ двадцать разъ.

Наконецъ зарѣдѣли деревья, и вотъ между двухъ большихъ сосенъ вдали, верстахъ въ трехъ мелькнула бѣлая церковь на горѣ... Мама невольно высунулася въ окно. Ямщикъ прїударилъ лошадей, и берлина скоро выѣхала изъ лѣсу. Тамбовъ былъ на горѣ какъ на ладони.

— Что? обратился смѣясь Лукьянъ Ивановичъ къ дочери, — говорилъ больше Ломова! Ну, гляди. Правится?

Но Мама не отвѣчала. Съ тѣхъ поръ какъ она выѣхала изъ Дужина она меньше произнесла словъ нежели бывало дома въ одинъ день.

— А Москва еще того во сто разъ больше, вымолвилъ Смередевъ. — Куда во сто, въ тыщу разъ больше.

Мама глянула на Ивана Максимыча, къ которому уже привыкла послѣ многихъ бесѣдъ на ночлегахъ и котораго начинала уже невозможно любить, и повела бровями.

— Ахъ не вѣрите! разсмѣялся Смередевъ. — Я вамъ говорю. Развѣ это городъ! — презрительно ткнулъ онъ пальцемъ. — Это деревня. Ему сорока лѣтъ нѣту что его въ города-то пожаловали. А Москва-то стоитъ — двѣ тысячи лѣтъ наберется.

— Какъ, двѣ тысячи! ажнула Мама.

— Это я совралъ, Марья Лукьяновна. Къ слову такъ... А что Москвѣ дѣтъ двѣсти есть... Вру, больше есть. Вотъ прїѣдемъ, я спрошу объ этомъ одного прїятеля. Онъ все-россійскую гшторію всякій день читаетъ. Всю жизнь на это положилъ. Спросятъ у него, сколько, молъ, дѣтъ тому какъ Самозванецъ былъ въ Москвѣ, сейчасъ скажетъ.

— Это Пугачевъ-то! тиховько выговорилъ Лукьянъ Иванычъ.—Это и я знаю безъ вашей гшторіи. Мнѣ тогда было, поди, уже тридцать лѣтъ дѣтъ. Онъ и у насъ былъ.

— Какой вамъ Пугачевъ. Его и я видалъ какъ рубили въ Москвѣ. Самозванецъ Отрельевъ былъ. Гришка. Про него я сказываю.

— Слыхалъ. Гришка! воскликнулъ Собакинъ. — Слыхалъ. Онъ коней въ церкви Божьи ставилъ.

— Мало ль что онъ творилъ. На бабахъ по Москвѣ ѣздилъ, вотъ въ эдакой колымагѣ.

— Ну, а правда это что онъ лютовѣше всѣхъ бояръ казилъ смертью? Всѣхъ чуть не извелъ... Его даже грознымъ прозвали.

— Нѣтъ. Это вы объ Иванѣ Грозномъ говорите. То царь былъ. А это Гришка, бѣглый монахъ, самозванецъ.

— Что вы, Иванъ Максимычъ! Онъ это и есть...

Но Мама прекратила уже сотый споръ, начинавшійся въ дорогѣ между новыми друзьями, вопросомъ о томъ, долго ли они отдохнутъ въ Тамбовѣ.

Рѣшено было отдыхать два два, а затѣмъ ѣхать въ Рязань.

Не сморгнувъ глядѣла Мама изъ окна когда перѣѣхавъ рѣку на ларомѣ экипажъ вѣхалъ въ городъ и сталъ подниматься на небольшую гору.

Черезъ два дня отдыха лутешественники двинулись далѣе. И такъ ѣхали они день за день, съ ночлегами и отдыхами. Лукьянъ Иванычъ боаталъ со Смередевымъ, часто и спорилъ, уступая ему во всемъ что касалось гшторіи и вообще „умчностей разныхъ“. За то когда Смередевъ вздумаетъ спорить насчетъ хозяйства, хоть бы насчетъ умолота, то Собакинъ, запрыгавъ въ бераянѣ, таки переспоритъ и докажетъ Смередеву что онъ ничего въ дѣлѣ не смыслитъ.

А Маша? Маша молчала и даже не слушала их. Она молчала и думала. Думала и вздыхала.

Так доѣхали они и до Рязани. Здѣсь у Лукьяна Ивановича отъ дороги „заговорила“ раненая нога, и онъ собирался отдохнуть подолѣе.

Смередевъ предложилъ Собакину прожить въ Рязани недѣлю и отдохнуть совсѣмъ, а самъ вызвался ѣхать впередъ въ Москву чтобъ устроить приличное помѣщеніе, дабы Собакины съ дочерью могли пріѣхать прямо къ себѣ, а не на постоялый.

Такъ и было рѣшено. Они остались. Смередевъ уѣхалъ. Маша рада была оттянуть время. Эта Москва все еще смущала ее. Во всю дорогу когда она глядѣла въ окно ей постоянно казалось что вонъ тамъ, впереди предъ вами что-то особенное, почти и не городъ...

Что-то большое, яркое, круглое, бѣлое, а на самый серединѣ стоитъ большой домъ, а въ немъ онъ. Полы усыпаны вездѣ золотомъ и серебромъ и самоцвѣтными камнями, а посреди своего клада сидитъ самъ князь этотъ... И старый!..

„И мы ѣдемъ туда, думалось Машѣ. — Все ѣдемъ. И все ближе! Отсюда ужъ и очень близко.“

Машѣ казалось что когда она вѣдетъ въ берлинѣ въ это большое, круглое и яркое... то весь народъ, видимо-невидимо народу, бросится къ нимъ и начнетъ теревить ихъ. И кто-нибудь дернетъ ее за косу, какъ было у городничаго на вечерѣ, и спроситъ: Отрубями что ль мыла голову?

И всѣ начнутъ смѣяться, насмѣхаться надъ нею. Да и надъ отцомъ, надъ его деревяшкой всѣ будутъ насмѣхаться. Заѣдятъ и ее и его. Такъ думала Маша... Однако она въ то же время отлично понимала и сознавала что это ей „такъ кажется“, что отецъ не позволитъ никому ее дергать за косу, и что всякій Москвичъ тоже знаетъ хорошо что потерять ногу въ сраженіи для дворянина скорѣе похвально чѣмъ стыдно. Онъ за царицу тогда сражался! Маша тоже отлично знала что Москва большая и бѣлая, но не такая яркая, почти золотая, какъ ей вотъ представляется... Домъ вѣрно такіе же деревянные и каменные какъ и въ Рязани. Маша знала также что богачъ князь все-таки не главный въ Москвѣ и не можетъ жить въ своемъ домѣ въ самой серединѣ Москвы.

Но это разсуждала одна Маша, новая Маша, та которую

все училъ уму-разуму Смередевъ на отдыхахъ и ночлегахъ. А прежняя Маша, золотая барышня Дужинская, выглядывавая въ окно, все-таки видѣла и ожидала *тамъ впереди* что-то большое, круглое, яркое и съ *его* домою на самой на середкѣ. А самъ онъ — можетъ-быть, говоритъ Люба, со-всѣмъ такой какъ Кащей безсмертный въ сказкѣ разказы-вается. Но тогда неужели отецъ ее отдастъ за этого князя замужь?

Въ Рязани Маша, сидя на постояломъ дворѣ, глядѣла все на улицу или тихонько говорила съ Любой, но больше молчала и все думала и думала. И многое передумала она за это время. А время шло, и наконецъ однажды вечеромъ сердце ёкнуло въ ней. Пришло письмо отъ Смередева съ адресомъ нанятаго дома. Отецъ, прочитавъ письмо, весело сказалъ ей:

— Ну, Машуля, сли крѣпче, да вставай раньше. Съ разсвѣтомъ выйдемъ.

Но въ эту ночь Машѣ не спалось. Она наконецъ встала, разбудила Любу, спавшую на полу около ея кровати, и заговорила взволнованнымъ голосомъ:

— Люба, ты слышь? Люба! Люба!

— А? Чтѣ? Чтѣ угодно, барышня?

— Люба, дорогая моя, хорошая.

— Чтѣ барышня?

— Убѣжимъ. Уйдемъ лѣшкомъ въ Дужино.

— Чтѣ вы, барышня. Христось съ вами!

— Я всю дорогу замѣтила. Я найду. Да и спросить можно!... Убѣжимъ. Батюшкѣ велимъ сказать что ушли лѣшкомъ домой. Онъ тоже вернется за мной... Ничего и не будетъ. Тотъ и останется со своими деньгами. Кащей-то. А?

— Богъ съ вами, барышня.

— Люба. Если ты меня любишь, хорошая моя...

— Барышня! Вамъ ничего не будетъ. А чтѣ будетъ мнѣ отъ барина если я съ вами такъ сговорюсь? Мнѣ въ Сибири быть, моя барышня... Да и не нужно этого. Смотрите, мы и безъ этого назадъ поѣдемъ къ себѣ въ Дужино. Вѣрно, барышня. Я вамъ такъ и быть ужъ скажу коль вы робѣть стали... Я разыскала тутъ гадалку и была у нея. Помните, баринъ сердился, послалъ въ лавочку, а я провалилась. Ну вотъ-съ я гадала на васъ, барышня. На бракъ гадала.

— Ну?!

— Ну-съ. И не выходить вамъ замужемъ быть, а выходить дальняя распрядальная дорога. Страсть, говорила гадака, какая! Конца ей нѣту! Въ Москву, говорю. Нѣтъ, говоритъ, какая тутъ Москва. Да ее рукой отъ насъ подать. А это вышла, говоритъ, такая дальняя дорога что я такихъ и не видывала никогда въ бракѣ. Начало-то вотъ оно, а конца и нѣту...

— Такъ что жь по-твоему, куда это?

— А домой. Нешто отъ Москвы до насъ ближній свѣтъ? Смотрите что времени мы ѣдемъ, и все не прѣдемъ.

Мама вздохнула тяжело и чрезъ минуту тихо побрела на свою кровать. Она не повѣрила Любѣ, не повѣрила и гаданью. Она созналась внутренно что бѣжать домой значитъ перелугать стараго отца на смерть. А гаданье—вздоръ, думалось ей. Развѣ можно въ бракѣ видѣть то что одному Богу только извѣстно. Вотъ въ Брюсовомъ календарѣ есть предсказанія, да больше о войнахъ и гладахъ и разныхъ царяхъ...

Мама всю ночь не закрыла глазъ, но когда поднялась утромъ и сѣла за чай, то прямо глянула отцу въ глаза. На лицѣ ея было slokoйствіе и рѣшимость.

— Господь не допуститъ! рѣшила она.

XV.

А Иванъ Максимычъ живо доскакалъ до Москвы. Онъ былъ веселъ и даже важень отъ довольства собой.

— Говорятъ тебѣ по-русски. Сама, твоя мадама... Ага-бенская. Поди, еще и лучше стократы! говорилъ онъ сидя въ кабинетѣ князя.

Смередевъ повторялъ это уже въ сотый разъ. Ежедневно съ прѣзда своего, пока Собакины были въ Рязани, бывалъ онъ у князя по вечерамъ, и всякій вечеръ Петръ Ильичъ, ходя изъ угла въ уголъ своего кабинета въ атласномъ лиловомъ плафрокѣ и ермолкѣ, раза два и три останавливался предъ другомъ съ вопросомъ.

— Non? vrai? Une Madonne en chair et en os? Совсѣмъ такъ какъ я тебѣ описывалъ мою Голубинову?

И князь получалъ все тотъ же неизмѣнный отвѣтъ и, отойдя отъ друга, снова ходилъ какъ маятникъ.

Петръ Ильичъ вообще былъ неузнаваемъ и для себя самого и для Андрияна. Отъ праздности ли или же оттого что начиналъ уже стариться, но Петръ Ильичъ никогда и въ молодые годы не бывалъ такъ занятъ, такъ поглощенъ мыслию и мечтаньями объ одной и той же женщинѣ, какъ теперь занялся Ломовскою незнакомкой. Князь давно ужъ обратилъ особое вниманіе на себя, свое лицо. Справлялся и съ зеркалами, и съ Андрианомъ совѣтовался, и со Смередевымъ совѣщался.

Зеркала, конечно невѣжи, любезничаютъ только съ красавицами, и поэтому Петръ Ильичъ былъ недоволенъ сюими, и большимъ и малымъ. Даже създилъ въ Гостиный Дворъ кулить новое, настоящее французское зеркало.

Андриянъ одно и то же отвѣчалъ князюнкъ:

— Чтѣ? Извѣстно не двадцать вамъ годковъ. Ну, а надѣнете свой расшитый кафтанъ и звѣзду и все прочее, то еще у нихъ на виду быть можете. Чтѣ жь онѣ видѣли? Онѣ стелныя барышни.

Андриямъ не льстилъ барину. Онъ считалъ князя еще очень привлекательнымъ. Живя вмѣстѣ, безразлично, вѣрный хололъ не могъ замѣтить какъ не походилъ телерешій Петръ Ильичъ на прежняго. Какъ посвѣтѣли его черные глаза и стали желтыми, какъ стянулась слегка кожа въ морщинки вокругъ этихъ глазъ, какъ цвѣтъ лица изъ свѣжаго и бѣлаго, кровь съ молокомъ,—стала цвѣта молодого бурога кваса... Наконецъ, какъ стройный и ловкій тандоръ времянь Орловыхъ и Потемкина теперь уже умышленно выпячивалъ грудь впередъ и неестественно быстро двигался и поворачивался. Ко всему этому, и самое обидное, было то что нѣсколькихъ зубовъ — когда-то жемчужныхъ—не доставало въ переднихъ рядахъ, и Петръ Ильичъ замѣтно, изрѣдка, но сильно присвистывалъ. Однако князь былъ конечно далекъ еще отъ старости. Онъ былъ только старше на видъ многихъ своихъ сверстниковъ.

— Они-то всѣ чтѣ дѣлали всю-то жизнь! утѣшалъ князя Андриянъ. — На леци лежали, кушали да гуляли. А мы съ вами чтѣ дѣлали? Другой бы кто хоть изъ нихъ надорвался бы давно и померъ.

И разсужденіе Андрияна было справедливо. Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ такой жизни какова была жизнь Дюка de-Russelieu—стоять семидесяти.

Смередевъ, замѣтя плохо скрытое желаніе друга понравиться незнакомкѣ во что бы то ни стало, убѣдилъ князя дѣйствовать по его совѣтамъ и свое прежнее мастерство бросить.

— Она не Французинка. Да и не Москвичка. Ты ее своими курами да амурами напугаешь только, говорилъ онъ.— А ты не забирай въ голову какъ ее плѣвить. Брось это! Оно само придетъ! Или ужъ вовсе не придетъ, хоть располтрюшисъ... Ты положишъ на меня. Я увижу что тебѣ дѣлать и какъ взять ее. У нея вотъ сердце—золото... Посердечье да лоласковье обойдися съ нею. Да по простотѣ. А начнешь ты напѣвать да чирикать, да круги кружить около нея, да крылья раслускать, вонъ какъ индюки или голуби что ль на крышахъ,—то и лиши пропало.

Князь, однако, не со всѣми предложеніями друга согласившійся, равно и этого обѣщанія не далъ.

Рѣшено было, однакожъ, что князь будетъ одѣваться по-проце, по-французски сыпать не будетъ, даже не вымолвить ни полслова и съ дѣвушкой говорить будетъ какъ можно менѣе.

— Главное дѣло по-французски ниже-ни! восклицалъ Смередевъ постоянно.

— Да ужъ обѣщаль. Сказано, ни слова. Pas un quart de mot. Будемъ стараться, другъ. Je te jure, morbleu, d'êternier même en russe. А ты мнѣ скажи. En verité, точь въ точь une Madonne? А?

И всякій вечеръ проходилъ въ бесѣдахъ такихъ о барышнѣ-незнакомкѣ.

Наконецъ, однажды въ полдень, среди залы дома князя особенно раздались быстрые шаги Смередева. Князь отворилъ дверь кабинета и пытливо глядѣлъ въ лицо входящаго. Тотъ улыбался.

— Что? вымолвилъ князь.—Въ Москвѣ?

— Кто? шутя отозвался Смередевъ, войдя въ кабинетъ, и, бросившись на оттоманку, онь началъ махать на себя платкомъ. Лицо его лоснилось, казалось, и отъ лота, и отъ удовольствія.

— Пріѣхала? Слава Богу, здорова? вопрошалъ оживившійся Петръ Ильичъ.—И меня боится все... comme le diable?

— Н-вѣтъ! вскрикнулъ Смередевъ, будто что вспомянувъ и вскочилъ съ оттоманки.—Н-вѣтъ. Представь себѣ, другъ.

Еще въ Рязани я съ нею объ этомъ говорилъ. Она робѣла и Москвы, и тебя. А теперь ничего. Вотъ мы какова дѣвица!

— Ну, что жь. Половина дѣла сдѣлана.

— Говорить теперь: Вотъ, молъ, Иванъ Максимычъ, я Москвы боялась, а сама рада бы всю перецѣловать.

— Коли Москвы и меня равно боялась, а теперь хочетъ расцѣловать Москву, то и.....

И князь смѣясь показалъ себѣ на грудь.

— Тебя-то... Это, братецъ, Петръ Ильичъ, бабушка на двое сказала. Она меня чѣмъ налугала. Я ей все о тебѣ, а она все о Москвѣ....

— Diable!

— Бросьте вы, говорю, Москву, давайте о сватахъ нашемъ говорить. А она мнѣ: Бросьте, говорить, ваше сватанье, а о Москвѣ сказывайте. Кто, сказывайте, Кремль выстроилъ? Покуда не узнаю, ни о чемъ говорить съ вами не буду.

— Diable, diable, diable...

Смередевъ хотѣлъ что-то продолжать, но смолкъ вдругъ, сталъ предъ княземъ, сложа руки, и воскликнулъ другимъ голосомъ:

— Вотъ какъ ты эдакъ при ней трижды дьявола-то клань, такъ и берись за шалку. Только ты ее и видѣлъ... И какъ это, Петръ Ильичъ...

— Небось. Не буду. Это присловье.

— И какой проклятый навывъ. Какъ это себя не воздержать. Ну что если я по-русски все буду присказывать ко всему: Чортъ, чортъ, чортъ!.. Вѣдь это только когда что потеряешь, такъ надо завязать узелокъ и ходить приговаривая: Чортъ, чортъ, поиграй, да назадъ отдай!

— *Assez de morgale.* Говори: когда? гдѣ? какъ?

— Вѣстимо не сейчасъ. Завтра. Ну, у нихъ надо быть тебѣ. Надо отводъ придумать ради приличія. Это ужъ ты выдумывай, я не мастеръ.

— Поѣду покупать будто... у отца *sa terre.*

— Дуживо! Вотъ такъ попалъ! воскликнулъ Смередевъ и громко зацѣлся веселымъ, чуть не ребяческимъ смѣхомъ. Князь даже оторопѣлъ.

— *Je sais que c'est bête.* Да вѣдь ради приличія только...

— Да это не *бетъ*, а *конфузъ*. Конфузъ, братецъ ты мой!

Тыфу! То бишь *офбанс*. Обида это кровная. Дужино, Петръ Ильичъ, съ царя Михаила Феодоровича Собакиныхъ роду принадлежить... Ты еще лучше скажи: прѣхаль-моль вашу дочку локулатъ у васъ. Ахъ ты Вольтерьянецъ!.. Ахъ ты прынциъ Рассоля.

Долго хохоталъ Смередевъ, лежа на оттоманкѣ. Князь ходилъ по кабинету изъ угла въ уголъ и быстро поворачивался на каблучкахъ... Оба друга были равно довольны и въ веселомъ расположеніи духа.

Черезъ нѣсколько минутъ появился въ кабинетъ Андрианъ съ докладомъ о домѣ и дворѣ. Князь не далъ ему рта разинуть.

— Андрианъ! Прѣехала стелная-то барышня.

Андрианъ молчалъ.

— Не вправится это Андриану твоему! засмѣялся Смередевъ.

— Нечему мнѣ тутъ не вправиться!.. быстро заговорилъ Андрианъ, оживившись вдругъ, даже вспыхнувъ.—А вотъ оlostылатъ она Петру Ильичу... Ну, тогда чтѣ?.. А то еще хуже того... Намъ-то полста лѣтъ, а ей шестнадцатый годокъ. Вотъ мы черезъ десять годовъ пожалуй будемъ больше о душе-спасеніи Богу молиться... А она на сторонѣ заведетъ себя забавника... Тогда чтѣ!.. почти крикнулъ Андрианъ.—Ну, а въ эдакомъ случаѣ,—обернулся онъ вдругъ къ Смередеву,—хочетъ князь, вѣтъ ли, а обоихъ ихъ либо въ судъ веда, срамися, либо пришиби до смерти. Хоть и князь Агаривъ, а пришиби и иди въ Сибирь.

Князь и Смередевъ неволью расхохотались отъ азарта Андриана. Тотъ, не дожидаясь дозволенія, вышелъ изъ кабинета, бормоча что-то подъ носъ.

XVI.

Когда однажды въ сумерки яснаго дня съ холма на который выѣхалъ экипажъ Собакиныхъ открылся вдругъ видъ на всю окрестность Маша слегка измѣнилась въ лицѣ. Какою-то туманно-золотистою полосой былъ локрытъ направо весь горизонтъ. Кой-гдѣ что-то ярко сверкало. Кой-гдѣ шелъ и стлался пеленой густой дымъ. Ближе были видны отчетливо нѣкоторые дома, церкви, сады, но за ними

повторялись снова и сливались въ общую кучу сотни, тысячи такихъ же домовъ, такихъ же церквей и садовъ... И все это растягивалось безъ конца и уходило изъ глазъ и вправо и влѣво. И надо вѣсѣмъ стоялъ будто сѣроватый паръ, большое и длинное, но легкое дымчатое облако... А выше всего, вверху неба, сверкалъ надъ этимъ облакомъ уже пошедшій новый мѣсяцъ, отчетливо блестящій, двурогій, покачнувшійся слегка на бокъ...

Маша глядѣла во всѣ глаза... и духъ захватывало у нея... Одинъ только мѣсяцъ этотъ былъ ей не чужимъ во всей этой картинѣ... Его видала она и у себя въ Дужинѣ; даже любила... Но все то надъ чѣмъ стоитъ и свѣтитъ этотъ старый знакомый—было Машѣ и ново, и чуждо, и жутко.

— Москва! ахнулъ вдругъ дремавшій Лукьянъ Ивановичъ.— Маша, Маша, Москва!

Маша давно уже знала, чувствовала что это Москва предъ нею... И чувство страха смѣшивалось однако съ какимъ-то другихъ чувствомъ... Эта туманно-золотистая полоса таинственно манила ее. Машѣ даже казалось что она любитъ ее, давно прежде любила.

— Что жь, рада ты, Машуля? уже въ десятый разъ спрашивалъ Лукьянъ Ивановичъ.

— Не знаю! откровенно отозвалась дѣвушка и прибавила шутя, даже весело:—И онъ тутъ.... Она показала отцу на мѣсяцъ.

— Кто? Мѣсяцъ-то? Какъ тутъ? не понялъ отецъ.

Но Маша не отвѣчала и съ радостью на лицѣ переводила глаза съ мѣсяца на эту большую и чужую Москву, а съ нея опять на мѣсяцъ.

Машѣ показалось вдругъ что она оттого только и не испугалась и не боится этой Москвы! что *онъ тутъ*. Онъ, ея мѣсяцъ, который мигалъ и свѣтилъ ей такъ часто съ дѣтства и въ саду, и въ рождѣ, и надъ деревней. Онъ, знавшій даже про нее то чего другіе не знали.

Наканунѣ выѣзда Маши изъ Дужина послѣдняя четверть мѣсяца была на небѣ, затѣмъ въ пути на ночлегахъ ночи были темныя. Послѣдній разъ видѣла она своего друга на небѣ рано утромъ въ Ломовѣ, въ окно... и простилась съ нимъ... какъ прощалась въ Дужинѣ съ рожей, съ усадьбой. А тутъ вдругъ Москва, а надъ ней—онъ же! Новый, молодой и такой же ясный, блестящій какъ и въ Дужинѣ бывалъ.

— Батюшка. Стало-быть мѣсяцъ вездѣ свѣтитъ на землѣ?

— Вѣстимо. Нешто ты этого не знала.

— Знала... Да сама-то не видала! А телерь вотъ увидала и такъ чудно!.. Вѣдь вотъ онъ!.. Тотъ самый! Нашъ!.. Дужинскій мѣсяцъ! Онъ телерь вѣрво у насъ въ Дужинку смотрится около бани.

— Да. Да. Что-то мать телерь тамъ? Одна! воркнулъ Лукьянъ Ивановичъ и вздохнулъ.

Черезъ часъ экилажъ вѣхалъ въ Москву. Лукьянъ Ивановичъ крикнулъ ямщику куда именно вѣхать. Смередевъ написалъ ему еще въ Рязань подробный адресъ.

Лѣтній и теллый сумракъ яснаго вечера окуталъ все. Городъ, однако, еще далеко не спалъ. Кой-гдѣ тускло горѣли фонари, за то направо и налево ярко свѣтились окна домовъ. Всюду кругомъ шевелились люди, и на улицѣ, и у открытыхъ оконъ... Домъ за домомъ, улица за улицей, и всюду люди и огоньки, огоньки и люди.

— Да! вдругъ громко выговорила Маша, отвѣчая себѣ самой.

— Что ты, Машуля?

— Вѣдь вотъ когда говорятъ... слушаешь и вѣришь... Вотъ я все вѣрила Ивану Миксимычу. А самой видѣть совсѣмъ не то. Тутъ совсѣмъ правда, когда сама видишь. А когда говорятъ, и правда будто бы, и не правда... А сама... Сама совсѣмъ не то...

— То-то ты сама!.. Все сама. Надо старшихъ слушать. На себя самоё не слѣдъ всю надежду полагать.

Маша какъ всегда промолчала, но не согласилась съ отцомъ.

— Какъ ловдно ложатся-то. Вѣдь лоди ужъ часовъ десять. А тутъ гульба, шатанье, замѣтилъ Собакинъ и покачалъ головой.

Наконецъ послѣ болѣе получаса вѣзды экилажъ остановился у маленькаго домика. Выскочилъ лакей и сталъ кланяться.

— Кто таковъ? спросилъ Собакинъ.

— Иванъ Максимычъ къ дому приставилъ. Для васъ заготовилъ. Приказалъ служить вамъ коли милость ваша будетъ.

— Ну что жь, служи, служи.

Началась разгрузка вещей и бѣганье, снованье.

Маша обойдя маленькій домикъ, нанятый Смередевымъ и

гдѣ приходилось ей прожить быть-можетъ довольно долго подошла къ отцу, объяла его и поцѣловала вдругъ... Маша же была отъ природы ласкова и это случилось съ нею рано, хотя она и обождала отца. Лукьянъ Ивановичъ просвѣтился

— Что? Рада. Хорошо домикъ? Получше нашего?

— Нѣтъ, батюшка, какъ можно. Нашъ все - таки лучше.

— А вотъ если съ княземъ познакомить насъ Иванъ Максимычъ.— У него поди какія палаты. Разовъ въ три больше этого домъ-то.

Маша вдругъ измѣнилась. Веселое лицо ея потускнѣло какъ-то. Она отошла отъ отца и вздохнувъ подумала:

„Ахъ, еслибы только не этотъ князь!“

Когда все было перетаскано изъ берлины, кой-что разложено, и Люба, полуживая отъ усталости, доложила Машѣ что постель ея готова, Маша уже дремала сидя въ креслѣ

Почти безсознательно раздѣлась она, легла въ свѣжее бѣлье и почувявъ подъ щекой своей свѣжую и мягкую подушку сладко и глубоко вздохнула.... Скоро двурогій большой мѣсяцъ въ видѣ Васи, но какого-то другаго Васи, водилъ ее по темному лохматому лѣсу и говорилъ что это Москва! въ лѣсу этомъ и темно было, и свѣтло. А Вася тихо шепталъ ей: „Я Дужинскій мѣсяцъ, барышня моя. Вы меня побите!“

— Люблю! Люблю! тихо, сладко, сто разъ отвѣчала Маша И этотъ мѣсяцъ все водилъ ее, прижимая къ себѣ близко крѣпко, жарко.... Лицо его касалось ея лица, его губы ея губъ, и все онъ что-то шепталъ.... Наконецъ онъ выговорилъ вдругъ громко:

— Пора! Десятый часъ!

Маша открыла глаза. Предъ нею была Люба.

— Иванъ Максимычъ пріѣхалъ. Объ васъ спрашиваетъ говорила она.

Маша поглядѣла въ окна ярко освѣщенныя солнцемъ.

— Люба, выговорила она.

— Что-съ?

Маша не знала что сказать, какъ выразить то что она чувствовала. Она чувствовала какое-то новое, первое утреннее, особенное, даже странное, чужое утро.... Это не утро въ Дужинѣ съ окошкомъ въ садъ... Вонъ тамъ за окномъ все народъ.... Идутъ, ѣдутъ... И все чужіе, Богъ вѣсть кто.

— Москва, Москва... какъ-то странно задумчиво и рѣзко

произвела дѣвушка садясь въ постели. Но она не оробѣла, а напротивъ того... Эта Москва, среди которой она проснулась, говорила ей будто: „Все пустое. Не давай себя въ обиду!“

Легкая тѣнь набѣжала на ея свѣжее, отдохнувшее и розовенькое отъ сна лицо, за то въ глазахъ ея Люба замѣтила какое-то новое выраженіе, котораго никогда не замѣчала въ Дуживѣ.

XVII.

На третій день по прїездѣ въ Москву, рано утромъ, въ домикъ занимаемомъ Собакинымъ было какъ-то необычно тихо. Старикъ въ новомъ платьѣ съ крестомъ въ летаичкѣ сидѣлъ въ углу гостиной одиѣ и нетерпѣливо поглядывалъ на улицу. Онъ ждалъ къ себѣ въ гости князя.

Волеуясь, прислушиваясь ко всякому шуму на дворѣ, онъ оглядывалъ себя ломинутно въ зеркало. Поправляя то галстукъ, то волосы, то крестъ, даже снимая съ платья пуговицы и соривки, которыя попадались ему подъ глаза, Дужинскій цвалидъ былъ еще болѣе взволнованъ отъ внутренней душевной смуты.

У него было первое въ жизни, неожиданное и невѣроятное объясненіе съ дочерью. И тутъ, въ Москвѣ, чрезъ шестнадцать лѣтъ по рожденіи Маши на свѣтъ, узналъ Собакинъ что дочь его и умнѣе, чѣмъ онъ думалъ, и опытнѣе, и настойчивѣе....

Первый разъ въ жизни заговорилъ онъ съ дочерью небрежно, рѣзко, хотѣлъ повернуть какъ съ ребенкомъ по-своему. И что же? Маша его, которая еще, казалось, вчера рылась въ пескѣ съ молочнымъ братцемъ на дорожкѣ сада и втыкала вѣточки—эта Маша тихо, ласково, добродушно, спокойно, хотя со слезами, высказала отцу все что знала о дѣлѣ приведшемъ ихъ въ Москву (а знала она отъ Смередева больше самого отца), все что думала объ этомъ князѣ, сватахъ и о своемъ будущемъ въ случаѣ свадьбы.

Дукьянъ Иванычъ выслушалъ дочь не вѣря ушамъ своимъ, и вдругъ ему показалось что права его Маша, во всемъ права. А самъ онъ—старая тетеря!

„Что жъ на меня куривая сѣплота что ли нашла! думалъ телерь Собакинъ. Съ чего я какъ олухъ сюда-то двинулъ, жеву бросилъ, деньги истратилъ....“

А Маша между тѣмъ ничего особеннаго не сказала. Она только представила отцу картину будущаго. Онъ въ Ду́жнѣ оди́нь, ибо мать долго не проживетъ; въ Москвѣ же поселится Собакинъ не видѣль и не чувствовалъ въ себѣ возможности. Она, Маша, вдали отъ него, въ золотѣ я почетѣ, но съ постылымъ старымъ мужемъ. Кто жь тутъ въ выигрышѣ? Неужели не лучше выйти за кого изъ сосѣдей въ Ломовѣ и часто видаться, въ гости ѣздить другъ къ другу.... И вначалѣ онъ будетъ видать, коли Богъ пошлетъ. И Маша просто, но живо нарисовала картину своего семейнаго счастья въ сосѣдствѣ съ отцомъ; нарисовала такъ просто что старику и на умъ не пришло, что молъ объ этомъ толковать неприличное дѣвицѣ дѣло.

Лукьянъ Иванычъ смущенный, удивленный, разбитый и въсѣхъ пунктахъ и во всѣхъ своихъ не твердыхъ доводахъ кончилъ тѣмъ что спросилъ у дочери.

— Какъ же ты въ Ду́жнѣ-то всегда молчала какъ миденецъ неразумный?

— Не приходилось, батюшка. Дѣлъ такихъ не было...

— Зачѣмъ же мы, Машуна, поѣхали-то сюда?

Маша весело и звонко разсмѣялась какъ рѣдко смѣялась, разцѣловала отца и вымолвила.

— А это вы, батюшка, у себя или у Ивана Максимыча спросите. Я тутъ ни причемъ была. Я слушала да глядя Да и здѣсь въ Москвѣ не чаяла заговорить.

Проговоривъ все утро отецъ и дочь рѣшили все-таки познакомиться съ княземъ, поглядѣть чтò это за князь такой, а потомъ... и уѣхать во свояси.

Остаться дома и принимать князя съ отцомъ Маша не пожелала.

— Нѣту, батюшка, я пойду олять съ Любой Кремль глѣдѣть. А вы примите его, уюстите моимъ вареньемъ что привезли съ собой. Въ другой разъ позовите, вечеркомъ, тогда и я буду. А то стыдно, будто вы меня въ Москву какъ то варъ продавать привезли и будто не терпится вамъ какъ бы поскорѣе показать товаръ, да съ рукъ долой сбыть.

— И олять правда золотая твоя! треснулъ себя цваломъ по здоровой ногѣ.—Дорогой что ли ты такъ наострилась?

И отецъ съ дочерью нѣжно разцѣловались. Лукьянъ Иванычъ чуть-чуть даже прослезился... Онъ новую будто Машу нашель. Ту же тихую и ласковую Машу что была въ Ду́жнѣ, но толковитую, разумицу.

Старый инвалид остался ждать князя, даже съ какою-то неприязнью къ этому незнакомцу, съ досадою на все „по его куриной слѣлотѣ“ заваренное, а Маша, быстро одѣвшись, выскочила изъ дому съ Любой и бодро, весело припустилась въ Кремль, въ соборы, которые совсѣмъ ее съ ума сводили уже второй день.

— Какъ же это, барышня, вы никогда съ родителемъ-то такъ не толковали въ Дужинѣ. Эдакъ-то, по сердцу, замѣтила Люба, слышавшая весь разговоръ изъ дѣвичьей.

— Не приходилось, Люба. Я думала, Люба,—но правдѣ я тебѣ говорю,—я думала что я совсѣмъ неразумная дура, всѣхъ-то глупѣе... А тутъ вдругъ поѣхали. И вижу я что батюшка будто неразумное затѣваетъ. Потомъ еще, Люба, прежде въ головѣ у меня мало мыслей было. Изъ Дужина мнѣ все въ свѣтъ-то Божьемъ сдавалось диковиннымъ, страшнымъ, темнымъ, мудренымъ. А тутъ вдругъ поѣхали, прѣехали... гляжу я—ничего вѣту ни страшнаго, ни мудренаго. Все то же что въ Дужинѣ. Вотъ, смотри, идемъ мы съ тобой по Москвѣ въ Кремль—будто съ Глашей бывало въ Троицкое къ обѣднѣ или въ боръ за грибами бѣгали... Такъ ли?

— Да! это правда ваша, барышня. И я-то сама, гляди, по-самѣйша. Ей Богу. Вотъ мнѣ Авдѣй нашъ чуденъ былъ какъ прѣехали. Боялась я его—страсть. Думаю, вѣдь московскій сауга, а я деревеньщина стелвая... А теперь что вы думаете. Я его сегодня такъ-то отругала что нельзя лучше. Ей-Богу! за бариновъ за халагъ.... Какъ же! Посудите...

Люба начала подробно разказывать, едва поспѣвая за барышней, о халагѣ и Авдѣѣ, но Маша глубоко задумалась и не слушая быстро неслась впередъ будто на крыльяхъ, будто собираясь вспорхнуть съ улицы и взлетѣть въ синее небо.

XVIII.

Черезъ полчаса послѣ того какъ Маша отошла изъ дому, къ нему подкатила великолѣпная карета, и князь выѣзжая и поддерживаемый двумя своими гайдуками на крыльцѣ маленькаго сѣренькаго домика, тихо сказалъ другу выѣзжавшему за нимъ.

— Eh bien, mon bon. По правдѣ, Nous sommes deux imbeciles.

— Чтò? изумился Смередевъ.

— Tout ça, лоиски, прїѣздъ, знакомство — tout ça est sot.

— Чтò-ò?! еще болѣе изумился Смередевъ, но вдругъ входя по лѣстницѣ закричалъ какъ ужаленный на гайдука князя.

— Не смѣй ты меня, чортова перечница, подсаживать подъ ручки. Сто разъ тебѣ сказано что боюсь щекотки. Князь! Не прикажи ты! Чтò за чертовщина.

— Vouons! Vouons! спокойно отозвался князь.—Ты слышишь чтò я говорю. Réflexion faite, — диковинно гауло.

— Ладно. Ладно. Вотъ сейчасъ увидимъ чтò запоешь, отвѣчалъ Смередевъ равнодушно.

Лукьянъ Ивановичъ съ своей стороны, увидя экилажъ князя подкатившій шестерней цугомъ съ золотыми гербами, съ гайдуками въ лозументахъ и расшитыхъ кафтанахъ, замѣтался въ гостиной, не зная бѣжать ли на крыльцо или ждать въ передней и наконецъ выговорилъ вслухъ, обтирая залотѣвшій отъ смущенья лобъ.

— Э-эхъ Дужинская Ерѣма, сидѣлъ бы дома. Ну вотъ... чтò теперь?

Хозяинъ и гость послѣ первыхъ привѣтствій и объясненій усѣлись на диванъ и при помощи общаго друга и знакомаго Ивана Максимыча кой-какъ заговорили.

Высокій, савоитый, вѣжливо холодный князь сразу ужасно не полюбился старику. А лучше всего перевернула Лукьяна Ивановича все нутро манжеты князя, перстни на пальцахъ и шелковый лунцовый платокъ, въ который тотъ сморкался и отъ котораго пахло чѣмъ-то до тошноты, до угару...

Бесѣда не клеилась покуда не перешла на военную службу, на деревяшку инвалида и Гросъ-Егерсдорфъ, послѣ чего еще болѣе оживилась перейдя на Дужино, на большую Юлію Ивановну и на житье-бытье стелное... А затѣмъ бесѣда по мидости Смередева снова оборвалась вдругъ и снова стало вѣсѣмъ неловко, ибо коснулось дочери.

— Какъ здоровье Марьи Лукьяновны? Чтò ея не видать! бухнулъ Смередевъ смѣясь.

Лукьяна Ивановича почему-то локоробило.

Князь тотчасъ заявилъ что очень бы желалъ имѣть честь представиться Марьѣ Лукьяновнѣ, но вдругъ смутился отъ неожиданнаго косаго взгляда смутившагося Собакина.

— Она вышла со двора. Кремль поглядѣть... Любопытво-сь. Въ Дужинѣ нѣтъ! проделеталъ Лукьянъ Ивановичъ.

— Какъ? ахнулъ Смередевъ, и разинувъ ротъ онъ во все глаза глядѣлъ въ смущенное лицо инвалида.

Смередеву показалось что отсутствіе Маша изъ дому въ минуту заранѣе условленнаго пріѣзда князя есть крупная невѣжливость, даже обида имъ обоимъ.

Князь тоже раскрылъ удивленные глаза, но замѣтя неловкость положенія, заговорилъ вообще о Москвѣ.

Побесѣдовавъ еще съ четверть часа принужденно и вяло, гости собрались. Князь просилъ Собакина къ себѣ „пожаловать, осчастливить“; Лукьянъ Ивановичъ обѣщаль, и провозжая гостей какъ бы сваливалъ гору съ плечъ, оживился и весело прощался съ обоими.

Но князь сѣлъ въ карету и уѣхалъ одинъ. Смередевъ остался на крыльцѣ и затѣмъ вернулся въ домъ.

Лукьянъ Ивановичъ струсилъ.

— Сейчасъ запытаеть. Отъ него не скроешь.

— Подавайте мнѣ Марью Лукьяновну на расправу! сказалъ Смередевъ, входя опять въ гостиную.

— Да нѣту, Иванъ Максимычъ. Въ Кремль она. Какъ предъ Богомъ! И Люба съ нею ушла. Спросите вотъ хоть вашего Авдѣя.

— Авдѣй! Авдюшка! крикнулъ Смередевъ, и прибавилъ вошедшему слугѣ.— Не смѣй врать. Отвѣчай: гдѣ барышня Марья Лукьяновна?

— Въ Кремль изволили пойти, тому съ часъ мѣста.

И Смередевъ махнувъ лакею уйти, обернулся снова къ Лукьяну Ивановичу.

— Что жъ, дорогой мой, вымолвилъ тотъ войдя въ гостиную.— Вѣдь это не гоже. Это, значитъ, насмѣяться. Ни князь, ни я, ничего худого вамъ не сдѣлали. Напротивъ того, мысли у насъ самыя честь дѣлающія и вамъ и Марьѣ Лукьяновнѣ. А вы вдругъ князю съ перваго же раза—хлопъ лапху. Здорово живешь! Отвѣдай, молъ, кашинскаго.

Лукьянъ Ивановичъ вытаращилъ глаза и стоялъ среди гостиной какъ громомъ пораженный. Онъ и не думалъ чтобы такъ повернулось дѣло и такъ истолковалось отсутствіе Маша изъ дому.

„Вотъ тебѣ и разумница моя! Какъ все устроила,“ подумалъ онъ.

Друзья объяснились.

Смередевъ хотя не тихо и не ласково, но однако не менѣе краснорѣчиво чѣмъ Мама—сталъ уговаривать старика не безумствовать и отъ счастья своего и дочери своей не бѣжать. Лукьянъ Ивановичъ долго слушалъ всѣ доводы его и наконецъ вымолвилъ.

— Дѣлайте какъ знаете. Я не вступаюся! Вы съ Машей и толкуйте. А меня увольте... Я совсѣмъ сбился съ ланталыку. Она станетъ говорить—кажись вѣрно. Вы станете говорить—тоже будто вѣрно.

Смередевъ дождался возвращенія Маши съ прогулки и сразу успокоился. Мама тихо объяснила что они съ отцомъ вовсе не собираются скакать назадъ въ Дужино, и готовы познакомиться съ княземъ.

— Ну ладно, сказалъ Смередевъ,—пускай Лукьянъ Ивановичъ съѣздитъ завтра къ князю и позоветъ его и меня вечеркомъ.

— Хорошо, едва слышно выговорила Мама, и слегка будто оробѣла. Цѣлый вечеръ сидѣть да говорить?

— Такъ ли Лукьянъ Иванычъ?

Собакинъ заткнулъ уши и вымолвилъ громко.

— Не слушаю! Ну васъ!...

И цѣлый день старикъ увѣрялъ что у него въ мысляхъ все слуталось, будто тараканы въ головѣ ползаютъ.

Однако на слѣдующій день Мама „собрала отца“. Собакинъ снова волнуясь садился въ свою карету запряженную цугомъ четверней лошадей добытыхъ Смередевымъ. Авдѣй наляпалъ ливрею свѣтло-желтую, куленную по соосѣдству у отъѣзжавшей въ деревню барыни. Жалѣлъ Собакинъ эти брошенные деньги. Да что дѣлать! Назвался груздемъ...

Лукьянъ Иванычъ вѣдучи въ каретѣ, какъ подобало пожилому дворянину и кавалеру ордена Св. Анны, глядѣлъ на прохожихъ уныло и озабоченно.

„Потратился, прѣхалъ, думалось ему... а дочь все перевершила на свой ладъ. Въ Дужинѣ молчала, а тутъ путемъ-дорогой воли и рѣчей набралась. И не сговорись. Да главное то еще что? Дѣло она говоритъ! А я старый путаю да болваню. Эхъ-ма, что-то телерь Юлія Ивановна? А хлѣбъ? Уборка-то! Уборка!! Э-эхъ Ерѣма, Ерѣма!...“

Смущаясь подѣхалъ Лукьянъ Иванычъ къ громаднымъ палатамъ князя Агарина и смущаясь вступилъ въ нихъ

проходя межъ цѣлыхъ рядовъ холопей княжихъ въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ.

Не таковъ однако выѣхалъ со двора князя Собакинъ каковъ пріѣхалъ. Лукьянъ Иванычъ просидѣлъ у князя цѣлый часъ и хозяинъ обворожилъ совсѣмъ своего гостя. Манжеты, перстни, платъ душистый, все было забыто или прощено. Князь изъ кожи лѣзь понравиться старику.

Прежде всего Петръ Ильичъ разспросилъ Собакина о его отцѣ и дядѣ, о бабкахъ и прабабкахъ. Зашло дѣло и о баронессѣ Штейнмаркѣ.

Лукьянъ Иванычъ разказалъ прямо и откровенно все что зналъ со словъ покойной тещи Каролины Карловны. Князь видимо заинтересовался этою баронессой, и раза два переспросилъ дѣйствительно ли дочь Лукьяна Ивановича уродилась лицомъ и волосами въ прабабку.

— Это я читалъ гдѣ-то. Это бываетъ въ природѣ! замѣтилъ онъ.

Собакинъ слегка конфузась позвалъ князя къ себѣ вѣчеркомъ, прося не взыскать: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Князь общалъ.

XIX.

Наконецъ пришелъ слѣдующій день, затѣмъ полдень, затѣмъ сумерки.... Князь, Смередевъ, Лукьянъ Иванычъ и Маша — всѣ четверо, каждый у себя, но на разный ладъ возновались съ утра. Приходилось разхлебывать заваренное „Madonne или мадама?“ думалъ князь.

„А вѣдь сразу такъ и вклеится въ нее, мой Петръ Ильичъ,“ думалъ Смередевъ.

„А ну, если Машуня его прельститъ, да и сама отъ него, какъ я вотъ вчера, вдругъ въ удивленье придетъ....“ мечталъ Лукьянъ Иванычъ.

Маша все молчала и смущалась.

— Авось, Богъ милостивъ, отбояримся, утѣшала Люба свою барышню.

Наконецъ былъ уже вечеръ. Лукьянъ Иванычъ олять ожидалъ гостей одинъ въ гостиной, а Маша хлопотала въ столовой.

Подкатилъ экипажъ. Раздался голоса въ прихожей. Незнакомый Машѣ голосъ говорилъ.

— Простите, Лукьянъ Ивановичъ. Замѣшкались. Дѣло было. Ну-съ, здравствуйте, поцѣлуемся.

Мама, прислушиваясь изъ столовой подумала: также какъ и всякій другой.... И что-то сказала Машѣ на ухо что голосъ этотъ пріятный, звучный, лучше того голоса какой она предполагала у этого Кащея.

Гости вошли и сѣли въ гостиной. Смередевъ весело смѣясь разказывалъ Лукьяну Ивановичу, что князь залюбовался изъ-за одного дѣла самаго смѣхотворнаго. Князь тоже смѣялся добродушно. Мама слушала изъ-за двери и смѣхъ этого Кащея показался ей какъ-то лучше смѣха Смередова. Не такой громкій, не мужицкій.

— Вотъ этакъ всякій дворянинъ долженъ бы былъ смѣяться, рѣшила Мама.

Смередевъ разказалъ подробно о томъ какъ князь имѣеть давнишнее обыкновеніе проданныя въ разныя руки семьи, то-есть мужа, жену, иногда и дѣтей ихъ, сыновей или дочерей—скупать себѣ отъ разныхъ помѣщиковъ.

— Не ради нужды въ нихъ, а ради того чтобы мужъ съ женой и съ дѣтьми были одного помѣщика, и вся семья жила вмѣстѣ, а не врозь. Ну, а вотъ теперь дня три тому—прибавилъ Смередевъ,—Петръ Ильичъ распроданныхъ эдакъ мужа съ женой свелъ у себя, куливъ изъ разныхъ рукъ.... ради ихъ благополучія. А мужъ-то сегодня отъ жены и удавился.

И всѣ весело разсмѣялись.

„Доброе дѣло!“ подумала между тѣмъ Мама за дверью!
„Онъ добрый!“ Мама часто слыхала отъ Дужинцевъ про сосѣдей, какво приходится крестьянскимъ и дворовымъ семьямъ отъ такой продажи въ разныя руки. И кто его надумалъ на такое доброе дѣло? думалось Машѣ, но вдругъ она отскочила отъ двери и сѣла, почти упала на стулъ свой у самовара. Гости встали и разговаривая тихо двинулись сюда, къ ней.... У Маши духъ захватывало.

Князь вошелъ лервый и входя чувствовалъ себя омущеннымъ отъ близости разрѣшенія вопроса: Мадонна или мадама Агалбенская?

Онъ впился глазами въ фигуру дѣвушки и сердце его какъ будто застучало сильнѣе. Онъ увидѣлъ какъ сидѣв-

шая дѣвушка тихо поднялась со своего мѣста и будто виноватая стала предъ самоваромъ. Князь замѣтилъ какъ дрожала чуть-чуть на бѣлой скатерти рука положенная на столъ. Голова ея была немного наклонена на грудь, а большіе синіе глаза отъвѣнные длинными серебристыми рѣсницами робко и растерянно смотрѣли куда-то, около чужаго челоуѣка, входящаго въ горницу впереди всѣхъ. Правильно, но немного рѣзко очерченныя губы сжались крѣпко и на нихъ не скользило улыбки пріятствія гостю... Напротивъ, если синія серебристыя очи красавицы бродили смущенно по горницѣ, то губы ея крѣпко стиснутыя ясно доказывали что онъ не очень доволенъ и не скоро раздвинутся, не скоро улыбаются или заговорять съ гостемъ.

Гладко причесанные бѣловатые волосы Маши благодаря наклону головки свѣтились яснымъ свѣтомъ въ лучахъ двухъ тусклыхъ восковыхъ свѣчъ. Эта головка была свѣтлѣе всего окружающаго, казалось даже свѣтлѣе огоньковъ на этихъ нагорѣвшихъ свѣчахъ.

— Вотъ вамъ моя Марья! выговорилъ Лукьянъ Иванычъ гостю какъ-то заикаясь.—Прошу жаловать. Не взыщите съ насъ стелняковъ.

Но несмотря на заиканье, въ интонаціи голоса его проскользнуло что-то другое, говорившее:

„Таращъ, братъ, глаза-то. Не ты первый. Вотъ она! Чтѣ? Какова?“

Когда всѣ подошли къ самому столу, Мама шевельнулась, слегка наклонилась, потомъ глаза ея быстро глянули на отца, съ него скользнули мимо князя на самоваръ и чашки, потомъ на Смередева, потомъ опять на чашки, и она быстро взяла что-то въ руки и переставила... Гости сѣли. Мама тронула сахарницу, отставила ее и поправила безъ нужды чайникъ. Затѣмъ она взяла щипцы, сняла нагаръ со свѣчей и внутренно ахнула отъ нечаянности... Еще свѣтлѣй, еще видѣй стало!...

Отецъ молча усадивъ къ столу гостей самъ сѣлъ около дочери. Князь мысленно слѣшилъ выбирая чтѣ первое сказать дѣвушкѣ... Одно казалось ему глулымъ, другое опаснымъ, могущимъ услугать дикарку.

— Очень радъ познакомиться, выговорилъ князь.—Вы кажется изволите... Извините не знаю какъ имя и отчество? прибавилъ князь обращаясь добродушно къ отцу.

— Марья, а по отчеству Лукьяновна, уже весело и удовлетовольно выговорилъ Собакинъ, замѣтивъ родительскимъ окомъ впечатлѣннѣе произведенное дочерью на гостя.— Ну Марья Лукьяновна, хозяйничай! прибавилъ онъ.

Князь перевелъ снова взглядъ на милое и смущенное личико дѣвушки забывъ что хотѣлъ прежде спросить и сказать.

— Вы, сударыня, сказывалъ мнѣ Иванъ Максимычъ, Москвой нашею довольны остались...

Мама шевельнула губами, ничего не произнеся, но затрянула лервый разъ на гостя, не то виноватымъ взоромъ не то ужъ совсѣмъ страдающимъ. Глаза ея сказали князю:

— Я не знаю что отвѣчать. Вѣдь знаете, что да. Что спрашивать, мучить!

Мама не сѣла снова на стулъ, а стоя съ опущенною головой начала разливать чай. Князь смолкъ, появивъ что надо дать дѣвушкѣ время оправиться, „обойтись — не гешитъ ии реи,“ подумалъ онъ.

Видя сильное смущенье дочери, Лукьянъ Иванычъ сообразилъ что плоха надежда на Машу и надо самому занять гостя. Однимъ вопросомъ о дѣсахъ въ подмосковныхъ уѣздахъ и о цѣнахъ на дрова инвалидъ перевелъ разговоръ на другое. Смередевъ упорно молчалъ и улыбался, причемъ какъ-то бойко, лукаво и замысловато глядѣлъ на Машу. Девушкѣ было это неприятно, не почему? Она сама не знавала. Князю поеволѣ пришлось отвѣчать отцу и бесѣдовать съ отцомъ вмѣсто дочери. Однако онъ заговорилъ какъ-то веселѣе, живѣе и отвѣчалъ довольно охотно и подробно. Въ то же время онъ часто быстро взглядывалъ вскользь на Машу, старательно разливавшую чай въ стаканы.

Простое сѣренькое платье съ очень высокимъ воротомъ крѣпко обхватывало высокую грудь дѣвушки и округлыя плечи. Князя поразила сразу, еще когда онъ входилъ, эта маленькая свѣтлая головка съ наивнымъ ребячески-яснымъ лицомъ на высокомъ и статномъ туловищѣ вполне развитой женщины.

„Une femme enfant... Полуребенокъ, полуженщина!“ мелькнуло въ головѣ его.

Еще красивѣе, рельефнѣе рисовалась эта головка надъ простенькимъ и незатѣпчивымъ сѣрымъ платьицемъ, крѣпко обтянувшимъ весь бюстъ дѣвушки, плечи, грудь, талию—

безъ складокъ, безъ оборокъ, безъ какихъ-либо украшеній. Это строе платье ничего не скрыло, да и не могло скрыть отъ опытнаго глаза прежняго Дюка de Russelien.

Болтая съ отцомъ, князь однако ничего не упустилъ. Все замѣтилъ, и оцѣнилъ, и взвѣсилъ. А между тѣмъ съ особеннымъ удовольствіемъ лилъ уже второй стаканъ нелюбимаго чая.

XX.

Не особенно изящное занятіе или дѣло чай разливать. А подъ загорѣлыми, но маленькими ручками дѣвухи, занятіе это казалось почему-то первѣйшей важности и значенія, а отчасти граціознымъ. Тутъ была и точность, и аккуратность (говорила знать кровь что получена отъ матери) и какая-то миловидность, и особая важность... Князь съ удовольствіемъ слѣдилъ какъ Маша двигала медленно руками, дѣлала все не слѣша, по очереди, систематично и остававливалась на мгновенье будто оглянуть сдѣланное, сообразить: такъ ли? Совершенно какъ художникъ набросавшій кистью нѣсколько мазковъ на полотно, отступаетъ отъ картины и взглядываетъ на свою работу: такъ ли? Если не такъ, то исправивъ, онъ опять отступаетъ. Такъ ли? Да.

Маша получая обратно вылитые стаканы вымоетъ и тщательно вытретъ всякій полотенцемъ, поставитъ всякій на его блюдце, положить всѣ три ложечки параллельно на блюдца и посмотреть: такъ ли? И всегда поправить или стаканъ, или блюдце, или ложечку.

Все это замѣтилъ князь. Всякое движеніе ея, простое, тихое, мягкое... И все это вмѣстѣ: сама дѣвушка со своею диковинною свѣтящеюся головкой, и ея ручки, и тщаніе ихъ, и ярко ясный стаканъ, и горячій чай налитый въ три приема, не поляѣе и не ниже чѣмъ первый, или второй... и скромная важность миловиднаго движенія которымъ Маша подавала каждому его стаканъ, а затѣмъ поправляла тарелочку съ вареньемъ или кувшинчикъ со сливками, въ видѣ предложенія выбирать что угодно гостю... Все это ворожило надъ сердцемъ Петра Ильича.

„Oui. C'est gracieux....“ думалось князю, слѣдившему за

всякимъ движеніемъ дѣвушки, ровнымъ и легкимъ. „C'est musical.“ Однако въ продолженіе добраго часа все эти замѣчанія и соображенія заставляли князя зачастую отвѣчать Собакину невпопадъ. Но онъ всякій разъ ловко вывертывался.

Онъ выпилъ три стакана съ вареньемъ, полпросилъ, не желая, четвертый, молча ждалъ, будто слушалъ хозяина, но не слыша ни слова, все любовался на дѣвушку. Наконецъ получивъ свой стаканъ, онъ глянулъ ей въ лицо; что-то заронили вдругъ глаза ея ему въ душу и онъ бухнулъ себя сливкою вмѣсто варенья, и очнулся отъ ворожбы...

— Ахъ! невольно вырвалось у него и князь развелъ руками надъ столомъ. Его поразили не сливки въ стаканъ, а то чего съ нимъ никогда не случалось: разсѣянность!

— Машуня. Налей другой. Оставьте этотъ, сказалъ отецъ.

Маша съ едва замѣтною улыбкой молча нагнулась и взялась за блюдо князя.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Зачѣмъ! воскликнулъ тотъ.— Не извольте беспокоиться. Все равно. Я вылью и со сливками.

И онъ схватилъ уже поднятый дѣвушкой стаканъ, но она не пускала.

— Не извольте беспокоиться. И князь тянулъ за блюдо. Но маленькіе пальчики тоже тянули блюдо къ себѣ и какъ-то странно: и тихо и крѣпко.

— Ей Богу!.. Вѣдь все равно! Ей Богу! убѣдительно и искренно увѣрялъ князь, взглядывая въ лицо дѣвушки и мѣня лодъ ея яснымъ взоромъ.

Но Маша все молчала, ясно и спокойно глядѣла въ его лицо, а маленькіе пальчики все держали и тянули блюдо. И князю вдругъ показалось что хоть бейся до завтра, а эти пальчики все будутъ тянуть; лока не перетянуть. И онъ уступилъ по неволѣ.

„Tiens. Les petits doigts sont... volontaires. Le serions nous aussi?“

И князю стало даже какъ-то досадно. Отъ досады на пальчики упрямые князь почему-то перешелъ къ досадѣ на себя.

„Suis je un gamin? подумалъ онъ. Ужъ часъ какъ я на эту дикарку гляжу. Je la dévore, un jeune homme n'en ferait pas autant!“

И князь вдругъ перемесся мыслию Богъ вѣсть куда.

Собакинъ заспорилъ о чемъ-то громко и горячо со Смередевымъ.

Мама тихо наливала новый стаканъ. А князь позабывъ гдѣ онъ, забывъ Собакиныхъ, отца и дочь, забывъ свой планъ, бессознательно глядѣлъ Машѣ въ лицо, задумчиво, грустно, недвижно. Глѣдѣлъ, но не видѣлъ ея.

Мысль его была далеко, она улетѣла за нѣсколько лѣтъ назадъ, была за границей, во Франціи, въ Германіи. Побывавъ тамъ, она вернулась въ Россію къ блестящему двору великой императрицы. Много женскихъ образовъ промелькнуло чередой и унеслось вдаль предъ глазами князя. И вдругъ голова его понукала, взоръ скользя съ лица Маши на столъ и онъ невольно глубоко, тяжело вздохнулъ.

И не замѣтилъ князь, какъ Мама, ровно и спокойно налившая ему чай, остановилась и зорко глянула на него.

Ее все болѣе и болѣе удивлялъ этотъ человѣкъ; пожилой, но еще очень бодрый съ виду, въ которомъ было нѣчто особенное, чего Мама еще не видывала въ другихъ, и чего она назвать не могла, но что ей нравилось. Это была самовитость и элегантность всей фигуры князя, которую Мама бессознательно замѣтила и которая ее инстинктивно привлекала.

Покуда князь говорилъ съ отцомъ ея, часто но вскользь взглядывая на нее, Мама понемногу оправилась отъ смущенья и сама стала наблюдать, разглядывать гостя.

И понемногу созналась она что и лицо, и голосъ, и взглядъ, и умныя рѣчи, и ласковость какая-то въ звукѣ голоса, все въ этомъ человѣкѣ было скорѣе приятно ей чѣмъ неприятно.

Вдругъ по поводу чего-то что Мама не слыхала, отецъ воскликнулъ въ разговорѣ съ княземъ.

— Это вѣдь только въ сказкахъ такъ сказывается, князь, а на дѣлѣ этого не бываетъ.

„Въ сказкахъ?“ повторила Мама про себя и вдругъ вспомнила о Кащеевѣ безсмертномъ и пристально посмотрѣла на князя.

И Машѣ вдругъ стало совѣстно и даже стыдно что она такъ долго съ перваго разговора въ Дужинѣ со Смередевымъ и до этого вечера считала и называла заглазно князя Кащеемъ.

Да, какъ далеко былъ этотъ князь, звучно и ласково

говорящій умныя рѣчи и добрыя слова, отъ того Кащея лохматого, зеленоглазаго, съ козлиною бородой по поясъ, съ крючковатыми ногами и руками.

Машѣ показалось что она заглазно обидѣла кровно этого человѣка и въ мысляхъ и въ частыхъ бесѣдахъ съ Любю; что она просто виновата предъ нимъ.

Наконецъ когда Смередевъ громко заспорилъ съ отцомъ ея, а князь возвративъ ей стаканъ свой чтобы перелить чай, задумался глубоко, глядя ей въ лицо, а затѣмъ вздохнулъ тяжело, онъ сразу сталъ для дѣвушки другимъ человекомъ.

Онъ будто въ сказкѣ подъ жезломъ волшебницы колдуньи превратился изъ злаго въ добраго, изъ стараго въ молодого, изъ уроды въ красавца.

„Какъ онъ вздохнулъ. Будто отъ горя, думалось Машѣ. Вѣдь онъ одинъ! Мать и братъ съ нимъ не знаются, а я его Кащеемъ звала.“

И вдругъ подавая чай, Мама ужъ раскрыла ротъ и шевельнула губами чтобы заговорить. Она рѣшилась первая заговорить съ этимъ человекомъ и поскорѣе сказать или сдѣлать что-нибудь такое чтобы самое себя оправдать, простить за всю напраслину на князя, за Кащея и за другія выдумки.

Но князь не далъ ей заговорить. Замѣтя рѣзкую перемену въ лицѣ дѣвушки, гораздо менѣе смущенья, болѣе ясности въ глазахъ и болѣе привѣтливости въ легкой улыбкѣ онъ принявъ стаканъ чаю изъ ея рукъ и немного удивляясь внезапной переменѣ спросилъ ее о больной матери, о томъ получаетъ ли она часто вѣсти изъ Дужина... Мама отвѣчала сначала слегка смущаясь отъ мысли что разговариваетъ съ княземъ, но постепенно справилась и не замѣчая того сама, понемногу разговорилась съ княземъ также точно какъ еслибъ это былъ Смередевъ.

Князь велъ разговоръ и сводилъ и поворачивалъ на что хотѣлъ, но дѣвушка этого и не подозрѣвала. Покуда Смередевъ умышленно отвлекалъ вниманіе и все сердилъ Лукьяна Иваныча споря о томъ что черноземанѣтъ, что это выдумка, что „земля Божья, все земля одна и та же вездѣ.“ Князь въ полчаса времени узналъ дѣвушку, видѣлъ ее насквозь, и зналъ что предъ нимъ ребенокъ наивный и милый,

съ природнымъ разумомъ, съ прямою душой, съ добрымъ горячимъ сердцемъ.

Покуда князь говорилъ съ Машей, любясь какъ она то подымала ясные глаза на него, то олускала ихъ не выдержавъ его взгляда и смотрѣла гдѣ-то около него, онъ въ то же время думалъ о томъ, какъ бы найти что-нибудь общее между ними, найти поводъ, предлогъ къ болѣе короткому и быстрому знакомству.

Маша съ особенною любовью въ голосъ заговорила о своемъ огородѣ, который остался въ Дужинѣ. Казалось что еслибъ она могла, то перевезла бы его съ собой въ Москву.

— Вотъ тутъ, сказала Маша,— у сосѣда нашего огородъ. Я завтра хочу послать къ нему Любу мою. Пустить онъ васъ хоть поглядѣть, да погулять? Мы ничего не тронемъ. Какъ вы полагаете? Пустить?

— Позвольте васъ тогда просить лучше на мой огородъ. У меня большой садъ надъ Москвой-рѣкой и большой огородъ.... Я буду счастливъ, если вы пожелаете тамъ гулять..

Маша не знала что отвѣчать и вспыхнула, но князь обратился къ Лукьяну Ивановичу и чрезъ минуту было рѣшено что Собакины прїѣдутъ къ князю погулять у него въ саду и поглядѣть огородъ.

— Это ея первое занятіе и удовольствіе! сказалъ Собакинъ.— Она, поди, и у васъ не стерпитъ, копать начнетъ въ грядкахъ.

— Я ничего не попорчу! тихо замѣтила Маша смущаясь, но чувствуя что если князь поставитъ условіемъ быть въ огородѣ и ничего не трогать—то тогда: „хоть и не вѣди“. На этомъ бесѣда и кончилась. Гости встали и уѣхали.

XXI.

Маша оставшись съ отцомъ въ гостиной ждала вопроса даже допроса отца и не ошиблась.

— Ну, Машуля, каковъ на твой разсудокъ этотъ князь! А?

— Ничего-съ, отозвалась Маша.

— Нешто онъ гордъ своимъ вельможествомъ, богатствомъ?

Или дуремъ, старъ, противень?...

— Ничего-съ. Не очень молодой конечно....

— Поѣдемъ мы въ садъ-то, въ огородъ его копать?

Маша подумала и отвѣчала.

— Лучше завтра потолкуемъ, батюшка. Утро вечера мудренѣе.

— Ну, ладно, Машуня. Христосъ съ тобой. Поди почивай... Скажи только мнѣ, не стерпѣлъ Собакинъ,—по правдѣ истинной.... Что жь по твоему, нешто не можно за этого князя всякой дѣвицѣ желать замужъ выдти?

— Не знаю, батюшка.

— Не криви душой, голубчикъ. Скажи прямо что мыслишь.

— Я не кривлю душой. Вотъ какъ предъ Богомъ говорю, не знаю. И можно, и не можно....

— Ты бы пошла за него?

— Нѣтъ, батюшка! вздохнула и тихо трянула головой Маша.—Я что вамъ говорила, на томъ и теперь стою.

— Но почему?! Старъ онъ? Дурень?

— Нѣтъ, батюшка. Но мы не пара. Онъ для меня, такъ сдается мнѣ, то же что вы бы вотъ для Любы. Нешто можете вы на Любѣ жениться?

Лукьянъ Иванычъ широко глаза открылъ. Ему показалось что Машуня его правду сказала, что онъ самъ это думаль... да забылъ.

— Ты дворянка... заговорилъ цвѣлидъ.—Мы не хуже его...

Но почувствовавъ что дѣло не въ томъ совсѣмъ, что онъ ляжетъ дочери и самому себѣ, Лукьянъ Иванычъ махнулъ рукой и побрелъ ковыляя на деревяшкѣ въ свою спальню.

Маша была у себя въ горницѣ, въ постелѣ и тихо, задумчиво, даже какъ-то грустно объясняла Любѣ что князь „хорошій, добрый, ласковый“, но въ то же время прибавила:

— А за него замужъ... помилуй Богъ.

Между тѣмъ, въ тѣ же минуты князь Петръ Ильичъ завезя Смередева къ нему и вернувшись домой тотчасъ послалъ за Андрианомъ, который обыкновенно являлся послѣ одиннадцати часовъ, когда баринъ ложился спать.

Андрианъ явился и сталъ у дверей, залажа по обыкновенію руки за спину и ожидая „росказней объ новомъ предметѣ“ барина. Такъ было прежде, но на этотъ разъ Андрианъ ошибся.

Князь сидя на креслѣ глядѣлъ себя ладонями по кофтѣнамъ и обратился съ довольнымъ видомъ къ любимцу. Когда князь бывалъ въ духѣ, то говорилъ съ нимъ на поло-

вишу по-французски, такъ какъ Андрианъ отлучно поминалъ и мараковалъ самъ на этомъ любимомъ бариновомъ языкѣ.

— Вотъ что... Андрианъ. Прикажи-ка завтра весь день до вечера чисто-вацисто убирать весь садъ... *J'attends du monde*. Та самая барышня.

— Овъ и такъ чистъ! Чего его чистить! Его хоть языкомъ вылижи, чище не будетъ, угрюмо отозвался Андрианъ.

— Ну, хорошо... Тогда пусть займутся, да всё смотри, со всею дворней возмись, чтобъ живо было сдѣлано... Пусть вычистятъ, выползятъ и управятъ огородъ. Чтобъ былъ... Ну... на диво!

— Какой огородъ?

— Какой?! Что ты слышь что ли, *que diable...* Огородъ, *sacrebleu*. Ну!..

— Я, князюшка, и говорю: какой огородъ?

— Ну, нашъ, что внизу у рѣки...

— Зачѣмъ тамъ, князюшка, огороду быть. Въ Москвѣ слава Богу базаръ есть. У рѣки никакого огорода нѣтъ!

— Какъ нѣтъ? Князь вскочилъ съ кресла.

— Нѣтъ! хладнокровно выговорилъ Андрианъ, хотя любопытство его было затронуто что для князя такъ важно: есть огородъ или нѣтъ огорода.

— Я самъ видѣлъ, *de mes propres yeux*. Чучело ты! Ты не знаешь, а я знаю. У кузницы...

— Было, князюшка, двѣ грядки рѣпы, да рѣпки за кузницей. Старой Агаеи огородишко... Такъ теперь и этого нѣтъ. Что повыдергано, а что кони затоптали.

— Такъ нѣтъ огорода? закричалъ Петръ Ильичъ.—Нѣтъ?

Андрианъ даже не отвѣтилъ, такъ перазилъ его голосъ князя и ужасъ который оказался въ голосѣ.

Князь постоялъ минутку раздумывая и шелча.

— *Cent mille diables!.. Sacré nom de Dieu! Damnation! Que le diable... Que suis je bête... morbleu!*

— Да вамъ что жь собственно угодно? вымолвилъ Андрианъ.

— Мнѣ? крикнулъ князь.—Мнѣ угодно, слышишь ты, мнѣ угодно чтобъ послѣзавтра у меня былъ огородъ. Повимаешь? Да не трясина головой. *C'est sérieux comme...* Да что тутъ текевать. Стулай, узнай, спроси... Справляйся какъ хочешь, *mais que j'ai mon ogorodъ. Послѣзавтра срокъ.*

Андріанъ стоялъ разиня ротъ, но скоро князь убѣдилъ вѣрнаго халоло и друга, что „хоть зарѣжъся“, а огородъ нуженъ. При этомъ князь объяснилъ какъ все сдѣлать.

— А кузви? спрашивалъ Андріанъ.

— Au diable! Повалить! Свести! Вспахать земаю и... и...

— И посѣять? Когда же это оно вырастетъ?

— Bêtise. Грады выкопать. Дворню съ подводами отрядить къ Подмосквнью... Нѣтъ! Долго, далеко. Отрядить по городу. Покулатъ, свозить и сажать. Понялъ?

Андріанъ молчалъ.

— Понялъ... Денегъ возьми хоть сто, хоть тысячу рублей!.. Но чтобъ послѣзавтра былъ огородъ у меня... Et pas de fronde!

— Это же не можно, князизька...

— Не можно! Je vais t'assommer, malheureux.

— Срамъ, князизька.

— А-а?

— Срамъ предъ всей улицей, отчаянно развелъ руками Андріанъ.—На всю Москву срамъ. Вѣдь это не въ Шанберѣ этомъ, гдѣ мы мельницу да лютану въ четыре дни построили для Анжелины-то вашей. Тутъ вѣдь матушка Москва. И опять дѣло-то грошевое... огородъ!

Однако чрезъ полчаса Андріанъ, несмотря на все красорѣчіе свое, выходилъ отъ князя вѣрча себя подъ носъ, съ приказомъ распорядиться съ ночи чтобъ успѣть все сдѣлать.

— Вотъ, думалъ, ковчили куралесы-то наши, прошлая пора, успокоились. Анъ вотъ тебѣ! До могилы будемъ мы чудесить.

Два дня килѣда работа на дворѣ и въ саду князя. Вся дворня и десятки подводъ сновали отъ зари до зари вкругъ дома. Весь кварталъ всполошился и хоть часто дивилъ князь Москву, но на этотъ разъ Москвичи дивились суетѣ у князя больше чѣмъ празднествамъ и даже красному шару котораго пустили когда-то въ небо.

И прохожіе часто слышали и передавали другъ другу разказы:

— Призвалъ, значитъ, Андріана Егорыча и говоритъ ему: подавай, молъ, мнѣ огородъ.

На третій день Смередѣвъ, не видавъ еще князя, явился къ нему рано утромъ, вызванный по важному дѣлу. Петръ

Ильичъ только еще вставалъ и Смередевъ, повстрѣчавъ Андриана въ залѣ, обратился къ нему съ вопросомъ.

— Какое такое важнѣющее дѣло у васъ?

— Дѣло важное. Вѣстимо. Коли дивить, такъ дивить. А вымѣ еще никого не подивить. Все полегло на бокъ какъ львяное. Надо вздохнуть дать денекъ, два.

— Кому?

— Огороду. Нешто вы про нашъ огородъ ничего не слышали?

— Ничего. Я полагалъ что у васъ его и нѣту совсѣмъ. Откуда жь онъ взялся?

— Откуда? проницески усмѣхнулся Андрианъ.—Огородъ? У васъ вотъ, глядите, у князя въ олочивальнѣхъ либо въ портретной, заутрова Яуза протекеть.

— Какъ Яуза. Рѣвка?

— Что жь, что она рѣвка. Намъ на это плевать. Захотимъ самое Москву рѣку пустимъ.—Андрианъ вдругъ махнулъ рукой и прибавилъ даже со злобой:—Срамъ просто. Одно скажу. Я третій день, Иванъ Максимычъ, на улицу глазъ не кажу, изъ-за князьинки моего. Разъ сунулся по соседству и закаялся. Ему что? Ему никто не посмѣетъ въ глаза фыркать.

Смередевъ стоялъ, раскрывъ ротъ и ничего не понималъ.

— Да говори толкомъ, чортъ тебя лобери, разсердился Смередевъ.—Я ему про Маланью, а онъ про алады!

— Важное то дѣло—срамное дѣло, а не важное. Огородъ-то вѣдь, Иванъ Максимычъ, въ три дня выросъ.

— Какимъ образомъ?

— Какимъ? Нашимъ, значить, княжескимъ, Агаринскимъ. Намысь стояли тамъ какъ бытъ слѣдуетъ кузни. Нешто вы не помните? Вашу же чалую кобылу подковали разъ объ весну.

— Помаю. Потомъ... Ты говоришь въ три дня выросъ.

— Четвертаго дни съ зарей еще поваляли и снесли кузни, а тамъ весь день лахали, а бабы гряды калали, а дворня таскала со всей Москвы калусту, бобы, да горохъ, да рѣлу... да всакую дрянъ овощаю. Откуда что можно тащили... Ну-съ, таскали, да и тыкали въ гряды. Десятокъ однихъ красныхъ кочановъ — рубль обошелся, а дыня... одна съ корешкомъ и хвостикомъ въ лять рублей вѣвала, Иванъ Максимычъ; лять рублей!

— Что-о?

— Да вѣдь покупали-то насильно, да сажали съ землей. Своихъ подводъ не хватило, навяли, осрамились, у чужихъ.

— Ну, ну...

— Ну вотъ ухнули кучу денегъ и выросъ огородъ. Чего вамъ еще? Мало что-ли? А для чего? Кому нужно?

Смередевъ только теперь вдругъ сообразилъ причину этой штуки друга своего; онъ сѣлъ на диванъ и залюлся такимъ смѣхомъ какимъ давно не смѣялся.

— Вѣдь онъ въ хвастуны боялся попасть. Вотъ что! смѣялся Смередевъ.

— Вамъ смѣшно, Иванъ Максимычъ. А я вотъ, сказываю вамъ, третій день на улицу глазъ не кажу. Прохожіе такъ и рвутъ съ огородомъ этимъ. Кабы что другое — ничего. Деньги есть, воля своя, холопей много—ну и твори. На то онъ и князь Агаринъ! Да дѣло-то дрянное, грошевое, бабье дѣло... Огородишка... Ну лавильонъ бы поставилъ, бесѣдку, моетъ что ли свой чрезъ Москву рѣку перемахнуть бы велѣлъ, какъ о прошломъ годѣ собирались мы... То важно. То на диво! А это кому на диво—огородъ!?

Но Андрианъ ошибался. Появленіе огорода на свѣтъ Божій въ три дня произвело магическое дѣйствіе именно на тѣхъ... или вѣрнѣе, на ту для которой онъ выросъ въ три дня и имѣлъ огромное вліяніе на судьбу нѣсколькихъ лицъ.

Если въ сердцѣ Дужинской барышни произошелъ маленькій кризисъ относительно князя, то виновникомъ его былъ огородъ. Такова цѣль случайностей, изъ которыхъ складывается человѣческая жизнь независимо воли и разсудка и ведетъ къ счастью или несчастью. Стала однажды ребенокъ Маша сажать вѣточки на дорожкѣ, надоумила ее мать заняться огородничаньемъ, полюбила она эту забаву... и теперь огородъ князя ловлялъ на рѣшеніе ея участи.

XXII.

— La glace est rompue! говорилъ князь бодро и почти весело шагая изъ угла въ уголъ своего кабинета.

Прошла уже недѣля со знакомства и съ первой встрѣчи его съ Машей. За это время явился на свѣтъ диковинный и скороспѣлый огородъ лодивившій „всю улицу“ и олеча-

лившій Андріана, даже осрамившій князя по его мнѣнію на всю Москву. Съ тѣхъ поръ Собакины были уже два раза у князя въ гостяхъ. Отношенія были короче, проще, пріятнѣе. Всѣ четверо, Собакины отецъ и дочь, Смередевъ и князь, были довольны, въ духѣ, разставались чтобы свидѣться опять, и увидавшись, снова придумывали какъ бы что устроить ради забавы. Они ѣздили въ экипажѣ князя за городъ гулять, катались въ большой лодкѣ по Москвѣ рѣкѣ иногда вплоть до Воробьевыхъ горъ или просиживали до ночи въ тѣмномъ саду князя.

Мама привыкла къ князю вполнѣ и относилась къ нему дружелюбно, довѣрчиво, просто.... Она давно забыла что онъ тотъ самый Кащей который съ козлиною бородой сидитъ въ своемъ домѣ на золотѣ и домъ котораго на самой на срединѣ Москвы. Мама знала теперь добраго и ласковаго Петра Ильича, которому что ни скажи, все сдѣлаетъ. Собакинъ былъ въ духѣ, доволенъ и веселъ и ни о чемъ не думалъ, только о женѣ всломивалъ часто... Смередевъ ждалъ, когда князь сознается ему, что влюбленъ по уши и попросить взять на себя официально роль свата.

Эти хорошія отношенія установились вдругъ благодаря Мамѣ, сразу измѣнившейся относительно князя. А измѣнилась Мама благодаря затѣѣ князя... Дѣвушка была такъ поражена когда узнала отъ Смередева что видѣнный ею егородъ послѣлъ въ три, четыре дня, стоилъ безумныхъ денегъ и хлопотъ, а главное возникъ ради ея прихоти, что почувствовала себя окончательно виноватою предъ княземъ.

— Какой онъ хорошій! говорила Мама про князя и отцу, и Смередеву и Любѣ.

И всѣ радовались... И только одна Люба знала что Мама по вечерамъ бесѣдуя съ ней тихонько говорила.

— Хорошій онъ, Люба. Добрый! Ну, а замужъ за него... Помилуй Богъ. Онъ да я—это вотъ все то же что около Ивана Великаго нашъ скворешникъ дужинскій поставить.

Между тѣмъ Собакинъ не зналъ что въ Москвѣ добрые люди давно уже поговаривали объ немъ и его дочери и Богъ вѣсть что! Не зналъ и князь что Мадонна любитъ его также какъ любитъ Смередева или свою канарейку оставленную въ Дужинѣ. Не знала и Мама что князь давно рѣшилъ свататься, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, но медлил изъ боязни шагнуть чрезъ этотъ Рубиконъ. Не догадывался Смере-

девъ наконецъ что если не толкнетъ князя, то конца не будетъ этому квартету, катаньямъ, гуляньямъ и всякимъ затѣямъ.

Машѣ жилось въ Москвѣ хорошо и она не слѣдила въ Дужино, не звала отца, зная что когда ей вздумается, тогда они и поѣдутъ. Лукьянъ Ивановичъ не слѣдилъ смутно надѣясь на бракъ дочери. Кромѣ того Собакину казалось что его Маша въ Москвѣ умнѣетъ и хорошеетъ не по днямъ, а по часамъ. Отецъ родной провидѣлъ и угадалъ то что не замѣтилъ бы Дужинскій инвалидъ. Это было совершенно справедливо. О золотой барышнѣ Дужинской, которая бѣгала въ роцѣ видаться съ Васей и плакать по немъ при разлукѣ, не было и помину.

Такъ прошло около мѣсяца. Собакины стали совсѣмъ Москвичи.

Наконецъ однажды до Смередева дошелъ черезъ добрыхъ людей слухъ что барышня Собакина—тайная зазнобушка князя Агарина и что не мало ужъ денегъ перетаскала отъ князя къ отцу.

Смередевъ полетѣлъ къ князю и поставилъ вопросъ прямо.
— Когда будетъ сватовство и свадьба?

Перелуганный князь, мечтавшій о томъ же всякій день, но далеко не собравшійся еще „шагать“ черезъ Рубиковъ, сталъ вслѣдствіи отговариваться. Онъ увѣрялъ даже друга, что онъ совершенно не лѣнненъ дикаркой Дужинскою, что она une gentile enfant, но грубовата, пожалуй отчасти и не достаточно умна. Князь кончилъ тѣмъ, что сожалѣлъ о безлокойствѣ которое даромъ причинилъ дворянамъ, заставивъ пріѣхать въ Москву. Смередевъ на первый разъ не ловѣрилъ князю и дня черезъ два, послѣ вечера у Собакиныхъ, въ который Петръ Ильичъ глазъ не спускалъ съ Маши, онъ снова заговорилъ съ другомъ о томъ же, спрашивая прямо:

— Хочешь ты на ней жениться или нѣтъ?.. Да не вертись! Подумай и отвѣчай прямо.

Князь Петръ Ильичъ обѣщался подумать серьезно и черезъ три дня размысленій дать отвѣтъ положительный и окончательный.

Прошли эти три дня и князь объявилъ Смередеву.

— По правдѣ... Я самъ не знаю... Je perds mon latin... Кажется что она мнѣ нравится. Elle est ravissante. Но любви, то-есть настоящаго чувства, я не литаю къ ней. И

жениться на ней кажется не могу. Она, mon cher ami, все-таки степная барышня, грубоватая. C'est une Madonne! Ouï! Но Мадонна Агаалбенская.

— А-а! протянул Смередевъ злобно и больше ничего не прибавилъ. Посидѣвъ немного молча и угрюмо Иванъ Максимычъ внѣ себя всталъ и ухалъ, давъ себѣ слово на долго не показывать глазъ ни къ князю, ни къ Собакинымъ, къ другу со злобы, а къ Собакинымъ „ради совѣсти“.

При отсутствіи Смередева отношенія какъ-то вдругъ поправились. Собакины не собрались ѣхать къ князю и не звали къ себѣ. Князь собирался съѣздить, но его удерживала мысль, что Смередевъ по дружбѣ разказалъ все иввалиду.

— Si je ne l'aime pas.... Pourquoi la compromettre et pourquoi lui tourner la tête. La pauvre petite. Я ей зла не желаю. Наивно говорилъ самъ себѣ старый сердцевдъ.—Какъ жаль что я не могу ее любить, ressentir une véritable passion! En faire mon épouse?... Quelle princesse Agarine ça ferait. Diantre!

XXIII.

Чрезъ три дня однако все сразу въ одно утро перевернулось, передѣлалось и перемѣнилось, точно будто ураганъ прошелъ черезъ домъ князя и домикъ Собакиныхъ.

Рано утромъ, когда князь, налившись кофе, сидѣлъ у окна въ огромномъ креслѣ и перелистывалъ усмѣхаясь *La Pucelle d'Orléans* въ гостиной раздались быстрые шаги незнакомые ему, или полужнакомые.

Князь удивленный неожиданнымъ посѣтителемъ опустил книгу, зорко глянулъ на дверь и чутко прислушался.... Гость не шелъ по дому, а почти бѣжалъ къ дверямъ кабинета, такъ что стеклушки люстръ задрожали и зазвенѣли въ гостиной.

Дверь отворилась и князь невольно встрѣпенулся весь. На порогѣ появился Иванъ Максимычъ. Послѣшно входя въ кабинетъ Смередевъ быстро растворилъ дверь настежъ и залыхавшись, озираясь странно, выговорилъ черезъ силу.

— Петръ Ильичъ... Гдѣ ты? Петръ Ильичъ! Князь!

— Чтò? Чтò? Вотъ.... Me voici.

Смередевъ съ длиннымъ лицомъ, лохматый, съ дикими глазами, уставился на друга и заговорилъ холодно:

— Петръ Ильичъ. Ты говорилъ нагдысь что эта дѣвица, Марья Лукьяновна, и не очень хороша, и глула, и грубовата.

— Ну, ну... Князь всталъ и смутился увидя эту перемѣну въ голосѣ и во всей фигурѣ Смередева.

— И говорилъ... Говорилъ... Чтѣ тамъ еще? Много. Чтѣ напрасно безлокоцили дворянъ... Чтѣ не годится она тебѣ въ супруги.

— *C'est à dire...* Mon idée à moi était... что она дѣвица, хотя и красавица, но....

— Ну, судьба рѣшила дѣло попросту. Болѣ не смущайся. Конецъ... Ея нѣту...

— Уѣхали? воскликнулъ князь довольно громко и испуганно.

— Нѣтъ... Старикъ тутъ... завтра увидишь.

— Она одна? убѣжала чтѣль...

— Скончалась.

— А-а?

— Скон-ча-лась!

Князь окаменѣлъ на мѣстѣ, ротъ его раскрылся, губы дрогнули и руки вдругъ опустились вдоль туловища. Книга которую онъ держалъ упала на полъ. Наконецъ онъ пролетѣлъ чуть слышно:

— *Voilà...* Чтѣ такое... Чтѣ ты....

Смередевъ отошелъ, повернулся спиной къ князю и сталъ глядѣть въ открытое окно.

— Чтѣ ты? выговорилъ снова князь.—Какъ скончалась... *Morte, dis tu? Morte.* Умерла...

Смередевъ молчалъ и не двигался.

— Да какъ же? глухо вымолвилъ князь.—Такъ, вдругъ? Иванъ Максимычъ! закричалъ князь на весь кабинетъ.— Говори! *Mais c'est donc...* Это, это, это....

— Всѣ подъ Богомъ! едва слышно отозвался Смередевъ.— Нынче живъ, завтра... Да чтѣ тутъ толковать....

Смередевъ махнулъ рукой, надвинулъ шалку на голову и не оглядываясь пошелъ вонъ изъ кабинета. Князь не двинулся и стоялъ среди горницы какъ пораженный громомъ... Молча, во всѣ глаза смотрѣлъ онъ чрезъ растворенную дверь въ спину друга удалявшагося по анфиладѣ комматъ. Наконецъ, когда Смередевъ скрылся, князь поднялъ руки къ лицу, къ глазамъ.... и шепнулъ самъ себѣ....

— *Eh bien, oui.... Je l'aimais... Je t'aimais, ma pauvre... Маша... Машуля...*

Князь двинулся тихо и дойдя до дивана медленно опустился на него, положив голову на руки.

— Какъ это странно... *Est-ce une punition du ciel?*...

И князь неподвижно сидѣлъ на диванѣ. Въ головѣ его послѣ наплыва разныхъ мыслей и ощущеній становилось какъ-то пусто, глухо и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжело, больно.

Прошло болѣе часа. Князь все сидѣлъ недвижно... Только глаза его стали влажны.

Раздались шаги въ гостиной и вошедшій Андрианъ подалъ князю ключекъ бумаги...

— Чтò? бессознательно вымолвилъ князь.—Ступай!

— Ковный отъ Ивана Максимыча. Приказано тотчасъ вамъ подать.

При имени Смередева князь взялъ ключекъ бумаги и прочелъ:

„Она, Христось съ ней, жива и здорова. Все слава Богу. Желалъ тебя дурня проучить, чтобъ не вралъ, да знать много-ль любишь. Не вернулся изъ оласки что отдуешь. Да оно и можно! я бы вздулъ. Но прости другу. Изъ любви... Вечеру буду, только: чуръ меня!

„Твой Ванька другъ.“

Князь задрожалъ всѣмъ тѣломъ и вскочивъ съ дивана, бросился было бѣжать куда-то, но остановился, вернулся и задыхаясь сѣлъ олять, но тутъ же снова вскочилъ и сталъ хвататься безъ толку руками за попадающуюся мебель и вещи. Наконецъ онъ выговорилъ:

— Ахъ Ты Господи! Господи помилуй...

И князь перекрестился... Андрианъ холодно, молча и не шевелясь глядѣлъ все время на барина, не зная въ чемъ дѣло, но тутъ вдругъ двинулся и какъ-то даже полерхнулся при видѣ крестнаго знаменія князя.

— Вотъ! вотъ!.. То-то, князинька. Вонъ оно! почаше бы такъ-то, съ чувствомъ выговорилъ Андрианъ.—Бѣда, знать, какаа; говорите. Въ ссылку чтоль насъ олять ссылають. Такъ не што!.. Проживемъ и въ вотчинѣ. Не горюйте родимый. Коли она васъ къ Господу обратитъ — такъ хорошо, лучше не надо... Ей-Богу... А я отъ васъ ни лади... Вамъ горе—миѣ того горше...

Князь локуда окончательно пришелъ въ себя, усложился, улыбался ясно и неподвижно стоя среди горящцы,

слушалъ.... Да, онъ прислушивался къ тому что совершалось въ немъ, тамъ, на сердцѣ.... Ему казалось что тамъ что-то тихо гаетъ и уничтожается, но какое-то сладкое, теплое чувство разливается и охватываетъ понемногу все его существо.

— Слава Богу! вздохнулъ князь и олять перекрестился.

— То-то. Да. Бога не забывай! поддакивалъ Андрианъ.

— Да. Да. *C'est plus simple*, отвѣтилъ князь, не то Андриану, не то себѣ.— Зачѣмъ обманывать себя? Надо какъ всѣ, на половину думалъ на половину бормоталъ онъ прочувствованнымъ шелотомъ. — Никто ничего не знаетъ! а вотъ тутъ... Въ такую минуту *on se sent seul aux fins fonds d'un abîme!*.. Нѣтъ!.. Такъ лучше какъ всѣ... *C'est plus simple*.. Тамъ Онъ... Всевидящій, Милостивый... Здѣсь я... слабый, невидящій ничего...

Князь пришелъ въ себя, яснымъ взоромъ глянулъ на Андриана и вымолвилъ:

— Ну, Андреяша!.. Я женюсь...

— Что жь? Съ Богомъ. Авось Господь милостивъ; но коли можно, князюшка, обождите.

— Нѣтъ, не обожду! Ни минуты не обожду. Сейчасъ, скорѣе, завтра... Сейчасъ! восторженно выговорилъ Петръ Ильичъ.

— Послѣ бы не пенять. Помяните мое слово, пробурчалъ Андрианъ.

Но князь не слыхалъ и улыбаясь счастливо, думалъ снова о томъ что все пережитое сейчасъ шутка, что Маша жива, что выдумка Смередева преумная, потому что вдругъ ясно ему доказала что онъ любитъ Машу.

Черезъ полчаса князь ѣхалъ къ Смередеву и весело выглядывалъ въ окно кареты, весело здоровался и раскланивался направо и налево, и простому народу, знавшему хорошо князя и его экипажъ, и многочисленнымъ знакомымъ, попадавшимся ему на встрѣчу.

Князь пріѣхавъ къ Смередеву, молча обьялъ его, крѣпко разцѣловалъ на обѣ щеки и наконецъ вымолвилъ съ чувствомъ:

— Спасибо, другъ!

— Чтò? Не любишь? Не годва въ княгини! То-то, братецъ, какъ люди-то сами себя надуваютъ. Журналъ друга Иванъ Максимовичъ.

Было рѣшено немедленно, что Смередевъ поѣдетъ къ Собакину сватомъ. Оба друга были заранѣе счастливы несказанно и не сомнѣвались конечно ни минуты въ успѣхѣ. Въ согласіи Маши, которая была такъ мила съ княземъ послѣднее время, не могло быть сомнѣнія.

XXIV.

Въ тотъ же вечеръ Смередевъ былъ въ домѣ стараго инвалида и Лукьянъ Ивановичъ весь въ слезахъ отъ неожиданнаго счастья передалъ дочери, по отъѣздѣ его, предложеніе князя. Мама сначала ничего не поняла, какъ будто дѣло шло о чемъ-то, чего никогда ей и на умъ не приходило. Повемногу, сообразивъ все, она и изумилась, и испугалась. Когда-то, старикъ отецъ легко соглашался даже на отъѣздъ изъ Москвы, соглашался даже вовсе не знакомиться съ княземъ. Теперь же, въ виду дѣйствительно сдѣланнаго предложенія, онъ не могъ допустить, не могъ даже понять, что можно отказать князю. Чѣмъ болѣе Лукьянъ Ивановичъ уговаривалъ молчавшую дочь, тѣмъ болѣе дѣвушка приходила въ какое-то тупое, бессмысленное состояніе. Не зная чѣмъ убѣдить дочь, старикъ сталъ говорить о томъ, что по словамъ Смередева князь прежде всего купитъ за какія бы то ни было деньги сосѣднее Троицкое и что оно будетъ принадлежать Машѣ, что князь еще до свадьбы подаритъ его женѣ; чрезъ это то дорогое мѣсто, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ хоронятъ всѣхъ Собакиныхъ, гдѣ по словамъ Лукьянъ Ивановича: „косточки всѣхъ родныхъ зарыты!“ будетъ вотчиной внука Агарина и Собакина.

— Ну, что же, спросилъ наконецъ Лукьянъ Ивановичъ, — что же ты скажешь, голубчикъ?

Мама молчала, сидѣла блѣдная, только глаза ея горѣли и она какъ-то странно озиралась на всю комнату, словно искала что-то, какъ будто думала, какимъ способомъ убѣжать изъ этой горницы и изъ этого домика.

— Завтра пріѣдетъ, выговорила наконецъ Мама, — Иванъ Максимычъ.

— Пріѣдетъ, навѣрно!

— Я съ нимъ поговорю, глухо отозвалась Мама.

— Да что же ты ему скажешь?

Мама не отвѣчала. Черезъ нѣсколько минутъ, какъ бы слегка успокоившись и окончательно прійдя въ себя, Мама стала просить отца дать ей только время подумать и самой потолковать со Смередевымъ.

Простаясь съ отцомъ Мама ушла къ себѣ въ комнату. Вслѣдъ за ней, по обыкновенію, вошла Люба, знавшая конечно, и видя что барышня не начинаетъ говорить сама, первая обратилась къ ней съ вопросами:

— Какъ же, барышня? Когда же отвѣтъ вы дадите?

Мама отвѣчала полусознательно, чтобы только молчаніемъ не обидѣть Любу: но съ первыхъ же словъ своей любимицы была поражена тѣмъ, что и Люба, съ которою когда-то она сговаривалась противъ отца и князя, была теперь тоже на ихъ сторонѣ. Люба тоже въ виду факта, дѣйствительности, т.-е. предложенія князя, не могла понять какъ отказаться быть княгиней Агапиной, хозяйкой въ тѣхъ царскихъ палатахъ и въ особенности помѣщицей села Троицкаго. Она стала краснорѣчиво доказывать барышнѣ, какъ весело ей будетъ жить въ княжихъ палатахъ и какъ охнетъ вся округа Ломовская... Отъ этой перемены въ любимицѣ Машѣ стало еще хуже, еще тяжелѣй. Чтобы освободиться отъ Любы, она легла въ постель и отпустила горничную. Долго, до разсвѣта пролежала Мама съ открытыми сухими глазами и думала о томъ, что дѣлать?

Отъ усталости ли, или чего другаго, мысли ея вдругъ приняли другое направленіе. Мама вдругъ спросила себя, *почему* именно ей не хочется идти за князя? И не знала что отвѣчать на вопросъ.

Прежде, когда вѣхала въ Москву, между ею и этимъ княземъ-Кащеемъ съ козлиною бородой по поясъ постоянно становилась почему-то преградой милая фигура Васи. Но вѣдь о Дужинской золотой барышнѣ уже давно помину не было. За послѣднее время Мама только раза два, три вспомнила о Васѣ, сказала: Что-то Вася? и ей уже казалось непонятнымъ какимъ образомъ она могла такъ горько плакать въ роцѣ предъ отъѣздомъ.

„Почему-же за него и не идти“, думала теперь Мама. „Въ самомъ дѣлѣ Троицкое будетъ у батюшки во владѣніи, сдѣлается онъ богатымъ и важнымъ помѣщикомъ, будетъ счастливъ и доволенъ. Князь добрый, ласковый и мнѣ не будетъ худо.“

Долго и много передумала и проговорила шепотомъ Маша, чтобы доказать себѣ возможность выйти замужъ за князя; но что-то, будто голосъ, что-то такое, больно сжимавшее ей сердце, отвѣчало за нее на ея собственныя разсужденія, не соглашалось съ ней, и говорило:—Идти за князя нельзя, невозможно!—Почему?—думала Маша и даже спросила разъ вслухъ, но отвѣта не получила. Въ этой борьбѣ сама съ собой она забылась когда уже солнце ярко свѣтило въ окно.

Поднявшись довольно рано и выйдя въ гостиную къ отцу чай пить, Маша чувствовала себя какъ бы больною. Голова ея была тяжела и даже луста, она ни о чемъ даже не думала и ни на чемъ не могла сосредоточить вниманіе. Даже все вчерашнее представлялось ей какъ-то смутно. Вчера шла рѣчь о чемъ-то удивительномъ, мудреномъ, трудно разрѣшаемомъ, что требовало однако скорого рѣшенія. Поздоровавшись съ отцомъ, Маша стала молча дѣлать чай, но вдругъ, поднявъ голову и пристальнѣе взглянувъ въ лицо отца, она увидѣла что старикъ немного измѣнился за ночь, лукаво спросила:

— Что вы батюшка, нездоровы?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Лукьянъ Ивановичъ, и какъ бы смутившись, отвелъ глаза въ сторону.

Лукьянъ Ивановичъ тоже почти не спалъ всю ночь и волновался не менѣе дочери. Онъ безпокоился о томъ что скажетъ Маша, чѣмъ кончится все это. Забота, безпокойство, даже боязнь были ясно видны на лицѣ его. Раза два, искоса, вскользь, какъ-то виновато, взглянулъ онъ на дочь, какъ будто онъ былъ предъ ней крайне виноватъ въ чемъ-то и судьба всей его жизни зависѣла отъ одного слова дочери. Машѣ стало вдругъ невыносимо тяжело и больно отъ этого выраженія, которое она подмѣтила на лицѣ отца. Она вдругъ, порывисто встала, подошла къ отцу, обняла его и выговорила тихо:

— Батюшка!

Слезы показались на лицѣ старика, ибо это одно слово многое сказало ему.

— Голубушка, Машуля, какъ ты хочешь, пролетелаъ чрезъ слезу Лукьянъ Ивановичъ.—Ты, ты... Какъ ты..

— Хорошо, батюшка, дайте мнѣ сроку одинъ только день; позвольте только потолковать съ Иванъ Максимычемъ, а пока не будемъ больше говорить объ этомъ.

Мама безсознательно чувствовала что не отецъ, а Смередевъ ей нуженъ для поддержки, для борьбы съ этимъ тайнымъ голосомъ, повторяющимъ: „Нѣтъ, нельзя, не надо идти за князя!“ Смередевъ побѣдитъ этотъ голосъ, и тогда... отецъ будетъ счастливъ, будетъ „важный Троицкій помѣщикъ“.

Вся смута въ душѣ Маши сводилась къ этому, и только это одно представлялось ей ясно, отчетливо, понятно! Это одно улыбалось ей. Все же остальное представлялось въ какомъ-то туманѣ. Князь—мужъ, она—княгиня Агарина, хозяйка этихъ палатъ громоздящихся надъ Москвою рѣкой, жизнь въ этихъ палатахъ, обязанности жены, будущее ея—все это какъ будто плавало въ туманѣ вокругъ ея головки въ видѣ образовъ, въ видѣ вопросовъ, и надвигаясь на нее все ближе и ближе, будто грозило задавить ее, проглотить, уничтожить...

Не допивъ своей чашки чаю, дѣвушка вышла въ садикъ прилегавшій къ дому, завернула въ бесѣдку и опустилась тяжело на скамью, будто прошла сто верстъ.

Недвижно просидѣвъ съ полчаса понурившись и глубоко задумавшись, Мама вдругъ подняла голову и будто теряя послѣднія силы вымолвила съ отчаяньемъ...

— Не знаю! Сама не знаю!.. Кто же мнѣ скажетъ?

XXV.

Вокорѣ на дорожкѣ сада показался Смередевъ. Онъ вошелъ въ бесѣдку, постоялъ предъ дѣвушкой, покачалъ головой и молча опустившись на скамью возлѣ нея взялъ ее за руку.

— Ну, выслушайте вы меня, ласково началъ онъ и тихо, кѣжно сталъ говорить ей объ ея судьбѣ, будто гадаальщица по картамъ. Мама ни разу не двинулась и ни разу не подняла головы. Только слово: „дѣти“, произнесенное Смередевымъ, въ первый разъ заставило ее едва замѣтно шевельнуть рукой. Когда Смередевъ окончивъ описаніе будущности княгини Агариной и ея полнаго счастья замолчалъ, Мама не заговорила и попрежнему не двинулась, только грудь ея заволновалась сильнѣе.

— Чтò же, Марья Лукьяновна? Неужто же въ Дужинѣ или въ Ломовѣ лучше проживете!

Маша молчала.

— Вы не хотите со мной побесѣдовать по душѣ, по родному... Что на умѣ, то и сказывать? А ей Богу бы лучше. Я человекъ, Марья Лукьяновна, прямой, безхитростный. А скажу я вамъ. Вы меня околдовали, я васъ вотъ ужъ люблю будто съ пеленокъ, знаю будто нянчилъ васъ. И теперь моя забота не горе вамъ причинить, а судьбу вашу радостно и счастливо устроить. Я одинъ на свѣтѣ, бобыль. Молодъ я былъ, желалось мнѣ найти жену себѣ. И не нашелъ. Состарѣлся я, сталъ желать найти себѣ дочку-пріемыша. И не нашелъ... Ну!.. И голосъ Смередева дрогнулъ вдругъ.... Ну вотъ.... Мало искалъ стало.... Вотъ теперь.... будто и есть таковая-то. У нея свои родители живы, ея любящіе... такъ что жъ изъ того? Будто ей лишній другъ, лишній пріятель... обуза будетъ. Нѣтъ. Мало ль чего отцу матери не скажешь. А старому холостяку лѣшивому, да дурнорожему, у котораго сердце-то, разбойникъ, не старое.... Ему-то все скажешь. Марья Лукьяновна, хотите вы меня въ друзья свои? Какъ собака дворная буду вамъ служить.... А! Хотите?

И голосъ Смередева все спадалъ и спадалъ, и сталъ такъ тихъ что послѣднія слова едва слышны были. И вдругъ голосъ совсѣмъ осилъ и пропалъ и наступило молчаніе. Маша не видала, но знала что Смередевъ глаза утираетъ. Грудь дѣвушки затрелетала и она залакала тихо.

— Вы-то... о чемъ же?

Маша уже не сдерживаясь, закрыла лицо руками и громко, но ровво рыдала.

— Вы мнѣ все.... скажете.... что я спрошу, едва, едва выговорила она.

— Вѣстимо все.... Чего и не надо бы, и то скажу! съ увлеченьемъ отвѣчалъ Смередевъ.

— И ничего не солжете?

— Избави меня Господь. Никогда въ этомъ не грѣшивъ былъ. Когда я маховымъ у няньки на рукахъ: а - гу! кричалъ, такъ и то, лоды, правда ужъ была.

И Маша въ свой чередъ закидала Смередева вопросами о князѣ, о замужней жизни, объ обязанностяхъ какъ мужа такъ и жены. Смередевъ отвѣчалъ подробно на что могъ и наконецъ сказалъ:

— Все вы это увидите сами. Узнаете, поймете, и гляди еще какъ славно заживете.

— Боюсь я, Иванъ Максимычъ.... Такъ боюсь что сейчасъ бы вѣтъ прямо отсюда убѣжала въ Дужино.

Смередевъ невольно разсмѣялся ребяческой интонаціи ея голоса, но тутъ же пересталъ смѣяться, потому что Мама опять заплакала.

— Ничего съ вами не сдѣлаетъ! Какъ эдакую васъ вести подъ вѣнецъ, моя золотая. Слушайте-ка послѣдній мой совѣтъ вамъ. Помолитесь Богу получше, поусерднѣе. Не обвѣчаемъ же мы васъ съ княземъ силкомъ. Сами рѣшите какъ поступить. И тогда ужъ стало такъ Богу угодно! Его святая на то воля.

Мама подняла свои большіе глаза и пристально глянула въ лицо Смередева. Лицо ея выражало удивленье.

— Чтѣ! Такъ что-ли?

— Да! Это такъ! вдругъ твердо, даже рѣзко выговорила Мама.— Да, да!... Она подумала секунду не спуская съ него глазъ и прибавила тише:— Такъ, такъ, разумѣется.... Спасибо вамъ, Иванъ Максимычъ. Я сейчасъ!

И она поднялась.

— Куда же вы?

Мама будто не поняла смысла вопроса.

— Молитесь.... едва слышно отозвалась она, удивляясь.

— Сейчасъ?.. Ужъ вы бы лучше это.... началъ было Смередевъ, но пристально поглядѣвъ во вдохновенное лицо дѣвушки, съ какимъ-то новымъ, спокойнымъ выраженіемъ, которое свѣтомъ легло на всѣ черты этого красиваго лица, произнесъ послѣдшне и даже робко отмахиваясь отъ нея рукой.

— Идите! Марья Лукьяновна. Идите, идите!... Нѣтъ, оставайтесь. Я ужъ уйду! Я уйду!

И Смередевъ вскочилъ и не оглядываясь почти побѣжалъ по садику отъ дѣвушки. Онъ былъ сильно взволнованъ.

— Ошалѣлъ я совсѣмъ отъ этихъ глазъ... И въ жаръ, и въ холодъ бросило. Какъ стояла-то? Какъ глядѣла? Царицей ей быть! А чтѣ княгиней? Прямо екажу: не простая она дѣвица. Вотъ же, ей-ей, не простая! Чтѣжь я дуракъ чтѣль? Людей, дѣвицъ, не видалъ никогда?

И Смередевъ не замѣчая все быстрѣе шель, почти бѣжалъ въ домъ.

XXVI.

На другое утро Лукьянъ Ивановичъ вмѣстѣ со Смередевымъ ѣхалъ къ князю благодарить за честь, безъ согласія дочери, но при этомъ, будто отъ себя ставилъ только одно условіе, никому не объявлять локуда о свадьбѣ и ожидать, отложить мѣсяца на два.

„Надо ей еще привыкнутьъ къ вамъ“, объяснялъ отецъ.

Съ этого дня Собакины, отецъ и дочь, стали бывать у князя ежедневно и вообще отношенія были таковы что добрые люди заговорили больше чѣмъ когда-либо. Знакомые князя, какъ всегда бываетъ, догадывались что есть что-то особенное въ его отношеніяхъ къ старому инвалиду и его дочери, но думая что богатъ и сановникъ никогда не рѣшится на бракъ со степною барышней, объясняли эти отношенія на свой ладъ. Дворян, столь же многочисленная, сколько праздная, знавшая кое-что черезъ Андріана Егоровича, судила вѣрнѣе, чула въ Машѣ будущую княгиню, барыню, и была озабочена совершенно инымъ. Нѣкоторые, самые ловкіе и пронырливые, уже забѣгали въ маленькій домикъ инвалида, знакомились съ Авдѣемъ и съ Любой и старались вывѣдать какова ихъ барышня, „съ правомъ она или безъ права“.

Вѣсти были, конечно, самыя усложнительныя и утѣшительныя. Барышня эта, красавица, съ ласковымъ голосомъ, только однимъ не понравилась холопамъ князя. Взглядъ ея глазъ былъ холоденъ, строгъ, ко всякому будто въ душу пролѣзалъ...

Однако вскорѣ вся дворянъ отчасти уже любила и Лукьяна Ивановича и будущую княгиню. Одинъ Андріанъ почти враждебно, но сдержанно относился къ обоимъ и въ особенности къ барышнѣ.

Машѣ почему-то сразу, инстинктивно не понравился этотъ любимецъ князя.

Такъ шель день за днемъ, и князь, и Собакинъ, каждый съ своей стороны, дѣлали приготовления. Лукьянъ Ивановичъ при помощи Смередева занялъ денегъ, чтобы кое-какъ обернуться. Смередевъ хлопоталъ отъ зари до зари и для князя и для инвалида, не ходилъ, а леталъ, бодрый, веселый,

какъ бы помолодѣвшій. Казался онъ счастливѣе всѣхъ; можно было подумать что дѣло идетъ о его собственной свадьбѣ.

Отношенія Маша къ князю остались все тѣ же. „Онъ добрый, хорошій“, часто повторяла Мама и себѣ самой и другимъ. Слишкомъ часто говорила она это; какъ будто ей приходилось втайнѣ убѣждать кого-то въ этомъ. Какъ будто былъ голосъ, который спрашивалъ съ сомнѣнiемъ: добрый ли онъ, хорошій ли онъ?

Во всякомъ случаѣ со времени сватовства князя Мама ни одного дня, ни одного часа, не была такъ весела и безлечно-счастлива какъ бывала прежде. Но этого никто не замѣчалъ. Бракъ съ княземъ Мама объясняла себѣ такъ: что вотъ въ извѣстный день она переедетъ въ палаты князя и останется въ нихъ жить, стараясь угождать хозяину этихъ палатъ. Ничто иное ей не приходило на умъ, а объяснить ей, на что рѣшилась она, было некому.

Князь казалось помолодѣлъ отъ счастiя, вызывалъ болѣе чѣмъ когда-либо, устраивалъ разные *рыски* (слово великой государыни) или иначе говоря *partie de plaisir*.

Давно уже собрался онъ устроить вечеръ и у себя, но Мама умоляла его избавить ее отъ такого „страха“. Вечеръ былъ отложенъ, но прошелъ цѣлый мѣсяцъ и назначенный заранѣе день наступилъ...

День, въ который князь рѣшился показать Москвѣ Дужинскую стелную барышню, сталъ роковымъ днемъ и въ жизни князя, и въ жизни стелной барышни.

Мама, подъ влiянiемъ страха и смущенiя, почти не помнила себя, когда переступила порогъ ярко освѣщенныхъ палатъ князя, переполненныхъ густою толпою гостей. Лукьянъ Иванычъ тоже оробѣлъ не въ мѣру, завидя золотые кафтаны, ленты и звѣзды.

Отецъ и дочь, не обративъ на себя особаго вниманiя гостей, тихонько усѣлись гдѣ-то на диванѣ и князь насыла самъ нашель ихъ и перевелъ въ другую горницу, гдѣ было меньше народу.

Понемногу ольяненiе отца и дочери прошло, благодаря любезности князя, и радуясь что „ничего не случилось“ они часа чрезъ полтора стали уже собираться втихомолку отъ хозяина домой. Хотя и много народу познакомилъ князь съ ними, но говорить однако никто не сталъ ни съ

отцомъ, ни съ дѣвушкой. Поэтому обиднѣ было хоть и не такъ уже дико и жутко, но все-таки не ловко и стѣснительно.

— Чего тутъ мыкаться! шелнулъ Собакинъ дочери—мигнемъ-ка, Машуна, домой.

И старый инвалидъ съ дочерью двинулись чрезъ анфиладу переполненныхъ гостями комнатъ.

Но злой судьбѣ не угодно было допустить чтобы Маша уѣхала тихонько домой. Шарфъ дѣвушки остался въ первой гостиной на диванѣ. Она лопала за нимъ.

Въ числѣ гостей князя была известная всей Москвѣ старая дѣва, именуемая генеральшей, потому что отецъ ея умеръ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ.

Этой генеральши, Авдотьи Егоровны Дубцовой, боялись не только дѣвицы, но и многіе мужчины. Ее звали акулой.

Генеральша Дубцева не слускала никому, и раза два въ недѣлю непременно съ кѣмъ-нибудь поругается и отдѣлаетъ „на обѣ корки“. Машу представили генеральшѣ, но Смередевъ посовѣтовалъ ей держаться подальше отъ старой дѣвицы.

— Бѣлая баба. Ни за что привяжется.

Прійдя за своимъ шарфомъ, Маша увидѣла къ немалому своему горю что генеральша какъ разъ расположилась на срединѣ дивана и на шарфѣ который видѣлся изъ-подъ барыни съ противоположной стороны.

Маша однако двинулась и подошла. Не зная въ Дужинѣ условій свѣта, она лотянулась чрезъ генеральшу, смущаясь отъ взгляда которымъ та ее смѣрила, и не прося извиненія тихонько лотацкая свой шарфъ изъ-подъ толстой барыни. Авдотья Егоровна ротъ раскрыла отъ удивленія.

— Да ты, мать моя, совсѣмъ невѣжа, что моя скотница Афимья! выговорила вдругъ она на всю гостиную.—Куда ты лѣзешь?

Маша сдѣлалась лунцовой и пролепетала:

— Простите... Вы на моемъ шарфѣ.

— Важность, видите, шарфъ ея. Честь тебѣ великая что я сижу на немъ... вотъ! Тебя, видно, батька-то съ маткой свѣтскости-то плохо учили; съизмаала мало сѣкаи.

Маша вдругъ подняла голову и взглянула въ глаза сердитой генеральшѣ.

— Меня никогда не сѣкаи.

— Оно и видать! сердито разсѣкалась генеральша.

— А вась развѣ сѣкли?.. просто спросила Мама съ от-
тѣвкомъ удивленія и любопытства.

— Чего! Какова озорная дѣвка, а? Гдѣ батька твои!
Показай мнѣ отъа Самши! Показай сейчасъ.

Но за секунду подошедшій отецъ ужъ стоялъ за дочерью,
ничего не понимая, блѣдный и со сверкающими глазами.
Наковедъ заслонивъ дочь, онъ вымолвилъ:

— Чтѣ прикажете?

— Ты чтѣ?... Отецъ ты сѣ?...

— Позвольте вась просить... дрожащими голосомъ и по-
таясь заговорить Собакинъ.— Я вась, сударыня моя, не рес-
твенникъ, и уповательно мнѣ что вы не можете... Не по-
нимаю, чтѣ побуждаетъ вась такъ изъясняться... Холодно
говорять: ты... Я такой же столбовой дворяникъ...

— Ты мнѣ будь хоть самъ Ерусалакъ Лазаревичъ, такъ!
на тебя валяю!

— Позвольте, сударыня...

— Наляю! Наляю! Каковы озорники... Да гдѣ князь!
Ахъ, грубияны!.. Князь! князь! кричала генеральша на всю
домъ.

Черезъ минуту многіе гости уже столпились предъ дива-
номъ. Князь изволнованный двился на зовъ и смутясь не
зналъ чтѣ дѣлать, а только какъ-то семенилъ ногами предъ
расходившеюся генеральшей.

Авдотья Егоровна кричала и требовала уже чтобъ „этотъ
степняковъ“ князь сейчасъ гналъ вонъ изъ дому.

Собакинъ взявъ дочь за руку и блѣдный какъ сѣнь не
бирался уже выходить въ переднюю. Князь только повторялъ:

— Позвольте! Позвольте! Ради Бога, Лукьянъ Иванычъ.

Вдругъ кто-то отстранилъ князя рукой и выростъ предъ
генеральшей заслоная хозяйка.

— Ты опять, ваше превосходительство, насрамил и
гостяхъ! Такъ слушай! Коли кого гнать будутъ, такъ тебя
а не господина Собакина. Ты срамница на дѣвочку изъ-
лась... Стой! молчи! дай сказать! Я все знаю! Ты тутъ кон-
ной разскалъ; она тебя и не тронула... А ты началъ рѣ-
гаться... Стой, молчи! Коли мы, Москвичи, знаемъ твою
враль, такъ пріѣзжіе люди знать не могутъ. Московскія
дѣвицы отъ тебя какъ отъ вѣдьмы бѣгаютъ, а пріѣзжіе
дѣвица... Стой! молчи! дай досказать...

Но генеральша закричала уже въ себя:

— Уѣду! сейчасъ уѣду, князь! Ноги моей у тебя во вѣки вѣковъ...

— Стой! молчи! Дай досказать! тоже кричалъ Смередевъ и въ азартъ взялъ генеральшу за руку.

Авдотья Егоровна сильно отмахнулась, выдернула руку и перевалялась, отдуваясь со зла, поллыла вонъ изъ гостиной. Гости раздѣлились сразу на два лагеря. Одни совѣтовали князю остановить барыню. Но князь не двигался и косился на Собакиныхъ, стоявшихъ поодаль. Другіе гости заступая дорогу генеральшѣ убѣждали ее не дѣлать сраму, не уѣзжать.

Смередевъ тотчасъ отошелъ къ своимъ друзьямъ и заговорилъ съ Машей.

Дѣвушка, словно разбуженная отъ смущенія голосомъ Смередева, закрыла лицо руками и слезы хлынули у нея изъ глазъ.

Князь бросился молвіей къ дѣвущкѣ и заговорилъ что-то прерывисто то ей, то отцу, то Смередеву.

Генеральшу между тѣмъ уже вернули друзья изъ передней назадъ и она медленно двигаясь говорила мягче.

— Да, меня хозяйка говоритъ. Вашъ молчить. Не просить. Вашъ дѣвку убажаетъ. Стало-быть стелные-то ему дороже.

Въ эту минуту князь взялъ дѣвущку за руку. Она какъ-то выпрямилась, будто испугалась, уже не плакала и вдругъ побѣднѣвъ тихо повторила:

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Не слушай Марью Лукьяновну. Не слушай. Такъ! такъ! весело произнесъ Смередевъ хлопнувъ въ ладоши.

Князь обернулся къ гостямъ, сдѣлавъ два шага впередъ ведя перепуганную дѣвущку за руку и вымолвилъ:

— Милостивые государи мои, имѣю честь заявить что Марья Лукьяновна Собакина моя нарѣченная... и просить пожаловать на свадьбу чрезъ двѣ недѣли.

Среди наступившаго молчанія и изумленья раздался голосъ Лукьяна Ивановича.

— Что вы, князь? Какъ чрезъ двѣ...

— Чрезъ двѣ недѣли! твердо и упрямо выговорилъ князь гостямъ.

Маша освободила свою руку и поднявъ обѣ какъ бы ощущавала себя голову.

— Батюшка! выговорила она тихо. — Я уладу.

И она закачалась.

Лукьянъ Иванычъ и Смередевъ подхватили дѣвушку уже совсѣмъ падающую и довели до дивана.

— А васъ, милостивая государыня, раздался голосъ князя, — за оскорбленіе нанесенное въ моемъ домѣ безвинной дѣвицѣ, моей невѣстѣ, и за весь срамъ изъ того происшедшій, я прошу покорнѣйше меня болѣе не посѣщать.

Еслибы молнія ударила въ дерево лодъ которымъ въ грозу скучилось стадо, то врядъ ли всѣхъ телятъ, козловъ и овецъ разбросало бы также въ разныя стороны какъ телерь друзей и совѣтчиковъ генеральши отшибло отъ нея вправо и влево. Всѣ отхлынули сразу какъ отъ чумнаго.

— И по дѣломъ! раздался голосъ Смередева.

Онъ подавалъ воды Машѣ и только обернулся чтобы поглядѣть на эффектъ и свое слово вставить.

Генеральша застыла на мѣстѣ и руки растолырила въ пустомъ пространствѣ образовавшемся вокругъ нея. Вдругъ она двинула губами. Всѣ ждали брани и нѣкоторые уже отмахивались руками отъ того что сейчасъ слетитъ изъ устъ храброй Авдотьи Егоровны.

— Такъ я... Я прямо къ генераль-губернатору. Я на васъ судъ найду... вымолвила старая дѣва.

Князь пожалъ плечами и отошелъ къ Машѣ. Генеральша быстро направилась къ передней злобно бормоча:

— Пстой на часъ. Пстой на часъ.

Черезъ минуту гости стали развѣзжаться. Каждый соболѣзновалъ обо всемъ случившемся, поздравлялъ князя, поздравлялъ Собакина. Князь молчалъ и только нѣкоторыхъ просилъ остаться на ужинъ.

Черезъ часъ вся Москва знала все происшедшее въ домѣ князя Агарина. Скандалъ не удивлялъ никого. Свадьба — всѣхъ.

— Нарвалась-таки! говорили про Авдотью Егоровну.

— Вотъ такъ колѣно! говорили про князя и прибавляли: — на степлячкѣ!

Особенно не нравилось это барышнямъ.

— Что жь? Красоты неописанной! замѣчали мушкетеры. — Только для него-то молоденька.

— Вотъ полируемъ-то, господа! заканчивалъ хоръ.

Въ одиннадцать часовъ ночи, карета Собакинскихъ остано-

вилась у подъезда ихъ домика. Маша войдя въ домъ стремительно прошла къ себѣ не слыжавъ какого-то вопроса отца и завидя Любу поправлявшую лампадку у образа бросилась къ ней и повисла у ней на шеѣ.

— Барышня. Что съ вами, барышня?

Маша дрожала всѣмъ тѣломъ, двинула губами, но не могла говорить.

XXVII.

Благодаря неожиданной исторіи на вечерѣ у князя, свадьба была объявлена и назначена на первыхъ дняхъ сентября.

Маша въ себя не могла придти, такъ быстро и внезапно все это сдѣлалось. Съ этого самаго дня кругъ знакомыхъ стараго цвалюда все увеличивался. Отъ зари до зари прѣзжали гости къ нимъ съ поздравленіями и съ увѣреніями въ пріязни. Старикъ былъ счастливъ и даже какъ-то поспѣвалъ, принималъ гостей и болталъ безъ умолку.

Въ домѣ князя тоже было верхъ дномъ. Все и всѣ готовились къ княжеской свадьбѣ. Домъ убирался, отдѣлывался заново. Въ городѣ, конечно, много было толковъ и пересудовъ по поводу свадьбы. Всякій объяснялъ женитьбу князя на свой ладъ. Всякій искалъ какой-нибудь тайны и особыхъ странныхъ причинъ. Всѣмъ казалась женитьба князя дѣломъ не проста. Больше всего негодовали, судили и клеветали московскія барыни, маменьки съ тремя, четырьмя дочерьми невестами на рукахъ. Но вскорѣ толки прекратились и вся Москва, въ полномъ смыслѣ слова, ждала поплировать на славу. Для всѣхъ время казалось длинно, только для Маши это время пролетѣло быстро, показалось слишкомъ кратко, и дня за два, за три до вѣнца ее услугала мысль что вотъ и конецъ! Въичае! Замужество!..

Въ началѣ сентября, въ ясное, но свѣжее осеннее утро въ лалатахъ князя и на дворѣ почти съ разсвѣтомъ началось необычное движеніе. Въ полдень уже домъ наполнился гостями. Около двухъ часовъ поѣздъ жениха, десятки, если не вся сотня, каретъ направился къ церкви Покрова на Покровѣ.

Какъ близъ дома князя, такъ и по дорогѣ поѣзда, такъ и вокругъ церкви масса народу наполняла улицу. Вслѣдъ за

жевикомъ, черезъ четверть часа, появился поѣздъ невѣсты, конечно менѣе многочисленный и менѣе блестящій по числу экипажей. Карета и свита невѣсты не произвели особеннаго впечатлѣнiя на толпу зѣвакъ, на пестрое людское море, заливавшее церковь и палатъ со всѣхъ сторонъ. Но когда невѣста, въ обычномъ вѣнчалномъ нарядѣ, появилась среди ярко освѣщенной солнцемъ церкви, то другая толпа, то-есть дворянство, густо наполнявшее весь храмъ, невольно ахнула. Каждый изъ этихъ дворянъ, перевидавшій на своемъ вѣку хотя бы двадцать невѣстъ-красавицъ, невольно сознался и себѣ и сосѣду что красивѣе и очаровательнѣе невѣсты онъ еще не видалъ. Бѣловолосая, блѣдная какъ снѣгъ, съ необычно сверкающими глазами и вся въ бѣломъ съ головы до ногъ, невѣста, благодаря своимъ волосамъ и кисейному пластью съ вуалемъ, а отчасти своему тихому, ровному шагу, появилась привидѣнiемъ среди пестрой толпы.

— Да, вотъ такъ невѣста! раздался вдругъ среди тишины чей-то громкiй и наивный голосъ.

Всѣ обернулись на этотъ голосъ и на минуту подняяся легкiй говоръ.

— Вонъ у насъ какiя степныя барышни водятся, сказалъ Смередевъ, не обращаясь ни къ кому, а будто отвѣчая теперь всей Москвѣ на ея сплетни и пересуды за все послѣднее время.

Мать съ самаго выѣзда изъ дома, послѣ того какъ отецъ благословилъ ее образомъ, смутно сознавала все окружающее. Можно сказать что она понимала только одно, что надъ ней творится, то-есть люди творятъ что-то особенное, отъ чего ломается на двое вся ея жизнь. „Богъ милостивъ“, постоянно просилось ей на языкъ, но даже этихъ двухъ словъ она не могла выговорить, и тихо, судорожно крестилась. А надъ ней круговоротъ.... Улицы полныя народу, который оборачивается и бѣжитъ за ея каретой, пытливое вниманiе всѣхъ отъ мальчугана до старика, обращенное только на нее; пестрая волна народа, все густѣвшiя по мѣрѣ приближенiя къ церкви, палатъ храма сплошь покрытая расфранченными людьми; внутренность церкви, ярко блестящая, благодаря лучамъ солнца, проскельзнувшимъ въ большiя окна. Затѣмъ онъ, князь, ожидавшiй ее и взявшiй за руку при входѣ въ церковь. Наконецъ самое вѣнчанiе, священники, блескъ ихъ одѣяній, звуное пѣнiе на клиросахъ,

дымъ кадилыный, красненькіе, прыгающіе всюду огоньки, сотни, почти цѣлая тысяча зажженныхъ свѣчей; сотни такихъ же огоньковъ, но болѣе страшныхъ, то-есть сотни глазъ любопытныхъ, сверкавшихъ вокругъ Маши. Послѣ всего этого особенное движеніе толпы, говоръ, поздравленія, снова выходъ на палерть. Все это прошло предъ глазами Маши какъ сонъ, смутный, тревожный, тяжелый. Она, казалось, томительно ждала когда будетъ конецъ всему этому, когда снова сядетъ она съ отцомъ въ карету и поѣдетъ назадъ въ свой маленькій домикъ. Но вотъ возлѣ нея, послѣ поцѣлуевъ ея отца раздался надъ ухомъ знакомый ей голосъ Ивана Максимыча, прочувствованный хотя и веселый:

— Ну, княгиня, поздравляю. Старого пріятеля не забывать.

Отъ этого слова „княгиня“ Маша вздрогнула и не взглянувъ на Смередева, какъ-то ниже и безпомощнѣе опустила голову.

„Княгиня? Нѣтъ. Я все та же Маша“, думалось ей. „Они тутъ хлопотали, а я ничего не дѣлала. Я та же“...

Очутившись въ раззолоченой каретѣ съ гайдуками, казачками и скороходами на запяткахъ и по бокамъ, Маша проснулась отъ какого-то новаго ощущенія, будто укола. Не отецъ, а князь сидѣлъ около нея въ каретѣ и взявъ ея руку покрывалъ поцѣлуями. Маша боялась отдернуть руку, а между тѣмъ съ губъ этого человѣка, казалось ей, проникало въ нее что-то чуждое ея существу, какая-то холодная, мертвящая струя. Онъ что-то говорилъ ей, но она только догадывалась, а не слышала словъ и все думала про себя:

„Это они виноваты... Они позволили. А то бы онъ не поцѣловалъ ея руку теперь.“

На дворѣ лалать князя и во всѣхъ просторныхъ, изукрашенныхъ горнищахъ этихъ лалатъ снова встрѣтила молодыхъ та же лестрая, шумная и говорливая толпа.

Машѣ показалось что все это ея враги, злобно радующіеся ея гибели. И она оглядывала всѣхъ какъ осужденный на казнь, стоя предъ плахой, оглядываетъ окрестный живой людъ, который, веселый и беззаботный, останется жить когда его уже не будетъ.

Въ большой залѣ дома былъ приготовленъ обѣдъ.

Огромный столъ поставленный покоемъ блестялъ своимъ убранствомъ: хрусталемъ, бѣльемъ и серебромъ всякаго

рода, отъ приборовъ до вазъ и корзинъ съ бутылками и фруктами.

Мама, смутно понимавшая все что говорилъ ей князь въ каретѣ, здѣсь ясно разслышала и сразу поняла слова его: „Поди отдохни на минуту предъ обѣдомъ.“

Одна старая генеральша, весь этотъ день преслѣдовавшая Машу своимъ присутствіемъ, своею близостью, снова выросла какъ изъ земли и повела ее. Послѣ длиннаго корридора, гдѣ попадались все разныя фигуры, разныя лица, во всѣ, какъ показалось Машѣ, съ тѣми же вытаращенными глазами, генеральша, отворивъ дверь, впустила Машу и вымолвила:

— Ну, извини, княгинюшка. Ты отдыхай, а я пойду, а то закуску пропустишь или что другое. Я пожалуй за тобой приду. Да вѣдь ты хозяйка, сама дорогу должна теперь найти.

Генеральша повернулась, махнула хвостомъ и, несмотря на свою дородность, шибко полетѣла по корридору назадъ въ залу.

Мама вошла въ горницу. Что-то особенное показалось ей, странное, пожалуй даже красивое, во всемъ убранствѣ этой горницы. Но она не обратила на это особаго вниманія. Эффектъ, на который разчитывалъ князь, не удался. Мама не замѣтила и не могла сообразить что въ этой комнатѣ, ея уборной, вся мебель, все отъ зеркалъ и до послѣдней бездѣлушки пріѣхало изъ Парижа и все было въ стилѣ Louis XV. Дужинская барышня не могла понять этого, да и не то ей было нужно. Мама еще почти не знала что помимо вещей, хотя бы мебели, которыя существуютъ ради нужды въ нихъ, есть вещи которыя существуютъ не для себя, а для того чтобы подивить другаго. Уборная въ стилѣ Louis XV, которая бы восхитила другую, вовсе не подѣйствовала на Машу. Еслибы Мама провидѣла что судьба готовить ей въ будущемъ увидѣть и услышать въ этой горницѣ, что пережить и перечувствовать, то, быть-можетъ она безъ оглядки выбѣжала бы тотчасъ отсюда...

XXVIII.

Долго ли пробыла дѣвушка въ своей уборной и просидѣла недвижно на ближайшемъ отъ двери стулѣ, она не знала. Не только не подошла молодая къ большому зеркалу, которое поддерживали какіе-то золотые мальчики, то-есть амуры, не только не поправила своей прически или что-либо въ туалетѣ, но даже сидя какъ вошла около двери, она ни разу не подняла глазъ и не оглянула стѣны.

Быстро отворившаяся дверь привела ее въ себя и голосъ Любы вывелъ ее изъ оцѣпенѣнія.

— Барышня, барышня! Охъ! Тьфу! Чтò я!.. Княгиня моя запоздала я, все Авдѣй... Поздравляю, барышня. Вотъ вы и княгиня; вотъ и слава Богу!

Люба цѣловала руки у своей прежней барышни и не говорила, а тараторила. Маша молча глядѣла на нее какъ бы съ упрекомъ, и тихо повторяла про себя: „Всѣ веселы, всѣ! Хоть бы кто-нибудь былъ со мной; всѣ съ нами.“ И въ эту минуту Маша мысленно, лучше сказать, сердцемъ навсегда причислила свою любимицу Любу къ средѣ враговъ своихъ, и почувствовала себя еще болѣе забытою, одинокою.

— Ахъ, батюшки! вдругъ вскричала Люба.—Вѣдь меня послали за вами. Петръ Ильичъ ужъ два раза спрашивали,—безпокоятся что вы долго убираетесь. Вѣдь за столъ садятся, только васъ ждутъ.

Люба говорила отрывисто, съ рѣзкими движеніями и рѣзкимъ отбѣнкомъ въ голосѣ. Видно было что свадьба и вѣнчанье ея барышни, гости, пиръ горой и ея болѣе или мѣнѣе видная роль во всемъ этомъ совершенно вскружили ей голову.

Маша встала и хотѣла автоматически воротиться въ залу, но Люба остановила ее, елравила кое-что на ней, и вымолвила, наконецъ:

— Ну вотъ, готовы!

Уже на половникѣ корридора Маша услышала стоголосый гулъ, летѣвшій ей на встрѣчу изъ залы. На секунду остановилась она, ей показалось что это какой-то страшный чужой звѣрь завываетъ вдали, тотъ звѣрь, о которомъ разказывается въ сказкахъ: многоголосый, многоязычный, злой,

безлощадный, пожирающій все приближающееся къ нему и во вѣки вѣковъ ненасытный. И тотчасъ она тихо выговорила сама себѣ: „Какъ это гауло такъ думать. Это же гости.“

Какъ бы удивилась бѣдная дѣвушка еслибы какой-нибудь добрый и умный человекъ сказалъ ей въ эту минуту:

— Да правда, Маша, это звѣрь и есть, только еще злѣе, еще страшнѣе того, о которомъ въ сказкахъ разказывается.

Помѣстившись рядомъ съ мужемъ, на главномъ концѣ стола, Маша стала искать глазами отца, но не нашла его, только голосъ его слышался ей среди другихъ чужихъ голосовъ. Лукьянъ Ивановичъ сидѣлъ тоже на почетномъ мѣстѣ, но за то далеко отъ дочери - княгини. Почти съ самаго начала обѣда начались провозглашенія здоровья, начиная съ молодыхъ, посаженныхъ, генераль-губернатора, присутствовавшего тутъ, и кончая другими крупными, важными московскими тузами. Каждый разъ что раздавалось слово „за здравіе“ и слѣдовало чье-либо имя и отчество, иногда совершенно незнакомыя Машѣ, она, вмѣстѣ съ мужемъ, должна была встать съ своего мѣста и затѣмъ слова сѣсть; это повторялось чуть ли не каждыя пять минутъ. Маша вдругъ почувствовала наконецъ во всемъ своемъ существѣ ощущеніе, вновь сказавшееся, но знакомое, тогда какъ до той минуты въ этотъ день всѣ ощущенія были новы и чужды ей. Это была просто усталость, и она по счастью привела Машу въ болѣе спокойное и болѣе сознательное состояніе; она будто окончательно проснулась и даже спокойнымъ окомъ озиралась кругомъ и оглядывала всѣ лица эти. Злыхъ огоньковъ, которые видѣла она въ церкви, то-есть сотни любопытныхъ глазъ, теперь уже не было. Гости покушавъ и попивъ вдоволь, давно забыли и думать о молодой. Каждый весело болталъ съ своимъ сосѣдомъ. Маша обернулась на своего сосѣда, на князя, и первый разъ въ этотъ день пристально и въ то же время сознательно взглянула ему въ лицо. Князь смотрѣлъ на нее и кажется уже давно. Машѣ вдругъ показалось, когда она всмотрѣлась въ это лицо, что около нея сидитъ какой-то другой, новый Лукьянъ Ивановичъ, то-есть кто-то не чужой ей, любящій ее, близкій ей. Дѣйствительно князь смотрѣлъ на свою молодую жену съ такимъ хорошимъ, добрымъ и любящимъ выраженіемъ лица, что оно не могло не

подѣйствовать на Машу. Она вздохнула, будто освободившись съ этимъ вздохомъ отъ какой-то тяжести, и лаково улыбулась. Съ этой минуты они заговорили, хотя о мелочахъ, но Машѣ показалось, что этотъ разговоръ ихъ—хорошій разговоръ, и уже другой, иной, не такой, какіе бывали прежде между ними. Опять, какъ будто не съ княземъ, а съ Лукьяномъ Иваннычемъ, говоритъ она. Машѣ стало-вилось все легче и легче. Все сознательнѣе и спокойнѣе смотрѣла она кругомъ и наконецъ замѣтила, что стоявшая недалеко отъ нея серебряная корзина съ фруктами какъ-то покачнулася. Она передала это мужу.

— Такъ прикажи поправить, отозвался князь, улыбаясь. Въ этомъ былъ умыселъ со стороны князя, то-есть намекъ на ея новое положеніе. Маша поняла его и почему-то вслыхнула. Это случилось съ ней рѣдко, и случилось теперь не отъ словъ князя, а отъ отгѣнка въ голосъ его, и главнымъ образомъ отъ чего-то особеннаго во взглядѣ его, что странно скользяло въ душу прежней Дужинской барышни.

Обѣдъ длился долго, оумерки застали гостей за столомъ. Когда стали подавать пирожное, фрукты, разныя наливки и заморскія сладкія вина, то разряженные въ духъ и прахъ хололы князя уже хапотали по всѣмъ гостинымъ и всюду зажигали розовыя и зеленыя восковыя свѣчи.

Въ нѣсколько минутъ весь громадный домъ засіялъ огнями и черезъ большія окна освѣщала даже всю улицу, дворъ и садъ. Казалось даже что домъ свѣтилъ и еіялъ въ водахъ Москвы-рѣки, будто новая, красная луна гадѣлась въ тихо катающуюся рѣку. Въ то же самое время на дворѣ, вокругъ дома и въ воротахъ, на улицѣ, за оградой, во всѣхъ концахъ сада, въ главныхъ аллеяхъ, спускавшихся къ рѣкѣ, зажглись и пылали среди тихаго вечера большія ярко-красныя столбы огня. Это были десятки заранѣе заготовленныхъ и теперь зажженныхъ смоляныхъ бочекъ. Зареве стояло надъ Москвой въ томъ мѣстѣ, гдѣ выселись княжія палаты. Вся Москва могла видѣть, хотя бы за версту, какъ лируетъ князь на своей свадьбѣ.

Не болѣе часа послѣ конца стола посповали и побогачились по дому уже очень веселые, слегка лохматые гости. Скоро раздалась на дворѣ, у подѣзда, зычмыя выкрикиванія экипажей. Люди съѣхавшихся гостей тоже справили свадьбу. Нѣкоторые сильно подгулявшіе гости вернулись

домой, и сладко проспали до утра, а нѣкоторые подгулявшіе гайдуки, казачки, кучера и форейторы ночевавъ въ холдной, остались тамъ на три дня на хлѣбѣ и на водѣ.

Послѣ всеобщаго разѣзда, продолжавшагося недолго, олустѣвшія хоромы приняла какой-то странный, особый видъ; все носило на себѣ слѣды будто урагана промчавшагося здѣсь. Единственные два человѣка еще оставшіеся въ домѣ, старикъ инвалидъ, да лучший другъ и свать, цѣловались и прощались съ молодыми въ кабинетѣ князя. Лукьянъ Ивановичъ, поцѣловавъ дочь въ послѣдній разъ, прослезился и, утирая лицо платкомъ, проковылялъ на своей деревяшкѣ черезъ всю анфиладу комнатъ и при помощи двухъ гайдуковъ, недавно заведенныхъ, сѣлъ въ свою карету. Старикъ былъ немного красенъ лицомъ, и немного лохматъ. Галстукъ его былъ на боку, брюки и чулокъ на здоровой ногѣ облиты виномъ, благодаря олошности сосѣда, но на сердцѣ старика не было такъ весело послѣ вѣнца какъ думалъ онъ будетъ ему весело. Его дочь осталась въ этихъ палатахъ княгиней Агариной, и Машуня какъ бы перестала существовать.

Вся Москва, генералы и бояре были его пріятелями, по крайней мѣрѣ на словахъ. Троицкое было уже куплено, уже принадлежало княгинѣ Агариной, и по довѣренности вполне принадлежало ему. Уже вся Ломовская округа вѣроятно знала это, и ахала. Лукьяна Ивановича ожидалъ торжественный вѣздъ въ свой край. О всемъ этомъ думалъ онъ теперь ѣдучи по улицамъ Москвы; но все это теперь какъ-то мало радовало его, все это теперь въ дѣйствительности казалось проще, хуже, менѣе громко и менѣе радостно нежели было прежде въ воображеніи Собакина.

Когда старикъ вошелъ въ свой маленькій домикъ, оглянувшись, прошелся по всѣмъ маленькимъ горницамъ, то если и былъ малый хмѣль въ его головѣ, то сразу выскочилъ. Старикъ наивно, даже бессмысленно искалъ кого-то въ этомъ домѣ. Онъ будто умомъ рѣшился. Вопреки здравому смыслу, вопреки тому что онъ чувствовалъ себя въ полномъ разсудкѣ и въ полной памяти, онъ искалъ свою Машуню. И вдругъ, остановившись въ спальнѣ дочери, старикъ омутился на стулъ подлѣ ея пустой кровати, посадѣлъ, поглядѣлъ и горько заплакалъ...

XXIX.

На другой день утромъ Лукьянъ Ивановичъ сидѣлъ одинъ въ гостиной, грустно раздумывая о послѣднемъ событіи въ его жизни. Въ домику его и даже на улицѣ было какъ-то особенно тихо. Любы не было: она осталась въ дожѣ съ новою княгиней. Авдѣй дремалъ въ передней. Среди этой тишины вдругъ стукнула дверь въ концѣ корридора у задняго крыльца, и быстрые, страшные, незнакомые шаги приближались къ гостиной... Лукьянъ Ивановичъ прислушался, но вдругъ слегка вскрикнулъ и овѣмѣлъ отъ испуга: въ комнату скорѣе внеслась чѣмъ вошла блѣдная, сильно измѣнившаяся въ лицѣ она сама, его Машуна!... Старикъ еще не успѣлъ встать, какъ дочь упала на колѣни около него пряча лицо свое въ его колѣни.

— Маша, Машуна! лепеталъ старикъ, и отъ перелуга не могъ сначала ничего выговорить.—Что такое? Умеръ что ли? Что случилось? выговорилъ онъ наконецъ.

Маша не отвѣчала и даже не шевелилась. Старикъ хотѣлъ поднять ея голову, но она пересилила его и продолжала стоять предъ нимъ на колѣняхъ уткнувшись къ нему лицомъ.

— Скажи, говори скорѣй какая бѣда? дрожащимъ голосомъ повторялъ Лукьянъ Ивановичъ.

— Не пойду я туда, едва слышно прешептала наконецъ Маша.—Я... я не пойду!... Ни за что! Никогда!...

Старикъ сталъ спрашивать дочь, умолять объясниться, самъ дѣлалъ разные предположенія, лутался въ догадкахъ и вопросахъ, но Маша не отвѣчала ни слова и только раза два или три повторила еще: „не пойду, ни за что не пойду!“ Наконецъ она подвинулась судорожнымъ движеніемъ, сдѣлала два шага къ дивану и легла на него, закрывая руками и платкомъ совершенно сухое блѣдное лицо.

Старикъ, видя что не добьешься никакого объясненія, догадался что вкорѣ надо ждать князя и Смередева, потому что очевидно Маша приближала лѣшкомъ. Убѣжала изъ дома мужа! Онъ сѣлъ около нея и опустилъ голову. Не только чувствовалъ онъ себя плохо, но ему казалось что онъ совершенно разбитъ, уничтоженъ...

„Осрамила и князя, да и насъ. Весь родъ Собакиныхъ осрамила! думалось ему. Вотъ безъ матери ловѣнчалъ—срамота и вышла.“ Прошло нѣсколько времени въ полной тишинѣ. Старикъ не двигался въ своемъ креслѣ. Маша лежала недвижно на диванѣ, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ. У подѣзда раздался наконецъ стукъ экилажа, и въ ту минуту когда Смередевъ входилъ на крыльцо подѣвхалъ другой экилажъ, и вслѣдъ за нимъ входилъ уже въ домъ самъ князь Петръ Ильичъ. Собакинъ вскочилъ и бросился къ нимъ на встрѣчу. Маша казалось не слыхала ничего и не двигалась. Главная мысль Лукьяна Ивановича была просить у князя прощенія за дочь. Онъ надумался ему сказать: „Она ребенокъ, напугалась оставшись безъ отца безъ матери одна съ мужемъ. Была бы мать—этого бы не произошло. А то этакъ не приготовивъ дѣвцу бросили съ мужемъ!...“

Заслѣшилъ Лукьянъ Ивановичъ потому что ожидалъ встрѣтить грозное лицо князя, оскорбленный видъ и рѣзкія обидныя рѣчи, но инвалидъ вполнѣ ошибся. Предъ нимъ предстало изумленное лицо Смередева и затѣмъ озабоченное, смущенное, какъ бы виноватое лицо князя.

— У васъ она? вскрикнулъ громко Смередевъ.

— Да, да, здѣсь. Сейчасъ пришла, пролететалъ Лукьянъ Ивановичъ.

— У васъ! Слава Богу, тихо выговорилъ князь, и прошелъ мимо старика въ гостиную. Онъ почти подѣвхалъ къ дивану, олустился на колѣни около жены, сталъ ее звать, но тихо и едва слышно. Очевидно было что Маша не слыхала. Князь позвалъ ее громче. Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, быстро поднялась, сѣла и слегка отодвинулась отъ него. Князь сталъ тихо, ласково успокаивать ее. Въ эту минуту старикъ инвалидъ и Смередевъ вошли въ гостиную, но князь обернулся къ нимъ и попросилъ ихъ оставить его на минуту одного съ женой.

Лукьянъ Ивановичъ и Смередевъ, чтобы поговорить наединѣ, вышли въ садикъ. Тамъ старикъ закидалъ Смередева вопросами, но Иванъ Максимовичъ ничего не зналъ и предполагалъ то же.

— Чтò же, сказалъ Смередевъ, младенецъ она, дитя неразумное, чтò же съ нея требовать? Жутко стало, — ну и ушла. Бѣда не въ этомъ. Бѣда въ томъ что и такъ много завист-

виковъ у нея и у васъ. Ну, теперь возьмъ этимъ вчерашнимъ объѣдаламъ праздникъ. На цѣлый годъ толки пойдутъ и пересуды. Разорвуть на части нашу Марью Лукьявовну. Надо придумать что-нибудь.

— Выдумайте вы, я не мастеръ. Гдѣ мнѣ выдумать, отозвался старикъ. И оба молча стали ходить по дорожкѣ.

На крыльцѣ выходящемъ въ садикъ появилась Авдѣй и позвалъ барина въ домъ.—Князь просить, сказалъ онъ.

Лукьявъ Ивановичъ и Смередевъ слова вышли въ гостиную.

Мама сидѣла на томъ же мѣстѣ почти въ той же позѣ. Князь все такъ же смущенный робко объявилъ что уговорилъ жену немедленно вернуться съ нимъ домой.

Лукьявъ Ивановичъ собрался было пожурить дочь при мужѣ и другѣ, но князь послѣшно прервалъ его и тихо приблизясь къ женѣ, позвалъ ее ѣхать.

Мама посидѣла нѣсколько секундъ не шевельнувшись, потомъ быстро порывистымъ движеніемъ поднялась и шагнула къ дверямъ. Ледянымъ взоромъ, взоромъ какъ бы не вполнѣ осмысленнымъ обвела она отца и Смередева и не сказавъ ни слова, не простясь ни съ кѣмъ; вышла изъ горницы; не оглядываясь быстрымъ шагомъ спустилась она съ крыльца и исчезла въ каретѣ. Князь едва послѣдовалъ за ней. Смередевъ и Лукьявъ Ивановичъ остались какъ прикованные къ землѣ.

— Что же это? дрожащимъ голосомъ выговорилъ наконецъ старикъ.—Да это не Машуля.—Старикъ доковылялъ до дивана и олустился на него.—Я никогда ее таковою не видалъ. Иванъ Максимычъ! Родимый. Тутъ что-нибудь... не то!

Смередевъ молча постоялъ какъ бы въ разсѣянности, потомъ не простясь тихонько побрелъ на подѣздъ. Забывъ надѣть шалку, которая была въ рукахъ, онъ прошелъ мимо своей кареты, но разбушевамай голосомъ лакея, вспомнилъ, обернулся и сѣлъ въ карету. Черезъ минуту въ домикѣ снова было тихо. Только старикъ инвалидъ неслышно плакалъ сидя на диванѣ.

„Почему онъ-то не козыремъ смотритъ, какъ вчера?“ думалъ старикъ про зятя.

Всю ночь не спалъ Собакинъ и на другое утро ему хотѣлось знать скорѣе что дѣлается въ домѣ князя, но однако

онъ не рѣшился ѣхать туда и отправился къ Смередеву. Тамъ онъ узналъ что Иванъ Максимычъ еще рано утромъ позванъ былъ чрезъ гонца къ князю. Старикъ рѣшился ждать его. Дѣйствительно вскорѣ появился Иванъ Максимовичъ и появленіе его не мало удивило старика. Лицо Смередева было вмѣстѣ и озабочено и весело; онъ, странно смѣясь, грубо объяснился со старикомъ и прибавилъ:

— Пустое! Обойдется! Ей, вѣстимо, только страхъ одинъ изъ всего!.. Повадѣлся старый волокита на себя... Ну вотъ тебѣ телерь... Ну, да все обойдется. А вотъ въ Москвѣ на части васъ рвутъ. Это вотъ плохо.

И Смередевъ уѣзжая все-таки посоветовалъ Лукьяну Ивановичу дня три, четыре не ѣздить къ князю. Какъ ни хотѣлось старику видѣть дочь, однако онъ перетерпѣлъ нѣсколько дней.

Когда Собакинъ снова пріѣхалъ къ молодымъ, то нашелъ свою Машу спокойною, но печальною. Она ласково поздоровалась съ отцомъ, предложила ему чего-нибудь покушать и послѣ его отказа сѣла у отвореннаго окна и долго, молча смотрѣла въ него. Князь былъ оравенъ и гораздо угрюмѣе, чѣмъ въ первый день. Заговоривъ съ Лукьяномъ Ивановичемъ о какихъ-то пустякахъ, онъ вдругъ нервно, раздражительно заговорилъ, какъ бы нарочно придираясь къ словамъ тестя, и наконецъ когда вошедшій Авдrianъ привезъ что-то, князь ни за что разругалъ его какъ быть-можетъ еще никогда и выгналъ вонъ.

Маша, не привыкшая въ Дужинѣ къ такому обращенію съ людьми со стороны вѣчно скромнаго и добраго отца, обернулась на крикъ мужа, но на лицѣ ея было невольное изумленіе.

Такъ какъ бесѣда не клеилась, старикъ поднялся, простился и крѣпко разцѣловавъ дочь, быстро вышелъ изъ кабинета чтобы скрыть свое смущеніе и слезы на лицѣ.

Черезъ два дня непріятная вѣсть дошла до домика цыганки. Смередевъ пріѣхавъ объявилъ старику что такъ какъ князю все нездоровится, то онъ собралъ совѣтъ докторовъ, которые ему и велѣли ѣхать за границу.

Есаубы съ Машей случилась какой-либо несчастный случай, то старикъ вѣроятно услужался бы не меньше. Для него же грѣшца, т.-е. Германія и потеря ноги случилась какъ-то вмѣстѣ. Ему казалось что съ его Машей за границей не-

прежнано должно случиться какое-либо несчастье. Однако постепенно старикъ успокоился. Онъ съѣздилъ къ дочери и увидѣлъ что она вовсе не боится этой поѣздки, и скорѣе напротивъ рада ѣхать и даже теперь стала веселѣе, спокойнѣе, такъ что прежній румянецъ появился на ея щекахъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого палаты князя опустѣли. Москвичи узнали что князь и княгиня Агарины выѣхали въ Петербургъ просить о дозволеніи ѣхать за границу. Спустя мѣсяца полтора они уже переѣзжали русскую границу. Княгиня съ лихорадочнымъ вниманіемъ озиралась вокругъ себя...

XXX.

Лукьянъ Ивановичъ вскорѣ былъ уже въ Дужинѣ, но въ горькихъ хлопотахъ, такъ какъ Юлія Ивановна только за нѣсколько дней до пріѣзда его отдала Богу душу. Такъ какъ она была безъ памяти послѣдніе дни и въ бреду болѣзненномъ все поминала не мужа и не дочь, а какое-то бабученко, то старикъ утѣшался мыслию что не могъ бы съ ней проститься. Старикъ пышно похоронилъ жену въ томъ же селѣ Троицкомъ, гдѣ были похоронены всѣ его предки, во которое теперь принадлежало уже княгинѣ Марьѣ Лукьяновнѣ Агаринѣ, рожденной Собакиной.

Иванъ Ивановичъ дѣятельно занялся хозяйствомъ и скоро по неволѣ утѣшился. Положеніе его въ уѣздѣ было теперь совершенно другое. Онъ будто новую жизнь началъ. Теперь преосвященный объѣзжавшій эпархію служилъ въ Троицкомъ, потомъ отдыхалъ два дня у Собакина въ большомъ помѣщичьемъ домѣ Троицкаго и особенно любезничалъ съ Лукьянъ Ивановичемъ. Губернаторъ тоже черезъ чиновника приглашалъ Лукьянъ Ивановича къ себѣ въ гости, говоря что особливо желаетъ имѣть честь съ нимъ познакомиться. О сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ помѣщикахъ, о полдюжины барышень, которыя когда-то осмѣляли Машу, и говорить нечего! Всѣ валереры въ уѣздѣ заботились о инвалидомъ, приглашали къ себѣ и заѣзжали въ Троицкое. Лукьянъ Ивановичъ какъ сыръ въ маслѣ катался.

Долго однако дивовались всѣ во всей округѣ Ломовской неожиданной судьбѣ бѣловолосой барышни Дужинской.

Да и было чему подивиться. Имя князя Агарина въ глуши, издали, звучало еще громче чѣмъ въ столицахъ.

Только одна сосѣдка помѣщица не дивилась судьбѣ дочери Собакина. Она присутствовала при ея рожденіи и вспомнила теперь что Маша родилась „въ сорочкѣ“.

Лукьянъ Ивановичъ, вспомнивъ этотъ важный казусъ, тоже сталъ сильнѣе надѣяться на счастливую судьбу дочери. Когда ему приходили на память послѣдніе дни послѣ свадьбы, онъ утѣшалъ себя мыслию, что придетъ вотъ письмо отъ дочери изъ чужихъ краевъ и узнаетъ онъ что надо ждать внука. Но такого письма не приходило. Наконецъ чрезъ полгода пришло письмо отъ Омередева. Послѣ вѣстей о себѣ и вопросовъ о житьѣ инвалида, Иванъ Максимычъ въ концѣ письма прибавлялъ:

„А что до княгини нашей, то духомъ сокрушаюсь. Звали мы ее все: Мадонна да Мадонна, да кажись вѣчто эдакое и вакакала!“

Лукьянъ Ивановичъ разъ сто перечелъ эти строки и ничего не помышлялъ, а посоветоваться съ кѣмъ-либо боялся, потому что догадывался...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГРАФЪ Е. САЛАСЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ПОѢЗДКА ПО ЛОМБАРДИИ И АВСТРИИ *

V. Захеръ-Мазохъ.

Г. Захеръ-Мазохъ ожидалъ меня на подъѣздѣ стациіи Брукъ-ан-ден-Муръ. Я никогда не видалъ ни его самого, ни его портрета, но узналъ бы его изъ тысячи. Авторъ *Разказовъ о Галиціи*—славянскій типъ во всей его красотѣ: слегка вьющіеся роскошные черные волосы, большіе кроткіе и блестящіе глаза, умныя нѣсколько чувствєнныя губы, блѣдность обличающая чрезвычайную нервную воспримчивость...

Онъ вовсе не таковъ, какимъ его воображаетъ читая его мрачныя повѣсти. Онъ простъ, скроменъ, увлекательно-любезенъ въ обращеніи, и вмѣсто того чтобы жить сладострастнымъ стєпнымъ султаномъ, этотъ „Каломейскій Донъ-Жуанъ“ ** устроилъ себѣ въ будничномъ существованіи

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 8.

** Заглавіе одной изъ первыхъ повѣстей Захеръ-Мазоха въ книгѣ его *Кайново Наслѣдіе*, положившей начало его репутаціи (*Die Ver-mächtnisse Kain's*. 2 B. in 12. Stuttgart, Cotta, 1870).

семейное счастье, точно выхваченное изъ *Бабушкиныхъ Сказокъ*.

Брукъ-ан-ден-Муръ, это несчастный маленькій городшко, угрюмый и безмолвный какъ монастырь, и на свѣтъ нѣтъ ничего прозаичнѣе дома автора столькихъ поэтическихъ разказовъ: въ нижнемъ этажѣ—мучная торговля, на противъ—лавка колониальныхъ товаровъ...

Гжа Захеръ-Мазохъ приняла меня въ гостиной, окруженная своими дѣтьми: маленькій мальчикъ и двѣ восхитительныя крошки-дѣвочки налодняли комнату своимъ свѣжимъ смѣхомъ и своими наивными играми.

Рядомъ съ гостинойю находится отдѣленный отъ нея полу-задернутымъ пологомъ кабинетъ хозяина,—ячейка члелы. Здѣсь-то написалъ онъ вторую часть *Каинова Наслѣдія* („Собственность“) * и свой большой анти-пруссскій романъ *Стремленія нашего времени*, переведенный уже чуть ли не на всѣ языки, а во Франціи имѣвшій уже два перевода. Этотъ мирный пріютъ, недоступный людскому шуму, пропускаетъ въ свои окна лишь благоуханный вѣтерокъ порхающій по лугамъ, лишь упокительныя испаренія и мелодическій шелестъ лѣсовъ, да несущіеся съ горъ то веселые, то грозные звуки. Сколько нѣжныхъ и бодрыхъ ощущеній при первомъ проблескѣ утренней зари! Сколько грезъ при наступленіи сумерекъ! Природа, вотъ вдохновительница, руководительница и натурщица Захеръ-Мазоха; онъ не живописалъ бы ее такъ удачно, еслибы не жилъ въ постоянномъ общеніи съ нею, и еслибы менѣе страстно любилъ эту великую утѣшительницу, вѣчно-юную, до гроба вѣрную любовницу поэта.

Въ хорошую погоду онъ катается по утрамъ верхомъ со своею женой, они вмѣстѣ скачутъ по лѣсамъ, полнымъ свѣжести и таинственной тѣни, прислушиваясь къ неопредѣленному говору трелецующихъ вѣтокъ, всматриваясь въ лучи, золотую пылью разсылающіеся по зеленому моху, сдерживая поводъ чтобы не слугнуть птичекъ, мило воркующихъ подъ кровомъ листьевъ, гдѣ ихъ лобзанія готовятъ будущее гнѣздо...

Трижды счастливъ тотъ чьи желанья умѣютъ ограничиваться горизонтомъ тихой семейной жизни, дышащей аро-

* Общее заглавіе всѣхъ повѣстей первой части было „Любовь“.

матами цвѣтовъ, увеселяемой лелетомъ дѣтей, которому вторять щебетанье лтиць и журчанье ручьевъ!

„Купаться въ солнечныхъ лучахъ и въ воздухъ полей все равно что испить живой воды,“ сказалъ одинъ писатель: для того чтобъ окунуться въ эту цѣлебную ванну и покинулъ Захеръ-Мазохъ, три года тому назадъ, Вѣну, переселившись въ этотъ забытый уголокъ земли, гдѣ природа такъ привлекательна, привѣтлива и радушна...

Насъ позвали обѣдать. Мѣстные рыбаки нанесли устриць, мѣстные охотники доставили дикую козу на жаркое.

— Вѣдь вы кавалеръ Австрійскій имперіи, обратился я къ хозяину, — телерешній императоръ пожаловалъ вамъ этотъ титулъ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь, — такъ какъ я не принадлежу ни къ какой партіи и не имѣю при дворѣ покровителей, то лично никогда ничего не получалъ. Кавалерскій титулъ достался мнѣ по наслѣдству отъ отца, которому онъ дарованъ за заслуги по Польскому возстанію 1830, 1846 и 1848 годовъ: покойный батюшка былъ полицеймейстеромъ въ Лембергѣ. Тамъ я и родился, 27го января 1836. Дѣтство мое проведено посреди жандармовъ, солдатъ, воровъ и заговорщиковъ. Подъ нашими окнами каждый день шла палочная расправа. Лѣтнія вакаціи я проводилъ обыкновенно въ деревнѣ. Съ ружьемъ на плечѣ, я бродилъ по лѣсамъ, горамъ и болотамъ, какъ истый потомокъ Патфайндера, знаменитаго стрѣлка Кулеровыхъ романовъ. Часто я по цѣлымъ часамъ лежалъ подъ какою-нибудь скалой, вперивъ глаза въ пространство. Особенно же я любилъ толковать съ поселянами и слушать ихъ разказы.

— Извините за нескромное любопытство, продолжалъ я, — но вамъ извѣстно какъ возбуждаютъ его популярныя писатели. Какъ это вамъ вздумалось приняться за повѣсти? Вѣдь вы долго были, если не ошибаюсь, профессоромъ исторіи и не помышляли о литературной карьерѣ.

— Дѣйствительно, я читалъ лекціи исторіи въ Грацкомъ университетѣ. Обыкновенно я проводилъ вечеръ у баронессы Гуденсъ. Какъ-то разъ я разказалъ ей эпизодъ изъ возстанія 1846 года. „Что вы не опишете этого происшествія, замѣтила она, — вѣдь читаться будетъ какъ романъ.“ Я послѣдовалъ совѣту и написалъ *Элиссара*. Онъ былъ изданъ въ Швейцаріи, принятъ благосклонно и благополучно выдержалъ

два изданія. Услѣхъ ободрилъ меня: я написалъ историческій романъ *Кауницъ*. Между тѣмъ завернулъ въ Грецъ Кюрнбергеръ, авторъ извѣстной книги *Amerika-Müden*. Онъ совѣтывалъ мнѣ бросить описаніе безцвѣтной и вульгарной нѣмецкой жизни и быть лѣвцомъ своей родины, волочить на бумагѣ карлатскаго охотника, стелнаго бродягу, красавицу-поселянку, подъ бараньею шубкой которой бьется горделивое сердце, рыцарскихъ литуховъ льющихъ задранные тосты изъ дамскаго башмачка. Я тотчасъ принялся за работу, и черезъ двѣ недѣли прочелъ ему *Каломейскаго Донъ-Жуана*, повѣсть давшую мнѣ извѣстность.

— Да, отозвался я,—это вѣрный снимокъ съ дѣйствительности, и съ крутой дѣйствительности!

— Не мудрено, продолжалъ Захеръ-Мазохъ,—писано кровавыми слезами! Въ разказѣ отразились муки, которымъ подвергала меня любимая мною тогда женщина, ввергавшая меня въ цѣлый рядъ трагическихъ испытаній. Она же героиня моего романа *Разведенная Жена*... Слѣдовательно, вы понимаете... Все что остается мнѣ отъ этой женщины,—прибавилъ онъ помолчавъ и понизивъ голосъ,—это малятка, сидящая рядомъ съ вами.

Я посмотрѣлъ на ребенка, и былъ пораженъ грустною глубиной ея черныхъ глазъ и ея своеобразною, диковинною красотой.

— Въ бытность мою въ Грецѣ, снова началъ Захеръ-Мазохъ,—я имѣлъ десять дузлей. Я отстаиваю дѣло австрійскихъ Славянъ. Я могъ бы писать и по-русски, но предпочелъ издавать свои книги на нѣмецкомъ языкѣ, для того чтобы поражать противника на его собственной землѣ. Свое первое образованіе получалъ я по-латыни, въ университетѣ научился чешскому языку и уже въ послѣдствіи нѣмецкому, на которомъ, въ орографическомъ отношеніи, до сихъ поръ пишу съ большими ошибками.

Послѣ обѣда мы перешли въ гостиную. Захеръ-Мазохъ показалъ мнѣ нѣсколько обращиковъ той анаемы, которую первыя его произведенія, столь рѣзкія и смѣлыя, вызвали со стороны нѣмецкой критики. Теперь отзывы совершенно измѣнились. „Исторія цивилизаціи нашего вѣка, говоритъ *Pantheon*, не забудетъ Захеръ-Мазоха,—онъ имѣетъ право занять мѣсто рядомъ съ живолисцемъ Макартомъ, съ Рихардомъ Вагнеромъ, съ Шолленгауеромъ“.—„Въ новой шко-

лѣ, во главѣ которой стоитъ Захеръ-Мазохъ — вотъ гдѣ будущасть романа и повѣсти“, пишетъ съ своей стороны другой берлинскій журналъ.

Между тѣмъ пришло нѣсколько дамъ съ дочерьми и старый докторъ-Полякъ, оригинальная фигура, которая рано или поздно вѣроятно попадетъ въ коллекцію Захеръ-Мазоховыхъ типовъ.

Разговоръ оживился. Захеръ-Мазохъ говоритъ и мастерской разкащикъ, одаренный необычайною памятью. Онъ не забываетъ ничего что видѣлъ, слышалъ или читалъ. Анекдоты сыплются съ его устъ точно со столбцовъ спеціальнаго органа *ad hoc*.

— Третьяго дня, обратилась къ нему одна гостья,—вы, говорятъ, разказывали что-то очень любопытное о покойномъ великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ: я нарочно пришла чтобы послушать вашу исторію. Пожалуста же, повторите.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ хозяинъ, — если не боитесь что я вамъ наскучу.

Разумѣется всѣ отвѣчали что они превращаются въ слухъ. Захеръ-Мазохъ прислонился къ фаянсовой лечкѣ, на верху которой тихо мурлыкалъ толстый котъ, и началъ своимъ симпатическимъ голосомъ:

„Когда русская Польша находилась еще на особыхъ правахъ, то-есть до возмущенія 1830 года, вице-королемъ ея былъ, какъ извѣстно, братъ императора, великій князь Константинъ. Константинъ Павловичъ пользовался въ Варшавѣ большою популярностью. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и отличался двумя качествами, доставляющими народную привязанность: мужествомъ и великодушіемъ. Въ 1813 году, онъ показалъ геройскую отвагу; онъ первымъ вступилъ въ Парижъ во главѣ своей дивизіи, и первою его мыслью было отправиться въ Инвалидный Домъ услокоить Наполеоновскихъ ветерановъ на счетъ ожидающей ихъ участи. Отреченіе его отъ престола еще болѣе увеличило его популярность: Поляки сочли это знакомъ предпочтенія къ нимъ, и были очень польщены. Женитьба великаго князя на польской графинѣ окончательно ихъ очаровала.

„Константинъ Павловичъ былъ взыскателемъ по службѣ, но очень заботливъ о солдатахъ, обходителемъ. Онъ любилъ пошутить. Въ то время варшавскую лублику восхищали извѣстный актеръ Зулховскій. Великій князь звалъ его

лично, допуская къ своей особѣ и позволяя нести при себѣ что угодно. Разыгрывая роль какъ бы шута, Зулховскій не стѣснялся.

„Этотъ Зулховскій считалъ себя дворяниномъ, шляхтичемъ, и былъ чрезвычайно обидчивъ. Тогдашній варшавскій модный людъ обыкновенно собирался послѣ полудня въ одну кофейню для карточной игры. Зулховскій тоже посѣщалъ эту кофейню, но не бралъ картъ въ руки. Разъ какъ-то когда онъ слѣдилъ за игрой, одинъ изъ игроковъ, какой-то офицеръ, сталъ дразнить его и подсмѣиваться надъ нимъ. Всѣ ожидали что вотъ Зулховскій вслыхнетъ и разразится по обыкновенію, однако онъ промолчалъ. Офицеръ продолжалъ подсмѣиваться.

„Вдругъ Зулховскій медленно поднимается съ мѣста, величественно подходитъ къ офицеру и важнымъ тономъ говоритъ ему.

„Вы такой герой, какого не производила древность, ибо рѣшились помѣряться языкомъ съ самимъ Зулховскимъ!

„Всѣ расхохотались; офицеръ вмѣсто того чтобы тоже посмѣяться этому паясничеству, обидѣлся и, забывая актера, видя лишь шляхтича, на другой день имѣлъ слабость послать къ Зулховскому секундантавъ. Тотъ принялъ вызовъ, когда же секунданты назначили время и мѣсто,—онъ къ великому князю. Константинъ Павловичъ, уже извѣщенный о происшедшемъ, встрѣтилъ его словами.

„— Что у тебѣ за нелѣпая исторія съ такимъ-то?

„— Дѣйствительно, нелѣпая, ваше высочество, потому что боюсь, окончится она дурно!

„— Это почему?

„— Мы будемъ драться!

„— Дуэль? Что за вздоръ! Развѣ ты не знаешь что поединки запрещены?

„— Знаю, ваше высочество, но я дворянинъ! Если убью противника, да постигнетъ меня заслуженная кара! гордо отвѣчалъ Зулховскій.

„Великій князь нахмурился. Зулховскій перемѣнилъ тонъ.

„— Ваше высочество, продолжалъ онъ вкрадчиво,—можно все устроить, только дайте мнѣ вашъ бланкъ....

„— Ты съ ума сошелъ?

„— Клянусь, я не употреблю его во зло, а все устрою!

„Константинъ Павловичъ улыбулся, взявъ листъ бумаги, подписалъ на немъ свое имя, и вручилъ Зулховскому.

„На другой день въ условленный ранній утренній часъ, офицеръ ждалъ съ секундантами своего противника въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ-то у предместья Праги. Зулховскій вскорѣ и является, только въ сопровожденіи не секундантавъ, а двухъ орудій съ канонирами. Онъ отвѣсилъ церемонный поклонъ своему врагу, и приказалъ зарядить пушки.

„— Что это у васъ за артиллерія? съ удивленіемъ спрашиваютъ его.

„— Вызванъ я, серьезно отвѣчалъ актеръ,—слѣдовательно выборъ оружія принадлежитъ мнѣ; я выбираю пушки. Да и стрѣлять я имѣю право первымъ.... Не угодно ли вамъ стать на позицію.

„И Зулховскій, выхвативъ у канонира фитиль, давай хлопотать у своей пушки, будто бы наводя ее.

„Разумѣется всѣ разсмѣялись, и тѣмъ дѣло кончилось. Константинъ Павловичъ очень забавлялся этой развязкѣ, говоря: „по дѣломъ, не связывайся съ шутомъ,“ и въ награду за находчивость Зулховскаго послалъ ему пятьдесятъ бутылокъ добраго вина изъ собственного погреба.

„Я уже сказалъ что великій князь былъ очень популяренъ въ Варшавѣ. Привязанъ къ нему былъ преимущественно народъ, нѣкоторые же изъ магнатовъ не долюбливали его, особенно тѣ изъ нихъ которые имѣли свои особенныя честолюбивыя виды. Въ этой средѣ о Константинѣ Павловичѣ распускали самыя недѣльные слухи. Больше всѣхъ отличалась въ этомъ отношеніи княгиня Чарторыйская. Она отзывалась о Константинѣ Павловичѣ не иначе какъ съ высокоуміемъ, называла его „варваромъ“, „Московитомъ“, „казаконъ“, и увѣряла всѣхъ своихъ знакомыхъ что „какъ истый Русскій, онъ острасто любитъ салныя свѣчи“.

„Великій князь, до свѣдѣнія котораго доходили всѣ эти „остроумныя шуточки“, рѣшился проучить свою „доброжелательницу“ не менѣе остроумно.

„Во дворцѣ ларадный обѣдъ, на который приглашены всѣ наиболѣе враждебныя члены польской аристократіи; кухня превосходная, вина тончайшія, два военные оркестра гремятъ на хорахъ; великій князь весель, привѣтливъ, радушенъ, любезенъ съ дамами. Послѣ послѣдней перемѣны, онъ обращается къ своей сосѣдкѣ, княгинѣ Чарторыйской, нарочно посаженной рядомъ съ нимъ.

„— Сейчасъ подадутъ мое любимое блюдо, ласково говорить онъ.

„Всѣ обрадуются въ ожиданіе. Вотъ привносятъ что на огромной подносѣ массивнаго золота... Константинъ Павловичъ собственноручно смазаетъ прикрывавшій хрустальный колпакъ...

„О ужасъ! на подносѣ громадная куча сальныхъ свѣчъ.

„— Да, серьезно продолжаетъ великій князь, — *какъ мы роню знаете*, княгиня, это мой любимый десертъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь раздѣлить его со мною.

„И онъ хладнокровно кладетъ одну свѣчу на своей реалку. Всякій, разумѣется, слѣдуетъ его примѣру... Врывается мгновенное молчаніе. „Это намъ урокъ“, шепчетъ графиня Островская генералу Дзверницкому, „но мы вечно отдѣлаемся однимъ страхомъ. Вѣдь по этикету в не можемъ начинать прежде великаго князя, а не станемъ же онъ...“

„Увы! Константинъ Павловичъ преспокойно привинтилъ за свою свѣчку и кушаетъ ее, повидимому съ большимъ аллетитомъ...

„— Милости просимъ, господа! вѣжливо обращается къ сотралезникамъ.

„Дѣлать нечего, княгиня Чарторыйская, и всѣ помѣшанныя дамы, и всѣ ихъ знатные мужья принуждены были отступить отъ сальной свѣчки...

„Нѣтъ надобности прибавлять что это было—морозомъ отлитое въ эту форму.

„Зулховскій, о которомъ я уже упоминалъ, былъ вѣнецъ и имѣлъ двухъ маленькихъ дочерей, воспитываемыхъ театральной. Онъ часто навѣщалъ ихъ, но скрывалъ отъ нихъ свою профессию. Вся Варшава восхищалась имъ, онъ одинъ и не подозрѣвали что отецъ ихъ—знаменитый актеръ, ибо знали его подъ настоящимъ именемъ (Зулховскій — былъ театральнымъ псевдонимъ) и никогда не видѣли его на сценѣ.

„Случай чуть было не открылъ всего.

„Однажды дочери отправились къ одной знакомой дамѣ, которая, тоже не подозрѣвая тождества ихъ отца съ театральнымъ актеромъ, взяла ихъ съ собою въ театръ.

„На другой день Зулховскій по обыкновенію пришелъ въ театръ со своимъ дѣтямъ.

„— Батюшка, говорятъ ему, какъ мы вчера смѣлялись!

„— Чему это, голубушки?

„— Мы были въ театрѣ съ лани ***.

„Зулховскій побѣднѣлъ.

„— Видѣли знаменитаго Зулховскаго.

„— Ну, и...

„— Какой это славный актеръ!

„— А сходство васъ не поразило?

„— Съ кѣмъ, батюшка?

„— Со мною!

„Дочери съ удивленіемъ посмотрѣли на отца.

„— Какое же между вами сходство! Вы такой серьезный, а онъ такой смѣшной...

„Зулховскій вздохнулъ свободно. Сценическое его искусство одержало величайшую изъ всѣхъ одержанныхъ имъ побѣдъ: родныя дѣти не узнали его на подмосткахъ!

„Проказникъ-Зулховскій очень оригинально отомстилъ разъ одной хорошенькой актрисѣ, на которую имѣлъ неудовольствіе. Эта актриса имѣла дурную привычку безпрестанно поворачиваться къ публикѣ спиной. Зулховскій вздумалъ проучить ее. Въ одной пьесѣ она играла роль модницы, приходящей къ пріятельницѣ съ визитомъ, и заказала себѣ великолѣпное олушенное мѣхомъ бархатное платье, на эффектъ котораго возлагала большія надежды.

„Эффектъ дѣйствительно былъ произведенъ, только не такой какого ожидалось.

„Какъ только гжа А. вышла на сцену, она тотчасъ по обыкновенію повернулась къ публикѣ спиной,—и тотчасъ же раздался повсемѣстный шепотъ, потомъ сдержанный смѣхъ, наконецъ взрывъ гомерическаго хохота.... Злополучная актриса вертится туда, сюда, лытаясь угадать причину такого неожиданнаго пріема: смѣхъ все болѣе и болѣе увеличивается...

„Зулховскій наклеилъ на ея платье ярлыкъ съ надписью громадными буквами:

„Сто рублей—безъ залпосу.“

Гости Захеръ-Мазоха тоже расхохотались.

Между тѣмъ самоваръ закипѣлъ на столѣ, котъ продолжалъ мурлыкать на печкѣ, гжа Захеръ-Мазохъ, въ голубой олушенной горностаемъ „кацавейкѣ“, полулежа на диванѣ играла съ дѣтьми....

Я невольно залюбовался этою семейною сценой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВИКТОРЪ ТИССО.

НА ГОРАХЪ*

XLVIII.

Послѣ холодныхъ дождей лившихъ до дня Андрея Стратилата маленько теплыню было повѣяло: „батьюшка югъ на овесъ пустилъ духъ.“ Но тотчасъ же мученикъ Дулла „холодокъ послалъ съ губъ“—пошли утреники... Брусника послѣла, овесъ обривѣлъ, ** точи косы хозяинъ—пора жито косить: „Наталья овсяница къ яри слѣшить, а старый Титъ передъ ней бѣжить“, велитъ мужикамъ одонья вершить, овны толить, новый хлѣбъ молотить. *** Много на лету тетевнику, перелетные гуси то и дѣло садятся на землю, скворцы не летать на Вырей, значить „бабье лѣто“, **** а можетъ и дѣлая осень сухая будетъ и ведряная.... За то по тѣмъ же примѣтамъ ранней, студеной зимы надобно ждать.

* См. *Русск. Вѣсти.* № 5 и 10ї 1875, № 8 и 10ї 1876 и № 5, 6 и 7ї 1877.

** Народныя примѣты и повѣрья. Андрея Стратилата 19го августа. Св. Дулла 23го августа. *Обривѣть* — осыпаться, говоря о хлѣбныхъ зернахъ.

*** Наталья-овсяница 26го августа, апостола Тита накануне ея памяти—25го августа.

**** Народныя повѣрья. *Вырей* или *Вирей*—сказочная страна, волшебное за моремъ царство въ теплыхъ краяхъ, куда на зиму улетаетъ вся перелетная птица, а съ *Воздвиженія* (14го сентября) змѣи и другіе гады *движутся*. Туда жь бѣжить и всякій звѣрь отъ заглавнаго дѣлами стаями, косяками. *Бабье лѣто* съ 1го по 8е сентября.

Радостью радуется сельщина-деревенщина: и озими въ мѣру поднимутся и хлѣбъ молотить будетъ сподручно. А будетъ озимь высока, то овечкамъ въ честь, логовать ихъ въ поле на лакому кормежку, и отравятъ * овечки зеленя ** чтобы въ трубку онѣ не пошли.

По городамъ, тѣмъ паче на временномъ Макарьевскомъ торжищѣ цыня заботы въ ту пору людямъ гребтятся. Торгъ подходитъ къ концу: кто барыши кто убытки смекаетъ. Оптовыя сводятъ счеты съ розничными; розничные старые долги платятъ, новые заборы дѣлаютъ. Сидя за чаемъ по трактирамъ съ вѣрителями всячески они передъ ними угодничаютъ, чая цѣна подешевле, отпуска побольше, сроковъ уплаты подольше. Платежи да полученья у всѣхъ въ головѣ, повсюду только и рѣчи о нихъ. Придетъ двадцать пятое августа, отлоуютъ у флаговъ молебень, слусятъ ихъ въ знакъ окончанія вольнаго торга, и съ той минуты уплатъ начнутъ требовать, а до тѣхъ поръ никто не смѣетъ спрашивать долга, ежели на векселяхъ глухо написано: „быть платежу у Макарья“... Съ того дня по всей ярманкѣ бѣготня и суетня начинаются. Кто не успѣлъ старыхъ долговъ получить аль не сдѣлался какъ-нибудь съ должникомъ, тотъ разсылаетъ надежныхъ людей по всѣмъ приставамъ, по всѣмъ выѣздамъ, не наострилъ бы тотъ лыжи тайкомъ. Скроется—лиши долгъ на двери, а получка въ Твери. Глядишь, черезъ мѣсяцъ черезъ другой несостоятельнымъ объявится, а расплатится развѣ на томъ свѣтѣ калеными угольями.

Суетня кипитъ по всей ярманкѣ. Развѣзжаться начинаютъ. Съ каждымъ днемъ, закрытыхъ лавокъ больше и больше. Въ соборѣ съ утра до вечера передъ сверкающей алмазами иконой Макарія Желтоводскаго одинъ торговецъ за другимъ молебны служатъ благодарные и въ путь шествующимъ. Тепло и усердно молится людъ православный передъ ликомъ небснаго покровителя ярманки. Тихо раздаются подъ сводами громаднаго храма возгласы священника и лѣвніе причетниковъ, а въ раскрытыя двери цыня тогда звуки несутся: звуки бубновъ, арфъ и роговъ, льяные кланки, завыванья Цыганъ, громкія пѣсни арфистокъ и другихъ торгующихъ собою женщинъ... Рядомъ съ соборомъ за

* Съѣдятъ траву озими.

** Зелень — осенняя озимь.

узкимъ каналомъ стоитъ громадный храмъ Сатанѣ. Самый наглый, самый открытый, во всемъ христіанствѣ безпримѣрный развратъ царитъ тамъ. Царитъ онъ теперь и на всей ярманкѣ. Каждый почти трактиръ, каждая почти гостиница съ неизбѣжными арфистками обращены теперь въ дома терпимости. Но главный храмъ какъ бы въ насмѣшку надъ русскимъ благочестьемъ поставленъ рядомъ съ храмомъ Бога живаго, чтобъ кликомъ своимъ заглушать молитвенныя лѣснолѣнія. Какія чувства должны возбуждаться въ душѣ твердыхъ еще пока въ православномъ благочестіи людей, когда, стоя на молитвѣ, слышатъ они какъ церковное лѣнне заглушается кликами и лѣснями пьянаго разгула!.. А еще дивятся отъ чего вкругъ ярманки расколъ въ послѣдніе годы усилился. Какъ ему не усилиться при видѣ такого безобразія, такого поруганія православной святыви? Сколько разъ купечество жаловалось на такіе постыдные порядки, сколько разъ оно составляло о томъ приговоры. На все одинъ отвѣтъ — глубокое молчанье....

Въ два и въ три ряда, чуть не на каждомъ шагу затрудняя движеніе городскихъ экипажей и лѣсходовъ, по улицамъ ведущимъ къ рѣчнымъ приставямъ и городскимъ выѣздамъ тянутся нескончаемые обозы грузныхъ возовъ. По всѣмъ рядамъ Татары въ пропитанныхъ саломъ и дегтемъ холщовыхъ рубахахъ, съ бѣлыми валеными шляпами на головахъ, спѣшно укладываютъ товары, зашиваютъ въ рогожи ящики, уставляютъ ихъ на телеги. „Купецкіе молодцы“ снуютъ взадъ и впередъ съ озабоченными лицами, а хозяева либо старшіе прикащики усѣвшись на деревянныхъ окрашенныхъ сажею стульяхъ съ сидѣньемъ изъ болотнаго камыша,* иль прислонясь сливой къ дверной притолокѣ, глубокомысленно, преважно, съ сознаньемъ самодостойнства, поглядываютъ на укладку товаровъ и лишь изрѣдка двумя-тремя отрывистыми словами отдають Татарамъ приказанья. Крики извозчиковъ, звонъ разнозвучныхъ болхарѣй,** гормо-

* Ситнякъ, рогоза, куга—*Typha latifolia*,—болотное круглолистное, безстебельное растеніе, идетъ на олаеть самыхъ простыхъ стульевъ. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ Мордва дѣлаетъ черные деревянные стулья съ сидѣньемъ изъ рогозы. Въ Нижегородской губерніи словъ: *ситнякъ*, *рогоза*, *куга* не знаютъ, говорятъ: *камышъ*.

** *Болхаръ*—большой бубенчикъ въ кулакъ величиной, *гормотыги* (въ Нижегородской и Пензенской губерніи) то же что *глухаръ*—

туть, гремковъ и бубенчиковъ навязанныхъ на лошадиную обрѹю, стукъ колесъ о булыжную мостовую, стукъ заколачиваемыхъ ящиковъ, стукотля Татаръ выбивающихъ палками пыль изъ овчинъ и мѣховъ, шумъ, гамъ, пьяный хохоть, крутая ругань, лискъ шарманокъ, дикіе клики трактирныхъ Цыганъ и арфистокъ, свистки пароходовъ, несмолкающій нестройный звонъ въ колокольномъ ряду и множество ивыхъ разнообразныхъ звуковъ слышатся всюду и далеко разносятся по водному раздолью рѣкъ, по горамъ и по гладкимъ, зеленымъ окрестностямъ ярманки. Все торолится, все суетится, кричить во всю мочь, кто съ толкомъ, кто безъ толку. Дѣло кипитъ, льетъ черезъ край...

Въ одинъ изъ такихъ дней ярманочной суеты Марко Данилычъ пошелъ разыскивать лавку Чубалова. Дѣло было не къ слѣху, торолится не къ чему, онъ и не взялъ извощика, пошелъ на своихъ на двоихъ. Кстати жъ послѣ бывшей наканунѣ въ рыбномъ трактирѣ крѣпкой погулки, захотѣлось ему пройтись, маленько бѣ ноги промать да просвѣжить лохмѣльную головушку. Идетъ лѣд мосту Марко Данилычъ; тянутся обозы въ четыре ряда, по бокамъ гурьбами лѣшеходы идутъ — всѣ куда-то слѣшать, торолятся, чуть не лѣзутъ другъ на друга. Звонкій толотъ лошадиныхъ копытъ по дощатому полотну моста, гулъ колесъ, свистъ пароходовъ, крики бурлаковъ и громкій говоръ разноязычной, разноплеменной толлы нестерпимо раздражаетъ уши Смолокурова. Начинаетъ онъ понемножку сердчать, но не на комъ сердца сорвать: а это лучше всего раздражаетъ Марка Данилыча. Перебрѣлся онъ кой-какъ черезъ мостъ, пришелъ въ ярманку, а тутъ, передъ самымъ желѣзнымъ домомъ биржи, вся улица кипитъ сплошной, густой толпой судорабочихъ, собравшихся туда въ ожиданьи найма на суда. Въ тѣсотѣ и давкѣ середь грязной бурлацкой толлы пришлось Марку Данилычу усердно поработать и локтями и кулаками, какъ бы вѣбудь протолкаться сквозь безшабашное сходбище.... Не обошлось безъ того чтобъ и ему самому толчковъ не надавали. Только-что успѣлъ онъ выдраться изъ кучи оборванцевъ, какъ пришлось стать на мѣстѣ: нагруженные воза и десятки лорожныхъ рослусковъ на поворотѣ къ шоссеиной дорогѣ стол-

большой бубенчикъ съ глухимъ звономъ, *зрелокъ*—бубенчикъ съ рѣзкимъ звукомъ.

пились, перелутались и не стало тутъ ни ѣзду ни ходу. Крики, ругательства... Дѣло дошло и до драки встрѣчныхъ извощиковъ. Охочи бурлаки до сшибокъ, а ежель самимъ не съ руки подраться да поругаться, такъ безмѣрно охочи хоть на другихъ полюбоваться. И вотъ цѣлой ватагой, челоуѣкъ въ сотню, съ гамомъ, со свистомъ и неистовымъ хохотомъ кинулись они отъ желѣзнаго дома и смяли все что ни попалося имъ на пути. Тѣмъ только и слѣсса Марко Данилычъ что вѣвремя вскоцилъ на паперть возлѣ стоящей Печерской часовни, иначе бы плохо пришлось ему. Гнѣвомъ и злобой кипѣлъ онъ на всѣхъ: и на бурлаковъ, и на извощиковъ, и на полицію, за то что не видно ея, и на медленнымъ шагомъ вокругъ разѣзжавшихъ казаковъ, что пытались одними криками смирить головорѣзовъ — нѣтъ чтобъ нагайкой поработать ради тишины и всеобщаго благочинія... Насилу дождался Марко Данилычъ, когда улеглась сумятица, освободился проѣздъ, бурлаки воротились къ желѣзному дому и удобно стало ему выбратъся на шоссею дорогу. Но и тамъ—только-что завернулъ онъ за уголъ и чиннымъ, степеннымъ шагомъ пошелъ вдоль Судучнаго ряда, отколь ни возьмись нищія бабенки, съ хныканьемъ, съ причитаньями стали къ нему приставать прося на погорѣлое мѣсто. Взглянувъ только на лица бабенокъ тѣхъ догадался Марко Данилычъ, что ихъ погорѣлое мѣсто—кабакъ. Съ рѣзкой руганью онъ отказалъ имъ. Нахальныя, безотвязныя тѣмъ не унялись; не отставали онъ отъ угрюмаго кулчины, шли за нимъ по лятамъ и луце прежняго канючили о колѣвечкахъ. Это олять вскипятидо успокоившагося было Смолокурова... Наконецъ-то койкакъ освободился онъ отъ пьяныхъ бабенокъ, но вдругъ передъ нимъ разбитной мальчуганъ съ дерзкимъ взглядомъ, съ отъявленнымъ нахальствомъ во всей повадкѣ своей. Сталъ поперекъ дороги и повертывая лоткомъ передъ Маркомъ Данилычемъ кричить ему во всю мочь звонкимъ голосомъ:

— А вотъ пирожки, пирожки! Горячи, горячи, съ мачкомъ, съ лучкомъ съ перечкомъ!

— Убирайся локуда цѣлъ!... сердито крикнулъ на него Марко Данилычъ.

Голосистый мальчишка не унялся, вьюномъ вертится онъ передъ Смолокуровымъ и не давая ему дороги, во все горло выкрикиваетъ свои причеты:

— Горячі, горячі!.. Съ пылу, съ жару горяченькіе!

— Пошелъ прочь, щенокъ! сердито крикнулъ Марко Данилычъ поднимая надъ нимъ камышевую трость.

Но пирожникъ былъ не робкаго десятка, не струсиль угрозы и луце прежняго сталъ вертѣться передъ Смолокуровымъ, чуть не задѣвая его лоткомъ и выкрикивая громче прежняго:

— Пирожки горячі! Кулець рѣжь, кулець ѣшь!.. Жуй, берегись—пирожкомъ не обожгись. Кули кулець, не скулись, не то камень подавись!

Кое-кто изъ проходившихъ остановился поглазѣть на даровую „камедь“. Хохотомъ своимъ ободрили прохожіе пирожника.... и это ужъ совсѣмъ взбѣсило Марка Данилыча. Къ счастью его городской, считавшій до тѣхъ лоръ воронъ на другой сторонѣ улицы, сталъ переходить дорогу, замѣтивъ ухмыляющуюся ему востроглазую дѣвчонку, должно-быть очень коротко съ нимъ знакомую.

— Городоваго хочешь? крикнулъ Смолокуровъ мальчишкѣ, указывая на охранителя благочинія.

Пирожникъ высунулъ языкъ, свистнулъ какимъ-то необычнымъ, оглушительнымъ свистомъ и проворно юркнулъ въ толпу, много лотше, выкрикивая:

— А вотъ горячі, горячи, ѣвь ихъ подъячій! Съ лылу, съ жару—ѣвь баринъ поджарый! Съ горохомъ, съ бобами, ѣвь дыakonъ съ лолами!

Залыхался даже Марко Данилычъ. Одышка зачала одолѣвать его отъ тѣноты и съ досады. Струями лотъ выступилъ на гѣвномъ, раскраснѣвшемся лицѣ его. И только-что маленько было онъ поуспокоился, другой мальчишка съ лоткомъ въ рукахъ прямо на него дѣзетъ.

— Свѣчи салвы, свѣтильны бумажны, горять ясно, очень прекрасно! раслѣваетъ онъ во все горло рѣзкимъ голосомъ.

Этотъ не пристааетъ ло крайней мѣрѣ, не вертится съ лоткомъ и за то сласибо. Прокричалъ свое и къ сторонкѣ. Но только-что избавился отъ него Марко Данилычъ, яблочница стала наступать на него. Во всю мочь кричитъ визливнымъ голосомъ:

— Садовыя, медовыя, наливчатыя, разсыпчатыя, гладкія, сладкія, съ кваскомъ съ маленькимъ!..

А тутъ еще на каждомъ шагу мальчишки-зазывалки то и дѣло къ себѣ въ лавки заманиваютъ, чуть не за лоты проходящихъ хватаютъ, да такъ и трещать лотъ ухо: „что покулатъ изволите? У насъ есть салогя, калоти, ботинки хорощи, товаръ петербургскій, самый настоящій аглицкій!..“

На этихъ Марко Данилычъ не обращалъ большаго вниманья, радехонекъ былъ ужъ что хоть отъ нищихъ, отъ яблочницъ да отъ пирожниковъ отдѣлался... Эхъ, было бѣ на комъ сердце сорвать!..

Дошелъ наконецъ до Платочныхъ рядовъ, тамъ вздохнулъ по свободнѣй, маленько поуспокоился. Отыскалъ вскорѣ и лавку Чубалова.

Между шоссею, обстроеною съ обѣихъ сторонъ рядами лавокъ дорогой, и песчанымъ берегомъ Оки, до послѣдняго большаго на ярманкѣ пожара, * тянулись въ три порядка тѣсные, неказистые, деревянные, гдѣ драбню, гдѣ лубомъ крытые Платочные ряды. Тамъ въ непомѣрной тѣсотѣ, въ непролазной грязи во время ненастья, въ непроглядныхъ тучахъ пыли во время вѣтра при сухой погодѣ, издавна вели розничный торгъ краснымъ товаромъ вязниковскіе и ковровскіе офенц, ходебщики, коробейники и тѣ краснорядцы, что вѣкъ свой развѣзжаютъ со своимъ всегда ходкимъ товаромъ по деревенскимъ ярманкамъ и сельскимъ базарамъ. Круглый годъ странствуя по угламъ и уголкамъ Россіи, каждый августъ свѣзжаются они къ Макарью для расплаты съ фабрикантами и олтовыми торговцами и для забора въ долгъ новыхъ товаровъ. Больше бабы сидѣли въ старыхъ Платочныхъ рядахъ; мужья, сыновья ихъ и братья съ утра до ночи спуютъ бывало по ярманкѣ, отыскивая неисправныхъ должниковъ, либо приглядывался къ свѣжимъ товарамъ и условливаясь съ олтовыми торговцами на счетъ будущихъ цѣнъ и сроковъ платежа. Тамъ, въ Платочныхъ рядахъ, было нѣсколько лавокъ и не съ краснымъ товаромъ: въ иной воскомъ торговали, въ другой мерлушками, въ третьей игольнымъ товаромъ. Была одна лавка съ иконами и со всякаго рода старинкой. Торговалъ въ ней Герасимъ Силычъ Чубаловъ. Въ лавкѣ его всѣ полки уставлены и увѣшаны были книгами, образами, мѣдными крестами и пучками кожаныхъ лѣстовокъ заволжской, семеновской ** работы. Болѣе рѣдкія вещи и древняя утварь какъ церковная такъ и хоромная хранились наверху, въ палаткѣ. Тамъ же старинщики держали обыкновенно раскольничьи бумажные вѣнчики, что полагаются

* Въ 1864 году.

** Работаютъ ихъ въ заволжскомъ раскольничьемъ городѣ Семеновѣ Нижегородской губерніи.

на покойниковъ, разрѣшительныя молитвы что кладутся имъ въ руку во время отлѣванья, и вышедшія изъ однихъ съ ними подпольныхъ типографій *Скитскія покаянія, Соловецкія челобитныя* *, буквари и другія книги въ большомъ количествѣ расходящіяся межъ старообрядцами. Въ палаткахъ держали также рукописныя *Цѣлители, Сборники, Челобитныя, Ответы* и другія сочиненья писанныя расколуучителями **. Все это товаръ продажный, но завѣтный... Не всякому старинщикъ покажетъ его. До тѣхъ поръ онъ не покажетъ пока не убѣдится что подвоха отъ покупателя не будетъ. Только избраннымъ, людямъ надежнымъ, что сору изъ избы не выносятъ, у старинщика все открыто. При незнакомыхъ онъ съ самымъ близкимъ человекомъ слова напрямки не скажетъ, а все обинякомъ, либо по-офенски ***.

* *Скитское Покаяніе*, гдѣ есть „чинъ како самому себѣ исповѣдати“, во множествѣ распространено между раскольниками Спасова согласія — что сами передъ Спасовымъ образомъ исповѣдуются. Спасово согласіе утверждаетъ будто *Скитское Покаяніе* составлено апостоломъ Павломъ, передано имъ ученику его Діонисію Ареопагиту, отъ него дошло до Іоанна Дамаскина, а отъ него и до раскольниковъ. Старопечатныхъ *Скитскихъ Покаяній* не было. Первые два изданія 1787 и 1789 печатаны въ Супрасѣ, потомъ тайно печатались въ Клинцахъ подъ видомъ почаевскихъ, а теперь печатаются по разнымъ мѣстамъ, особливо въ Гжатскомъ уѣздѣ. *Соловецкая Челобитная* находится въ печатномъ сборникѣ, начинающемся *Исторіей о отцехъ и страдальцехъ Соловецкихъ*. Мѣста печатанія не означено, но шрифты клинцовскіе, а фабрикантскіе знаки въ бумагѣ 1787 и 1789. Есть и позднѣе, но рѣдко.

** *Ответы*: Діаконовы или Керженскіе, Поморскіе, Фомина, Егора Гаврилова, Пѣшехонова, Никодимовы. *Челобитныя*: Соловецкая, старца Авраамія, Лазаря, Саввы Романова и пр.

*** Искусственный языкъ употребляемый офенями (ходебщиками, разнощиками). Онъ называется также *ламанскимъ*. Составленъ изъ переначенныхъ русскихъ словъ, непохожъ, ограничивается словами самыми нужными для быта ходобщиковъ. Грамматика русская. Есть у насъ еще такіе же искусственные языки: *галицскій* въ Галичѣ, въ Нерехотскомъ и другихъ уѣздахъ Ко стромской губерніи, *латрайскій* въ Муромскомъ уѣздѣ и подъ Арзамасомъ въ селѣ Красномъ *кактюжскій* — воровской языкъ въ Рязанской, Московской и Тверской губерніяхъ, языкъ ковровскихъ шерстобитовъ, петербургскихъ мазуриковъ (*байковий*). Всѣ эти языки изъ переначенныхъ или придуманныхъ словъ съ русской грамматикой и всѣ до одного въ ходу у раскольниковъ той или другой стороны.

Придетъ покупатель, лавка полнымъ-полнехонька народомъ, десятка полтора человекъ сидятъ въ ней по скамейкамъ либо стоятъ у прилавка, внимательно разсматривая въ книгахъ каждую страницу. Сниметъ вошедшій картузь, всѣмъ общимъ поклономъ поклонится, а хозяину отдѣльно да пониже всѣхъ, скажетъ ему „здравствуйте“. Тотъ ему тѣмъ же отвѣтитъ, другіе, кто въ лавкѣ случатся, тоже поклонятся. Замолчитъ потомъ новый покупатель и зачнетъ внимательно разглядывать какую-нибудь книгу, разсматриваетъ ее долго, потомъ положивъ ее на мѣсто, молвитъ хозяину:

— Ну, что скажете?

— А что спросите? въ свою очередь задастъ ему вопросъ хозяинъ.

— Чать знаешь что?

— Мало-ль что я знаю?

— Оно конечно, что знаешь того и знать не хочется, молвитъ покупатель.

— Вѣрны ваши рѣчи: что извѣстно, то не лестно, отвѣтитъ старинщикъ.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки поспрошу я у васъ.

— Спрашивайте. Убытковъ отъ того ни вамъ ни намъ не будетъ.

— Да вотъ въ луть дорогу сряжаюсь, такъ не знаю гдѣ бы здѣсь у Макарья шалчонку на голову купить — да въ руку подожокъ.

— Шалку найдете въ Шляльномъ ряду, вотъ что рядомъ съ почтой стоитъ, а палочку подъ Главнымъ Домомъ можно сыскать, а ежели подешевле желаете, такъ въ Щеляномъ ряду пощитте.

Хозяинъ ужъ смекнулъ про какую шалчонку, про какой подожокъ его спрашиваютъ. Пошлетъ онъ покупателя по Шляльнымъ, да Щелянымъ рядамъ только тогда когда въ лавкѣ у него сидятъ люди ненадежные, не то безо всякихъ разговоровъ поведетъ знаемаго человека прямо въ палатку, и тамъ продастъ сколько надо ему вѣничковъ—шалчонковъ, и разрѣшительныхъ молитвъ—подожковъ.

Не то прибѣжить въ лавку ровно съ цѣли сорвавшись какой-нибудь ларенекъ, и ни съ кѣмъ не здороваясь, никому не поклонясь, крикнетъ хозяину:

— Хлябышь въ дѣдору хандырить лельмиги шишлѣтъ!...

И хозяинъ вдругъ встревожится, опрометью бросится онъ въ палатку и поцнетъ тамъ наскоро подалеже прибирать

что не всякому можно показывать. Кто помялъ рѣчи прибѣжавшаго паренька, тотъ ни слова не молвивъ самъ изъ лавки вонъ. Тутъ и другіе смекнуть что чѣмъ-то нездоровымъ залахло — тоже изъ лавки вонъ. Сколько бы кто ни учился, сколько бѣ ни зналъ языковъ, ежели онъ не офеня аль не раскольникъ, ни за что не помялъ бы чѣмъ паренекъ такъ сильно напугалъ хозяина. А это онъ ему по-офенски вскричалъ: „начальство въ лавку идетъ бумага читать“.

Запретными вещами Чубаловъ не торговалъ, терпѣть того не могъ, однако жъ и на его долю порой выпалили не малыя хлопоты по невѣжеству надзирающихъ за торговлей старопечатными и рукописными книгами. Разъ большіе убытки на Сборной ярманкѣ въ Симбирскѣ понесъ онъ — полы да полиція горячо нагрѣли тамъ кармакъ Герасиму Силычу... Невѣжество надзирающихъ за продажей старинныхъ книгъ совсѣмъ почти подорвало столь важную для русской науки торговлю старинщиковъ. Не строгость, а безтолковость надзора за той продажей возмутительна. Подвергаемые неприятностямъ и убыткамъ торговцы стариной поневолѣ бросаютъ ее и прекращаютъ поиски по глухимъ закоулкамъ за скрывающимися отъ взоровъ науки сокровищами. Памятники старины межъ тѣмъ гниютъ въ сырыхъ подвалахъ либо горятъ въ пожарахъ обычно опустошающихъ наши города и деревни. Печатныя книги еще не такъ много гибнутъ, — у нихъ два только врага: сырость да огонь, но рукописи, даже не церковнаго содержанія, то и дѣло губятся еще третьимъ, еще болѣе сильнымъ врагомъ — невѣжествомъ надзирающихъ.

XLIX.

Когда Марко Данилычъ вошелъ въ лавку Чубалова, была она полнехонька. Кто книги читалъ, кто иконы разглядывалъ, въ трехъ мѣстахъ шелъ живой торгъ, въ одномъ углу торговалъ Ермолаичъ, въ другомъ Иванушка, за прилавкомъ самъ Герасимъ Силычъ. Въ сторонкѣ въ тѣсную кучку столаясь, стояло человекъ восемь повидимому изъ мѣщанъ или небогатыхъ кулцовъ. Двое, одинъ свѣдой, другой еще борода не олушилась, горячо спорили отъ Писанія, другіе внимательно прислушивались къ словамъ ихъ и лишь изрѣдка выстулали со своими замѣчаньями.

Чуть-чуть приподнялъ картузь Смолокуровъ и поклоняся

общимъ поклономъ привѣтствовалъ всѣхъ сквозь зубы сказаннымъ „здравствуйте!“ Всѣ поклонились ему и затѣмъ ни слова не молвивъ, каждый принялся за дѣло. Чубаловъ вышелъ изъ-за прилавка, попросилъ сидѣвшихъ на скамейкѣ немножко потѣсниться, обмахнулъ лодой мѣстечко для Марка Давилыча и заботливо усадилъ его.

— А я къ тебѣ, Герасимъ Силычъ, по дѣльцу, немного помолчавъ промолвилъ Марко Давилычъ.

— Чтѣ вашей милости требуется? сухо отозвался Чубаловъ, вспомянувъ про Марка Евангелиста да про Евдокію прелодобно-мученицу. Послѣ продажи тѣхъ иконъ онъ еще впервые увидѣлъ земляка своего и сосѣда любезнаго.

— Надобно бы мнѣ у тебя, другъ любезный, кой-какого Божьяго милосердія вымѣнять, сказалъ Смолокурровъ.

— Какихъ будетъ угодно вамъ? маленько хмурясь спросилъ у него Чубаловъ.—Хорошія иконы у меня въ лалаткѣ, туда не угодно ль пожаловать?

И сталъ было расчищать дорогѣ почетному, но не совсемъ пріятному покупателю.

— Не надо, не трудись, не трогаясь съ мѣста молвилъ Марко Давилычъ.—Неважныхъ мнѣ надо, такихъ чтобы только можно было въ красный уголъ поставить. Холуйскихъ давай, да сортомъ пониже, лишь бы по отеческому преданію писаны были, да не было бѣ малаксы * на нихъ.

— Съ малаксой иконъ у насъ и въ заводѣ не бывало, сказалъ на то Чубаловъ.—Имѣемъ только писанныя согласно съ древними подлинниками.** Съ малаксой и въ лавку не внесемъ.

— Это ты хорошо говоришь, то-есть такъ-сказать по-божески, благочестно,—важно промолвилъ на то Марко Дави-

* Именословное сложеніе перстовъ для благословенія. Раскольники называютъ его малаксой, потому что въ концѣ первой части *Скрижали* (стр. 717) патриархъ Никонъ напечаталъ: „*Николанъ священнаго Малакса протопона Навлійскаго о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки священника всегда благословити ему христоименитые люди.*“ Первый пустившій въ ходъ названіе именословнаго перстосложенія малаксой былъ протополь Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ по времени расколуучителей.

** Рукописи съ рисунками образцовъ, по которымъ пишутся иконы, и наставленія какъ ихъ писать. Взяты съ греческаго. Древнѣйшій греческій подачникъ Діонисія изданъ въ 1845 году въ Парижѣ Дидрономъ подъ заглавіемъ *Manuel d'iconographie chretienne*, но безъ рисунковъ. Paris. 1845.

лычъ.—Только не знаю я подберешь ли ты мнѣ все что нужно. Не мало вѣдь требуется и все почитай одинакихъ.

— Подберемъ сколь угодно, отозвался Чубаловъ.—Ежели чего у меня неостанетъ, у Холуйскихъ достанемъ. Сегодня жь готово все будетъ.

— Ладно, сказалъ Марко Данилычъ, и вынувъ лампаду* изъ бумажника, продолжалъ свои рѣчи: — Известно тебѣ; мой любезный, что послѣ Божія посвѣщенія вновь я построился. Двѣ связи рабочимъ, чтобъ всѣхъ ихъ въ дугу скрючило, поставилъ... Все телерь 'начисто отдѣлано, какъ съ ярманки прѣйду, такъ и переведу работниковъ на новоселье. Къ тому времени и требуется мнѣ Божьяго милосердія. Надо въ каждую избу и въ каждую свѣтлицу иконъ поставитъ. А зимнихъ-то избъ двѣнадцать у меня поставлено, да шесть лѣтнихъ свѣтлицъ. На каждую надо иконъ по шести. Выходитъ безъ четырехъ цѣлу сотню.... Понимаешь? Цѣлую сотню иконъ мнѣ требуется да десятка-съ два литыхъ мѣдныхъ крестовъ, да столь же мѣдныхъ складнѣй. Да на каждую избу и на каждую свѣтелку по Часослову, да на всѣхъ съ десятокъ Псалтырей.... Нечего дѣлать надо изубытчиться: лучай рабочіе-то лучше Богу молятся да божественныхъ книгъ почитаютъ, чѣмъ пьянствовать да ба́ловаться. У меня жь грамотныхъ изъ нихъ довольно — лучай читаютъ, авось помирнѣе будутъ, ежели страхъ-отъ Господень познаютъ... Вотъ по этой запискѣ ты мнѣ и отлужи... Видишь каковъ я у тебя покупатель?... Гуртовой... Потому и долженъ ты взять съ меня сѣпротивъ другихъ много дешевле.

— Зачѣмъ дорого съ васъ брать? молвилъ Чубаловъ.— Кажись бы за мной того не водилось. Въ убытокъ отдавать случалось, а чтобъ лишнее взять когда — на этотъ счетъ будьте спокойны. Сами только не будьте полпрежнему очень крѣпки на торгъ-отъ.

— Лишняго не передамъ, а что слѣдуетъ, изволь получать до копѣйки. На этотъ счетъ я со всякимъ моимъ удовольствіемъ... Завсегда каждому готовъ, важно, налыщенно проговорилъ Марко Данилычъ, слѣсиво оглядывая по сторонамъ сидѣвшихъ и стоявшихъ.

— Развѣ что такъ, прищуривъ глазъ и глядя въ лицо Смолокурову, молвилъ Чубаловъ.—А то вѣдь ежели правду

* *Памятка* — записка для памяти, памятная книжка.

сказать, такъ больно ужъ вы прижимисты стали, Марко Данилычъ.

— Чтò ты городишь? громче прежняго заговорилъ Смолокуровъ.—Кто тебѣ такія рѣчи довелъ про меня—наплюй тому въ глаза.

— Не поладешь, Марко Данилычъ, никакъ не изловчишь-ся... Какъ самому себѣ въ глаза можно плюнуть? усмѣхнулся Чубаловъ.

— Чтò еще загородилъ? съ досадою молвилъ Марко Данилычъ.

— А Марка-то Евангелиста съ Евдокіей преподобно-мученицей забыли?

— То совсѣмъ иное дѣло, медленно, важно, спокойно промолвилъ Марко Данилычъ.—Былъ тогда у насъ съ тобой не повольный торгъ, а долгу платежъ. Обойди теперь ты всю здѣшнюю ярманку, у кого хочешь спроси, всякъ тебѣ скажетъ, что также бѣ и онъ съ тобой поступилъ, ежелибъ до него довелось такое дѣло. Иначе нельзя, другъ мой любезный, коммерція на то. Понимаешь?

Видитъ Герасимъ Силычъ, что совѣсть у Смолокурова подъ каблукомъ, а стыдъ подъ подошвой, ничего ему въ отвѣтъ не промолвилъ.

— Какихъ же во имя требуется вамъ иконъ? спросилъ онъ у Смолокурова.

— Пиши, записывай: сталъ высчитывать по запискѣ Марко Данилычъ. Восемнадцать Сласовъ—какіе найдутся такихъ и давай: и сѣдницъ и убрусовъ и Эммануиловъ. * Богородицъ тоже восемнадцать, и тоже какія найдутся—все едино... А вѣтъ, постой... отбери ты побольше Неопалимой Куливы—знаешь ради пожарнаго случая. Авось при ней, при Владычицѣ, разбойники опять не подожгутъ у меня работной избы **, Николъ восемнадцать положи, да подбирай такъ: полдюжину лѣтнихъ, полдюжину зимнихъ, полдюжину главныхъ. *** Остатныя три дюжины съ половиной какихъ знаешь такихъ и клади.... Пѣтъ, постой, погоди... Набери ты мѣ

* Термины холуѣскихъ иконниковъ: *седница*—Спаситель сѣдящій на престолѣ, *убрусъ*—нерукотворенный образъ. *Эммануилъ*—главное или пошейное изображеніе Христа въ отроческомъ возрастѣ.

** Неопалимой Куливы молятся „ради избавленія отъ огненнаго западенія“.

*** Иконники зовутъ образъ Св. Николая въ митрѣ—*зимнимъ*, безъ митры—*лѣтнимъ*, пошейный, до плечъ—*главнымъ*.

полторы дюжины мученика Воуифатія, для того что избавляетъ овъ, батюшка, угодникъ святой, отъ виннаго залойства... Въ каждой избѣ, въ каждой свѣтелкѣ по Воуифатію поставлю. Потому народъ нонѣ слабый, какъ ни гляди за работникомъ—безпремѣнно какъ зюзя къ вечеру натянется этого винища. На любаго погляди вечеромъ-то—у каждаго языкъ ровно виткой перевязавъ, чисто говорить не можетъ, а ноги ровно на водѣ, не держатся.... Вонъ и тогда на Оумивой-то сляну вѣдь избы-то спалили.... И себя, дурачье, не пожалѣли, живьемъ сгорѣли, подаеды.... Имъ-то вотъ теперь ничего, а мѣвъ убытки!

— Моисею Мурину отъ виннаго залойства тоже молятся, вступилъ въ разговоръ Иванушка.

— А я и не зналъ, молвилъ на то Марко Давилычъ, обращаясь къ Герасиму Силычу. — Воуифатіево житіе знаю, не разъ читывалъ.... А Моисею-то Мурину почему молиться велятъ?

— И овъ потому жъ, свое предолжалъ Иванушка.—Сказано въ житіи его: „уби четыре овцы—чужія, мяса же добрѣйша изъяде, овчины же на винѣ проли“.

— Вѣрно? спросилъ Смолокуроръ у Чубалова.

— Вѣрно, отвѣтилъ тотъ.

А Иванушка съ полки книгу тащитъ, отыскалъ въ ней мѣсто и показываетъ Марку Давилычу. Тотъ прочитавши, примолвилъ:

— Да. Это такъ.... Вѣрно... Только въ правду ль ему молятся отъ виннаго-то залойства?... Теперъ, лстой, вотъ что я вспомнилъ: видѣлъ разъ у церковниковъ таблицу такую, напечатана она была, по всѣмъ церквамъ ее разсылали, а на ней „Сказаніе кѣмъ святымъ каковыя благодати изъупленія отъ Бога даны“. * И тамъ точно что напечатано про Моисея Мурина. Только думалъ я не новшество ль это Никонovo... Какъ по твоему, Герасимъ Силычъ?

— Какое же тутъ новшество? возразилъ Чубаловъ.—Изстари ему, угоднику, отъ пьянства молились, еще при лервыхъ пяти патріархахъ.

— Такъ ты вотъ что сдѣлай, другъ мой любезный Гера-

* Такія таблицы были разосланы по церквамъ и висѣли въ алтаряхъ на стѣнкѣ. Теперъ можно встрѣтить ихъ въ рѣдкой уже сельской церкви. Сказаніе это напечатано между прочимъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1863 года.

симъ Сильчъ,—полторы-то дюжины отбери мнѣ Воиофатьевъ, а полторы дюжины Моисеевъ—оно и будетъ дѣло-то ладнѣе.

— Еще чего потребуется? спросилъ Чубаловъ, записавши заказъ на бумажкѣ.

— Дюжину полницъ * положи, молвилъ Марко Данилычъ.— Въ каждую избу по одной, а въ свѣтлицы пожалуй и не надо, останну дюжину клади какихъ самъ знаешь.... Да ужь для круглаго счета четыре-то иконы доложь, сотня чтобъ слова выходила.... Да изъ книгъ, сказано тебѣ десятокъ *Псалтырей* да полторы дюжины *Часослововъ*.... Да опричь того полторы дюжины мѣдныхъ литыхъ крестовъ шестивершковыхъ, да полторы дюжины мѣдненькихъ иконъ не больно чтобы мудрающихъ.... Кажись телерь все. Да смотри ты у меня чтобы въ каждой избѣ и въ каждой свѣтлицѣ хоть по одной подуборной ** было, клади ужь такъ и быть двѣ дюжины подуборныхъ-то—разница въ деньгахъ будетъ не больно великая.... А!... вотъ еще—не знаешь ли какому угоднику отъ воровства молиться?... Работники шельмецы тащма тащутъ леньку по сторонамъ, углядѣть невозможно. Какъ бы еще по такой иконѣ въ каждую избу да въ каждую свѣтелку поставить, чтобъ отъ воровства она помогала—больно бы мнѣ хорошо это было.... Есть ли, любезный ты мой, у Бога таковыя святыя?

— Есть, какъ не быть, отвѣтилъ Чубаловъ,—Федору Тирону о обрѣтеніи покраденныхъ вещей молятся.

— И помогаетъ? съ живостью спросилъ Марко Данилычъ.

— По вѣрѣ помогаетъ, а безъ вѣры кому ни молись толку не выйдетъ, отвѣтилъ Чубаловъ.

— Такъ ты опричь сотни отбери мнѣ еще полторы дюжины Федоровъ, сказалъ Марко Данилычъ. — Авось меньше станутъ леньку воровать.

— Велики ль мѣрой-то иконы вамъ надобятся? спросилъ Чубаловъ.

— Мѣры-то? Мѣры надо разной, отвѣтилъ Марко Данилычъ. — Спасы—десятерики, Богородицы да Николы—девя-

* Такъ иконники называютъ икону Воскресенія съ двѣнадцатью праздниками вокругъ нея.

** Подуборная икона—обложенная окладомъ, то-есть каймой по краямъ, вычеканенной изъ мѣди съ золочеными или посеребренными мѣдными вѣнцами.

терику да восьмерику, остальны помельче.... Можно и листоушекъ * сколь-нибудь приложить, только не мѣвъ бы четырехъ вершковъ были, а то мѣлки-то и не взрачны, да грѣхомъ и затеряться могутъ. Народъ-отъ вѣдь у меня вольный, воръ на ворѣ, самый анаемскій народъ; иной какъ разочтешь его за какіе-нибудь непорядки, со зла-то чего добраго и угодникомъ не лобрезгуешь, стянетъ собачій сынъ изъ божницы маховькой-то образокъ да въ карманъ его алы за лазуху. Каковъ ни будь образишка — все-таки шкалики дадутъ въ кабакъ.... Суци разбойники!... Ну, какую жь цѣну за все положишь?

Ни слова не молвивъ Чубаловъ, молча на счетахъ сталъ класть, приговаривая:

— *Псалтырей* десятокъ, *Часослововъ* восемнадцать—сорокъ восемь рублей...

— Что ты, что ты? вскрикнулъ, руками замахавъ на Чубалова, Марко Данилычъ.—Никакъ ты рехнулся, землякъ?... Какъ это вдругъ сорокъ восемь рублей?

— *Псалтыри* по три цѣлковыхъ за штуку, *Часословы* по рублю, отвѣтилъ Чубаловъ.—Считайте.

— Какъ по три цѣлковыхъ да по рублю?... На что это похоже? во всю мочь кричалъ Марко Данилычъ и схватилъ даже Чубалова за руку.

— Цѣна казенная, Марко Данилычъ, тихо, спокойно отвѣтилъ Герасимъ.—Одной копѣйки нельзя уступить, *Псалтыри* да *Часословы* печати московской, единовѣрческой, цѣна имъ извѣстная, она жь вотъ и напечатана.

— Хоша она и напечатана, а ты все-таки должонъ мѣвъ уважить. Нельзя безъ уступки, сосѣдушка,—я вѣдь у тебя гуртомъ локулаю, говорилъ Смолокуровъ.

— Какъ же я могу уступить вамъ, Марко Данилычъ? Свои что ли деньги-то приплачивать мѣвъ? отвѣтилъ Чубаловъ.— Эти книги не то что другія. Казенныя... Гдѣ хотите купите, цѣна имъ вездѣ одна.

Призадумался маленько Марко Данилычъ. Видитъ—точно цѣна напечатана, а сѹпротивъ печатнаго что говорить? Не малое время молча продумавши, молвилъ онъ Чубалову:

— Ну, ежели казенна цѣна, такъ видно ужь нечего

* Икона десятиерикъ—десяти вершковъ въ вышину, девятиерикъ—девяти вершковъ и т. д. Листоушка—небольшая икона отъ одного до четырехъ вершковъ.

дѣлать. Только вотъ что—*Псалтырей-то*, землякъ, отбери не десятокъ, а тройку... Будетъ съ нихъ со словъ, чтобъ имъ всѣмъ издохнуть!.. Значитъ двадцать пять рублей за книгу-то будетъ?

— Двадцать семь, Марко Данилычъ, немного понижая голову сказалъ Герасимъ.

— Экой ты братецъ какой! За всякой ты мухой съ бухомъ!.. промолвилъ Марко Данилычъ.—Велика ли важность два какихъ-нибудь рубля? Двадцать ли пять рублей, двадцать ли семь, не все ли едино? Кладу тебѣ четвертную единственно ради круглаго счета.

— Коли вамъ для круглаго счета надобно, такъ я замѣсто восемнадцати, шестнадцать *Часослововъ* только положу. Оно и выйдетъ какъ разъ двадцать пять рублей, сказалъ Герасимъ Силычъ.

Думалъ Марко Данилычъ, не разъ головой покрутилъ, сказалъ наконецъ:

— Пожалуй. Такъ-то еще лучше будетъ.... Али вѣтъ, стой, *Часослововъ* только дюжину отбери — въ свѣтелки не стану класть. Это выйдетъ....

— Двадцать одинъ рубль, сказалъ Герасимъ Силычъ.

— Скости рублишко-то, землякъ. Что тебѣ значитъ какой-нибудь рубль? Ровно бы ужъ было на двадцать рублей... Ну, пожалуста, канючилъ богатый, сотнями тысячъ ворочавшій рыбликъ.

— Да нельзя жъ мнѣ и гривны вамъ уступить, Марко Данилычъ... Цѣна казенная... Какъ же это возможно? отвѣчалъ ему Чубаловъ.

— Ну ладно, казенная такъ казенная, пусть будетъ по твоему двадцать съ рублемъ, согласился наконецъ Смолакуровъ.—Только ужъ хочешь не хочешь, а на Божьемъ милосердіи—оно вѣдь не казенное,—рубличко со счетовъ скощу. Ты и не слорь. Не бывать тому, чтобъ ты хоть маленькой уступочки мнѣ не сдѣлалъ.

— Посмотримъ, поглядимъ, усмѣхнулся Герасимъ и опять сталъ на счетахъ выкладывать.—Полторы дюжины десятирику, да подуборныхъ—три рубля, говорилъ онъ, считая.

— Окстись, пріятель!.. Христось съ тобой! вскрикнулъ Марко Данилычъ съ притворнымъ удивленьемъ отступивъ отъ Чубалова шага на два.—Этакъ по твоему сотня-то безъ маалаго въ семнадцать рублей вѣдетъ... У Холуйскихъ богомазовъ такихъ иконъ—хоть пруды пруди, а мѣняютъ

они ихъ цѣлковыхъ по десяти за сотню да по девяти... Побойся Бога хоть маленько, землякъ!... Ужь больно ты въ цѣль-то зарываешься, дружище!.. А еще землякъ!... А еще сосѣдь!...

— Лѣтъ сорокъ тому за эти иконы точно что рублевъ по десяти, и даже по восьми бирали, а новѣ по пятнадцати да по пятнадцати съ полтиной. Сами отъ Холуйскихъ получаемъ. Пользы вѣдь тоже надо хоть немножко взять. Изъ-за чего-нибудь торгуемъ же и мы, Марко Давилычъ.

— Жила ты жила, грѣховодникъ ты этакой!.. вскрикнулъ Марко Давилычъ!—Бога не боишься, людей не стыдишься... Неправедну-то лухву съ чего берешь?... Подумаль ли о томъ?... Со святыни вѣдь!.. Съ Божьяго милосердія!.. Постыдись, братецъ ты мой!...

— А съ рыбы-то нешто не берете? усмѣхнувшись спросилъ Герасимъ?

— Ишь-ты! на всю лавку вскрикнулъ Марко Давилычъ.—Примѣнилъ избѣ къ Строгонову двору!.. Къ чему святыню-то примѣнилъ?... Хульникъ ты этакой!.. Припомнятъ тебѣ это слово на томъ свѣтѣ, припомнятъ!... Тамъ вѣдь, другъ ты мой любезный, на страшномъ-то судѣ Христовѣ всяко праздво слово взыщется, а не то чтобы хульное какое!.. Святыня иконы вдругъ къ рыбѣ примѣнилъ! Ахъ ты богохульникъ, богохульникъ!..

Битый часъ торговались. У обоихъ отъ спора даже во рту пересохло. Ровно благодати какой возрадовался Марко Давилычъ завидѣвъ проходившаго Платочнымъ рядомъ ларя: по поясу лубочный чересъ со стаканами, хрустальный кувшинъ въ рукѣ. Во всю ивановску кричить онъ:

— А вотъ малиновый хорошій, московскій килучій! Самый лучшій, съ игрой, съ иголкой — бьетъ въ носъ метелкой! Не льянъ да ядрѣнъ, въ стаканчикъ нальемъ!.. Налить что ли вашей милости съ?

Одинъ за другимъ четыре стакана „килучаго, самаго лучшаго“ вылилъ Марко Давилычъ, и только что маленько освѣжился, снова принялся торговаться. На сорока восьми рубляхъ поковчили таки.... Стали иконы подбирать—и прошло за этимъ не малое время. Каждую Смолокуровъ оглядывалъ и чуть на которой замѣчалъ самое маленькое, чуть-чуть видное лятвышко, либо царалинку, тотчасъ браковалъ икону, подавай ему другую безъ всякаго изъяну. Безъ малаго часъ

прошелъ за такой меледой, наконецъ отобрали все, уложили. Расплачиваться надо.

Вынулъ бумажникъ Марко Данилычъ, медленно порылся въ немъ, отыскалъ недоплаченный вексель Чубалова, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и спросилъ перо да чернилицу.

Чубаловъ подалъ.

— И это въ уплату залишемъ, сказалъ Смолокуровъ обмакивая перо. — Останется за тобой тридцать два рубля. Такъ али нѣтъ?

— Такъ точно, слегка нахмурясь, молвилъ Чубаловъ. — Только зачѣмъ же вамъ, Марко Данилычъ, утруждать себя лисаньемъ? Останнныя сейчасъ же отдамъ вашей милости какъ есть полной наличностью, а вы потрудитесь только мнѣ векселекъ возвратить.

— И такъ можно, сказалъ Марко Данилычъ, кладя на прилавокъ перо. — Я, братъ, человекъ сговорчивый, на все согласенъ, не то что ты — измучилъ меня торговавшись. Колѣтки одной не хотѣлъ уступить!.. Эхъ, ты!.. Совѣсть гдѣ у тебя?.. Забылъ видно что мы съ тобой земляки и сосѣди, прибавилъ онъ....

— Нельзя, Марко Данилычъ, Богу повѣрьте, не мнѣ, возразилъ Герасимъ Силычъ....

— Ну, ладно, ладно, Богъ ужъ съ тобой, сѣрдца на тебя не держу, сказалъ Самоквасовъ. — Неси а ты, носи остальные. Домой лора — щи простынуть....

— Сію минуту, молвилъ Чубаловъ, и пошелъ на веркъ въ палатку.

Подошелъ Марко Данилычъ къ тѣмъ совопросникамъ, что съ жаромъ, съ увлеченьемъ вели свой споръ отъ Писанія. Изъ нихъ молодой оказался половцемъ, а пожилой былъ по Спасову согласію и держался толка дрождниковъ, что лекутъ хлѣбы на квасной гущѣ, почитая хмѣлевья дрожди за скверну грѣховную.

— Да почему же не слѣдъ хлѣбъ на дрождяхъ вкушать? настойчиво спрашивалъ у дрождника полпвецъ.

— Потому и не слѣдъ, что дрожди пошли отъ діавола, отвѣчалъ дрождникъ. — На хмѣлю вѣдъ онъ?

— На хмѣлю

— Хмѣль-отъ кѣмъ сотворенъ?

— Творцомъ всяческихъ, Господомъ, отвѣчалъ молодой совопросникъ.

— Ахъ вѣтъ, возразилъ дрождникъ. — Не Господомъ сотворенъ, а бѣсомъ вырощенъ, на пагубу душамъ христіанскимъ и на вѣчную муку. Такжеде и табакъ, и губіна, сирѣчь картофель, и чай, и кофей—все то не Божье, а Сатанино творенье либо аггеловъ его. И дрожди хмѣлевья отъ него жь, врага Божія, потому ядый хлѣбъ на дрождахъ плоти Антихристовой приобщается, съ нимъ же и пребудеть во вѣки.... Такъ-то молодець!

— Покажи отъ Писанія! съ задоромъ отвѣчалъ ему на то молодой половець.

— Изволь, промолвилъ дрождникъ и вынувъ изъ-за пазухи рукописную тетрадку сталъ громогласно читать по ней: „...Сатана же завистию распалемъ, позавидѣ доброму дѣлу Божію и нача со бѣсы своими бесѣдовати како бы уловити родъ человѣческой во свою геенну лѣанствомъ, наилучче же вѣрныхъ христіанъ. И выступи единъ бѣсъ изъ темнаго и треклятаго собора ихъ, и тако возглагола Сатанъ: „азъ вѣдаю, господине, изъ чего сотворити лѣанство; знаю бо идѣ же оставя тоя трава, юже ты насадилъ еси на горахъ Аравитскихъ и прельсти до лотола жену Ноеву.... Пойду азъ и обрящу траву и прельщу человѣка.“ И возставъ Сатана со престола своего сквернаго и поклонися тому бѣсу, честь воздая ему и посади его на престолѣ своемъ... и нарече ему имя „лѣанный бѣсъ“. И научи той лѣанный бѣсъ человѣка како ростити солодъ и брагу дѣлати... Тако умудри его бѣсъ на погибель христіаномъ.“ *

— А какое жь то писаніе? Кто написалъ его? Въ коихъ лѣтѣхъ и кѣмъ то писаніе свидѣтельствовано?... Которымъ патріархомъ или какимъ соборомъ? настойчиво спрашивалъ у стараго дрождника молодой совопросникъ.

— Захотѣлъ ты въ наши послѣднія времена патріарховъ да соборовъ! съ укоризной и даже насмѣшливо отвѣчалъ ему дрождникъ. — Нѣшто не знаешь что со дней Никона благодать взята на небо, рассыпая чинъ освященія, Антихристъ всю вселенну поплѣни, и къ тому благочестіе на землѣ не возсіяетъ во вѣки....

— Не *Цептхикомъ*, что самъ можетъ написалъ, а отъ Писанія всеобдержнаго мнѣ доказывай. Покажи ты мнѣ въ

* Сказаніе „*О хмѣльномъ питіи*“ встрѣчается въ раскольничьихъ сборникахъ, не ранѣе однако начала XVIII столѣтія.

печатныхъ патріаршихъ книгахъ что яденіе дрождей мерзость есть предъ Господемъ.... Тѣмъ книгамъ только и можно въ этомъ разѣ повѣрить.—Такъ говорилъ, съ горячностью наступая на совопросника молодой половець. — Можешь ли доказать намъ отъ Святаго Писанія? съ жаромъ онъ приставалъ къ нему.

— Могу, спокойно отвѣчалъ дрождникъ. — Проклятіе на дрожди въ десятой каѳизмѣ положено, во псалмѣ Давыдовѣ: „Исловѣмся тебѣ Боже.“ Забылъ?... „Дрождіе его не изгидошася исліють вси грѣшніе земли.“ * Ну-ка, отвѣть, что сіи словеса означаютъ?

— Да гдѣ жъ тутъ проклятье-то? спросилъ нѣсколько озадаченный половець. — На дрожди-то проклятіе гдѣ? Проклятіе на дрожди покажь ты намъ!

— Изгидошася! Что означаетъ по твоему это слово? Какъ скажешь? спрашивалъ молодого сѣдоватый дрождникъ и проговорилъ онъ слова свои такъ властно и рѣшительно, будто на вселенскомъ соборѣ спорный вопросъ о догматѣ какомъ разрѣшилъ.

— Изгидошася?... Ты говоришь: „изгидошася“?... началъ было отвѣчать ему сильно смущенный неожиданнымъ вопросомъ половець. — А ну-ка самъ мнѣ скажи, что такое означаютъ тѣ святыя словеса Давыдовы?

— Изгидошася... рѣшительно сказалъ дрождникъ, будто тѣмъ словомъ истолковалъ все Писаніе.

— Да что жъ такое означаетъ то слово „изгидошася“? приставалъ къ нему рывый въ словопреніяхъ молодой, но много начитанный половець.

— То и означаетъ, что прокляты дрожди. Одно слово— „изгидошася“.... Понимаешь аль нѣтъ? свое толковалъ дрождникъ.—Изгидошася—проклято значитъ. Вотъ тебѣ и вся недолга.

И доспорились до раздраженья, особливо молодой. Глаза такъ и горятъ, лицо пылаетъ, кулаки сжаты, а что такое „изгидошася“ ни тотъ ни другой не разумѣютъ.

Таковы у раскольниковъ всегда богословскія пренія ихъ. Только и толковъ, только и споровъ, что можно ль квашни на хмѣлевымъ дрождахъ поставитъ, съ кожаной аль съ холъ

* По нынѣ употребляемому переводу вмѣсто „изгидошася“ — поставлено „истошася“.

щевой лѣстовкой свѣдуетъ Богу молиться, нужно ль ради спасенія души гугенцо выстригать на макушкѣ. А чаще и больше всего слоровъ ведется у нихъ про Антихриста, народился ль овъ проклятый, аль еще нѣтъ, и каковъ овъ собой: „чувственный“, то-есть съ руками, съ ногами, съ плотью и съ кровью, или только „духовный“ не видимый и не слышимый, значить, духомъ противленія Христу и соблазнами рода человѣческаго токмо живущій...

Много такихъ слоровъ, много и толковъ съиздавна идетъ ло Руси середь простаго народа... А сколько иногда въ тѣхъ слорахъ бываетъ ума, сколько начитанности, ловкости въ словопреніяхъ, сколько искусства!... И весь этотъ народный умъ дрождами, лѣстовками, да Антихристомъ занятъ!... Свѣту побольше даровитому, но сбитому съ толку простонародью!... А откуда взять того свѣта? Отъ земства что ли?.. Отъ поповъ?.. Иль отъ тѣхъ полоумныхъ что въ послѣдніе годы стали „въ народъ ходить“?..

Сопелъ съ верху Герасимъ Силычъ, подалъ деньги Смолокурову. Долго разглядывалъ Марко Давилычъ принесенную красненькую. И межъ пальцевъ-то теръ ее, и на свѣтъ-то смотрѣлъ; увѣрившись наконецъ что бумажка годна, сунулъ ее въ бумажникъ, а Чубалову отдалъ вексель. Взялъ Герасимъ Силычъ вексель, съ начала до конца внимательно два раза прочелъ его и увѣрившись наконецъ въ подлинности, надорвалъ.

— Ужо, послѣ вечерни прикащика съ записочкой пришлю, молвилъ Марко Давилычъ Чубалову.— Съ нимъ товаръ-отъ и отлуги.

Пошелъ было Смолокуровъ изъ лавки вонъ, но у дверей на ворохъ подержанныхъ книгъ гражданской печати наткнулся.

— Это что за хламъ у тебя тутъ навалѣнъ? спросилъ овъ Чубалова,— съ досадой толкнувъ коробъ ногою.

— Да такъ... Всяка всячина, разрозненная больше. А впрочемъ есть и хорошія книжки, молвилъ Герасимъ Силычъ.

— Я доселева и не зналъ, что ты беззастѣжными * торгуешь, замѣтилъ Смолокуровъ.

* Беззастѣжными раскольники зовутъ книги не духовнаго содержанія, переплетаемыя обыкновенно безъ застежекъ.

— Не торгую и есть, отвѣтилъ Чубаловъ.—А ежели подь руку что поладется, отчего жь и не взять? И на нихъ и ну пору бываютъ охотники...

Посмотрѣлъ Марко Давилычъ, видитъ однѣ не при немъ писаны, * другія что-то больно ужь мудрены... Нѣсколь-ко путешествій попалось, исторій. Вспомнилъ что Думюш-кинъ учитель такіа совѣтывалъ ей покулатъ, вспомнилъ и то что она любитъ ихъ. Отобралъ дюжины двѣ, спросилъ у Чубалова:

— Что возьмешь?

— Все чехомъ берите — уступлю, молвилъ Чубаловъ ве-брежно переглядывая отобранныя Смолокуровымъ книги.

— Сколько всѣхъ-то? спросилъ Марко Давилычъ.

— За сотню наберется, отвѣчалъ Чубаловъ.

— Сколько станешь просить? прищурясь и похлопывая ладонью по книгамъ спросилъ Смолокуровъ.

— А вы что пожалуете? въ свою очередь спросилъ Ге-расимъ Силычъ.

— Рубликъ.

— Что это вы, Марко Давилычъ? усмѣхнулся Чубаловъ.— По колѣикѣ за книгу, да еще поменѣ того жалуете! Нѣтъ, сударь, ежели телерича на подвертку свѣчь ихъ продать, аль охотникамъ на ружейны патроны, такъ и тутъ больше пользы получишь. Дешевле лареной рѣлы желаете купить!... Вѣдь тоже какія ни на есть да книги... Тоже бумага, печать, переплетъ.... Помилуйте!..

— Да что тебѣ въ нихъ? Мѣсто только занимаютъ... Съ ярманки поѣдешь за провозъ лишни деньги заллатишь, вотъ и вся отъ нихъ польза тебѣ, говорилъ Марко Давилычъ, отирая о полы сертука залившіяся отъ книгъ руки.— Олять же дрянъ все, самъ говоришь что разрознены... А въ ихъ пожалуй и листовъ половины нѣтъ.

— Не всѣ жь безъ листовъ, не всѣ и разбиты; есть тоже и цѣльныя, сказалъ на то Чубаловъ.—И много занятныхъ книжекъ тутъ есть. Вотъ вы какъ-то говорили мнѣ что любите путешествія по разнымъ землямъ на досугѣ почитывать. Вотъ вамъ *Омаровы Путешествія* двѣ части, говорилъ Герасимъ Силычъ хлопнувъ книга о книгу.— А вотъ вамъ и *Путешествіе младаго Костиса*. Вотъ коль въ угоду театраль-

* На иностранныхъ языкахъ.

вотъ и романы. * Вотъ *Садовникъ городской и деревенскій*, по части цвѣтковъ значить, а вотъ *Коновальъ городской и деревенскій*—полезная книга, ежели у кого лошадка захвораетъ... *Торжество Благодѣяннѣ*. ** Книги все полезныя, занимательныя. А французскихъ-то сколько! Можетъ которы изъ нихъ и рѣдкостныя. Ежели на знающаго человѣка—хорошія деньги можно взять.

— Ихъ мнѣ и даромъ не надо. На кой шутъ?.. Кому читать-то? сказалъ Марко Давилычъ.

— Это ужъ ваше дѣло, молвилъ Чубаловъ, продолжая вынимать одну книгу за другой.—А все жъ-таки хоша книга и французская, за копѣйку ее нигдѣ не купишь. Кого хотите спросите...

— Да ты толкомъ говори, настоящую значить цѣну сказывай, перервалъ его Смолокуровъ.

— Рубликовъ двадцать надо бы за весь-отъ коробъ получить, склонивъ мемножко на сторону голову и смотря прямо въ глаза Марку Давилычу, въ полголоса промолвилъ Герасимъ Силычъ.

— Съ ума спятилъ? вскрикнулъ Смолокуровъ, и такъ вскрикнулъ что всѣ сколько ни было въ лавкѣ народу, обернулись на такого сердитаго покупателя.—По двугривенному за дрянъ хочешь взять! ни мало не смущаясь продолжалъ Марко Давилычъ.—Окстись, братецъ!.. Экъ что вздумалъ!.. Ты бы лучше сто рублей запросилъ, еще бы смѣшнѣй вышло.... Шутникъ ты, я вижу, братецъ ты мой!.. Да еще шутникъ-отъ какой!.. На рѣдкость!

— Какая жъ ваша-то настоящая цѣна будетъ? спросилъ Чубаловъ.

* Грамотное простонародье, и даже заходустное чиновничество, особливо вышедшее изъ семинарій, всегда говоритъ *романъ* вмѣсто *романа*. И это идетъ съ прошлаго вѣка. Долго мнѣ думалось, откуда сіе. Узналъ недавно, увидавъ любопытный документъ прошлаго столѣтнѣ. Нѣкто изъ митроносцевъ писалъ, „келейнѣ“ впрочемъ, что сѣдуетъ говорить „*романъ*“, дабы отащитъ названіе богомерзкаго писанія отъ христіанскаго имени *Романъ*...

** *Оларовы путешествія*, 2 части. Москва, 1819, и *Путешествія младаго Костиса*. Спб. 1801. Обѣ мистическаго содержанія. Сочиненія Эккартегаузена. Остальныя книги прошлаго столѣтнѣ не мистическія.

— Сказана цѣна, полущки не накину, отвѣтилъ Марко Данилычъ.

— За десять рубликовъ извольте получать ежели угодно... сказалъ Чубаловъ.

— Нѣтъ, братъ, видно лѣва съ тобой не сварись, да и мѣѣ не время у тебя проклажаться. Ци, говорю тебѣ, простынуть... Прощай Герасимъ Силычъ.... Такъ я около вечерень за иконами-то пришло. Съ залиской. Безъ залиски не отдавай никому.

И пошелъ было вонъ изъ лавки.

— Да купите книжки-то, Марко Данилычъ, удержалъ его Чубаловъ. — Повѣрьте слову, книжки хорошия. Съ охотника, ежели бѣ подвернулся — втрое бы, вчетверо взял. Вы посмотрите: *Угрозъ Свѣтовостоковъ** — будь эти книжки вполнѣ, да за нихъ бы мало двадцати рублей взять, потому книги рѣдкостныя, да вотъ бѣда что лять книжекъ въ недостаѣ.... Отъ того и цѣна имъ теперь другая.

Снова лошаи торговаться и долго торговались. Наконецъ Марко Данилычъ весь коробъ купилъ даже съ французскими. „Въ домашнемъ обиходѣ, сказалъ онъ, на что-нибудь пригодятся. Жаль что листики-то маловаты, а то бы стрелухъ на лироги годны были.“

Въ купленномъ коробѣ нашлось довольно мистическихъ книгъ, выходившихъ у насъ въ свѣтъ въ Екатерининское время, а еще больше въ началѣ нынѣшняго столѣтїя. Тогда не только печатались переводы Бема, Ламотъ-Гювъ, Юга Штиллинга, Эккаратсгаузена, но даже издавался особый мистическїй журналъ *Сїонскїй Вѣстникъ*. Все это хоть и было писано языкомъ затемненнымъ, однако въ большомъ количествѣ проникало въ полуграмотное простонародье. Городскїе деревенскїе грамотеи читали тѣ книги ^с съ большою охотой, нравилось имъ ломать голову надъ „неудобъ понимаемыми рѣчами“, судить, рядить объ нихъ въ дружескихъ бесѣдахъ, толковать вкривъ и вкось. Въ искреннемъ убѣжденїи полагали тѣ грамотеи, что читая тѣ книги проникаютъ они въ самую глубину человѣческой мудрости. И теперь еще можно найти въ какомъ-нибудь мѣщанскомъ или крестьянскомъ домѣ

* *Угрозъ Свѣтовостоковъ*, 30 небольшихъ книжекъ, сочиненїя Юга Штиллинга. Слб. 1806—1816. Мистическая.

ивныя изъ тѣхъ книгъ, ставшихъ большою рѣдкостью. Особенно эти книги держатся у молоканъ да у приверженцевъ разныхъ отраслей хлыстовщины. Иныя начитавшися тѣхъ мистическихъ книгъ вступали въ „корабли людей Божьихъ“. * Хлыстовскіе учителя и пророки, въ изступленныхъ своихъ рѣчахъ и въ писанныхъ сочиненіяхъ, ссылались на тѣ книги. ** Начитавшіеся *Сіонскаго Вѣстника* образовали даже особую секту „Сіонскую Церковь“ или „Десныхъ Христіанъ“. Эти десные христіане зовутся также и „Лабзинцами“, по имени издателя того журнала.

Привезъ Марко Давидычъ коробъ на квартиру и тотчасъ Дуню позвалъ. Вышла она къ отцу задумчивая, невеселая.

— Что ты все хмуришься, голубка моя?.. Что глядишь осеннимъ днемъ? съ нѣжностью спрашивалъ у дочери Марко Давидычъ, обнимая ее и цѣлуя въ лобъ.—Посмотрю какъ я на тебя, ходишь ты ровно въ воду олуцѣнная.... Чтò съ тобой, моя ясынька?.. Не утай отъ отца, молви словечко, чтò у тебя на душѣ, сокровище мое.

— Скучно мнѣ, тятенька... Домой бы скорѣй, склоня русую головку на плечо отцовское, тихо, грустно промолвила Дуня.

— Послѣзавтра безпремѣнно выѣдемъ, глядя дочь по головкѣ сказалъ ей Марко Давидычъ.—Да здѣсь-то съ чего на тебя скука напала? Ни развеселить, ни потѣшить тебя ничѣмъ невозможно... Особенныхъ мыслей какихъ не держишь ли ты на умѣ?.. Такъ скажи мнѣ, откройся... Аль не знаешь каково я люблю тебя, мою ластушку?

* Такъ называются общины хлыстовъ.

** Напримѣръ Василіи Радаевъ, хлыстоу арзамасскихъ хлыстовъ, въ 1849 году писалъ къ приходскому священнику села Мотовилова, ссылаясь на „сочиненія госпожи Гіонъ“. У хлыстовъ московскихъ рязанскихъ, калужскихъ, самарскихъ, находили названные здѣсь книги, а также: *Облако надъ святилищемъ* Экартсгаузена. Спб. 1803. *Ключъ къ таинствамъ природы*, его же, 4 части, сочиненіе имѣвшее два изданія въ Петербургѣ въ 1804 и 1820, 1821 годахъ. *Тоска по отчизнѣ*, сочиненіе Юнга Штудлинга, въ переводѣ Дубянскаго. Спб. 1816. *Побѣдная повѣсть*, также Юнга Штудлинга. Спб. 1815. *Изъясненіе на Апокалипсисъ* гжи Гіонъ. Москва. 1816 и другія. У молоканъ тѣ книги также въ большомъ почетѣ.

— Знаю, тятя, знаю, крѣлко къ отцу прижимаясь въ полголоса молвила Дуня.

— Зачѣмъ же таишься? Вѣрно есть на душѣ что-нибудь, заботливо говорилъ Марко Давилычъ смущенной его словами дочери.

— Ничего нѣтъ, потуля глаза отвѣтила Дуня.—Просто такъ скучно...

— А я тебѣ отъ скуки гостинца привезъ, молвилъ Марко Давилычъ, указывая на коробъ.—Гляди что книгъ-то—надолго станетъ тебѣ ихъ. Больше сотни. По случаю купилъ.

Недовѣрчиво взглянула Дуня на закрытый коробъ. Марья Ивановна и ея рѣчи о книгахъ припомнились ей. Однакожь велѣла перетащить коробъ къ себѣ въ комнату.

Только-что отобѣдали Дуня за книги. Стала ихъ разбирать.

„Французская, еще французская, откладывая первая попавшіяся подъ руку книги, говорила она сама съ собой... Можетъ-быть тутъ и такія что Марья Ивановна поминала... Да какъ ихъ узнаешь? И какъ понять что въ нихъ писано?... *Удольфскія Таинства*, романъ госложи Коттень.... Романъ.“

И съ отвращеньемъ бросила въ сторону книгу.

„Опять романъ, опять... опять, продолжая кидать книги въ уголь, думала Дуня. И на что это тятенька накупилъ ихъ?... Ядъ, сѣти раскинутыя врагомъ Божиимъ, такъ говорила Марья Ивановна... Въ руки ихъ не возьму!... Выкинуть ихъ, либо въ печкѣ сожечь!... Праху чтобъ отъ нихъ не осталось!... Комедія, комедія, — все театральныя... Такія жь!... Была я въ театрѣ, глядѣла, слушала... И тамъ все про одну вечистую любовь говорится... Вотъ тетенька-то Дарья Сергѣевна говоритъ что театръ поставленъ бѣсамъ на служенье... Вѣрно, вѣрно!... Сама Марья Ивановна такъ скажетъ.... Да, бѣсы, бѣсы, враги Божіи!... Они, они!“

И полетѣли въ уголь театральныя книги.

„*Домашній Лѣчебникъ*... Эта пригодится, занеможетъ когда кто.... *Полная поваренная книга*, — тетенькѣ отдамъ, ей пригодится... *Исторія Елизаветы, королевы Англійской*, — можно будетъ прочесть.... *Лейнардъ и Термильдъ или злосчастная судьба двухъ любовниковъ*...“ *

Молча разорвала книгу, молча метнула обрывки ея подъ диванъ.

* Книги напечатанныя въ концѣ прошлаго столѣтія.

„Зачѣмъ накупишь такихъ? Зачѣмъ?.. Книги лагубныя!.. Отъ врага!.. Грѣшно и въ руки ихъ брать... Это еще что? Путешествія,—ну, вотъ это хорошо, за это тятѣ спасибо... *Путешествіе въ Западную Индію*,—прочитаю... *Путешествіе г. Вальена*... съ картинками.“

И взглянувъ за тѣмъ на одну книгу, вскочила со стула и вскрикнула отъ радости. *Путешествіе младаго Костиса*... Хвалила ту книгу Марья Ивановна, прислать обѣщалась.

И тотчасъ привялась за чтеніе. Прочла страницу, другую,—плохо понимаетъ. „Ничего, ничего, бодрить себя Дуня Марья Ивановна говорила что эту книгу сразу ловить нельзя, много разъ велѣла читать и каждое слово обдумывать.“

До поздняго вечера просидѣла она надъ Костисомъ.

И съ тѣхъ поръ дни и ночи стала Дуня просиживать надъ мистическими книгами. По совѣту Марьи Ивановны, она читала ихъ по нѣскольку разъ и вдумывалась въ каждое слово.... Показалось ей наконецъ что она понимаетъ любезныя книги, и тогда совсѣмъ погрузилась въ нихъ. Мало кто отъ нея съ тѣхъ поръ и рѣчей слышалъ. Марко Давылычъ глядя на Дуню сталъ крѣпко задумываться.

L.

Чуть брежжится сырое, холодное утро. Темно-сѣрыми тучами кроется небо, кругомъ къ непогодѣ его замолаживается. * Бѣлымъ туманомъ дымятся поля, луга и болота, ровно сквозь лѣдымокъ ** тускло виднѣется издали лѣсъ. Намокшія травы низко склонились къ землѣ, все живое примолкло, притихло, лишь изрѣдка на роняющей желтыя листья березѣ отчаянно закаркаетъ мокрая ворона, либо сѣрый, лѣтомъ отъѣвшійся русакъ, весь осклизлый отъ мокрети, высунетъ, прядая ушами, головку изъ растрепаннаго вѣтромъ, полузасохшаго бурьяна и, заслышавъ вдали толотъ лошадиныхъ копытъ, стремглавъ метнется въ сторону и съ быстротой вольнаго вѣтра клубомъ покатится по полю, направляя лугливый бѣгъ къ перелѣску.

* *Замолаживать*—заволакивать тучами, клониться къ ненастью (говоря о небѣ).

** *Лѣдыме, лѣдымокъ*—игла, сухой туманъ, дымъ занесенный съ дальнихъ лѣсныхъ пожаровъ.

По грязному скользкому проселку медленно катятся густо облитшія глиной колеса небольшой телѣжки, запряженной парой добровѣжихъ, но притомленныхъ и припотѣвшихъ коней. Въ той телѣжкѣ, плотно укутавшись въ синій суконный, забрызганный грязью чекменьъ, * всѣмъ тѣломъ дрожа отъ сырости и студенаго вѣтра, ежился и покачивался дремавшій Самоквасовъ. При каждомъ встрѣчномъ толчкѣ Петръ Степанычъ пробуждался изъ забытья, но оглянувшись по сторонамъ, опять закрывалъ глаза, еще больше нахлобучивалъ шалку и, склоняя ниже и ниже сонную голову, снова погружался въ дремоту. Истомила его холодная, безсонная, многодумная ночь.

Заутреню долѣвали въ моленныхъ и часовняхъ скита Комаровскаго когда Петръ Степанычъ подѣвжалъ къ Каменному Вражку.

— Въ кою обитель вѣзжать? спросилъ у него полусонный, тоже продрогшій ямщикъ, поворачиваясь спиной противъ вѣтра и лѣнливо помахивая коротелькимъ кнутовищемъ надъ усталыми лошадами.

Вопросъ ямщика въ распахъ засталъ Петра Степаныча. До тѣхъ поръ онъ еще не подумалъ у кого пристать въ Комаровѣ... Не то на мысляхъ у него носилось — Фленушка всю дорогу съ ума не сходила. Теперь сталъ разсуждать самъ съ собою: „У Бояриныхъ пристать безъ матери Таисіи не годится, — празднаго, лишняго говору много пойдетъ. Къ Манеинымъ вѣхать никакъ невозможно, — кто ихъ знаетъ что тамъ творится, о чемъ говорится, почему знать какъ встрѣтитъ Манею? Прежде чѣмъ свидѣться съ ней, надо осторожно, съ оглядкой, кой-что стороною разузнать... У кривой Измарагды пристать, аль у толстухи Евтропціи, у Глафириныхъ, у Московкиныхъ? Такъ всѣ онъ теперь изъ-за этихъ елисколовъ не въ добрыхъ ладахъ съ Манеиными, — истинной правды тамъ не добьешься... Другія обители скудны, въ тягость имъ будешь... И то надо взять что Разсохины, Налольная, Марѣина, Зарѣчная, изъ Манеиной воли не выходятъ, правды не скажутъ и тамъ...

* *Чекменьъ* — короткій полукафтаны съ перехватомъ, обычная осенняя, а иной разъ и зимняя верхняя одежда зажиточныхъ молодыхъ людей въ Поволжьѣ и восточныхъ губерніяхъ. На Дону, на Уралѣ и по линейнымъ станицамъ чекменемъ зовутъ казакскій кафтанъ.

Лучше у кого-нибудь изъ „сиротъ“... У кого бы?.. А!.. Совсѣмъ было вонъ изъ ума!.. Иконникъ-отъ на что? Ермила-отъ Матвѣичъ?.. Домъ большой у него, помѣстительный, и хоть обѣдать самъ шестнадцать садится, а мѣстечко найдеть для меня, отведеть каморочку не хуже обительской свѣтелки.“

— Куда жь везти-то, господня честной? громко повторилъ свой вопросъ продрогшій ямщикъ, расталкивая Петра Степановича.

Выпрямился Самоквасовъ, зѣвнулъ, слегка потянулся, и спросилъ у извозчика:

— Сурмица иконника знаешь?

— Ермилу-то Матвѣича?

— Да.

— Какъ не знать Ермилу Матвѣича? Достаточно извѣстны.

— Къ нему.

— Ладно, молвилъ ямщикъ и, обдврясь, хлестнулъ жо лошадамъ, прикрикнувъ: „эхъ вы сердечныя!“ Своротилъ онъ налѣво и кривыми закоулками доѣхалъ до построеннаго на скитскій ладъ дома, съ раскрашенными ставнями, съ узорчатой рѣзбой надъ окнами. Передъ тѣмъ домомъ длиннымъ рядомъ стояли лустыя кадки и пересѣвки.* Хотя ранъ была еще на дворѣ, но коренастый, сѣдовласый Сурмица и пятеро его сыновей, съ бочарными теслами** въ рукахъ, дружно работали набивая обручи на разошшіяся кадки. Матери, не зная доподлинно, разгонять ихъ до зимы аль не разгонять, помнили что на Сергіевъ день*** по старымъ обычаямъ надо непременно капусту рубить. Кромѣ того отъ благодѣтелей съ ярманки рыбки онѣ ожидали про зимній запасъ, стало-быть и подъ капусту и для рыбнаго посола надо пересѣвки исправить. А по всему Комарову набивать обручи одинъ только Сурмица умѣлъ. Былъ онъ въ томъ многолюдномъ скиту не только бондаремъ, но и мастеромъ на всѣ руки. Въ деревенскомъ обиходѣ досужество его было бѣ ложалуй излишне, но для быта обительскихъ старицъ необ-

* Пересѣкъ, перерѣзъ, обрѣзъ, перерубъ, полубочье—кадка изъ распиленной пополамъ бочки.

** Тесло (отъ тесать)—топоръ съ лезомъ поперекъ топорнища, какъ у мотыги или у кирки. Бочарное тесло — маленькое и желобковатое.

*** 25го сентября.

ходимо. Икону ль написать, повѣтшалую ль поновить, кацею иль другую мѣдную вещь слаять, книгу перелаять, стѣнные часы починить, а по надобности и новые собрать, самоваръ выудить, стекла вставить, рѣзбу по дереву вырѣзать и даже лозолотить ее, лостолярничать, помаллярничать, башмаки, коты, черевки поправить,—на все горазды и самъ Ермиль и его сыновья. И кузнечили ежели надобность бывала,—возлѣ самой верхотины Каменнаго Вражка кузница у нихъ стояла. Самъ родомъ съ Горь, дѣтъ ужъ тридцать живетъ Сурмиль „сиротой“ въ Комаровѣ.* Жена у него, трое сымовъ женатыхъ, да двое холостыхъ, дочерей три невѣсты, да трое внучать. Семья не малая, но совѣтная, любовная, завсегда въ ней тишь да крышь, миръ да ладъ, да Божья благодать. И любовно и грозно держалъ свою семью Ермило Матвѣичъ; съ разумомъ правилъ хозяйствомъ.

— Здорово Ермило Матвѣичъ! крикнулъ Самоквасовъ, поправлявшись съ Сурмиными.

— Ваше стеленство!.. Петръ Стеланычъ!.. Какими судьбами олять въ наши лалестимы? ласково, даже радостно отозвался ему Ермило Матвѣичъ.

— Дѣлшки тогда не совсѣмъ съ матерями покончилъ, сказалъ Самоквасовъ. — Додѣлать заѣхалъ.

— Доброе дѣло, молвилъ Сурмиль. — Всяко дѣло концомъ хорошо. Дѣло безъ конца что кобыла безъ хвоста.... Къ кому изъ матерей?

— Да я признаться не къ нимъ нынѣшній разъ думалъ взѣхать, сказалъ Самоквасовъ. — Генерала ждуть онѣ что ѣдетъ скиты повѣрять. Ежели онѣ застанетъ меня въ которой обители, и самъ въ бѣду попадешь, и на матерей лишню обиду наведешь...

— Вѣрно, согласился Сурмиль и положивъ тесло на дво опрокинутой кадки, примолвилъ:—къ намъ милости просимъ, мѣсто найдется, ежели не побрезгуете.

— Просить хотѣлъ о томъ тебя, Ермило Матвѣичъ,—сдѣлай милость, пусти не на долгое время, сказалъ Петръ Стеланычъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! Хоть всю очень гостѣ, и зимы прихвати—радеховъки будемъ, примолвилъ

* Въ скитахъ всѣ живущіе своимъ хозяйствомъ внѣ обителей и нищѣ и богачи одинаково зовутся „сиротами“.

Сурми́нъ выѣзжавшему изъ тележки Самоквасову. — Андрей, обратился онъ къ старшему сыну, — вели своей хозяйкѣ свѣтелку для гостя прибрать, а Наталья молви самоваръ бы ставила, да чай въ мастерской собрала бы. Милости просимъ, Петръ Степанычъ, пожалуйте ваше степенство, а ты, Сережа, тащи въ свѣтелку чемоданъ, приказывалъ другому сыну Ермило Матвѣичъ.

Домъ у него былъ построенъ по-скитски — со свѣтлицами, съ боковушами, со множествомъ чулановъ и солнышей, со свѣтлыми и темными переходами и проходами, съ подкѣвтной теллой волокушей и съ холоднымъ лѣтникомъ на чердакѣ — какъ есть обительская „стая“.* Мастерская пристроенная къ жилой ставъ лицомъ въ огородъ, была обширна и отдѣлялась отъ большой избы и горницъ невеликими сѣвцами. Та мастерская была также по-скитски построена — ни дать ни взять обительская келарня, только безъ столовъ, безъ скамей, безъ наложь передъ божницей. Стоялъ въ ней токарный станокъ, возлѣ него съ одной стороны столъ со слесарными снарядами, съ другой столярный верстакъ, въ углу у окна кожей обитый ящикъ** для чинки и сборки часовъ, къ печи приставленъ небольшой горнъ съ раздувальнымъ мѣхомъ для лавки, литья, лаянья и для полуды, у другаго окна стоятъ на свѣту два пристолья*** для рѣзбы и золоченья, а по полкамъ разставлены заготовленные яконы и разная утварь дожидавшая очереди для починки или передѣлки. Въ ту мастерскую всякаго рода ремесла ввелъ гостя Сурми́нъ. Скинувъ загрязненный чекмень и умывшись, Петръ Степанычъ сидя у окошка въ ожиданьи самовара сталъ бесѣдовать съ радушнымъ хозяиномъ.

— Вѣдь это Манеевна обитель? спросилъ онъ указывая

* Въ сѣверо-восточной Россіи *солнышемъ, шолнышемъ, шолмышемъ* зовутъ „бабій уголъ“, „страпной куть“ — комнату въ избѣ за перегородкой, возлѣ устья печи; но въ скитахъ солнышемъ зовутъ всякую комнату окнами на полдень. *Волокуша* — подкѣвтъ съ печкой подъ жилыми покоями, *лѣтникъ* — то же что свѣтлица — комната для лѣтнаго только житья, безъ печи. *Стая* — нѣскольکو избъ поставленныхъ одна возлѣ другой и соединенныхъ между собой сѣнами и переходами (корридорами).

** Покатый столъ.

*** *Пристолье* — столъ равной съ подоковникомъ вышины, приставленный къ нему.

на строеья что возвышались надъ заборомъ Сурминскаго обширнаго огорода.

— Ея, отвѣтилъ Ермило Матвѣичъ.— Да вотъ ломать обирается. Въ городѣ мѣстовъ накупила, загода хочеть до выгонки туда перѣхвать... Сказываютъ, выгонки намъ ни коимъ образомъ не миновать. Такое горе!..

— Тебѣ-то, Ермило Матвѣичъ, какое тутъ горе? молвилъ Самоквасовъ.— Ты не старецъ, твой домъ не обитель, не тронуть тебя.

— Тронуть-то не тронуть. Это такъ, вѣрно, сумрачно отвѣчалъ Сурминъ.— А придется и мнѣ покидать насиженно мѣсто, въ городъ что ль перебираться. Ежели разгонять всѣхъ матерей, какая мнѣ будетъ здѣсь работа? Съ голоду помрешь тогда на безлюдьи... Призваться и я, какъ Манева же, мѣстечкѣ въ городу прискалъ.

— Что жь, молвилъ Самоквасовъ.— Въ городѣ больше будетъ работы.

— Богъ ее знаетъ больше ли будетъ, отвѣтилъ Сурминъ.— Часовщикъ тамъ есть, залправскій часовщикъ, не то что мы съ Андрюхой, и карманные чинить да собираетъ, не то что стѣнные; слесарей тамъ четверо, серебряникъ есть, столяръ трое; иконописцевъ правда что нѣтъ, да вѣдь на оныхъ иконахъ далеко не увидишь, особенно ежели теперь часовки вездѣ порѣшчатъ. Опять же здѣсь у меня промыселъ вольный, а тамъ въ цехъ залишишь, да лошмины плати, да опричь того поземельныя. Тяжеленько будетъ, ваше стелество, Петръ Степанычъ, охъ, какъ тяжеленько!

— Да, согласился Самоквасовъ,—расходовъ прибудеть.

— Да такъ, сударь, прибудеть что не знаи какъ и справлюсь при такой семьицѣ, сказалъ на то Сурминъ.— Здѣсь подъ бокомъ у матерей, надо правду говорить, житье намъ—приволье, а тамъ еще Господь вѣдаетъ каково оно будетъ... Не къ добру, сударь, вздумали эту выгонку. Матерямъ что! У матерей по кубышкамъ довольно. Станеть на что вѣкъ доживать... То бы кажись надо было въ расчетъ взять, что вокругъ каждаго скита по скольку деревень кормится... Зѣмли здѣсь знаете каковы, безъ промысловъ мужикудохнуть нельзя, а промыслы-то всѣ по скитамъ. Разгонять матерей, чѣмъ мужикамъ будетъ кормиться? За новы промысла принимать?... Такъ къ новымъ-то промысламъ не легко привыкать. Въ пять лѣтъ не устроишь новаго хозяйства, а въ пять-то годовъ можно легко до сумы дойти... Хоша теперь

и много окольныхъ крестьянъ въ хорошихъ достаткахъ живутъ, а залежныхъ денегъ почитай нѣтъ ни у единого... Крутыя, сударь, времена подходятъ.... Крутыя времена!...

И призадумался Ермилъ Сурминый.

— Чтò матушка Манеѣа? поелъ недолгаго молчанья смòтрянъ въ окно на ея обитель спросилъ Петръ Степанычъ. — Слышалъ я что хвораеть все.

— Не богата здоровьемъ, молвилъ Ермилъ Матвѣичъ. — А впрочемъ старица твердая. По мòему разсужденью какія бы бѣды ей впереди ни были на роду написаны,—до ста годовъ проскрипитъ... Плотію хоша немощна, за то духомъ ухъ какая крѣпкая! Кремень старица, какъ есть желѣзная!...

— Флеушка слышь у нея тоже не больно здорова? спросилъ Петръ Степанычъ отвернувшись отъ хозяина и глядя въ окошко.—Таисѣю Бояркиныхъ видѣлъ на дняхъ у Марья, она говорила.

— Кажись бы ничего, отвѣтилъ Ермилъ Матвѣичъ.—Вечоръ къ мопмъ дѣвкамъ Манеѣины бѣлицы забѣгали, ничего про то не сказывали.

Чуть-чуть отлегло отъ сердца у Петра Степаныча, но не севсьмъ успокоили его слова Сурмина. Зналъ онъ что Флеушка если захочеть—на людяхъ будетъ одна, дома другая.

— У кихъ слышь тутъ приключенья разныя были? сказалъ Самоквасовъ, попрежнему глядя въ окошко.

— Ужь именно приключенія, отвѣтилъ съ улыбкой Ермилъ Матвѣичъ. — Заразъ двухъ невѣсть сварядила обитель: Марья Гавриловна сама уѣхала да замужъ вышла, племянницу матушкину силкомъ выкрали да съ архіерейскимъ носломъ повѣнчали... Того и гляди чтобъ и Флеушка съ Марьей головницей не уелетнули.

— Ужь будто и Флеушка? быстро оборотась къ хозяину, сказалъ Самоквасовъ.

— Дѣвка бозорь, отъ нея все можетъ статься, молвилъ Ермилъ Матвѣичъ. — Бѣдовая! Я такъ полагаю, что ежели онъ теперь въ городъ переѣдутъ, она безремѣнно замужъ тамъ выскочитъ. Не черницей дѣвка глядитъ, не на иночество смотритъ.

И сколько ни спрашивалъ Сурмина Петръ Степанычъ про Флеушку, новаго ничего отъ него не узналъ. „Не вретъ ли Таисея? подумалъ онъ, вѣдь эти матери судачить да сѣторить мастерицы. Того навьдумаютъ, чего никто и во снахъ не видалъ.“

— А какъ матушка Манеѳа на счетъ этихъ свадебъ? спросилъ Петръ Степанычъ.

— Что жь ей? Не обительскія сбѣжали, отвѣчалъ Ермилъ Матвѣичъ.—Одна своимъ домою жила, другая гостила, обѣ мірскія.... Да хоша бѣ и обительскія?... Гдѣ, въ какомъ скиту, въ какой обители того не случилось? А у нихъ въ Манеѳиноу то-есть обители, и такія дѣла бывали что сами игуменьи замужъ сбѣгивали. Передъ Манеѳою-то у нихъ мать Екатерина въ игуменьяхъ сидѣла, а передъ ней Вѣра Іевлевна. Обителью цѣлый годъ правила, да и сбѣжала съ игуменства, а послѣ того дошли слухи, что ловѣчалась.... И то сказать, чѣмъ бѣлицамъ сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ бѣловаться, не въ примѣръ лучше замужъ выходить.... Тутъ по крайней мѣрѣ законъ. А то чего-то, чего у нихъ ни бываетъ!... Особенно когда вашей братии молодыхъ благодѣтелей сюда понаѣдетъ. Тутъ ужъ только знай да прималчивай, гляди да не разглядывай.... усмѣхнувшись прибавилъ Сурминъ.

Ни слова Самоковасовъ на то не отвѣтилъ.

— А знаете ли что, Петръ Степанычъ? немного погоды сказалъ Ермилъ Матвѣичъ.—Какъ племянницу-то у Манеѳы умчали, такъ вѣдь мы на васъ съ первоначалу-то думали. Да ужъ послѣ того, дней этакъ черезъ пятокъ, узнаемъ что это дѣло архіерейскій посланникъ сострелялъ, а потомъ слышимъ что самъ невѣстинъ родитель ту свадьбу уходомъ устроилъ. Недѣли двѣ тому назадъ въ Городцѣ на базарѣ съ нимъ видѣлся я—хохочетъ надъ Манеѳою, помираетъ со смѣху.... А какъ подумаешь—зачѣмъ бы кажись ему на такія дѣла подыматься? Выдалъ бы дочку честью, какъ водится — такъ нѣтъ, вотъ люди ты съ нимъ.... Озорной, даромъ что голову-то ужъ инеемъ лобило. Тогда, какъ на Петровъ-отъ день вы у Манеѳы гостили, онъ слышь всѣ эти дѣла и подстроилъ.... И лошади-то, слышь, его на подхватъ невѣсты были высланы.... Потѣшный!...

— А какъ у васъ про Фленушку говорятъ? Причастна къ тому дѣлу была али нѣтъ? спросилъ Петръ Степанычъ.

— Говорить-то всѣ говорятъ, что она тутъ ни при чемъ, да я мало тому вѣры даю.... Не такая дѣвка, чтобъ въ эдако дѣло не влутаться. Добра, а ужъ такая озорная, такая баломутка, что другой такой нигдѣ не сыскать, отвѣчалъ на то Сурминъ.

Налившись чаю Ермилъ Матвѣичъ проводилъ гостя въ

приготовленную свѣтелку, что была надъ мастерской, и наказавъ старшей своихъ сготовить хорошій обѣдъ пошелъ благодарничать. Петръ Степанычъ оставшись одинъ долго стоялъ у окна, глядя на Манеѣину обитель. Фаенушкина горница была прямо передъ нимъ, ставни были ужъ растворены, но внутри горницъ черезъ бѣлая занавѣски ничего не было видно. На обительскомъ дворѣ было пустеховько, лишь у крыльца келарни двѣ дебѣлыя, здоровенныя бѣлицы перемывали кадки, да на конномъ дворѣ колошился надъ дорожкой кибиткой конюхъ Дементій.... Моросилъ дождикъ—вездѣ пусто, вездѣ тихо, только удары бовдарей слышались издали. „Можетъ-быть все вздоръ, однѣ только выдумки матери Таусѣи“, думалъ Петръ Степанычъ, и прилежъ на высоко взбитый пуховикъ. „Немного погода схожу къ Бояркинымъ, тамъ съ Ираидой либо съ Арсеніей повидаюсь, авось отъ нихъ что-нибудь разузнаю.“

Но сонъ сломилъ усталого съ дороги и проспалъ Петръ Степанычъ до самаго полудня, проспалъ бы и дольше, да Сурмиѣвъ пришелъ гостя обѣдать звать.

II.

Тотчасъ послѣ обѣда Самоквасовъ слѣшно собрался въ обитель Бояркиныхъ. Тамъ за отлучкой Таусѣи правила казначея мать Ираида. Обрадовалась она и вмѣстѣ съ тѣмъ изумилась неожиданному появленью Самоквасова. Узнавши что оставовился онъ у иконника стала левять ему:

— Мы-то чѣмъ провинились передъ вами, благодѣтель нашъ Петръ Степанычъ, заговорила она.—До сихъ поръ за всегда въ нашей обители приставали и мы за всегда были рады вамъ ото всей души, а тутъ вдругъ за что-то прогнѣвались. Въ тѣ поры какъ поѣхали отъ насъ, на Казанску-то, сказывали вы матушкѣ что всего на недѣлку отъ насъ отъѣзжаете. Ужь мы ждали васъ, ждали, да и ждать перестали—теперь вотъ ужъ восьмая недѣля послѣ Казанской пошла, а васъ все нѣтъ да нѣтъ. А пріѣхали такъ и тутъ насъ обидѣли — мимо обѣхали. За что такая немилость? Чѣмъ мы, убогія, васъ прогнѣвили, чѣмъ на сердце васъ навели?

— Дѣла, матушка, подошли такія что никакъ было невозможно по скорости опять къ вамъ пріѣхать, сказалъ Петръ Степанычъ.—Ѣздилъ я въ Москву, Ѣздилъ и въ Питеръ, у Макарья безъ малаго двѣ недѣли жилъ.... А не оставовился

я у васъ для того чтобы на васъ же лишней бѣды не наклясть. Ну какъ найдетъ тотъ генераль, изъ Питера-то, и найдетъ меня у васъ?... Пойдутъ тутъ спросы да разпросы, кто да откуда, да зачѣмъ въ женской обители проживаешь.... И вамъ бы изъ-за меня неприятность вышла... Поэтому и присталъ въ сиротскомъ дому.

— У Ермила Матвѣича? Такъ, сударь, такъ, промолвила мать Ираида.—А все жь намъ общно, что насъ мивали. Сами посудите сколько годовъ у насъ приставали, а тутъ вдругъ и объѣхали.... А что жь? Нешто тотъ генераль скоро найдетъ? Тогда на Петровъ день матушка Манееса сточку изъ Питера получила, на дняхъ бы ждали его, а вотъ восемь недѣль прошло, а Богъ миловаль.

— Скоро говорятъ прѣидеть, а въ какой день, никому не извѣстно, сказалъ Петръ Степанычъ.

— Поскорѣй бы наша-то матушка прѣѣжала.... подгоряясь и печально вздыхая молвила мать Ираида.—Ну какъ вдругъ да безъ ея бытности накатитъ незваный гость.... Что безъ нея стану я дѣлать?...

— Вечоръ видѣлся я съ вашей матушкой, сказалъ Петръ Степанычъ.

— Что какъ она, сердечная? Здорова ль? съ живостью спросила мать Ираида.

— Ничего, здорова, хлопочеть все, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Домой-то скоро ль собирается? спросила мать казначая.

— О томъ, матушка, рѣчи у меня съ ней не было, отвѣчалъ Самоквасовъ.—Мелькомъ видѣлись-то мы съ ней, въ недѣль. Когда говорилъ я съ ней, не думалъ еще тогда скоро у васъ быть, полагалъ даже что врядъ ли нынѣшнимъ годомъ и удастся мнѣ въ Комаровъ-отъ попасть. Повидавшись съ матушкой Таисеей воротился я домой на квартиру, гляжу письмо меня ждетъ—прочиталъ, вижу то дѣло по коему! Макарья я проживалъ отложено. Другихъ особенныхъ дѣловъ у меня нѣтъ, подумалъ, подумалъ, да и поѣхалъ къ вамъ. Тогда какъ я уѣзжалъ на Казанскую-то мать Манееса въ отлучкѣ была, а мнѣ еще слѣдовало неможно деньжонки ей на роздачу добавить—потѣму теперь нарочно и прѣѣхалъ. Ну что, какъ она матушка-то Манееса теперь?

— Да все въ безлокоиствахъ, все въ хлопотахъ, участливо промолвила Ираида.—Въ городъ на житье собирается, до выголки хочеть устроиться тамъ.... А тутъ еще эти неприя-

восты одна всадъ за другой: Марья Гавриловна замужъ вышла, Прасковья Паталовна...

— А еще-то что? спросилъ Самоквасовъ.

— Больше-то ничего, удивившись такому вопросу отвѣтила мать Ираида. — Чего же еще-то?.. И того вдоволь... Слава теперь пошла на ихню обитель, молва праздная... Развѣ легко это матушкѣ?

— Что жь ей очень-то печалиться? нѣсколько успокоившась на счетъ Фленушки, молвилъ Петръ Степанычъ. „Видно мать Таася ради краснаго словца лустяковъ надела“, подумалъ онъ и продолжалъ свои рѣчи обращаясь къ Ираидѣ:—Марья Гавриловна была не изъ обительскихъ, не подъ матушкинымъ началомъ жила, Прасковья Паталовны свадьбу отецъ устроилъ..

— Такъ-то оно такъ, благодѣтель, а все жь не легко перенести это матушкѣ, сказала на то Ираида.—Хоша бы на счетъ племянки—конечно не жила она въ обители, логотить лишь на краткое время прѣвхала, и выкрали ее не изъ кельи, а на гулянкѣ, опять же и всю эту самокрутку самъ родитель для дурацкой, прости Господи, потѣхи своей состряпалъ.... Да на Москвѣ-то не такъ посудили, благодѣтель... Оскорбляются.... „Мы, лишуть, посла къ вамъ по духовному дѣлу послали, а вы его оженили, да еще повѣнчали-то у церковнаго пола!“ Такую остуду отъ лервѣйшихъ благодѣтелей принять расчетъ большой, особливо при надлежащей нѣждѣ. Отъ того отъ самаго матушка Манеѣа и къ Макарю не повѣхала. „Глаза, говорить, стыдно показать передъ московскими...“ Марья Гавриловна замужъ ушла—матушкѣ убытокъ, да еще какой убытокъ-отъ. Пришла вѣдь она къ ней на неисходное житіе. У насъ въ скиту такъ полагали, да и сама матушка Манеѣа такъ думала что когда скончалась бы Марья Гавриловна, все бы что послѣ нея ни осталось—пошло въ обитель. Она же и въ городѣ съ матушкой обѣщалась переѣхать... Тутъ, благодѣтель, такой убытокъ, что сразу-то и не сосчитаешь его... Да что еще выходитъ теперь!... Муженекъ-отъ сюда присылалъ, чтобы домикъ-отъ Марьи Гавриловны на съвозъ продать, аль чтобы матушка Манеѣа деньги за него улатила... Вотъ какого гуся подхватила себѣ ваша вдовушка.... Ни стыда нѣтъ въ глазахъ ни совѣсти.... Да не что взялъ—никакихъ бумагъ на то, что домикъ Марьи Гавриловны нѣтъ... Повѣренный-отъ его не соломо хлебавши по добру

по здорову и отъѣхалъ. Судомъ грозитъ безлутный.... Пожалуй еще бы матушкѣ хлопотъ не нажить...

— А Фленушка что? помолчавъ немощко и зорко глядя на Ираиду, спросилъ Петръ Степанычъ.—Матушка Таисея такія мнѣ страсти про нее рассказала, что не знаю какъ и вѣрить. Постричься, слышь, хотѣла, потомъ руки на себя наложить вздумала...

— Это точно, что на постричь совсѣмъ-было она согласилась. Матушка-то Манеѣа давно вѣдь склоняетъ ее инокчество надѣтъ, сказала мать Ираида.—Ну, согласилась было, а тамъ черезъ сколько-то дней оляты: „не хочу, да не хочу...“ Ну и пошумѣла, опечалила матушку.... Дѣвица неразумная! примолвила Ираида.—Вѣдь ежели она приметъ инокчество, матушка-то Манеѣа при своемъ животѣ благословить ее на игуменство, и никто изъ обительскихъ сабова противъ того не молвить. А пошлетъ Господь, лѣ душу матушки, а Фленушка будетъ въ бѣлицахъ—ну и отошлеца красные дни. Кого бѣ ни избрали тогда во игуменьи, никто ужъ такой воли ей не дастъ. Всего тогда натерлится, со всякимъ горемъ спознается. Пока матушка Манеѣа жива, во всемъ ей воля, а преставится матушка, изъ чужихъ рукъ надо будетъ смотрѣть. Матушка Манеѣа старица мудрая, все это хорошо понимаетъ, отъ того и желательна ей лоскорѣй Фленушку къ ангельскому чину присовокулить. А она ровно бѣшеная, пользы своей не познаѣтъ—только и словъ что „не хочу“ да „не хочу“.

— А руки-то какже хотѣла поднять на себя? спросилъ Петръ Степанычъ.

— Чудила! добродушно улыбаясь, молвила мать Ираида.—Она вѣдь изо всего скиту у насъ самая лотѣшная... Ножики схватила: „зарѣжусь“, кричить, „а инокчества * не вздѣну“. Ну, пошумѣла въ келарнѣ, а не то чтобы въ правду думала руки на себя наложить. Наши дѣвицы были при томъ, онѣ сказывали. А мать Виринея, знаете ее, испужалась, да къ матушкѣ Манеѣѣ скорехонько побѣгаа... Ну и надѣлала еще луце шуму-то... Тѣмъ все и локончилось. Раздосадовали тогда ужъ очень Флену-то Васильевну, отъ

* Здѣсь подъ словомъ „инокчество“ разумѣется коротенькая лентейка, въ родѣ пелеринки, носимая старообрядскими иноками и инокинями.

того и расходилась. А передъ тѣмъ, надо полагать, зубки лополоскала, подъ турáхомъ * маленько была.

Схватившись за локотникъ кресла, Самоквасовъ тихо промолвилъ:

— Неужто въ правду?

— Правда, благодѣтель, истинная правда. Что жь мнѣ хвастать?.. Изъ-за чего?.. Не сама она творила, да лустяшныя слова говорила — бальзамчикъ говорилъ.... равнодушно промолвила мать Ираида.

— Неужто въ правду? еще тише повторилъ Петръ Степанычъ.

— Чтò жь дѣлать, благодѣтель? Скука, тоска, дѣла никакого, молвила мать Ираида.—До кого ни доведись. Она жь не то чтобъ очень молоденькая—двадцать седьмой никакъ весной-то пошелъ...

Головой только покачалъ Петръ Степанычъ „И я тому виной... подумалъ онъ. Ахъ ты Фленушка, Фленушка!“ И потускнѣло лицо его.

— До кого, батюшка, ни доведись, до кого ни доведись, судáрикъ ты мой!.. продолжала между тѣмъ мать Ираида.—Соблазнъ, искушеніе, а врагъ-отъ силенъ... Охъ! вздохнула мать казначея,—про себя какъ вспомянуть, чтò со мной было передъ лóстригомъ-то!.. Вотъ ужь теперь безъ году тридцать лѣтъ прошло какъ я вздѣла инокство, а была тогда еще молоде Флены Васильевны—на двадцать второмъ годикѣ ангельскаго чина сподобилась я, многогрѣшная. Тетенька была у меня, въ обители здѣшней жила, старица была умная, разсудительная, всѣ ее почитали—уставщицей въ моленной была. Родомъ мы, сударь, дальнія, изъ-подъ Москвы, гуслицкія. Родитель померъ, осталась я круглой сиротой, а матушку взялъ Господь, когда еще я маховькой была; братъ женатый по скорости послѣ батюшки самъ локончился, другой братецъ въ солдаты ушелъ. Опрічь снохи, да ея ребятишекъ, племянниковъ значить моихъ, на родинѣ у меня ни души не осталось изъ сродниковъ-то. Ну, извѣстно каковы снохи живутъ — богоданны-то сестрицы — кралива жгучая. Нѣтъ ни нѣжды, ни заботы ей что золовка не вѣла—сохни, издохни, ей все ни почемъ.... И бывала я, сударь, по цѣлымъ днямъ не пиваючи, не вѣдаючи. А мнѣ всего только семнадцатый

* *Турáхъ*—состояніе немного пьянаго; *подъ турахомъ* то же что *нивесель*—быть пьяну слегка.

годокъ въ ту пору пошелъ. Была я передъ снохой какъ есть безотвѣтная... Въ то кручинное, горькое для меня безвременье много я бѣдъ приняла, много слезъ пролила. Больше года со сношенькой маялась, дольше стерпѣть не могла, уѣхала къ тетенькѣ горе размыкать, да вотъ и осталась здѣсь... У тетеньки подъ крылышкомъ жизнь была мнѣ хорошая, а все-таки вольной волюшки хотѣлось грѣшницѣ, не могла я міра забыть... Всего на умѣ тогда перебродило... А тетенька межъ тѣмъ захирѣла—годы брали свое: на восьмой десятокъ тогда она поступила. Стала слезно меня уговаривать, надѣла бѣ я на себя иночество, прочное бы мѣсто получила въ обители. Не то—вѣдь я гостыя, не обительска бѣлица, „убирайся, скажутъ матери, на всѣ на четыре стороны.“ Знала я все это, и то знала, что негдѣ мнѣ будетъ головы преклонить. А міръ смущаетъ да смущаетъ, вольной волюшки все хочется... А тетенькѣ все хуже да хуже, молить, просить меня ангельскій образъ принять... Игуменья, мать Θεонилла была тогда у насъ, тоже меня уговариваетъ. Бывало поучаетъ, поучаетъ отъ Святаго Писанія, да иной разъ, какъ не слушаюсь, и пригрозить. Нечего было мнѣ дѣлать, хотъ виляй, хотъ ковыляй, а черной рясы не избудешь... Дала согласіе, девять недѣль только сроку просила... Дали... И чтò я въ тѣ девять недѣль потерпѣла, чтò вынесла, разказать тебѣ, благодѣтель нашъ, невозможно.. Тоска со всего свѣта вольнаго!.. Господи, думаю, хотъ бы за ластушенка какого, хотъ бы за старика-калѣку богадѣленнаго выйти!.. Своимъ бы домкомъ только ложить, свое бы хозяйство держать, ни изъ чьихъ бы рукъ не смотрѣть!.. Тоже въ колодцѣ толиться хотѣла, тоже проклятымъ вившемъ пытала тоску залить... Голоса даже слышались мнѣ: „лей, гласятъ—пройдетъ тоска...“ А тѣ голоса и та тоска и вивное забытье—отъ врага. Обидно вѣдь ему, супротивному, ежели человекъ, особливо въ молодыхъ годахъ—ангельскій чинъ воспріемлетъ... Вячески дѣйствуетъ тогда. Такъ и Флены Васильевны дѣло—идеть она голубушка къ тихому неваемому * пристанищу, ну врагъ—отъ ее и смущаетъ... Пострижется, легче будетъ, — по себѣ знаю. Хотъ тоже станетъ врагъ ѣскушать—онъ вѣдь не дремлетъ, а все-таки не въ примѣръ легче будетъ ей, голубушкѣ... Охъ, ужъ этотъ врагъ рода человѣческаго!.. Денно и ночью

* Отъ стараго глагола *вляяться*—колебаться.

стрѣляетъ демонскимъ своимъ стрѣляніемъ, денно и ночью смущаетъ насъ, многогрѣшныхъ!.. Особливо насъ, ангельскій чинъ воспріимшихъ!... Къ мірскому-то человѣку по одному вѣдъ только бѣсу Сатана приставляетъ; а къ пріившему ангельскій образъ по десяти. Такъ и въ Писаніи святыхъ отецъ говорится... Охъ, жизнь наша, жизнь!.. Думаешь легко житіе - то наше ивоческое?... Охъ, какъ тяжело оно, благодѣтель ты нашъ!... Такъ тяжело, такъ тяжело, что тяжело его и на свѣтѣ нѣтъ ничего!..

И половины рѣчей многоглаголивой Ираиды не слыхалъ Петръ Степанычъ. Телерь какъ день стало ему ясно, что Фленушка дошла до отчаянья въ виду неизбѣжной для нея черной рясы.

„Хоть телерь она и не мірская дѣвица, думаетъ онъ, но какъ любимица властной игуменьи живетъ на всей своей волѣ, а надѣвши манатейку ужъ нельзя ей будетъ попрежнему скакать, лѣсни лѣтъ да проказничать.... Тогда, хочешь, не хочешь смиренницей будь... А это ей лучше всего!.. Какъ переломить себя, какъ на другую стать себя передѣлать?.. Нѣтъ, надо, во что бы ни стало надо вырвать ее изъ обители, пока совсѣмъ она не погибла... Подду уговаривать!.. Въ Казань увезу, женюсь на ней!.. Шой, веселись тогда Фленушка!.. То-то будетъ житье, то-то будетъ счастье!..“

Такъ раздумываетъ самъ съ собой идучи изъ обители Бояркиныхъ Петръ Степанычъ... Старая любовь долго помнится, крѣпче новой на сердцѣ она держится: поблѣднѣлъ въ его памяти кроткій, милостивый образъ Души Смолокуровой, а Фленушки, бойкой, лылкой, веселой Фленушки съ мыслей нельзя согнать.... Вспоминаются ночныя бесѣды въ перелѣскѣ, вспоминаются горячіе ея поцѣлуи, вспоминаются жаркія ея объятія!..... „Охъ было, было времечко!..“ думаетъ онъ.

„Какими бы рѣчами уговорить упрямую, несговорчивую, чтобъ бѣжала со мной сегодня же и не куколѣмъ, а брачнымъ вѣнцомъ покрыла поблѣдную свою головушку?..... Упряма—и въ маломъ и въ большомъ любить поставитъ она на своемъ!..“

Такъ думаетъ, стоя передъ заднимъ крыльцомъ Манеиной кельи Петръ Степанычъ. А сердце такъ и замираетъ, такъ и трепещетъ.....

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

13*

Г. МАККЕНЗИ УОЛЛЕСЪ О РОССИИ

Russia, by Mackenzie Wallace, 1876.

Иностранцы лишь весьма недавно начали изучать Россию. Не прежде какъ послѣ Крымской войны принялись они съ особеннымъ рвеніемъ за это дѣло, все же что до тѣхъ поръ появлялось въ европейской литературѣ о нашемъ отечествѣ было отмѣчено, за исключеніемъ извѣстной книги Гакстгаузена, самую жалкою посредственностью. Люди намѣревавшіеся писать о Россіи или вовсе не посѣщали ея или показывались въ ней на самое короткое время, не знали слова по-русски и наполняли свои описанія вымыслами и анекдотами, нелѣпость коихъ вошла въ пословицу. Конечно и теперь не произошло еще слишкомъ рѣзкой перемены въ этомъ отношеніи, и теперь еще безпрерывно приходится встрѣчать такіа свѣдѣнія о всемъ совершающемся у насъ что читая ихъ нельзя воздержаться отъ негодованія или смѣха, но по крайней мѣрѣ въ настоящее время мы уже имѣемъ предъ собою весьма почетныя исключенія. Можно указать на нѣсколько иностранцевъ, которые и къ Россіи примѣнили наконецъ ту аксіому, что прежде чѣмъ говорить о какой-нибудь странѣ необходимо тщательно изучить ее, которые весьма добросовѣстно исполнили эту задачу и обогатили свою литературу произведеніями достойными послужить образцомъ

и для насъ, если мы въ свою очередь захотимъ когда-нибудь заняться изображеніемъ состоянія Германіи, Англіи или Франціи. Мы привыкли укорять иностранцевъ за то что они вовсе не знаютъ нашего отечества и судятъ о немъ вкривь и вкось на основаніи случайныхъ или ошибочныхъ свѣдѣній, но съ своей стороны слишкомъ ублажаемъ себя мыслью будто мы сами какъ нельзя лучше знакомы съ Европой, изучили и государственныя ея учрежденія, и экономическій ея бытъ, и ея литературу, и даже усвоили себѣ ея науку. Если это такъ, то отчего же нѣтъ у насъ до сихъ поръ ни одной книги о томъ или другомъ изъ европейскихъ государствъ, которая хотя приблизительно могла бы быть поставлена на ряду со статьями о Россіи г. Анатоля Леруа-Больё, появляющимся въ *Revue des deux Mondes* (*L'empire des tsars et les Russes*) или съ книгой о нашемъ отечествѣ г. Маккензи Уоллеса, заглавіе коей выписано нами выше? Кажется, подобный трудъ былъ бы значительно облегченъ для насъ: мы такъ усердно странствуемъ по Европѣ, такъ свободно объясняемъ съ Французами по-французски, съ Нѣмцами по-нѣмецки, съ Англичанами по-английски, такъ много привыкли толковать о европейскихъ порядкахъ и о европейскомъ общественномъ бытѣ, а между тѣмъ отразилось ли все это въ нашей литературѣ сколько-нибудь обстоятельнымъ изслѣдованіемъ хотя одного изъ европейскихъ государствъ? Отчего же трудъ такого рода все еще оказывается намъ какъ будто не по силамъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить, между прочимъ, разказъ г. Маккензи Уоллеса о томъ какимъ образомъ приступилъ онъ къ составленію своей книги. Почтенный авторъ впервые посѣтилъ наше отечество въ 1870 году и остался въ немъ безвыѣздно до 1875 года; въ теченіе этихъ почти шести лѣтъ, зиму проводилъ онъ въ различныхъ городахъ—преимущественно въ Петербургѣ, Москвѣ и Ярославлѣ—а лѣтнее время посвящалъ на поѣздки какъ по центральнымъ, такъ и по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ Россіи; не зная вовсе нашего языка онъ рѣшился выучиться по-русски и выучиться не для того только чтобы читать кое-какъ русскія книги, а чтобы имѣть возможность совершенно свободно объясняться какъ съ людьми образованныхъ классовъ, такъ и съ простолюдинами. Весьма оригинальный способъ избранъ былъ имъ для достиженія этой

цѣли. Одинъ помѣщикъ Новгородской губерніи предложилъ ему поселиться въ своей деревнѣ, гдѣ уже повелѣлъ г. Уоллесъ долженъ былъ говорить по-русски, ибо кромѣ крестьянъ единственнымъ собесѣдникомъ его могъ быть священникъ, не знавшій ни одного изъ иностранныхъ языковъ. Деревня Ивановка находилась, какъ кажется, въ порядочной глуши, даже сообщенія между нею и почтовою станціей были крайне затруднительны; письма и газеты не приходили иногда по недѣлямъ, такъ что, рассказываетъ авторъ, получивъ однажды большую пачку газетъ онъ нѣсколько минутъ недоумѣвалъ о какомъ императорѣ сообщалось въ нихъ извѣстіе, что императоръ этотъ прибылъ въ Вильгельмсгее: онъ и не предполагалъ что рѣчь шла о Наполеонѣ III, такъ какъ не зналъ вовсе о событіяхъ предшествовавшихъ катастрофѣ подъ Седаномъ. Жизнь въ деревнѣ, въ этомъ „добровольномъ изгнаніи“, какъ называетъ его авторъ, была далеко не привлекательна, особенно въ глухую осень; онъ не только мирился однако съ различными неудобствами, но былъ даже доволенъ ими если извлекалъ изъ нихъ пользу. Ивановка не представляла ни малѣйшихъ развлеченій,—„за то, говоритъ г. Уоллесъ, цѣлый день и даже часть ночи можно было безпрепятственно посвящать занятіямъ“; священникъ, съ которымъ по большей части проводилъ онъ время, былъ черезчуръ словоохотливъ и имѣлъ привычку повторять одни и тѣ же разказы, но и это представляло значительную выгоду, ибо выслушавъ въ третій или четвертый разъ одинъ и тотъ же анекдотъ можно было удобнѣе улавливать смыслъ того или другаго выраженія. Г. Меккензи Уоллесъ вышелъ съ торжествомъ изъ своего испытанія, и люди знавшіе его въ Россіи удивлялись той легкости съ какою онъ владѣлъ русскимъ языкомъ. Книга его свидѣтельствуетъ почти на каждой страницѣ какъ много было перечитано имъ чтобы ознакомиться съ нашею исторіей и съ различными сторонами нашего общественнаго быта; онъ старался черпать свои свѣдѣнія изъ наиболѣе вѣрныхъ источниковъ и сблизался съ лицами способными оказать ему услуги въ этомъ отношеніи; въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія онъ говоритъ что принималъ даже участіе въ собираніи матеріаловъ для комиссіи, которая была учреждена въ 1872 году, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря П. А. Валуева, для об-

сужденія вопроса о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится наше сельское хозяйство. Шестъ лѣтъ подготовлялся такимъ образомъ г. Маккензи Уоллесъ къ составленію своей книги и если сообразить какія трудности суждено было преодолѣть ему, то нельзя не подивиться его подвигу. Много ли у насъ можно встрѣтить примѣровъ подобнаго трудолюбія и даже извѣстнаго рода самоотверженія со стороны людей принимавшихся „изучать“ различныя европейскія государства?

Впрочемъ, кромѣ трудолюбія тутъ требуется еще нѣчто другое, что опять-таки отнюдь не часто встрѣчается въ нашемъ отечествѣ,—нужна извѣстная умственная подготовка, извѣстная степенъ образованія, которая даетъ возможность овладѣвать самыми разнообразными предметами. Г. Маккензи Уоллесъ говоритъ въ своей книгѣ о чемъ угодно—и объ освобожденіи крестьянъ, и о земскихъ учрежденіяхъ, и о нашей сельской общинѣ, и о судебномъ устройствѣ, и о различныхъ раскольничьихъ сектахъ, и о всемъ этомъ онъ не отдѣляется только фразами, напротивъ, видно, что онъ основательно усвоилъ собранныя имъ свѣдѣнія. Опять-таки и съ этой стороны положеніе наше представляется далеко не завиднымъ. Если человѣкъ, считающійся даже образованнымъ въ нашей средѣ, очутится во Франціи или въ Англіи, онъ еще можетъ сосредоточить свою наблюдательность на чемъ-нибудь одномъ, но было бы совершенно напрасно требовать отъ него многосторонности въ его наблюденіяхъ. Происходитъ это отъ того что если онъ понимаетъ что-нибудь въ финансахъ, то совершенно не свѣдущъ въ церковныхъ вопросахъ, а если занимался этими вопросами, то ему недостаетъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ успѣхахъ народнаго образованія. Впрочемъ, не о Европѣ только, а о нашемъ собственномъ отечествѣ, о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые столь близки всякому Русскому, не рѣдко ли у насъ видѣть книгу написанную съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такимъ талантомъ какъ та которая вышла изъ подъ пера англійскаго автора?

Дѣйствительно, это не только серіозная, но и весьма увлекательная книга. Авторъ рисуетъ такія картины, которыя у насъ безпрерывно предъ глазами, онъ говоритъ о такихъ вещахъ, о которыхъ приходится намъ ежедневно

читать и слышать: что же повидимому могло бы представить особенно занимательнаго подобное произведение, а между тѣмъ оно возбуждаетъ сильный интересъ. Не рѣдко люди, которые не успѣли еще ознакомиться съ книгой г. Меккензи Уоллеса, относятся къ ней довольно недовѣрчиво на томъ основаніи что она не можетъ де содержать ничего для насъ новаго. Странное сужденіе! конечно нельзя ожидать чтобы иностранецъ, изображая состояніе Россіи, сказалъ что-нибудь такое, о чемъ намъ, Русскимъ, не приходилось бы никогда и слышать; конечно онъ сообщаетъ лишь то что намъ извѣстно или по крайней мѣрѣ должно быть хорошо извѣстно, но тѣмъ не менѣе мы осмѣливаемся думать что для большинства русскихъ читателей очерки г. Меккензи Уоллеса окажутся далеко не лишними даже для пополненія ихъ свѣдѣній. Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду что главный интересъ разбираемой нами книги долженъ заключаться отнюдь не въ оригинальности и новизнѣ: читая ее мы преимущественно заняты вопросомъ, какое впечатлѣніе производятъ существующіе у насъ порядки на иностранца, который очевидно приступилъ къ изученію ихъ безо всякой предвзятой мысли и даже—какъ мы не сомнѣваемся въ томъ—съ весьма доброжелательными намѣреніями. Мы имѣемъ полное право относиться презрительно къ сужденіямъ о насъ иностранцевъ, когда эти сужденія проникнуты явною враждой и глубокимъ невѣжествомъ, но ни того, ни другаго никакъ нельзя сказать о книгѣ г. Уоллеса, и вотъ почему познакомиться съ его взглядомъ не только любопытно, но во многихъ отношеніяхъ и полезно.

Прежде всего считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ общемъ впечатлѣніи какое произвели на насъ приговоры г. Меккензи Уоллеса. Несомнѣнно что къ сужденію о различныхъ вопросахъ нашего общественнаго устройства онъ приступаетъ почти всегда со взглядомъ вполне здравымъ и яснымъ, со взглядомъ истинно образованнаго европейскаго человѣка; весьма остроумно и мѣтко подсмѣивается онъ надъ фантазмагоріями нашихъ прогрессистовъ различныхъ оттѣнковъ и выставляетъ на видъ все что есть несостоятельнаго въ ихъ теоріяхъ; если онъ замѣчаетъ какое-нибудь безобразное явленіе, то и не задумывается назвать его безобразнымъ, но у него рѣдко

хватаетъ смѣлости утверждать что чѣмъ скорѣе это явленіе исчезнетъ, тѣмъ будетъ лучше для блага Россіи. Тутъ тотчасъ же возникаютъ у него соображенія что если уломянутое явленіе и не могло бы быть терпимо ни въ какой цивилизованной европейской странѣ, то можетъ-быть оно еще и имѣетъ право продолжать свое существованіе на русской почвѣ; авторъ начинаетъ колебаться, приводитъ разныя мнѣнія pro и contra, которыя приходилось ему слышать въ русскомъ обществѣ, и такимъ образомъ не останавливается ни на какомъ опредѣленномъ выводѣ. Конечно, отъ этого не много утѣшенія для людей которые во имя какого-то измышленнаго ими прогресса являются у насъ борниками различныхъ безобразій; они должны видѣть что уступки, которыя иногда дѣлаетъ имъ авторъ, вызваны крайнею осторожностію съ его стороны, а что въ сущности между ихъ взглядами и взглядами г. Маккензи Уоллеса, какъ вообще всякаго просвѣщеннаго и здравомыслящаго Европейца, лежитъ непроходимая бездна.

Мы не можемъ исчерпать здѣсь все богатое содержаніе книги англійскаго автора, а ограничимся лишь немногими предметами которыхъ касается она.

Остановимся прежде всего на вопросѣ о самоуправленіи, этомъ излюбленномъ вопросѣ тѣхъ изъ нашихъ друзей прогресса, которые убѣждены что самоуправленіе пускаетъ корни на нашей почвѣ именно въ той формѣ, въ какой оно должно существовать, и набрасываются съ ожесточеніемъ на всякаго кто осмѣливается указать на поразительные его у насъ недостатки. Именно объ этомъ предметѣ какъ нельзя болѣе интересно услышать мнѣніе г. Маккензи Уоллеса: онъ—гражданинъ страны которая по справедливости считается страной самоуправленія, онъ привыкъ видѣть его въ высшемъ его процвѣтаніи и хорошо знакомъ какъ съ сильными, такъ и со слабыми его сторонами. Вопросу о самоуправленіи въ Россіи г. Маккензи Уоллесъ посвятилъ значительную часть своей книги. Самоуправленіе, какъ извѣстно, существуетъ у насъ въ различныхъ сферахъ: имъ похваляются наши университеты, мы можемъ прослѣдить его въ нашихъ селахъ, въ нашихъ городахъ и въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ. Что касается университетскаго самоуправленія, то къ сожалѣнію мы не находимъ подробнаго изображенія его въ разбираемой нами книгѣ,—авторъ

отнесъ это къ третьей, еще не вышедшей части своего сочиненія, гдѣ онъ будетъ говорить вообще о народномъ образованіи въ Россіи, но изъ нѣсколькихъ его словъ уже можно видѣть, какъ относится онъ къ пресловутому университетскому самоуправленію. „Конечно, говоритъ онъ, само по себѣ самоуправленіе прекрасная вещь, но оно вовсе не чудотворная панацея и рѣдко даетъ хорошіе плоды когда водворяютъ его среди народа который къ нему не привыкъ. Опыты доселѣ сдѣланные въ этомъ отношеніи въ Россіи оказались не совсѣмъ удачными, особенно въ университетахъ... Всякій кому извѣстно то что можетъ быть названо внутреннею жизнью этихъ учебныхъ заведеній въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, имѣетъ полное право усомниться чтобы и «кружаме суды въ Россіи оказались болѣе самостоятельными еслибы была расширена ихъ автономія и независимость.“ Но какъ мы замѣтили сейчасъ, оставляя пока въ сторонѣ университетское самоуправленіе, г. Меккензи Уоллесъ распространился подробно о самоуправленіи въ другихъ нашихъ учрежденіяхъ.

Начнемъ съ самоуправленія сельскаго. Впрочемъ мы должны нѣсколько уклониться отъ предмета и предварительно сказать о томъ какъ смотритъ авторъ на нашу сельскую общину. Помято что онъ особенно внимательно присматривался къ ней, ибо вопервыхъ, ничего подобнаго не удавалось ему видѣть въ Европѣ, а вовторыхъ, различные господа, съ которыми онъ познакомился въ Россіи, не переставали доказывать ему что именно въ сельской общинѣ и заключается неизмѣримое превосходство наше предъ западно-европейскимъ міромъ. Г. Меккензи Уоллесу пришлось выслушивать что Англія, а вмѣстѣ съ нею и многія другія европейскія государства уже заражены въ настоящее время язвой пролетаріата; до сихъ поръ Англіи удавалось кое-какъ поддерживать существованіе своего бездомнаго и нищенскаго люда, ибо она умѣла завоевать себѣ совершенно исключительное положеніе въ промышленномъ мірѣ: не опасаясь конкуренціи она превозгласила принципъ свободы торговли и наводняетъ ближайшія и самыя отдаленныя страны мануфактурными своими произведеніями, пользуясь безо всякой застѣнчивости своимъ могуществомъ для того чтобы пролагать повсюду безпрепятственный сбытъ продуктамъ Манчестерскихъ и Бирмингамскихъ фабрикъ, но

это не можетъ продолжаться долго. Народы уже ропщутъ на это преобладаніе Англіи; они начинаютъ сомнѣваться въ благахъ свободной торговли; не пройдетъ много времени какъ рынки ихъ закроются для англійскихъ произведеній, и въ какомъ положеніи очутится тогда англійское общество относительно своего голоднаго пролетаріата? Россія ограждена отъ подобной опасности и ограждена отъ нея именно своею сельскою общиною. „Читатель пойметъ телерь, замѣчаетъ г. Маккензи Уоллесъ, съ какимъ интересомъ принялся я изучать это чудо и съ какою энергіей преслѣдовалъ я свои наблюденія надъ нимъ. Подобныя учрежденія, которыя имѣютъ притязаніе разрѣшить самыя трудныя соціальныя задачи будущаго, встрѣчаются не на каждомъ шагу даже въ Россіи, хотя эта страна представляетъ обильный матеріалъ для изслѣдованій всякого кто занимается соціологіей.“ Авторъ убѣдился во первыхъ, что русская сельская община имѣетъ одинаково ревностныхъ защитниковъ въ двухъ совершенно противоположныхъ группахъ, во всемъ остальномъ ничѣмъ не сходныхъ по своимъ воззрѣніямъ: одну изъ этихъ группъ составляютъ славянофилы, а другую..... авторъ нѣсколько затруднялся въ пріисканіи для нея названія. „Я не хочу, замѣчаетъ онъ, назвать этихъ господъ *соціалистами*, ибо въ понятіяхъ многихъ людей естественно и невольно съ этимъ словомъ соединяется дурное значеніе, вслѣдствіе чего социалистовъ привыкли считать близкими родственниками *петролейщицъ*. Для избѣжанія недоразумѣній такого рода гораздо лучше окрестить ихъ по имени того журнала, который нѣкогда былъ посвященъ распространенію ихъ теорій, и называть этихъ господъ „приверженцами *Современника*“. И тѣ и другіе, и славянофилы, и приверженцы *Современника*—убѣждены что общинное владѣніе земель представляетъ великія выгоды и главнымъ образомъ по отношенію къ вопросу о томъ чтобы на грядущіе вѣка отстранить отъ Россіи возможность существованія въ ней пролетаріата. „Пролетаріатъ, говоритъ авторъ, сдѣлался для образованныхъ классовъ въ этой странѣ какимъ-то пугаломъ, кошмаромъ, и читающая публика пришла къ убѣжденію въ необходимости сохранить общину, какъ вѣрнѣйшее средство избавить Россію отъ чудища.“ Г. Маккензи Уоллесъ всячески старался составить себѣ ясное понятіе о томъ что возбуждало и возбуж-

даетъ такіе страхи въ нѣкоторыхъ нашихъ кружкахъ, но онъ долженъ сознаться что старанія его далеко не увѣчались успѣхомъ. „Чудовище, замѣчаетъ онъ, представляется столь же неудовимымъ, очертанія его столь же неясными, какъ и тѣ чудовища съ неопредѣленнымъ, но внушающимъ ужасъ видомъ, которыхъ Мильтонъ поставилъ въ предверіи ада. Съ перваго взгляда это кажется все тотъ же нашъ старый знакомецъ лаулеризмъ, но подойдя къ нему поближе мы видимъ что онъ принимаетъ громадныя размѣры, такъ что подъ нимъ нужно подразумѣвать всѣхъ людей которые не обладаютъ неотчуждаемою поземельною собственностью. Словомъ, при изученіи мы замѣчаемъ что онъ не поддается ясному опредѣленію именно въ такой степени какъ подобаешь всякому кошмару, и эта неопредѣленность не мало споспособствовала, какъ кажется, его успѣху. Несмотря на это, когда приступлено было къ отгнѣву крѣпостнаго права, призракъ пролетаріата смущалъ умы не праздныхъ только мечтателей, но и нѣкоторыхъ изъ лицъ принимавшихъ дѣятельное участіе въ великой реформѣ. По этому поводу г. Маккензи Уоллесъ, сравнивая русское общество съ обществомъ другихъ европейскихъ государствъ и преимущественно съ англійскимъ, которое автору наиболѣе знакомо, замѣчательно мѣтко и вѣрно указываетъ на одну любопытную особенность въ нашемъ складѣ ума:

„Англичане, говоритъ онъ, слишкомъ поглощены многочисленными и разнообразными интересами настоящаго чтобы много заботиться объ отдаленномъ будущемъ. Впрочемъ мы полагаемъ что относимся съ отвращеніемъ къ правилу: „послѣ насъ хоть потопъ“ и вѣроятно заклеили бы негодованіемъ всякаго, кто осмѣлился бы открыто проповѣдывать его, а между тѣмъ часто дѣйствуемъ такъ, какъ будто бы были приверженцами этого слабодушнаго и эгоистическаго принципа. Какъ скоро приходится намъ обсудить и принять въ соображеніе интересы грядущихъ поколѣній, мы придерживаемся изреченія: „довлѣтъ днѣви злоба его“, и считаемъ мечтателями всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы отвлечь наше вниманіе отъ ближайшаго настоящаго. Отважный пророкъ, который съ непоколебимымъ убѣжденіемъ вздумалъ бы проповѣдовать что каменноугольныя наши копи должны вскорѣ истощиться или сталь бы предсказывать

какое-нибудь другое народное бѣдствіе, заинтересуетъ пожалуй на нѣкоторое время публику, но какъ скоро мы видимъ что бѣдствіе это не случится на нашемъ вѣку, то преспокойно говоримъ что потомки наши сами позаботятся о себѣ и нельзя по справедливости требовать отъ насъ чтобы мы привали на себя ихъ бремя. Если является необходимость въ законодательныхъ мѣрахъ, мы пробуемъ почву, дѣйствуемъ осторожно, довольствуясь простыми средствами, которыя могутъ быть внушены опытомъ и здравымъ смысломъ, не справляясь о томъ, согласна ли принятая нами мѣра съ научными теоріями... Въ Россіи преобладаетъ совершенно другая крайность. Тамъ реформаторы были воспитаны и подготовлены не на аренѣ практической политики, а въ стѣнахъ умозрительной школы. Вотъ почему лишь только начинаютъ они обсуждать тотъ или другой предметъ, какъ бы ни былъ онъ простъ, съ цѣлью принять относительно его законодательную мѣру, онъ тотчасъ же ставится въ глазахъ ихъ *вопросомъ* и витаетъ въ области соціальной и политической науки... Люди, умъ которыхъ направлень такимъ образомъ, не могутъ пробаляться тѣмъ что непосредственно необходимо и полезно, они хотятъ *вырвать зло съ корнемъ* и издавать законы столько же для своего собственнаго, сколько и для грядущихъ поколѣній.“

Все это какъ нельзя лучше объясняетъ тѣ удивительныя мнѣнія, которыя господствуютъ у насъ объ общинномъ землевладѣніи. Г. Маккензи Уоллесъ справедливо замѣчаетъ что еслибы проектъ подобнаго землевладѣнія „возникъ въ головѣ какого-нибудь стоящаго особнякомъ философа или нашель мѣсто въ евангеліи какой-нибудь философской школы, то люди разсудительные могли бы съ презрѣніемъ отнестись къ нему какъ къ замысловатому изобрѣтенію мечтателей и утолистовъ“, но къ сожалѣнію это вовсе не утопія, а дѣйствительность. „Какимъ бы мы ни были проникнуты скептицизмомъ относительно ланацей всякаго рода, замѣчаетъ нашъ авторъ, необходимо изучить со вниманіемъ этотъ гигантскій опытъ соціальной науки, отъ успѣха коего въ значительной степени зависитъ матеріальное и нравственное благосостояніе сорока милліоновъ человѣческихъ существъ.“ И онъ ревностно принялся изучать русскую сельскую общину. Очеркъ ея устройства сдѣлавъ имъ чрезвычайно вѣрно и въ концѣ этого очерка онъ какъ

и слѣдовало ожидать—приходить къ слѣдующему о ней заключенію: „довольно странно что подобная первобытная система обладанія землею могла уцѣлѣть до XIX вѣка и еще гораздо любопытнѣе что люди считаютъ ее однимъ изъ величайшихъ учрежденій будущаго, какъ бы панацеей противъ всякихъ соціальныхъ и политическихъ золъ“. Мы уже видѣли сейчасъ какимъ образомъ г. Маккензи Уоллесъ объясняетъ это съ перваго взгляда загадочное явленіе. „Люди, говоритъ онъ, которые никогда не покидая своей родины любятъ читать описанія различныхъ путешествій, черезчуръ склонны составлять себѣ самыя преувеличенныя понятія о бѣдствіяхъ и опасностяхъ окружающихъ жизнь дикарей. Безпрерывно встрѣчаются они съ разказами о хищныхъ животныхъ, ядовитыхъ змѣяхъ, смертельныхъ дикорадахъ и т. п., и не перестаютъ изумляться тому факту, какимъ образомъ можетъ человѣкъ прожить хотя бы только одну недѣлю среди подобныхъ ужасовъ. Но еслибы пришлось имъ самимъ посѣтить когда-нибудь одну изъ этихъ странъ, они убѣдились бы что жизнь среди упомянутыхъ нами условій вовсе не такъ страшна какъ это имъ казалось. Мы кажется что Русскіе, начитавшіеся иностранныхъ произведеній, въ которыхъ шла рѣчь о пролетариатѣ, очень походила на людей привыкшихъ сидѣть дома и поглощать описанія путешествій. Они усвоили о чудовищѣ самыя преувеличенныя понятія и научились бояться его несравненно болѣе, чѣмъ боимся мы сами, которые живемъ бокъ о бокъ съ нимъ.“ Задавшись этою идеей fixe, наши мечтатели усердно принялись изыскивать средство для устраненія зла, котораго даже и признаковъ не существуетъ въ Россіи, о которомъ никто изъ нихъ не въ состояніи сказать, наступитъ ли оно и когда именно въ нашемъ отечествѣ, и средствомъ этимъ явилось въ ихъ глазахъ общинное земледѣніе.

Г. Маккензи Уоллесъ вполне основательно сомнѣвается однако чтобы наша сельская община могла выполнить въ будущемъ приписываемую ей великую роль. Онъ сдѣлалъ по этому поводу лишь нѣсколько замѣчаній, но замѣчанія его отличаются вѣрностью и практическимъ смысломъ. Между прочимъ онъ указываетъ на то обстоятельство что не всегда же промышленность будетъ оставаться въ Россіи въ такомъ незавидномъ положеніи, въ какомъ она на

ходитя теперь. Въ настоящее время крестьяне стекаются для заработковъ на фабрики нисколько не разрывая своей связи съ общиной; по официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ число такихъ крестьянъ простирается до 1.250.000, но авторъ полагаетъ что оно гораздо значительнѣе; такимъ образомъ существуетъ многочисленный классъ людей, которые ни то, ни другое, ни земледѣльцы, ни фабричные рабочіе, которые съ одной стороны волей или не волей обязаны вмѣстѣ съ своею общиной нести повинности по отношенію къ землѣ, а съ другой не посвящаютъ себя всецѣло фабрикѣ, могутъ отрываться отъ нея чтобъ идти домой для сельскихъ работъ. Все это возможно еще теперь по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, земледѣліе такъ мало продвинулось впередъ, довольствуется такими первобытными способами что крестьянинъ, уходя изъ села, можетъ возлагать заботы о немъ на жену и на дѣтей. Вовторыхъ, продолжаемъ говорить словами автора, „и національная промышленность развивается еще очень туго. Огражденная тарифами отъ чужеземной конкуренціи и слиткомъ малочисленная для того чтобы могло возникнуть соревнованіе между ними, телерешнія русскія мануфактуры приносятъ весьма почтенную прибыль своимъ владѣльцамъ безъ особыхъ стараній и заботливости съ ихъ стороны. Мануфактуристы въ состояніи слѣдовательно допускать различныя послабленія въ своемъ дѣлѣ, которыя оказались бы совершенно неудобными, еслибы цѣна производимыхъ ими предметовъ понизилась вслѣдствіе ожесточенной конкуренціи. Спросите любого фабриканта въ Ланкаширѣ, можетъ ли онъ дозволить своимъ рабочимъ отпрапляться ежегодно въ графство Корнвелльское или въ Кайтнесъ чтобы косить поля или жать хлѣбъ? Если Россіи суждено достигнуть значительныхъ успѣховъ въ области промышленности, то со временемъ фабрикамы Иванова и Шуи будутъ также дорожить каждымъ днемъ, будутъ также поглощены своею дѣятельностью, какъ поглощены ею теперь фабриканты Брадфорда или Манчестера. Уже и нынѣ въкоторыя изъ важнѣйшихъ русскихъ мануфактуристовъ возвышаютъ плату тѣмъ изъ рабочихъ которые не оставляютъ вовсе фабрику въ теченіе года, а вслѣдствіе того уже слышатся жалобы, что мелкіе фабриканты, еще недавно пользовавшіеся значительнымъ прибыткомъ, разо-

ренъ крупными промышленниками, которые могутъ сбавлять цѣну со своихъ продуктовъ. Движеніе слѣдовательно началось и не будетъ остановлено никакими абстрактными теоріями. Неизмѣнное стремленіе современной промышленности, главнѣйшее условіе ея успѣховъ заключается въ раздѣленіи постоянно возрастающаго труда, а какое же есть средство примѣнить этотъ принципъ если рабочіе непремѣнно должны оставаться и земледѣльцами...“ Такимъ образомъ по мнѣнію г. Маккензи Уоллеса, общинное землевладѣніе въ Россіи рухнетъ само собою вслѣдствіе новыхъ условій жизни, и явленіе это произойдетъ по мѣрѣ того какъ измѣнится къ лучшему экономической нашъ бытъ, и совершенно напрасно со стороны нашихъ утопистовъ разчитывать на возможность сохранить общину на неопредѣленное время, въ надеждѣ что она послужитъ для насъ якоремъ спасенія, и что другіе европейскіе народы будутъ смотрѣть на нее съ завистью. Все это справедливо, но нельзя однако помириться съ мыслью: зачѣмъ же поддерживать искусственно такое учрежденіе которое не можетъ принести ничего кромѣ зла? Зачѣмъ дожидаться еще неизвѣстно сколько времени когда оно умретъ естественною смертію, если каждый годъ его существованія сопряженъ съ великимъ ущербомъ для благосостоянія страны? Неужели только въ угоду тѣмъ или другимъ теоріямъ?

Г. Маккензи Уоллесъ ставитъ этотъ вопросъ, но въ способѣ его разрѣшенія какъ нельзя нагляднѣе обнаруживаются тѣ колебанія, которыми по большей части проникнуты выводы нашего автора. Мы видѣли какъ вѣрно смотритъ онъ на нашу общину и какъ остроумно подсмѣивается надъ ея поклонниками. Читая въ его книгѣ главу посвященную этому предмету, мы полагали услышать отъ него что чѣмъ скорѣе будетъ покончено съ общиннымъ землевладѣніемъ, тѣмъ лучше окажется это для Россіи. Оказывается однако не такъ. Авторъ вполне согласенъ съ тѣмъ что общинное землевладѣніе представляетъ собою возмутительное безобразіе, но—замѣчаетъ онъ—„отсюда еще не слѣдуетъ чтобы система была радикально дурною въ странѣ, въ которой социальныя и экономическія условія рѣзко отличаются отъ тѣхъ какія существуютъ въ другихъ государствахъ“. Другими словами, учрежденіе, рѣшительно не мыслимое ни въ одномъ изъ просвѣщенныхъ

государствъ, можетъ еще пожалуй пригодиться для Россіи. Но почему же именно? А потому, отвѣчаетъ авторъ, что нѣтъ никакихъ причинъ теперь же отмѣнять его. Главнѣйшее возраженіе противъ общиннаго землевладѣнія заключается въ томъ что оно прелятствуетъ сколько-нибудь усовершенствованному способу обработки земли, „но въ такомъ случаѣ было бы столь же рационально утверждать, что отсутствіе университетовъ въ обширныхъ американскихъ степяхъ прелятствуетъ краснокожимъ оказывать успѣхи въ области классической филологіи“. Г. Маккензи Уоллесъ поясняетъ это нѣсколько странное сравненіе тѣмъ что въ настоящее время русскій крестьянинъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ усовершенствованномъ земледѣліи, что онъ не прибѣгаетъ и еще не способенъ прибѣгать ни къ какимъ улучшениямъ на своей землѣ и что слѣдовательно вопросъ отнюдь не измѣняется отъ того, существуетъ теперь община или нѣтъ. Стало-быть нужно ожидать той минуты когда крестьяне убѣдятся въ превосходствѣ усовершенствованной обработки земли, но едва ли кто-нибудь допуститъ мысль, что они должны убѣдиться въ этомъ такъ-оказать теоретически, путемъ, напимѣръ, чтенія; они могутъ придти къ такому убѣжденію только посредствомъ опыта, прибѣгая постепенно къ различнымъ улучшениямъ на своихъ поляхъ, но теперешнее общинное землевладѣніе отнимаетъ у нихъ охоту ко всякимъ улучшениямъ, ибо что можетъ заставить крестьянина не жалѣть ни денегъ, ни упорнаго труда для обработки участка который пожалуй завтра же отойдетъ отъ него въ другія руки? Такимъ образомъ мы попадаемъ въ *circulus vitiosus*: общинное землевладѣніе не слѣдуетъ отмѣнять до тѣхъ поръ пока крестьяне не откажутся отъ рутиннаго способа воздѣлыванія земли, а этотъ рутинный способъ сохранится до тѣхъ поръ пока будетъ существовать общинное землевладѣніе.

Возвратимся же къ вопросу о самоуправленіи какъ оно процвѣтаетъ въ нашихъ селахъ. И тутъ авторъ начерталъ поразительно мрачную и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно вѣрную картину, доказывающую близкое знакомство его съ дѣломъ. „Въ то время, говоритъ онъ, когда вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права обсуждался въ Россіи, значи-

тельное большинство образованныхъ классовъ въ этой странѣ было одержимо фанатическою вѣрой въ чудотворную силу ультра-демократическаго самоуправленія и законъ объ эманципации крестьянъ былъ выработанъ подъ вліяніемъ этой вѣры. Сельскія общины получили почти полную автономію; помѣщики были тщательно отстранены отъ волостной администраціи и волостнаго суда. Такимъ образомъ возникло слѣдующее чрезвычайно странное явленіе: обширная система крестьянскаго самоуправленія, заботливо ограждаемаго отъ вліянія всѣхъ другихъ классовъ общества, — до такой степени заботливо что помѣщикъ, усадьба коего находится около самой волости, не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ крестьянскія дѣла. Огромныя надежды возлагаемы были на успѣхъ этого хитраго плана, но надеждамъ не суждено было осуществиться, и многіе вліятельные люди утверждаютъ въ настоящее время, что это-то особаго рода администрація и служитъ главною причиною теперешняго крайне неудовлетворительнаго состоянія сельскаго сословія. Г. Маккензи Уоллесъ захотѣлъ убѣдиться насколько справедливо подобное мнѣніе и пришелъ къ тому результату что оно отнюдь не преувеличено. Всякій безпристрастный наблюдатель, говоритъ онъ, долженъ согласиться что крестьянскій selfgovernment въ Россіи слѣдуетъ причислить къ числу неудачныхъ опытовъ: трудолюбивые, зажиточные крестьяне всячески уклоняются отъ того чтобы выборъ остановился на нихъ и предоставляютъ должности волостныхъ старшинъ наименѣ достойнымъ людямъ; далеко не рѣдкость что волостные старшины оказываются виновными въ растратѣ собираемыхъ ими денегъ и тогда крестьянамъ приходится въ другой разъ уплачивать подати и налоги; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ огромную роль играетъ водка; мірскія сходки сдѣлались гораздо хуже чѣмъ даже во времена крѣпостнаго права, ибо теперь онѣ многолюднѣе и перевѣсъ остается по большей части за тѣми, кто кричитъ громче; къ тому же угощеніе виномъ и на міръ оказываетъ сильное вліяніе. „Не рѣдко приходилось мнѣ, говоритъ авторъ, бесѣдовать о всемъ этомъ со стариками и слышать отъ нихъ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „теперь нѣтъ никакого порядка, — народъ испортился“...

Словомъ, выикнувъ въ подробности крестьянскаго самоуправленія авторъ увидѣлъ то же, что давно уже знакомо каждому изъ насъ, кто смотритъ на дѣло не сквозь призму нелѣпыхъ утопій. Любопытно однако обратить вниманіе какія мѣры предлагаетъ онъ противъ подобнаго положенія дѣлъ. Оказывается что вѣрный своему обыкновенію авторъ нашъ и въ настоящемъ случаѣ совѣтуетъ воздержаться отъ всякихъ мѣръ и возложивъ улованіе на Бога выжидать пока все не устроится къ лучшему само собою. Это будетъ благоразумно, замѣчаетъ онъ, потому что „самоуправленіе не можетъ быть, собственно говоря, создано законодательствомъ; законодательство въ состояніи, только отстранять препятствія и устанавливать формы, что же касается до духа, долженствующаго дать содержаніе этимъ формамъ, то онъ исходитъ не иначе какъ отъ самого народа и возникаетъ лишь вслѣдствіе продолжительнаго опыта.“ Глубоко вѣрное замѣчаніе, но едва-ли оно примѣнимо въ настоящемъ случаѣ. Напротивъ, законодательство-то и создало у насъ вышѣшнее сельское самоуправленіе. Г. Маккензи Уоллесу хорошо извѣстно—и онъ уломинаетъ объ этомъ въ своей книгѣ—что если община существовала въ Россіи и прежде, то она далеко не пользовалась такою самостоятельностью какъ теперь; при крѣпостномъ правѣ находилась она на помѣщичьихъ земляхъ подъ вліяніемъ помѣщиковъ, а на земляхъ государственныхъ крестьянъ подъ вліяніемъ чиновниковъ, которые были назначаемы правительствомъ. Съ отмѣной крѣпостнаго права это положеніе должно было измѣниться и дѣйствительно перемѣна совершилась, но въ какомъ же смыслѣ? Если по словамъ автора, одна изъ главнѣйшихъ задачъ законодательной власти относительно самоуправленія состоитъ въ томъ, чтобы „устранять препятствія“ на пути его развитія, то нельзя не спросить, дѣйствовала ли упомянутая власть въ смыслѣ этой задачи, заключивъ нашу сельскую общину въ самой себѣ, оградивъ ее отъ постороннихъ и могущихъ благотворно дѣйствовать на нее вліяній? Отвѣтъ автора извѣстенъ намъ заранее. Мы видѣли сейчасъ что онъ не мало изумляется упомянутому нами явленію. Если такъ, то почему же законодательству не слѣдуетъ прикасаться къ тому, что было дѣломъ его же собственныхъ рукъ?

Въ пользу своего мнѣнія авторъ приводитъ только одинъ аргументъ, заимствованный имъ повидимому у нашихъ поклонниковъ телерешнаго сельскаго самоуправленія. Дѣло идетъ о волостномъ судѣ. Неоднократно была высказываема мысль что было бы гораздо лучше еслибы распри между крестьянами были подчинены разбирательству мировыхъ судей. „Подобный способъ разрѣшать затрудненія, говоритъ г. Маккензи Уоллесъ, можетъ быть очень простъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень не удаченъ. Волостные суды руководствуются только установившимся обычаемъ и здравымъ смысломъ, а мировой судья обязанъ разбирать дѣла сообразно гражданскимъ законамъ, которыхъ крестьяне не знаютъ и которые не примѣнимы къ ихъ житейскимъ отношеніямъ. Лишь немногіе изъ мировыхъ судей—если даже найдутся между ними такіе—достаточно знакомы со всѣми подробностями домашняго быта мужаика и способны поэтому разрѣшить удовлетворительно вопросы подлежащіе рассмотрѣнію волостныхъ судовъ; предположимъ что мировой судья и обладаетъ необходимыми по этой части свѣдѣніями, онъ все-таки имѣетъ полную возможность не принимать для себя руководствомъ нравственныя и юридическія понятія крестьянъ. Понятія эти очень различны отъ тѣхъ которыя господствуютъ въ средѣ высшихъ классовъ.... Но зачѣмъ же, возражаютъ на это реформаторы школы Петра Великаго (?), не примѣнить и къ крестьянскому сословію тѣ возвышенныя принципы права, которые коренятся въ писанномъ законѣ и въ сознаниі образованныхъ классовъ общества? Вотъ тутъ-то и лежитъ, по моему мнѣнію, оласность. Если бы *lex scripta* была внезапно примѣнена къ такой сферѣ отношеній, гдѣ все до сихъ поръ опредѣлялось обычаемъ, то это произвело бы радикальный переворотъ въ нравственныхъ возрѣніяхъ крестьянъ и окончательно подорвало бы и разрушило бы ихъ понятія о томъ что слѣдуетъ считать законнымъ и незаконнымъ....“ Странное дѣло! Люди, которые встаютъ противъ волостныхъ судовъ, желали бы ихъ отмѣны именно по той причинѣ что суды эти сдѣлались притономъ волюющаго беззавія, что именно въ этой-то школѣ крестьяне и способны утратить всякое понятіе о правѣ, а намъ говорятъ что отмѣнить эти суды значитъ окончательно сбить съ толку крестьянъ относи-

тельно того что законно и незаконно! Да не самъ ли г. Маккензи Уоллесъ выставилъ съ такою поразительною вѣрностью всѣ безобразія волостнаго судопроизводства? Не самому ли ему приходилось слышать отъ мужиковъ что всякій изъ нихъ, кто попадаетъ въ судъ, „береть большой грѣхъ на душу,“—таково составилось у нихъ понятіе о теперешней ихъ юстиціи. Неужели же все это безобразіе, при которомъ человѣкъ бѣдный не можетъ добиться справедливости единственно по той причинѣ что у него не хватаетъ средствъ слюить виномъ своихъ судей, нужно терпѣть изъ суевѣрнаго страха что мировой судья—человѣкъ относительно образованный, живущій среди сельскаго люда, по большей части еще недавно такъ близко стоявшій къ крестьянамъ, не способенъ даже и постигнуть всѣхъ особенностей ихъ быта? Очевидно подобное мнѣніе подсказано было г. Уоллесу нашими туземными просвѣтителями, которые любятъ расточать фразы что крестьянское наше сословіе составляетъ какой-то особый невѣдомый міръ, доступный ловиманію лишь немногихъ избранныхъ. Эти господа доказываютъ будто мировому судья никогда не удастся проникнуть въ тайны крестьянскаго міровоззрѣнія и постановить такой приговоръ, который сообразовался бы съ ихъ понятіями, но въ то же время они считаютъ крестьянина какъ нельзя болѣе призваннымъ засѣдать въ окружныхъ судахъ и рѣшать дѣла далеко выходящія изъ его сферы. Крестьянинъ можетъ быть облеченъ правомъ рѣшающаго голоса въ сложныхъ уголовныхъ процессахъ, касающихся верѣдке обстоятельствъ, о какихъ ему не приходилось и слышать, — для этого вѣроятно дава ему сила высшаго разумѣнія,—но образованные люди не въ состояніи судить о раздорахъ и пререканіяхъ въ крестьянскомъ быту! Смиѣнь думать что г. Маккензи Уоллесъ избѣжалъ бы подобныхъ несообразностей еслибы онъ полагался болѣе на свой обыкновенно столь свѣтлый умъ, а не считалъ долгомъ въ своихъ сужденіяхъ принимать въ расчетъ всякія существующія у насъ мнѣнія, даже самыя нецѣльныя.

Иногда впрочемъ ему случается избѣжать этого недостатка. Замѣчаніе это мы отнесимъ преимущественно къ той главѣ въ книгахъ г. Маккензи Уоллеса которая посвящена земскому нашему самоуправленію,—главѣ отличающейся столь-

ко вѣрностью вошедшихъ въ нее свѣдѣній, сколько и основательностью сужденій. Прежде чѣмъ говорить о нашемъ земствѣ, не можемъ не выписать юмористическую страницу изъ разбираемой нами книги, въ которой авторъ сообщаетъ своимъ читателямъ, какимъ образомъ различныя новѣйшія учрежденія возникаютъ на нашей почвѣ. Обыкновенно, говоритъ онъ, проектъ того или другаго учрежденія вырабатывается съ особой комиссію. „Коммиссія сначала изучаетъ исторію этого учрежденія въ Россіи съ отдаленной древности до нашихъ дней, или по большей части выслушиваетъ чтеніе длинной журнальной статьи, посвященной этому предмету и специально приготовленной въ давномъ случаѣ кѣмъ-либо изъ чиновниковъ, который интересуется историческими изслѣдованіями и умѣетъ писать пріятнымъ слогомъ. Затѣмъ—употребляя фразу которая очень часто встрѣчается въ протоколахъ подобныхъ комиссій—дѣло идетъ о томъ чтобы *пролить на вопросъ свѣтъ науки*. Эта важная часть занятій состоитъ въ изготовленіи мемуара, излагающаго исторію подобныхъ же учрежденій въ другихъ странахъ, причемъ подробно сообщаются различныя о нихъ теоріи французскихъ и германскихъ юристовъ. Въ упомянутыхъ мемуарахъ очень часто идетъ рѣчь о всѣхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ Турціи, и случается даже что мелкимъ государствамъ Германіи и главнѣйшимъ швейцарскимъ кантонамъ отведено особое мѣсто. Чтобы познакомить еще лучше съ характеромъ этихъ удивительныхъ произведеній позволю себѣ привести примѣръ. Изъ массы печатныхъ документовъ, хранящихся у меня, беру наугадъ мемуаръ о реформахъ благотворительныхъ учреждений: на первомъ мѣстѣ помѣщена здѣсь философская диссертация о благотворительности вообще; затѣмъ нѣсколько замѣтокъ о Талмудѣ и Коранѣ; далѣе уломинается о томъ какъ организовано было вспомоществованіе бѣднымъ въ Ассинахъ послѣ Пелопонезской войны и въ Римѣ при императорахъ; послѣ этого довольно туманныя замѣчанія о Среднихъ Вѣкахъ, подкрѣпленныя цитатой очевидно имѣющею притязаніе быть латинскою; наконецъ разказъ о новѣйшихъ законахъ для бѣдныхъ, въ которомъ проходятъ предо мною англо-саксонское владычество, король Эгбертъ, король Этельредъ, *замѣчательная книга исланд-*

скихъ законовъ подъ названіемъ Hragas, Швеція и Норвегія, Франція, Голландія, Бельгія, Пруссія и почти всѣ второ-степенныя германскія государетва. Изумительнѣе всего что вся эта масса историческихъ свѣдѣній, простирающихся отъ Талмуда до новѣйшихъ узаконеній Гессенъ-Дармштатта, умѣстилось на двадцати одной страницѣ in 8°. Теоретическая часть мемуара не менѣе обильна содержаніемъ: множество именъ пользующихся извѣстностью въ литературѣ нѣмецкой, французской и англійской, насильно и неизвѣстно зачѣмъ притянуты сюда, а общій выводъ изъ всего этого сыраго непереваренного матеріала выдается за *последнее слово науки*. Читатель залодозрить быть-можетъ что я остановился на какомъ-нибудь исключительномъ фактѣ. Если такъ, то возьмемъ изъ килы документовъ еще одинъ, слѣдующій непосредственно за тѣмъ о которомъ я говорилъ сейчасъ. Онъ относится къ проекту закона о тюремномъ заключеніи за долги. На первой же страницѣ его встрѣчаю я ссылку на саллическіе законы V вѣка и на Іерусалимскіе ассизы anno Domini 1099. Этого, кажется, довольно. Пріятель, который смотритъ мнѣ чрезъ плечо когда я пишу эти строки, говоритъ что избранный мною примѣръ какъ нельзя болѣе характеристиченъ. Обратимся же теперь къ дальнѣйшему ходу дѣла. Какъ скоро указаннымъ мною путемъ извлечена на свѣтъ Божій вся квинтъ-эссенція человѣческой мудрости и опыта, коммиссія приступаетъ къ разсмотрѣнію вопроса какимъ образомъ этотъ драгоценный продуктъ можетъ быть примененъ къ Россіи, чтобы сообразовался онъ и съ существующими общими условіями и съ мѣстными особенностями. Очевидно что для всякаго человѣка съ практическимъ смысломъ это наиболѣе интересная и наиболѣе важная часть задачи, но сравнительно она весьма мало обращаетъ на себя вниманіе составителей проектовъ. Очень часто именно здѣсь старался я найти свѣдѣнія о теперешнемъ положеніи страны, но всякій разъ приходилъ къ глубокому разочарованію: туманныя фразы, основанныя не столько на наблюденіи сколько на умозаключеніяхъ аргіогі, нѣсколько статистическихъ таблицъ, которыхъ благоразумный изслѣдователь долженъ избѣгать какъ западни, — вотъ все что встрѣчалъ я предъ собою...“ Г. Маккензи Уоллесъ замѣчаетъ что подобные

пріемы различныхъ нашихъ комиссій вполнѣ удовлетворяютъ массу такъ-называемой образованной лублики, ибо лублика тоже относится къ различнымъ проектамъ съ довольно своеобразными требованіями. „Она считаетъ аксіомой что превосходство того или другаго учрежденія находится въ прямой зависимости отъ того въ какой мѣрѣ оно либерально и проникнуто демократическимъ характеромъ. Что же касается вопроса, соответствуетъ ли оно существующимъ условіямъ, нравамъ и привычкамъ народа и, какъ бы ни было оно превосходно само по себѣ, не окажется ли слишкомъ дорогимъ для осуществленія той задачи для которой предназначено — подобныя соображенія очень мало занимаютъ лублику...“

Земскія учрежденія въ Россіи, говоритъ авторъ, возбудили въ началѣ самыя радужныя надежды, ибо они вполнѣ отличались тѣмъ характеромъ который, какъ было упомянуто сейчасъ, имѣетъ особую цѣну въ глазахъ не малой части русскаго общества. Самоуправленіе, приходилось слышать со всѣхъ сторонъ, пустидо глубокіе корни въ Англіи, но это самоуправленіе вполнѣ аристократическое; тамъ трудно найти въ какомъ-нибудь графствѣ нѣчто въ родѣ маленькаго парламента и мѣстная администрація сосредоточена въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ: въ Россіи же губерніи, и уѣзды будутъ имѣть земскія собранія, въ которыхъ крестьянину предоставлены совершенно такія же права какъ и самому богатому помѣщику. Не несравненно ли это и демократичнѣе и либеральнѣе? А если такъ, если Англія съ своимъ аристократическимъ самоуправленіемъ достигла великихъ результатовъ, то какихъ благъ не позволительно ожидать отъ земскихъ учрежденій въ Россіи, основанныхъ на великомъ принципѣ равноправности! Надѣялись, что благодаря имъ возникнутъ вездѣ отличныя дороги, многочисленныя народныя школы, хороше устроенныя больницы, надѣялись что данъ будетъ сильный толчокъ промышленности и торговлѣ, надѣялись наконецъ что исчезнетъ мало-по-малу застой, который господствуетъ въ провинціальной нашей жизни, и пробудится ослѣпленный интересъ къ общественнымъ дѣламъ... „Въ чаяніи такой счастливой перемѣны, замѣчаетъ г. Маккензи Уоллесъ, патріотическія матери семействъ водили дѣтей сво-

ихъ въ земскія собранія, чтобы съ малыхъ лѣтъ приучить ихъ посвящать свое вниманіе общественному благосостоянію.“ Увы! надежды далеко не оправдались. „Даже въ той сферѣ которая очерчена ему закономъ, говоритъ авторъ, земство не осуществило возложенныхъ на него ожиданій. Страна не покрылась сѣтью макадамизованныхъ дорогъ и мосты все еще не такъ прочны какъ слѣдовало бы желать; сельскихъ школъ все еще мало и больницы встрѣчаются рѣдко; немного или даже ровно ничего не сдѣлано для торговли и для фабрикъ; села остаются совершенно такими же какими оны были при прежней администраціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ налоги возросли въ значительной пропорціи и на основаніи всего этого многіе приходятъ къ такому выводу, что земство не приноситъ пользы, что оно лишь увеличило тягости народа, не доставивъ странѣ взаимнѣ этого никакихъ выгодъ...“

Съ обычною своею осторожностью и здравымъ смысломъ, г. Маккензи Уоллесъ старается разъяснить причины неудачи нашихъ земскихъ учрежденій. Въ самомъ русскомъ обществѣ постоянно приходилось ему слышать по этому поводу одно и то же, а именно жалобы что правительство стѣснило ихъ дѣятельность и воспрепятствовало правильному ихъ развитію. „Если въ Россіи что-нибудь идетъ дурно, замѣчаетъ авторъ, то всегда обнаруживается стремленіе возлагать вину на правительство и ожидать лѣкарства изъ Петербурга.“ Какъ гражданинъ страны въ которой господствуетъ не мнимое, а дѣйствительное самоуправленіе, авторъ хорошо знаетъ цѣну подобнымъ нареканіямъ. Положимъ, говоритъ онъ, что земство и подверглось нѣкоторымъ ограниченіямъ, все-таки вполне несомнѣнно что оно могло бы приносить значительную пользу еслибы было въ немъ достаточно жизненности, а если оно обнаруживаетъ уладокъ, то значить что въ самомъ учрежденіи заключаются какіе-нибудь недостатки. Г. Маккензи Уоллесъ справедливо думаетъ что дѣло пошло бы съ самаго начала гораздо лучше еслибы земскіе наши дѣятели не возмечтали что оны въ состояніи совершить какія-то чудеса и еслибы лублика не ожидала отъ нихъ подобныхъ чудесъ. О чудесахъ не могло быть и рѣчи въ томъ положеніи въ какомъ находится теперь Россія: страна еще не богата, населеніе ея еще далеко

не такъ густо какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, а потому было совершенно бессмысленно ожидать чтобы посредствомъ административной реформы удалось вдругъ переродить ея внутреннй бытъ. „Не только года, но цѣлыя поколѣвнн, говоритъ авторъ, должны пройти прежде чѣмъ Россія будетъ представлять одинаковый видъ съ Германіей, Франціей или Англіей; переворотъ можетъ быть замедленъ или ускоренъ хорошею или дурною системою управленія, но онъ не совершится внезапно, если даже законодательная дѣятельность въ его пользу будетъ плодомъ соединенныхъ усилій всѣхъ философовъ и всѣхъ государственныхъ людей Европы.“ Земству и публикѣ пришлось убѣдиться въ этомъ, — пришлось убѣдиться что для достиженія какихъ-нибудь прочныхъ результатовъ нужна добросовѣстная, неутомимая, непрерывная и даже безкорыстная работа, для которой къ сожалѣнню не хватаетъ у насъ энергіи. По мнѣнню автора была еще причина, усложняющая малый успѣхъ нашего земства. Онъ опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Весьма немного людей въ Россіи живо сознаютъ потребность тѣхъ удобствъ, которыя земство было бы обязано доставлять имъ. Возьмемъ для примѣра предметъ главнѣйшей необходимости. Что хорошія дороги нужны для развитія народнаго богатства, это — принципъ вполнѣ извѣстный всякому Русскому получившему нѣкоторое образованіе, но лишь очень немногіе изъ просвѣщенныхъ дѣятелей земства, которые при случаѣ заявляютъ этотъ принципъ, ощущаютъ необходимость имѣть удобные пути сообщенія съ такою же страстью, съ какою они изыскиваютъ на примѣръ случаи сыграть партію въ карты. Одна изъ этихъ потребностей сознается, такъ — сказать, теоретически, а другая практически. Когда помѣщики научатся держать у себя приходо-расходныя книги и убѣдятся что извѣстная сумма денегъ, потраченная на дороги, будетъ болѣе чѣмъ покрыта уменьшеніемъ цѣны за провозъ продуктовъ, тогда — и только тогда, а не прежде — комитеты завѣдующіе путями сообщенія сдѣлаются вполнѣ серьезными учрежденіями. То же самое замѣчаніе, *mutatis mutandis*, можетъ быть отнесено и ко всѣмъ другимъ отраслямъ мѣстнаго самоуправленія. Чтобы показать на примѣръ до какой степени мало практичны занятія зем-

ства, упомяну здѣсь о случаѣ, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ въ одномъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Рѣчь шла о начальныхъ сельскихъ школахъ: одинъ изъ вліятельныхъ членовъ быстро вскочилъ съ своего мѣста и предложилъ чтобы немедленно во всемъ уѣздѣ была введена система обязательнаго обученія. Какъ это ни покажется страннымъ, но собраніе уже готово было принять упомянутое предложеніе, хотя каждому изъ его членовъ было извѣстно или по крайней мѣрѣ могло бы быть извѣстно, еслибъ онъ взялъ на себя трудъ освѣдомиться объ этомъ, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы увеличить наличное число школъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ, а мѣстныя повинности и безъ того уже были слишкомъ обременительны. Не довольствуясь сдѣланнымъ имъ предложеніемъ, тотъ же членъ, чтобы упрочить за собою репутацію либерализма, требовалъ при введеніи обязательнаго обученія не прибѣгать ни къ штрафамъ, ни къ наказаніямъ, ни вообще къ какимъ бы то ни было принудительнымъ мѣрамъ. Но какимъ же образомъ обученіе могло бы сдѣлаться обязательнымъ, еслибы были совершенно устранены принудительныя мѣры, этого онъ не считалъ нужнымъ объяснить. Сознывая вѣроятно эту несообразность, одинъ изъ его приверженцевъ высказалъ мысль, что крестьяне которые не будутъ посылать въ школу своихъ дѣтей могли бы быть лишены права занимать у себя въ селахъ должности по выбору, но тутъ собраніе разразилось уже хохотомъ, ибо всякій понималъ что для крестьянъ наказаніе такого рода было бы лучшею наградою. И въ то самое время какъ происходили подобныя пренія о необходимости ввести идеальную систему обязательнаго обученія, улица предъ самыми окнами того дома гдѣ засѣдало земство была покрыта грязью почти на цѣлый аршинъ глубины! Другія улицы содержались столь же опратно, вслѣдствіе чего большая часть членовъ всегда олаздывали приходомъ, ибо идти лѣшкомъ было невозможно, а во всемъ городѣ находился только одинъ извозчикъ. Нѣкоторые изъ членовъ имѣли собственные экипажи, но и для нихъ переѣздъ представлялся далеко не безопаснымъ: однажды на главной улицѣ опрокинулся тарантасъ одного изъ этихъ господъ, и самъ владѣлецъ его полетѣлъ въ грязь....“

Взглянувъ на эту картину, никто не усомнится что она

нарисована съ натуры. Автора постоянно поражала одна черта въ русскихъ дѣятеляхъ—это привычка задаваться самыми широкими планами, не соображая отвѣчаютъ ли они дѣйствительнымъ потребностямъ и находятся ли средства для осуществленія ихъ, привычка стремиться къ тому что можетъ быть достигнуто лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и забывать о томъ что у всѣхъ подъ носомъ. „Изъ всѣхъ великолѣпныхъ проектовъ которые нарождаются въ Россіи, говоритъ авторъ, лишь весьма немногіе переходятъ въ дѣйствительность, да и эти обречены часто на очень непродолжительное существованіе. Русскіе ознакомились теоретически съ потребностями самой передовой цивилизаціи, но нельзя сказать чтобы на практикѣ они настойчиво, постоянно ощущали ихъ, а потому и учрежденія, искусственно созданныя для удовлетворенія этихъ потребностей, чахнуть и вскорѣ умираютъ“. Г. Маккензи Уоллесу не рѣдко приходилось бесѣдовать съ лицами различныхъ классовъ о печальныхъ явленіяхъ въ нашей общественной жизни: всѣ они какъ нельзя лучше знавали эти явленія, но что касается до практическихъ, вполнѣ цѣлесообразныхъ и разумныхъ средствъ отстранить ихъ, то на этотъ счетъ автору удалось, какъ кажется, извлечь очень мало пользы изъ своихъ разговоровъ. Тутъ выступали на сцену плавы и предположенія, одно заманчивѣе другаго, въ которыхъ „публичность“, „гласность“ и тому подобныя, слѣшкомъ знакомыя намъ слова, играли главную роль. Авторъ не мало удивлялся что по понятіямъ многихъ у насъ, еслибы только свободѣ предоставлено было больше простора, то все устроилось бы къ лучшему само собою и даже безъ особеннаго напряженія съ нашей стороны. Въ высшей степени характеристична въ этомъ отношеніи бесѣда г. Маккензи Уоллеса со священникомъ съ которымъ познакомился онъ въ деревнѣ, послужившей ему школой для изученія русскаго языка. Священникъ весьма вѣрно изобразилъ ему все что есть печальнаго въ теперешнемъ положеніи нашего духовенства; подробно говорилъ онъ о томъ какъ—преимущественно въ селахъ—стѣснено оно въ своихъ матеріальныхъ средствахъ, въ какой тѣсной зависимости находится оно вслѣдствіе того отъ народа и какъ до этого не можетъ оно обнаруживать на народъ должнаго влі-

двія. „Но объясните же мнѣ, обратился къ нему авторъ, что по вашему мнѣнію могло бы измѣнить это незавидное положеніе дѣлъ?“—„Свобода и гласность, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, отвѣчалъ священникъ (почтенный мужъ заучилъ кажется эту форму наизусть). Сначала и прежде всего наши потребности должны сдѣлаться извѣстными рѣшительно всѣмъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже предпріяты были попытки достигнуть этого посредствомъ епархіальныхъ съѣздовъ, но попытки такого рода всегда встрѣчали противодѣйствіе со стороны консисторій, которыя страшатся гласности болѣе всего на свѣтѣ. Но чтобъ обезпечить себѣ гласность, намъ необходимо пользоваться болѣею свободою.“ За симъ слѣдовало длинное разсужденіе о свободѣ и гласности, которое показалось мнѣ нѣсколько запутаннымъ. Сколько я могъ понять, разсужденіе это вращалось въ заколдованномъ кругѣ: свобода была необходима для того чтобы добиться гласности, а гласность необходима для того чтобы приобрести свободу; какъ практической же результатъ всего этого, содержаніе духовенства будетъ увеличено, и оно будетъ пользоваться большимъ уваженіемъ со стороны народа.“

Если отъ вопроса о самоуправленіи, которымъ мы занимались выше, обратимся къ тому что говоритъ авторъ о нашихъ судахъ, то и тутъ встрѣтимъ у него не мало вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній. Г. Маккензи Уоллесъ сознается что, „не питая вообще большаго довѣрія къ учрежденіямъ которыя какъ Минерва выходятъ во всеоружіи изъ головы законодателей“, онъ сомнѣвался чтобы новые суды могли дѣйствовать правильно и съ пользой на нашей почвѣ. Присмотрѣвшись къ нимъ, онъ отказался однако отъ своего предубѣжденія. Конечно далеко не все кажется ему въ этихъ судахъ безупречнымъ. „Судьи, говоритъ онъ, вовсе не принадлежатъ къ числу глубоко свѣдущихъ юристовъ и очень часто не достаетъ имъ безстрастнаго спокойствія, но по крайней мѣрѣ это люди честные, образованные и обладающіе достаточнымъ знаніемъ законовъ. Главнѣйшіе недостатки ихъ объясняются тѣмъ обстоятельствомъ что судебная реформа потребовала гораздо большаго числа юристовъ чѣмъ находится ихъ налицо, и правительство нашлось вынужденнымъ останавливать свой выборъ на

лицахъ которыя при обыкновенныхъ обстоятельствахъ вѣроятно и не помышляли бы явиться кандидатами. Въ началѣ 1870 года изъ 227 судей, засѣдавшихъ въ 32 окружныхъ судахъ, 44 не получили вовсе юридическаго образованія, даже председатели этихъ судовъ не прошли чрезъ юридическую школу. Попятно что теперешніе суды не могутъ исполнять надлежащимъ образомъ своего призванія до тѣхъ поръ пока всѣ члены ихъ не приобретутъ основательныхъ спеціальныхъ знаній и не ознакомятся практически съ судебными вопросами.“

Несравненно суровѣ отзывы англійскаго автора о нашей корпорациі адвокатовъ. Многое ставитъ онъ ей въ вину, и во первыхъ, замѣчаетъ г. Маккензи Уоллесъ, „русскіе адвокаты должны были бы усвоить себѣ то простое правило, что имъ слѣдуетъ держаться исключительно только процесса въ которомъ они являются защитниками. Теперь же вовсе не рѣдкость что адвокатъ не можетъ устоять противъ искушенія щегольнуть своими свѣдѣніями, только-что приобретенными на школьной скамьѣ и приводить отнюдь не относящіяся къ дѣлу цитаты изъ законодательствъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго. Эта заматка обнаруживается очень часто преимущественно у молодыхъ людей и объясняется она до нѣкоторой степени существующею нынѣ въ Россіи системой юридическаго образованія. Вмѣсто того чтобы тщательно знакомить учащихся съ отечественнымъ законодательствомъ, профессеры пускаются въ туманную критику и изслѣдованія съ безпрерывными ссылками на законодательства иностранныя; вслѣдствіе этого многіе изъ студентовъ усваиваютъ лишь хаотическую путаницу общихъ принциповъ, разнообразныхъ системъ, юридической философіи, политической экономіи, и очень скудныя свѣдѣнія о законахъ и уголовной процедурѣ собственной страны.“ Г. Маккензи Уоллесъ остановился также и на другомъ несравненно болѣе важномъ улрѣкѣ, съ которымъ наша публика обращается къ адвокатамъ,—на улрѣкѣ въ томъ что многіе изъ нихъ смотрятъ на свою профессію главнымъ образомъ какъ на средство для жизни. „Я держусь того мнѣнія, говоритъ онъ, что каждый адвокатъ долженъ быть одушевляемъ чувствомъ чести, что нравственный уровень долженъ стоять какъ можно выше.

Но повидимому нравственный уровень адвокатскаго сословія въ Россіи находится еще въ эмбрионическомъ состояніи.... Обыкновенно адвокатъ заключаетъ съ своимъ клиентомъ формальный договоръ, на основаніи коего онъ долженъ получить значительную сумму если выиграетъ процессъ и болѣе умеренное вознагражденіе если процессъ будетъ проигранъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ очень часто ставится условіемъ что вознагражденіе должно находиться въ обратной пропорціи къ строгости приговора: такъ на примѣръ послѣ продолжительнаго торга подсудимый обязывается уплатить 10.000 руб. если будетъ оправданъ, 5.000 р. если будетъ приговоренъ на годъ тюремнаго заключенія и 1.000 р. если подвергнется ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, и адвокатъ принимаетъ мѣры чтобы значительная часть суммы была уплачена ему впередъ. Случается иногда и хуже: адвокаты не только продаютъ свои услуги по возможно-дорогой цѣнѣ, но и прибѣгаютъ къ несовсѣмъ благовиднымъ средствамъ, чтобы возвысить эту цѣну. Одно изъ употребительнѣйшихъ средствъ состоитъ въ томъ чтобы залугать клиента изображая ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и прибѣгая къ явнымъ преувеличеніямъ опасности его положенія; или же, въ то время, когда производится слѣдствіе, стараются выманить у подсудимаго деньги для секретныхъ расходовъ, то-есть для того чтобы „подмазать“ вліятельныхъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію продѣлки такого рода вовсе не составляютъ исключенія. Большинство общества все еще держится стариннаго убѣжденія, что уголовная процедура есть нѣчто въ родѣ очень залутанной игры, въ которой побѣда—оставляя въ сторонѣ справедливость и законность—остается всегда на сторонѣ болѣе ловкаго человѣка, что подкулы и задніеходы необходимы для успѣха. Преимущественно въ средѣ торговаго, мало образованнаго люда господствуетъ дѣтская слѣпая вѣра во всемогущество знаменитыхъ адвокатовъ, изъ коихъ многіе, пользуясь этою вѣрой для своихъ выгодъ, сумѣли въ невѣроятно-короткое время составить себѣ большое состояніе. Договоры между адвокатами и клиентами держатся конечно въ секретѣ, но если случайно и всплываетъ что-нибудь наружу, то считается дѣломъ обыкновеннымъ и не возбуждаетъ негодованія. Общественное мнѣніе до такой степени снисходительно на этотъ счетъ

что репутація адвоката нисколько не терпитъ отъ разоблаченія фактовъ, которые въ Англіи покрыли бы его стыдомъ и повлекли бы за собою исключеніе его изъ корпораціи.“

Нельзя было и ожидать конечно чтобы приговоры присяжныхъ засѣдателей въ нашихъ уголовныхъ судахъ не поразили автора своими чудовищными странностями. Приводя примѣры подобныхъ приговоровъ онъ замѣчаетъ что было бы нисколько не удивительно еслибы на основаніи ихъ Англичане убѣдились въ совершенной неподготовленности русскаго общества къ институту присяжныхъ. Главнѣйшую причину того что институтъ этотъ дѣйствуетъ неуспѣшно на нашей почвѣ г. Маккензи Уоллесъ объясняетъ присутвіемъ въ средѣ присяжныхъ людей которые по отсутствію всякаго образованія рѣшительно не способны исполнять толково возлагаемая на нихъ обязанности. Но одни ли они несутъ грѣхъ на своей душѣ? Свободны ли отъ упрека и такъ-называемые образованные наши классы? „Эти классы, говоритъ авторъ, становятся верѣдко самымъ печальнымъ образомъ доступны вліянію удивительныхъ идей. Случается на примѣръ что присяжный, окончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, усвоилъ себѣ свою особую теорію о дѣйствительности свидѣтельскихъ показаній или же онъ держится того убѣжденія что лучше оправдать тысячу виновныхъ чѣмъ покарать одного невиновнаго; или же наконецъ овладѣвъ имъ сентиментальная псевдо-филактропія и онъ задался мыслію что наказанія совершенно безполезны, ибо они не исправляютъ виновнаго и не отвращаютъ другихъ отъ преступленій: словомъ можетъ случиться что такъ или иначе онъ потерялъ равновѣсіе ума среди того интеллектуальнаго хаоса, который переживаетъ Россія въ настоящую минуту. Въ Англіи, Франціи, Германіи подобная личность не имѣла бы никакого вліянія на своихъ товарищей присяжныхъ, потому что въ этихъ странахъ не легко найти людей которые допустили бы сбить себя съ толку новыми и парадоксальными идеями и перевернуть вверхъ дномъ установившіяся у нихъ понятія: въ Россіи же, гдѣ даже самая элементарная нравственная воззрѣнія чрезвычайно шатки и капризны, такой господина, какого описали мы сейчасъ, способенъ достигнуть того что

онъ будетъ направлять рѣшенія присяжныхъ. Нертѣдко приходилось мнѣ встрѣчать людей хваставшихся тѣмъ что они побудили присяжныхъ оправдывать всѣхъ безъ исключенія обвиняемыхъ, и это не потому чтобъ они не вѣрили въ совершенныя ими преступленія, находили доказательства недостаточными или свидѣтельскія показанія сомнительными, а единственно по той причинѣ что всякія наказанія казались имъ и бесполезными и варварскими.“

Тилъ этого рода не могъ не обратить на себя вниманіе г. Маккензи Уоллеса. Онъ не имѣетъ здѣсь въ виду нигилистовъ нашихъ, „ходящихъ въ народъ“ чтобы распространять между нимъ гаульѣшнїа прокламаціи и книжонки; авторъ хорошо знаетъ эту невѣжественную, дикую сволочь, но, какъ и слѣдовало ожидать, не придаетъ ей ни малѣйшаго значенія. Его не можетъ удивлять что подобный людъ народился и на нашей почвѣ: крайній демократическій социализмъ не рѣдкое теперь явленіе и повсюду въ Европѣ,—отчего же было не найти ему приверженцевъ и у насъ, гдѣ такъ сильно развита подражательность, но только въ Россіи выразился онъ въ особенно-грубой, отвратительной формѣ, и такъ какъ нѣтъ для него въ нашей странѣ рѣшительно никакихъ законныхъ причинъ, то и адепты его вербуются лишь изъ лодокѣвъ общества. Въ сущности явленіе подобнаго рода не могло быть въ глазахъ г. Маккензи Уоллеса ни любопытнымъ ни оригинальнымъ, но его видимо заинтересовали люди, которые ищють достаточное состояніе, могутъ даже нежалуй считаться у насъ людьми образованными, а между прочимъ по своему образу мыслей представляютъ дѣйствительно необыкновенное явленіе. Глава носящее названіе: „помѣщика новой школы“, въ которой авторъ знакомитъ своихъ читателей съ этими личностями, обнаруживаетъ въ немъ несомнѣнный литературный талантъ,—такъ живо и рельефно обрисованы имъ различные типы нашихъ представителей прогресса. Вотъ напримѣръ одинъ изъ нихъ, нѣкто Николай Ивановичъ, проживающій въ деревнѣ съ своими братьями: ученье свое доканчивалъ онъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, т.-е. въ то блаженное время, когда не было такого либеральнаго сумбура который не сбивалъ бы съ толку не только нашу молодежь, но и старцевъ. Николай Ивановичъ принималъ дѣятельное

участіе въ пресловутыхъ демонстраціяхъ студентовъ и подвергся исключенію изъ университета; онъ бросился въ литературу, и хотя, говоритъ авторъ, „уровень положительныхъ его знаній былъ далеко не великъ, но у него была способность писать довольно гладко и притомъ такимъ образомъ что читателямъ приходила мысль будто онъ обладаетъ безграничнымъ запасомъ политической мудрости, которую не можетъ влохлябъ обнаружить только вслѣдствіе строгостей цензуры“. Не довольствуясь этими упражненіями Николай Ивановичъ сталъ прибѣгать и къ такимъ, которыя вовсе не предназначались имъ для печати: одна изъ его прокламацій попала въ руки полиціи и онъ отправленъ былъ административнымъ порядкомъ на житье въ другую губернію. Пять лѣтъ спустя онъ возвратился оттуда и избралъ своимъ мѣстопребываніемъ деревню. „Большую часть времени, разказываетъ авторъ, посвящаетъ онъ оплакиванію своихъ разбившихся надеждъ. Впрочемъ онъ нисколько не утратилъ гладкаго стиля, оставившаго ему нѣкогда эфемерную литературную репутацію, и можетъ по цѣлымъ часамъ, лишь бы только слушающіе витійствовать о политическихъ и социальныхъ вопросахъ. Крайне трудно однако слѣдить за его рѣчами и еще труднѣе удержать изъ нихъ что-нибудь въ памяти.... Онъ живетъ въ мірѣ абстрактнаго міросозерцанія, съ высотъ коего едва примѣчаетъ то что происходитъ вокругъ него и все его разсужденія и аргументы везольно наминаютъ о фокусникѣ, который вмѣсто шаровъ сталъ бы употреблять такіа условныя выраженія какъ: аристократія, буржуазія, монархія и т. п. Къ конкретнымъ понятіямъ приходитъ онъ не наблюденіемъ, а вывода ихъ изъ общихъ принциповъ, вслѣдствіе чего факты, на которые онъ опирается, никогда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ противорѣчить его теоріямъ. Затѣмъ есть у него извѣстная аксіома, которая кажется ему неслепленнымъ, которая онъ считаетъ даже изашишимъ объяснять и на которыхъ основаны все его умозаключенія; такова наприкладъ аксіома, что рѣшительно все, къ чему можетъ быть прилагательно прилагательное „либеральный“, должно быть непремѣнно хорошо во всякое время и при всякихъ условіяхъ. Выступъ съ массой туманныхъ представленій не поддающихся точному опредѣленію, обладаетъ онъ кое-какими идеями, которыя можетъ-быть и далеко не вѣрны, но по крайней

мѣръ понятны. Таково между прочимъ убѣжденіе его что Россіи представлялся недавно превосходный случай опередить всю Европу на пути прогресса, но что она сама не захотѣла воспользоваться имъ. По его мнѣнію она могла бы—когда происходила отмена крѣпостнаго права—смыло усвоить самыя крайніе принципы соціальной и политической науки и устроить сообразно имъ весь свой гражданскій бытъ. Другія страны не въ состояніи сдѣлать подобнаго шага потому что онѣ одряхлѣли, находятся въ упадкѣ, исполнены наследственныхъ упорныхъ предрасудковъ, потому что властью въ этихъ странахъ пользуются проклятая аристократія или буржуазія; но Россія еще молода, она не знаетъ раздѣленія на касты и въ ней не можетъ происходить борьбы съ устарѣлыми предрасудками. Правительство прибѣгло было къ великолѣпному соціологическому эксперименту, но остановилось на половинѣ дороги... Такъ какъ Николай Ивановичъ „либераль“, то онъ принадлежитъ къ числу ревностныхъ приверженцевъ парламентскихъ учрежденій. Въ его глазахъ конституція играетъ роль всемогущаго фетиша. Вы можете сколько угодно доказывать ему что парламентарный образъ правленія, каковы бы ни были его выгоды, неизбѣжно порождаетъ партіи, политическія раздоры и слѣдовательно вовсе не такъ пригоденъ для соціологическихъ экспериментовъ какъ сильная единачная власть; вы можете объяснять ему, что если не совсемъ легко навязать свои идеи лицу стоящему во главѣ правленія, то еще гораздо труднѣе навязать ихъ парламенту, но всѣ усилія ваши останутся тщетны. Николай Ивановичъ станетъ утверждать что русскій парламентъ будетъ въчто совершенно особое отъ всѣхъ другихъ парламентовъ въ мірѣ: въ немъ не окажется партій и онъ сочтетъ долгомъ руководиться исключительно научными соображеніями, освободясь и отъ предрасудковъ и отъ личныхъ вліяній, подобно ученому, который размышляетъ о свойствахъ безжизненнаго. Словомъ онъ, повидимому, увѣренъ, что парламентъ будетъ состоять изъ него самого и изъ его друзей и что общество охотно подчинится ихъ предписаніямъ. Въ ожиданіи столь счастливой минуты, когда наука, непричастная человеческимъ страстямъ, утвердитъ свое господство, Николай Ивановичъ ненавидитъ такъ какъ только можетъ ненавидѣть фанатикъ: прежде и сильнѣе всего ненавидитъ онъ то что при-

выкъ называть буржуазіей,—ему по неволѣ приходится употреблять это французское слово потому что на родномъ его языкѣ не существуетъ равнозначущаго термина—особенно капиталистовъ всякаго сорта и всякихъ размѣровъ; затѣмъ ненавидитъ онъ аристократію, преимущественно феодальную, хотя съ этимъ названіемъ и не связывается у него достаточно яснаго представленія; онъ подразумеваетъ подъ нею всѣхъ титулованныхъ лицъ, къ которымъ проникнуть такою враждою какъ будто они его личные враги. Ненавидитъ онъ также всѣхъ чиновниковъ и специально жандармовъ; ненавидитъ наконецъ и всѣхъ помѣщиковъ. Правда, онъ самъ помѣщикъ или по крайней мѣрѣ сдѣлается помѣщикомъ послѣ смерти своей матери, но тѣмъ не менѣе убѣжденъ что земли должны быть отняты у этихъ лицъ и раздѣлены между крестьянами...

Между представителями „либерализма“—въ томъ особомъ значеніи, которое онъ прінялъ въ Россіи—не всѣ, конечно, Николаи Ивановичи. Авторъ изображаетъ типы и другихъ людей „новой школы“; эти люди не заходятъ такъ далеко въ своихъ социологическихъ и политическихъ злоубраціяхъ какъ тотъ господинъ, съ которымъ мы сейчасъ познакомились, но у всѣхъ ихъ есть одна общая черта: нежеланіе заняться какимъ-нибудь практическимъ дѣломъ и необыкновенная склонность къ лустословію; наука имъ незнакома, но они очень заботятся о томъ, чтобъ уловить „последніе результаты науки“ и очень часто какая-нибудь одна книга, въ которой, по ихъ мнѣнію, эти результаты изложены наиболее вѣрно, вызываетъ работливое поклоненіе съ ихъ стороны. Такъ, напримѣръ, г. Маккензи Уоллесъ былъ изумленъ тѣмъ безграничнымъ непоколебимымъ авторитетомъ, которымъ еще весьма недавно пользовалось у насъ известное сочиненіе Бокаля. Да и какъ не изумляться, когда просматривая въ деревняхъ у крестьянъ тощія запасы книжонекъ, онъ два раза находилъ между этими книжонками *Исторію цивилизаціи Англіи*,—очевидно подарокъ какого-нибудь просвѣтителя народа въ родѣ Николая Ивановича! „Какимъ образомъ, спрашиваетъ г. Маккензи Уоллесъ, произведеніе Бокаля могло очутиться въ подобномъ мѣстѣ? Если читатель-позволить мнѣ сдѣлать маленькое отступленіе, я объясню ему этотъ фактъ. Въ началѣ нынѣшняго царствованія обнаружилось весьма куріозное интеллектуальное

движеніе среди образованныхъ классовъ Россіи. Движеніе это принимало разнообразныя формы, изъ коихъ наиболѣе рѣзко проявлялись—жажда энциклопедическихъ знаній и старанія приискать для всякаго знанія научную формулу. Для людей съ такимъ складомъ ума обширное сочиненіе Бокля имѣло особенно привлекательную силу. Съ перваго взгляда оно имѣло, казалось, цѣлью разнообразныя и противорѣчащія одинъ другому факты въ исторіи чело-вѣчества подвести подъ какіе-нибудь опредѣленные прин-ципы и установить порядокъ въ этомъ хаосѣ. Успѣхъ Бок-ля былъ очень значителенъ. Въ Россіи, какъ меня увѣря-ли въ томъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ были напечатаны и распроданы четыре изданія этой книги. Всякій читалъ или по крайней мѣрѣ похвалялся что читалъ чудное произведе-ніе и многіе увѣрили себя, что авторъ его—величайшій ге-ній современнаго намъ поколѣнія. Въ первые годы моего пребыванія въ Россіи не случалось мнѣ слышать ни одно-го серьезнаго разговора въ которомъ не упоминалось бы имя Бокля и собесѣдники мои не переставали утверждать что онъ былъ творцомъ настоящей исторической науки, основанной на индуктивномъ методѣ. Тщетно обращалъ я вниманіе ихъ на то что Бокль только намекнулъ, дакъ понять въ своемъ предисловіи какимъ образомъ по-добная наука могла бы быть построена, но самъ не пред-принималъ вовсе серьезной попытки воспользоваться мето-домъ, который былъ имъ рекомендованъ. Подобныя возра-женія не производили ни малѣйшаго дѣйствія, ибо вѣра въ Бокля лустила слишкомъ глубокіе корни чтобы можно было поколебать ее. Въ книгахъ, періодическихъ изданіяхъ, газетахъ, на лекціяхъ профессоровъ постоянно цитирова-лось имя Бокля, — очень часто притягивали его совершен-но напрасно, безо всякаго предлога—и дешевыя изданія его книги продолжали расходиться въ огромномъ количествѣ. Не удивительно такимъ образомъ что это произведеніе про-никло даже въ двѣ деревни Ярославской губерніи...

Какое общее впечатлѣніе произвело русское общество на г. Маккензи Уоллеса, о томъ можно судить по слѣ-дующимъ его словамъ: „Дѣло въ томъ, что въ Рос-сіи *борьба за существованіе* далеко не столь упорна какъ въ другихъ гуще заселенныхъ странахъ, что обществен-ный бытъ устроенъ такъ что всѣ могутъ жить безъ особенно значительныхъ усилій, съ своей стороны. Вотъ

почему путешественнику, который прѣзжаетъ съ Запада, Русскіе кажутся народомъ безлечнымъ, алатичнымъ, но тутъ, какъ и вездѣ, все познается по сравненію. Если путешественникъ является съ Востока, если нѣсколько времени прожилъ онъ среди пастушескихъ племенъ, то Русскіе покажутся ему народомъ очень энергическимъ и очень трудолюбивымъ. Характеръ ихъ, съ этой точки зрѣнія, вполне соответствуетъ географическому положенію ихъ государства: оно занимаетъ мѣсто между дѣятельными, трудолюбивыми народностями Европы съ одной стороны и пастушескими племенами съ другой. Русскіе способны произвести очень многое перемежающимися энергическими порывами—доказательствомъ служить крестьянамъ во время жатвы или петербургскій чиновникъ когда ему нужно представить въ опредѣленный срокъ какой-нибудь обширный административный проектъ высшему правительству, но они еще не усвоили себѣ привычку трудиться правильно. Они были бы въ состояніи поколебать цѣлый міръ, еслибы возможно было сдѣлать это однимъ толчкомъ, но еще не обладаютъ тѣмъ спокойнымъ упорствомъ, тою непоколебимою стойкостью, которыя составляютъ отличительную черту Тевтонскаго племени.⁴

Все это уже давно для насъ не новость, все это неоднократно высказывалось и у насъ людьми трезво смотрящими на вещи, но любопытно что иностранецъ, основательно ознакомившись съ нашимъ обществомъ, приходитъ къ тому же самому заключенію. Приговоръ г. Маккензи Уоллеса нельзя назвать слишкомъ лестнымъ, но развѣ можно винить въ этомъ автора? Онъ только изображалъ то что находилось у него предъ глазами, и никто не скажетъ чтобы онъ умышленно клалъ на картину темныя тѣни. Онъ видѣлъ что Россія усвоила себѣ новыя учрежденія, но въ учрежденіяхъ этихъ вовсе не заключается такой чудотворной силы, чтобы они сами собой могли измѣнить къ лучшему общественный нашъ бытъ,—для этого требуется трудолюбіе и энергія, а именно въ томъ и другомъ и оказывается у насъ волющій недостатокъ. Въ Россіи живетъ легко безъ особенныхъ усилій, восклицаетъ г. Маккензи Уоллесъ, и замѣчаніе это какъ нельзя болѣе справедливо: вотъ почему земскіе наши дѣятели пробаваются безплодными сѣтованіями о томъ что не могутъ они достаточно свободно расправить свои крылья, а между тѣмъ мосты и дороги, находящіяся въ ихъ завѣдываніи, совершенно не-

проѣзжаемы; вотъ почему различные наши Николаи Ивановичи убѣждены что они дѣлаютъ весьма серьезное дѣло предаваясь мечтаніямъ о перерожденіи человечества и обрекая себя въ то же время на глухѣйшее тунеядство; вотъ почему не трудно у насъ, въ большинствѣ случаевъ, составить себѣ даже ученую репутацію, ибо и наука въ Россіи имѣетъ совершенно иную судьбу чѣмъ въ Европѣ, гдѣ—по выраженію автора—она явилась на свѣтъ послѣ „тяжкихъ страданій зачатія и болѣе разрѣшенія отъ бремени“.

Мы старались дать нашимъ читателямъ общее понятіе о книгѣ г. Маккензи Уоллеса. Нѣкоторыя ея главы не коснулись мы вовсе, хотя онѣ едва ли не принадлежатъ къ числу наиболѣе любопытныхъ, но говорить о нихъ подробно значило бы чрезчуръ расширить предѣлы нашей статьи. Сюда относимъ значительную часть втораго тома разбираемой нами книги, гдѣ авторъ подробно разсматриваетъ вопросъ о томъ, какое вліяніе имѣло освобожденіе крестьянъ съ одной стороны на помѣщиковъ, а съ другой—на крестьянъ. Пусть читатели сами познакомятся съ этимъ отдѣломъ труда г. Маккензи Уоллеса, способнаго, повторяемъ, навести на много полезныхъ мыслей. Не такъ давно появился онъ во французскомъ переводѣ, отличающемся точностью.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

НА СТАТЬЮ Г. ВЕНЮКОВА *

Говоря въ своей прекрасной статьѣ о результатахъ торговыхъ трактатовъ Китая и Японіи съ Европейскими государствами, М. И. Венюковъ высказываетъ мнѣніе что Китайцы совершенно не въ состояніи конкурировать съ Европейцами, и слѣдствіемъ нынѣшней торговой политики долженъ быть упадокъ торговли и промышленности Китая. Японцы же, по его мнѣнію, гораздо способнѣе бороться съ Европейцами, и уже теперь заводятъ фабрики, которыя выдѣлываютъ товары, недавно еще привозившіеся изъ Европы.

Я не могу согласиться съ этимъ взглядомъ на Китайцевъ и въ этомъ случаѣ свидѣнія собранныя мною въ прошломъ году, при путешествіи на дальній Востокъ (отъ Сингалура до портовъ Японіи), подтверждаются лучшими изслѣдованіями Китая европейскими путешественниками въ послѣдніе годы.

Вездѣ въ настоящее время на дальнемъ Востокѣ путешественникъ слышитъ жалобы на то что торговля стала невыгодна, что прежнихъ барышей нѣтъ и т. д. Между тѣмъ

* „Международное право въ Азіи“, см. *Русск. Вѣстн.* №№ 4 и 6, 1877.

статистическія таблицы показываютъ что торговля развивается съ каждымъ годомъ. Въ чемъ же дѣло? Въ прежніе годы, то-есть отъ Нанкинскаго трактата до половины шестидесятыхъ годовъ, даже до открытія Суэзскаго канала, европейскіхъ торговыхъ домовъ было мало, они располагали огромными капиталами и собственными пароходами, получали извѣстія о цѣнахъ ранѣе чѣмъ они приходили по почтѣ (телеграфа еще не было) и конечно имѣли огромные барыши. Китайцы не имѣли возможности конкурировать съ ними, а дѣла были настолько обширны что конкуренція Европейцевъ между собою была слаба. Однако Европейцы (почти исключительно Англичане) не дѣлали ничего чтобъ упрочить свое положеніе. Не зная страны и языка, они для закупокъ полагались на Китайцевъ-колиграторовъ (закупщиковъ или факторовъ), а сами хозяева и ихъ прикащики-Европейцы привыкли къ чрезвычайно-широкой, роскошной жизни.

Во время возстанія Тайпинговъ (1850—64) Европейцы имѣли большіе барыши еще отъ контрабандной торговли, особенно оружіемъ, а жившіе въ Шанхаѣ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаютъ 1864 годъ, когда китайскій городъ былъ осажденъ и взятъ инсургентами, и богатые Китайцы толпами бѣжали въ европейскіе кварталы и давали баснословныя цѣны за квартиры.

Первый ударъ барышамъ Европейцевъ былъ нанесенъ возстановленіемъ власти Пекинскаго правительства. Прекратилась торговля оружіемъ, Китайцы толпами возвращались изъ Шанхая домой, а контрабанда значительно уменьшилась, благодаря усиліямъ таможеннаго управленія изъ Европейцевъ, подъ начальствомъ Нарт'а. Оно было устроено ранѣе, но война съ Англіей и Франціей въ 1857—60, а затѣмъ возстаніе мѣшало ему дѣйствовать энергически.

Затѣмъ открытіе Суэзскаго канала и двухъ телеграфныхъ линій (черезъ Индію и черезъ Сибирь) нанесло окончательный ударъ крупнымъ англійскимъ торговымъ домамъ. Теперь всякій купецъ и комиссіонеръ знаетъ цѣны товаровъ въ Европѣ въ тотъ же день и имѣетъ возможность получить и отправить свой грузъ очень дешево, такъ какъ со времени открытія канала въ Китаѣ появилось множество пароходовъ, которые понизили фрахтъ до нуля. Основалось множество новыхъ европейскіхъ торговыхъ домовъ,

которые отчаянно конкурируя между собой, возвышаютъ цѣну китайскаго чая и шелка и понижаютъ цѣну европейскихъ мануфактурныхъ товаровъ. Уже нѣсколько лѣтъ сряду, чай, посланный изъ Ханькоу въ Лондонъ, проданъ тамъ такъ дешево что не окупили издержекъ покупки и провоза.

Въ послѣднiя 7—8 лѣтъ Китайцы, оравившись отъ междуусобной войны, и ловко пользуясь благоприятными обстоятельствами, поставили европейскихъ купцовъ въ полную зависимость отъ себя. Они дѣйствуютъ всегда согласно между собою и знаютъ хорошо условiя своего рынка, а Европейцы не знаютъ ни языка, ни страны и отчаянно конкурируютъ между собой. Къ тому же и разница въ образѣ жизни крайне велика: богатый китайскiй купецъ тратитъ меньше чѣмъ европейскiй прикащикъ. Роскошь, попятная въ прежнее время, сохранилась и теперь, особенно у Англичанъ. Въ этомъ видятъ честь фирмы и даже боятся что болѣе скромный образъ жизни отзовется на кредитъ. Даже вообще экономные Нѣмцы не устояли противъ этого потока. По мнѣнiю наиболѣе компетентныхъ людей, продолженiе европейской торговли въ такомъ видѣ какъ она ведется теперь возможно только благодаря пожертвованiямъ капиталистовъ Лондона, Гамбурга и Нью-Йорка, такъ какъ весьма умѣренныя барыши (даже когда есть таковыя) не покрываютъ большихъ расходовъ на содержанiе конторъ.

Всѣ Европейцы и Американцы, сколько-нибудь знакомые съ торговлей, которыхъ мнѣ случилось видѣть, были самаго высокаго мнѣнiя о торговыхъ способностяхъ Китайцевъ. На мой вопросъ, почему послѣднiе не основываютъ конторъ въ Лондонѣ и другихъ европейскихъ городахъ, отвѣчали что это теперь невыгодно, и что Китайцы предпочитаютъ дорого продавать свой чай и шелкъ у себя дома, ничѣмъ не рискуя. Но при неизбежномъ въ скоромъ времени уменьшенiи числа европейскихъ торговыхъ домовъ въ Китаѣ ихъ мѣста займутъ Китайцы, а затѣмъ вскорѣ они появятся и въ Европѣ. Уже теперь многiя европейскiя фирмы въ Шанхаѣ находятся въ рукахъ Китайцевъ, которые состоятъ компанiями и настоящими распорядителями дѣла. Иногда же имя европейской фирмы прямо прикрываетъ китайскiй торговый домъ. Китайцы охотно вступаютъ въ подобныя сдѣлки потому что, живя въ Шанхаѣ на европейской концессii, они избавлены отъ поборовъ своихъ мавдариновъ.

Въ 1875 и 1876 годахъ англійскія газеты издаваемые въ Хонг-Конгѣ и Шанхаѣ были полны ярыми нападками на сэръ - Томаса Уэда, который будто бы не довольно энергически дѣйствовалъ въ Пекинѣ. Дѣло въ томъ что англійскіе купцы въ китайскихъ портахъ убѣдились въ томъ что въ мирное время имъ нельзя конкурировать съ Китайцами и надѣялись на войну, во время которой они успѣли бы нажитья. Контрабанда оружіемъ и опіумомъ, превеличєнные требованія отъ Китайскаго правительства за разрушеніе факторій и т. д., — вотъ на что они надѣялись и чего лишила ихъ благоразумная умѣренность сэръ-Томаса Уэда, который, какъ извѣстно, добился значительныхъ уступокъ безъ войны.

Мнѣ кажется что всего сказаннаго достаточно, чтобъ убѣдиться что конкуренція Европейцевъ не опасна для Китая. Отчего же происходитъ отсталость этой страны во многихъ отношеніяхъ, въ особенности слабое развитіе каменноугольнаго и желѣзнаго дѣла, при огромныхъ естественныхъ богатствахъ, а также отсутствіе сколько-нибудь порядочныхъ путей сообщенія? Врядъ ли отъ чего инаго, какъ отъ неспособности и нечестности управляющаго класса (мандариновъ). Эти качества китайскаго чиновничества настолько извѣстны что о нихъ нечего распространяться. Въ послѣднія 25 — 30 лѣтъ злоупотребленія, существовавшія и прежде, стали все хуже и хуже, происходили возстанія, олустошавшія цѣлыя огромныя области, и не только не принимались мѣры къ развитію путей сообщенія, но и прежде существовавшіе приходили въ упадокъ, напримѣръ знаменитый Императорскій каналъ. Китайское чиновничество не только не дѣлало ничего въ этомъ отношеніи, но мѣшало вездѣ, гдѣ только возможно. Исслѣдованія геологовъ показали что Китай богатъ каменнымъ углемъ какъ ни одна страна въ мірѣ, и почти вездѣ вблизи каменноугольныхъ залежей есть и желѣзныя руды. Но каменный уголь добывается въ малыхъ количествахъ и самыми первобытными способами, и никто не рѣшается затратить капитала на правильную разработку, боясь безконечныхъ проволокъ и лоборовъ чиновниковъ. То же самое, даже въ большей степени, нужно сказать о желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, большихъ оросительныхъ работахъ, такъ какъ

онѣ вездѣ требуютъ содѣйствія или по крайней мѣрѣ позволенія правительства. Все дѣло сводится къ тому что Китаю нужно болѣе просвѣщенное управленіе, чѣмъ теперь существующее, будетъ ли оно достигнуто простыми административными мѣрами, или переменой династіи, или завоеваніемъ Китая европейскою державой. И нѣтъ сомнѣнія что всѣ управляемые миллионы китайскаго населенія съ удовольствіемъ примутъ всѣ европейскія техническія нововведенія. При этомъ потребуется, конечно, содѣйствіе европейскихъ механиковъ, безъ которыхъ конечно немислима постройка желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, разработка рудниковъ, постройка желѣзныхъ заводовъ и т. д., но это содѣйствіе очевидно будетъ выгодно для Китая. И притомъ потребуется не только содѣйствіе механиковъ, нужны будутъ и иностранныя капиталы, безъ которыхъ быстрое развитіе путей сообщенія и горнаго дѣла немислимы. Результаты подобнаго примѣненія европейскихъ механическихъ знаній и капиталовъ были бы громадныя, немислимые ни въ какой другой странѣ, такъ какъ тутъ соединяются непочатыя естественныя богатства и многочисленное, трудолюбивое населеніе, въ высшей степени способное къ торговлѣ и промышленности.

Относительно Японіи было бы гораздо справедливѣе сказать что Европейцы имѣли во многихъ отношеніяхъ вредное вліяніе на страну. Торговые трактаты съ европейскими государствами установили чрезвычайно низкія ввозныя пошлины, которыя Японское правительство не имѣетъ права возвысить. А между тѣмъ это совпало со стремленіемъ Японіи подражать Европѣ, что, конечно, прежде всего привело къ усиленному требованію европейскихъ товаровъ. Правда, явилось тотчасъ же и стремленіе подражать европейскимъ произведеніямъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ удачное, но эта вновь возникшая промышленность врядъ ли можетъ удержаться, при недостаткѣ въ странѣ капиталовъ и дешевизнѣ европейскихъ привозныхъ товаровъ. Къ тому же многія фабрики казенныя или существующія благодаря казенной субсидіи, работаютъ настолько невыгодно что скоро должны будутъ закрытыя. Увеличеніе торговли съ Европой и стремленіе къ европейскому просвѣщенію выразилось прежде всего въ огромномъ перевѣсѣ ввоза надъ вывозомъ, который достигъ пятнадцати миллионовъ дол-

ларовъ въ 1875 году. Почти весь запасъ золота и серебра былъ вывезенъ изъ страны, а для внутренняго обращенія остались однѣ неразмѣнныя бумажныя деньги. Производительность страны не возросла сообразно съ ея потребленіемъ, и въ результатѣ получился серьезный экономическій кризисъ, который прежде всего отразился на финансахъ. И въ будущемъ нельзя ожидать такого подъема какъ въ Китаѣ, какъ скоро онъ выйдетъ изъ своего застоя. Японія менѣе богата естественными произведеніями, а феодальное устройство страны, продолжавшееся до 1868 года, не развило торговыхъ способностей народа. Кулцы были въ презрѣніи до 1868 года, а нынѣшнее вниманіе правительства, его пособія и субсидіи, и примѣръ европейскіхъ кулцовъ, поселившихся въ странѣ, пока только создали классъ барышниковъ и аферистовъ, живущихъ на казенный счетъ разными поставками, субсидіями и т. д. Впрочемъ и Европейцы не много нажили въ Японіи, по крайней мѣрѣ правильною торговлей. Они составили себѣ такое преувеличенное понятіе о богатствѣ Японіи что ввозъ европейскіхъ товаровъ превзошелъ потребность въ нихъ, и многіе изъ нихъ были проданы за безцѣнокъ. Банкротства слѣдовали одно за другимъ, особенно въ 1874 и 1875 годахъ, и теперь Китайцы все болѣе и болѣе захватываютъ торговлю въ портахъ открытых для иностранцевъ, и еслибы, какъ того нерѣдко требовали посланники европейскіхъ державъ, иностранцамъ позволяли селиться по всей Японіи, то чрезъ нѣсколько лѣтъ Китайцы настолько бы завладѣли торговлей Японіи какъ Евреи у насъ въ Западномъ краѣ.

Ошибочныя воззрѣнія М. И. Венюкова на вліяніе Европейцевъ въ Китаѣ и Японіи объясняются тѣмъ что онъ былъ въ Восточной Азіи еще до открытія Суэзскаго канала, когда обстоятельства были совсѣмъ иныя чѣмъ теперь. Обаяніе крупныхъ англійскихъ фирмъ уже немного поколебалось, но все еще существовало, и нашъ почтенный географъ конечно не ожидалъ чтобъ оно исчезло такъ скоро. Въ томъ-то и дѣло что въ этомъ Китаѣ, который мы считаемъ неподвижнымъ, происходятъ иногда быстрыя измѣненія. Въ Японіи только-что началась реформаторская дѣятельность, когда ее постигъ М. И. Венюковъ, и даже позднѣйшія извѣстія оттуда способны были возбудить преувеличенныя надежды. Дѣйствительность оказалась не

такую какъ ожидали: реформаторская дѣятельность Японскаго правительства встрѣтила много прелятствій и самое серьезное разстройство финансовъ, да и всей экономической жизни страны. Европейцы вообще часто вводятся въ заблужденіе быстрымъ усвоеніемъ европейскихъ обычаевъ Японцами и считаютъ послѣднихъ очень способнымъ народомъ только на этомъ основаніи. По моему, эта черта не говоритъ ни за, ни противъ Японцевъ. Ихъ вѣковое государственное и сословное устройство оказалось отжившимъ и негоднымъ, а страна безсильною противъ нападена Англичанъ. Очевидно, явилось стремленіе перенять многое у Европы, очевидно также что оно прежде всего выразилось во вѣщности, въ усвоеніи неужнаго и неважнаго, но особенно легко перенимаемаго. Когда Европейцы увидѣли что Японцы не такъ быстро услѣвуютъ какъ ожидали, то явилось невольное осужденіе и брань, столь же несправедливая какъ и прежнія похвалы. Я засталъ дѣло именно въ этомъ фазисѣ въ половинѣ 1876 года.

Сознавая важность для насъ, Русскихъ, знать то что дѣлается въ Восточной Азіи, я написалъ эти немногія дополненія и измѣненія къ прекрасному труду М. И. Вевюкова.

А. ВОЕЙКОВЪ.

**ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА**

ПРОДАЕТСЯ

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ
Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и из-
данный

П. ДЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (миѳологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Нелота, Лувія, Виргилія, Горация и Овидія.

Полный Словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ.

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря въ конторѣ типографіи и у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Кромѣ того въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ безплатно; платящій за восемь экземпляровъ получаетъ два экземпляра безплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпляровъ безплатно.

Безлатные экземпляры отускаются лишь на полное ответственное число оплаченных экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру бесплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается за каждый отускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напримеръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того въсовыхъ за сто фунтовъ.

Гг. иногородные со своими требованіями могутъ обращаться: въ Москву, въ контору Университетской Типографии, на углу Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

къ сердцу, потомъ, надувъ щеки, говорила толстымъ голо-
сомъ, въ которомъ проглядывали вкрадчивость и лицемеріе:

— Будемъ челоѡколюбивы, и будемъ добры... Добро безъ награды!... Все заключается въ этомъ.

Констанса противъ воли хохотала до слезъ, до такой сте-
пени поразительно было сходство.

— Все равно, ты слишкомъ жестока.... онъ оставитъ тебя
наконецъ.

— Да! какъ бы не такъ.... говорила молодая дѣвушка, по-
качивая головой.

И дѣйствительно, онъ возвращался всегда, кроткій, любе-
зный, скрывая свою страсть, проявляющуюся только въ
порывахъ ревности къ новымъ лицамъ, осылая вниманіемъ
бывшую танцовщицу, которой несмотря ни на что нрави-
лась его кротость, и которая въ немъ видѣла челоѡка ея
времени, того времени, когда мужчины, подходя къ женщю-
намъ, дѣловали у нихъ руку и говорили комплименты ихъ
красотѣ и любезности.

Однажды утромъ, объѣзжая своихъ пациентовъ, заѣхалъ
Дженкисъ и нашелъ Констансу одну въ передней и безъ
дѣла.

— Вы видите, докторъ, я на караулѣ, сказала она сло-
койно.

— Какъ такъ?

— Да, Фелиція работаетъ. Она не хочетъ чтобъ ее от-
рывали, а слуги такъ глулы. Я сама и дежурю.

Видя что Ирландецъ сдѣлалъ шагъ къ мастерской, она
воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, не ходите туда.... она настоятельно тре-
бовала чтобъ я никого къ ней не пускала....

— И меня?...

— Прошу васъ.... она разбавитъ меня.

Дженкисъ хотѣлъ уйти, какъ вдругъ хохотъ Фелиціи
раздавшійся изъ-за портьеры, заставилъ его приподнять
голову.

— Значитъ, она не одна?

— Нѣтъ. У нея Набабъ.... у нихъ сеансъ.... для бюста....

— Къ чему же эта таинственность?... Вотъ что странно....

Онъ зашагалъ по комнатѣ съ яростнымъ видомъ, но сдер-
живался.

Наконецъ онъ разразился. Онъ объявилъ что несмысла-

ное непримечіе оставлять молодую дѣвушку наединѣ съ мущиной Онъ удивлялся что особа столь серьезная, столь преданная какъ Констанса, не понимала этого. На что это похоже?...

Старушка смотрѣла на него съ изумленіемъ. Какъ будто Фелиція была дѣвушка похожая на другихъ! И затѣмъ что опаснаго было оставлять ее съ Набабомъ, человѣкомъ такимъ серьезнымъ и безобразнымъ? Къ тому же Джеккинсу хорошо извѣстно что Фелиція никогда ни съ кѣмъ не совѣтуется и поступаетъ какъ ей вздумается.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Я этого ни потеряю, сказалъ Ирландецъ.

И не обращая вниманія на танцовщицу, которая принимала руки къ небу, какъ бы призывая его въ свѣтели того что произойдетъ, онъ направился къ мастерской: но вмѣсто того чтобы взойти прямо, онъ слегка приотворилъ дверь и приподнял уголъ занавѣски, именно тотъ изъ котораго открывалась часть комнаты, гдѣ ему видѣлся Набабъ, хотя и на далекомъ разстояніи.

Жансуле сидѣлъ, безъ галстука, съ открытымъ жилетомъ и взволнованнымъ голосомъ тихо говорилъ что-то. Фелиція отвѣчала также шепотомъ и смѣялась. Сеансъ былъ очень одушевленный... Потомъ молчаніе, шелестъ женскаго платья и художница, приблизясь къ своему оригиналу, фамильярно олускала его полотняный воротникъ, проводя слегка рукою его загорѣлой шеѣ.

Эта эеіолекая образца, съ длинными опущенными рѣсницами какъ у засыпающаго дикаго звѣря, котораго щекочуть, смѣлый силауэтъ дѣвушки, наклонившейся надъ этимъ страннымъ лицомъ, чтобы провѣрить его развѣры, потомъ рѣзкій неудержимый жестъ Набаба схватившаго налету тонкую руку и прижавшаго ее къ своимъ толстымъ губамъ—Джеккинсъ все это видѣлъ какъ бы въ блестя багровоі молніи....

Шумъ произведенный имъ при входѣ заставилъ собесѣдниковъ возвратиться на ихъ прежнія мѣста, и при яркомъ свѣтѣ, ослабившемъ его глаза, похожіе въ эту минуту на глаза кошки, подстерегающей добычу, онъ увидѣлъ молодую дѣвушку, изумленную, полную негодованія, которая, казалась, спрашивала: „Кто тамъ? кто посмѣлъ?“ и Набаба на его астрадѣ, съ опущеннымъ воротникомъ, окаменѣлаго, монументальнаго.

Дженкинсъ, нѣсколько сконфуженный, смущенный собственною дерзостью, пробормоталъ нѣсколько извиненій. Ему нужно было скорѣе сообщить г. Жансуле очень важную и не терпящую отлагательства новость.... „Онъ узналъ изъ достовѣрнаго источника что 16го марта будетъ раздача крестовъ....“ Лицо Набаба, на минуту нахмуренное, прояснилось.

— Ахъ, правда?

Онъ оставилъ свою позу.... И было изъ-за чего, чортъ возьми! Г. де-Лалеррьеръ, одинъ изъ секретарей императрицы, получилъ отъ нея порученіе осмотрѣть Виленскій пріютъ. Дженкинсъ захватилъ за Набабомъ чтобы отправиться съ нимъ вмѣстѣ къ секретарю и назначить день осмотра, а съ этимъ осмотромъ былъ связанъ крестъ, предметъ всѣхъ мечтаній Жансуле.

— Скорѣе, ѣдемъ! мой милый докторъ, я слѣдую за вами.

Онъ уже не сердился на Дженкинса за его несвоевременный приходъ и лихорадочно завязывалъ галстукъ, забывая подъ впечатлѣніемъ извѣстія только-что испытанное имъ волненіе, ибо честолюбіе господствовало у него надъ всѣмъ.

Между тѣмъ какъ они разговаривали въ полголоса, Фелиція, неподвижная, съ дрожащими ноздрями, съ презрѣніемъ на губахъ, смотрѣла на нихъ, какъ бы говоря: „Ну что же? я жду“.

Жансуле извинился что онъ долженъ прервать сейчасъ, но визитъ величайшей важности.... Она улыбнулась съ видомъ презрительнаго сожалѣнія.

— Не стѣсняйтесь, прошу васъ.... Дѣло подвинулось настолько, что я могу работать безъ васъ.

— И правда, сказалъ докторъ,—бюетъ почти конченъ.

И онъ прибавилъ съ видомъ знатока:

— Превосходная вещь.

Потомъ, полагая что этотъ комплиментъ облегчаетъ ему отступленіе, онъ смиренно откланялся, но Фелиція удержала его повелительнымъ жестомъ:

— Оставайтесь вы.... Мнѣ нужно поговорить съ вами.

По взгляду ея онъ видѣлъ что ему придется уступить во избѣжаніе взрыва, и онъ сказалъ Набабу:

— Вы позволите, любезный другъ?... Мадемуазель Рюисъ угодно сказать мнѣ нѣсколько словъ.... Моя карета у дверей; садитесь, я слѣдую за вами.

Когда дверь мастерской затворилась за тяжелыми удаляющимися шагами, они пристально поглядѣли другъ другу въ лицо.

— Вы или пьяны или съ ума сошли, что позволили себѣ такую выходку. Какъ вы осмѣливаетесь входить ко мнѣ, когда я не хочу никого принимать?... Зачѣмъ это насиліе? По какому праву....

— По праву которое даетъ безнадежная и непобѣдимая страсть....

— Замолчите, Джекинсъ! Вы произносите слова которыхъ я слушать не хочу.... Васъ пускаютъ сюда изъ милости, по привычкѣ, потому что васъ любилъ отецъ.... Но не наломивайте мнѣ о вашей.... любви (она произнесла это слово очень тихо, какъ нѣчто позорное), или вы никогда меня не увидите болѣе; да! еслибы даже пришлось умереть чтобъ избавиться отъ васъ навсегда.

Ребенокъ, пойманный на мѣстѣ шалости, не преклоняетъ съ такимъ смиреніемъ голову, какъ преклонилъ ее Джекинсъ, отвѣчал:

— Правда.... я поступилъ дурно.... Минута безумія, ослѣвленія.... Но зачѣмъ вы такъ любите раздирать мнѣ сердце?

— Очень я думаю о васъ!

— Думаете ли вы обо мнѣ или нѣтъ, но я здѣсь, я вижу что дѣлается, и ваше кокетство заставляетъ меня страшно страдать.

Она слегка вспыхнула при этомъ упрекѣ.

— Кокетство? я?... но съ кѣмъ же это?

— А вотъ съ этимъ.... сказалъ Ирландецъ, указывая на бюстъ, гордо поднимавшій свое обезьянье лицо.

Она пыталась засмѣяться.

— Набавъ!... какой вздоръ!

— Не лгите же.... Ужели вы думаете что я слѣлъ, что я не понимаю вашихъ замысловъ? Вы остаетесь цѣлые часы съ нимъ наединѣ.... Вотъ теперь я былъ тутъ.... я видѣлъ васъ.— Онъ повизгивалъ голосъ, какъ бы задыхаясь.— Чего вы щипаете, страшное и жестокое дитя? Я видѣлъ, какъ вы отталкивали отъ себя болѣе красивыхъ, болѣе благородныхъ, болѣе знатныхъ. Этотъ юный Жери пожираетъ васъ глазами, а вы на него не обращаете никакого вниманія. Самъ герцогъ де-Мора не могъ найти доступа къ вашему сердцу. И теперь этотъ безобразный, вульгарный человекъ,

который не думаетъ о васъ, у котораго совершенно иное въ головѣ и ужь никакъ не любовь.... Вы видѣли какъ онъ вышелъ отъ васъ!... Къ чему вы стремитесь? Чего вы ждете отъ него?

— Я хочу.... я хочу выйти за него замужъ. Вотъ что!

Холодно, болѣе кроткимъ тономъ, какъ будто это признаніе сблизило ее съ тѣмъ кого она такъ презирала, она изложила свои побужденія. Жизнь которую она вела ставила ее въ безвыходное положеніе. Она любила роскошь, расточительность, приобрѣла привычку къ беспорядку, которой ничто не могло любѣдить, и которая роковымъ образомъ приведетъ къ нищетѣ ее и добрейшую Кремицъ, позволяющую разорять себя безъ возраженій. Еще три, четыре года и все будетъ кончено. И тогда извороты, долги, обычныя дразги мелкаго хозяйства артистовъ. Или же любовникъ, содержатель, то-есть рабство и позоръ.

— Полноте, сказалъ Дженкинсъ. — А меня-то развѣ вы забыли?

— Все скорѣе чѣмъ вы, сказала она, выпрямляясь.—Нѣтъ! мнѣ нуженъ мужъ. Я желаю имѣть мужа, чтобъ онъ защищалъ меня отъ другихъ и отъ меня самой, чтобъ охранялъ меня отъ множества страшныхъ привидѣній, которыхъ я боюсь, когда скучаю, отъ проластей, въ которыя я могу ластъ; я желаю имѣть кого-нибудь кто бы любилъ меня въ то время какъ я работаю и смѣнялъ бы съ караула мою бѣдную старую фею, окончательно теряющую силы.... Этотъ мнѣ по сердцу и я подумала о немъ какъ только его увидѣла. Онъ безобразенъ, но у него доброе лицо, затѣмъ онъ страшно богатъ, а богатство въ такихъ размѣрахъ должно быть очень забавно.... О! да, я понимаю хорошо: въ его жизни должна быть какая-нибудь проделка, которая содѣйствовала его успѣху. Все это золото не можетъ быть добыто честнымъ образомъ.... Но, Дженкинсъ, скажите мнѣ правду, положите руку на сердце (вы такъ часто говорите о сердцѣ!), думаете ли вы, что я очень привлекательная жена для честнаго человѣка? Судите сами: кто изъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей, вымаливающихъ, какъ милости, позволенія посылать меня, кто подумалъ бы просить моей руки? Никогда никто. И Жери не болѣе другихъ.... Я прельщаю, но навожу страхъ.... И это понятно.... Чтò можно предполагать о дѣвущкѣ воспитанной какъ я была воспитана, безъ матери, безъ

семейства, между моделями, любовницами моего отца?... И какія любовницы, Боже мой!... И единственнымъ покровителемъ Дженкинсъ.... О! когда я подумаю.... когда я только подумаю....

Воспоминанія прошедшаго все болѣе и болѣе раздражали ее и она заключила ихъ слѣдующими словами:

— Ну да, чортъ возьми! Я авантюристка, и авантюристь этотъ именно такой мужъ какого мнѣ надо.

— Для этого по крайней мѣрѣ вамъ надо подождать пока онъ овдовѣетъ, отвѣчалъ Дженкинсъ спокойно,—но въ этомъ случаѣ вы рискуете прождать многіе годы, ибо Левантинка его находится въ цвѣтущемъ здоровьѣ.

Фелиція Рюисъ поблѣднѣла.

— Онъ женатъ?

— Женатъ, конечно, и отецъ полдюжины ребятъ. Вся „смала“ высадилась на берегъ Франціи два дня тому назадъ.

Она пребыла нѣсколько минутъ какъ пораженная громомъ, смотря въ пространство, и по щекамъ ея пробѣгала дрожь.

Предъ нею красовалась широкая маска Набаба съ его приплюснутымъ носомъ, съ его чувственнымъ и добродушнымъ ртомъ, дышащимъ жизнью и правдой. Она посмотрѣла на него съ минуту, потомъ сдѣлала шагъ впередъ и съ жестомъ отвращенія сбросила долаткой блестящій и еще не окрѣпшій бюстъ, превратившійся на полу въ комокъ грязи.

VII. Левантинка.

Жансуле былъ женатъ уже двѣнадцать лѣтъ, но не говорилъ объ этомъ никому изъ своихъ ларижскихъ пріятелей, по обычаю Востока, гдѣ не принято говорить о семейныхъ положеніяхъ. Вдругъ узнали что гжа Жансуле пріѣзжаетъ, что нужно нанять помѣщеніе для нея, для ея дѣтей и служительницъ. Набавъ нанялъ весь второй этажъ дома на Вандомской площади, постоялецъ котораго уступилъ свою квартиру за Набавовскую цѣну; комнаты были также увеличены; прислуга удвоена; затѣмъ, въ одинъ прекрасный день кучера и экипажи отпавились на станцію Ліонской желѣзной дороги за гжей Жансуле, прибывшею со специальнымъ поѣздомъ изъ Марсеа въ сопровожденіи цѣлой свиты негрятюкъ, негренокъ и газелей.

Она вышла на станцію страшно утомленная, измученная, и отуманенная продолжительнымъ переездомъ въ вагонѣ, первымъ путешествіемъ въ ея жизни, ибо ребенкомъ еще отвезенная въ Тунисъ, она никогда не оставляла его. Изъ кареты два негра отнесли ее въ ея комнаты въ креслѣ, которое съ тѣхъ поръ оставалось всегда внизу, и служило ей при этихъ трудныхъ перемѣщеніяхъ. Гжа Жансуле не могла подниматься на лѣстницу, что причиняло ей головокруженіе, да и вообще не привыкла ходить. Она была до такой степени массивна что невозможно было опредѣлить ея возрастъ, — одни давали ей на взглядъ двадцать лѣтъ, другіе сорокъ — не дурака собою, но всѣ черты ея были искажены, глаза мертвенные подъ рѣсницами падающими на подобіе раковины. Закутанная въ дорогихъ тканяхъ, разукрашенная брилліантами и драгоценностями какъ индійскій идолъ она была превосходнымъ образцомъ тѣхъ перевезенныхъ на Востокъ европейскихъ женщинъ, которыхъ называютъ „Левантинками“. Странное племя жирныхъ креолокъ, которыхъ только языкъ и костюмъ связываютъ съ нашимъ міромъ, но которыхъ Востокъ окружаетъ своею одуряющею атмосферой, тонкими ядами своего пропитаннаго оліемъ воздуха, гдѣ все ослабѣваетъ, разлагается, начиная отъ локрововъ кожи до пояса одежды, и даже до самой души и мысли.

Особа о которой идетъ рѣчь была дочь страшно богатаго Бельгійца, торговавшего въ Тунисѣ кораллами, у котораго служить Жансуле въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ по прибытіи своемъ изъ Франціи. Дѣвица Афшинъ, тогда прелестная куколка лѣтъ десяти отъ роду, бѣленькая, кудрявая, цвѣтущая здоровьемъ, часто пріѣзжала въ контору за своимъ отцомъ въ большой каретѣ, запряженной мулами и отвозившей ихъ въ ихъ прелестную виллу Марсы, въ окрестностяхъ Туниса. Эта дѣвочка, всегда съ открытою шеей, съ блестящими плечиками, посреди лышной обстановки, ослѣпила авантюриста; и когда по происшествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ разбогатѣлъ, сдѣлался любимцемъ бѣя и вздумалъ основаться, онъ подумалъ о ней. Дитя превратилось въ дородную дѣвицу, бѣлую и неповоротливую. Умъ ея и безъ того не быстрый отяжелѣлъ еще болѣе отъ соннаго существованія, которое она вела, отъ безлечности отца, занятаго своими дѣлами, отъ улобле-

нія табаку пропитаннаго оліемъ, и розоваго варенья, отъ неповоротливости ея фламандской крови, усложненной восточною лѣвнью; сверхъ того, дурно воспитанная, прожорливая, чувственная, слѣсивая—настоящая усовершенствованная левантинская драгоценность.

Но Жансуле ничего этого не замѣтилъ. Для него она была и оставалась всегда до его пріѣзда въ Парижъ существомъ высшаго разряда, особой самаго большого свѣта, урожденною Афшинъ; онъ говорилъ съ нею съ уваженіемъ, сохранялъ въ отношеніи къ ней робкое и нѣсколько низкоклонное положеніе, давалъ ей деньги безъ счета, удовлетворялъ всѣ ея самыя начетистыя фантазіи, самыя безумныя причуды, всѣ странности мозга Левантинки, испорченнаго скукой и праздноствіемъ. Одно слово ея все извиняло: она была урожденная Афшинъ. Впрочемъ между ними не было ничего общаго: онъ всегда въ Касбахѣ и въ Бардо подавалъ бѣя или же въ своихъ конторахъ; она цѣлый день въ постель, причесанная и покрытая жемчужною діадемой въ триста тысячъ франковъ, съ которою никогда не расставалась, занималась куреніемъ табаку, жила какъ въ гаремѣ, всегда предъ зеркаломъ и наряжалась въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ Левантинокъ, лучшимъ развлеченіемъ которыхъ было мѣрять своими браслетами руки и ноги, солерничавшія тоящиной, производила дѣтей, которыми она не занималась, которыхъ никогда не видала, отъ которыхъ не страдала даже, благодаря хлороформу; масса бѣлаго мяса, продуренная мускусомъ. И Жансуле съ гордостью говорилъ: „Я женатъ на дѣвицѣ Афшинъ!“

Подъ небомъ Парижа и при его холодномъ освѣщеніи началось разочарованіе. Рѣшившись основаться въ Парижѣ, принимать, давать праздники, Набабъ вылисалъ жену, чтобы доставить ее во главѣ дома; но когда онъ увидѣлъ прибытіе этого пакета разнокалиберныхъ тканей, этой выставки лале-ройальскихъ драгоценностей, и всю странную свиту сопровождавшую ее, то она произвела на него смутное впечатлѣніе королевы Помаре въ изгнаніи. Дѣло въ томъ что онъ видѣлъ уже другихъ свѣтскихъ женщинъ и сравнивалъ. Онъ задумалъ было отпраздновать прибытіе ея большимъ баломъ, но имѣлъ благоразуміе отмѣнить этотъ проектъ. Къ тому же гжа Жансуле не хотѣла никого видѣть. Здѣсь ея естественная сонливость увеличилась еще

тоской по родицѣ, которую возбудили въ ней, когда она прибыла въ Парижъ, колодъ желтаго тумана и проливной дождь. Она провела нѣсколько дней не вставая съ постели, рыдая въ голосъ какъ ребенокъ, говорила что ее привезли въ Парижъ чтобъ уморить и не принимала никакихъ услугъ отъ своихъ женщинъ. Долго оставалась она въ такомъ положеніи, съ волосами опутывавшими ея діадему, съ закрытыми окнами, съ олуцеными занавѣсками, съ лампами горѣвшими день и ночь, и кричала что она хочетъ уѣхать, уѣхать, уѣхать.... И жалкую картину представляли посреди этого погребальнаго полумрака чемоданы, до половины разобранные, валявшіеся по коврамъ, испуганныя газели, негрятяки сидяція на корточкахъ около своей госложи, волнуемой нервными припадками, вздыхающія въ свою очередь и блуждающими взглядами напоминающія собакъ которыя сопровождаютъ путешественниковъ къ полюсамъ и приходятъ въ оцѣпенѣніе не видя болѣе солнца.

Ирландскій докторъ, приглашенный въ это жилище ялача и страданія, не имѣлъ никакого успѣха съ своими отеческими манерами, со своими прекрасными, вкрадчивыми фразами. Левантичка и слышать не хотѣла о плачущемъ мышьякомъ для того чтобы придать себѣ хорошаго тона. Набабъ пришелъ въ отчаяніе. Чтѣ дѣлать? Отослать ее обратно въ Тунисъ съ дѣтьми? Это было невозможно. Тамъ онъ рѣшительно уже былъ въ немилости. Гемерлинги торжествовали. Последняя обида переполнила мѣру: при отъѣздѣ Жансуле, бей поручилъ ему отчеканить на Парижскомъ монетномъ дворѣ на нѣсколько милліоновъ золотыхъ монетъ новаго образца: потомъ коммиссія эта была у него отнята и передана Гемерлингу. Оскорбленный публично, Жансуле отвѣчалъ также публичною манифестаціей, пустивъ въ продажу свое имущество, свой дворецъ въ Бардо, подаренный ему прежнимъ беемъ, свои виллы въ Марсѣ, построенныя изъ бѣлаго мрамора, окруженныя великолѣпными садами, свои конторы, самыя обширныя, самыя великолѣпныя въ городѣ, поручивъ наконецъ велемудрому Бонлену привезти ему жену и дѣтей, чтобы твердо заявить о своемъ окончательномъ отъѣздѣ. Послѣ такихъ рѣшительныхъ дѣйствій ему нелегко было возвратиться туда, чтѣ онъ и пытался втолковать урожденной дѣвицѣ Афшиль, которая отвѣчала ему одними словами. Онъ старался утѣшить,

развеселить ее, но какое развлеченіе могло найти доступъ къ этой чудовищно-алатичной натурѣ? И потомъ, могъ ли онъ измѣнить парижское небо, возвратитъ несчастной Левантикѣ ея *patio*, вымощенное мраморомъ, гдѣ она проводила долгіе часы въ свѣжей блаженной дремотѣ, прислушиваясь какъ вода стекала изъ большаго алебастроваго фонтана въ три бассейна расположенные ниже, и ея позолоченную гондолу, покрытую пурпуровымъ навѣсомъ, которую восемь триполитскихъ матросовъ, проворныхъ и сильныхъ, двигали по захожденію солнца по красивымъ водамъ озера Эль-Багееры? Какъ ни роскошны были аллартамнты Вандомской площади, они не могли вознаградить ее за потерю этихъ чудесъ. И съ каждымъ днемъ все болѣе она предавалась унынію. Одинъ изъ обычныхъ посѣтителей дома успѣлъ разсѣять это уныніе. Кабассю, тотъ который на своихъ визитныхъ карточкахъ титуловалъ себя „профессоромъ массажа“, толстый человѣкъ, черный и приземистый, отъ котораго несло чеснокомъ и помадой, съ квадратными плечами, съ лицомъ покрытымъ волосами до глазъ, и который зналъ исторію парижскихъ сералей,—разказы доступные разумнью гжи Жансуле. Онъ приглашенъ былъ однажды *pour la passer*; она пожелала его увидѣть снова и удержала его при себѣ. Онъ принужденъ былъ оставить всѣхъ своихъ прочихъ клиентовъ и сдѣлаться, на сенаторскомъ содержаніи, *masseur* этой дородной особы, ея лажемъ, чтецомъ, тѣлохранителемъ. Жансуле, радуясь что его жена довольна наконецъ, не понималъ въ какое смѣшное и глупое положеніе ставила его такая короткость.

Кабассю видѣли жостоянно въ Булонскомъ Лѣсу въ огромной и роскошной каретѣ рядомъ съ любимую газелью, въ глубинѣ театральныхъ ложъ, которыя брала Левантика, ибо она выѣзжала телерь, выведенная изъ алатіи тѣченіемъ своего *masseur*, и рѣшилась веселиться. Ей нравилась театръ и въ особенности фарсы или мелодрамы. Алатія ея тучнаго тѣла одушевлялась, гальванизовалась при обманчивомъ блескѣ рампы. Но всего охотнѣе она посѣщала театръ Кордельяка. Тамъ Набабъ былъ у себя дома. Отъ главнаго контролера до послѣдней *ouvrieme*, весь персоналъ принадлежалъ ему. У него былъ ключъ для перехода изъ корридоровъ на сцену; и салонъ его ложи, украшенной въ восточномъ вкусѣ, съ потолкомъ въ видѣ пчелинаго

уаля, съ диванами изъ верблюжьего волоса, съ газомъ, заключеннымъ въ маленькомъ мавританскомъ фонарѣ, могъ служить для усыпленія въ продолжительные антракты: любезность директора къ женѣ своего покровителя. Обезьяна-Кордеальякъ не остановился на этомъ: увидѣвъ пристрастие гжи Жансуле къ театру, онъ успѣлъ убѣдить ее, наконецъ, что она одарена отъ природы логичавіемъ драматическаго искусства и просилъ ее въ минуты досуга бросить взглядъ судьи на присылаемые ему пьесы. Хитрый способъ упрочить еще крѣпче получаемаыя субсидіи.... Несчастливыя рукописи въ синей или желтой обложкѣ, которыя надежда связала хрулками лентами, и которыя выстулаютъ полныя честолюбія и мечтаній; кто знаетъ, какія руки открываютъ и перелистываютъ васъ, какіе нескромныя пальцы уничтожаютъ вашу невѣдомую міру прелесть, кто васъ судитъ и осуждаетъ? Иногда, отправляясь обѣдать въ гости, Жансуле входилъ въ комнату своей жены и заставлялъ ее на кушеткѣ, съ палироской въ рукѣ, съ опрокинутою головой, и предъ нею связка рукописей; и Кабассю, вооруженный синимъ карандашомъ, читаетъ своимъ густымъ басомъ и съ самою простонародною интонаціей какую-нибудь драматическую злукубрацію, которую онъ перечеркиваетъ и уничтожаетъ безошадно при малѣйшей критикѣ хозяйки дома. „Не безлокойтесь“, давалъ знакъ рукой Набабъ, входя на цыпочкахъ. Онъ слушалъ, качая головой съ видомъ удивленія, глядя на жену, такъ какъ онъ не ловималъ ничего въ литературѣ, и по крайней мѣрѣ въ этой сферѣ онъ находилъ снова превосходство дѣвицы Афшияъ.

„У нея чутье къ театру“, какъ говорилъ Кордеальякъ, но за то не было никакого материнскаго чутья. Она никогда не занималась своими дѣтьми, которыя оставались на чужихъ рукахъ, и когда ей приводили ихъ разъ въ мѣсяцъ, то она ограничивалась тѣмъ что подставляла имъ, между двумя затяжками изъ палироски, дряблую и мертвую кожу своихъ щекъ, не справляясь о подробностяхъ ухода за ними, объ ихъ здоровьи, о тѣхъ подробностяхъ, которыя скрѣпляютъ узы материнской любви и заставляютъ обливаться кровью сердца истинныхъ матерей при малѣйшемъ страданіи ихъ дѣтей.

То были три толстые мальчика, тяжелые и алатичные, одиннадцати, девяти и семи лѣтъ, наслѣдовавшіе съ блѣд-

нымъ цвѣтомъ лица и преждевременною толщиной Лематинки черныя глаза ихъ отца, добрыя и кроткія. Невѣстивныя какъ званые господя Среднихъ Вѣковъ, они обучались въ Тунисъ подъ руководствомъ Бонлева, но въ Парижѣ Набабъ, желая доставить имъ преимущества парижскаго воспитанія, помѣстивъ ихъ въ самое *шикозное*, самое дорогое заведеніе, въ коллегію Бурдалу, управляемую добрыми патерами, которые старались не столько дать научное образованіе своимъ воспитанникамъ, сколько сдѣлать ихъ свѣтскими людьми, приличными и благомыслящими, а успѣвали сформировать изъ нихъ маленькихъ чудовищъ жадныхъ и смѣшныхъ, презиравшихъ дѣтскія игры, совершенно невѣжественныхъ, не имѣвшихъ въ себѣ ничего естественнаго и дѣтскаго, и созрѣвшихъ преждевременно. Маленькимъ Жансуле не слишкомъ весело было въ этой теллицѣ искусственно разводимыхъ растений, несмотря на льготы которыми они пользовались благодаря ихъ громадному богатству; да правду сказать объ нихъ и заботились слишкомъ мало. Креолы, помѣщенные въ заведеніи, принимали еще посѣщенія и вели перелиску; ихъ же никогда не вызывали въ приемную, никто не звалъ банкетъ имъ людей, и только отъ времени до времени они получали цѣлыя корзины разныхъ угощевій. Набабъ, развѣзая по Парижу, закулавалъ для нихъ всякія лакомства какія находилъ въ кондитерскихъ и посылалъ въ коллегію съ тѣмъ добрымъ движеніемъ сердца смѣшаннымъ съ желаніемъ выказаться, какое характеризовало всѣ его дѣяствія. Точно также закулавалъ онъ массы игрушекъ, всегда красивыхъ, расписанныхъ, бесполезныхъ, игрушекъ, которыя выставляются на показъ и которыхъ не покупаетъ Парижанинъ. Но всего болѣе уваженія воспитанниковъ и учителей доставляли юнымъ Жансуле ихъ портмоне, набитыя золотомъ, всегда открытыя для сборовъ, для профессорскихъ праздниковъ и для благотворительныхъ посѣщеній, тѣхъ пресловутыхъ посѣщеній, которыя организованы были коллегіей Бурдалу и составляли одну изъ приманокъ программы, приводившую въ восторгъ и умиленіе чувствительныя души.

Два раза въ мѣсяцъ поочередно воспитанники, принадлежащіе къ маленькому Обществу Сель-Венсанъ-де-Пола, основанному въ коллегіи по образцу большаго, отпращивали

дись одни, маленькими партиями, подобно взрослымъ, подавать во глубинѣ многолюдныхъ предметѣй помощь и утѣшеніе. Ихъ желали такимъ образомъ научить экспериментальной благотворительности, искусству узнавать нужды и бѣдствія народа и перевязывать эти раны, всегда внушающія нѣкоторое отвращеніе, съ помощью бальзама ласковыхъ словъ и церковныхъ правилъ. Утѣшать массы, проповѣдывать имъ Евангеліе чрезъ посредство дѣтей, обезоруживать религіозное невѣріе юностью и простодушіемъ проповѣдниковъ—такова была цѣль маленькаго Общества, цѣль, которая, по правдѣ сказать, никогда не достигалась. Здоровья, хорошо одѣтыя и смѣлыя дѣти, отправляясь по адресамъ, указаннымъ заранѣе, находили бѣдныхъ приличнаго вида, иногда нѣсколько больныхъ, но совершенно опрятныхъ, уже внесенныхъ въ списки богатой церковной организаціи и получающихъ отъ нея пособіе. Никогда они не попадали въ тѣ душныя жилища, гдѣ голодъ, печаль, увикеніе, всѣ недуги физическіе и нравственныя пропитываютъ миазмами стѣны и кладутъ неизгладимыя морщины на лица. Посвщеніе ихъ подготовлялось, какъ посвщеніе государя вступающаго въ караульную попробовать солдатскій супъ; караульная предупредена и супъ приправленъ для королевскаго вкуса....

Видали ли вы картинку въ назидательныхъ книжкахъ, гдѣ мальчикъ, готовящійся къ причащенію, со свѣчей въ рукѣ, весь завитой, является налутствовать бѣднаго старика на его ложѣ, обращающаго къ нему ломеркшіе глаза? Благотворительныя посвщенія имѣли такую же условную, нѣсколько театральную обстановку. На мелокіе жесты маленькихъ проповѣдниковъ отвѣчали заученныя слова, фальшивыя до крайности. На комическія поощренія, на утѣшенія, высказанныя фразами изъ цѣльныхъ книгъ, голосами охрипыхъ молодыхъ лѣтучковъ—трогательныя благословенія, лицемѣрныя сцены вздоховъ и стоновъ, разыгрываемыя на церковной палерти по окончаніи богослуженія. И затѣмъ, по удаленію юныхъ посвтителей, какой взрывъ хохота и криковъ въ мансардѣ, какая пляска вокругъ доставленныхъ въ нее приношеній! кресло, на которомъ разыгрывали больнаго, опрокидывается вверхъ ногами, тизана выливается въ огонь,—въ огонь подернутый лепломъ и артистически приготовленный!

Когда маленькіе Жансуле отправлялись къ родителямъ, ихъ поручали челоѣвѣку съ красною феской, неизбѣжному Бонпену. Бонпенъ водилъ ихъ въ Елисейскія Поля, разодѣтыхъ въ англійскія жакетки, въ самыхъ модныхъ плащахъ—семи лѣтъ отъ роду!—съ маленькими тросточками въ рукахъ, обтянутыхъ лалевыми перчатками. Бонпенъ приказывалъ набивать съѣстными припасами экипажъ куда онъ садился съ дѣтми въ огромныхъ головныхъ уборахъ, очень похожими на тѣ лица лиллипутскихъ лантомимъ, комичность которыхъ зависитъ отъ несообразности громадныхъ головъ съ маленькими ногами и тѣлодвиженіями карликовъ. Дѣти курили, пили, такъ что жалъ было смотрѣть на нихъ. Иногда челоѣвѣкъ съ феской, едва держась на ногахъ, привозилъ ихъ страшно больными.... Тѣмъ же менѣе Жансуле любилъ своихъ „ребятишекъ“, особенно меньшаго, который своими длинными волосами, своимъ веселымъ лицомъ, напоминалъ ему маленькую Афшанъ, разѣзжавшую въ своей каретѣ. Но они были еще въ такомъ возрастѣ, когда дѣти принадлежать матери, когда ни модный лортной, ни превосходные учителя, ни шикарный лансіонъ, ни англійскіе лонг, сѣдаемые въ ковшу въ маленькимъ гругамаи,—ничто не замѣняетъ внимательной и заботливой руки, теплоты и веселья роднаго гвѣзда. Отецъ не могъ имъ дать всего этого; да и очень онъ былъ занятъ!

Дѣла у него было пропасть: *Земельная Касса*, устройство картинной галереи, занятія въ татерсалѣ съ Буа-Ландри, осмотръ рѣдкостей у того или другаго изъ любителей, указаннымъ Швальбахомъ, цѣлые часы проведенныя съ жокеями, съ продавцами рѣдкостей, суетливая и многосторонняя жизнь разбогатѣвшаго буржуа въ современномъ Парижѣ. Онъ ежедневно все болѣе свыкался съ парижскою жизнью; допущенный въ клубъ Монпавона, въ танцевальное фойе, за театральныя кулисы, предсѣдая на своихъ пресловутыхъ холостыхъ завтракахъ, единственно возможныхъ приемахъ при его семейномъ положеніи, онъ былъ всегда занятъ, и жизнь его дѣйствительно была очень полна; да еще Жери избавилъ его отъ большихъ хлопотъ, принявъ на себя сложный департаментъ просьбъ и пособій.

Теперь молодой челоѣвѣкъ присутствовалъ вмѣсто него при всѣхъ дерзкихъ и смѣшныхъ выдумкахъ, при всѣхъ траги-комическихъ комбинаціяхъ этого мищенства большаго города, организованнаго подобно министерству, безчи-

сленнаго какъ армія, абонированнаго на газеты и выучившаго наизусть Боттена. Онъ принималъ бѣлокурую даму, смѣлку, молодую и уже поблекшую, которая проситъ только сотню лудоровъ, съ угрозою броситься въ воду тотчасъ же по выходѣ, если не исполнять ея требованія, и толстую матрону съ привѣтливимъ видомъ, которая безъ всякихъ церемоній говоритъ, входя: „Милостивый государь, вы не знаете меня.... Я также не имѣю чести васъ знать, но мы скоро познакомимся.... Сядемъ и поговоримъ“. Негоціантъ въ бѣдственномъ положеніи, наканунѣ банкротства, что иногда и правда—являющійся умолитъ чтобы ему спасли честь, съ пистолетомъ, готовымъ для самоубійства и оттопыривающимъ его лальто (иногда роль пистолета разыгрываетъ какой-нибудь футляръ), и часто дѣйствительныя бѣдствія, утомительныя и многорѣчивыя жалобы людей не умѣющихъ даже разказать какъ они неспособны добывать себѣ хлѣбъ. Обокъ съ этими явными нищими являются попрошайки прикрывающіеся личинами: благотворительности, филантропіи, добрыхъ дѣлъ, поощренія художникамъ, сборовъ на пріюты, на приходы, на благотворительныя общества, на окружныя бібліотеки и наконецъ свѣтскою маской: концертныя билеты, бенефисныя представленія, билеты всѣхъ цѣтвовъ: эстрада, партеръ, особыя мѣста. Набабъ требовалъ чтобы не отвергалось никакое приглашеніе, и прогрессомъ было уже то что онъ самъ не принималъ просителей. Довольно долго онъ осыпалъ золотомъ съ великодушнымъ равнодушіемъ, съ хвастовствомъ дикаря, всю эту лицемѣрную эксплуатацію, выдавая по 500 франковъ за билетъ въ концертъ къ какой-нибудь виртембергской виртуозкѣ на цитрѣ или лангедокскому флейтисту, который въ Тюильри или у герцога де-Мора цѣнился не болѣе какъ въ 10 франковъ. Иногда молодой человекъ выходилъ изъ этихъ засѣданій съ чувствомъ омерзѣнія доходившимъ до тошноты; вся честность его юности возмущалась; онъ пытался склонить Набаба къ реформамъ. Но тотъ, при первомъ словѣ объ этомъ, принималъ на себя скучающій видъ слабыхъ натуръ принуждаемыхъ принять какое-нибудь рѣшеніе или же отвѣчалъ, пожимая своими мощными плечами: „Но вѣдь это Парижъ, дитя мое.... Не лугайтесь, представьте мнѣ дѣлать что я хочу.... Я знаю куда я иду и чего желаю.“

Онъ желалъ тогда двухъ вещей, депутатства и креста. Для него это были двѣ первыя ступени высокой лѣстницы на которую манило его честолюбіе. Депутатомъ онъ будетъ непременно чрезъ посредство *Земельной Кассы*, во главѣ коей онъ находился. Паганетти де-Ворто-Веккіо часто говорилъ ему:

— Когда понадобится, то вся Корсика поднимется и подастъ за васъ голосъ, какъ одинъ человѣкъ.

Но дѣло въ томъ что недостаточно было имѣть избирателей, необходимо чтобы было вакантное мѣсто въ Палатѣ Корсика имѣла въ ней полное число представителей. Однако одинъ изъ нихъ, Пополаска, престарѣлый и больной, который не въ состояніи выполнять своихъ обязанностей и почти всегда въ отпуску, и согласился бы можетъ добровольно подать въ отставку на извѣстныхъ условіяхъ. Дѣло это щекотливое, но возможное, такъ какъ у означеннаго депутата многочисленное семейство, много земель, дающихъ мало дохода, полуразрушенный лапаццо въ Бастіи, гдѣ онъ питается *колентой*, и квартира въ Парижѣ въ отелѣ восемнадцатаго разряда. Если не пожалѣть сто или двѣсти тысячъ франковъ, то можно справиться съ этимъ достопочтеннымъ голодающимъ старцемъ, который при развѣдываніи Паганетти не сказалъ ни да, ни нѣтъ, такъ какъ его привлекала большая сумма, и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживалъ блескъ его положенія. Дѣло, пока остановившееся на этомъ, могло рѣшиться не сегодня такъ завтра, и тогда при популярности которую имя Жансуле уже пріобрѣтаетъ въ Корсикѣ вслѣдствіе разработки рудниковъ, постройки желѣзныхъ дорогъ, эксплуатаціи лѣсовъ и всего что онъ дѣлаетъ въ странѣ, съ поддержкой правительства, заранѣе обезпеченной участіемъ герцога де-Мора, избраніе станетъ дѣломъ очень вѣрнымъ.

Относительно креста дѣло шло еще лучше. Виолеттское заведеніе произвело въ Тюильри чертовскій эффектъ. Ожидали только посвященія г. де-Лалерьеря и его доклада, который неизбежно долженъ быть благопріятель для внесенія въ списокъ кавалеровъ 16го марта, годовщины императорскаго рожденія, славнаго имени Жансуле... 16го марта, то есть до истеченія мѣсяца... Что скажетъ толстый Гемерлангъ о такой неслыханной чести, онъ, который такъ давно уже долженъ довольствоваться Нишамомъ, и бей, котораго

увѣрили что Жансуле въ ослалъ у французскаго общества, и старушка мать тамъ, въ Сень-Романсѣ, всегда столь счастливая услѣхами своего сына?... Развѣ все это не стоитъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ франковъ, искусно расточенныхъ и предоставленныхъ птицамъ на этой дорогѣ къ славѣ, по которой шель Набабъ, не заботясь что его самого проглотятъ наконецъ? И не было ли въ этихъ вѣнскихъ радостяхъ, въ этихъ почестяхъ, въ этомъ дорого купленномъ уваженіи награды за всѣ страданія этого жителя Востока, возвращеннаго къ европейской жизни, который ждалъ домашняго очага и имѣлъ только сераль, искалъ жены и находилъ только Левантинку?

VIII. Виелеемское заведеніе.

Виелеемъ! Зачѣмъ это легендарное и кроткое имя, теплое, какъ солома чудодѣйственныхъ яслей, навѣвало на васъ холодъ, когда вы видѣли начертаніе его позолоченными буквами надъ желѣзною рѣшеткой? Это зависѣло можетъ-быть отъ меланхолической мѣстности, отъ этой обширной грустной равнины, которая тянется отъ Нантерра къ Сень-Клау и пересѣчена только нѣсколькими кулами деревьевъ или дымомъ фабричныхъ трубъ; можетъ-быть также отъ непропорціональности между упомянутою скромною бургадой и грандіознымъ заведеніемъ, этою виллой во вкусѣ Лудовика XIII, изъ плотнаго бетона, совершенно розоваго между вѣтвями ея парка, облаженного отъ листьевъ, гдѣ разстлалась большія водныя пространства, окруженные зеленымъ мхомъ. Достоверно только то что когда вы входили туда, сердце у васъ сжималось. Тяжелое, необъяснимое безмолвіе тягѣло надъ домомъ, гдѣ появлявшіяся у зеленыхъ старинныхъ оконъ фигуры имѣли какой-то похоронный видъ. Козы-кормилицы, выпускаемыя на прогулку по аллеямъ, лѣнливо щипали первую травку, съ жалобнымъ блѣяніемъ поглядывая на свою ластушку, такую же невеселую какъ онѣ сами, и провожая мрачнымъ взглядомъ посѣтителей. Надо всѣмъ носилась печаль, залуствіе, страхъ заразы. Тѣмъ не менѣе это было когда-то веселое помѣстье, гдѣ пировали на широкую руку. Отдѣланное для знаменитой пѣвицы, которая и продала его

Дженкинсу, оно напоминало театральныя декорации: мостикъ живописно переброшенный черезъ прудъ, на водѣ полугрузившаяся лодка покрытая завялыми листьями съ мачтой обвитою плющемъ.... Чего-чего ни видала эта мачта въ веселыя времена лѣтницы; уныло глядѣло все теперь, когда здѣсь поселилась больница.

По правдѣ сказать, все заведеніе было не что иное какъ обширная больница. Дѣти тотчасъ по прибытіи туда заболѣвали, худѣли и наконецъ умирали, если родители не слышали возвратить ихъ подъ домашній кровъ. Навтеррскій священникъ такъ часто посѣщалъ Виодеемъ въ своей черной одеждѣ и со своимъ серебрянымъ крестомъ, у столяра было столько заказовъ въ заведеніи, что это стало извѣстно всѣмъ въ окрестностяхъ, и негодующія матери издали показывали кулакъ образцовому заведенію, если только у нихъ на рукахъ былъ бѣлый и розовой малявка, котораго онѣ могли спасти отъ всѣхъ заразы этого дома. Это-то и придавало такой мрачный видъ печальному заведенію. Домъ гдѣ умираютъ дѣти не можетъ быть веселъ; невозможно чтобы тамъ цвѣли деревья, вили гнѣзда птицы и вода текла и лѣпилась съ веселымъ журчаньемъ.

Дѣло, повидимому, уже выяснилось. Превосходное само по себѣ, изобрѣтеніе Дженкинса оказалось, напротивъ, крайне неудобнымъ на практикѣ, почти непримѣнимымъ. Богу извѣстно однако съ какимъ избыткомъ ревности устраивалось это дѣло во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, сколько денегъ было на него затрачено, сколько людей было нужно для него. Во главѣ одинъ изъ искуснѣйшихъ врачей-практиковъ, г. Пондевезъ, воспитанникъ парижскихъ госпиталей и при немъ для болѣе цѣлительныхъ полеченій довѣренная особа гжа Польжъ. Затѣмъ няньки, прачки, сидѣлки. И сколько усовершенствованій и нововведеній, начиная отъ воды, распределяемой изъ пятидесяти крановъ новой системы, до омнибуса съ кучеромъ въ виодеемской ливрѣ, отправляшагося съ бряцаньемъ бубенчиковъ ежедневно ко всѣмъ повозкамъ на Рюэльскую станцію. Наконецъ великолѣпныя козы, тибетскія козы, шелковистыя, переполненные молоко. Все было превосходно съ точки зрѣнія организациі, но одинъ пунктъ оставался камнемъ преткновения. Это искусственное кормленіе, столь прославленное и превознесенное въ рекламахъ, не нравилось дѣтямъ. То было стра-

ное улоство, какой-то *mot d'ordre*, который они передавали другъ другу, глазами конечно, потому что бѣдныя малютки еще не говорили, да бѣдшей части ихъ и не суждено было говорить: „Какъ хотите, а мы не будемъ сосать козъ.“ Они и не сосали ихъ и предпочитали умирать одно за другимъ. Развѣ Иисусъ въ Вилеємѣ вскармленъ былъ козой? Развѣ Его не вскармила грудью кроткая Женщина, на рукахъ которой Онъ и успокоивался по насыщенію Своемъ? Итакъ, зачѣмъ же лгать, зачѣмъ называться Вилеємомъ?...

Директора сначала взволновало такое число жертвъ. Пондевезъ, старый студентъ, хорошо извѣстный во всѣхъ трактирахъ бульвара Сень - Миселя подъ именемъ Помпона, былъ человекъ не злой. Какъ только онъ замѣтилъ безуслѣшность искусственнаго кормленія, то просто - напроосто нанялъ въ окрестностяхъ пять - шесть здоровыхъ кормилицъ, которыхъ было достаточно чтобы возратить аппетитъ дѣтямъ. Этотъ порывъ человѣколюбія едва не лишилъ его мѣста.

— Кормилицы въ Вилеємѣ! сказалъ Дженкинсъ съ гнѣвомъ при своемъ еженедѣльномъ посвщеніи пріюта.— Да вы съ ума сошли! Зачѣмъ же послѣ того козы и лужайки для ихъ кормленія? А моя идея, а брошюрки о моей идеѣ?... Что со всѣмъ этимъ станется?... Да вы идете противъ моей системы, вы крадете деньги, у основателя заведенія.

— Однако, мой дорогой учитель, пытался отвѣчать студентъ, проводя руками по своей длинной рыжей бородѣ, — однако.... Если они не хотятъ этой лици.

— Ну, такъ лускай они голодаютъ, но чтобы принципъ искусственнаго кормленія не былъ нарушаемъ... Въ этомъ все дѣло.... не заставляйте меня повторить вамъ это еще разъ. Отпустите сейчасъ этихъ отвратительныхъ кормилицъ.... Для вскармленія дѣтей у насъ козье молоко, коровье въ случаѣ крайности, но болѣе я не могу имъ ничего позволить.

И онъ присовокулилъ, принимая на себя видъ проловѣдника:

— Мы находимся здѣсь для демонстраціи великой филантропической идеи. Необходимо чтобы она восторжествовала даже цѣной нѣкоторыхъ жертвъ. Наблюдайте за этимъ.

Пондевезъ не настаивалъ больше. Какъ бы то ни было, мѣсто было хорошее, довольно близко къ Парижу, такъ что директоръ могъ по воскресеньямъ посѣщать свои любимыя и столь знакомыя ему увеселительныя заведенія. Гжа Польжъ, которую Дженкинсъ называлъ всегда „наша разумная надзирательница“ и которую онъ дѣйствительно помѣстилъ туда затѣмъ чтобъ она надзирала за всѣмъ и преимущественно за директоромъ, была не такъ строга какъ можно было бы предположить по ея атрибуціямъ и охотно поддавалась вѣсколькимъ рюмочкамъ *fine* или партіи въ безигъ. Итакъ онъ отослалъ кормилицъ и потомъ оставался равнодушнъ ко всему чтъ могло случиться. А случилось, увы! настоящее избіеніе младенцевъ. Оттого нѣкоторые сколько-нибудь достаточные родители, рабочіе или торговцы предмѣстій, которые, будучи оболочены публикаціями, разсталсь со своими дѣтьми, поспѣшили взять ихъ обратно и въ заведеніи осталось нѣсколько несчастныхъ малютокъ найденныхъ подъ воротами или на пустопорожнихъ мѣстахъ, присланныхъ изъ госпиталей и осужденныхъ на всѣ бѣдствія ихъ рожденія. Такъ какъ смертность все увеличивалась, то и въ послѣднихъ сталъ оказываться недостатокъ, и омнибусъ, отправившійся на станцію желѣзной дороги, возвращался постоянно прыткою рысью и легкій какъ пустыя дроги. Сколько времени это продолжится? Сколько времени потребуетъся чтобъ умереть этимъ двадцати-пяти, тридцати малюткамъ? Вотъ чтъ разъ утромъ спрашивалъ у себя г. директоръ или лучше, какъ онъ самъ называлъ себя, г. делегатъ при умирающихъ, Пондевезъ, сидя противъ почтовой гжи Польжъ и играя съ ней послѣ завтрака въ безигъ.

— Да, моя добрѣйшая госпожа Польжъ, чтъ станется съ нами?... Долго такъ протянуться не можетъ... Дженкинсъ уступить не хочетъ, а ребятишки эти упрямы какъ лошади... Нечего и говорить, они всѣ пройдутъ у насъ сквозь лапы... Вотъ маленькій Валахъ—онъ у меня король, госпожа Польжъ,—который умереть не сегодня такъ завтра. Самы подумайте, этотъ бѣдный мальчуганъ уже три дня не пропуская ничего въ свой желудокъ... Пусть Дженкинсъ говоритъ чтъ хочетъ; дѣти не улитки и ихъ не поправшь голодомъ... Все-таки очень горько что нельзя спасти ни одного... больница переполнена... Клянусь Богомъ, дѣло принимаетъ прескверный оборотъ... Сорокъ, безигъ...

Двукратный звонокъ у входной рѣшетки прервалъ его монологъ. То былъ омнибусъ, возвращавшійся съ желѣзной дороги съ необычайнымъ скрипомъ колесъ по песку.

— Страшно, сказалъ Пондевезъ, — омнибусъ не пустой.

И дѣйствительно экипажъ съ нѣкоторою гордостью подкатилъ къ крыльцу и вышедшій изъ него человекъ разомъ взбѣжалъ на лѣстницу. То была эстафета отъ Дженкинса, сообщающая важную вѣсть: докторъ прибудетъ въ пріютъ чрезъ два часа съ Набабомъ и однимъ господиномъ изъ Тюцальри. Онъ настоятельно рекомендовалъ чтобы все было готово къ ихъ пріѣзду. Дѣло рѣшено было такъ быстро что онъ не имѣлъ времени написать что-либо, но надѣялся, что г. Пондевезъ сдѣлаетъ все что нужно.

— Очень ужъ онъ любезенъ со своимъ „все что нужно“ проговорилъ сквозь зубы совершенно озадаченный Пондевезъ... Положеніе было критическое. Это важное посвѣщеніе приходилось въ самую дурную минуту, при полнѣйшемъ разстройствѣ системы. Бѣдный Помпонъ въ отчаяніи держалъ себя за бороду и жевалъ концы ея.

— Пойдемте, сказалъ онъ вдругъ госпожѣ Польжѣ, длинное лицо которой стало еще длиннѣе.— Нельзя терять ни минуты. Сдѣлать можно только одно. Необходимо очистить больницу и перенести всѣхъ больныхъ въ спальню. Имъ не будетъ ни лучше ни хуже отъ этого перемѣщенія на половину дня. Что касается самыхъ плохихъ, то мы припрчемъ ихъ куда-нибудь въ уголокъ. Они слишкомъ безобразны, и мы имъ не поможемъ... Идемъ наверхъ! всѣ на палубу!

Возвучалъ обѣденный колоколъ и повсюду раздались шаги. Прачки, сидѣлки, служанки, смотрительницы появляются отовсюду, бѣгаютъ, толкаются на лѣстницахъ, по дворахъ. То и дѣло передаются приказанія, раздаются возгласы, крики; но надо всѣмъ господствуетъ шумъ общаго шныря, плесканія воды, какъ будто Виллестъ внезапно сталъ добычею пламени. И эти вопли больныхъ дѣтей, оторванныхъ отъ теплоты ихъ постелей, всѣ эти маленькіе плачущіе свертки, переносимые по сырому парку съ развѣвающимися между вѣтвями одѣялами, дополняли какъ нельзя лучше это впечатлѣніе пожара. Но прошествіи двухъ часовъ, благодаря необыкновенной дѣятельности, домъ сверху до низу изготавился къ пріему ожидаемыхъ гостей, весь личный составъ былъ по мѣстамъ, въ каминахъ пылалъ огонь, козы

были живописно разсыяны по парку. Гжа Польжъ облеклась въ свое зеленое шелковое платье, директоръ—въ одежду нѣсколько болѣе олятную, чѣмъ обыкновенно, но простота которой должна была свидѣтельствовать что посѣщенія никакого не ожидали. Секретарь изъ Тюильри могъ пожадовать.

И вотъ онъ выходитъ вмѣстѣ съ Дженкинсомъ и Жансуле изъ великолѣпной кареты Набаба съ ливреями красными съ золотомъ. Притворяясь до крайности изумленнымъ, Помдевезъ бросился на встрѣчу гостямъ и воскликнулъ:

— Ахъ, господинъ Дженкинсъ, какая честь!.. какая неожиданность!

На крыльцѣ произошелъ обмѣвъ поклоновъ, рукожатія, представленія. Дженкинсъ въ своемъ широкомъ пальто, открытомъ на его честной груди, сиялъ своею лучшею и самою сердечвою улыбкой; тѣмъ же менѣе на лбу его обозначалась многознаменательная морщина. Онъ встревоженъ сюрпризами, которые имъ готовить заведеніе, бѣдственное положеніе котораго ему извѣстнѣе чѣмъ кому-либо. Только бы этотъ Помдевезъ принялъ всѣ предосторожности... Начало, впрочемъ, недурно. Нѣсколько театральннй видъ входа, эти бѣлыя козы, прыгающія между деревьями, приводятъ въ восхищеніе г. де-Лаперрьера, который съ своими простодушными глазами, съ своею бѣлою бородкой, съ безпрестаннымъ покачиваніемъ головой, самъ похожъ на козу, убѣжавшую изъ хлѣва.

— Вопервыхъ, милостивые государи, важнѣйшее изъ отдѣленій дома, кормильня, сказалъ директоръ, отворяя массивную дверь въ глубинѣ прихожей.

Посѣтителн слѣдуютъ за нимъ, слускаются нѣсколько ступенекъ и вступаютъ въ обширную низкую залу, вымощенную плитами, бывшую кухню замка. При входѣ васъ поражаетъ высокая и широкая лечь старинной формы, двѣ каменные скамьи, одна противъ другой, подъ навѣсомъ съ гербомъ тевора—огромною лирой въ крестѣ со сверткомъ нотъ — извѣяномъ на монументальномъ фронтонѣ. Эффектъ поразительный, но оттуда дуетъ страшный вѣтеръ, который въ соединеніи съ холодными плитами, съ блѣднымъ свѣтомъ падающимъ сквозь отверстія въ уровень съ улицей, можетъ внушить безлокоиство за благосостояніе дѣтей. Чтѣ прикажете дѣлать? Пришлось устроить кормильню въ этомъ нездоровомъ

мѣствъ ради сельскихъ и причудливыхъ кормилицъ, привыкшихъ къ свободѣ хлѣва; стоить взглянуть на лужи молока, на большія красныя пятна, сохнуція на плитахъ, вдохнуть острый запахъ проникающій вамъ въ горло вследствие кислаго молока, мокрой шерсти и многого другаго, чтобъ убѣдиться въ этой неизбѣжной необходимости.

Комната такъ обширна что посѣтителю подумали сначала что кормильня пуста. Впрочемъ, въ отдаленіи видѣется группа, шевелящаяся, бабьющая и охающая... Двѣ деревенскія женщины, съ видомъ грубымъ, тулоумнымъ, съ лицомъ заплаканнымъ, двѣ „сухія кормилицы“ вполнѣ заслуживающія такое названіе, сидѣли на циновкахъ, со своими малютками въ рукахъ, и предъ каждою была большая коза, протягивавшая свое вымя и разставившая ноги. Директоръ казался пріятно удивленнымъ.

— По чести, господа, сказалъ онъ, — вотъ что хорошо.. Двое изъ нашихъ дѣтей собираются позавтракать... Мы сейчасъ увидимъ какъ кормилицы и дѣти понимаютъ другъ друга.

„Что это такое?.. Онъ съ ума сошелъ“, подумалъ испуганный Джеккинсъ.

Но директоръ, напротивъ того, совершенно въ здоровомъ разсудкѣ и самъ искусно подготовилъ эту сцену, выбралъ двухъ смиренныхъ и терпѣливыхъ козъ, и двухъ исключительныхъ субъектовъ, двухъ маленькихъ неистовцевъ, которые хотятъ жить во что бы то ни стало и открываютъ клювъ предъ каждою лицей, подобно птицамъ еще не выходящимъ изъ гнѣзда.

— Пожаайте поближе, господа, и посмотрите сами.

Дѣло въ томъ что они дѣйствительно сосутъ, эти херувимчики. Одинъ, забившись подъ животомъ козы, дѣйствуетъ такъ усердно что слышно какъ струи теплаго молока переходятъ по немъ до его маленькихъ ножекъ, двигающихся отъ удовольствія, доставляемаго ему обѣдомъ. Другой, болѣе елокойный, растянувшійся лѣнливо, нуждается въ некоторыхъ поощреніяхъ своей надзирательницы Оверрки:

— Соси, соси же, шалунъ!..

Потомъ, какъ будто принявъ внезапное рѣшеніе, онъ принимается пить съ такимъ жаромъ что женщина наклоняется надъ нимъ, изумленная такимъ необыкновеннымъ аллетитомъ, и восклицаетъ смѣясь:

— Ахъ! разбойникъ, какой онъ лукавый... Онъ теперь сосеть свой палецъкъ вмѣсто козы.

Онъ придумалъ это, бѣдный малютка, чтобы его оставили въ покоѣ... Случай этотъ не произвелъ дурнаго впечатлѣнія; напротивъ того, г. де-Лалеррьеръ очень потѣшался выдумкой крестьянки, будто ребенокъ хотѣлъ надуть ихъ. Онъ вышелъ изъ кормильни въ восхищеніи. „Я положительно вос... вос... восхищенъ“, повторялъ онъ, покачивая головой и поднимаясь въ дортуаръ по большой лѣстницѣ со звучными стѣнами, украшенными оленьими рогами.

Очень свѣтлая, съ хорошею вентиляціей, эта обширная зала, занимающая цѣлый фасадъ, снабжена множествомъ оконъ, просторными колыбелями, обтянутыми бѣлыми и пушистыми занавѣсками, похожими на облака. Женщины проходятъ взадъ и впередъ по широкому промежутку между кроватками, съ грудями бѣлья подъ руками, съ ключами въ рукѣ—это смотрительницы или *gardiennes*. Здѣсь хотѣли сдѣлать нѣчто черезчуръ хорошее и первое впечатлѣніе гостей было неблагоприятно. Все это—свѣжно-бѣлая кисея, лащенный паркетъ, гдѣ свѣтъ разливается не ослабѣвая, чистота оконъ, отражающая въ себѣ небо какъ бы недовольное зрѣлищемъ открывающимся предъ нимъ,—выставляло еще ярче на видъ худощавость, болѣзненную блѣдность этихъ малейшихъ умирающихъ могильнаго цвѣта... Увы! самымъ старшимъ изъ нихъ не болѣе шести мѣсяцевъ, самымъ младшимъ—не болѣе двухъ недѣль, и на всѣхъ этихъ лицахъ или точнѣе на этихъ зародышахъ лицъ было выраженіе печали, нахмуренныя старческія мины, страждущее преждевременное развитіе, очевидное въ многочисленныхъ морщинахъ этихъ лѣшивыхъ головъ, укутанныхъ въ узоры жалкихъ большичныхъ кружевъ... Отъ чего страдаютъ они? Чѣмъ они больны?... Они страдаютъ всевозможными болѣзнями—дѣтскими и зрѣлаго возраста. Плоды порока и нищеты, они при рожденіи носятъ уже отвратительныя симптомы наследственныхъ недуговъ. У одного нѣбо провалилось, у другого большія пятна мѣднаго цвѣта на лбу, у всѣхъ истощеніе силъ. Затѣмъ они умираютъ съ голоду. Несмотря на ложечки съ молокомъ, съ сахарною водой, которыя насильно вливаютъ имъ въ ротъ, несмотря на рожокъ, употребляемый иногда вопреки запрещенію, они умираютъ отъ недостатка пищи. Этимъ новымъ прищепамъ въ мірѣ, истомленнымъ

еще до рожденія, необходима самая молодая, самая крѣпкая лица; козы могли бы можетъ-быть дать имъ такую лицу, но они поклялись не сосать козъ. И вотъ почему дортуаръ является такимъ мрачнымъ и безмоленнымъ, вотъ почему не слышать въ немъ криковъ дѣтскаго гнѣва, въ которомъ дитя, показывая розовыя и крѣпкія десны, испытываетъ свои силы и дыханіе; едва раздается жалобный ропотъ, какъ тревога души, поворачивающейся во все стороны въ маленькомъ больномъ тѣлѣ, не находя мѣста гдѣ бы ей можно было оставаться.

Дженкинсъ и директоръ, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе произведенное на посѣтителей посѣщеніемъ дортуара, стараются изгладить его, говорятъ громко, съ простодушнымъ видомъ полного довольства. Дженкинсъ крѣпко зажмурилъ руку надзирательницъ:

— Ну что, гжа Польжъ, дѣло идетъ хорошо съ нашими маленькими воспитанниками?

— Какъ видите, гослдинъ докторъ, отвѣчаетъ она, указывая на постели.

Она имѣетъ похоронный видъ въ своемъ зеленомъ платьѣ эта долговязая гжа Польжъ, идеаль сухихъ кормилицъ; она дополняетъ картину.

Но куда направить шаги свои секретарь изъ Тюльери? Онъ остановился предъ колыбелью, которую разсматриваетъ печально и покачивая головой.

— Чортъ возьми! говоритъ Помпювъ шепотомъ гжѣ Польжъ.—Вѣдь это Валахъ.

Маленькая синяя дочечка, привѣшенная надъ колыбелью, какъ въ больницахъ, дѣйствительно заявляетъ о національности ребенка: *Молдо-Валахъ*. Какая досада что г. секретарь именно на этого обратилъ свое вниманіе!... Бѣдная маленькая головка лежала на краю подушки, съ челчикомъ на боку, съ узкими ноздрями, съ ротикомъ полуоткрытымъ отъ короткаго тяжелаго дыханія, дыханія существа только-что родившагося или собирающагося умереть...

— Что онъ боленъ что ли? спросилъ тихо г. секретарь подхаживающаго къ нему директора.

— Нисколько, отвѣчалъ наглый Помпювъ, и, подошедши къ колыбели, пальцемъ проводитъ по губамъ ребенка, поправляетъ подушку и говоритъ, стараясь придать важность своему грубому голосу: „Ну что ты, мой миленькій?“

Вызванный изъ забытья, выходя изъ тѣни, которая уже облекала его, малютка открываетъ глаза на эти лица наклонившіяся надъ нимъ, смотритъ на нихъ съ мрачнымъ равнодушіемъ, затѣмъ, возвращаясь къ своему сну, который кажется ему гораздо лучше, сжимаетъ свои маленькія сморщенные ручки и испускаетъ неуповимый вздохъ. Тайна! Кто скажетъ зачѣмъ онъ являлся на свѣтъ, этотъ малютка? Пострадать два мѣсяца и умереть не понявъ ничего, такъ что даже никто не слышалъ и звука его голоса.

— Какъ онъ блѣдень!... прошепталъ г. де-Лалеррьеръ, самъ очень блѣдный.

Набавъ также блѣдень. Пробѣжало какъ бы дуновение холода. Директоръ принимаетъ развязный видъ.

— Это отблескъ... Мы всѣ здѣсь зеленые.

— Ну да... ну да... говоритъ Дженкинсъ, — это отблескъ пруда... Потрудитесь взглянуть господишь секретарь.

И онъ привлекаетъ его къ окну чтобы показать ему большой прудъ со свѣсившимися въ окно ивами, между тѣмъ какъ гжа Польжъ послѣшнко задергиваетъ надъ вѣчнымъ сномъ маленькаго Валаха раздвинутыя занавѣски его колыбельки.

Необходимо какъ можно послѣшнѣе продолжать осмотръ заведенія, чтобъ изгладить это прискорбное впечатлѣніе.

И г. де-Лалеррьеру прежде всего показываютъ великолѣпную прачечную, съ печами, сушильнями, термометрами, огромными шкафами изъ полированнаго орѣховаго дерева, налоченными дѣтскими челчиками, свивальниками, связанными по дюжинамъ и снабженными билетиками. Какъ только бѣлье согрѣется, прачка передаетъ его въ маленькое окошечко въ замѣнъ нумера оставляемаго кормилицей. Видно что заведенъ строгій порядокъ и все до пріятнаго залаха бѣлья придаетъ этой комнатѣ видъ сельскій и здоровый. Здѣсь достаточно одежды на лятьсотъ дѣтей; это число и можетъ помѣстить въ себѣ Виолеемъ, и все было устроено въ такихъ размѣрахъ: аптека огромная, блестящая стеклянною посудой и латинскими надписями, съ мраморными стулками во всѣхъ углахъ, гидротералія съ большими каменными бассейнами, съ блестящими ваннами, съ гигантскимъ сварядомъ, проходящимъ по трубкамъ всѣхъ размѣровъ для восходящихъ и нисходящихъ душъ, въ формѣ дождя, брызговъ, удара плетью, и кухни украшенныя превосходными мѣдными котлами, экономическими печами

для угля и газа. Дженкинсъ хотѣлъ устроить образцовое заведеніе, и дѣло было для него нетрудно, ибо работать можно въ обширныхъ размѣрахъ, когда нѣтъ недостатка въ капиталахъ. На всемъ этомъ чувствуется опытность и желѣзная рука „нашей разумной надзирательницы“, которой директоръ не можетъ не воздать публичной похвалы. То было сигналомъ общаго привѣтствія; г. де-Лалеррьеръ, восхищенный обстановкой заведенія, поздравляетъ доктора Дженкинса съ его превосходнымъ твореніемъ; Дженкинсъ привѣтствуетъ своего друга Пондевеза, который въ свою очередь благодаритъ г. секретаря за то что онъ удостоилъ Виодеемъ своимъ посѣщеніемъ. Добрый Набабъ присоединилъ свой голосъ къ этому хору похвалъ, привѣтствуетъ каждого любезнымъ словомъ, но тѣмъ не менѣе удивляется вѣскольکو, что его также не привѣтствовали, такъ какъ онъ значилъ тоже что-нибудь въ заведеніи. Правда что лучшее изъ привѣтствій ожидаетъ его 16го марта во главѣ *Официальнаго Журнала*, въ декретѣ, который заранѣе сверкаетъ у него предъ глазами и заставляетъ его искоса поглядывать на свою петличку.

Обмѣвъ этихъ любезныхъ словъ продолжается по широкому корридору, гдѣ голоса звучатъ съ ихъ задумчивыми интонаціями; но вдругъ страшный шумъ прерываетъ бесѣду и останавливаетъ посѣтителей. Слышится неистовое кошачье мяуканье, вѣчто въ родѣ военного рева дикарей, цѣлая страшная буря человѣческихъ криковъ, раздающаяся, усиливающаяся и продолжающаяся вслѣдствіе звучности высокихъ сводовъ. Грехотъ этотъ то умолкаетъ, то поднимается снова съ необыкновеннымъ ансамблемъ. Г. директоръ тревожится, спрашиваетъ. Дженкинсъ вращаетъ разяренными глазами.

— Пойдемъ дальше, говоритъ директоръ, на этотъ разъ вѣскольکو озадаченный.—Я знаю что это такое.

Онъ знаетъ что это такое, но и г. де-Лалеррьеръ тоже желаетъ знать, и прежде чѣмъ Пондевезъ успѣлъ подойти, онъ толкнулъ массивную дверь, изъ которой слышался этотъ концертъ.

Въ дрянной конурѣ, которой не коснулось общее мытье, ибо ее показывать не имѣлось въ виду, на матрацахъ разложенныхъ на полу лежатъ десятокъ маленькихъ уродовъ, которыхъ охраняетъ пустой стулъ, гдѣ покоится начатое

вязанье, и маленькій съ отбитымъ носомъ кувшинъ, полный теллаго вина, кипящаго на дымящемся кострѣ. То были неизлѣчимые, отребіе Виелеема, которыхъ прячуть въ глубинѣ этого угла, съ предписаніемъ ихъ сухой кормилицѣ качать и укрощать ихъ, даже садиться на нихъ, въ случаѣ надобности, чтобъ они не кричали, но которыхъ эта любопытная и безлечная крестьянка бросила однихъ, чтобы посмотреть красивую карету, стоящую на дворѣ. Когда она исчезла, то всѣ эти спеленанные уродцы скоро наскучили своимъ горизонтальнымъ положеніемъ, и красные, покрытые прыщами, они начали свой оглушительный концертъ, ибо эти дѣти, по какому-то чуду, здоровы, какъ будто болѣзнь сплещетъ и кормитъ ихъ. Буйные и подвижные, какъ опрокинутые сверчки, дѣйствуя всеми членами, одна лапала на бокъ, не имѣя возможности придти въ равновѣсіе, другіе поднимали къ верху свои спеленанные ножонки, всѣ они разомъ остановили свои крики и тѣлодвиженія при видѣ отворенной двери; но бѣленькая качающаяся борода г. де-Лалеррера успокоиваетъ ихъ, поощряетъ, и посреди все возрастающаго шума съ трудомъ можно разслышать объясненія директора: „Дѣти отдѣленные отъ другихъ.... зараза... наклонны болѣзни.“ Г. секретарь не спрашиваетъ болѣе; не обладая геройствомъ Бонапарта, лосыщающаго чумныхъ въ Яффѣ, онъ бросается вонъ, и въ услугѣ и волеміи, желая сказать что-нибудь и не находя словъ, лепечетъ съ кроткою улыбкой: „Они очень... очень... ми...мылы...“ Посудите послѣ этого что же могло омрачить эту неистощимую благосклонность?

Теперь осмотръ кончился и всѣ собрались въ салонъ нижняго этажа, гдѣ гжа Польжъ распорядилась приготовить маленькій завтракъ. Виелеемскій погребъ былъ снабженъ обильно. Свежій воздухъ мѣстности, ходьба по обширному заведенію придали старому господину изъ Тюльри аппетитъ какого онъ уже давно не знавалъ, такъ что онъ бесѣдуетъ и смѣется съ чисто-сельскою простотой, и въ минуту отъѣзда, когда всѣ уже встали, онъ поднимая стаканъ, покачивая головой и произнесъ: „Въ честь Ви... Ви... Виелеема!“ Всѣ встрепенулись, принялись чокаться, потомъ карета крупною рысью уноситъ все общество по длинной лиловой аллеѣ, гдѣ садится солнце красное и холодное безъ лучей. За ними въ паркѣ снова водворяется прежнее мрач-

ное безмолвіе. Большія темныя массы скопляются во глубинѣ кустарниковъ, захватываютъ домъ, покрываютъ мало-малу аллеи и лужайки. Въ скоромъ времени освѣщенными остаются только провицескія буквы, вѣзанныя надъ входною рѣшеткой, да тамъ у окна въ бельэтажѣ красный и трепещущій блескъ восковой свѣчъ, зажженной у изголовья маленькаго покойника.

Декретомъ отъ 12го марта 1865 года, даннымъ по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, г. доктора Дженкинса, президентъ-основатель Виллемскаго заведенія, назначенъ кавалеромъ императорскаго ордена Почетнаго Легіона. Великая благодарность дѣлу человеколюбія.

Читая эти строки на первой страницѣ *Официальнаго Журнала* утромъ 16го марта, бѣдный Набабъ почувствовалъ что у него кружится голова.

Возможно ли это?

Дженкинсъ получилъ орденъ, а онъ нѣтъ!

Онъ перечиталъ замѣтку два раза, думая не обмазывается ли его зрѣніе. Въ ухахъ у него звенѣло. Буквы прыгали, двоились у него предъ глазами съ красными кругами, которые происходятъ отъ яркаго солнечнаго свѣта. Онъ до такой степени увѣренъ былъ что увидитъ на этомъ мѣстѣ свое имя; Дженкинсъ наканунѣ еще съ такою увѣренностью говорилъ ему: „Все сдѣлано“, что ему все еще казалось что зрѣніе его обмазывается. Но нѣтъ, въ декретѣ значится дѣйствительно Дженкинсъ.... Ударъ былъ глубокій, въ сердце, пророческій, какъ первое предостереженіе судьбы, и прочувствованъ тѣмъ живѣе, что этотъ человекъ въ продолженіе многихъ лѣтъ отвыкъ отъ неудачъ и жилъ выше человечества. Все что было въ немъ хорошаго прониклось въ то же время недоувѣріемъ.

— Ну вотъ, сказалъ онъ Жери, который по обыкновенію вошелъ утромъ въ его комнату, и засталъ его взволнованнымъ съ газетой въ рукахъ,—видѣла вы?... Меня нѣтъ въ *Официальномъ Журналѣ*.

Онъ пытался улыбнуться, но похожъ былъ на ребенка удерживающаго слезы. Потомъ вдругъ съ откровенностью, которая такъ нравилась въ немъ, сказалъ:

— Меня это очень огорчаетъ.... Я слишкомъ былъ увѣренъ. При этихъ словахъ дверь отворилась, и Дженкинсъ вѣ-

жалъ въ комнату, задыхалъ, говоря съ трудомъ и взволнованный до крайности:

— Это гнусность.... гнусность невообразимая.... Это не можетъ быть... этого не будетъ.

Слова бурно тѣснились у него на губахъ, какъ бы желая вылетѣть всѣ разомъ; потомъ онъ какъ бы отказался выразить свою мысль и бросилъ на столъ маленькую коробочку въ кожаной обложкѣ и большой пакетъ, и то и другое съ печатами министерства.

— Вотъ мой крестъ и дипломъ... они ваши, другъ мой... я не могу ихъ оставить у себя....

Въ сущности все это ничего не значило. Еслибы Жансуле вздумалъ изукрасить себя ленточкой Дженкинса, то его предали бы суду за незаконное ношеніе орденовъ. Но театральная сцена не требуетъ строгой логики; и настоящая выходка Дженкинса вызвала между двумя друзьями задушевные объясненія, рукожатія, борьбу великодушія, вслѣдствіе чего Дженкинсъ положилъ привезенные съ собою предметы въ карманъ, говоря о возраженіяхъ, о письмахъ въ газеты... Набавъ снова принужденъ былъ его остановить:

— Не дѣлайте ничего подобнаго.... Во первыхъ, это значило бы повредить мнѣ въ будущемъ.... Кто знаетъ? Можетъ-быть будущее 15е августа....

— Еще бы... сказалъ Дженкинсъ, хватаясь за эту мысль; и протянувъ руку какъ въ *Клятвѣ* Давида, воскликнулъ:— Принимаю на себя священное обязательство!..

На томъ дѣло и остановилось. За завтракомъ Набавъ не говорилъ ни о чемъ и былъ веселъ по обыкновенію. Это веселое расположеніе духа не измѣнилось въ продолженіе цѣлаго дня, а Жери, которому эта сцена была разоблаченіемъ истиннаго Дженкинса, объясненіемъ провіи, сдержаннаго гнѣва Фелиціи Рюисъ, когда она говорила о докторѣ, тщетно спрашивалъ себя, какимъ образомъ онъ въ состояніи будетъ объяснить своему любезному лотрону такую бездну лицемѣрія. Онъ бы долженъ былъ знать однако что у жителей юга, несмотря на всѣ увлеченія, никогда не бываетъ полного ослѣпленія, „отупѣнія“, которое не допускало бы здраваго разсужденія. Вечеромъ Набавъ открылъ маленькую дрянную записную книжку, обтертую по угламъ, въ которой въ продолженіе десяти лѣтъ онъ вписывалъ милліоны, внося гіероглифами одному ему понятными свои

барыши и расходы. Онъ погрузился на минуту въ эти сче-ты и потомъ вдругъ, оборачиваясь къ Жери, сказалъ:

— Знаете ли что я дѣлаю, мой милый Поль?

— Не знаю, господинъ Жансуле.

— Я готовлюсь—и его лукавый взглядъ, напоминавшій его родину, какъ будто противорѣчилъ добродушную его улыбку — вычислить что я израсходовалъ четыреста тридцать тысячъ франковъ на то чтобы доставить крестъ Дженкаву.

Четыреста тридцать тысячъ! И это еще не конецъ....

IX. Б а б у ш к а.

Три раза въ недѣлю Поль де-Жери отпраплялся по вечерамъ брать уроки бухгалтеріи въ столовой Жуайёзовъ, недалеко отъ того маленькаго салона, гдѣ онъ увидѣлъ первый разъ все семейство; вотъ почему въ то время какъ устремивъ свои глаза на своего преподавателя въ бѣломъ галстукѣ, онъ поучался всѣмъ тайнамъ *credit* и *debet*, онъ невольно прислушивался къ раздававшемуся за дверью легкому шуму трудолюбиваго вечера, сожалѣя что не видитъ всѣхъ этихъ хорошенькихъ головокъ наклонившихся надъ лампой. Г. Жуайёзъ никогда не говорилъ ни слова о своихъ дочеряхъ. Ревнивый къ ихъ красотѣ, какъ драконъ, охраняющій красавицу-принцессу въ башнѣ, полный фантастическихъ образовъ порожденныхъ его чрезмерною вѣжностью, онъ сухо отвѣчалъ на вопросы своего ученика, осведомлявшагося о здоровьи молодыхъ дѣвицъ, такъ что молодой человекъ пересталъ и говорить о нихъ. Онъ только удивлялся что не видалъ ни разу эту Бабушку, имя которой при всякомъ случаѣ повторялось въ разговорѣ г. Жуайёза при малѣйшихъ подробностяхъ его жизни и парило надъ домомъ какъ эмблема добраго порядка и спокойствія.

Такая сдержанность со стороны почтенной дамы, которая должна же была перейти возрастъ когда можно опасаться молодыхъ людей, казалась ему необъяснимою. Но вообще уроки были хороши, давались очень отчетливо, такъ какъ преподаватель обладалъ прекрасною методою изложенія, и имѣлъ только одинъ недостатокъ, погружаться въ раздумье прерываемое по временамъ возгласами и междометіями

вылетающими подобно ракетамъ. Помимо этого онъ былъ лучший изъ учителей, внимательный, терпѣливый и прямой. Поль научался отыскивать путь въ сложномъ лабиринтѣ коммерческихъ книгъ и рѣшился не требовать ничего болѣе.

Однажды вечеромъ, часовъ около девяти, когда молодой человекъ всталъ чтобъ откланяться, г. Жуайёзъ спросилъ его, не сдѣлаетъ ли онъ ему чести выкушать чашку чаю съ его семействомъ, — обычай сохранившійся со времени покойной гжи Жуайёзъ, урожденной де-Сентъ-Аманъ, принимавшей нѣкогда своихъ друзей по четвергамъ. Съ тѣхъ поръ какъ она скончалась и положеніе ихъ измѣнилось, друзья разсѣялись, но это „недѣльное собраніе“ было сохр.нено. Поль выразилъ свое согласіе, и хозяинъ отворилъ дверь и позволилъ.

— Бабушка...

Раздался быстрый звукъ шаговъ въ корридорѣ, и тотчасъ же явилось двадцатилѣтнее личико, окруженное темными волосами, легкими и обильными, живое, открытое и совершенно юное, несмотря на свою преждевременную важность. Жери, изумленный, посмотрѣлъ на г. Жуайёза и произнесъ:

— Бабушка?...

— Да, мы дали ей это названіе когда она была еще ребенкомъ. Въ своемъ челпѣ съ рюшемъ, со своимъ авторитетомъ старшей сестры, у нея было такое забавное личико и такое разсудительное... Мы нашли что она похожа на свою бабушку. Названіе это такъ и осталось за нею.

По тому достойнаго господина, говорившаго такимъ образомъ, чувствовалось что для него было самое естественною вещью въ мірѣ это названіе предка перенесенное на такую молодую и привлекательную дѣвушку. Всѣ въ домѣ раздѣляли его взглядъ; и всѣ дѣвцы Жуайёзъ, сбѣжавшія къ отцу и сгрулировавшіяся какъ на витринѣ внизу, и старая служанка, оставившая на столѣ въ салонѣ, куда перешапъ всѣ, великолѣпный чайный приборъ, остатки прежняго роскошнаго хозяйства, повторяли слово „Бабушка“, и молодая дѣвушка ни разу не обнаружила неудовольствія, такъ какъ вліяніе этого благословеннаго названія присоединяло къ нѣжности окружающихъ ея нѣкоторое уваженіе, которое ей льстило и придавало ей идеальному авторитету характеръ краткаго покровительства.

Можетъ-быть въслѣдствіе этого названія Бабушки, которое еще ребенкомъ онъ привыкъ любить, Жери находилъ въ этой молодой дѣвицѣ необыкновенную прелекательность. Ощущеніе это не походило на внезапный ударъ который нанесла ему другая прямо въ сердце, и потрясеніе котораго онъ все еще чувствовалъ, не походило на влеченіе, въ которомъ смѣшивалось желаніе бѣжать, укрыться отъ обладанія, и узорная меланхолія которую оставляютъ по себѣ на слѣдующій день праздника погашенныя люстры, умолкнувшія піеса, благоуханіе испарившееся ночью. Нѣтъ, глядя на эту дѣвушку, которая стояла наблюдала за семейнымъ столомъ чтобы не было ни въ чемъ недостатка и съ нѣжностью смотрѣла на своихъ дѣтей, своихъ внучекъ, онъ возмѣвалъ непреодолимое желаніе познакомиться, подружиться, повѣрить ей вещи которыя онъ повѣрялъ только самому себѣ, и когда она подала ему чашку безъ свѣтской чопорности и салонной любезности, ему захотѣлось сказать какъ и другіе: „Благодарю, Бабушка!“ и въ это слово онъ положилъ бы все свое сердце.

Вдругъ веселый ударъ, громко раздавшійся, заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

— Ахъ вотъ! господинъ Маранья... Элиза, чашку поскорѣе... пирожки...

Между тѣмъ мадемуазель Генриетта, третья изъ дѣвицъ Жуайѣзъ, наслѣдовавшая отъ матери урожденной де-Сентъ-Аманъ нѣкоторую свѣтскость, видя такое стеченіе почитателей, бросилась зажигать двѣ свѣчи стоявшія на фортелиано.

— Мой пятый актъ конченъ.... воскликнулъ входя новый гость, потомъ вдругъ остановился:—Ахъ, извините!

И лицо его приняло нѣсколько смущенное выраженіе при видѣ незнакомца. Г. Жуайѣзъ представилъ ихъ другъ другу не безъ нѣкоторой торжественности: „Г. Поль де-Жери, г. Андрей Маранья.“ Онъ помнилъ бывшіе приемы у своей жены, и вазы на каминѣ, двѣ большія богатыя лампы, кресла разставленныя кругомъ какъ будто раздѣляли эту псалюзію, и выступила въ новомъ блескѣ.

— Итакъ, ваша піеса кончена?

— Кончена, господинъ Жуайѣзъ, и я надѣюсь вамъ прочесть ее какъ-нибудь вечеромъ.

— Прочтите, прочтите, господинъ Маранья.... хоромъ воскликнули всѣ дѣвицы.

Сосѣдъ работалъ для театра и въ успѣхѣ его никто не сомнѣвался. Фотографія обѣщала менше дохода. Закашиковъ было мало, и прохожіе не обнаруживали къ ней расположенія. Чтобы набить себѣ руку и испытать своей новой сварядъ, г. Мараннъ каждое воскресенье снималъ семейство своихъ друзей, которое съ безпримѣрнымъ долготерпѣніемъ подчинялось этимъ опытамъ, такъ какъ благосостояніе этой возникающей подгородной фотографіи было для всѣхъ дѣломъ самолюбія, пробуждавшимъ даже въ молодыхъ дѣвицахъ то трогательное братство, которое сблизаетъ между собою бѣдняковъ какъ воробьевъ на крышѣ. Впрочемъ Андрей Мараннъ, съ неистощаемыми ресурсами своей полной плазій головы, безъ горечи объяснялъ равнодушіе лублики. То время года было неблагоприятно, то всѣ жаловались на застой въ дѣлахъ, и оканчивалъ однимъ утѣшительнымъ прилѣвомъ: „Когда я поставлю на сцену *Révolte!*“ Таково было названіе его пьесы.

— Все-таки странно, сказала четвертая дѣвица Жуайѣзъ, двѣнадцатилѣтняя, зачесанная *à la chinoise*,—что такъ мало дѣла на такомъ прекрасномъ балконѣ!..

— И потомъ въ такомъ проѣзжѣ кварталѣ, присовокупилъ съ увѣренностью Элиза.

Бабушка тихо замѣтила что на Италіянскомъ бульварѣ проѣзжихъ еще болѣе.

— Ахъ! еслибъ онъ жилъ на Италіянскомъ бульварѣ.. сказалъ въ раздуми г. Жуайѣзъ, и вотъ онъ погрузился въ свои мечтанія, которыя вдругъ прервались жестомъ и словами которыя онъ произнесъ жалобнымъ голосомъ: „Закрѣчь по случаю банкротства.“ И вотъ неукротимый мечтатель водворяетъ своего друга въ великолѣпномъ помѣщеніи на Италіянскомъ бульварѣ, гдѣ тотъ выручаетъ огромныя деньги, все-таки увеличивая издержки такъ несоразмѣрно что громадный „луфъ“ поглощаетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ фотографа и фотографію. Всѣ смѣются, выслушивая это объясненіе; но вообще всѣ согласны что улица Св. Фердинанда хотя и менше блестятельна, но болѣе безопасна чѣмъ Италіянскій бульваръ. Сверхъ того, она очень близко отъ Булонскаго Лѣса, и если когда-нибудь большой свѣтъ будетъ проѣзжать по ней... Это свѣтское общество, которое такъ любила ея мать, составляетъ пунктъ помѣшательства мадемуазель Генриетты, и она удивлялась что чыслъ принимать *high life* въ его маленькой, тѣсной квартирѣ въ

лятомъ этажъ заставляла смѣяться ихъ сосѣда. На той недѣлѣ однако къ нему подѣвжалась карета съ ливрейнымъ кучеромъ. Недавно также была посетительница повидимому очень богатая.

— О, да, совершенно знатная дама, продолжала Бабушка,—мы стояли у окна ожидая отца... Мы видѣли какъ она вышла изъ экипажа и смотрѣла на рамку и увѣрены были что она къ вамъ прѣехала.

— Ко мнѣ, сказалъ Андрей съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Одну минуту мы побоялись что она не взойдетъ, подобно другимъ, по причинѣ вашего лягаго этажа. Тогда мы всѣ четверо приваились пристально смотрѣть на нее, привлекать ее безъ ея вѣдома нашими четырьмя парами глазъ. „Да взойдите же, сударыня, взойдите!“ Наконецъ она взошла... Много магнита въ глазахъ желающихъ добра!

Магнитомъ конечно обладала милая дѣвушка, не только въ глазахъ неопредѣленнаго цвѣта, туманныхъ или смѣющихся, какъ небо ея роднаго Парижа, но и въ голосѣ, и въ складкахъ платья, и даже въ длинныхъ локонахъ покрывающихъ ея прямую и тонкую шею....

Когда подали вѣсѣмъ чай, и гости пили и разговаривали—лала Жуайѣзъ всегда дѣлалъ все очень мѣшкотно, вслѣдствіе своихъ внезапныхъ экскурсій на луну—дѣвушки приваились за работу, столъ покрывался плетеными карзичками, шитьемъ, красивыми прядями шерсти обновлявшими своими яркими красками полинялые цвѣты стараго ковра, и группа перваго вечера сформировалась снова въ свѣтломъ кругѣ абажура къ великому удовольствію Поля де-Жери. То былъ первый вечеръ такого рода который онъ проводилъ въ Парижѣ; онъ наломиналъ ему другіе, далекіе вечера, оживленные тѣмъ же невнятнымъ смѣхомъ, тихимъ шумомъ воющихъ лежащихъ на столѣ, иглы прокалывающей бѣлье или шелестомъ переворачиваемой стравицы, и милыя лица, навсегда исчезнушія, также собиравшіяся около синей лампы, увы! такъ внезапно угасшей....

Вступивъ въ этотъ милый семейный кружокъ онъ уже не выходилъ изъ него, бралъ уроки въ присутствіи дѣвицъ и вступалъ съ ними въ разговоры когда ихъ добрый отецъ закрывалъ гробухъ. Здѣсь онъ отдыхалъ отъ той бурной жизни въ которую его вовлекла свѣтская роскошь Набабы; онъ освѣжался въ этой атмосферѣ честности, простоты, и

старался тутъ же излѣчиться отъ ранъ которыя безпощадно наносила сердцу рука болѣе равнодушная чѣмъ жестокая.

„Однѣ женщины ненавидѣли меня, другія меня любили, но та которая наиболее сдѣлала мнѣ зла никогда не лгала ко мнѣ ни ненависти, ни любви.“ Такую-то женщину и встрѣтилъ Поль. Фелиція принимала его всегда ласково и радушно. Никого она не встрѣчала такъ пріятливо. Она дарила его особенною улыбкой, гдѣ чувствовался благосклонный взглядъ художника, останавливавшійся на типѣ который ему нравится, и удовольствіе ума наскучившаго ежедневною жизнью и забавляющагося новизной. Ей нравилась эта сдержанность, оригинальная у южанина, прямота сужденія, чуждая всякой артистической или свѣтской формулы и оживленная оригинальностью мѣстнаго акцента. Это развлекало ее отъ не всегда искреннихъ похвалъ ея товарищей, и отъ приторныхъ возгласовъ: „прелестно“.... „очень мило!“ которыми награждали ее молодые свѣтскіе фраты, прикусывая набалдашникъ своей тросточки. Этотъ не говорилъ по крайней мѣрѣ ничего подобнаго. Она прозвала его Мисервой по причинѣ его наружнаго сложіюствія и правильности его профиля; завидѣвъ его издали, она восклицала:

— А, вотъ Мисерва... Пріятствую васъ, прекрасная Мисерва. Положите вашъ шлемъ и побѣдуйтемъ.

Но этотъ фамильярный, почти братскій тонъ убѣждалъ молодаго человѣка въ безнадежности его любви. Онъ вполне чувствовалъ, что не пойдетъ далѣе этого женскаго товарищества, которому недоставало вѣжности, и что онъ ежедневно терлетъ прелесть новизны въ глазахъ этой дѣвушки, скучающей со дня рожденія, которая какъ будто отжила свою жизнь и во всемъ что слышала и видѣла находила какъ бы повтореніе стараго. Фелиція скучала. Одно только искусство могло развлечь ее, поднять, перенести въ ослабительное волшебное царство, откуда она падала вся разбитая и всегда въ изумленіи отъ такого пробужденія похожаго на ладеніе съ высоты. Она сама сравнивала себя съ тѣми медузами, прозрачный блескъ которыхъ, столь аркіи въ свѣжести и движеніи волвъ, умираетъ на берегу въ малевкихъ студенистыхъ хлопкахъ. Во время артистическаго заетоя, когда отсутствующая мысль сдавликаетъ руку съ

инструментомъ, Фелиція, лишенная единственнаго нравственнаго нерва своего ума, становилась свирѣлою, неприступною, невыносимо калризною, какъ бывають всѣ высокіе умы озлобленныя человѣческою мелочностью. И послѣ того какъ она приводила въ слезы всѣхъ ее любившихъ, вызывала самыя тяжелыя воспоминанія или раздражительныя тревоги, исчерпывала до конца всю глубину своего утомленія, она—такъ какъ необходимо было чтобы нѣчто смѣшное примѣшивалось въ ней къ самымъ печальнымъ вещамъ—изливала остатокъ своей скуки дикимъ крикомъ, оглушительнымъ звѣкомъ, который она называла „крикомъ шакала въ лустынѣ“ и который заставлялъ блѣднѣть добрую Креницу всегда столь безмятежно спокойную....

Бѣдная Фелиція! Жизнь ея дѣйствительно была страшною лустыней, когда искусство не развеселяло ее своими миражами, лустыней мрачною и плоскою, гдѣ все терялось, все уравнивалось подъ громаднымъ однообразіемъ, и простодушная любовь двадцатилѣтняго юноши и калризь страстнаго герцога, гдѣ все покрывалось сылучимъ лескомъ, навѣяннымъ ея жгучею судьбою. Поль чувствовалъ всю безотрадность такого положенія, желалъ избавиться отъ него; но его удерживало что-то необъяснимое, и несмотря на слышанныя имъ клеветы, на калризы страннаго существа, онъ съ наслажденіемъ оставался у нея, хотя и увѣренъ былъ что изъ этого продолжительнаго любовнаго созерцанія онъ вынесетъ только отчаяніе.

Убѣжище было тамъ, въ томъ отдаленномъ кварталѣ гдѣ вѣтеръ дулъ такъ сильно, не мѣшая пламени подниматься прямо и сіять яснымъ свѣтомъ, въ семейномъ кружкѣ подъ предсѣдательствомъ Бабушки. О, эта никогда не скучала, не выпускала крика „шакала въ лустынѣ“. Жизнь ея была слишкомъ полна: у нея былъ отецъ, котораго необходимо было ободрять и поддерживать, дѣти которыхъ нужно было учить, всѣ матеріальныя заботы о хозяйствѣ, гдѣ нѣтъ матери, эти занятія, начинающіяся съ утреннею зарей и оканчивающіяся вечеромъ, если только они не возобновляются во снѣ, одно изъ тѣхъ неутомимыхъ, хотя и не обнаруживающихся самоотверженій, весьма удобныхъ для человѣческаго эгоизма, потому что они избавляютъ отъ всякой благодарности и едва даютъ себѣ чувствовать—до такой

стелени легка рука ихъ. То была не мужественная дѣвушка, работающая чтобы прокормить своихъ родителей, бѣгающая по урокамъ съ утра до вечера и въ волненіи занятій забывающая о домашнихъ хлопотахъ. Нѣтъ, она поняла свое дѣло иначе, она рабочая пчела, ограчивающая свои занятія ульемъ, безъ вѣшняго жужжанья на чистомъ воздухѣ и между цвѣтами. Тысяча занятій: закройщица, модистка, а также счетчица,—г. Жуайёзъ, неспособный ни къ какой отвѣтственности, предоставлялъ ей свободу распорядиться ихъ средствами—учительница музыки, воспитательница.

Какъ бываетъ въ семействахъ пользующихся въ началѣ достаткомъ, Алина въ качествѣ старшей получила воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ парижскихъ пансіоновъ. Элиза пробыла тамъ съ нею два года; но двѣ послѣднія, появившіяся на свѣтъ слишкомъ поздно, ходили только въ мѣстную школу, и потому воспитаніе ихъ предстояло окончить, а это было нелегко, такъ какъ младшая то и дѣло заливалась звонкимъ здоровымъ смѣхомъ, подобно жаворонку упоенному зеленою пшеницей и улетающему далеко отъ учебныхъ книгъ и уроковъ, между тѣмъ какъ мадемуазель Генриетта, постоянно занятая идеями величія и проникнутая любовью къ богатству, также не слишкомъ охотно занималась работой. Эта юная пятнадцатилѣтняя особа, которой отецъ передалъ частицу своихъ мечтательныхъ способностей, уже заранѣе устраивала свою жизнь и формально объявляла что выйдетъ замужъ за дворянина и никогда не будетъ имѣть болѣе трехъ дѣтей: „Одного сына для имени и двухъ маленькихъ дочерей... чтобъ одѣвать ихъ прилично“.

— Ну да, говорила Бабушка,—ты будешь одѣвать ихъ прилично. А теперь пока примемся за грамматику.

Но наиболѣе безлокойная была Эмилиа, со своимъ экзаменомъ, который она уже три раза держала безуспѣшно, всегда проваливаясь изъ исторіи, и приготавливаясь къ ней снова, испытывая большой страхъ и недовѣріе къ себѣ, которые заставляли ее таскать съ собою повсюду и каждую минуту открывать этотъ несчастный историческій учебникъ, въ омаибусъ, на улицѣ, даже на столѣ за завтракомъ; но уже взрослая и очень хорошенькая дѣвушка, она не имѣла болѣе той механической памяти дѣтства, въ которую числа и событія врѣзываются на всю жизнь. Между прочими занятіями, урокъ пролеталъ въ одну минуту, несмотря на на-

ружное прилежаніе ученицы, съ длинными рѣсницами опущенными на глаза, съ локонами ладающими на книгу и съ розовымъ трепещущимъ ротикомъ, повторяющимъ десять разъ къ ряду: „Лудовикъ Сварливый 1314—1316; Филиппъ Долгій 1316—1322... 1322... Ахъ! Бабушка, бѣда моя... Я никогда не буду знать...“ Тогда Бабушка вступалась, помогала ей собраться съ мыслями и уложить въ голову нѣсколько средневѣковыхъ датъ, варварскихъ и острокопечныхъ, какъ шлемы воиновъ того времени. И въ промежуткахъ между этими многочисленными занятіями, между этимъ общимъ и постояннымъ наблюденіемъ, Бабушка находила еще время дѣлать разныя хорошенькія вещицы, вынимать изъ своей рабочей корзинки какое-нибудь кружево начатое крючкомъ или вышиванье, которыя никогда не оставляли ея, какъ Элиза не оставляла своей исторіи. Даже въ разговорѣ пальцы ея не были ни на минуту праздными.

— Значить, вы никогда не отдыхаете? говорилъ ей Жери, между тѣмъ какъ она вполголоса считала стежки своего штыя: „три, четыре, пять“, чтобы разнообразить его цвѣта.

— Но вѣдь такая работа отдыхъ, отвѣчала она.— Вы, мужчины, не можете понять, какъ работа иглой полезна уму женщинъ. Она придаетъ правильность мысли, останавливаетъ на одномъ пунктѣ минуту которая проходитъ и то что она унесла бы съ собою... И сколько горестей утихаетъ, сколько забывается тревогъ, благодаря этому чисто физическому вниманію, этому повторенію равномернаго движенія, гдѣ находишь снова—повеюль и очень скоро—равновѣсіе всего своего существа... Это не мѣшаетъ мнѣ принимать участіе во всемъ что дѣлается вокругъ меня, слушать васъ лучше чѣмъ еслибъ я ничего не дѣлала.. три, четыре, пять....

О да! она слушала. Это видно было по одушевленію ея лица, по тому какъ она вдругъ останавливалась съ иглой вверхъ, съ ниткой на своемъ поднятѣмъ мизинцѣ. Потомъ она тотчасъ же принималась снова за работу, иногда бросивъ мѣткое и глубокое слово, вообще согласовавшееся съ тѣмъ что думалъ Поль. Сходство характеровъ, отвѣтственности и одинаковыхъ обязанностей сближали молодыхъ людей и заставляли ихъ интересоваться обоюдными заботами.

Она знала имена его двухъ братьевъ, Пьера и Луи, его планы для ихъ будущности, когда они выйдутъ изъ коллегіи.... Пьеръ хотѣлъ быть морякомъ.... „О нѣтъ! зачѣмъ ему быть морякомъ, говорила Бабушка, лучше пусть прїѣдетъ къ вамъ въ Парижъ“. И когда онъ увѣрялъ что Парижъ лугаетъ его за нихъ, она смѣялась надъ его опасеніями, называла его провинціаломъ; она любила этотъ городъ, въ которомъ родилась и выросла въ такой невинности и чистотѣ, и который въ награду за ея любовь къ нему придавалъ ей ту живость, ту утонченность натуры, ту насмѣшливую веселость, которыя могли бы внушить мысль, что Парижъ со своими дождями, туманами, со своимъ сѣрымъ небомъ есть настоящее отечество женщинъ, сохраняющее имъ нервы и развивающее въ нихъ умственные способности.

Съ каждымъ днемъ Поль де-Жери все болѣе цѣнилъ Алину—онъ одинъ называлъ ее въ домѣ этимъ именемъ—и странное дѣло! Фелиція окончательно скрѣпила ихъ дружбу. Какія отношенія могли существовать между этою дочерью артиста, витавшаго въ высшихъ сферахъ, и скромною неизвѣстною дѣвушкой, затерянною въ одномъ изъ отдаленныхъ предмѣстій? Отношенія дѣтства и дружбы, общія воспоминанія, большой дворъ лавсіона Беленъ, гдѣ онъ три года игралъ вмѣстѣ. Парижъ наполенъ такими встрѣчами. Имя случайно произнесенное въ разговорѣ вдругъ пробуждаетъ удивленіе, выражающееся вопросомъ:

— Итакъ вы знаете ее?

— Знаю ли я Фелицію.... Но мы сидѣли рядомъ въ первомъ классѣ. У насъ былъ общій садъ. Какая добрая, прекрасная, умная дѣвушка....

И видя съ какимъ удовольствіемъ ее слушаютъ, Алина припоминала это столь недавнее время, ставшее для нея уже прошедшимъ, очаровательнымъ и меланхолическимъ, какъ всякое прошедшее. Она одна была на свѣтѣ, бѣдная Фелиція! Въ четвергъ, когда выкрикивали имена въ приемной, никто не вызывалъ ее; только изрѣдка пожилая дама, нѣсколько смѣшная, бывшая танцовщица, какъ говорили, которую Фелиція называла феей. Она давала прозванія всѣмъ кого любила, смотря по тому какъ воображеніе ея украшало ихъ. Во время ваканцій онъ видался. Гжа Жуатѣзь, не соглашаясь отлустить Алину въ мастерскую г. Рюиса, приглашала Фелицію на цѣлые дни,—дни проходившіе очень

быстро посреди работы, музыки, мечтаній вдвоемъ, разговоровъ на свободѣ. „О, когда она говорила мнѣ о своемъ искусствѣ, съ какимъ жаромъ она выражалась и съ какимъ счастиемъ я ее слушала... Благодаря ей, сколько вещей я поняла, о которыхъ прежде не имѣла ни малѣйшаго понятія! Еще и теперь, когда мы отправляемся въ Лувръ съ отцомъ или на выставку 1го мая, особое впечатлѣнiе испытываемое при видѣ прекраснаго изваянiя, прекрасной картины, тотчасъ же приводитъ мнѣ на память Фелицію. Въ моей юности она олицетворяла для меня искусство, и это такъ шло къ ея красотѣ, къ ея натурѣ, нѣсколько безлокойной, но столь доброй, въ которой я ощущала присутствiе чего-то высшаго, что высоко поднимало и меня, нѣсколько меня не смущая... Мы вдругъ перестали видѣться... Я писала ей, но не получала отвѣта... Потому для нея наступила слава, а мнѣ вывали на долю тяжкiя горести, обязанности, поглотившiя меня.... И отъ всей этой дружбы, очень однако глубокой, потому что я не могу говорить о ней безъ... три, четыре, пять.... не осталось болѣе ничего, кромѣ старыхъ воспоминанiй, которыя перебираешь какъ угасшiй лепель...“

Склонясь надъ своею работою, мужественная дѣвушка горюшила считать свои стежки, заглушить свою печаль причудливыми рисунками своего шитья, между тѣмъ какъ Жери, взволнованный свидѣтельствомъ этихъ чистыхъ устъ, противорѣчившихъ клеветѣ нѣсколькихъ несчастныхъ искателей или завистливыхъ товарищей, чувствовалъ что онъ снова возвышается и гордится своею любовью. Это ощущенiе показалось ему столь отраднымъ что онъ очень часто возобновлялъ его, не только по вечерамъ когда бралъ уроки, но и въ другiе вечера, и лѣтчи забывалъ посѣщать Фелицію для удовольствiя бесѣдовать о ней съ Алиной.

Разъ вечеромъ, когда онъ выходилъ отъ Жуайѣзовъ, Поль встрѣтилъ на лѣстницѣ сосѣда, Маравна, который ожидалъ его и лихорадочно взялъ его за руку.

— Господишъ де-Жери, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, съ глазами сверкавшими изъ-подъ очковъ,—одно что можно было видѣть ночью на его лицѣ,—я имѣю попросить у васъ объясненiя. Не угодно ли вамъ будетъ войти ко мнѣ на минутку...

Между нимъ и этимъ молодымъ человѣкомъ существовали только обыкновенныя отношенiя двухъ постоянныхъ посѣ-

тителей одного и того же дома, не скрѣпленныхъ никакою другою связью, и даже казалось что ихъ раздѣляла нѣкоторая антипатія характеровъ и понятій. Какое объясненіе могло быть между ними? Онъ послѣдовалъ за ними съ движеніемъ крайняго любопытства.

Видъ маленькой мастерской, какъ бы озябнувшей подъ стеклянными рамами, лустой каминъ, вѣтеръ дувшій какъ на дворѣ и колебавшій свѣчу, единственное освѣщеніе бѣдной комнаты, отражаясь на разбросанныхъ и перемаранныхъ листкахъ, наконецъ эта атмосфера обитаемыхъ мѣстъ, гдѣ душа обитателей не живетъ, заставила Жери лопать восторженную наружность Андрея Маранна, его длинные откинутые назадъ и развѣвающіеся волосы, эту наружность нѣсколько эксцентрическую, весьма извинительную, когда за нее платятъ жизнью страданій и лишеній, и его симпатія тотчасъ же направилась къ этому мужественному юношѣ, энергическую гордость котораго онъ угадалъ съ одного взгляда. Но тотъ былъ слишкомъ взволнованъ чтобы замѣтить такой поворотъ. Какъ только дверь затворилась, то тономъ театральнаго героя, обращающагося къ вѣроломному обольстителю, онъ сказалъ:

— Господинъ де-Жери, я еще не Кассандрѣ....

И въ виду изумленія своего собесѣдника, продолжалъ:

— Да, да! мы понимаемъ другъ друга.... Я очень хорошо понималъ что васъ привлекаетъ къ господину Жуайёзу, и радужный пріемъ который васъ встрѣчаетъ тамъ также не ускользнулъ отъ меня.... Вы богаты, вы дворянинъ, невозможно колебаться между вами и бѣднымъ поэтомъ, занимающимся жалкимъ ремесломъ въ ожиданіи успѣха, который можетъ быть не придетъ никогда.... Но я не позволю похитить у меня мое счастье.... Мы будемъ драться, милостивый государь, мы будемъ драться,—повторялъ онъ, возбужденный мирнымъ спокойствіемъ своего соперника.—Я давно люблю дѣвицу Жуайёзъ.... Эта любовь есть цѣль, радость и сила существованія слишкомъ жестокаго, прискорбнаго со многихъ сторонъ. У меня только одно это благо и есть на свѣтѣ, и я скорѣе умру чѣмъ откажусь отъ него.

Странность человѣческаго сердца! Поль не любилъ этой прелестной Алины. Вся душа его принадлежала другой. Онъ объ ней думалъ какъ о другѣ, о самомъ миломъ, дорогомъ другѣ. И что же? мысль что Мараннъ занятъ ею, что

она, понятно, отвѣчаетъ его любви, возбудила въ немъ трепетъ досады, и онъ съ живостью спросилъ, знаетъ ли дѣвица Жуайбъ о чувствѣ Андрея и улономочила ли она предъ-авить на нея свои права.

— Элиза знаетъ что я ее люблю, и прежде вашихъ чистыхъ посвщеній....

— Элиза?.. Вы объ Элизѣ говорите?

— Да о комъ же мнѣ говорить, милостивый государь?.. Двѣ остальные слишкомъ еще молоды.

Вотъ какъ этотъ юноша освоился съ семейнымъ бытомъ своихъ сосѣдей! Для него двадцатилѣтній возрастъ Бабушки, ея очаровательная грація были заслонены ея почтеннымъ прозвищемъ и ея обязанностями хозяйки дома.

Краткое объясненіе усложнило Андрея Маранна, онъ извинился предъ Жери, усадилъ его въ кресло изъ рѣзнаго дерева, служившаго его клиентамъ, и разговоръ ихъ скоро принялъ характеръ дружества и симпатіи, вызванный столь рѣзкимъ признаніемъ въ началѣ. Поль сознался что и онъ также влюбленъ и ходитъ такъ часто къ г. Жуайбзу для того только, чтобы бесѣдовать о той, которую вмѣстѣ съ нимъ любитъ Бабушка, когда-то коротко съ ней знакомая.

— Точь въ точь какъ я, сказалъ Андрей.—Бабушка знаетъ всѣ мои тайны, но мы ничего не смѣли сказать отцу. Мое положеніе слишкомъ скромно.... О, когда мнѣ удастся поставить на сцену *Révolte!*

Тогда они заговорили объ этой пресловутой драмѣ *Révolte*, надъ которою онъ трудился шесть мѣсяцевъ днемъ и ночью, которая согрѣвала его всю зиму, зиму очень жестокою, суровость которой умѣрялась волшебствомъ созданія въ маленькой мастерской, имъ преобразованной. Тамъ въ этомъ тѣсномъ пространствѣ всѣ герои его пьесы являлись поэту какъ домашніе духи, улавшіе съ крыши, или верхомъ на лунныхъ лучахъ, и съ ними роскошные обои, блестяція люстры, извилины ларка съ освѣщенными бесѣдками, вся ожидаемая роскошь декорацій, а равно и сильный шумъ его перваго представленія, причеиъ дождь стучавшій въ рамы, дощечки съ надписями хлопавшія о дверь, изображали ему рукоплесканія, между тѣмъ какъ вѣтеръ, гудѣвшій внизу между развалинами, съ шумомъ голосовъ приносимымъ издалика, походилъ на ропотъ ложъ, отворенныхъ въ корридорѣ, въ которомъ слышался успѣхъ посреди

болтовни и упоенія толпы. Не только славу и деньги должна была ему доставить эта благодатная піеса, но нѣчто еще болѣе дорогое. За то съ какимъ тщаніемъ онъ перелистывалъ рукопись въ пяти большихъ тетрадахъ въ синей оберткѣ, тѣхъ тетрадей, которыя Левантинка разбрасывала на диванѣ, гдѣ отдыхала, и которыя она отмѣчала своимъ диктаторскимъ карандашомъ.

Когда Поль также придвинулся къ столу, чтобы разсмотрѣть великое произведеніе, то взгляды его улали на портретъ женщины въ большой рамѣ, который, находясь такъ близко къ работѣ художника, какъ будто наблюдалъ за нею... Элиза, конечно?... Но нѣтъ! Андрей не имѣлъ еще права выставлять на свѣтъ портрета своей юной подруги... То была женщина лѣтъ сорока, блѣлая, съ кроткимъ видомъ и чрезвычайно изящная. Увидѣвъ ее, Жери не могъ удержаться отъ восклицанія.

— Вы знаете ее? спросилъ Мараннь.

— Да... госпожа Дженкинсъ, жена прлавдскаго доктора. Я былъ у нихъ на вечерѣ этою зимою.

— Это мать моя... И молодой человекъ продолжалъ нѣсколько повизывъ головой:

— Госпожа Мараннь, моя мать, вышла вторично замужъ за доктора Дженкинса.... Васъ удивляетъ, конечно, что я такъ бѣдствую, тогда какъ мои родители живутъ въ роскоши?... Но, какъ вамъ извѣстно, семейныя случайности грулируютъ иногда вмѣстѣ столь различныя натуры.... Мой отчимъ и я никогда не могли поладить другъ съ другомъ.... Онъ хотѣлъ сдѣлать меня врачомъ, тогда какъ я любилъ только писать. Тогда во избѣжаніе постоянныхъ пререканій, отъ которыхъ страдала моя мать, я предпочелъ оставить ихъ домъ, и пробыть себѣ тропинку одинъ, безъ посторонней помощи.... Тяжелое дѣло! денегъ нѣтъ.... Все состояніе принадлежитъ этому... господину Дженкинсу. Рѣчь шла о томъ чтобы заработать кусокъ хлѣба, а вамъ не безызвѣстно, какъ это трудно для нашей братьи, такъ-называемыхъ хорошо воспитанныхъ... Довольно сказать, что во всемъ что условился называть „полнымъ образованіемъ“ я нашелъ только эту дѣтскую игрушку, съ помощью которой я могъ надѣяться заработать себѣ хлѣбъ. Нѣсколько бережливѣй послажили мнѣ на покулку первыхъ инструментовъ, и я поселился подалѣе, на краю Парижа, чтобы

не женить моихъ родителей. Между нами сказать, я не думаю что составлю себя когда-нибудь состояніе фотографіей. Первое время особенно было тяжело! Никто не приходилъ, а если случайно и поднимался ко мнѣ какой-нибудь несчастный, то мнѣ не удавалось снять его, и онъ выходилъ у меня на дощечкѣ чѣмъ-то блѣднымъ и смутнымъ какъ видѣніе. Однажды, въ самомъ началѣ, ко мнѣ явилась свадьба, невѣста вся въ бѣломъ, женихъ въ жилетѣ... вотъ въ такомъ!... И всѣ гости въ бѣлыхъ перчаткахъ, которыя они желали сохранить на портретахъ, для рѣдкости случая... Нѣтъ! я думалъ что сойду съ ума... Эти черныя фигуры, большія бѣлыя пятна платя, перчатокъ, померанцевыхъ цвѣтовъ, несчастная невѣста выходившая у меня какою-то королевой Нямсъ-Нямсовъ подъ своимъ вѣнкомъ, расплывшимся у нея въ волосахъ... И всѣ такіе благодушныя, такъ усердно поощрявшіе художника... Я снималъ ихъ по крайней мѣрѣ двадцать разъ, продержалъ ихъ до пяти часовъ вечера. Они оставили меня только ночью, чтобъ идти обѣдать. Что вы скажете о днѣ свадьбы проведенномъ въ фотографіи?...

Между тѣмъ какъ Андрей такъ весело разказывалъ ему о своихъ невзгодахъ, Поль приломивалъ выходку Фелициі по поводу богемы, а все что она говорила Дженкинсу объ этомъ восторженномъ мужествѣ, жаждущемъ лишеній и испытаній. Онъ думалъ также о страсти Алины къ ея милому Парижу, который ему извѣстенъ былъ только по его зловреднымъ эксцентричностямъ, между тѣмъ какъ большой городъ скрывалъ въ своихъ закоулкахъ столько неизвѣстныхъ геройствъ и благородныхъ иллюзій. Это впечатлѣніе, уже испытанное имъ при свѣтѣ большой лампы Жуайбэзовъ, охватило его еще сильнѣе можетъ-быть въ этой мѣнѣ теплой, менѣ спокойной средѣ, гдѣ сверхъ того являлось искусство, ожидающее славы или разочарованія; и онъ сильно былъ тронутъ, слушая какъ Андрей Маранъ говорилъ ему объ Элизѣ, о трудностяхъ экзамена, о невзгодахъ фотографіи, обо всѣхъ неожиданностяхъ въ жизни, которыя исчезнутъ конечно „когда онъ поставитъ на сцену *Revolte*“, причемъ прелестная улыбка сопровождала на устахъ поэта эту надежду, такъ часто формулованную, которую онъ слышалъ осмѣять самъ, какъ бы для того чтобы лишить другихъ права смѣяться надъ нею.

X. Залиски конторщика. Слуга.

По истинѣ фортуна въ Парижѣ вертитъ колесомъ своимъ до головокруженія!

Видѣть *Земельную Кассу*, какъ я видѣлъ ее, съ комнатами безъ огня, никогда не выметенными, груды протестовъ на бюро, каждую недѣлю афиши о продажѣ на дверяхъ, моя страпва, распространявшая запахъ кухни бѣднака; потомъ присутствовать теперь при переустройствѣ нашего Общества въ салонахъ меблированныхъ заново, гдѣ мнѣ поручаютъ зажигать министерскіе огни, гдѣ свуетъ озабоченная толпа посреди свистковъ, электрическихъ звонковъ, грудъ рассылающихся эсю,—все это похоже на чудо. Чтобы повѣрить этому, мнѣ нужно всмотрѣться въ самого себя, увидѣть въ зеркало мой темно-сѣрый плакъ съ галуномъ мой бѣлый галстукъ, мою цѣль, какую я носилъ въ факультетѣ въ дни застѣданій... И сказать что для совершенія этого преобразованія, для возвращенія на наши головы веселости, матери согласія, для восстановленія за нашими бумагами удешевленной цѣнности, а за нашимъ любезнымъ директоромъ уваженія и довѣрія, котораго онъ былъ лишень такъ несправедливо, достаточно было одного человѣка—что я говорю?... бога-спасителя, этого сверхъ-естественнаго богача, котораго стоустая молва имевуетъ Набабомъ.

О! когда онъ въ первый разъ прибылъ въ наше бюро съ своею представительною наружностью, со своимъ лицомъ, можетъ-быть нѣсколько неправильнымъ, но за то полнымъ достоинствомъ, со своими намерами придворнаго *на ты* со всеми государами Востока, наконецъ съ тою самоувѣренностью и величіемъ, которыя придаетъ только большое состояніе, я почувствовалъ что у меня сердце таетъ подъ жилетомъ застегнутымъ двойнымъ рядомъ луговицъ. Что бы ни говорили тамъ о громкихъ словахъ равенства и братства, существуютъ люди столь высоко стоящіе надъ всеми остальными, что хотѣлось бы ступешаться предъ ними, найти новыя формулы поклоненія, лишь бы только заставить ихъ заняться вами. Слѣшу присовокупить что мнѣ не нужно было прибѣгать ни къ чему подобному чтобы при-

влечъ на себя вниманіе Набаба. Когда я всталъ при его приближеніи—взволнованный, но съ видомъ полнаго достоинства: въ чемъ можно положиться на Пассажона,—онъ посмотрѣлъ на меня улыбаясь и въ полголоса сказалъ сопровождавшему его молодому человѣку: „Какая славная голова...“ потомъ слово котораго я не слышалъ, слово оканчивавшееся на *art*, какъ будто леопардъ. Впрочемъ, вѣроятно что-нибудь иное, ибо я не думаю чтобъ у меня была голова леонарда. Можетъ-быть Жавъ-Бартъ, хотя я и тутъ не вижу никакого смысла!... Но онъ все-таки сказалъ: „Какая славная голова...“ и эта благосклонность мнѣ очень польстила. Впрочемъ, всѣ эти господа очень любезны и вѣжливы со мною. Кажется, обо мнѣ были нѣкоторыя пренія въ совѣтѣ по поводу того, оставить ли меня или уволить, какъ уволили нашего кассира, этого угрюмаго ворчуна, который все толковалъ о ссылкѣ на галеры лицъ стоящихъ во главѣ нашего учрежденія, и попросили его отправиться въ другое мѣсто фабриковать свои экономическія манушки. И хорошо сдѣлали! Это отучить его отъ грубаго обращенія съ людьми.

Что до меня касается, то г. директоръ былъ такъ добръ что извинялъ мнѣ мои нѣсколько рѣзкія слова въ память службы моей въ *Земельной Кассѣ* и въ другихъ мѣстахъ, и по выходѣ изъ совѣта сказалъ мнѣ своимъ музыкальнымъ акцентомъ: „Пассажонъ, вы остаетесь у насъ.“ Можно себѣ представить какъ я обрадовался и какъ разсыпался въ выраженіяхъ моей признательности. Подумайте только! Я отправился бы съ моими ничтожными грошами, безъ надежды заработать себѣ что-либо еще, и принужденъ бы приняться за воздѣлываніе моего виноградника въ захолустѣ Монбарса, очень тѣсномъ для человѣка жившаго посреди всей финансово-парижской аристократіи и банковыхъ операцій доставляющихъ богатство. Въмѣсто того, я снова занимаю прекрасное мѣсто, гардеробъ мой обновился, и мои сбереженія, которыя я ощущивалъ цѣлый день, поручены доброму вниманію директора, обѣщавшаго мнѣ богатые проценты. Ужь этотъ знаетъ какъ распорядиться! И безпокоиться не о чемъ. Всѣ опасенія исчезаютъ предъ словомъ вошедшимъ нынѣ въ моду во всѣхъ совѣтахъ администраціи, во всѣхъ собраніяхъ акціонеровъ, на биржѣ, на бульварахъ и повсюду: „Набабъ принялся за это дѣло...“ Это значитъ что золота вволю и что худшія *combinations* становятся превосходными...

Онъ такъ богатъ этотъ Набабъ! Богатъ до такой степени что и повѣрить трудно. Развѣ онъ не ссудилъ чистыми деньгами пятнадцать милліоновъ Тунисскому бей?... Да! пятнадцать милліоновъ... штука эта подстроена на зло Германингамъ, которые хотѣли поссорить его съ этимъ государемъ и подкосить у него изъ-подъ ногъ траву въ этихъ прекрасныхъ странахъ Востока, гдѣ она растетъ высокая, густая и вызолоченная... Старый Турокъ, мнѣ знакомый, полковникъ Брагимъ, одинъ изъ нашихъ совѣтниковъ въ Земельной Кассѣ, обдѣлалъ это дѣльце. Повяно что бей, у котораго, ловидимому, иссякли карманныя деньги, былъ тронуть готовностью Набаба оказать ему услугу и адресовалъ ему чрезъ Брагима благодарственное письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ его что во время предстоящей ему поѣздки въ Виши онъ проведетъ два дня у него, въ его прекрасномъ замкѣ Сенъ-Романсѣ, который прежній бей, братъ нынѣшняго, уже удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Подумайте, какая честь! Принимать царствующаго государя. Германинги въ ярости! Они, интриговавшіе такъ сильно, смѣвъ въ Тунисъ, а отецъ въ Парижъ, чтобъ уронить Набаба. Правда и то, что пятнадцать милліоновъ большія деньги. И не подумайте что Пассажонъ разказываетъ вамъ сказки. Лицо сообщившее мнѣ всю эту исторію видѣло собственными глазами бумагу, присланную беемъ въ пакетѣ изъ зеленой шелковой матеріи съ королевскою печатью.

Если оно не прочло ея, то потому только что она написана была по-арабски, безъ чего оно узнало бы ея содержаніе, какъ знаетъ всю корреспонденцію Набаба. Лицо этого камердинеръ, г. Нозль, которому я имѣлъ честь быть представленнымъ на маленькомъ вечерѣ, который онъ давалъ своимъ знакомымъ. Я запишу разказъ объ этомъ празникѣ въ мои мемуары, какъ одно изъ самыхъ любопытныхъ событій которыя мнѣ случилось видѣть въ продолженіе моего четырехлѣтняго пребыванія въ Парижѣ.

Сначала, когда г. Франсисъ, камердинеръ Монлавона, говорилъ мнѣ о немъ, то я думалъ что рѣчь идетъ объ одной изъ тѣхъ управляемыхъ тайкомъ лирушекъ которыя устраиваются иногда въ нашихъ бульварныхъ мансардахъ изъ остатковъ забираемыхъ у мамзель Серафимы и другихъ кухарокъ нашего дома, гдѣ льютъ краденое вино, гдѣ наѣдаются сидя на чемоданахъ, дрожа отъ страха и при свѣтѣ двухъ

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1877 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1877 въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всѣобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1877 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1877 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій тринадцать рублей; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи шестнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки пятнадцать рублей; съ доставкой и пересылкой восемнадцать рублей.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),

на Страстномъ Бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

686041

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

1877

ОКТАВРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. РОССИЯ И АНГЛІЯ ВЪ ПЕРСИИ. М. И. Венюкова.
- II. ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ. Окончаніе. П. С. Каванскаго.
- III. ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ОТРОЩЕНКО. Гл. V—VIII.
- IV. ИЗЪ ПОЭМЫ „СОБАКИ“. Р. XI—XIII. Я. П. Лонскаго
- V. КАМЕНЬ СИЗИФА. Еще изъ воспоминаній Одиссея Полихроніадеса, загорскаго Грека. Гл. IV—V. К. Н. Леонтьева.
- VI. ДВѢ НЕВѢСТЫ. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ. О. А. Голохвастовой.
- VII. МАДОННА. Повѣсть въ трехъ частяхъ. (Изъ одной семейной хроники.) Часть вторая. Графа Е. А. Салиаса.
- VIII. „ВЪ БЫЛЫЕ ДНИ, ВЪ ОБМАНЧИВЫЕ ГОДЫ“. Стихотвореніе. Князя Д. Н. Цертелева.
- IX. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. LI—LVI. Андрея Печерскаго.
- X. ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. Поѣздка по Ломбардіи и Австріи. Гл. VI—VII. Виктора Тиссо.
- XI. СЪѢЗДЪ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВЪ ЦЮРИХЪ. А. С. Алексѣева.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

НАБАБЪ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. XI—XIII.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1878 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1878 году стоить въ Москвѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во все мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входяція въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англию, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италию, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. 18 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ

НА

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1878 года

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1878 году ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками, но въ случаѣ полученія важныхъ новостей, имѣютъ и въ эти дни выходить особыя прибавленія. (За время войны такыя прибавленія выпускаются почти послѣ каждаго праздника.) По понедѣльникамъ (кромя слѣдующихъ за табельнымъ праздникомъ или за двумя праздничными днями) издается полный листъ газеты, но безъ переловыхъ статей.

Въ 1878 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и больше, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты не помѣщается. Желающіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подданныхъ, на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* въ 1878 году слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
За 3 мѣсяца.....	4 р. 50 к.	На 3 мѣсяца.....	6 р.
• 6 мѣсяцевъ.....	9 „ —	• 6 мѣсяцевъ.....	10 „
• 12 „.....	14 „ 50.	• 12 „.....	16 „ 50 к.

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЙ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ,
ВЪ ВАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА
ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
За 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.	На 3 мѣсяца.....	7 р. 25 к.
• 6 мѣсяцевъ.....	10 „ 50.	• 6 мѣсяцевъ.....	12 „ —
• 12 „.....	17 „ —	• 12 „.....	19 „ 50.

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16%, подписной цѣны (съ доставкой) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Цѣна съ доставкой за границу:

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Герма- нію, Грецію, Дانیю, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Порту- галью, Молдавію, Валахію, Сербію, Евро- пейскую Турцію, Голландію, Черно- горію и Северо-Американскіе Соеди- ленныя Штаты	8 р.	14 р.	26 р.
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
	9 р.	15 р.	28 р.

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по соглашенію съ редакціей.

Отъ священно- и церковно-служителей православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ и во всѣхъ привиславскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ принимается подписка по уменьшенной цѣнѣ, на сроки: 10 р. въ годъ безъ казенныхъ объявленій, 12 р. въ годъ съ казенными объявленіями; 6 р. за полгода безъ казенныхъ объявленій, 7 р. за полгода съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи*, въ которой раздаются газеты подписчикамъ, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

РОССІЯ И АНГЛІЯ ВЪ ПЕРСІИ

Россія и Англія въ наше время являются въ Персіи, какъ и вообще въ Азіи, державами соперничающими. И не то чтобы споръ шелъ о непосредственномъ господствѣ Англичанъ или Русскихъ надъ печально-пустыннымъ Ираномъ, а корень недоброжелательства первыхъ къ послѣднимъ скрывается вѣвъ этой страны и состоитъ въ опасеніи Англіи потерять Индостанъ, куда дорога съ сѣверо-запада лежитъ черезъ Персію. Хорасанъ, Герать, Болянскій проходъ звучать въ ушахъ Англичанина почти также, какъ въ бывшее время звучали для Грековъ Геллеспонтъ и Фермопиды, для Австрійцевъ венеціанскій четвероугольникъ. Попадаю они изъ рукъ слабой Персіи въ руки сильной Россіи, британскому владычеству въ Индіи, по сознанію Англичанъ, настанетъ конецъ. Вотъ почему употребляются ими всѣ усилія чтобы посѣять между Россіей и Персіей раздоръ, или же при невозможности этого, навести на Персіанъ страхъ предъ англійскимъ могуществомъ, забрать экономическія средства Персіи въ свои руки и затѣмъ распоряжаться политикой Тегеранскаго двора такъ чтобы она по крайней мѣрѣ какъ можно менѣе зависѣла отъ Россіи.

Явленіе это довольно естественно, потому что въ самомъ дѣлѣ власть Англичанъ въ Индіи непрочна, и ударъ съ сѣверо-

залада на эту страну можетъ имѣть слѣдствіемъ утрату Англійей источника ея теперешняго величія и богатствъ; нанести же его способна одна Россія и именно черезъ персидскія земли. Но какъ этотъ основной мотивъ англо-азіатской политики сдѣлался уже общимъ мѣстомъ, то мы ни ловторять его, ни тѣмъ болѣе развивать въ подробности не станемъ, а перейдемъ прямо къ фактамъ, способнымъ дать читателю понятіе о томъ, какъ образовались нынѣшнія отношенія Россіи и Англійи къ Персіи и въ чемъ именно они состоятъ, такъ чтобы читатель самъ уже могъ судить чего можно ожидать отъ нихъ въ настоящемъ, если не въ дальнемъ будущемъ.

По довольно странному стеченію обстоятельствъ первыя сношенія Персіи съ Россіей и Англійей начались совершенно въ одно время, даже при посредствѣ одного и того же лица. Лицо это былъ извѣстный Антоній Дженкинсонъ, Англичанинъ, сначала торговавшій въ Москвѣ, а потомъ бывшій съ одной стороны посланникомъ Іоанна Грознаго къ средне-азіатскимъ ханамъ, а съ другой агентомъ королевы Елисаветы при шахѣ Тахмаспѣ I, къ которому онъ возилъ письмо отъ своей государыни. Это письмо, адресованное „любѣдоносному государю, императору Персовъ, Ладовъ, Парфанъ, Гуркановъ, Казамаковъ, Маргіанъ“, и пр. содержало просьбу чтобы шахъ дозволилъ Дженкинсону путешествовать по Персіи, „дабы положить начало сношеніямъ, которыя мало-по-малу могли развиться къ выгодѣ обѣихъ сторонъ, Великобританіи и Ирана“. Дженкинсонъ прожилъ нѣкоторое время при Персидскомъ дворѣ; но на него не обращали тогда большаго вниманія, хотя и были съ нимъ гостепріимны. Совершенно оттертый на второй планъ великолѣпнымъ турецкаго посла, бывшаго въ это время въ персидской столицѣ и представившаго шаху за одинъ разъ подарковъ на 250.000 рублей, Дженкинсонъ вернулся въ Москву, а потомъ въ Лондонъ ни съ чѣмъ.

У Россіи и у Англійи были однако же въ это время (1561 года) интересы которые заставляли ихъ дорожить связями съ Персіей. Русскіе овладѣли въ половинѣ XVI столѣтія сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря, а Англичане тогда же начали заводить торговлю въ Персидскомъ заливѣ. И тамъ, и здѣсь въ то время Персія имѣла могущественное вліяніе политическое и торговое. Половина Закавказья

казья и Дагестанъ были подъ властью Персидскаго шаха; въ прибрежныхъ городахъ Индійскаго океана персидскіе купцы играли важную торговую роль. Неуспѣхъ миссіи Дженкинсона не имѣлъ впрочемъ особенно вредныхъ послѣдствій. Сношенія съ Персіей, если не дипломатическія, то коммерческія, завязались сами собою и у Россіи и у Великобританіи. Астрахань была наполнена персидскими подданными, а Англичане нашли себѣ пріютъ въ Ормузѣ и даже проникли въ Ширазъ, несмотря на то что въ XVI и XVII столѣтіяхъ не они, а Португальцы и Голландцы господствовали на водахъ Индійскаго океана.

Оставимъ однако въ сторонѣ эти раннія и слабыя торговыя связи и обратимся къ сношеніямъ политическимъ. Первымъ дипломатическимъ представителемъ Россіи въ Персіи явился князь Барятинскій, посланный въ 1618 году царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ къ шаху Аббасу Великому, находившемуся тогда въ вѣнѣ своего величія. Посольство это имѣло цѣлью выяснить отношенія Грузіи, уже тогда искавшей покровительства Россіи. Умный шахъ при этомъ не только разрѣшилъ русскимъ людямъ торговать съ Персіей, но и предложилъ даже Московскому правительству облизать границы двухъ государствъ такъ, чтобы между ними не было ни чьихъ постороннихъ земель, которыхъ существованіе всегда могло быть и потомъ дѣйствительно было источникомъ недоразумѣній и раздоровъ между Россіей и Ираномъ. А число этихъ промежуточныхъ государствъ, должно замѣтить, было велико: Ширванъ, Карабахъ, Ганжа, Эривань и пр., ханы которыхъ хотя считались вассалами Персіи, но были для нея скорѣе источникомъ слабости, чѣмъ могущества. Утомленной и ослабленной долгою борьбой за самостоятельность Россіи однако было тогда не до завоеваній на Кавказѣ, и предложеніе Аббаса осталось до времени безъ послѣдствій; но дружба между двумя большими прикаспійскими монархіями была основана, и при послѣдующихъ сношеніяхъ въ 1664 году было даже опредѣлено что Русскіе могутъ торговать въ Персіи безошачно и безъ всякихъ стѣсненій. Они этимъ и пользовались.

Однако же именно эти торговыя сношенія, въ связи съ существованіемъ мелкихъ владѣній на Кавказскомъ бере-

шейкъ, послужили первымъ источникомъ столкновеній между Россіей и Ираномъ. Въ Шемахѣ, въ началѣ XVIII столѣтія, вели торговлю русскіе кулцы, у которыхъ были тамъ значительные склады товаровъ. Въ 1712 году бунтовавшій противъ шаха Дагестанецъ Даудъ-бекъ вторгнулся въ этотъ городъ и разграбилъ и перебилъ, между другими, и русскихъ торговцевъ. Это послужило поводомъ къ отправленію Персіянами извинительнаго посольства въ Петербургъ, при чемъ Петру Великому были представлены подарки и сдѣланы вновь разныя предложенія къ упроченію мира. Но эти послѣднія не были облечены въ форму трактата, такъ какъ Петру не было достаточно извѣстно внутреннее состояніе Персіи, про которую только было слышно что въ ней нерѣдко происходятъ значительные беспорядки. Чтобы изучить это состояніе Петръ отправилъ въ 1715 году въ Исфаганъ умнаго и въ послѣдствіи столь знаменитаго Артемія Волинскаго, при чемъ далъ ему право заключить торговый договоръ. Вслѣдствіе этого 30го іюля 1717 года шахомъ Гуссейномъ были утверждены предложенныя Волинскимъ статьи относительно охраненія русскихъ торговыхъ людей отъ разбоевъ, опредѣлены права русскаго консула въ Гиліані, установлены правила разбирательства спорныхъ дѣлъ по торговаѣ, размѣры пошлинъ и пр. Но этотъ договоръ не получилъ окончательной санкціи и практическаго значенія, потому что вскорѣ за тѣмъ въ Персіи начались сильныя неурядицы, сопровождавшіяся наладеніями Узбековъ съ сѣвера, Курдовъ съ запада, Арабовъ съ юга и Афганцевъ съ востока. Предводитель послѣднихъ, Миръ-Махмудъ, взялъ даже Исфаганъ и лѣвилъ самого шаха Гуссейна. Въ виду такихъ безпорядковъ грозившихъ Персіи совершеннымъ паденіемъ, Петръ Великій принялъ предложеніе прибывшаго въ Петербургъ персидскаго посольства, поддержать единственнаго законнаго кандидата на шахскій престолъ, Тахмасла II, русскою военною силою, съ тѣмъ чтобы въ вознагражденіе Россія получила нѣкоторыя прикаспійскія земли. Уже 1722 году русскія войска двинулись къ низовьямъ Терека и въ Дагестанъ, а въ 1723 году былъ заключенъ въ Петербургѣ договоръ слѣдующаго содержанія:

Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ шаху добрую и постоянную свою дружбу и сильное вспоможеніе противу всѣхъ его бунтовщиковъ, и для усмиренія ихъ и поддер-

жанія его шахова величества на Персидскомъ престолѣ изволить, по возможности скоро, послать противу тѣхъ бунтовщиковъ потребное число конницы и пѣхоты въ Персидское государство. А въ замѣнъ того шахъ уступаетъ императору въ вѣчное владѣніе города Дербентъ и Баку со всѣми къ нимъ принадлежащими и по Каспійскому морю лежащими землями и мѣстами, а также провинціи Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ, каковыя имѣють отъ сего времени вѣчно въ сторонѣ его императорскаго величества остаться и въ его подданствѣ быть. Съ своей стороны императоръ, получивъ эти земли, обязуется содержать вспомогательныя шаху войска на свой счетъ, не требуя болѣе ничего отъ Персіи. Но какъ можетъ случиться что въ уступаемыхъ Россіи провинціяхъ не найдется достаточнаго числа лошадей для арміи, то Персидское правительство обязуется, въ такомъ случаѣ, доставить таковыхъ лошадей за плату не свыше двѣнадцати рублей. Верблюдовъ же для перевозки тяжестей, сколько понадобится, шахъ даетъ бесплатно. Кромѣ того шахъ обязуется доставлять въ русскую армію хлѣбъ, мясо и соль за опредѣленную плату: за батманъ пшеницы по гривнѣ, за мясо говяжье по пяти алтынѣ съ колѣвкой, и пр. Въ доказательство вѣчной дружбы между двумя государями дозволяется купцамъ обоихъ государствъ свободно перевозить изъ одного въ другое и отправлять торговлю, безъ обидъ и притѣвленій, такъ что ежели бы обида или задержка была причинена, то ихъ величества обязуются виновныхъ жестоко карать. Сверхъ того его величество императоръ обязуется быть всегда пріятелемъ тѣмъ, кто шаху пріятель, и непріателемъ тѣмъ, кто ему непріятель; противу послѣднихъ онъ имѣеть чинить вспоможеніе, что разумѣется по отношенію ко всему Персидскому государству, отъ кого бы непріязнь ни была оказана. Взаимо и шахъ обязуется подобныя же отношенія къ императору и Россіи.

Договоръ этотъ можно бы назвать самымъ категорическимъ актомъ союза оборонительнаго и даже наступательнаго, какой только извѣстенъ въ области международнаго права, еслибы заключеніе и исполненіе его не сопровождалось обстоятельствами ослабившими его значеніе и силу. Дѣло въ томъ что шахъ, давъ широкія полномочія Измаиль-беку, самъ потомъ испугался ихъ и посмалъ въ

догоно за нимъ инструкціи, которыя лишь случайно не достигли до посла въ Петербургъ. Съ другой стороны, несмотря на подписаніе договора, уступка прикаспійскихъ земель происходила съ большими затрудненіями, такъ что Русскимъ приходилось воевать не только съ противниками шаха, но и съ приверженцами его. Вотъ почему Петръ, узнавъ на опытъ, что такое персидская дружба, подъ конецъ не обращалъ вниманія на трактатъ и дѣйствовалъ исключительно въ интересахъ Россіи, чтобы пріобрѣсти драгоценныя по своему положенію прикаспійскія земли. Такъ какъ противу подчиненія Русскимъ этихъ земель возсталъ и султанъ Эшрефъ, возведенный на престолъ въ Исфаганіи по смерти завоевателя его Миръ-Махмуда, то русскія войска сражались также съ нимъ и нанесли ему поражение въ Гилянѣ. Тогда, уже послѣ смерти Петра, въ 1729 году, былъ заключенъ въ Рештѣ договоръ съ Эшрефомъ, по которому сдѣланныя Тахмасломъ поземельныя уступки утверждались за Россіей, за исключеніемъ впрочемъ Мазандерана и Астрабада. Эти послѣдніе были возвращены Персіи, но подъ условіемъ, чтобы она владела ими сама и ни въ какомъ случаѣ не уступала какой-либо другой державѣ: иначе Россія въ правѣ воссоединить ихъ. Въ договорѣ Рештскомъ подробно описаны границы Россіи съ Персіей, большею частью обозначенныя естественными урочищами. Дербетъ, низовья Куры, Талышъ и Гилянъ до урочища Темикубабскаго вошли въ составъ Русской Имперіи.

Кромѣ того Рештскій трактатъ установилъ правила международных сношеній чрезъ посланниковъ и пограничныхъ начальниковъ, о дипломатической перепискѣ, о рѣшеніи споровъ и ссоръ между приграничными жителями, о возвращеніи перебѣжчиковъ и о торговлѣ. Въ послѣднемъ отношеніи любопытно что по статьѣ 8й договора русскимъ караванамъ предоставленъ свободный переходъ черезъ Персію въ Индію. Имущество подданныхъ одного государства умершихъ въ другомъ гарантировано отъ расхищенія, и возвращеніе его законнымъ наслѣдникамъ возложено на полечскіе мѣстныхъ властей. Договоръ вообще напоминаетъ всѣ подобныя, заключаемые между европейскими государствами; но, несмотря на сосѣдство и тѣсныя торговыя связи двухъ государствъ, имъ не было положено основанія постоянныхъ дипломатическихъ миссій, которыя возникли лишь сто лѣтъ поздне.

То обстоятельство что договоромъ въ Рештѣ возвращены Персіи драгоценнѣйшія пріобрѣтенія Петра, Мазандеранъ и Астрабадъ, показываетъ что уже въ 1729 году дальновидные планы великаго императора не были цѣнны по достоинству въ Петербургѣ. А какъ поддержаніе русской власти въ Гилянѣ и Талышѣ, по непривычкѣ нашихъ войскъ къ климату этихъ жарко-болотистыхъ странъ, обходилось очень дорого, людьми и деньгами, то въ 1732 году правительство наше уступило Персіи и эти земли, по самую Куру. Договоръ о томъ подписанъ въ томъ же Рештѣ 21го января 1732 года и тѣмъ же генераломъ Левашовымъ, какъ и трактатъ 1729 года, при содѣйствіи на этотъ разъ барона Шафирова. Уступка земель въ немъ мотивируется „единою безприкладною (безпримѣрною) пріязнью къ шаху императрицы Всероссийской“, и бескорыстіе, или точнѣе неискусство, русской дипломатіи зашло такъ далеко, что даже Грузія отдана на произволъ Персіи. „Повеже, говоритъ статья 8я трактата, обще вѣрный ея императорскаго величества и шахова величества, его высочество царь Вахтангъ Грузинскій лишень своего владѣнія, то его шахово величество обѣщаетъ что, когда Грузія будетъ попрежнему при Персіи въ протекціи шаховой, тогда высокопоянутаго, въ характерѣ царскомъ, по прежнему обыкновенію въ Грузіи владѣніе и правленіе имѣть да опредѣлится.“ Левашовъ и Шафировъ нашли даже нужнымъ оговорить чтобы бывшимъ русскимъ подданнымъ въ уступленныхъ Персіи земляхъ ихъ русское подданство „не было причтено въ невѣрность“, потому что опасались что эти злополучные люди по выступленіи отъ нихъ русскихъ войскъ могутъ „потерпѣть въ персонахъ своихъ и имѣніяхъ поврежденія, наказанія и разоренія“, несмотря на „безприкладную“ пріязнь между шахомъ и императрицей. Статьей 2ю обѣщано даже вернуть Персіи земли на сѣверѣ отъ Куры, „какое великодушное ея императорскаго величества объявленіе шахъ принялъ съ благодареніемъ“....

Не прошло еще трехъ лѣтъ со времени Рештскаго договора, какъ было приступлено къ переговорамъ о новой уступкѣ Персіи земель, покоренныхъ съ такими жертвами Великимъ Петромъ. Договоръ заключенъ былъ въ 1735 году въ Ганжѣ, и въ силу его Россія отказалась даже отъ Дербента и Баку. Ея уполномоченный, князь Голицынъ, успѣлъ

выговорить только одно почетное для себя условіе, именно чтобы находившійся въ Дербентѣ христіанскій монастырь остался „нерушимымъ“, съ правомъ „отправлять въ немъ служеніе полпрежнему“. Затѣмъ Голицынъ нашелъ нужнымъ вытребовать у Персіи то, чего конечно она и сама страстно желала, именно условіе не заключать отдѣльнаго мира съ Турціей, съ которою обѣ договаривавшіяся стороны были въ то время въ войнѣ. Побѣдоносные походы Миниха, одни сами по себѣ, какъ видно, не внушали Бироновскому правительству надежды заключить съ Турціей почетный миръ, и оно находило нужнымъ ставить Россію подъ протекцію Персидскаго шаха. И хотя обидность и стѣснительность этого условія смягчались тѣмъ что оно было взаимнымъ; но только въ самомъ трактатѣ оно мотивировалось „интересами Иранскаго государства“. Затѣмъ въ договорѣ 1735 года нѣсколько разъ уломинается что уступка Россіей земель въ пользу Персіи совершилась „по единой токмо справедливости ея императорскаго величества, для доказательства величественной ея дружбы“ и т. п. Нарушая высшіе интересы Россіи, правительство Бирона, какъ видно, не находило къ тому болѣе логическаго основанія.

За Ганжвинскимъ договоромъ на долгое время сношенія наши съ Персіей ограничивались торговлей въ Астрахани и отчасти въ Дербентѣ, Баку и Эзели. Политическихъ же поводовъ къ посольствамъ, договорамъ и т. п. не представлялось. Однако расширеніе нашихъ судоходства и рыболовства на Каспійскомъ морѣ и необходимость обезлечить ихъ отъ нападений Туркменъ, которыхъ Персіане очень боялись, заставило насъ добиваться устройства прочной опорной точки для нашего военнаго флота на мирномъ берегу Каспія, и съ этою цѣлью туда отправленъ былъ въ 1781 году капитанъ Войновичъ съ четырьмя кораблями. Войновичъ потребовалъ отъ родоначальника царствующей теперь въ Персіи Каджарской династіи, Ага-Мухамеда, уступки небольшого клочка прибрежной земли для устройства на немъ наблюдательнаго поста. Персіане не противились, потому что не имѣли флота, но употребили хитрость. Цѣлый русскій фортъ съ 18ю орудіями былъ устроенъ въ 75 верстахъ отъ Астрабада; Персіане заявляли радость что они наконецъ обезопасены отъ туркменскихъ пиратовъ, и потому пригласили русскихъ офицеровъ на праздникъ къ хану. Но

тутъ послѣдніе были захвачены и закованы въ цѣли. Ага-Мухамедъ объявлялъ что онъ отпуститъ ихъ лишь тогда когда Русскіе сроятъ свой фортъ. Войновичъ подчинился этому условію, и проектъ, который онъ былъ призванъ исполнить, осуществился лишь шестьдесятъ лѣтъ позднее устройствомъ Ашуръ-Адинской станціи.

Черезъ два года послѣ того возникъ новый и еще болѣе серьезный поводъ къ раздору между Россіей и Персіей. Хотя въ Рештскомъ трактатѣ 1732 года Грузинскій царь былъ названъ „общевѣрнымъ“ Русскимъ императорамъ и Персидскимъ шахамъ, но въ 1783 году нами заключенъ былъ съ Грузіей договоръ объ исключительномъ покровительствѣ ей, какъ единовѣрной странѣ. Оставляя царю Ираклію веденіе внутреннихъ дѣлъ его слабаго государства, Россія приняла на себя отвѣтственность за внѣшнюю безопасность страны и даже гарантировала не только всѣ тогдашнія владѣнія, но и тѣ которыя Грузія могла пріобрѣсти въ будущемъ. Повидимому, въ планы Екатерины II входила мысль объ основаніи Грузинско-Армянскаго, то-есть христіанскаго царства, которое бы стояло на стражѣ Россіи со стороны мусульманскаго міра; быть-можетъ также она рѣшилась возобновить планы Петра, но только на первый разъ не прямымъ путемъ войны съ Персіей. Однако послѣдніе государство поняло опасность русскаго покровительства въ Грузіи, и дѣло мало-по-малу дошло до войны. Ага-Мухамедъ-ханъ вторгнулся въ Грузію, опустошилъ ее и совершенно разрушилъ Тифлисъ, жители котораго частію были уведены въ плѣнъ, частію истреблены, причемъ жестокость Персіянъ доходила до того что они при матеряхъ бросали живыхъ ихъ дѣтей въ Куру. Это варварство иранскихъ „друзей“ Бирона получило скорое возмездіе. Громъ русскаго оружія снова огласилъ Восточный Кавказъ, и наши войска, подъ предводительствомъ графа Зубова, не только завоевали западное побережье Каспія до Куры, но перешли даже Араксъ. Но въ это время скончалась Екатерина; генерал-фельдмаршалъ Зубовъ преемникомъ ея былъ выброшенъ изъ службы, а полки дѣйствовавшіе противъ Персіянъ получили приказаніе каждый отдѣльно возвратиться на свои прежнія позиціи. Никакого договора съ Персіей при этомъ не было заключено, и отношенія наши къ ней остались неясными.

Въ 1801 году, при самомъ началѣ царствованія Александра I, перешла подъ русскую власть Грузія. Война съ Персіей скоро возобновилась, и подвиги Циціанова, Котляревскаго, Гудовича, Корягина и др. придали ей весьма невыгодный для Персіянъ характеръ. Можно сказать что уже въ 1805 году, то-есть при кончинѣ Циціанова, почти все теперешнее Закавказье было покорено Русскими. Если же Персія не смирялась, то лишь потому что была возбуждаема къ войнѣ сначала Англіей, а потомъ Франціей. Первая была налугана проектомъ русско-французской экспедиціи черезъ Хорасанъ въ Индію, вторая стала нашею противницей съ тѣхъ поръ какъ мы заступились за Австрію и Пруссію. Такимъ образомъ миръ съ Персіей намъ удалось заключить не ранѣе 1813 года, то-есть времени когда могущество Наполеона было потрясено въ основаніи. Миръ этотъ былъ заключенъ тогдашнимъ главнокомандующимъ въ Грузіи генераломъ Ртищевымъ въ урочищѣ Гюлистанѣ (теперешней Елисаветпольской губерніи) 12го октября 1813 года. И какъ договоръ о немъ можно считать основнымъ при рѣшеніи многихъ русско-персидскихъ вопросовъ (несмотря на то что въ 1827 году, Паскевичъ считалъ нужнымъ замѣнить его заключеннымъ имъ самимъ трактатомъ Туркменчайскимъ), то мы приведемъ его здѣсь въ подробномъ изложеніи.

Уже на предварительныхъ переговорахъ было рѣшено что миръ будетъ заключенъ на основаніи *status quo ad presentem*, то-есть чтобы каждая сторона осталась при владѣніи тѣми землями, ханствами и владѣніями, какія находились въ ея власти въ данное время; поэтому граница Россіи съ Персіей установлена такъ что ханства: Карабахское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубанское, Бакинское и сѣверная часть Талышскаго остались въ русскихъ предѣлахъ. Кроме того шахъ призналъ русскими провинціями весь Дагестанъ, Грузію съ Шурагелемъ, Имеретію, Гурію, Мингрелію и Абхазію, а равно и всѣ другія земли (горскія), которыя находятся къ сѣверу отъ названныхъ до Кавказской линіи. Русскимъ купеческимъ судамъ, по прежнему обычаю, предоставляется плавать у береговъ Каспійскаго моря и приставать къ нимъ, причемъ со стороны Персіянъ должна быть подаваема дружественная помощь во время кораблекрушенія. То же раз-

умѣется про персидскіе кулеческіе корабли у русскихъ береговъ. Въ разсужденіи же военныхъ судовъ: то какъ прежде войны, такъ равно и во время мира и всегда, руссійскій военный флагъ одинъ существовалъ на Каспійскомъ морѣ; то въ семь уваженіи и теперь предоставляется ему одному прежнее право, съ тѣмъ что *кромя Россійской державы никакая другая не можетъ имѣть на Каспійскомъ морѣ военнаго флота.* Посланники той или другой стороны должны быть принимаемы при дворахъ соотвѣтственно ихъ званію и важности дѣлъ имъ порученныхъ, а опредѣляемые отъ нихъ, гдѣ за нужное разсудится, въ городахъ для покровительства торговли агенты или консулы, кои не имѣли бы при себѣ свиты болѣе десяти человекъ, пользовались бы приличнымъ ихъ званію уваженіемъ и почестями. Торговля отношенія Русскихъ въ Персіи и Персіанъ въ Россіи хорошо регулированы Гюлистанскимъ трактатомъ, къ выгодѣ обѣихъ сторонъ, причемъ принято за правило что пошлины съ товаровъ не должны превышать 5% стоимости. Со стороны Россіи принято одно обязательство предъ Персіей, но такое которое стоить всякаго права. Именно статьей четвертою опредѣлено что императоръ Всероссійскій въ доказательство искренняго своего желанія видѣть въ Персіи, какъ сосѣднемъ ему государству, самодержавіе и господствующую власть на прочномъ основаніи, торжественно за себя и своихъ преемниковъ обѣщаетъ тому изъ сыновей шаха, который отъ него будетъ назначенъ наследникомъ Персидскаго государства, оказывать помощь въ случаѣ надобности, *дабы вѣрніе непріатели не могли мѣшаться въ дѣла Персіи и дабы помощію Высочайшаго Россійскаго Двора Персидскій дворъ былъ подкрѣпленъ.* Впрочемъ, если по дѣламъ Персіи произойдутъ споры между шахскими сыновьями, то Россія не войдетъ въ оныя до того времени, пока владѣющій шахъ не будетъ просить о томъ.

Послѣ заключенія Гюлистанскаго договора, который, какъ видимъ, давалъ Россіи очень выгодное положеніе по отношенію къ Персіи, мирныя сношенія установились по всему протяженію Русско-Персидской границы, и въ 1817 году мы видимъ даже въ Тегеранѣ пышное Русское посольство генерала Ермолова, который хотя и держалъ себя съ Персіянами гордо, но былъ хорошо принятъ Фетхъ-Али-шахомъ.

Только въ тайнѣ Персіане не любили Русскихъ и надѣялись рано или поздно вернуть потерянные ими по договору 1813 года земли, имѣющія единовѣрное съ ними населеніе Главной воинственной партіи считался одинъ изъ сыновей шаха, правитель Адзербейджана, Аббасъ-мурза, который былъ назначенъ наслѣдникомъ престола мимо старшаго брата Мухамедъ-Али, управлявшаго Керманшахомъ и свискавшаго себѣ популярность патриархальнымъ образомъ дѣйствій. Аббасъ-мурза былъ человекъ съ наклонностями къ европейской цивилизаціи; онъ образовалъ свои войска при помощи западныхъ инструкторовъ на европейскій ладъ и пользовался славою хорошаго полководца, потому что разъ разбилъ Турокъ у Топракъ-Кале. Онъ поэтому не былъ достаточно строгимъ исполнителемъ условій Гюлистанскаго договора на ввѣренной ему части персидскихъ окраинъ, и это повело къ охлажденію между двумя дворами. Изъ Петербурга былъ отправленъ въ Тегеранъ посломъ князь Меншиковъ; но это посольство было безуспѣшно. 2го сентября 1826 года Аббасъ-мурза безъ объявленія войны вторгнулся въ русскія владѣнія и дошелъ почти безъ сопротивленія до самаго Елисаветполя; но здѣсь собранный Ермоловымъ отрядъ, подъ начальствомъ Паскевича, остановилъ излишнее смѣлаго персидскаго полководца и нанесъ ему сильное пораженіе. Вся послѣдующая компанія 1827 года была также неудачна для Персіанъ, и потому 10го февраля 1828 года состоялся мирный договоръ въ Туркменчаѣ (100 верстъ къ юго-востоку отъ Тавриза), по которому Персія утратила ханства Эриванское и Нахичеванское и обязалась заллатить Россіи 20 милліоновъ рублей за военныя издержки. Въ другихъ частяхъ этотъ договоръ былъ только повтореніемъ и развитіемъ Гюлистанскаго и особенностью его является лишь то что въ немъ впервые Россія воспользовалась своимъ правомъ признавать наслѣдниковъ Персидскаго престола: именно, по статьѣ 7й, такимъ наслѣдникомъ признанъ Аббасъ-мурза.

Не прошло однако нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ среди Персіанъ послѣдовалъ взрывъ злобы противъ Россіи, приведшій къ убійству нашего посла въ Тегеранѣ, Грибоѣдова, и всей его свиты. Конечно, одною изъ причинъ этого неслыханнаго нарушенія международнаго права были отчасти высомѣрное поведеніе Грибоѣдова и не совѣтъ

легальныя дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ его свиты: но тѣмъ не менѣе возмездіемъ за него могли быть новыя пораженія Персіянъ, и правительство Фетхъ-Али-шаха послѣдшило отправить въ Петербургъ извинительное посольство принца Хозрева-Мирзы, сына Аббасова. Молодой принцъ былъ хорошо принятъ и добился даже уменьшенія и разсрочки контрибуціи, что было очень важно для Персіянъ; ибо хотя Англія и обязалась еще въ 1814 году помогать Персіи деньгами въ случаѣ войны ея съ Россіей, но на самомъ дѣлѣ вовсе не подкрѣпляла персидскаго казначейства, которое было почти совсѣмъ пусто. Со времени посольства Хозрева-Мирзы между Петербургомъ и Тегераномъ установились дружескія отношенія и въ столицѣ Персіи водворился постоянный дипломатическій представитель Россіи, который нерѣдко оказывалъ серьезное вліяніе на политику Персіи. Особенно это оказалось въ вопросѣ о Гератѣ, гдѣ внушенія графа Симонича зашли такъ далеко что наше правительство, не желая входить въ столкновение съ Англіей, отозвало въ 1838 году этого дипломата изъ Тегерана. Въ 1841 году убѣжденіями русской дипломатіи Персидское правительство склонилось на предоставленіе намъ права имѣть военно-морскую станцію на Ашуръ-Аде, при входѣ въ Астрабадскій заливъ, откуда можно было преслѣдовать разбойничьи лодки Туркменовъ. Затѣмъ мы видимъ русскаго офицера Чирикова участникомъ въ комиссіи по разграниченію Персіи съ Турціей, начавшей свои дѣйствія въ 1847 году и продолжавшей ихъ до 1861, при чемъ Чириковъ поддерживалъ персидскіе интересы противу Англичанина Вильямса защищавшаго Турокъ. Для организаціи военныхъ силъ и средствъ Персіи и для руководства военными предпріятіями Персіянъ были не разъ посылаемы, по просьбѣ Тегеранскаго правительства, русскіе офицеры, между которыми можно назвать выѣзжавшихъ генераловъ Бларамберга и Масальскаго. Въ 1854 году, во время войны Россіи съ Турціей, въ видахъ облегченія Персіи непріязненныхъ дѣйствій противу исконныхъ враговъ ея, Турокъ, прощены были нами недоплаты контрибуціи, слѣдовавшей по Туркменчайскому договору. Въ 1857—59 годахъ большая учено-политическая экспедиція наша изъѣздила съверо-восточную Персію при полномъ содѣйствіи персидскихъ властей. Наконецъ въ 1869 году правительство наше явило примѣръ такого вну-

манія къ интересамъ Персіи, какого едва ли даже могъ ожидать шахъ. Собираясь основать на туркменскомъ берегу Каспійскаго моря Красноводскъ, мы, по собственной инициативѣ, заявили въ Тегеранѣ, что этотъ шагъ нисколько не имѣетъ значеніе какой-либо угрозы Персіи, что напротивъ наша цѣль—умиротворить Туркменъ, которые дѣлаютъ столько безлокойствъ Персіи, и что мы даже признаемъ отнынѣ сѣвѣрною границей Хорасана и Астрабада не Карасу, какъ было доселѣ, а Атрекъ, т.-е. расширяемъ предѣлы Персіи къ сѣверу, въ мѣста, куда Персіяне долготѣ появлялись не иначе какъ лѣтними, на арканѣ. Эти дружжелюбныя отношенія между Петербургомъ и Тегераномъ укрѣпились еще болѣе въ 1872 году, когда телерешный Персидскій шахъ Насръ-Эддинъ посѣтилъ Петербургъ и Тифлисъ лично. Съ 1875 года столица Персіи связана правильными почтовыми сообщеніями съ Закавказьемъ, а на Каспійскомъ морѣ давно уже русскіе пароходы поддерживаютъ срочные рейсы между портами Россіи и Персіи. Единственный вопросъ который въ послѣдніе годы могъ бы раздѣлить эти двѣ державы есть вопросъ Текинскій; но пока онъ еще не приобрѣлъ особой важности и, какъ увидимъ ниже, есть болѣе вопросъ англо-русскій, чѣмъ русско-персидскій.

Изложивъ такимъ образомъ главнѣйшіе факты изъ исторіи политическихъ сношеній Персіи съ Россіей, перейдемъ къ такому же очерку сношеній Персіи съ Англіей. Какъ ни сухи могутъ показаться эти перечни договорныхъ статей и хронологическихъ указаній, но читатель, вѣроятно, согласится что безъ нихъ нѣтъ возможности правильно судить, какъ же именно поставлены Англія и Россія въ Иранѣ и вліяніе которой изъ нихъ тамъ сильнѣе. Итакъ, дипломатическая переписка Великобританіи съ Персіей началась въ 1561 году, письмомъ королевы Елисаветы къ шаху, которое возилъ Дженкинсонъ. Неудача этого посольства, о которомъ мы уже упоминали, и отдаленность Персіи отъ Англіи, были причинами что долго послѣ того Англичане не имѣли прямыхъ связей съ Персіей, тѣмъ болѣе что на морскомъ пути черезъ Индійскій океанъ у нихъ были могущественные соперники, Португальцы, а потомъ Голландцы. Даже Остъ-Индская компанія, основанная въ 1600 году для торговли съ южною Азіей и успѣвшая такъ

прочю утвердиться въ Индіи, плохо успѣвала въ южныхъ частяхъ Персіи. Однако англійская торговля мало-по-малу установилась въ Ормузъ и Буширѣ, и вотъ въ 1763 году представители державной компаніи въ Персидскомъ заливѣ, Амдрю Прайсъ и Томасъ Дунфордъ, получили отъ шаха Каримъ-хана, Зендской династіи, привилегію на торговлю въ персидскихъ гаваняхъ, слѣдующаго содержанія: „Компаніи разрѣшалось построить факторію въ Буширѣ или другомъ портѣ залива и даже укрѣпить ее, не болѣе, впрочемъ, какъ бти-фунтовыми пушками. Компанія могла торговать тамъ безлошадно. Никакая другая европейская нація не имѣла права привозить шерстяныя ткани. Задолжавшихъ персидскихъ кулцовъ буширскій губернаторъ обязывалъ расплачиваться. Англичане могли продавать и покупать товары по собственному усмотрѣнію (т.-е. безъ вмѣшательства персидскихъ властей). Въ случаѣ крушенія англійскихъ кораблей персидскія власти обязаны были помогать. Англичане могли свободно исповѣдывать свою религію. Въ случаѣ бѣгства англійскихъ солдатъ или матросовъ, персидскія власти обязаны были помогать ихъ поимкѣ. Члены и служители англійской факторіи находились подъ управленіемъ собственныхъ властей и были изъяты отъ всякихъ налоговъ. Англичанамъ даны мѣста для кладбища и сада. Прежде принадлежавшій имъ домъ въ Ширазѣ возвращенъ имъ. Давая такую привилегію, Каримъ-ханъ съ своей стороны требовалъ чтобъ Англичане вывозили изъ Персіи товары, а не одну монету, въ обмѣнъ на привозимыя ими издѣлія, дабы страна не обѣднѣла; чтобъ они уважали мусульманскую вѣру, не оказывали покровительства бунтовщикамъ противу шаха и ни прямо, ни косвенно не поддерживали враговъ его.

Въ силу этой привилегіи Англичане скоро развили свою торговлю въ Буширѣ до значительныхъ размѣровъ; но ни какихъ политическихъ договоровъ съ Персіей они не имѣли до самаго начала XIX столѣтія, такъ что въ этомъ отношеніи Россія далеко опередила Англію. Первый трактатъ между Великобританіей и Ираномъ есть договоръ Малькольма съ великимъ визиремъ Хаджи-Ибрагимомъ, относящійся къ 1801 году; но замѣтимъ что Малькольмъ, офицеръ калитанскаго чина, былъ представителемъ не короля Георга, а генераль-губернатора англійской Индіи. Цѣль трактата

опредѣляется его содержаніемъ. „Если Афганскій государь вздумаетъ вторгнуться въ Индію, изъ Персіи будетъ двинута армія для опустошенія Афганской страны и усмиренія Афганскаго народа. Въ случаѣ же желанія Афганскимъ владѣтелемъ мира, съ нимъ будутъ открыты переговоры на основаніи отказа его отъ всякаго наладенія на англійскія владѣнія. Если Афганскій государь или Французская нація начнутъ войну съ Персіей, Англійскій король пришлетъ столько военныхъ запасовъ для Персіи сколько будетъ возможно. Если французская армія покусится утвердиться на одномъ изъ береговъ Персидскаго залива, то Англичане и Персіане соединенными силами постараются выгнать ее; и никакому значительному лицу изъ Французовъ не будетъ дозволено учреждать свою резиденцію на берегахъ и островахъ Персіи.“

Послѣ Малькольма въ Персіи являются два англійскіе представителя, Гарфордъ Джонсъ въ 1809 году и сэръ-Горъ Аузели въ 1812; но оба заключенные ими трактата считаются предварительными, такъ какъ сущность ихъ вошла въ окончательный трактатъ 25го ноября 1814 года, заключенный въ Тегеранѣ Морьеромъ и Эллисомъ съ персидскими уполномоченными мирзой Мухамедъ-Шефи, мирзой Бузургомъ и Абдуль-Вахабомъ. Этотъ трактатъ заслуживаетъ особаго вниманія насъ, Русскихъ, тѣмъ болѣе что заключенъ какъ разъ послѣ того какъ Россія помогла Англійѣ низвергнуть ея опаснѣйшаго врага, Наполеона. „Всѣ союзы съ государствами враждебными Великобританіи, говоритъ 1я статья договора, объявляются ничтожными, * и шахъ обязуется противиться вторженію въ Индію, по дорогѣ черезъ Хиву или Бухару, какой бы ни было европейской державы. Настоящій договоръ есть чисто-оборонительный. Помощь войскамъ или субсидія въ 200.000 томановъ ежегодно будетъ даваема Англійей Персіи въ случаѣ вторженія въ нее завоевателя, но только если Персія не была зачищенной распри. Персія свободна употреблять европейскихъ офицеровъ для обученія своихъ войскъ, но подъ условіемъ чтобъ офицеры не принадлежали къ націи враждебной Англичанамъ. Въ случаѣ если кака-нибудь европейская держава, находящаяся въ мирѣ съ Англійей (!), объявитъ войну Персіи, Англійя

* Намекъ на Гюлистанскій договоръ 1813 года.

будеть помогать Персіи войсками или субсидіями. Субсидія будетъ выплачиваться какъ можно благовременноѣ. Если Афганцы объявятъ войну Англіи, Персія вышлетъ противу нихъ свою армію, которая будетъ содержаться на средства Англіи; но если возгорится война между Персіей и Афганистаномъ, то Англія не будетъ вмѣшиваться безъ обращенія къ ней за посредничествомъ. Въ случаѣ если Англія будетъ помогать Персіи войсками или кораблями въ Персидскомъ заливѣ, они будутъ на персидскомъ иждивеніи.“

Смыслъ этого договора ясенъ. Интригуя, въ союзѣ съ Меттервихомъ и Талейраномъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ противу Россіи, Кассельри хорошо помнилъ что Россія можетъ рано или поздно приблизиться къ Индіи и нанести тамъ ударъ Англіи. При этомъ, разчитывая на естественное неудовольствіе какое имѣла Персія на Россію за Гюлистанскій трактатъ, англійскій министръ сулилъ, впрочемъ, весьма условно, разныя блага, лишь бы она тормозила движенія Афгановъ, которые, разумется, должны быть въ союзѣ съ Россіей, чтобы послѣдняя могла провести свои войска на Индѣ. По отношенію къ Россіи, „державѣ европейской“, англійскіе уполномоченные не устыдились даже ввести въ договоръ статью по которой Англія будетъ помогать Персіи даже будучи въ мирѣ съ Русскою Имперіей. Только, любя деньги еще больше чѣмъ союзную Персію, они оставили за собой право рѣшать когда Персія будетъ стоить субсидіи и когда нѣтъ. Если въ данный моментъ Великобританіи не разчетъ расходовать въ пользу союзнаго шаха 200.000 томановъ, то можно объявить его зачинщикомъ распри и въ субсидіи отказать.

Съ 1814 года, то-есть по водвореніи европейскаго мира, торговля Великобританіи въ Персидскомъ заливѣ дѣлаетъ быстрые успѣхи, и Англичане успѣваютъ постепенно расширить свои торговые права. Такъ въ 1823 году особымъ фирманомъ сняты пошланы съ лошадей вывозимыхъ англійскими кулдами въ Индію, которая, какъ извѣстно, въ южной своей половинѣ вовсе не имѣетъ туземныхъ лошадей которыми бы могла ремонтироваться англійская кавалерія. Въ 1836 году другой фирманъ приравнялъ пошланы взимавшіяся по англо-персидской торговлѣ къ пошлинамъ русско-персидской, какъ болѣе выгоднымъ для Англичанъ. Наконецъ, въ 1841 году заключенъ былъ между

английскимъ посланникомъ Макъ-Нейемъ и персидскимъ министромъ Абдуль-Гусейнъ-ханомъ, торговый договоръ слѣдующаго содержания: „Пошлины привозныя и отпускныя при торговлѣ съ Англичанами въ Персію будутъ взиматься такія же какъ при торговлѣ съ наиболѣе благопріятствуемыми націями; и за исключеніемъ пошлинъ никакіе налоги внутри обоихъ государствъ не будутъ тяготѣть надъ привозными товарами. Два коммерческіе агента Британскаго правительства будутъ жить въ Тегеранѣ и Тавризѣ (только въ нихъ), и тавризскій будетъ пользоваться преимуществами генеральнаго консула; Персидское правительство дозволяетъ еще, попрежнему, жить одному английскому агенту въ Буширѣ; оно само можетъ назначить агентовъ въ Бомбей и Лондонъ.“

Устраивая свои торговыя дѣла въ Персію, Англичане въ 1830—40 годахъ не забывали и дѣлъ политическихъ. Въ это время созрѣлъ Гератскій вопросъ. Герать, какъ извѣстно, считается ключомъ Индіи въ томъ смыслѣ что русская или персидская армія не можетъ проникнуть въ Индію не владѣя этимъ оазисомъ и въ частности главнымъ его городомъ. Населеніе Герата персидское, но оно долго имѣло независимыхъ государей. Когда усилились въ передней Азіи Афганы, то Герать сталъ яблокомъ раздора между ними и Персіянами, и естественно что послѣдніе не желали оставлять судьбу своихъ единоплеменниковъ въ рукахъ враждебнаго племени или подъ его вліяніемъ. Вотъ почему въ 1837 году шахъ Мухамедъ двинулся съ большою арміею къ Герату для овладѣнія имъ. Нѣсколько русскихъ офицеровъ сопровождали его для руководства военными дѣйствіями; но ихъ мало слушались. Въ Гератѣ же управлялъ обороной дѣятельный англійскій офицеръ Поттингеръ, котораго притомъ англійскій посланникъ при Персидскомъ дворѣ, Макъ-Нейль, нашелъ возможнымъ, помощію самой безсовѣстной продѣлки, снабдить золотомъ и увѣреніемъ что недалеко время когда Британское правительство предъявитъ Персію ультиматумъ по поводу Герата. Послѣдняя угроза скоро была исполнена, и въ 1838 году осада Герата Персіянами была снята. Съ небольшимъ же черезъ годъ послѣ этого властвовалъ тамъ уже англійскій офицеръ, майоръ Тодъ, такъ какъ въ 1839 году Англичане перешли Индъ и завоевали почти весь Афганистанъ.

Истребленіе англійской арміи въ Хайберскомъ и Хурдь-Кабульскомъ ущельяхъ конечно заставило Тогда оставить Герать; но британская политика по отношенію къ этому городу осталась постоянною, и наконецъ въ 1858 году привела къ слѣдующей конвенціи. Персидское правительство обязуется не посылать войскъ подъ Герать, за исключеніемъ случая когда иностранныя войска вторгнутся въ городъ Герать; но и въ этомъ случаѣ персидская армія не будетъ входить въ городъ Герать. Персидское правительство не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Герата и письменно уведомитъ объ этомъ Сеидъ-Мухамедъ-хана (правителя гератскаго). Оно не будетъ чеканить для Герата монеты или готовить другихъ знаковъ показывающихъ что Герать подчиненъ Персіи. Оно обязуется не имѣть постоянного агента въ Герать; Персіяне могутъ имѣть тамъ сношенія лишь какъ было при Яръ-Мухамедъ-ханѣ. Персидское правительство отлуститъ на свободу всѣхъ гератскихъ хановъ нынѣ находящихся въ Мешхедѣ или Тегеранѣ. Эти обязательства сохраняютъ свою силу пока не будетъ вмѣшательства Британскаго правительства; въ этомъ же случаѣ они утрачиваютъ свое значеніе.

По несчастію для Персіи исполнить всѣ приведенныя тутъ обязательства положительно невозможно. Иранское населеніе Гератскаго оазиса тяготеетъ къ Персіи по чувству національности и особенно потому что ненавидитъ своихъ восточныхъ сосѣдей и притѣснителей Афганъ. Вотъ почему, какъ только въ 1856 году обнаружилось со стороны послѣднихъ покушеніе на самостоятельность Герата, персидская армія двинулась къ нему. Но тогда Англія объявила Персіи войну, которая и кончилась пораженіями и униженіями Персіянъ. Мирный трактатъ былъ подписанъ въ тогдашней политической столицѣ міра, въ Парижѣ, 4го марта 1857 года, посланниками: англійскимъ лордомъ Коулеемъ и персидскимъ Фарухъ-ханомъ, и возвѣстило оставленіе англійскими войсками Персіи на слѣдующихъ условіяхъ: „Шахъ обязуется обнародовать полную амнистию персидскимъ подданнымъ имѣвшимъ сношенія съ англійскими войсками (то-есть плѣнамъ, которыхъ такъ легко находили Англичане въ искорченномъ вѣковомъ деспотизмомъ Персидскомъ народѣ). Онъ отзоветъ персидскія войска изъ Герата и вообще съ Афганской территоріи. Онъ

обязуется отказать отъ всякихъ домогательствъ на господство въ Гератѣ, никогда не требовать отъ гератскихъ правителей или отъ земель входящихъ въ составъ Афганистана * никакихъ знаковъ послушанія или зависимости, какъ дань или монета съ персидскимъ гербомъ. Шахъ долженъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Герата и объявить признавать его независимость (?). Въ случаѣ раздора между Персией и Афганистаномъ, шахъ соглашается прибѣгать къ дружескому посредничеству Англіи. Въ случаѣ нарушенія территориальныхъ правъ Персіи какомъ-нибудь изъ вышеприведенныхъ государствъ (Гератомъ и Афганистаномъ), если удовлетворенія не послѣдуетъ, шахъ волею послать въ нихъ свои войска; но обязуется вывести ихъ какъ только дѣль экспедиціи будетъ достигнута. Персидское правительство обязуется отпустить воѣхъ лѣнныхъ взятыхъ въ теченіе войны въ Афганистанѣ. Англійскіе консулы будутъ поставлены во владѣніяхъ шаха ** наравнѣ съ таковыми же наиболее благопріятствуемыхъ державъ. По ратификаціи этого договора Британское посольство вернется въ Тегеранъ, гдѣ Персидское правительство соглашается принять его съ почестями и церемоніями почтенными въ особой нотѣ подписанной сегодня же уполномоченными. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени возвращенія Британской миссіи Персидское правительство соглашается назначить комиссара, который совокупно съ британскимъ комиссаромъ рѣшить всѣ жалобы британскихъ подданныхъ на правительство Персіи. Англійское правительство отказывается отъ права покровительства какому-либо персидскому подданному, не находящемуся вынѣ на службѣ въ Британскомъ посольствѣ, подъ условіемъ, впрочемъ, чтобы и никакая другая держава не пользовалась этимъ правомъ. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ условіе 1851 года относительно уничтоженія торговли рабами въ Персидскомъ заливѣ *** и соглашаются что

* Замѣтимъ что до самаго 1863 года Гератъ вовсе не принадлежалъ Афганистану, а имѣлъ собственныхъ правителей.

** Въ силу этого завелось консулы въ Астрабадѣ, Рештѣ, Ширазѣ, агенты въ Мешхедѣ, Курманшахѣ и пр.

*** Въ 1848 и 1851 годахъ Англія получила отъ Персіи обязательство и конвенцію относительно негро-торговли. Именно въ 1848 году шахомъ издааны были фирманы запрещавшіе ввозъ негровъ съ моря,

оно сохранить силу еще на 10 лѣтъ съ августа 1862 или такъ долго послѣ того какъ того пожелаютъ обѣ стороны. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи обмѣнены черезъ три мѣсяца, а если можно и раньше, въ Багдадѣ, гдѣ жило Англійское посольство по выѣздѣ изъ Тегерана. Нота опредѣлявшая порядокъ приѣма этого посольства въ столицѣ Персіи гласила слѣдующее: „Садразамъ (великій визирь) напишетъ, отъ имени шаха, письмо къ г. Муррею, съ изъясненіемъ сожалѣнія что допущены были обидныя для чести министра ея Британскаго величества случайности, и съ просьбой возвратитъ его собственные письма и рескриптъ шаха. Сущность письма будетъ обнародована въ Тегеранѣ. По прибытіи г. Муррея въ Тегеранъ садразамъ отправится въ парадномъ платьѣ въ британскую миссію и возобновитъ дружескія сношенія съ г. Мурреемъ. Садразамъ сдѣлаетъ визитъ миссіи на слѣдующій день въ полдень, каковой будетъ отданъ г. Мурреемъ на слѣдующій день предъ полуднемъ.“

Невозможно для побѣдителя продиктовать болѣе тягостныя и увизительныя условія побѣжденному. Можно сказать что Англичане третировали въ 1857 году шаха какъ какого-нибудь индійскаго раджу, и мы не можемъ не замѣтить что это высокомерное отношеніе Англіи къ Персіи въ значительной степени обуславливалось счастливымъ для Англіи исходомъ Восточной войны, который дѣлалъ для Россіи невозможнымъ заступничество за Персію. Важно было для Англичанъ и то что Персія побѣждена была нѣсколько ранѣе начала Силайскаго бунта въ Индіи, представлявшаго для Англіи крайне серьезную оласность. Замѣтимъ здѣсь что нѣкоторые изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей того времени настойчиво заявляли объ удобствѣ момента для отпущенія Англіи за Парижскій договоръ, но ихъ доводы не были приняты въ уваженіе.

Трактатъ 1857 года есть послѣдній политическій договоръ между Великобританіей и Ираномъ. Съ того времени

но оставявшіе еще свободною рабо-торговлю сухимъ путемъ. Въ августъ же 1851 заключена была конвенція, по которой предоставлялось англійскимъ военнымъ кораблямъ въ теченіе 11 лѣтъ осматривать персидскія суда заподозрѣнныя въ негро-торговлѣ. Вотъ это-то тягостное для персидскаго мореплаванія условіе подтверждалось и расширилось трактатомъ 1857 года.

Англія преслѣдуетъ въ Персіи другую цѣль: экономическую эксплуатацію этой страны. Два факта особенно служатъ къ подтвержденію этого замѣчанія: рядъ телеграфныхъ конвенцій и желѣзнодорожная концессія Рейтера. О послѣдней, представляющей чудовищный луфъ, молнувшій при спокойномъ анализѣ его на европейскихъ биржахъ, мы не станемъ, впрочемъ, говорить; но телеграфныя конвенціи заслуживаютъ упоминанія. Ихъ три: 6го февраля 1863 года, 23го ноября 1865 и 2го декабря 1872. На основаніи первой Англичане получили право построить телеграфъ отъ Ханькина до Тегерана и до Бушира и пользоваться имъ за извѣстную годовую плату. Персидское правительство согласилось при этомъ назначить нужные фонды для постройки и для покупки матеріаловъ (проводниковъ, аппаратовъ и т. п.), притомъ исключительно англійскихъ. Условлено было что линія поступитъ подъ надзоръ англійскихъ инженеровъ, содержимыхъ Британскимъ правительствомъ. Эти инженеры уполномочены требовать отъ персидскихъ властей тѣ матеріалы которые можетъ доставить Персія; англійскіе же матеріалы взяло на себя пріобрѣсти и доставить само Британское правительство. Персія должна была расплатиться за нихъ съ Англичанами въ теченіе пяти лѣтъ. По второй конвенціи, 1865, учреждена новая проволока для передачи международныхъ депешъ на европейскихъ языкахъ, и плата отъ Ханькина до Бушира назначена въ 14 шиллинговъ за 20 словъ. Доходы Персидскаго правительства съ телеграфа опредѣлены не болѣе какъ въ 30.000 томановъ; все же свыше этой цифры должно идти въ пользу англійскихъ чиновниковъ служащихъ при телеграфѣ. Наконецъ конвенція 1872 года дозволила проведеніе новой линіи отъ Джульфы (на Араксѣ) до Бушира, и это уже телеграфъ чисто англійскій, за содержаніе котораго на персидской почвѣ правительству шаха платится въ годъ всего 12.000 томановъ. Нужно ли говорить что долгъ Персидскаго правительства Англичанамъ за устройство, на счетъ Персіи, первыхъ двухъ линій оказался такъ великъ что арендной платы съ самихъ Англичанъ до сихъ поръ недостааетъ для его покрытія.

Коммерческая эксплуатація Персіи Англичанами въ настоящее время зашла такъ далеко что на персидскихъ рынкахъ англійскіе товары почти исключили всѣ другіе евро-

лейскіе, т.-е. приобрѣли монополію. И лишь черезъ Эззелу и Астрабадъ еще проникаетъ небольшое количество товаровъ русскихъ въ тѣ мѣстности которыя не легко доступны для Англичанъ, но и тутъ они встрѣчаются съ англійскими, проникающими черезъ Эрзерумъ, Буширъ и Мешехъ. Учрежденіе свободнаго отъ пошлинъ закавказскаго транзита европейскіхъ товаровъ, имѣвшее цѣлю выгоды акціонеровъ Поти-Тифлисскаго желѣзной дороги и, кажется, еще соперничество съ транзитомъ эрзерумскимъ, особенно подорвало многія отрасли русско-персидской торговли, потому что, напримѣръ, сахаръ, который прежде привозился въ Персію почти исключительно изъ Россіи, теперь привозится изъ западной Европы и продается въ Астрабадѣ дешевле русскаго. Пароходство по Нижнему Евфрату открыло Англичанамъ рынки Луристана и Керманшаха, и они конечно этимъ *отлично* воспользовались. Они пробовали даже, въ 1875 году, купить у Персіи ея единственный портъ на Шатъ-эль-Арабѣ, Мухаммеру, важный въ томъ смыслѣ что онъ запираетъ эту рѣку, а самъ нелегко доступенъ съ моря; но это пока не удалось. Стремленіе Персіянъ завести собственное пароходство, хотя бы только каботажное, встрѣчаетъ со стороны Англичанъ нескрываемое противодѣйствіе, въ силу того англійскаго принципа что *фрахтовая плата есть налогъ* которому долженъ подвергаться *въ пользу Англіи* чуть ли не цѣлый свѣтъ.

Но устраивая въ послѣдніе годы главнымъ образомъ свои коммерческія дѣла на персидской почвѣ, Англичане, конечно, не упускаютъ изъ виду и политическихъ, и здѣсь для насъ особенно любопытно то что значительная часть британской изобрѣтательности и энергіи тратится на составленіе и осуществленіе плановъ прямо враждебныхъ Россіи. Для доказательства приведемъ нѣсколько фактовъ. Въ 1859 году англійскій посланникъ въ Тегеранѣ, Роулинсонъ, посовѣтовалъ Персидскому правительству добиваться чтобы билеты на свободное плаваніе у береговъ Каспійскаго моря были выдаваемы Туркменамъ не только за подписью начальника русской морской станціи въ Ашуръ-Аде, но и персидскаго губернатора въ Астрабадѣ, живущаго за 45 верстъ отъ моря и страха ради туркменскаго не смѣющаго показаться среди этихъ варваровъ. Разумѣется, исполненіе этого совѣта встрѣтило оппозицію съ нашей стороны и не состоялось, такъ какъ

не могли же мы, призванные по трактатамъ одни охранять миръ на Каспiи, допустить персидскихъ савонниковъ хозяйничать на немъ, да еще по англійской программѣ. Но программа эта была. Въ болѣе близкое къ намъ время, именно въ 1875 году, тайнымъ проукомъ Англичанъ едва не удалось вызвать шаха на экспедицію для покоренія Мерви, собственно для того чтобъ она не досталась Русскимъ. Но „затрудненія“ встрѣтились и тутъ, хотя войска для экспедиціи были готовы, преданные Англiи персидскіе савонники получили власть въ Хорасанѣ и даже самъ англійскій посланникъ въ Тегеранѣ готовъ былъ сопровождать шаха въ его относительно любѣдоносномъ шествiи на Туркменъ. Да и раньше 1875 года Хорасанъ непрерывно посѣщался англійскими агентами: Гольдсмитомъ, Бекеромъ, Галломъ, Непиромъ, Макъ-Грегоромъ и др., съ прямою цѣлью возбуждать Туркменъ противъ Россiи и, если можно, склонить ихъ къ признанію хотя бы номинальной зависимости отъ Персiи. Въ 1876 году капитану Непиру это послѣднее, по видимому, и удалось было. Возбуждаемые наемникомъ Непира, сыномъ курдскаго хана въ Буджнурдѣ, Абдуль-Гуссейномъ, 40 Текинцевъ согласились проѣхать на персидскій счетъ въ Тегеранъ будто бы для принесенія отъ имени своего народа покорности шаху; но фарсъ кончился ничѣмъ... Самое *открытое* возбужденіе Англичанами Персiи противу Россiи мы находимъ, впрочемъ, въ печатныхъ сочиненiяхъ разныхъ англійскихъ авантюристовъ, заказныхъ писателей и даже ученыхъ, каковы напримѣръ Бекеръ, Маркхэмъ, Роулинсонъ и tutti quanti. Изъ нихъ Бекеръ начерталъ цѣлую программу одураченія Россiи въ Закаспійскомъ краѣ, на Атрекѣ. Онъ совѣтовалъ напримѣръ Англійскому правительству энергически подѣйствовать на Персiю, чтобъ она добилась назначенія англо-русско-персидской комиссіи для разграниченія Туркменiи отъ Хорасана, онъ высказалъ живое сочувствіе извѣстной теорiи „защиты Индію помощью туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ англійскими офицерами“ и пр... Но книга Бекера, кажется, будетъ переведена на русскій языкъ.

Подвигаясь еще ближе къ нашему времени, мы могли бы указать на факты доказывающіе что англійская политика и не на бумагѣ только ищетъ для насъ въ Персiи всего худшаго. Мы могли бы вспомнить появленіе у Туркменъ

англійскихъ ружей привозимыхъ чрезъ Мешхедъ и даже черезъ Поту, Баку и Астрабадъ; могли бы назвать калита-на королевской гвардіи Бѣрмэби, который съ осени 1876 года, живя въ Хоѣ, возбуждалъ противу Россіи Курдовъ и пр. Но оставимъ эти и всѣ подобныя частныя случаи въ сторонѣ, такъ какъ *общій* смыслъ англо-русскихъ отноше-ній въ Персіи уже достаточно ясенъ изъ предыдущаго. Намъ хотѣлось бы еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ результатахъ которыхъ очевидное соперничество Русскихъ и Англичанъ въ Персіи достигло. Намъ, какъ вѣ-роятно и читателей, интересуется задача, чье же вліяніе въ Тегеранѣ сильнѣе? Но чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ мы должны бы были проникнуть въ то отдѣленіе сферы международной жизни которое обыкновенно бываетъ при-крыто густою завѣсой. Поднять эту завѣсу, конечно, мож-но, хотя бы при помощи англійскихъ parliamentary papers; но при всемъ уваженіи къ этому драгоценному изданію, мы отказываемся взять себѣ въ руководство исключительно его, съ его британскою точкой зрѣнія. Это, по нашему мнѣ-нію, прилично лишь джентльменамъ съ Бельгравіи-сквера, да и то если они кровные Англичане.

М. ВЕНЮКОВЪ.

Сентябрь, 1877.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

О ЛИЧНОСТИ ПЕРВАГО ЛЖЕДИМИТРІЯ*

Естественно возникаетъ вопросъ: были ли лица сочувствовавшія затѣвѣ Отрельева и поддерживавшіе въ немъ намѣреніе его? Есть весьма важное свидѣтельство что нѣкоторые знали о замыслѣ Отрельева и готовы были помогать ему. Мы разумѣемъ извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи и поставленіи въ патріархи Филарета Никитича Романова. ** Это документъ официальный, въ которомъ высказанъ взглядъ на прошедшія событія съ точки зрѣнія новой династіи. Темныя стороны прошедшаго по возможности здѣсь скрываются; а потому немногія указанія на нихъ пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе значенія. Здѣсь о первомъ Лжедимитріи сказано: „нѣкто отъ простыхъ воиновъ глаголемый Юшка Отрельевъ, таже во мнѣшеская одѣяся Григорій нарицашеся, возложи на ся имя царскаго сына Димитрія Ивановича и всѣмъ показуяся, яко той есть избѣжавый убійственныхъ дланей царя Бориса, *мали же помощники того блснованія обрѣтъ, къ странамъ Польскаго короля отходить*“.

Что Отрельевъ имѣлъ себѣ пособниковъ, видно изъ того что какаятъо рука направила къ нему въ Польшѣ не мало

* Окончаніе. См. *Рус. Вѣст.* №№ 8 и 9 и 1877.

** *Дополненіе къ Акт. Ист.* Т. 2, № 76й.

Москвитянь, жившихъ тамъ, чтобы признаніемъ его за истиннаго Димитрія утвердить Поляковъ въ довѣріи къ нему. Изъ Москвы приходили къ Самозванцу вѣсти о всѣхъ замыслахъ Бориса, приходили призывы, просьбы чтобы шелъ скорѣе къ границамъ Московскимъ *. Быстро въ Россіи и среди казаковъ распространяются вѣсти о явленіи Димитрія Царевича, такъ что въ началѣ 1605 года въ Москвѣ было сильное волненіе, а казаки въ началѣ этого года уже собираются въ походъ за Димитрія. Нѣкоторые думаютъ пособниковъ Самозванцу видѣть въ московскихъ боярахъ. Г. Бицынъ допускаетъ что бояре московскіе готовляли Отрепьева къ роли самозванца. Указываютъ на то что будто бояре отправили къ королю тайно Лялунова, который крѣпко обнадежилъ Поляковъ и отъ имени бояръ просилъ короля чтобъ онъ помогъ Димитрію. Годуновъ сказалъ боярамъ: появленіе Самозванца, это ваше дѣло. Хронографы говорятъ о Годуновѣ: „Навелъ онъ на себя негодованіе чиновачальниковъ Русской земли: отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и dobroцвѣтущую царства его красоту низложили“ **.

Думаютъ, что Борисъ началъ преслѣдовать Бѣльскаго, Романовыхъ и другихъ вельможъ русскихъ потому что дошли до него неясныя извѣстія о затѣвваемомъ самозванствѣ. Г. Костомаровъ въ своей *Исторіи смутнаго времени* хотя и не раздѣляетъ мнѣнія г. Бицына о томъ что бояре готовили Самозванца, но ослалу на бояръ ставить въ связи съ появившимися слухами о Димитріи Царевичѣ. Онъ говоритъ: видно что Борисъ допытывался чего-то. Но ни въ дѣлѣ Бѣльскаго, ни въ дѣлѣ Романовыхъ мы не видимъ никакого указанія на появленіе слуховъ о Димитріи. Олашеніе Бориса за свой престолъ, и особенно за права на престолъ страстно любимаго имъ сына, при его подозрительномъ характерѣ, были причиной преслѣдованія знат-

* Послы польскіе въ 1608 года говорили: многіе къ Димитрію изъ за рубежа прибѣгали, и отъ московскихъ людей грамоты прислали, и часто извѣщали его о всѣхъ замыслахъ и рѣшеніяхъ Бориса; сами его звали и усильно просили чтобы скорѣе шелъ къ границамъ московскимъ, увѣряя что вездѣ встрѣтятъ его съ хлѣбомъ и солью, и обѣщали что онъ легко завладѣетъ Московскимъ государствомъ. *Ак. Зап. Рос.* Т. IV, стр. 274 и 308.

** *Ист. Росс. изд. Соп.*, т. 8 стр. 85. *Изборникъ* Полова, стр. 189.

ныхъ фамилій *. Причина ослалы Бѣльскаго прекрасно объяснена Карамзиннымъ. Первою жертвою подозрѣній и довозовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ вѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Θεодорѣ—свойственникъ царицы Маріи Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народнои во время московскаго мятежа, но оставленный на долго въ честной ссылкѣ, снова призванный ко двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ царя, имѣя еще и другую важнѣйшую вину за собой—онъ зналъ лучше яныхъ глубину Борисова сердца **. Гордый Бѣльскій, привыкшій съ молодыхъ лѣтъ обращаться съ Борисомъ какъ съ товарищемъ, и по вступленіи его на престолъ вѣроятно не хотѣлъ или не умѣлъ переменить своего съ нимъ обращенія, а между тѣмъ Борисъ особенно ревниво оберегалъ внѣшнее величіе своего сана. Борисъ сослалъ Бѣльскаго въ почетную ссылку. Еслибы онъ подозрѣвалъ Бѣльскаго въ намѣреніи вызвать тѣнь Димитрія Царевича, то не ограничился бы такою мѣрой, когда и колоколь угличскій, возвѣщавшій о смерти Царевича, сослалъ въ Сибирь, и особенно не послалъ бы его воеводой въ Украину, гдѣ Бѣльскій могъ быть опаснѣе для Бориса чѣмъ въ Москвѣ.

Причину ослалы которой подвергъ Борисъ Романовыхъ хорошо высказалъ Левъ Салегъ, когда содержался у него Филаретъ Никитичъ. На вопросъ объ этомъ Ольшинскаго, онъ отвѣчалъ: Для того царь Борисъ надъ ними велѣлъ это сдѣлать, блюдаясь отъ нихъ чтобъ изъ нихъ котораго брата не посадили на Московское государство государемъ, потому что они люди великіе и близки къ царю Θεодору ***.

* Въ одномъ хронографѣ о Борисѣ говорится: и во время державства своего нача себе утверждати и укрѣпляти, дабы ему въ долготу дни лѣтъ пребыти держа скипетръ, и по немъ бы роду его и въ родѣ держати. Того ради много бояръ и воеводъ разсмысла по далекимъ и разнымъ городамъ и разными смертymi ихъ умерщвляя и царскій родъ искореняя. *Изборн. Полова*, 216.

** Карамз. Т. XI, 58.

*** *Ист. Россіи* Солов. Т. IX, стр. 45.

Борисъ оласался если не за крѣпость своего престола, то за права на престолъ своего сына. Въ одномъ лѣтописномъ сказаніи по поводу олады постигшей Феодора Никитича Романова говорится: „повеже издавна царь Борисъ нося язвы въ душѣ лукавыя, аще и образомъ коварнымъ являшеся къ нему свѣтлодушевъ и любовачальствотелель, ввутьрь же уду, шмый великъ огонь ненависти, бѣ бо ему мысль отъ сѣмени своего воцарствовати на престолѣ царства Русскаго, и сего ради царскія породы вѣтвь сокрушити помысли“ *. Передаютъ слухъ что будто волхвы предсказали Борису что изъ рода Романовыхъ будетъ царь—это и побудило Бориса къ гоненіямъ на Романовыхъ **. Послы польскіе говорили въ 1608: Борисъ замышлялъ извести и погубить всѣ знатнѣйшіе роды такъ чтобы не оставалось и потомства ихъ. Желая этимъ лучше обезопасить послѣ смерти своей престолъ для своего сына ***. Авраамій Палицынъ объясняетъ опалу на Романовыхъ наущеніями ближнихъ Бориса ****, и далѣе прибавляетъ: „По сихъ же (Романовыхъ) изгнаніи и цвѣхъ многихъ ихъ ради погуби. Се же мысляше, да утвердитъ на престолѣ сѣмя свое“ †. Борисъ въ лицѣ Романовыхъ уничтожалъ опасную для себя фамилію и ея приверженцевъ. Менѣе овъ оласался безхарактернаго Мстиславскаго и уклончиваго Шуйскаго; но не позволялъ имъ жениться, чтобы не оставили они потомковъ, которые бы могли соперничать съ его сыномъ въ правахъ на царскій вѣнецъ. Очевидно что всѣ эти лица сами по себѣ, а не потому чтобы подготавляли другаго претендента на престолъ, казались опасными Годунову. Овъ не вѣдалъ наблюдать за ссыльными Романовыми изъ опасенія, не попытаются ли они воспользоваться сожальніемъ объ участи ихъ для того чтобы произвести возстаніе въ народѣ.

* *Изборн.* Попова, стр. 189—219.

** Кур. Т. XI, пр. 145.

*** *Ак. Зап. Рос.* Т. IV, 273.

**** Романовы обвинены въ покушеніи испортить кореньями царя Бориса. Обвиненіе для того времени не странное, когда въ присягу Борису и сыну его Феодору включено было не портить ихъ кореньями и подобное.

† Сказ. объ осадѣ Лавры, стр. 8.

Только предвзятая мысль можетъ усматривать въ этихъ гоненіяхъ Бориса на родовитыхъ бояръ попытку уловить вить самозванства. Во всякомъ случаѣ такіе вельможи какъ Романовы, Мстиславскій, Шуйскій, Бѣльскій, еслибы думали низвергнуть Бориса, то прежде нежели придумать самозванца Димитрія, попытались бы сами во имя своихъ правъ ослорить престолъ у Бориса. Нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу того предположенія что Самозванецъ былъ приготовленъ въ Москвѣ противными Борису боярами. Намъ кажется, еслибы такъ было, это не утаилось бы; протѣвка хотя бы удалась, а все-таки она не укрылась бы въ послѣдствіи отъ исторіи. Бояре московскіе не жили между собою такъ согласно, душа въ душу, чтобъ устроить подобную затѣйливую крамолу, не выдать ея. * Еслибы бояре готовили Самозванца, то они не допустили бы ему постричься въ монахи; ибо разстрига и претендентъ на царство—понятія несовѣстныя для православаго. Потому-то и патріархъ Іовъ въ своей грамотѣ особенно указывалъ на то обстоятельство что Отрепьевъ былъ діакономъ, и въ показаніяхъ о пребываніи его въ Кіевѣ выставляли на видъ то обстоятельство что онъ служилъ тамъ діакономъ, слѣдовательно дѣйствительно былъ постриженъ и рукоположенъ, а потому теперь онъ разстрига. Самъ Самозванецъ распускалъ слухъ о себѣ что онъ только носилъ одежду монашескую, а не былъ постриженъ. Притомъ бояре должны бы научить Самозванца разказать исторію своего спасенія болѣе согласно съ дѣйствительными обстоятельствами угличскаго убійства. Потому мы должны признать что не молва о живомъ Димитріи Царевичѣ породила ослалы на бояръ, но ослала на бояръ произвела Самозванца. При видѣ ослалы постигнутой знаменитыхъ бояръ естественно люди останавливались на мысли: какими путями самъ Борисъ достигъ престола? Черезъ насильственную смерть Царевича Димитрія. Еслибы живъ былъ Димитрій, то самому Борису не свосить бы теперь голову. Такой говоръ дѣйствительно могъ усиливать раздраженіе Бориса и вмѣстѣ съ тѣмъ породилъ возможность появленія Самозванца. Въ молвѣ обыкновенно бываетъ такъ, одинъ окажетъ: еслибы было вотъ это, другой же говоритъ что было это. Одни го-

* *Вѣст. Евр.* ч. 3, 1867, стр. 65.

ворили что еслибы живъ былъ Царевичъ, а другіе же утверждали что Царевичъ живъ.... Мудрено ли послѣ этого явиться и Димитрію Царевичу? „Возможность назваться Димитріемъ, говорить г. Бицынъ, назрѣвала годами, смута еще неопредѣленная уже давно носилась въ воздухѣ. Жребій Бориса прямо вытекъ изъ жребія Димитрія Царевича, отсюда ихъ имена возстаютъ слитно въ народномъ представленіи. Димитрій Царевичъ! Борисъ! Эти два имени составляютъ насущный толкъ не только цѣлой Россіи, ошеломленной странными событіями 1591 и 1598 годовъ, прекращеніемъ на Московскомъ престолѣ многолѣтковой династіи, но и враговъ ея. Еслибы не умеръ Димитрій, Борису не быть бы царемъ. Точно ли умерщвленъ Царевичъ? Вотъ что зовутъ вѣяніемъ злохи, о чемъ сами современники говорятъ что доится въ воздухѣ, и чѣмъ сопровождалось какъ бы непрерывнымъ гуломъ непрерывное Борисово возвышеніе. Уже зароненные толки о темномъ злорадствѣ Годунова по поводу комчины Димитрія таятъ дремающую возможность для появленія самозванца; тучно налитываясь смутными началами злополучныхъ годовъ, она шибко шла и зрѣла.“ *

Такимъ образомъ если глухіе толки и слухи, ходившіе въ народѣ по случаю прекращенія царствующей династіи и востества на престолѣ потомка Татарича, всеобщее волненіе народное, возбужденное злополучнымъ временемъ 1601, 1602 и 1603, таятъ, выражаясь словами Бицына, дремающую возможность для появленія самозванца; то не должна казаться невозможною мысль бродяги-монаха воспользоваться этими обстоятельствами и объявить себя Димитріемъ. Нѣтъ нужды въ такомъ случаѣ предполагать доагій ковъ со стороны вельможъ, когда самое время ковало возможность появиться самозванцу.

Иное дѣло, если мы допустимъ что нѣкоторые бояре косвенно поощряли дерзкое предпріятіе Отрельева. При появленіи въ предѣлахъ Польши Самозванца едва ли кому-либо изъ Русскихъ приходила мысль что Самозванецъ можетъ захватить престолъ. На него смотрѣли, скажемъ словами г. Костомарова, какъ на страшное знамя, лодъ которое можно было соединить противъ Годунова народную громаду и

* Правда о Дзедимитрїѣ. Газета *День* 1864, № 51 и 52.

низвергнуть родъ Годуновыхъ, а потомъ легко уличить Самозванца, выставить его обманщикомъ и уничтожить его. Но дѣло будетъ совершенно. * Мы должны пересмотрѣть историческія указанія на тѣ лица которымъ молва приписывала участіе въ дѣлѣ Самозванца или на которыхъ указываютъ самыя событія. Пособники Самозванца если не погибли при Борисѣ, то должны были возвыситься при вступленіи Самозванца на престолъ и пострадать послѣ его гибели. Для вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса у насъ не доставало подъ руками многихъ пособій. Мы предоставляемъ окончательное рѣшеніе поставленнымъ въ болѣе благоприятныя условія, а сами скажемъ что можемъ: Самозванецъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, открывался въ Украинѣ у князя Ивана Мстиславскаго, своего крестнаго отца. Но Мстиславскій не былъ въ Украинѣ и умеръ въ 1586 году. Сынъ его занималъ первое мѣсто въ раду вельможъ при Борисѣ, Самозванцѣ, Шуйскомъ, во время междуцарствія, и при Михаилѣ Феодоровичѣ. Одно это показываетъ что онъ былъ человекъ мирнаго характера, не способный къ какимъ-либо затѣямъ, и дѣйствительно мы не видимъ чтобъ онъ стоялъ по своей инициативѣ во главѣ какого-либо движенія. Отъ поддержки Самозванца онъ не могъ ничего выиграть; и если справедливо показаніе Бучинскаго, что Самозванецъ хотѣлъ погубить его, то по одному уже этому нельзя предполагать его участія въ поддержкѣ Лжедмитрія.

Другіе называютъ Бѣльскаго покровителемъ Самозванца. Бѣльскій назначенъ былъ воспитателемъ Дмитрія Царевича, но въ Угличѣ не былъ. Воевождству на Украинѣ, онъ себя называлъ царемъ, а не отыскивалъ другаго какого-либо проходимца. Сосланный въ низовые города въ тюрьму подъ строгій надзоръ, онъ не могъ выставить Самозванца. По возвращеніи въ Москву при Феодорѣ Борисовичѣ, онъ, по словамъ Маржерета, вмѣстѣ со Мстиславскимъ и Шуйскимъ старался отвратить народъ отъ признанія Лжедмитрія. Увлеченіемъ народнымъ вынужденный вмѣстѣ съ другими боярами признать Самозванца царемъ, онъ, въ день вступленія Лжедмитрія въ Москву, съ Лобнаго Мѣста съ клятвой объявилъ что это истинный сынъ царя Ивана

* Кто былъ первый Лжедмитрій. Спб. 1864, стр. 61—62.

Васильевича *. Какъ родственникъ Нагихъ и какъ гонимый при Борисѣ, онъ занялъ почетное мѣсто въ Думѣ Лжедмитрія, но не видно чтобы пользовался особымъ значеніемъ и вліяніемъ на Самозванца, послѣ гибели котораго сосланъ былъ въ Казань.

Самозванецъ указывалъ будто еще на двяковъ Щелкаловыхъ какъ на своихъ доброжелателей. Изъ братьевъ Щелкаловыхъ живъ былъ тогда одинъ Василій Яковлевичъ; Андрей Яковлевичъ умеръ въ 1594 или 1595 году. Есть извѣстіе что онъ подвергся опалѣ при вступленіи Бориса на престолъ въ 1589 году. Василій Яковлевичъ удаленъ былъ отъ двѣа въ концѣ 1603 года, вѣроятно тогда какъ дошли до Бориса вѣсти что мнимый Димитрій Царевичъ называетъ покровителями своими Щелкаловыхъ. Но это удаленіе не сопровождалось никакою опалой **. Самозванецъ почитилъ его, вѣроятно уже престарѣлаго, саномъ окольничаго, но значенія онъ не имѣлъ никакого.

Маржереть говоритъ что Романовы и Нагіе укрыли Димитрія. Правда что Отрепьевъ жилъ при домѣ Романовыхъ и Черкасскихъ, связанныхъ узами родства съ Романовыми, такъ какъ сестра Феодора Никитича была за Борисомъ Черкасскимъ. Бѣгство Отрепьева за границу послѣдовало послѣ ссылки Романовыхъ спустя годъ, когда сосланные и частію погибшіе въ ссылкѣ Романовы не могли ничего сдѣлать въ пользу предпріятія затѣяннаго Отрепьевымъ. Могли оказать ему содѣйствіе развѣ оставшіеся еще цѣлыми приверженцы этого дома; но кара постигшая всѣхъ близкихъ къ Романовымъ, конечно, заставляла уцѣлѣвшихъ скрывать свое расположеніе къ этой фамиліи. Самъ подозрительный Борисъ Годуновъ, когда дошла до него вѣсть о появленіи Самозванца, не только не усилилъ гоненія на Романовыхъ и Черкасскихъ, но даже въ концѣ 1603 года воротилъ изъ ссылки въ Москву Ивана Никитича Рома-

* Свидѣтельство Буссова и Петрея о семъ событіи могло бы быть признано вѣрнымъ, еслибы тутъ не было прибавлено неаппости, доказывающей что Буссовъ не зналъ хорошо двѣа о которомъ говорить. Онъ прибавилъ что въ подтвержденіе словъ своихъ Бѣльскій цѣловалъ крестъ, на которомъ было изображеніе Николая Чудотворца. Мы, православные, знаемъ что на крестѣ не могло быть изображеніе Николая Чудотворца.

** И. Г. Р. Карамз., т. X, 118, 119, пр. 344.

нова и Ивана Борисовича Черкаскаго. Отъ нихъ-то, вѣроятно, онъ и получилъ извѣстіе что Отрепьевъ въ некоторое время жилъ у нихъ*.

Но когда Самозванецъ вступилъ въ предѣлы Россіи, старецъ Филаретъ не только зналъ о семъ, но и съ увѣренностью основывалъ на этомъ движеніи свои надежды на лучшую будущность. „Увидите“, говорилъ онъ надсмотрщикамъ своимъ, „каковъ я впредь буду“, и заговорилъ о птицахъ ловчихъ и о собакахъ. Самозванецъ вызвалъ изъ монастырей Филарета и его жену; дозволялъ братьямъ перевозить тѣла ихъ братьевъ умершихъ въ ссылкѣ въ Москву. Филаретъ сдѣланъ былъ митрополитомъ Ростовскимъ. Не знаемъ, соотвѣтствовало ли это желанію Филарета, который, будучи невольнымъ постриженникомъ, могъ и не считать дѣйствительнымъ свое постриженіе. Но замѣчено: *едва умолиша его* принять санъ митрополита**. Онъ участвовалъ во всѣхъ церемоніяхъ бывшихъ при Самозванцѣ, и въ просьбѣ о томъ, крестить ли Марину прежде вѣнчанія, не присталъ къ строгому мнѣнію Гермогена и Иосифа Коломен-

* Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство что Иванъ Борисовичъ при Самозванцѣ не числился ни въ Думѣ, ни въ другой какой-либо службѣ, и вѣроятно удаленъ былъ изъ Москвы какъ хорошо знавшій Отрепьева.

** *Изборн.* Полова 194, 410. Карамзинъ внесъ въ свою исторію извѣстіе о посвященіи Филарета въ іеромонаха и поставленіи въ архимандрита по повелѣнію Бориса Годунова, не указавъ, вопреки своему обычаю, источника откуда онъ взялъ это извѣстіе. Мы не нашли указанія на это посвященіе ранѣе статьи *О гробахъ патріаршихъ*, протоіерея Александра Левшина, напечатанной въ XI т. *Древн. Визліовики* (стр. 359). Это извѣстіе и сочинено вѣроятно въ XVIII вѣкѣ, когда явились архимандриты носившіе это званіе какъ титулъ. Прежде этотъ титулъ носили только дѣйствительные настоятели монастырей имѣвшихъ права архимандріи, такъ что при переходѣ въ другой монастырь, не имѣвшій этого права, они звались игуменами. Есть грамота Бориса о Филаретѣ, отъ 22 марта 1605 года, гдѣ о немъ говорится какъ о простомъ старцѣ которому дозволялось только стоять на каирсѣ. Три недѣли спустя послѣ этой грамоты Борисъ умеръ, и ему некогда было дѣлать распоряженія о Филаретѣ. При освобожденіи всѣхъ ссыльныхъ при Феодорѣ Борисовичѣ, можетъ-быть и было намѣреніе поставить Филарета Никитича архимандритомъ въ какой-либо монастырь, но по краткости правленія ничего не успѣли сдѣлать.

скаго, хотя послѣ самъ сдѣлалъ постояннымъ правиломъ присоединять католиковъ къ православію чрезъ крещеніе. Но все это не даетъ основанія видѣть въ немъ пособника дѣлу Отрельева, которое онъ самъ назвалъ злымъ. Болѣе другихъ бояръ могли желать вызвать тѣмъ убіеннаго Димитрія для мести Годунову Нагіе. Но что могла предпринять сама собою эта опальная фамилія разсыпанная по разнымъ отдаленнымъ городамъ Россіи? Если отъ могущества Годунова не могъ защитить ихъ живой Димитрій, когда братъ его царствовалъ, когда и они сами были въ силѣ, имѣли приверженцевъ; то могли ли надѣяться они царя Бориса низвергнуть тѣмъ убитаго Димитрія, дѣйствительность смерти котораго они лучше другихъ знали? При малѣйшемъ подозрѣніи со стороны Бориса, они могли лишиться жизни. Иное дѣло, когда помимо ихъ явился Самозванецъ, имъ былъ разчетъ не разрушать того ободьященія, которымъ увлекались другіе. Не противодѣйствуя Самозванцу они могли надѣяться отмстить Годунову, по крайней мѣрѣ тѣмъ что грозный призракъ напоминалъ ему о его преступленіи. Когда Самозванецъ не только низвергнулъ Годунова, но и занялъ его престолъ, вблизи его престола необходимо видное мѣсто принадлежало Нагіемъ. Никто изъ нихъ не отказался стать около трона Лжедмитрія, но они не были близки къ нему. Самозванецъ не церемонился выгнать ихъ изъ домовъ, чтобы дать помѣщеніе пріѣхавшимъ на свадьбу его Полякамъ; при Шуйскомъ они не лишены были своихъ мѣстъ, хотя однажды и обвиняли ихъ въ намѣреніи свергнуть Шуйскаго и возвести на престолъ Мстиславскаго.

Участіе Нагіихъ можетъ объяснить и отношеніе царицы Марѣи къ Самозванцу. Отъ Нагіихъ вѣроятно Отрельевъ получилъ обнадеживающее извѣстіе что мать Царевича Димитрія не будетъ ему противодѣйствовать, хотя Самозванецъ и сочинилъ такой разказъ о своемъ спасеніи, будто мать не знала что онъ спасенъ, дабы въ случаѣ нужды сдѣлать недѣйствительнымъ показаніе ея противъ него.

Борисъ и патріархъ Іовъ, по показанію Хрущева, вызывали изъ ссылки Марѣю Феодоровну, конечно какъ для того чтобы увѣрится отъ нея въ дѣйствительности смерти ея сына, такъ и для того чтобы заставить ее всенародно объявить явившагося Димитрія обманщикомъ. Объ этомъ вызовѣ мы знаемъ только по показанію Хрущева, такъ какъ это дѣла-

лось секретно, но извѣстіе Хрущева подтверждается Массой, который передаетъ и подробности свиданія Бориса съ Мареей Феодоровной, съ дополненіемъ что всѣ обстоятельства этого свиданія были извѣстны Лжедмитрію. * Царица если и не сказала, какъ передаетъ Масса, что сынъ ея живъ; то во всякомъ случаѣ отказалась дать желаемое Годуновымъ объявленіе, и потому когда по смерти Бориса возвращали всѣхъ сосланныхъ имъ, жена Годунова никакъ не согласилась вызвать изъ ссылки въ Москву мать Царевича, опасаясь что она изъ мести объявитъ Лжедмитрія своимъ сыномъ **.

Прежде чѣмъ отправлено было посольство за царицей Мареей, Самозванецъ былъ увѣренъ въ ея согласіи признать его сыномъ; ибо грамоты отъ 12го іюня, еще до вступленія въ Москву, лишутся отъ имени его и матери его. Если вѣрить Массѣ, нужно будетъ предположить что Лжедмитрій рано вступилъ въ сношеніе съ царицей Мареей. Не безъ причины такъ смѣло сосылался онъ на свидѣтельство матери еще въ Путивлѣ.

Де-Ту повѣтствуя объ обстоятельствахъ смерти Самозванца приводитъ одинъ разказъ, можетъ-быть исторически и невѣрный, но по нашему мнѣнію хорошо объясняющій отношеніе Марееы Феодоровны къ Самозванцу. „Димитрій требовалъ чтобы Шуйскій спросилъ вдову царя Іоанна Васильевича. На вопросъ Шуйскаго царица отвѣчала съ клятвой что сынъ ея Димитрій давно погибъ отъ вѣроломства Борисова, и что она доселѣ таила истину, видя всеобщую благосклонность народа къ обманщику; притомъ же не безъ удовольствія смотрѣла на того кто отмстилъ за смерть истиннаго Димитрія низверженіемъ лютаго злодѣя, думая что самъ Богъ послалъ мстителя.“ По убіенію Лжедмитрія Марееа Феодоровна двумя грамотами объявила о самозванствѣ убитаго царя. Въ первой своей грамотѣ Марееа угрозами Самозванца объясняетъ свое признаніе его сыномъ. Масса говоритъ что послѣ гибели Самозванца народъ сильно негодовалъ на царицу, зачѣмъ она назвала своимъ сыномъ

* Мержеретъ говоритъ что въ 1603 году царица Марееа сослана была въ монастырь, за 600 миль отъ Москвы,—это было вѣроятно возвращеніе ея изъ Москвы послѣ вызова.

** Извѣстіе о семьѣ у Массы.

обманщика, а потому царица и старалась оправдать себя. Но во второй грамотѣ, въ которой она искреннѣе открываетъ свою душу предъ мощами истиннаго сына своего, она сознается въ томъ что лотворетвовала Самозванцу. „Долго терпѣла тому вору и разстригѣ и не объявила вѣдаючи что онъ сыномъ ея не былъ, а дѣлалось то отъ бѣдности; потому что отъ того времени какъ убили сына ея повелѣньемъ Борисовымъ, а меня держали въ великой нужѣ, и весь мой родъ по дальнимъ городамъ поразсылаемъ былъ, и въ конечной злой нужѣ жила, и азъ, по грѣхомъ, будучи въ нестерпимой нужѣ, урадовшися вѣкорѣ не извѣстила. А коли онъ со мною говорилъ, и онъ заклалъ и подъ смертію приказалъ чтобы никому того не сказывала, и меня хотѣлъ пожадовать.“* Въ *Новомъ Лѣтописцѣ* сказано: „Царица Марѣа начатъ нарицати его (Самозванца) сыномъ, страха ли ради, или отъ произволенія своего, или отъ совѣтниківъ Гришковыхъ прежде прішествія своего съ прещеніемъ научена сотворити тако, сего никто не увѣда.“

Послѣ гибели Самозванца подверглись опалѣ, кромѣ Бѣльскаго, дьякъ Власевъ, призванный къ дѣламъ Годуновымъ и потомъ вѣрно служившій Самозванцу, князь Рубецъ-Масальскій, первый воевода измѣнившій Борису и сдавшій Путилавъ Самозванцу, Михаилъ Салтыковъ и Петръ Шереметевъ, воеводы перваго ополченія противъ Самозванца, которые говорили что трудно противъ природнаго государя воевать. Въ 1615 году бояре поручали Воротынскому сказать панамъ: „Иванъ Безобразовъ и Михайло Толочановъ были изъ Русокихъ первые друзья и вѣрники; какъ еще разстрига прішелъ въ Монастыревскій, то Михайло Толочановъ тогда уже учинился у него вѣрникомъ, за

* *Собр. Госуд. Грам. и Догов.* Т. II, стр. 312. 317. П. Костомаровъ напрасно отвергаетъ извѣстіе что Самозванецъ имѣлъ первое свиданіе съ мною матерью въ театрѣ. Иностранцы не говорятъ объ этомъ, но не говорятъ и того, чтобы театра не было. Какъ скоро назначена была торжественная встрѣча, то назначалось для нея и извѣстное мѣсто, гдѣ ставился шатеръ. Послы польскіе не отвергаютъ сказанія русскихъ бояръ что Самозванецъ въ театрѣ наединѣ впервые видѣлся съ царицей, но говорятъ только что во время короткаго свиданія въ театрѣ онъ не услѣлъ бы угрозой или просьбами склонить ее признать его сыномъ. *Ак. З. Р. Т. IV*, стр. 283—286.

Михайлову измѣну царь Борисъ жену и дѣтей его разослалъ по городамъ, по тюрьмамъ; а Иванъ Безобразовъ по ворѣ Ѳедкѣ Андроновѣ сталъ разстригѣ близокъ на Москвѣ.“*

Пересматривая лицъ которыя окружали тронъ Самозванца, нельзя указать ни на одного человѣка котораго бы можно было назвать старымъ другомъ и пособникомъ Отрепьева. Второстепенные пособники были у него, но или они погибли открытыя розысками Годунова, или оставлены въ небреженіи самимъ Самозванцемъ.

Не этимъ пособникамъ обязанъ былъ Отрепьевъ своимъ успѣхомъ; основа этого успѣха лежала въ томъ приѣмѣ и въ томъ содѣйствіи какіе оказаны были ему въ Польшѣ, со стороны Вишневецкихъ и особенно воеводы Сендомирскаго, открыто, и не такъ гласно со стороны литовскаго канцлера Льва Салтѣги. Левъ Салтѣга, какъ справедливо замѣтилъ г. Соловьевъ, является сильнымъ поборникомъ плановъ короля противъ Москвы. Онъ два раза былъ въ Москвѣ посломъ при Ѳеодорѣ и Борисѣ и въ послѣдній разъ выѣхалъ съ раздраженіемъ. Петровскій, бѣглый Москвичъ, слуга Салтѣги, первый явился къ Вишневецкому, призналъ Отрепьева Царевичемъ и указалъ признаки: бородавку на лицѣ и одну руку короче другой. Братьямъ Хрипуновымъ, бѣглецамъ изъ Россіи, признавшимъ Самозванца за истиннаго Царевича, Салтѣга исходатайствовалъ у короля, вѣроятно въ награду за это, помѣстье. Въ грамотѣ отъ 1604 года марта 27го сказано что Сигизмундъ пяти братьямъ Хрипуновымъ-Дубенскимъ за причиной и желаніемъ нѣкоторыхъ ихъ милостей пановъ, а особливо ясневельможнаго Льва Салтѣги канцлера литовскаго, даетъ семь селъ на прокормленіе.**

Паны открыли Самозванцу доступъ къ королю Сигизмунду, подготовили до того благоприятный ему приѣмъ что Сигизмундъ хотѣлъ дѣло Самозванца, по рѣшенію сейма, сдѣлать дѣломъ Польскаго народа. Паны сблизили Самозванца съ могущественнымъ орденомъ іезуитовъ, которые приобрѣли ему покровительство палы Римскаго. Получивъ помощь деньгами и людьми, окруженный совѣтниками и лавами, Самозванецъ вступаетъ въ предѣлы Россіи со всѣми

* *Ист. Росс. Соа.* Т. IX, стр. 48.

** *Ак. З. Р. Т.* IV, № 160.

атрибутами законнаго претендента на престоль. Явленіе претендента на престоль при такой обстановкѣ не могло бы не произвести сильнаго впечатлѣнія въ Московскомъ государствѣ и въ лучшую пору царствованія Годунова; но Лжедмитрій явился когда Годуновъ гонимыми подозрительности оттолкнувалъ отъ себя бояръ, а любовь народную потерялъ въ года страшнаго голода, между прочимъ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ. Этимъ объясняются первые успѣхи Самозванца по вступленію въ Россію. Рѣшительное торжество дала ему скорлостижная смерть Годунова.

III. Характеръ Лжедмитрія какъ царя и его смерть.

Многіе указываютъ на то что Лжедмитрій-царь обнаруживаетъ такіа черты характера и дѣятельности которыя необъяснимы при мысли что это былъ бѣглый дьякомъ Чудова монастыря. По нашему убѣжденію доселѣ еще не представлено точной характеристики Лжедмитрія какъ царя. Судятъ о Лжедмитріи исключительно по отзывамъ иностранцевъ, къ которымъ онъ оказывалъ особую благосклонность. Фраза Маржерета, что въ названномъ Димитріи случилось какое-то неизъяснимое величіе, —отзывается во всѣхъ очеркахъ иностранцевъ о его царствованіи. Потому считаемъ нужнымъ высказать наше мнѣніе о Маржеретѣ какъ историкѣ. Видно что онъ человекъ умный и наблюдательный, но правдивымъ его назвать никакъ нельзя. Продажный воинъ, данятый Борисомъ, онъ переходитъ къ Лжедмитрію, отъ него къ Шуйскому, отъ Шуйскаго ко второму Самозванцу, а потомъ къ Полякамъ; послѣ предлагаетъ свои продажныя услуги Пожарскому, который не только не принимаетъ ихъ, изъ ослесія измѣны, но и воспрещаетъ ему доступъ въ русскіе предѣлы. Время Самозванца было для него лучшимъ временемъ бродяжнической его жизни и продажной службы, такъ какъ онъ сдѣланъ былъ начальникомъ тѣлохранителей. Потому-то въ своихъ запискахъ и старается онъ выставить въ лучшемъ свѣтѣ этого проходимца. Онъ какъ бы не знаетъ никакихъ недостатковъ въ своемъ Димитріи, кромѣ неуваженія къ обрядамъ русской церкви и обычаямъ народнымъ, и это приписываетъ тому что Димитрій былъ

просвѣщеніе Русскихъ. Искусно онъ отклоняетъ отъ Самозванца обвиненіе въ гибели жены и сына Бориса Годунова, и въ подлостью поведеніи относительно дочери его. Онъ умалчиваетъ о казняхъ бывшихъ при Лжедмитріи, и упомянувъ о дѣлѣ дьяка Осипова, умышленно должно говорить что его сослали, тогда какъ его казнили. Онъ представляетъ клеветой читанныя боярами записи Самозванца, которыми уступалась часть владѣній Русскихъ королю Польскому и воеводѣ Сяндожирскому, и въ которыхъ изчислялись деньги и драгоценности пересланныя въ Польшу. Несомнѣнно что онъ зналъ подлинность этихъ записей, если не отъ Русскихъ, то отъ Поляковъ. Царицу Марію представляетъ радующеюся при вѣсти о явленіи втораго Самозванца. Свои записки Маржеретъ подноситъ королю Французскому,* съ цѣлю, конечно, порисоваться и самому въ трагедіи московской. Но и во Франціи видѣли отсутствіе правдивости въ разказахъ Маржерета. Современникъ его добросовѣстный Де-Ту, знавшій событія Лжедмитріева царствованія по другимъ источникамъ, не сталъ повторять сказки Маржерета объ истинномъ Дмитріи, а только замѣтилъ что Маржеретъ былъ боленъ въ роковой день для Лжедмитрія. Маржеретъ умолчалъ объ этомъ въ своихъ запискахъ и тѣмъ подаетъ поводъ думать что онъ, ожидая катастрофы, надъ предлогомъ болѣзни рѣшилъ выждать ее дома, чтобы сберечь себя для продажи другимъ.

Итакъ сужденіе Маржерета о Самозванцѣ не можетъ быть принято за основу для его характеристики. У иностранцевъ мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о государственной дѣятельности Самозванца. Говоря о царствованіи Лжедмитрія, описываютъ только торжественныя вѣзды, приемы, пиры, увеселенія, что и придаетъ какой-то праздничный видъ всему царствованію его. Иностранцы-купцы въ родѣ Англичанина Смита и Голландца Массы видимо довольны тѣмъ что расточительность Самозванца и его страсть къ локулкамъ, при приливѣ Поляковъ и Литовцевъ, дали имъ возможность хорошо поважиться въ Россіи.

Ни въ лѣтописяхъ русскихъ, ни въ народныхъ быліяхъ не встрѣчается ни одного не только похвального, даже

* Потому у него и включены фразы о томъ что Самозванецъ уважалъ особенно Генриха IV.

прощающаго слова въ пользу Самозванца. Между тѣмъ царствование Самозванца началось въ самое благоприятное для пріобрѣтенія народнаго расположенія время. Послѣ трехлѣтняго голода наступилъ богатый урожайъ годъ; народъ отдохнулъ отъ тяжкой нужды и, избавленный отъ Бориса, раздраженнаго неочастіями въ послѣдніе годы царствованія, радостно привѣтствовалъ новаго царя, котораго считалъ законнымъ наследникомъ престола. Торжественныя церемоніи въѣзда, коронованія, брака Самозванца, пиры, увеселенія—все это занимало толпу, которая вездѣ какъ въ Римѣ желаетъ раппе et circenses. Расточительность Лжедимитрія, его вышняя пышность, новыя постройки, приливъ иностранцевъ оживили торговлю, а потому не удивительно если Авраамій Палицынъ замѣтилъ что Москвичи полюбили царя, радуясь о своихъ прибыткахъ. Но эта любовь также скоро исчезла, какъ показываетъ отношеніе народа къ убитому Самозванцу.

Причина почему онъ утратилъ такъ скоро любовь народа въ Москвѣ, которая досталась ему такъ-сказать даромъ, заключалась не столько въ нѣкоторыхъ нарушеніяхъ обычаевъ русскихъ, сколько въ его отношеніи къ подданнымъ, въ его деспотическомъ управленіи, въ его гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ въ грязномъ нравственномъ характерѣ. Самая фizioномія Самозванца, выраженіе лица его, какъ оно изображается на портретахъ, не могли внушить къ нему симпатіи и довѣренности. Лжедимитрій смотритъ наглымъ лаутомъ, который способенъ и обмануть, и ограбить.

Не справедливо говорятъ что Самозванецъ съ полною довѣренностью къ подданнымъ держалъ себя въ Москвѣ, не ограждаясь особыми мѣрами осторожности. Напротивъ, онъ сдѣлалъ все возможное, что дѣлаютъ лохитители престола для своей безопасности. При самомъ вступленіи Самозванца въ Москву болѣе семидесяти семействъ боярскихъ было сослано въ ссылку; прежній патріархъ удаленъ и замѣненъ преданнымъ Самозванцу лицомъ. Масса говоритъ что всѣ прежніе чиновники, дьяки, поддьяки, конюшіе, ключники, стольники, повара и слуги были удалены и замѣнены тѣми кому царь довѣрялъ. Правителей по всѣмъ областямъ, городамъ и другимъ владѣніямъ смѣнили. Придворные служители назначены были изъ Поляковъ. Главой стрѣльческаго войска былъ преданный Самозванцу Басмаковъ, а подчиненные начальники и офицеры назначены по собственному

выбору Самозванца. Начальникомъ стрѣлецкаго отряда назначеннаго для охраны царя. поставленъ былъ Микудинъ, который готовъ былъ по указанію Самозванца растерзать кого угдно. Лжедимитрій оставилъ въ Москвѣ атамана Корелу съ казаками; онъ могъ служить и защитникомъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ шлюмомъ и, кажется, иногда палачомъ. Въ новомъ дворцѣ своемъ онъ устроилъ множество потаенныхъ дверей и ходовъ, удвоилъ стражу дворцовую. Не довѣряя Русскимъ, набралъ изъ Нѣмцевъ 300 тѣлохранителей, которые поочередно день и ночь охраняли его. Выѣзжалъ онъ въ сопровожденіи конныхъ тѣлохранителей, имѣвшихъ съ собой, кромѣ холоднаго оружія, заряженные пистолеты. * Авраамій Палицынъ пишетъ: „Кривовѣрія же рачитель разстрига, того же бояся еже и надъ Борисовымъ родомъ содѣяся, и во вхожденіи и исхожденіи дома царскаго и по граду всегда со многимъ воинствомъ ѣздяше, спреди же и созади его въ бронеяхъ текуще съ протазаны и алебарды, ц со иными многими оружіи, единъ же онъ токмо посреди сихъ; вельможи и бояре далече отъ него бяху—и бѣ страшно видѣти множество оружіи блестящихъ. Нѣмецъ же и Литву хранители и стражи остави себѣ и по всѣмъ крѣпостямъ царскаго дому.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обширномъ видѣ развито было шлюство; доносы влекли за собою пытки и казни. У Лжедимитрія были вездѣ шлюны, которые доносили о всякомъ неосторожномъ словѣ противъ него, какъ бы ничтожно оно ни было. ** Масса говоритъ: „Вообще ежедневно доносили на многихъ людей. Нѣкоторые, большею частию мѣлахи и духовные, хорошо знавшіе государственныя тайны, были не воздержны въ рѣчахъ, и тѣ на которыхъ мало подозрѣніе или подвергались казни, или были удалены. Та же участь постигла многихъ простыхъ людей и гражданъ московскихъ. Обыкновенно ночью, тайно, пытали, убивали и казнили людей. На каждого, что-либо промолвившагося на царя, доносили и обыкновенно лишали имущества и жизни.“ Авраамій Палицынъ говоритъ: „Отъ злыхъ же враговъ, казаковъ и холопей вси умни токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще; аще бо на кого нанесуть, яко разстригой нарицаеть.

* Масса, 152—165.

** Геркм., 272.

кто, и тотъ человекъ безвѣстно погибаетъ; во всѣхъ градѣхъ Россійскихъ и въ честныхъ монастырѣхъ, и мірети, и иноцы мнози погибаша, овии заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утроба гробъ бысть.“ Де-Ту также сообщаетъ что безпрестанныя допросы людей подозрительныхъ, тѣлесныя наказанія, ссылки, пытки, смертныя казни сильно раздражали умы. Авраамій изъ видѣнныхъ лицъ, погибшихъ отъ Самозванца въ Москвѣ, уломинать Петра Тургенева, Федера Калачника, дьяка Тимоея Осипова. Но это указаніе только на болѣе извѣстныя лица, открыто облечавшія самозванство новаго царя. Въ одномъ хронографѣ мы читаемъ: „При его же царствіи много благородныхъ мужей мучимы быша, и вѣнчашася, иже облечавше его еже онъ не Царевичъ Дмитрій, а разстрига, бывшій чернецъ и діаконъ Гришка Отрельевъ: понеже мнози знаху родъ его и житіе, и сего ради многихъ умучи и ивыхъ въ изгнаніе и въ темницы осуди“. Въ другомъ хронографѣ: „А которые люди его знали, и тѣхъ людей разослалъ въ дальніе города, а ивыхъ пыталъ и казнилъ.“ * Въ иномъ сказаніи о Самозванцѣ мы читаемъ: „Облечавшихъ повелѣ имати, и многимъ различнымъ мукамъ предаеть ихъ, и по дальнимъ странамъ Россійскія области въ темницы затворити многихъ повелѣ, и съ великимъ утвержденіемъ заклепа, а ивыхъ безъ милости смерти предаде, и вонзе страхъ и трепеть въ сердца человекъ, яко и знающему его изящю, николиже смѣющу зрѣти, не токмо облечати“. **

Потому нельзя назвать преувеличеннымъ отзывъ который сдѣлалъ о Лжедмитріѣ патриархъ Гермогенъ въ грамотѣ отъ ноября 1606: „Владѣя превысокимъ государствомъ мало не годъ, и которыхъ злыхъ дѣловъ не дѣлалъ? И коего насилія не учинилъ? Святителей съ престола свергъ, преподобныхъ архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ не токмо отъ ластвы, но и отъ монастырей отлучилъ, священнической чинъ отъ церквей аки волкъ разгналъ, бояръ и дворянъ, и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ многихъ городовъ, гостей и всякихъ служивыхъ и торговыхъ людей многихъ крови пролія, и смерти предаде, а у ивыхъ имѣнія аки разбойникъ разбилъ и многимъ всякимъ

* *Изборн.* Полова, стр. 193—329.

** *Врем.*, т. XVI, стр. 31—32.

женамъ и дѣтямъ блудное насиліе училица“. * Вотъ та система управленія милостію, которой будто рѣшился Димитрій держаться въ свое царствованіе, по словамъ Бучинскаго. Въ доказательство великодушія Самозванца обыкновенно ссылаются на то что онъ не казнилъ В. И. Шуйскаго. Судъ надъ Шуйскимъ, какъ мы видѣли, дѣло не разъясняемое: въ чемъ онъ виноватъ былъ, это неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ онъ понесъ тяжелое наказаніе, его пытали, сѣкли плетью и сослали въ ссылку. Съ трудомъ упростили Самозванца избавить его отъ смертной казни. Самозванцу могли объяснить что казнь Шуйскаго онъ подаетъ мысль что онъ слѣдуетъ избавиться отъ достовѣрнаго свидѣтеля смерти Царевича Димитрія, тогда какъ пощада прославитъ великодушіе новаго царя, и Шуйскій служащій царю будетъ живымъ свидѣтелемъ лживости извѣстія о смерти Царевича. Уклончивый Шуйскій не могъ казаться опаснымъ для трона его, особенно послѣ грознаго урока ему даннаго. Масса прямо говоритъ что помилованіе Шуйскаго сдѣлаю главнымъ образомъ для того чтобы привлечь сердца людей къ Димитрію, чтобъ и богатые и бѣдные твердо вѣрили что царь былъ истинный Димитрій. Шуйскій, какъ говорили тогда, получилъ прощеніе вслѣдствіе просьбы царицы матери и внушеній Ивана Бучинскаго съ братьями. ** При случаѣ Димитрій давалъ грозные уроки, приказавъ, на примѣръ, въ своихъ глазахъ растерзать семерыхъ стрѣльцовъ, едва ли, какъ замѣчаетъ Масса, виновныхъ въ томъ въ чемъ ихъ обвиняли. Несмотря на свое жестокосердіе, Димитрій, замѣчаетъ Масса, не могъ вынести этого избіенія стрѣльцовъ и ушелъ въ комнату. *** Впрочемъ каждый день то здѣсь, то тамъ происходили казни. **** Самоувѣренность Самозванца въ прочности его власти, какую высказывалъ онъ, иногда происходила не отъ сознанія законности правъ на престолъ, ни отъ его природнаго будто добродушія, но отъ самонадѣянной увѣренности въ своей силѣ, въ достаточности мѣръ принятыхъ имъ для личной безопасности. Онъ внимательно наблюдалъ, какое впечатлѣніе производитъ на Москвичей

* *Акты. Экз.*, т. 2, стр. 130.

** *Масса*, стр. 164.

*** *Id.*, стр. 175—177.

**** *Id.*, стр. 165.

то или другое его дѣйствіе и, замѣчая въ большинствѣ уступчивость и покорность, убѣждался въ своей безопасности. Потому хотя и получая донесенія о готовящемся заговорѣ, надѣясь на приватныя имѣ мѣры безопасности, твердилъ, какъ передаютъ Масса и Бучинскій, что не осмѣютъ ничего предпринять противъ него. Онъ приготовлялся однимъ ударомъ поразить всѣхъ для него опасныхъ вельможъ.

Обыкновенно считаютъ ложнымъ показаніе Бучинскаго о томъ что Самозванецъ имѣлъ намѣреніе избить 18го мая двадцать человекъ лучшихъ бояръ. Но не должно забывать что всѣ прочія обвиненія противъ Отрепьева, высказанныя Шуйскимъ, были совершенно справедливы и подтверждаются документами. Далѣе, о намѣреніи перебить бояръ свидѣтельствуется секретарь Самозванца Бучинскій, человекъ прямой, какъ видно изъ письма его къ Отрепьеву, не имѣвшій никакой причины сочинять подобное обвиненіе на Самозванца, такъ какъ знаніе о подобномъ замыслѣ могло быть поставлено ему въ вину, какъ соучастнику. Приведеніе въ исполненіе заговора противъ Лжедмитрія наканунѣ дня назначеннаго для избіенія бояръ показываетъ что Шуйскій имѣлъ уже свѣдѣніе о замыслѣ Лжедмитрія. Такъ и надобно понимать слова его: пора за дѣло! бѣда за плечами! Подобное намѣреніе легко могло родиться у Самозванца въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился. О существованіи заговора противъ него ему неоднократно доносили. Пріѣхавшій изъ Польши Мвишекъ вѣроятно передалъ ему сущность переговоровъ Безобразова съ канцлеромъ литовскимъ. Что это дѣло велось не слишкомъ секретно, видно изъ словъ Хрилукова къ Боршѣ о мнимомъ Димитріи, словъ переданныхъ давно Бучинскимъ Лжедмитрію, что уже подробно провѣдали на Москвѣ, что онъ не есть прямой царь и увидятъ, что ему сдѣлаютъ вскорѣ. Производить слѣдствіе и судъ формальный было не безопасно; могло казаться удобнѣйшимъ локончить все однимъ ударомъ. Это и въ духѣ вѣтерплѣливаго Отрепьева.

Могла ли при всемъ этомъ быть въ Москвитянахъ любовь къ Самозванцу? Высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ укорялъ онъ въ невѣжествѣ; опала грозила постигнуть каждую минуту; Татищевъ едва не поплатился головой высказавшись противъ употребленія телятины. „Не было, гово-

рить Масса, ни дьяка, ни чиновника, который бы не испыталъ на себѣ его немилости. Уча ихъ приличнымъ манерамъ и развязности, царь изломалъ объ ихъ лашки въсколко палокъ. * Хотя Буссовъ говоритъ что онъ назначилъ два дня въ недѣлю, когда самъ будетъ принимать челобитныя; но вотъ что свидѣтельствовало правительство Шуйскаго: бояре и другіе люди жаловались что онъ былъ недоступенъ, что многіе приходившіе къ нему съ просьбами были отгоняемы неучтиво отъ дверей дворца стражей, что онъ принималъ однихъ Поляковъ, если же и выслушивалъ просьбы Русскихъ, никогда ихъ не удовлетворялъ. Онъ не оставивалъ буйствъ Поляковъ, которые столь были наглы, что жены самыхъ знатныхъ вельможъ не смѣли явиться на улицѣ, опасаясь ихъ необузданнаго сладострастія, что многія бѣярыни были извлекаемы изъ домовъ, даже изъ объятій мужей. Получая непрестанныя жалобы на такую дерзость, Лжедмитрій никогда не хотѣлъ явить примѣры наказанія виновнымъ, и во все время правленія его только одинъ Полякъ былъ обвиненъ приговоромъ суда, и того Поляки исхитили изъ рукъ правосудія, убивъ палача. Объ этихъ безчинствахъ Поляковъ знали и въ Польшѣ.

Самозванецъ смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ эти безчинства Поляковъ, потому что самъ проводилъ самую развратную жизнь, о чемъ единогласно свидѣлствуютъ и иностранцы, и Русскіе. Онъ не щадилъ ни святости обителей иноческихъ, ни чести почтенныхъ семействъ. Самые близкіе люди къ Самозванцу были Басмановъ, Рубецъ-Масальскій и Молчановъ, о которыхъ говоритъ Масса, что они сообщали подлости и развратничали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лжедмитрій былъ нестерпимо гордъ. Буссовъ говоритъ: „гордость его была такъ безпредѣльна что онъ приходилъ въ ярость, когда получалъ свѣдѣнія объ измѣнѣ Московитяняъ; затмевая лышностью всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ царя царей. Тѣлохранители должны были становиться на колѣна когда выходилъ къ нимъ царь или являлась царица: и Богу такую честь не всегда воздаютъ.“ Пээрле, описывая обрядъ свадьбы Лжедмитрія, разказываетъ о тѣхъ унижительныхъ

* Масса 172.

** Масса 172—208.

посаугахъ какихъ требовалъ царь отъ высшихъ бояръ, и замѣчаетъ: наши государи не даютъ такихъ порученій и поддѣвшему дворянину. Не довольствуясь униженіемъ высшихъ бояръ, Самозванецъ хотѣлъ чтобъ и лица царственныхъ титуловъ служили ему, и потому вызвалъ шведскаго королевича Густава и царя Симеона. Но когда Густавъ отказался дать ему присягу на безусловное повиновеніе, онъ сослалъ его въ тюрьму въ Ярославль, а Симеона за ревность о благочестіи отослалъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ велѣлъ его постричь въ монахи. Воевода Познанскій говорилъ Лжедмитрію: по твоей великой слѣпости и гордости поддѣвляю тебя Богъ сохметъ со столицы твоей, и надо бы то указать всему свѣту какой ты человекъ, а и сами Москвичи о томъ догадаются какой ты человекъ и что имъ хочешь сдѣлать! * Иезуитъ Савицкій говоритъ о Лжедмитрію: онъ возгордился до такой степени что не только равнялся всѣмъ монархамъ христіанскимъ, но даже считалъ себя выше ихъ, и говорилъ что будетъ, подобно какому-то второму Геркулесу, вождемъ цѣлаго христіанства противъ Турокъ. Онъ самовольно принялъ титулъ императора и требовалъ чтобъ его такъ величали не только собственные подданные, но даже государи иностранные. Короля Польскаго, которому былъ обязанъ столь многими благодѣяніями, не только оскорбилъ словами, но даже вознамѣрился лишить государства. О своей мудрости, могуществѣ, справедливости былъ столь высокаго мнѣнія что никого не почиталъ себя равнымъ, и даже презиралъ нѣкоторыхъ монарховъ христіанскихъ добрыхъ и могущественныхъ. Наконецъ, господство свое почиталъ за вѣчное.** И близкій со Лжедмитрію Бучинскій осуждалъ его за требованіе называть себя Цезаремъ *непобдимымъ*. Притязаніе на такое званіе возмущало и благочестивыхъ Русскихъ. Все это высокомеріе рядомъ съ крайнею расточительностью и

* *Собр. госуд. грам.*, т. 2, стр. 259.

** *Зап. Жолк.*, ч. 2, стр. 172. Послы польскіе, Ольшницкій и Гонѣвскій, донося о гибели Лжедмитрія, писали: Видно такъ угодно было Богу, не хотѣвшему долѣе терпѣть гордости и надменности того Дмитрія, который не признавалъ себя равнымъ ни одного судара въ мірѣ и почти равнялъ себя Богу. (*Русск. Ист. Библ.*, 1, стр. 323).

стараніемъ усилить вѣншаю пышность двора показывали въ немъ случайнаго пришельца на престолѣ.

Что благородство чуждо было душѣ Самозванца, видно изъ того какъ онъ, виновникъ смерти Бориса, убійца его жены и сына, поступилъ съ несчастною Ксеріей. Чувство благодарности, свойственное душамъ благороднымъ, также было чуждо ему. Наши хронографы, лоричая за все Лжедмитрія, называютъ единственнымъ его добрымъ дѣломъ возвращеніе сосланныхъ Борисомъ въ ссылку. Но эта похвала напрасно воздается Самозванцу. Иванъ Никитичъ Романовъ возвращенъ былъ въ Москву вмѣстѣ съ Иваномъ Черкасскимъ самимъ Борисомъ еще въ 1603 году. По смерти Бориса, тотчасъ же по вступленіи на престолъ его сына Θεодора, возвращены были изъ ссылки всѣ сосланные Борисомъ даже и въ царствованіе Θεодора Иоанновича. Жена Годунова не согласилась только на возвращеніе матери Царевича Димитрія, которую бояре также хотѣли вызвать. Изъ сосланныхъ немногіе успѣли возвратиться при Θεодорѣ Борисовичѣ, прочіе явились въ Москву уже по воцареніи Лжедмитрія. Оттого ему и приписывали честь ихъ возвращенія*.

Послѣ сдѣланной нами на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ характеристики Самозванца, едва ли возможно допустить чтобъ онъ могъ отличаться достоинствами мудраго правителя. Сдѣлалось стереотипною фразой повторять что онъ изумлялъ Думу Боярскую быстрымъ рѣшеніемъ вопросовъ, которые она не могла разрѣшать. Не объясняется ли это просто желаніемъ Самозванца поскорѣе кончить совѣщанія Думы, такъ какъ долго заниматься дѣломъ серіознымъ онъ былъ не въ состояніи? И въ обычаѣ, и въ духѣ стариннаго и притомъ пожилаго боярства было разсуждать не слѣшно, давать каждому время подумать и сказать свое мнѣніе не торопясь. Между тѣмъ, дьяки, докладывая царю о предметахъ совѣщанія Думы, вмѣстѣ съ тѣмъ указывали и на возможное рѣшеніе обсуждаемыхъ дѣлъ; были при немъ умные совѣтники Бучинскій и іезуитъ Ливицкій, которые могли подать мысль къ рѣшенію вопро-

* Масса, стр. 140. Масса, кажется, единственный свидѣтель о томъ что всѣ сосланные возвращены были при Θεодорѣ Борисовичѣ. Но его извѣстіе хорошо объясняетъ прежде необъяснимый фактъ какъ Бѣльскій и Воротынскій очутились въ Москвѣ еще до приближенія Самозванца къ Тулѣ.

исказать подказанное рѣшеніе было не трудно. Мотъ-быть и мнѣнія Самозванца порою были основательны, но это прославляла ихъ, и онъ самъ увѣренъ былъ въ мудрости. Изъ царствованія Лжедмитрія извѣстны только два заслуживающіе вниманія приговора Боярской мы—это о кабакахъ и бѣглыхъ холопахъ. Изложеніемъ ихъ двухъ актовъ обыкновенно начинаютъ исторію Лжедмитрія и воздаютъ ему похвалу за нихъ. Еслибы приговоръ боярскій о кабакахъ и бѣглыхъ холопахъ состоялся скорѣ послѣ вступленія Самозванца въ Москву, было бы основаніе инициативу этихъ законовъ приписывать Самозванцу. Со времени вступленія своего въ предѣлы Россіи до самаго перехода на его сторону войска, русское ополченіе его состояло главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ холоповъ и кабальныхъ, а потому онъ, узмавъ ихъ полоніе, могъ сознать нужду улучшить его. Но приговоръ боярскій состоялся одинъ въ январѣ, другой въ февралѣ 1606 года, въ то время какъ Самозванецъ занятъ былъ ключительно заботой какъ бы вызвать ему изъ Польши армию Мишекъ; эта забота, судя по количеству оставшихся послѣ Лжедмитрія бумагъ, и составляла главный предметъ его государственной дѣятельности.

Законъ о свободѣ торговли Лжедмитрій не издавалъ никакого. Сохранилась отъ іюля 17го 1605 года отписка смоленскаго воеводы Ромодановскаго къ оршинскому Салтѣвѣ, которой говорится что царь Дмитрій *по прежнему добору и по перелирнымъ записямъ* дозволилъ свободно ить кулцамъ *по прежнему обычаю*. Слѣдовательно отмѣнилось только временное ограниченіе торговли, происшедшее роятно вслѣдствіе учрежденія заставъ на польской границѣ по случаю мороваго повѣтрія въ Смоленскѣ, и проложенія этихъ заставъ послѣ слуховъ о появленіи Самозванца до Брянска. * Англичане и Голландцы хвалили Лжедмитрія вѣроятно потому что имѣя страсть къ покулкамъ всякаго рода и деньги въ изобиліи для удовлетворенія ей, не дожидаясь обычнаго осмотра привозимыхъ иностранныхъ товаровъ, слѣшались покупать ихъ и позволяя торговать ими и такимъ образомъ практически дѣлалъ для нихъ торговлю свободною.

Временн. Новой Лѣт., стр. 62.

т. сxxx.

Намѣреніе воевать съ Турками конечно не есть свидѣтельство государственной мудрости Самозванца. Видно что онъ не понималъ важности и трудности предпринимаемаго имъ дѣла. Его влекло къ этому предпріятію тщеславіе и жажда приключеній, а можетъ-быть желаніе избавиться отъ трудной обязанности представлять изъ себя въ Москвѣ государя законно наслѣдовавшаго престолъ. Военныя дѣйствія, услѣшво веденныя, могли утвердить его на престолѣ.

Похитители престола обыкновенно опираются на массу народа, и разными льготами стараются привлечь къ себѣ его расположеніе. Между тѣмъ Лжедмитрій всѣмъ царствованіемъ не могъ заглушить въ большинствѣ народа доброй памяти о Борисѣ Годуновѣ, несмотря на бѣдствія послѣднихъ годовъ его царствованія. Послы польскіе въ 1608 году говорили боярамъ: мужикамъ чернымъ при Борисѣ лучше было нежели при комъ-либо изъ прежнихъ государей, и они ему прямили: многіе изъ нихъ въ лорубежныхъ и другихъ многихъ городахъ и теперъ жалѣють о Борисѣ. * Буссовъ также говоритъ, по поводу перенесенія гроба Годунова изъ Москвы въ Сергіеву Лавру, что вообще Россіяне жалѣли о Борисѣ и охотно согласились бы видѣть его на престолѣ.

Итакъ, если мы исключимъ изъ исторіи царствованія Лжедмитрія описаніе празднествъ, церемоній, увеселеній, то эта исторія принимаетъ другой характеръ. Истинное представленіе о характерѣ царствованія Лжедмитрія облегчить для насъ рѣшеніе одного изъ главныхъ возраженій противъ мысли что Лжедмитрій былъ Григорій Отрельевъ, заимствуемаго изъ представленія о характерѣ, понятіяхъ, привычкахъ и дѣятельности Самозванца на престолѣ.

Не соглашаясь признать перваго Лжедмитрія Отрельевымъ, г. Костомаровъ считаетъ едвали не самымъ главнымъ доводомъ своего мнѣнія то что названный царь Димитрій по своему характеру, понятіямъ, воспитанію и пріемамъ никакъ не могъ быть діакономъ Чудова монастыря. „На немъ были глубокіе признаки нерусскаго воспитанія и польскихъ пріемовъ жизни, усвоенныхъ съ дѣтства и такъ-сказать приросшихъ къ его естеству въ такой степени, въ какой трудно было усвоить ихъ перебѣжчику изъ Московскаго государства. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву

* *Ак. Зап. Р. Т. IV, стр. 282.*

и прикладывался къ иконамъ, благочестивые люди тогда уже замѣтили, что онъ дѣлалъ это и знаменовался не уставно, не такъ какъ бы слѣдовало. Русскій того времени не могъ сдѣлать такой ошибки; народные приемы благочестія до того ородвились съ его существомъ что скорѣе выдали бы его чѣмъ онъ измѣнилъ бы имъ. Въ поступкахъ названнаго Димитрія видно недостаточное знакомство съ тѣмъ кругомъ гдѣ онъ находился. А между тѣмъ никто, и враги его и друзья не считали его поэтому за не Русскаго: такимъ и могъ быть только человекъ Русскій по происхожденію, научившійся по-русски съ дѣтства отъ Русскихъ, но жившій въ чужой землѣ. Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ мы видѣли что Поляки называли Дзедимитрія не просто Русскимъ, но Москвитяниномъ и по рожденію, и по воспитанію. Но неужели для Москвитей знаніе Самозванцемъ русскаго языка, въ который притомъ онъ вставлялъ иногда польскія слова и поговорки, могло быть достаточнымъ для того чтобы считать его несомнѣнно Русскимъ, несмотря на то что онъ носилъ глубокіе слѣды нерусскаго воспитанія, польскіе приемы приросли къ его существу? Если и друзья и враги Самозванца считали его Русскимъ, необходимо должно допустить что онъ носилъ глубокіе слѣды русскаго воспитанія, и польскіе приемы не настолько приросли къ нему чтобы не видно было за ними чисто Русскаго. Вотъ единственное правильное заключеніе изъ того что Самозванца единогласно признавали Русскимъ.

Что въ поступкахъ Самозванца должно было обнаружиться недостаточное знакомство съ тѣмъ кругомъ гдѣ онъ находился,—это необходимое слѣдствіе его первоначальнаго воспитанія и новаго положенія. Діаконъ Чудова монастыря вдругъ очутился царемъ Московскаго государства. Ему неизвѣстенъ былъ ни механизмъ управленія государственнымъ, ни потребности царства, ни образъ отношенія къ окружающимъ его лицамъ, ни обычаи и этикетъ двора, гдѣ уже вѣками утвердились извѣстные условные обычаи при приемѣ, при выходахъ въ народъ и церковь. Для точнаго исполненія всѣхъ этихъ обычаевъ не достаточно только видѣть, какъ все это совершалось; нужно съ дѣтства усвоить все это, сродниться съ этимъ по наслѣдству. И всѣ эти

обычай залечитивны были характеромъ важнымъ, степеннымъ, такъ несогласнымъ съ природною живостью Самозванца что онъ никакъ не могъ имъ подчиниться.

Впрочемъ мы не встрѣчаемъ ни у русскихъ летописцевъ, ни въ грамотахъ обвиненія Самозванца за неисполненіе обычаевъ русскихъ и постановленій церкви. Г. Костомаровъ сдѣлалъ слишкомъ общій выводъ изъ единственнаго свидѣтельства Массы, которое стоитъ только привести чтобы понять всю слабость его. Масса, самъ не бывшій въ то время въ Москвѣ, рассказываетъ что когда Дмитрій при вступленіи въ Москву приблизился къ церкви Василия Блаженнаго, ему поднесли икону Богородицы чтобы онъ по обычаю приложился къ ней. Дмитрій сошелъ съ лошади, приложился къ иконѣ, но не такъ де какъ слѣдовало по обычаю, вслѣдствіе чего нѣкоторые монахи, видѣвшіе это, усомнились въ томъ что онъ дѣйствительно родомъ изъ Москвы, а также и въ томъ что онъ истинный царь. Объ этомъ они однако не смѣли говорить. Дмитрій, обратившій вниманіе на ихъ пристальные взгляды, и можетъ быть зная этихъ монаховъ, на другой день велѣлъ ихъ умертвить и бросить въ воду. Если монахи, замѣтившіе что Дзедимитрій не такъ прикладывался къ иконѣ какъ слѣдовало, никому объ этомъ не говорили и на другой день были убиты, откуда Масса узналъ о томъ что они замѣтили? И можно ли думать чтобы Самозванецъ за одни пристальные взгляды велѣлъ бросить въ воду монаховъ тотчасъ же при своемъ вступленіи въ Москву? Разказъ этотъ самъ себя обличаетъ въ невѣрности. Смущеніе Дмитрія при вѣздѣ вполнѣ естественно. За три года предъ тѣмъ бѣжалъ онъ тайно изъ Москвы осужденный въ заточеніе діакономъ. И теперь вступаетъ царемъ въ Москву; высшее духовенство, вельможи встрѣчаютъ его; сотня тысячъ глазъ съ благоговѣніемъ устремлена на него, и во время этого шествія вдругъ вихрь смущаетъ церемонію и въ суевѣрномъ Отрельевѣ невольно порождаетъ трепетъ за будущую судьбу, которая не могла казаться ему надежною. Мудрено ли что въ эти минуты, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ пышнымъ крестнымъ ходомъ, онъ растерялся и не помнилъ самъ что дѣлалъ?

Образованіе Отрельевъ и въ монашествѣ имѣлъ для своего времени довольно значительное. Де-Ту сообщаетъ что

онъ изучалъ и исторію и музыку. Не видно чтобъ онъ приобрѣлъ какія-либо свѣдѣнія научныя бѣльшія въ сравненіи съ тѣмъ что онъ могъ узнать будучи монахомъ. Поучившись вѣсколько въ Гоцѣ и потолкавшись среди лановъ польскихъ, зараженныхъ тогда страстью приводить изреченія и примѣры изъ классическихъ писателей, онъ могъ иногда указывать на примѣры изъ римской и греческой исторіи. Но самъ онъ не зналъ латинскаго языка, какъ утвердительно говоритъ Маржереть; онъ не могъ ни читать, ни писать, ни говорить по-латыни; онъ не сумѣлъ грамотно подписаться по-латыни императоромъ, при всемъ горячемъ желаніи удержать за собою этотъ титулъ. Что касается до привычекъ, то въ молодые годы, особенно при такой рѣзкой перемятѣ, какая совершилась въ жизни Отрешева, новыя привычки легко усвоятся. Въ землѣ Польской онъ встрѣтилъ другую цивилизацію, болѣе развитую, другой строй жизни, дающій болѣе свободы чѣмъ на родинѣ, и естественно увлекся новизной. Молодой человекъ при перемятѣ обстановки жизни скоро можетъ измѣняться такъ что его трудно и узнать.

Но нѣкоторая внѣшняя развитость не могла сгладить грубости его первоначальнаго состоянія. Карамзинъ справедливо говоритъ: Если нѣкоторые изъ людей ослѣпленныхъ къ Самозванцу пристраціемъ находили въ немъ какое-то величіе, необыкновенное для человека рожденнаго въ низкомъ званіи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой лодости, не изглаженныя ни обхожденіемъ со знатными Ляхами, ни счастіемъ понравиться Мяншковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя, соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ однако же худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ наукѣ государственной, но и безъ всякой савовѣсти благородной; сквозь великолѣпіе державства проглядывалъ въ царѣ бродяга. Такъ судили о немъ и Поляки. Безпристрастный Пясецкій говоритъ: Лжедмитрій заслужилъ презрѣніе Россіянъ тѣмъ что не имѣлъ понятія о государственной наукѣ; и бывъ съ юныхъ лѣтъ въ обществѣ людей низкаго состоянія, вель себя неблагородно, безъ всякаго величія. * Бояре

* Карамз. т. XI, стр. 183, пр. 597.

московскіе, чрезъ Безобразова, такъ отзывались о Лжедмитріѣ, еще сидѣвшемъ на престолѣ, предъ канцлерамъ литовскимъ: человекъ подлаго происхожденія, легкомысленный, жестокій, распутный, расточительный, вовсе недостойный занимать престолъ. * Въ сказаніи о началѣ патріаршества въ Россіи и поставленіи въ патріархи Филарета Никитича, гдѣ о главномъ врагѣ Романовыхъ, Борисѣ Годуновѣ, отзываются какъ о заботливомъ и способномъ правителѣ, о Самозванцѣ, милостивомъ къ Романовымъ, читаемъ такой отзывъ: „царствуя же только едино лѣто и се беззаконно; но вся дни бо улываяся и игры творя лустошны, зѣло же гнѣвливъ и яръ показуется, и народъ въ немъ же родися и многихъ бѣднѣ житія уаши, къ вѣрѣ христіанствѣи никако же прилежа, но и зѣло ругаяся, и спроста рещи, яко ни что же православія царствію достойно ни рекъ, ни сотвори.“ **

Религіозныя убѣжденія Отрельева конечно были не тверды, если онъ сбросилъ съ себя и иночество и священныи санъ. Во время пребыванія въ Гоцѣ онъ лознакомился съ ученымъ Социніемъ, что замѣтили и іезуиты въ бесѣдѣ съ нимъ. Бесѣды доминиканцевъ и іезуитовъ ослабили въ немъ еще болѣе уваженіе къ ученію православной церкви. Какъ человекъ потерявшій благочестіе, онъ скорѣе былъ равнодушнымъ къ религіи нежели приверженцемъ католической церкви. Какъ всѣ люди потерявшіе благочестіе обыкновенно людей благочестивыхъ укоряютъ привязанностію ко вѣшнему благочестію, такъ укорялъ и Самозванецъ Москвичей. Но онъ зналъ обряды церкви православной и хранилъ ихъ сколько требовало приличіе. Москвичамъ могло броситься въ глаза то что новый царь не такъ набоженъ какъ были набожны Θεодоръ Ивановичъ и Борисъ Θεодоровичъ, что при совершеніи религіозныхъ дѣйствій въ немъ не видно того благочестія съ какимъ совершали его предшественники. Могло казаться что онъ неуставно молится, но вообще со стороны Русскихъ не раздавалось обвиненій на неисполненіе имъ обрядовъ церкви. Посты онъ соблюдалъ, что видно какъ изъ описанія обѣдовъ устрояемыхъ имъ въ постные дни, такъ и изъ

* *Записки Жолк.* стр. 10.

** *Доп. къ Ак. Ист.* т. 2, № 76.

того что для будущей жены своей онъ признавалъ нужнымъ сохраненіе поста въ среду и разрѣшеніе на мясо въ субботу, согласно съ преданіями православной церкви. Какъ на нарушеніе церковныхъ правилъ указываютъ на то что свадьба Лжедмитрія съ Мариной была въ четвергъ наканунѣ Николаина дня. Но сама собою возникаетъ мысль: если бы совершеніе въ этотъ день брака было противно правиламъ церкви, почему духовенство не настояло чтобы днемъ ранѣе или позднѣе назначенъ былъ день свадьбы? Самый своеправный человекъ едва ли бы захотѣлъ по одному упорству омрачать свѣтлый день свадьбы народнымъ неудовольствіемъ. Дѣло въ томъ что въ русской церкви не было установленнаго твердо правила когда можно вѣнчать браки и когда нельзя. Въ греческой церкви касательно времени совершенія браковъ существуетъ общее предписаніе соблюдать постъ. Прямо запрещается вѣнчать браки только въ великую Четырдесятницу, есть указаніе что это запрещеніе относилось къ постамъ Рождественскому, Успенскому и Св. Апостоль. Что въ четвергъ совершались браки не одного Самозванца видно изъ того, что бракъ царя Іоанна въ 1547 году былъ въ четвергъ 3го февраля; такъ же и Юрія Васильевича.* Въ половинѣ XVII вѣка находимъ запрещеніе вѣнчать свадьбы четыре дня въ недѣлю: понедѣльникъ, среду, пятницу и субботу.** Слѣдовательно четвергъ тогда считался законнымъ днемъ для совершенія брака. Нарушенъ ли обычай церковный въ томъ что свадьба была наканунѣ Николаина дня, мы не можемъ положительно отвѣтить. Только во второй половинѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе указаваго въ 1775 году императрицей Екатериной*** разогласія въ церковной практикѣ относительно дней когда можно разрѣшать браки, составлена была книжка, въ которой запрещено вѣнчать браки во всемъ году на воскресные дни, также на среды и пятки, на всѣ дванадцатые праздники и сверхъ того на дни въ народѣ особливо прославляемыхъ святыхъ, въ числѣ ихъ Святителя Николая. Но праздникъ Святителя Николая 9го мая въ народѣ мѣсяе чествуется чѣмъ день памяти его 6го декабря.

* *Древ. Росс. Визл.* XIII, стр. 29—36.

** *Ак. Эк.* IV, № 334, стр. 497.

*** *Собр. Зак.* № 12408.

Иностранцы высказываютъ что Русскіе будто недовольны были тѣмъ что въ Николинъ день Лжедмитрій устроилъ брачный пиръ, чего будто не слѣдовало дѣлать по обычаямъ русскимъ.

Патріархъ Гермогенъ обвинялъ Лжедмитрія въ томъ что онъ позволялъ входить въ храмы православныя католикамъ и лютеранамъ и что онъ обѣдичался съ Мариной католичкой, крещеніемъ не присоединивъ ее къ православной церкви. Но строгій взглядъ патріарха Гермогена не былъ выраженіемъ правилъ и обычаевъ русскихъ. Что допущеніе иностранцевъ въ храмы православныя не считалось оскверненіемъ ихъ, видно изъ того что царь Иванъ Васильевичъ самъ предлагалъ Посевину присутствовать при богослуженіи. При переговорахъ пословъ польскихъ съ русскими боярами въ 1608 году указывается что Поляковъ обвиняли не за то что они входили въ храмы православныя, а за то что они имѣли при себѣ оружіе въ церкви и вели себя не благоговѣнно. Правило перекрещивать переходящихъ изъ католичества въ православіе было поставлено только на соборѣ въ патріаршество Филарета, слѣдовательно его не было прежде, и оно скоро отмѣнено было по настоянію патріарховъ восточныхъ. Марина была помазана св. муромъ и причастилась Св. Таинъ въ православной церкви предъ бракосочетаніемъ. Гермогенъ требовалъ и тогда чтобы крестили Марину, но къ его мнѣнію присталъ только одинъ епископъ Коломенскій. Итакъ, утверждать что Самозванецъ не зналъ обычаевъ и правилъ русской церкви, или что онъ умышленно нарушалъ ихъ, нѣтъ основанія. Маржеретъ говорить что найдется весьма немного какъ иностранцевъ, такъ и Россіянъ которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ обвиненію его въ неисполненіи обрядовъ русокой церкви. При отсутствіи въ немъ благочестія, религія для него была не на первомъ планѣ. Но кажется несомнѣннымъ что онъ хотѣлъ ввести унию въ русской церкви. При многочисленныхъ указаніяхъ на это намѣреніе получаетъ особую цѣну отвѣтъ Юрія Мишка боярамъ. „Зачѣмъ, спрашивали Мишка бояре, склонялъ онъ Самозванца къ униі?“—„Это угодно было покойному, отвѣчалъ Мишекъ, помимо всякаго съ моей стороны совѣта. Онъ видѣлъ что она существуетъ въ Польшѣ и въ Руси безъ малѣйшей отмѣны богослуженія; поэтому поже-

ласть и свое государство соединить съ государствами христіанскими, потому что это можно сдѣлать безъ нарушенія греческаго богослуженія и къ великой радости всему христіанству.“ * Выгоды политическія отъ введенія униі дѣйствительно Самозванецъ могъ получить. Имѣя на своей сторонѣ патріарха и видя значительный успѣхъ униі въ польскихъ владѣніяхъ, Самозванецъ могъ надѣяться и въ Россіи ввести безъ большаго сопротивленія унию.

Остается устроить еще одно возраженіе, какъ могъ бѣглый монахъ Чудова монастыря чрезъ три года послѣ выхода изъ монастыря явиться храбрымъ воиномъ, духимъ наѣздникомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ былъ еще Карамзинымъ.

„Возраженіе что келія не производитъ витязей, лишеть оны, уничтожается исторіей юности Отрельева. Одѣвался имокомъ, не вель ли оны жизни смѣлаго дикаря, скитался изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ самъ бывъ разбойникомъ подъ хоругвией казаковъ Дѣвировскихъ?“

Живя у Вишневецкихъ Отрельевъ, по словамъ Петра, учился владѣть конемъ и мечомъ, скакалъ, стрѣлялъ, билъ, рубилъ, участвовалъ въ играхъ воинскихъ. И какъ было не выучиться Отрельеву владѣть оружіемъ, когда оны около двухъ лѣтъ прожилъ среди Поляковъ, у которыхъ фехтованіе, ѣзда верхомъ составляли одно изъ главныхъ упражненій. При своемъ отважномъ, смѣломъ характерѣ, обладая физической силой и ловкостью, оны съ особеннымъ усердіемъ конечно усвоилъ себѣ эти знанія, такъ необходимыя въ предпріятіи которое оны затѣвалъ. Далѣе, годъ военной кампаніи дѣлаетъ изъ простаго крестьянина хорошаго солдата; Отрельевъ цѣлый почти годъ сражался за престолъ могъ усвоить себѣ навыкъ къ воинскому ремеслу. Впрочемъ не встрѣчается извѣстій чтобъ оны выказалъ способности полководца и даже особенно отважнаго воина.

Итакъ дѣянія и характеръ перваго Лжедмитрія таковы какихъ можно было ожидать отъ сбросившаго съ себя санъ монаха и діакона Григорія Отрельева.

* Русск. Ист. Биб. т. I, стр. 106.

Также и обстоятельства смерти его не только не наводятъ сомнѣнiя, но даже служатъ подтвержденiемъ того что Самозванецъ былъ Григорiй Отрепьевъ.

Маржеретъ спрашиваетъ: если справедливо что Димитрiй самозванецъ, для чего виновнаго не заключили въ темницу, или не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ, не убивая преступника безъ отвѣта? Подобно Маржерету спрашиваетъ и г. Костомаровъ: зачѣмъ было убивать Самозванца? Почему не поступили съ нимъ именно какъ онъ просилъ; почему не вывели его на площадь, не призвали ту которую называлъ онъ матерью, почему не изложили предъ народомъ своихъ обвиненiй, почему наконецъ не призвали матери, братьевъ, дядю Отрепьева, не дали имъ съ царемъ очной ставки, не уличили его; не призвали архимандрита Пафнутія, не собрали чудовскихъ черноризцевъ и всѣхъ вообще знавшихъ Гришку и не уличили его?

Такіе вопросы кажутся намъ наивными. Самозванецъ не былъ въ положенiи преступника, который, захваченный рукой правосудiя, долженъ ожидать себя суда. Онъ не былъ низложенъ съ престола приговоромъ общенароднымъ; онъ царствовалъ, опираясь на Поляковъ, Нѣмцевъ-тѣлохранителей, стрѣльцовъ и на массу простонародья. Его низвернулъ заговоръ. Еслибы вывели его на площадь для объясненiя съ народомъ, то заговорщики, вѣроятно, погубили бы и себя и свое дѣло; Поляки, стрѣльцы, чернь вырвали бы его изъ рукъ заговорщиковъ. Тутъ не помогли бы и самыя разумныя убѣжденiя. Не только простой народъ, видѣвшій гибель перваго Самозванца и перенесенiе мощей Царевича Димитрiя, слышавшій торжественное признанiе матери Царевича Димитрiя что сынъ ея убитъ въ юности, а царствовалъ Гришка Отрепьевъ, но и многіе изъ бояръ шли же послѣ того за вторымъ Лжедимитриемъ; потому что видѣли въ этомъ свои выгоды. А интересы многихъ бояръ связаны были съ существованiемъ и перваго Самозванца.

Но главное: мы не знаемъ что говорилъ Самозванецъ въ послѣднія минуты; свидѣтелями ихъ были нѣсколько русскихъ бояръ и ни одного иностранца. * Считавшій его истин-

* Буссовъ пишетъ: „Ливонскiй дворянинъ Вильгельмъ Фирстенбергъ пробрался въ комнату, желая знать что будетъ съ царемъ,

нымъ Димитріемъ Маржеретъ и составитель дневника Марини ничего не сказали объ обстоятельствахъ смерти его. Видно эти обстоятельства были не таковы чтобъ имъ можно было на нихъ указать въ подтвержденіе своего мнѣнія. Маржеретъ, доказывая что Димитрій былъ истинно сынъ Грознаго, правда, спрашиваетъ, зачѣмъ его не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить предъ всѣмъ народомъ въ обманъ, но онъ не говоритъ чтобъ этого требовалъ самъ Самозванецъ.

Въ дневникѣ польскихъ посланцевъ говорится что бояре и дворяне приступили къ царю съ бранью, называя его Григоріемъ Отрепьевымъ. Если существовалъ другой Григорій Отрепьевъ, если его показывали въ Москвѣ, какъ легко было оправдаться Самозванцу! Между тѣмъ, не отрицая этого, Самозванецъ есылается на свою мать, то-есть какъ бы говорить: „хотя я и носилъ имя Григорія Отрепьева, но я сынъ царя Іоанна; спросите объ этомъ мать“. Князь Голицынъ отвѣчалъ что царица не признаетъ его сыномъ, и во время этихъ разговоровъ Валуевъ убилъ его. То же говоритъ и Паэрле; Велевицкій начинаетъ разказъ свой о смерти Димитрія такъ: „Я объ этомъ скажу то въ чемъ удостовѣрились послы королевскіе, пробывшіе въ Москвѣ въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ; всѣ же прочіе разказы, которые вымышлены и одинъ другому противорѣчатъ, я пропущу совершенно“. Послѣ сего говоритъ: „*Димитрію не дали промзнести ни слова.* Его обвиняли въ томъ что, будучи простаго званія и извѣстный многимъ какъ своимъ родомъ, такъ и своимъ именемъ (его называли Гришкой Отрепьевымъ), осмѣлился присвоить себѣ царство“. * По сказаніямъ Буссова, Петрея и Де-Ту, Шуйскій спрашивалъ царицу, и она съ клятвой торжественно объявила что царь не сынъ ея. По лѣтописи о матажахъ, стрѣльцы спраши-

но былъ заколотъ однимъ изъ бояръ подлѣ самого царя“. Другой иностранецъ говоритъ: Фирстенбергъ съ товарищами внесъ (выскачавшаго изъ окна) Димитрія въ царскія комнаты. Тутъ бояре начали говорить съ нимъ и допрашивать; но нельзя знать что между ними происходило. Фирстенберга умертвили чтобъ онъ не разгласилъ тайны. *Сказ. о Самозв. ч. I, стр. 62, 451. Масса и Геркманъ стр. 200, 288.*

* *Зап. Жолк., ч. II, стр. 176—177.*

вали дарицу, и она предъ ними отреклась отъ Лжедмитрія. Въ Новомъ Лѣтоисцѣ говорится что послѣ боя со стрѣльцами, защищавшими Самозванца, пошлѣ спрашивать дарицу Марѳу; она отреклась отъ Самозванца, и тогда его убили. Какъ видимъ, большая часть извѣстій о смерти Лжедмитрія указываетъ на одно только обстоятельство, что Лжедмитрій ссылался на свою мать, и мнимая мать отреклась отъ него. Такое же извѣстіе встрѣчаемъ и въ избирательной грамотѣ Михаила Феодоровича. Здѣсь говорится что дарицу Марѳу „всеароднымъ множествомъ волпросиша бояре и воеводы и весь царскій синклитъ, она же всеявно повѣда яко сынъ ея Димитрій Царевичъ на Угличѣ убитъ бысть. И тогда... Гришку Отрельева злой смерти предаша⁴. Но и это единственное обстоятельство, удостоверяемое столь многими свидѣтелями, не можетъ быть признано исторически достовернымъ. Марѳа Феодоровна ни въ первой, ни во второй своей грамотѣ не говоритъ чтобъ она дада прежде смерти Самозванца открытое свидѣтельство о его самозванствѣ. Напротивъ, ея слова не дозволяютъ допустить чтобъ было такое заявленіе: „а боярамъ и дворянамъ и всѣмъ людямъ объявили объ этомъ прежде тайно, а теперь (только теперь) всѣмъ явно что онъ не сынъ нашъ Царевичъ, воръ, богоотступникъ, еретикъ“. Остается развѣ допустить что Шуйскій, приступая къ изложенію Самозванца, отправляя нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ къ дарицѣ тайно узнать ея отзывъ о царѣ. А можетъ-быть соучастникамъ заговора, для усложненія сомнѣнія нѣкоторыхъ, онъ нарочно объявилъ что спрашивалъ объ этомъ дарицу, и она отреклась отъ царя. Такого рода рѣчи отъ лица дарицы кажется не впервые было вести Шуйскому. Есть извѣстіе что какой-то Шведъ явился къ королю Польскому объявить тайно отъ Марѳы Феодоровны что новый царь не сынъ ея. * Думаемъ что если было такое порученіе, то оно поддѣлано боярами.

У одного почти Буссова находимъ мы извѣстіе о вопросахъ будто предложенныхъ Самозванцу: кто ты? кто твой отецъ и откуда ты родомъ? и просьба Самозванца вывести его на Лобное Мѣсто для объясненія. Видно что Буссовъ передавалъ разные слухи,—такъ у него два раза убиваютъ Са-

* *Ист. Рос. Соловьева. Т. VIII, стр. 127.*

мозванца: сперва Валуевъ, а потомъ всѣ бояре,—слухи которые Велевицкій назвалъ вымышленными. Де-Ту прямо говоритъ что онъ передаетъ разные слухи, и заявляетъ что слухъ о томъ что Самозванецъ усиленно просилъ вывести его къ народу выходить отъ тѣхъ которые признавали его истиннымъ Димитріемъ, но мы видѣли что ими не записано этого слуха.

Бояре окружавшіе Самозванца можетъ-быть и желали получить отъ него объясненіе на многое, но Валуевъ прекратилъ эти разговоры своимъ выстрѣломъ. Бояре объявили народу что Лжедмитрій ложился что онъ Григорій Отрельевъ; но для нихъ не было нужды допытываться объ этомъ у Лжедмитрія, ибо несомнѣнно были убѣждены какъ въ томъ что онъ Григорій Отрельевъ, такъ и въ томъ что подъ именемъ Отрельева не скрывался истинный сынъ Іоанна Грознаго, котораго мертвое тѣло Шуйскій осматривалъ и хоронилъ и обстоятельства смерти котораго онъ зналъ.

Итакъ, разборъ всѣхъ свидѣтельствъ о первомъ Лжедмитріѣ приводитъ къ тому заключенію, что нѣтъ достаточныхъ основаній отвергать что это былъ Григорій Отрельевъ, бѣглый діаконъ Чудова монастыря, и заподозрѣвать въ умышленной лжи всѣхъ современныхъ свидѣтелей, которые утверждали это.

ПЕТРЪ КАЗАНСКІЙ.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ОТРОЩЕНКО *

V.

Весной 1808 года, возвратились наши плѣнные изъ Франціи. Генераль-майоръ Миллеръ третій, шефъ нашъ, прѣбылъ въ мартѣ мѣсяцѣ и въ то же время войска наши двинулись къ Турецкой границѣ, но пришедши въ Подольскую губернію расположились по квартирамъ, 7й Егерскій полкъ въ мѣстечкѣ Мясковкѣ. Здѣсь получены были рекруты для укомплектованія полка.

Мой ротный дворъ былъ въ сельцѣ Зеленыхъ Водахъ; здѣсь жилъ почтенный старикъ генераль-адъютантъ бывшаго польскаго короля Понятовскаго. Онъ имѣлъ небольшой домикъ, потому что состояніе его было весьма ограничено, нѣсколько домиковъ крестьянскихъ и небольшое количество земли составлявшее все его имущество. Я сдѣлалъ ему визитъ, онъ заплатилъ мнѣ тѣмъ же. Послѣ сего знакомства онъ полюбилъ меня, я же полюбилъ единственную дочь его, а она меня и мнѣ было не скучно. Днемъ я занимался ученьемъ, а ввечеру, когда являлась луна на небѣ со звѣздами, слѣдилъ къ возлюбленной моей и всѣ денныя заботы на время забывалъ съ нею. Когда же послѣдовалъ нашъ походъ изъ тѣхъ мѣстъ, мы дали другъ другу клятву во взаимной любви и простились навсегда.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 9й.

Въ июль мѣсяцъ мы вступили въ Молдавію и прошедши Яссы расположились лагеремъ при селеніи Сербешты на правомъ берегу рѣки Серета, за неимѣніемъ лозатокъ, въ кое-какихъ шалашахъ, которые не защищали ни отъ дождя, ни отъ зноя. Расторопные солдаты гдѣ-то захватили нѣсколько рыболовныхъ сѣтей и изъ этого-то матеріала мы устраивали стѣны шалашей. Главнокомандующимъ былъ фельдмаршалъ Прозоровскій.

Въ августѣ мѣсяцѣ умножилось число больныхъ, какъ полагали доктора отъ фруктовъ; я тоже получалъ перемежающуюся лихорадку и отправленъ въ госпиталь устроенный въ камышевыхъ сараяхъ при селеніи Сербешты. Офицеры были расположены по молдаванскимъ хатамъ, а нижніе чины въ сараяхъ. Людей умирало такъ много что трупы вывозили на возахъ для погребенія.

Со мною случилось здѣсь странное приключеніе. Однажды поутру когда я всталъ съ постели представилось мнѣ что я не Яковъ, а Николай, и никакъ не могъ себя переувѣрить въ томъ; примѣтивъ что у меня дѣлается помраченіе ума, закричалъ чтобы подали мнѣ воды, помочилъ голову и разсудокъ мой воротился.

Войска, простоявъ здѣсь до глубокой осени, разошлись по квартирамъ. 7й Егерскій полкъ расположился при мѣстечкѣ Слободзеѣ, что при рѣкѣ Яломицѣ. Я также выписался изъ госпиталя, хотя лихорадка еще не совсѣмъ прошла; всѣ средства медицины не пособили мнѣ, но одинъ Грекъ излѣчилъ меня, какъ догадываюсь, сулемой, потому что онъ старался закрываться отъ меня когда приготовлялъ лѣкарство къ приему, однакоже я подсмотрѣлъ что онъ сыпалъ въ чашку бѣлый порошокъ.

Весной 1809 года, 7й Егерскій полкъ перешелъ рѣку Яломицу и расположился съ присоединенною къ нему легкою артиллеріей лагеремъ на берегу дунайскомъ противъ крѣпости Силистріи при селеніи Каларашъ.

Весна дышала уже ароматнымъ воздухомъ и полкъ стоя въ чистомъ полѣ освѣжался отъ живыхъ молдаванскихъ бурдей (землянокъ). Предъ нами разстилалась Дунайская долина верста на пять покрытая густымъ тростникомъ; долина эта отдѣлялась отъ нашего берега дунайскимъ протокомъ, хотя не весьма широкимъ, но глубокимъ, такъ что

могли свободно проходить по немъ суда кулеческія и даже военныя нашей Черноморской флотиліи.

Подъкъ нашъ имѣлъ хорошую духовую музыку и хоръ пѣвчихъ: мы съ хвалебными гимнами провожали зорю вечернюю и также встрѣчали утреннюю. Нашимъ гимнамъ акомпанировалъ хоръ лернатыхъ съ острововъ и отъ залузовъ дунайскихъ, и мы съ умилениемъ слушали ихъ пѣніе, стоя въ величественномъ храмѣ нерукотворенномъ, подъ лазуревымъ сводомъ утвержденнымъ за необозримымъ горизонтомъ и въ особенности въ то время когда только-что зажигалась великая лампада освѣщающая міръ, и суетныя заботы человека не разбудили еще царствующей тишины. Вокругъ насъ утренняя роса озарялась на травѣ радужными цвѣтами, а за Дунаемъ ярко отражался утренній солнечный лучъ на шпицахъ и полумѣсяцахъ высокихъ минаретовъ Силистріи, и у ея прибережныхъ стѣнъ плескались плывучія водяныя мельницы. Мы здѣсь наблюдали чтобы Турки изъ крѣпости не переправились на нашу сторону. Для сего построена была батарея на берегу, которая могла дѣйствовать вдоль по протоку отдѣляющемуся къ Большому Дунаю.

Иногда казаки подѣзжали къ Большому Дунаю противъ крѣпости и Турки стрѣляли по нимъ изъ крѣпостныхъ орудій безо всякаго вреда.

2й баталіонъ съ двумя орудіями, подъ командой полковника Далтева, былъ откомандированъ въ селеніе Олтевицу, что на берегу дунайскомъ противъ Туртукая. Здѣсь казаки дѣлали разѣзды по самому берегу Большаго Дуная, который во многихъ мѣстахъ здѣсь покрытъ густымъ высокимъ тростникомъ. Турки, пользуясь темнотой ночи, переѣзжали въ небольшихъ каякахъ черезъ Дунай, укрывались въ тростникахъ и разѣздныхъ убивали.

Однажды они днемъ переправились на большихъ судахъ на нашъ берегъ и прогнали казаковъ съ бывшей Суворовской батареей, которая построена была при владеніи рѣчки Оржимъ въ Дунай. Но баталіонъ пошелъ на нихъ дружно и заставилъ Турокъ послѣдно убраться назадъ, пострацавъ ихъ въ догонку ядрами; чрезъ нѣсколько времени баталіонъ возвратился въ Каларашъ.

Въ это время шефъ нашъ, генералъ-майоръ Миллеръ, уволенъ въ отставку безъ просьбы: его сочли помѣшаннымъ. По всему можно было видѣть что это произошло

по проискамъ подполковника Лалтева. Отдавъ все сему человеку на покрытіе объявленныхъ претензій отъ полка, Миллеръ отправился въ Россію въ весьма стѣсненномъ положеніи. Многіе радовались что его сбыви съ рукъ, но я зналъ его хорошо и со слезами простился съ нимъ.

Потомъ мы расположились по деревнямъ ближе къ крѣпости Браилову.

Въ это время произведенъ былъ несчастный Браиловскій штурмъ, но 7й Егерскій полкъ не участвовалъ въ немъ. Послѣ штурма мы ходили два раза въ экспедицію съ атаманомъ Платовымъ къ этой крѣпости, и захватывали Турокъ выѣзжавшихъ за кормомъ для скота и за хлѣбомъ. При этомъ случаѣ мы болѣе всего нуждались въ водѣ, ибо проходили 60 верстъ безводною степью. Деревни гдѣ жили Турки всѣ были разорены до основанія. Высокіе бурьяны и колодези являли что здѣсь было селеніе; но во всѣхъ колодезяхъ вода была испорчена Турками и имѣла не-сносный смрадъ. Жаръ былъ нестерпимъ, и мы изнемогая отъ жажды пили эту воду, но и той недостаточно было. Ко мнѣ явилась лихорадка съ большимъ ожесточеніемъ со рвотой и поносомъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ приказано войскамъ собраться къ мѣстечку Галацамъ, ниже коего устроенъ былъ мостъ черезъ Дунай для переправы въ Болгарію. Наканунѣ нашей переправы предъ вечеромъ нашли черныя тучи отъ сѣвера съ сильнымъ громомъ и пошелъ дождь. Въ это время я боролся съ лихорадкой подъ войлокомъ; мнѣ совѣтовали остаться въ лазаретѣ, но я на это не согласился.

Не упомяну котораго именно числа по утру началась переправа. Казаки перешедши повтоной мостъ на Большомъ Дунаѣ, проложили дорогу по камышу, который чрезвычайно былъ густъ, толстъ и высокъ, сомкнувшись ѣхали и ломали тростникъ; пѣхота притоптала его и шла по эластической мягкой дорогѣ, около пятнадцати верстъ. Возлѣ горы былъ протокъ отдѣлившійся отъ Дуная, весьма глубокій, но не широкій, чрезъ него устроенъ былъ тоже мостъ, перешедши который войска расположились въ лустомъ мѣстѣ. Турки не знали о нашей переправѣ, хотя это мѣсто было не далеко отъ крѣпости Мачинъ.

Въ сумерки войска пошли на горы въ лѣсъ и чѣмъ выше подвигались, тѣмъ лѣсъ становился выше и чаще, како-

нець такъ вѣтви его сгустились отъ дикаго винограда и другихъ подобныхъ растеній что совершенно нельзя было видѣть ничего кромѣ проглядывавшихъ изрѣдка звѣздъ. Тогда мы взявъ другъ друга за лопы мундира такъ шли гуськомъ во тмѣ глубокой, потомъ проводникъ потерявъ дорогу, и мы остановились гдѣ кто стоялъ, и такъ уснули до свѣта.

Съ разсвѣтомъ увидѣли мы впереди себя глубокія стремнины съ каменными скалами. Тогда люди начали слускаться по одиначкѣ по опаснымъ тропинкамъ въ долину. Патронные ящики спустили на веревкахъ; къ половинѣ дня сошли въ прекрасную долину и расположились отдохнуть между виноградныхъ садовъ. Небольшая деревенька лежала у подошвы горы, которую жители оставили. Солдаты наши тамъ много домашнихъ птицъ и меду.

Ночью выступили въ походъ къ крѣпости Бабадагу. Крѣпость эта уже оставлена была Турками; мы простояли здѣсь два дня, и солдаты наши лакомились изюмомъ найденнымъ въ оставленныхъ лавкахъ. Одинъ изъ солдатъ досталъ боченокъ съ добычей, небольшой, въ каковыхъ обыкновенно хранится изюмъ, и не желая ни съ кѣмъ подѣлиться, пробрался съ нимъ въ кусты, взявъ камень, выбилъ дно, и захвативши полную горсть ягодъ сунулъ ихъ въ свой жадный ротъ; но вдругъ выбросилъ все обратно, сталъ отплеивать и обтирать ротъ; потомъ схвативши камень, бросилъ со всей мочи въ боченокъ и самъ пошелъ опять въ городъ на добычу. Я замѣтилъ издалека его дѣйствія и пришедши увидѣлъ что это были прекрасныя соленныя маслицы.

Отсель отрядъ нашъ подъ командой атамана Платова выступилъ къ крѣпости Гирсову, гдѣ ожидали насъ отважные Турки. Мы обложили крѣпость и требовали сдачи, но гарнизонъ отвѣчалъ намъ гордо; мы построили на скорую руку нѣсколько батарей и открыли канонаду по крѣпости. Одна граната залетѣла въ цитадель и долнула; вдругъ поднялся крикъ и воля: тамъ были собраны всѣ жены и дѣти осажденныхъ. Воля этотъ тронулъ турецкихъ воиновъ; на другой день вышли переговоры и крѣпость сдалась. Гарнизонъ взятъ военнопленными.

Отправивши весь гарнизонъ въ Дунай, отрядъ двинулся къ крѣпости Кюстенджи, къ берегу Чернаго Моря. Съ ве-

чѣра нависла черная туча надъ нами. Она зѣвала огненными устами, изрыгала молнію съ громомъ; земля тряслась подъ нами отъ поцѣлуевъ небесныхъ при проливномъ дождѣ. Воздухъ такъ былъ наэлектризованъ что на многихъ казацкихъ пикахъ видѣвъ былъ электрической огонь.

На третій день съ восходомъ солнца открылось предъ нами Черное Море и небольшая крѣпость Кюстенджи. Я будучи впереди съ моею ротой, подошелъ къ крѣпости на полвыстрѣла ружейнаго и расположился въ старомъ рву, параллельномъ къ крѣпостному, отъ котораго была уже чистая равнина до самаго крѣпостнаго рва. Впереди воротъ была навалена солома вмѣсто бруствера, за которою стояли два орудія. Турки вида что мы такъ близко подошли и ружейными пулями бить ихъ мѣди, отворили ворота, ввели орудія въ крѣпость, закрыли ворота и завалили камнями; потомъ поставили орудія по обѣ стороны воротъ, пробили маленькія амбразуры, и стрѣляли.

Крѣпостца эта расположена на маломъ мысѣ вдавшемся въ морѣ, перешеекъ коего перекопанъ глубокимъ рвомъ; въ параллель ему былъ другой старый, въ которомъ находился я. Казаки бывшіе впереди меня, прежде нежели я подошелъ къ крѣпости, видѣли два орудія впереди воротъ, какъ было мною сказано, и довели о томъ отрядному начальнику. Тотъ не сдѣлавъ самъ осмотра, прислалъ ко мнѣ адъютанта съ приказаніемъ чтобъ я взялъ эти орудія. Доложите его сіятельству, сказалъ я, что орудія уже въ крѣпости и потому взять ихъ невозможно. Онъ прислалъ вторично съ тѣмъ же приказаніемъ и обѣщаніемъ Георгіевскаго креста. „За крестъ я всеюкорнѣе благодарю; моя обязанность и безъ обѣщанія велитъ исполнить долгъ мой, но орудія можно взять только вмѣстѣ съ крѣпостью.“ Въ третій разъ прислано то же приказаніе, съ угрозой предать меня суду если не исполню его воли. „Но извольте, господинъ адъютантъ, доложить генералу что я поведу людей на бесплодную жертву. Онъ дастъ отвѣтъ за нихъ предъ Богомъ.“ Приказалъ людямъ собраться и устроилъ ихъ въ этомъ же рву противъ крѣпостныхъ воротъ, и уже былъ готовъ броситься къ воротамъ, но въ это время подѣхалъ ко мнѣ 13го Егерскаго полка полковникъ Книперъ и спросилъ, куда я собрался? „Поведу на убой людей къ крѣпостнымъ воротамъ; мнѣ приказано

взять вонъ тѣ орудія которыя стоятъ въ крѣпости“.—Остановитесь, сказалъ онъ, я поѣду доложу о невозможности отрядному начальнику.—„Я не могу остановиться, отдадутъ лодъ судъ; но если вы останетесь при мнѣ, я исполню приказаніе ваше.“ Онъ остался при мнѣ и послалъ адъютанта.

Послѣ сего сдѣлано было распоряженіе о штурмованіи крѣпости. Для сего назначены два баталіона: одинъ отъ 7го, а другой отъ 14го Егерскаго полка. Баталіоны эти собрались въ томъ же рву гдѣ я стоялъ съ ротой. Баталіонъ 14го Егерскаго полка лѣвѣе, а три роты 7го Егерскаго правѣе меня. Мы съ крикомъ *ура!* бросились къ крѣпостному рву. Пространство это было не велико, и мы пробѣжали его живо, хотя съ потерей людей убитыхъ, потому что Турки сыпали на насъ пулями и картечью изъ-за вала. Я пробѣжалъ прямо къ воротамъ, но отбить ихъ не могъ, потому что изнутри они завалены были камнями. Тѣ люди которые спустились въ ровъ поражаемы были пулями, камнями и ятаганами бросаемыми на шнуркахъ. Ровъ былъ глубокъ, а у насъ лѣстницъ не было. Наши видя неудачу, кричали чтобы мы отступали назадъ; но крикъ ихъ шумомъ намъ не слышенъ былъ: *ура!* и *Алла!* потрясали воздухъ. Наконецъ въ прежнемъ рву стали бить сборъ въ барабаны и мы любѣжали отъ крѣпости въ тотъ же ровъ гдѣ прежде были, потерявъ людей напрасно. Турки выскочивъ изъ-за вала извѣстными имъ трюнками, отрѣзали головы убитымъ и тяжело раненымъ и опять ушли въ крѣпость.

Послѣ сего изъ нашей артиллеріи посылали въ крѣпость ядра, изрѣдка, до самаго вечера. Для ночнаго времени пѣхота была поставлена въ каре; ночью нашли тучи и пошелъ дождь. Турки при блескѣ молніи замѣтили наше каре, стрѣляли изъ орудій, но не сдѣлали никакого вреда. Каждую четверть часа они стрѣляли изъ пистолетовъ и кричали *Алла*. Это у нихъ дѣлается во всѣхъ крѣпостяхъ для того чтобы люди не спали и были всегда въ готовности.

На другой день отъ насъ посланъ былъ парламентеръ, и Турки согласились сдать намъ крѣпость и два орудія, которыя въ ней находились; гарнизонъ же вылученъ на калитуляцію съ оружіемъ. Турки, выйдя изъ крѣпости, выстрѣлили заряды вверхъ, пошли по дорогѣ къ Мангаліи:

ихъ было всего 900 человекъ. Начальникъ, которому ввѣрена отдѣльная часть войска, не долженъ довѣрять всякому донесенію и опрометью, безъ личнаго осмотра, бросать на жертву жизнь людей. Еслибы нашъ начальникъ самъ осмотрѣлъ мѣстность, то вѣроятно не рѣшился бы начинать штурмъ, который принесъ намъ только потерю людей.

Турки при отступленіи своемъ въ Мангалию оставляли позади себя конные патрули одни отъ другихъ на разстояніи 500 шаговъ, которые, смѣняя другъ друга, слѣдовали за отступавшею толлою.

На другой день мы оставили крѣпость Кюстенджи и направились къ Дунаю, слѣдуя возлѣ Троянова Вала, и при разоренномъ селеніи Карасу присоединились къ главнымъ силамъ, бывшимъ подъ командой князя Багратиона, уже послѣ полудня; ночью же выступили въ походъ, съ намѣреніемъ напасть на сераскиръ-пашу, находившагося въ селеніи Рысовато. Перейдя Трояновъ Валъ, оставили его въ правой рукѣ, а сами взяли направленіе на селеніе Рысовато, на разсвѣтъ напали врасплохъ на Турокъ. Они были расположены въ самомъ селеніи и съ лѣвой его стороны на полѣ. Громъ нашихъ орудій пробудилъ ихъ отъ сна. Они начали выстраиваться къ бою, но увидѣвъ что казаки наши съ драгунами идутъ во флангъ имъ, бросились бѣжать. Пѣхота наша, спустившись къ селенію, тѣснила ихъ штыками. Имъ остался одинъ только луть къ спасенію по дорогѣ къ крѣпости Сидистріи, но оная была затруднительна, потому что позади селенія, подъ крутымъ и высокимъ берегомъ, былъ хотя не широкій, но глубокій протокъ, прорѣзавшійся изъ болотъ въ Дунай. Черезъ этотъ протокъ устроенъ былъ деревянный мостъ, не очень широкій. Къ этому-то пункту бросились Турки стремглавъ съ высокаго берега; многіе изъ нихъ задавлены были собственною своею кавалеріей и многіе утонули въ протокъ; ими такъ овладѣлъ страхъ что пѣхотинцы успѣвше перебраться за протокъ кинулись для спасенія своего въ тростникъ покрывавшій долину, а другіе бросились направо, на островъ, чрезъ маленькій протокъ, но ихъ почти всѣхъ забрали въ плѣнъ. Самъ же сераскиръ съ небольшимъ числомъ кавалеріи побѣжалъ въ Сидистрію, оставивъ всѣ свои орудія и вѣскольکو тысячъ плѣнныхъ.

Я забылъ сказать что Трояновъ Валъ начинается у самой

крѣлости Кюстенджи и простирается до берега Дунайскаго; онъ есть двойной и, какъ видно, сдѣланъ былъ для конныхъ разѣздовъ, которые производились между двухъ валавъ. Кое-гдѣ сдѣланы круглыя мѣста, довольно просторныя; можно полагать что въ этихъ мѣстахъ были маленькіе отряды, которые имѣли между собою сообщеніе разѣздами. Близъ крѣлости Кюстенджи видны огромнаго размѣра валяющіеся обтесанные камни. Я думаю что въ этомъ мѣстѣ были ворота для проѣзда черезъ валъ. Судя по теперешней высотѣ насыпи, должно полагать что валъ былъ вдвое выше, потому что и теперь еще во многихъ мѣстахъ высота его выше двухъ сажень. Поятно что переколь этотъ сдѣланъ не для одной только защиты отъ народовъ обитавшихъ между Чернымъ Моремъ и Дунаемъ къ востоку. Какъ видно, и западная сторона была не безопасна, ибо валъ, будучи двойнымъ, представляетъ оборону на обѣ стороны. Ширина его не вездѣ одинакова: въ иныхъ мѣстахъ не болѣе шести сажень, а въ другихъ болѣе двадцати. Всякому извѣстно что построеніе этого вала дѣлали Римляне, и въ Бессарабіи также имѣется подобный этому ровъ; онъ начинается отъ рѣки Прута и продолжается до крѣлости Аккермана. Его называютъ Змѣвикомъ, вѣроятно потому что онъ лежитъ не въ прямомъ направленіи, но извилинами. Но этотъ ровъ или древнѣе дунайскаго, или былъ не такъ высокъ.

Войска наши простояли здѣсь нѣсколько дней и пошла къ Силистріи; мы шли день и ночь. Атаманъ Платовъ, проѣзжая мимо полковъ, говорилъ: „Мы возьмемъ Силистрію, тамъ много денегъ, тамъ есть монетный дворъ“. (Слова эти онъ говорилъ такъ чтобы слышали солдаты.) Дорога пролегла все по берегу Дуная; несмотря на то что уже былъ августъ мѣсяцъ, мы находили еще въ прибрежныхъ ущельяхъ ледъ.

Наконецъ, при восходѣ солнца, мы увидѣли чрезъ сады блестящіе на минаретахъ золотые полумѣсяцы, но сама Силистрія была закрыта садами. Мнѣ предоставлена честь идти впередъ съ ротой; я пошелъ и тотчасъ встрѣтился съ Турками. Завязалась перестрѣлка и я живо наступалъ; за мною вслѣдъ вступили въ дѣло и прочіе егерскіе полки. Мы заняли въ тотъ день сады отъ берега Дунайскаго до Константинопольской дороги; а казаки спустились на Тур-

тукайскую дорогу и до самого берега Дунайского за крепость. Турки сдѣлали вылазку и бросали изъ крепостнаго вала къ намъ ядра большого калибра, однако же мы удержались на своихъ мѣстахъ. За это дѣло я получилъ Владимірскій крестъ 4й степени съ бантомъ.

Такимъ образомъ мы держали крепость въ осадѣ до 15го сентября, того же числа получено было извѣстіе что на помощь крепости идетъ съ войсками сераскиръ-паша по Туртукайской дорогѣ и расположился въ селеніи Татарицы, въ десяти верстахъ отъ крепости. Князь Багратионъ оставилъ при крепости малую часть войскъ, съ прочими пошелъ къ Татарицѣ.

Съ восходомъ солнца пришли войска наши къ сему селенію подъ предводительствомъ князя Багратиона. Мущкатерскіе полки направлены на построенныя Турками укрѣпленія, а егерскимъ полкамъ съ двумя батарейными орудіями, драгунамъ и Донскимъ казакамъ, при коихъ было двѣнадцать легкихъ орудій Донской артиллеріи, приказано обойти деревню съ лѣвой стороны и стать при Туртукайской дорогѣ для пресѣченія отступленія Туркамъ. Отрядъ этотъ въѣрѣвъ былъ генераль-адъютанту князю Трубецкому. Обошедши деревню, егерскіе полки построили каре изъ 900 человекъ. Поставлены въ углахъ два батарейныхъ орудія, а драгуны и Донскіе казаки съ артиллеріей спустились внизъ до самой Туртукайской дороги. Мущкатерскіе полки тотчасъ взяли укрѣпленіе, но Турки держались крѣпко въ деревнѣ, можетъ-быть и оттого что имъ былъ прегражденъ путь. Мы видѣли что многіе изъ нихъ уходили за гору къ Дунайскому берегу.

Такъ наше каре простояло до 10 часовъ утра спокойно. Въ это время завидѣли мы турецкую кавалерію, идущую къ намъ по Туртукайской дорогѣ. Турки сильно наступали на казаковъ и драгуновъ и опрокинули ихъ. Смѣшавшись съ артиллеріей тѣ неслись прямо на наше каре, Турки вслѣдъ за ними. Каре предстояла большая опасность, мы кричали чтобъ наши раздалсь, брызнули картечью изъ батарейныхъ орудій и батальнымъ огнемъ изъ фронта и остановили напоръ Турокъ. Казаки и драгуны стали за задній фасъ каре, которое открыло батальный огонь, орудія Донской артиллеріи размѣстались по угламъ каре. Въ

это время мы увидали два дояскихъ орудія, оставшіяся на полѣ впереди каре, въ разстояніи двухсотъ шаговъ. Они были безъ передковъ, а передки съ лошадьми вскочили въ каре. Къ нимъ подѣхали Турки, но егерскіе стрѣлки съ казаками выскочили изъ каре и отбили орудія. Каре наше было расположено невыгодно, имѣя справа и слева вершины слуюкавшіяся къ Туртукайской дорогѣ. Турки захватили эти вершины и наносили намъ вредъ ружейнымъ огнемъ; въ то же время турецкая кавалерія бросала къ намъ ядра съ высотъ за дорогою бывшихъ. Янычары такъ дерзки были что выбѣгали съ ятаганами къ самому каре, на вѣрную смерть. Одинъ изъ драгунскихъ офицеровъ всталъ съ лошади, взялъ заряженное ружье, приложился, но съ выстрѣломъ самъ упалъ: его сразила турецкая пуля.

Наконецъ, видя превосходство непріятельскихъ силъ, каре стало отступать, оставя тѣла убитыхъ на мѣстѣ, потому что не было возможности въ это время погребать. Турки, завидѣвъ издали идущій къ намъ на помощь мушкатерскій полкъ, слабо преслѣдовали.

Такимъ образомъ предъ закатомъ солнца каре присоединилось къ прочимъ войскамъ и послѣдовало общее отступление. Турки не беспокоили насъ.

Пришедши къ Силистріи на разсвѣтъ, мы никого уже не застали въ лагеряхъ, намъ сказали что въ то время когда началось сраженіе при селеніи Татарицы, Турки сдѣлали сильную вылазку изъ крѣлости и принудили къ отступленію оставленныя здѣсь войска.

Черезъ два дня войска дошедши къ разоренному селенію Карасу, расположились тутъ. Такимъ образомъ кончилась кампанія и осада крѣлости Силистріи 1809 года.

Погода сдѣлалась ненастная, то дождь, то снѣгъ попеременно наскучали намъ; въ дровахъ былъ большой недостатокъ и вода здѣсь болотная; солдатамъ негдѣ было укрыться отъ непогоды. Отсель войска отступили и расположились при крѣлости Гирсовъ. Черезъ нѣсколько времени послѣдовало назначеніе нѣкоторымъ полкамъ, въ числѣ которыхъ былъ и 7й Егерскій, переправиться черезъ Дунай въ Валахію и тамъ расположиться на зимнія квартиры въ деревняхъ назначенныхъ по росписанію.

Въ бытность полка при крѣпости Гирсовѣ, ночью предъ разсвѣтомъ я видѣлъ сонъ. Мнѣ казалось что полная луна стояла высоко надъ горизонтомъ, на сѣверо-востокъ отъ нея спустился широкій лучъ даже за горизонтъ. Въ это время меня разбудили и я прочелъ приказъ о назначеніи меня какъ старшаго въ дивизіи капитана въ учебные баталіоны находящіеся въ С.-Петербургѣ, для узнанія порядка службы.

VI.

Полки переправились черезъ Дунай и расположились въ назначенныхъ мѣстахъ. Я сдалъ мою 7ю роту капитану Гипусу и отправился въ С.-Петербургъ. Дорога была самая несносная и не лучшая погода. Я ѣхалъ попеременно то на саняхъ, то на телегѣ до города Могилева; тутъ уже была совершенная зима. Въ это время въ Молдавіи почтовыхъ лошадей изнуряютъ безъ корма, а ямщики оставляютъ станціи и уходятъ въ деревни. На станціяхъ одинъ только имѣется почтовый сарай и по срединѣ его разведенъ огонекъ; при этомъ огонькъ я долженъ былъ сидѣть по четыре часа и болѣе пока соберутъ лошадей. Саночки и телеги такъ малы что положивъ чемоданъ я садился на него, а деньщикъ долженъ былъ помѣщаться у моихъ ногъ. Экипажъ можно сказать плылъ по грязи и часто нырялъ въ лужи, такъ что и насъ захватывало водой. Въ С.-Петербургъ прибылъ я 7го января 1810 года, часу въ первомъ полуночи.

Морозъ былъ трескучій и извозчикъ мой подѣвжалъ къ нѣсколькимъ гостиницамъ, но сколько ни стучались у воротъ, никто не откликался. Тогда онъ сказалъ:

— Эхъ! ваше благородіе, поѣдемъ, я знаю гдѣ насъ примутъ.

— Стулай братецъ куда хочешь, вѣдь не ночевать же намъ на дворѣ, сказалъ я.

Мы поѣхали на Петербургскую Сторону, въ Разночинную улицу. Здѣсь остановившись возлѣ воротъ небольшого домика, извозчикъ постучался. У воротъ показалась дѣвушка; онъ переговоривъ съ нею сказалъ: пускаютъ насъ. Я всталъ съ саней, велѣлъ челоуѣку взять чемоданъ, а извозчикъ сѣлъ на сани и покатилъ. Вошедши въ домъ я увидѣлъ нѣсколько дѣвушекъ все взрослыхъ, веселыхъ, привѣтливыхъ и

тотчасъ понялъ куда попалъ на ночь, но дѣлать было нечего. Сказалъ хозяйкѣ что мнѣ болѣе ничего не нужно, только мѣсто для покойнаго помѣщенія. Хозяйка попросила меня написать записочку кто я и послала ее въ полицію. Уже было сталъ раздѣваться, но вдругъ сказали мнѣ что частный приставъ желаетъ меня видѣть; я пошелъ къ нему. Онъ спросилъ меня откуда я пріѣхалъ и для чего; я сказалъ ему, добавя притомъ что въ первый разъ въ Петербургѣ и что по позднему времени не пустили нигдѣ на ночь въ трактирахъ, ямщикъ мой сыскалъ эту квартиру, и безъ всякихъ видовъ остановился на ней, желая укрыться на ночь отъ мороза. Ежели онъ сомнѣвается во мнѣ, то я прошу его позволить мнѣ остаться у него на квартирѣ. Тогда онъ сказалъ:

— Нѣтъ, извольте идти на квартиру, тамъ вамъ будетъ покойнѣе и веселѣе.

Тогда я, пришедши на квартиру, послалъ до самаго свѣта. Вставъ пошелъ отыскивать себѣ квартиру, которая попалась на этой же улицѣ, въ домѣ придворнаго истопника; тотчасъ расплатился на прежней квартирѣ и перешелъ на новую. Расположившись здѣсь, послалъ нанять извозчика, чтобы явиться къ баталіонному командиру перваго учебнаго баталіона полковнику Траскину. Онъ назначилъ меня въ 1ю роту. Потомъ я поѣхалъ для представленія къ военному министру Барклай-де-Толли. Онъ былъ столь милостивъ что пригласилъ меня остаться у него обѣдать. Столъ былъ не пышный и обѣдало не болѣе десяти персонъ. Супруга его, какъ заботливая хозяйка, отдавала приказанія и наблюдала за исполненіемъ.

Послѣ обѣда я, вспомнивъ объ одномъ изъ товарищей полковыхъ, вышедшемъ уже въ отставку, припомнилъ его разказамъ что домъ отца его на Васильевскомъ Островѣ, въ первой линіи, противъ Перваго Кадетскаго корпуса. Отыскавъ домъ этотъ, я засталъ товарища дома. Онъ обрадовался и всѣ домашніе его приняли меня радушно. Я разказалъ ему о вѣчномъ моемъ приключеніи, и всѣ смѣялись надо мною. Когда объявилъ о настоящей моей квартирѣ, то товарищъ мой сказалъ что хозяйка этого дома ему троюродная сестра, и поѣхавъ со мною, отрекомендовалъ меня ей и познакомилъ поближе. Мужъ ея былъ титулярный совѣтникъ, служившій гдѣ-то; онъ нанялъ весь этотъ домъ

для себя, и такъ какъ у нихъ дѣтей не было, то они принимали постояльцевъ на квартиру. Квартира эта была для меня выгодна тѣмъ что была близко къ казармамъ перваго учебнаго баталіона.

Въ этихъ баталіонахъ не было ни прапорщиковъ, ни поручиковъ, ни подпоручиковъ, ни штабсъ-капитановъ, тутъ были все капитаны.

Мы обучали людей, ходили съ ними въ караулы, иногда съ двѣнадцатью человеками только. Мнѣ случилось быть на главной гаултахтѣ Петропавловской крѣлости, на площади противъ Академіи Художествъ, въ Галерной гавани, и дежурить по госпиталямъ на Выборгской сторонѣ. Случалось также быть во дворцѣ во время праздниковъ и видѣть торжественное шествіе всей царской фамиліи къ обѣдни въ придворную церковь. Участвовалъ въ церемоніальныхъ разводахъ и на маневрахъ, производимыхъ на Смоленскомъ полѣ.

Въ іюль мѣсяцѣ назначенъ былъ первый экзаменъ всѣмъ капитанамъ. Я выдержалъ исправно, и назначенъ къ представленію для производства, а тѣ которые не выдержали экзамена оставлены до другаго, который долженъ быть чрезъ полгода.

1го числа августа высочайшимъ приказомъ произведены выдержавшіе экзаменъ въ майоры, и я переведенъ въ 14й Егерскій полкъ.

Экзаменъ производилъ директоръ Втораго Кадетскаго Корпуса, генералъ Клейнмихель. Послѣ сего велѣно отправиться всѣмъ къ полкамъ по назначенію.

Я на обратномъ пути заѣхалъ въ домъ къ родителямъ, пробылъ три дня и послѣдшилъ къ своему мѣсту.

Полкъ я нашелъ при осадѣ крѣлости Рущюка, въ Болгаріи. Въ полку были старшіе меня четыре майора (шефъ полка, генералъ-майоръ Штетеръ, находился въ Букурештѣ вице-президентомъ). Одинъ по праву старшинства командовалъ полкомъ и тремя баталіонами на законномъ основаніи; другой, по довѣренности шефа, командовалъ двумя дѣйствующими баталіонами; третій командовалъ своднымъ гренадерскимъ; четвертый и я были младшіе.

Когда прибылъ я въ полкъ, то на другой день пришли ко мнѣ два старшіе капитана сего полка въ льяномъ видѣ съ вопросомъ, кто просилъ меня переходить въ этотъ полкъ.

„Никто не просилъ, отвѣчалъ я имъ. По высочайшей волѣ государя императора назначенъ я сюда, и какъ начальникъ вашъ приказываю вамъ выйти вонъ.“ Они поклонились и ушли.

Войска простояли при Рудукѣ до самой сдачи; потомъ прошли черезъ мѣстечко Сисово къ крѣпости Николою, которая скоро сдалась. Мы простояли здѣсь около двухъ недѣль, и потомъ переправились черезъ Дунай въ Валахію и расположились по росписанію на квартирахъ. Крѣпостца эта небольшая, она лежитъ на самомъ берегу Дуная, вся въ широкой ямѣ, открытой совершенно къ рѣкѣ и кромѣ сего разрѣзаетъ ее на двѣ части глубокой оврагъ; на лѣвой ея сторонѣ высокій утесъ, на немъ небольшая цитадель, доминирующая надъ всѣми укрѣпленіями. У подошвы скалы имѣется древняя христіанская церковь, совершенно пустая; она уже опустилась глубоко въ землю. Переправившись въ Валахію, мы расположились на зимнія квартиры въ окрестностяхъ мѣстечка Фальчи, при рѣкѣ Прутѣ.

Въ это время прибылъ шефъ къ полку, и предписалъ мнѣ отправиться въ одну изъ деревень, взять тамъ одного изъ Грековъ полковника россійской службы и отправить за конвоемъ въ Россію. Я пріѣхалъ туда вечеромъ и, видя у него большое семейство, не тревожилъ его пока всѣ разошлись спать. Полковникъ былъ веселъ и между прочимъ взялъ старую греческую книгу, прочиталъ и перевелъ: „Въ 1812 году будетъ Александръ, который побѣдитъ сильнаго и прославится на всей землѣ.“ Когда всѣ ушли, я объявилъ полковнику причину моего пріѣзда. Онъ началъ было находить предлоги почему невозможно ему ѣхать, но я объявилъ ему чтобъ онъ избавилъ меня отъ насильственныхъ мѣръ, и онъ добровольно отправился съ конвоемъ.

Генералъ не долго находился при полку: онъ, получивъ экономическія деньги, отправился обратно въ Букурештъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 года полкъ перешелъ въ Ботушаны, прослѣдовавъ черезъ Яссы. Дорога была самая несносная. Здѣсь простояли мы не долго и перешли въ городъ Бѣльцы.

По выстуленіи изъ мѣстечка Ботушанъ, для расположенія лагеремъ въ окрестностяхъ города Бѣльцы, полку должно было проходить черезъ дивизионную квартиру,—заятая эта стоила круглой точки. Всякому извѣстно было что ге-

генераль Евгений Иванович Марковъ имѣлъ остистый нравъ; его знали очень хорошо, всѣ командиры нашего полка. Надобно было подумать какъ показать вѣренныя имъ части предъ грознымъ лицомъ его и какіе дать отвѣты на вопросы его превосходительства. Но сколько ни думали, а не зная дѣла, ничего не выдумали; однако же этотъ предварительный страхъ притушилъ враждебное пламя между баталіонными командирами, и они, смиренно слѣдуя, при мысли объ Евгениі Ивановичѣ страдали перемежающеюся лихорадкой. Наконецъ прибылъ полкъ къ селенію гдѣ квартировалъ его превосходительство. Здѣсь остановился полкъ для приготовления къ проходу мимо квартиры дивизионнаго начальника. Мнѣ, какъ младшему въ полку штабъ-офицеру, поручено было ѣхать съ докладомъ къ его превосходительству что 14й Егерскій полкъ готовъ, и испросить какимъ порядкомъ прикажетъ его превосходительство проходить. Я сѣлъ на свою лошадь, но въ это время подошелъ ко мнѣ старшій и лотихоньку сказалъ чтобъ я замѣтилъ весель ли будетъ генераль или золь.—Какъ же узнать можно это, вѣдь я его никогда не видалъ?—Когда онъ будетъ гладить шлица, то это значить что онъ золь, и чтобъ я былъ остороженъ чтобы болѣе еще его не разсердить. Получивъ таковое наставленіе, я отправился.

Подѣзжая къ квартирѣ его превосходительства, я увидѣлъ чрезъ заборъ что онъ стоитъ у открытаго окошка, предъ нимъ на окошкѣ сѣдѣлъ шлицъ и онъ его гладить. Замѣтивъ это я шевельнулъ шпорою лошадь мою и она пошла полною рысью; ворота были отворены, я подѣхавъ къ крыльцу, отдалъ лошадь вѣстовому, самъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился генераль. Видя что онъ не перемѣняетъ своего положенія, я доложилъ сливъ его превосходительства что полкъ готовъ и какъ прикажетъ проходить. „Церемоніально“, загремѣлъ онъ на дворъ; я поклонился его затылку, вышелъ изъ дому, сѣлъ на лошадь и курцъ-галомомъ выѣхалъ обратно.

Товарищи мои ожидали меня и судя по погодѣ которая была свѣтла надѣялись что и его превосходительство просвѣтится благосклонностію.

— Ну что, спросили меня,—какъ проходить? просто или церемоніально?

— Церемоніально, сказалъ я.

— Вѣсть эта натаиуда на лбахъ ихъ морщины: церемоніаль былъ не по сердцу.

— Ну, а какъ ты нашелъ его превосходительство?

И когда я имъ разказалъ все какъ было, всѣ закричали на меня: „какъ можно подѣзжать къ крыльцу верхомъ на лошади, вѣдь это ужасная дерзость; надобно было оставить за воротами лошадь и пѣшкомъ подойти къ дому.“ Видя что они намѣрены сердиться на меня долго, я сказалъ имъ что его превосходительство ожидаетъ насъ стоя у окошка и глядя шлица. Они приказали людямъ становиться повзводно чтобы двинуться впередъ, но тутъ возникъ вопросъ, гдѣ должно быть начальникамъ баталіона и младшимъ штабъ-офицерамъ во время церемоніального марша. Я разказалъ имъ порядокъ: мнѣ быть впереди полка съ адъютантомъ, за мною барабанщики, а за ними музыканты и такъ далѣе. Но тутъ пошло дѣло о старшинствѣ; тотъ который командовалъ двумя баталіонами сказалъ: я буду ѣхать впереди баталіона; тотъ который командовалъ отдѣльнымъ баталіономъ сказалъ что и онъ по старшинству долженъ быть впереди баталіона; старшій же по мнѣ сказалъ: я люблю музыку слушать, я буду ѣхать впереди баталіона. Совѣты мои были не дѣйствительны, всакій изъ нихъ остался при своемъ, т.-е. всѣ они стали позади музыкантовъ, чинно въ рядъ, а я впереди музыки и такъ двинулись мы съ мѣста повзводно, и все было благополучно пока подошли къ воротамъ его превосходительства. Тутъ гаркнула музыка; турецкіе жеребцы, на которыхъ ѣхали начальники, услугавшись бросились назадъ, разогнали три взвода переднихъ предъ самыми воротами его превосходительства и потомъ выбравшись на просторъ повеселись съ ними гулять. Моя лошадь вела себя весьма хорошо, хотъ была и молдавская; вздрогнула немножко и пошла шагомъ. Я отсалютовалъ его превосходительству и ѣхалъ себѣ покойно; но оглянувшись назадъ увидѣлъ что далекѣ взводы отстали отъ музыкантовъ, по крайней мѣрѣ на шесть взводныхъ дистанцій. Я приостановилъ музыкантовъ и когда подошли взводы, то продолжалъ путь. Начальники мои другою улицей объѣхали и стали попрежнему.

Когда вышелъ полкъ на поле, то остановился, а между начальниковъ начался шумъ, споръ. Они сыпали другъ на

друга обвиненія, всякъ оправдывая себя. Пріѣхавшій адъютантъ отъ его превосходительства объявилъ что генераль требуетъ къ себѣ всѣхъ штабъ-офицеровъ. Споръ прекратился и мы отправились верхами на лошадяхъ къ генералу и далеко не доѣзжая воротъ встали съ лошадей, потянулись гуськомъ на дворъ. Мы вошли въ переднюю комнату и построились фронтомъ по старшинству лицомъ къ лицу его превосходительства. Онъ началъ съ праваго фланга лупить старшихъ, а я стоя на лѣвомъ флангѣ думалъ: и по дѣломъ имъ, ко мнѣ не за чтò привязаться, моя лошадь вела себя благоразумно. Но наконецъ, по порядку дошелъ и ко мнѣ вопросъ.

— Ты гдѣ получилъ Владимірскій крестъ?

— Въ 7мъ Егерскомъ полку, ваше превосходительство.

— О, тамъ даютъ кресты даромъ.

— Позвольте доложить вашему превосходительству что въ 7мъ Егерскомъ полку кресты получаютъ по заслугамъ.

— Вонъ! закричалъ онъ, и отворотился отъ насъ. Мы поклонились вслѣдъ его превосходительству и вышедши по одиночкѣ на дворъ лошми къ полку. Я однакоже замѣтилъ что шлицъ пристально смотрѣлъ на насъ, когда мы выходили изъ комнаты.

Отсель пошелъ полкъ до селенія Шентешти, и тутъ расположился лагеремъ. Черезъ мѣсяцъ назначенъ былъ инспекторскій смотръ. Въ это время въ ожиданіи прибытія Евгенія Ивановича собранъ былъ совѣтъ какой маневръ представить генералу, причемъ и меня удостоили вопросомъ. Я, пролитанный с.-петербургскимъ ученіемъ съ дирекціями направо и налѣво, съ гордостію рассыпалъ предъ ними мои познанія; но они къ удивленію моему сказали: „сохрани насъ Господи отъ вашихъ правилъ, за нихъ отъ Евгенія Ивановича и мѣста не найдемъ.“ — „Ну, такъ дѣлайте какъ хотите“, сказалъ я имъ. Наконецъ пріѣхалъ Евгеній Ивановичъ; мы пошли къ нему на квартиру. Онъ принялъ насъ гордо и съ презрѣніемъ; не удостоилъ никого ласковымъ словомъ. Назначилъ смотръ на другой день поутру въ 10 часовъ, и мы вышли.

По обыкновенному порядку я посланъ былъ съ докладомъ что полкъ готовъ. Онъ приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ до учебнаго мѣста, дорогой сказалъ мнѣ ласково: у тебя лошадка хороша. Мнѣ похвала эта была очень пріятна,

я толкнулъ носкомъ правою ногой немножко лошадь и она поворотила правое ухо къ генералу и ей весело было. Когда же выѣхали на лугъ, то старшій прискакалъ къ нему верхомъ съ рапортомъ, а онъ, не принимая рапорта, сказалъ:

— Дуракъ! встань съ лошади, командуи на караулъ, прикажи играть музыкѣ и приди ко мнѣ лѣшкомъ съ рапортомъ.

Я въ это время отдѣлился и сталъ на правомъ флангѣ полка.

Началось ученье, но такое котораго я никогда не видалъ, истинная кутерма, взводы и баталіоны перелутались и доставили пріятное удовольствіе Евгенію Ивановичу лупить всѣхъ баталіонныхъ бранью сколько душъ его угодно было. Потомъ онъ повѣрилъ полковыя суммы и, посмотрѣвъ стрѣльбу въ цѣль, отправился къ себѣ, а мы душевно радовались что онъ отъ насъ уѣхалъ.

Въ селеніи Шентешти жилъ майоръ Воцининъ, служившій нѣкогда въ 14мъ Егерскомъ полку; онъ сдѣлалъ мнѣ честь, пожаловалъ ко мнѣ въ лагерь и убѣдительно просилъ посѣтить его домъ, тѣмъ болѣе что сынъ его служилъ унтеръ-офицеромъ въ этомъ полку. Я далъ слово быть у него и по вторичному приглашенію согласился сдѣлать ему удовольствіе.

Мы пошли оба вмѣстѣ по извилистой дорожкѣ на гору и шли около версты. Вдругъ раздался выстрѣлъ.

— Что это? спросилъ я у него.

— Это сигналъ, даютъ знать что я иду домой, это моя сигнальная пушка, и я вамъ разкажу какъ это случилось. Когда я сочетался бракомъ съ моею супругой, которую буду имѣть честь представить вамъ, то нашелъ что бѣдная спрота ограблена совершенно алчными родственниками до того что даже пріюта не было. Тогда я прибѣгнулъ къ правосудію Дивана яскаго, но видя что нѣтъ справедливости, я рѣшился военнымъ правомъ расширить свои владѣнія. Вотъ тутъ гдѣ теперъ мой домъ, жилъ каналья Молдаванъ; я сжегъ его домъ и поставилъ свой; но за то я уже долженъ всегда брать мѣры къ сохраненію собственной жизни и потому вывѣзая куда-либо изъ дому, я беру пару pistols, луку и саблю. (Хорошъ ты и безъ этого, подумалъ я: всякая лошадь шарахнется, черныя брови нависшія на глаза, лицо безъ жалости исцаралано ослонъ и черезъ лѣвую щеку

и губу перебрала турецкая сабля, на головѣ засаженная фуражка съ половиной козырка). Однажды, отправляясь изъ дома, я сталъ заряжать пистолетъ, онъ каналья выстрѣлилъ и вотъ оторвалъ мнѣ мизинецъ, я взбѣсился на него, приказалъ отнять замокъ и вдолбивъ въ колоду стволъ, назвалъ его вѣстовою пушкой.

Вмѣстѣ съ этимъ мы уже были у дверей молдаванской мазанки, владѣтельнаго дома моего героя. Онъ остановился тутъ, указалъ мнѣ прелестныя окрестности, а потомъ просилъ въ домъ. Кучка эта раздѣлена была на три части, средняя представляла сквозныя сѣни, а крайнія отдѣльные апартаменты: направо жила его супруга, а направо онъ. Онъ пригласилъ на свою половину, которая была раздѣлена надвое. Приказалъ мальчику доложить супругѣ обо мнѣ. Потомъ, войдя въ свой кабинетъ, просилъ меня садиться, самъ вытаскивалъ изъ-подъ кровати тяжелый сундукъ, отомкнулъ его, вынулъ верхнюю тетрадь и просилъ меня прослушать. Онъ сталъ читать просьбу подавную имъ императору Александру I, въ которой изложены доказательства наслѣдственнаго права жены его на огромнѣйшія владѣнія. Въ просьбѣ бранить присутствующихъ въ Диванѣ гологоловыми, широкоштабными канальями. Прочитавъ тетрадь, онъ взялся было за другую, но я сказалъ ему что время идти въ лагерь.

— Но позвольте показать вамъ планъ предположенный къ постройкѣ дворца.

Онъ развернулъ свертокъ и сталъ указывать расположе-
ніе гдѣ что будетъ.

— Но здѣсь не такъ понятно, сказалъ онъ,—пойдемъ въ садъ. Выйдя въ виноградникъ указалъ: здѣсь де будетъ идти крытая галлерей, тамъ поворотить направо къ храму Божію. Поставлю его тамъ гдѣ этого канальи домъ стоитъ. Я уже объявилъ что его сожгу и самого Молдавана сжарю, если онъ не уйдетъ, и еще вонъ тотъ сожгу, на мѣстѣ ко-
его будетъ домъ слугителя Божія. О, все уже прекрасно обдуманно, стобитъ только вырвать достояніе моей супруги изъ когтей алчныхъ родственниковъ.

Я услышалъ что зорю уже бьютъ въ лагерьъ, сталъ про-
щаться съ нимъ.

— Но позвольте же представить вамъ жену мою и уго-
стить чаемъ, который сейчасъ прикажу готовить.

— Вы сами знаете строгость службы и не захотите чтобъ

я получилъ непріятность за то что не былъ при зорѣ, оказалъ я,—время еще много впереди, надѣюсь что позволите мнѣ имѣть удовольствіе быть пораньше другой разъ. И не волнуясь въ его комплименты поклонился и ушелъ удвоеннымъ шагомъ, давая себѣ клятвенное обѣщаніе никогда не бывать у него.

Я пришелъ въ лагерь и разказывалъ съ удивленіемъ товарищамъ, которые больше знали его.

— Но что у него за сундуки выглядывающіе изъ-подъ кровати?—Они все набиты бумагами, сказали мнѣ.—Какими?—А вотъ какими: съ того времени какъ перестали принимать прошенія его въ Диванъ и запрещено подавать гоударю, онъ учредилъ у себя въ домѣ Диванъ. По предварительному увѣдомленію жена его, одѣвшись, приходитъ въ переднюю на его половину. Мальчикъ, занимающій должность докладчика, слуги, истопника и артиллериста, докладываетъ ему что пришла просительница. Онъ, сидя по срединѣ комнаты, за столомъ, приказываетъ впустить ее, предлагаетъ садиться на засаленномъ диванѣ; та отказывается отъ этой чести. Тогда онъ начинаетъ спрашивать о причинѣ ея прихода; она разказываетъ съ подобострастіемъ свое дѣло о наслѣдствѣ. Онъ слушаетъ ее внимательно и важно, потомъ говоритъ что объ этомъ дѣлѣ нужно подать формальную бумагу. Она поклонившись уходитъ, а онъ начинаетъ писать просьбу, потомъ назначаетъ присутственный день. Просьба перелисанная пересылается чрезъ докладчика просительницѣ; та является прежнимъ порядкомъ въ полное это присутствіе, подаетъ просьбу, судья читаетъ ее вслухъ и положивъ ломѣту объявляетъ просительницѣ что просьба ея справедлива и доказательства ясныя и что она можетъ надѣяться на правосудіе. Та кланяется и уходитъ, а онъ кладетъ просьбу въ сундукъ на вѣчный покой.

Чудакъ этотъ хотѣлъ устроить возлѣ своего дома водопадъ, но для этого нужно было перевести изъ-за горы воду. Онъ нанялъ работниковъ и началъ дѣлать плотину (въ чужомъ владѣніи) чтобы возвысить воду и дать ей направленіе къ своему дому. Владѣлецъ того имѣнія не мѣшалъ его работѣ. Когда же была окончена плотина и вода собралась, то хозяинъ приказалъ раскопать съ другой стороны и вода ушла. Тогда храбрецъ нашъ, видя неудачу, построилъ на горѣ вѣтряную мельницу и огромными литерами на крыльяхъ написалъ: Слава Россіи.

Послѣ инспекторскаго смотра нашъ полкъ расположился на тѣсныхъ квартирахъ близъ города Бѣлаицы, а въ октябрѣ мѣсяцѣ размѣстился по деревнямъ (въ это время явилась знаменитая комета, предвѣстница страшныхъ событій совершившихся въ 1812 году), но въ скоромъ времени предписано было выступить въ походъ и слѣдовать послѣдшо къ крѣпости Журжѣ. Слухъ разнесся что верховный визирь переправился при крѣпости Руцукъ черезъ Дунай съ войсками и сдѣлалъ было нападеніе на нашихъ, но, получивъ сильный отпоръ, расположился на берегу Дунайскомъ лагерь и окопался, что и было въ самомъ дѣлѣ. Прибывъ къ Журжѣ мы увѣрились собственными глазами: на равнинѣ разлегся огромный лагерь и впереди его отдѣльный большой редутъ. Вокругъ турецкаго лагеря наши также построили небольшіе редуты съ фланговыми ложементами; на противоположномъ высокомъ берегу въ Болгаріи также видѣлся огромный лагерь. Турки начали было строить редутъ на лѣвомъ флангѣ своего лагеря, но ихъ отбили; при этомъ случаѣ убитъ одинъ изъ нашихъ генераловъ своими по неосторожности, такъ какъ дѣло происходило между густыхъ тростниковъ.

Когда собрались всѣ наши войска въ лагерь при селѣ Слободзеѣ, возлѣ крѣпости Журжи, главнокомандующій, генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ поручилъ генераль-лейтенанту Маркову десятитысячный отрядъ, съ которымъ онъ долженъ былъ переправиться въ Болгарію и разбить видѣвшійся лагерь.

Не уломя котораго числа октября, по пробитіи вечерней зари обыкновеннымъ порядкомъ, войска назначенныя въ отрядъ пошли тихо вверхъ Дуная, мимо турецкаго лагеря, и отошедши десять верстъ утромъ прибыли на мѣсто предположенной переправы. Позади насъ была деревня въ двухъ верстахъ, но паромовъ и никакихъ судовъ еще не было, исключая нѣсколькихъ маленькихъ лодочекъ, на которыхъ переплыло нѣсколько казаковъ на ту сторону; лошади ихъ лыли возлѣ лодокъ. Мы составили кое-какъ паромъ который могъ поднять десять человекъ, потомъ другой и начали переправляться егеря 14го Егерскаго полка. Первый я переправился съ ними, но видя что тамъ было 25 человекъ казаковъ, я приказалъ имъ занять цѣль по возвышенности для наблюденія, но себя не выказывать. Принявъ

самовольно начальство надъ переправой я приказалъ отправлять поскорѣе обратно наши ларомы и лодки.

Между тѣмъ приведенъ былъ большой ларомъ и переправа усилилась. Когда же переправился шефъ 13го Егерскаго полка князь Вяземскій и расположился завтракать, то я доложилъ ему, не угодно-ли ему будетъ приказать и его полку принять участіе къ услѣдующей переправѣ. Онъ поблагодарилъ меня и поручилъ переправу въ мое распоряженіе, приказавъ въ своемъ полку исполнять мои приказанія. Тогда переправа пошла живо и къ двумъ часамъ полудни вся пѣхота переправилась съ легкими орудіями и часть кавалеріи.

Войска эти поднялись на возвышенность и тотчасъ пошли по направленію къ Руццуку. Отомедши около шести верстъ, остановились въ лоцинѣ. Генералъ Марковъ желалъ имѣть при себѣ и батарейную роту, которая еще не переправлялась. Князь Вяземскій отрекомендовалъ ему меня для привода этой роты, тогда онъ потребовалъ меня къ себѣ и отдалъ слѣдующее приказаніе.

— Стулай назадъ на переправу, переѣзжай за Дунай, тамъ найдешь на берегу генерала Дехтерева съ драгунскимъ полкомъ, скажи ему такъ: генералъ-лейтенантъ Марковъ приказалъ переправить тотчасъ артиллерію, и ты послѣдши съ нею къ отряду, чтобы къ свѣту былъ ты здѣсь непремѣнно.

Я поѣхалъ послѣдши къ переправѣ и нашелъ на берегу казаковъ; они перевезли меня на лодкѣ черезъ Дунай. Тогда уже было около десяти часовъ, и ночь безлунная; одна комета горѣла ярко и изливала къ землѣ слабый свѣтъ. Я отыскалъ генерала Дехтерева и передалъ ему приказаніе. Онъ сидѣлъ съ офицерами вокругъ разведеннаго огня, и когда я передалъ ему приказаніе, то онъ махнулъ на счетъ генерала Маркова бранное словцо и никакого распоряженія по его приказанію не сдѣлалъ. Я, замѣтя что вся эта компанія готова была покориться ему, пошелъ на пристань, приказалъ поставить на ларомы артиллерію и зарядные ящики и отвалилъ отъ берега. Одинъ ларомъ перешелъ благополучно Дунай, а прочіе понесло быстротой и бросило на мель. Пока эти ларомы стаскивали съ мѣста, стало разсвѣтать, проснулись удалые драгуны и отняли у меня ларомы; переправились и пошли вслѣдъ за

отрядомъ. Я переправилъ артиллерію и привелъ ее къ отряду, но дѣло было уже кончено. Отрядъ нашъ стоялъ уже на мѣстѣ турецкаго лагеря, и посылалъ за Дунай къ Туркамъ въ лагерь изъ своихъ орудій ядра и гранаты, и изъ турецкихъ большихъ единороговъ и мортиръ бомбы. Можно судить какое было удивленіе и страхъ Турокъ, когда они увидѣли изъ-за Дуная что рѣшена участь ихъ на погибель. Они отстрѣливались, но ядра ихъ перевозило далеко даже за протокъ называемый Ломъ, и вреда никакого намъ не дѣлалъ.

Я явился къ князю Вяземскому, который спросилъ, отчего я такъ опоздалъ, и когда я объявилъ ему какъ было принято приказаніе генерала Маркова генераломъ Дехтеревымъ, то онъ сказалъ: „пожалуста не сказывай объ этомъ Маркову, ты не виноватъ, я постараюсь чѣмъ-нибудь наградить тебя.“

Верховный визирь пользуясь темнотою ночи уѣхалъ на лодкѣ въ Рушукъ, оставя на произволь судьбы войска свои безъ продовольствія и средствъ къ спасенію. Будучи на мѣстѣ его, другой полководецъ воспользовался бы разобщеніемъ нашихъ силъ, бросился бы рѣшительно на оставшіяся войска въ лагерь при Слободзеѣ со своими превосходными силами, тогда наши войска находящіяся на болгарскомъ берегу были бы поставлены въ такомъ положеніи какъ мы поставили ихъ.

Задунайскій лагерь представлялъ только видъ грознаго стана; но въ существѣ тамъ были раскинуты только палатки, находилась рынокъ съ разными съѣстными приласами и стояла малая часть войскъ. Мнѣ сказывали что отрядъ нашъ пришелъ такъ рано что всѣ еще спали. Пущенныя ядра и громъ орудій пробудилъ безлечныхъ Турокъ, которые не защищались, а спѣшили бѣжать въ крѣпость для спасенія своего. Въ лагерь найдено много кофею, сарацискаго пшена, разнаго драгоценнаго оружія, розоваго масла, опиуму, коровьяго масла и варенья; и визирская богатая палатка досталась намъ. Также запасъ серебряныхъ лерьевъ которые давались простымъ Туркамъ за отличіе въ бою. Они дѣлаются изъ трехъ прутиковъ серебряной проволоки расплющенной, и въ нижнемъ концѣ, гдѣ соединены эти проволоки, прилаченъ серебряный небольшой розанъ, въ срединѣ коего вставленъ небольшой бирюзовый камешекъ.

Въ ту же ночь Черноморская флотилія стоявшая ниже Рущука при темнотѣ прошла мимо крѣлости и составила черезъ рѣку изъ судовъ цѣль между лагеремъ и крѣлостью. Такимъ образомъ визирскій лагерь разобщенъ былъ совершенно съ крѣлостью.

Турки въ продолженіе ночи покопали ямы въ лагерь и вставили туда свои лалатки для укрытія себя отъ ударовъ нашихъ. Но худая защита сидѣть въ ямахъ, не видя ничего что дѣлается по сторонамъ. Да и тутъ не могли они укрыться отъ бомбъ брошенныхъ изъ ихъ же мортиръ съ болгарскаго берега.

На другой день по утру, въ 10 часовъ, главнокомандующій атаковалъ лагерь со всѣхъ сторонъ, но штурма не было, построили только изъ орудій и наши войска окружили лагерь совершенно. Мы съ высокихъ болгарскихъ береговъ смотрѣли на этотъ прекрасный маневръ. День былъ свѣтлый и яркіе лучи перебѣгали по штыкамъ атакующихъ войскъ.

У Турокъ не было ни дровъ, ни достаточнаго припаса продовольствія для людей и лошадей, потому что они все получали изъ того лагеря который мы заняли. Въ водѣ не было недостатка, но и ту днемъ получали подвергаясь опасности. Наши артиллеристы не давали имъ покою. Но при всемъ томъ они отстрѣливались двѣнадцать дней. Потомъ заключено было перемиріе, пока получится отъ султана разрѣшеніе о заключеніи мира.

На перемиріе согласились, но войска остались въ томъ положеніи какъ были. Турки устаивали въ лагерь отъ голоду и холоду. Сначала съѣли они всѣхъ лошадей, а потомъ, какъ говорятъ, ѣли и мертвыхъ товарищей своихъ. Говорили что главнокомандующій, будучи движимъ чувствомъ человѣколюбія, позволилъ пересылать несчастнымъ продовольствіе въ маломъ количествѣ. Черезъ мѣсяцъ получено было извѣстіе о заключеніи мира, но говорятъ что изъ числа 38.000 бывшихъ въ лагерь три части умерло, а остальные едва движущіея перезены въ Рущукъ, могшіе же ходить взяты въ плѣнъ и содержались въ Букурештѣ до заключенія мира.

Погода уже была ненастная; дождь, свѣгъ, морозъ съ сильными вѣтрами попеременно наскучали намъ. Для защиты отъ нихъ приказано сдѣлать землянки. Въ нихъ мы

укрывались от непогоды. Въ дровахъ мы не нуждались, несмотря на то что лѣсъ былъ далеко; но мы не пощадили ни виноградныхъ кустовъ, ни фруктовыхъ деревьевъ въ садахъ бывшихъ вокругъ крѣпости, и даже огромныхъ ореховыхъ деревъ стоявшихъ нѣсколько вѣковъ безвредно. Землянки наши были всѣ теплыя и только тѣ солдаты которые наряжаемы были въ караулъ для содержанія цѣли терпѣли отъ погоды. Я былъ нѣсколько разъ дежурнымъ и во всякую погоду исполнялъ строго свою обязанность днемъ и въ особенности ночью.

Въ разныхъ полкахъ я находилъ безпечность и безпорядки, не о нашемъ полку мнѣ пріятно сказать что солдаты и офицеры стоявшіе въ караулѣ въ полномъ смыслѣ строго исполняли свою обязанность. Полкъ занималъ цѣль въ садахъ между виноградныхъ кустовъ. Я старался, для испытанія, подойти при темнотѣ ночи къ часовымъ, такъ чтобы меня не замѣтили, но вездѣ встрѣчалъ пару штыковъ.

Однажды, когда проглянуло солнышко, я, вышедши изъ землянки и ходя вокругъ моего караула, смотрѣлъ какъ солдаты чистили свои ружья, починяли сапоги и одежду. Вдругъ повѣялъ на меня сильный розовый запахъ, я остановился и увидалъ что между двухъ солдатъ стоитъ прекрасный хрустальный флаконъ съ розовымъ масломъ. Они смазали уже имъ сапоги и также ружейные замки. „Что это у васъ такое?“ спросилъ я.—„Какое-то масло, ваше высокоблагородіе, мы клали его въ кашу, да не годится, такъ и деретъ ротъ, а лахнетъ оно хорошо.“ Я далъ имъ цѣлковый и они съ удовольствіемъ отдали мнѣ его. Масла уже оставалось не болѣе половины, но судя по его дороговизнѣ было еще по крайней мѣрѣ на двадцать червонцевъ. Солдаты, будучи довольны, добавили: „да вотъ еще, ваше высокоблагородіе, какой-то турецкій горохъ, сколько его ни варили, а все не подается проклятый.“ Это былъ кофе; я сказалъ имъ: „это только годится Туркамъ ѣсть, а солдатамъ нейдетъ.“ Къ счастью оліуму они не наѣлись. Я видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его лепешки затолтанныя въ грязь.

Черезъ нѣсколько времени позвалъ меня князь Вяземскій и спросилъ: „Желаешь ли быть плацъ-майоромъ въ Букурештѣ?“ Но я отвѣчалъ ему что въ этой должности не случалось мнѣ быть никогда и я ее не знаю. „Это ничего, сказалъ онъ, ты уже назначенъ.“ Тогда я поклонился ему и

ушелъ. На другой день полученъ приказъ изъ главной кватиры съ моимъ назначеніемъ и я поблагодарилъ князя Вяземскаго, отправился въ Букурештъ, но при переездѣ черезъ Дунай, на пристани увидалъ генерала Маркова, который грубо спросилъ у меня:

— Куда ты ѣдешь?

— Въ Букурештъ.

— Зачемъ?

— Я назначенъ плацъ-майоромъ.

— Кого ты просилъ объ этомъ?

— Никого.

— Врешь!

— Я не имѣю надобности лгать предъ вашимъ превосходительствомъ, и имѣю честь увѣрить васъ что никого не просилъ.

— Поѣжай! закричалъ онъ, — а не то я тебя здѣсь арестую.

Я разсудилъ что лучше исполнить его приказаніе чѣмъ быть арестованнымъ.

Прибывъ въ Букурештъ, я явился къ бывшему тамъ коменданту, Архангелогородскаго мушкатерскаго полка полковнику Шульцу. Онъ меня зналъ еще прежде и былъ весьма доволенъ моимъ назначеніемъ. Онъ просилъ меня приваить въ свое вѣдѣніе комендантскую канцелярію, потому что ни одинъ изъ плацъ-адъютантовъ не былъ способенъ къ этой должности, а нанятой секретарь слабо понималъ порядокъ комендантскаго управленія. Я осмотрѣлъ канцелярію и нашелъ ее въ величайшемъ безпорядкѣ.

Черезъ нѣсколько дней призвалъ меня къ себѣ комендантъ и сказалъ: „У меня есть дѣло которое должно рѣшиться по совѣсти, но я не твердъ въ русской грамотѣ; прошу васъ по дружески разсмотрѣть и написать ваше мнѣніе по истинной справедливости.“ Я взялъ толстую тетрадь и увидѣлъ что дѣло возникло между двумя Евреями и что оно, по согласію обѣихъ сторонъ, разсматриваемо было избранными ими медиаторами, которые увлекаясь пристрастіемъ къ избраннымъ ихъ рѣшили несправедливо. По этому обстоятельству избранъ былъ обоюднo комендантъ для рѣшенія этого дѣла. Тяжущіеся были такъ увѣрены въ его справедливости что дали отъ себя расписку на гербовой бумагѣ, съ тѣмъ что ежели который-нибудь изъ нихъ не будетъ доволенъ его рѣшеніемъ, то долженъ внести штрафу на со-

держаніе гаултахтъ пять тысячъ рублей ассигнаціями. Расписки эти приложены были къ дѣлу.

Сущность дѣла сего было слѣдующая:

Одинъ изъ Евреевъ заключилъ контрактъ съ казною на поставку рогожныхъ кулей для провіанта; потомъ сдѣлалъ контрактъ съ другимъ Евреемъ чтобы тотъ доставилъ ему определенное количество кулей въ назначенный срокъ, съ тѣмъ что онъ дастъ ему въ задатокъ условленное число денегъ также въ назначенный срокъ непременно; а остальные деньги будутъ отданы тотчасъ по принятіи кулей. Но первый не выдалъ въ назначенный срокъ денегъ, а послѣдній не поставилъ въ срокъ кулей, но позже; однако же кули первымъ были приняты, а денегъ за оныя 24 тысячи рублей онъ не заплатилъ, потому де что кули не были поставлены въ назначенный срокъ.

Разсмотрѣвъ внимательно дѣло сіе, я нашелъ много фальшивыхъ дѣйствій и, сообразивъ все со строгимъ наблюденіемъ справедливости, написалъ мое мнѣніе. Заградилъ тщательно предусмотрительностію всѣ лазейки безсовѣстныхъ людей, такъ что они иначе не могли опровергнуть моего мнѣнія, какъ дѣйствуя уже явно вопреки законамъ и справедливости. Я прочиталъ мое мнѣніе коменданту; онъ будучи доволенъ благодарилъ меня и приказалъ переписать, потомъ подлисалъ, приказалъ вытребовать споряція стороны къ выслушанію рѣшенія. Я зналъ напередъ что отвѣтчикъ рѣшеніемъ не будетъ доволенъ и потому доложилъ коменданту чтобъ истецъ и отвѣтчикъ оба привесли по пяти тысячъ рублей, и прежде объявленія рѣшенія положили бы на комендантскій столъ. Пять тысячъ рублей не малая сумма, и слѣдовательно виновный не захотѣлъ бы потерять ихъ, и безъ сомнѣнія обѣ стороны подписали бы удовольствіе. Но онъ сказалъ что не нужно это. Евреи выслушали рѣшеніе, и истецъ подписалъ удовольствіе, а отвѣтчикъ такъ ушелъ. Посему можно было предвидѣть что дѣло это вопреки законной силѣ пойдетъ къ высшимъ начальствамъ; такъ и случилось. Черезъ недѣлю потребовано оно для разсмотрѣнія къ вице-президенту генералу Щетерѣ, и прислано обратно также черезъ недѣлю безо всякаго замѣчанія. Потомъ потребовали его въ канцелярію дежурнаго генерала. Тогда я приказалъ секретарю сдѣлать опись, прошнуровать все аккуратно и отправить при ралортѣ къ дежурному

генералу. По прошествіи двухъ недѣль возвращено къ коменданту съ предписаніемъ привести дѣло къ окончанію какъ слѣдуетъ. Комендантъ призвалъ меня, и я видя его очень скучнымъ спросилъ что угодно ему приказать. Тогда онъ подалъ мнѣ написанные начерно на двухъ листахъ пункты для перерѣшенія этого дѣла по онымъ: пункты уничтожали всѣ рѣшенія коменданта, оправдывая совершенно отвѣтчика. Послѣ сего я просилъ коменданта чтобъ онъ положилъ дѣло на столъ какъ оно было прислано къ нему изъ канцеляріи дежурнаго генерала. Онъ положилъ дѣло, на дѣло пункты не подписанные, а на пункты предписание о приведеніи дѣла въ исполненіе какъ слѣдуетъ. Я взялъ предписание, прочиталъ его коменданту громко, положилъ въ сторону, потомъ взялъ пункты, перевернулъ внизъ листы и сказалъ: это какая-то черновая ремарка, и бросилъ подъ столъ. Потомъ, положивъ предписание на дѣло, сказалъ: „не угодно ли будетъ вамъ приказать вслѣдствіе этого повелѣнія дать предписание полицеймейстеру о взысканіи съ отвѣтчика присужденныхъ денегъ“; онъ съ удовольствіемъ согласился на это. Повелѣніе дано полицеймейстеру, а сей принялся за отвѣтчика. Еврей испугавшись бросился въ канцелярію дежурнаго генерала, и оттуда получено предписание остановиться взысканіемъ. Черезъ недѣлю дѣло это потребовано было къ главнокомандующему, и комендантъ удаленъ отъ должности (но это его не много огорчило, онъ уже давно собиралъ на этомъ полѣ золотую жатву). На мѣсто его назначенъ комендантомъ полковникъ Штерманъ, и когда онъ вступилъ въ должность, то въ скорости прислано было къ нему предписание главнокомандующаго. Я зналъ кто дѣйствовалъ по сему дѣлу въ канцеляріи главнокомандующаго, и что это дѣло не могло быть разсматриваемо самимъ главнокомандующимъ, но вѣроятно такъ сказано что-нибудь о немъ при поднесеніи для подписанія множества разныхъ бумагъ.

Комендантъ, получивъ дѣло, видя что оно многосложно, просилъ меня пересмотрѣть и написать рѣшеніе по справедливости. Я взялъ дѣло на квартиру, продержалъ его три дня и потомъ, приведши къ коменданту, разказалъ наизусть словесно въ подробности существо его, увѣряя притомъ что слѣдующей строгой справедливости рѣшенія перемѣнить невозможно. Если же желаетъ онъ перемѣнить его,

то поручилъ бы кому-нибудь другому, а я не способенъ дѣйствовать противъ справедливости. Тогда онъ приказалъ написать рапортъ что разсматривалъ дѣло это по всѣмъ частямъ, нашелъ что рѣшеніе сдѣлано справедливо. Рапортъ послалъ, а черезъ три дня комендантъ получилъ выговоръ.

Отвѣтчикъ, зная кто ставилъ ему преграду, сказалъ объ этомъ въ канцеляріи главнокомандующаго, изъ которой для отвлеченія меня отъ занятія комендантскими дѣлами, назначено произвести мнѣ сообщая съ иижерернымъ офицеромъ повѣрку матеріаловъ употребленныхъ на исправленіе строения военныхъ госпиталей, на исправленіе и меблировку квартиръ для главнокомандующаго и для тѣхъ генераловъ которые квартировали въ городѣ Букурештѣ—съ опредѣленіемъ и цѣнъ матеріалу. Дѣло было многосложное и трудное, повѣрять всякія мелочи, какъ-то: кирлочи, гвозди, лѣсы, извѣсть, бронзовыя вещи, бумажныя и шелковыя матеріи, и пр. и пр.

Но я, видя что скоро заключится миръ съ Турками, рѣшилъ дѣло это кончить скорѣе.

Призвавъ рядчика, который производилъ всѣ эти постройки, я объявилъ ему что онъ долженъ быть непременно подъ начетомъ. Молдавванъ упалъ на колѣни и залился слезами, говоря что онъ не только ничѣмъ не попользовался, но еще и свое потерялъ. Но я увѣрилъ его что дѣлается это для будущаго его спокойствія, въ противномъ случаѣ если его не подвергнуть начету, то эта повѣрка будетъ недействительна и его будутъ повѣрять нѣскольکو разъ.

Итакъ, побывавъ во всѣхъ госпиталяхъ и въ генеральскихъ квартирахъ, сдѣлавъ для формы измѣреніе, насчиталъ на подрядчика сорокъ тысячъ левовъ и представилъ мою повѣрку на разсмотрѣніе въ канцелярію главнокомандующаго (казна наша ничего тутъ не теряла, потому что все это дѣлалось на счетъ города Букурешта). Послѣ сего получилъ предписаніе отправиться вслѣдъ за полкомъ, который пошелъ уже къ предѣламъ Россійскимъ.

Я нагналъ полкъ въ Яссахъ и явился къ новому полковому командиру полковнику Аванасію Ивановичу Красовскому. Изъ Яссъ полкъ взялъ направленіе на крѣпость Хотинъ и здѣсь переправился черезъ рѣку Днѣстръ въ Россійскіе предѣлы.

VII.

14й Егерскій полкъ, переправившись черезъ Днѣстръ, слѣдовалъ на Каменецъ-Подольскій. Городъ этотъ небольшою и расположенъ въ глубокой ямѣ какъ бы на островѣ, ибо его обтекаетъ почти кругомъ небольшая рѣчка. Правый ея берегъ обставленъ высокими каменными отвѣсными скалами. Поэтому городъ этотъ въ прежнія времена защищала сама природа отъ хищныхъ народовъ, ибо со скалъ этихъ спускаться иначе невозможно было какъ только по лѣстницамъ или по веревкамъ. Слабѣйшая часть на западѣ, ибо здѣсь скалъ не имѣется, но за то мѣстность прикрыта сильнымъ укрѣпленіемъ; мѣсто это господствуетъ надо всѣми окрестностями города. Городъ съ этимъ укрѣпленіемъ имѣетъ сообщеніе черезъ мостъ. Въздъ въ городъ одинъ только и есть чрезъ это укрѣпленіе. Отсель мы слѣдовали въ мѣстечко Грудекъ. Сюда пришли мы на ночлегъ въ Великую Субботу.

Дорога была грязная. Я пришедши на квартиру, въ домикъ какого-то лана, выпилъ чаю и послѣ обѣда легъ уснуть закрывшись одѣяломъ. Черезъ нѣсколько времени слышу что кто-то читаетъ надо мною молитву. Я осторожно приподнялъ одѣяло, и увидѣлъ что три шалуньи, молодыя дѣвицы, шутили надо мною. Одна изъ нихъ стоя читала книжку, а двѣ стояли со свѣчами. Я вдругъ вскочилъ и онѣ закричали, уронили свѣчи и бросились бѣжать въ другую комнату, но я поймалъ которая ближе была ко мнѣ. Я всѣхъ ихъ наказалъ лоцѣлуями, несмотря на крики и говоря что умершіе поступаютъ произвольно, по ихнему обычаю. Однако же за это оскорбленіе и онѣ мнѣ наскоро отплачивали тѣмъ же. Такъ познакомился я съ этими шалуньями.

Онѣ не имѣли уже матери, и когда отецъ ушелъ въ костель, то онѣ рѣшились разбудить меня чтобы провести веселѣе время. На другой день разговѣвшись вмѣстѣ съ ними, я простился и сѣвъ на лошадь олять лустился мѣсить грязь, а онѣ пожалѣли что я такъ скоро долженъ съ ними разстаться. Мы пошли мѣсить грязь до города Владиміра, что

на Волыни. Здѣсь составился авангардъ подъ командой генерала-адъютанта де-Ламберта. Простояли недѣлю въ сараяхъ.

Генералъ де-Ламбертъ послалъ партію казаковъ за рѣку Бугъ, въ Австрію. Тамъ они схватили четырехъ человекъ польскихъ чиновниковъ и доставили къ генералу. Онъ ихъ разспросилъ и потомъ призвавъ меня къ себѣ приказалъ взять этихъ Поляковъ и какъ можно скорѣе доставить въ городъ Луцкъ, главнокомандующему Торماسову, а если его не застаю, то сдать ихъ тамошнему полицеймейстеру и возвратиться послѣдшнею назадъ. Я велѣлъ сейчасъ приготовить три почтовыхъ тройки, велѣлъ садиться арестантамъ. Они были въ большемъ яслугѣ и просили меня позволенія взять рому на дорогу и хлѣба, я позволилъ имъ это; посадилъ двухъ на передней бричѣ, одного въ среднюю и двухъ егерей съ заряженными ружьями; съ послѣднимъ самъ сѣлъ и велѣлъ почталіонамъ гнать лошадей скорѣе. При перемѣнѣ лошадей они просили чтобы позволить имъ вылить и закусить, потомъ опять „лошелъ“. Мы очень скоро промчались три станціи, но главнокомандующаго я не засталъ, и потому прямо прикатилъ въ домъ полицеймейстера. Его жена, вѣроятно, была родственница имъ. У нея навернулись на глазахъ слезы, и между разговорами она спросила ихъ по-нѣмецки: какво съ вами обращался этотъ грубый Москаль. „Очень вѣжливо отвѣчали они, но съ нимъ въ 24 часа можно быть въ Сибири.“ Сдавъ ихъ въ Домниканскій монастырь, къ вечеру я возвратился во Владиміръ и представлялъ квитанцію.

Изъ Владиміра авангардъ пошелъ по берегу Буга къ Брестъ-Литовску и не останавливаясь здѣсь продолжали идти къ городу Кобрину. Здѣсь мы напали на саксонскій авангардъ, разбили его и взяли всѣхъ въ плѣнъ. Саксонская кавалерія имѣла англазированныхъ лошадей.

На другой день двинулись вновь и имѣли ночлегъ въ мѣстечкѣ Пружанахъ. Перешедши Пружаны продолжали идти проселочною дорогою и переночевали близъ большого болота. Утромъ лѣвшіе полки начали уже переходить по кладкамъ и по мостамъ на другую сторону; но вдругъ приказано воротиться, и пошла обратно къ Пружанамъ. Здѣсь 10й и 14й егерскіе полки расположились близъ самаго города въ сосновой рошѣ, противъ Гродненской дороги. Здѣсь мы простояли спокойно нѣсколько дней.

29го іюля Австрійцы и Саксонцы сдѣлали на насъ наступленіе подъ предводительствомъ австрійскаго генерала князя Шварценберга, и французскаго генерала Ренье. Мы снялись съ своего мѣста и начали отступать къ Кобрину. Насъ преслѣдовали они быстро, мы видѣли колонны идущія на насъ по обоимъ флангамъ, но перестрѣлку имѣли только казаки. Пришедши же къ большому болоту называемому Козій Бродъ, 14й Егерскій полкъ вступилъ въ дѣло съ непріятельскою пѣхотой, которая была поддерживаема сильною канонадой. Мнѣ поручено было держаться съ баталіономъ лѣвой стороны дороги, и мы, перейдя болото, удерживались почти до сумерекъ. Потомъ отступили къ деревнѣ Городецко, гдѣ уже расположены были на позиціи наши главные силы подъ командой генерала-отъ-кавалеріи Тормасова.

Позиція наша была на возвышенномъ мѣстѣ; она отдѣлялась отъ непріятели большимъ толкимъ болотомъ. Правый флангъ примыкалъ къ Городецко, за которою были болота и лѣсъ, а лѣвый протягивался въ поле. На правомъ флангѣ лежала почтовая дорога, а противъ лѣваго плотины черезъ болото.

30го числа войска оставались на томъ же мѣстѣ. Непріятель въ виду нашемъ стягивалъ свои силы до вечера. Но въ этотъ день, кромѣ перестрѣлки съ казаками, ничего особеннаго не было. На ночь построилась пѣхота въ каре и осталась на прежнемъ мѣстѣ.

Въ полночь неизвѣстно отъ чего кавалерійскія лошади сорвались съ коновязи, бросились въ болото и тамъ увязли. Кавалеристы наши пошли вытаскивать лошадей, а я командированъ съ баталіономъ для прикрытія ихъ. До разсвѣта многихъ лошадей вытащили безо всякой тревоги; но съ разсвѣтомъ завязалась перестрѣлка, и непріятель постепенно усиливался. Мнѣ приказано было возвратиться съ баталіономъ къ полку, который уже поставленъ былъ на лѣвомъ крылѣ боевой линіи, а противъ поддубья закинуло сильное сраженіе продолжавшееся нѣсколько часовъ. Потомъ начала показываться непріятельская кавалерія изъ лѣса противъ насъ бывшаго, и загремѣла по всей линіи канонада. Непріятель построилъ свою кавалерію лѣвѣе нашего лѣваго фланга. Тогда приказано полкамъ бывшимъ подъ командой генералъ-майора Назу-

мова принять также вѣво. Мы обошли болото, къ которому примыкалъ нашъ лѣвый флангъ, и стали колоннами. Съ нами было два легкія орудія, но они не могли спорить съ непріятельскими батареями, которыя открыли противъ насъ сильный огонь. Въ колоннахъ вырывало безпрестанно ряды, подбиты два наши зарядные ящика, и мы принуждены были отступить на прежнее мѣсто, на которомъ стояла безмолвно наша батарея. Не было ни лошадей, ни людей. Непріятельская кавалерія начала дѣлать движеніе впередъ, но гусарскіе наши полки двинулись стройно противъ непріятеля: ихъ не остановили и не смѣшали ядра и картечь непріятельскія. Они ударили дружно противъ Австрійцевъ, разогнали ихъ и забрали многихъ въ плѣнъ. Нѣкоторые бросились бѣжать въ противную сторону къ Кобринской дорогѣ, но и ихъ всѣхъ захватили. Въ сумерки сраженіе прекратилось, и ночь опустила завѣсу на кровавое поле. Говорили что нечаянный случай ввелъ непріятеля въ сомнѣніе и послужилъ въ нашу пользу. Именно разказывали что одинъ кавалерійскій штабъ-офицеръ посланъ былъ съ небольшимъ отрядомъ, при которомъ были и два орудія, для прикрытія большой дороги. Онъ приблизился къ правому непріятельскому флангу и сталъ стрѣлять изъ орудій. Дѣло это уже было предъ сумерками, и непріятель, полагая этотъ отрядъ былъ передовымъ сильнѣйшаго, не отважился простирать свою атаку на большую Кобринскую дорогу, и тѣмъ оставилъ ее открытою для нашего отступленія. За вѣрность разказа этого не ручаюсь, но событіе близко къ вѣроятію. Когда уже прекратилось сраженіе, полковникъ Красовскій поручилъ мнѣ узнать гдѣ находятся раненыя нашего полка. Я нашелъ ихъ позади полка въ корчмѣ, на большой дорогѣ, возлѣ моста. И, возвращаясь къ полку, я вѣхалъ по егерской цѣли и замѣтилъ что кто-то развѣзжаетъ впереди. Желая узнать нашъ ли это или непріятельскій кавалеристъ я проѣхалъ цѣль и спросилъ кто ѣдетъ, но онъ мнѣ не отвѣчалъ; я повторилъ вопросъ, но не получилъ отвѣта; тогда я закричалъ: *Wer da?* Этотъ бездѣльникъ вдругъ закричалъ: стрѣляй! Цѣль открыла по всей линіи пальбу, и я едва не былъ убитъ своими. Это былъ какой-то пьяный потерявшійся кавалеристъ.

Позиція наша послѣ перемѣны фронта, лѣвымъ флангомъ назадъ, противъ выходившихъ изъ лѣсу непріятельскихъ

войскъ, была незавидная: хотя фланги были прикрыты толкими болотами, но позади лежала большая дорога на Кобринъ параллельно фронту. Еслибы непріятель спустился правымъ своимъ флангомъ на эту дорогу, за болотомъ къ которому примыкалъ нашъ лѣвый флангъ, то мы были бы замкнуты между двумя болотами. Но онъ этого не сдѣлалъ, и мы вышли на просторъ.

Съ вечера началось отступление и продолжалось всю ночь. 31го, при восходѣ солнца, мы уже были въ опасности. Аррьергардъ прешелъ уже трудный дефилей, но непріятель, кажется, полагалъ что мы перемѣняемъ позицію. Потомъ, замѣтивъ наше отступление, сталъ сильно преслѣдовать и крѣпко налегать съ лѣвой стороны. На смѣну намъ шли сводные наши гренадерскіе баталіоны. Они шли молодцами, весело, съ пѣснями, султаны согнуты дугой назадъ, офицеры трубки курили. Мы обрадовались, и надѣялись что за этою защитой мы выдохнемъ пороховой дымъ; но предъ сильнымъ напоромъ непріятеля они скоро должны были уступить, пошли опять назадъ, предоставляя намъ раздѣлываться самимъ. Мы забавляясь перестрѣлкой отступили на Кобринъ. Приблизившись къ Кобрину аррьергардъ остановился чтобы дать прочимъ войскамъ пройти черезъ мостъ на рѣчкѣ Мухавцѣ. Мы разсыпались по ровному полю во ржи и отъ нечего дѣлать смотрѣли на ядра пролетавшія черезъ насъ. Я замѣтилъ что стоя прямо противъ орудія можно видѣть ядро тотчасъ послѣ выстрѣла. Оно сначала кажется червою точкой, потомъ по мѣрѣ приближенія увеличивается, но надъ собою замѣтить невозможно. Потомъ и мы прошли черезъ городъ и непріятель его занялъ, не преслѣдуя насъ далѣе.

При закатѣ солнца мы уже были въ шести верстахъ отъ города; длинная и грязная плотина представила большое затрудненіе. Артиллерія наша не могла иначе проходить какъ только перевозя одно орудіе за другимъ. Не знаю что побудило непріятеля не преслѣдовать насъ, но онъ далъ намъ возможность перебраться ночью черезъ эту ужасную плотину безъ всякой потери.

Когда смерклось, полковникъ Красовскій и командиръ 1го баталіона майоръ Горемыкинъ отправились за плотину, а я остался съ полкомъ. Потомъ Горемыкинъ возвратившись объявилъ мнѣ приказаніе отъ командира полка что когда я съ полкомъ перейду за плотину, то тамъ полковникъ

Ивановъ покажетъ мѣсто гдѣ полку остановиться, и опять уѣхалъ. Я перешелъ плотину въ 12 часу и не видя вблизи нигдѣ огней, послалъ адъютанта узнать мѣсто гдѣ остановиться полку. Но тотъ возвратившись сказалъ что онъ нигдѣ не нашелъ не только полковника Иванова, но и никого не видалъ. Тогда послалъ я еще двухъ офицеровъ отыскивать полковника Иванова, и продолжалъ идти потихоньку впередъ, потому что отъ проливныхъ дождей по болотистой дорогѣ вездѣ стояли большія лужи, и прошедшія войска превратили дорогу въ вязкую грязь. Когда мы вышли на возвышенное мѣсто, то остановились. Посланные офицеры также донесли мнѣ что нигдѣ полковника Иванова не нашли, но такъ какъ впереди меня далеко виденъ былъ огонекъ, то я послалъ адъютанта узнать кто тамъ. Возвратившись черезъ часъ онъ объявилъ что тамъ ночуетъ главная наша армія. Я остановился на томъ мѣстѣ гдѣ мы были до разсвѣта; люди уснули. На разсвѣтѣ пріѣхалъ полковой командиръ съ майоромъ Горемыкинымъ сзади и началъ кричать на меня, для чего я сюда зашелъ; я сказалъ ему что майоръ Горемыкинъ объявилъ мнѣ что за плотиной полковникъ Ивановъ долженъ былъ показать мѣсто гдѣ остановится полкъ. Я посылалъ офицеровъ искать полковника, но его нигдѣ не нашли, а потому я здѣсь остановился. Полковникъ закричалъ что это сдѣлалъ я отъ трусости, что онъ представитъ и меня разстрѣляютъ. Тогда я съ гордостію сказалъ ему: безъ суда у насъ не разстрѣливаютъ, а что я не трусъ, то это я докажу на опытѣ. Онъ разсердился, приказалъ полку идти назадъ къ плотинѣ. Прошедши съ полторы версты мы остановились и сдѣлавъ намѣво кругомъ пошли обратно, перешли въ бродъ черезъ широкій заливъ и присоединились къ арріергарду.

Здѣсь приказано было варить кашу, но казаки наши уже были преслѣдуемы непріятелемъ. Кашу велѣно выбросить и арріергардъ пошелъ вслѣдъ за арміей по необозримому разливу воды между лѣсомъ. Мнѣ поручены двѣ роты 10го и двѣ роты 14го егерскихъ полковъ, съ которыми я долженъ былъ слѣдовать позади арріергарда. Я приказалъ людямъ взять предосторожность чтобы не подмочить патроновъ, и когда казаки присоединились ко мнѣ приказалъ послать привѣтныя пули непріятелямъ.

Такимъ образомъ отступая по водѣ около десяти верстъ

перестрѣливался съ непріятельскою лѣхотой. Въ иныхъ мѣстахъ такъ было глубоко что патронныя сумы поднимали на головы. Наконецъ выбрался я на сухое мѣсто. Лѣсъ былъ не густой, и егеря мои расширили цѣль, и перебѣгая отъ дерева къ дереву вели перестрѣлку. Я находился при ротатахъ 10го Егерскаго полка, потому что на правой флангъ болѣе налегала австрійская лѣхота. Но прошедши около четырехъ верстѣ по лѣсу назадъ увидѣлъ большое болото и плотину черезъ него, приказалъ людямъ сомкнуться влѣво, отступилъ на плотину, полагая что роты 14го Егерскаго полка уже перешли ее. Австрійцы тотчасъ приблизились къ плотинѣ и сомкнувшись усилили огонь на отступающихъ, но въ это время я замѣтилъ что роты 14го Егерскаго полка остались еще въ лѣсу и имъ предстояла видимая опасность. Мой долгъ требовалъ выручить ихъ; въ разсужденіи о средствахъ не должно было терять времени, непріятель болѣе и болѣе усиливался. Голосъ чести указалъ мнѣ путь.

Я спустился съ плотины и поѣхалъ по болоту толкому и покрытому водой. Австрійцы стрѣляли по мнѣ съ лакомствомъ, но лошадь подо мною была надежная. Я кое-какъ добрался до кустовъ и послѣшивъ къ ротамъ велѣлъ имъ сомкнуться поскорѣе, и подъ прикрытіемъ кустовъ приблизился къ непріятелю на полвыстрѣла; тутъ видя что онъ обратилъ все свое вниманіе на тѣхъ которые перешли уже плотину, приказалъ вдругъ стрѣлять. Австрійцы были поражены неожиданно во флангъ, бросились бѣжать въ лѣсъ, а мои егеря на плотину, и такъ съ помощію Божіею я вывелъ изъ опасности эти роты почти безвредно, предъ глазами всего полка который былъ уже за болотомъ.

Этотъ случай доставилъ мнѣ довѣріе отъ всѣхъ; офицеры окруживъ меня поздравляли и хвалили мою рѣшительность. въ глазахъ солдатъ я видѣлъ удовольствіе и любовь ко мнѣ. Полковникъ будучи еще въ досадѣ на меня не сказалъ мнѣ ничего, но предъ прочими сознался что я ему подарилъ эти двѣ роты.

На другой день, то-есть 2го августа, Австрійцы подходили по двумъ дорогамъ, но засады сдѣланныя по приказанію моему не позволяли имъ приблизиться. Впрочемъ какъ видно тутъ былъ небольшой ихъ отрядъ и они болѣе насъ не беспокоили.

Простоявъ здѣсь два дня мы продолжали отступленіе.

Длинная плотина, которою слѣдовало намъ переходить, такъ была разбита прошедшими войсками, что невозможно уже было проходить ни лѣвѣмъ, ни правѣмъ. Тутъ были повозки потонувшія со всѣмъ, такъ что видны были только ихъ верхушки да уши лошадей, задохшихся уже въ грязь. Мы пришли въ лѣсъ навѣсно, перешедши болото широкое въ бродъ, расположились на песчаномъ сухомъ мѣстѣ. Простоявъ здѣсь два дня безо всякой тревоги, слѣдовали потомъ черезъ лѣсъ обратно къ городу Лудку, здѣсь расположились лагеремъ и простояли до 10го сентября. Австрійцы были за рѣкой, но дѣйствій никакихъ не происходило, кромѣ того что иногда казаки переплывая черезъ рѣку за обѣмъ, нападали на передніе пикеты венгерскіе, а 8го сентября захвачено ихъ было нѣсколько десятковъ въ плѣнъ.

Однажды, прежде еще присоединенія Молдавской арміи, услышавъ коволаду у неприятелей, послали узнать что это значитъ. Это были выстрѣлы торжественные по случаю взятія Москвы. При этой несчастной вѣсти, горестное чувство поразило каждого, но горестъ эта превратилась въ чувство мести къ Французамъ.

По присоединеніи Молдавской арміи, войска наши сдѣлали наступленіе по дорогѣ къ Брестъ-Литовску. Не доходя Брестъ-Литовска, любимыи нашъ генералъ Тормасовъ отозвалъ былъ въ Россію, а на мѣсто его принялъ главное начальство надо всѣми адмиралъ Чичаговъ. 30го сентября мы надѣялись имѣть сраженіе съ австрійскими войсками, но пришедши на позицію не нашли никого. Остались только пустыя батареи между Муховцемъ и Лѣсною. Неприятель перешедши при Клевикахъ рѣку Лѣсну, не широкую, но глубокую, испортилъ мостъ и разсыпалъ стрѣлокъ за толстыми дубовыми деревьями. Въ лѣсу поставилъ артиллерію, и хладнокровно громилъ нашихъ усиливавшихся по чистому полю приблизиться къ переходу черезъ рѣку. Ночью наши догадались сдѣлали обходъ; неприятель ретировался. Это можно было и прежде сдѣлать.

Отсель войска наши взяли направление черезъ городъ Кобринъ къ Словиму, гдѣ отрядъ генерала Чаплица захватилъ Дворянскій полкъ, сформированный польскимъ генераломъ Коновкой изъ уроженцевъ Литовскихъ. Изъ Словима слѣдовали къ мѣстечку Новосержину, и не доходя къ нему 10 верстъ, остановились для ночлега въ деревнѣ; по

въ полночь 1го ноября, пошелъ къ Новосвержину. Мнѣ пред-оставлена была честь идти впередъ съ баталіономъ, имѣя толь-ко двѣнадцать заряженныхъ ружей для того чтобы пришедши въ мѣстечко не заниматься перестрѣлкой, но рѣшительно ударить въ штыки и тотчасъ захватить за мѣстечкомъ мостъ. Я пошелъ впередъ тихо, но по замерзшей землѣ да-леко отдавался гулъ. Прочія войска шли издали за мною вслѣдъ.

Не доходя мѣстечка, колонна встрѣчена оружейнымъ вы-стрѣломъ. Пуля провистала мимо; подходя къ заставѣ еще три пули пронеслись, но когда взошелъ между строеніями, то послѣдовалъ залпъ изъ пикета, причемъ убитъ моего бата-ліона взводный командиръ 8го взвода. Приближаясь къ цен-тру мѣстечка, я увидѣлъ черезъ заборъ костельной ограды непріятельскій фронтъ на площади, предъ нимъ были разло-жены огни, люди держали ружья на изготовкѣ.

Желая выманить у нихъ первый выстрѣлъ, приказалъ бить скорый маршъ, но выстрѣла не послѣдовало ни одно-го; пришедши же къ выходу на площадь, я соскочилъ съ лошади, закричалъ: впередъ, ура! Непріятель сдѣлалъ залпъ и его пули влились въ дома. Егеря бросились со штыками къ фронту, который тотчасъ разбѣжался искать спасенія между строеніями; нѣсколько кирасировъ швыряли по ули-цамъ и попадали на штыки. Я перебѣжалъ черезъ мѣстечко и сталъ съ нѣсколькими взводами на мосту. Все что туда бѣжало встрѣчало смерть. Подослѣвшія колонны довершили начатое мною. Кромѣ занятаго мною моста, тотчасъ за мѣ-стечкомъ былъ еще другой мостъ, версты за двѣ, на рѣкѣ Нельвѣ, но мнѣ не сказано было о немъ. Туда уже посланъ былъ майоръ Горемыкинъ съ баталіономъ при двухъ орудіяхъ и не позволилъ непріятелю разорить тотъ мостъ. Съ разсвѣ-томъ мы уже имѣли 700 человекъ лѣвыми нижнихъ чиновъ, болѣе 10 офицеровъ и одного полковника, а съ нашей сторо-ны потеря состояла изъ одного офицера убитаго въ моемъ баталіонѣ. Польскіе офицеры взятые въ лѣвы спрашивали гдѣ наши войска которыя ихъ атаковали. Мы имъ сказали: вы ихъ видите воѣхъ здѣсь. И они проклинали своего началь-ника не умѣвшаго распорядиться сопротивленіемъ. Жиды обрадованы были прибытіемъ русскихъ войскъ, выносили солдатамъ вино и пиво, говоря: лейте на здоровье, берите что хотите, мы не будемъ бѣдны подъ русокомъ правленіемъ.

Разбивъ этотъ отрядъ войска двинулись къ городу Миаску. Не доходя его, 3го числа ноября, разбили за селомъ Комдаковымъ ушедшіе заблаговременно изъ Новосвержи остатки. Здѣсь захватили хоръ саксонскихъ музыкантовъ, которые отданы 14му Егерскому полку. При входѣ въ городъ Миаскъ стояла вѣчеблица съ висѣвшими трупами. Въ городѣ былъ большой французскій госпиталь и многіе магазины съ мушкетерами и бѣлыми французскими сухарями.

7го числа нашъ авангардъ выступилъ по дорогѣ къ Борисову. Тутъ уже валялись трупы Французовъ, вѣроятно умершихъ изъ числа больныхъ.

Не доходя Борисова остановились въ деревнѣ Жодино, и когда солдаты поѣли изготовленной каши, то тотчасъ выступили въ походъ и до свѣта вышли на поля предъ Борисовымъ. Мы видѣли непріятельскіе пикеты расположенные въ полѣ. Они сидѣли возлѣ огоньковъ, не зная того что мы окружаемъ ихъ. 14й Егерскій полкъ взялъ вѣво и пришелъ къ редуту безъ малѣйшей тревоги. Стоявшій на валу часовой показывалъ намъ рукой къ Борисову, не признавая насъ за непріятелей, потому что еще темно было: мы шли около самаго рва въ ту сторону куда указывалъ часовой. Полковникъ Красовскій приказалъ 1му баталіону спуститься внизъ къ Борисовскому мосту и захватить его.

Едва спустился и укрылся тотъ баталіонъ какъ показалась справа непріятельская большая колонна. Баталіонъ мой стоялъ на угау редута; колонна шла отъ насъ не болѣе 40 шаговъ по направленію къ Виленской дорогѣ. Я, видя превосходство непріятеля, сказалъ полковнику потихоньку, который стоялъ тутъ же: пока мы еще не узнаемъ дадимъ залпъ 1мъ взводомъ и бросимся въ штыки; но онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, закричалъ „пардонъ“. По этому слову колонна остановилась, и я полагалъ что тутъ будетъ порядочная потѣха, а у меня въ баталіонѣ было не болѣе 400 человекъ. Но колонна опять тронулась и пошла по своему направленію; начальникъ ея вѣроятно не узналъ насъ, потому что отрядъ ихъ состоялъ изъ разнородныхъ людей. Полковникъ приказалъ мнѣ отступать по прежнему пути, самъ шелъ впереди. Пришедши на уголъ редута встрѣтили другую колонну. Полковникъ опять закричалъ „пардонъ“, но я съ досадою

сказалъ „8й взводъ стрѣляй“. Раздались выстрѣлы, нѣскольکو человекъ тутъ же упали, прочіе побѣжали назадъ и бросили два орудія и двухъ воловъ; орудія и волю взяты и я тотчасъ прикавалъ одному взводу броситься въ редутъ, который не былъ еще занятъ нѣкъмъ; въ то же время бросился было туда и непріятель изъ другаго редута, но его встрѣтили выстрѣлами. Въ это время закинула перестрѣлка вездѣ.

Первый баталіонъ спустившись внизъ увидѣлъ кучку кавалеристовъ стоявшихъ возлѣ моста. Стрѣлки наши пустили къ намъ лули; одинъ изъ нихъ упалъ, прочіе бросились на мостъ и ускакали въ Борисовъ. Въ послѣдствіи оказалось что тутъ былъ польскій генералъ Домбровскій, командовавшій этимъ отрядомъ, въ это время онъ дѣлалъ диспозицію и былъ тутъ раненъ въ руку.

Съ разсвѣтомъ начала дѣйствовать артиллерія съ обѣихъ сторонъ, Французы изъ Борисова, а мы къ нимъ изъ-за Березины. Они уже не могли перейти по мосту на эту сторону чтобы дать помощь оставшимся въ укрѣпленіи, а также и тѣ не смѣли выйти изъ укрѣпленія, потому что со всѣхъ сторонъ были окружены. Коломна прошедшая мимо меня на Зембинскую дорогу пробовала ворваться въ деревню Дымки чтобы присоединиться къ своимъ, но испытавъ тщетныя усилія разсѣялось по лѣсу для спасенія своего. Засвѣвъ въ укрѣпленіи непріятель держался упорно до вечера, но предъ сумерками по совѣту полковнику Красовскаго покоренъ штурмомъ.

Въ этотъ день раненъ славный нашъ авангардный начальникъ генералъ-адъютантъ графъ де-Ламбертъ и при штурмѣ убитъ генералъ-майоръ Энгельгардъ.

По взятіи редута предстояло идти къ Борисову. Длинный черезъ рѣку Березину мостъ представлялъ не безопасный дефилей, особенно при видѣ орудій защищавшихъ его. Полковникъ Красовскій предоставлялъ честь идти впередъ командовавшему 13мъ Егерскимъ полкомъ полковнику Избату, но тотъ отвѣчалъ: *ступай ты*; полковникъ Красовскій оборотясь къ намъ сказалъ: 14й Егерскій полкъ впередъ, и мы уже были на мосту. Нашъ молодецъ полковникъ шелъ впереди съ первымъ баталіономъ, я со вторымъ вслѣдъ за нимъ. За нами прочіе полки сомкнутыми полувзводными колоннами. Мы уже прошли до загиба моста, на концѣ его видѣли зѣвающія двѣ гавицы большаго калибра; но вдругъ изъ-за строей по-

казалась неприятельская колонна. Егеря 1-го баталіона закричали *ура!* и остановились. Я для куража сказалъ: второй баталіонъ на руку, впередъ, *ура!* Въмѣстѣ съ этимъ все двинулось бѣгомъ за полковникомъ. Колонна неприятельская отступила назадъ и рассыпалась между строеніями; егеря въбѣжали въ городъ, захватили эту колонну, восемь орудій и разную добычу.

Въ Борисовѣ простояли мы два дня, имѣя впередъ на пути лѣ Оршанской дорогѣ небольшой караулъ. Къ намъ приходили крестьяне изъ деревень, просили ружей и патроновъ для истребленія Французовъ. Они говорили что много мародеровъ шатается по деревнямъ и что Наполеонъ гдѣ-то недалеко. Мы позволили взять имъ ружей и патроновъ, а разказамъ о Наполеонѣ не повѣрили.

11го числа полученъ приказъ о назначеніи авангарднымъ начальникомъ графа Павла Петровича Палена, и вмѣстѣ съ тѣмъ и о выстуленіи въ походъ.

Въ полночь авангардная войска выступила изъ Борисова по Московской дорогѣ. Порошилъ мягкій снѣгъ. Отошедши около пятнадцати верстъ остановились около водяной мельницы. Авангардный начальникъ съ прочими частными начальниками расположились возлѣ огонька въ сараѣ. Въ это время казаки привели одного лѣвшаго офицера, который объявилъ что онъ идетъ въ Борисовъ къ своимъ. Посмѣялись его заблужденію и заключили что у него память примерзла, велѣли дать ему водки и потомъ отослали въ Борисовъ.

Между тѣмъ начало разсвѣтать, войска стали въ ружье чтобъ идти впередъ, но казаки дали знать что неприятель показался очень близко, и тотчасъ слышна стала перестрѣлка. Вскорѣ явились между кавалерійскими наѣздниками лѣвшіе стрѣлки, мы послали своихъ застрѣльчиковъ и загорѣлась ружейная пальба.

Позиція наша образовала небольшой трехъугольникъ, прижатый густымъ лѣсомъ къ небольшому протоку. Кавалерія не имѣла возможности дѣйствовать. Артиллерія едва успѣла сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ и не могла болѣе держаться противъ неприятельскихъ батарей разставленныхъ на широкомъ полѣ. Она снялась съ позиціи и уѣхала; кавалерія послѣдовала за нею. Пѣхота стояла по лѣвую сторону дороги въ колоннахъ прижавшись къ лѣсу. Французы тотчасъ стали наступать рѣшительно. Ихъ кавалерія шла пустою колонной.

Мы встрѣтили ее сильнѣмъ огнемъ и нанесли ей смерть. Но она презирая опасность бросилась къ лѣхотѣ и заставила ее принять съ дороги въ лѣсъ, и пошла по дорогѣ густыми непрерывными колоннами. Мы съ близкой дистанціи били любого кавалериста. Но они не обращали на насъ вниманія, шли можно сказать стѣной. Они всѣ были заколѣвшіе. Латы заржавленные, хвосты на шшакахъ обгорѣвшіе, одежда порванная, прожженная. Нѣкоторые имѣли на себѣ салоны и разныя лохмотья.

Я съ баталіономъ держался возлѣ дороги, и егеря мои безпрестанно валили и всадниковъ, и лошадей, пока были патроны. Густой лѣсъ и болота затрудняли мое отступление; люди устали и промокли, мокрый снѣгъ съ елей валился на насъ, но къ вечеру подулъ сѣверный вѣтеръ и стало морозить.

Завидѣвъ Борисовъ, я полагаю что мы уже избавились отъ опасности, но пришедши ближе увидѣлъ что поле находившееся предъ нами все уже занято было непріятельскою кавалеріей.

Городъ отдѣлялся отъ меня узкою рѣчкой; у меня кромѣ штыковъ къ оборонѣ ничего не было. Малочисленность людей бывшихъ при мнѣ не позволяла рѣшиться ни на какое предпріятіе чтобы пробиться къ мосту. Я укрылся за кустами; когда же въ сумерки начали выходить по дорогѣ изъ лѣсу непріятельскія лѣхотныя колонны, тогда я видя себя въ опасности началъ думать какъ выбраться изъ этой западни.

Я замѣтилъ въ сторонѣ много лежавшихъ жердей, гдѣ прежде были стоги сѣна, рѣшился устроить переправу изъ нихъ, приказалъ носить жерди къ рѣчкѣ и класть на воду. Всѣ бросились къ работѣ, и нижніе чины, и офицеры, но жерди на водѣ расплывались. Я связалъ своимъ шарфомъ четыре жерди, укрѣпилъ ихъ въ берегъ и потомъ накладывалъ на нихъ жерди связанныя другими шарфами, подтыкая концы. Такъ связывая офицерскими шарфами устроил переправу черезъ которую и перелѣзли на четверенькахъ; я вышелъ на возвышенность и увидѣлъ въ Борисовѣ большіе огни и шумъ; не зная кто находится въ городѣ, былъ въ нерѣшимости куда идти. Къ счастью случился здѣсь драгунскій унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой. Я послалъ унтеръ-офицера къ городу чтобы онъ развѣдалъ осторожно кто тамъ. Онъ скоро возвратился съ извѣстіемъ

что въ городѣ непріятель. Послѣ сего я рѣшился идти на червивѣйшійся отъ меня вдалекѣ лѣсъ, пробираясь мимо города; унтеръ-офицеру драгунскому приказалъ вѣхать впереди и увѣдомлять ежели что встрѣтитъ. Городъ былъ такъ близко что слышенъ былъ говоръ людей. Я старался по лощинамъ укрываться чтобы не замѣчена была моя команда.

Наковецъ получивъ извѣстіе что въ томъ лѣсу есть много нашихъ, я велѣлъ прибавить шагу и чрезъ часъ присоединился къ людямъ разныхъ лодковъ. Такимъ образомъ пришли въ селеніе Студенки. Здѣсь переправились чрезъ рѣчку Березину кто какъ могъ. Одна лодка шаткая ходила и часто перекидывалась; нѣсколько казачьихъ лошадей тутъ же были; всякому предоставлялось самому избрать средство для переправы. Я сѣлъ на казачью лошадь и на самой стремнинѣ опустилсѣ съ нею въ воду, но это мѣсто было вешироко и я переплылъ благополучно.

На другомъ берегу видны были большіе огни; я спѣшилъ пробраться къ нимъ, потому что морозъ дѣлался сильнѣе и на мнѣ обмерзло платье послѣ куланья въ Березинѣ. Это была небольшая деревушка Брила, при которой собирались войска переправлявшіяся черезъ Березину. Я присѣлъ возлѣ огня, спереди потекла вода, а сзади охватило льдомъ. „Эхъ, подумалъ я, ежели бы водки вылить, такъ было бы лучше, но гдѣ взять ее.“ Здѣсь было много гусаръ, и я сталъ вслушиваться прилежно нѣтъ ли гдѣ шуму—гдѣ шумъ тамъ и водка—и замѣтилъ въ одной кучкѣ брань. Я тотчасъ отправился туда. Тутъ гусары трепали себя по усамъ. „Стои! закричалъ я, что за драка, развѣ мало вамъ Французовъ, дураки! Ложись спать! Завтра въ дѣло.“ Тогда унтеръ-офицеръ сталъ жаловаться что его не слушаютъ, а отъ него такъ водкой и несетъ. Когда разошлись солдаты, я спросилъ: нѣтъ ли у него водки. „Есть, ваше высокоблагородіе“.—Дай, другъ, мнѣ немножко... Ты видишь, я весь мокръ. „Извольте, ваше высокоблагородіе“ и подалъ мнѣ четверть графина прекрасной померанцовки. Я вылилъ его до половины; потомъ досталъ у себя въ карманѣ цѣпковый, отдавая ему, сказалъ: ужъ предоставь въ мою волю эту водку. А онъ сказалъ: „извольте кушать на здоровье“. Я велѣлъ себя раздѣть; легъ возлѣ огня на соломѣ и переворачивался какъ жаркое на вертелѣ. Нечаянно уснулъ. Огонь пробрася по соломѣ ко мнѣ и прилегло мнѣ въ затылокъ Я

вскочилъ, погасилъ пожаръ на своей головѣ, схватилъ свой мундиръ и отошелъ прочь. Надѣлъ мундиръ и дрожь меня проняла. Я пошелъ въ избушку, начиненную разнымъ начальствомъ, кое-какъ вмѣстился въ потьмахъ и проспалъ до свѣта. При повѣркѣ людей, въ баталіонѣ моемъ оказалось болѣе ста человекъ, и къ полудню собралось до двухсотъ; а въ первомъ баталіонѣ едва собралось 50 человекъ.

13го числа съ утра до половины дня, все еще переправлялись наши остатки чрезъ Березину; но послѣ, въ половинѣ дня, явились французскіе развѣзды, а къ вечеру оказалось уже ихъ много.

Полки наши были малочисленны людьми, но и тѣ потребованы къ Борисовскому мосту. Здѣсь осталась небольшая часть гусаръ, уланъ, казаковъ и егерей 28го и 32го егерскихъ полковъ.

14го числа началось сраженіе при нашей переправѣ. (13го числа Французы въ ночь устроили переправу и пошли уже большими массами; находившіеся тамъ кавалеристы не могли препятствовать по малочисленности.) Полкамъ бывшимъ возлѣ моста приказано слѣзти туда; но неприятельскія войска укрѣпились на этой сторонѣ; завязалось жаркое дѣло и насъ оттѣснили въ лѣсъ. Мы получали постепенно небольшія и незначительныя подкрѣпленія, и сраженіе шло съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ; но Французы уже пошли большими массами къ Зембину; они переправлялись и ночью, и всю ночь была перестрѣлка. Вечеромъ видно было на сѣверной сторонѣ далеко за рѣкой зарево. Это былъ корпусъ графа Витгенштейна, который шелъ во флангъ неприятелю. 15го числа возобновилось жестокое сраженіе. Ночью Французы кончили свою переправу.

На Березинѣ устроено было имъ два моста на лотахъ изъ разобранныхъ хатъ въ Студенкѣ. Мосты эти были не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго. На лѣвомъ берегу поле заставлено множествомъ разнаго рода экипажей и усыяно мертвыми людьми и лошадьми.

16го числа войска наши налегли на неприятеля и пресѣдовали его быстро. Тутъ представился весь ужасъ гнѣва Божія. Нельзя привести на мысль безъ содроганія и страха картины открывшейся предъ нашими глазами. На дорогѣ вездѣ разметаны были мертвыя тѣла войскъ Наполеона, гордившихся побѣдами. Войска его не были уже строй-

ныя массы, но толпы смѣшавшихся всѣхъ родовъ и разноплеменныхъ народовъ. Они шли машинально какъ тѣни вслѣдъ товарищей своихъ. Сидились возлѣ огня, разложенныхъ при дорогѣ; грызли замерзшую козину или мертвыхъ товарищей своихъ, между коихъ валялись и замерзшія дѣти. Одно сидѣло возлѣ огня окутанное изорваннымъ саломомъ; мать лежала мертвая уже. Я проникнуть былъ чувствомъ состраданія къ этому невнятому созданію, но пособить ему не имѣлъ возможности; при насъ не было дѣньщиковъ. Закрывъ глаза я прошелъ. Въ цюмъ мѣстѣ дрова еще тлѣли на кострѣ, но возлѣ него лежали окостенѣвшіе люди или боролись со смертью. Тѣ которые въ состояніи были владѣть оружіемъ торопились отступать. Если же гдѣ останавливались и завязывалось дѣло, то это было на короткое время: они тутъ же рѣзали артиллерійскихъ лошадей и вѣи. Потомъ вида себя въ атакѣ оставляли артиллерию на мѣстѣ и уходили. Случалось иногда что мы ночевали съ ними въ одной деревнѣ безъ драки и по утру забирали ихъ въ лѣвнѣ. Тѣ славные гвардейцы, краса Наполеоновыхъ войскъ, лишенные теперь отъ голода силъ, претерпѣвали вездѣ ругательства и любви не только отъ Евреевъ, но даже и отъ почитателей ихъ ксендзовскихъ слугъ, которые полѣвьями выгоняли ихъ со двора. Несчастные эти воины забыли свою гордость и свою славу.

Ночлеги наши представляли болѣе шумныя торжища нежели воинскій станъ. Казаки обремененные богатою добычей раскладывали при огняхъ разныя драгоценныя вещи: золото, серебро въ слиткахъ, часы, табатерки, столовые приборы, помятыя и поломанныя ризы съ образовъ. Все это отдавали за самую низкую цѣну и требовали ассигнацій, потому что серебряная и золотая монета тяготили ихъ.

Не доходя Вильны собралось въ корчмѣ деревенской множество Франгузовъ и по случаю сильнаго мороза, державшаго постоянно отъ самой Березины, разложили возлѣ стѣвъ много огня и сами тѣснились къ нему. Стѣвы загорались, но они не обрищали на это выманія; многіе изъ сихъ обезумѣвшихъ людей ломали крышу, несли въ корчму и каали на огонь. Солдаты вызывали ихъ вонъ, но они только оглядывались и ни одинъ не трогался съ мѣста. Корчму обхватилъ огонь и ихъ тутъ погибло болѣе 100 человекъ. Подобныя сими зрѣлища представлялись во многихъ мѣстахъ.

Наконецъ достигли мы Вильны. Острая Брама такъ завалена была трупами что пройти здѣсь было невозможно, и потому вошли въ городъ проломомъ въ стѣнѣ съ лѣвой стороны бывшимъ и чрезъ стѣнной рынокъ. Въ городѣ вездѣ по улицамъ тоже валялись трупы. Церковь Св. Духа наполнена была больными и ранеными русскими солдатами, посрединѣ церкви разложены огни въ трехъ мѣстахъ, дымъ зачернилъ всѣ стѣны и окошки, безъ огня совершенно ничего не видно было.

14й Егерскій полкъ расположился въ городѣ по квартирамъ. Тутъ всякій кто хотѣлъ имѣть добычу, могъ удовлетворить себя за деньги и безъ денегъ. Богатые экилажи можно было брать безденежно и драгоценныя вещи имѣть за ничтожную цѣну. Одинъ капитанъ 7го Егерскаго полка при очищеніи Острой Браммы захватилъ очень много луидоровъ. Я послѣ дорожнаго ухаба боролся съ лихорадкой, куда не выходилъ и ничемъ не пользовался.

Я назначенъ былъ дежурнымъ по карауламъ, но будучи не въ состояніи исполнить эту должность, просилъ полковника чтобы нарядить вмѣсто меня Горемыкина, что и было исполнено. Ему такъ понравилась эта должность что остался совсѣмъ въ Вильнѣ. Тутъ же остался и капитанъ Романовичъ. Они заботѣли алчностью, а я остался при полку.

Простоявъ въ Вильнѣ дня три, мы выступили въ походъ. Въ тѣснинѣ Панарскихъ горъ брошены были послѣдніе экилажи. Число замерзшихъ тѣлъ встрѣчаемыхъ по дорогѣ уменьшилось, а потомъ и совсѣмъ не стало ихъ. Мы перешли рѣку Нѣманъ по льду въ мѣстечкѣ Прены въ началъныхъ числахъ декабря. Перешедъ Нѣманъ 14й Егерскій полкъ остановился на квартирахъ, и причисленъ былъ къ отряду генералъ-адъютанта графа Михаила Семеновича Воронцова.

Простоявъ съ недѣлю на квартирахъ отрядъ нашъ выступилъ въ Пруссію. Мы надѣялись еще найти гдѣ-нибудь остатки французскихъ войскъ, однакоже нигдѣ ихъ не постигли. Жители приняли насъ съ радостію какъ друзей и угощали офицеровъ и солдатъ. Донскіе казаки подгулявши нарядились во французскіе маршальскіе мундиры и танцевали казачка; Нѣмцы смотрѣли на это и удивлялись.

Говорили что вице-король Италіанскій находится въ городѣ Маріенвердеръ. Отрядъ нашъ, выступивъ ночью слѣ-

довалъ къ этому городу въ совершенной готовности къ бою, но неприятелей мы уже тамъ не застали. Они бывъ предупреждены атакой казаковъ изъ отряда генерала Чернышева отступили послѣшно; самъ вице-король Италіанскій едва не захваченъ былъ въ плѣнъ. Жители приняли насъ съ радостію.

VIII.

Января 3го дня 1813 года, поутру, отрядъ нашъ перешелъ по льду рѣкѣ Вислѣ и отошедши пятнадцать верстъ расположился ночевать по деревьямъ.

3го, перешедши мѣстечко Швець при рѣкѣ Вислѣ, гдѣ имѣлся большой французскій госпиталь, расположились ночевать въ нѣмецкихъ колоніяхъ по берегу рѣки Вислы и тутъ же имѣли дзевку.

Того же числа получено было свѣдѣніе что въ городѣ Бромбергѣ имѣются разные французскіе склады. 7го числа до разсвѣта выступилъ туда 14й Егерскій полкъ. Но на дорогѣ получено извѣстіе что изъ крѣпости Торнау идетъ неприятель въ превосходныхъ силахъ, однакоже 14й Егерскій полкъ несмотря на это прошелъ чрезъ городъ парадно съ музыкой и остановился за заставой.

Неприятель уже былъ не далеко, и мы скоро увидѣли его большія колонны. Онъ шелъ по двумъ дорогамъ, а насъ всего было одинъ только 14й Егерскій полкъ, котораго составъ не превышалъ 600 человекъ, да 200 казаковъ и намъ не возможно было вступить съ неприятелемъ заѣвъ въ дѣло. Мы начали отступление, возлѣ стѣнъ города, и перешедши по льду черезъ рѣчку, остановились на лѣвомъ берегу ея. Началась перестрѣлка, но я замѣтивъ намѣреніе неприятеля пересѣчь намъ отступление, доложилъ полковнику Красовскому отступить къ лѣсу, дабы неприятель не могъ занять его прежде насъ. Полковникъ согласился на это. Французы, построясь въ боевой порядокъ, открыли пальбу изъ орудій, однако же не сдѣлали намъ никакого вреда. Въ это время начали подходить наши пѣхотные батальоны и артиллерія, и дѣло пошло живѣе; но превосходство силъ неприятельскихъ заставило насъ оставить свою позицію, мы прошли лѣсъ и расположились на возвышенности.

Неприятель не преслѣдовалъ насъ, но занялъ Бромбергъ. Мы простояли здѣсь до вѣчи и потомъ возвратились на прежнія квартиры. Потеря наша состояла въ одномъ раненомъ казацкѣ, а у неприятеля легло на мѣстѣ трое убитыхъ лучшими отъ нашей артиллеріи ядромъ.

8го числа получено свѣдѣніе что неприятель забравъ изъ магазиновъ вещей сколько могъ, ушелъ обратно въ крѣпость Торнау. Казаки заняли Бромбергъ. Вслѣдъ за симъ получено приказаніе и намъ вступить въ Бромбергъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано мнѣ быть временнымъ комендантомъ въ городѣ, гдѣ и весь отрядъ расположился.

Число нашихъ войскъ приказано было показать въ увеличенномъ видѣ и соразмѣрно тому предписано жителямъ отлукать провіантъ. Приверженцы Французовъ Поляки замѣтили это, но желая болѣе удостовѣриться въ истинѣ спрашивали у меня для чего отлукается лишній провіантъ. Для того, отвѣчалъ я имъ, что не достающіе люди имѣютъ прибыть съ обозами, и потому нужно имѣть въ запасъ печеный хлѣбъ чтобы не было недостатка. Потомъ доложилъ объ этомъ графу Воронцову, который приказалъ выдавать провіантъ попрежнему. Но какъ я дѣятельно разыскивалъ по довозамъ объ оружіи сокрытомъ жителями, то они желая усилить и задобрить меня, сдѣлали въ честь мою балъ у хозяина моего, будто бы по случаю моихъ именинъ. Я замѣтивъ лукавый умыселъ ихъ приказалъ на ночь удвоить всѣ мѣры осторожности и продолжать отыскивать оружіе. Послѣ ужина когда уже расходились гости по домамъ, явились двѣ прекрасныя просительницы, не имѣющія собственныхъ домовъ, съ жалобой на офицеровъ. Я послалъ съ ними разобратъ дѣло молодого моего адъютанта и жалоба ихняя вѣроятно имъ удовлетворена, потому что онѣ послѣ не являлись ко мнѣ. Я провелъ всю ночь безъ сна. На другой день отыскано 600 ружей новыхъ англійскихъ и множество ликъ въ подвалахъ подъ пустыми домами. Англійскія ружья взяты въ 14й Егерскій полкъ, а ликовыя дровки сожжены въ караульняхъ. Желѣзо брошено ночью подъ шлюзы. Городъ этотъ хотя не большой, но выстроенъ хорошо и кулечество богатое. Черезъ городъ проведенъ водяной каналъ, посредствомъ

кого производится коммуникація отъ Вислы до Берлина; съ полуденной стороны прилегаютъ къ нему возвышенности почти доминирующія надъ городомъ, а къ сѣверу равнины. Отрядъ простоялъ здѣсь двѣ недѣли.

29го числа января съ восходомъ солнца отрядъ нашъ приблизился къ мѣстечку Рогозину въ боевомъ порядкѣ и остановился востанъ озера. Непріятель выстраивался за озеро, но ядра брошенныя отъ нашей артиллеріи разстроили его, между тѣмъ застрѣльщики наши, проходя по рыхлому льду, приближались къ мѣстечку Рогозину, черезъ которое онъ долженъ былъ дѣлать отступленіе, и потому онъ началъ послѣднью свое отступленіе по дорогѣ къ городу Познани; къ счастью его у насъ не было кавалеріи, при содѣйствіи ея весь этотъ непріятельскій отрядъ былъ бы разбитъ совершенно. Но одна пѣхота не могла скоро сблизиться съ нимъ по причинѣ вязкой грязи. При всемъ неудобствѣ мы однако же взяли въ плѣнъ 400 человекъ и нѣсколько убили изъ орудій. Наша потеря состояла изъ двухъ человекъ убитыхъ ядрами.

Февраля 1го мы достигли Познани. Тамъ находилась еще вице-король Италіанскій. Онъ имѣлъ двѣнадцать тысячъ войска и двѣнадцать орудій; но узнавши о нашемъ приближеніи, ночью отступилъ. Нѣкоторые изъ жителей города Познани прибѣжали къ передовымъ казачьимъ постамъ и сказали что Французы грабятъ костелы и уходятъ, и наши казаки тотчасъ заняли городъ. Непріятель былъ сильнѣе нашего отряда (пять тысячъ человекъ), но отступилъ вѣроятно потому что опасался нашихъ войскъ находившихся въ Калишѣ. Поляки, здѣсь живущіе, ругали Французовъ за то что они ушли безъ боя.

Городъ этотъ обширенъ, обведенъ каменною стѣной и содержится опрятно. Черезъ него протекаетъ рѣка Варта. Жители его Нѣмцы и Поляки. Первые занимаются торговлей и мануфактурными произведеніями. Одна изъ лучшихъ улицъ почтена именемъ Наполеона, а также и площадь. Поляками изъ лести въ удобность великому полководцу во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ улицы назвали Наполеоновскими. Мы простояли здѣсь двѣ недѣли, познакомились съ гражданами и разстались друзьями.

17го февраля выступилъ отрядъ нашъ въ старую Пруссію, въ городъ Франкфуртъ, на рѣкѣ Одерѣ. Переправясь черезъ

рѣку на паромахъ (бывшій мостъ сожгли Французы при отступленіи), расположились по квартирамъ въ городѣ. Жители приняли насъ радушно. Городъ хотя не обширенъ, но жителей много. Окрестности его прелестны.

1го марта 14й Егерскій полкъ выступилъ для ближайшаго наблюденія за Кистринскою крѣпостью, которую занимали еще французскія войска. Въ это время Прусское правительство сдѣлало къ народу воззваніе о составленіи народныхъ милиціонныхъ войскъ, которое принято было во всѣхъ сословіяхъ съ восторгомъ и началъ формироваться ландверъ.

Командиръ 14го Егерскаго полка, полковникъ Красовскій, 24го марта предпринялъ было намѣреніе отбить у непріятеля Кистринскіе провіантскіе магазины, бывшіе отъ крѣпости на лущечный выстрѣлъ, и успѣлъ было отбить караулы, но гарнизонъ сдѣлалъ сильную вылазку и опять завладѣлъ магазинами.

2го апрѣля полкъ выступилъ къ крѣпости Магдебургу. Жители сдружились съ нами за тихое и миролюбивое обращеніе. Мы прошли небольшой городокъ Милерозе, расположенный на прелестномъ мѣстѣ. Весна уже начала развивать свои прелести, и походъ нашъ былъ похожъ на пріятную прогулку. 12го прибыли въ селеніе лежащее при заливѣ рѣки Эльбы, въ семи верстахъ отъ Магдебурга. Егерскіе аванпосты расположились по опушкѣ стараго дубоваго лѣса; предъ нами разстилалась равнина до самой крѣпости.

Крѣпость Магдебургъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Эльбы, а на правомъ берегу тетъ-де-ломъ. Крѣпость обведена двойнымъ рвомъ, кромѣ наружныхъ укрѣпленій. Непріятельскій гарнизонъ состоялъ изъ пятнадцати тысячъ человекъ.

Погода была прекрасная. Мы съ удовольствіемъ жили на своихъ ликетахъ подъ тѣнью роскошныхъ вѣковыхъ дубовъ; при восходѣ солнца любовались видомъ крѣпости. Тамъ блестяли на башняхъ золотые шары. Иногда забавлялись перестрѣлкой черезъ рѣку съ французскими часовыми; ночью слушали, при бивуачномъ огнѣ, лѣсни соловьевъ. Въ праздничные дни на берегу Эльбы играла полковая музыка и мы рѣзвились межъ собой. Жители разнаго званія и пола выходили изъ крѣпости и на противоположномъ берегу вальсировали подъ нашу музыку, приглашая насъ къ себѣ.

Французамъ не понравилось это. Ихъ часовые, стоявшіе въ кустахъ, начали стрѣлять по намъ. Мы предвидѣли это и имѣли за деревьями въ запасъ искусныхъ стрѣлковъ, которые тотчасъ открыли военную переключку и нѣсколько человѣкъ Французовъ залатали жизнью за свою дерзость.

Между тѣмъ графъ Воронцовъ получалъ свѣдѣніе что непріятельскій отрядъ слѣдуетъ въ главную свою армію съ разными военскими припасами черезъ городъ Лейпцигъ. Онъ тотчасъ рѣшился напасть на него. Для этой экспедиціи выбраны были отличнѣйшіе солдаты и офицеры изъ всего отряда. Всѣхъ этихъ людей посадили на обыкновенныя подводы и поспѣшили къ Лейпцигу, куда отправился и полковникъ Красовскій, а мнѣ приказано было остаться съ полкомъ на правомъ флангѣ блокадной линіи и на этотъ случай прикомандированъ былъ одинъ баталіонъ прусскаго ландвера и нѣсколько десятковъ Донскихъ казаковъ.

Оставшись здѣсь главнымъ начальникомъ, я приказалъ выводить людей изъ лѣса на лугъ по утрамъ для ученія. Это все могъ видѣть непріятель изъ крѣпости. Ночью я послалъ 60 человѣкъ казаковъ на лѣвый берегъ Эльбы, которые напали на полевые лжеты и преслѣдовали ихъ до крѣпости; изъ крѣпостныхъ валовъ стали стрѣлять изъ орудій и выводить въ поле колонны лѣхотныхъ. Казаки отступили назадъ подъ прикрытіемъ кустарниковъ и переправились на правый берегъ обратно вплавъ; артиллерійскія орудія поставлены были въ опушкѣ лѣса, такъ что непріятель не могъ ихъ видѣть.

Графъ Воронцовъ дѣйствительно успѣлъ захватить непріятельскій отрядъ въ городѣ Лейпцигѣ. Но начальникъ онаго выслалъ парламентаря съ объявленіемъ что онъ не можетъ сражаться, потому что имѣетъ извѣщеніе о заключеніи перемирія. Графъ Воронцовъ потребовалъ чтобы непріятельскій отрядъ остался въ такомъ положеніи, какъ онъ находился; требованіе его было удовлетворено. Черезъ нѣсколько часовъ получалъ графъ изъ нашей главной квартиры предписаніе извѣщавшее о заключеніи перемирія и возвратился къ своему отряду.

По заключеніи перемирія мы сдали блокаду крѣпости Магдебурга Прусакамъ, войска нашего отряда отступили назадъ четыре мили и 14й Егерскій полкъ расположился въ

небольшомъ городкѣ Бургѣ, и отрядная квартира въ городѣ Брандербургѣ. Стоя по квартирамъ мы занимались ученіемъ и здѣсь я съ полковымъ командиромъ Красовскимъ положили первое правило о переправѣ застрѣльчиковъ черезъ мостъ, которое въ послѣдствіи, въ 1834 году, принято для переправы застрѣльчиковъ общимъ правиломъ.

Между занятій по службѣ оставалось еще довольно свободнаго времени, которое мнѣ позволяло по мѣрѣ возможности вникать въ нравы, обычаи и религиозные обряды здѣшнихъ жителей, и въ особенности деревенскихъ. Городскіе жители имѣли вездѣ свои исключенія и прибавленія. Конечно, я не могъ всего объять въ подробности, и по краткости времени, и потому что я самоучкой могъ объясняться на нѣмецкомъ языкѣ, но сколько могъ ловимать, такъ и записалъ для памяти.

Религія господствуетъ лютеранская, распротраненная Мартыномъ Лютеромъ, который былъ прежде римско-католической церкви монахъ, но былъ оскорбленъ начальствомъ и вида злоупотребленія допускаемыя папою подъ покровомъ религиозныхъ правилъ, рѣшилъ отдѣлиться отъ римской церкви и составить въ иномъ видѣ дѣла церкви, рѣшился и твердою волею преодолевая всѣ гоненія составилъ въ новомъ порядкѣ понятій религію, которая оторвала отъ папской власти великую массу людей. Но его послѣдователи не почитаютъ его святымъ, а только умнымъ человекомъ.

Онъ увѣрилъ своихъ послѣдователей что всѣ святые были подобные намъ люди, что они сами молились Богу и Богъ внималъ усерднымъ молитвамъ ихъ. Слѣдовательно и теперь всякій человекъ можетъ безъ посредниковъ просить Бога о томъ чего онъ желаетъ. Поэтому ни въ домахъ ни въ киркахъ никакихъ святыхъ образовъ не имѣется, въ киркахъ однако же имѣется крестъ съ распятымъ Спасителемъ и въ нѣкоторыхъ изображены апостольскіе лики какъ проповѣдники Евангелія. Но по большей части на стѣнахъ ставятъ портреты знаменитыхъ людей или строителей. По подобію римскаго обряда имѣется жертвенникъ, гдѣ совершаются обряды таинствъ и кафедра для пастора проповѣдника; во время служенія поютъ всѣмъ народомъ въ киркѣ псалмы, имъ аккомпанируетъ органъ на хорахъ. Причастіе принимаютъ по подобію римскаго обряда, но не исповѣдываютъ

грѣховъ своихъ предъ пасторомъ. Всякій долженъ только при этомъ случаѣ вспомнить ихъ, помянуть о своемъ заблужденіи и просить у Бога прощенія. Дѣти не достигшія 15 лѣтъ и не имѣющія достаточнаго понятія о догматахъ вѣры не допускаются къ приобщенію; безъ муроломаванія и приобщенія ни одинъ человѣкъ не можетъ нигдѣ опредѣлиться ни къ какой должности, даже и къ частному чело-вѣчку, а дѣвица не можетъ выйти замужъ.

Пасторъ есть вмѣстѣ и приходскій учитель. На послѣдней недѣлѣ Великаго Поста производится экзамень дѣтямъ въ киркѣ послѣ обѣда, при собраніи народа. Всѣ вообще мушны должны умѣть читать; пасторы женаты.

При бракосочетаніи соблюдается слѣдующій обрядъ: пасторъ объявляетъ въ киркѣ три раза по воскреснымъ днямъ о томъ что такой-то съ такою-то дѣвицей намѣренъ вступитъ въ супружество, и если въ продолженіе трехъ недѣль не откроется никакого препятствія, то пасторъ благословляетъ бракъ. Прочитавъ изъ Евангелія и Апостоловъ приличные тексты съ присовокупленіемъ и отъ себя поученія и тѣмъ кончается обрядъ религиозный.

Союзы супружескіе не тверды и весьма легко допускается разводъ. Жена почитается какъ другъ, не претендуя другъ на друга за стороннюю свободу; одно благоразуміе только скрѣпляетъ союзы въ высшемъ классѣ людей, въ нижнемъ необходимость, потому что земледѣльцу нужна помощница въ домѣ. Ссоръ и дракъ мужа съ женой мнѣ никогда не случалось видѣть въ продолженіи двухъ лѣтъ.

Хозяйка дома, какого бы званія она ни была, сама занимается всѣмъ домашнимъ управленіемъ, отлускаетъ провизію на кухню, сама присматриваетъ тамъ и ведетъ всему вѣрный счетъ, за то кушанье приготовлено хорошо, чисто и опрятно. Послѣ стола пересматриваетъ оставшіяся кушанья, и приказываетъ что оставить такъ къ ужину, и изъ какихъ приготовить другія. Мать имѣющая взрослыхъ дочерей приучаетъ ихъ къ порядку по хозяйству, поручаетъ имъ по очереди хозяйство подъ собственнымъ надзоромъ; но это не мѣшаетъ имъ знать грамоту, музыку, танце и иностранные языки, особенно по городамъ и въ высшемъ классѣ; притомъ она всегда опрятна и готова принять и занять гостя. Однимъ словомъ, хозяйка дѣйствуетъ въ домашнемъ хозяйствѣ какъ полный властелинъ, расширяетъ

и уменьшаетъ кругъ расходовъ, но мысль ея всегда стоитъ на центрѣ благоразумной экономіи.

Дворянство и кулечество имѣютъ людей для прислуги очень мало, во при такой малой прислугѣ вездѣ виденъ порядокъ, чистота и опрятность. Въ городахъ нище на улицахъ не шатаются, это воспрещено строжайше, въ каждомъ городѣ возлѣ воротъ виситъ булава и при ней на черной доскѣ написано: „кто будетъ просить подаваніе тотъ будетъ выгнанъ изъ города съ безчестьемъ“. Посты праздноватающихъ людей по городамъ нѣтъ; всакіи возможности трудами своими добываетъ себѣ пропитаніе. совершенные казѣнки прирѣчны правительствомъ.

Огороды не отгораживаются каждый отдѣльно, но только отъ улицы и внутри отдѣляются только межами, и при томъ порядкѣ не слышно чтобы кто-нибудь посягнулъ на чужую собственность. Поселяне имѣютъ земли немного, и удобряютъ и обрабатываютъ ее рачительно; каждый деревенскій хозяинъ имѣетъ на дворѣ яму широкую, но неглубокую, куда бросаютъ солому, листья, навозъ и всякій соръ. Дѣти собираютъ на улицѣ пометъ животныхъ въ корзины и относятъ къ себѣ на дворъ.

Каждый ремесленникъ однимъ своимъ ремесломъ занимается, не мѣшая другъ другу; тотъ который дѣлаетъ металлы не ставитъ дѣлать металы, и наоборотъ.

Съ дѣтьми въ младевическихъ дѣтахъ поступаютъ ласково но чтобы заставить ихъ учиться, первоначально даютъ имъ для игры косточки съ литерами, и требуютъ чтобы косточки онъ называлъ по литерамъ; такимъ образомъ играя съ косточками онъ затверживаетъ литеры. Сверхъ этого не разговариваютъ имъ небывающаго, не внушаютъ страховъ и не наставляютъ ихъ всякаго воображенія ни въдьмами, ни упырями ни домовыми, ни чертами, какъ у насъ водится. У Нѣмцевъ не такъ, они безъ всякаго гнѣва и шутокъ удовлетворяютъ ребенка, изъясняя ему точныя понятія о вещи.

Преступленія большею частію наказываются денежнымъ взысканіемъ, не исключая и сомнительныхъ смертоубійствъ но открытое смертоубійство наказывается смертію. Преступниковъ не смертоубійцъ выставляютъ у публичнаго столба, который имѣется въ каждомъ городѣ на площади либо тутъ же сажаютъ въ желѣзную кавѣтку пильницъ и

позоръ, но они весьма рѣдки, въ продолженіи двухъ лѣтъ мнѣ не случалось видѣть ни одного..

Подати казенная положены не съ души, но съ имущества каждаго, поэтому никто изъ оной не изымается, ни земледѣлецъ, ни дворянинъ; военный постой также назначается по состоянію не исключая и дворянъ; но на продовольствіе всю провизію получаетъ хозяинъ изъ магазина въ натурѣ, дома только приготовляетъ ее.

Страховая общества отъ огня обезпечиваютъ каждаго застрахованнаго дома своей на случай пожара. Если домъ сгорѣлъ безъ умысла хозяина, то онъ получаетъ отъ общества ту сумму въ какую оцѣненъ былъ домъ; хозяинъ же застрахованнаго дома платитъ обязанъ съ капитала ежегодно проценты. Каждый городъ какого бы онъ пространства ни былъ обводится стѣной для того чтобы удобнѣе было собирать пошлину отъ прѣзжающихъ въ городъ поселянъ для продажи своихъ произведеній; пошлина положена со всего продажнаго.

На государственномъ шоссе, то-есть дорогѣ устроенной изъ разбитыхъ камней, чрезъ каждыя семь верстъ построены небольшие каменные домики и при нихъ шлагбаумъ, здѣсь живутъ: смотритель, собирающій пошлину съ прѣзжающихъ отъ каждой лошади и съ прогоняемаго скота отъ штуки; заплатившій пошлину получаетъ отъ смотрителя печатную цидулку, которую представляетъ сборщику на слѣдующей заставѣ. Отъ шлагбаума проведена цѣль желѣзная сквозь стѣну въ домикъ къ сборщику. Всякій прѣзжающій останавливается стучить въ окошко, подаетъ сборщику прежнюю цидулку и деньги слѣдующія, а отъ него получаетъ другую. Кажется правительству по этимъ цидулкамъ ловѣряетъ сборщиковъ. Должность эту исполняютъ отставные солдаты и получаютъ хорошее жалованье, пошлинныхъ же денегъ собирается до 200 талеровъ въ мѣсяцъ на каждой заставѣ. Всѣ рѣки какія протекаютъ въ Германіи имѣютъ береговыя дамбы или насыпи высокія по обоимъ берегамъ для того чтобы при случаѣ наводненія вода не заливала полей.

При каждомъ городѣ на выгонѣ имѣется шницъ-гаузь (стрѣлковый домъ), гдѣ ежегодно городскіе стрѣлки доказываютъ свое искусство публично. Изъ числа ихъ избирается лучший стрѣлокъ королемъ стрѣлковъ; званіе это исключаетъ

его отъ плачежа городу лошаками за производимый имъ торгъ; выборъ короля производится слѣдующимъ образомъ.

Юня мѣсяца, въ опредѣленный день поутру, съ 9 часовъ собираются все городскіе стрѣлки къ городской ратушѣ съ музыкой, куда приглашаются и почетные граждане и почетныя лица присутствующія въ городѣ. Берутъ изъ ратуши городскія знамена и идутъ къ дому прежняго стрѣлковаго короля, который одѣвшись въ мундиръ съ генеральскими эполетами сидитъ посреди комнаты на креслахъ, штыя на груди серебряныя бляхи, на которыхъ написаны привилегіи ему принадлежащія; два почетные гражданина входятъ въ домъ, берутъ короля подъ руки, выводятъ его на улицу при игрании музыки, ставятъ лошади знаменъ и ларядно маршируютъ къ шницъ-гаузу.

По прибытіи на мѣсто, вводятъ короля на второй этажъ дома и сажаютъ посреди залы на кресла, такъ чтобы могъ онъ видѣть стрѣльбу въ цѣль въ саду производимую; здѣсь приготовленъ уже завтракъ на счетъ короля. Онъ предлагаетъ завтракать, самъ не касаясь ни къ чему, и тотчасъ начинается стрѣльба въ цѣль на дистанціи 100 шаговъ; для этого дѣлается новый кругъ въ діаметръ на 1½ аршина и въ центрѣ его изображаютъ черною краскою кружокъ въ 3 вершка; его вѣшаютъ на дубовый крестъ, за крестомъ каменная стѣна; съ лѣвой стороны, возлѣ мишени, построена каменная каморка, обращенная дверьми къ мишени; здѣсь помѣщаются два человѣка для замѣчанія куда кто попадетъ. Стрѣльба производится поочередно; стрѣлять позволяется изъ рукъ или съ подставки, изъ ружей или штуцеровъ; тотъ кому слѣдуетъ стрѣлять входитъ въ особую бесѣдку и располагается къ стрѣльбѣ какъ ему угодно. Послѣ всякаго выстрѣла барабанщикъ бьетъ отбой; въ это время осматриваютъ сидящіе въ каморкѣ два человѣка мишень и забиваютъ колышекъ въ дыру, гдѣ проша лугая; если кто попадетъ въ центръ, тому музыканты играютъ маршъ, а тому кто сдѣлаетъ промахъ барабанщикъ бьетъ дробь и зрители смѣются. По окончаніи палубы, король отводится съ церемоніей на квартиру, стрѣлки знамена относятъ въ ратушу и расходятся по домамъ. Въ первый день стрѣльба была только для пробы, а на другой день такимъ порядкомъ приводится король, и послѣ завтрака

начинают стрѣлять въ новую мишень, и кто попадетъ въ центръ или ближе всѣхъ къ центру, тотъ уже назначается королемъ новымъ; затѣмъ кто ближе попалъ къ центру послѣ его, тотъ назначается вице-королемъ.

Какъ только пальба кончится, тотчасъ снимаютъ съ прежняго короля серебряныя бляхи и украшаютъ ими новаго; ведутъ его съ церемоніей на квартиру и за нимъ несутъ мишень увѣшанную лентами и вѣтками отъ дамъ, тутъ же присутствующихъ. Новый король долженъ сдѣлать вечеринку того же дня.

Предъ начатіемъ стрѣльбы, для отвращенія подозрѣнія, новая мишень осматривается всѣми и тогда уже вѣшаютъ ее на крестъ.

Въ то время когда мы квартировали въ Бургѣ, я былъ изъ старшихъ воинскихъ начальниковъ; меня пригласили къ этому церемоніалу и предложили стрѣлять за государя нашего; я, не будучи увѣренъ въ твердости руки моей, назначилъ вмѣсто себя офицера, который стрѣлялъ весьма хорошо, и самъ былъ въ числѣ зрителей. Когда осматривали мишень прежде стрѣльбы, я замѣтилъ на центрѣ мишени какъ будто что-то приклеенное. Офицеръ долженъ былъ стрѣлять первый; онъ выстрѣлилъ, изъ каменной стѣны за мишенью показалась лыя. Между тѣмъ, тѣ которые смотрѣли кто куда попадаетъ забили колышекъ въ самый центръ, музыка заиграла, и они начали вальсировать. Я хотѣлъ было посмотреть, но мнѣ сказали что прежде окончанія пальбы смотреть невозможно. По окончаніи пальбы надѣли на офицера бляхи и отвели его на квартиру съ церемоніей. Вечеромъ онъ сдѣлалъ маленькое угощеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ данныя ему отъ прежняго короля подложныя серебряныя ложки и всѣ знаки вице-королю.

Сомнѣніе которое я имѣлъ о выстрѣлѣ этого офицера не оставало меня; я желалъ посмотреть мишень непосредственно, а какъ мишень оставлена у него на квартирѣ, то мы вмѣстѣ съ нимъ вынули центральный колышекъ и, къ его удивленію, увидѣли что въ этомъ мѣстѣ провернута была дыра прежде, но не насквозь, а сверху заклеена бумагой и окрашена черною краской. Несмотря однако же на эту хитрость, граждане города опубликовали въ газетахъ что русскій офицеръ стрѣлялъ за своего императора и попалъ въ самый

центр; изъ этого они выводили что это значить то что Александръ побѣдитъ Наполеона. Предсказаніе ихъ оправдалось.

Въ продолженіе перемирія отрядъ графа Воронцова итъ честь представляться кромъ-принцу шведскому Берноту при городѣ Бранденбургѣ.

Во время смотра день былъ жаркій, нѣсколько солдатъ отъ жару упали на маневрѣ. Замѣтивъ это, принцъ похвѣхалъ къ нимъ, слѣзъ съ лошади и приказалъ лейбъ-медику своему дать пособіе.

Послѣ смотра графъ Воронцовъ угощалъ его высочести обѣдомъ, во время коего играла полковая музыка и пѣльсенники. Къ послѣднимъ былъ принцъ весьма внимателенъ; когда же подано было лирожное, представлявшее красоту, то онъ приказалъ адъютанту своему подать его пѣльсенникамъ, которые тотчасъ закричали: ура! Крѣпости стало, и блюдо разсыпалось въ дребезги. Принцъ, разсѣвшись, сказалъ: „браво! они хорошо знаютъ свое дѣло“.

Перемиріе кончилось. Мы должны были разстаться съ такими добрыми хозяевами и милыми хозяйками, съ которыми подружился, пожалѣли другъ о другѣ, простились и выступили въ походъ, прошли чрезъ Бранденбургъ и расположились бивуакомъ при мѣстечкѣ Бѣльдицѣ. Отрядъ простоялъ тутъ три дня; непріятель находился отъ насъ въ 20 верстахъ. По полученіи же свѣдѣнія что онъ сдѣлалъ движеніе на городъ Берлинъ, отрядъ нашъ сдѣлалъ маршъ назадъ для присоединенія къ корпусу Винценгероде который находился вмѣстѣ съ прусскими и шведскими войсками подъ личнымъ предводительствомъ кромъ-принца Шведскаго.

Августа 9го отрядъ нашъ присоединился къ войскамъ въ позиціи при мѣстечкѣ Тельтово и селеніи Гросбергѣ. При первомъ сдѣланыхъ были временныя укрѣпленія Пруссакамъ. Наши войска составляли правый флангъ, Шведы—средина, а Пруссаки — лѣвый флангъ. Всѣ войска были подъ личнымъ начальствомъ кромъ-принца Шведскаго.

10го числа поутру пошелъ дождь и началась перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ, продолжавшаяся весь день. Съ половиною дня произошло тамъ жестокое сраженіе. Французы напервы были прорваться къ городу Берлину, но Пруссаки отря-

зили ихъ, хотя и сами много потеряли. Непріятель рети-
ровался потерявъ 40 орудій, оставя много раненыхъ и взя-
тыхъ въ плѣнъ. Говорятъ что прусскій маршалъ Бюловъ
во время сраженія требовалъ помощи отъ кронъ-принца
Шведскаго, но этотъ отвѣчалъ, что Пруссаки имѣютъ еще
довольно своихъ войскъ для сопротивленія и не дая ни
Шведовъ, ни Русскихъ. Таковымъ поступкомъ Пруссаки
весьма были недовольны.

Ночью того же числа наши солдаты примѣтили какого-то
посторонняго человѣка въ лагерь, который послѣднимъ убѣ-
ждалъ отъ нихъ. Солдаты закричали: „лова шпіона“, и пота-
лись вслѣдъ за нимъ. При словѣ лова шпіона почти всякій
солдатъ зажегъ лукъ соломы и бѣжалъ туда, куда другіе
бѣжали; но человѣкъ этотъ скрылся. Черезъ нѣсколько вре-
мени подобная тревога поднялась у Шведовъ, потомъ у
Пруссаковъ. Шведы ловили нашихъ солдатъ, наши Шве-
довъ. Эта тревога продолжалась до разсвѣта, но никого не
поймали, наши только пару потерянныхъ башмаковъ.

12го числа поутру двинулись въ войска для преслѣдованія
непріятеля, но онъ въ продолженіе ночи ушелъ далеко, и
хотя настигли его предъ вечеромъ, но въ дѣло вступить не
могли: онъ отдѣлялся отъ насъ большими болотами.

15го числа поутру непріятель началъ наступленіе съ пре-
восходными силами. Авангардъ нашъ не могъ съ нимъ сра-
зиться, выступилъ изъ города и расположился на высотахъ.
Егеря имѣли перестрѣлку три часа, потомъ отступили на-
задъ около трехъ верстъ и расположились лагеремъ на
дугу.

16го числа пополудни мы сдѣлали наступленіе; завязалась
сильная перестрѣлка. Непріятель остановился въ садахъ
виноградныхъ и удержалъ мѣсто до вечера. Вечеромъ я съ
егерями закрался въ виноградники и вытѣснилъ непріятель-
скихъ стрѣлковъ; къ нимъ явилась на подкрѣпленіе колон-
на и по неосторожности стала на открытомъ мѣстѣ. Я при-
казалъ стрѣлять картечью изъ ружей, и эта колонна въ ко-
роткое время разошлась поодиночкѣ, все раненымъ. Картечи
дѣлали мы изъ ружейныхъ дулъ: обвязавъ ихъ крѣпко въ
тряпки заряжали по пяти разомъ.

25го поутру французскія войска подъ предводительствомъ
маршала Нея, прибывшаго къ нимъ наканунѣ, хотѣли еще

испытать счастье, пробиться къ Берлину; этотъ старый опытный воинъ говорилъ имъ что прежніе начальники не такъ ихъ вели какъ должно, и потому они проиграли сраженіе при Гросбергѣ. Они поутру начали наступать на Пруссаковъ, которые составляли лѣвый флангъ нашей позиціи. Сраженіе загорѣлось жестокое и постепенно расширялось. Въ половинѣ дня Французы начали уже было считать себя побѣдителями, но въ это время наши русскія войска повели атаку на лѣвый ихъ флангъ; наша кавалерія приблизилась и артиллерія открыла сильную канонаду. Французы, вида свѣжія наступающія войска, тотчасъ обратились въ бѣгство, оставя на мѣстѣ сраженія 40 орудій, а пятнадцать тысячъ взято въ лѣвыя.

26го, по отпущеніи благодарственного молебна, пошли вслѣдъ за непріателемъ; но онъ уже достигъ крѣпости Торнау. 27го и 28го простоялъ отрядъ на мѣстѣ для заготовленія провіанта, потомъ выступили въ походъ и слѣдовали черезъ городъ Цербтъ (мѣсто рожденія Екатерины Великой) до владѣній герцога Ангальтъ-Дессаускаго. Въ лѣсу прилежавшемъ къ берегу Эльбы посажены были между лѣсныхъ деревьевъ садовыя и по срединѣ этого обширнаго лѣса устроенъ звѣринецъ. Управляющій лѣсничій опасаясь чтобы войска пришедшія не стали брать звѣрей изъ звѣринца и для сбереженія выпустилъ всѣхъ на свободу. Мы, не зная ничего о звѣринцѣ, начали стрѣлять зайцовъ, козъ и лосей, и поохотились въ волю пока дошла о томъ жалоба до графа Воронцова.

Между тѣмъ занялись постройкой моста чрезъ рѣку Эльбу противу города Ахена и въ то же время 13й и 14й егерскіе полки переправились на судахъ въ Ахенъ для приведенія его въ оборонительное положеніе, а болѣе для прикрытія моста. Мы пробили въ стѣнахъ его бойницы и провели къ берегу Эльбы ровъ съ нѣсколькими люнетами, съ насадомъ наклоненнымъ, но слабыя эти укрѣпленія, конечно, не могли устоять противу превосходныхъ силъ.

Окончивъ эти укрѣпленія, выступилъ весь отрядъ къ городу Кетену, возлѣ котораго простояли одинъ день и потомъ выступили къ городу Галле; но не доходя къ нему по неизвѣстнымъ причинамъ, остановились въ пятнадцати верстахъ и простояли два дня, 28го выступили въ походъ

къ Галле, прошаи чрезъ него церемоніально съ музыкой и расположились при ономъ бивуакахъ по дорогѣ къ городу Лейпцигу.

Городъ этотъ принадлежалъ прежде къ прусскому владѣнію, но Наполеонъ въ 1806 году присоединилъ его къ Саксоніи. Здѣсь имѣется университетъ, но въ это время учениковъ въ немъ не было. Жители говорили что Наполеонъ забралъ изъ нихъ много въ войска, а прочіе разошлись. Важнѣйшее произведеніе этого города есть соль, которая вываривается здѣсь. Она очень бѣла, въ продажу отпускается бочками, ломѣная въ каждую по восьми пудовъ, за бочку соли получаютъ по десяти прусскихъ талеровъ, Граждане очень вѣжливы, женщины прекрасныя. Мы простояли здѣсь 29 и 30 число.

31го числа выступили въ походъ, и слѣдовали чрезъ Эйслебенъ до мѣстечка Вербцигъ. На поляхъ между Эйслебеномъ и Вербцигомъ имѣется много рудокопныхъ колодезей изъ которыхъ получаютъ мѣдную руду. Колодези эти въ диаметрѣ не болѣе полутора аршина, а глубина до восьмидесяти сажень. Грунтъ земли сверху покрытъ слоемъ известковатой земли на четверть аршина, а далѣе сплошной сѣроватый камень; въ колодези эти спускаются по лѣстницамъ прибывшимъ къ отвѣт колодезя въ вертикальномъ положеніи, но намъ не доставало времени спуститься въ колодезь и посмотреть какъ производится работа.

3го по утру отрядъ нашъ присоединился къ корпусу генерала Вейценгероде, который стоялъ вмѣстѣ со шведскими войсками. Въ 2 часа полудни двинулись къ городу Лейпцигу; при Лейпцигѣ сраженіе уже началось. Намъ слышенъ былъ громъ орудій отъ самаго утра, но мы въ этотъ день въ сраженіи не участвовали.

6го числа двинулись мы чрезъ мѣстечко Таухъ и подошли поближе къ неприятелю тотчасъ выбили его изъ бывшей предъ нами деревни и примкнувъ къ оной лѣвымъ флангомъ заняли себѣ позицію.

При этомъ дѣйствиіи казаки были выставлены впереди пѣхотныхъ колоннъ въ одинъ рядъ, для прикрытія нашихъ движеній, однакоже изъ неприятельскихъ батарейныхъ орудій ядра наносили и намъ вредъ. Предъ закатомъ солнца перешелъ къ намъ съ неприятельской стороны саксонскій

артиллерійскій офицеръ съ 10ю орудіями, явился къ Кронъ-принцу Шведскому и тотчасъ приказалъ стрѣлять по Французамъ. Давно ли эти орудія, подъ властью Наполеона, дѣйствовали для поработченія свободы германской, а теперь они уже дѣйствуютъ за ея свободу.

Англійская ракетная рота, бывшая съ нашимъ отрядомъ, не давала покоя непріятельской кавалеріи. Ракеты при полетѣ своемъ производя большой шумъ, огнемъ изъ трубки стремящимся оставляютъ за собою длинную струю дыма, онѣ зажигаютъ строенія и пугаютъ кавалерійскихъ лошадей; при разрывѣ же припаянной къ ракетѣ гранаты съ картечами разсылаютъ 150 ружейныхъ пуль. Командовавшій этою ротой капитанъ убитъ въ этомъ дѣлѣ и рота разбита артиллеріей французскою, и многіе лафеты разбиты.

7го числа, полутру въ 9 часовъ, отрядъ нашъ приблизился къ городу Лейпцигу и вошелъ въ его предмѣстье. Въ это время изъ Лейпцигскихъ воротъ выскочили было на встрѣчу намъ французскіе кирасиры, но это были послѣднія судороги убитой гидры. Мы ихъ опрокинули ружейнымъ огнемъ. Между тѣмъ артиллерія наша громила бѣгущихъ толпами по латинѣ Французовъ. Мы вошли въ городъ, несмотря на то что правѣ насъ были еще въ предмѣстьяхъ Французы. Наши стрѣлки вмѣстѣ съ Прусаками зашли имъ въ тылъ и забрали въ плѣнъ или побили. Часу въ первомъ пополудни всѣ Французы бѣжали уже предъ нами. Жители, открывъ окошки, махали платками и кричали зивать побѣдителямъ. Шведскіе солдаты, будучи пьяны, ходили въ предмѣстьѣ, докалывали и дострѣливали раненыхъ. Въ городѣ Лейпцигѣ захватили Саксонскаго короля, многихъ французскихъ генераловъ и одного маршала. Саксонскія всѣ войска оставили Французовъ и присоединились къ намъ. Вечеромъ того же дня отрядъ нашъ расположился лагеремъ въ трехъ верстахъ отъ города.

Кронъ-принцъ Шведскій въ дневномъ своемъ приказѣ написалъ слѣдующія замѣчанія на счетъ сдѣланной Наполеономъ ошибки въ выборѣ мѣста для генеральнаго сраженія: „Тотъ ли это Бонапартъ, говорилъ онъ, который присвоилъ себѣ славу всѣхъ французскихъ генераловъ, могъ избрать позицію для генеральнаго сраженія, оставивъ позади себя двѣ рѣки, эту опасную дефилею, гдѣ для отступленія всей арміи его оставалась только длинная и тѣсная

плотины". И действительно, при проходѣ этой плотины французскія войска весьма много пострадали отъ нашей артиллеріи, которая стрѣляла вдоль плотины. Кромѣ сего, казаки переправились вправо прежде отступленія Французовъ и истребляли мосты впереди ихъ до самаго Рейна.

Въ городѣ Лейпцигѣ университетъ. Это есть центръ германской торговли. Онъ обведенъ широкимъ ровомъ и высокими стѣнами. Во рву разведены фруктовые сады.

18го предъ вечеромъ мы вступили въ городъ Кассель, и въ это же время въѣхалъ наследный принцъ. Граждане приехали его съ восхищеніемъ. Ходили по улицамъ со знаменами, обвивъ сабли свои бѣлыми платками, стрѣляли изъ ружей, кричали, пѣли, танцевали и насъ угощали какъ добрыхъ друзей. Театръ былъ открытъ безденежно. По окончаніи пьесы, бывший надъ королевскою ложей французскій орелъ упалъ, и народъ растолталъ его.

Городъ Кассель хотя небольшой, но имѣетъ прекрасныя зданія, площади и герцогскій дворецъ съ прекраснымъ садомъ. Бульваръ украшенъ многими мраморными статуями. Главная площадь круглая, среди коей поставлена статуя изъ бѣлаго мрамора Геронима Бонапарта, бывшаго Виртембергскаго короля, который послѣ Лейпцигскаго сраженія при появленіи нашихъ партизановъ бѣжалъ во Францію, взявъ большую сумму денегъ.

Въ пяти верстахъ отъ города на высочайшей горѣ построенъ герцогскій дворецъ; мѣсто это теперь называется Наполеонова возвышенность. Во дворцѣ имѣется большой прудъ, отъ коего проведена вода подземными трубами къ фонтану ниже дворца устроенному. Этотъ фонтанъ такъ силенъ что почитается первѣйшимъ въ Европѣ. На воротахъ дворца поставлена большого размѣра статуя Геркулеса. Говорятъ что въ ногѣ его сдѣлана лѣстница, по которой можно взойти въ голову статуи. Она видна изъ города.

21го выступили въ мѣстечко Мильденъ. Оно мало, но веселое. Протекавшая чрезъ него рѣчка, при выходѣ изъ мѣстечка, раздѣлилась на два протока и образовала островъ, на которомъ прекрасный садъ съ мраморными статуями. Жители встрѣтили насъ съ криками: ура! Александръ! Женщины такъ здѣсь прекрасны что рѣдко гдѣ таковыхъ видѣть случалось.

22го прослѣдовали до города Геттингена. Здѣсь имѣется славный университетъ. Городъ хотя и небольшой, но чистъ и веселъ. Онъ обведенъ широкимъ ровомъ съ водою. На валу вокругъ города бульваръ. Здѣсь оканчиваются гористыя мѣста и равнины покрыты уже были снѣгомъ. 25го прибыли въ городъ Брауншвейгъ. Вмѣстѣ съ нашимъ отрядомъ прибылъ адъютантъ принца Брауншвейгскаго; жители приняли его церемоніально. Городъ этотъ весьма обширенъ, но не такъ красивъ какъ Кассель; имѣется много фабрикъ. Жители казались что-то скучны.

30го прибыли въ городъ Мансбургъ. Городъ этотъ небольшой и всѣ зданія въ немъ очень ветхи; нѣтъ ни одной кирпичи по которой не пробѣжали трещины сверху до низу; дома двухъэтажные вылучили бока либо согнулись. Къ счастью жителей, здѣсь землетрясеній не бываетъ. При первомъ ударѣ онъ сдѣлался бы гробомъ имъ. Онъ обведенъ кругомъ широкимъ ровомъ и стѣнами. Въ городѣ имѣется соловарня. Растворенную въ водѣ соль получаютъ изъ глубокаго колодца посредствомъ насосовъ, которая прямо идетъ въ соловарню, гдѣ варятъ ее въ большихъ мѣдныхъ неглубокихъ котлахъ до кристаллизаціи. Въ самомъ городѣ есть гора, называемая Кельбергъ; въ ней содержится слюда разсыпная.

8го ноября заняты мной посты по берегу рѣки Эльбы, гдѣ имѣлъ частую перестрѣлку съ Французами. Я отбил у нихъ нѣсколько малыхъ судовъ. Въ селеніи гдѣ мы остановились такъ коротко обходились съ нами жители что когда однажды я сталъ играть на скрилкѣ, то дѣвушки тотчасъ нарядились и пришли танцовать.

19го переправились черезъ рѣку Эльбу и слѣдовали до мѣстечка Шварценбергъ, гдѣ простояли на квартирахъ съ 21го до 29го числа.

Въ четырехъ верстахъ по дорогѣ къ городу Гамбургу, селеніе Лангефельдъ не было занято ни нашими, ни Французами. Подковникъ Красовскій желалъ имѣть для наблюденія свои посты ближе къ непріятелю и для того приказалъ мнѣ взять двѣ роты и слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ въ селеніе Эдельштадтъ. Въ сумерки осмотрѣли мы расположеніе непріятельскихъ войскъ, которыя стояли версты за полторы отъ Лангефельда бивуаками за болотомъ, также въ

особой деревнѣ, чрезъ болото пролегла узкая лощина. Полковникъ приказалъ поставить караулъ на выѣздѣ къ неприятелю, но когда сдѣлается темно, пробить зорю и, снявъ караулъ, возвратиться; что было мной исполнено.

Но послѣ отъѣзда полковника я узналъ отъ жителей что французскіе дозоры приходятъ туда каждый день на разсвѣтѣ, осматриваютъ деревню и олять уходятъ.

На другой день я получилъ приказаніе отправиться въ ту же деревню также съ двумя ротами прежде заката солнца, выставить караулы, и по пробитіи зори возвратиться на прежнее мѣсто. Я прибылъ туда, разставилъ караулы и снявъ лавъ съ окрестностей деревни для случая, но въ то время когда приказалъ бить вечернюю зорю, получилъ отъ полковника записку чтобы съ ротами я остался ночевать въ Лангефельдѣ, если то будетъ безопасно. Вопросъ этотъ поставилъ меня въ затрудненіе, какъ дать на это приказаніе отвѣтъ. Если сказать опасно, сочтутъ меня трусомъ; если сказать безопасно, а случится несчастіе — тоже попадешь въ бѣду. Итакъ я рѣшился послать къ нему мой лавъ съ означеніемъ всѣхъ постовъ, на его разсмотрѣніе, и получилъ благодарность за мои распоряженія. Онъ написалъ мнѣ: „дай Богъ чтобы всѣ такъ служили какъ ты служишь.“ Онъ велѣлъ остаться мнѣ ночевать, охранять патрулями то мѣсто которое я не могъ занять карауломъ.

Я уже напередъ увѣренъ былъ что неприятель, получа чрезъ дозоръ свѣдѣніе отъ жителей что нашихъ войскъ здѣсь только двѣ роты, сдѣлаетъ нападеніе; и потому тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе для встрѣчи его. Я приказалъ одной ротѣ занять всѣ караулы, а другую поставилъ въ резервъ на серединѣ деревни, гдѣ и самъ расположился на квартирѣ; но это расположеніе удобно было только на ночь, днемъ же резервная рота должна была раздѣлиться на нѣсколько частей, и стать въ назначенныхъ мѣстахъ за кустами по обѣ стороны деревни, чтобы каждой отдѣльной части одинъ флангъ виденъ былъ неприятелямъ, а другой закрывался кустомъ; и на случай сильнаго натиска на деревню они должны были вдругъ соединиться и составить резервъ.

Ожиданіе мое исполнилось; на разсвѣтѣ подѣхалъ къ деревнѣ конный неприятельскій патруль; мои секретные

люди сдѣлали по немъ выстрѣлъ, и двухъ свалили, послѣ чего тотчасъ слышна стала тревога въ недружелюбныхъ ба-вуакахъ. Потомъ двѣ колонны ихнія двинулись по плотинѣ къ главному моему караулу, а третья противъ дѣваго моего фланга стала на узенькой неудобопроходимой тропинкѣ. Загорѣлась живая перестрѣлка и колонны остановились. Французы услали своихъ стрѣлковъ; я сдѣлавъ то же и такимъ образомъ удержалъ непріятеля до прибытія Красовскаго ко мнѣ на помощь съ артиллеріей. Перестрѣлка продолжалась три часа и непріятель не смѣлъ наступать болѣе потому что не имѣлъ точнаго свѣдѣнія о числѣ войскъ моихъ, которыя онъ видѣлъ во многихъ мѣстахъ. При этой перестрѣлкѣ ранено нашихъ два человѣка.

Нго числа подполковникъ Бунинскій съ двумя ротами пришелъ на смѣну мнѣ. Человѣкъ этотъ преисполненъ былъ храбрости; не скрывая числа людей своихъ прошелъ въ виду непріятеля съ барабаннымъ боемъ въ Лангефельдъ. Я сдѣлавъ ему постъ ушелъ въ ту деревню гдѣ онъ квартировалъ; но едва распустилъ людей по квартирамъ какъ услышалъ перестрѣлку въ Лангефельдѣ: я тотчасъ приказалъ бить сборъ, а между тѣмъ взомель на мезонинъ, и оттолъ увидѣлъ что Французы выбили уже нашихъ изъ деревни. Я взялъ свои роты и послѣдшилъ на дорогу которая вела къ полковой штабъ-квартирѣ дабы подкрѣпить Бунинскаго.

На дорогѣ встрѣтилъ меня посланный отъ него адъютантъ съ просьбой чтобы послѣдшилъ къ нему на помощь. Я прибылъ въ то время когда уже онъ отступилъ на полверсты изъ деревни. Спросилъ у него, гдѣ прикажетъ занять мѣсто. Займите тамъ гдѣ вамъ покажется удобнѣе, сказалъ онъ. Тогда я провелъ мои роты въ лощинѣ позади сражающихся, поднялся на равнину на правомъ флангѣ и вдругъ сталъ во флангъ непріятеля; неожиданное мое появленіе заставило ретироваться Французовъ. Мы преслѣдовали ихъ до деревни, и въ сумеркахъ прекратилось сраженіе, но при семъ случаѣ убиты съ нашей стороны: одинъ капитанъ и двѣнадцать человѣкъ рядовыхъ. Къ концу сраженія прибылъ генералъ Красовскій съ артиллеріей, и весьма былъ недоволенъ Бунинскимъ за безлечность его.

Такое обстоятельство могло случиться и со мною, если бы выказалъ я непріятелю всѣ мои силы; но я имѣлъ всегдашнее правило скрывать отъ непріятеля количество войскъ

моихъ съ тою цѣлью что если непріятель превосходитъ въ силахъ, то не бросится вдругъ, а будетъ онъ слабѣе меня, то можетъ доставить мнѣ случай побить его, если пойдетъ неосторожно.

Въ это время находился въ городѣ Гамбургѣ съ французскими войсками маршалъ Даву, онъ приготовилъ городъ къ оборонѣ, для того чтобы держаться въ немъ, пока придутъ счастливый оборотъ Наполеоновы дѣла, для этого сжегъ онъ прекрасный форштадтъ Альтону, захватилъ городской банкъ и выгналъ изъ него сорокъ тысячъ жителей, таковыхъ которые не могли имѣть въ запасъ для себя продовольствія на шесть мѣсяцевъ. Несчастные эти люди принуждены были среди зимы въ сильные морозы съ метелями оставить свои жилища и искать безнадежнаго пріюта въ деревняхъ. Многие изъ нихъ отъ холоду и голоду умерли.

18го числа декабря, сдали мы свои аванпосты корпусу графа Беннигсена; 14й Егерскій полкъ расположился ниже Гамбурга, по прибрежнымъ деревнямъ. Простоявъ здѣсь около трехъ недѣль, и въ это время исправивъ обувь и одежду, выступили въ походъ черезъ провинцію Шлезвигъ, къ датской крѣпости Глюкштатъ, но прежде нашего прихода она сдалась шведскимъ войскамъ.

(До слѣд. №).

ИЗЪ ПОЭМЫ

СОБАКИ

XI.

Грустное настало времячко. Дождило.
На сырую царю небо такъ уныло,
Пасмурно глядяло что казалось скоро
Намъ пошлетъ морозы красная Аврора;
Ужь не такъ Аврора улыбаться стала,
И дождалась раньше, и позднѣй вставала;
А въ широкомъ полѣ, точно разстилаясь
Простыня молочно-облачнаго цвѣта,
И, при тускломъ свѣтѣ алаго разсвѣта,
Медленно, въ густыя облака свивалась;
И олять дождило, и олять смеркалось!
Скучно стало, грустно! Слѣдуя природѣ,
Намъ казалось, всѣ мы сердцемъ охладѣли
И къ своей лазейкѣ, и къ своей свободѣ;
Но кой-что созрѣло въ эти двѣ недѣли.
Ибо недовольныхъ гражданъ стало вдвое:
Всѣ мы порѣшили что людское племя
Самое пустое племя, и при этомъ,

Если только вѣрить молодымъ поетамъ,
 И стихамъ ихъ,—племя глулое и злое,
 Что необходимо только выждать время,
 И собаки будутъ также уливаться,
 Также обжираться или наслаждаться
 Нѣгой, до полудня лежа на кровати.
 Мы, въ виду грядущей этой благодати,
 Появля что люди не были бы сыты
 Еслибъ не умѣли пользоваться нами,
 Нашимъ чуткимъ носомъ, прытью и зубами
 (Ибо не имѣютъ ни чутья, ни прыти),
 Появля что люди у себя въ столовой
 Ежегодно лѣтомъ жаждутъ дичи новой,
 А собакъ не только въ домъ свой не пускаютъ,
 Изъ поварни часто лалкой выгоняютъ,
 Даже отвергаютъ наше челобитье,
 Не подозревая нашего развитья;
 Ибо согласитесь что на псарнѣ нашей
 Всѣ мы стали вдвое, втрое развитѣ
 Многихъ сотенъ тысячъ Чукчей и Чувашей,
 Что у насъ явилась, если не идея,
 То хоть хвостъ идеи, за который можно
 Жадно уцѣлиться и кой-какъ тащиться
 По слѣдамъ прогресса. Боги! какъ тревожно
 Эти двѣ недѣли протекли! Влюбиться
 Я хотѣлъ, и что же! Сердце истощилось
 До того что право, еслибъ мнѣ случилось
 Вдругъ подслушать лѣсню о любви (былую
 Сладостную лѣсню!), я бы за такую
 Пѣсню укусилъ бы кажется любую
 Музу... Ахъ! отъ жизни ничего не жду я!
 Повторялъ я *до* и *послѣ* поцѣлуя.
 И холодный къ ласкамъ вялыхъ и безстрастныхъ
 Барынь, перешелъ я въ область думъ оласныхъ,
 Чуть съ ума не слетилъ.... И со всѣми было
 То же что со мною (такъ насъ омрачила
 Эта злая осень, съ этою ненастной,
 Вѣтреной погодой!). Водолазъ несчастный,
 Несмотря на холодъ, въ озерѣ кулался,
 Несмотря на эту баню, сухъ казался.
 Мы его ругали за его безлечность,

За его стремленье знать что выше носа;
 Такъ какъ для собаки нѣтъ гаулѣй вопроса,
 Какъ вопросъ примѣрно: что такое вѣчность?
 Ибо, если время псаря не поможетъ,
 Вѣчность и подавно ей помочь не можетъ.
 (Стало-быть, какое жь до нея намъ дѣло!)
 Разъ, я помню, ночью въ небѣ посвѣтлѣло;
 Брызнулъ свѣтъ въ окошко птичницы Арины,
 Облака то въ видѣ перьевъ изъ перины
 Порванной, то въ видѣ порванного дыма,
 Ключьями, тихонько проносились мимо
 Мѣсячнаго диска и посеребрялись;
 Амки спать ложились, кобели собирались
 Покутить: Карая, Сайгу пригласили,
 Уломали Теску, Стрѣлку замащили...
 Только я, съ моею музою бродячей,
 Приглашеннымъ не былъ на пикникъ собачій.
 Чортъ возьми! Мнѣ было не до нихъ! досадно
 Было на Барбоса... Въ прелесть юной Тявки
 Втюрившись, онъ попялъ что внутри не ладно,
 И, вообразите, за плетнемъ, въ канавкѣ
 Воду лилъ и къ боку приставлялъ лѣявки
 Чтобъ отвлечь отъ сердца жаръ любви недужный,
 Для него опасный, для нея не нужный.
 Ибо Тявка эта, хоть и обнищала,
 Но не позабыла стараго подвала,
 И любила только юношей подвальныхъ,
 Праздныхъ, остроумно-пошлыхъ и нахальныхъ,
 И Барбосъ конечно оставался съ носомъ...
 Я хотѣлъ остаться поболтать съ Барбосомъ;
 Но не въ духѣ былъ онъ, и чтобъ отвязаться
 Отъ меня, сказалъ мнѣ: я хочу прослаться,
 Не мѣшай голубчикъ!

И пошелъ я шляться:

Обошелъ я псарню, ригу, конолятникъ,
 Прачешную, баню, въ темный передбанникъ
 Заглянулъ—тамъ лахло вѣниками—скверно!
 Старый доѣзжачій, птичница кривая
 И ея солдатикъ, лару поддавая,
 Въ этой старой банѣ, двѣсти разъ навѣрно
 Парились, и баня лахла перепрѣлымъ
 Квасомъ, лѣвной водкой и нагольнымъ тѣломъ.

И пошелъ я дальше и вошелъ въ ворота.
Вижу домъ, и вижу, у подъезда что-то
Черное вскочило на ноги и лаетъ.
Подхожу—Орека.

Глуный лесъ дворовый!
Говорю: ну что ты лаешь, безтолковый!
„Ну, ну, ну!“ сказалъ онъ „я законы знаю,
И, какъ вѣрный сторожъ, для острастки лаю;
Если жь ты подтибрить что-нибудь намѣреть,
Можешь и подтибрить; я въ тебѣ увѣренъ.
Лаю, не мѣшаю, дѣлай что затѣялъ!“
Все мое умышье этимъ онъ разсѣялъ.
И пошелъ я дальше, и обозрѣвая
Дворъ, при лунномъ свѣтѣ, и припоминая
Кой-что, думалъ: гдѣ же кладовая?
Гдѣ она? Туда бы, чортъ возьми, забратъся!..
И въ фундаментъ носомъ началъ я соватъся.
И нашелъ крылечко мокрое; невольпо
На душѣ и горько сдѣлалось, и больно:
Тутъ Мирза когда-то насъ кормилъ, съ облаты.
Воротаясь (то были дни великой славы!).
Я стуленьки нюхалъ, и увы! ни слѣда
На одной крулицы отъ того обѣда!!!..
Ничего!...

Но видно, мой собачій геній
Былъ не чуждъ возвратныхъ, сладкихъ впечатлѣннй;
И воспоминанье духъ мой озарило
Что прошло, то стало поневолѣ мило,
И хотѣлъ завить я—только удержался.
И побрелъ я дальше, озираясь робко.
Вотъ, лежитъ пустая отъ конфетъ коробка;
Полизалъ. Вотъ банка, тутъ была помада:
Вынюхалъ и лапой оттолкнулъ. Вотъ, цѣтка
Вытертая, съ ваксой. Ну еел!...

Ограда.

Началась; повисли сумрачнаго сада
Сонныя вершины; бѣлая рѣшетка
Исполосовалась черными тѣнями...
Вотъ, иду я садомъ, вижу вдоль аллеи
То стволы—гиганты, то цвѣты—лигмеи.
Тамъ гдѣ расцвѣтали розы и лилеи,

Астры и тюльпаны,—виснутъ лаутички,
 Всюду только стручья, иглы да тычинки;
 Слезы ихъ, должно - быть мѣсяцу понравась,
 Блещутъ какъ алмазы. Мокрый листъ, курчавясь,
 Разбросался—блекнетъ и прилипъ къ дорожкѣ.
 Вотъ, бассейнъ—гляжу я—выставились рожки
 Мраморнаго Фавна, Нимфа, вся нагая,
 Поднялась, и бѣлымъ свѣтомъ облитая,
 Вытянула руку и, ужъ я не знаю
 Что такое держитъ:—раковину, чашку,
 Или просто черепъ?—дескать, угощаю!...
 Профиль Фавна тѣнью легъ у ней на ляжку;
 У него, не знаю, отъ росы или лота,
 Лоснится затылокъ; глупо ухмыляясь,
 Чисто по-собачьи, и приподнимаясь,
 Онъ глядитъ въ лицо ей, словно ждетъ чего-то;
 Думаю, каналья, непременно выждетъ;
 Но фонтанъ, должно-быть, залерть и не брызжетъ.

XII.

Въ томъ что описалъ я красоту бассейна,
 Каюсь передъ Музой, и благоговѣно
 Ей цѣлую лапу, дабы съ облегченнымъ
 Сердцемъ обратиться къ дамамъ, не лишеннымъ
 Маленькаго сердца...

Слушайте, какая

Въ эту ночь случилась встрѣча, роковая
 Для меня, для нашей царни либеральной,
 И быть-можетъ даже для боговъ.

Зѣвая,

Молча созерцалъ я, какъ луна ночная
 Серебрила мраморъ, слишкомъ идеальный
 Для моихъ понатій. Грустный и печальный,
 Я хотѣлъ вернуться. Вдругъ—качнулась вѣтка
 На концѣ дорожки... Что-то замелькало
 Бѣлое—должно-быть бѣлая жилетка.
 Я въ кусты, прижался—сердце задрожало,
 Вижу, въ лунномъ свѣтѣ шествуетъ Валетка!
 Навострилъ я уши, притаилъ дыханье.

Явно что Валетка вышелъ на свиданье;
 Что-то шевелится около Валетки.
 Наконецъ, я слышу голосахъ левретки.
 (О злодѣя! Ей-Богу, лучше этой крошки
 Не было на свѣтѣ!) Маленькія ножки
 По сырой дорожкѣ такъ переступали
 Быстро что подъ ними струяками играли
 Узенькія тѣни, глазки чуть мелькали
 Серебристымъ блескомъ...

И Валетъ, скосившись,
 Слышу, говорить ей:

— Милая, влюбившись
 Въ васъ, я такъ разсѣявъ что отъ дѣвъ отбился.
 Даже баринъ видитъ какъ я расклеился.
 — Вздоръ, вздоръ, вздоръ! нисколько вы не расклеи-
 лись,

Зачастіа крошка.—Гдѣ вы находились,
 Помните, въ тотъ вечеръ какъ, садясь за ужинъ,
 Васъ Мирза хватился. А ужъ какъ васъ звали!
 Какъ вездѣ искали! Гдѣ вы пропадали?
 — Помню, въ этотъ вечеръ, я вамъ былъ не нуженъ,
 Отвѣчалъ Валетка, и уединился,
 И ужъ я не знаю, какъ я не лишился
 Своего разсудка!

— Ахъ, какая жалость!
 Развѣ я не вижу что все это шалость,
 Глулости! Стулайте въ псарню, тамъ влюбитесь.
 — Grand merci! Ей, ей, вы Бога не боитесь,
 Я хожу на псарню; но хожу по службѣ.
 — Знаемъ вашу службу, служба ваша—сказки!
 Тамъ не служба,—амки гаулыя по дружбѣ
 Моднымъ кавалерамъ расточаютъ ласки.
 Переставьте охать!...

— Милая, повѣрьте,
 Если я не стану васъ беречь, то скоро
 Я, и вы, и всѣ мы будемъ жертвой смерти
 Не сегодня—завтра...

— Не болтайте вздора...
 — Смѣю васъ завѣрить что быть-можетъ нынѣ
 Ночью все погибнетъ: барину, свинивъ,
 Сыру, банкамъ, стклянкамъ, нашей волощенвой

Добротѣ-Мирзохѣ, вамъ, моеѣ богинѣ,
А затѣмъ конечно и моеѣ персонѣ
Угрожаетъ гибель. Пусть!

И, огорченный,

Замолчалъ Валетка.

Боги! въ грустномъ тонѣ
Голоса и въ каждомъ такъ-сказать движеніи
Этого героя сила убѣжденія
Такъ и пробивалась, такъ и пробивалась!
Нѣжная левретка явно испугалась;
У нея какъ будто подкосились ножки,
И она невольно, посреди дорожки,
Приостановилась.

— Ну, ну, говорите!

— Для чего-съ! Меня вы слушать не хотите,
Я, вѣдь, вру...

— Однако, можно врать, но это
Свыше всякой мѣры...

И она Валета

Хвостикомъ мазнула по носу.

Валетка

Хоть бы облизнулся! Я такой притворной,
Грустно-строгой мины, строгой и покорной
Не видалъ ни разу (а видалъ, такъ рѣдко).
Этой грустной миной онъ попалъ такъ мѣтко
Въ цѣль что съ легкой дрожью съежилась левретка.
(Вотъ, у насъ Валета называютъ фатомъ.
Я теперь увѣренъ что Валетъ родился
Быть необычайно ловкимъ дипломатомъ.)
Долго не хотѣлъ онъ говорить, косился
На луну, на звѣзды, наконецъ, рѣшился:
— Я предполагаю, началъ онъ, — что слово
„Звѣрчество“ для слуха вашего не ново.
Но едва ль понятно вамъ его значенье:
Я поймалъ на псарнѣ это выраженье,
Сталъ слѣдить, и повялъ что все это значитъ.
Трелещу. Васъ это можетъ озадачить.
Звѣрчество-съ явилось между кобелями
Лозунгомъ союза съ дикими звѣрями.
Псарня, наша псарня-съ въ праздности великой
Пребывая, бредитъ о свободѣ дикой,

Внемяетъ пропагандѣ, и на незаконный
 Путь чрезъ лазейку вышла, и съ волками
 Сюхалась, и даже стала съ медвѣдями
 Подъ одни знамена. Хитрая лисица
 Тоже къ нимъ пристала. Ну-съ, вообразите,
 Что это за сила! Чѣмъ вы устраните
 Страшную оласность? Здѣсь вѣдь не столица,
 Гдѣ войска, гдѣ можно такъ распорядиться
 Что маршъ-маршъ, лафъ-лафъ,—и все угомонится.
 Но представьте только медвѣдей мордастыхъ
 Сотни три-четыре, столько же зубастыхъ
 Волчьихъ рылъ, да стаю хитрыхъ, куродавыхъ
 Лисьихъ мордъ! И гдѣ же? у дверей ларадныхъ
 Нашего жилища! Что тогда? Едва ли
 Намъ помогутъ ружья; мы же разстеряли
 Всѣ свои патроны, отсырѣлъ нашъ порохъ,
 Баринъ слить... Тс! тше... чей-то слышенъ шорохъ,
 Что-то чуетъ носъ мой...

Но пока я съ вами

Ничего не бойтесь...

Крошка со слезами

Слушала Валета

— Нынче какъ хотите,

Продолжалъ Валетка, — только положите
 Вы меня у двери вашего покоя,
 Гдѣ вы стережете ложе золотое
 Молодой Мирзихи, и спокойно спите.
 Милая, довѣрься! Никогда не вру я,
 И тебя спасу я. Не живой, такъ мертвый,
 Твоего достоинъ буду лоцѣдуя,
 Все отдамъ за звѣзды глазъ, за нѣжный взоръ твой!!

Боги! вотъ что значитъ сила эгоизма!

Я давно такого не слышалъ лиризма!!!

И, развѣся уши, до того забылся,

Такъ былъ сердцемъ тронуть, что пошевелился

И любовникъ лыкій вдругъ почувялъ близость

Моего дыханья, дрогнулъ и рванулся

Съ мѣста, прыгнулъ тигромъ и — какая визость!

Прежде чѣмъ услѣлъ я въ страхѣ растянуться

Въ позѣ беззащитной жертвы, т.-е. прежде

Чѣмъ я подыалъ ноги вверхъ и заикнулся

О моемъ лардонѣ, въ сладостной надеждѣ
 Что меня проститъ онъ, острый зубъ Валета
 Провизалъ мнѣ шею. Я не взвидѣлъ свѣта,
 И ужъ поневолѣ сталъ храбрѣе волка.
 Мы тогда сцѣпились. Я вцѣпился въ ухо,
 Онъ вцѣпился въ лажку, и рычалъ я глухо:
 Караулъ! спасите!!...

Еслибъ не Орёлка,

Ахъ! живымъ на лсарню мнѣ бы не вернуться.
 Услыхалъ Орёлка что въ саду дерутся,
 Прибѣжалъ въ надеждѣ защищать Валетку,
 И каковъ невѣжда! прямо на левретку
 Налетѣлъ съ размаху — и, воображая,
 Что она простая амка-гулевая,
 Взялъ да и обалпилъ! а она

— Спасите

Завопила: — волки! ай, ай, ай, ай! волки!!...
 И Валетъ проклятый (случай, какъ хотите,
 Для меня счастливый) и Валетъ къ Орёлкѣ
 Бросился съ такимъ же точно озлобленьемъ.
 Я тогда конечно тягу далъ...

И толки

О моемъ побѣгѣ, съ явнымъ оскорбленьемъ
 Чести, съ прибавленьемъ разныхъ глупыхъ сплетень,
 Поглотили лсарню.

Такъ, я сталъ замѣтень,
 Знаменитъ и славень. У собакъ, извѣстно,
 Что *скандалъ*, что *слава*, все равно,

Не лестно

Одолжаться славой глупости; но это
 Не должно нисколько огорчать поэта,
 Мы не переучимъ ни собакъ, ни свѣта.

XIII.

Раненый лежалъ я подъ своимъ навѣсомъ;
 Мудрецамъ, героямъ, амкамъ и ловѣсамъ,
 Всѣмъ ко мнѣ былъ доступъ, всѣ ко мнѣ ходили,
 Фыркали, жалѣли, выли и лѣчили.
 Патриотъ Волило говорилъ:

— Когда бы

Вы, за вашу лсарню жертвуя собою,

Не щадили крови, было бъ лучше, я бы
 Съ преклоненной мордой, даже со слезами
 На глазахъ, припасть бы къ вашему подножью;
 Но дуэлью этой что вы доказали?!
 То, что вы отлѣтый юноша, и ложью
 Заразясь, какимъ-то верхоглядомъ стали,
 Не за царю бились, бились изъ-за чести!
 Ничего преступивъ нѣтъ подобной мести!

Уходилъ Воилю; Сайга приходила,
 И меня серьезно, искренно хвалила,
 За единоробство съ этимъ вѣчно - сытымъ
 Фаворитомъ, съ этимъ мужемъ знаменитымъ,
 Что съ необычайнымъ, такъ-сказать, нахальствомъ
 Корчитъ человекъ, хочетъ быть начальствомъ.

— Вы, мнѣ делетала Сайга, — прокусили
 Ухо у Валетки; этимъ заслужили
 Нашу благодарность. Еслибъ и другое
 Прокусили ухо, мы тогда бы вдвое
 Васъ благодарили, такъ какъ онъ швыряетъ
 И вездѣ шлювить, и хвостомъ виляетъ....
 И за тѣмъ, признаться, Сайга выражалась
 Не совсѣмъ цензурно—наконецъ, прощалась.

Прилеталъ подвальный выскочка, тревожно
 Озирался; глауло морда ухмылялась,
 Онъ моргалъ и чавкалъ.—Ай, ай, какъ возможно?
 Какъ это возможно!... Нашего Валета?!..
 Вы!? ушамъ не вѣрю.... Полно вы ли это?
 Такъ невѣроятно, что коробить даже!...
 Что теперь толкуютъ въ разныхъ сферахъ свѣта,
 Въ поварской, въ прихожей, въ пышномъ бельэтажѣ,
 И подумать страшно!... О, да вамъ навѣрно
 Отомстятъ и—дѣло кончится прескверно....
 Жаль!

И уходилъ онъ, внутренно измятый
 Жалостью и страхомъ, чтобъ аристократы
 Что-нибудь Валету не надули въ уши.
 —Вотъ оно что значить, вѣчно бить баклуши!
 Такъ, ко мнѣ врываясь, выли демократы:
 —Вотъ оно что значить, вѣчно бить баклуши!
 Ерничать, въ чужія сферы забираться,

Не въ свои садиться сани, увиваться
 Около богатыхъ; соблазнять невинныхъ
 Дурочекъ, рожденныхъ только для гостиныхъ....
 Какъ тебѣ не стыдно, братецъ!... Эта крошка
 Что она такое? Лизаная кошка,
 Черная козявка и—въ нее влюбиться!
 Какъ тебѣ не стыдно!

Видя что готовы

И они всекъ слетнякъ вѣрить,—что вы?! что вы!
 Что вы!! восклицала я; но не смѣла сердиться.
 (Никакою злостью не унять намъ слетень.)

Оставалось только мысленно гордиться,
 Тѣмъ, что я на лсарнѣ сталъ для всѣхъ замѣтень,
 Тѣмъ, что наши амки, хоть и завирались,
 О моемъ здоровьѣ иногда справлялись.

Но что отъ Валета я узналъ случайно,
 Иначе подслушалъ въ часъ его свиданья,
 Повергало духъ мой въ смутныя мечтанья,
 Мнѣ хотѣлось плакать отъ негодованья.
 —Какъ, я думалъ съ болью, отъ меня есть тайна!...

Мнѣ не довѣряютъ, отъ меня скрываютъ!...

И закрывшись лалой, и глаза зажмура,
 Я лежалъ, а въ сердцѣ проносилась буря.

—Звѣрчество! шелталъ я—ты святое слово!
 Звѣрчество!! какъ лирикъ, повторялъ я снова,
 Ты велико, свято, и меня лугаешь.

Отъ того ль ты страшно, отъ того ль ты грозно,
 Что ручныхъ и хищныхъ не объединяешь....

Звѣри сотни тысячъ лѣтъ блуждаютъ розно,
 И бѣгутъ другъ друга, и грызутъ другъ друга,
 И у нихъ на мордахъ, то печать услуга,
 То печать злодѣйства; слишкомъ кротокъ слабый.
 Слишкомъ кровожаденъ сильный. Ахъ! когда бы
 Звѣрство намъ во имя звѣрчества утратить!

Да, стремясь за правдой, глазъ назадъ не лгать,
 Не лозорить мысли, не лозорить чувства,
 Полюбить науку, полюбить искусство.

Вѣдь лока мы звѣри, до скончанья вѣка,
 Будемъ мы подъ грозной властью человѣка...

Такъ, больной мечталъ я и, глаза зажмура,
 Чувствовалъ, какъ въ сердцѣ проносилась буря.
 Иногда всѣ звѣри мнѣ казались гадки,

Отъ того что весь я ныль отъ лихорадки.
 Иногда метался цѣлыя я сутки,
 Отъ того что пусто было на желудкѣ.
 Иногда я страстно звалъ и ждалъ Барбоса
 И отъ страха смерти шулалъ кончикъ носа.
 Иногда я раны зализать старался
 И ругалъ Валета, или забывался.
 Разъ во снѣ я вижу: будто бы пробрался
 Я въ какой-то старый домъ, такой огромный
 И пустой и пыльный, и при этомъ темный
 Что ходилъ, ходилъ я, да и заблудился.
 Вдругъ въ одномъ какомъ-то грязномъ корридорѣ
 У дверей, съ зеленымъ огонькомъ во взорѣ,
 Появилась кошка. Я посторонился
 Спрашиваю, гдѣ бы къ выходу пробраться?
 Вижу, начинается кошка увиваться,
 Подаетъ мнѣ лапку и хвостомъ виляетъ,
 И мурлычить, точно что-то напѣваетъ;
 Я, оскаливъ зубы, начинаю злиться,
 А она мнѣ: Другъ мой! надо вамъ жениться,
 Я за васъ пожалуй завтра выдамъ дочку,
 А пока со мною проведете ночьку...
 Фу! какая гадость можетъ вдругъ присниться!
 Не къ добру...

И точно не къ добру... Трезвонка
 Прибѣжалъ и слышу, заливаясь громко,
 — Ха, ха, ха! хохочетъ,—хорошо трепали!
 Чай насилу ноги доводѣ! Не ждали
 Отъ тебя, дружище, что ты такъ поступишь.
 Наладешь сначала, а потомъ отступишь.
 И сердясь, подъ маской дружескаго тона,
 Вотъ чтѣ я отвѣтилъ на привѣтъ Трезвона:
 — Ты меня мордастѣй, ты меня зубастѣй,
 Ибо—волкодавъ ты. Всяческихъ напастей
 Отъ тебя не мало испыталъ Барбоска,
 Отъ тебя недавно горько плакалъ Тезка,
 Водолазу тоже отъ тебя досталось,
 Отчего же, ваша милость, не пыталась
 Ну, хоть ради шутки, проучить Валета?
 Или ты боялся вредныхъ толковъ свѣта,
 Или кучеровъ ты барскихъ сталъ бояться?
 У Трезвона зубы стали появляться.

И,—я заикнулся (оробѣвъ душою).
 — Глупости! сказалъ онъ съ тою же кривою,
 Растяжной улыбкой,—глупости, любезный!
 Я не вижу толку въ травѣ бесполезной...
 Если я кусаюсь, то за дѣло: если
 Вижу что болваны въ умники полѣзали...
 Я свесу гримасу, злость, обманъ, уродство,
 Только не свесу я умныхъ превосходства.
 Хоть Валетъ и силенъ; но не онъ вліяетъ
 На умы, и значить: мнѣ онъ не мѣшаетъ.
 Если я Валета и сживу со свѣта,
 Нашъ Мирза другаго заведетъ Валета,
 Да еще, пожалуй, ты, какъ ларевъ ловкій,
 Самъ туда протрешься, съ лестью да съ сваровкой.
 Ты жъ хвостомъ виляешь иногда не даромъ.
 — Нѣтъ! ужъ это слишкомъ, перебилъ я съ жаромъ,—
 Еслибъ захотѣлъ я быть въ такомъ *фаворѣ*,
 Я бъ донесъ о вашемъ тайномъ заговорѣ...
 — О какомъ? спросилъ онъ, какъ бы удивляясь;
 И пошелъ болтать я, сердцемъ увлекаясь:
 — Полно, братъ, скрываться, страшное вы дѣло
 Вздумали затѣять! Что-то слишкомъ смѣло!!
 Вы, отъ насъ тихонько спюхались съ волками,
 Съ зайцами, съ ежами, даже съ медвѣдями.
 Но скажи, зачѣмъ вамъ такъ нужна лисица?
 Вѣдь она надуется, ибо мастерица
 Рыть вездѣ лазейки. Если вы войдете
 Въ домъ Мирзы съ лисицей, ни одной насѣдки,
 Цѣтуха или утки вы ужъ не найдете,
 Не спасутъ ихъ жизни никакія клятки.
 Знаю, вы хотите цѣлою оравой
 Домъ Мирзы ограбить и уйти со славой;
 Знаю что Валетка труситъ, я же слышалъ,
 Что у нихъ и порохъ весь давно ужъ вышелъ.
 Такъ, безъ остановки, откровенно, глупо,
 Я болталъ и думалъ будто правду рѣжу.
 (Видно все что гауло, на слова не скупо.)
 А мой гость, конечно, думалъ что я брежу;
 Наконецъ, завылъ онъ, протянувши шею;
 — Будь здоровъ, сласибо, братецъ, за идею...

(Продолженіе будетъ.)

Я. ПОЛОНСКІЙ.

КАМЕНЬ СИЗИФА *

IV.

Я принимал жителей Нювицы (ихъ было трое), разумѣется, какъ слѣдовало съ уваженіемъ и участіемъ; посадилъ, угощалъ ихъ консульскимъ кофеемъ и самъ крутилъ имъ сигарки и спрашивалъ обо всемъ обстоятельно.

Я видѣлъ что я имъ понравился, и одинъ изъ нихъ старикъ сказалъ мнѣ такъ:

— Жаль что отца твоего здѣсь нѣтъ... Какъ это такъ долго безъ хорошаго драгомана консулу оставаться?...

— Отецъ скоро будетъ, отвѣчалъ я.

— Когда еще будетъ! А консулу бы нужно пока хорошаго драгомана изъ здѣшнихъ.

— Вотъ Бостанджи-Оглу пока ходитъ по дѣламъ въ Порту.

— Не здѣшній. Нужно бы здѣшняго, сказали селяне.— Твой отецъ такой человѣкъ какого нужно... А пока бы другаго взяли; хорошо бы сдѣлали. Отчего консулъ Исаакидеса не возьметъ на время? Онъ человѣкъ грамотный, имѣетъ и мозгъ, и состояніе, и все что нужно.

— Онъ и Турокъ ненавидитъ такъ какъ нужно, прибавилъ съ веселою улыбкой другой.

Я отвѣчалъ что это дѣло начальника, „а я что тутъ?“

* См. *Русск. Вѣстн.* № 8.

— Нѣтъ, ты посовѣтовалъ бы это консулу чтобъ онъ Исаакидеса взялъ.

Я сталъ догадываться что это какія-нибудь внушенія со стороны самого Исаакидеса, которому хоть на одинъ бы мѣсяцъ хотѣлось послужить при Русскомъ консульствѣ, чтобы закончить скорѣе какія-нибудь дѣла свои или дать имъ по крайней мѣрѣ выгодное направленіе. Я не могъ знать навѣрное, повредитъ ли это отцу моему или нѣтъ, и боялся чтобъ Исаакидесъ не сумѣлъ бы такъ за это время поврачиться своею дѣятельностію консулу что отецъ, по возвращеніи своемъ, найдетъ мѣсто навсегда занятымъ.

Что Исаакидесъ желалъ стать хоть временно драгоманомъ, это я зналъ навѣрное, потому что онъ сталъ подъ разными предлогами почти ежедневно, съ перваго дня возвращенія Благова, ходить въ консульство и подобострастно улыбаться всѣмъ намъ.

Бостанджи-Оглу, который и не любилъ меня и завидовалъ мнѣ въ чемъ-то (я и не знаю въ чемъ именно), но и скриваться отъ меня не умѣлъ, еще вчера, глядя на подходящаго съ поклонами къ Благову Исаакидеса, сказалъ мнѣ такъ:

— Что за дьяволъ, иногда и этотъ Козвино говоритъ хорошо! Правъ онъ когда говорилъ что у этого человѣка низкій и подлый видъ и что сюртукъ у него ужъ слишкомъ скверный и сальный, и усы даже всегда криво пробриты, и носъ виситъ.... Ей Богу все это правда... Гляди, гляди какъ онъ смотритъ снизу на консула. Хочетъ въ драгоману попасть, у отца твоего мѣсто отбить....

— Хочетъ развѣ? спросилъ я.

— Одно и то же все твердитъ: „Вамъ безъ Полухроніадеса трудно... Вамъ хоть на время нуженъ мѣстный человѣкъ.“

— А консулъ что? еще спросилъ я.

— Не знаю. Молчитъ.

Для меня было понятно что Бостанджи на всѣхъ сердится за то что его самого никто драгоманомъ сдѣлать не желаетъ. Посмѣявшись надъ нимъ злорадно въ сердцѣ моемъ, я далъ себѣ слово написать скорѣе обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ отцу и просить его чтобъ онъ далъ мнѣ наставленіе относительно моего собственнаго поведенія, когда ко мнѣ люди будутъ обращаться съ вопросами, или просьбами, касающимися чего-нибудь подобнаго.

На этомъ-то основаніи и этимъ сельскимъ представителемъ я отвѣчалъ, что не мнѣ, мальчишкѣ, приличествуетъ давать консулу совѣты, что онъ знаетъ самъ кого взять нужно.

Селяне, услышавъ мой сухой отвѣтъ, какъ будто даже испугались немного и послушали согласиться со мной.

— Конечно, конечно! Какъ консулу самому всего не знать!

Но простодушный Кольо, который присутствовалъ при нашемъ совѣщаніи, вмѣшався въ дѣло и сказалъ своимъ землякамъ:

— Это Одиссей хорошо говоритъ, что ему не пристойно давать консулу совѣты.

— Не совѣты, а такъ только одно слово, живя въ домѣ... мы говорили... Мы тоже знаемъ, перебили селяне обидчиво.

— Стой, стой! прервалъ ихъ Кольо, одушевляясь, — и я же дуракъ, ты знаешь... Ты стой что я тебѣ, *патриотъ*, * скажу... Ты самъ консулу скажи такъ: „Мы, конечно, и такъ, и такъ... а вы бы, ваше сіятельство, Исаакидеса взяли, чтобы хоть по нашему дѣлу онъ лохологалъ бы пока до г. Поахромиадеса...“ Что? Развѣ я гауло оказалъ?

И Кольо началъ смѣяться и на всѣхъ насъ поочереды взглядывалъ, радуясь своей тонкости и своей политикѣ.

Селяне наши что это въ самомъ дѣлѣ правда и, какъ только г. Благовъ отперъ дверь своего кабинета, такъ Кольо доложилъ ему о приходѣ этихъ людей и отвелъ ихъ къ нему.

Они очень долго у него сидѣли, долго говорили съ нимъ и вышли отъ него очень довольные.

На первую мысль ихъ, переселиться въ Россію, онъ сказалъ что въ Россіи мѣста много, и что отказу имъ, вѣроятно, не будетъ, но что онъ совѣтуетъ имъ прежде обдумать зрѣло такое крутое рѣшеніе: въ Россіи и воздухъ другой, и обычаи не тѣ, и *вода* ** не та... А главное, что такіе молодые и православные люди *здѣсь* очень нужны... И не лучше ли прежде воспользоваться этимъ ужаснымъ несчастіемъ, которое случилось, чтобы доказать и Высокой Портѣ,

* *Соотечественникъ*, — неправильное употребленіе вмѣсто *симпатриотъ*.

** На Востокѣ очень дорожатъ хорошею водою и замѣчаютъ въ водѣ тончайшіе отгѣнки.

и европейскимъ посольствамъ, какъ нравы были жители этихъ шестнадцати селъ, когда увѣряли и каялись что имъ эта зависимость отъ беевъ становится нестерпимою и желали достать какой-нибудь фирманъ или что-нибудь подобное для устранения впредь притязаній со стороны беевъ.

Благовъ далъ имъ сверхъ того подробныя наставленія, какъ они должны дѣйствовать; совѣтовалъ прежде всего обойти всѣхъ консуловъ, начиная съ Леси, но не подавать имъ подписанныхъ прошеній, чтобы безъ крайности не раздражать противъ себя еще больше Турокъ, которыхъ всегда оскорбляютъ донельзя официальные обращенія христіанъ къ консуламъ, а оставить только для ламати неподписанныя замѣтки о ходѣ ихъ дѣла и о подробностяхъ самаго преступленія.

Благовъ обѣщалъ имъ даже что прикажетъ кому-нибудь изъ насъ въ консульствѣ составить для нихъ лучше эти записки.

— Ангаю хвалите, меня больше бравите, прибавилъ онъ еще, и селяне много этому совѣту радовались и смѣясь говорили: „Ангалчавинъ не повѣритъ намъ!“

Объ Исаакидееѣ они не забыли и рѣшились рекомендовать его Благову.

Консулъ немного удивился и спросилъ у нихъ:

— Развѣ онъ хорошъ?

Старшій изъ селянъ сжалъ кулакъ и воскликнулъ, сверкая глазами: „Звѣрь-человѣкъ на Турка!!..“

И Благовъ отвѣчалъ селянамъ: „Что же, это правда, на время можно и его попробовать.“

Меня очень поразило когда я узналъ что консулъ, который никого слушать не любилъ, вдругъ вздумалъ послушаться этихъ селянъ.

Но видимо было съ другой стороны что его приемы мало-малу начинаютъ мѣняться и что онъ не можетъ быть уже впредь такъ умѣренъ и сдержанъ какъ былъ въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Элирѣ, до путешествія по округамъ. Осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ, узнавъ людей и взвѣсивъ обстоятельства, онъ явно желалъ теперь повысить приподнять въ нашей странѣ русское знамя и показать всѣмъ что его первоначальная умѣренность есть лишь то что древніе звали мудростью, а никакъ не слабость или равнодушіе.

Самое рѣшеніе его взять драгоманомъ Исаакидеса, о которомъ онъ около года тому назадъ говорилъ что „нельзя брать драгоманомъ челоѣка который чуть не съ тарелкой для сбора на возстаніе по базару ходитъ“, доказывало ясно этотъ поворотъ его настроенія.

Вѣроятно и та безнаказанность, въ которой оставило турецкое начальство сеиса и софту, избившихъ меня, его protégé, * оскорбила его, можетъ-быть, глубже чѣмъ меня самого, пострадавшаго только тѣлесно и столько хваимаго всѣми за „мученическій вѣнецъ“, и память этого событія была, можетъ-быть, не послѣднею изъ причинъ, побудившихъ Благова доказать что онъ только *самъ не хотѣлъ* до сихъ поръ быть *узаскме* Бреше, а стоить только ему захотѣть, то Бреше будетъ предъ нимъ, русскимъ дворяниномъ Рюриковой крови, какъ мелкій ястребъ предъ настоящимъ *Царскимъ орломъ!*...

Я убѣжденъ что Благова пожиралъ внутренній огонь честолюбія, и что жажда самой разнообразной дѣятельности, въ которой онъ могъ бы обмаружить свою энергію, томила его глубоко.

И, наконецъ, если я и ошибаюсь, еслибы даже онъ не былъ такъ честолюбивъ, такъ сокровенно-страстенъ гордостью и волей, еслибъ ему и не было такъ пріятно вести разомъ нѣсколько трудныхъ, запутанныхъ и таинственныхъ дѣлъ, развѣ бы онъ не долженъ былъ обратить все вниманіе свое на дѣла Джефферъ-Дэма и на оскорбленныхъ христіанъ Чамурью?... Надо же было русскому дѣятелю такъ или иначе вознаградить и усложнить, или хоть утѣшить несчастныхъ родныхъ и соотчичей Пана, такъ жестоко погибшаго, а если можно, то и отмстить за него во славу имени православнаго!

Какъ достичь этого? Какъ поступить? Что придумать? Что предпринять?...

Я понимаю что эта мысль должна была долго тревожить дѣятельнаго молодого челоѣка, который, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, былъ слишкомъ благороденъ чтобы корыстный и предательскій поступокъ красавца Джефферъ-

* Protégé—надо понять что это слово по отношенію къ консульству имѣетъ и офиціальное значеніе. Одиссей имѣлъ отчасти право на русскую защиту какъ сынъ русскаго драгомана.

Дѣла не возмущалъ его глубоко, помимо даже всякихъ политическихъ соображеній о духовной связи Грековъ съ Россіей и объ обязанностяхъ взаимной помощи, которыя лежатъ на всѣхъ православныхъ людяхъ Востока, помимо, наконецъ, всемірнаго и великаго значенія того что зовутъ такъ вѣрно, не Славянскій и не Греческій, не Византийскій и не Русскій, а именно—*Восточный вопросъ!*...

Тотчасъ же по уходѣ представителей Нивыцы, Благовъ послалъ извѣстить Порту что онъ беретъ себѣ вторымъ драгоманомъ влиивскаго подданнаго Исаакидеса. Туркамъ это очень не понравилось; Исаакидеса они справедливо считали безлокобнымъ челоѣкомъ, и пытались сначала дружественно и офиціозно протестовать противу такого избранія.

Сабри-бей былъ у Благова и говорилъ прямо что Исаакидесъ „гетеристъ“, что онъ будетъ „мѣшать карты“ и причинить безконечныя затрудненія; что лаша надѣется на дружбу...

Но Благовъ возразилъ на все это рѣзко и холодно. Онъ перечислялъ прежде все то чѣмъ онъ былъ самъ не доволенъ, говорилъ объ оскорбленіи Бакъева солдатами, о двухдневной тогдашней борьбѣ и о вмѣшательствѣ г. Бреше, тогда какъ извиненіе должно бы было воспослѣдовать немедленно и не дожидаясь чтобы французскій консулъ явился съ дерзостями на помощь правотѣ Бакъева; говорилъ и о томъ что меня избили сеюсъ и софта и не были начальствомъ своимъ наказаны, и о томъ что отца моего нѣсколько дней не хотѣли признать драгоманомъ, а теперь не хотятъ признать Исаакидеса; упоминалъ и о неконченыхъ тяжбахъ русскихъ подданныхъ... И прибавилъ:

— Гдѣ же эта дружба? Я вижу только одни прелютствія. И обвиняю я въ этомъ, если хотите, одного себя; я былъ слишкомъ уступчивъ и слишкомъ *правильно* велъ себя.

Туркамъ на это возразить было нечего... то что зовется „attitude“ Русскаго консульства было въ самомъ дѣлѣ такъ долго „attitude corrigee“, особенно въ сравненіи съ опустошительною и всесокрушающею дѣятельностью Бреше, что Сабри-бею осталось только умолкнуть и уйти, а лашѣ признать Исаакидеса драгоманомъ.

Исаакидесу Благовъ поставилъ съ другой стороны слѣдующія условія: вопервыхъ, сейчасъ же вѣхать въ Чамурью (и на свой собственный счетъ; лишнихъ казенныхъ денегъ

теперь нѣтъ) и внимательно и безпристрастно на мѣстѣ раззнать все, все что только возможно о дѣлѣ Джефферъ-Дэма и Пано; понять духъ другихъ беевъ; многіе ли изъ нихъ на сторонѣ Джефферъ-Дэма, и многіе ли враги ему, — подобно тому Тахиръ-бей-Аббасу, который, какъ слышно, поддерживаетъ въ этомъ дѣлѣ христіанъ Нивицы... И почему это Тахиръ за христіанъ? Какіе его расчеты? И нѣтъ ли еще кого-нибудь изъ мусульманъ въ Чамурѣ, которые имѣли бы связи и вліяніе въ Артѣ и Превезѣ чтобы постараться о колоколь? Сверхъ того собрать мимоходомъ статистическія свѣдѣнія о побережьи Адриатическаго моря вообще и о южныхъ округахъ Арты и Превезы.... Какъ можно точнѣе: всѣ турецкія караулки, всѣ христіанскія сельскія, церкви, школы и маленькіе монастыри, всѣ произведенія почвы, всѣ роды занятій, весь ввозъ и вывозъ.... За все это Благовъ обѣщалъ Исаакидесу непремѣнно тотчасъ же по отъѣздѣ его *подумать* о его тажбѣ съ Шерифъ-беемъ и *заняться* ею....

Подумать и заняться... Онъ такъ сказалъ, — больше ничего.

Исаакидесъ ликовалъ и собрался на слѣдующій же день въ дорогу, не жалѣя даже небольшихъ расходовъ, въ виду большихъ выгодъ отъ выгрыша процесса.

Между тѣмъ Благовъ, не имѣя ловидимому никакого вѣрнаго понятія о томъ, какія кроются въ этой тажбѣ Исаакидеса съ Шерифомъ злоупотребленія со стороны перваго, и насколько во всемъ этомъ замѣшанъ отецъ мой, призвалъ вдругъ меня въ свой кабинетъ и спросилъ какъ будто равнодушно:

— Ты не знаешь, какая это сдѣлка у отца твоего съ этимъ Исаакидесомъ?...

Я пожалъ плечами и отвѣчалъ по совѣсти что знаю одно: отецъ мой занялъ въ крайности предъ отъѣздомъ на Дунай двѣсти лиръ у Исаакидеса, а больше ничего я не знаю.

— Ты не бойся говорить мнѣ правду, сказалъ на это консулъ;—всякій можетъ иногда ошибиться и согрѣшить... Для меня все-таки большая разница — интересы твоего отца, котораго я уважаю, и мошенничества Исаакидеса. Я его знаю и вовсе ему не вѣрю. Говори что ты знаешь смѣло.

Я покаялся что больше ничего не знаю.

Я не лгалъ и г. Благовъ больше меня объ этомъ не спрашивалъ.

V.

Въ этотъ же самый день, послѣ обѣда, Кольо пришелъ ко мнѣ и сказалъ что Исаакидесъ, уходя домой, былъ очень веселъ, искалъ меня, не нашелъ и поручилъ ему, Кольо, звать меня къ себѣ провести вечеръ.

Я собрался идти и съ удивленіемъ увидалъ что и Кольо идетъ туда же.

— И ты идешь туда? И тебя звали? спросилъ я.

— Я иногда бываю у нихъ, отвѣчалъ Кольо.

Я не зналъ что онъ бываетъ иногда у Исаакидеса въ домѣ и принимать тамъ почти на правахъ равенства, и думалъ сначала что онъ хвалится...

У Исаакидеса въ домѣ всегда было довольно хорошо, привѣтливо, не скучно. Все почти по-якински,—тихо, довольно опрятно, просторно; большіе турецкіе диваны кругомъ стѣвъ, покрытые полушерстянымъ, полубумажнымъ штофомъ, который зовется дамаско, оранжевымъ съ зелеными разводами; на бѣлыхъ оштукатуренныхъ стѣнахъ большіе портреты еврейскихъ государей: Русскій императоръ съ голубою лентой; Австрійскій въ бѣломъ мундирѣ; Викторія; Пруссскій коронованный герой съ сѣдми бакенбардами; Наполеонъ съ усами тонкими; король Галантуомо — съ усами толстыми; былъ на всякій случай и портретъ Абдуль-Азиса, но онъ былъ гораздо меньше другихъ и висѣлъ особо надъ входною дверью, такъ что Грекамъ можно было сказать: „Я отдѣлилъ его прочь отъ царей Христа признающихъ!“ А если придетъ съ визитомъ Турокъ, то ему можно было сказать съ улыбкой любви: „Падшахъ входитъ мой освѣяетъ всегда!“

Самъ Исаакидесъ былъ хозяинъ дома ласковый, веселый и простой... Супруга его кира Кириакца была не особенно хороша собой, но смотря по вкусу могла быть и пріятна. Ей было лѣтъ двадцать лять, двадцать шесть. Какъ сказать объ ней? Мнѣ бы хотѣлось чтобы ты вообразилъ ее себѣ поживѣ (у меня на это есть особыя причины). Она роста была небольшого, сложена хорошо, моложава, но цвѣтъ лица ея былъ желтоватый и ровный какъ цвѣтъ воска. Глаза ея только были очень недурны: голубые и за-

думчивые. Мнѣ всегда нравилось что она держала себя и естественно и какъ-то немножко, немножко... не то гордо, не то осторожно. Она почти каждое лѣто ѣздила въ Корфу кулаться и посѣтить знакомыхъ, и приобрѣла тамъ немного больше другихъ явнскихъ дамъ свободы въ обращеніи съ мужчинами. Эпирскія (и не однѣ эпирскія, но скажу вообще и греческія, и болгарскія, и вѣроятно сербскія дамы) не то чтобы стыдятся, но онѣ сидятъ и смотрятъ на гостя и говорятъ съ нимъ такъ что чужой мужчина не знаетъ что имъ сказать, и все повелѣвъ обращается къ мужу... И ему становится какъ-то стыдно и онъ поскорѣе уходитъ домой.

Госпожа Исаакидесъ, хотя и очень тихая по манерамъ своимъ и характеру, умѣла однако ободрить гостя тѣмъ что сама безпрестанно заговаривала съ нимъ, предлагая довольно разнообразныя вопросы, или сама разказывала разныя вещи...

Одѣвалась она не по-явнски, *малакофъ* * у нея не было ужъ такъ широко какъ у другихъ; на головѣ дома не было ничего, а на улицѣ она носила круглая шляпки, какъ madame Бреше, только подешевле и шлейфа длиннаго у нея не было. У нея были какія-то черненькія кофточки или курточки, которыя очень хорошо обрисовывали ея тонкій станъ и придавали ей много миловидности и молоджавости.

Она чаще другихъ архонтисъ ходила къ madame Ашенбрехеръ, къ madame Бреше и къ дочери Куркориди, и очень любила сама разказывать такъ кротко и задумчиво о консульскихъ семействахъ.

— Попробуйте этого варенья, это madame Ашенбрехеръ прислала мнѣ.—Я посылаю ей наше варенье, греческое, она посылаетъ мнѣ варенье нѣмецкое. Мы очень съ ней дружны. Она такая милая женщина!

— Вчера я была у madame Бреше. Ей еще привезли два шелковыхъ платья изъ Парижа. Одно дикаго цвѣта съ бѣлыми и фиолетовыми цвѣтами, шлейфъ огромный; а другое абрикосоваго цвѣта съ розовою отдѣлкой. Какая красота!... Гдѣ она, бѣдная, здѣсь это надѣвать будетъ!...

— Третьяго дня я была у mademoiselle Куркориди! Какъ жаль что эта прекрасная дѣвица коса и не вышла замужъ. Она очень желала бы имѣть фортелиано, но сюда вестя на

* Кринолинъ.

рукахъ черезъ горы такую тяжелую вещь очень трудно и дорого.

И все это такъ медленно и чувствительно, голосомъ мягкимъ, не крикливымъ, какъ у другихъ арховтисъ.

Долгоносая и страшная madame Бреше говорила про нее.

— Madame Исаакидесъ для восточной женщины довольно мила. И потомъ прибавляла, откидываясь томно на спинку кресла своего:—разумѣется, она не можетъ имѣть всей граціи истинно европейской женщины (la grâce d'une vraie européenne!) Однако...

Исаакидесъ казался къ женѣ своей очень внимательнымъ и двухъ дочекъ своихъ маленькихъ онъ очень любилъ.

Въ исторіи женитьбы ихъ было, впрочемъ, столько особеннаго что я не могу не остановиться немного на ней и не разказать тебѣ ее мимоходомъ.

Исаакидесъ видѣлъ Кириакицу до брака сначала еще почти ребенкомъ, тогда когда еще ее *выпускали* при мушкетерахъ; видалъ онъ другую младшую сестру ее Марію; разница въ годахъ была между ними мала, но въ красотѣ большая. Младшая сестра, которая потомъ вышла замужъ за другаго архонта, была красива и свѣжа какъ картинка. Кириакица въ отрочествѣ своею была гораздо хуже чѣмъ тельеръ. Исаакидесъ сватался за младшую чрезъ знакомыхъ женщинъ и чрезъ родственниковъ, и просилъ за ней восемьсотъ лиръ приданаго. Долго спорили, однако наконецъ согласились на шестистахъ лирахъ и свадьба была назначена секретно въ домъ родителей, такъ какъ женихъ былъ эллискій подданный, а невѣста дочь райя. * Собрались родные, пригласили священника, женихъ ждалъ; вывели изъ внутреннихъ комнатъ нарядную невѣсту...

Исаакидесъ съ ужасомъ и удивленіемъ увидалъ что это была не Марія, а Кириакица, не красавица—младшая, а эта бабья, восковая дѣвушка небольшого роста. Онъ смутился и не зналъ что дѣлать. Но родные окружили его, хвалили Кириакицу, умоляли не срамить, твердя что невозможно младшую выдать прежде старшей и, наконецъ, отецъ сказалъ жениху:

— Хорошо, добрый и милый другъ мой, ты человекъ раз-

* Дочерямъ турецкихъ подданныхъ за подданныхъ иностранныхъ Турки выходить замужъ не позволяютъ.

ужный. Ты желалъ восемьсотъ ларъ?.. Вотъ тебѣ восемь-
сотъ пятьдесятъ... Успокой ты меня старика. Возьми ихъ;
я за дѣтей своихъ послѣднюю калаю крови моей отдамъ...

Исаакидесъ взялъ деньги, вздохнулъ и обвѣнчался...

Но вѣдь и у него былъ одинъ рядъ „бѣлыхъ зубовъ“...
Онъ былъ человѣкъ уживчивый и, помимо безстыдства сво-
его въ политикѣ и тяжбахъ, я готовъ сказать, скорѣе доб-
рый чѣмъ злой.

Они жили послѣ этого съ женой очень согласно, лучше
чѣмъ живутъ многіе изъ женившихся охотно, и даже какъ
бываетъ въ другихъ мѣстахъ, по страсти (у насъ же ни въ
Явнѣ, ни въ Загорахъ по страсти никто еще никогда не
женился).

Онъ все улыбался подъ кривыми усами своими. Она все
пѣла-распѣвала голоскомъ своимъ и все хвалила, что толь-
ко ни есть на этомъ Божьемъ свѣтѣ. Обороты денежныя
шли не дурно. Диваны оранжевыя съ зеленымъ были; шел-
ковыя кофточка и шпалка были; дѣти были. Домъ свой
былъ. Въ Корфу купаться ѣздилъ... Консульскія жены и
дочери хвалили и варенье присылали.

Чего же еще хотѣтъ? Хорошо!

Имъ было хорошо и намъ, гостямъ, было хорошо.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, было очень пріятно. Вечеръ про-
шелъ разумно, какъ проводятся иногда вечера въ благочин-
ныхъ семействахъ восточныхъ христіанъ.

Кромѣ меня и Кольо, были тутъ въ этотъ вечеръ—мать
госпожи Исаакидесъ: почтенная старушка, одѣтая очень
опрятно, въ темномъ пластьѣ и въ черномъ платочкѣ; она
почти ничего не говорила, но держала себя съ важною
пріятностью и съ достоинствомъ улыбалась, слушая дру-
гихъ. И былъ еще одинъ гость пріѣзжій изъ Аеинъ, г. Вам-
вакъсъ, законникъ, молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать
на видъ. Онъ былъ очень разговорчивъ и казался мнѣ за-
нимательнымъ и весьма образованнымъ. (Какъ моя встрѣча,
такъ и встрѣча Кольо съ этимъ человѣкомъ въ этотъ ве-
черъ оставила довольно значительныя слѣды на послѣдую-
щихъ нашихъ думахъ и осталась не безъ вліянія на нашу
судьбу.) Панталоны у него были гораздо уже чѣмъ у Иса-
акидеса и другихъ нашихъ явнскихъ, почти такіе же узкіе
какъ и у Благова и Бакѣва и какіе-то яркіе. И не только
панталоны, самъ онъ весь былъ очень узенькій, длинновъ-

кій, высокенькій, жиденькій, блѣденькій. И головка его по росту была слѣшкомъ маленькая. Только бакенбарды довольно густы и велики.

Я помню что я долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ впечатлѣннн которе онъ производилъ на меня. Какъ будто бы оно было не хорошо... А впрочемъ какъ будто и хорошо. Хорошо было оно потому что въ немъ было съ избыткомъ замѣтно все то, что я привыкъ уважать и о чемъ даже и мечталъ нерѣдко для себя.

Обучался онъ въ просвѣщенныѣхъ и свободныѣхъ Аѳинахъ, въ университетѣ. Платье европейское, и даже модное (хотя къ Благовскому европейскому платью оно относилось какъ „листъ поблекшій и пожелтѣлый гонимый осеннимъ вѣтромъ“ относится къ созрѣвшему бутону, но все-таки...), говорить языкомъ самымъ тонкимъ и высокимъ. Громить деслотизмъ. Хвалить аѳинскую мостовую. Цѣлочка у него большая золотая на часахъ и ключикъ такой какого я еще и не видалъ: не особенный отъ часовъ, а такъ прямо возьметъ онъ за шпешечку какую-то у часовъ пальцами, небрежно раскинувшись на диванѣ, затрепещитъ шпешечка тихонько и завелись часы.

(Усовершенствованіе все! А мы подъ игомъ все назад!..)

Говорилъ г. Вамвакодъ много.

Неумолкающая его бесѣда была впрочемъ очень разнообразна и содержала въ себѣ много поучительнаго и для меня новаго. Онъ говорилъ объ италіанскихъ пѣвцахъ, о томъ что бываютъ два рода теноровъ, *tenore di forza* и *tenore di grazia*, что самъ онъ *tenore di grazia*.

Потомъ онъ радовался изгнанію короля Оттона и декламировалъ стихи изъ политической драмы Александра Суццо.

„Мы, Эллины стали посмѣшищемъ вселенной“ декламировалъ онъ на распѣвъ и очень громко.

„Мы всѣ подобны полумертвымъ кускамъ изрубленной ехидны...
Раздираемъ нѣдра отчизны...“

Каждый изъ насъ подъ знаменемъ какой-нибудь презрѣнной газеты...

Народъ, еще столь недавно * героическій сподвижникъ нашъ на полѣ брани,

* Политическая драма была напечатана въ Брюсселѣ, въ 1843 году.

Мы его предали въ когти какихъ-то филологических хищныхъ птицъ...

Мы не Греки, а *Грекули* Римлянъ...“

Подчинилась деспотизму Баварцевъ,

Готевъ безъ славы, отряхающихъ хладъ отъ вандалскихъ одеждъ своихъ у развалинъ Акрополя...

Онъ хвалилъ старика Гриваса; рассказывалъ что онъ у себя въ имѣннѣ ходитъ самъ вмѣстѣ съ рабочими въ національной одеждѣ и съ длинною сѣкирой рубить колючие кусты... И прибавлялъ что одно только не хорошо: „Гривасъ становится страшенъ для свободы эллигской. Онъ набираетъ цѣлое войско охотниковъ, и мѣтъ ли у него коварныхъ замысловъ?...“

Еще онъ сообщилъ госпожѣ Исаакидесъ какую онъ траву пьетъ отъ геморроя и сколько было у него прежде мозолей и какъ онъ ихъ свелъ.

Итакъ, нельзя не согласиться что рѣчи Вамвакоса были и разнообразны и полны полезныхъ свѣдѣннй. Все это: Всеваучница Аттическая, платье, языкъ Эукидида и Иоанна Златоуста, ключикъ, свободолоубіе и медицинскія общеллезныя свѣдѣння,—это все хорошо...

Но я не могъ рѣшить навѣрное, хорошо ли что головка его мнѣ казалась ужъ очень мала, а бакенбарды велики, и что онъ все глаза поднималъ къ небу и слишкомъ былъ „тарахолідсѣ“ (многомятенъ) какъ родъ іудейскій... что онъ былъ безпрестанно на ногахъ въ то время когда мы всѣ сидѣли истово и чинно на длинномъ диванѣ; или то что онъ раскидывался на диванѣ уже слишкомъ близко отъ хозяйки... Или вдругъ олять векакивалъ и начиналъ нальвать, чуть не прыгая, лѣсенку любовную (пріятнымъ, впрочемъ, голоскомъ, и олять очи къ небу)...

Бѣлая ты моя роза!...

И зеленой ты мой жасмиль!...

Цумба! Цумба!

Цумба! Цумба!...

И такъ онъ то туда, то сюда, и руками, и глазами, и ногами... и голову назадъ, и голову направо, и голову налево... А мы всѣ—Исаакидесъ, Коальо, и я, и обѣ госпожи: Исаакидина и мать ея—сидимъ и смотримъ на него. Не знаю какъ сказать... какъ будто бы нехорошо... А можетъ:

быть это происходитъ отъ свободы политическихъ нравовъ въ Греціи и для этого самого проливали кровь Канарисъ, Міаули и Караускаки! Не знаю!...

Сомнителямъ также показался мнѣ и другой родъ вольности которую онъ себѣ позволялъ.

Онъ какъ-то все подпрыгивалъ, сгибая колѣнки, и подобострастно смѣясь, все обращался къ одной госпожѣ Исаакидесъ, а не къ мужу, или къ матери...

— Кирія!... о! кирія!... Вы не повѣрите что за энтузіазму можетъ пробудить новый лѣвецъ, котораго я слышалъ...

И вдругъ выпрямлялся; очи печальныя, одну руку къ сердцу, а другую къ верху...

Клятвамъ ты не довѣряешь...

Вздоховъ знать не хочешь ты!...

И опять согнувъ колѣнки и улыбаясь къ ней:

— Кирія! Кирія!...

О государственныхъ волненіяхъ въ Элладѣ, или о стихотвореніяхъ Суццо говорить, языкъ его хорошъ; а насчетъ увеселеній и дамъ: все у него *сульѣ, суарѣ, гактіа*, а не *папуца*, не *хорѣ*, не *хирѣфтіа*. *

Изъ всего обращенія его съ госпожой Исаакидесъ мнѣ показался остроумнымъ одинъ только льстивый вопросъ его этой молодой дамѣ; она вышла по хозяйству приготовить намъ какое-то прохладительное и пригласила съ собой даже Кольо (который сидѣлъ скромно въ углахъ и подобно мнѣ большею частію созерцалъ молча Аевьянина и слушалъ его), онѣ пробыли тамъ довольно долго.

Едва только возвратилась она, предшествуемая служанкой, которая несла на подносѣ сладости, какъ Вамвакѣсъ бросился съ дивана и, устремляясь къ ней на встрѣчу, воскликнулъ съ отчаяніемъ: „А! госпожа моя, вы насъ все покинули! Мы думали, что вы уже *корни пустили тамъ!*...“

Это „корни пустили тамъ“ мнѣ понравилось.

Такъ продолжалось очень долго. Вамвакѣсъ занималъ общество; остальные изрѣдка прерывали его. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ пока, наконецъ, онъ не уснулъ старую мать госпожи Исаакидесъ. Забывъ свою безмоав-

* Башмаки, танцевальный вечеръ, перчатки.

вую важность, лютенная киря упала лотиховку на подушки софы и уснула. Дочь, смѣясь, разбудила ее и она ушла.

Кольо сначала долго не показывался въ приемной—онъ остался въ прихожей и стыдился войти при аттическомъ лѣтѣ. Госпожа Исаакидесъ сказала, наконецъ, мужу:

— Смотри, киръ Василяки, бѣдный Кольо стыдится и сидитъ внизу. Исаакидесъ самъ пошелъ за нимъ и, приведя его за руку какъ смущенную невѣсту, посадилъ его у стола въ сторонѣ. Кольо, я видѣлъ, весь вечеръ лосѣт этого былъ на себя не похожъ.... Онъ былъ какъ потерянный (отъ самолюбія и стыда, такъ я думалъ)... Сидѣлъ облокотившись на столъ, не говорилъ ни слова, изрѣдка печально улыбался мнѣ, едва отвѣчалъ на ободрительные вопросы хозяйки и хозяйки. А когда ему подавали варенье и кофе, онъ внезапно и судорожно выходилъ изъ своего оцѣмѣнія, схватывая лѣвою рукой широкій рукавъ своей правой руки, какъ священникъ желающій благословить, и вовсе безъ надобности такъ высоко и изысканно поднималъ эту руку съ ложечкой надъ подносомъ, какъ будто онъ хотѣлъ эту ложку вонзить въ желе съ исполинскою силой. Глаза его все время были потухшіе и лицо какъ бы изможденное..

Подъ конецъ вечера Исаакидесъ ласково сказалъ женѣ:

— Кириакца моя, не утѣшишь ли ты насъ старымъ виномъ?

— Съ радостью, съ радостью, отвѣтила добрая хозяйка, и вино принесли.

Исаакидесъ наливалъ намъ всѣмъ тремъ и мы пили лемножку, даже и Кольо.

Выливъ рюмки по двѣ, мы всѣ хоромъ залѣли всѣмъ извѣстную греческую *Марсалезу*:

О, мой острый и длинный ножъ

И ты, черное ружье мое, огненная птица...

Вы уничтожаете Турка, терзаете тирана на части..

Госпожа Исаакидесъ сказала тогда Кольо:

— Приблизься, Кольо; зачѣмъ ты удаляешься и стыдишься?... Пой съ нами громче...

Кольо кивнулъ головой въ знакъ согласія и произнесъ въ первый разъ во весь вечеръ два слова: „это можно!“ подошелъ поближе къ хозяйкѣ и Аениявину, началъ пѣть,

и сильный голосъ его очень скоро покрылъ всѣ другіе голоса.

Въ эту минуту, когда всѣ занялись лѣніемъ, Исаакидеся тронулъ меня за плечо, отвелъ къ столу и, наливая мнѣ еще рюмку вина, сказалъ:

— За твое здоровье, Одиссей....

Мы выпили.

Потомъ Исаакидеся, всматриваясь въ лицо мое, ласкательно продолжалъ:

— Имѣю я до тебя большую просьбу, дитя мое; ты приближаешься постоянно къ консулу русскому; постарайся чтобы безъ меня уже было начато наше дѣло съ Шерифомъ. Ты знаешь? Старое дѣло, которое Туркаръ въ мою пользу рѣшить, конечно, не хочетъ... А я могу и долго пробыть въ отвѣздѣ... Я хочу угодить консулу....

Я отвѣчалъ, пожимая плечами, что я кажется въ этомъ ничего не могу.

— Кого господишь Благовъ слушаетъ? Никого!

— Пусть такъ! продолжалъ Исаакидеся, — но все-таки напоминаніе одно... У него разныя мысли и заботы. Напоминаніе... Послушай меня...

И онъ отвелъ меня еще подальше отъ другихъ и продолжалъ съ выраженіемъ самой вкрадчивой ласки во взглядѣ и голосѣ:

— Сыне мой! Развѣ ты не знаешь что и отецъ твой можетъ большія выгоды отъ меня имѣть чрезъ это дѣло.... Я отчаиваюсь въ возможности достигнуть хорошаго результата безъ помощи великой державы и безъ вмѣшательства энергическаго консула.... Турки выдумали будто я не возвратилъ Шерифу нѣсколько рослисокъ и будто въ другихъ есть подлогъ. Клеветать на христіанъ имъ всегда легко! На что подлогъ? Шерифъ и безъ того долженъ мнѣ больше тысячи лиръ золотыхъ.... Кто виноватъ что онъ льяница и расточитель.... Не я же!... Посмотри, какой домъ три года тому назадъ построилъ. На что онъ ему былъ?... Турецкая неразчетливость... Пусть пропадаетъ....

Тутъ Исаакидеся, все улыбаясь весело и довольно отвратительно, повторилъ очень нагло то что онъ говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на островѣ, когда ссорился съ Коввино.

— Не могу я „чернымъ ружьемъ“ и ножомъ терзать Турка,

такъ я его иначе сгублю и пользу христіанамъ сдѣлаю.... Слушай же, сыне мой... Надо слѣзнуть... Ему, Шерифъ-бею, просватали теперь богатую невѣсту, дочь Пертэфъ-эфенди. Завтра или послѣзавтра свадьба... Надо налегать на него пока деньги у него есть.... Иначе онъ олять ихъ расточить, и гдѣ мы ихъ возьмемъ?... А я твоему отцу готовъ даже подовину отдать всего долга его, лишь бы мнѣ другую подовину счетомъ отъ Турокъ получить... Подумай объ этомъ, сыне мой... Не говори что ничего не можешь.... Богъ это знаетъ! Постарайся.... Польсти Бостанджи-Оглу чтобъ онъ у консула настаивалъ. Помни, говорю я тебѣ, что Шерифъ женится теперь на богатой, и что ты можешь пособить отцу твоему приобрести деньги большія, или домъ, или землю вмѣсто денегъ... когда бей вынужденъ будетъ продать.... Смотри, теперь и деньги у бея есть, и консулъ русскій молодецъ. Мѣняются обстоятельства.... Развѣ не можетъ завтра уѣхать Благовъ? Развѣ всѣ русскіе консулы такіе какъ онъ? Тоже и между ними есть куда негодные....

Рѣчь искусителя была сладка, и меня впервые поразила ясная мысль о возможности отцу моему внезапно приобрести довольно хорошаго капитала, который или здѣсь бы въ Элирѣ улучшилъ и возвысилъ наше положеніе, или бы послужилъ по крайней мѣрѣ къ расплатѣ съ болгарскимъ злодѣемъ Петраки-беємъ на Дунаѣ (пусть его дѣло вовсе неправое и долгъ отца небываемый вовсе; но вѣдь мы *изъ Турціи*, и я не разъ удивлялся терпѣнію отца моего, который вотъ уже лѣтъ пять-шесть напрасно тратился и мучился, отстаивая права свои!..)

Да! слышать то что говорилъ Исаакидесъ было мнѣ очень пріятно, но.... что я могъ? вотъ вопросъ.

Такъ я и еще разъ сказалъ ему:

— Хорошо! Но что я могу?... въ мои года и въ моемъ положеніи...

Исаакидесъ кощунственно возразилъ мнѣ на это словами псалма:

„Малъ бѣхъ въ братіи моей и юнѣишій въ дому отца моего: пасохъ овцы отца моего.... Изыдохъ въ срѣтеніе племенику и проклятъ мя идолы своими....“

На это я не отвѣтилъ. Его лесть и корыстная надежда, которая онъ возбудилъ во мнѣ, боролись въ душѣ моей съ тѣмъ все-таки неприятнымъ впечатлѣніемъ которое произ-

водилъ во мнѣ его ползающій характеръ.... Конечно, что говорить. Хорошо получить лятьсотъ золотыхъ, или шѣвнѣ, или домъ.... Хорошо!..

— Еще рюмочку на дорогу, говорилъ Исаакидесъ.

Я выпилъ еще одну рюмку на дорогу, клаясь, благодаря и обѣщая сдѣлать все что могу....

— А что могу, все-таки не знаю!

Наконецъ Исаакидесъ отошелъ отъ меня и присоединяясь снова къ жемъ и господину Вамвакдсу, продолжавшимъ еще вмѣстѣ пѣть, началъ тоже басомъ патріотической припѣвъ:

Элаада! Элаада!..

Я смотрѣлъ гдѣ Кольо... Но онъ опять куда-то скрылся... Я пошелъ искать его и нашелъ его вверху въ сѣняхъ у открытаго окна.

— Задыхаюсь, сказалъ онъ.—На вѣтеръ свѣжій хотѣлъ....

Пойдемъ домой....

— Что съ тобой, Кольо? спросилъ я.—Ты опять печаленъ?..

— Ничего. Голова болитъ...

Мы вернулись въ комнаты и простившись съ хозяевами ушли.

Исаакидесъ и жена его прощались съ Кольо очень ласково, и ничѣмъ не отличали меня отъ него, ни привѣтствіемъ, ни ложатіемъ руки.

— Доброй ночи, Одиссей! Доброй ночи, Кольо. Не забывайте насъ...

Но Вамвакдесъ иначе простился съ хозяевами, иначе со мной, иначе съ Кольо...

Не могу я изобразить какъ именно, только иначе. И Кольо это замѣтилъ и еще больше огорчился...

Мы возвращались въ консульство по темнымъ улицамъ съ фонаремъ и долго молчали.

Я все думалъ о чифтликѣ Шерифъ-бей, о домѣ его, о золотѣ и о томъ, зачѣмъ я такъ безсиленъ что не могу ничего сдѣлать? И еще было одно обстоятельство во всемъ этомъ дѣлѣ которое затрудняло меня... Я вовсе еще не зналъ, хочетъ ли отецъ мой дѣлаться барышномъ съ Исаакидесомъ или нѣтъ. Впрочемъ, думалъ про себя: „какъ бы не хотѣть?“

Не знаю я о чемъ съ своей стороны размышлялъ Кольо, но онъ вдругъ прервалъ молчаніе наше вопросомъ:

— Нравится тебѣ этотъ Вамвакдесъ?

Я отвѣчалъ нервнѣе, соображаясь со своимъ собственнымъ впечатлѣніемъ:

— Какъ будто хорошій человекъ. Просвѣщенный. А ты какъ его находишь?

— Хорошій!... отвѣчалъ Кольо, какъ бы не желая высказывать настоящихъ чувствъ своихъ.

Я, занятый моими коммерческими мечтами, не желалъ продолжать разговора; но Кольо опять возобновилъ его съ другой стороны.

— Думаю я иногда... Такъ... помысль пустой... Тяжела жизнь, мнѣ кажется, женщинѣ молодой, когда у нея мужъ такой некрасивый и неопрятный какъ Исаакидесъ... Ты какъ думаешь?

Я отвѣтилъ ему на это поучительно, чтобы только онъ оставилъ меня въ покоѣ:

— Что жъ дѣлать, другъ мой! Не всѣмъ Богъ красоту далъ. Все-таки таинство и учрежденіе.. Честенъ бракъ и даже нескверно...

— Ты правъ, сказалъ Кольо, и больше мы ничего не говорили всю дорогу.

По возвращеніи въ консульство я нашелъ на столѣ моемъ письмо отъ отца, уже изъ Константинополя, а не съ Дуная; онъ сообщалъ мнѣ, что послалъ письмо и Благову съ просьбой пощадить его, и не лишать драгоманства, если онъ немножко еще опоздаетъ; потому что онъ несовсѣмъ здоровъ и никакъ не можетъ тотчасъ выѣхать въ Эмиръ. На счетъ дѣла Исаакидеса и Шерифъ-бея онъ писалъ такъ: „Какъ они (т.-е. Благовъ и Исаакидесъ) находятъ лучшимъ, такъ пусть и дѣлаютъ“. Итакъ изъ неожиданнаго письма этого явствовало что отецъ мой не только отъ меня не требовалъ никакого содѣйствія въ этой тяжбѣ, которая меня начинала такъ живо интересоваться, но и самъ почти отстранялся отъ нея, предоставляя все не зависящему ни отъ него самого, ни отъ меня ходу обстоятельствъ.

Но и я съ своей стороны уже успѣлъ очень скоро вспомнить объ одномъ важномъ условіи нашего юридическаго быта въ Турціи...

Вотъ о какомъ именно: у отца моего былъ, хотя и не совсѣмъ правильно-приобрѣтенный эллинскій паспортъ, а я былъ *райи* (на этотъ разъ къ счастью); такъ что въ случаѣ

какой-нибудь конфискации или продажи чифтаиковъ и домовъ, они были бы вѣроятно записаны отцомъ на мое имя, а не на его собственное...

Собственность! Недвижимая собственность!.. Или ужъ и въ самомъ дѣлѣ всѣ, всѣ сверкающія звѣзды разомъ слѣшать восходить на утреннемъ небосклонѣ твоемъ, Одисей мой сердечный!..

Газеты перомъ Исаакидеса гремятъ о тебѣ, о! патриотъ-человѣкъ!..

Вельможи русскіе раскрываютъ тебѣ двери жилищъ своихъ... Молодые дѣвушки сами хвалятъ и сами цѣлуютъ тебя.

Безнравственная уступчивость твоя ихъ сластолюбивымъ замысламъ, по милосердію ли, или по чему-либо иному, не казнится...

Въ политику уже входитъ...

Царское жалованіе идетъ...

И если еще... „собственность“ эта?..

Да! посмотримъ что скажетъ тогда Несториди, который шутилъ прежде что я слишкомъ ужъ добръ и гауль, и кулцомъ быть не могу...

Шутилъ ли онъ?

На другой день уже съ раннего утра я предался мечтамъ любостяжанія...

Учитель нашъ въ гимназіи возглашалъ громогласно и внушительно: „Печальныя и унижительныя для великой Эллинской націи условія политической жизни сдѣлали то что эта *политическая жизнь*...“

А я, устремивъ на него почтительные и джевнимательные взоры, думалъ про себя, слегка вздыхая, объ одномъ имѣніи Шерифъ-бея, въ полутора часахъ ходьбы отъ города. Унылое мѣсто!.. Гора, на склонѣ ея бѣлый, старый, пустой, пре-пустой домъ, сѣдное христіанское селеніе, небольшая, но доходная мельница; мнѣ ужъ слышался шумъ ея каскадовъ... Деревьевъ тамъ очень мало... Видъ, конечно, не веселый, но есть кукуруза въ обиліи, есть и лшеница, и съ нихъ сельяне должны, за то что живутъ на моей землѣ, улачивать мнѣ два на десять. Хорошо! Они вѣдь не рабы же, наконецъ, эти соотчичи мои. И Авраамъ былъ богатъ; что жъ такое!.. „Текущу богатству не прилагайте сердца...“ Вотъ что нужно. Оно течетъ теперь намъ въ руки само: что жъ

я-то дѣлаю худаго? Селаме имѣють право удалиться, если имъ неприятно платить. Свобода! Да! Конечно, оно такъ: „нечестныя и унижительныя условія политической жизни...“ Но вотъ какъ пойдутъ эти цифляки, станутъ звать отца моего Полихрониадесъ-бей (какъ есть Фотиадесъ-бей); а меня, напримеръ, Одиссей-эфенди... И я мысленно повторялъ, какъ бы прислушиваясь въ глубинѣ души моей къ пріятности звука: Фуадъ-эфенди, Рифаатъ-эфенди, Гумбухиаатъ-эфенди, Одиавъ-эфенди, Одиссей-эфенди... Нить, хороши, дьяволъ ихъ возьми, эти турецкія имена! Да и чѣмъ же я виноватъ, наконецъ, тоже надо сказать и это. Видно часъ еще намъ Эллинамъ освободиться не пришелъ! Всякая власть отъ Бога, а нравы Турокъ несомнѣнно смягчаются... Надо бы какъ-нибудь это право! Да, впрочемъ, Благосъ молодецъ, ужъ онъ выиграетъ тяжбу!

А между тѣмъ въ той же самой душѣ моей, которую такъ ласкала шумъ мукомольныхъ каскадовъ, раздавались и другіе звуки, слышались совсѣмъ иного рода голоса и даже волаи... Зачѣмъ это дѣло ведется съ Шерифомъ, а не съ другимъ какимъ-нибудь подлымъ и злымъ Туркомъ?

Шерифъ-бей еще и прежде и самъ по себѣ ни въ правился, и былъ еще сверхъ того особымъ причиною которая располжла меня къ нему и о которыхъ разкажу. Да правился онъ и не мнѣ одному, но и другимъ христіанамъ.

Наружность его была довольно пріятная, выраженіе лица очень доброе и располагало въ его пользу. Говорятъ о внѣшности бей, я уломаю и о томъ однако что Шерифъ, несмотря на свое положеніе въ городѣ, на средства и кредитъ (которые были все-таки еще довольно велики пока), одѣвался очень дурно, но не иначе какъ по-европейски. Онъ ходилъ въ фескѣ, въ широкихъ панталонахъ дурнаго покроа и въ ваточномъ пальто, не дорогомъ и лоношенномъ. Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ какъ люди одѣваются хорошо по-европейски и я сталъ больше понимать въ этомъ и бессознательно жалѣлъ что Шерифъ-бей надѣлъ это платье *цивилизациі и моды*, съ которымъ онъ и обращаться не умѣлъ. Пріятное и молодое лицо его портилось еще и тѣмъ что онъ, какъ многіе у насъ, рѣдко брился. И эта черта была еще замѣтнаѣе при плохой европейской одеждѣ; небритый подбородокъ въ восточной одеждѣ придаетъ только суровый и грубый видъ; а при европейской онъ

дѣлаетъ человѣка похожимъ на гравнаго вищаго, или на отлучнаго уличнаго вора.

Непріятно, конечно, было видѣть человѣка, который построилъ такой великолѣпный домъ и тратилъ такъ много денегъ, такимъ неоправданнымъ. Но это все я разсуждаю *теперь*. А тогда я хоть и чувствовалъ смутно все это, но другія гораздо болѣе важныя соображенія заставляли меня съ самаго начала моего пріѣзда въ городъ смотрѣть на Шерифъ-бей съ искреннимъ дружескимъ, жалѣя только, зачѣмъ такой хорошій человѣкъ не можетъ креститься и стать членомъ нашей общины.

Недостатки Шерифъ-бей вредилъ только ему и развѣ семьѣ его и ближайшимъ людямъ, такимъ же Туркамъ какъ овъ. Добрыя же его качества прямо относились къ намъ, христіанамъ, и были намъ дороги *именно потому что были рѣдкостью въ Туркѣ*.

Шерифъ-бей пилъ, напримѣръ, но овъ пилъ и бывалъ пьянъ у себя дома, или у другихъ пріятелей-Турокъ, подобно ему палихъ до *раки*; изъ насъ овъ въ пьяномъ видѣ никогда никого не тревожилъ. Восточные люди вообщѣ вѣръ и ламень стѣдливъ и шума не любятъ. Ни Турку, ни Болгарину, ни Греку, ни Армянину нѣтъ никакой охоты въ пьяномъ видѣ бить окошки и посуду и цинически выставять всѣмъ людямъ на показъ свое буйство, свой развратъ, свои оргіи.

Шерифъ-бей разорялся отъ неумѣренной жизни и отъ дурныхъ распоряженій по хозяйству; но овъ не былъ христіаноборець, и свою мать, христіанку, такъ чтилъ и любилъ, какъ благослови Боже каждому изъ насъ почитать и любить!

Къ тому же и не раздѣляя мнѣнія Исаакидеса, что Турокъ позволительно грабить огромными процентами и даже фальшивыми росписками, все-таки можно сказать, какой же христіанинъ станетъ ненавидѣть тѣхъ мусульманъ которые разоряются и вредятъ этимъ укрѣпленію мусульманскаго владычества? Чѣмъ слабѣе и бѣднѣе Турки, тѣмъ естественнѣе намъ меньше ненавидѣть ихъ.

Шерифъ-бей былъ невѣжественъ и кромѣ плохаго чтенія и письма на двухъ языкахъ: турецкомъ и греческомъ, ничему обученъ не былъ. Но чтъ было мнѣ до этого за дѣло? Тѣмъ лучше! Это его дѣло, а не наше.

Важно было то что его мать была христіанка, что оны позволяла ей жертвовать доходы на православныя церкви (как мы видѣли изъ исторіи Бактѣвскихъ огородниковъ, „обычно проливавшихъ слезы подъ стѣною дугааваго орда“). Важно было то, что крестьяне въ чифтаикахъ его жили по-своему чѣмъ у другихъ беевъ и даже.... чѣмъ у иныхъ христіанскихъ старшинъ, скулившихъ у беевъ подобныя чифтаики. Важно было то что оны былъ со всѣми вѣжливы и что пріятная наружность его никого изъ насъ не обманула.

Сверхъ всего этого была и еще одна личная причина, которая располагала меня къ Шерифъ-бею.

Подобно тому какъ дипломатъ Сабри-бей, служившій въ Портѣ, былъ благосклоненъ къ отцу моему за то что отецъ подарилъ ему большой меццовскій коверъ съ яркими узорами по бѣлому полю, такъ и я былъ признателемъ Шерифъ-бею за серебряную сигарочницу очень тонкой, филигранной работы, которую оны вручилъ мнѣ по свидующему случаю. Еще когда я до пріѣзда Благова жилъ у отца Арсенія, Шерифъ-бей заѣхалъ однажды къ священнику по какому-то порученію своей матери.

Оны былъ верхомъ на вороной, небольшой, но лихой лошади своей, которую многіе звали въ Янныѣ за то что она „плавала какъ змѣя, летала какъ птица и по скаламъ взбиралась подобно козѣ“. Противъ обыкновенія всѣхъ беевъ, которые по городу ѣздить всегда почти шагомъ и въ сопровожденіи лѣшаго слуги, Шерифъ-бей, не знаю почему, былъ одинъ. На дворѣ у отца Арсенія не было никого, и я, взявъ подъ узды прекрасную лошадку, съ удовольствіемъ водилъ и прохладжалъ ее пока бей сидѣлъ у священника.

Сбирался сѣсть на коня и вѣхать домой, Шерифъ-бей поблагодарилъ меня и не зная кто я такой, предложилъ мнѣ *бахчишъ* въ пять піастровъ; я сухе поблагодарилъ его. Тогда обративъ вѣрно вниманіе на недовольное выраженіе лица моего, оны спросилъ меня:

— А ты чей такой мальчикъ?

— Я сынъ киръ-Георгія Полихроніадеса изъ Загоръ, который только-что русскимъ драгоманомъ назначенъ, сказалъ я съ достоинствомъ.

— Ба! Вы сынъ его? Воскликнулъ бей, спохватясь и

подавая мнѣ руку:—въ такомъ случаѣ простите мнѣ и будемъ друзьями.

Меня эта внезапная перемена тона очень тронула.

Потомъ онъ, какъ хозяинъ дома заглазаемаго Благовымъ, захвативъ одинъ разъ въ отсутствіи консула чтобы распорядиться поинжкой черелицы на кровати, засталъ меня въ консульствѣ случайно и зазвалъ къ себѣ. Ему вѣрно хотѣлось расположить меня оамого и еще больше отца моего въ свою пользу, но я тогда, не думая вовсе о томъ есть ли какая у отца сдѣлка съ Исаакидесомъ, не догадывался что во вниманіи бѣя есть тонкое соображеніе, я приписывалъ всѣ его любезности однимъ моимъ достоинствамъ и моей обворожительности... (въ Янимѣ многіе меня хващали, а я, самъ не замѣчая того, внутренне ставовился все гордѣе самимъ собою).

Шерифъ-бей угостилъ меня кофеемъ, хорошимъ табакомъ, предложилъ и раки съ водой; выпилъ самъ пемного; сидѣлъ со мной долго на открытой галлерей своего селамлыка * и говорилъ о разныхъ предметахъ. Онъ сначала впрочемъ и подразнилъ меня даже. Но довольно невинаю.

Это свиданіе наше происходило вкорѣ побѣдъ того какъ сеисъ и сафта прибили меня.

Шерифъ-бей началъ разговоръ съ того что сознался мнѣ, смѣясь (подливая себѣ раки), въ дурномъ поступкѣ...

— Сегодня посетилъ à la turca, оказалъ онъ.—Крѣлко избилъ своего сеиса и прогналъ его... Подируга долгуца въ ту минуту когда я садился...

— Эти сеисы такіе звѣри! воскликнулъ я неосторожно. Мнѣ бы нужно было въ угоду ему воскликнуть: „Всѣ эти слуги такъ необразованы и варварезны!“ такъ какъ обыкновенно говорятъ архонты наши и дамы ихъ, особенно при иностранцахъ... „Эти слуги“ вообще, а я сказалъ „сеисы“...

Шерифъ-бей чуть-чуть улыбнулся и потомъ, серьезно устремивъ на меня взоры, замѣтилъ:

— Да! вотъ и васъ сеисъ оскорбилъ... Какой безпорядокъ что его не наказали!... И за что это онъ васъ? Говорятъ люди, вы какую-то Турчанку въ митрополию водили?... Только я не вѣрю... Что вамъ до Турчанокъ?... Вы человекъ молодой и важныи...

* Мужская половина дома, приемная.

Я испугался на мгновение что разговоръ принимаетъ такой политическій и религіозный оборотъ, а бей нарочно при-
нялъ пресеріозный видъ и все повторялъ съ притворнымъ
ирезрѣніемъ: „Какъ люди агутъ: На что вамъ Турчанка?“

И я нетвердымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Сами вы знаете бей-эфенди мой... Что мнѣ Турчанокъ
водить...

Насладившись немного моимъ минутнымъ страхомъ,
Шерифъ-бей перемѣнилъ разговоръ и, взявъ со стола коро-
бочку фосфорныхъ спичекъ французской фабрики съ от-
вратительными карриатурами, показалъ ихъ мнѣ, удивля-
ясь зачѣмъ это безобразіе и какой тутъ вкусъ, и слово за
словомъ началъ ужь очень серіозно жаловаться что Европа
нестерпимо вредитъ Турціи своими мануфактурными издѣ-
ліями; что лампы, фосфорныя спички, дешевый фаянсъ и
гнилые англійскіе ситцы и коври, все это губительно и
вредно для Турокъ и для христіанъ, и вообще всѣхъ жи-
телей Европейской Турціи; что прежде напримѣръ, весь
Элиръ и вся Тессалія ходили въ фустанеллахъ домашняго
тканья, а теперь всюду эта анаемская „американика“.
Разспрашивалъ меня, знаю ли я ткань которую дѣлаютъ въ
селахъ люди изъ растенія *спарта*... Однимъ словомъ, онъ
повелъ бесѣду о коммерческихъ вещахъ, которыя были мнѣ
съ раннихъ лѣтъ понятны и какъ нельзя болѣе доступны.

— Когда бы Турція наша была сильнѣе, сказалъ онъ,—
нужно было бы положить въ Дарданеллахъ и во всѣхъ пор-
тахъ 50% на сто, сто на сто на всякій европейскій ввозъ...
А то это только развратъ и разоренье для всѣхъ поддан-
ныхъ султана... Эта франкья!..

Я соглашался со всѣмъ этимъ искренно, ибо и отъ отца
своего слыхалъ еще прежде и не разъ, а очень часто, что
слишкомъ свободная торговля губитъ Турцію и что самое
лучшее бы было, еслибы Россія, господствуя въ этихъ
юго-восточныхъ странахъ, могла бы положить неодолимый
железный предѣлъ европейской коммариціи...

Отецъ мой полагалъ что это стоитъ даже кулить цѣ-
лымъ періодомъ кровопролитныхъ войнъ въ родѣ Греко-
Мидійскихъ или Пуническихъ, изъ которыхъ страны бо-
лѣ бѣдныя и менѣе промышленныя всегда выходятъ подъ
конецъ побѣдительницами.

Я былъ очень радъ что бей завелъ со мной разговоръ о

такихъ серьезныхъ дѣлахъ и вспомнивъ еще что отецъ мой, когда ему случалось вести подобнаго рода разговоры съ Турками или вообще съ людьми которымъ онъ вполнѣ довѣряться не хотѣлъ, замѣняя мысль о *господствѣ* Россіи мыслию о „всеобщемъ военно-торговомъ союзѣ восточныхъ государствъ, лишь подъ руководствомъ Россіи,“ подумавъ немного можно ли это сказать (и отчасти, быть-можетъ, подъ легкимъ вліяніемъ *раки*) и выразился такъ въ отвѣтъ бей:

— Бей-эфенди мой! Ваша всеславность говорите правду. Но чтобы Востокъ могъ противостоять коммерческому вліянію Европы—необходимъ союзъ Турецкой имперіи, Персіи, Румыніи, Сербіи, Греціи и Египта съ Россіей противъ Запада; тогда можно было бы измѣнить тарифъ и уничтожить весь этотъ ввозъ. Я не могу припомнить цѣну, но отецъ мой говорилъ что одинъ золотникъ шелку, который въ сыромъ видѣ высылаютъ, напримѣръ, адрианопольскіе кулцы въ Европу, возвращается въ Турцію оттуда въ видѣ шелковой матеріи, которой цѣна баснословна, если сравнить ее съ сырымъ матеріаломъ... Нуженъ могущественный союзъ. Это мнѣніе многихъ опытныхъ людей, бей-эфенди мой. И я, конечно, ничтожный еще мальчишка, но имѣю уши и слышу, и что слышу, то теперь излагаю вамъ...

Шерифъ-бей налилъ себѣ еще *раки*, выпилъ, вздохнулъ и, жалобно прищелкнувъ языкомъ, взглянулъ на меня лаутовски и сказалъ:

— Союзъ всѣхъ этихъ государствъ съ Россіей!.. Прекрасно! А слышалъ ты басню о *желтомъ быкѣ Сары-Окюсъ*?

— Нѣтъ, бей-эфенди мой, о желтомъ быкѣ я не слыжалъ.

— Жили три быка, началъ бей (все подливая себѣ *раки*).— Черный, бѣлый и желтый (сары-окюсъ). Крѣпкіе и съ большими рогами. Пришелъ левъ и говоритъ: „Заклучимъ союзъ противъ другихъ звѣрей и противъ охотниковъ.“ Этотъ левъ боялся напасть на трехъ быковъ разомъ, потому что двое изъ нихъ могли бы проколоть ему бокъ въ то время когда онъ ложиралъ бы третьяго. Быки не вѣрили ему сначала, а потомъ согласились. И точно, левъ долго охранялъ ихъ вѣрно и отъ охотниковъ и отъ другихъ звѣрей. Потомъ выбравъ добрый часъ онъ отозвалъ въ сторону бѣлаго быка и желтаго, и сказалъ имъ: „Хорошо мы живемъ,

но зготъ чернѣй цвѣтъ очень неприятедь. *Огурцівъ**. Быки бѣлый и желтый испугались и просили льва чтобы онъ чернаго быка удалилъ. Левъ его съѣлъ въ удаленномъ мѣстѣ. Немного погодя онъ сказалъ желтому быку: „Бѣлый цвѣтъ очень опасенъ тѣмъ что издали виденъ и привлекаеть охотниковъ и звѣрей“. И бѣлаго быка предалъ ему желтый быкъ, и онъ бѣлаго быка съѣлъ. А когда съѣлъ бѣлаго быка, то лежа предъ желтымъ быкомъ, который теперь былъ одинъ и защищаться уже не могъ, левъ все смотрѣлъ на него насмѣшливо и повторялъ, показывая ему свои когти: „Э! Сары-Окюсъ! Что-то мы, Сары-Окюсъ, будемъ теперь съ тобой дѣлать? Какъ-то мы хорошо съ тобой, Сары-Окюсъ, будемъ теперь жить.“

Разказывая басню Шерифъ-бей очень благодушно засмѣялся и прибавилъ:

— Кто тамъ ни остался бы послѣдній изъ этихъ: Турція ли, или Персія, или кто другой, а все будетъ Сары-Окюсъ...

И мнѣ, слушая его, пришлось вспомнить какъ это говорятъ про Турокъ всѣ наши старики, и отецъ мой, и старикъ Стиловъ, и Константинъ работникъ нашъ и отецъ Арсеидъ: „Хорошій человекъ, а все-таки *Турокъ*.“ Не въ томъ непремѣнно смыслъ что всякій Турокъ злодѣй или негодяй, а *только Турокъ* и больше нечего, т.-е. что у самаго хорошаго изъ Турокъ всегда есть противъ христіанъ и противъ покровительницы ихъ Россіи если не острый ножъ въ сапогѣ, то хоть камень, скрытый въ складкахъ одежды... Они намъ не вѣрятъ и никогда не повѣрятъ, точно такъ же какъ мы имъ не вѣримъ и никогда не повѣримъ вполнѣ..

Однако все-таки Шерифъ-бей былъ пріятель и сталъ мнѣ еще пріятнѣе подъ конецъ этой занимательной бесѣды на открытой галлерей съ веселымъ видомъ на городъ и дальнюю крѣпость.

Какъ примѣръ способности явнскихъ жителей къ художественной и мануфактурной дѣятельности, онъ вынулъ ту серебряную табачницу филигранной работы, о которой я упоминалъ, и началъ ее расхваливать, любясь какъ сквозилъ фіолетовый шелкъ ея подбоя сквозь нѣжные узоры бѣлый проволоки.

— Восхитительно! сказалъ и я.

* Дурное предзнаменованіе, дурная примѣта.

— Нравится? Возьмите себѣ, сказалъ бѣй.

Я, лицемѣрно поколебавшись, принялъ это какъ даръ его дружбы съ невыразимымъ внутреннимъ восторгомъ.... Это была первая въ моей жизни серебряная, собственно мнѣ, а не родителямъ принадлежащая вещь...

Потомъ мы простились, и я ушелъ тогда, довольный и моимъ умѣньемъ говорить, и видомъ съ открытой галлерей, и забавною басней, а больше всего восхитительною табачницей...

— Благородный человѣкъ! Прекрасный человѣкъ! Какъ жаль что онъ не хочетъ или не можетъ креститься и стать членомъ душеспасительной нашей христіанской общины!... Благородный молодой человѣкъ!... Видно сейчасъ человѣка *старого очага* и высокаго рода... Хорошей души человѣкъ!... Прекрасная табатерка!...

.....
 Неужели тебѣ, другъ мой, не понятно теперь, что шумъ *той* мельницы не могъ заглушить вполнѣ въ сердцѣ моемъ жалобныхъ вздоховъ добраго бѣя, разореннаго въ конецъ, при моемъ предполагаемомъ (я говорю—предполагаемомъ, и только,—ловимаешь?) участіи...

Что жь это такое, наконецъ: доброта моя или мое малодушіе и неопытность?

И можно ли богатѣть при подобныхъ чувствахъ? И еще: какъ бы это безъ грѣха сохранившись хоть день на свѣтѣ этомъ положить намъ бѣднымъ, хоть невозможно въ услуженіе душъ и тѣлесъ нашихъ страстныхъ, о друге мой? Скажи ты мнѣ,—а я не зналъ тогда, не узналъ поздне и донынѣ, клянусь тебѣ, не знаю навѣрно, *какъ?*...

(Пролѣт. слѣд.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ДВѢ НЕВѢСТЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Дѣйствующія лица перваго дѣйствія:

ЦАРЬ ПЕТРЪ II (14ти лѣтъ).

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, оберъ-камергеръ (21 года).

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ
КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ
КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ
БАРОНЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ

Члены
Верховнаго
Совета.

ГРАФЪ РЕЙНГОЛЬДЪ ЛЕВЕНВОЛЬДЕ
СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОПУХИНЪ
ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ БАЛКЪ

Камергеры.

КНЯЗЬ НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, камеръ-юнкеръ.

ГРАФЪ МИЛЕЗИМО, кавалеръ Цесарскаго посольства.

МИХАЙЛО СЕЛИВАНОВЪ, егермейстеръ.

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА (19ти лѣтъ).

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ (18ти лѣтъ).

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА ЛОПУХИНА.

Придворные обоаго пола, свита, царская охота, прислуга и т. д.
Горенки *. Ноябрь 1729 года.

* Помѣстье Долгорукихъ, въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Дѣсь въ окрестностяхъ Горенокъ; раскинутъ царскій шатеръ, г-ратъ костры, царская прислуга, подъ распоряженіемъ очереднаго камергера Балка, готовить все къ привалу и обѣду во время охоты изъ дѣсу доносится шумъ охоты.)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

БАЛКЪ (прислугѣ).

Ну, ну живѣй! Небось сейчасъ привалъ.
Да хворосту въ костры вы подвложите,
Должно-быть вѣтромъ задуваетъ ихъ.
Слышь завываетъ какъ! Не хуже волка. (Выходитъ изъ шатра.)

Никакъ и дождь олять сталъ моросить.
Нагрянутъ всѣ голодны, да холодны....

ЯВЛЕНІЕ II.

БАЛКЪ, ЛОПУХИНЪ и ТРУБЕЦКОЙ (входятъ).

ЛОПУХИНЪ.

Ой холодно, погрѣться забѣжали.

БАЛКЪ.

Вотъ грѣйся у костровъ, раздули жарко.

ЛОПУХИНЪ.

Ну что костры! Нутро продрогло все,
Нутро лишь внутренній огонь согрѣетъ!
Слышь, братецъ, наливай. (Идутъ въ шатеръ.)

БАЛКЪ.

Въ который разъ?

Эхъ вы, охотники! Кажись коль счесть
На всѣхъ волкахъ, на зайцахъ, на лисицахъ,
Что вы вдвоемъ сегодня затравили,
Шерстинки до одной, и вполловину
Не хватить противъ чарокъ да стакановъ,
Что съ утра опорожнили вдвоемъ.

ТРУБЕЦКОЙ

И полно, что за счеты, наливай! (Пьютъ.)

ЛОПУХИНЪ.

Тебѣ не худо тутъ: тепло да сытно,
А намъ-то!.. въ грязь да въ слякоть, подъ дождемъ
Который день проводимъ. (Пьютъ.)

БАЛКЪ.

Ладно, братъ,

Не жалобись не жалокъ мнѣ кичуть,
Когда самъ царь, въ молодыхъ своихъ годахъ,

Такой же трудъ да усталъ привыкая,
 Сюда ни разу съ самаго утра
 Не заглянулъ чтобъ силы подкрѣпить
 Вивомъ иль лицей: вотъ, какъ есть, охотникъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

Кому охота, а кому неволя. *(Пѣтъ.)*

ЛОПУХИНЪ *(вышелъ изъ шатра, смотритъ
 съ даль гдѣ проходятъ Остер-
 манъ и Василій Лукичъ Долго-
 рукій).*

Вотъ этимъ напиримѣръ: кажись куда ужъ!
 Пора бы стары когти на покой,
 Такъ вѣтъ! Туда жъ за вами молодцами
 На царскую забаву притащились.

БАЛБЪ.

Ты это про кого?

ЛОПУХИНЪ *(возвращается въ шатеръ).*

Слышь, другъ Никита,

Глумится онъ надъ нами, говоритъ,
 Что мы съ тобой охотники плохія,
 Звѣрья де нынче мало перебили,
 Такъ вотъ кабы привелъ Богъ въ добрый часъ
 Намъ этихъ двухъ лисицъ, бывалыхъ, хитрыхъ,
 Въ калканъ загнать, аль вовсе затравить,
 То было бъ намъ спасибо.

ТРУБЕЦКОЙ.

Отъ кого? *(Выходятъ оба на авансцену.)*

ЛОПУХИНЪ.

Отъ друга моего отъ князь Ивана.
 Чтò хмуришься? иль сердце не прошло?
 Кажись лора забыть, или привыкнутьъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Забутъ нельзя, привыкнутьъ не легко!
 Жеву отвяль, живетъ открыто съ нею
 И тѣшитса лезоромъ онъ моимъ.
 Ковца его ругательствамъ, обидамъ
 Не вижу надъ собой: что день, то хуже,
 Онъ пьяныхъ безобразниковъ-друзей
 Потѣхи ради, у меня же въ домѣ
 Въ окошко чуть не выбросилъ меня!
 Спасибо ты вступился, не давай, спась...
 Кабы не ты, не быть бы мнѣ въ живыхъ.

ЛОПУХИНЪ.

Остался цѣлъ, чего жъ тебѣ еще!

ТРУБЕЦКОЙ.

И все терли и все сноси безмолвно,
 Вѣдь всемогущъ любимецъ государевъ.

ЛОПУХИНЪ.

Велика ли бѣда! подъ пьяну руку
 Крутенько лошутилъ съ тобою князь.
 А я люблю его: онъ славный малый,

Въ немъ злобы нѣтъ; прямой, веселый нравъ!
 Что женщины влюбляются въ него
 Въ томъ нѣтъ диковицы: твоя жена
 Не болѣе другихъ виновна, вѣрь.
 Сравни себя ты съ нимъ, судя безстрастно,
 Да вслѣдствіе что вдобавокъ ты ей мужъ...
 Бери примѣръ съ меня, мой другъ Никита,
 На первой я красавицѣ женатъ,
 А не ревнивъ ничуть: графъ Левенвольде
 Тебѣ, коль хочешь, это подтвердить.
 Да вотъ онъ кстати.

ТРУБЕЦКОЙ.

Много нынче ихъ
 Садовниковъ-верховниковъ собралось.

ЛОПУХИНЪ.

Не даромъ, говорятъ. Имъ честь и мѣсто. *(Хочетъ идти.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ же. ОСТЕРМАНЪ, ГОЛИЦЫНЪ, ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУ-
 КІЙ, ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ *(уходящимъ Лопухину
и Трубецкому.)*

Скажите, господа, теперь привалъ?

ЛОПУХИНЪ.

Какое, князь! Назначенъ былъ къ полудню. *(Изъ лѣсу
доносится шумъ охоты.)*

Но слышите... еще въ разгарѣ въ самомъ. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

БАЖКЪ, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ, ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(въ шатрѣ),*
 ГОЛИЦЫНЪ, ОСТЕРМАНЪ *(на авансценѣ).*

ГОЛИЦЫНЪ.

Пора, пора бѣ домой: не въ наши годы
 Въ такую непогодь бродить въ лѣсу,
 Не правда ли, баронъ Андрей Ивашчъ,
 Я чаю вамъ, мой батюшка, не въ мочь?

ОСТЕРМАНЪ.

Не въ мочь!... помилуйте, почтенный князь,
 Напротивъ, я глубоко благодаренъ
 За то что царской милостивою волей
 Сегодня на охоту званъ и я.
 Не часто намъ на долю выпадаетъ,
 Особенно въ послѣднее-то время,
 Его величество сопровождать.

ГОЛИЦЫНЪ.

И видѣть-то царя не удастся.
 Вѣдь вотъ уже два мѣсяца какъ онъ
 Москву покинулъ, въ Горенкахъ живетъ,
 А мы все ждемъ его, да не дождемся.

Надѣялись по крайности что царь
Рожденья своего счастливый день
Въ Москвѣ отпразднуетъ какъ прошлыя годы,
Но даже этого не допустили,
Совсѣмъ они его забрали въ руки (*живаетъ на Василія
Лукича*).

И удивляюсь я, что вы, баронъ,
Наставникъ вѣдь вы юнаго царя,
Вліяніемъ, совѣтомъ, уговоромъ
Не силитесь его образумить.

ОСТЕРМАНЪ.

Пытался, князь, не разъ... но все напрасно.
Не забывайте, царь самодержавенъ,
Съ тѣхъ поръ какъ улетѣлъ нашъ ангелъ чистый,
Царевна незабвенная скончалась,
Утратилъ я послѣднее вліянье
Надъ отрокомъ царемъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Въ дѣлахъ застой,
Всѣ ролщутъ, недовольны всѣ, еще бы!
Министры перестали собираться,
А иностранные послы аудіенцій
Не могутъ выпросить себѣ никакъ.
Къ тому пришло что мнѣ посолъ гишпанскій
Де-Лурія надменно говорилъ:
Что если такъ пойдутъ дѣла правленья,
Не видитъ онъ причины оставаться
И хочетъ онъ у корола просить
Чтобы его скорѣе отозвалъ.

ОСТЕРМАНЪ.

Конечно молодъ царь, весьма понятво,
Что ищетъ онъ забавы, развлеченья,
Когда жъ постарше будетъ, то потѣхи
Ребяческія броситъ и правленьемъ
Займется государства своего.
Возьметъ бразды въ окрѣпнувшія руки
И по столамъ великаго онъ дѣда
Пойдетъ: задатки всѣ къ тому въ немъ видны.

ГОЛИЦЫНЪ.

Но имъ развиться не дадутъ они.
Какъ пагубны въ его молодые годы
Разгулъ страстей порочныхъ, праздность, леть,
Тому примѣръ печальный, грозный знаемъ:
Природа всѣмъ богато одарила,
На счастье народу сотворила
Царя Ивана, но бояръ коварство
Въ невинную, младенческую душу
Влило отраву тѣхъ пороковъ страшныхъ
Которыми весь міръ онъ изумлялъ.

(*Обращается къ подошедшему Василію Лукичу*.)

Да, князь Василій, прямо вамъ скажу,
 Что стыдъ и грѣхъ великій передъ Богомъ
 Вести царя какъ вы его ведете,
 И больше всѣхъ ихъ въ томъ вию я васъ.
 Пускай безлутный, юный князь Иванъ,
 Пускай отецъ его, невѣжда грубый,
 И пользѣ и величю Россіи
 Свои корыстны цѣли предпочли.
 Но вы!.. всю жизнь отечеству служили
 Сподвижникомъ великаго царя,
 Знакома вамъ наука государства,
 Извѣстно вамъ какъ вредны улущенья
 Въ правленіи обширноу стравой,
 А между тѣмъ, вы съ ними заодно.
 Вы мните выше всѣхъ родовъ поднятыся,
 Не имя ваше весь народъ кланеть,
 И ежели, не дай Богъ, злополучно
 Петра Втораго царствованье будетъ,
 Не славой, а позоромъ отзовется
 На родину возлюбленной судьбахъ,
 Не пощадитъ сужденіе потомства
 Причины злой несчастія Россіи
 И грознымъ, заслуженнымъ приговоромъ
 Весь родъ вашъ, Долгорукихъ, заклебитъ.

ОСТЕРМАНЪ (про себя).

О Богъ мой, какъ неостороженъ князь!
 КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Напрасно, князь, напрасно, ей-же Богу
 Винить меня въ чемъ я не виноватъ.
 Повѣрьте, самъ не меньше васъ скорблю
 О томъ что на моихъ глазахъ творится,
 И всѣми силами стараюсь я
 Помочь бѣдѣ: но гдѣ жь мое вліянье?
 Съ племянникомъ, любимцемъ государя,
 Извѣстно всѣмъ, давно я не въ ладахъ.
 Случается иной разъ, сознаюсь,
 Что братецъ мой, князь Алексѣй Григорычъ
 Совѣта моего спросить изволитъ,
 Такъ ей-же-ей ему всегда твержу:
 Что молъ пора принятыя всѣмъ за дѣло,
 Пора царю вернуться въ Петербургъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Вотъ это точно что напрасно, князь.
 Вернуться въ Петербургъ!.. Къ чему? не вижу.
 Въ Москву давно пора царю вернуться
 И жить какъ предки славные его
 Допрежь живали тамъ: вѣдъ не глупѣ
 Намъ были наши дѣды, но и мы
 Олять же не глупѣй ихъ; въ свой чередъ
 Мы можемъ обходиться безъ того
 Чего они не знали... Петербургъ!..

Печальная, болотистая мѣстность,
 Вдали отъ нашихъ деревень, помѣстій,
 Легко ль олять оставить все!.. Москва же
 Привольное, насиженное мѣсто,
 Въ ней жить и царствовать должно царямъ.
 Хотѣлъ еще спросить я, князь Василій,
 Зачѣмъ насъ нынче въ Горенки созвали?..
 За важнымъ дѣломъ, говорили намъ:
 Гдѣ жь это дѣло? здѣсь кромѣ бездѣля
 Привычнаго, охоты-травы, мы
 Доселѣ не видали ничего *(обращается къ Остерману.)*
 Вы тоже вѣрно слышали, бароць,
 Болтають всѣ въ Москвѣ вѣстовщики
 И сплетники, а ихъ вездѣ не мало,
 Что де задумано царя женить
 И что одна изъ двухъ княженъ въ невѣсты
 Назначена ему, но я не вѣрю!..
 Пустые толки! Царь еще ребенокъ,
 А Долгорукия княжны вѣдь обѣ
 На нѣсколько годовъ царя постарше,
 Опасна черезчуръ была бѣ затѣя!..
 На что оцень, несокрушимъ казался
 Князь Меншиковъ!.. Кто льститъя устоять
 На самомъ томъ пути, гдѣ оцъ погибъ?..
 Всему есть мѣра, даже ослѣпленью!
 И такъ не вѣрю я: пустые толки.
 И вы со мной согласны, князь Василій?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

Согласенъ... не совсѣмъ однакожь, князь.
 Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ
 Какъ Меншиковъ насильно обручилъ
 Царя со старшей дочерью своей.
 Тогда, царь точно былъ еще ребенкомъ,
 Теперь же онъ пришелъ въ такіе годы,
 Что по развитію, духу и уму
 Онъ юноша какъ есть и коли самъ
 Жениться пожелаетъ, чтобъ корону
 Скорѣе утвердить въ своемъ лотомствѣ
 На радость и на счастье народу,
 Кто царской волѣ помѣшать дерзнетъ,
 И выборъ царскій вздумаетъ стѣснить?
 Не знаю ничего я, но на долю
 Коль выпадетъ племянницѣ моей
 Такая честь, величіе такое,
 Конечно въ томъ особу милость Божью
 Къ намъ, къ роду нашему всему увидимъ
 И позаботимся мы все о томъ
 Чтобы рѣшенье царское преграды
 Не встрѣтило ни гдѣ, ни въ чемъ, ни въ комъ.

т. сxxx.

Есть правда либо нѣтъ въ молвѣ народной,
Узнаемъ всѣ когда наступитъ время,
Про дѣло жь, по которому созвали
Сюда верховнаго совѣта членовъ,
Не вѣдаю, но знаю что приказъ
На то былъ царскій.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, ПЕТРЪ II, КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГО-
КІЙ, КНЯЗЬ ИВАНЪ ДОЛГОРУКІЙ, ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕ-
ТЪ КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА ДОЛГОРУКАЯ, НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА
ПУХИНА, ГРАФЪ МИЛЕЗИМО, ДОЛГОРУКІЕ, ШЕРЕМЕТЕВЪ
проч. придворные; царская охота и т. д.

ПЕТРЪ *(слезая съ лошади)*.

Кликнуть коновала

Егорку Юрьева сейчасъ сюда *(подбѣгаетъ къ Остерману)*
Андрей Ивановичъ, батюшка, бѣда
Какая приключилася со мной!

ОСТЕРМАНЪ.

Какая, государь?... я весь дрожу...

ПЕТРЪ.

Курляндка... знаешь ты, моя борзая
Любимая, ну та, что тетка Анна
Курляндская прислала мнѣ въ подарокъ —
То-бишь не мнѣ, моя тогда же лала,
Сестрѣ Наташѣ, и сестра ее
Любила и ласкала до кончины...
Зашиблась больно вымъче на охотѣ,
Бѣдалька! все плечо разбито, врядъ ли
Придется съ ней опять мнѣ полеваты!...
Ну, гдѣ жь Егорка?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Онъ повесъ Курляндку,

Надѣется ее онъ излѣчить.

ЕГЕРМЕЙСТЕРЪ СЕЛИВАНОВЪ *(бѣжитъ изъ за кулисы)*

Ну какже! имъ бы только усложнить
Хотя обманомъ батюшку-царя!
При мнѣ сказалъ Егорка коноваль,
Что кость раздроблена и что собаку
Скорѣ надо пристрѣлить.

ОСТЕРМАНЪ.

Коли

Прикажетъ государь, письмо напишемъ,
И герцогиня тотчасъ же другую
Его величеству пришлетъ.

ПЕТРЪ.

Другую

Придется ждать! князь Алексѣй Григорьичъ,
Скажи Егоркѣ чтобы онъ скорѣ

Мнѣ выдѣчилъ Курляндку и ему
Червонныхъ сотню обѣщаю!... двѣ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Изволь пока Бирושку моего
Принять, Курляндкѣ оя въдъ не уступитъ.

ПЕТРЪ.

Иванушко, спасибо другъ мой, только
Мнѣ совѣстно принять подароку твоей.
Неужто не жалѣешь ты Бирושку?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Ты знаешь, царь, какъ я его люблю,
Но чтобъ твое ведичество утѣшить
Могу ль хоть что-нибудь я пожалѣть!

ПЕТРЪ.

Я голодень, лора за столъ.

(Идетъ въ шатеръ, за нимъ встѣ.)

ЛОПУХИНА *(заступаетъ дорогу Левенвольде).*

Графъ Рейнгольдъ!

Скажите гдѣ такъ долго пропадали?
Весь день напрасно васъ искала я.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Баронъ Андрей Ивановичъ упросилъ
При немъ быть: о дѣлахъ мы говорили.

ЛОПУХИНА.

Дѣла! Какъ часто слышу это слово!
Бывало вы важнѣе дѣлъ не знали
Какъ всюду тѣнью слѣдовать за мной.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Бывало... но давно прошло то время.

ЛОПУХИНА.

Что это!... дерзость?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Нѣтъ! лишь мысли вслухъ.

ЛОПУХИНА.

Такъ вотъ вамъ, тоже вслухъ, приказъ мой строгій:
Сегодня отъ меня вы ни на шагъ,
Не то...

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Не то?

ЛОПУХИНА.

Не въ шутку разсержусь.

(Онъ пожимаетъ плечами и оба уходятъ въ шатеръ.)

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. *(Въ шатеръ.)*

А поле важное вамъ нынче было.
Одиннадцать волковъ, лисицъ семнадцать,
Да зайцевъ съ три десятка.

ПЕТРЪ.

Жаль ушло

Два волка... но мы ихъ возьмемъ надѣюсь.

Не правда ль, Алексѣй Григорычъ? надо
Какъ можно поскорѣй опять за дѣло.

(Оглядывается встѣль.)

А кто усталъ, тотъ можетъ по домамъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Спасибо, государь, и то не въ мочь.
Кто смолоду охотникумъ не былъ
Тому подъ старость начинать поздненько.

ПЕТРЪ. *(Смѣясь.)*

Должно-быть дамамъ тоже не подъ силу.
Я чаю ужъ и то насквозь промокли.

ЕЛИСАВЕТА.

Не знаю какъ другимъ, а мнѣ веселье
Изрядное въ охотѣ....

ПЕТРЪ.

Не пойму

Ей-ей, чѣмъ женщинамъ любя охота,
Вѣдь ничего онѣ не смыслятъ въ ней.
Не правда ли, князь Алексѣй Григорычъ?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Бываютъ исключенья, государь.
Вотъ я про дочь, про Катеньку скажу,
Охотнику любому не уступить.
Какъ есть отцова дочка.

ЛОПУХИНА *(тихо Лесенкольде).*

Вы замѣтите

Какъ выказать старается ее.

Должно-быть правда.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Головой ручаюсь,

Что устали не чувствуетъ она. *(Смотритъ на дочь.)*
Вѣдь правъ я?.. дочь, скажи.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Я не устала.

ОСТЕРМАНЪ.

Княжна какъ быстроногая Діана,
Дни цѣлые скитаюсь по лѣсамъ,
Не зная утомленья, лишь прекраснѣй,
Свѣжѣе утренней зари блистаетъ.

ЛОПУХИНА *(тихо Лесенкольде).*

Каковъ баронъ!.. всегда онъ первый чуетъ
Откуда вѣтеръ дуетъ, и отнынѣ
Навѣрное я знаю: правда въ толкахъ.

ПЕТРЪ *(встаетъ).*

Готовъ я... сытъ совсѣмъ. Поѣдемъ, князь.
Далеко ль мы отъ Горенокъ теперь?

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Версть двадцать пять, а то и тридцать будетъ.

ПЕТРЪ.

Дасть Богъ вернемся къ вечеру.

(Идетъ, многіе за нимъ, кое-кто остается въ шатръ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЕЛИСАВЕТА. КНЯЗЬ ИВАНЪ (въ шатръ; остальные понемногу расходятся, КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА, проходя мимо костровъ, останавливается, грѣть руки, роляетъ перчатку, изъ-за кустовъ быстро выступаетъ графъ МИЛЕЗИМО, переодѣтый царскимъ егеремъ, поднимаетъ, подаетъ ей перчатку, она беретъ не глядя, хочетъ идти).

МИЛЕЗИМО.

Княжна!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА *(поднимаетъ глаза, вздрагиваетъ).*

Возможно ль!.. вы!... въ такомъ нарядѣ!.. здѣсь!..

МИЛЕЗИМО.

Добиться я не могъ свиданья съ вами,

Прочтите и исполните, молю.

(Подаетъ ей записку и быстро исчезаетъ; она уходитъ вслѣдъ за встѣми.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА, КНЯЗЬ ИВАНЪ ДОЛГОРУКІЙ, Фрейлина царевны.

ЕЛИСАВЕТА *(выходитъ изъ шатра, осматривается; князь Иванъ идетъ за ней).*

Ушли... всѣ, кажется. Постоите, князь,
Прошу, побудьте здѣсь, хочу я съ вами
О дѣлѣ побесѣдовать, а ты, *(къ фрейлинѣ)*
Мавруша, тутъ по близости меня
Дождися.

(Фрейлина уходитъ.)

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Цесаревна, приказаній

Я вашихъ ожидаю.

ЕЛИСАВЕТА.

Приказаній!

Нѣтъ, съ просьбой обращаюся я къ вамъ:
Отъ васъ зависитъ дать сегодня случай
Наединѣ съ царемъ мнѣ повидаться.
Не въ силахъ долѣй я переносить
Его немилость и неудовольство.
Два мѣсяца царя я не видала,
Меня къ нему враги не допускали.
Я знаю что меня оклеветали,
Я знаю что ихъ злоба и коварство,
Ни совѣсти, ни правды не щадя,
Услѣли отъ меня расположенье
Царя отвлечь, но также знаю я,
Что слова одного довольно будетъ
Чтобъ всѣ ихъ козни разлетѣлись въ прахъ.
Скажите, князь, согласны вы исполнить
Мое желанье?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Цесаревна, я
 Всегда готовъ на всякую услугу,
 Вы знать должны бы что просить меня
 Вамъ нѣтъ нужды.... Но кто же тѣ враги?...

ЕЛИСАВЕТА.

Назвать ихъ вамъ... извольте, назову:
 Мой первый врагъ князь Алексѣй Григорычъ,
 Вашъ батюшка, второй же князь Василій,
 Вашъ дядя, ваши братья, сестры, мать....
 Родня вся ваша, словомъ... а быть-можетъ
 И вы, кого досель я не считала
 Въ числѣ враговъ, теперъ....

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Царевна, скажитесь!
 Какъ горько мнѣ такія рѣчи слушать
 И какъ грѣшно вамъ ихъ произносить!
 Я врагъ вашъ!.. я!... О скоро жъ вы забыли,
 Что долго я одну мечту делѣялъ,
 Что жизнь моя съ тѣхъ поръ мнѣ не мила,
 Какъ ваше безплощадное рѣшенье
 Разбило всѣ завѣтныя надежды
 И ломыслы мои....

ЕЛИСАВЕТА.

Однакожъ вы
 Не долго горевали и утѣху,
 Чтобъ жизнь свою немилую вамъ долѣй
 Милѣе учинить, нашли вы скоро.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Насмѣшка!.. что жъ!.. какъ пьявица, который,
 Чтобъ горе заглушить и отуманить
 Разсудокъ, льетъ за чаркой чарку, я,
 Чтобы тоску любви моею безумной
 Хотя бъ на время утолить, пытался
 Въ другихъ искать того, чего не могъ
 Я въ васъ найти, но все напрасно было!...
 Не лотаю что много клятвъ я принялъ
 И искреннихъ и лживыхъ, а подъ часъ
 И самъ клялся чтобъ обмануть себя!
 Но кто дерзнулъ, поднявъ на солнце очи,
 Лучами золотыми уливаться,
 Тотъ долго будетъ, блескомъ ослѣпленный,
 День свѣтлый ночью темной почитать....
 Вы знаете что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ
 Другой такой красавицы какъ вы!

ЕЛИСАВЕТА.

Послу китайскому коли повѣрять....
 Онь, помнится, то жъ самое сказалъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

А было жъ время, не во свѣ я видѣлъ
 Тотъ мигъ блаженный!... вы готовы были,

Казалось, внять моимъ мольбамъ смиреннымъ....
 О вспомните, царица, этотъ вечеръ!...
 Сюда на грудь, на трепетное сердце
 Прекрасною, надменной головою
 Склонились вы... мои уста ловили....

ЕЛИСАВЕТА.

И въ это самое мгновение царь
 Подославъ къ намъ былъ... вотъ что помню я,
 А прочее забыла, да и вамъ
 Давно пора забыть... что толку помнить
 Пустой, несбыточный, мигувшій сонъ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Забыть!... сказать легко! забыть велите
 Вы нищему что съ голоду онъ мреть,
 Иль воину, принявшему ударъ
 Смертельный, прикажете забыть
 Что кровь его съ мучительною болью
 По калѣ вмѣстѣ съ жизнью сочится,
 И легче будетъ имъ забыть терзанья,
 Чѣмъ мнѣ моей любви несчастной муку!

ЕЛИСАВЕТА.

Какъ быть! не вѣчно насъ судьба ласкаетъ,
 Учиться надо покоряться ей.
 На всѣхъ насъ сыплются ея удары:
 Женихъ мой нареченный...
 Единственный, кого любила я,
 Такъ рано умеръ онъ, меня покинувъ!...
 Смирилась я... но памяти его
 Вѣрна хочу остаться.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Не лѣвѣрю
 Что ради мертвеца рѣшились вы
 Обречь себя на вѣчное безбрачье!

ЕЛИСАВЕТА.

Однакожь вы хлопочете о томъ
 Чтобъ я покойному не измѣняла:
 Я помню, что когда Морицъ Саксонскій
 Ко мнѣ посватался, вы громче всѣхъ
 Кричали что не быть на то согласья!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Еще бы! графъ Саксонскій! . проходимецъ!..

ЕЛИСАВЕТА.

Сдается мнѣ что королевскій сынъ
 Пытаться могъ, коль вы пытались, князь.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Имъ низкая корысть руководила,
 А я... о, какъ бы я желалъ чтобъ вы
 Не царской дочерью, а въ низкой долѣ
 Родились, чтобъ моя любовь могла
 Поднять васъ выше всѣхъ...

ЕЛИСАВЕТА.

Довольно, князь.

Къ чему намъ длить безцѣльный разговоръ!

Сказала я однажды и теперь
Я то же повторю: не подобаеъ
Мнѣ, дочери Великаго Петра,
За подданнаго выйти!... не хочу!...

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Доселѣ за себя я говорилъ,
Напрасно передъ вами изливая
Души измученной тоску и страсть.
Теперь за васъ я буду рѣчь держать.
Меня вы не жалѣли, но себя
Быть-можетъ пожалѣете, царевна.
Вы правы были про своихъ враговъ
Когда вы поминали: много ихъ,
Они не дремлютъ и борются съ нами
Вамъ трудно, иль вѣрнѣе, невозможно.
Они задумали... боюсь сказать,
Боюсь встревожить васъ недоброй вѣстью..

ЕЛИСАВЕТА.

Скорѣе говорите, что такое
Задумали они?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Но знайте, былъ

У васъ доселѣ одинъ защитникъ вѣрный,
Который смѣло противъ всѣхъ стоялъ.
И хоть презрѣніемъ вы отплатили
За преданность, хотя любовь его
Попрали вы ногами, насмѣялись
Надъ робкими его мольбами, все же
Ему дороже жизни—ваше счастье,
Покой вашъ и свобода...

ЕЛИСАВЕТА.

И свобода!...

О Боже мой! что это значить, князь!
Довольно вамъ меня томить, скажите
Открыто, ясно, что мнѣ угрожаетъ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Порѣшено на дняхъ уговорить
Царя чтобъ въ монастырь васъ заключилъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Меня!... о Боже!... въ монастырь меня!...
О изверги!... злодѣи!... трудно вѣрнѣе!...
Что я имъ сдѣлала!... кому мѣшаю!...
Ихъ козней даже знать я не хотѣла!
Въ цѣтриги ихъ ни разу не вступалась—
Еще недавно такъ; когда могла
Единымъ словомъ я, единымъ взглядомъ
Ихъ всѣхъ сгубить, кому вредила я!...
Кому желала зла!... Меня постричь!

Я жить хочу! мнѣ девятнадцать лѣтъ!
 Отъ жизни я прошу веселья, счастья!
 Безлечныхъ радостей, души sloкобства!
 Во мнѣ нѣтъ замысловъ честолюбивыхъ,
 Я долею своей вполне довольна...
 За что жь они меня такъ ненавидятъ!...
 За что меня рѣшили погубить!...
 Скажите, князь, за что?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Они боятся

Вліянья вашего, страшить ихъ мысль
 О томъ что царь къ вамъ искренно привязанъ,
 Что гнѣвъ его, искусно возбужденный,
 Пройдетъ.

ЕЛИСАВЕТА.

И правда верхъ возьметъ надъ ложью!

О дайте только мнѣ царя увидѣть
 И все ему сказать!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Царевна, вѣрьте!

Одно лишь средство есть обезоружить
 Враговъ всѣхъ вашихъ; выйти за меня,
 Тогда, клянусь, васъ не посмѣютъ тронуть.

ЕЛИСАВЕТА.

А вотъ что! торгъ!.. вы льстите у сматерья,
 У страха моего согласье вырвать!
 Такъ нѣтъ же!... не бываетъ тому!... лускай
 Одна я, беззащитна, сирота!...
 Со мною Богъ и Онъ поможетъ мнѣ
 Неправду одолѣть!... Прощайте, князь (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЗЬ ИВАНЪ (*идетъ вслѣдъ за ней, по-
 тому возвращается.*)

Царевна!... подождите... умоляю!...
 Послушайте... Ушла! не хочетъ слушать.
 Я вижу я ей нынѣ опостылѣлъ
 И знаю отчего: она хвалится
 Что нѣтъ въ ней замысловъ честолюбивыхъ,
 Да, какъ же!... нѣтъ!... Не сбудутся они,
 Ей-ей не сбудутся! Въ моихъ рукахъ
 Разрушить ихъ, лишь стоитъ захотѣть,
 Я горько каяться ее заставлю!
 Боролся я досель противъ своихъ,
 Ихъ гнѣвъ и ненависть тѣмъ возбуждая,
 Но кончено!... уговорю царя
 Жениться на сестрѣ Екатеринѣ...
 Посмотримъ какъ тогда заговорить
 Красавица надменная моя!..
 Но я люблю ее!... о, какъ люблю!...
 Хочу чтобы она была моею
 Къ тому принудить я ее сумѣю (*уходитъ*).

Дѣйствующія лица втораго дѣйствія.

ЦАРЬ ПЕТРЪ II.

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, фельдмаршалъ.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

БАРОНЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ.

ГРАФЪ МИЛЕЗИМО.

ГРАФЪ РЕЙНГОЛЬДЪ ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОПУХИНЪ.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ (17 лѣтъ).

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ (15 лѣтъ).

СЛУГА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ДОЛГОРУКАГО.

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕВНА ДОЛГОРУКАЯ.

КНЯЖНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕВНА ДОЛГОРУКАЯ (19 лѣтъ).

КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ЮРЬЕВНА ДОЛГОРУКАЯ.

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА ЛОПУХИНА.

КНЯГИНЯ НАСТАСЬЯ ГАВРИЛОВНА ТРУБЕЦКАЯ.

Придворные, молодые Долгорукіе и т. д.

Горенки. Ноябрь 1729 года.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Богато убранныя и ярко освѣщенныя хоромы въ Горенкахъ; въ глубинѣ сцены накрытъ длинный столъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА, КНЯЖНА ЕЛЕНА ДОЛГОРУКАЯ.

КНЯЖНА ЕЛЕНА.

И ты, сестра, рѣшилася исполнить
Его безумную затѣю!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Да.

Что дѣлать было мнѣ? Когда оны лишеть:
„Коль вы откажетесь меня принять,
Съ отчаянья способенъ я на все.“

КНЯЖНА ЕЛЕНА.

Пустое слово! Подъ какимъ предлогомъ
Оны явится сюда... лереодѣтый!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Нарочно я залястье уронила,
Вблизи оны былъ и подвлялъ... не замѣталъ
Никто моей продѣлки.

КНЯЖНА ЕЛЕНА.

Здѣсь ты хочешь
Принять его, куда открытъ всеѣмъ доступъ?

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Я все обдумала: здѣсь безопаснѣй,
На нашей половинѣ, наверху
Сегодня слиткомъ людно: тамъ царевна
Со свитой многочисленной своей;
Кому-нибудь изъ нихъ оны могъ поласться
И узнавъ быть. Покуда здѣсь со мною
Оны будутъ, у дверей покараулишь,
И во время ты насъ предупредишь.

КНЯЖНА ЕЛЕНА.

Опасное задумали вы дѣло.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, СЛУГА *(входитъ)*.

СЛУГА.

Сейчасъ пришелъ какой-то царскій егерь,
Вручить имѣеть вамъ...

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Мое заластье,
Что нынче на охотѣ потеряла?
Скорѣй, скорѣй введи его сюда,
Хочу его сама я наградить.

(Слуга уходитъ.)

КНЯЖНА ЕЛЕНА.

Кого увижу, мигомъ дамъ вамъ знать.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА, ГРАФЪ МИЛЕЗИМО *(перодѣтый)*.

МИЛЕЗИМО.

Княжна!.. нѣтъ! Катя, милая моя!
Невѣста дорогая!.. наконецъ
Опять васъ вижу я... *(Цѣлуетъ у ней руку.)*

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Прошу васъ тише.

Услышать могутъ васъ, узнать... тогда
Пропала я! Не знаю право кто
Изъ насъ двоихъ безумнѣй: вы или я!
Что согласилась на свиданье съ вами.
Скажите! вы увѣрены что васъ
Никто не видѣлъ? не узналъ никто?
Какимъ путемъ могли преобразиться
Вы въ егеря? и въ Горенку поласть?

МИЛЕЗИМО.

Два мѣсяца меня къ вамъ не пускали!
 Два мѣсяца васъ видѣть я не могъ!
 Я!.. вашъ женихъ! Когда бъ я ни являлся
 Всегда одинъ отвѣтъ: не принимаютъ,
 Я много разъ писалъ и объясненій
 У васъ просилъ, у вашего отца,
 Но все напрасно было! неизвѣстность
 Меня томила... я съ ума сходилъ...
 Не зналъ что думать мнѣ... чему мнѣ вѣрить:
 Иль свѣтлымъ радостямъ, какъ сонъ минувшимъ,
 Недавняго пршедшаго, иль мукъ
 Внезапной, непонятной перемѣны!
 То гнѣвъ, то горе мною овладѣвали...
 Съ разспросами бросался я повсюду.
 Къ роднѣ, ко близкимъ вашимъ и друзьямъ,
 Ко всѣмъ, кто о помолвкѣ нашей вѣдалъ.
 Вездѣ встрѣчалъ пріемъ холодный я,
 Полунамѣски, пожиманье плечъ,
 Но правды я ни гдѣ не могъ узнать.
 Какъ вдругъ на дняхъ, отъ зятя моего,
 Отъ графа Вратислава, я услышалъ
 Вѣсть... странную, которая меня
 Какъ острый ножъ кольнула прямо въ сердце!
 Тогда рѣшился я васъ непременно,
 Во что бы то ни стало, увидать.
 Сказали мнѣ что довѣзжай царскій
 Землякъ мнѣ, онъ Богемецъ какъ и я,
 Его я подкупилъ и онъ доставилъ
 Возможность мнѣ участвовать въ охотѣ
 Подъ видомъ егеря. Меня никто
 Не могъ узнать, я въ сторонѣ держался
 И только вамъ открылся... но клянусь,
 Что еслибъ вы меня не допустили
 Къ себѣ, я силой бы ворвался къ вамъ,
 Потребовалъ бы объясненій я
 Отъ вашего отца, отъ вашихъ братьевъ!

БНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Хотя мнѣ угрозы ваши не страшны,
 У насъ запоры крѣпки, слуги вѣрны,
 А для безумныхъ цѣли есть и кляткы,
 Однакожъ я принять васъ согласилась
 И объясниться съ вами я готова.
 Вамъ что узнать угодно?

МИЛЕЗИМО.

Вотъ какъ нынче

Со мной вы говорите, встѣ слова
 Любви той нѣжной, вѣчной, въ коей вы
 Недавно такъ, такъ искренно клялись!..
 Да, правда ваша... да, я помѣшался
 Отъ горести, любви и оскорбленій!..

Отъ васъ зависить изгнать меня:
Скажите, вѣдь не правда?.. быть не можетъ..
Что нареченная моя невѣста,
Которую я будущей весной
Женой возлюбленной назвать быть долженъ,
Изъ памяти, изъ сердца, наконецъ
Изъ дому своего меня изгнала,
Какъ гонять виноватаго холопа,
И за другаго выйти общалась!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

А знаете-ль вы кто этотъ другой!

МИЛЕЗИМЪ).

О кто бы ни былъ онъ, одно я знаю,
Что такъ любить какъ я не можетъ онъ!
И не ему вы клятвы расточали,
И не ему вы жизнь свою отдали,
Нѣтъ, мнѣ, а не ему! О Катя, Катя,
Такъ это правда?

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Какъ васъ изумляетъ,
Что вамъ и чести сдѣлаться графиней
Милезимо я предпочла корону!

МИЛЕЗИМО.

Возможно ли!.. изъ этихъ самыхъ усть,
Которыя такъ сладостно бывало
Шелтали про любовь, про счастье мнѣ,
Я смертный приговоръ свой слышу нынѣ!
Нѣтъ!.. я не вѣрю вамъ... Молю, простите

(Бросается на колѣни.)

Всѣ горькія, язвительныя рѣчи...
Изъ глубины измученной души
Неудержимо рвался ихъ потокъ!..
Теперь я понялъ все—и все прощаю.
Когда родные ваши убѣдились,
Что вашею небесной красотой
Плѣнился юный царь и что царицей
Вамъ стать легко, они велѣли вамъ
Забыть меня, забыть любовь свою...
И робкою, послушною душой
Противиться вы не посмѣли имъ.
Но, слушайте, мои друзья готовы
Помочь намъ, согласитесь и мы нынче-жъ
Бѣжимъ изъ этой варварской страны
На родину прекрасную мою.
Вы помните какъ часто вы о ней
Со мною говорили, увѣряя
Что по моимъ разказамъ вы узнаете
И полюбить ее успѣли... тамъ,
Другъ другу отданы на вѣки, мы,
Не зная ни печали, ни заботъ,
Всю жизнь въ блаженствѣ мирномъ проведемъ.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Вопервыхъ, встаньте, графъ, я не хочу
 Чтобъ васъ увидѣли у ногъ моихъ,
 Затѣмъ отвѣтъ мой выслушать извольте.
 Вы видно плохо знаете то сердце,
 Что вашимъ столь недавно называлось,
 Коль думали, что кто-либо на свѣтѣ
 Меня могъ покорить или принудить.
 Еще-то мнѣ въ вамъ знакомъ обычай
 Моей родной, пусть „варварской“ страны.
 Вы льститеся, дадутъ вамъ увезти
 Невѣсту царскую!... Друзья помогутъ!...
 Сильны же знать они, коль не страшатся
 Гнѣвъ царскій на себя навлечь!... положимъ,
 Мой нынѣшній женихъ, какъ вы, не можетъ
 Любить меня!... нѣтъ!... гдѣ жь ему!... однако
 Сознайтесь, могущественнѣе васъ
 Тотъ кто къ ногамъ моимъ бросаетъ царство,
 И съ нимъ тягаться не подъ силу вамъ.
 (Пауза.)

Надѣюсь вы поймете, между нами
 Все кончено и позабыто все.
 Ахъ да... у васъ есть письма, есть портретъ,
 Отдайте мнѣ все это... ваши письма
 Давно сожгла я, а портретъ вашъ—брошенъ.
 МИЛЕЗИМО.

О Боже мой!... Ужель сіе созданье
 Бездушное, холодное какъ камень,
 Какъ сталь жестокое, все та же Катя,
 Которую такъ страстно я любилъ?
 Напрасенъ вашъ приказъ! Я не отдамъ
 Послѣднихъ крохъ утраченнаго счастья!
 Читать и перечитывать я стану
 Всѣ ваши письма дабы убѣдиться
 Что ложь на правду можетъ быть похожа,
 А вашъ портретъ... онъ здѣсь, и тогда со мною
 (вынимаетъ миниатюру)
 И съ нимъ я не разстанусь!... Такъ прекрасна!
 И такъ коварна!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ. КНЯЖНА ЕЛЕНА вбѣгаетъ.

КНЯЖНА ЕЛЕНА.

Матушка идетъ!

А тамъ у выхода отецъ и дядя.

(Къ Милезимо.)

Вамъ нѣтъ возможности уйти теперь,
 Что дѣлать?

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Переждемъ. Вы отойдите,

А ты останься здѣсь со мной, Елена.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ, МИЛЕЗИМО въ глубинѣ сцены, КНЯГИНЯ ПРАСКОВЬЯ ЮРЬЕВНА.

КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКАЯ.

Дочь, Катенька, ты здѣсь моя родная!
Отецъ тебя искалъ, ступай къ нему. *(Увидя Милезимо)*
А это кто?

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Онъ мнѣ принесть залястье,
Что нынче потеряла я въ лѣсу.

КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКАЯ.

Залястье потеряла?... ужь не то ли
Что царь тебѣ пожаловалъ намедни?

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

То самое... да найдено, такъ что жь! *(Тихо сестрѣ.)*
Поди, возьми залястье, я забыла. *(Гролко матери.)*
Скажите батюшкѣ что я сейчасъ
Приду къ нему въ его покои, лустъ
Онъ тамъ меня дождется.

КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКАЯ. *(Указывая на охотничье платье дочери.)*

Ты, я вижу

Еще не наряжалась.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Я услѣю.

Такъ скажете отцу. *(Княгиня хочетъ идти, но въ дверяхъ сталкивается со входящими и возвращается.)*

КНЯЖНА ЕЛЕНА. *(Сестрѣ.)*

Ахъ Боже мой!

Самъ батюшка идетъ!... поладись мы!...

Его не проведешь, узнаетъ графа.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ ЖЕ, КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯЗЬ ВАСИЛЙ ЛУКИЧЪ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(Входъ.)*

Да гдѣ же Катерина пропадаетъ?

Ты здѣсь!... а я тебя вездѣ искалъ. *(Увидя Милезимо.)*

Ба!... это кто?... Знакомое лицо! *(Подходитъ къ нему.)*

Какъ!... графъ Милезимо!... Кто васъ звалъ?

Какъ смѣли вы сюда явиться, сударь?

Кто васъ влустилъ?... пора бы вамъ понять

Что знаться съ вами болѣе не хотятъ!...

И ряженный!... Кажись теперь не святки!...

Да знаете ль что я велю холопамъ

Васъ въ шею вытолкать!...

МИЛЕЗИМО.

Довольно, князь!
 Ни слова больше!.. жаль я не при шлагѣ,
 Не то, клянусь, на мѣстѣ бѣ васъ заставилъ
 За дерзость сатисфакцію мнѣ дать!

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Что!.. вызовъ мнѣ... отъ васъ!.. Такъ знайте же
 царь,

Коль вы отсюда сей же мигъ добромъ
 Не уберетесь, иль впередъ когда
 Осмѣлитесь пожаловать въ мой домъ.
 Всѣ ребра я переломаю вамъ!..
 Другой вы сатисфакцію не ждите!

МИЛЕЗИМО *(выхватываетъ свой шпа-
 зило, вырываетъ
 ноего кофѣ.)*

НѢТЬ! это слышкомъ!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА *(бросается къ Ми-
 лезимо, вырываетъ
 него кофѣ.)*Вы съ ума сошли! *(отцу)*

А вамъ, должно-быть, хочется огласки!
 Такъ что жь!.. шумите, созывайте всѣхъ!
 Сегодня кстати полонъ домъ гостей,
 Пускай узнаютъ всѣ что ваша дочь
 Любовникамъ свиданья назначаетъ
 И переряженныхъ ихъ принимаетъ... *(пауза.)*
 Замолкли!.. такъ-то лучше. Я сама
 Его призвала, видѣться хотѣла...
 И оба мы на то имѣли право:
 Онъ былъ женихъ мой!.. съ нимъ и вы и я
 Неслыханно жестоко поступили!
 Но я хочу теперь въ послѣдній разъ
 Проститься съ нимъ и отлучить его.

(Подходитъ къ Милезимо.)

Мой Генрихъ, мы на вѣки расстаемся
 И гдѣ теперь я больше вамъ не стану:
 Глала я не тогда какъ обѣщала
 Любить васъ вѣчно, а тогда глала
 Когда хотѣла васъ заставить вѣрить
 Что вырвала любовь свою изъ сердца,
 Что счастье прошлое забыла я!
 Еще глала я вамъ когда сказала
 Что уничтожила портретъ и письма,
 Нѣтъ... вѣрите что могучая царица,
 Во всемъ величии державной власти,
 Не будетъ знать сокровищъ драгоценнѣй
 Остатковъ сихъ поруганной любви!
 Но лучше я всего глала, хвалясь
 Что новый мой женихъ какъ вы влюбленъ.
 Онъ бѣдливый, жалкій мальчишк! противъ воли

Заставили его избрать меня....
 Ему не нравлюсь я ничуть... и онъ
 Собакой занять больше чѣмъ невѣстой!
 Теперь одно лишь слово: запрещаю
 Я вамъ когда-либо меня забыть.
 Пускай на вѣкъ останется разбитымъ
 То сердце, гдѣ господствовала я!
 Теперь идите съ Богомъ... Нѣтъ, постоите,
 Вы помните, разъ какъ-то у меня
 На память вы просили прядь волосъ...
 Я не дала... сознаться ль? жалко стало;
 Шутя сказала я: на что одну?
 Когда всѣ ваши скоро будутъ!.. Нынѣ
 Иное дѣло... всѣ они чужія,
 Всѣ царскія!.. такъ вотъ же вамъ одна.

(Ножомъ, который остался у нея въ рукахъ, отрываетъ прядь волосъ.)

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Безстыдница!.. что дѣлаешь?..

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Оставьте!

Сейчасъ покончу съ нимъ и онъ уйдетъ.

(Даетъ Милезимо волосы.)

Смотрите какъ мягка и шелковиста

Коса моя... выходитъ, я добра,

И вы напрасно злою и жестокой

Меня назвали... Ну, теперь прощайте,

Пора вамъ уходить... Богъ съ вами, Генрихъ!

(Милезимо цѣлуетъ ея руку и уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ безъ МИЛЕЗИМО.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ну, дочь, спасибо!.. и отца и мать

Да и себя ты вдоволь осрамила!

Признаться, отъ тебя не ожидалъ

Такихъ рѣчей и дѣлъ такихъ безстыдныхъ! *(Женъ.)*

Любуясь, матушка, на дочку!.. стоить!

Вотъ плодъ затѣй заморскихъ... новизны!..

Да знаешь ли ты, дѣвка, въ прежни годы

За таковы поступки что съ тобою

Отецъ бы сдѣлалъ, а?..

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

На что мнѣ звать!

Что было то прошло. Вамъ нѣтъ причины

Певять на дочь и гнѣваться не слѣдъ.

Отцовской волѣ я вполнѣ послушна:

Любимый мой женихъ отвергнуть мною,

А за постылаго—идти согласна.
 Чего жь вамъ больше. Дяда, объясните
 Бы батюшкѣ что онъ несправедливъ.
 А мнѣ пора идти переодѣться.
 Пойдемъ, Елена. *(Выходитъ, за ней идутъ сестра
 мать)*

ЯВЛЕНИЕ VIII.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Бѣсъ она, не дѣвка!

Повѣришь ли что не въ первой она
 До бѣшенства меня доводитъ, знаетъ
 Что руки связаны теперь, не то
 Добрался бѣ до нея!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

А я скажу

Что точно, умница она. Какъ ловко
 Распутала все дѣло! Я боялся
 Не вышло какъ бы что-нибудь такое,
 Чего никакъ уже нельзя поправить...
 Ужъ больно ты на графа осерчалъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Еще бы!... какъ посмѣлъ онъ!... негодяй!
 Добро!... а съ нимъ не кончилъ и не такъ
 Еще его собираюсь проучить!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Но ломви, братецъ, графъ въ числѣ посольства,
 Такъ не нажить тебѣ бы съ нимъ бѣды,
 Ты лучше поручи-ка дѣло мнѣ.
 Я графа Вратислава постараюсь
 Увѣрить, что царю пріятно будетъ
 Коль шурина онъ тотчасъ удалитъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ему бы самому... дуракъ онъ старый!...
 Пора убраться восвояси: знаю,
 Что всячески о томъ онъ хлопоталъ,
 Ссылаясь и на письма, и на просьбы
 Двора Цесарскаго, чтобъ въ Петербургъ
 Вернулся царь и предлагалъ въ невѣсты
 Какую-то Брауншвейгскую принцессу,
 А сынъ Иванъ ему въ томъ помогалъ.
 О... много у меня враговъ! но нынѣ
 Они не страшны мнѣ: дастъ Богъ, я скоро
 Ихъ всѣхъ смирю! Ты говоришь, Голицынъ
 Весь родъ нашъ нынче поноситъ?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

За сына

Онъ сердится, простить не можетъ намъ,
 Что отъ царя его мы удалили.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

А много стоило усилий мнѣ
 Царя уговорить чтобъ нынче онъ
 Свою помолвку съ Катей огласилъ.
 Кабъ же Иванъ помогъ мнѣ наконецъ
 И въ этотъ разъ мнѣ не успѣть бы въ томъ.
 Намедни, знаешь ли, что царь сказалъ:
 „Я слышалъ, что у дочери твоей
 Ужь есть женихъ и что она ему
 Дала согласие“. Я божиться сталъ,
 Что суцая то ложь и клевета.
 Понятно почему пришелъ я въ ярость
 Проклятаго Милезимо заставъ.
 Сегодня царь иное говорилъ:
 „Когда вернемся де на двахъ въ Москву,
 Тогда я всёхъ олятъ велю собрать
 И объявлю имъ что вступаю въ бракъ.“
 Но такъ какъ мы съ тобою порѣшили
 Что надо непременно намъ добиться
 Чтобъ всё узнали о помолвкѣ царской
 Покуда вѣсь у насъ онъ на глазахъ,
 Я сталъ упрашивать, напоминать
 Царю о давномъ словѣ, говорить:
 Извѣщены де всё что сообщенье
 Великой важности ихъ нынче ждетъ...
 Царь молча хмурился... но тутъ Иванъ,
 Который, какъ ты знаешь, до сихъ поръ
 Всегда противился желаньямъ нашимъ,
 Къ великой радости моей, лустился
 Со мною заодно царя просить...
 Тогда царь согласился.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

Слава Богу!

И куй пока желѣзо горячо.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Одно меня смущаетъ: не удастся
 Намъ, какъ мы надѣялися, отъ Ивана
 Отвлечь царя и сына Николая
 Къ нему приблизить: ясно видно мнѣ,
 Что больше чѣмъ когда-нибудь привязанъ
 Къ Ивану царь. Теперь одна надежда
 На дочь, на Катерину, что она
 Сумѣетъ овладѣть умомъ и сердцемъ
 Супруга съ тѣмъ чтобъ брата отгнать.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

На Катю можемъ смѣло положить,
 Она кого бы ни было заставить
 По дудочкѣ своей плясать, подавно
 Ребенка суцаго.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

А ты, изволь-ка

Рѣчь царскую скорѣе сочинить. *(Василій Лукичъ вынимаетъ карманную книжку и пишетъ.)*
 Я мѣсто Катѣ приготовлю самъ. *(Ставитъ рядомъ съ царскимъ кресломъ другое пониже.)*

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ ЖЕ, ПЕТРЪ II, КНЯЗЬ ИВАНЪ.

ПЕТРЪ *(указывая на князя Алексея Григорьевича, вполголоса.)*

И ты, Иванушко, мнѣ измѣнилъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Повѣрь мнѣ, государь, всегда радѣю
 О пользѣ и о благѣ я твою емъ.

ПЕТРЪ *(подходитъ къ Алексею Григорьевичу.)*

Ну что Курляндка, князь? Вѣдь я тебя
 Послалъ узнать и навѣстить ее.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Гораздо полегчало. *(Беретъ у Василія Лукича бумагу и подаетъ царю.)*

ПЕТРЪ *(беретъ и пробѣгаетъ глазами.)*

Это что?

А... вижу, тѣ слова что должно мнѣ
 Сказать имъ нынѣче. Ты, какъ видно, князь,
 За школьника меня досель считаешь, *(Бросаетъ бумагу, Алексей Григорьевичъ и Василій Лукичъ испуганно переглядываются.)*

Коль думаешь что наузуть учить

Мнѣ нужно то что я сказать намѣренъ.

А между тѣмъ, жениться мнѣ пора

По вашему!... *(Пауза.)* Подай бумагу мнѣ. *(Идетъ и садится на приготовленное ему мѣсто.)*

Зови ихъ всѣхъ сюда. *(Алексей Григорьевичъ вводитъ дочь и сажаетъ ее возле царя; всѣ двери растворяются и входятъ всѣ.)*

ЯВЛЕНИЕ X.

ПЕТРЪ II, ЕЛИСАВЕТА *(входитъ первая и садится направо отъ царя),*
 ДОЛГОРУКІЕ, ОСТЕРМАНЪ, ГОЛИЦЫНЪ, КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА
(по правую руку царя), КНЯГИНЯ ДОЛГОРУКАЯ, и всѣ прочіе придворные и садовники.

ПЕТРЪ.

Мы приказали

Созвать васъ всѣхъ сегодня, господа,

Чтобъ извѣстить васъ о рѣшеніи нашемъ:

Дабы вѣрнѣй корону утвердить

Въ лотомствѣ нашемъ, мы вступаемъ въ бракъ

Съ княжной Екатериной Алексѣевной.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(про себя)*.
Ну!... слава Богу! дожил!

ЕЛИСАВЕТА *(про себя)*.
Горе мнѣ!

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(громко)*.
Извольте поздравленья приносить
Его величеству и нарѣченной
Невѣсть-государынѣ.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ *(тихо Остерману)*.

Замѣтьте,
Слова точь-въ-точь тѣ самыя что нынче
Намъ князь Василій сказывалъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ *(тихо Алексѣю Григорьевичу)*.

Полрѣчи

Царь выпустить изволилъ.

ЛОПУХИНА *(тихо Левенвольде)*.
Скоро какъ

Сбылися слухи.

ОСТЕРМАНЪ *(подходитъ къ царю)*.

Милостивый царь!

Дозвольте всеижейтшему рабу,
Имѣвшему и честь и счастье быть
Наставникомъ великаго монарха,
Вамъ выразить въ торжественный сей мигъ
Восторгъ и счастье преданной души.
Отнынѣ кончена моя задача,
Спокойно я могу сойти въ могилу,
Съ сознаньемъ что и мой посильный трудъ
Господь благословилъ. Онъ вислослалъ
На славномъ, но и трудномъ томъ пути,
Которымъ суждено идти царямъ,
Вамъ ангела-помощника, и пусть
Любви священной мудрые совѣты
Одни отнынѣ вами руководятъ. *(Утираетъ глаза и ут-
луетъ руку у Петра, который обнимаетъ его.)*

О! счастливъ тотъ народъ и та страна *(ут-
луетъ руку у невѣсты)*

Судьба которыхъ будетъ въ сихъ рукахъ!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ *(невѣсты)*.
Княжна Екатерина Алексѣвна!
Вчера еще племянницей мнѣ были,
Сегодня государыней моей
Всемилюемой стали вы, и я
Вамъ вѣрный подданный до гроба буду.
Но, да не ослѣдитъ васъ блескъ величья,
Сумѣйте и на высотѣ престола
Смирение и кротость сохранить
И помните: хоть родъ вашъ многочисленъ,

Но щедро всѣмъ отъ Бога одаренъ.
 Не имени, не роду вы радѣйте,
 Но доблести, заслуги награждайте,
 Великой милостію царской—вашей. *(Отходитъ, остальные
 ные подходятъ.)*

КНЯЗЬ ИВАНЪ. *(тихо Елисаветъ).*

Царевна, подданный презрѣнный вамъ
 Сталъ царскимъ шуриномъ и вновь дерзаетъ
 Къ вамъ очи подымать.

ЕЛИСАВЕТА *(гнѣвно).*

Нѣтъ! никогда!

И вы за что на свѣтъ! *(Отходитъ отъ него.)*

ЛОПУХИНА *(тихо Левенвольде).*

Поглядите.

Невѣста какъ печальна и блѣдна
 И даже—не особенно красива.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(тихо).*

По моему она мила.

ЛОПУХИНА.

Мила!

Но впрочемъ мнѣ давно пора бы знать,
 Что женщины всѣхъ готовы вы хвалить
 И въ каждую влюбляться.

ПЕТРЪ *(встаетъ съ мѣста, тихо князю
 Ивану указывая на привожден-
 ное за столомъ царское мѣсто).*

Я не сяду,

Иванушко, за столъ со стариками!
 Къ чему! мы здѣсь въ деревнѣ, не въ Москвѣ,
 Я тамъ услѣю вдоволь наскучаться.

Вели сюда намъ ужинать подать

И собери обычную компанью

Повеселѣй и помоложе къ намъ. *(Князь Иванъ отходитъ,
 потомъ возвращается, на авансцену приносятъ
 покрытый столъ, за который садятся Петръ,
 илья по правую руку невѣсту, по лѣвую
 Елисавету, князь Иванъ и другіе.)*

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(за столомъ съ глу-
 бинъ сцены).*

По возвращеніи царя въ Москву
 Торжественно провозгласятъ народу
 О царской волѣ, а затѣмъ не вдолгъ
 Назначилъ царь и обрученью быть,
 Да и со свадьбой хочетъ царь слѣшать.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ *(насмѣливо).*
 И то пора!

ОСТЕРМАНЪ.

Любовь нетерпѣлива.

ПЕТРЪ *(Князь Ивану).*

Иванушко, мой свѣтъ, сдается мнѣ
 Что и тебя пора женить.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Меся!

Помилуй, государь, не разо-ль будетъ!

ПЕТРЪ.

Какъ, разо!... ты меня гораздо старше.

А вотъ меня же... вотъ же я женюсь.

И ты себѣ невѣсту выбирай.

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(глядитъ на Елисавету)*.Пожалуй я не прочь, коли пойдетъ
Невѣста, что согласенъ бы я выбрать.

ПЕТРЪ.

Еще бы за такого молодца

Да не лойти! ручаюсь въ нашемъ царствѣ

Любая изъ красавицъ стать готова

Твоей женой.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Не знаю, государь,

Могло случиться что влюбился я

Въ царевну... сказочную, у которой

Да мѣсяцъ золотой во лбу горитъ,

Да звѣзды частыя въ косѣ блещутъ,

Да солнце красное въ очахъ сияетъ.

ПЕТРЪ.

Что проку въ сказочныхъ царевнахъ, друг!

Оставь ты ихъ въ покоѣ, я тебѣ

Сосватаю пренатную невѣсту. *(Обращается къ стар-
шему Шереметеву.)*

Графъ Петръ Борисычъ, у тебя какись

Сестра-невѣста есть и хотъ досель

Ты намъ ни разу не казалъ ея,

Однако слухомъ поднитя земля

И о красѣ ея громка молва.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Не отъ меня зависитъ, государь,

Сестру казать: съ тѣхъ поръ какъ мать скончалась,

На заключенье строгое себя

По доброй волѣ обрекла сестра.

О красотѣ судить я не берусь,

На это я не обращалъ вниманья,

Что нужды брату въ сестриной красѣ?

Но, кажется, она не хуже прочихъ.

Съ тѣхъ поръ какъ заневѣстилась сестра

Отъ жениховъ отбою нѣтъ у насъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Дозвольте, государь, мнѣ слово молвить.

Скажу я прямо: въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ

Прекраснѣй и добрѣй моей Наташи!

Слова мои я подтвердить готовъ. *(Снимаетъ съ себя
часы съ портретомъ и передаетъ царю.)*

Недавно живописецъ Итальянецъ
Гостилъ въ Москвѣ и для меня сестра
Съ себя списать портретъ велѣла зтогъ.

ПЕТРЪ.

Давай сюда. И вправду хороша!
Смотри, Иванушко. Смотрите всѣ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(долго смотритъ на портретъ,
потомъ передаетъ его Елиса-
ветѣ).*

Красавица!... не правда ли, царевна?

ЕЛИСАВЕТА.

Немного ротъ великъ *(передаетъ дальше).*

ЛОПУХИНА.

Малы глаза *(передаетъ).*

КНЯЖНА ЕЛЕНА *(передаетъ).*

По мнѣ скорѣ носъ какъ будто длинень.

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ.

Мнѣ цвѣтъ волосъ не нравится, а впрочемъ....

ПЕТРЪ *(смѣясь).*

Ну конечно.... полалась въ бабы руки
Теперь не уцѣлѣтъ! Графъ Левенвольде,
Ты въ женской красотѣ знатокъ извѣстный,
Скажи-ка ты намъ мнѣнне свое.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(беретъ портретъ).*

Графиня Шереметева!... о знаю,
Имѣлъ я случай въ церкви разъ ее
Увидѣть и остался пораженъ
Невиданной, неслыханной красою.

ЛОПУХИНА *(тихо ему).*

Какъ вы любезны!... стало-быть ее
Вы лучше всѣхъ находите и даже
Меня, быть-можетъ, лучше?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Вы безспорно

Но ужь давненько хороши-

ЛОПУХИНА.

О, дерзкій!

ПЕТРЪ *(Князь Ивану, который шепталъ
что-то Елисаветѣ, она уже от-
вернулась отъ него).*

Такъ какъ же, другъ, сосватать что-ль тебя?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Коль будетъ милость, я согласенъ, царь.

ПЕТРЪ.

А ты что скажешь свату, Петръ Борисычъ?

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Не ждалъ такой я чести, государь.
Съ великой радостью сестру отдамъ
За будущаго шурина царя.

ПЕТРЪ.

Ну вотъ отлично! значить ло рукамъ.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ (*Князь Ивану*).

Когда-жь смотришь, князь?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

По мнѣ хотъ завтра.

ПЕТРЪ.

А свадьбы наши непремѣнно вмѣстѣ.

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ (*тихо Лопухиной*).

Они не шутятъ?

ЛОПУХИНА.

Кто ихъ знаетъ!... нѣтъ

Не думаю.

ПЕТРЪ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ!

Поди-ка къ намъ сюда: мы безъ тебя

Тутъ дѣло порѣшили и Ивану

Невѣсту, да какую!... я сосватала.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*подходитъ и подноситъ царю кубокъ*).

На милости спасибо, государь.

Но не позволите-ль вы за здоровье

И вашего величества и вашей

Невѣсты выпить намъ (*наливаетъ вино и подноситъ царю*).

ПЕТРЪ.

Ты знаешь, князь,

Что я не лью.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

На этотъ разъ, нельзя (*царь едва прикасается къ вину; всѣ встаютъ и пьютъ за здоровье царя*).

Вино не дурно: только-бъ подсластить! (*всѣ переглядываются*).

ЛОПУХИНА (*тихо мужу*).

Ну что за неучъ—князь! смотри, вѣдь царь

Нахмурился.

ЛОПУХИНЪ.

Должно-быть не по нраву.

Невѣста вслыхнула что ясна зорька!

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ну право-жь въ ротъ нейдетъ: охъ горько! горько! (*царь ухлещетъ невѣсту*).

Занавѣсъ.

Дѣйствующія лица третьяго дѣйствія:

ЦАРЬ ПЕТРЪ II.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ДОЛГОРУКІЙ.

БАРОНЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ.

ГРАФЪ РЕЙНГОЛЬДЪ ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

ПЕРЦОГЪ ДЕ-ЛИРИА, ГИШПАНСКІЙ } посланники.

ГРАФЪ ВРАТИСЛАВЪ, ЦЕСАРСКІЙ }

ЦЕСАРЕВНА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ШЕРЕМЕТЕВА (16 лѣтъ.)

ВЪРА (14 лѣтъ) }

КАТЯ (12 лѣтъ) } ея сестры.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА ЧИРИКОВА, родственница Шереметевыхъ.

МАРФѢИНЬКА }

ФЕКЛУША } ея дочери.

ДАША }

НАТАЛЬЯ ФЕОДОРОВНА ЛОПУХИНА.

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ ГАВРИЛОВНА ТРУБЕЦКАЯ.

МИСТРИСЪ РОНДО, жена резидента Англіи.

Государыня - невеста, Долгорукіе, Шереметевы, придворные, гости боярышми подружки невесты.

Москва. Декабрь 1729 года.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Хоромы въ Шереметевскомъ домѣ въ Москвѣ. При поднятіи занавѣса, дѣвушки подружки убираютъ невесту Наталью Борисовну Шереметеву.)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА, ВЪРА, КАТЯ, АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА, МАРФѢИНЬКА, ФЕКЛУША, ДАША и другія боярышми.

ВЪРА (надѣваетъ на сестру алмазные серьги).

У! какъ блеститъ.

МАРФѢИНЬКА.

Глаза слѣпятъ глядѣть.

ФЕКЛУША.

Такихъ алмазовъ сроду не видала.

ДАША.

И впрямь подарокъ царскій. Ну, Наташа, Счастливица ты! нечего сказать.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

А все за сиротство Господь послалъ,
 Да за родительски молитвы: помнишь,
 Наташенька, всегда я говорила,
 Что ждетъ тебя великая судьба,
 Авъ вотъ по моему и вышло новъче.
 Ну, дай Богъ, дай тебѣ, авось и насъ
 Ты въ счастья своемъ не позабудешь.
 Вѣдь шутка ли сказать что ни на-есть
 За самаго большаго челоуѣка,
 За перваго-то въ цѣломъ государствѣ
 Выходишь и съ самимъ царемъ роднишься.

БОЯРЫШНИ.

Счастливица! счастливица Наташа!

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Отъ всѣхъ одно и то же эхо слышу:
 Ахъ счастлива! ахъ счастлива она!⁴
 Ушамъ моимъ конечно не противно,
 Но сердце жметъ... боязно ему
 И слухкомъ мнѣ ужъ кажется великой
 Судьба что предо мною открылась вдругъ.
 Женихъ мой молодъ и собой приглядевъ...

ДАША (прерываетъ.)

Красавецъ писаны!

ФЕКЛУША.

На бѣломъ свѣтѣ

Его вѣтъ лучше.

МАРѢИНКА.

Просто заглядевь!

КАТЯ.

А я скажу, по мнѣ онъ предурмой.
 Любить его не стану я за то
 Что хочетъ онъ у насъ отнять сестрицу!

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

И подво, Катенька, дружокъ! лостой,
 Дай срокъ, доидетъ чередъ и до тебя:
 Пройдетъ два годика, аль три, а тамъ
 Ты также домъ родительскій покинешь
 И замужь выйдешь.

КАТЯ.

Вотъ ужъ никогда!

Но здѣсь я безъ Наташи жить не стану.
 Сестрица, ты возьмешь меня съ собой?

(Ласкается къ сестрѣ.)

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА (глядитъ ее по головкѣ.)

Возьму, голубка.

ВЪРА.

И меня возьми.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Эхъ сиротинушки мои, и вправду
 Не то житье вамъ будетъ безъ Наташи:
 Что лтенчики подъ крылышкомъ наспѣдки.
 Что солнышкомъ пригрѣтыя былинки,
 За ней ни горя, ни заботъ не знали,
 Она что мать родная вамъ была.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Неужто, тетушка, мнѣ не позволить
 Мой мужъ... охъ! страшно вымолвить то слово!
 Сестеръ сиротъ къ себѣ взять?

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Ужь не знаю.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Онъ добрый, кажется... Вотъ что смущаетъ,
 Тревожитъ сердце мнѣ: почти совсѣмъ
 Его не знаю... видѣлась три раза,
 Сегодня обрученье... скоро свадьба.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Вы дѣвоньки, какія новы стали!
 Вотъ въ наше время, вовсе не видали
 До самаго вѣнца мы жениховъ.
 Съ мужьями же согласно да любовно
 Мы жили... въ добрый часъ дай Богъ и вамъ.
 О чемъ же ты задумалась, родная?
 Такого ясна сокола, каковъ
 Женихъ твой, полюбить кажись не трудно.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Не трудно, вѣтъ!... Все нравится мнѣ въ немъ,
 Помимо сана, знатности, богатства.
 Но знаю про себя что коли разъ
 Кому отдамъ я сердце — то на вѣки...
 А про него, что знать могу я нынѣ?...
 Способенъ ли меня онъ полюбить
 Какъ я его?... Хоть въ заперти сидѣла,
 Хоть свѣта не видала я досель,
 Однако же и мнѣ случалось слышать
 Отъ братьевъ ли, отъ прочихъ про него.
 Еще недавно такъ всѣ говорили,
 Что женится на цесаревнѣ онъ.
 Потомъ про Ягужинскую твердили...
 Но что всего мнѣ кажется страшнѣй:
 Не разъ слыхала я: онъ больно влюбчивъ,
 Увидитъ гдѣ красавицу какую
 Сейчасъ ухаживать за ней начнетъ.
 Вѣдь и со мной... съ чего началось дѣло?
 Портретъ понравился ему! А что,
 Коль скоро послѣ свадьбы приглядится
 Ему жена и станетъ онъ опять

За дѣвцами красными, иль хуже,
 За женами чужими увиваться?...
 А бѣдное, покинутое сердце
 На вѣжную, сердечную любовь
 Отвѣта ужь не будетъ находить?...
 На что тогда и знатность и богатство!...
 Сквозь золото польются слезы горьки,
 А боли дѣвичьей ужь не вернуть. *(Опускаетъ голову на
 руки.)*

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Ну вотъ, Наташенька, о чемъ тужить
 Пришло тебѣ на умъ. Али не знаешь
 Ты сказку про Лутонюшку? такъ слушай,
 Авось она тебя развеселитъ:

ѣ подсаживаются поближе къ Анисьѣ Мартемьяновнѣ.)

На завалинкѣ рядомъ сидючи
 Со своей женой со старухой
 Съ говорливою да съ болтливою
 Разсуждалъ мужикъ
 Свѣдъ какъ лунь старикъ.

И про то про се у нихъ рѣчь велась:
 Про хорошество, про пригошество
 Невозвратное вѣка прошлаго
 И на свѣтѣ какъ
 Все пошло не такъ.

Про негодность-то, про порочность-то
 Настоящаго злаго времени.
 И какъ водится, въ ихъ бесѣдштѣ
 За старухой
 Говорухой

Словъ съ полсотенки причиталось,
 Бабьихъ скорыхъ словъ, необдуманыхъ,⁸
 За одно слово стариковское,
 За степенное
 Многоцѣнное.

Какъ кукушечка во сыромъ бору,
 Какъ соловушко въ ночьку вешнюю
 Неумолчно-то баба старая
 Заливалася
 Разливалася.

Вдругъ какъ съ петельки, должно съ ржавой быть
 Ставень створчатый сорвался-упалъ,
 Не задѣнулъ ихъ, промежду попалъ.
 Оба вскрикнули
 И привикнули.

Крестнымъ знаменьемъ грудь широкою
Осѣнилъ старикъ, а жена его
Не словами ужъ, горючьми слезыи
Заливается
Разливается.

Моавилъ онъ женѣ: да скажи ты мнѣ
О чемъ плачешь ты воешь голосомъ,
Али больно ужъ послужалася,
Аль ушиблена,
Ты зашиблена.

Говорить она: вѣтъ, Богъ миловалъ,
Но взбрела на умъ дума горькая,
Какъ у насъ съ тобой въ прежде времачко
Сынъ родился бы
Да женился бы,

У него коли тоже былъ бы сынъ
И сидѣлъ бы тутъ свѣтъ Лутонюшка,
Ставнемъ створчатымъ внучку нашему
Всю головушку раскроило бы,
На повалъ его уложило бы. (*Всѣ смѣются.*)

А что! похожа вѣдь у насъ невѣста
На бабушку Лутонюшкину, право:
„Коль такъ да этакъ будетъ—что тогда!“
И полно, дѣвица, что нужды въ томъ,
Что раньше чѣмъ посватадся къ тебѣ
Женихъ завидный, прочили его
Другимъ невѣстамъ: (*тихо*) а про Трубецкую
Колѣ услѣло до тебя дойти,
То вспомни, добрый молодецъ не то
Что красна-дѣвка, не въ укоръ ему
И былъ. (*Грохко.*) Другая на твоёмъ бы мѣстѣ
Отъ счастья обезумѣла бы, вотъ что.
Подумай, послѣ будущей царицы,
Твоей золовки, выше всѣхъ боярынь
Ты будешь, краше всѣхъ и всѣхъ богаче.
Взгляни-ка на себя: ты вся горѣшь
Въ алмазахъ драгоценныхъ, въ жемчугахъ
Что царь тебѣ пожаловать изволилъ,
Да что женихъ твой подарилъ тебѣ...
Но то ли еще будетъ впереди!
Кума Марина Савишна вечеръ
Мнѣ сказывала—а она, ты знаешь,
Давно ужъ вхожа къ Долгорукимъ въ домъ,—
Что видѣть ей намеренн привелось
Какъ къ свадьбѣ близкой все приготовляя,
Изъ кладовыхъ таскали серебро,
Такъ, вѣришь ли, божилася кума
Что цѣлыя три горницы большія
Полнымъ-полнѣхонько наставовили!

Она же говорила мнѣ про перстни
 Которыми вы нольче обручитесь,
 Твой въ шесть, его въ двѣнадцать тысячъ будеть!

БОЯРЫШНИ.

Счастливица! счастливица Наташа
 АНИСЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Покойники родители тебѣ
 Свое благословенье шлютъ съ небесъ,
 Устроишь ты и братьевъ и сестеръ,
 И ихъ судьба благодаря твоей
 Завидна будетъ. Сдѣлай милость, насъ
 Свою родню ты въ счастье помани:
 Вотъ Марюшня моя... двадцатый годъ
 Пошелъ вѣдь дѣвкѣ и давно пора (*Марюшня закрываетъ лицо руками.*)

Ее пристроить.... но достатки плохи.
 Того гляди бы засидѣлась въ дѣвкахъ,
 Но коли ты, голубушка, изволишь
 Хотя бѣ маленечко ей порадѣть,
 То мигомъ женишка прищешь ей.
 Еще бы! съ вами породвиться много
 Охотниковъ найдется, мы же вѣчно
 Твою услугу ставемъ помнить.... также
 О братцѣ о твоемъ, моемъ сыншкѣ,
 Просить хочу тебя.... извѣстно всѣмъ
 Не больно онъ шустеръ, въ отца весь вышелъ
 Мой Тихонъ, не въ меня....

ФЕКЛУША (*у окна*):

Ой! вѣдутъ!... вѣдутъ!...

Женихъ....

АНИСЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Такъ что жь! у насъ готово все.
 Охъ, какъ Наташенька, ты поблѣднѣла!
 Ну, вслыхнула телерь!.... (*Дльушкамъ*) А вы смотрите,
 Чуть князь войдетъ, начните величать.
 Люблю чтобъ по-старинному все было. (*Дочерямъ*)
 Онъ насъ богато одѣлилъ намедни.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ. КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ, БРАТЯ, ТОВАРИЩИ ЖЕНИХА, БОЯРЫНИ-РОДСТВЕННИЦЫ ЖЕНИХА И НЕВѢСТЫ.

БОЯРЫШНИ (*поютъ*):

А кто у насъ холостъ?
 А кто не женатъ?
 Нашъ князь молодой
 Не женатъ холостой.

МАРѢИНЬКА (соло).

Во саду, саду зеленомъ
Теремокъ стоитъ высокъ,
Передъ теремомъ высокимъ
Разстилается лужокъ.

ХОРЪ.

Ой лужокъ, мой лужокъ, мой лужокъ,
Ты зелененькій.

МАРѢИНЬКА.

Во лугу трава помята,
Кто помялъ густу-траву?
Потоптали рѣзвы-кони
Шелковую мураву.

ХОРЪ.

Ой ты травка-муравка моя,
Ты шелковая.

МАРѢИНЬКА.

Чьи-то кони, чьи-то рѣзвы
Въ заповѣднѣй лугъ пришли?
Потравили, потоптали,
Ихъ ловили, не поймали
Кони быстрые ушли.

ХОРЪ.

Ой вы кони, вы кони мои,
Вы наступчивы.

МАРѢИНЬКА.

Въ теремочкѣ въ томъ высокомъ
Красна-дѣвица жила;
Не смолчала—разказала
Что видала, что слыхала,
У екошечка была.

ХОРЪ.

Ой Наталья, Наталья моя,
Свѣтъ Борисовна.

МАРѢИНЬКА.

Выпускалъ коней тѣхъ рѣзвыхъ
Добрый молодецъ-удаль,
Самъ за ними приходилъ онъ,
Поскорѣй ихъ уводилъ онъ,
И Наташу увидалъ.

ХОРЪ.

Ой молодчикъ, молодчикъ ты нашъ
Разудаленькій.

МАРѢИНЬКА.

А тебя знать свѣтъ-Иваномъ
Алексѣвичемъ звать,
А по роду по отцову
Княжимъ сыномъ величать.

ХОРЪ.

Ой ты князь, нашъ ты князь, младъ Иванъ
Алексѣвичъ.

МАРѢИНЫБА.

Не предъ бурей, предъ грозю
Клонить маковку дубокъ,
Передъ матушкой родною
Низко буйной головою
Наклоняется сынокъ.

ХОРЪ.

Ой ты свѣтикъ, ты свѣтикъ сынокъ,
Ты покорливый.

МАРѢИНЫКА.

Ты родная, дорогая,
Пожалѣй-ка ты меня,
Застулишь, замолви слово
Ты у батюшки-отца.

ХОРЪ.

Ой вѣдь грозень, вѣдь грозень отецъ
Сударь-батюшка.

МАРѢИНЫКА.

Вы меня благословите
Во честной во бракъ вступить,
Надоѣло холостому
Маѣ на бѣломъ свѣтѣ жить.

ХОРЪ.

Вы лопильцы-кормильцы мои,
Вы родители.

КНЯЗЬ ИВАНЪ

Спасибо, красны-дѣвицы, спасибо. *(Сыплеть имъ чер-
воццы.)*

А вотъ вамъ на орѣхи, на наряды. *(Подходитъ къ не-
вѣсткѣ.)*

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Князь-батюшка, изволь-ка полюбуйся
На то какъ разукрасили невѣсту.

Что солнце ясное она сіяетъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Нельзя того украсить что прекрасно.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Собрались всѣ... лишь государя ждутъ
Да государыню невѣсту; братецъ
Велѣлъ тебя просить чтобы къ гостямъ
Скорѣй ты выходила.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Я готова.

*(Подаетъ руку жениху и медленно выходитъ съ нимъ, за
ними остальные, боярышни зажимаютъ шествіе, поютъ.)*

ХОРЪ БОЯРЫШЕНЬ *(скороговорки)*.

Вотъ подвѣлся голубокъ,
Полетѣлъ отселя прочь
Вмѣстѣ съ голубицею
Красною дѣвицею.

А во слѣдъ ему глядятъ,
Рѣзвы крылья шевелятъ
Голубковы всѣ друзья—
Кумовья да сватовья.

Въ одно слово говорятъ,
Голубочки всѣ твердятъ:
Ой ужъ больно хороша
Голубица та душа.

Кабъ пошла, кабъ пошла за меня,
Я бы взялъ, я бы взялъ за себя!

(Уходятъ; сцена нѣсколько мгновений остается пуста)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛОПУХИНА, КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ *(входитъ)*

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ.

Спасибо, дорогая, что меня
Оттуда уведла ты... Я не знаю
Что было бы со мною есдибъ долѣй
Я тамъ осталась!.. Охъ, что за мученье!.. *(Плачетъ)*

ЛОПУХИНА.

Ну полно, полно же, не убивайся.

ТРУБЕЦКАЯ.

Сначала я все вѣрить не хотѣла,
Все думала что быть того не можетъ!
Хотя за днями проходили дни,
Что съ нимъ уже я больше не видалась...
Но все ждала его... О, какъ ждала!
Надѣялась что онъ придетъ и скажетъ
Что должны те мучительные толки,
Которые со всѣхъ сторонъ ко мнѣ
Съ злорадствомъ безпощаднымъ доносились...
Что онъ жениться вовсе не намѣренъ,
Что все полпрежнему меня онъ любить...
И вдругъ... я получаю приглашенье
На обрученье быть... О, Боже! Боже!.. *(Рыдаетъ)*
За всю мою любовь... за весь позоръ,
Который приняла я за него...
Вѣдь не щадилъ онъ женскаго стыда,
Всѣмъ на показъ меня онъ выставялъ!..
За то что какъ послѣдняя раба,
Какъ лесъ дворовый я предъ нимъ дрожала,

Въ глаза ему смотрѣла, въ нихъ читала
 Малѣйшее желаніе его...
 Дѣтей и мужа бросила, забыла...
 Онъ такъ мнѣ отплатилъ... *(Рыданія заглушаютъ ея
 голосъ.)*

ЛОПУХИНА.

Да пово, вѣрь

Они всѣ таковы, и дуры мы
 Что любимъ ихъ, ей-ей.

ТРУБЕЦКАЯ.

И что нашель

Въ дѣвчонкѣ этой онъ?... Ова, положимъ,
 Меня моложе... можетъ-быть... красивѣй...

ЛОПУХИНА.

Не онъ одинъ лѣвился ей... повѣришь,
 Мой Рейнгольдъ глупый тоже безъ ума *(насмѣшливо)*
 Отъ красоты, отъ прелести ея!...
 И надоѣлъ мнѣ восхваляя ихъ!
 Вотъ тоже!... ужь на что влюбленъ казался
 Въ меня!.. Два года я его водила,
 Холодностью, презрѣніемъ томила...
 А страсть его все лучше разгоралась...
 Теперь же... холодець какъ ледъ онъ сталъ!..
 Эхъ, всѣ они одинъ другаго стоять!

ТРУБЕЦКАЯ.

Какая злоба охватила сердце
 Когда ихъ вмѣстѣ увидала я,
 Когда въ моихъ глазахъ сверкнули перстни,
 Которые навѣки ихъ связали,
 Навѣки разлучивъ насъ... о, зачѣмъ
 Не бросилась я между ними!..

ЛОПУХИНА.

Тшш!..

Сюда идутъ... не выдавай себя!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ОСТЕРМАНЪ, ГЕРЦОГЪ ДЕ-ЛИРІЯ, ГРАФЪ ВРАТИСЛАВЪ,
 ЛЕВЕНВОЛЬДЕ, МИСТРИСЪ РОНДО и др. гости.

ЛОПУХИНА *(идетъ на встрѣчу входящимъ
 и задерживаетъ ихъ немного
 у дверей чтобы дать отпра-
 виться Трубецкой).*

Что?... кончено?... они обручены?...
 Такая тамъ жара что душно мнѣ
 Чуть-чуть не сдѣалось, я упросила
 Княгиню увести меня оттуда. *(Къ де-Лирию)*
 Вамъ, герцогъ, въ первый разъ пришлось видѣть
 Обряды русскіе при обрученъи?

ДЕ-ЛИРИЯ.

На дняхъ присутствовать имѣлъ я честь
На церемоніи такого жъ рода.

ЛОПУХИНА.

Ахъ, да!.. конечно!.. во дворцѣ, простите
Я такъ разсѣяна... (*Вратиславу.*) Скажите, графъ,
Какія вы извѣстія имѣли
О вашемъ шурина? надѣюсь онъ
Счастливо до границы добрался?

ВРАТИСЛАВЪ (*важно*).

О да... съ делешами онъ посланъ мною.

ЛОПУХИНА. (*Помигавъ головой,*

Вы знаете, что очень мы дружны
Съ нимъ были и, признаться, за него
Не мало я боялась... сумасбродный
Какой онъ право! (*Вратиславъ отходитъ отъ нея; она
макнувъ рукой обращается къ мистрисъ Рондо,*
Разсердился старый!

Терпѣть не можетъ чтобы поминали
Про бѣшеную выходку ему,
Что родственникъ его себя позволялъ
На царскомъ обрученъи, и замать
Старается все дѣло.

МИСТРИСЪ РОНДО.

Я жалю,

Что мнѣ самой не удалось видѣть
Изъ-за большой толпы что окружала
Въ то время государя, а теперь
Такъ разго говорятъ о томъ.

ЛОПУХИНА.

Какъ! разго?..

Вѣрнѣ меня никто вамъ не разкажетъ,
Вблизи стояла я и все своими
Глазами видѣла: всѣ подходили
И руку цѣловали у невесты,
Какъ вдругъ, откуда ни возмись, явилася
Милезимо, разстроенный и блѣдный,
Съ горящимъ взоромъ подошелъ онъ къ ней
И низко поклонился, а она
Вся помертвѣла... выдернула руку,
Что царь дотоль въ своей рукѣ держалъ,
И поднесла ее къ его устамъ...
Омѣшалася царь... но всѣ мы послушали
Милезимо толлою оттереть...
Его друзья тотчасъ же схватились
И чуть не прямо изъ дворца его
Въ повозку усадили и какъ можно
Живѣя спровадили воязъ изъ Россіи.

МИСТРИСЪ РОНДО.

Несчастный юноша!.. слышала я,
Что онъ помолвленъ былъ съ княжною.

ЛОПУХИНА.

Да.

Хоть Долгорукіе не объявляли
О томъ, оно извѣстно было всѣмъ.

МИСТРИСЬ РОНДО.

Съ величьемъ счастье рѣдко уживалось
И жаль мнѣ царскую невѣсту, право,
Хоть всѣ завидовать готовы ей.

ЛОПУХИНА.

Нѣтъ, что ее жалѣть! она горда,
Властолюбива, предпочтетъ конечно
Бедичіе любви и счастью; мнѣ же
Напротивъ жаль царя.

МИСТРИСЬ РОНДО.

Не ловимаю...

ЛОПУХИНА.

О, вѣрно вы наслушались толковъ
О томъ какъ царь влюбленъ въ свою невѣсту,
Не вѣрьте этому... отъ Долгорукихъ
И ихъ друзей идетъ сія молва.
Ребенокъ сущій царь, вы мнѣ повѣрьте,
Влюбляться не умѣетъ онъ еще.
Старайтесь вы замѣтить обращенье
Его съ невѣстою... точь-въ-точь какъ прежде
Бывало съ Меншиковой, онъ и съ этой...
Такъ холодно, такъ принужденно вѣжливы.

МИСТРИСЬ РОНДО.

О!.. въ самомъ дѣлѣ!.. я совсѣмъ иное
Предполагала и премного вамъ
Обязана за сообщенья ваши.
Меня весьма интересуетъ знать
Все то что происходитъ въ сей странѣ,
Я въ Англію о томъ пишу друзьямъ...
Но правду очень трудно отличить,
Такъ разнo о событьяхъ говорятъ.

ЛОПУХИНА.

Коль вамъ ко мнѣ угодно обращаться,
Увѣрить смѣю васъ что всѣ извѣстья
Всѣхъ раньше, всѣхъ вѣрнѣй вамъ сообщу.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(подошелъ незаметно и
вслушался).*

Для всѣхъ для насъ загадкой остается,
Какимъ путемъ вамъ вѣчно удается
Всѣхъ раньше, всѣхъ вѣрнѣе все узнать
Ни слушать не умѣя, ни молчать. *(Она грозитъ ему,
продолжаютъ тихо.)*

ОСТЕРМАНЪ *(къ де-Луріа на другомъ кон-
цѣ комнаты).*

Скажите, герцогу, скоро ли придутъ
Объщанные лошади и мулы?

Его величество олять изволилъ
Мнѣ поручить о томъ у васъ спросить.

ДЕ-ЛИРИА.

Прошу, повергните къ столамъ царя
Мое почтительное увѣренье,
Что только потому присылкой сей
Замедлилъ милостивый мой король
Что повелѣть изволилъ онъ: искать
По всей Гишлани и выбирать
Изъ тысячей животныхъ самыхъ лучшихъ,
Достойныхъ приславными быть въ подарокъ
Его величеству царю.

ОСТЕРМАНЪ *(оглядывается и пожимаетъ
голову).*

Еще

Объ орденѣ Руна хотѣлъ я съ вами
Поговорить: коли возможно будетъ
Къ дню радостному бракосочетанья
Его величеству поднести сей орденъ...

ДЕ-ЛИРИА.

О лестномъ столь для всѣхъ насъ, кавалеровъ,
Желаніи царя нашъ славный орденъ *(дотрогивается
до ордена на своей шеп)*

И на свою особу возложить,
Увѣдомилъ я дворъ свой и отвѣтъ
Благопріятный льщуся получить.
Надѣюсь я сумѣлъ имъ доказать
Что разница большая существуетъ
Между еретикомъ и между Грекомъ
Схизматикомъ... но, долженъ я прибавить
Что ради коронованной главы
Возможно лишь сіе изъятье будетъ
Изъ строгихъ орденскихъ статутовъ нашихъ...
И потому глубоко сожалѣю
Что не возможно мнѣ исполнить просьбы
О томъ же самомъ князя-фаворита. *(Къ нему подса-
живается графъ Вратиславъ.)*

ОСТЕРМАНЪ.

Жаль, герцогъ, жаль весьма, скажу и я...
Вѣдь ближе, вѣдь дороже чѣмъ когда
Теперь сталъ государю князь Иванъ
И вся семья возлюбленной невесты.
Во всемъ имъ угождать должны стараться
Всѣ тѣ которымъ милость дорога
И дружба царскія: графъ Вратиславъ
Сіе отлично разумѣетъ: онъ
Отъ имени Цесарскаго двора
Намедни обѣщалъ что титулъ князя
Империі священнои Римской будетъ
Тотчасъ же присланъ князю Алексію,

Невѣсты-государыни отцу,
А брату князь-Ивану отдадутъ
То герцогство въ Силезіи которымъ
Владѣлъ князь Меншиковъ, не такъ ли, графъ?

БРАТИСЛАВЪ.

Такъ, точно такъ, баронъ, и полагаю
Излишне будетъ мнѣ васъ увѣрять
Что мой дворъ обѣщанія свои
Всегда слѣдуетъ исполнить, особливо
Когда онъ этимъ можетъ доказать
Еще разъ какъ высоко цѣнить онъ
Ту дружбу и тѣ родственныя связи,
Которыя его соединяютъ
Съ его величествомъ царемъ. *(Съ важностью смотритъ
на де-Лириа. Слышна музыка.)*

ЛОПУХИНА *(подходить къ нимъ).*

Пойдемте,

Начался балъ: баронъ Андрей Ивановичъ,
Давненько съ вами мы не танцовали,
Хотите менуэтъ?

ОСТЕРМАНЪ.

Охъ, не подь силу!

Мой лютый врагъ—подагра не велитъ.

ДЕ-ЛИРИА *(предлагаетъ ей руку.)*

Коль вамъ меня угодно удостоитъ
Великой чести... *(Она беретъ его руку, уходятъ, за ними
остальныя, позади встаетъ Трубецкая останавливается у дверей.)*

ТРУБЕЦКАЯ.

Ахъ! сюда идутъ...

Какъ смотритъ онъ любовно на нее...

Нѣтъ, другъ сердечный, погоди, не думай

Что такъ легко раздѣлался со мною!

(Прячется за дверь.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТРУБЕЦКАЯ *(спрятанная), князь ИВАНЪ ведетъ НАТАЛЮ БОРИСОВНУ.*

НАТАЛЮ БОРИСОВНА.

Сонъ... точно сонъ... вотъ, кажется, проснусь...

Исчезнетъ блескъ и шумъ и оживленье,

Толпа веселая гостей почетныхъ,

Исчезнетъ сказочный женихъ... и я,

Полпрежнему, очнуся сиротой,

Затворницей въ свѣтлицѣ одинокой.

КНЯЗЬ ИВАНЪ:

Хотя мой сонъ несбыточно прекрасенъ,

Я пробужденья не страшусь, но льщуся

Надеждою что хватить на мой вѣкъ

Его лѣтнительныхъ очарованій.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Такъ быстро, такъ внезапно перемѣна
 Въ судьбѣ моей свершилася что я
 Привыкнуть не успѣла и конечно
 Кажусь вамъ робкой... дикой... неумѣлой...
 Ахъ! было некому меня учить
 Обычаю и обхожденью свѣтскимъ.
 Боюсь я этимъ вамъ не угодить,
 Но смѣю я надѣяться что вы
 Не слишкомъ строги будете ко мнѣ,
 Не взыщете на бѣдной сиротѣ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(шутливо)*.

О... строгъ ужасно я!.. неумолимъ,
 Но не пугайтесь... вамъ легко исполнить
 Все то чего хочу я отъ невѣсты,
 Чего ищю я въ будущей женѣ.

(Пристально и съ восхищеніемъ глядитъ на нее.)

Хочу я непременно чтобъ у ней
 Горѣли очи ярче звѣздъ небесныхъ,
 Чтобы уста ея, зари румяной,
 Улыбкой радостной меня дарили,
 Чтобъ всюду гдѣ появится она,
 Блѣднѣла бы и меркла красота
 Всѣхъ женъ чужихъ, всѣхъ дѣвушекъ младыхъ...
 Вотъ чтó я буду требовать отъ васъ!

(Подводитъ ее къ зеркалу.)

Взгляните на себя и согласитесь
 Что я нашель все то, чего искалъ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Хоть лестно мнѣ такія рѣчи слушать,
 Я съ вами согласиться не могу:
 Нѣтъ, не одной наружной красоты, —
 Она случайный, мимолетный даръ! —
 Должно искать въ женѣ: жена вѣдь мужу
 Не праздная забава, не игрушка,
 Но вѣрный другъ, товарищъ на всю жизнь.
 Съ ней все придется лололамъ дѣлать
 И радости и горе пережить.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

О, чтó про горе поминать! Клянусь,
 Что васъ оно коснуться не посмѣтъ!..
 Моя любовь создать сумѣетъ вамъ
 Счастливую, завидную судьбу.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Вѣдь жизнь долга: не даромъ говорятъ
 Что жизнь прожить, не поле перейти.
 Неопытна я, молода еще,
 Однако жъ испытать и мнѣ пришлось
 Земнаго счастье горькую превратность.
 Счастливей не было меня на свѣтѣ

Покуда я у матери росла...
 Заботой, ласкою и почетомъ
 Съ рожденія окружена была.
 Любимцею она меня звала
 И радостью своею, и утѣшеньемъ.
 И что же!.. я лишилася ея...
 Въ ту пору самую когда нужнѣй,
 Дороже чѣмъ когда мнѣ становились
 Ея любовь, ученья и совѣты.
 Въ тотъ день ужасный я узнала горе!
 Изъ сердца моего оно на вѣки
 Изгнало беззаботное веселье,
 Безлечное довольство юныхъ лѣтъ.
 И вотъ теперь... когда мнѣ всѣ твердятъ
 О счастьѣ, о величїи, о блескѣ,
 Душой смущенной я внимаю имъ...
 И только одного молю у Бога:
 Чтобъ даровалъ Онъ мнѣ найти въ супругѣ
 Заступника, совѣтчика, опоры
 И вѣрное, и преданное сердце.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Все, все найдете вы во мнѣ, клянусь,
 Любовь моя тому порукой вамъ.
 Какъ!.. слезы! о не плачьте, умоляю...
 (*Становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки.*)
 Не плачь, моя Наташа...

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Эти слезы

Не горькія... Отъ нихъ легко на сердцѣ....
 Онѣ посломинявемъ и надеждой,
 А не печалью вызваны въ сей разъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТВ ЖЕ, ЛЕВЕНВОЛЬДЕ. (КНЯЗЬ ИВАНЪ быстро встаетъ на ноги и съ недовольнымъ видомъ встрѣчаетъ входящаго.)

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Просту прощенья если прерываю
 Должно-быть интересный разговоръ,
 Но я, графиня, вамъ пришелъ напомнить
 Что удостоенъ вами обѣщанья
 Протаядовать со мною контрадансъ... (*Къ князю Ивану.*)
 Вы, князь, позвольте на время мнѣ
 Отнять у васъ невесту? (*Князь Иванъ сухо клянется.*)
 А вы сами
 Сей контрадансъ танцуете съ царевной,
 Она велѣла мнѣ васъ отыскать. (*Уводитъ Наталью Борисовну.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

КНЯЗЬ ИВАНЪ, ТРУБЕЦКАЯ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Понадобился снова ей!... На что?
 Иль мнитъ она олятъ потѣхи ради,
 Меня томить, меня терзать какъ прежде...
 Коварное, измѣнчивое сердце!...
 Не хочетъ власти надо мною упустить,
 Бойтся, какъ бы въ самомъ дѣлѣ я
 Любовью новою къ моей невѣстѣ
 Не вытѣснилъ изъ сердца навсегда
 Проклятую, мучительную страсть!
 Неужто я олятъ поддамся ей?... *(Въ раздумьѣ.)*
 Эхъ!... будь что будетъ... все-таки она
 Милѣе и дороже мнѣ всего! *(Хочетъ идти; Трубецкая*
заступаетъ ему дорогу.)

Ты, Настя!... здѣсь?

ТРУБЕЦКАЯ.

И какъ давно ужъ здѣсь!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Давно?

ТРУБЕЦКАЯ *(прерывистымъ голосомъ).*

Я все ждала.... покуда вы
 Прервете наконецъ потокъ рѣчей
 Любовныхъ, сладостныхъ, что вы шептали
 Невѣстѣ вашей.... и казалось мнѣ
 Конца ему не будетъ.... къ сожалѣнью
 Взошли и ломѣшали вамъ.... Мнѣ надо
 Сказать вамъ слова два.... вамъ попенять
 За то что вы меня не извѣстили
 О томъ что вы задумали жениться.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Ты здѣсь, на обрученъи, стало знаешь.

ТРУБЕЦКАЯ.

О да!... приглашена въ числѣ другихъ....
 Еще бы вамъ меня да не позвать!...
 Но, мнѣ сдается... вы могли бы сами
 И прежде проронить о томъ словечко...
 Какъ водится оно между друзей...
 А мы кажись дружны.... и близки.... *(Задыхается.)*

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Полю!

Телерь мнѣ недосугъ.... меня тамъ ждутъ. *(Порывае-*
ся идти.)

ТРУБЕЦКАЯ *(не пускаетъ его).*

Ждутъ.... да!... я знаю, ждетъ васъ третья дура,
 Которой вы лойдете напѣвать
 Про пламенную, вѣчную любовь!...

О да!... теперь я васъ отлично знаю...
И въ ваши сѣти я бы не попалась,
Коль прежде такъ бы знала васъ. *(Снова удерживаетъ
его.)*

Однако

Я требую чтобъ выслушали вы
Все то что я сказать хочу!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

А мнѣ

Нѣтъ времени и нѣтъ охоты слушать.
Ты спрашиваешь, почему я прежде
Тебѣ не объявилъ что я женюсь?
А вотъ же потому что я предвидѣлъ
Твои упреки, жалобы да слезы.
Ты знаешь, не терплю я бабьихъ слезъ.

ТРУБЕЦКАЯ.

Не терпимъ... Нѣтъ! „Не плачь, моя Наташа!“
Какъ ты молилъ сейчасъ у ногъ невѣсты.
Еще бы! вѣдь отъ слезъ померкнули очи
И ярче звѣздъ горѣтъ уже не будутъ!
Но... если ты не терпимъ бабьихъ слезъ,
Зачѣмъ же на своемъ вѣку такъ много
Ихъ лить заставлялъ ты?... Скажи, злодѣй!..
Гляди мнѣ въ очи... ежели посмѣешь...
Вѣдь у меня они блистали тоже,
Не хуже чѣмъ у ней, твоей Наташи,
Когда въ любви ты мнѣ клялся... Теперь
Они погасли... выжжены слезами
Горючими что лились днемъ и ночью...
Куда дѣвалась моя краса
Хваленая, какъ помнится, тобой!
Вся на тебя ушла, мой ворогъ лютой...
На горе, на позоръ любви къ тебѣ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Коль нечѣмъ кромѣ горя да стыда
И помянуть тебѣ любовь мою,
Такъ что жь о ней жалѣть! Чего ты хочешь?
Ничуть я предъ тобой не виноватъ:
Любилъ пока любя была... Теперь
Жевитесь мнѣ пора... вѣдь мы съ тобой
Не вѣнчаны, не связаны на вѣки...
Неужто холостымъ и помереть
За то что мы слюбились когда-то?
Вѣдь знала ты развязку напередъ,
Вѣдь лоступаютъ съ вашею сестрой,
Бабѣнкою гулящей, такъ всегда...
А вотъ тебѣ совѣтъ и утѣшенье:
Одinvъ бросаетъ — полюби другаго,
Иль съ мужемъ помирись, коли согласишь.

ТРУБЕЦКАЯ.

Молчи, злодѣй... Не оскорбляй меня!
Другимъ оставь... Тебѣ оно грѣшно.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Я радъ молчать — сама заговорила!
Пусти же наконецъ! *(Отталкивается ее отъ дверей; она упирается за него.)*

ТРУБЕЦКАЯ.

О, извергъ! извергъ!
Ни жалости, ни совѣсти въ немъ нѣтъ!
Ты въ ненависть и въ злобу обратилъ
Любовь мою къ тебѣ... О будь ты проклятъ!
(Онъ вырывается и уходитъ.)
Теперь великъ и славенъ ты! Тебя
Никто достать не можетъ... Погоди!
Придетъ и на тебя пора, мучитель...
Тогда пощады отъ меня не жди
И пусть меня съ тобой расудитъ Богъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПЕТРЪ *(входитъ)* ЕЛИСАВЕТА *(опирается на его руку).*

ЕЛИСАВЕТА *(въ изнеможеніи опускается въ кресло.)*

Ахъ!

ПЕТРЪ *(встревоженный.)*

Что жъ! Позвать? Послать кого сюда?
(Хочетъ уйти.)

ЕЛИСАВЕТА *(жестомъ удерживаетъ его)*

Не надо никого... Сейчасъ пройдетъ!
Ужъ лучше мѣ... *(Оглядывается.)* Тутъ хорошо... прохладно...

И дышется легко... Тамъ душно было!..

Ахъ да, цвѣты!.. Ихъ запахъ одуряетъ...

Не надо ихъ! *(Срываетъ цвѣты съ головы и съ груди и бросаетъ.)*

Я думала умру!

Вдругъ сердце биться перестало... кровь

Застыла въ жилахъ... Помрачились очи

И страхъ напалъ... Чего бояться мнѣ?

Не въ тысячу разъ лучше ль умереть

Чѣмъ жизнь влачить такую какъ моя

Съ тѣхъ поръ какъ вашей милости лишилась?..

О, еслибъ знать могли вы всѣ страданья,

Всю горечь, всю тоску души моей,

Вы бъ сжадились надъ мною, государь!..

За что, за что? О, чѣмъ я заслужила

Столь долгій, столь неумолимый гнѣвъ?..

Вѣдь мѣсяцы прошли что вы со мною

Не удостоили промолвить слова,
 Что взглядъ вашъ—ласковый такой бывало!
 Сурово обходилъ меня при встрѣчѣ...
 И вотъ сейчасъ, когда нежданно, вдругъ,
 Изволили вы подойти ко мнѣ
 И пригласить меня пройти въ тавцахъ...
 И слугъ и радость охватили сердце,
 И отъ волненья я лишилась чувствъ!..
 Но я благословляю недугъ везалный
 Коль онъ поможетъ высказаться мнѣ...
 Я такъ давно ждала... ловила случай...
 И милости одной просить хочу:
 Сказали мнѣ что всѣ мои враги—
 Ихъ много у меня... За что? не знаю,
 Но да проститъ имъ милосердый Богъ!—
 Между собой давно ужъ лорѣшили
 Мою судьбу: хотятъ меня постричь,
 И выбрали мнѣ мѣстомъ заточенья
 Какой-то отдаленный монастырь.
 Должно-быть мало имъ что каветю
 И злобнымъ наговоромъ удалось
 Довѣрие, привязанность и ласку,
 Которыми меня вы отличали,
 Въ ненависть и въ презрѣнье обратить!
 Должно-быть что я все еще мѣшаю
 И имъ удобнымъ кажется меня
 На вѣки схоронить живую!.. Что же!
 Не знаю я, испрошено ль согласье
 У вашего величества на то?..

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, царица, увѣряю васъ
 Вамъ нечего бояться... хоть меня
 О томъ просили точно... Я сказалъ
 Что не бывать тому.

ЕЛИСАВЕТА.

Вы пожалѣли
 Меня! Спасибо, государь, за это!
 О! стало-быть я не советѣмъ еще
 Вамъ ненавистна если возбуждаю
 Хоть калаю жалости я въ вашемъ сердцѣ...
 О, Боже! еслибъ прежде мнѣ сказали
 Что ждетъ меня монашеская яса,
 Что на разсвѣтъ младости моей
 Проститься я должна на вѣки съ миромъ,
 Я бь ужаснулась участи такой!..
 Но много выстрадать услѣла я...
 И кымъ мнѣ не страшень монастырь,
 И я прошу сама исполнить просьбу
 Моихъ враговъ—лустъ злоба торжествуетъ!..
 Въ обитель отлустить меня святую.

его к
пред

ПЕТРЪ.

Молѣ, вы хотите! просите! царевна!

Друзья ЕЛИСАВЕТА.

Ну уйди я отъ людской вражды,
 Я рѣ клеветы, отъ козней, отъ обидъ,
 Пусть каждый часъ мой вынѣ отравляютъ!
 Пусть мирной стѣнью монастырскихъ стѣнъ
 Зыть-можетъ обрѣту локой душевный,
 Смирюся духомъ, научусь прощать...
 И день и ночь смиренныя молитвы
 Я буду возносить Творцу вселенной—
 Да ниспослетъ Свое благословенье
 На васъ и царствованье да даруетъ
 И долгое и славное Онъ вамъ. *(Опускается на колѣни.)*
 Судьбу мою рѣшайте, государь.

ПЕТРЪ *(поднимаетъ ее).*

Царевна!... тѣтя!... встань! Я не хочу
 Чтобы шла ты въ монастырь!... Напрасно ты
 Твердишь что ненавижу я тебя...
 Не я... сама причиною ты всему!...
 Ты первая... я знаю... мнѣ сказали...

ЕЛИСАВЕТА.

Сказали!... и ты могъ повѣрить имъ!...
 Петруша дорогой!... племянникъ милый!... *(ласкаетъ его.)*
 Опять я слышу прежній голосъ твой...
 Полпрежнему твой взглядъ меня ласкаетъ...
 О, какъ я счастлива!... какъ благодарна!...
 Забыть готова я свои страданья!
 Простить готова я своимъ врагамъ...
 Совсѣмъ насъ разлучить имъ не далъ Богъ!...
 Но знать хочу я всѣ ихъ наговоры,
 Чтобы единымъ словомъ предъ тобою
 Очиститься отъ черной клеветы!
 Скажи мнѣ въ чемъ они меня винили?

ПЕТРЪ.

Меня увѣрили что ты... что ты...
 Что у тебя... нѣтъ! не могу сказать!...
 Я думалъ что меня ты разлюбила,
 Что смерти ты моей желаешь чтобы
 Престолъ наследовать по мнѣ.

ЕЛИСАВЕТА.

Довольно.

Ужасно слушать мнѣ слова такія...
 О, милый мой! какъ могъ ты вѣрить имъ!...
 Да развѣ ты не знаешь что дороже
 Всего и всѣхъ ты мнѣ на цѣломъ свѣтѣ...
 Что радость жизни ты моей и гордость!
 Одна лишь у меня надежда, цѣль—
 Дожить до той порѣ когда въ тебѣ
 Воскреснетъ твой великій дѣдъ—царь Петръ!

И на его престолѣ ты явишься
Преемникомъ его достойнымъ, славнымъ!...
О, слушайся меня, племянникъ милый,
Тебѣ, Россіи блага я желаю.

ПЕТРЪ.

Я буду слушаться тебя, я буду...

ЕЛИСАВЕТА (*садится, привлекаетъ его къ себѣ, онъ становится предъ нею на колѣни*).

Полпрежнему мы заживемъ съ тобою,
Не такъ ли, милый мальчикъ мой?... опять
Въ одно сольемся мы... душа съ душою,
Тебя кто смѣетъ у меня отнять?
Мы крѣпко связаны единой кровью
Великаго Петра, что въ насъ течетъ,
Мы крѣпче связаны еще любовью,
Которая меня къ тебѣ влечетъ!...
И больше ужъ никто
У...

... ея руки).

667

... встаетъ и отталки-
...

67
га
...востей
...вста!...

а,
ду
дѣловать!...
...аюсь...
попрать
...елать
... союзѣ близкомъ,
...а... довольна...

В
П
М
О
К
Ч
О
Ч
Но
Мен
Что,

...лю я
...моей неволью
...ость какъ змѣя
...а и гложетъ больно!..
...!... мнѣ не ужиться съ тою,
...улруги вы избрали,
...на мнѣ она—не скрою
...государь (*помолчалъ*). Вы мнѣ сказали,
...астырь не пустите меня,
...сходь другой: отдайте замужъ
...одного изъ цноземцевъ,
...гались ко мнѣ.

ПЕТРЪ (съ укоромъ).

Ты замужъ хочешь!

А развѣ ты забыла какъ бывало
Ты мнѣ клялась, что ни за что на свѣтѣ
Меня не промѣняешь ты на мужа.

ЕЛИСАВЕТА.

Мнѣ Богъ свидѣтель, что я лучшей доли
Себѣ и не желала, какъ всегда
При васъ остаться—вашимъ вѣрнымъ другомъ,
Единственнымъ... Мнѣ всломнилась судьба
Сестры возлюбленной—царевны Анны...
Я чувствую, меня ждетъ та же участь...
Вдали отъ родины, въ разлукѣ съ вами,
Со всѣмъ что сердцу дорого и мило,
Зачахну скоро я, и что жь!... тѣмъ лучше!
Я жизнью своею не дорожу...
Но выпросить хочу я обѣщанье,
Что вы мое послѣднее желанье
Изволите исполнить, и когда
Умру я на чужбинѣ, вы за мной,
Какъ за моею покойною сестрой
Пришлете и велите труль мой хладный
Предать землѣ родной вблизи гробницъ
Родителей моихъ... (плачетъ).

ПЕТРЪ (тоже съ слезами).

О тѣтя!... полно!..

Не плачь!... не умирай!... я не хочу!...
И не хочу я чтобъ ты замужъ шла!...
Живи со мной... всегда, всегда со мной,
Ты слышишь, тѣтя!... я тебя люблю,
А не ее... мою невѣсту... нѣтъ!...
Ее терлѣть я не могу!... у ней
Другой женихъ... Милезимо... она...
Я знаю... мнѣ сказали... влюблена
Въ него... и пусть... а я... я не хочу
На ней жениться... слышишь, не хочу!...
Меня заставили согласье дать
Почти насильно... всѣхъ ихъ ненавижу!...
Одинъ Иванъ мнѣ любъ... онъ не такой!...
Я царь!... о нѣтъ!.. я бѣдный, бѣдный мальчишк!...
Со мною что хотять они творять...
О кто меня отъ нихъ избавить!

ЕЛИСАВЕТА.

Кто!...

*(Быстро выходитъ и тотчасъ же возвращается въ-
стѣ съ Остерманомъ. Петръ рыдаетъ стоя на колы-
нахъ и опускаетъ голову въ подушкы дивана, ему пона-
лись подъ руку брошенные Елисаветой цѣпты, онъ
подноситъ ихъ къ губамъ и цѣлуетъ.)*

ЯВЛЕНИЕ IX.

ПЕТРЪ, ЕЛИСАВЕТА, ОСТЕРМАНЪ.

ЕЛИСАВЕТА (*подводитъ Остермана къ Петру*).

Овъ... вотъ кто!... лишь довѣрься ты ему.

ПЕТРЪ (*бросается къ Остерману*).

Андрей Ивановичъ, батюшка!... спаси,

Спаси меня отъ нихъ!... ты можешь... да!...

Я не хочу жениться!... не хочу!... (*Рыданья заглушаютъ его слова.*)ОСТЕРМАНЪ (*съ испугомъ*).

Его величество въ такомъ воднедьи...

Въ такой печали!... Что тому причиною?

Не лучше ль мнѣ скорѣи сюда призвать
Князей и государыню-невѣсту... (*Хочетъ идти.*)

Быть-можетъ имъ удастся успокоить

Присутствіемъ своимъ...

ПЕТРЪ.

Не надо ихъ!...

Я не хочу ихъ видѣть!...

ОСТЕРМАНЪ.

Но они

Въ великій гнѣвъ придуть когда узнаютъ,

Что мы ихъ не предупредили... скрыли

Отъ нихъ его величества разстройство... (*Снова порывается идти.*)ЕЛИСАВЕТА (*останавливаетъ его, вклягнется*).

Я слышала не разъ, что вы глазами

Болѣете, но, признаюсь, не знала,

Что вы совсѣмъ ослабли!.. Образумьтесь!

Овъ мой... овъ вашъ... умѣйте часъ ловить. (*Громко.*)

Баронъ Андрей Ивановичъ, государь,

Возлюбленный племянникъ мой, изволилъ

Вернуть мнѣ прежнее свое довѣрье.

И высказать, что овъ не хочетъ больше

Вліявю Долгорукихъ подчиняться.

Овъ созналъ, что ему не подобаетъ

На подданной жениться... да къ тому же

Въ столь вѣжномъ возрастѣ, когда далеко

Не кончено его образованье,

Когда ему такъ много предстоитъ

Ученья и трудовъ чтобъ стать съ годами

Великимъ, мудрымъ, славнымъ государемъ.

Но я не скрою... трудно разорвать

Царю его олутавши сѣти,

Ему помощникъ нуженъ вѣрный, твердый,

Который бы умѣлъ руководить

Царя въ борьбѣ, что предстоитъ вести

Съ коварными и ловкими людьми,

т. сxxx.

22

На все готовыми лишь бы достигнуть
 Своей корыстной, низкой цѣли.. Мы
 На васъ надѣмся: кому же больше
 Какъ не мнѣ, ближайшей вѣдь царю по крови
 И вамъ, его наставнику и другу
 Столь преданному, искренно, безъ лести...
 Вамъ, мужу государственному, выше
 Всѣхъ личныхъ цѣлей ставящему пользу
 Отечества, народа и царя...
 Кому же, говорю я, какъ не намъ
 Соединить усилья дабы вырвать
 Царя изъ власти лагубной ему!

ПЕТРЪ.

Да!.. правда все, что тетьа говорила...
 Я знаю самъ, что я не такъ живу
 Какъ должно жить царю въ мои года...
 И все отъ нихъ... они всему виною,
 Они учиться помѣшали мнѣ,
 Они къ охотѣ пристрастили, чтобы
 Съ тобой не быть мнѣ и тебя не слушать.
 О помнишь, какъ покойная сестра,
 Моя Наташа, до кончины самой
 Меня молила слушаться тебя,
 Отстать отъ Долгорукихъ... обѣщался,
 Клялся исполнить я ея мольбы,
 Но слова не сдержалъ!.. они не дали...
 Напротивъ, хуже сталъ я послѣ смерти
 Наташиной... совсѣмъ ученье бросилъ,
 Совсѣмъ отдался имъ... твои совѣты
 Мнѣ въ тягость были... Я ихъ избѣгалъ...
 Но неужели полагаешь ты,
 Что этимъ я не мучился нодъ часъ?
 Что совѣсть вовсе заглушилъ въ себѣ?
 О нѣтъ!.. Я зналъ, что Богъ меня накажетъ...
 Какъ часто ночью видѣлъ я во снѣ
 Мою Наташу и она такъ грустно,
 Съ такимъ упрекомъ на меня глядѣла,
 Что я въ слезахъ, въ услугѣ просыпался
 И обѣщалъ себѣ, что я исправлюсь...
 Но на другой же день мое рѣшенье
 Влѣяню Долгорукихъ уступало,
 Я снова все бросалъ, чтобы забавамъ
 И праздности постыдной предаваться...
 А главное охота!.. вотъ мой врагъ.
 Я знаю, знаю, хоть люблю до страсти,
 Хотя всегда готовъ я позабыть
 Въ лылу потѣхи этой все на свѣтѣ.
 Но... полно! Не хочу я быть ребенкомъ,
 Хочу я сдѣлаться достойнымъ внукомъ
 Петра Великаго, о чемъ Наташа
 И ты, и тетьа мнѣ всегда твердили.

Послушай, завтра же моихъ собакъ
 Раздай, кому какъ знаешь, до единой...
 Охоту распусти, до той поры
 Не стану я охотиться, пока
 Не выучусь всему что долженъ знать.
 Уроки я олять свои начну
 Точь въ точь по росписанію Совѣта,
 И такъ прилежно буду я стараться
 Что все упущенное наверстаю...
 Въ Совѣтъ Верховный стану я являться,
 Дѣлами государства заниматься
 Съ тобою вмѣстѣ, подъ твоимъ присмотромъ.
 И ты, Андрей Ивановичъ, ужь не бойся,
 Что въ этотъ разъ я снова обману
 Тебя и обѣщаній не исполню.
 Но только прежде долженъ ты уладить
 Чтобъ не жениться мнѣ.

ОСТЕРМАНЬ.

О государь!

Какимъ бы счастьемъ, Божьей благодатью
 Почелъ бы я рѣшеніе такое,
 Коль вашему величеству пораньше
 Угодно бѣ было высказать сіе.

ПЕТРЪ.

Какъ, раньше?

ОСТЕРМАНЬ.

Я хочу сказать, въ то время,

Пока еще о предстоящемъ бракѣ
 Торжественно не возвѣщали всѣмъ,
 Посланникамъ монарховъ иноземныхъ,
 Придворнымъ, духовенству и народу.
 Но нынѣ, послѣ обрученія, нынѣ,
 Когда ужь дни до свадьбы сочтены,
 Сдается мнѣ что невозможно будетъ
 Назадъ вернуться.

ПЕТРЪ.

Невозможно? Какъ!...

Когда я говорю что не хочу!

ОСТЕРМАНЬ.

Я вашему величеству осмѣлюсь
 Наломнить сколько шуму, сколько толковъ
 Такая перемѣна возбудить.

ЕЛИСАВЕТА.

Такъ что жь! Пускай толкуютъ и шумятъ.

ОСТЕРМАНЬ.

Напрасно льститься что оно возможно:
 Я знаю Долгорукихъ, не дадутъ
 Ови царю отъ слова отступиться
 И для того чтобъ власти не лишиться
 На все слособны и на все лойдутъ.

ЕЛИСАВЕТА.

И вы, баронъ, настоалько ихъ боитесь,
 Что страха ради, жертвовать готовы
 Вы благомъ государя и Россіи!

ПЕТРЪ.

Да, въ самомъ дѣлѣ!.. Кто же наконецъ
 Тутъ царь? я или они? Послушай, хочешь?
 Сейчасъ туда пойду я и при всѣхъ
 Скажу что не жуюсь я на княжѣ! *(Порывается идти.)*

ОСТЕРМАНЪ *(бросается на колѣни и удерубивается).*

Постойте, умоляю, государь!..
 Не за себя боюсь я, не о страхѣ
 Моемъ тутъ рѣчь идетъ, мнѣ Богъ свидѣтель,
 Что съ радостью готовъ сложить на плахѣ
 Я голову свою чтобъ доказать
 Сколь преданъ государю моему!...
 Не собственная жизнь мнѣ дорога,
 Но сердце содрагается при мысли
 О той опасности, которой вы,
 Царевна, подвергаете себя
 Въ борьбѣ задуманной съ людьми такими,
 Которые, еще разъ повторяю,
 На все способны и на все готовы.
 О вѣрьте, государь, моимъ словамъ,
 Вы оба юны такъ и чисты сердцемъ,
 Гдѣ вамъ понять всю глубину злодѣйства,
 Весь адскій мракъ въ чиныхъ сердцахъ сокрытъ!...

ЕЛИСАВЕТА.

Боюсь понять я, и боюсь повѣрить.

ОСТЕРМАНЪ.

Коль съ вами вамъ тягаться, государь,
 Намъ надо, по евангельскому слову,
 Быть кроткими какъ голуби, какъ змѣи
 Быть мудрыми: одинъ я слобобъ вижу!...

ПЕТРЪ.

Какой? скажи скорѣй... мы общаемъ
 Во всемъ твоимъ совѣтамъ подчиняться,
 Не такъ ли, тетя?... Ну же, говори. *(Садится.)*

ОСТЕРМАНЪ.

Волевыми, государь, всего важнѣе
 Чтобъ ничего они не замѣчали,
 Чтобъ догадаться не могли что имъ
 Грозить олаа: значить, надо съ ними,
 Особенно съ княжой Екатериной,
 Съ довѣремъ и лаской обращаться,
 Съ царевной, въ ихъ присутствіи, сурово,
 Со мной же, какъ всегда... Потому придется
 Ухватъ государю изъ Москвы!...

ПЕТРЪ.

Ухватъ мнѣ! куда же?

ЕЛИСАВЕТА.

Въ Петербургъ?

ОСТЕРМАНЪ.

Сначала въ Петербургъ, оттуда въ Вѣну,
Къ Цесарскому двору, чтобъ повидаться
Съ ея величествомъ императрицей,
Родною вашей теткою, она
Вѣдь вашему величеству такъ часто
О томъ писала и о томъ просила.

ПЕТРЪ.

Да, знаю я, затѣмъ чтобы меня
Женить тамъ на какой-то иностранкѣ,
Брауншвейгской-Бевериской принцессѣ.... Нѣтъ!
Я не хочу жениться, рано мнѣ!...
Учиться я хочу, а не жениться.

ОСТЕРМАНЪ.

О томъ союзѣ, если не угоденъ
Онъ вашему величеству, и рѣчи
Не будетъ.... Что жъ касается ученья,
То много пользы можемъ мы извлечь
Изъ путешествій по чужимъ краямъ....
Я живо помню, какъ вашъ дѣдъ покойный,
Его величество царь Петръ Великій,
Не разъ изволилъ говорить что васъ
Пошлетъ онъ непременно за границу
Какъ только подрастете, дабы тамъ
Образованье ваше довершить.

ПЕТРЪ.

Пожалуй, я согласенъ ѣхать въ Вѣну,
Однако съ уговоромъ чтобы мнѣ
Ни про какихъ принцессъ не упоминали
И чтобъ царица ѣхала со мной.

ЕЛИСАВЕТА.

Поѣду... непременно, милый мой.

ОСТЕРМАНЪ.

Въ послѣдствіи не будетъ затрудненья
Туда ея высочество намъ вызвать,
Но... ѣхать вмѣстѣ, нечего и думать,
Не то, не выпустятъ васъ, государь.
И такъ прелятствій много я предвижу,
Ужасно трудно будетъ все уладить,
Вамъ твердымъ, государь, придется быть.

ПЕТРЪ.

Я буду твердъ, вѣдь я ужъ обѣщаль.

ОСТЕРМАНЪ.

И дабы тѣни подозрѣній даже
Не возбудить намъ въ Долгорукихъ, надо
Чтобъ вы прикинулись больнымъ.... слегка.
Отъ медиковъ добудемъ предписанье
Для поправленія здоровья ѣхать

Не надолго въ чужіе края, свадьбу
 Придется отложить; для виду, лучше
 Чтобъ долго вы противились рѣшенью,
 Не соглашались ѣхать... безъ сомнѣнья
 Князя повдуть съ вами.

ПЕТРЬ.

Всѣ?... а ты?

ОСТЕРМАНЬ.

Я въ качествѣ наставника повдую...
 Князь Алексѣй Григорычъ, князь Иванъ
 Сопровождаютъ васъ захотятъ, но князя
 Василья Лукича уговоримъ
 Останется здѣсь какъ будто ради дѣла,
 Совѣтъ Верховный мы ему поручимъ,
 А безъ него князь Алексѣй Григорычъ
 Безъ рукъ и, главное, безъ головы,
 И легче справиться намъ будетъ съ нимъ.
 А князь Иванъ....

ПЕТРЬ.

Онъ съ нами заодно
 Навѣрно будетъ... онъ мнѣ преданъ, знаю,
 Онъ искренно ко мнѣ привязанъ, да...
 И я его люблю и ни за что
 Любить не перестану никогда.

ОСТЕРМАНЬ.

Прекрасный юноша, о томъ нѣтъ спору!...
 Но все жь осмѣлюсь, государь, просить
 Чтобъ и ему не довѣряли вы,
 Не то пропало все, и лучше намъ
 Не начинать: свой своему не врагъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Молю тебя, умѣй молчать, Петруша,
 Ты вспомни что далъ слово покоряться
 Андрей Иванычу во всемъ.

ПЕТРЬ.

Ну да...

Теперь я не скажу ему, но послѣ,
 Когда узнаютъ всѣ, придетъ вѣдь время
 Что всѣ узнаютъ... все, тогда, ручаюсь,
 Онъ съ нами будетъ, противъ всѣхъ своихъ.

ОСТЕРМАНЬ.

Сначала, по отвѣздѣ, надо будетъ
 Къ невѣстѣ вашей...

ПЕТРЬ.

У меня ужъ нѣтъ

Невѣсты....

ОСТЕРМАНЬ.

Бывшей, я хотѣлъ сказать...
 Писать и извѣщать ей въ вашихъ письмахъ
 Любовь, заботу и печаль въ разлукѣ...
 Но разъ мы будемъ при дворцѣ Цесарскомъ,

Пройдетъ оласность, и намъ можно будетъ
 Все дѣло круто повернуть. Я знаю
 Что ихъ величества въ совѣтахъ мудрыхъ
 И въ быстрой помощи намъ не откажутъ.
 Они возмутся объявить князьямъ
 Что въ ваши годы рано въ бракъ вступать,
 А съ подданной къ тому жь не подобаетъ
 Великому монарху... Удалить
 Отъ вашего величества персоны
 Тогда придется ихъ обоихъ...

ПЕТРЪ.

Нѣтъ!..

Иванушка останется при мнѣ.

ОСТЕРМАНЪ.

Вѣдь онъ жениться тоже собрался,
 Его придется отлустить къ невестѣ...
 Но, государь, осмѣлюсь доложить
 Я вашему величеству, нельзя,
 Никакъ нельзя чтобъ по разрывѣ съ ними
 Остались Долгорукіе при васъ...
 Сослать ихъ надо въ дальнія помѣстья,
 Княжну Екатерину—въ монастырь.

ПЕТРЪ.

Ахъ, вѣтъ!.. зачѣмъ же въ монастырь! Ужасно
 Должно-быть скучно жить въ монастырѣ...
 Мы лучше замужъ выдадимъ ее
 За этого... Милезимо... Отлично!

ОСТЕРМАНЪ.

Объ этомъ впрочемъ время терпѣть, надо
 Гораздо о важнѣйшемъ сговориться,
 Но я боюсь... телерь намъ помѣшаютъ...

ПЕТРЪ.

Я буду видѣться съ тобой тайкомъ
 И по ночамъ къ тебѣ я стану ѣздить.
 Къ тебѣ и къ тѣтѣ... вотъ отлично, право!...
 Не бойтесь, не узнаютъ.

ОСТЕРМАНЪ.

Государь,

Еще разъ я осмѣлюсь повторить,
 Великой важности, да, чрезвычайной
 То дѣло что задумали мы нынѣ,
 Одно неосторожное лишь слово,
 Иль даже взглядъ, и все пропало... все!...

ПЕТРЪ.

Вѣдь я не маленькій, я понимаю...
 Ужь если далъ я слово—то сдержу.

ОСТЕРМАНЪ.

Конечно захотятъ они узнать
 О чемъ у насъ столь долгая бесѣда,
 Такъ можно имъ сказать что дѣло шло

О сватовствѣ за цесаревну графа
Маврикія Саксонскаго и что
Царевна согласилась наконецъ.

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не это!... что-нибудь иное!...

ЕЛИСАВЕТА.

Отъ слова вѣдь не сбудется.

ОСТЕРМАНЪ.

Они же

Такъ рады будутъ... подозрѣнья всѣ
Мы этимъ отвѣчаемъ.

ПЕТРЪ (*вполголоса Елисаветѣ*).

Но только, тѣтя,

Ты замужъ не пойдешь?...

ЕЛИСАВЕТА.

Да нѣтъ же, милый!...

Сказала я тебѣ что не пойду....

*(Дверь осторожно отворяется; князь
Алексѣй Григорьевичъ заглядываетъ въ
комнату, дѣлаетъ кому-то знаки, по-
томъ исчезаетъ.)*

ПЕТРЪ (*недовольнымъ голосомъ*).

Кто смѣетъ къ намъ сюда входить безъ спросу
И намъ мѣшать дѣлами заниматься?...

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*потомъ*) КНЯЗЬ ИВАНЪ
И ВСѢ ДОЛГОРУБІЕ, КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА, НА-
ТАЛЯ БОРИСОВНА, ШЕРЕМЕТЕВЫ и прочіе гости и придворные.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*съ нимъ ѣхаетъ всмѣхъ
князь Василій Лукичъ*).

У вашего величества прощенья

Мы просимъ, государь, но въ безпокойствѣ

И мы и государыня-невѣста

Да и хозяева и гости всѣ.

Ужь праздникъ всѣмъ не въ праздникъ сталъ съ тѣхъ
поръ

Какъ вы изволили покинуть танцы.

ПЕТРЪ.

Такъ что же!... неужели мы не можемъ

Ни съ нашей теткой, ни съ министромъ нашему

Двухъ словъ сказать!... (*Елисавета дѣлаетъ ему знаки,
онъ мѣняетъ голосъ.*)

Но впрочемъ мы готовы

Принять участие въ танцахъ... Гдѣ княжна?

Любезная невѣста наша... (*Княжна Екатерина подхо-
дитъ къ нему.*)

ОСТЕРМАНЪ *(отводитъ на авансцену князя
Алексыя Григорьевича и князя
Ивана).*

Князь!...

Такое дѣло мы тутъ порѣшили...
Я жду отъ васъ великаго спасибо!
Тѣмъ болѣе что нелегко далось...
Царевна, послѣ долгихъ увѣщаній
Его величества, дала согласье
На бракъ свой съ графомъ Морицемъ Саксонскимъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(подблѣдываетъ).*

Дала согласье?

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Неужели вправду!...

Ахъ, слава Богу!... съ плечъ гора долой.

ОСТЕРМАНЪ.

Но разглашать о томъ еще не слѣдъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Гм... Понимаемъ. Ну, Андрей Ивановичъ,
Услугу вашу въ вѣкъ мы не забудемъ. *(Продолжаетъ го-
ворить удаляясь.)*

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(подходитъ къ Елисаветѣ;
раздается музыка и начи-
наютъ становиться въ па-
ры).*

Такъ это правда!... можно васъ поздравить
Невѣстою...

ЕЛИСАВЕТА.

Ого!.. ужъ вы узнали!

Я, стало, съ васъ примѣръ беру.

КНЯЗЬ ИВАНЪ

Царевна!

Вы знаете, сказать вамъ стоитъ слово....
Я брошу все и я у вашихъ ногъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Какое слово?... я такихъ не знаю,
У ногъ своихъ васъ видѣть не желаю,
А выхожу-ль я замужъ или нѣтъ,
Вамъ все равно!... начнемте-жь менуэтъ....

(Всѣ начинаютъ танцовать.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Покои въ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ живутъ Доагоруки съ государыней-невѣстой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ,
КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСВВИЧЪ (послаанъ отъ прочихъ, разстроенный и
безучастный), КНЯЗЬ СЕРГІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯЗЬ ИВАНЪ
ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, КНЯЗЬ ВА-
СИЛІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ и МИХАЙЛО ВЛАДИМІРОВИЧЪ (*сходятъ*).

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*обращаясь ко
сходящимъ*).

Я васъ собралъ, любезнѣйшіе братья,
Для важнаго, семейнаго совѣта.
Телерь ужъ нечего таить бѣду
Что каждый мигъ обрушиться готова
На наши головы: царь дюже боленъ,
Сласти его у насъ худа надежда.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

Неужто нѣтъ надежды?... Боже!... Боже!... (*пауза*)
На зовъ твой послѣшили мы вернуться
Въ Москву и завѣжали вмѣстѣ съ братомъ
Сначала во дворецъ, но за болѣзнью
Не получили государя видѣть.
Однакожь мы не знали что недугъ
Его величества столь тяжекъ: значить
Мы прогнѣвили Бога коль на насъ
Такую кару посылаетъ Онъ!
Несчастная Россія!... чуть надъ нею
Лить занялась прекрасная заря...

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*перебиваятъ*).

Оставь Россію, братъ! своя рубашка
Вѣдь ближе къ тѣлу: обсудить пора
Что дѣлать намъ, фамиліи всей нашей,
Тотчасъ же по кончинѣ государя.
Кто сядетъ на престолъ?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

Ужь я не знаю!

Быть-можетъ царь преемника назначить.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Какое!... гдѣ ему!... онъ умираеть.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

Вамъ знать скорѣи какіе слухи ходять!
Насъ не было въ Москвѣ, не знали мы
Что безнадеженъ царь.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Какіе слуѣи!

Кому ихъ распускать? Вѣдь наше слово
Не сказано еще, а впереди.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО ВЛАДИМИРОВИЧЬ.

Народъ объ этомъ какъ толкуеть, а?

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Да мы не торопились разглашать
Что плохо настолько царь.... еще услѣмь.
Сперва намъ надо что-нибудь рѣшить.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

Пытался узнавать я стороной
Что думаютъ Голицынъ, Остерманъ.
Да какъ узнать!... что держать на умѣ,
Того они не выскажутъ конечно.
Голицынъ что-то приумолкъ.... однако,
Сдается мнѣ, онъ за царевну будетъ,
А съ Остерманомъ самъ я осторожно
Про то напередъ рѣчь завель.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО ВЛАДИМИРОВИЧЬ.

Ну что же?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

Ни слышать онъ не хочетъ, ни понять.
Твердить одно: „На Бога уповаю,
Не можетъ быть чтобъ Онъ, столь милосердый,
Не внялъ мольбамъ горячимъ, слезнымъ нашимъ,
Чтобъ отъялъ Онъ у Русскаго народа
Его надѣжу-государя, нѣтъ!“
Вѣстимо, говорю я, всѣ на Бога
Надежду возлагаемъ мы, однако
Судьбы Господни неисповѣдны
И если отъ земаго Онъ престола
Къ небесному престолу Своему
Царя младую душу отзоветъ,
Тогда что дѣлать будемъ мы? „Тогда!
Воскликнулъ Остерманъ, тогда.... да будетъ
Святая Божья воля надъ Россіей!“
Слезами залился и отошелъ.

КНЯЗЬ СЕРГВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Проклятая нѣмецкая лиса!

Насъ всѣхъ перехитритъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

Долухины же

И ихъ приверженцы, а ихъ не мало,
Своихъ надеждъ не думаютъ скрывать,
А льстятся мыслию что на престолъ
Царица бабка сядетъ, говорятъ
Что такъ какъ царствовала надъ Россіей
Сулруга де вторая государя

Петра Великаго, то нынѣ слѣдъ
И первую на царство возвести.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Монахию!... изъ кельи на престолъ!

КНЯЗЬ СЕРГВІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Слышь, вздоръ какой!

КНЯЗЬ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Они не страшны намъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

За цесаревну, я уже сказалъ *(князь Иванъ, до того без-
участный, поднимаетъ го-
лову и вслушивается),*

Голицыны, должно-быть, постоятъ,
Но у нея сторонниковъ не много,
Они всѣ отшатнулись съ той лоры
Какъ милости она лишилась царской.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Однакожь и по-моему царица
Къ престолу ближе всѣхъ, какъ дочь родная
Петра Великаго.

КНЯЗЬ СЕРГВІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Нѣтъ, что ты, братецъ!

Ее-то лучше всѣхъ бояться надо
И допустить никакъ ужъ невозможно
Чтобъ ей привять корону.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Да къ тому же

Когда наследовать корону будутъ
Потомки императора Петра
Отъ брака съ государыней покойной,
То къ старшей дщери вернуться слѣдъ
И учинить наследникомъ престола
Петрова внука, а не дочь меньшую.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Охъ, Боже упаси!.. найдетъ къ намъ
Тьма-тьмуца всякихъ Нѣмцевъ... Герцогъ самъ
Съ Бассевичемъ своимъ захватятъ власть,
Да именовъ царя-младенца станутъ
По-своему Россіей управлять
Да нами.... а чѣмъ выше, чѣмъ знатнѣй
Чей древній русскій родъ бояръ, князей,
Того тѣмъ больше будутъ унижать!
Придумать хуже, братецъ, ты не могъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

На что ужъ хуже! нѣтъ, избави Богъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Посоль голштинскій, графъ Бонде, изводитъ
Ужъ громко черезчуръ кричать повсюду
О правѣ де ненарушимомъ принца,

Приверженцевъ ему вербуетъ явно,
 Такъ не жѣшало бѣ удалить его,
 Тѣмъ болѣе что онъ давно отозвалъ
 Дворомъ своимъ и къ намъ уже явился
 Тессинъ, его преемникъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Чтобъ сегодня жь

Отсель онъ убирался во-свояси.
 Но время дорого, не для того
 Я всѣхъ сюда собралъ чтобъ толковать
 Про то: кого кто хочетъ учинить
 Наслѣдникомъ престола... пусть хлопочуть,
 Пусть лавы строятъ да обманамъ вѣрять,
 Намъ чтѣ до нихъ? мы сами всѣхъ сильнѣй!
 По-своему мы дѣло порѣшимъ,
 Кому престолъ наследовать назначимъ,
 Тому онъ и достанется.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Кому же?

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

*(указывая на
 сержъ на покон
 дочери.)*

А вотъ кому!... невѣстѣ государя. *(Пауза.)*

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Неслышанное дѣло ты затѣялъ...
 Чтобы невѣстѣ обрученной стать
 Наслѣдницей Россійскаго престола!
 Да кто ей подданнымъ захочетъ быть?
 Не токмо лосторовніе... я самъ
 И прочіе фамильи нашей члены
 Въ подданствѣ быть у ней не согласятся.
 Княжна Екатерина не вѣнчалась
 Съ царемъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Хоть не вѣнчалась, обручалась!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Вѣнчанье обрученью рознь! но еслибъ
 Въ супружествѣ бы даже состояла
 Племянница моя съ царемъ, и то
 Не безъ сомнѣнья было бѣ учинить
 Ее наследницей престола.

КНЯЗЬ СЕРГВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ну,

Какое жь тутъ сомнѣнье?... я не вижу.
 Мнѣ кажется, лишь стоить сообща
 Всѣмъ намъ за дѣло взяться, и успѣемъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Еще бы не успѣть коль захотимъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

А главное чтобъ дѣйствовать намъ дружно,
 Согласно... и грѣшно тебѣ вѣдь будетъ,

Любезнѣйшій нашъ братецъ, князь Василій,
Коль противъ всѣхъ своихъ пойти намъ вренъ.

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

А про подданство ты сказалъ пустое
И на фамилью нашу лонапрасну
Сослался ты, мы всѣ, ей-ей, готовы
Присягу ей принесть.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Вѣдь знаютъ всѣ

Что коли дочь моя престолъ приемлетъ,
Мы сами будемъ управлять Россіей,
Всѣ должности между собой подѣлимъ
И, какъ ни было хорошо намъ всѣмъ
При жизни государя, вдвое лучше
Теперь намъ будетъ по его кончинѣ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Я лучше правду говорить хочу,
А не манить васъ замысломъ пустымъ.
Несбыточное дѣло, вотъ и все!

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ну вотъ, заладилъ все одно и то же.

(Василію Лукичу.)

Ты, братецъ, покажи ему лисьмо
Что получилъ намедни, пусть узнаетъ
Что кромѣ насъ есть люди, у которыхъ
Такія жь точно мысли въ головѣ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ (вынимаетъ письмо).

Баронъ Вестфаленъ, Давидъ посланникъ,
Сіе писать изволилъ: (читаетъ) „Здѣсь повсюду
„Слухъ носится что болѣе безнадежно
„Его величество, и князь Голицынъ
„Желаетъ чтобъ наслѣдницей царевнѣ
„Елисаветѣ быть, а коль сіе
„Исполнится, то знаете вы сами,
„Что наше королевство ужь не можетъ
„Имѣть съ Россіей дружбу, точно также
„Коль вступить на престолъ Голштинскій принцъ.
„По знатности фамильи вашей можно
„Корону удержать вамъ за невѣстой,
„Какъ Меньшиковъ съ Толстымъ въ бываеое время
„Ее сумѣли за императрицей
„Екатериной удержать, у васъ же
„На то и правъ и силы больше будетъ.“ (Прячетъ письмо.)

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ты слышалъ, князь Василій, что жь на это
Ты скажешь намъ?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Все то же я скажу.

Вольно такую дурь придумать Нѣмцу,
Не знающему Русскаго народа,

Но стыдно вамъ, природнымъ Русскимъ, вторить
Его словамъ безлутнымъ! Не забудьте,
Что коли царствовала надъ Россіей
Ея величество императрица
Екатерина Алексѣевна, все же
Ее при животъ своемъ супругъ
Короноваль... *(встаетъ)* Охъ, бросьте вы ватю!
Вотъ вамъ мой искренній совѣтъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Такъ нѣтъ же!

Не бросимъ ни за что мы это дѣло.
Чего бояться намъ?... или кого?

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Голоцына съ Головкинымъ лишь стѣбитъ
Уговорить намъ... уломать, а то...

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

А слушать насъ не захотятъ, такъ бѣтъ
Мы станемъ ихъ: въ полку Преображенскомъ
Ты—подполковникъ, князь Иванъ—майоръ!

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

А и въ Семеновскомъ не будутъ спорить.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Что вы ребячье врете! Какъ возможно
Такое дѣло объявить полку!

Не только что бранить меня бы стали,
Но прямо бы убили. *(Брату:)* Князь Михайло!

Поѣдемъ, братецъ, лучше-ка домой,
Тутъ нечего намъ дѣлать. *(Оба идутъ къ двери.)*

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Нѣтъ, постойте!

Послушайте...

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Наслушались довольно.

Коль не хотите вы въ бѣду попасться,

Такъ вы послушайте моихъ рѣчей:

Оставьте это дѣло; ни къ чему

Хорошему оно не поведетъ.

А скажемъ, какъ баронъ Андрей Ивановичъ:

„Святая воля Божья надъ Россіей“. *(Уходятъ влѣтъ съ братомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ безъ князей ВАСИЛІЯ и МИХАИЛЫ ВЛАДИМИРОВИЧЕЙ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(внѣзю, во слѣдъ имъ).*

Ну, къ чорту!... обойдемся и безъ васъ!

Насъ много! *(Сыну, который толкъ поднялся съ жѣста.)*

Ты куда?... за нами вздумалъ?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Я ѣду во дворецъ, царя провѣдать.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Нѣтъ стой, услѣшь... здѣсь еще быть-можетъ
Ты пригодисься намъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Прошу, увольте.

Въ дѣла вступаться въ ваши я не стану,
Я самъ не свой отъ горя и отъ страха,
Все думаю, локуда здѣсь сижу
Его Величеству быть-можетъ хуже...
Душа болитъ по немъ, къ нему слѣшу. *(Хочетъ идти.)*

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Смотри пожалуй, вздоръ какой городитъ!
Не насъ ли полагаешь удивить
Своею преданностью безпримѣрной,
Своей любовью къ государю... Какже!
Вѣдь этимъ выслужилася передъ нами,
Милѣй насъ всѣхъ онъ государю былъ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

И видитъ Богъ что искренна, вѣрна
Любовь моя къ царю была всегда.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Мы всѣ царя любили и не хуже
Тебя мы были преданы ему,
Но къ чорту ль все это годится нынѣ,
Когда того гляди что царь умретъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Любили!.. были преданы!.. однако жъ
Онъ живъ еще, а вы тутъ собрались
Какъ коршуны надъ трупомъ!

КНЯЗЬ СЕРГВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Что жъ прикажешь?

Не ждаты ли чтобъ застигла насъ въ расплохъ
Кончина государя?.. чтобъ безъ насъ
Назначили наследникомъ престола
Царицу бабу?.. привада?... цесаревну?..

КНЯЗЬ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Кому изъ нихъ бы ни досталась власть,
Мы всѣ пропали!

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

И не жди лошады.

КНЯЗЬ СЕРГВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Вѣдь, кажется, ты свой намъ, не чужой!
Гдѣ намъ погибель—и тебѣ бѣда.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Да, какже! свой!.. Онъ хуже намъ чужаго!
Всегда во всемъ мѣшалъ намъ да перечилъ:
Кто дальше всѣхъ противился женитьбѣ
Царя на дочери моей?.. вѣдь онъ!
Хотя она ему сестра родная.

Кто не далъ ей брилліантовыхъ уборовъ
 Покойницы Натальи Алексѣевны?
 Опять же онъ!.. и такъ всегда, во всемъ,
 И въ маломъ и въ большомъ противникъ нашъ!
 А нынѣ!.. вы повѣрили, небось,
 Что во дворецъ къ царю слѣзистъ отъ насъ?
 Вы вѣрите что это съ горя онъ
 Межъ нами тутъ сидѣлъ какъ истуканъ,
 Не принимая ни единымъ словомъ,
 Ни даже взглядомъ въ совѣщанья нашемъ
 Участвія?.. Такъ вѣтъ же! знаю я,
 Что онъ замыслилъ что-то противъ насъ.
 Ага!.. что! вывели на свѣжу воду!
 Не удалось отцу глаза отвести!
 Такъ кайся же, сейчасъ предъ всѣми кайся!
 Что тамъ за шашни у тебя съ царевной?
 За чѣмъ въ Покровское ты ѣдешь къ ней
 Не каждую чуть ночь?.. не отпирайся!
 Все знаю, видѣлъ самъ твоихъ коней,
 Когда въ лоту и въ мылѣ ихъ водили.

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(вполголоса Василию Лукичу).*

Къ царевнѣ ѣздить!.. по ночамъ, тайкомъ...
 И вправду онъ недоброе затѣялъ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ *(вполголоса).*

Три раза былъ, я самъ слѣдилъ за нимъ
 И братцу указалъ его дѣла.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(толкнувъ ногой).*

Чего молчишь!.. ну, говори всю правду.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Я вовсе не намѣренъ отпираться.
 Ну да, къ царевнѣ ѣздилъ я, но тщетно
 Свиданья домогался съ ней: три раза
 Она отвѣтъ мнѣ тотъ же высылала,
 Что ослую она де не лежала
 И потому де ей страшна зараза,
 Которую могу я занести
 Отъ государя къ ней.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Я, точно, слышалъ

Про страхъ царевны отъ ея придворныхъ.
 Какъ только обнаружилось что ослой
 Царь боленъ, такъ покинула Москву,
 Въ помѣстьѣ поселилась, нездоровой
 Сама сказала чтобъ сюда не ѣздить.
 Намъ это на руку.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

А въ третій разъ
 Письмо я ей отвезъ и жду отвѣта.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Про чтò жь ты ей писаль? Къ чему тебѣ
Понадобилось видѣться съ царевной?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Хотѣлъ я улросить ее вернуться
Сюда, въ Москву и быть при государѣ,
А онъ же, сами знаете, такъ часто,
Съ тѣхъ поръ что боленъ, звалъ ее къ себѣ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Просить ее вернуться, но къ чему же?
Для насъ вѣдь лучше чтобы съ государемъ
Царевна не видалася.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Еще бы!

КНЯЗЬ СЕРГВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

И было вѣдь условлено межъ нами
Отнюдь къ царю ея не допускать.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Но то чтò *намъ* полезно, *намъ* въ угоду,
Поймите вы, не по сердцу *ему*.

Вѣдь я жь вамъ говорю, не съ нами онъ,
А противъ насъ, какъ былъ всегда и прежде.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ (*племиннику*).

Быть-можетъ, ты изволишь объяснить
Какой ты цѣли думаешь достигнуть
Сведя царевну съ государемъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Ну!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Лишь волю государеву исполнить
Хочу я.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Волю государя!! какъ?..

Чтò значить это?

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*гнѣвно*).

Будешь говорить?

КНЯЗЬ ИВАНЪ (*помолчавъ, какъ бы сдерживаясь*).

Такъ слушайте жь: три дня тому назадъ,
Когда полегче стало государю
И радостной надеждой оживились
Сердца всѣхъ предаваемыхъ ему людей,
Сидѣлъ одинъ я ночью у постели
Царя, кругомъ же насъ дремали всѣ,
Кому пришлось въ эту ночь дежурить
Въ локояхъ государя, и онъ самъ
Казался погруженъ въ глубокій сонъ.
Вдругъ слабымъ голосомъ окликнулъ царь:
— Кто здѣсь при мнѣ?.. Иванушко, не ты ли?
— Я, гоеударь, чтò приказать изволишь?
— Я радъ что ты теперь со мной, дай руку,
Иванушко, послушай! я умру.

— Помилуй, государи!.. Господь съ тобою!

— Умру, Иванушко, умру навѣрно.

— Да лодно! что изводишь говорить!

Господь послалъ, тебѣ гораздо лучше.

— А все-таки, я знаю что умру...

Я видѣлъ сонъ такой.—Какой же?—Слушай:

Со всеми вами былъ я на охотѣ,

Но вдругъ отъ всѣхъ отбился и за зайцемъ

Погнался... вижу: предо мной, лужайка,

Зеленая такая словно лѣтомъ,

Хотя кругомъ все голо, на деревьяхъ

Ни листика, ни травки на землѣ,

Мѣстами даже талый снѣгъ, ну словомъ

Какъ осенью глубоко бываетъ.

И кажется мнѣ будто бы навѣрно

Въ лужайкѣ этой притаился заяцъ.

Я взять его хочу, но вдругъ я вижу,

На мѣстѣ той лужайки, садъ прекрасный

Какъ будто выросъ на моихъ глазахъ,

Густой, зеленый и цвѣтовъ въ немъ много,

Верхушками деревья шелестятъ...

И слышу я: меня знакомый голосъ

Зоветь... смотрю покойница сестра,

Моя Наташа тамъ, въ саду гуляетъ,

Но на меня какъ будто не глядитъ.

Рванулся къ ней я, близко такъ казалось,

А не могу никакъ дойти... сестра

Все дальше, дальше отъ меня уходитъ.

Я сталъ кричать: Наташа, погоди же!

Куда ты отъ меня бѣжишь? Не слышетъ...

Пустилась я за ней что было мочи,

Казалось вотъ сейчасъ ее настигну,

Но вдругъ стѣна высокая сплошная

Мнѣ путь загородила... и чудно,

Хоть много выше головы моей

Была стѣна, однако жъ не мѣшала

Полрежнему мнѣ видѣть садъ, цвѣты

И въ далекѣ бѣжить моя Наташа.

Полѣзъ я на стѣну... такъ трудно было

Цѣпляться мнѣ, я все назадъ скользилъ

И руки въ кровь себѣ я обдиралъ.

Но все напрасно!.. я не могъ долѣзть...

Упалъ на землю и заплакалъ горько!..

Гляжу: стѣна исчезла... а сестра

Стоитъ вблизи и смотритъ на меня,

Смѣется и къ себѣ меня манитъ

И голосомъ мнѣ тихимъ говоритъ:

Ты братецъ дорогой, не плачь, не долго

Теперь осталось ждать тебѣ и мнѣ...

Мы скоро, скоро будемъ вмѣстѣ тутъ. (Пауза.)

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

И точно: страшный сонъ!

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Что жь дальше было?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Пытался убѣдить я государя,
 Что сонъ его не значитъ ничего...
 Но самъ еловамъ своимъ я плохо вѣрилъ
 И слезы мнѣ мѣшали говорить.
 Царь тоже плакалъ, но потомъ добавилъ:
 — Не думай что мнѣ страшно умирать...
 Нѣтъ!.. жить бы мнѣ хотѣлося, конечно,
 Но смерти я теперь ужь не боюсь.
 Иванушко! я такъ тебя люблю,
 Мнѣ трудно было отъ тебя таиться,
 Но я далъ слово и сдержалъ его.
 Теперь же все тебѣ сказать могу,
 Когда навѣрно знаю что умру...
 Послушай: еслибъ живъ остался я,
 То не женился бь на твоей сестрѣ...

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Какъ!.. что ты говоришь!..

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЬ.

Пусть онъ доскажетъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

„Нѣтъ!.. ни за что!.. я не люблю ея!..
 Меня заставили согласье дать...
 А между тѣмъ и самъ ты долженъ знать,
 Не слѣдовало быть такому дѣлу.
 И знай еще: рѣшился было я
 Исправиться во всемъ, не слушать болѣй
 Всѣхъ тѣхъ людей, которые меня
 Безбожно такъ къ гибели вели...“

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ *(съ большествомъ)*

И это все про насъ?.. тѣ люди—мы?..

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

А кто же больше!.. да, конечно, вы!

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ.

Что злобно такъ глядишь на насъ, предатель?
 Тутъ чьи-то козни скрыты!.. не твои ли?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Я вамъ сказалъ что ни о чемъ не вѣдалъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЬ *(Василію Лукичу)*

Такъ вотъ оно что значило!.. Ты помнишь,
 Не разъ тебѣ я говорилъ что царь,
 Не задолго передъ своей болѣзью,
 Во многомъ измѣнился, на охоту
 Почти совсѣмъ онъ ѣздить пересталъ,
 Все невеселъ казался, озабоченъ...
 А главное... тѣ оба раза, ночью *(указываетъ на сына)*,

Когда мы съ нимъ хватилися царя,
 Разыскивать лусились и нашли
 У Остермана, онъ же намъ сказалъ,
 Что спать не могъ и вздумалъ прокатиться
 Въ саняхъ, случайно мимо Остермана
 Провхалъ, увидалъ огонь, зашелъ,
 Вотъ что подъ этимъ крылось! Ну, добро же!
 Баронъ Андрей Ивановичъ... не забудемъ!
 На Катеринѣ!.. на своей невѣстѣ!..
 Объявленной и обрученной!.. Царь
 Жениться, слышь, раздумалъ, еслубъ онъ
 Въ живыхъ остался! Пусть же помираетъ!
 (Обрацаясь ко естѣмъ.)

Какъ видимо Самъ Богъ намъ помогаетъ!
 Пускай помретъ, да будетъ дочь моя
 Императрицею самодержавной!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

А я вамъ говорю, напрасно вы
 Мечтами тѣшите себя пустыми!
 Нѣтъ! вашей дочери не быть во вѣки
 Наслѣдницей Россійскаго престола!
 Царь самъ преемника себѣ избралъ (вынимаетъ бумагу)
 Вотъ вамъ, прочтите, я сіе писалъ
 Со словъ царя и по его приказу.

ВСѢ.

Что?... что такое?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ (развертывая бумагу)
 Тестаментъ царя (пауза).

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Читай скорѣе! братецъ, князь Василій.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ (читаетъ).

„Мы завѣщаемъ чтобы на престолъ
 Вступила, по кончинѣ нашей, тѣтка
 Возлюбленная наша, цесаревна
 Елисавета.“ Вотъ и все.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Давай!

(Вырываетъ у него бумагу, пробѣгаетъ глазами и съ бѣшенствомъ жметъ ее въ рукавъ.)

ВСѢ.

Ахъ!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Братецъ!.. Что ты! погоди! не рви!

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (разрываетъ бумагу пополамъ и бросаетъ къ ногамъ сына).

Такъ на же!.. Кто теперь намъ помѣшаетъ!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ *(поднимаетъ и изорвавши змѣю всматривается въ нее).*

Безъ подписи!.. оно бы не годилось.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Безъ подписи!.. еще бы!.. Неужели
Вы думали что я довѣрюсь вамъ!
И подлинникъ отдамъ я въ ваши руки!..
О вѣтъ!.. Я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло...
И государевъ testamentъ сумѣю
Я въ вѣрномъ мѣстѣ до поры хранить!
А эту колю я приготовилъ
Чтобы царевнѣ показать ее
Когда она меня къ себѣ допустить...

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ ЖЕ КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА *(входитъ).*

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА *(оглядываясь сълѣ).*

У васъ, какъ видно, ужь дошло до ссоры! *(отцу.)*
А я ждала все чтобъ меня позвали...
Я знала что вы нынѣ здѣсь собрали
Родныхъ всѣхъ нашихъ на совѣтъ семейный,
И мнѣ сдавалось, я имѣю право
Не меньше васъ всѣхъ здѣсь подать свой голосъ
Мою судьбу вѣдь вы рѣшать взялися...
Однакожь вы забыли обо мнѣ!..
Не знаю я, какъ вы рѣшили дѣло,
Но я пришла сказать свое рѣшенье:
Я требую чтобъ вы безъ замедленья
Къ царю меня везли и обвѣчали.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Теперь!.. вѣнчаться!.. при смерти женихъ!
Въ безпамятствѣ вотъ уже двое сутокъ!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Такъ что же! Не хочу монастыремъ
Я жизнь покончить въ восемнадцать лѣтъ!
А знаю мнѣ того не миновать,
Иль худшаго еще!.. коли останусь
Невѣстой я покойнаго царя...
Супругу же вѣнчанную его,
Царицу!.. Кто посмѣетъ тронуть!

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Правда!

И я согласенъ съ нею, князь Василій.
Ты вспомни, что фельдмаршалъ говорилъ:
Вѣнчанье обрученью рознь; тогда
Намъ легче будетъ ей престоль доставить. *(Дочери.)*
Послушай, ты напрасно обвиняешь
Отца, что про тебя онъ позабылъ.

Спроси у нихъ: о чемъ я хлопочу?

Чего я добиваюсь?.. чтобъ тебя

Наслѣдницей престола объявить.

И цѣли этой я бы могъ достигнуть,

Кабы не оня, твой врагъ, хотя и братъ!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

А чѣмъ же оня вамъ можетъ помѣшать?

Оня былъ силенъ, любимецъ государевъ!

При жизни государя!.. послѣ смерти,

(Она же неминуемо близка)

Утратитъ всякое значенье братъ

И, только если я царицей буду,

Погибела, какъ и вы всѣ, избѣгнетъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ *(беретъ со стола изорванное завѣщаніе и подаетъ дочери).*

Смотри, что оня затѣялъ противъ насъ.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА *(пробѣгаетъ глазами).*

Завѣщана корона цесаревнѣ!

Но это братъ писалъ... я знаю почеркъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

И говорить: со словъ царя писалъ.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

А вы ему повѣрили? напрасно!

Совсѣмъ иное въ этомъ вижу я.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Напрасно ты инаго ищешь въ этомъ.

Лшь волю государеву исполнилъ,

И буду исполнять во всемъ и впредь

Насколько хватитъ моего умѣнья.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА *(азвительно).*

О, да!.. и я ничуть не сомнѣваюсь,

Что всѣми силами стараться будешь

Престоль доставить цесаревнѣ ты,

Тѣмъ волю государя исполняя,

Тобой царю внушенную, конечно...

Она же благодарности полна

Къ столь преданному, вѣрному рабу,

Достигнувъ помощью его короны,

Должно-быть склонится къ его мольбамъ

И не замедлитъ власть съ нимъ раздѣлить!..

Что, вѣрно ль въ помыслахъ твоихъ читаю?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Нѣтъ! видитъ Богъ, я власти не желаю.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Такъ стало-быть любовь тебѣ дороже!..

О!.. вѣрю въ малодушіе такое,

Я знаю, что безъ памяти влюбленъ

Ты въ цесаревну, хоть она доселѣ

Лшь издѣвалась надъ твоей любовью!

Пока ты всѣхъ сильнѣе былъ, всѣхъ выше
 И слову твоему все покорялось,
 Ты не сумѣлъ однако же заставить
 Царевну выйти за тебя!.. теперь,
 Когда, по милости твоей, царицей
 Могучею, самодержавной станеть
 Покинутая всѣми сирота,
 Обманчивой надеждой льстись ты
 Что избереть тебя она въ супруги!..
 Безумный! лишь отдай ей въ руки власть,
 И посмотри тогда, что будетъ съ нами!..
 Со всѣми нами и съ тобою также.
 Да развѣ ты не знаешь, что царевна
 Весь родъ нашъ ненавидитъ и отплатитъ
 За все, что ей терпѣть пришлось отъ насъ!
 Ты вѣришь обѣщаніямъ ея...

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(прерывал)*.

Она мнѣ ничего не обѣщала.
 Я даже не видалъ еще царевны.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Какъ!.. даже не видалъ?.. Она не знаетъ
 Про завѣщанье это?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Нѣтъ, не знаетъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Заразы, слышь, боится, потому
 Его не согласилась долустить.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Ха! ха!.. боится за свою красу
 Прославленную!.. знать всего дороже,
 И власти и престола!.. Братъ, послушай,
 Не братскою любовью закаивать
 Тебя я стану... ты меня не любишь,
 И не величьемъ рода твоего
 Или погубелью намъ всѣмъ грезящей,
 Такимъ мольбамъ, я знаю, ты не внимаешь...
 Но если любишь ты царевну, если
 Ты хочешь чтобъ твоей она была,
 Отдай корону мнѣ... я рождена
 Для власти, ей пожертвовала многимъ
 И не хочу разстаться я съ надеждой
 Царицей быть почти въ тотъ самый мигъ,
 Когда ей сбыться суждено казалося.
 Послушай, передѣлай завѣщанье
 И именемъ моимъ ты замѣни
 Царевны имя въ немъ, а я желанье
 Завѣтное твое клянусь исполнить:
 Твоей царевна будетъ!.. Что жъ молчишь?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Побойся Бога!.. что ты говоришь!

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Иль я ошиблась?... и тебѣ она
Не такъ ужь дорога?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Въ моей ли власти
Такое дѣло сдѣлать?... еслибъ даже
Согласенъ былъ на то я...

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Да, въ твоей!

Я знаю ты подъ руку государя
Умѣешь подписаться... помнишь, въ шутку,
Въ присутствіи его однажды ты
Намъ это доказала...

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(задумывается)*.

А кто же мнѣ
Порукой въ томъ что за меня царевна
Пойдетъ, коли ты вступишь на престолъ?

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Порукой кто?... о, только я сама!
Но этого довольно... мнѣ повѣрь,
Ты взять царевну не сумѣя, но я
Отдать ее сумѣю!.. Что жь согласенъ? *(Пауза. Василию
Лукичу.)*

Вы, дядя, напишите завѣщанье,
Его лишь подпись намъ нужна. Начнемте: *(подаетъ Ва-
силью Лукичу бумагу, перо, потомъ диктуетъ):*

Корою нашу послѣ смерти мы
Возлюбленной невестѣ завѣщаемъ,
Княжнѣ... Ну что жь вы, дядя?...

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ.

Я боюсь

Моей руки письмо какъ будто худо. *(Встаетъ что на-
писалъ на мелкіе клочки.)*

Иной кто лучше ль не напишетъ?

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Я

Уборнымъ дочеркомъ писать могу. *(Садится, пишетъ,
потомъ показываетъ встать.)*

Смотрите, хорошо? Что жь дальше будетъ?

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА *(диктуетъ)*.

Княжнѣ Екатерины Алексѣевны.
Всѣмъ нашимъ подданнымъ повѣщаемъ
Признать ее наследницею престола
И въ вѣрности присягу ей принести.
Довольно. Подпиши, Иванъ *(подаетъ брату)*.

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(послѣ минутнаго колебанія
подписывается)*.

Смотри же!

Коль слова ты не удержишь, я себя
Не пожалѣю... и открою все!.. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ, безъ КНЯЗЯ ИВАНА.

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА.

Ну что же вы мнѣ скажете теперь?
 Не лучше ль васъ я дѣло повершила?
 Вы видите что не дѣвичье сердце
 Безпомощное, робкое во мнѣ.
 Сознайтесь что я достойна власти!...
 Но... медлить нечего, скорѣй, скорѣй!
 Покуда живъ женихъ мой, во дворецъ
 Вы, батюшка, къ нему меня свезите
 И пусть вѣнчаютъ васъ... оно вѣрнѣе...
 Внець тотъ будетъ мнѣ вдвойнѣ внець. *(Увлекаетъ за собою отца.)*

Занавѣсъ.

Дѣйствующія лица второй картины четвертаго дѣйствія.

ЦАРЬ ПЕТРЪ II.
 КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.
 КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.
 БАРОНЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ.
 ГРАФЪ РЕЙНГОЛЬДЪ ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.
 КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.
 СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОПУХИНЪ.
 ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ БАЛКЪ.
 КНЯЗЬ НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ.
 КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.
 КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ. } безъ рѣчей.
 ГРАФЪ ГОЛОВКИНЪ, канцлеръ.
 НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА ЛОПУХИНА.
 КНЯГИНЯ НАСТАСЬЯ ГАВРИЛОВНА ТРУБЕЦКАЯ.
 КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ, безъ рѣчей.
 Долгорукіе, Голицыны и прочіе придворные обоюга пола, медики и т. д.
 Москва. Января 1730 года.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

(Царскіе покои въ Лефортовскомъ дворцѣ: направо отъ зрителей затворенныя двери, ведущія въ опочивальню царя, направо и въ глубинѣ сцены настежъ отворенныя двери, чрезъ которыя видна анфилада залъ. Вечеръ, придворные то и дѣло приходятъ, уходятъ, собираются по два, по три человѣка, обмѣниваются нѣсколькими словами, расходятся, всѣ озабочены, встревожены, ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ шепотомъ.)

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЛОПУХИНЪ, БАЛКЪ, ТРУБЕЦКОЙ, ЛОПУХИНА, ТРУБЕЦКАЯ, канцлеръ, влѣво отъ зрителей; прочіе придворные въ глубинѣ сцены.

ЛОПУХИНА.

Должно-быть и теперь еще они
 Всѣ въ сборѣ: съ полчаса тому назадъ

Я мимо Головинскаго дворца
Прѣхала: каретъ стоитъ тамъ много
И я людей фельдмаршала узнала.

ЛОПУХИНЪ.

Фельдмаршала? Вѣдь нѣтъ его въ Москвѣ!
Гостить онъ вмѣстѣ съ братомъ въ подмосковной
У Вяземской.

ЛОПУХИНА.

Такъ значитъ онъ вернулся.
Чего жь мудренаго? Онъ нуженъ имъ,
Опа, должно-быть, вызвали его. *(Изъ дверей въ глубинѣ
сцены входитъ князь
Василій и Михайло Влади-
мировичи Долгорукиѣ.)*

Но вотъ онъ самъ! Фельдмаршалъ, мы про васъ
Сейчасъ лишь говорили; утверждалъ
Мой мужъ что васъ еще и нѣтъ
Въ Москвѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ, КНЯЗЬ МИХАЙЛО
ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКИЕ.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Сегодня поутру вернулся.

ЛОПУХИНА.

Я знаю: вы отъ князя Алексѣя?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Да, къ брату завзjali мы... Ну, что же
Имѣете сказать намъ, господа?
Его величеству не лучше ль стало?

ЛОПУХИНЪ.

Какое лучше!... Часъ отъ часу хуже!

БАЛКЪ.

Совсѣмъ въ безпамятствѣ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Въ бреду съ утра.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

О Господи!... *(пауза)* Хотѣлось бы мнѣ видѣть
Его величество въ послѣдній разъ!
Узнайте, можно ли? *(Трубецкой идетъ къ двери направо.)*
Кто тамъ при немъ?

БАЛКЪ.

Баронъ Андрей Ивановичъ неотлучно,
Голицынъ князь Димитрій, графъ Головкинъ,
Графъ Левенвольдъ и съ самаго утра
Преосвященный Θεофанъ, въ молитвѣ

Колѣнопреклоненный, у постѣли.
Племянника же вашего тамъ нѣтъ.

ТРУБЕЦКОЙ *(переговаривъ съ кѣмъ-то у дверей, возвращается; фельд-маршалу).*

Пожалуйте. *(Оба Долгорукіе проходятъ въ опочивальню царя.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

ТВ ЖЕ БЕЗЪ ДОЛГОРУКИХЪ.

ЛОПУХИНА.

О! Какъ онъ огорченъ.

ЛОПУХИНЪ.

Еще бы! Кто жь не огорченъ утратой
Столь юнаго и добраго царя!...
Увыніе и страхъ по всей Москвѣ.

ТРУБЕЦКОЙ.

А Долгорукимъ лучше вѣдь насъ всѣхъ
Приходится и плакать, и бояться,
Со смертью государя все теряють,
И власть, и силу, а неровенъ часъ
Пожалуй не пришлось бы поплатиться
За прошлое.

ЛОПУХИНА.

Фельдмаршала всѣ любятъ!

И не повиненъ онъ въ поступкахъ злыхъ
Родни своей.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но тестъ мнѣ говорилъ,
Что, при свиданьи съ нимъ, царица-бабка
Клялась, что коли вступитъ на престоль,
Никто изъ Долгорукихъ не избѣгнетъ
Достойной кары.

ЛОПУХИНА *(глядя въ дверь налево).*

Князь Иванъ идетъ.

(Князь Иванъ проходитъ не глядя ни на кого, не отвѣчая на поклонъ, изъ двери налево черезъ всю сцену и входитъ въ дверь направо въ опочивальню государя.)

ТРУБЕЦКОЙ *(грубо, въ то время, когда князь Иванъ проходитъ мимо ея).*

Да полно, будетъ кланяться ему,
Дастъ Богъ дождемся скоро и того,
Что намъ онъ станетъ кланяться, да въ ноги!

ТРУБЕЦКАЯ *(съ отвращеніемъ отворачивается отъ мужа, тихо Лопухиной).*

Замѣтила, какой онъ грустный, блѣдный!...
Какъ горемъ онъ убитъ!... о бѣдный! бѣдный!...

ЛОПУХИНА *(тоже вполголоса).*

Никакъ опять влюбиться ты готова?
То мщеньемъ бредила, теперь же снова
Участья, жалости къ нему полна!

ТРУБЕЦКАЯ *(вполголоса).*

Да, ты права, я чувствую... любовь
Моя къ нему воскресла съ прежней силой,
А злобы не осталось и слѣда!

(взволнованнымъ шепотомъ)

Я все тебѣ прощаю—о мой милый!
Когда покинуть всѣ тебя, когда
Невѣста отречется отъ тебя,
Тогда ко мнѣ иди ты смѣло! вновь
Къ ногамъ твоимъ ладу!... мою любовь
Узнаешь ты тогда!...

ЛОПУХИНА.

Смотри, смотри же!

*(Изъ дверей въ глубинѣ сцены появляются: князь Алек-
сѣй Григорьевичъ подъ руку съ дочерью, за ними
князь Василій Лукичъ и прочіе Долгорукіе и всѣ про-
ходятъ къ двери направо, въ опочивальню государя.)*

БАЛКЪ.

Ну, это не просто.

ЛОПУХИНЪ.

Вѣстимо нѣтъ.

Ужъ вѣрно затѣваютъ что-нибудь,
Но тамъ при государѣ графъ Головкинъ,
Онъ старшій членъ Верховнаго Совѣта
И ничего имъ не дозволить сдѣлать.

ТРУБЕЦКОЙ.

Еще бы! тесть мой связанъ обѣщаньемъ:
Онъ насъ и дѣла нашего не выдастъ.

ЛОПУХИНА.

Мнѣ всѣхъ ихъ, Долгорукихъ, ненавиствѣй
Признаться ль?... государева невѣста.
Возможно ль быть надменнѣе ея?
Съ какимъ презрѣніемъ на всѣхъ глядить!
И вѣдь когда жъ? когда того и жди
Что всѣ ея надежды на величье
Въ мигъ, и на-вѣкъ въ прахъ разлетятся!
Какъ я ея ладенью буду рада!...
Не быть царицей ей!

ЛОПУХИНЪ.

Однако жъ надо

Развѣдать что у нихъ тамъ происходитъ. *(Идетъ къ
двери направо.)*

ЛОПУХИНА *(слѣдъ ему).*

Ты, другъ мой, лучше вызови сюда
Мнѣ графа Рейнгольда, онъ все намъ скажетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ЛЕВЕНВОЛЬДЕ выходитъ изъ дверей направо вмѣстѣ съ ЛОПУХИНЫМЪ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Нѣтъ!... это слишкомъ!... до чего доходить Ихъ дерзость! трудно вѣрится!

ВСѢ.

Что такое?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Его Величество ужь близокъ къ смерти, Они же что задумали!

ЛОПУХИНА.

А что?

БАЛКЪ.

Да что же, графъ?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Князь Алексѣй Григорьичъ

Сталъ требовать чтобы княжну-невѣсту Сейчасъ же съ государемъ обвѣнчали.

ЛОПУХИНА.

Что?

БАЛКЪ.

Какъ?

ЛОПУХИНЪ.

Чтобъ съ умирающимъ вѣнчали?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Вступились князь Голицынъ, графъ Головкинъ.

Онъ слушать ихъ не сталъ, но Теофанъ

Поднялся и рѣшительно сказалъ

Что церковь воспрещаетъ совершенье

Союза брачнаго, когда женихъ

Въ безпамятствѣ, въ бреду, и что лора

Соборованія святой обрядъ

Надъ умирающимъ начать—и началъ.

ЛОПУХИНЪ.

А что же князь?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ

Въ своей безсильной злобѣ

Теперь онъ жалокъ, а не страшенъ долѣй.

ТРУБЕЦКОЙ.

Все, все припомнится на ихъ погибель!

ЛОПУХИНА.

А государь все въ томъ же положеньи?

И съ самаго утра нѣтъ перемѣны?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Все бредитъ, никого не узнаетъ,

Андрей Иваныча къ себѣ зоветъ

И князь-Ивана, мечется и стонетъ.

Всѣ медики кончины близкой ждутъ.

ЛОПУХИНА.

Но вотъ уже два дня мы это слышимъ!
 Кто знаетъ долго ли еще продастся?
 И я признаюсь вамъ... *(оглядывается)* тутъ все свои!...
 Хоть горемъ я, какъ и вы всѣ, убита,
 Но страшно голодна и потому
 Васъ всѣхъ къ себѣ я ужинать зову. *(Трубецкой.)*
 Тебя и мужа твоего *(Балку)* и брата
 И васъ, графъ Рейнгольдъ.

ЛЕБЕНВОЛЬДЕ.

Нѣтъ, меня увольте.

Никакъ я отлучиться не могу.

ЛОПУХИНА.

Ну вотъ! на полчаса, не больше!... намъ,
 Коль что случится, мигомъ знать дадутъ.
 Ездъ не забудьте что всю ночь олять
 Придется здѣсь сидѣть намъ и не спать.
 Такъ, если силъ своихъ не подкрѣпимъ,
 Не выдержать, ей Богу, вы за что! *(Встаетъ.)*
 Идемте, что ли?

ЛЕБЕНВОЛЬДЕ.

Безъ меня идите.

ЛОПУХИНА.

Какой несносный, право!... оставайтесь
 И голодайте, вамъ же хуже! Ну! *(Уходитъ въ дверь на-
 лѣво, за ней остальные, кромѣ Левенвольде.)*

ЯВЛЕНИЕ V.

ЛЕБЕНВОЛЬДЕ, ОСТЕРМАНЪ *(выходитъ изъ двери
направо).*ОСТЕРМАНЪ *(подходя къ Левенвольде).*

Охъ горько, нестерпимо тяжко видѣть
 Какъ гаснетъ съ каждымъ часомъ, съ каждымъ мигомъ
 Жизнь юная, столь важная народу!..
 И вѣдь никто, никто изъ нихъ не знаетъ
 Какъ много въ этомъ отрочѣ-царѣ
 Духовныхъ силъ таилось и какъ скоро
 Онъ ими изумилъ бы цѣлый міръ!
 О горе, горе намъ и всей Россіи!.. *(Утираетъ слезы.)*

ЛЕБЕНВОЛЬДЕ.

Я знаю что грустна сія утрата,
 Но я въ ней утѣшенье нахожу,
 Когда я думаю что послѣ смерти
 Царя всѣ Долгорукіе погибнутъ.
 Дивитесь вы ненависти моей?
 Ея причину я открою вамъ.
 Не разъ вы говорили что меня
 Какъ сына любите, и я вамъ вѣрю.
 Несчастливъ очень я!.. Въ моей бѣдѣ
 Вы можете помочь мнѣ...

ОСТЕРМАНЪ.

Я?.. помочь?..

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Безъ памяти влюбился я въ невѣсту
Ивана Долгорукаго и въ немъ
Солерника возненавидѣлъ я...
Счастливаго, казалось, но теперь,
Когда величию ихъ насталъ конецъ,
Надеждой сладостной себя ласкаю!.. *(Осматривается и
покижуетъ голову.)*

Царица-бабка, слышно, обѣщала
Что коли ей достанется престоль,
Она велеть казнить всѣхъ Долгорукихъ...
У ней приверженцевъ не мало, знаю,
Головки въ будеть за нее стоять,
А если вы соединитесь съ нимъ,
Голоцыва лишь стобитъ уломать,
И вамъ легко доставить ей корону.

ОСТЕРМАНЪ.

Чтобъ я въ дѣла, въ интриги ихъ вступился?..
Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ!.. Тебя люблю я точно
И вотъ тебѣ мой искренній совѣтъ:
Оставь ихъ, пусть какъ знаютъ все рѣшаютъ.
Вѣдь мы съ тобой не Русскіе: пришельцамъ
И безъ того здѣсь мало довѣряютъ
И нѣтъ у нихъ здѣсь искреннихъ друзей!
Великая нужна намъ осторожность:
Подобно лутвикамъ, грозой ночью
Застигнутымъ въ невѣдомыхъ краяхъ,
Должны прервать мы нашъ невѣрный путь,
Лечь въ лоѣ, коль нощлега нѣтъ другаго,
И переждать покуда наконецъ
Настанетъ утро, солнышко взойдетъ
И свѣтомъ и тепломъ своимъ разсѣетъ
Ночную тьму и бурю-нелогоду.
Тогда всѣхъ раньше встать должно, всѣхъ прежде
Привѣтствовать восшедшее свѣтло.
Лучами животворными своими
Оно согрѣетъ насъ, забыть заставитъ
Всѣ что мы вынесли невзгоды.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(прислушивается)*.

Послышалось мнѣ будто васъ зовутъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ
(выходитъ изъ двери направо).

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Да гдѣ же онъ? скорѣй Андрей Ивановичъ!
Его величество опять зоветъ.

ОСТЕРМАНЬ.

Очнулся Государь?

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЬ.

Охъ нѣтъ!.. отходить. *(Всѣ трое поспѣшно уходятъ въ двери направо.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛОПУХИНЪ, БАЛКЪ, ТРУБЕЦКОЙ, ЛОПУХИНА, ТРУБЕЦКАЯ *(выходятъ изъ двери направо)*. Много другихъ придворныхъ *(изъ дверей въ глубинѣ сцены и всѣ группируются у отворенныхъ настежь дверей направо; нѣсколько секундъ длится молчаніе)*.

ПЕТРЪ *(въ бреду, за сценой)*.

Андрей Ивановичъ!.. гдѣ онъ?.. нѣтъ его!.. *(Молчаніе.)*

(Радостно.) Иванушко!.. Иванушко!.. Смотри!..

Ты видишь?.. садъ!.. и вотъ она!.. Наташа!..

Опять меня зоветъ!.. манитъ къ себѣ!..

Сейчасъ! сейчасъ приду!.. *(Жалобно.)* Ахъ нѣтъ!.. я вязну!

Такъ много! много свѣту!.. *(Повелительно.)* Поскорѣй

Мнѣ сами запрягайте!.. я повѣду

Къ сестрѣ!.. *(Молчаніе; потомъ*

слабо вскрикиваетъ.) Охъ!

(Пауза.)

Иа МЕДИКЪ *(за сценой)*.

Царь отходить.

Иа МЕДИКЪ *(за сценой)*.

Отошелъ.

(Слышенъ отчаянный вопль князя Ивана.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ *(ведетъ за руку дочь)*, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЛУКИЧЪ, КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ и всѣ прочіе ДОЛГОРУКІЕ, КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, ГРАФЪ ГОЛОВКИНЪ и прочіе саюзники *(всѣ выходятъ изъ дверей направо)*.

КНЯЗЬ АЛЕКСВЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

Его величество царь Петръ Второй

Господней волей въ вѣчность отошелъ.

По немъ да здравствуетъ императрица *(указываетъ на дочь)*

Екатерина Алексѣвна!.. Vivat!.. *(Всѣ въ недоумѣніи переглядываются.)*

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

Ея величество императрица

Екатерина Алексѣвна, князь,

Давно скончалась *(обращаясь къ Головкину и Василю Владимировичу Долгорукому, которые стоятъ рядомъ съ нимъ)*.

Князь, должно-быть, самъ

Не помнить съ горя что онъ говорить!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Должно-быть такъ (*обращаясь ко всемъ присутствующимъ сановникамъ*).

Однакожь, господа,

На что-нибудь рѣшиться надо намъ:

Я предлагаю, къ десяти часамъ,

По утру, завтра, всемъ въ Совѣтъ Верховный

Собраться: тамъ, по общему совѣщанью,

Наслѣдника престола мы избравъ

Имѣемъ учинить. Согласны ль вы?

ГОЛИЦЫНЪ, ГОЛОВКИНЪ и другіе.

Согласны мы!... согласны все!

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Итакъ,

До завтра—значитъ (*многозначительно, въ упоръ глядитъ на князя Алексѣя Григорьевича*).

Если жь до тѣхъ поръ

Изъ насъ кто-либо что-нибудь затѣетъ,

Измѣнникъ онъ отечеству и воръ!

МНОГІЕ.

Да! да! измѣнникъ будетъ тотъ!... и воръ!

Занавѣсъ.

Дѣйствующія лица пятого дѣйствія:

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

ГРАФЪ РЕЙНГОЛЬДЪ ЛЕВЕНВОЛЬДЕ, оберъ-гофмаршалъ.

КНЯЗЬ НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ.

ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ШЕРЕМЕТЕВА.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА ЧИРИКОВА.

МАРѢИНКА.

Москва. Апрель 1730 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(*Покон Натальи Борисовны въ Шереметевскомъ домѣ. Двери на-
авно отъ зрителей, въ глубинѣ сцены, направо окно въ садъ
Вечеръ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА, МАРѢИНКА.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

О, Господи! какъ все меня тревожитъ!

Покая я не знаю съ той минуты

Что ты, вчера, меня такъ налугала.

Скажи мнѣ, Марѳинька, еще разъ, ты
Увѣрена что не ошиблась? Ночь
Такая темная была: быть-можетъ
Со страху все почудилось тебѣ?

МАРѢИНЬКА.

Охъ нѣтъ, голубушка моя, Наташа!
Оно хоть правда: больно я робка,
Покуда ты съ нимъ по саду-то бродишь,
Я вся дрожу отъ страха, все сижу
Не смѣю шелохнуться.. вѣтеръ дунетъ,
Аль съ дерева листочекъ упадетъ,
Такъ сердце и замретъ во мнѣ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Бѣдняжка!

И все готова для меня терпѣть.

МАРѢИНЬКА.

Ужь это ль не стерпѣть!.. ты знаешь, я
Готова за тебя въ огонь и въ воду.
Вчера, какъ и всѣ прошлые раза,
Сижу себѣ на лавочкѣ, подъ липой,
Гляжу впередъ себя, на ту дорожку
Вдоль по которой скрылись вы изъ виду,
Какъ вдругъ послышался мнѣ словно шорохъ
За елками за старыми, ну знаешь
Что вѣтви отъ скамейки... помертвѣла
Со страху я, но вскрикнуть не успѣла,
Какъ вижу изъ-за елокъ, на дорогу
Ихъ двое выступаетъ, оба въ черномъ.
Одинъ высокій, а другой пониже,
И прямо на меня пошли: ужъ тутъ
Съ испугу даже голоса лишилась,
Хочу бѣжать, а въ ноги подкосились!..
Со мною поровнялись, но меня
За темнотой они не разглядѣли.
Хотя они не громко говорили,
Я слышала, высокій какъ спросилъ:
„И вы увѣрены что это онъ?“
А тотъ ему на это отвѣчаетъ:
„Конечно онъ! ручаюсь головой,
„Не даромъ я три ночи караулил!..
Теперь онъ намъ попался!.. только стоить...“
И дальше ничего ужъ не слышала.
Какъ скоро ихъ изъ виду потеряла
Что было мочи любѣжала къ вамъ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Все точь въ точь такъ: когда ты насъ догнала
Ты слово въ слово то же разказала,
А князь Иванъ мольбамъ моимъ не вяжалъ
И тотчасъ же весь садъ нашъ обомелъ

Вездѣ искалъ, смотрѣлъ, но не нашель
 Онь никого, да какъ бы и забратъся?
 Вездѣ вокругъ высокая стѣна,
 Калитку же которой ходить онь
 На ключъ, какъ и всегда, онь заперъ самъ.

МАРѢИНКА.

Ну да, и разсмѣялся твой женихъ,
 Словамъ моимъ онь отказался вѣрить,
 Сказалъ что я соснула и во снѣ
 Мнѣ все пригрезилось... но ей-же Богу
 Все это наяву случилось!

НАТАЛѢЯ БОРИСОВНА.

Вѣрю!

В страхъ ужасный мнѣ сжимаетъ сердце!
 Ираги его провѣдали, должно-быть,
 Что онь въ Москвѣ бываетъ по ночамъ,
 Хотя приказано всему семейству
 Отнюдь изъ Горенокъ не отлучаться.
 И тѣмъ что на свиданіе со мной,
 Своей невѣстою, онь тайно ѣздить,
 Они воспользуются чтобъ ему
 Еще, насколько могутъ, повредить.
 О Боже! Боже! что же дѣлать мнѣ!
 Неужто перестать видаться съ нимъ?
 Но въ этомъ утѣшенъѣ жизнь вся наша!
 О что за горькое настало время!
 Женихъ мой, передъ Богомъ и людьми
 Со мною обрученный, навѣщать
 Меня лишь можетъ крадучись какъ воръ!..
 Съ чего враговъ такъ много у него?
 Его родные можетъ-быть виновны,
 Но онь!.. такой онь добрый былъ всегда,
 Прямой и честный, никому вѣдь зла
 Не сдѣлалъ онь!.. О! лучше бъ не родиться
 Тому, кому на время суждено
 Великимъ быть!.. Когда падеть онь, люди
 Завистливы и не простятъ ему
 Прощедшаго величія и блеска.
 И тѣ же, кто бывало передъ нимъ
 Всѣхъ ниже кланялись, всѣхъ больше льстили,
 Теперь всѣхъ злѣе на него возстануть.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, АНІСѢЯ МАРТЕМЬЯНОВНА (сходитъ).

АНІСѢЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Ну что, Наташенька? ну что, родная?
 Никакъ опять заплаканы глаза?
 Да полно же, голубка, убиваться,
 Изныло сердце, глядя на тебя.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Ахъ тетушка! ужь мнѣ ль не горевать!
 Какая буря грозная возстала!
 Младую жизнь мою разбила въ прахъ!
 Чего мнѣ ждаты!.. пропала я, пропала!
 Въ душѣ уныніе, печаль и страхъ.
 Да!.. счастье моею только поиграло,
 Обманчивой надеждой утѣшало
 И вдругъ, какъ будто сонъ все это было,
 Проснулася... и нѣту ничего.
 За двадцать шесть дней радостныхъ, блаженныхъ
 Кто знаетъ сколько лѣтъ страдать придется?
 Вѣдь слышу я отъ всѣхъ: сошлютъ!.. сошлютъ!..
 Чинувъ лишать! отымутъ честь!.. богатство!..
 А въ чемъ виновенъ онъ? за что казнить?
 За то ль что государю своему
 Покойному онъ преданъ былъ душой?
 А царь любилъ его, вознесъ надъ всѣми?
 Вотъ вся его вина и нѣтъ другой.
 Но зная что не помогаетъ правда
 При несчастливомъ случаѣ, дрожу
 За милаго я, плачу и молюсь,
 Отъ тяжести такой къ землѣ клонюсь. *(Плачетъ.)*

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Да полно же, чего тебѣ ролтать,
 Напрасно Бога-то гнѣвить, родная!
 Вотъ было бы несчастье, вотъ бы горе,
 Бѣда непоправимая, когда бы
 Ты замужемъ была за князь-Иваномъ!
 Теперь же чтѣ!.. чего такъ убиваться,
 Горючими слезами заливаться!
 Ты молода!.. повѣрь ты мнѣ старухѣ,
 Тебя такое счастье ожидаетъ
 Что всѣ твои печали унесетъ.
 Развеселись, Наташенька, къ тебѣ
 Я съ доброй вѣсточкой пришла.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА *(радостно)*.

Съ какою?

Неужто государыня узнала
 Что мой женихъ ни въ чемъ не виноватъ?
 Вѣдѣла слѣдствие надъ нимъ прервать
 И будетъ все попрежнему?

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Ой, нѣтъ!

Объ этомъ гдѣ бы мнѣ всѣхъ раньше звать!
 Да что жь о немъ все думать объ одномъ,
 Ну точно, былъ тебѣ онъ женихомъ
 Такъ и тебѣ съ нимъ вмѣстѣ погибать,
 Когда ему лишь стоитъ отказать!.. *(Помолчалъ.)*

Меня прислалъ сюда твой братецъ, старшій,
Сказать что свататься къ тебѣ задумалъ
Другой женихъ:

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА *(съ испугомъ)*.

Другой женихъ?.. ко мнѣ?..

И это доброй вѣстью вы зовете?
Ахъ тетушка!.. меня вы пожалѣйте,
И такъ ужъ какво мнѣ достается
Со всей семьей, со всей родней бороться!
Вѣдь не проходить дня чтобъ всё они
То просьбой, то упрекомъ не пытались
Ему отказа вырвать у меня.
Теперь, когда другой женихъ явился
На горе мнѣ, со вѣсхъ сторонъ укоры
Еще сильнѣй посылаются, я знаю.
О, Господи! дай силы мнѣ терпѣть.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Какая ты, Наташенька, чудная!
Не утерпѣла бъ всякая другая
Спросить по крайней мѣрѣ: кто такой?
А ты сейчасъ же въ слезы.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Кто бъ онъ ни былъ

Отъ этого не легче будетъ мнѣ.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

А счастлива ты, право, женихами.
Конечно этотъ знатностью, чинами
Равняться съ тѣмъ не можетъ, но однако жъ
Онъ въ милости великой при дворѣ. *(Ждетъ какого-ни-
будь слова отъ Натальи Борисовны,
которая остается безучастною.)*

Собой же писанный красавецъ,
Не хуже князь-Ивана.. Отгадала?
Ахъ да, забыла я еще прибавить
Что онъ частенько сталъ бывать у васъ.
Теперь навѣрно знаешь кто.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТѢ ЖЕ, ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ *(объ-
заетъ)*

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Наташа!

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Что братецъ? что голубчикъ мой, Сережа?

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Пришелъ я за тобой... иди скорѣй
У брата, у большаго, гость сидитъ,
Графъ Левенвольде.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Самый онъ и есть!

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Такъ вотъ зачѣмъ такъ часто онъ бываетъ! ,
 Я думала: хорошій человекъ,
 Въ несчастіи друзей не забываетъ,
 Не то что остальные всѣ, отъ насъ
 Бѣгутъ какъ отъ чумы теперь; бывало,
 Какъ я невѣстой князь Ивана стала,
 Съ утра до ночи лоловъ домъ гостей,
 Услужниковъ, искателей, друзей!

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ.

Сестра, голубушка, ты, стало, знаешь
 Что онъ прѣхалъ свататься къ тебѣ.
 Наташа, ради Бога, коли насъ
 Хотя немножко любишь ты, жалѣешь,
 Поди ты за него.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Серѣжа милый!

О чемъ ты просишь!

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ты подумай, вслюми,

Какъ мы горюемъ о тебѣ, какъ плачемъ
 Мы всѣ, и я и маленькія сестры.
 Вѣдь если выйдешь ты за князь-Ивана
 Тебя сошлютъ съ нимъ вмѣстѣ и на вѣки
 Разлучать съ нами!.. Ангелъ мой, Наташа!
 Ты любишь насъ, неправда ли?.. тебѣ
 Гсръка, страшна разлука, какъ и намъ!
 Скажи мнѣ, ты насъ не покинешь?.. нѣтъ?..

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

О, братецъ дорогой, не мучь меня!
 Ты знаешь какъ я васъ люблю! вѣдь кровью
 Все сердце обливается во мнѣ
 Отъ словъ и слезъ твоихъ!.. но что мнѣ дѣлать!
 Честно ль это? Когда великъ
 И славень былъ онъ, съ радостью дѣлила
 Его судьбу!.. теперь, когда несчастенъ
 Онъ сталъ, такъ отказать ему!..
 Могу ли съ этимъ согласиться?
 И, если ты меня жалѣешь, любишь,
 Просить меня о томъ не станешь больше.
 Поди, голубчикъ мой, скажи ты брату,
 Что къ гостю я не выйду.

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ.

Я боюсь

Братъ станетъ гнѣваться.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Какъ быть! придется

Мнѣ гнѣвъ его и въ этотъ разъ снести.

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ *(идетъ къ двери, но возвращается)*.

Онъ самъ сюда идетъ, Наташа... съ графомъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ. ГРАФЪ
ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Ты все затворницей сидишь, сестра?
Такъ гостя я къ тебѣ привелъ, прошу
Подасковѣй его привать.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Графиня!

Вопервыхъ извиниться я слѣшу
Коль вамъ присутствіемъ своимъ мѣшаю,
Но вы жестоки, право, такъ упорно
Скрываясь ото всѣхъ своихъ друзей.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Всѣмъ вѣдомо, не то настало время
Чтобъ шумному веселью предаваться;
Свѣтъ созданъ для счастливыхъ, для довольныхъ,
Несчастливымъ же, судьбой гонимымъ нѣтъ
Въ немъ мѣста, въ одиночествѣ они
Несутъ печаль и слезы проливаютьъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Вы слишкомъ юны, слишкомъ вы прекрасны
Чтобъ горю и слезамъ себя обречь,
Скажите слово, да, одно лишь слово
И жизнь попрежнему вамъ улыбнется
Всѣ радости свои вамъ поднесетъ!

(Становится на колѣни.)

Съ согласья брата вашего, графиня,
Руки просить я вашей честь имѣю,
И тутъ, у вашихъ ногъ, сказать вамъ смѣю
Что я лѣзнулъ вами въ тотъ же день,
Въ тотъ самый мигъ, когда имѣлъ я счастье
Впервые васъ узнать: моя судьба,
Вся жизнь моя у васъ въ рукахъ... Рѣшайте!

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Графъ, встаньте! я за честь благодарю,
Но я не скрою что меня глубоко
Своимъ поступкомъ удивили вы.
Вѣдь вамъ извѣстно, какъ и всѣмъ, я—князя
Ивана Долгорукаго невѣста.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Я знаю, вы его невѣстой были,
Но многое съ тѣхъ поръ пережилось
И важное событіе свершилось,
Которое отъ прошлыхъ обѣщаній
Вполнѣ освободило васъ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Не знаю,

Могло ль случиться что-нибудь такое!

Я знаю, мы, со всей страной вмѣстѣ,
Тяжелую утрату понесли
Столь милостиваго царя лишившись,
И мой женихъ, конечно, больше всѣхъ
Оплакивать его кончину долженъ,
Но это не могло насъ измѣнить!
Покуда оба живы мы, другъ другу
И слову данному мы будемъ вѣрны
И разлучить насъ можетъ только смерть.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

А!... только смерть!... А знаете ль, графиня,
Что жизнь его виситъ на волоскѣ?
Вѣдъ слѣдствіе надъ нимъ къ концу подходитъ
И каждый день на немъ вины находятъ
Одна другой важнѣй.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

А между тѣмъ

Невиненъ онъ и чистъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Простать ли имъ,

Что, честолюбіемъ своимъ безмѣрнымъ
Ослѣвлены, они женить хотѣли
Покойнаго царя на Долгорукой?...

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

И въ этомъ князь Иванъ не виноватъ.
Отецъ его устроилъ это дѣло,
А онъ противился тому.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Быть-можетъ,

Но кто жь повѣритъ? да еще вдобавокъ
И въ томъ винять ихъ что они причиною
Кончины преждевременной царя.
Ужъ это обвиненье, согласитесь,
Не легкое.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Хоть злоба и коварство

Иныхъ людей всесильны, все жь не вѣрю
Чтобъ имъ убійцей удалось представить
Того, кто больше всѣхъ царя любилъ
И смерти царя всего лишился.
Пускай безсовѣстны, лускай безбожны
Всѣ тѣ, кому нужна его логибель,
На правосудіе я уловаю
Ея величества императрицы,
Женихъ мой оправдается во всемъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Хоть милостива точно, справедлива
Ея величество ко всѣмъ, однако
Не думаю чтобъ подъ свою защиту
Ослушника ея высокой вѣли
Она взяла бы.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Князь Иванъ ослушникъ?..

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Вы знаете, графиня, полагаю
 Что всѣмъ имъ и ему повелѣно
 Безвыѣздно жить въ Горенкахъ локамѣсть,
 Въ Москвѣ жъ бывать запрещено строжайше,
 Пока не кончатъ судъ (тогда ихъ всѣхъ
 Сошлютъ подальше Горенокъ, конечно).
 Но князь Иванъ осмѣлился нарушить
 Указъ сей царскій, и уже не разъ
 Его въ Москвѣ видали... и недавно. *(Пристально сло-
 тритъ на Наталью
 Борисовну; она блѣд-
 нѣетъ.)*

Зачѣмъ сюда онъ ѣздитъ?.. ужъ навѣрно
 На то причины тайныя имѣетъ!
 Не мало у него друзей осталось,
 Кто знаетъ? съ помощью ихъ, можетъ-быть,
 Измѣну затѣваетъ онъ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА *(съ сильнымъ волненіемъ)*.

Измѣну!...

О нѣтъ! не вѣрьте! нѣтъ!.. онъ не таковъ!...

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Почемъ знать! вѣдь и онъ же человѣкъ,
 Лишиться силы, власти и значенья,
 Чай, горько показалось и ему.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

О нѣтъ! о томъ онъ не жалѣетъ вовсе!

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Ея величеству императрицѣ
 Самодержавной, на престолъ Россіи
 Народной волей избранной, измѣна
 Конечно не страшна, но все жъ она
 Примѣрной казнію казнить должна
 Измѣнника.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Такъ видишь, онъ измѣнникъ!

А ты ему не хочешь отказать!
 Повѣрьте, графъ, мы выбились изъ силъ
 Толкуя ей о томъ же каждый день.
 Я свадьбу оттянулъ нарочно, чая
 Одумается наконецъ сестра.
 Такъ нѣтъ! ни просьбы наши, ни угрозы
 Не помогаютъ: на своемъ стоитъ.
 Чтò дѣлать мнѣ? вѣдь я ей не отецъ,
 А только братъ! и только годомъ старше.
 Она меня не хочетъ слушать.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Братецъ!

Скажи ло правдѣ, развѣ до сихъ поръ,

Съ кончины матушкиной, въ чемъ-нибудь
Бывала милокорна я тебѣ?

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Добро, такъ докажи свою покорность
И дай согласье графу Левенвольде,
Который предложеніемъ своимъ
Большую честь оказывать изволитъ
Тебѣ и всей фамильѣ нашей.

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

Нѣтъ!

Я въ этомъ покориться не могу.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

А все-таки я не хочу разстаться
Съ надеждою что на мольбы мои
Вы склонитесь со временемъ, графиня. *(Значительно.)*
Когда стоять не будетъ между нами
Солервикъ ненавистный.

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

Знайте, графъ,

Коль злобой и коварной мести жертвой
Падетъ женихъ мой, то вдовой я буду,
Не бывъ женой его! свидѣтель Богъ!
На вѣкъ въ стѣнахъ монастыря сокрою
Разрушенную горемъ жизнь мою.
Прощайте, графъ, и да проститъ вамъ Богъ
То зло которое вы князь-Ивану
И мнѣ желаете, какъ видно.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Я!

Вамъ зла желать!.. помилуйте, графиня!
Да я вашъ рабъ, вамъ преданный до гроба!
Отъ васъ все счастье мое зависитъ,
И жизнь моя мнѣ въ тягость, если вы
Откажетесь со мной ее дѣлать.

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

Прощайте, графъ, ужь поздно.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ *(внѣшн.)*.

О, пойдете!

Съ такимъ упрямствомъ никому не сладить.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(у дверей, вполголоса, Петру Борисовичу.)*

Я все-таки надежды не теряю!
Пойдете, графъ, хочу я сообщить
Вамъ нѣчто важное. *(Оба уходятъ.)*

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ *(печально.)*

Прощай, Наташа *(уходитъ вслѣдъ за ними.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА, АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА, МАРѢИНЬКА.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Жаль, жаль его! Какъ бѣдный онъ влюбленъ!
 И какъ хорошъ, ну просто загляденье!..
 И въ силу онъ теперь вошелъ въ большую:
 Андрей Ивановичъ Остерманъ какъ сына
 Его вѣдь любить, а еще важнѣй:
 Въ немъ новый фаворитъ души не часть!
 Они, слышь, сыздавна друзьями были.
 Конечно коль о чемъ его попросить
 Ему въ угоду сдѣлается все.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Ахъ тетушка! не мучьте! не терзайте!
 И такъ не хватить силъ моихъ терпѣть. *(Заливается слезами.)*

МАРѢИНЬКА.

Ну маменька! не грѣхъ ли право вамъ!..

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Да я, голубка, ничего... я такъ..
 Лишь думаю какъ жаль что отказала
 Такому выгодному женишку.

МАРѢИНЬКА.

Оставьте, маменька, не огорчайте!

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Ну, ну, не плачь родная, дастъ Господь
 Авось еще одуматься успеешь. *(Помолчавъ.)*
 Ты лягъ, Наташенька, усни! ужъ поздно.
 Признаться, нынче я было хотѣла
 Взять Марѣиньку домой, давно пора бы,
 Ужъ загостилась у тебя, да вижу,
 Тебѣ не хочется разстаться съ ней!
 Ну, пусть еще побудеть... Да и я
 Ужъ, видно, заочую нынче тутъ.
 Позволь хололишка послать сказать
 Чтобы меня не ждали дома... Можно?
 Ну, Богъ съ тобой, голубка. Я пойду,
 Покой просторный у твоихъ сестренокъ,
 У нихъ и лягу, такъ что ль?

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Хорошо,

Прощайте, тетушка.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Покойной ночи. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ VI.

НАТАЛЯ БОРИСОВНА, МАРФИНЬКА.

НАТАЛЯ БОРИСОВНА *(очень взволнованная)*.
Ты слышала что графъ сказалъ?
МАРФИНЬКА.

А что?

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.
Про князь Ивана?... что его недавно
Въ Москвѣ видали?

МАРФИНЬКА.

Нѣтъ, я не слыхала.

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.
Онъ самый, значить, былъ!... кого вчера
Ты видѣла въ саду!...

МАРФИНЬКА.

Высокій ростомъ!

Ну, а другой, пониже кто жь?

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.

Не знаю.

Но вижу я... они его враги,
Опасные... Толкуютъ про измену!...
Хотятъ его оклеветать... сгубить!
Сегодня онъ попасться можетъ имъ... *(Смотритъ въ окно.)*
Ночь свѣтлая такая... мѣсяцъ полный,
Ни тучки на небѣ... они навѣрно
Слѣдятъ за нимъ... о Боже, что мнѣ дѣлать!...
Его предупредить!... но какъ?... сейчасъ
Онъ будетъ здѣсь!... О, Марфинька, бѣги
Къ калиткѣ, тамъ дождись его... скажи... *(Снаружи въ
затворенное окно бросаютъ песокъ.)*
Ахъ!... вашъ условный знакъ!... онъ тутъ!... скорѣй...
(Марфинька отворяетъ окно.)

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(за сценой)*.

Наташа!

МАРФИНЬКА.

Князь зоветъ.

НАТАЛЯ БОРИСОВНА *(нагибается въ окно)*.

Да гдѣ жь онъ?

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(за сценой)*.

Здѣсь,

На деревѣ!... ты не пугайся... я
Въ окно прыгну. *(Прыгаетъ на сцену.)*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, КНЯЗЬ ИВАНЪ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(звучитъ невесту)*.

Наташа!

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.

Милый!...

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Мнѣ

Въ саду сейчасъ попался человекъ,
Шейнулъ мнѣ на ухо: скорѣе спрячьтесь,
Залиску въ руку сунула, вонъ она. (Показываетъ
руку.)

Хоть мѣсяцъ свѣтитъ, разобрать не могу. (Читаетъ)
„Тебя узнали, за тобой слѣдятъ,
Тебѣ грозитъ бѣда, остерегайся
Сегодня ночью и въ Москву не ѣзди.“ (Про себя)
Отъ Нasti, вижу!... добрая душа!
Она не помнитъ зла!... (Грожек.) Выходитъ, да
Что Марейка-то видѣла вчера.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

О, да!... и знаю я теперь кто были
Тѣ люди... да одинъ изъ нихъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

И я

Догадываюсь.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

О! какъ я боялась!

Но не видали вѣдь они теперь?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Не знаю! я ихъ не видалъ, а ночь
Что день свѣтла... кажись, куда имъ скрыться!

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

О милый!... ты въ опасности!... нельзя
Видаться намъ съ тобой.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Моя Наташа!

Дар азвѣ жить могу я безъ тебя!
Вѣдь цѣлый день я только объ одномъ
И думаю: когда настанетъ ночь!
Когда мое сокровище увижу!
Съ тобою, здѣсь, я забываю все!
Но еслибы, голубка, знала ты
Какъ тяжело живется мнѣ на свѣтѣ
Когда я не съ тобой!... У насъ въ семьѣ
Вѣдь сущій адъ: отецъ угрюмъ, озлобленъ,
Ворчитъ, бранится день-деньской, мать плачетъ,
Сестра какъ туча грозовая ходитъ,
Ни слезъ, ни жалобъ отъ нея не слышимъ
Но краше въ гробъ кладутъ, боимся какъ бы
Чего не сотворила надъ собой.
Но что про нихъ!... О, радость! жизнь моя!
Когда жъ мнѣ отдадутъ тебя?... дождусь ли?...

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Теперь не долго ждать, скажу я брату
Чтобъ вашей свадьбой онъ слѣшилъ, а то
И мнѣ ужъ больно горько: знаешь, нынче
Графъ Левенвольде сватался ко мнѣ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Къ моей невестѣ! дерзкій!... какъ онъ смѣетъ!...

(Съ горечью.)

Да... впрочемъ, я забылъ, онъ смѣетъ все,
 Пожалованный вновь оберъ-гофмаршалъ!
 Его настало время! онъ въ фаворѣ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

И я боюсь ужасно что тебѣ
 Изъ мести станетъ онъ вредить.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Пускай!

Враговъ такъ много у меня что лишній
 Не значить ничего!

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Омъ мнѣ намекомъ

Грозилъ что государыня узнаетъ
 Какъ ты ея приказы нарушаешь,
 Въ Москвѣ бываешь... и, каковъ злодѣй!
 Тебя въ измѣнѣ обвинить готовъ.
 Но, милый мой! пускай враги твои
 Къ доносѣ прибѣгаютъ, къ клеветѣ,
 Въ твою невинность я такъ твердо вѣрю
 Что не хочу бояться за тебя!
 Сама я къ государынѣ поѣду,
 Къ ногамъ ея ладу, открою ей
 Что для свиданія со мною ты
 Въ Москву ѣзжалъ и, вѣрь, она проститъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Въ мою невинность вѣришь ты!... а что
 Кога я виновенъ?... кога я преступленъ?..
 Тогда меня разлюбишь ты, скажи?

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

О лодно, милый мой! къ чему такіа
 Несбыточныя рѣчи говорить!
 Пускай хоть цѣлый свѣтъ тебя винитъ,
 Вѣдь лучше ихъ твою я душу знаю
 И не повѣрю никому.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Такъ нѣтъ же!...

Обманывать тебя не стану дольше.
 О еслибъ точно былъ невиненъ я,
 Легко бы мнѣ казалось нести
 Судьбы моей лухую перемѣну
 И страхъ невольный не сжималъ бы сердце!
(Въ сильномъ волненіи хватаетъ ее за руку.)
 Наташа! слушай: я преступникъ! да,
 И я достоинъ самой лютой казни!
 Враги мои сказали правду: точно,
 Измѣнникъ я! и знаешь ли кому?
 Ему! кто такъ меня любилъ, ему!

Кто щедрою рукою расточалъ
Мнѣ милости свои, благодаря,
Покойному царю!..

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

О Боже! Боже!

Твои слова меня лугаютъ! что же
Ты сдѣлалъ?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Я подъ руку государя
На ложномъ testamentѣ подписался,
Въ которомъ завѣщалася корона
Сестрѣ моей, невѣстѣ.

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

О мой милый!

Какъ могъ ты это сдѣлать?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Знать, насталъ

Тотъ часъ въ который я передъ тобою
Раскрыть всю душу долженъ, а потомъ...
Когда ты все узнаешь, все поймешь,
Ты тоже отвернешься отъ меня.
И ло дѣламъ, я не достоинъ счастья!

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

О, Ваня, милый, что ты говоришь!
Да развѣ ты не знаешь, если даже
И есть вина какая за тобой,
Не отступлюсь я ни за что на свѣтѣ (*стыдливо*)
Отъ ненагляднаго и никогда
Любить его не перестану.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Радость!

Голубка ты моя, о видить Богъ!
Теперь ты мнѣ дороже жизни стала,
Узналъ тебѣ я цѣну съ той поры,
Какъ горе и несчастье насъ коснулись!
Но прежде, о! еще недавно такъ,
Хоть былъ твоимъ я женихомъ, хотя
Съ довѣрчивостью робкою и вѣжливой
Ты сердце чистое мнѣ отдала,
Я не тебя любилъ, моя Наташа,
Не о тебѣ я думалъ день и ночь.
Другая...

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

Неужели! кто же? кто же?

Скажи, не мучь меня.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Царевна.

НАТАЛЪЯ БОРИСОВНА.

Ахъ! (*Закрываетъ лицо
руками.*)

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Прости меня, прости, мой ангелъ чистый!
 Вѣрь! не на радость та любовь была!
 Не дай Богъ никому такихъ мученій,
 Такихъ терзаній вынести, какія
 Я больше года выносилъ! Царевна
 Безжалостно надъ мною потѣшалась,
 Какъ кошка мышью лѣбманной играла!
 Когда измученный тоской смертельной
 У ногъ ея рыдалъ, она смѣялась!
 Когда же гнѣвомъ распалось сердце
 И я бросалъ ее, она умѣла
 Улыбкой ласковой, иль взглядомъ нѣжнымъ,
 А то и рѣчью вкрадчивой, олять
 Сильнѣе прежняго меня привлечь.
 О! не понять тебѣ душою дѣтской
 Ея души! Чего она хотѣла?
 Любила ли меня хотя немного,
 Не знаю и по нынѣ, знаю только
 Что много зла мнѣ сдѣлала она,
 Мнѣ цѣлою пагубой во всемъ была.
 Чтобы забыться хоть на мигъ единый,
 Я началъ жизнь распутную вести,
 Виномъ, гульбой пытался заглушить
 Мученія мои и наконецъ,
 Въ минуту гнѣва, послѣ ссоры съ немъ
 Я взялъ да и посватался къ тебѣ.
 Надѣялся въ ней ревность возбудить
 И этимъ, коль ничѣмъ другимъ, заставить
 Жестокою красавицу ко мнѣ
 Стать милостивѣй!... и скажи она
 Лишь слово, о! я бросилъ бы тебя
 И съ радостью безумною бы къ ней
 Вернулся!... Вотъ! ты видишь, предъ тобою
 Какъ передъ Богомъ, каюсь я во всемъ!...
 Хотя свадьбы нашей срокъ ужъ подходилъ,
 Хотя каждый день съ тобою я видался,
 Хотя тебѣ я въ вѣрности клялся,
 Одна она лишь на умѣ была,
 Не могъ я вѣрить что локончилъ съ нею,
 Что на тебѣ женюсь я въ самомъ дѣлѣ.
 Не знаю чѣмъ бы это разрѣшилось,
 Но—государь оласно занемогъ
 И наступила для меня, для всѣхъ
 Тяжелая, ужасная пора
 Тревогъ, унынья, страха, колебаній,
 Отчаяньемъ смѣшавшихся надеждъ.
 Ты помнишь, много разъ мы говорили
 Про вѣщій сонъ покойнаго царя,
 Что снился за три дня ему до смерти.

Но я смолчалъ про то, что послѣ было,
 Про то, что государь свою кончину
 Предчувствуя, велѣлъ мнѣ завѣщанье
 Такое написать, въ которомъ онъ
 Престолъ царевнѣ оставлялъ, а я,
 Лукавый, тутъ же предался надеждѣ.
 Купить царевну этимъ завѣщаньемъ!
 Ей царство посулить, я думалъ, лишь бы
 Исторгнуть обѣщанье, что она
 Моею будетъ, коль царицей станетъ.
 И дабы тѣмъ вѣрнѣй сего достичь,
 Я не далъ подписать царю тогда же,
 Составленное мною завѣщанье,
 Нарочно медлил; царь заснулъ, на утро
 Гораздо хуже сдѣлалось ему,
 Онъ впалъ въ безпамятство и до конца
 Въ сознаніе не приходилъ ужъ больше.
 Но тщетны были замыслы мои,
 Меня къ себѣ царевна не пустила,
 А я не смѣлъ довѣриться другимъ...
 Насталъ послѣдній день: отецъ, родные
 Задумали престолъ сестрѣ доставить,
 Тогда я показавъ имъ завѣщанье,
 Но скрылъ отъ нихъ, что подписью своей
 Скрѣпить его я помѣшалъ царю.
 Тогда казалось мнѣ, поддѣлать подпись...
 Тѣмъ волю Государя исполняя...
 Большой вины я въ томъ не полагалъ.
 Но къ горю моему, къ стыду, сознаться
 Я долженъ, что сестра Екатерина
 Бѣсовскою уловкою сумѣла
 На сторону свою меня склонить.
 Въ душѣ моей, измученной, она
 Читала ясно... о! какъ вѣрно знала
 Чѣмъ взять меня... и вотъ взяла... поклявшись
 Что выдастъ за меня царевну, если
 Я ей, сестрѣ моей, отдамъ корону...
 Въ смятенѣхъ, самъ не помня что творю,
 Я подписалъ... *(Вдругъ умолкаетъ и опускаетъ голову
 на руки.)*

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Теперь я понимаю.

Но злое дѣло не свершилось...

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Нѣтъ.

Но Боже мой, когда царя не стало,
 Когда съ его послѣднимъ издыханьемъ
 Вдругъ я опомнился и повялъ!...

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Бѣдный!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Отецъ хотѣлъ на утро отвести
Подложный testamentъ въ Совѣтъ Верховный.

Я въ ноги падаю ему, просилъ отдать,
Не сталъ онъ слушать, я тогда покаялся

Что, если завѣщанье уничтожить
Не согласится онъ, то я въ Совѣтъ
Явлюся самъ, покаюсь передъ всѣми,

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Ну чтожь, онъ сдался?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Въ гнѣвъ пришелъ ужасный,

Чуть-чуть меня не проклиналъ.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Бѣдный Ваня!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Но все-таки угрозой этой я
Заставилъ ихъ отъ мысли отказаться
Царицею сестру провозгласить.

Одно себѣ простить я не могу:

Моей вины передъ царемъ покойнымъ!

Онъ мнѣ довѣрился, а я исполнить

Его послѣдней воли не сумѣлъ.

Не будь я рабъ лѣнивый и лукавый

Такъ царствовала бѣ нынѣ надъ Россіей

Петра Великаго родная дочь.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Но почему жь ты всѣмъ не показалъ

Тотъ первый, настоящій testamentъ?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Ты знаешь, онъ безъ подписи царя

Да и къ тому жь моею рукою писанъ,

Никто бы не повѣрилъ, самъ отецъ

Божился, коли я его представлю

Онъ первый всѣмъ верховникамъ объявить,

Что это все однѣ мои затѣи.

Другой же, ложный testamentъ, остался

У дяди князь Василья Лукича,

И будто бы,—такъ дядя увѣряетъ,—

Тогда же имъ изорванъ и сожженъ,

Но я ему не вѣрю въ томъ, я знаю

Меня всегда готовъ онъ погубить,

Коль самому тѣмъ выслужиться можно.

А если государынь доложатъ

Про это дѣло... я пропаду навѣрно.

Теперь ты знаешь все, моя Наташа.

Могу ли я тебя... имѣю ль право

Въ такую бездну за собою влечь!

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

О! милый мой, съ тобой я неразлучна,

Твоя судьба моею судьбою будетъ.

Коль ты виновенъ луть и я виновна.
 Съ тобою счастье я дѣлить умѣла,
 Сумѣю, вѣрь, и горе раздѣлить. *(Робко.)*
 Но только... Ваня, ты скажи... царевну
 Совѣмъ ты разлюбилъ?..

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Моя голубка!

Да развѣ можно было мнѣ тебя
 Узнать такъ близко и не полюбить!
 Богъ съ немю! отъ нея добра не видѣлъ.
 Тебя же, вѣрю я, Господь послалъ
 Какъ ангела-хранителя святаго,
 Дабы тернистый луть мой озарить,
 Дабы безъ ропота я покорился
 Всему, что въ жизни ждетъ меня отнынѣ.
 О, недостойнъ я, во многомъ грѣшенъ,
 Но ты, моя Наташа, изъ меня
 Создашь цнаго челоуѣка... *(Сильный стукъ въ дверь.)*

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.

Боже!

Стучатся въ дверь!.. ты слышалъ!

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ *(за дверью).*

Отворите!

(Стукъ усиливается.)

МАРФИНЬКА *(въ испугѣ, сонная ескакиваетъ съ кресла около дверей, въ которыхъ дремала въ продолженіи предыдущей сцены).*

А!.. кто тамъ!.. что вамъ нужно!.. кто стучить!..
(Опоянъ, бѣжитъ къ Натальѣ Борисовнѣ.)
 Наташенька!.. что дѣлать намъ?..

НАТАЛЯ БОРИСОВНА *(князь Ивану).*

Бѣги!

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ *(за дверью).*

Наталя, отолри!

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.

Спасайся, Ваня! *(Влечетъ его къ окну).*

Сюда.... въ окно.... тутъ низко!... *(князь Иванъ отворяетъ окно, въ эту минуту луна ярко освѣщаетъ его).*

ТРУБЕЦКОЙ *(за сценой подь окномъ).*

Наковецъ-то!

Смотрите всѣ!.. вы узнаете князя,
 И можете присягу въ томъ принять,
 Коль этого потребуютъ отъ васъ? *(Язвительно.)*
 Чтожъ!.. князь!.. прошу покорно!..
 Чего задумались?... тутъ безопасно,
 Не высокъ, не то что у меня
 Въ моемъ домишкѣ, гдѣ вы шутки ради
 Меня хотѣли выбросить въ окно!..
 Изволили забыть о томъ, быть-можетъ?..

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ *(за дверью)*.
 Коль ты, сестра, сейчасъ не отолпнешь
 Я дверь велю сломать.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Пусти, Наташа!

Не бойся!.. *(Бросается къ двери и отпираетъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ, ГРАФЪ ЛЕВЕНВОЛЬДЕ, по-
 томъ ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ и АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Вотъ онъ самъ! не правъ ли я?

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Сознаться долженъ что вы правы, графъ,
 Хотя прискорбно видѣть мнѣ сіе.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Графъ Петръ Борисычъ! шурия нареченный!...

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ *(отстраняя его)*.

Васъ, сударь, знать я не хочу!... но ты,
 Затворица, смиренница сестрица,
 Скажи, за что нашъ домъ честной лозорить?...
 За что....

КНЯЗЬ ИВАНЪ *(вынимая шпагу)*.

Довольно, графъ, ни слова больше!

Коль вы пришли меня арестовать
 По царскому приказу... я готовъ!
 Берите смѣло!... я вамъ отдаюсь!
 Но, знайте, никому я не позволю
 Ее обидѣть, хоть единымъ словомъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Покаместъ васъ еще не арестуютъ...
 Лишь при свидѣтеляхъ хотѣлось мнѣ
 Васъ уличить въ непослушанъ дерзкомъ
 Ея величеству.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Братъ Петръ Борисычъ!

Въ томъ вѣтъ позора никому изъ насъ
 И вѣтъ вины моей что жениха,
 Предъ Богомъ обрученнаго со мною,
 Пришлось видать мнѣ тайно, коли явно
 Судьба да злые люди не пускаютъ,
 Въ послѣдній разъ прошу тебя, отдай
 Меня ты за него, не медля долѣй,
 Поколебать рѣшенья моего,
 Ты знаешь, не удастся ни за что,
 Чего же ждать?

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(злобно)*.

Тѣмъ болѣе, графиня,

Что врядъ ли князю долго остается
 Быть на свободѣ.

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.

Ваня милый! слышешь!

Скорѣи какъ можно въ Горенку вернись.
И все веди тамъ къ свадьбѣ приготовить.
Я выѣду къ тебѣ чуть свѣтъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ *(умоляющимъ голосомъ)*
Наташа!

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.

А ты, братъ Петръ Борисычъ, будь отцомъ
Сестрѣ-сироткѣ, съ миромъ отпусти...
Благослови и подѣ вѣнецъ сзези.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Такъ вѣтъ же! я лотворствовать не стану.
Насильно не могу тебя держать,
Но знай что вѣтъ согласья моего.

НАТАЛЯ БОРИСОВНА *(къ Сергѣю Борисовичу)*

Такъ ты, меньшой мой братецъ...

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ *(прерываетъ)*.

И Сергѣя

Я не луццу съ тобой! Надѣюсь онъ
Ослушаться меня пока не смѣеть.
У насъ съ нимъ впереди еще вся жизнь,
Съ олаальными измѣнниками знаться
Не гоже намъ. Коли себя губить,
Во что бы то ни стало, ты рѣшилась,
То повъжай къ вѣнцу одна, съ рабой.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА *(выступаетъ впередъ)*.

Ну вѣтъ же!.. батюшка ты мой, Петруша!
Ужъ этому не быть! Хоть я сама
Ей-ей готова на колѣнкахъ ползать
Передъ Наташенькой, молить ее
Одуматься и пожалѣть себя,
Но если насъ съ тобой не станетъ слушать,
То не логѣвайся, одну съ рабой
Ее не отлуццу, сзезу сама.
Хотя не больно-то казисты мы,
Я съ Марѣиной, лоди лоллоше вѣвхъ
Изъ всей родни-то вашей, знатной, будемъ,
А все же съ нами вхать ей пристойнѣи.

НАТАЛЯ БОРИСОВНА.

Спасибо, тѣтушка, моя родная,
Самъ Богъ васъ наградитъ за это!.. Ваня,
Пойдемъ, мой милый, провожу тебя
Еще разоукъ я до калитки... нашей. *(Оба идутъ къ двери.)*

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(останавливая ее)*.

Вы губите себя, графиня!

НАТАЛЯ БОРИСОВНА *(съ холоднымъ презрѣ-
нiемъ)*.

А!..

Вы здѣсь еще!.. Я думала что вы
Долосомъ послѣшите довершить
Шлюство ваше. Ну, пойдемъ же, Ваня. *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ТѢ ЖЕ безъ КНЯЗЬ ИВАНА и НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ *(со сдѣрбанной и большою стѣною)*.

Добро же! я послѣдую совѣту
И завтра жь къ графу Бирону поѣду!
Жаль очень что нельзя, никакъ нельзя
Теперь же, ночью, повидаться съ нимъ.
А то я выпросилъ бы приказанье
Немедленно, хотя бь изъ-подъ вѣнца
Ивана Долгорукаго схватить.
Быть-можетъ, этимъ удалось бы мнѣ
Сласти графиню отъ самой себя.

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ! Отъ самой себя ужь гдѣ сласти!
Поправить дѣло, какъ бы намъ хотѣлось,
Ужь не удастся, графъ... Оставьте жь это,
Простите вы сестры!...

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

Но все равно
Ужь князь Иванъ помилованъ не будетъ.
(Идетъ къ двери.)

ГРАФЪ ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ *(проводитъ его)*.

Просить осмѣлюсь чтобы доложили
Вы господину оберъ-камергеру,
Что я противился насколько могъ
Безумному рѣшенію сестры. *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ Х.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ, АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА, МАР-
ОЙНЬКА.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

О Господи!.. дѣла, дѣла какія!..
Ну кто повѣритъ что тутъ въ домѣ свадьба?..
На похороны точно собрались! *(Сергѣю Борисовичу)*
О чемъ, родимый, плачешь?.. жаль Наташу?..
А ты бы упросилъ ее, голубчикъ!
Авось она любимца своего
Послушаетъ и ласковому слову
Уступитъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ, просить ее не стану.

Что толку лонапраену огорчать!
А плачу я о томъ что не могу
Къ вѣнцу мою Наташу проводить.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА

Ну что, родимый, на тебѣ не взыщутъ:
Извѣстно, коль своя была бы воля..
И послѣ столь великаго начала,
Кто могъ подумать о такомъ концѣ!..

Чай помните, какъ здѣсь, на обрученьѣ
Толпились гости что ни есть знатнѣй!
Самъ государь покойный быть изволилъ!..

(Машнетъ рукой)

Охъ!.. лучше и не вспоминать о прошломъ!
Ну, Марейка, скорѣе, помогай!.. *(Объ хлопчутъ,
накрываютъ столъ, ставятъ на него свѣчи,
хлѣбъ-соль и т. д.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА *(выходитъ, въ подвенечномъ уборѣ).*

ГРАФЪ СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ *(бросается къ ней).*
Сестра голубушка, прощай на вѣки!.. *(Рыдая обнимаетъ ее, всѣ плачутъ.)*

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Сережа! братецъ!.. злобно, лошади! *(Нежного помолчавъ.)*

Я съ маленькими сестрами прощалась,
Хотѣла сонныхъ ихъ разувловать,
Но Катенька проснулась, разрыдалась,
Рученками мнѣ шею обвила

И долго не пускала отъ себя.

Охъ, тяжко, тяжко съ вами разставаться;

Родимый домъ на вѣки покидать!..

Тутъ сами стѣны помогаютъ плакать!..

О Боже! на Тебя моя надежда,

Ты силой мнѣ, Ты крѣпостью мнѣ будь!..

(Подходитъ къ окну.)

Свѣтаешь, скоро вѣхать намъ пора.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА *(ставитъ свѣчи предъ
большимъ зеркаломъ.)*

Иди, присядь, мы съ Марейкой головку

Тебѣ фатой съ цвѣтами уберемъ

И косу дѣвичью мы расплетемъ. *(Наталья Борисовна
идетъ, садится предъ зеркаломъ.)*

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА.

Скорѣе, тетушка; совсѣмъ свѣтло.

АНИСЬЯ МАРТЕМЬЯНОВНА *(убираетъ ей голову;
Марейка подаетъ
все нужное.)*

Сейчасъ, сейчасъ готово... Ну голубка,

Хошь ты блѣдна, заплаканы глаза,

А все жь красавица на диво всѣмъ.

Ну вотъ мы и послѣли. *(Наталья Борисовна встаетъ.)*

Что жь, родная,

Неужто и не взглянешь на себя,

Въ послѣдній разъ на дѣвичью красу?.. *(Наталья Борисовна нехотя поднимаетъ глаза на зеркало, но вдругъ съ пронзительнымъ крикомъ, почти безъ чувствъ откидывается на руки Анисьи Мартемьяновны и Марейки.)*

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ *(подбѣгал и поддер-
живая ее).*

Что, что съ ней?..

МАРФИНЬКА.

Господи!

АНИСЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Не знаемъ сами!

Дрожить и бьется словно въ лихорадкѣ...

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА *(едружъ выпрямилась и
дико озирается.)*

Гдѣ!.. гдѣ онъ!.. Ваня!.. Боже милосердный!..

*(Собрагается възмъ тѣломъ и закрываетъ
лицо руками.)*

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ.

Наташа!..

МАРФИНЬКА.

Что съ тобою?

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ.

Да скажи!..

АНИСЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Оставьте!.. дайте ей придти въ себя.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА *(прерывисто).*

Здѣсь... въ зеркалѣ... вы видѣли?.. стоитъ

Женихъ мой... князь Иванъ... и весь въ крови...

Кровь съ рукъ бѣжитъ... и съ ногъ... и полосой

Широкою... всю шею обвила... *(Вздрагиваетъ).*

Ужасно!..

АНИСЯ МАРТЕМЬЯНОВНА.

Ей видѣнье, значитъ, было.

Наташенька, внемли ты гласу Божью,

Не ѣзди ты вѣнчаться съ князь-Иваномъ...

(Трепетно понижая голосъ).

Что видѣла ты—предвѣщаетъ казнь.

МАРФИНЬКА.

Не ѣзди.

ГРАФЪ СЕРГВЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ! теперь ужъ не поѣдешь?..

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА *(помолчавшись про себя,
успокоилась, востор-
женно).*

Поѣду... все-таки поѣду!.. вѣрю

Ему Самимъ я Богомъ отдана

И докажу что я въ любви вѣрна!

Занавѣсъ.

ОЛЬГА ГОЛОХВАСТОВА.

Венеція.—Покровское-Рубцово.

1875—76.

МАДОННА*

ПОВѢСТЬ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

(ИЗЪ ОДНОЙ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Прошелъ цѣлый годъ. Князь Петръ Ильичъ проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на берегу Лемана, показалъ молодой женѣ всю Швейцарю, даже свозилъ ее поглядѣть „Европейскую поклонную гору“, какъ называлъ онъ Fegney. Затѣмъ, будучи не доволенъ швейцарскими докторами и не чувствуя никакого улучшенія въ своемъ здоровьи, онъ перѣѣхалъ въ Вѣну. Предполагая прожить тутъ долго, князь купилъ себѣ виллу и первое время прошло въ устройствѣ и убранствѣ этой виллы. Князь съ самаго выѣзда изъ Россіи не говорилъ никогда и не поминалъ даже о возвращеніи въ Москву. Однажды только устроивъ виллу онъ сказалъ вскользь: остаться бы тутъ на всю жизнь! Княгиня не думала тоже о возвращеніи на родину и почти не желала этого покуда. Только отца хотѣлось ей повидать, но вѣдь

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 9.

его бы можно было и выписать. Родина представлялась княгинѣ въ видѣ княжихъ холодныхъ и мрачныхъ палатъ надъ Москвой рѣкой и въ видѣ цѣлой толпы людей важныхъ и злыхъ, которые такъ оскорбительно любезны были съ ней во время ея свадьбы, которые такъ безжалостно злобно разтерзали ее на словахъ послѣ ея побѣга изъ дома мужа. Смередевъ писалъ ей: „не возвращайтесь подолѣе, здѣсь васъ рвутъ на части!“

И княгинѣ не хотѣлось ворочаться. Да и не къ кому. Отецъ жилъ въ стелу Ламовской, а Смередевъ тоже, получивъ наследство на югѣ Россіи, уѣхалъ изъ Москвы года на два.

„Вернусь, когда вы вернетесь,“ писалъ онъ, а вы не слѣшите.

А между тѣмъ за это время проведенное за границей Агарина мужъ и жена настолько измѣнились что ихъ не узналъ бы никто изъ московскихъ злоязычниковъ. Князь постарѣлъ чуть не на десять лѣтъ, сдѣлался нервнѣе, желченѣе, раздражителнѣе и нелюдимѣе. Отъ Дужинской барышни не осталось ровно ничего. Княгиня Агарина хотя и была съ виду лицомъ и сердцемъ та же кроткая, ясноокая красавица, но нравственно и умственно это былъ уже человѣкъ который почти самъ себя не узнавалъ. Въ первые же мѣсяцы переѣзда за границу юному и пытливому уму молодой княгини предсталъ цѣлый новый міръ и смутившій и обрадовавшій ее. Первое время прошло въ какомъ-то чаду новыхъ впечатленій и въ нескончаемыхъ разспросахъ князя. Она смущала даже мужа всевозможными вопросами; и вскорѣ по совѣту его перешла къ книгамъ, а отъ книгъ съ которыми не могла справиться къ ученію и учителямъ. Наконецъ чрезъ два мѣсяца по переѣздѣ за границу княгиня Агарина подобно дѣвочкѣ училась по цѣлымъ днямъ; весь день былъ наполненъ распределенными часами и уроками. Услѣхи она дѣлала громадныя: въ какихъ-нибудь полгода она уже свободно стала понимать и читать по-французски и перешла къ нѣмецкому языку. Сначала, въ Швейцаріи, у ней были уроки исторіи и географіи, а когда они переѣхали въ Вѣну, то къ русской княгинѣ ходили уже профессора самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Насколько княгиня относилась къ этому пылко, страстно, серьезно, настолько князь шутивно и легко. Ни тотъ, ни другая не

знала, конечно, къ чему могутъ повести эти занятія. Хотя князь не былъ ревнивъ отъ природы и теперь не ревновалъ молоденькой черезчуръ жены, а радовался всегда, когда жена его наряжалась, выѣзжала и веселилась или принимала у себя, но все-таки однако онъ не могъ не предпочесть этихъ усиленныхъ занятій и серьезной работы выѣздамъ въ свѣтъ. Княгиня вся ушла въ свое ученье и чѣмъ болѣе работала, тѣмъ становилась сосредоточеннѣе и молчаливѣе, тѣмъ болѣе и чаще проводила дни и вечера въ раздумьѣ. Новый необъятный, загадочный міръ, который раскрывала предъ ней наука, проглотила, ее всю. Это пылливое и страстное молодое созданіе тонуло, казалось, даже погибало въ этомъ мірѣ. Когда случалось на мгновеніе просыпалась въ ней прежняя Дужинская барышня, Машуна, то ей казалось что княгиня Марья Лукьяновна Агарина совсѣмъ не она, а кто-то другой. Эта княгиня будто внезапно взлетѣла и носилась гдѣ-то въ небесахъ, среди безграничнаго простора. И не находя пристанища, не находя исхода, теряясь и томясь духомъ въ этой ширѣ, она все-таки не хотѣла и не могла спуститься снова внизъ въ тотъ тихій и укромный уголокъ на землѣ гдѣ была когда-то Дужинская барышня; гдѣ жила она подобная мошкѣ ползущей въ муравѣ и не видящей, не вѣдающей ничего далѣе сосѣдней травки.

Вмѣстѣ съ этими занятіями, конечно влолѣвъ легкими и поверхностными, молодая княгиня читала безъ конца всѣ извѣстные французскіе романы того времени.

И молодую душу смущало что во всѣхъ безъ исключенія романахъ этихъ главный интересъ на которомъ все зиждилось и все сосредоточивалось было нѣчто совершенно незнакомое и чуждое ея собственной жизни и обстановкѣ. Какой бы романъ она ни взяла въ руки, какой бы герой или героиня ни появились предъ ея воображеніемъ, первую роль играла любовь. Лобовники мучились, боролись, страдали и погибали или все кончалось бракомъ счастливо и благополучно. Всѣ эти чувства сердечныя, бури и тревоги которыя переживали герои этихъ романовъ княгиня не понимала или же понимала смутно. Она чувствовала сердцемъ возможность и правду всего этого; чувствовала что все это пожалуй при иныхъ условіяхъ было бы и ей доступно. Не разъ случалось ей ночей не спать обдумывая судьбу какой-либо героини послѣдняго романа; часто слу-

чалось ей обливаться горькими слезами страницы маленьких книжонекъ. Однако въ ней самой, въ ея обстановкѣ, въ ея жизни ничего подобнаго не было и казалось даже не хотѣло быть.

Но почему же такъ? думала она не разъ и сначала не находила отвѣта. Вопросъ и отвѣтъ на это были однако такъ просты что все не замедлило объясниться самымъ простымъ образомъ. Однажды княгиня начала новый романъ и онъ особенно поглотилъ все ея вниманіе; она не читала, а переживала каждую страницу. Прочитавъ, она снова начала читать его; чуть не выучила наизусть. Въ этомъ романѣ разказывалось какъ старикъ, затѣливо прожившій на свѣтѣ благодаря большому состоянію, уже въ преклонныхъ годахъ женился на молодой дѣвушкѣ и не могъ быть ея мужемъ. Подруга старика осталась какъ была страстною, прежде беззаботною и счастливою, а теперь несчастливою дѣвушкой. Все существо ея стремилось познать, пережить душой и разумомъ чувство взаимной любви и не находило отголоска въ старикѣ мужѣ. Вскорѣ появился герой, молодой человекъ, богато одаренный природой, красивый, чувствительный, храбрый... и полюбившій ее безумно. Героиня сразу отдалась ему, вслѣдствіе страсти которая внезапно пламенемъ охватила ее. Цѣлая драма привела, наконецъ, къ тому что въ послѣднемъ томѣ погибали всѣ трое—и старикъ мужъ, и невѣрная жена и молодой герой. Первая половина этого романа была конечно собственная исторія княгини Агапиной! И, странное дѣло, теперь только вполнѣ уяснила себѣ молодая княгиня что было неестественнаго въ ея отношеніяхъ къ мужу. Теперь только вполнѣ поняла она что князь Петръ Ильичъ былъ для нея не мужемъ, а отцомъ, и что въ такой обстановкѣ полнаго счастья быть не могло. Послѣ этого княгиня бросила читать романы, а затѣмъ бросила и учиться. Ей казалось что она получила отвѣтъ на тотъ вопросъ который наполнялъ все ея существо до сей поры, и слѣдовательно зачѣмъ же еще спрашивать, то-есть читать и учиться,—больше ничего не узнаешь. Княгиня стала еще сумрачнѣе, молчаливѣе, хотя попрежнему была ласкова и предупредительна съ нервнымъ и раздражительнымъ мужемъ, и только лицо ея, еще болѣе спокойное, съ холоднымъ, слегка жесткимъ, выраженіемъ глазъ—доказывало

что на глубинѣ души ея совершилось что-то; перебродило, перестрадалось и улеглось. На всегда ли, на долго ли—никто сказать этого не могъ. Съ этихъ поръ княгинѣ казалось какъ-то особенно скучно, пусто и бессмысленно все ее окружающее; она вспомнила о Дужинѣ, о своемъ отцѣ, даже о горничной Любѣ, которая осталась въ Москвѣ, и ей сильно захотѣлось вернуться на родину и побывать въ Дужинѣ, гдѣ жилось ей когда-то такъ легко. Князь, усердно лѣчившійся у разныхъ докторовъ, на разные лады, началъ между тѣмъ сознавать что никакая медицина не сдѣлаетъ изъ старика молодого; мысль ѣхать домой приходила и ему.

Желаніе княгини вернуться въ Россію между тѣмъ все усиливалось. Она обманывала себя мыслью что тамъ, у себя, жизнь ея изо дня въ день не будетъ идти такъ бессмысленно, такъ томительно однообразно и грустно. Прямо заговорить и просить мужа вернуться, она не рѣшалась. Князь иногда совершенно неожиданно и безъ видимой причины, безъ основанія, вдругъ выходилъ изъ себя, упрекалъ жену въ нелюбви, въ равнодушіи. Часто какая-нибудь мелочь, пустяки, простой вопросъ со стороны жены, сердили раздражительнаго князя, даже повидимому глубоко и серьезно оскорбляли его. И княгиня, боясь вызывать нежданно потокъ рѣзкихъ упрековъ въ равнодушіи и неблагодарности, давно стала осторожна, не выражала прямо самыхъ простыхъ желаній. Однако неумышленно, едва замѣтно для самой себя, княгиня привыкла и выучилась намекать о томъ чего хотѣла достигнуть. Она поневолѣ тонко стала хитрить съ мужемъ; но instinctивно, невинно, такъ-сказать изъ чувства самосохраненія.

Неожиданная и даже глупая случайность повела къ немедленному осуществленію ея тайнаго желанія. Около ихъ виллы, въ окрестностяхъ Вѣны, купилъ тоже виллу какой-то очень красивый и молодой венгерскій магнатъ. Встрѣтивъ раза два княгиню, онъ вѣроятно былъ пораженъ ея красотой; въ особенности оригинальностью этой красоты, благодаря почти бѣлымъ волосамъ ея. Венгерецъ тотчасъ сталъ просто преслѣдовать княгиню повсюду. Выѣзжала ли она изъ дому въ городъ или выходила погулять лѣшкомъ по парку—поклонникъ былъ неотвязно около нея и издали слѣдя за ней блестящими глазами, краснорѣчивымъ молчаніемъ говорилъ о своей страсти. Это надоѣло княгинѣ. Она

не могла изъ-за незнакомца гулять спокойно въ паркѣ и бредить задумчиво по цѣлымъ часамъ, какъ дѣлала прежде. Княгиня пожаловалась мужу. Князь посмѣялся, пожалъ плечами и сказалъ что невозможно запретить красавцу Венгерцу вздыхать по ней, а равно невозможно запретить слѣдовать молча по пятамъ ея. Онъ правъ локуда не заговорить съ ней. Тогда вотъ будетъ уже дерзость.

Поклонникъ не заставилъ себя долго ждать и однажды приблизясь и заговоривъ съ княгиней, сдѣлалъ ей формальное и велерѣчивое объясненіе въ любви. Онъ извинялъ свой поступокъ тѣмъ что по его убѣжденію княгиня не можетъ любить мужа, по лѣтамъ годнаго ей лишь въ дѣды. Все слово въ слово передала мужу княгиня. Онъ поволовался цѣлый вечеръ, собрался жаловаться въ полицію на дерзкаго поклонника; затѣмъ освѣдомившись о немъ и узнавъ что онъ дѣйствительно одинъ изъ венгерскихъ аристократовъ, князь собрался вызвать его на дуэль.... но черезъ три дня князь окончательно уже собрался вѣхать въ Россію. Княгиня невольно усмѣхнулась внутренно...

II.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ этого Агарины вѣзжали уже въ Москву послѣ долгаго, утомительнаго пути и снова очутились подъ тою кровлей громаднхъ палатъ княжихъ, въ которыхъ полтора года тому назадъ происходила лышная, но не веселая свадьба ихъ. На княгиню эти палаты произвели еще болѣе грустное и тяжелое впечатленіе нежели она предполагала. Несмотря на то нерадостное время, когда она была невѣстой, ей казалось что все-таки тогда ей было легче, тогда она была счастливѣе, нежели теперь; тогда она говорила про будущаго мужа: „онъ добрый“, теперь она чувствовала что *этого мало*. Тогда было предъ ней, въ ея будущемъ, что-то неясное, таинственно сулившее быть-можетъ и счастье; теперь же все было ясно кругомъ нея, все было понятно и въ будущемъ нечего было ожидать. Какъ теперь, такъ и черезъ годъ, такъ черезъ десять лѣтъ будетъ идти ея жизнь, изо дня въ день со старикомъ мужемъ, не принося ничего новаго, ни хорошаго, ни дурнаго. Одно только обстоятельство могло сдѣлать

княгиню счастливою, возвратить къ жизни, много общать и вылолнить обѣщаніе — это смерть князя и вдовство. Но эту неотвязную мысль честная натура княгини съ ужасомъ отгоняла отъ себя.

На другой же день по пріѣздѣ князь выѣхалъ съ утра со двора; княгиня спросила о Любѣ и позвала къ себѣ, но та не могла придти; княгинѣ доложили что она больна. Обойдя весь домъ княгиня почувствовала себя особенно одинокою, хотя палаты князя были биткомъ набиты безчисленною толлою хололовъ и горничныхъ. Вернувшись къ себѣ въ свою уборную, роскошь и прелесть которой она телерь только могла понять и оцѣнить, княгиня также какъ и за границей въ тысячный разъ задала себѣ все тотъ же вопросъ: что мнѣ дѣлать? то-есть задумалась о томъ, какъ наполнить длинный, однообразный и скучный день.

Простой случай, незначительный и лустой, навелъ ее на мысль чѣмъ заняться, чѣмъ наполнить свою жизнь, хотя бы отчасти.

Изъ окна своей уборной она видѣла, какъ вошли во дворъ человекъ десять крестьянъ и стали у ограды. Черезъ нѣсколько секундъ появился на подѣздѣ кто-то изъ дворовыхъ и сталъ ихъ гнать. Крестьяне не шая; нѣсколько человекъ дворовыхъ вооружились палками и логнали ихъ. Началась брань, крики. Сначала крестьяне подались было и уступили, но вдругъ все перешло въ руколашную. Толпа прохожихъ остановилась за оградой, смотрѣла на зрѣлище, хохотала и подзадоривала обѣ стороны.

Княгиня позвала дѣвущку чтобъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось что крестьяне одной изъ дальнихъ вотчинъ князя явились къ нему съ жалобой на управляющаго. Они даже не знали что князь за границей и только по счастливому стеченію обстоятельствъ пришли въ Москву, почти за тысячу версть, въ самый день его пріѣзда.

Къ удивленію всей дворни и даже прохожихъ, княгиня велѣла позвать къ себѣ немедленно этихъ крестьянъ, вышла къ нимъ въ переднюю и разспросила подробно въ чемъ дѣло самаго стараго и на видъ дѣльнаго. Дѣло было просто. Во-первыхъ, всѣ десять человекъ были не только избиты, но почти изуродованы. Двое изъ крестьянъ, не стѣсняясь, а напротивъ того ободренные тѣмъ что говорятъ съ самою молодою барыней, мгновенно сбросили полушубки: одинъ

засучилъ рукава рубахи, другой раскрылъ воротъ и показали княгинѣ широкіе рубцы и избитое тѣло. Княгиня узнала что управитель вотчины извѣстный во всемъ околѣкъ извергъ, котораго мѣстное начальство потому только не трогаетъ, что онъ крѣпостной и поставленникъ сильнаго вельможи князя Агарина. Разказами крестьянъ объ изувѣрствахъ управителя можно было и не повѣрить, но одинъ изъ дворовыхъ, который наиболѣе нравился княгинѣ, главный кучеръ Семень, объяснилъ барынѣ смѣло и бойко что все это сущая правда, что онъ самъ изъ той вотчины и дѣла эти давно извѣстны и дворовымъ и самому Андриану Егорычу.

Княгиня велѣла крестьянъ накормить въ людской, а сама вернулась къ себѣ въ комнату, въ ожиданіи князя уѣхавшаго съ утра въ гости ловидаться со старыми знакомыми. Княгиня быстро рѣшила въ себѣ самой чѣмъ пополнить свой день, всю свою, быть-можетъ еще долгую и безотрадную жизнь. У князя было около лятнадцати тысячъ душъ крестьянъ разбросанныхъ по всей Россіи, и въ подмосковныхъ имѣніяхъ, и въ степныхъ; и въ дальнихъ губерніяхъ, чуть не на окраинахъ Россіи.

Въ ту секунду, когда княгиня соображала что судьба, счастье или несчастье, этихъ лятнадцати тысячъ душъ будутъ зависѣть отъ одного ея слова, что ей стоить двинуть пальцемъ чтобы всѣ они стали сразу счастливы,— въ эту секунду, быть-можетъ, въ первый разъ послѣ полутора года, лицо княгини прояснилось, глаза засіяли. Если бы она взглянула на себя въ зеркало, то узнала бы въ себѣ теперь отчасти прежнюю Дужинскую барышню.

Черезъ часъ, когда князь пріѣхалъ и они встрѣтились въ гостиной, Петръ Ильичъ остановился и невольно вытаращилъ глаза: онъ давно не видалъ своей жены съ такимъ выраженіемъ лица.

— Что, неужто жъ тебѣ сказали? вымолвилъ онъ.

— Чтò? отозвалась княгиня.

— Какъ чтò? Чему же ты тогда обрадовалась? Твой батюшка будетъ здѣсь; не нынче, завтра.

Княгиня радостно ахнула. Она думала что увидить отца только недѣли черезъ двѣ, а то и болѣе.

Узнавъ что жена ничего и не слыхала о пріѣздѣ отца, князь снова повторилъ тотъ же вопросъ.

— Чему же ты радуешься? У тебя совсѣмъ другое лицо?

Княгиня разказала мужу о прибытіи крестьянъ, о своей бесѣдѣ съ ними и о томъ на что она рѣшается.

— Я хочу быть вашимъ главнымъ управляющимъ, кротко улыбаясь, сказала она мужу.

Сначала князь воспротивился этому; сталъ уговаривать жену не братьяся за дѣло вполнѣ неизвѣстное для нея. Онъ шутя сталъ говорить что чрезъ новые порядки у нихъ ста рублей дохода въ годъ не будетъ, что всѣ его пятнадцать тысячъ душъ при такомъ управляющемъ сольются съ круга и придется всѣхъ поголовно сдавать въ солдаты или ссылать въ Сибирь. Но всѣ доводы и шутки князя не поведи ни къ чему. Княгиня настояла на своемъ, тѣмъ болѣе что она обѣщала не лутаться въ хозяйство и въ его подробности, а только смѣнить нѣкоторыхъ и зорко слѣдить за тѣмъ чтобы управляющіе не притѣсняли крестьянъ.

Князь, по природѣ добрый, согласился, хотя прибавилъ что русскій народъ надо бить *par principe*. Княгиня тотчасъ рѣшила, проживъ въ Москвѣ съ ожидаемымъ отцомъ, обѣхатъ всѣ вотчины, лично побывать вездѣ, исключая самыхъ дальнихъ селеній. Кое-гдѣ смѣнить управляющихъ и назначить новыхъ и затѣмъ начать управлять.

Путешествіе это отчасти услужало князя. Но локула жена говорила, объясняла все о чемъ думала цѣлый часъ предъ его возвращеніемъ, князь ничего не слушалъ, а только глядѣлъ на нее влюбленнымъ взоромъ и радовался тому что молодая жена снова стала, казалось, попрежнему весела. Но затѣмъ, жена еще и не кончила своихъ объясненій, какъ князь опустилъ глаза и голову, понурился, вздохнулъ тяжело и замолчалъ. Такъ бывало всегда. Полюбовавшись молодою женой онъ всегда глубоко задумывался, а затѣмъ, придя въ себя, былъ еще болѣе раздражителемъ весь день.

Въ эту ночь княгиня почти не смыкала глазъ и все думала о своей новой обязанности; ей все представлялись десятки, сотни и тысячи разныхъ крестьянъ, бабъ, ребятишекъ которые всѣ мыкають горе отъ разныхъ злодѣевъ удравителей и которые теперь всѣ перейдутъ подъ ея защиту.

На утро княгиня Марья Лукьяновна была еще бодрѣе и веселѣе, потому что додумалась до новаго соображенія и радостно передала его мужу. Она рѣшила по пріѣздѣ отца,

вмѣсто того чтобы побыть съ нимъ въ Москвѣ, пригласить его побхать вмѣстѣ съ ней по всѣмъ вотчинамъ и помочь ей въ этомъ новомъ и трудномъ дѣлѣ устройства судьбы княжихъ крѣпостныхъ.

Князь даже обрадовался этому проекту, считая Лукьяна Ивановича дѣятельнымъ хозяиномъ.

— Ну что же, отлично! сказалъ онъ.—Прійдетъ батюшка, поживемте вмѣстѣ недѣлку, а тамъ съ Богомъ ступай съ нимъ *faire le bonheur de tes serfs*.

III.

Пока за границей происходила метаморфоза съ Дужинскою барышней то же случилось отчасти и съ Дужинскимъ инвалидомъ. Если благодаря ученью и умственной работѣ между прежнею Машуной и нынѣшнею княгиней Марьей Лукьяновной не осталось ничего общаго, то и съ отцомъ ея случилась тоже небольшая перемѣна. Дворянинъ Собакинъ—обладатель, хотя и по довѣренности отъ дочери, Троицкой вотчины, тоже сталъ мало похожъ на прежняго стараго инвалида, владѣвшаго десяткомъ душъ. Лукьянъ Ивановичъ за это время сталъ бодрѣе, какъ-то даже помолодѣлъ и, главное, сталъ осанистѣе и важнѣе съ виду. Занятіе хозяйствомъ по большому имѣнію, большой кругъ знакомыхъ, близкія отношенія и почти дружба съ преосвященнымъ, съ губернаторомъ и со всею администраціей захоlustья, повліяли, казалось, даже не только на умственную, но и на физическую сторону. Старый инвалидъ все еще, казалось, не могъ привыкнуть къ тому что его Машуна стала княгиней Агариной. Каждое утро, иногда и среди дня, иногда и среди ночи, когда онъ просыпался, онъ повторялъ себѣ:

— Да, княгиня-то Агарина? это вѣдь моя Машуна!

И каждый разъ мысль эта, такъ же какъ и въ первые дни, заставляла его гордо подымать голову, радость трелетать его сердце. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ и доволенъ и это отразилось вполнѣ на его внѣшности. Одно лишь обстоятельство заставляло его иногда взгрустнуть—смерть жены.

Получивъ письмо отъ дочери что она съ мужемъ скоро возвратится въ Россію, Лукьянъ Ивановичъ, сообщивъ объ

этомъ радостномъ извѣстiи и преосвященному и губернатору и всѣмъ своимъ знакомымъ, собрался уже въ Москву.

Черезъ два дня послѣ разговора княгини съ мужемъ о приѣздѣ отца, старый инвалидъ вѣзжалъ во дворъ княжихъ палатъ. Княгиня съ радостнымъ чувствомъ ожидавшая отца, съ нетерпѣнiемъ выглядывавшая цѣлый день на дворъ не вѣдетъ ли экипажъ шестерикомъ, при первомъ звукѣ лошадей и колесъ сбѣжала внизъ. Старый инвалидъ не успѣлъ еще выйти изъ кареты, какъ его Машуня повисла у него на шеѣ. Но видно такова судьба была княгини что всякая радость обращалась для нея въ горе: черезъ нѣсколько часовъ по приѣздѣ отца она стала грустнѣе, чѣмъ когда-либо. Увидя старика отца, выслушавъ всѣ его рассказы про Троицкое, про Дужино, про тотъ уголокъ, гдѣ когда-то была она такъ наивно и безознательно счастлива, гдѣ былъ ея огородъ, гдѣ жилъ и живъ еще Вася,—она ощутила на сердцѣ такую глубокую тоску и такое сожалѣнiе объ этомъ прошломъ, что едва сдерживала слезы. Она обрадовалась только тому что отецъ ея повидимому былъ еще здоровѣе и бодрѣе, чѣмъ прежде.

Князь встрѣтилъ тестя очень любезно и радушно, но что-то особенное, какая-то неловкость въ ихъ отношенiяхъ, впервые явившаяся еще когда послѣ вѣнца жена его бѣжала въ домикъ отца, сказывалось между ними и теперь. Князь какъ-то не глядѣлъ прямо въ глаза тестю, словно чувствовалъ себя въ чемъ виноватымъ. Старикъ Собакинъ видѣлъ это, но не могъ себѣ объяснить. Тогда, послѣ свадьбы старикъ приписалъ это что-то неловкое любви дочери, хотя не считалъ князя виновнымъ въ немъ.

Теперь же, когда то же самое оказалось послѣ полутора года разлуки, Лукьянъ Ивановичъ внутренно диву дался.

„Что жь это онъ въ глаза мнѣ не смотритъ?“ думалось старику.

На слѣдующiй день какъ только князь выѣхалъ со двора и Лукьянъ Ивановичъ остался съ дочерью наединѣ, то первый же вопросъ его смутилъ дочь.

— Ну что, Машуня, княгинюшка моя, какъ поживаешь? Ты вѣдъ мнѣ о себѣ въ письмахъ никогда ничего не прописывала. Я спрашивалъ все, какъ тебѣ живется, а ты все свое... Города, да рѣки разныя описывала. Ну что же счаст-

лива ты? Князь ласковъ съ тобою? Денегъ тебѣ много да-
етъ? Небось, только и дѣлаетъ что наряжаетъ, да веселить?

Княгиня взяла отца за руки, молча, кроткимъ взоромъ
смотрѣла ему въ лицо и только при послѣднихъ словахъ
его она улыбулась сквозь слезы и взглянула на отца ка-
кимъ-то особеннымъ взглядомъ, тѣмъ взглядомъ которымъ
старикъ дѣдъ можетъ посмотрѣть на наивную и милую ша-
дость своего внука. Дѣйствительно, между двумя этими
существами роли перемѣнились. Лукьянъ Ивановичъ помо-
лодѣлъ лицомъ и остался попрежнему тѣмъ же добродуш-
нымъ и недалекимъ степнымъ помѣщикомъ. Чистый душой,
простой и безхитростный, старый инвалидъ былъ какъ и
прежде все тотъ же юноша или младенецъ. Дужинская же
барышня, уродившаяся въ бабушку баронессу и еще недав-
но проводившая день на своемъ огородѣ, въ лѣсу за гриба-
ми, или въ роцѣ съ Васей, теперь постарѣла и пылкимъ
разумомъ и сильною душой и даже отчасти лицомъ, потому
что она хотя и была еще красивѣе, но стала гораздо холод-
нѣе и строже. Лукьянъ Ивановичъ, не получивъ отвѣта на
свой вопросъ, замѣтилъ этотъ взглядъ которымъ отвѣчала
дочь и сразу понялъ, или, лучше сказать, почувствовалъ
всю перемѣну, совершившуюся за границей съ его до-
черью!

Это ужъ не Машуна, это ужъ кто-то другая сидитъ
предъ нимъ!

Еслибы къ этому взгляду который бросила сейчасъ на
него дочь не примѣшивалось такой искренней любви къ
нему, то этотъ взглядъ оскорбилъ бы старика. Онъ бы сло-
собенъ былъ вообразить что это княгиня Агарина глядитъ
на степнаго помѣщика.

— Ну что же, хорошо тебѣ живется? снова началъ ста-
рикъ, приглядываясь къ этой *новой* дочкѣ.

— Ничего, потуляясь вымолвила княгиня.

— Это не отвѣтъ! Это плохо коли ничего. Помилуй Богъ—
ничего! Я думалъ что ты словно сыръ въ маслѣ будешь ка-
таться. Меня вотъ все думка одна смущаетъ, лѣзетъ ко мнѣ
проклятая и день, и ночь. Я тебѣ объ этомъ отписать со-
бирался, да и не собрался.

Старикъ помолчалъ и прибавилъ:

— Ты вѣдь видишь какая стыдливая, съ тобой объ этомъ

дѣлъ житейскомъ не знаешь какъ и заговорить, съ какого конца взяться.

Старикъ поглядѣлъ прямо въ лицо дочери. Она уже ласково смотрѣла отцу въ глаза, но прѣ послѣднихъ словахъ его вдругъ потупилась и слегка отвернулась.

— Батюшка! забыла совсѣмъ, съ дороги кофейку не прикажете ли?

И она хотѣла подняться съ кресель, но старикъ удержалъ ее за руку.

— Кофейку!... То-то вотъ кофейку!... Сядь-ка! Вѣдь я тебѣ отецъ! Со мной можно обо всемъ говорить, или ты за псатора года, да за границами-то отца разлюбила? Помни, Машуля, втораго отца или второй матери не наживешь, хоть сто лѣтъ проживи...

— Богъ съ вами! Чтѣ вы, батюшка? воскликнула княгиня.

— Скажи на милость? кофейку!... вонъ чтѣ!... Прежде-то ты вѣдь хитрить не умѣла. Ну слушай. Коли ты меня рассердила, то я съ плеча рубить буду. Говори, когда у меня внучекъ будетъ?

И старикъ взглянулъ почти строго въ лицо дочери, какъ будто выговаривая ей какую вину. Мама, снова сидѣвшая прѣдъ отцомъ, при послѣднемъ словѣ вдругъ опустила глаза и перемѣнилась въ лицѣ. Оно не вспыхнуло краской стыда, а слегка поблѣднѣло. Старикъ замѣтилъ эту блѣдность, перепугался, схватилъ дочь за руки и вымолвилъ тихо:

— Господь съ тобой!... Чтѣ ты?...

— Ахъ, батюшка!... едва слышно пролепетала дочь, тихо освобождая свои руки и закрывая себѣ лицо.

— Чтѣ жь? былъ что ли, да померъ? Отъ меня скрыли, не написали! быстрѣи заговорилъ Лукьянъ Ивановичъ.

Такъ объяснилъ онъ себѣ внезапную блѣдность дочери. Мама покачала слегка головой, не отнимая рукъ отъ лица, и вымолвила глухо:

— Нѣтъ, нѣтъ!...

— То-то, а я было испугался. Чего же ты вдругъ такая стала?... Да, да, вотъ чтѣ... понимаю, и тебѣ бы тоже хотѣлось... Да, Машуля, долго я прежде не могъ утѣшиться что у меня нѣтъ сына-наслѣдника: всѣхъ Господь взялъ къ себѣ. Да ужъ это дѣло прошлое. Я утѣшался глядя на тебя. Видно Господь велитъ не быть болѣе роду Собакиныхъ. Но вотъ теперь внучка-то, внучка я все ждалъ... Каждое лись-

мо что получалъ отъ тебя, все думалъ: вотъ отпишетъ, на крестины звать будетъ, и поѣхалъ бы хоть и въ Швецію эту, въ вашу, а все бы поѣхалъ... Ахъ нѣтъ, какъ нѣтъ! Какъ уѣхали вы такъ и вернулись двое.

Княгиня сидѣла недвижно и молчала, опустивъ глаза. Старикъ продолжалъ:

— Эхъ, Машуля! ты еще молода, не понимаешь этого; тебѣ все небось наряжаться; у тебя балы, музыка, да танцы, а у меня только и на умѣ—князекъ, ввучекъ маховикій, малюсенькій... кудрявый, да драчунъ, чтобы меня, дѣдушку своего стараго, билъ кулачекъками...

Голосъ старика все сладалъ и вдругъ совершенно измѣнился: въ этомъ голосѣ слышались слезы.

— Теперь ты не понимаешь... едва-едва выговоримъ старикъ,—не понимаешь что такое свои дѣти, а былъ бы у тебя хоть одинъ свой...

Но старикъ не договорилъ. Княгиня, все время неподвижно глядѣвшая въ полъ и какъ-то странно теребившая на себѣ золотую цѣлочку, вдругъ подняла сверкающій взоръ на отца, бросилась къ нему на шею, и несдержанное громкое рыданіе огласило комнату.

— Маша, Маша!.. лелеталъ старикъ совершенно потерявшись.—Что ты?..

Но Марья Лукьяновна рыдала, припавъ къ отцу на грудь, и долго не могла говорить. Наконецъ полусловами, намеками, отрывочно и безъ связи княгиня объяснила что могла отцу. Картина семейной жизни дочери, бессмысленная и не естественно тяжелая, ясно предстала предъ глазами Лукьяна Ивановича.

„Такъ вотъ онъ отчего въ глаза мнѣ не смотритъ!“ хотѣлъ воскликнуть старикъ, но только подумалъ и промолчалъ. Въ эту минуту раздался на дворѣ громъ вѣхавшаго экипажа. Это былъ князь.

Княгиня быстро поднялась и почти выбѣжала изъ комнаты. Лукьянъ Ивановичъ отеръ себѣ лицо, всталъ, поглядѣлся въ ближайшее зеркало, оправился и глубоко вздохнувъ постарался принять бодрый видъ чтобы встрѣтить врага. Да, этотъ старый князь за котораго полтора года онъ чуть не насильно выдалъ дочь сталъ чуть ли не злѣйшимъ его врагомъ. Это случилось въ одну секунду. Еще утромъ онъ облобызалъ дорогого зятя и чувствовалъ что

любить его почти такъ же, какъ роднаго. А теперь?... Завида издали, въ гостинной, шибко, по-старчески, мелкими шагами бѣгущаго князя, Лукьянъ Ивановичъ ощутилъ злобу, которая шевельнулась на душѣ его и подавалась.

Эти два человѣка какъ-то сравнивались за послѣднее время; между ними уже не казалось той разницы лѣтъ. Полтора года назадъ, во время свадьбы, одинъ изъ нихъ былъ дряхлый старикъ, другой очень пожилой, но еще бодрый франтъ. Лукьянъ Ивановичъ озабоченный тогда дѣлами, скудными средствами, судьбой дочери, быть-можетъ, казался старше своихъ лѣтъ. Князь, съ другой стороны, благодаря своимъ огромнымъ средствамъ, безпечной жизни, считавшій себя женихомъ, еще ухаживавшій за дамами, при помощи всякихъ косметическихъ и другихъ средствъ, казался моложе своихъ лѣтъ. Эти два человѣка могли быть дѣйствительно тестемъ и зятемъ. Теперь, наоборотъ: полтора года проведенныхъ въ довольствѣ, и мысль что Машуна его построена и очень хорошо, сняли съ плечъ Лукьяна Ивановича чуть не два десятка лѣтъ. Еслибы не деревяшка и не лысина, то степной помѣщикъ былъ бы совсѣмъ молодецъ.

Князь же Петръ Ильичъ провелъ полтора года не только не счастливо, не только озабоченный денно и ночью, съ одною и тою же *idée fixe* на умѣ, но даже, можно сказать, эти полтора года были для него нравственною пыткой. Его положеніе стараго и дряхлаго мужа около красавицы жены было для него оскорбительно, унижительно, и онъ чувствовалъ это. Его раздражительность, нервозность были послѣдствіемъ того чувства которое прикидало его. Князь сразу за эти полтора года постарѣлъ на десять-пятнадцать лѣтъ и такимъ образомъ сравнивался съ Лукьяномъ Ивановичемъ. Тесть и зять казались теперь однихъ лѣтъ; только одинъ изъ нихъ, несмотря на деревяшку, казался молодцоватымъ, а другой, несмотря на элегантность и изысканность туалета, несмотря на помаду и духи, казался подмалеванною руиною.

Два старика сошлись теперь, усѣлись въ кабинетъ и стали говорить о разныхъ мелочахъ. Зашло дѣло и о Троицкомъ, о хозяйствѣ Лукьяна Ивановича. Князь передалъ тестю намѣреніе жены объѣхать большую часть вотчины вмѣстѣ съ нимъ, что было бы веселѣе и полезнѣе для дѣла. Собакинъ конечно согласился.

Несмотря на желаніе обоихъ потолковать, бесѣда не клеилась; что-то такое мѣшало ей. Все чаще и чаще смолкали оба и наконецъ замолчали совсѣмъ. И тотъ и другой были озабочены одною и тою же мыслью, постороннею бесѣдѣ. Оба думали объ одномъ и томъ же, и хотя не сообщали этого другъ другу, но оба чувствовали что у нихъ одна мысль. Кромѣ того оба знали что это глѣicho стоитъ преградой, мѣшающею откровенной бесѣдѣ, мѣшающею прямымъ, хорошимъ отношеніямъ, и что локуда они не объяснятая откровенно пріязни между ними не будетъ.

Старикъ Собакинъ заговорить о своей заботѣ первый не могъ; ему казалось, что съ его стороны заговорить объ этомъ было бы оскорбленіемъ князю. Фальшивое чувство собственаго достоинства не позволяло заговорить и князю.

Первый же день пребывания Собакина въ домѣ зятя прошелъ какъ-то тяжело; всѣмъ было неловко. Враждебное чувство которое залало въ душу Собакина относительно зятя, казалось, все разрасталось. Старикъ не могъ, да и не умѣлъ скрывать. Это чувство сквозило во всякомъ его взглядѣ, во всякомъ словѣ, обращенномъ къ князю, и не только онъ самъ, не только князь, но даже и дочь его чувствовала это.

Вечеромъ зашла рѣчь о предполагавшейся поѣздкѣ ло вотчинамъ, и всѣ трое, будто стоворившись, стали доказывать что лучше не откладывать эту поѣздку. Однимъ словомъ всѣмъ хотѣлось поскорѣе прервать натянутыя отношенія, возникшія между ними. Отъѣздъ былъ рѣшенъ и назначенъ чрезъ два-три дня.

Внезапная, оцутительная холодность Лукьяна Ивановича къ князю поразила его дочь; будто что-то новое, важное узнала она. Эта холодность оправдывала многое что часто колошилось у нея на душѣ: она чувствовала себя какъ бы оправданною отцомъ въ своихъ давнишнихъ, частыхъ тайныхъ помыслахъ.

„И онъ за меня, думала она, оставаясь наединѣ. Стало-быть онъ виноватъ!“ И отъ этой мысли ей становилось какъ-то легче на душѣ.

IV.

Слѣдующіе три дня прошли въ сборахъ. Всѣ трое толковали о вотчинахъ, управителяхъ. Князь передалъ жень разныя книги и бумага чтобы mettre au courant, какъ говорилъ онъ княгинѣ, относительно своихъ дѣлъ. Въ этихъ бесѣдахъ о хозяйствѣ, о перемѣнѣ княжей администраціи, кое-какъ прошли эти три дня, и наконецъ большой дормезъ, запряженный шестерикомъ, появился у подъѣзда. Собакинъ съ дочерью усѣлись въ него и взявъ съ собой только Авдѣя, который пріѣхалъ съ Собакинымъ, они съѣхали со двора, провожаемые всѣмъ наличнымъ составомъ двора.

Какое-то странное, легкое, радостное чувство шевельнулось на душѣ Марьи Лукьяновны когда она съѣзжала со двора и выѣзжала изъ Москвы, впервые послѣ свадьбы разлучаясь съ мужемъ и удаляясь отъ него. Чувство это было такъ сильно что она не выдержала и воскликнула:

— Ахъ, батюшка! зачѣмъ меня отдали за него?

Она не могла сказать: вы отдали! ибо ей казалось что не отецъ ея настоялъ на этой свадьбѣ, а что все это случилось такъ... какъ-то само-собою: Ужь такова судьба ея была.

Путешествіе это съ отцомъ изъ одной вотчины въ другую, избавленіе крестьянъ отъ разныхъ душегубовъ-управителей, подѣйствовало на нее благотворно. Она повеселѣла, помолодѣла, будто олять стала прежнею Дужинскою барышней.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этихъ скитаній по Россіи, находясь не вдалекѣ, верстѣ двѣсти отъ Ломова, они, конечно, заѣхали къ себѣ въ Дужино. Маша почувствовала себя здѣсь еще лучше; казалось она была дѣйствительно у себя. Въ первый же день, какъ бывало два года тому назадъ, предъ выѣздомъ въ Москву, она обѣжала садъ, рошу, деревню; оглядѣла всякій уголокъ, всякій кустикъ. Разспросила всѣхъ Дужинскихъ крестьянъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, раздала проласть денегъ, узнала гдѣ ея Вася, приказала за нимъ послась и съ радостью встрѣтила его, разспросила... Вася смущаясь отмалчивался. Княгиня задумалась отпустивъ его... и глубоко вздохнула.

Вечеромъ однако она, румяная, съ сіяющимъ взоромъ, та же Дужинская золотая барышня Машуна (да она и въ дѣйствительности все еще была ею), чувствовала себя утомленною, рано легла спать и сладко проспала безъ просыпу до утра. На другой день она была грустнѣе чѣмъ когда-либо, она сравнивала свою московскую и заграничную жизнь, однимъ словомъ, все время съ тѣхъ поръ что она стала княгиней Агарикою, съ прежнимъ временемъ, житьемъ здѣсь въ Дужанѣ и, наконецъ, съ настоящими минутами, когда она снова очутилась здѣсь съ отцомъ. Это сравненіе навело на нее страшную тоску и снова та же неотвязная, ужасная и нечестная мысль возникла въ ея головѣ: Еслибъ онъ умеръ!

И снова она какъ-то стихла душой и разумомъ и Лукьянъ Ивановичъ цѣлыхъ два дня ни чѣмъ не могъ развеселить дочь.

Однако обстановка взяла свое. Пришелъ Вася и княгиня опять ласково улыбалась бродя съ нимъ по роцѣмъ и по деревнѣмъ, весело смѣялась на его вопросы о заграничѣ. Для княгини этотъ Вася былъ уже не то что былъ онъ для Дужинской барышни.

Пробывъ въ Дужинѣ двѣ недѣли отецъ и дочь собрались лобывать въ двухъ вотчинахъ и затѣмъ ворочаться скорѣе въ Москву. Путешествіе это по Россіи уже продолжалось два мѣсяца и особенно хорошо подѣйствовало на нее: она стала какъ-то спокойнѣе, занятія по устройству судьбы своихъ крестьянъ наполняли ея день. Сознаніе исполненія своего долга подняло ее нравственно. Она меньше думала о собственной судьбѣ. Обо всемъ этомъ путешествіи у нея осталось свѣтлое воспоминаніе. Самая тяжелая минута за все время была разлука съ отцомъ, который не захотѣлъ ѣхать снова въ Москву, а проводивъ ее до Рязани, вернулся въ Троицкое. Собакинъ даже не общалъ дочери пріѣхать.

— Тамъ видно будетъ, сказалъ онъ.

Последнюю минуту при разставаніи съ дочерью старый инвалидъ не выдержалъ, заидся слезами и, обнявъ дочь, вымолвилъ.

— Прости меня Машуна! всему я причиной.

Между тѣмъ въ Москвѣ княгиню ожидало нѣчто новое. Она нашла мужа очень перемѣнившимся; онъ былъ грустенъ, какъ-то олустился, даже ходилъ какъ-то медленнѣе и гово-

рилъ тише. Ласково, но съ примѣсю внутренней горечи, встрѣтилъ онъ жену и прямо повелъ въ отдаленную лозину дома, въ три красиво отдѣланныя комнаты.

— Вотъ твой апартаментъ, сказалъ онъ женѣ.

Это перемѣщеніе и, такъ-сказать, отдѣльная квартира въ домѣ говорили много, осуществляя давнюю мечту княгини. Она поняла и оцѣнила вниманіе мужа, была тронута имъ, хотѣла поблагодарить князя, но остановилась: ей показалось что нельзя благодарить за это, все равно какъ нельзя было благодарить мужа, еслибъ онъ выразилъ желаніе умереть.

Съ первыхъ же дней пріѣзда княгиня замѣтила много другихъ особенностей и перемѣнъ въ мужѣ. Онъ сталъ носить другое платьѣ, болѣе стариковское; доморощенный цирюльникъ, который со дня пріѣзда завивалъ и причесывалъ его каждый день, не показывался. Князь просто зачесывалъ волосы назадъ. Разныя книги, бывшія настольными и любимыми, исчезли. Пропалъ многотомный Вольтеръ; появились русскія книги, въ томъ числѣ „Житія Святыхъ“. Появился новый знакомый и часто навѣщалъ уже князя, архимандритъ одного изъ подмосковныхъ монастырей. Наконецъ, князь все чаще и чаще ѣздилъ въ церковь, даже вообще по церквамъ московскимъ и большія суммы денегъ переходили чрезъ руки этого архимандрита въ пользу разныхъ церквей. У себя князь принималъ охотно и радушно безчисленныхъ знакомыхъ, но самъ, сказываясь больнымъ, никуда не ѣздилъ. Все это перемѣнилось за отсутствіе ея. Жизнь княгини пошла еще однообразнѣе. Она сидѣла въ своихъ трехъ комнатахъ. Въ одной изъ нихъ спала и просиживала вечера за русскими книгами, которыхъ не знала за границей, въ другой принимала заходившаго иногда къ ней въ гости мужа, такъ какъ князь ни разу (и умысленао) не вошелъ въ ея спальню. Въ третьей комнатѣ, прихожей, княгиня принимала разныхъ вмовъ поставленныхъ управителей, являвшихся въ Москву, а часто и разныхъ просителей крѣпостныхъ, приходившихъ отовсюду съ просьбами и жалобами. Наша матушка заступница! было има данное ей во вѣхъ имѣніяхъ. И это было не даромъ. Дѣйствительно, всѣ крѣпостные княжескіе вздохнули свободнѣе.

За то у княгини появилась новый злѣйшій врагъ, хотя и тайный, никто иной какъ Андрианъ. Въ числѣ смѣненныхъ

управителей былъ и его родной братъ, который наиболѣе звѣрски управлялъ одною вотчиной. Этотъ былъ не только смѣнелъ, но и наказанъ. Когда князь узналъ отъ жены всѣ звѣрства совершенныя имъ, то просто приказалъ сдать его въ солдаты.

Андріанъ еще съ перваго дня сватовства князя отнесся недружелюбно къ старику Собакину и его дочери. Примирившись насколько онъ могъ съ фактомъ что степная барышня стала его барыней, онъ конечно не старался снискать ея расположенія.

Вскорѣ князь и княгиня уѣхали за границу и Андріанъ первый разъ въ жизни разстался съ барыней.

— Теперь я уже вамъ не нуженъ, сказалъ онъ князю съ плохо скрытою злобой и горечью.

И дѣйствительно Андріанъ былъ болѣе или менѣе не нуженъ. Князь даже какъ-то стѣснялся его присутствіемъ и радъ былъ отъ него избавиться.

Когда Агарины вернулись въ Москву, князь войдя въ свой домъ, первымъ встрѣтилъ Андріана. Баринъ и холопъ глянули другъ другу въ глаза. И многое было сказано въ этомъ взглядѣ и понято обоими. Князю показалась на лицѣ холола презрительная усмѣшка, какъ бы пронизавшая его насквозь и уязвившая въ самые затаенные закоулки сердца. За то прежній Леморелло и вѣрный пестъ прочелъ на лицѣ барина въ отвѣтъ на свой взглядъ какъ бы свой смертный приговоръ. А виноватъ онъ былъ только въ томъ что дальновиднѣе барина предсказалъ ему то что и не мудрено было предсказать. Андріанъ теперь остался жить во флигелѣ, но уже не былъ дворецкимъ и не былъ княжимъ камердинеромъ, а жилъ какъ бы на локоѣ. За все время отсутствія жены князь только одинъ разъ позвалъ Андріана и когда тотъ вошелъ въ кабинетъ, баринъ, не глядя ему въ лицо, а будто разглядывая что-то внимательно на столѣ, спросилъ у него нерѣшительно: не хочетъ ли онъ быть отпущеннымъ на волю въ награду за долголѣтнюю вѣрную службу, и будучи приписаннымъ въ кулечество, сдѣлаться владѣльцемъ большаго дома на одной изъ лучшихъ улицъ Москвы, который былъ недавно купленъ княземъ.

Князь собрался теперь за одинъ разъ наградить щедро своего прежняго фаворита, и въ то же время окончательно отдѣлаться отъ него.

На предложеніе князя не послѣдовало отвѣта.

— Ну? слова, первый прервалъ молчаніе князь, но однако все-таки не поднимая глазъ на холопа.

— Что прикажете? отозвался тотъ.

Князь собрался съ силами, гордо и даже неприязненно повернулъ голову къ прежнему любимцу и взглянулъ на него. Упорный, упрямый взглядъ изъ-подлобья встрѣтилъ князь и слегка вспыхнулъ.

— Что ты оглохъ? Я тебѣ говорю ступай на волю, записывайся въ кулцы... Домъ этотъ стоитъ десять тысячъ. Живи себѣ баринкомъ; женись что-ли... Последнее слово было неосторожно и князь тотчасъ пожалѣлъ что оно сорвалось съ его языка.

— Спасибо, князьнышка! Въ мои года жеваться—людей смѣшить.

На это князю отвѣчать было нечего. Андрианъ былъ его ровесникъ и намекъ былъ ясенъ.

— Ну какъ знаешь, замѣтилъ князь.—Отпускную получишь завтра же.

— Нѣтъ, ужъ позвольте! раздался голосъ Андриана, дрожащій и слегка хриплый отъ чувства которое овладало имъ.—Это за всю мою службу-то! Вонъ гнать! Нѣтъ, Петръ Ильичъ, ужъ лучше въ Сибирь сошли, въ острогъ сяди... А отпускать себя на волю я не позволю. Только пускай напашутъ въ конторѣ эту отпускную, такъ я такихъ дѣловъ надѣлаю что меня къ вечеру же посадятъ въ кандалы. Коли я теперь вамъ не надобенъ, ну и пусть буду валяться у себя въ горницѣ, локуда не издохну.

Андрианъ замолчалъ. Князь снова глянулъ на столъ и не зналъ что сказать. Грубая и откровенная рѣчь долголѣтняго совѣтника и любимца, конечно, тронула князя. Онъ радъ бы былъ поблагодарить его, но боялся что этимъ онъ можетъ возстановить прежнія ихъ отношенія, а этого князь не хотѣлъ. Это было неудобно. Князь вздохнулъ и молчалъ.

Андрианъ рѣшился первый прервать тягостное свиданіе.

— Позволишь выдти? глухо выговорилъ онъ наконецъ.

— Ступай! еще тише, почти виновато, вымолвилъ князь, и когда дверь за Андрианомъ затворилась, князь снова вздохнулъ, опрокинулся на спинку своего кресла и глубоко задумался. Андрианъ олицетворялъ для него все его прошлое, начиная съ блестящихъ успѣховъ при дворѣ Вели-

кой Екатерины и кончая всеми поѣздками за границу съ послѣднимъ возвращеніемъ при Павлѣ. Проговая Андріана онъ какъ бы отказывался, отрицалъ это прошлое; изгонялъ изъ своего сердца многія, еще недавно дорогія воспоминанія и оставался одинокимъ; одинокимъ какъ сердцемъ такъ и разумомъ предъ своимъ будущимъ, тагостнымъ и безрадостнымъ, не сулившемъ ничего.

„Все тамъ...“ подумалъ князь. „А въ будущемъ ничего... да и будущаго этого нѣтъ. Будущее—это дряхлость и могила.“

Княгиня, возвратившись въ Москву, замѣтила новыя отношенія между мужемъ и любимцемъ его, но не обратила на это особеннаго вниманія. Она почти не знала чѣмъ былъ Андріанъ прежде для ея мужа. Единственное о чемъ князь не любилъ говорить съ женой, были его любовныя похождения. Онъ ясно видѣлъ и понималъ, насколько чиста была натура этой дѣвочки - женщины, и боялся запятнать ея душевную чистоту розказнями о своихъ болѣе или менѣе безнравственныхъ подвигахъ молодости и зрѣлаго возраста.

V.

Между тѣмъ давно наступила зима и уже приближались рождественскіе праздники. Вся половина зимы прошла для княгини такъ однообразно и скучно что начала уже сказываться на ея здоровьѣ. Занятія по имѣніямъ немного упростились; было болѣе порядка, менѣе жалобъ и просителей. Читать княгиня уже не могла: всякая книга навела на нее еще большую тоску. Всякая книга, всякій разказъ, всякое стихотвореніе, будто на смѣхъ, говорили все о томъ же... о любви, о счастьи... о томъ свѣтломъ мірѣ который для нее на вѣки закрытъ.

Теперь въ Москвѣ ей было еще тяжелѣе. Пустота ея жизни и обстановки, безцѣльность существованія, сказывались съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе. Князь, наоборотъ, былъ какъ-то бодрѣе, ровнѣе характеромъ, спокойнѣе. Если онъ и становился иногда озабоченъ, то это случилось относительно жены. Князь не могъ не замѣтить перемѣны, постепенно совершавшейся въ ней. Не зная что дѣлать, онъ ребячески утѣшалъ себя мыслию что придетъ лѣто, поѣдетъ жена снова по имѣніямъ и снова повеселѣетъ.

— Плохо дѣло, если ужъ на дѣто вся надежда! сказалъ бы Андрианъ. Но князь самъ чувствовалъ что онъ только утѣшаетъ себя.

Но что же было дѣлать?...

Не зная что придумать, онъ сталъ приглядываться внимательнѣе ко вкусамъ жены и ея привычкамъ.

„Нельзя ли ее пристрастить къ музыкѣ, къ верховой ѣздѣ, хоть къ картамъ?“ думалось ему часто, но разумъ, здоровый смыслъ еще не покинувшій стараго эгоиста заставлялъ его тотчасъ сознаться что *этимъ* жизнь не наполнишь. Однажды вдругъ князю пришла мысль, показавшаяся ему блестящею.

— Voila l’Amerique decouverte! воскликнулъ онъ, убѣжденный что нашелъ средство измѣнить тягостную обстановку ихъ жизни.

Княгиня, холодная и спокойная, только въ одномъ проявляла сердце, которое какъ бы дремало въ ней, если не умерло совсѣмъ. За последнее время всякій разъ что ей случалось видать, хотя бы встрѣчать на улицѣ, маленькихъ дѣтей, она странно оживлялась. Иногда лаская ребенка (хотя бы изъ двора) она не могла скрыть какого-то непреодолимаго волненія. Лицо ея загоралось румянцемъ, глаза блестяли.... Часто послѣ всякихъ ласкъ, порывистыхъ и страстныхъ, которыя иногда смущали даже виновника ихъ, княгиня уходила и лицо ея было влажно отъ слезъ. Сначала князь не замѣчалъ этого, т.-е. видѣлъ, но не придавалъ никакаго значенія. Теперь, приглядѣвшись, онъ увидѣлъ въ этомъ чувствѣ жены къ дѣтямъ свое и ея счастіе.

— Если своихъ нѣтъ, надо взять пріемыша; она привяжется къ ребенку, и чрезъ годъ, два онъ ей замѣнитъ своего. Она станетъ матерью. Разумъ и сердце, разсуждалъ князь,—все пять чувствъ женской натуры, найдутъ себѣ заботу и стало-быть исходъ, цѣль въ жизни.

Князь разсудилъ что такъ Гордіевъ узелъ ихъ существованія будетъ развязанъ. Осуществить свой планъ князь пожелалъ тотчасъ же.

Княгиня по пріѣздѣ изъ-за границы узнала что ея любимца Люба замужемъ за однимъ изъ дворовыхъ. Она потребовала ее тотчасъ къ себѣ, но Люба не могла явиться вслѣдствіе болѣзни, ибо наканунѣ родила.

Княгиня уѣхала по вотчинамъ и вернувшись встрѣтила свою любимицу на крыльцѣ съ ребенкомъ на рукахъ.

Люба стояла предъ ней, яснолицая, веселая, слегка похуdivшая и даже менѣе дурнушка чѣмъ прежде.

— Твой? вымолвила княгиня какъ-то странно, даже не поздоровавшись съ любимицей.

— Да-съ. Мой... Въ день вашего прїѣзда изъ-за границы Богъ далъ, ласково и какъ-то тепло, почувствованнымъ шелотомъ выговорила Люба. И глаза ея полные любви съ барыни перешли на крохотное и некрасивое личико младенца неразумно смотрѣвшее изъ одѣяла.

Княгиня горящимъ взоромъ смотрѣла на ребенка, положила руку на пеленки.... И Люба замѣтила что рука барыни слегка дрожить....

— А что же вамъ-то Господь еще не даетъ, княгинюшка. Пора бы и вамъ.... Давай-то Богъ. Кому же и имѣть ребятъ, какъ не въ нашемъ т.-е. состояніи. Ждете что ль, мятушка? какъ-то таинственно и даже восторженно шепнула Люба, нагибаясь къ ней.

И княгиня вдругъ почувствовала что все ея существо затрепетало, содрогнулось! Вопросъ ли этотъ, голосъ ли Любы, или видъ этой подруги дѣтства которая теперь стала матерью... Чтò смутило княгиню? Она сама не знала.

Да! это возможно! То, о чемъ говоритъ Люба. Она могла бы тоже быть матерью. Это было бы не чудо. Но этого никогда не будетъ.

И вдругъ княгиня показалось что она зло и безлощадно унижена судьбой предъ своею дурнушкой горничной. Положение ея показалось ей теперь болѣе чѣмъ когда-либо унижительнымъ и оскорбительнымъ.

Съ этого дня и встрѣчи этой, она какъ-то неприязненно относилась къ Любѣ. Если вдругъ ощутила она въ себѣ способность къ зависти, такъ только въ данномъ случаѣ.

Но затѣмъ скорѣе же чувство неприязни смѣнилось противоположнымъ чувствомъ. Княгиня всячески баловала, ласкала и дарила крошку Любы. И вотъ теперь князь надумалъ взять у горничной любимца жены на воспитаніе, но не думалъ князь и не предполагалъ чтò вызоветъ его планъ въ женѣ. Когда онъ предложилъ ей взять любимца себѣ, княгиня быстро вскочила съ мѣста, вспыхнула и вымолвила:

— За что же обижать Любу! Пошлите лучше кушать гдѣ на селѣ и... воспитывайте.

Князь сталъ объясняться и оправдываться желаніемъ облегчить существованіе жены, найти ей цѣль, занятіе, заботу.

— Я отнимать не стану у другихъ то что Богъ мнѣ не судилъ имѣть! вымолвила княгиня рѣзко, повелительно и вышла вонъ.

— *C'est de l'afféctation!* проводилъ ее мужъ.

Съ этого дня князь покинулъ мысль чѣмъ-либо remplir l'existence своей жены.

И снова потянулась день за днемъ однообразная и тягостная жизнь.

— Не могу же я наконецъ достать ей... представить... un aman! желчно и ѣдко говорилъ князь самъ себѣ.

Между тѣмъ княгиня не по днямъ, а по часамъ чахла, худѣла. Молчаливая, холодная, покорная, когда князь молчалъ, гордая, высокомерная и насмѣшливая, когда онъ заговаривалъ съ ней объ ея здоровьѣ, такова была его подруга жизни.

Наконецъ одинъ пустой случай поразилъ князя въ самый сокровенный уголокъ его сердца, даже уязвилъ его нестерпимо больно.

Онъ часто бывалъ съ женой въ Успенскомъ соборѣ. Однажды по окончаніи службы, толпа хлынувшая ко кресту отшибла его отъ жены. Два совершенно неизвѣстныхъ ему господина пробравшіеся также ко кресту перекинулись около него саѣдующими словами:

— Кто такая?

— Да княгиня Агарина! Вотъ надъ Москвой рѣзкой дома на большуцій. Она самая.

— Что ты? Бѣдная. Не долго протянетъ!

— Да. Узнать, говорю, нельзя. Просто таетъ. Къ весѣл помереть гляди. Шутка ли быть замужемъ за старымъ хрычемъ. Вмѣсто мужа-то, супруга, дѣдушку приобрѣлъ! Да еще разумѣется, какъ собака на снѣгъ, на себѣ, на другимъ.

И оба звонко расхохотались.

Собесѣдники прошли дальше, а князь стоялъ какъ громомъ пораженный. Не подойдя ко кресту онъ вернулся на свое мѣсто, отыскивая жену, и тотчасъ собрался домой.

Съвъ въ карету онъ поглядѣлъ въ лицо жены внимательно и съ чувствомъ страха на душѣ, и тутъ, будто въ первый разъ видѣлъ онъ ее, онъ замѣтилъ въ лицѣ ея такое выраженіе что сразу понялъ правдивость словъ: „не долго протянетъ!“ Онъ отвернулся отъ жены, бессознательно сталъ глядѣть въ окно кареты на дома и прохожихъ и мысленно повторялъ самъ себѣ:

— Да, таетъ, чахнетъ; къ веснѣ помретъ!...

И какое-то особенное новое чувство заколошилось у него на сердцѣ. Чувство любви которое онъ нашелъ въ себѣ къ этому существу, молчаливо и грустно сидящему около него, было цное, новое. Это не было то чувство которое родилось въ немъ когда-то при первой встрѣчѣ съ красавицей Мадонной. Это новое чувство было похоже на сильную любовь отца къ дочери. Лукьянъ Ивановичъ могъ отнестись такъ.

„Нѣтъ, это невозможно, подумалъ вдругъ князь. Всякій имѣеть право отъ Бога ложить, и я ложилъ. И она должна ложить. Но чтѣ же дѣлать?“

Съ этимъ вопросомъ князь пріѣхалъ домой, съ нимъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, залерся и просидѣлъ до обѣда. Этотъ роковой вопросъ преслѣдовалъ его нѣсколько дней; но отвѣчать на него было мудро и князю, да и всякому другому на его мѣстѣ.

VI.

Однажды въ полдень, въ самый сочельникъ, памятный для княгини въ послѣдствіи день, появившійся человекъ попросилъ ее къ князю. Марья Лукьяновна тотчасъ пошла своею обыкновенною, спокойною и невеселою походкой.

Когда она вошла въ кабинетъ, высокая и стройная фигура офицера поднялась къ ней на встрѣчу.

— Мари! Рекомендую! выговорилъ князь,—Юрій Петровичъ Хорватъ! Ты знаешь; я тебѣ сказывалъ часто про его отца. Мы были не только друзьями, родными братьями, и отцы наши были друзьями. Они даже,—продолжалъ князь обращаясь къ офицеру,—въ одно время женились и обоихъ сыновъ своихъ, меня и вашего отца, каждый назвалъ Петромъ, въ знакъ дружбы. Итакъ, Мари, Юрія Петровича прошу считать племянникомъ, а не постороннимъ.

Княгиня почти не слышала словъ мужа, почти не замѣтила поклона гостя, а стояла неподвижно и смотрѣла во всѣ глаза. Одно изумленіе сказывалось въ ея лицѣ и во всей позѣ и сказывалось такъ ясно что князь замѣтилъ это и приписалъ нечаянности. А между тѣмъ княгиня сама не знала чему она удивилась.

Предъ ней будто стояла давно знакомая ей личность; образъ этого молодого человѣка, очень красивый и элегантный, былъ ей будто давнымъ-давно знакомъ, даже болѣе. Будто его именно часто видѣла она въ своемъ воображеніи, когда случалось ей сидѣть по цѣлымъ часамъ въ своей спальнѣ среди мертвой тишины, тяжело давящей во всѣхъ горницахъ громадныхъ палатъ.

— Это онъ! мысленно повторяла княгиня.

Долго-бы простояла она не шевелясь, еслибы князь не сказалъ ей.

— Присядь съ нами.

Княгиня сѣла и просто, откровенно, отчасти безсознательно, продолжала молча смотрѣть на офицера. Разговоръ между княземъ и гостемъ, который она застала, шелъ о послѣдней войнѣ съ новымъ недавно народившимся антихристомъ, какъ звали его московскія барыни, т.-е. съ Наполеономъ. По нѣсколькимъ фразамъ, понятымъ княгиней, она узнала что молодой полковникъ участвовалъ въ послѣдней кампаніи. Тутъ только замѣтила княгиня легкій рубецъ на лбу его и ордена, въ числѣ которыхъ былъ и Георгіевскій крестъ, о которомъ много натоковалъ ей еще въ дѣтствѣ ея отецъ.

Когда бесѣда между мужемъ и офицеромъ вдругъ пріостановилась княгиня сообразила что ей слѣдовало бы, ради вѣжливости, заговорить съ гостемъ; она вдругъ почему-то смутилась, заслѣшила. Мысль ея какъ-то забилась, затрепетала. Она не знала что спросить, что сказать и, наконецъ, какъ-то особенно робко и окончательно смущаясь выговорила.

— Какой на васъ мундиръ?

— Гусарскій, княгиня, особенно тихо и слегка наклоняясь вымолвилъ офицеръ, и снова наступило молчаніе.

Княгиня вдругъ показала ея вопросъ настолько пошлъ, гауль и въ то же время рѣзокъ по краткости что, смутившись еще болѣе, она поднялась чтобъ уходить.

— Мари! оставилъ ее мужъ,—прикажи скорѣе устроить визу горницы что для гостей. Юрій Петровичъ останется у насъ.

Гусаръ хотѣлъ что-то заговорить, но князь прервалъ его и быстро произнесъ, подымая руку.

— Не позволю! Не долущу этого! Какъ? Чтобы сынъ моего друга Петра, прїѣхавъ въ Москву, пристроился въ трактиръ или на постояломъ какомъ дворѣ! Слава Богу! У насъ мѣста довольно; вы мнѣ не чужой.... Вънъ у меня родной племянникъ есть, да я никогда его даже не видаю, а сынъ друга покойнаго дороже, чѣмъ сынъ брата съ которымъ съ юности не знаешся.

Офицеръ привсталъ и наклонился въ знакъ согласія и благодарности.

Между тѣмъ княгиня стояла въ лобоборота у дверей, положила руку на замокъ, и вся фигура ея ясно говорила что она почти ошеломлена тѣмъ что слышитъ.

Князь удивленно взглянулъ на жену. Онъ ничего не понималъ.

Молодой человекъ, который тоже не могъ не замѣтить выраженія лица хозяйки, повялъ по-своему и рѣшился внутренно, пробывъ около недѣли у князя, выбраться изъ дома, хозяйка котораго, очевидно, была не очень гостеприимна.

„Какъ красива! подумалъ про себя офицеръ. Замѣчательно красива, но должно-быть съ душкомъ, если не со всѣмъ демономъ!“

Княгиня вышла въ другую комнату, прошла нѣсколько шаговъ и остановилась; но вспомнивъ что она еще близко около кабинета, почти нервно пробѣжала первую гостиную и остановилась у окна второй; потомъ перешла въ дальнїй уголъ и сѣла въ кресла.

— Это онъ! Онъ!.. Кто онъ? прошелтала она теряясь. Чувство которое нахлынуло на нее и охватило ее было просто—боязнь, страхъ. Она боялась всѣми силами своей души, но чего? объяснить себѣ не могла. То что она ясно понимала и чувствовала казалось ей полною бессмыслицей.... Должно-быть не того боится она, но чего-же? Другаго ничего не было!

Она сидѣла спокойно, какъ бы застынувъ, а мысль ея бѣжала, все бѣжала, все шибче летѣла, уносила въ вихремъ Богъ вѣсть куда. Богъ знаетъ какія картины, невѣроят-

выя, страшныя, рисовались предъ ея услугавнымъ разумомъ. Она силсилась поймать эту быструю, непослушную мысль; остановить, овладѣть ею и подчинить волѣ, привести назадъ къ обычнымъ заботамъ и предметамъ, въ строй обычной жизни—и не могла. Кто-то другой или что-то другое властвовало надъ ней вполне. Она отдалась поневолѣ этой буйной и своенравной мысли, и новая картина, яркая и чудная, волшебная будто сказка, предстала предъ ней, сладко убаюкивая ее. Княгиня забылась вполне, забыла гдѣ она.

Какой-то звукъ внезапно разбудилъ ее, привелъ въ себя. Она вздрогнула и почувствовала что ее какъ будто поймали да чемъ-то нехорошемъ и недостойномъ. Какъ будто то что она думала могли увидѣть и узнать другіе.

Княгиня быстро вскочила съ мѣста, краска стыда бросилась ей въ лицо, она шибко двинулась изъ своего угла въ столовую, но въ ту же минуту изъ дверей первой гостиной вышелъ уѣзжающій гость, простившійся съ княземъ. Княгиня, лугливо и быстро двигавшаяся, наскочила на него, почти столкнулась съ нимъ. Офицеръ быстро отсторонился и вымолвилъ тихо:

— Виновать!

Онъ былъ однако нѣсколько удивленъ нечаянностью.

— Я виновата!.. вдругъ, какъ бы не спросясь самой себя, вымолвила княгиня.—Я тутъ сидѣла, задремала... Нѣтъ, то есть думала... Я хотѣла идти...

Чувствуя что она все болѣе и болѣе путается, княгиня вдругъ смолкла и совершенно безпомощно, какъ ребенокъ пойманный на шалости, опустила глаза и руки, и смущаясь стояла предъ гостемъ, будто прося прощенія.

Поклониться ей въ эту минуту и уйти было совершенно невозможно, было бы грубо.

Офицеръ понялъ это, но не зная о чемъ заговорить, не сразу собрался съ мыслями и нѣсколько секундъ тоже молчалъ.

Это обоюдное молчаніе смутило еще болѣе обоихъ; но зато сразу, будто какимъ-то волшебствомъ, внутренно сблизило обоихъ.

— Я боюсь васъ обезлокоить, зашелталъ наконецъ офицеръ,—поселившись у васъ. Князь такъ любезно приглашаетъ что я и радъ бы отказаться, но не могу. Если это

вамъ почему-либо, княгиня, неприятно... то-есть я хочу сказать: почему-либо неудобно, то, ради Бога, вы сами...

Но въ эту минуту княгиня снова подняла съ пола взоръ свой на лицо молодого человѣка и онъ сразу смолкъ. Что сказать ему этотъ взоръ ясно и глубоко свѣтящихся синихъ очей—онъ не зналъ, но и она не знала. Однако сердце его будто дрогнуло; онъ, почти со страхомъ, быстро раскланялся и быстро пошелъ не оглядываясь по анфиладѣ комнатъ.

Княгиня стояла неподвижно на томъ же мѣстѣ, глядѣла ему вслѣдъ и странное желаніе вдругъ сказалось въ ней: ей захотѣлось во что бы то ни стало еще разъ на минуту остановить его.

Она боролась съ собою нѣсколько секундъ, не поборола и будто совершая преступленіе, теряя силы, робко ступила нѣсколько шаговъ впередъ и вымолвила громкимъ, но дрожащимъ голосомъ:

— Когда прикажете васъ ждать?

Но онъ не остановился, не обернулся и быстро идя къ прихожей, исчезъ за дверью.

Онъ не могъ не слышать громкій голосъ княгини, рѣзко раздавшійся среди лустыхъ гостиныхъ. Почему же не обернулся онъ?

Простоявъ минуту среди комнаты, княгиня услышала стукъ съѣзжавшаго со двора экипажа и бѣгомъ бросилась къ себѣ въ горницу.

День этотъ былъ самымъ бурнымъ днемъ за всю жизнь княгини. Прежняя Дужинская барышня Машуля быть можетъ наивно отдалась бы наплыву новаго сладкаго чувства и безсознательно обманывая себя, убажкивала бы разными объясненіями свою совѣсть. Но княгиня Марья Лукьяновна, полтора года работавшая надъ своимъ разумомъ за границей, образованная и развитая теперь не по лѣтамъ, вдобавокъ умная отъ природы, сразу поняла все. Она поняла что жизнь, послѣ скучнаго, тягостнаго, одообразнаго пути, привела ее наконецъ на край бездонной пролости. И вотъ она стоитъ надъ этою пролостью. Внизу разстилается и рисуется предъ ней чудное, волшебное царство, въ которое такъ часто стремилась она душой. Это та обѣтованная земля, которая доступна многимъ другимъ и которая до сей поры была недоступна

только ей одной. Но другихъ приводитъ въ это волшебное царство гладкая, ровная, цвѣтами усыпанная дорога. Тихо и незамѣтно спускаются они въ это царство, а ея невидимая рука толкаетъ будто насильно и не свела этою ровною дорогой, а привела вдругъ и внезапно, нежданно поставила на край пропасти чтобы заставить прыгнуть туда. Она можетъ тамъ быть сію минуту, но съ условіемъ: убитъ до смерти. Еще одинъ шагъ, одно движеніе и она будетъ тамъ. Но прыгать ли? Не вернуться ли? Вернуться не въ ея волѣ и вельзѣ. Княгиня чувствовала что теперь она можетъ стоять на краю этой бездны, стоять хоть всю жизнь; наслаждаться тѣмъ что она видитъ предъ собой возможность быть тамъ, но вернуться, отойти отъ края ей было совершенно не по силамъ.

Къ вечеру княгиня нѣсколько успокоилась, вышла къ мужу дѣлать ему чай; и локуда руки ея хлопотали надъ столомъ, она думала:

„Судьба это! Нужно же именно чтобы его пригласилъ князь въ домъ. Ну что онъ! Пускай будетъ жить. Что же изъ этого.. Но почему же онъ сразу этакъ для меня *чѣмъ-то*... Онъ очень красивъ, вотъ и все...“

Но что-то говорило ей: не одно красивое лицо и вѣщность его очаровали тебя. Въ немъ вѣдь что-то особенное...

Княгиня была однако увѣрена въ себѣ вполне. Увѣрена что на жгучій вопросъ: двинуться ли? броситься ли въ бездну? она никогда не отвѣтитъ: Да, разумѣется!

А князь вовсе ничего не думалъ. Для него офицеръ былъ родственникъ и добрый юноша.

VII.

Генералъ Елисаветинскаго времени Хорватъ былъ уроженецъ Волынской губерніи. Предки его переселились когда въ Россію изъ Валахіи. Сынъ его Петръ служилъ въ гвардіи при Екатеринѣ. Елисаветинскій генералъ и отецъ князя Агарина были большими друзьями. Сыновья ихъ, т. е. гвардейскій поручикъ Петръ Хорватъ и князь Петръ Ильичъ, познакомились вслѣдствіе этого еще дѣтьми, и когда князь Агаринъ временно жилъ въ Петербургѣ, въ intervals своихъ частыхъ поѣздокъ за границу, онъ успѣлъ

облизиться короче съ веселымъ гвардейцемъ, образъ жизни котораго отчасти походилъ на его собственный. Оба они, и Петръ Хорватъ и князь Петръ Агаринъ, одновременно влюбились въ одну извѣстную петербургскую красавицу. Оба сразу собрались предложить ей руку и сердце.

Сначала они рѣшили было, чтобы не ссориться, предоста-вить выборъ ей, но затѣмъ разсудили что на сторонѣ князя было слишкомъ много преимуществъ: положеніе при дворѣ, титулъ, связи и громадное состояніе; тогда какъ у Хорвата кромѣ валашскихъ предковъ, одного уѣхавшаго въ Америку дяди и пары чубуковъ съ замѣчательными янтарями, ничего не было. Одно преимущество было на сторонѣ Хорвата: князь былъ очень недурень собою, Хорватъ же положи-тельно замѣчательной красоты. Поэтому друзья рѣшили бросить жребій. Красавица досталась Хорвату, а князь былъ шаферомъ на свадьбѣ. И вдобавокъ очень доволенъ что судьба не лишила его свободы...

Супруги однако недолго прожили вмѣстѣ. Хорватъ про-должалъ и послѣ женитьбы свою распущенную, буйную жизнь, которая привела его къ поединку, счетомъ шестнад-цатому. Онъ былъ смертельно раненъ болѣе искуснымъ противникомъ и умирая поручилъ князю жену и его крест-ника, недавно родившагося сына Юрія.

Съ тѣхъ поръ князь, будучи въ Россіи и отсутствуя за границей, равно постоянно помогалъ вдовѣ. Злые языки го-ворили что дружба между княземъ и красавицей вдовой была сомнительнаго свойства. Злословіе шло дальше, увѣ-ряя что и Юрій родной сынъ князя Петра Ильича; что женитьба Хорвата была одною мистификаціей и что онъ получалъ огромное жалованье отъ князя за то чтобы чи-слиться исполняющимъ должность супруга замѣчательной красавицы.

Но была ли въ этомъ хоть малая доля правды никто не зналъ. Вѣрно только то что изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ когда-либо встрѣчалъ въ жизни Петръ Ильичъ, единствен-ная внушившая ему серьезное, чистое и сильное чувство (вдобавокъ послѣ своего замужества) была жена его друга.

Когда-то, еще недавно, не собираясь жениться и будучи чуть не съ дѣтства въ ссорѣ съ своимъ братомъ и поэтому не видя никогда своего прѣимаго наслѣдника, князь Петръ

Ильичъ иногда серьезно поговаривалъ о томъ чтобы въ случаѣ смерти все свое состояніе законнымъ порядкомъ перевести на имя юноши Хорвата. Но этого мало. По смерти друга князь снова собирался жениться на его вдовѣ. Она не рѣшалась выдти за своего друга зюиота.

Еслибы молодая вдова сразу согласилась и еслибы князь съ своей стороны не имѣлъ инстинктивной боязни законными узами «вязать себя съ какою бы то ни было женщиной и былъ болѣе настойчивъ, то, конечно, по смерти друга тотчасъ женился бы на его вдовѣ. Всѣ этого ждали и крайне двились, когда князь уѣхалъ, оставивъ вдову...

Юноша Юрій, еще на третьемъ году потерявшій отца, былъ воспитанъ этою женщиной страстно любившею его. Красавица совершенно измѣнила свой образъ жизни, уѣхала въ глушь, поселилась въ уединеніи и вся предалась одной заботѣ: воспитанію сына. Умную, но суевѣрную женщину преслѣдовала тягостная мысль. Всѣ Хорваты, начиная съ предковъ, числомъ пять или шесть, умирали въ цвѣтѣ лѣтъ насильственной смертью. Это былъ фактъ извѣстный многимъ. Объ этомъ часто разказывалъ ей покойный мужъ и собственною смертью еще разъ доказалъ непреложность этого предопредѣленія въ семьѣ. Случай съ ея мужемъ даже окончательно убѣдилъ ее въ семейномъ фатумѣ Хорватовъ.

Вслѣдствіе ея же усиленныхъ просьбъ мужъ отказался отъ порученія крайне опаснаго, отъ котораго пахло смертью, и именно вслѣдствіе этого отказа былъ внезапно оскорбленъ, затѣмъ почти вынужденъ насильно драться и былъ убитъ.

Поэтому мать часто глядя на своего единственнаго ребенка съ ужасомъ думала о томъ что и его судьбой можетъ руководить тотъ же фатумъ. И она всячески изоцрала свои материнскія способности, свою душу, свой разумъ, чтобы воспитаніемъ отвратить страшный призракъ отъ своего ребенка. Примѣръ жизни ея покойнаго мужа не мало повлиялъ на способъ воспитанія сына. Когда ребенокъ сталъ юношей и поступилъ въ гусары, то гусарскаго въ немъ было одно званіе и мундиръ. Воспитанный какъ дѣвочка, въ глуши маленькаго провинціальнаго городка, нѣжный, нервный, крайне мягкаго характера, скромный, онъ былъ совершенная дѣвушка. Юрій былъ даже кокетливъ какъ мо-

лодая дѣвушка и при этомъ очень влюбчивъ. Вездѣ, гдѣ стоялъ его гусарскій полкъ, онъ успѣвалъ влюбиться; заводилъ медальонъ съ портретомъ своего предмета, доставалъ по доброй волѣ, а иногда и тайно, пучекъ волосъ своей Дульцинеи или хоть бантикъ и свято хранилъ и то и другое, носилъ на себѣ. При новой встрѣчѣ, новый портретъ, новые волосы, новыя ленточки, замѣняли старыя. Мать его и на эти невинныя нѣжности смотрѣла боязливо. Въ каждой новой страстишкѣ сына она ухитрялась предвидѣть и ожидать драму. Бдительность ея за поведеніемъ сына доходила до смѣшнаго и вскорѣ она стала предметомъ нескончаемыхъ шутокъ со стороны всего полка. Постоянныя насмѣшки, выдумки, анекдоты на счетъ Хорвата и его матери, болѣе или менѣе остроумныя и смѣшныя, чуть было не привели къ тому что сынъ, обожавшій прежде мать, началъ непріязненно относиться къ ней, чувствуя пошлость своего положенія.

Нечаянная, внезапная болѣзнь—осла, свирѣпствовавшая въ городкѣ гдѣ стоялъ полкъ, въ нѣсколько дней унесла бѣдную женщину. Во время всей болѣзни, до послѣдняго издыханія, бѣдная женщина мучилась только тѣмъ что ея Юрій остается одинъ на свѣтѣ, безъ призора, безъ руководителя и можетъ погибнуть также страшно, какъ погибъ его отецъ, дѣдъ и предки. Умирал, мать напомнила сыну о князѣ Агаринѣ, созналась что онъ былъ ей близкій человѣкъ, лучший другъ, и что не имѣя средствъ, она прежде, до его совершеннолѣтія, получала отъ него постоянную помощь. Она просила сына обратиться къ крестному отцу, уже пожилому, бездѣтному, и выражала надежду что, быть-можетъ, легко, ради памяти своего друга, памяти о ней, князь если и не усыновитъ его, то обезпечитъ его существованіе.

Скромный юноша, строго честный и самолюбивый, не допускалъ и мысли отправиться къ почти незнакому крестному отцу, котораго онъ лишь мелькомъ видѣлъ раза три въ дѣтствѣ, и явиться къ нему просителемъ. Мало ли у князя, думалъ онъ, такихъ крестниковъ!.

Вскорѣ событія 1805 года заставили его полкъ двинуться за предѣлы Россіи. За все время кампаніи нѣжный, отчасти слабосильный, бѣлый и румяный юноша позабылъ всѣ

свои прежніе предметы, медальоны, ленточки и бантики, полученные въ разное время отъ разныхъ красавицъ.

Въ первыхъ же битвахъ Юрій велъ себя такъ что начальство, командиръ полка и товарищи, не могли надивиться на него. Пожилые офицеры, знавшіе когда-то близко его отца, увидѣли въ этомъ юношѣ воскресшаго Петра Хорвата. Казалось, будто воспитаніе и постоянный надзоръ матери усыпили въ этомъ мальчикѣ, а потомъ въ юношѣ натуру его отца; но лишь только скончалась мать и вдобавокъ открылись военныя дѣйствія, какъ Юрій Хорватъ при новой обстановкѣ сталъ вылитымъ Петромъ Хорватомъ, буйномъ и храбрецомъ о двухъ головахъ.

Черезъ годъ послѣ смерти матери, Юрій уже услѣлъ четыре раза подрагаться на дуэли и изъ четырехъ противниковъ убить двухъ. Замѣчательно что каждый разъ когда онъ чувствовалъ что въ немъ (по словамъ товарищей отца) просыпался и проявлялся его отецъ, онъ былъ доволенъ собою, вполнѣ счастливъ, но мысленно просилъ прощенья предъ тѣмъ усопшей матери. Наконецъ, въ одномъ изъ крупныхъ сраженій онъ былъ раненъ въ ногу и въ руку. Слегка оправившись онъ вернулся въ Россію и выхлопоталъ чтобъ его сдѣлали ремонтеромъ полка, иначе говоря, добился возможности жить гдѣ ему вздумается.

VIII.

Теперь конечно компанія, подвиги, рапы и Георгіевскій крестъ не могли не имѣть окончательнаго вліянія на его характеръ. Юрій давно пересталъ быть дѣвочкой и конечно уже не былъ способенъ носить на груди разные лучки волосъ. Отъ прежняго воспитанія у него осталась только скромность, которая теперь очень шла къ его красивой, но уже мужественной фигурѣ. Кокетливость тоже осталась, но ея послѣдствіемъ было то что вся фигура Юрія была необыкновенно изящна и когда ему хотѣлось понравиться кому бы то ни было—мушкетеру ли, женщиной ли—онъ искусно и быстро достигалъ цѣли. Въ краткое пребываніе его въ Петербургѣ уже двѣ женщины, изъ которыхъ одна высоко поставленная въ обществѣ, съ большими связями, сразу плѣнились имъ. Но Юрій, которому было теперь уже двадцать семь лѣтъ,

почему-то совершенно хладнокровно отнесся къ обѣимъ своимъ побѣдамъ. Онъ былъ озабоченъ другимъ: онъ думалъ о своей будущности; что дѣлать? чѣмъ быть? Понятно что однимъ изъ первыхъ представлялась ему женитьба. Часто слышалъ онъ что Москва-бѣлоколенная кишитъ красавицами невѣстами, знатными и богатыми; что тамъ только дѣвический не женится великолѣпно. Не имѣя никакого опредѣленнаго занятія, онъ въ одно прекрасное утро очутился въ телѣгѣ и благодаря Георгіевскому кресту и наружности, вихремъ полетѣлъ на тройкѣ въ Москву. О князѣ Агаринѣ Юрій давно и думать забылъ, но пробывъ въ Москвѣ на постояломъ дворѣ двѣ недѣли онъ увидѣлъ что самое простое дѣло оказалось непреодолимою преградой. Онъ увидѣлъ что познакомиться и войти въ какое бы то ни было московское общество было довольно мудрено и что безъ посторонней помощи онъ кромѣ общества шулеровъ картежниковъ и разныхъ другихъ сомнительныхъ личностей, не познакомится ни съ кѣмъ.

Громадныя палаты князя, извѣстныя всей Москвѣ, мимо которыхъ иногда проѣзжалъ молодой человѣкъ; случайно валомъили ему о другѣ его отца и матери. Онъ рѣшился и поѣхалъ къ князю. И вотъ, въ эту минуту, сказанся семейный фатумъ, сказанся въ пустомъ случаѣ. Уже подѣзжая къ дому, къ громаднымъ воротамъ, Хорватъ вдругъ смутился, внезапно рѣшился не заѣзжать къ князю, и всегда пылкій въ своихъ рѣшеніяхъ, громко крикнулъ вдругъ кучеру.

— Не надо! Ну же къ чорту! Пошелъ мимо!...

Кучеръ даже вздрогнулъ отъ мгновеннаго крика и со всего маху передернувъ возжами, ударилъ лошадямъ.

Прежде чѣмъ самъ кучеръ и Хорватъ пришли въ себя, лошади, рванувшись въ бокъ отъ кнута, вскачь влетѣли на княжій дворъ.

Хорватъ разсмѣялся, приказалъ тише и приличнѣе подвести себя къ подъѣзду и вошелъ.

„Ну, Петръ Ильичъ, подумалъ онъ про себя, видно это матушка править мной!“ И переступая порогъ княжяго дома, Хорватъ тяжело вздрогнулъ при мысли о покойной матери.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ у князя въ кабинетѣ и глядя на хозяина думалъ про себя:

— Вишь какой сморчокъ! неужели и мой отецъ былъ бы

такой, есаубы живъ былъ до сихъ поръ! Хорватъ смиялся мелькомъ что князь недавно женился и что жена его замчательная красавица, но такъ какъ вѣсть эту сообщилъ ей первый шутиакъ во всемъ полку, то Хорватъ ожидалъ видѣть другой такой же сморчокъ, только женскаго пола.

Былъ ли князь дѣйствительно радъ видѣть сына друзей своихъ или присутствие Юрія Хорвата вызвало въ немъ воспоминаніе о прошлыхъ, свѣтлыхъ, лучшихъ дняхъ его жизни, но князь необыкновенно тепло и радушно встрѣтилъ молодого человека. Сразу сталъ онъ разговорчивъ, дѣлалъ болташъ, и послѣ первыхъ же словъ привѣтствія, узнавъ что Хорватъ стоитъ въ гостиницѣ, настоятельно приказывалъ крестнику переѣхать къ себѣ. Хорватъ согласился тотчасъ и подумалъ:

„Что жь! Отличное дѣло. Будетъ сказка: жилъ былъ старикъ со старухой и Богъ не далъ имъ дѣтей. Вотъ и пріѣхалъ къ нимъ гусаръ Хорватъ.“

Молодой мамой, настроенный на веселый ладъ привѣтливостью князя, хотѣлъ мысленно продолжать эту сказку: старикъ со старухой, но въ эту минуту отворилась дверь и предъ его глазами предсталъ предполагаемый имъ другой сморчокъ, женскаго пола. Понято съ какимъ чувствомъ изумленія и восхищенія глянулъ онъ на красавицу княгиню которую не даромъ Москвичи, со словъ князя, стали звать Мадонной. Затѣмъ, при отъѣздѣ, вторая встрѣча съ княгиней среди гостиной, столь взволновавшая Марью Лукьяновну, имѣла вліяніе и на Хорвата. Почему и какъ, онъ конечно самъ не зналъ. Онъ вернулся домой и все думалъ въ вечера: „Что за притча такая? Зачѣмъ она съѣла такъ на дорогѣ въ пустой гостиной, потомъ на меня наскочила будто въ просонкахъ. А тамъ застыдилась, путала что-то такое сама не зная о чемъ, а тамъ поглядѣла... И какъ поглядѣла!“

Взглядъ этихъ чудныхъ синихъ глазъ, глубокихъ, полныхъ огня, Хорватъ живо воссоздавалъ предъ собою, какъ бы чувствовалъ на себѣ до вечера, и улыбался имъ...

„Ай-да глаза! думалъ онъ... Вотъ тебѣ и глаза! Да и вся! Вся-то какова. Ай-да князь Петръ Ильичъ! Ей небось лѣтъ двадцать, а ему-то, кажется, и всѣ шестьдесятъ. Только втрое! Что жь, она его любитъ?“ вдругъ возникъ вопросъ въ его головѣ. Вопросъ этотъ заинтересовалъ его, задалъ

надолго и, наконецъ, молодой малый вдругъ прервалъ свои думы вопросомъ:

„Чего жь это я? Да Богъ съ ней совсѣмъ! Любить, не любить, мнѣ-то какое дѣло!“

И вдругъ Хорвату показалось что будто кто-то шелчетъ ему на ухо или, лучше сказать, сердце подсказываетъ ему: — Врешь, братъ! Тебѣ до этого уже есть дѣло.

И прямодушный молодой герой остановился среди комнаты съ вопросомъ: переѣзжать ли къ князю? рѣшиться ли на то чтобы поселиться подъ одною кровлей и отъ зари до зари проводить дни съ этою княгиней, подъ магическимъ дѣйствиємъ этихъ синихъ очей? Куда поведутъ его эти очи, куда заведутъ? Все ли тамъ будетъ честно, хорошо, незорво для его имени, хоть буйно, но честно носимаго его отцомъ и дѣдомъ? Хорвать ясно предвидѣлъ, чувствовалъ какая сила въ этихъ очахъ которыя смутили его сегодня; чувствовалъ что за ними лобдешь далеко, зайдешь, пожалуй, туда, откуда и возврата нѣтъ. Будь князь не другъ его родныхъ, не крестный отецъ ему самому, будь онъ молодъ, однихъ съ нимъ лѣтъ или хотя бы немногимъ старше, тогда бы Хорвать не задумался.

Украсть съ громомъ—это бы еще ничего, по-гусарски; но стащить тихонько то что плохо лежитъ, недостойно гусара. А живя въ домѣ гостемъ, ухаживать за ней, значить угодиться воронкѣ. Нѣтъ, не надо переѣзжать къ нимъ...

Онъ надѣлъ шапку и быстро вышелъ на улицу чтобы прогуляться немного.

„Больно я ужь очень голову выломалъ, подумалъ онъ, надо провѣтриться. Задала же мнѣ заботу княгиня своими глазками!“

Но выраженіе это показалось молодому человѣку не подходящимъ.

„Это не глазки, снова думалъ онъ; какіе жь это глазки, это очи про которыя вотъ въ лѣсахъ поютъ! Небесныя очи.“

Довольно долго пробродилъ Хорвать по опустѣвшимъ, полусоннымъ улицамъ Москвы. Когда же онъ вернулся домой, то остановился въ изумленіи на порогѣ. Все было уложено, а половины вещей уже не было вовсе. Деньщикъ его, вѣчно заслаивый и вѣчно полульяный, хриливо объяснилъ ему что пріѣзжалъ важный такой дворецкій, либо просто

камердинъ изъ княжого дома и приказалъ все собирать. Самъ же оъ помогъ все укладывать и половину вещей уже увезъ къ себѣ, а за другими собирався прѣхать лутру.

— А про васъ, сказалъ деньщикъ,—такъ объяснилъ, что вы ужъ телерь, значить, тамъ, у князя, и тамъ, лоди, и за-ночуετε. Вотъ вы тутъ; стало тутъ и ловать мудрено!

— Да, мудрено! безсознательво и задумчиво вымолвилъ вслухъ Хорватъ.—Мудрено. Чтѣ жъ ты будешь дѣлать! вымолвилъ оъ вслухъ самому себѣ.—Дѣлать нечего. Видво, судьба!

На другое утро, вслѣдъ за остальными вещами, Хорватъ перѣхалъ къ княжескія палаты и поселился въ тѣхъ двухъ горницахъ, гдѣ когда-то, много лѣтъ назадъ, гостилъ однажды у князя и его отецъ.

IX.

Первый день проведенный Хорватомъ въ домѣ князя убѣдилъ его что началась и пошла новая лолоса въ его жизни, начинается что-то особенное, чтѣ было легко назвать по имени, еслбвы только не страшно было назвать. Хорватъ слишкомъ много знавалъ женщинъ, часто бывалъ съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, чтобы не замѣтить въ княгинѣ ту неумѣло скрытую тревогу которая сказывалась во всякомъ ея взглядѣ, во всякомъ словѣ.

„Не всегда же она такова, думалось ему.—А чему приписать и къ кому отнести эту тревогу? Кромѣ него не было никого въ домѣ.“

Этотъ первый день жизни молодого человѣка въ домѣ имѣлъ такое вліяніе на княгиню что она была какъ потерянная, а ночью, въ эту первую ночь пребывания нежданнаго гостя лодъ одною съ ней кровлей, она глазъ не смыкала. Однако на утро она поднялась бодрая, съ особенно яркимъ румянцемъ на щекахъ и съ особенно вспыхивающимъ поминутно взглядомъ.

Нѣсколько дней къ ряду прошло такимъ образомъ. Молодой человѣкъ велъ себя скромно, сдержанно, даже какъ-то бояливо, будто опасаясь каждую минуту чего-то неожиданнаго и страшнаго. Княгиня была холодна, спокойна, почти застывала всѣмъ своимъ существомъ когда бывали они

втроемъ. Вся ея фигура была такова что князю въ самомъ дѣлѣ могло прійти на умъ, не сердится ли жена на появленіе новаго обитателя въ домѣ. Но едва только князь отворачивался, была занята чѣмъ-нибудь другимъ или отходила въ сторону, бесѣдуя съ какимъ-либо гостемъ или съ новымъ дворецкимъ, княгиня преображалась. Въ этихъ случаяхъ она ни разу не смогла побороть въ себѣ желанія взглянуть на него на секунду. И всякій разъ встрѣчала она быстрый и почти смущенный взглядъ молодаго человѣка, боязливо скользящій по ней. Оба вскорѣ ясно стали понимать другъ друга, начали ощущать вѣчто новое, зародившееся между ними, и боялись каждый самому себѣ назвать это вѣчто!.. Каждый отчетливо читалъ въ своемъ сердцѣ, каждый вполнѣ понималъ что теряется въ новомъ чувствѣ, что спасенья нѣтъ, потому что побороть себя невозможно, потому что уже поздно. Какъ внезапно и быстро явилось это *поздно!* Съ первой встрѣчи въ гостиной стало уже поздно. Каждый, ясно читая въ своемъ сердцѣ, пытался всѣми силами проникнуть въ сердце другаго и, несмотря на очевидную взаимность, все-таки сомнѣвался.

Княгиня увѣряла себя что молодой человѣкъ относится къ ней съ тѣмъ же чувствомъ вѣжливаго и холоднаго почтенія съ какимъ относится и къ князю.

„Ну, и слава Богу!.. Пусть я одна буду...“ говорила она. А сама трепетно надѣялась что это неправда.

Хорватъ увѣрялъ себя что у княгини такая манера взглядывать, такіа чудныя очи, такой блескъ въ этихъ очахъ что всякій обмануться можетъ и объяснить въ свою пользу пламень этихъ глазъ.

„Она и на нищаго глядитъ, у ней глаза горять, думалось Хорвату.—А ты ужь тутъ о себѣ и возмечталъ сейчасъ! Да и хорошо что такъ. У меня пройдетъ легче.“

Поведеніе князя и его настроеніе духа было вполнѣ замѣчательнымъ психологическимъ явленіемъ. Прѣжній Duc de Russelieu, Домъ-Жуанъ и сердцеѣдъ, перевидавшій въ жизни столько десятковъ женщинъ всевозможныхъ націй, замѣчательный мастеръ въ утонченномъ волокитствѣ, теперь будто не хотѣлъ или не могъ воспользоваться всѣмъ опытомъ своей жизни. Онъ ничего не видѣлъ, не замѣчалъ, будто ослѣпъ. Сдержанность и холодность жены иногда мелькомъ замѣчалъ и оставлялъ безъ вниманія. Преувели-

ченая, изысканная черезчуръ почтительность Хорвата къ княгинѣ должна была тоже показаться олитному князю сомнительною, но овъ объяснял ее хорошимъ женскимъ и материяскимъ воспитаніемъ, отчасти же юностью крестника, робостью предъ свѣтскою женщиной и красавицей.

Какъ бессмысленно странно и почти глупо было приглашеніе его молодому челоѣку поселиться въ домъ, также непонятно странно было теперь и психическое настроеніе князя. Впрочемъ надо сказать что наканунѣ переѣзда Хорвата въ домъ, князю мелькомъ, вскользь, пришло на умъ что молодой крестникъ можетъ влюбиться и начать ухаживать за его красавицей-женой, что ей тоже можетъ приглашаться молодой малый, дѣйствительно замѣчательной красоты и вдобавокъ еще герой. Но мысль эта легко скользнула въ головѣ князя и улетѣла чтобы не возвращаться снова.

„Une petite histoire amoureuse, подумалъ князь, ухмыляясь. — Ну, что же? Богъ съ ней. Это ее развлечетъ на время.“

Серіознаго же ничего князь не предполагалъ возможнымъ. Почему—Богъ знаетъ! Никакая наука, никакая психологія не объясняетъ иныхъ явленій въ людяхъ, характерахъ, въ общежитіи.

Въ домъ князя всѣ, отъ мала до велика, отъ самого Андриана, который послѣ объясненія съ княземъ почти не показывался въ домъ, всѣ холопы до послѣдняго казачка въ швейцарской, всѣ горничныя и сѣнныя дѣвушки, однимъ словомъ, все населеніе княжихъ палатъ, если не говорили между собою, то каждый подумывалъ въ отдаленности е странной затѣѣ князя, поселить въ домъ около молодой жены такого красавца, хоть крестника, а все же чужаго, а не роднаго. Сначала всѣ люди на него косились, будто чувствовали въ немъ врага общаго покоя и благополучія, но вскорѣ привыкли и даже полюбили Юрія Петровича, всегда ласковаго, часто болтавшаго съ людьми, шутавшаго съ ними на всѣ лады.

Наконецъ однажды послѣ обѣда случилось нѣчто что могло послужить оправданіемъ образу дѣйствій князя. Князь сидѣлъ за столомъ, разглядывая какія-то бумаги. Княгиня и Хорватъ по обыкновенію сидѣли неподалеку отъ него. Она работала за пальцами, овъ перелистывалъ какую-то

книжку. Глаза князя невольно упали на эту книгу и он пристально глянул на ее обертку, а потом на лицо молодого человека. Книга держалась кверху ногами, а глаза молодого человека скользили не только по книге, но просто где-то около нее и вдруг поднялись на княгиню. Князь невольно вмѣстѣ съ нимъ одновременно глянул на жену и встрѣтилъ ее лихорадочно горящій взглядъ, обращенный не на пальцы и не на него, мужа, а на офицера. Сердце князя слегка ёкнуло.

Слушкомъ огня много! подумалось ему. Но въ то же мгновеніе взглядъ княгини съ молодого человека перешелъ на него. Въ эту секунду князь ждалъ смущенія, яркой краски, стыда, что окончательно убѣдило бы его и выдало княгиню. Онъ ждалъ этого смущенія, именно какъ доказательства того что подозрѣніемъ медькнуло въ его головѣ. Но вмѣсто этого стыда и смущенія, взоръ княгини обращенный на мужа вдругъ засверкалъ еще ярче и лицо какъ будто подернулось едва замѣтною судорогой. Она даже какъ-то вся выпрямилась, оперлась на пальцы и весь ее разумъ, вся ее сила воли, энергія, вся страстность природы—все сказалось въ этомъ взглядѣ. И что же? Князь первый опустилъ глаза на свои бумаги. Этотъ взглядъ жены будто сказалъ ему: Что вы смотрите, что вы видите? Какъ смѣете вы что-либо видѣть, что-либо думать!

Князь мгновенно, будто занятый бумагами, обдумалъ этотъ взглядъ, взвѣсилъ всѣ отѣвки этого взгляда и лица жены и ему ясно почудилось что жена его быть-можетъ первый разъ въ жизни глянула на него съ подавляющимъ презрѣніемъ, съ глубокою, доходящею до страсти ненавистью. Князь даже невольно вздохнулъ, сдержанно и прерывисто; ему стало жутко. До сихъ поръ кроткая Маша страдала молча, увядала какъ цвѣтокъ, тихонько и не слышно; чахла, какъ говорить народъ, таяла какъ свѣча воску араго, какъ говорить лѣсня народная.

Князь безсознательно вдругъ поднялся изъ-за письменнаго стола и, будто не находя своихъ очковъ, вышелъ въ сосѣдную горницу. Слово электрическій ударъ почувствовала княгиня на себѣ. Въ первый разъ оставались они наединѣ и она просто испугалась. Она замерла на своемъ мѣстѣ и не видя почти канвы, нервно, быстро шла наудачу. Она ждала перваго слова отъ молодого человека, даже

страстно ждала чтобъ онъ скорѣе сказалъ хоть одно слово, потому что тогда у ней явился бы предлогъ или ею же созданный нравственный поводъ мгновенно выйти изъ комнаты.

Хорватъ будто чувствуя что будетъ стоять это одно слово молчалъ какъ убитый и даже боялся поднять глаза на княгиню. Онъ сидѣлъ полный мыслью о ней, о томъ что они въ первый разъ остались наединѣ, о томъ что быть-можетъ она въ это мгновеніе смотритъ на него, ждетъ чтобъ онъ взглянулъ и быть-можетъ ея взгляды, котораго онъ не видитъ, скажетъ ему такъ много какъ еще ни разу не говорилъ. А между тѣмъ онъ положительно не находить въ себѣ силы поднять глаза. Наконецъ рваная рука, которою онъ придерживалъ книгу, нервно дрогнула и книга упала на полъ; этого было довольно.

Княгиня подвинулась какъ ужаленная и быстро, будто спавшая отъ чего-то страшнаго, выскользнула изъ комнаты.

Молодой человѣкъ тоже всталъ съ мѣста и пролетѣлъ себѣ самому глухо, шелотомъ: „Уѣхать?.. уѣду!.. Ничего не понимаю!..“

Х.

Между тѣмъ князь стоялъ у окна въ другой горницѣ, глаза его бѣгали по горницѣ безъ цѣли, затѣмъ устремились за окно и бродили по темной улицѣ, по домамъ и прохожимъ, ничего не видя и не замѣчая. Князю было стыдно, горько стыдно того что, выйдя изъ кабинета, онъ только сію минуту подошелъ къ окну. За эти нѣсколько минутъ, роковыхъ, постыдныхъ минутъ, онъ стоялъ предъ зеркаломъ, гдѣ наискось отражалась умышленно раскрытая дверь, а за нею отражались обѣ фигуры, и жены и Хорвата. Онъ могъ все видѣть что случится: малѣйшій взглядъ, малѣйшее слово, малѣйшій знакъ молодыхъ людей, и трелетно, пытливо устремлялъ взглядъ въ это зеркало. Стыдясь самого себя, но не имѣя силы отойти, онъ глядѣлъ и ждалъ. Онъ видѣлъ какъ княгиня по уходѣ его старательно быстро шла въ ляльцахъ, еще ниже прикинувъ лицомъ къ камнѣ; молодой человѣкъ еще внимательнѣе разглядывалъ книгу и уронилъ ее. Когда онъ снова съ упавшей книги перевелъ взглядъ на жену, то увидѣлъ ее отодвигающею ляльцы и выходящею вонъ изъ кабинета. Бурю

которая подыалась на мгновение въ обоихъ князь видѣть въ зеркало не могъ. И онъ вздохнулъ и горько подумалъ: вотъ къ чему ведетъ тотъ опытъ которымъ онъ такъ богать; вотъ что значитъ собственную жизнь наполнить любовными приключеніями. Презрѣніе къ женщинамъ вообще выносимое изъ этихъ приключеній прямо ведетъ къ тому чтобы быть способнымъ залодозрить въ пороки всякаго, хотя бы и младенца. „Я оскорбляю ее“, подумалъ князь. „Подозрѣвать такое существо какъ она!“ Князь не скоро могъ простить себя и забыть какъ свое оскорбительное для жены подозрѣніе, такъ и свою выходку.

„Да, это низко! C'est du laquais“, думалъ онъ. „Мари на недосигаемой высотѣ. Земнаго чувства любви или страсти не существуетъ для нея.“ Князь вернулся въ кабинетъ, утѣся въ уголокъ съ бумагами чтобы сдѣлать видъ что онъ занятъ и оградить себя отъ бесѣды съ Хорватомъ, на которую не былъ способенъ въ эту минуту. Онъ только-что произнесъ самъ надъ собою приговоръ; ему оставалось теперь только ждать помилованія отъ своей совѣсти. Князь обѣщалъ самъ себѣ заслужить это помилованіе тѣмъ что не будетъ обращать ни малѣйшаго вниманія на жену и молодого человѣка, не будетъ ни видѣть, ни замѣчать, ни волноваться, и что бы ни случилось не будетъ воображать себѣ *midî à quatorze heures!*

Становилось поздно. Князь, повидимому, былъ глубоко занятъ своими бумагами; княгиня не возвращалась. Давно уже люди подали свѣчи. Хорватъ вышелъ отъ князя, хотѣлъ пройти къ себѣ въ горницы, которыя были въ нижнемъ этажѣ, но особенное малодушіе сказалося въ немъ и онъ началъ взадъ и впередъ ходить вдоль полуосвѣщенной анфилады гостиныхъ. Онъ даже самому себѣ не хотѣлъ сознаться что сторожить на пути княгиню.

Черезъ полчаеа ходьбы, въ ту минуту когда Хорватъ, дойдя почти до дверей кабинета, снова повернулся и шелъ къ залу, среди сравнительно больше освѣщенной залы показавалась стройная, тихо движущаяся фигура княгини. Она подвигалась опустивъ руки, сложенные одна въ другую вдоль складокъ платья, низко склонивъ свою бѣлую головку. Особенно ярко свѣтилась въ лучахъ карседа эта свѣтлая, будто сѣдая, какъ лунъ, головка. Хорватъ хотѣлъ идти

къ ней навстрѣчу, но внезапная робость, боязнь испугать, въ этой женщинѣ то чувство которое зарождалось въ ней, и которое онъ уже начиналъ если не видѣть, то ловить, заставила его быстро повернуть въ самый темный уголъ не освѣщенной гостиной и сѣсть, почти спрятаться на громадномъ диванѣ Екатерининскихъ временъ.

„Она пройдетъ мимо, а я уйду внизъ“, подумалъ онъ, какъ будто это было вѣчто важное и уже давнымъ давно рѣшенное.

Замирая отъ какого-то незнакомаго ему дотола чувства, Хорватъ глядѣлъ на дверь, въ которую изъ восточней гостиной проливался, мерцаая, небольшой свѣтъ. И вотъ, въ этомъ свѣтѣ тихо, неслышно, будто привидѣнне, скользя и обрисовалась вся фигура и склоненная на грудь головка княгини. Она, медленно двигаясь, подошла къ дверямъ кабинета и остановилась.

Дорого бы далъ молодой человекъ чтобъ эта дверь кабинета скорѣе растворилась и скорѣе скрыла отъ него эту фигуру, наводившую на него теперь какой-то трепеть, почти страхъ. Но она стояла и не двигалась.

Хорватъ ни о чемъ не думалъ, а только ждалъ и ждалъ когда скроется она. Но вдругъ ужасъ проникъ въ сердце молодого человека. Княгиня повернулась и такъ же тихо, такъ же неслышно двинулась вглубь гостиной, въ его сторону; шла прямо на него. Страшная тревога, подымавшаяся въ душѣ его, вдругъ выдала его. До слуха княгини долетѣло тяжелое, прерывистое дыханіе. Она вперила глаза въ полусумракъ гостиной и шагахъ въ пяти отъ дивана различила сіяющій позументъ и луговицы знакомаго мундира.

Она вздрогнула, остановилась и вдругъ, будто не она, а какая-то другая женщина въ ней, которую она не знала, и которой существованія даже не предполагала,—эта другая женщина высококомѣрно произнесла рѣзкимъ голосомъ:

— Зачѣмъ вы здѣсь?

Никогда, ни въ одной битвѣ, молодой герой не робѣлъ такъ какъ оробѣлъ въ эту минуту.

Все пропало! пролетѣлъ ему какой-то голосъ. Пропало безвозвратно! Ты испугаешь въ ней то чѣмъ сталъ такъ дорожить и оно исчезнетъ. И ты самъ виноватъ.

Хорватъ хотѣлъ вымолвить: „простите“. Онъ собирався сказать это слово съ тѣмъ чувствомъ какъ еслабма въ самомъ дѣлѣ совершилъ какое-либо преступленіе или, по крайней мѣрѣ, огромную дерзость. Но онъ не успѣлъ разомкнуть губы, ибо княгиня строго вымолвивъ свою фразу, поняла что сама себя выдала. Выдала все свое душевное волненіе, свою боязнь быть съ нимъ наединѣ. Она стремительно отошла отъ дивана и скрылась въ дверяхъ кабинета.

Хорватъ бросился почти бѣгомъ къ себѣ внизъ. Не прошло часа, дворецкій позвалъ его къ столу. Это было время ужина. Молодой человѣкъ почти не находилъ въ себѣ достаточно силъ чтобы снова явиться предъ княземъ и этою женщиной, которая такъ быстро, такъ неожиданно съ каждою минутой становится для него олицетвореніемъ какой-то силы, которую онъ и обожаетъ и боится. Однако онъ ловималъ что его внезапное отсутствіе, безъ всякаго повода, можетъ-быть замѣчено и какъ-нибудь особенно истолковано княземъ. Онъ начиналъ уже бояться разбудить вниманіе услаеннаго влоанѣ, какъ думалъ онъ, мужа.

„Нѣтъ, пойду!“ подумалъ онъ про себя. И молодой человѣкъ поднимался по громадной лѣстницѣ дома въ верхній этажъ, а затѣмъ ступилъ черезъ порогъ столовой съ тѣмъ же самымъ чувствомъ сосредоточенности, отваги, всею волей сдерживаемаго трепета, съ какими годъ назадъ онъ шелъ въ шеренгѣ штурмовой колонны, ожидая и понимая что идетъ на вѣрную смерть. Завидя издали сквозь отворенную дверь освѣщенный и накрытый столъ и княгиню, стоя наливавшую суль, онъ подумалъ:

„Нѣтъ, тогда на штурмѣ было легче!“ Была минута когда онъ хотѣлъ повернуться и бѣжать снова внизъ, но послѣднимъ усиленіемъ воли переступилъ порогъ и молча сѣлъ на свое мѣсто.

— Чтѣ съ вами? тотчасъ же выговорилъ князь, взглянувъ въ лицо молодаго человѣка.

— Рука, робко солгалъ Хорватъ.

— Чтѣ, опять воеетъ? соболѣзнуя, покачалъ головой князь.—Вотъ вѣдь эти раны, и вылѣчишься, а болятъ!

Хорватъ вскользя глянулъ на княгиню. Она не смотрѣла на него и казалась совершенно спокойна. Онъ обод-

рился и къ концу ужина уже довольно спокойно бесѣдовалъ съ княземъ.

За ужиномъ онъ боялся взглянуть на княгиню; но вставая изъ-за стола онъ глянулъ на нее, ожидая холоднаго и строгаго взгляда, и ошибся вполнѣ. Княгиня смотрѣла ласково, какъ-то безпомощно, какъ когда-то при встрѣчѣ ихъ въ первый день. Ошибиться было мудрено. Этотъ взглядъ просто просилъ прощенья.

Счастливымъ какъ ребенокъ вернулся Хорватъ въ свою горницу и до полуночи не находилъ себѣ мѣста, переходя изъ угла въ уголъ, метался какъ левъ въ клеткѣ.

XI.

Еслибы въ ту же ночь кто-нибудь заглянулъ въ спальню княгини, то увидѣлъ бы ее неподвижно сидящею на креслѣ. Чтобы не оцарапать на свои окна вниманія многочисленной дворни, она погасила свѣчи, но не легла въ постель, и при слабомъ мерцаньи лампадки у образовъ просидѣла не двинувшись часа четыре. Она сводила счеты сама съ собой, вопрошала себя, требовала отвѣта неукаовнаго и прямаго. Она спрашивала: „да“ или „нѣтъ“, глубоко ли и нелоборимо то чувство, которое внезапно овладѣло всѣмъ ея существомъ, или же это прихоть, пустая, случайная, отъ скуки, отъ однообразія ея жизни. Она уже давно назвала это чувство ея настоящимъ именемъ, поняла все въ ней внезапно свершившееся и только хотѣла узвать теперь, ощутивъ на глубинѣ души своей насколько уже сроднилось съ ней это чувство; есть ли хоть слабая надежда хотя бы и чрезвычайнымъ усиленемъ избавиться отъ него, противостоять этому потоку который нахлынулъ и опрокинувъ въ ней все, волю, разумъ, совѣсть.... кружить и уносить ее.

Глубоко страстная натура этой дѣвушки, княгини Агапиной по имени, теперь впервые чувствовала на себѣ всю несокрушимую силу первой осмысленной и зрѣлой страсти. До сихъ поръ ни въ Россіи, ни за границей, никто не пробуждалъ въ ней ни тѣни какого-бы то ни было чувства. Теперь же оно проснулось вдругъ, и не вслѣдствіе одного сѣлаго и лустаго случая, а роковымъ

указомъ природы, которой вѣтъ дѣла до паутины, именованной правилами общежитія, и которая ометаетъ эту паутину однимъ дуновеніемъ.

Да, этотъ человѣкъ, или судьба въ лицѣ его, внезапно будто магическимъ толчкомъ пробудила всѣ славшія силы ея щедро надѣленной натуры. Вся она будто ветреленулась, ожила и лочуявъ въ сердцѣ своемъ будто приближеніе святыни, трепетно раскрыла ей на встрѣчу горячія, нетерпѣливыя объятія. Но между нею и этимъ новымъ міромъ, который открылъ предъ ней этотъ человѣкъ, явилась эта житейская паутина. Княгиня прямо спрашивала себя, способна ли она перешагнуть черезъ долгъ, совѣсть, нравственность и обмануть своего мужа. Что-то громко оказало ей тотчасъ что мужа обманывать грѣхъ, но что стараго князя, загубившаго ея молодость, иныя женщины (хоть бы тѣ героини прочитанныхъ ею книгъ) рѣшились бы казнить невѣрностью. Чуть не на зарѣ она пришла наконецъ къ рѣшенію холодно и безстрастно измѣнить такъ или иначе свой образъ жизни, свое существованіе, которое давно стало ей въ тягость. Однако разумъ подсказалъ ей, что рѣшить этотъ вопросъ, конечно, сразу нельзя, нужно время. А между тѣмъ онъ тутъ, постоянно близъ нея, смущаетъ и волнуетъ ее.

„Надо уѣхать“, подумала она.

Черезъ часъ княгиня уже придумала поводъ къ отаучкѣ; тотчасъ стала сложивше и даже полпробовала лечь въ постель и заснуть.

На утро она была въ кабинетѣ князя и холодно, но рѣшительно заявила ему что должна ѣхать немедленно въ ихъ подмосковное имѣніе, ради разныхъ безпорядковъ. Князь изумился, но покуда княгиня объясняла ему всякія подробности, побуждающія ее на эту поѣздку среди зимы, князь не слышалъ ни слова; онъ думалъ о другомъ. Еще недавно онъ залодоврилъ и чуть не сталъ ревновать жену, а тутъ вдругъ—добровольное отсутствіе. Покуда онъ бессмысленно бредилъ и оскорблялъ ее мысленно, она думала о дѣлахъ и собиралась въ вотчину.

Когда княгиня замолчала и вопросительно глядѣла на мужа, ожидая его согласія на поѣздку, князь пришелъ въ себя, устыдился своей разсѣянности и не переспросивъ ни о чемъ, чтобы не выдать себя, покорѣ согласился. Тотчасъ

былъ посланъ въ вотчину за пятьдесятъ верстъ отъ Москвы гонецъ скорѣе приготовить все, вытопить домъ и быть готовымъ для пріятія княгини.

День цѣлый княгиня подъ предлогомъ занятій на службѣ по этому шпіану и отчасти сборовъ почти не вышла изъ своего кабинета; даже за столъ пришла она съ кавалеромъ книгой испещренною цифрами докладовъ управленія.

Покуда князь болталъ съ Хорватомъ, она все перелистывала эту книгу и повидимому забыла объ ихъ существованіи. Ни разу не подняла она глаза, ни разу не взглянула въ лицо молодого человѣка.

Разговаривая съ княземъ, Хорватъ не слушалъ что тот говоритъ и отвѣчалъ не впопадъ. Хорватъ чувствовалъ какъ сердце его сжималось какою-то болью.

Что же это? постоянно, безъ конца, вопрошало въ немъ все его существо. Что это значитъ, эта неожиданная глупость, это равнодушіе? Даже болѣе того, онъ не существовалъ для нея.

Послѣ стола княгиня немедленно скрылась снова къ себѣ. Князь пошелъ отдохнуть.

Хорватъ спустился къ себѣ и до вечера повторялъ изъ одинъ и тотъ же вопросъ.

„Неужели это кокетство, искусная игра? О онъ утверждалъ что это предположеніе бессмысленно, что такая женщина какъ княгиня не способна на подобнаго рода игру? — Что же значилъ этотъ внезапный отъѣздъ? Какъ необходимость быть въ вотчинѣ, ѣхать пятьдесятъ верстъ по морозу.“ Хорватъ не могъ себѣ объяснить.

„Неужели любовь къ хозяйству заставляетъ ее скакать. А любовь къ хозяйству, вѣдь это любовь къ деньгамъ. Неужели она считаетъ гроши и алтыны?“ съ какимъ-то ослѣпленіемъ шепталъ молодой человѣкъ, шагая въ своей горничной. Онъ путался; умъ за разумъ заходилъ у него.

Вдругъ ему пришла шальная мысль: достать лошадей, скакать впередъ въ ту же вотчину, переодѣться и проскочить въ усадьбу, гдѣ вѣроятно было мало двораи. Похлопотать или тайно пробраться въ самый домъ и внезапно, даже среди ночи, явиться предъ княгиней.

„Это безумно, подумалъ онъ, разумѣется безумно. Но вѣдь все безумство! Развѣ не безумство было пріять приглашеніе князя и не ѣхать тотчасъ же? Развѣ не без-

умно всякій день утромъ и вечеромъ и ночью думать все о ней, разжигать въ себѣ преступную страсть, которая поведетъ если не къ гибели обоихъ, то къ его собственной? Все тутъ безумно! повторялъ онъ съ озлобленіемъ. Первый шагъ былъ шальной, такъ второй и третій—какой ни будь шальной, дѣло не испортить!

И въ порывѣ страсти, почти не владея собой, онъ схватилъ шалку и направился было на подвѣздъ, но вдругъ остановился. До сихъ поръ казалось ему что все его намѣреніе просто и удобоисполнимо; онъ одно позабылъ, а именно какъ объяснить князю свое внезапное и одновременное съ княгиней отсутствіе. Хорватъ остановился предъ этою мыслью какъ громомъ пораженный.

— Нельзя, нельзя! безпомощно выговорилъ онъ.—Еслибъ я зналъ, предвидѣлъ, то уѣхалъ бы дня за два, сказавъ что ѣду въ Петербургъ или куда-либо, а теперь нельзя.

Онъ вернулся и снявъ шалку швырнулъ ее на полъ.

„Сколько она пробудетъ тамъ? снова думалъ онъ.—Еслибъ я зналъ что отсутствіе это продолжится нѣсколько дней, чрезъ два, три дня я бы могъ тоже выѣхать.“ И неожиданнымъ поворотомъ мысли, свидѣтельствовавшимъ о томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, онъ сразу бросился къ своей шалкѣ и вышелъ изъ дому съ цѣлью нанять лошадей, но уже не для того чтобы скакать въ вотчину, а скакать въ Петербургъ, спастись отъ этого круговорота, въ который попалъ душой и разумомъ.

— Покуда приведутъ лошадей, я объясню, напутаю околесицу какую-нибудь князю, и что бъ онъ ни подумалъ, все равно. Вѣдь уже мнѣ не ворочаться.

Хорватъ вышелъ изъ дому лѣшкомъ, въ легкомъ плащѣ. Сильный морозъ охватилъ его. Онъ прошелъ нѣсколько улицъ. Буря, подвѣявшаяся въ немъ, улеглась постепенно; онъ вздохнулъ, замедлилъ шагъ и наконецъ пріостановился. Вдругъ повернувъ назадъ онъ черезъ полчаса тихо, усталымъ шагомъ, почти грустный, вернулся домой и усѣлся въ глубь своей комнаты.

„Все вздоръ! Ничего не сдѣлаю; буду ждать и глядѣть. Будь что будетъ. Одно только знаю, что если надо для этого украсть—украду, надо убить—убью. Надо ли жизнь будетъ отдать—я не одинъ разъ отдамъ, а десять разъ отдамъ. Старикъ—другъ отца; самъ крестный отецъ, нако-

нецѣ радушный хозяинъ, все это, говорятъ люди, свято. Да, можетъ-быть, но вотъ во мнѣ-то что-то такое громадное, страшное, колошится, точно звѣрь какой о ста головахъ и онъ-то вотъ будто орѣтъ дикимъ голосомъ что все это тринь-трава! Да, все это сдѣлано для тебя и изъ-за тебя. Еслибы ты была счастлива, любила его, тогда я бѣжалъ бы изъ этого дома на другой же день; но ты не любишь дѣдушку; ты меня любишь. Вѣрно!..“

Долго ли просидѣлъ Хорватъ, бесѣдуя и даже слора самъ съ собою — онъ не зналъ. Онъ чувствовалъ сильную усталость во всемъ тѣлѣ. Давно было темно совершенно въ его горницы и вдругъ раздались шаги: предъ нимъ появилась вѣчный, неизмѣнный дворецкій и неизмѣнно заложа руки за спину проговорилъ тѣмъ же неизмѣняемымъ, казеннымъ голосомъ:

— Юрій Петровичъ! пожалуйте кушать.

Хорватъ пришелъ окончательно въ себя и когда дворецкій поворачивался назадъ кругомъ чтобы выйти изъ горницы, онъ почти крикнулъ ему вслѣдъ:

— Когда ѣдетъ княгиня?

Интонація голоса его могла выдать волненіе и должно-быть дворецкій замѣтилъ эту интонацію. Лицо его въ темнотѣ было не видно Хорватову, но голосъ его съ оттенкомъ удивленія выговорилъ:

— Не могу знать.

Голосъ этотъ говорилъ: Это не наше дѣло! И не мое дѣло и не ваше.

Не услѣвъ дворецкій снова повернуться спиной къ Хорвату какъ молодой человѣкъ выговорилъ:

— Доложи князю что мнѣ очень нездоровится. Я извиняюсь и къ столу не пойду.

Дворецкій вышелъ. Хорвату стало страшно и за сдѣланный имъ вопросъ и за рѣшеніе не идти на верхъ; но дѣло уже было сдѣлано.

Черезъ полчаса, когда Хорватъ сидѣлъ на томъ же креслѣ, нѣсколько человѣкъ приблизилось медленно къ его дверямъ. Онъ сразу догадался, бросился въ сосѣдную горницу и легъ на постель. Чутье не обмануло его. Радушный хозяинъ безлокоидся и пришелъ самъ узнать что съ его гестемъ. Князь вошелъ, сопровождаемый тѣмъ же дворецкимъ и двумя людьми, которые несли свѣчи, такъ какъ корридоръ не былъ

освѣщенъ. На всѣ предложенія лѣкарствъ, доктора и т. п. Хорватъ отвѣчалъ кое-какъ. Это была попытка. По счастью, князь не съѣлъ и, пожелавъ ему доброй ночи, снова вышелъ.

„А что если и она повѣрила? вдругъ подумалось Хорвату. Если она будетъ безпокоиться?“ И молодой человѣкъ вдругъ злобно разсмѣялся надъ собой. „Скажите на милость что воображаетъ себѣ полоумный дуракъ! Очень ей нужно знать что съ тобой! Хоть издохни тутъ какъ собака, такъ она не глядеть, а поскачетъ въ вотчину три рубля оброку собрать!“

И злоба килучая, почти ненависть къ этой княгинѣ, сказывалась на сердцѣ молодаго человѣка. Онъ, казалось, всею душой ненавидѣлъ и презиралъ ее въ эту минуту. Послѣ этого припадка злобы лицо офицера, воина и даже героя, олущенное теперь безпомощно на руки, вдругъ стало влажно. Первый разъ со времени юности въ глазахъ его показались слезы.

XII.

Княгиня пробыла въ деревнѣ недѣлю. Князь уже начиналъ безпокоиться и послалъ уже двухъ гонцовъ къ жемъ съ вопросомъ, все ли благополучно? Княгиня отвѣчала письмомъ: „Все, слава Богу. Занимаюсь всякій день лонемвожку. Слѣшить не къ чему. Давно не жила въ деревнѣ зимой, поэтому мнѣ очень нравится здѣсь. Кругомъ сугробы, волки ходятъ; двѣ мители уже было. Вьюга воетъ всякую ночь, точь въ точь какъ бывало въ Дуживѣ. Кажется отсюда бы не выѣхала. Хочу просить васъ на будущую зиму жить здѣсь, а не въ Москвѣ. Домъ этотъ меньше московскаго, въ немъ какъ-то теплѣе, уютнѣе. Здѣсь *on est plus chez soi* чѣмъ въ вашихъ московскихъ палатахъ.“

Письмо это было большое, ласковое. Отъ него вѣяло какою-то ясностью, душевнымъ спокойствіемъ. Князь, прочитавъ и перечитавъ его, вывелъ заключеніе что деревня особенно хорошо дѣйствуетъ на княгиню.

— Вотъ что значитъ привычка! сказалъ онъ Хорвату.— Она родилась и прожила до шестнадцати лѣтъ въ страшной глуши, среди сугробовъ, и теперь ей нѣтъ мѣста пріятнѣе и веселѣе какъ деревенская глушь и въ особенности зимой.

Хорватъ воспользовался этимъ разговоромъ о прошломъ княгини и осторожно сталъ разспрашивать князя. Онъ ничего не зналъ о прошломъ княгини, помимо отрывочныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ Москвѣ. Князь охотно, даже болтливо, съ особеннымъ удовольствіемъ распространился о дѣтствѣ жены, ея жизни въ Дужицѣ; очертилъ Хорвату всю обстановку Дужицкой барышни, о которой онъ зналъ отъ нея самой, и оцѣнилъ очеркъ характера Лукьяна Ивановича. Хорватъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Князь истолковалъ это вниманіе иначе и приписалъ это своему искусству разказывать. Онъ вспомнилъ какъ бывало прежде любилъ ораторствовать и повѣствовать, и какъ десятки, иногда и сотни слушателей въ какой-нибудь гостиной, прекративъ отдѣльныя бесѣды, внимательно напрягали слухъ; а онъ, бывало, кочевчо не телерешній Петръ Ильичъ, а остроумный, блестящій, много видавшій на своемъ вѣку, разказывалъ что-либо изъ своей заграничной жизни.

Видя что князь съ любовью разказываетъ все относящееся до жены, Хорватъ болѣе смѣло вдавался въ подробности касающіяся княгини. Въ этотъ день онъ узналъ многое, и оно не пропало для него даромъ. Цѣлый часъ посвятилъ князь между прочимъ на передачу того что зналъ онъ о баронессѣ Штейнмаркъ. Эта бесѣда,—длинная, пріятная и интересная равно для обоихъ, хотя по совершенно разнымъ причинамъ,—привела къ большому сближенію между княземъ и молодымъ человѣкомъ. Вечеру князь Петръ Ильичъ, будто забывъ что говорилъ все онъ, а Хорватъ только слушалъ, рѣшилъ что молодой человѣкъ въ сущности очень уменъ и очень пріятный собесѣдникъ. На другой день бесѣда снова началась о томъ же предметѣ, и Хорватъ, не рѣшавшійся на одинъ вопросъ вчера, сегодня прямо поставилъ его. Онъ спросилъ у Петра Ильича, какимъ образомъ онъ познакомился съ Собакиными, никогда не възжавшими, по словамъ его, изъ Дужина, и какимъ образомъ женился на Марьѣ Лукьяновнѣ? Князь и на это отвѣчалъ охотно, подробно. Когда онъ перешелъ къ своей свадьбѣ и къ заграничной поѣздкѣ, ясность исчезла съ его лица. Онъ сократилъ разказъ и вдругъ смолкъ. Но то о чемъ князь не уломяуль, о чемъ не любилъ даже вспоминать—Хорватъ самъ то зналъ: и людская молва по Мос-

квѣ, и его собственное чутье подсказали то ему. Въ этотъ день роли перемѣнились. Князь, какъ бы въ отплату за свой вчерашній разказъ, разспрашивалъ молодаго человѣка объ его жизни, намѣреніяхъ и планахъ на будущее. Еще недавно, предъ прїѣздомъ въ Москву, Хорватъ могъ бы отвѣчать на это прямо, откровенно; у него было чисто на душѣ. Если онъ самъ опредѣленно не зналъ что хотѣлъ дѣлать, то во всякомъ случаѣ онъ могъ, положа руку на сердце, говорить обо всемъ касавшемся до его личности, говорить со всякимъ откровенно, а съ княземъ, другомъ его отца и матери, подавно могъ бы высказаться обо всемъ тревожившемъ его сердце. Съ тѣхъ поръ прошло такъ мало времени, какихъ-нибудь нѣсколько дней, а между тѣмъ молодой человѣкъ не могъ уже говорить искренно, не могъ допустить чей-либо чужой взоръ въ свою душу. У него уже было что скрывать тщательно отъ всякаго и въ особенности отъ этого самаго друга его отца и его собственнаго крестнаго отца. Хорватъ разказалъ князю нѣкоторыя подробности своей жизни съ матерью. Онъ съ особеннымъ чувствомъ говорилъ о ней и объ ея кончинѣ, такъ что даже слегка разстроилъ князя. Подробно разказалъ онъ и кампанію свою, но чѣмъ ближе разказъ его подходилъ къ Москвѣ, тѣмъ болѣе Хорватъ смущался. Отвѣчать же на то, что онъ намѣренъ дѣлать теперь, онъ не могъ, конечно не прибѣгая къ самой наглой лжи.

— Надо тебя женить! Вотъ что! рѣшилъ вдругъ князь.— Пора! теперь больше ничего не остается какъ женитьба. Князь прїостановился и продолжалъ:—Откладывать женитьбу не надо; не надо поздно жениться. Я не примѣръ.

„Напретивъ, ты и примѣръ!“ невольно подумалъ Хорватъ.

Князь смолкъ. Хорватъ не отвѣчалъ ничего, только на душѣ его стало тревожнѣе.

— Да, я этимъ займусь, выговорилъ снова князь подумавъ.—Какъ только жена прїѣдетъ, мы сдѣлаемъ семейный совѣтъ, un conseil de famille.—Князь весело улыбнулся.—Мы сдѣлаемъ нѣсколько вечеровъ и баловъ и покажемъ у насъ всѣхъ московскихъ невѣстъ. Выбирай любую, всякая пойдетъ. Въ этомъ порукой твоя молодцоватая фигура, твой характеръ и, наконецъ, порукой твой будущій свать и посаженный отецъ. Да, полагаю я, какая матушка или

какой батюшка не согласится? Какая барышня не будетъ счастлива, когда князь Агаринъ начнетъ сватать такого молодца, какъ ты?—Князь перемѣнилъ вдругъ шуточный тонъ и прибавилъ совершенно серьезно.—Я обѣщалъ твоему отцу заняться твоею судьбой и сдержу слово. Не имѣя дѣтей и находясь въ полномъ разрывѣ съ братомъ и единственнымъ племянникомъ, я могу располагать своимъ состояніемъ какъ хочу. Княгиня обезлечена. Изъ остальнаго половина пойдетъ, конечно, на разные пенсіоны и на нѣкоторые московскіе монастыри и церкви; такъ я обѣщался. Другая же половина....

И князь залпулся и не договорилъ, потому что прочелъ на совершенно смущенномъ лицѣ молодого человѣка не только несогласіе на то о чемъ намекалъ князь, но даже какое-то черезчуръ непріятное выраженіе.

— Ты не имѣешь права обижаться, быстро выговорилъ князь.—То что я хочу сдѣлать, это мое право. Это право дано мнѣ твоимъ отцомъ, когда ты былъ еще младенцемъ. Ты мнѣ не чужой, повторяю въ сотый разъ. Ты мой крестникъ, *vous êtes le fils de mon coeur!*

— Благодарю васъ, князь, едва слышно пролепеталъ Хорватъ, опуская глаза,—но это совершенно, совершенно невозможно. Этого не можетъ быть и никогда не будетъ!

— Можетъ-быть и будетъ, разсмѣялся князь,—и это не твое дѣло. А если ты сумашедшій, ну такъ, получивъ все по закону раздай нищимъ. Это опять ужъ твое дѣло, а не мое. *Mais laissons ça.* Что говорить о будущемъ и надѣюсь далеко.—Князь опять разсмѣялся.—Авось судьба не будетъ тебѣ благопріятствовать и дастъ мнѣ еще немного времени на земномъ шарѣ поколтыть небо. Еще я вижу нѣсколько уголковъ неба въ которыхъ много свѣта. Ихъ еще я недостаточно заколтылъ; ну, вотъ этимъ я и займусь!

Князь разсмѣялся еще сильнѣе и громче, но въ этомъ смѣхѣ и Хорвату, и ему самому вдругъ послышалась нота далеко не веселая, старчески дряблая и озлобленная на міръ Божій и на людей. Князь, любившій французскія выраженія, могъ бы справедливо назвать этотъ смѣхъ: *un rire jaune.*

Въ этотъ вечеръ Хорватъ много продумалъ, но уже не о княгинѣ, а о словахъ князя. Нѣсколько дней назадъ предположеніе князя, даже болѣе, неуклонное намѣреніе его

ему по смерти половину своего состояния, которая больше многих больших сосотаній, сдѣлало бы Хорватъ счастливейшимъ изъ смертныхъ; онъ нашелъ бы въ возможность принять этотъ подарокъ отъ крестнаго и друга своихъ родныхъ. Тогда его честная натура поставила бы вопросъ просто: если есть возможность дать этого Петра Ильича какъ роднаго отца и сыномъ рукой закрыть ему глаза, то принять подарокъ въ казю пріемыша. Если же князь автлантиченъ ему, если не видитъ возможности любить его какъ роднаго, не въ возможности прожить съ нимъ вмѣстѣ до послѣднего дня, то не принимать.

Судьба же вопросъ этотъ судьба поставила совершенно. Любить онъ князя не могъ, наоборотъ чувствовалъ нѣтъ-вотъ роковая судьба, помимо его воли, даже половада какого-нибудь со стороны князя, заставить ненавидѣть этого старика. Эта судьба хочетъ его сдѣлать счастливейшимъ, непримиримѣйшимъ врагомъ этого ласковаго сына его къ себѣ челоуѣка. Чтобы согласиться на оженіа князя, надобно остаться жить съ нимъ до конца дней, любить и ухаживать за нимъ, а ему приходится бѣжать немедленно изъ этого дома или же остаться и обманывать князя. Да это еще и не все. Къ чему идетъ его эта жизнь втроемъ, а равно и старика-мужа, и ея?... Неизвѣстно, даже страшно и предугадывать.

XIII.

Конецъ, однажды въ сумерки вернулась княгиня. Хорватъ былъ у себя, видѣлъ какъ княгиня быстро, даже молча замѣтнѣе, весело выскочила изъ экипажа. Челоприѣхавшій съ ней былъ тоже какъ-то особенно весело-должно-быть расположеніе духа барыни повисало и на немъ. Онъ смѣялся, что-то разказывалъ встрѣтившимъ его дворовымъ. Кучеръ съ козелъ перебилъ его, то разказывая. Несмотря на двойныя зимнія рамы, Хорватъ ясно слышалъ слова кучера:

Съ княгиней-то, съ нашей? Хоть за край свѣта поѣду! прошло четверти часа какъ явился одинъ изъ людей пожилъ Хорвату:

— Княгиня просить васъ на верхъ.

Изумленный молодой человекъ вымолвилъ неволью:

— Князь?

— Никакъ нѣтъ-съ! Княгиня изволила выходить въ прихожую и сами приказали: лоди молъ, скажи, княгиня проситъ на верхъ Юрія Петровича.

Человекъ вышелъ, а Хорватъ стоялъ не двигаясь.

Вдругъ онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ и замѣтилъ что у него разинутъ ротъ. Онъ звонко разсмѣялся, увидя свое лицо, и выговорилъ:

— Повевольтъ ротъ разинешь!

Но однако тревожное чувство ощущалъ онъ въ себѣ.

Что это значило; эта новость, это приглашенье тотчасъ по прѣздѣ, когда она быть-можетъ еще не успѣла толкомъ переговорить съ мужемъ? Хорватъ не только не могъ понять, но не могъ даже что-либо и придумать.

Въ легкомъ волненіи быстро поднялся онъ на верхъ и направился къ кабинету князя, но на полдорогѣ, въ одной изъ самыхъ маленькихъ гостиныхъ, онъ нашелъ и хозяйина и хозяйку за маленькимъ чайнымъ столомъ. И это была новость! Съ тѣхъ поръ что Хорватъ былъ въ домѣ, съ перваго дня знакомства и до отъѣзда княгини, ни разу онъ не видалъ такого выраженія лица ея, какое было теперь. Она добродушно, спокойно, ласково улыбаясь, глянула на него и не тихо, какъ бывало прежде, а полнымъ голосомъ вымолвила:

— Я за вами послала. Извините, можетъ-быть побезпокоила. Мнѣ хотѣлось скорѣе васъ увидѣть. Мы вотъ чай пить собрались, а васъ нѣтъ. Садитесь.

Хорватъ смутился. Вся фигура княгини, ея голосъ, ея слова, даже жестъ которымъ она приглашала его сѣсть около себя, все это неволью тревогой переполнило его, потому что все это было слишкомъ просто. Да, эта простота исключала вполнѣ возможность прежнихъ внезапно и бурно начавшихся отношеній. Теперь сразу являлись другія отношенія, простые, безчужды обыкновенныя.

„Въ ней ничего нѣтъ! Все прошло! Пошла и бросила!“ Мелькнуло въ головѣ молодого человека, когда онъ садился. Однако, онъ вскорѣ оправился.

Князь весело пилъ свой чай, а княгиня то отвѣчала мужу на его вопросы объ усадьбѣ, объ оранжереяхъ, о любви

мыхъ собакахъ, о карликѣ Антошкѣ, жившемъ тамъ; то обращалась также просто и свободно къ Хорвату и спрашивала то о сахарѣ, то о сливкахъ, то о Москвѣ а морозахъ, и эти вопросы поднимали въ сердцѣ молодаго человѣка такую горечь и злобу что они душили его. Наконецъ, не отвѣтивъ на одинъ изъ ея вопросовъ, онъ улюбно взглянулъ на нее. Онъ думалъ:

„Ты не смѣешь такъ обращаться со мною! Ты потеряла это право послѣ того что возникло между нами и что было понято нами обоими.“

Казалось что глаза его сказали, выразили эту тайную мысль. Княгиня быстро отвернулась отъ него лицомъ къ князю и выговорила:

— Ну, какъ вы безъ меня ложились? но голосъ измѣнился ей. Въ этомъ простомъ вопросѣ не было ни одного естественнаго звука и княгиня была принуждена закончить свою фразу легкимъ кашлемъ, какъ будто она полерхнулась. Но чрезъ секунду Хорватъ долженъ былъ убѣдиться что это мгновенное смущеніе ему показалось.

Заговоривъ съ княземъ о томъ, какъ желала бы она жить въ деревнѣ, а не въ Москвѣ, она добилась отъ него обѣщанія, что на будущую зиму они мѣжетъ-быть поселятся въ какой-нибудь вотчинѣ.

— Только не въ той, изъ которой я прѣехала, вымолвила вдругъ княгиня.

— Отчего же?

— Нѣтъ! Обманете! слишкомъ близко отъ Москвы. Мы тамъ устроимся, а чрезъ мѣсяцъ вы переедете сюда! Вхять, такъ вхять верстъ за тысячу; вотъ хотя бы въ ваше Оренбургское имѣніе. Тамъ, какъ устроимся, такъ ужъ среди зимы вы не рѣшитесь въ Москву вхять! И княгиня разсмѣялась звонко.

Не только Хорватъ удивился, но и князь удивился. Хорватъ со дня прибытія своего въ домъ не слышалъ смѣха княгини, а князь за цѣлый годъ, если не больше, тоже не слышалъ такого смѣха.

— Ну, Marie! если на тебя такъ дѣйствуютъ повѣздки въ подмосковную, такъ я бы не прочь, еслибы ты каждый мѣсяцъ ѣздила туда. Повѣхала ты triste comme un automne, а вернулась совсѣмъ, какъ... Князь заикнулся. Да, совсѣмъ какъ бывало Марьей Лукьяновной Собакиной была.

— Ну, чтожь, пожалуй! весело отвѣчала княгиня.—Я готова ѣздить туда каждый мѣсяцъ. Дѣйствительно, пребываніе тамъ напомнило мнѣ такъ живо мою дужинскую жизнь, что это разшевелило меня. Я быть-можетъ стала въ самомъ дѣлѣ веселѣе. Да вѣдь въ этихъ вашихъ палатахъ...

— Pardou! вдругъ перебилъ князь.—Почему вы въ вашемъ письмѣ поставили въ *нашихъ* палатахъ, а потомъ изволили зачеркнуть и поставили въ *вашихъ* палатахъ?

— Это ваши палаты, а не мои, серьезно вымолвила княгиня, но видно было, что она продолжаетъ шутить, играть.— Вотъ, если перейдете въ деревню, въ какую хотите, тамъ я буду говорить, наши палаты!

Эта болтовня странно звенѣла въ ушахъ Хорвата. Княгиня начинала ему напоминать тѣхъ болтушекъ барышень, которыхъ онъ видалъ въ разныхъ захолустьяхъ, гдѣ стоялъ его полкъ. Эта болтушка была только изящнѣе тѣхъ. И вотъ его божество быстрее и быстрее слускалось съ воздвигнутаго имъ льдестала. Вдобавокъ, ея хозяйская любезность, не человѣческое, а свѣтское отношеніе къ нему, привело его въ такое негодованіе, что онъ наконецъ не выдержалъ, поднялся и расклавываясь выговорилъ насколько могъ любезнѣе.

— Merci.

Видя его намѣреніе уходить, княгиня просто и спокойно глядя ему въ лицо, воскликнула:

— Куда же вы? Вы намъ не мѣшаете. Быть-можетъ у васъ дѣло есть?

— Нѣтъ, но....

— А если нѣтъ дѣла, то оставайтесь. Вѣдь пора же, наконецъ, чтобы отношенія наши... Княгиня слегка залпнулась, но тотчасъ оправилась,—стали совершенно простыя и, какъ бы это сказать.... удобны, что ли. Я объ этомъ думала тоже въ деревнѣ.

Княгиня обернулась къ мужу и добавила.

— Я много о чемъ тамъ передумала. И объ васъ также, какъ вамъ устроить занавѣсъ надъ кроватью. Да,—обернулась она снова къ Хорвату,—я думала, что жить вмѣстѣ, быть всякій день съ утра до вечера въ одномъ домѣ, неудобно, если отношенія не совсѣмъ просты, не родственныя. Петръ Ильичъ вовсе не шутить, говоря что вы его племянникъ; ну, стало-быть вы и мой племянникъ, чуть-чуть залпнувшись вымолвила она.—Такъ вѣдь князь?

— Разумѣется, *clair comme bonjour!* отозвался Петръ Ильичъ.

— Итакъ, присядьте, выслушайте! Волевыхъ,—княгиня подняла немного надъ столомъ свои красивыя руки и начала отсчитывать и откладывать по одному ладчику маленькой бѣлой руки, увязанной кольцами,—волевыхъ, вы перестанете считаться у насъ временнымъ гостемъ, перестанете собираться куда-то... Вы не гость, а членъ семьи, племянникъ князя и стало-быть и мой тоже. И вы должны меня почитать, хотя я моложе васъ. Вот-вторыхъ, вы должны въ домѣ дѣлать что хотите, спрашивать и требовать что хотите, быть какъ у себя дома. Когда вздумается вамъ напримѣръ среди дня кушать или чай пить, приказывайте сами подавать кушать къ себѣ, а чай сюда, потому что, если вы вздумаете это, то я тотчасъ съ удовольствіемъ присоединюсь къ вамъ. Когда князь захочетъ и онъ сюда придетъ; въ эту комнату всѣмъ близко. Не захочетъ, мы и безъ него обойдемся. Слышите, князь! Кланяться не будемъ! Приглашать тоже не будемъ. Услышите что здѣсь *чайничаютъ*, такъ и бѣгите скорѣе.

Тонъ голоса княгини былъ такъ веселъ что князь невольно разсмѣялся.

— Ну, ужъ бѣгать-то, позвольте, я не согласенъ!

— Вчетвертыхъ, начала княгиня, обращаясь къ Хорвату....

— Позвольте! улыбаясь, но глухо, съ оттѣнкомъ страданія въ голосѣ произнесъ Хорватъ,—вы пропустили. Еще вторыхъ ничего не было.

Голосъ его, вѣроятно, подѣйствовалъ на княгиню, потому что она мѣлче шутливо продолжала.

— Ну хорошо. Вторыхъ мнѣ вздумалось учиться ѣздить верхомъ. Я уже говорила князю и онъ позволилъ мнѣ. Учитель, т.-е. профессоръ, конечно найдо. Кому же и учить верхомъ ѣздить, какъ не кавалеристу и къ тому же гусару....

Хорватъ какъ поглядѣлъ ей въ эту минуту въ лицо что она невольно отвела глаза въ сторону.

— Ишь, какъ удивился? выговорилъ князь досадливо.—Во всей Европѣ женщины ѣздить верхомъ, да еще и великолѣпно. Это только у насъ, топ шер, барышши или вовсе не умѣютъ, или же въ глуши деревни валяютъ по-мужски. А если случится необходимость вдругъ ѣхать на лошади, то

считаютъ приличнѣе садиться à salifourchon! А по моему женщина должна умѣть ѣздить верхомъ!

— Наконецъ, снова заговорила княгиня, — вчетвертыхъ, прошу васъ меня полюбить такъ же какъ и я успѣла полюбить васъ, и мы отлично заживемъ и здѣсь и еще лучше дѣломъ въ деревнѣ. Ну, влматыхъ, да вообще, влматыхъ, шестыхъ, седьмыхъ, и т. д. будьте въ дѣйствительности, а не на словахъ только родственникомъ князю, а стало-быть кеможко и моимъ. Ну, договоръ подписать!... усмѣхнулась княгиня, — теперь идите или оставайтесь, дѣлайте что хотите, а я пойду къ себѣ. Я устала съ дороги, а теперь, поговоривъ такъ много, окончательно устала; глаза слезаются, спать хочется. До свиданія.

Княгиня вышла изъ-за маленькаго столика, протянула руку мужу, и когда онъ будучи въ духѣ, изысканно вѣжливо поцѣловалъ ея руку, она сдѣлала два шага къ дверямъ, но потомъ вернулась и съ отбѣнкомъ нервнительности близко подойдя къ Хорвату вымолвила:

— Ахъ, да! забыла. Вотъ еще, между прочимъ.... И замѣтьте, господинъ племянникъ, вѣчто имѣющее большое значеніе. Понимаете вы! — кокетливо склонивъ головку на бокъ, вымолвила княгиня. — Понимаете! это вотъ имѣетъ большое значеніе. — Она протянула руку и когда Хорватъ взялъ эту протянутую руку своею, слегка дрогнувшею рукою, княгиня прибавила: — позволяю вамъ на первый разъ, ради новыхъ, добрыхъ отношеній, въ видѣ залога въ ихъ прочности... Позволяю вамъ поцѣловать ея.

Покуда Хорватъ, стараясь удержаться на ногахъ и не измѣнить себѣ, нагнулся и почтительно, почти чолорно, цѣловалъ кончики пальчиковъ, которые были въ его рукѣ, князь громко разсмѣялся и вымолвилъ.

— Mais vous êtes magnifique! Ma parole! Sublime! Въ англійскомъ парламентѣ только такіе ораторы водятся.

— Ну, до свиданія, до свиданія! быстро проговорила княгиня и исчезла изъ маленькой гостиной.

— А, а? Какъ вамъ покажется? вопрошительно обернулася князь къ молодому человеку. — Есaubъ она съѣздила въ Парижъ, напимѣръ, или хоть просто за границу, я полагаю что можно вернуться въ такомъ расположеніи духа, а то вѣдь, любезный другъ, она ѣздила въ труппу. Вѣдь эта

вотчина и лѣтомъ-то глушь, а зимой тамъ только сугробы, да волки.... Сама она писала. Вотъ вы тутъ и разкусите женскую натуру. Да, женщина—это сфинксъ, это олицетворенная загадка. Я вотъ всю мою жизнь изоощралялся разгадывать эти загадки и только раза два въ жизни вполнѣ осулилъ двѣ или три.

„Ну, однако этой ты не осулилъ,“ грубо и злобно сказалъ про себя Хорватъ. Молодой человѣкъ вѣвъ себя ждалъ чтобы князь замолчалъ, и едва только Петръ Ильичъ поднялся съ своего кресла, онъ быстро всталъ.

— До свиданія. Я къ себѣ внизъ; голова что-то болитъ.

— Дѣлайте что хотите, съ шутливымъ достоинствомъ и громко произнесъ князь.—Такъ онъ изволилъ приказать.

Покинувъ свою ораторскую позу, князь добродушно протянулъ руку Хорвату и пошелъ къ себѣ. Молодой человѣкъ почти любилъ въ свою горницу. Рѣшеніе было неколебимо: чрезъ нѣсколько дней выдумать какую-нибудь причину и выѣхать изъ этого дома чтобы никогда не возвращаться въ него.

— Да, отъ этого дома я уйду; но уйду ли я отъ нея? грустно прошепталъ онъ самъ себѣ. Уйду ли я отъ моей памяти, которая постоянно будетъ мнѣ говорить объ ней? Убѣгу ли я отъ этихъ глазъ въ которыхъ теперь для меня все?... Ахъ, княгиня! княгиня! Когда-то, въ первую минуту знакомства, я назвалъ ее демономъ, и дѣйствительно такъ... Она дьяволъ искуситель, дьяволъ губитель, который беретъ все... и то что ему не нужно беретъ только для того чтобы стереть съ лица земли! Да, я уйду скорѣе и всѣми силами моего разума постараюсь забыть этого демона.... И забуду, вымолвилъ онъ, почти вслухъ.—Забуду, забуду!...

И говоря это слово, Хорватъ чувствовалъ что это вздоръ, бессмыслица.

XIV.

На другой день княгиня была также весела и спокойна. Хорватъ не спавшій всю ночь убаюкивалъ себя надеждой что на другой день увидитъ прежнюю княгиню, тревожную, смущающуюся, но увы! онъ ошибся. Эти новыя, простыя отношенія, установившіяся между ними съ минуты пріѣзда, были, очевидно, не шуткой со стороны княгини. Она встрѣ-

чала молодаго человѣка также просто (невыносимо просто для него) и сдѣлала ему два или три обыкновенныхъ, почти пошлыхъ вопроса. Въ этотъ день они снова, второй разъ со дня знакомства, остались наединѣ въ кабинетѣ князя. Но какая была разница между тѣми минутами молчанія, полными очаровательнаго смысла и теперешними! Будто проласть легла между тѣмъ *наединѣ* и этимъ, или по крайней мѣрѣ будто цѣлый годъ прошелъ послѣ того....

Княгиня, какъ только князь исчезъ за дверью, сдѣлалась какъ-то веселѣе, болтливѣе, даже шаловливѣе.

— Чтò вы сидите такъ, сложа руки! хоть бы помогли мнѣ.—Ну вотъ хоть шерсть разматали бы.

— Хорватъ, поневолѣ угрюмо относившійся къ ней и будто не замѣчавшій ея шутиваго тона, молча всталъ, взялъ мотокъ первой попавшейся шерсти и началъ ее разматывать.

— Вы какъ будто сегодня не въ духѣ? какъ-то вкозъ вымолвила она. Но очевидно съ умысломъ задавая такой вопросъ. — Ужь не скучно ли вамъ въ вашей однообразной жизни? Или можетъ-быть плохо вамъ внизу? Дурно почивали..

— Нѣтъ, вдругъ рѣшительнымъ голосомъ заговорилъ Хорватъ.—Мнѣ отлично тамъ, покойно, но я видѣлъ такой странный сонъ что проснувшись отъ него не сомкнулъ глазъ до утра.

Онъ замолчалъ, ожидая вопроса, но княгиня не спрашивала ничего.

— Вы любите сны, княгиня?

— Нѣтъ, потому что они мѣшаютъ спать, какъ-то докторально произнесла она.

— Стало-быть вы и не вѣрите въ сны?

— А вы, господинъ воианъ и гусарь, вѣрите?

— Да, я вѣрю. Этотъ же сонъ былъ такъ страшенъ. Позвольте разказать?...

— Пожалуй, какъ-то странно подернула плечомъ княгиня,—но это будетъ не длинно?

— Очень кратко и необыкновенно ясно. Послушайте. Я видѣлъ, что я вдругъ попалъ въ дремучій лѣсъ....

— Да это начинается очень страшно, засмѣялась княгиня.

— Позвольте, это не будетъ ни длинно, ни страшно, но повторяю совершенно ясно вамъ, если вы позволите гово-

реть, не перебивая меня.—Въ голосъ Хорвата звучала какая-то странная, но обоимъ понятная нота скрытой горечи.—Итакъ, я видѣлъ, что нахожусь среди густаго, дремучаго, темнаго лѣса. Когда и зачѣмъ попалъ я въ него, неизвѣстно. Мнѣ будто ужасно грустно и я не только не знаю какъ мнѣ выбраться, но даже какъ будто и не знаю куда идти и зачѣмъ идти. Какъ будто мнѣ кто-то говорить что сколько бы я верстъ ни прошелъ, вездѣ будетъ тотъ же лѣсъ, та же темнота и та же... какъ бы вамъ сказать... та же бессмыслица. Я уже собрался будто бы сѣсть на первый попавшійся лѣвъ и сидѣть такъ хоть до втораго пришествія... Вдругъ, я увидѣлъ въ сторонѣ отъ себя что-то свѣтящееся, какъ будто облако какое. Я направился къ нему ради любопытства...

— Ради одного любопытства? Виновата! Больше перебивать не буду.

— Нѣтъ. Я ошибся. Не любопытство, а что-то другое толкнуло меня. Итакъ, когда я ближе подошелъ къ этому облаку, то замѣтилъ что оно приняло какой-то неопредѣленный видъ, будто привидѣнiе. Форма этого облака все обрисовывалась яснѣе и приняла наконецъ видъ совершенно похожій на... какъ бы вамъ сказать... на женщину. Эта женщина, или это облако, какъ хотите, манила меня; я приблизился еще, хотѣлъ тронуть ее, но она отодвинулась и снова манила. Я снова пошелъ и такимъ образомъ не имѣя возможности поймать это видѣнiе, я шелъ за нею. Что-то тайно какъ будто говорило мнѣ что это облако выведетъ меня изъ лѣсу. И дѣйствительно, лѣсъ все свѣтлѣлъ, становилось въ немъ какъ-то хорошо, тепло. Мы, очевидно, подвигались куда-то, гдѣ ожидало меня что-то особенное, новое; какъ будто мое счастье. Но вдругъ, замѣтите княгиня, вдругъ, безо всякой причины, такъ-сказать безъ смысла, это облако...

— Пропало? быстро выговорила княгиня.—Я такъ и знала. И на этомъ сонъ кончился?... Во снѣ всегда такая бессмыслица.

— Нѣтъ, еслибъ оно пропало, тутъ былъ бы смыслъ. Это облако не пропало. Оно мгновенно какъ-то перемѣнилось и хотя удержало форму женщины, но имѣло совершенно уже иной видъ. Насколько прежде это видѣнiе очаровывало меня, настолько теперь оно было... ну, просто неважно мнѣ, отвратительно!

— Въ родѣ вѣдьмы?

— Хуже, княгиня! Вѣдьма меня бы не услугала; это облако которое такъ измѣнилось и приняло вдругъ совершенно иной видъ, враждебный мнѣ, должно было меня услугать...

— И только?

— Позвольте. Я еще главнаго не сказалъ, со страстью продолжалъ Хорватъ.—Это облако, т.-е. уже иное, повело меня назадъ. Оно очевидно хотѣло меня привести снова въ то же мѣсто, въ тѣ же темныя дебри. Снова стало все вокругъ темнѣть и я уже видѣлъ что вотъ сейчасъ придетъ очутиться на томъ же мѣстѣ, въ той же тѣмнѣ кромѣшной. Тогда я останувился и не пошелъ. Я бросился самъ назадъ въ болѣе свѣтлую часть лѣса, а это облако оставилось и не шло за мной. И, помню отлично, что во снѣ я подумалъ про это облако. Я заставляю тебя вернуться ко мнѣ! Заставляю тебя не идти назадъ, а идти дальше и вывести меня изъ лѣсу совсѣмъ. На этомъ я проснулся. Не правда ли какой страшный сонъ? упорно глядя въ лицо ея вымолвилъ Хорватъ.

— Да, пожалуй.

— Не мастерица ли вы княгиня разгадывать сны? Не можете ли вы мнѣ объяснить этотъ сонъ?

— Нѣтъ, не могу. Я и свои сны не умѣю разгадывать,—простые сны, а вашъ какой-то дѣйствительно странный. Вотъ, на примѣръ, послушайте. Я еще недавно видѣла сонъ гораздо проще вашего.

И княгиня, путаясь, медленно, очевидно стараясь сочинить и не умѣя, рассказала какъ она видѣла во снѣ что она очутилась въ лодкѣ. Рѣка быстро понесла ее отъ берега; она будто бы звала о помощи, но никто ея не слышалъ. Каждую минуту лодка могла опрокинуться и разбиться о разныя скалы.

Хорватъ прервалъ княгиню и ядовито усмѣхлась спросилъ:

— Это было за границей, конечно. На нашихъ русскихъ рѣкахъ скалы, кажется, не попадаются?

— Позвольте! добродушно отвѣчала она.—Это было не въ Россіи, не за границей, да и не въ Европѣ!..

— Въ Африкѣ, княгиня?

— Извините! Это было во снѣ! Позвольте теперь и васъ просить не перебивать. Когда я увидѣла что лодка бьется о скалы, я замѣтила на днѣ ея два весла. Я начала грести.

какъ умѣла и лодка моя тихонько, среди рѣчки, отлично поплыла...

— Впередъ! воскликнулъ Хорватъ.

Княгиня, какъ будто смутилась на мгновение и вымолвила нервнѣе:

— Какъ впередъ?

— Конечно, сказалъ Хорватъ.—Вспомните. Вы стали грести, но куда жеплыли вы—впередъ или направили снова вашу лодку къ берегу отъ котораго васъ оторвало?

— Ну, ужъ это я не помню, принужденно разсмѣялась княгиня. Но этотъ смѣхъ не могъ обмануть молодаго человека. Онъ былъ слишкомъ неестествененъ.

— Такъ вспомните. Я прошу васъ! Вспомните, это очень важно, и тогда я обѣщаюсь вамъ объяснить этотъ сонъ. Впередъ или назадъ поплыли вы? Подумайте, вспомните.

Наступило молчаніе. Хорватъ торжествовалъ, чувствуя что разгадка сама себя поймала въ ловушку и ей приходилось теперь или отвѣчать прямо и объяснить смыслъ очень многого, или просто солгать.

„Если она солжетъ, я почувствую это,“ подумалъ Хорватъ.

— Вспомнила! воскликнула вдругъ княгиня.—Я двигалась впередъ и чрезъ нѣсколько минутъ я очутилась опять на томъ же мѣстѣ, откуда меня унесло.

— Какимъ же образомъ?

— Оказалось что это была рѣчка которая описывала правильный кругъ и, такимъ образомъ, двигаясь я снова очутилась на томъ же мѣстѣ.

— Княгиня! Такихъ рѣкъ не бываетъ.

— Да, вѣдь это во снѣ.

— Ну такъ вашъ сонъ—безсмыслица! горячо вымолвилъ онъ.—Грести, работать, стало-быть стремиться къ чему-нибудь и возвращаться все къ тому же мѣсту—это безсмыслица.

— Да, но сама прогулка, это круженье, доставляло мнѣ наслажденіе.

— Хорошо что вы были однѣ; горячилась Хорватъ,—но еслибы, напримѣръ, былъ бы кто-нибудь съ вами въ лодкѣ, былъ бы напримѣръ... ну, хоть я. Я бы не позволялъ вамъ такъ кружиться, я бы нашелъ гдѣ выбраться изъ этой заколдованной и проклятой рѣчки. Вѣрно исходъ былъ?

— Былъ, выговорила княгиня, странно и глухо.

— Ну, и вы не воспользовались имъ?

— Нѣтъ, я не хотѣла воспользоваться. Я рѣшила подождать и затѣмъ, со временемъ, когда мнѣ можно будетъ перестать кружиться, выѣхать съ этой заколдованной рѣчки.

— И вы не помните во снѣ, когда могла придти минута выбраться изъ этого круга. Скоро или не скоро?

— Помню и ясно помню. Мнѣ кто-то говорилъ что я выберусь чрезъ десять, пятнадцать или двадцать лѣтъ. Тутъ я проснулась.

— Напрасно проснулись, княгиня!

— Вотъ это мило! Какъ напрасно?

— Да, напрасно проснулись. Вы должны были отвѣчать тому кто говорилъ вамъ—что людская жизнь слишкомъ коротка, чтобы можно было дарить, тратить ее даромъ. Двадцать лѣтъ! Да это цѣлая жизнь. Неужели вы серьезно думаете что можно ждать чего-либо двадцать лѣтъ?

Княгиня молчала олутивъ глаза къ полъ.

— Еслибъ и нашелся человекъ, продолжалъ Хорватъ,—который согласился бы на такую жертву или на такую пытку и на такую бессмысленную жизнь, наполненную лишь ожиданьемъ, то это былъ бы безумецъ! Да быть-можетъ онъ и не дожилъ бы, а истомился до тѣхъ поръ.

Княгиня попрежнему упорно молчала.

— Скажите, княгиня! Представьте себѣ человека несчастнаго вполне. Ему скажутъ что онъ будетъ очень счастливъ.... чрезъ двадцать лѣтъ! Что это способно утѣшить?

Княгиня подняла на Хорвата глубокий и строгій взоръ, но онъ обрадовался ему. Хотя и строго глядѣли эти глаза, но за то также сверкали, какъ еще недавно, до поѣздки въ подмосковную. Это была та княгиня, а не новая, не *простая*, которую онъ ненавидѣлъ.

— Вы забыли мой сонъ, слугали все; сами спрашиваете и сами отвѣчаете. Вспомните что кружить по этой рѣчкѣ не было несчастьемъ; оно доставляло мнѣ наслажденіе; я была счастлива. Я была уже тѣмъ счастлива что меня оторвало отъ берега. Я просила о помощи и кричала въ первыя минуты, покуда не узнала что со мною дѣлается, покуда не оглядѣлась. Когда же я увидѣла что я въ лодкѣ, и въ особенности когда я увидѣла что у меня есть въ рукахъ весла, я уже не боялась. Я могла править и тогда съ удовольствіемъ пустилась въ путь и начала двигаться....

— То-есть кружиться, княгиня!

— Да, стало-быть по вашему, медленно и, какъ бы придавая значеніе каждому слову, вымолвила княгиня.— По вашему надо было бы причалить къ тому же мѣсту и выйти изъ лодки; не кружить, а вернуться на берегъ. Такъ ли?

Хорватъ опустил голову и молчалъ.

— Не знаете?

— Нѣтъ, теперь не знаю! глухо произнесъ онъ еще болѣе помуравь.— Быть сожженнымъ вдругъ, или горѣть на медленномъ огнѣ—не знаю что лучше!

— Однако, какъ-то весело заговорила княгиня,—мнѣ бы хотѣлось чтобы вы не то чтобы объяснили мнѣ мой сонъ, а рѣшили этотъ вопросъ. Если я опять увижу такой сонъ,—заговѣлась она,—то я буду знать что дѣлать, кружить ли, или бросить лодку и весла и выбраться опять на берегъ. Ну-съ, отвѣчайте, какъ-то звучно, нѣжно выговорила она, ласково глядя на него,—неужели это такъ мудро?

Но въ ту же минуту княгиня вздрогнула и Хорватъ тоже. Въ двухъ шагахъ отъ нихъ стоялъ князь, тихо подошедшій ко ковру и спрашивалъ:

— Что такое?

Хорватъ обернулся, хотѣлъ что-то заговорить, не зная самъ что именно. Но княгиня, чрезъ нѣсколько секундъ послѣ перваго испуга, уже какъ будто сознательно ахнула и выговорила:

— Ахъ, какъ я испугалась!

— Чего? вымолвилъ князь.

— Какъ чего? я думала мы вдвоемъ съ Юріемъ Петровичемъ и вдругъ услышала надъ собой другой голосъ. И княгиня весело и непринужденно разсмѣялась.

— Что жъ такое мудро-то? снова спросилъ князь.

„Дать мужу при немъ значить сговариваться съ нимъ противъ мужа, дѣлать тайной для одного то что извѣстно другому,“ подумалось княгинѣ.

— Мы разказывали оны другъ другу, заговорила княгиня.— Юрій Петровичъ свой, а я ему свой. Желаете выслушать мой?

— Grand merci! театально поклонился князь и отошелъ къ камину.

„Слава Богу!“ невольно подумалъ Хорватъ и, придравшись къ какой-то мелочи, быстро вышелъ.

XV.

Вечеромъ, у себя въ горницѣ, молодой человѣкъ рѣшилъ отчасти свою судьбу. Онъ не намерялся и даже не успѣлъ отвѣчать княгинѣ на ея вопросъ: кружиться безцѣльно или возвратиться на берегъ. Но теперь съ самимъ собою онъ рѣшилъ: кружиться. И дѣйствительно, подумавъ онъ, это круговоротъ, ужасный круговоротъ въ который я попалъ; но лучше быть въ немъ, томиться въ ожиданіи, нежели разойтись и выйти каждому на свой берегъ. Онъ ясно чувствовалъ что поздно уѣзжать изъ этого дома, что онъ просто не въ силахъ разстаться съ этою женщиной и что каждый часъ, казалось, каждая минута, связываетъ его все болѣе и болѣе, приковываетъ къ этому дому и къ ней. Вопросъ уже сводится къ тому, хватить ли у него силъ на этотъ круговоротъ.

„Стало-быть надо ждать! думалъ онъ. Чего же ждать? Конечно, его смерти! Десять лѣтъ, пятнадцать, можетъ-быть двадцать, наконецъ, можетъ-быть и болѣе... Это ужасно, а между тѣмъ иначе нельзя... Можетъ-быть и меньше! можетъ-быть годъ, шесть мѣсяцевъ!..“

Хорватъ прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ и вдругъ страстно схватилъ судорожно попавшійся подъ руку стулъ, стиснулъ его и прошелталъ.

— Счастливы люди способные на убійство и не знающіе раскаиваться! Но тотчасъ прибавилъ:—какое безуміе! Старика и на поединокъ вызвать нельзя. Такъ что же?—вымолвилъ онъ чрезъ минуту.—Такъ я и буду жить съ ними, видѣть ее всякій день, страстно любить и ждать... ждать?

Онъ не отвѣчалъ себѣ, понурился и долго стоялъ неподвижно.

Въ ту же минуту, въ другомъ, почти противоположномъ концѣ дома, сидѣла у себя въ горницѣ на креслѣ полураздѣтая княгиня. Густые волосы ея были расчесаны, разбросаны по красивымъ плечамъ. Длинные пряди и косы этихъ серебристыхъ волосъ окружали ея головку, всю ея фигуру, какимъ-то будто свѣтлымъ лучистымъ облакомъ. Точно будто ея образъ сквозилъ сквозь какое-то сіяніе. Никогда не была хороша ни Дужинская барышня, ни княгиня Агарина такъ какъ была хороша она теперь. Наконецъ, уже

почти на двадцатомъ году своей жизни, она чувствовала себя вполнѣ счастливою. Она оторвалась отъ дикаго берега, плыла, но и нашла весла, правила. Она, правда, кружилась, но все-таки она теперь двигалась, а не сидѣла на томъ берегу, который теперь видѣлся вдали предъ ея глазами. Она спросила сегодня у Хорвата, не лучше ли выйти на этотъ берегъ? Но еслибъ онъ отвѣтилъ: да, выходите, возвращайтесь на этотъ берегъ, кружить такъ не стоить! то это рѣшеніе было бы ударъ въ сердце ея. Она была счастлива и теперь продолжительность и прочность этого счастья зависѣла только отъ него. Она не уйдетъ изъ этой лодки, хоть десять, хоть двадцать лѣтъ пройдутъ. Но онъ? И вопросъ этотъ, мысль что Хорватъ можетъ первый однимъ ударомъ разрушить ея очарованный міръ, который она создала себѣ, приводилъ ее въ ужасъ. И вотъ княгиня клялась себѣ, давала себѣ слово, всѣми силами своей души и разума, всѣми чарами своей красоты, которую сознавала, всѣми силами своего чувства, которое было такъ могуче и глубоко, привязать, приковать къ себѣ этого человѣка. Княгиня знала что первые дни по прїѣздѣ, болтая и смѣясь, она въ сущности насилывала себя и играла, потому что эти новыя отношенія были насильственно установлены; но она наивно надѣялась что современемъ она можетъ, дѣйствительно, поставить себя, мужа и его въ эту искусственно еознанную ею рамку и что въ ней никому не будетъ тѣсно, что въ ней можно будетъ ужиться и прожить сколько бы то ни было времени.

Мы будемъ видѣться всякій день! Вотъ все что нужно.

А затѣмъ, потомъ, когда-нибудь, явится въ награду и то полное счастье, еще неизвѣданное ею на землѣ.

„Я не обманываю мужа, утѣшала себя княгиня.—Если я люблю его, то это я и говорю вслухъ обоимъ. Если чрезъ годъ мнѣ будетъ тяжело разстаться съ нимъ, хоть бы и не надолго, то мнѣ можно будетъ и не скрывать этого. Если для моего сердца онъ дороже всего міра, то никому отъ этого вреда нѣтъ. Да, будемъ такъ жить! Я завладѣю имъ вполнѣ. Сама буду ждать, и его заставляю ждать. Да! И теперь у меня одно дѣло, одна лишь забота, покорить себѣ вполнѣ его волю.“

Княгиня быстро встала и подошла къ образамъ, хотѣла молиться, но понурясь отошла снова къ окну и глубоко задумалась.

XVI.

Жизнь въ княжескихъ палатахъ пошла ловидимому мирно и тихо. Всѣ трое казались счастливы и довольны своею судьбой. Князь радъ былъ лишнему лицу въ домѣ, которое такъ хорошо подошло, казалось, къ ихъ образу жизни. Онъ началъ серьезно привязываться къ Хорвату. Самъ Хорватъ чувствовалъ себя виновнымъ предъ своею совѣстью относительно радушно пріютившаго его старика, хотя и не могъ полюбить его. Княгиня думала что она никогда не была и не будетъ такъ счастлива, какъ теперь; она увѣряла себя что должна дорожить каждымъ днемъ, каждою минутой, потому что это лучшее время ея жизни. Хотя она и говорила, что десять или двадцать лѣтъ лустаки, и что по прошествіи ихъ ее ожидаетъ полное счастье, но однако сознавалась мысленно что это такой страшный срокъ о которомъ нечего и думать. Надо дорожить настоящимъ, пользоваться имъ и любить это настоящее. Цѣль ея — установить вполнѣ откровенныя и простые отношенія—была почти достигнута. Черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ Хорватъ первый разъ переступилъ порогъ дома князя, всѣ трое настолько привыкли другъ къ другу что Хорватъ сталъ дѣйствительно какъ бы роднымъ въ домѣ князя.

Молодой человекъ не мечталъ ни о чемъ, не думалъ о будущемъ; жилъ изо дня въ день. Единственный его помыселъ была она отъ зари до зари. Вечеромъ онъ ложился и засыпалъ съ надеждой на утро увидѣть ее за чаемъ, за завтракомъ. День цѣлый онъ слѣдилъ глазами, а въ отсутствіе ея—мыслью, за всѣми ея движеніями, за всѣми поступками. Если княгиня выѣзжала куда-либо въ городъ, мысль Хорвата солутствовала ей. Князь вскорѣ проникъ тайну молодого человека, но что касается до жены, то князь или былъ недостаточно провицателенъ, или же проникнуть тайну княгини было невозможно. Князь рѣшилъ что чувство Хорвата къ женѣ не вполнѣ дружба. Въ его года и при обаятельности красоты жены оно было не мудрено. Что касается до нея, то князь былъ убѣжденъ, что чувство ея къ молодому человекъ было почти материнское.

Какъ ни молода она, но слишкомъ высока нравственно, слишкомъ умна и развита чтобы полюбить молодого человѣка лишь за вѣшнюю красоту. Когда-то, лѣтъ тридцать назадъ князь былъ убѣжденъ что для побѣды надъ всѣми женщинами міра достаточно красоты и репутаціи героя. Теперь же старикъ-князь создалъ себѣ другой идеалъ, долженствующій неотразимо дѣйствовать на женщину. Идеалъ этотъ—пожилой человѣкъ, умный, образованный, начитанный, добрый и ровнаго характера. Таковымъ считалъ себя князь.

Впрочемъ однажды князь вдругъ обратился къ женѣ съ вопросомъ, способна ли была бы она влюбиться въ молодого человѣка въ родѣ Хорвата? Княгиня изумилась, потомъ разсмѣялась, назвала этотъ вопросъ дикимъ, на который отвѣчать нельзя, и наконецъ сказала что еслибъ она была другою женщиной, то влюбилась бы въ Хорвата, но оставаясь тѣмъ чѣмъ она есть, она можетъ пожалуй полюбить его какъ брата... но влюбиться въ него она не можетъ, потому что вообще не можетъ влюбиться ни въ кого.

Послѣ этого князь собирался сдѣлать тотъ же вопросъ и молодому человѣку, собирался нѣсколько разъ, но не рѣшился. Однажды, впрочемъ, онъ какъ-то, къ слову, сказалъ Хорвату, что жена его имѣла большой успѣхъ за границей повсюду, гдѣ они проѣзжали, что вездѣ она обращала на себя особое вниманіе своею красотой, въ особенности своими замѣчательными волосами. Князь прибавилъ что его и ее особенно забавляло то что иногда ее принимали за альбиноску. Князь прибавилъ какъ-то украдкой и двусмысленно улыбаясь:

— Вѣдь она очень хороша!

— Княгиня? съ удивленіемъ вымолвилъ Хорватъ.—Она замѣчательная красавица, но только скажу вамъ по правдѣ то что я говорилъ и ей, она слишкомъ оригинально красива. Эти волосы придаютъ всей ея фигурѣ что-то такое выходящее изъ ряда вонъ, что даже немного портитъ ее. Княгиня была бы красивѣе еслибы волосы ея не были такъ странны. Вѣдь они почти сѣдые или желто-сѣдые. Они не красятъ ея, а портятъ. Она была бы красивѣе еслибы волосы ея были темнѣе.

Князь на это пришелъ въ негодованіе, объявивъ Кривату что онъ ничего не смыслитъ въ женской красе, что княгиня не что иное какъ живая и даже, сказалъ она „идеализованная Мадонна Гольбейна“.

— Да ее такъ и зовутъ! разсмѣялся Хорватъ.— Въ Москвѣ зовутъ ее Гольбейновскою Мадонной.

— Да вѣдь я ее такъ называлъ! Вѣдь они, дураки моихъ словъ говорятъ. Никто изъ нихъ Гольбейновой Мадонны не видывалъ никогда. Они болваны со словъ Ивана Максимыча зовутъ ее: „мадама Голобенская“!

Послѣ этого нѣсколько разъ, въ присутствіи жены князя ядовито подсмѣивался надъ Хорватомъ и часто повторялъ:

— Такъ не хороши волосы у нея? Безобразныя ея? Или же онъ говорилъ:—Такъ и по вашему альбиноска жена?

Хорватъ отшучивался, а княгиню это забавляло. Всякій вполнѣ втянулся въ свою роль. Князь подшучивалъ и былъ убѣжденъ что Хорватъ чуть-чуть влюбленъ въ княгиню. Молодой человекъ съ своей стороны относился къ князю довольно добродушно, болѣе нежели предполагалъ себя возможности прежде. На сердцѣ княгини было глубокое чувство, вкоренившееся тамъ, владало давящею ея существомъ. Хорватъ полновластвовалъ, царилъ въ ея сердцѣ. Но въ одномъ изъ этихъ маленькихъ углѣхъ сердца, если можно такъ выразиться, наплалось истинное чувству искренней благодарности. И вотъ этотъ-то уголокъ сердца принадлежалъ князю. Нравственное отношеніе княгини къ мужу за это время выразилось лишь однимъ чувствомъ. Она была искренно благодарна ему за то что не мѣшалъ имъ; вольно или невольно, но позволялъ имъ вътроемъ идти этою странною колеей, въ которой сумѣла чувствовать себя вполнѣ счастливою. Но къ этой благодарности, княгиня не чувствовала къ мужу ничего. Всякій день съ утра до вечера, всѣ ея мысли, всякій помыселъ, всякое движеніе души, всякая забота, принадлежали Хорвату.

Комнаты его, въ которыхъ она, конечно, ни разъ не бывала давно перемѣнились. Подъ предлогомъ удобства онъ наполнился всѣмъ что только могло ему понравиться и понадобиться. Малѣйшій намекъ или вскользь выраженная похвала чему-либо заставляли княгиню ѣхать въ магазинъ покупать и посылать вещь въ домъ на его имя.

Хорватъ смотрѣлъ на это особенными глазами. Волервыхъ, когда-то въ полку, между офицерами, считалось нисколько не увизительнымъ, а напротивъ того, совершенно приятнымъ, получать всякаго рода подарки отъ женщинъ, за которыми они ухаживали или съ которыми были въ связи. Не было ни одного офицера у котораго не нашлось бы какого-нибудь предмета или зазнобушки, которая бы не дарила его постоянно. Самый бѣдный и невзрачный майоръ полка, уже не молодой человекъ, и тотъ имѣлъ полторы дюжины шелковыхъ галстуковъ, полученныхъ въ подарокъ отъ какой-то купчихи, и всѣмъ это было извѣстно; онъ хвасталъ этимъ. Такимъ образомъ пріобрѣтать подарки всякаго рода отъ княгини Хорвату не казалось страннымъ и зазорнымъ. Это было въ нравахъ военныхъ его времени. Наконецъ его самолюбіе удовлетворялось тою мыслью что все это находится и останется, современемъ, въ томъ же домѣ князя. Онъ считалъ себя лишь временнымъ владѣльцемъ всего этого. Такимъ образомъ, скоро у Хорвата въ комнатахъ была великолѣпная мебель, разныя дорогія бездѣлушки изъ-за границы, стоявшія громадныя деньги; цѣлая коллекція сабель, шашекъ, листоватовъ, ружей и карабиновъ, составленная постепенно княгиней—все это дарила она ему отъ имени князя. Въ распоряженіи молодаго человека былъ давно десятокъ лошадей верховыхъ и столько же выѣздныхъ. Однимъ словомъ онъ повенному началъ вполнѣ пользоваться частью того состоянія, половину котораго князь вскользь обѣщалъ удѣлить ему. Княгиня, вполнѣ поглощенная заботой объ обстановкѣ Хорвата, объ исполненіи малѣйшихъ его прихотей, даже относительно стола и блюдъ, была еще болѣе поглощена другою мыслью, другою, болѣе важною заботой.

Всякій день она стремилась къ одной цѣли, которую она поставила себѣ и, конечно, быстро достигла этой цѣли: завладѣть вполнѣ этимъ человекомъ, поработить его себѣ; владѣть имъ настолько чтобы ея власть надъ нимъ не поколебалась ни предъ чѣмъ, устояла и предъ всякою случайностью, и предъ временемъ. Княгиня, послѣ многихъ бесѣдъ и при князѣ и наединѣ съ Хорватомъ, знала теперь до малѣйшихъ подробностей все его прошлое, всѣ его привычки, малѣйшія черты характера. Она знала его лучше чѣмъ онъ самъ себя; быть-можетъ, знала его лучше чѣмъ

самое себя. Знать вполнѣ себя было ей ни на что не нужно, а знать его было необходимою, было залогомъ ея же счастья. И Хорватъ, самъ того не замѣчая, помимо глубокаго чувства, менѣ бурнаго теперь, но за то болѣе сильнаго, былъ подъ вліяніемъ этого дорогаго ему существа во сто разъ болѣе нежели когда-то подъ вліяніемъ матери. Казалось что еслибы страсть его прошла, то осталась бы все-таки боязнь и невозможность поступить противно воли этого дорогаго существа.

Такъ шла жизнь день за днемъ, недѣля за недѣлей. Гостей бывало все менѣе; все рѣже посѣщали князя его прежніе друзья и пріятели. Причиной этого было прекращеніе прежнихъ обѣдовъ, ужиновъ и вечеровъ. И этого постепенно и незамѣтно достигла княгиня. Она никогда не любила общества, а теперь оно могло быть ей только помѣхой.

Какъ жили и уживались эти три человѣка, было конечно загадкой многимъ. Это было дѣломъ княгини. Женщина, которая любить въ первый разъ, всѣмъ своимъ существомъ отдавшаяся безвозвратно своему чувству и вся превратившаяся въ одинъ помысль, есть, пожалуй, тоже рычагъ что въ состояніи удержать цѣлый міръ. Все предвидѣла княгиня, на все была она готова, стояла во всеоружіи въ защиту себя, своего чувства и виновника этого чувства. Не разъ приходило ей на умъ что другая женщина, которая общается и даетъ больше чѣмъ она, можетъ сдѣлаться опасною; и княгиня чувствовала что она готова на борьбу. Еслибы Хорватъ зналъ на что способна будетъ въ этой борьбѣ эта свѣтловолосая и яснолицая Мадонна, то онъ бы, конечно, скорѣе прикинулся занятымъ кѣмъ-либо. Но онъ этого не зналъ, какъ и она сама того не знала...

XVII.

Зима была на исходѣ; воздухъ становился теплѣе, дни становились длиннѣе, солнце яснѣе, жарче, золотистѣе занималась всякое утро заря, и все раньше и раньше. Наконецъ, понемногу, громадные снѣга московскихъ улицъ стали желтѣть, грязнѣть, проваливаться, и наступило въ городѣ повторяющееся изъ года въ годъ и быть-можетъ изъ вѣка въ вѣкъ осадное положеніе. Одинъ московскій шутникъ

того времени называлъ весну и распутицу въ Москвѣ великимъ постомъ для сплетень, переносовъ и пересудовъ. На улицу сунуться нельзя — сплетницы и говѣютъ лоневоль. Въ это время обитатели первопрестольной столицы обоюго пола сидятъ по домамъ, не смѣя ни выѣхать, ни выдти изъ дома. Безопаснѣе пробраться по хребту Альпъ или Пиренеямъ нежели въ эту пору по иному Сивцову Вражку, Плющихѣ или Божедомкѣ.

Весна принесла съ собою княгинѣ новое пополненіе счастья. Съ весной вмѣстѣ явилась возможность гулять въ большомъ и густомъ саду, который отъ дома спускался къ рѣкѣ Москвѣ. Хотя и была она совершенно свободна въ своемъ домѣ, хоть и видѣлись они постоянно во дню какъ хотѣли, но быть наединѣ въ четырехъ стѣнахъ гостиной закурореннаго дома или въ густой чащѣ старыхъ вѣковыхъ деревьевъ—большая разница! Едва только началъ таять снѣгъ какъ князь приказалъ скорѣе разчистить садъ отъ снѣга и льда и скорѣе посыпать сухимъ пескомъ. Москва еще представляла изъ себя море желтой воды, съ плававшими глыбами снѣга и льда, а княжій садъ былъ уже сухъ и желтыя дорожки ярко блестяли на солнцѣ. Дѣло стало только за деревьями, за зеленью. Еслибы могла княгиня заставить всю эту чащу распуститься въ одинъ день, то быть-можетъ готова была бы дать за это цѣлый годъ своей жизни. Прежняя Дужинская барышня обожала лѣто за зелень, и теперь она теряла терпѣніе, ожидая чтобъ этотъ садъ поскорѣе распустился и зашумѣлъ. Главная прелесть весны заключалась однако въ томъ что княгиня собиралась начать учиться ѣздить верхомъ по большимъ аллеямъ. Она заранѣе опредѣлила что постарается сдѣлать въ Москвѣ, въ короткій срокъ, такіе успѣхи чтобы, по пріѣздѣ въ деревню, можно было уже дѣлать дальнія прогулки, конечно, вмѣстѣ съ учителемъ.

Дѣйствительно, едва только дорожки были усыпаны пескомъ какъ началось ученье. Въ первый разъ, когда княгиня сѣла на старую, смирную лошадь, князь вышелъ тоже. Онъ только умѣлъ недурно сидѣть на лошади, но никогда не ѣздилъ верхомъ особенно хорошо и особенно лихо, однако все-таки теперь онъ принималъ на себя роль знатока въ этомъ дѣлѣ.

Впрочемъ чрезъ два или три урока князь пересталъ

выходить въ садъ. Являлись лишь два доморощенныхъ берейтора, которые стояли у воротъ сада. Урокъ заключаеся въ томъ что Хорватъ водилъ лошадь подь узды и дѣлалъ замѣчанія княгинѣ какъ держаться въ сѣдлѣ, какъ держать поводья. Часто повторялъ онъ слова: не бойтесь! не бойтесь!

На четвертый урокъ онъ хотѣлъ пробѣжать съ лошадыю чтобы приучить ученицу держаться прямо на рыси. Едва только лошадь перемѣнила аллюръ, какъ княгиня невольна нагнулась и хотя разсмѣялась, но цѣлко схватилась за луку сѣдла.

— Не бойтесь! крикнулъ Хорватъ. Но видя что она все болѣе нагибается, онъ круто остановилъ лошадь. Кавалеристъ сказался въ немъ, онъ вспыхнулъ и крикнулъ:

— Да развѣ такъ сидятъ! Чего вы боитесь?

Въ голосѣ его былъ гнѣвъ и досада. Онъ просто далъ окрикъ этой женщинѣ, какъ еслибъ она была рядовымъ его эскадрона. Онъ тотчасъ же оломился и разсмѣялся.

— Гослоди помилуй! выговорилъ онъ.—Вѣдь я разошлся на васъ. Въ первый разъ въ жизни! Простите меня! И вдругъ Хорватъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе попросить прощеніе болѣе ощутительнымъ образомъ. Онъ схватилъ край ея длинной синей амазонки и припалъ къ нему губами, повторяя:—Простите! Простите!

Княгиня сразу измѣнилась въ лицѣ, стала сумрачнѣе и понурившись тяжело вздохнула.

— Неужели вы обидѣлись? вымолвилъ Хорватъ.

Княгиня страстно глянувъ ему въ лицо, тихо покачала головой.

— Развѣ это возможно? На васъ? какъ-то грустно прибавила она.—Довольно. Ведите лошадь назадъ. Я устала.

Хорватъ тихо повелъ лошадь къ воротамъ выходившимъ на дворъ, гдѣ ожидали берейторы. Онъ шелъ склонивъ голову, и наплывъ новыхъ мыслей, новой бури, что-то подобное тому состоянію въ которомъ онъ былъ въ первые дни ло прїѣздѣ, было въ немъ снова. Княгиня тоже глубоко задумалась. Сначала когда онъ крикнулъ, она изумилась себѣ самой, потому что ощутила вдругъ въ себѣ чувство невыразимаго наслажденія; сердце подсказало ей что оно было бы трепетно счастливо, еслибъ этотъ человѣкъ имѣлъ право властвовать надъ нею, дѣлать на нее окрики. Затѣмъ

Когда Хорватъ съ румянымъ лицомъ припалъ губами къ лобъ ея амазонки, княгиня затрелетала всѣмъ тѣломъ и испугалась самой себя: рука ея, державшая поводъ, около которой склонилась его голова, едва не бросила поводъ и чуть-чуть не двинулась самовольно, судорожно, чтобъ опуститься на эту дорогую голову. Еще секунда и княгиня должна бы была другою рукой схватить и удержать эту руку.

Теперь она думала медленно двигаясь къ дому.

„Если рука моя можетъ меня не слушаться, то вѣдь когда-нибудь я вся... эта я, что сижу на лошади... могу послушаться и не повиноваться ни въ чемъ тому что вотъ здѣсь,“ мысленно показала она себѣ на лобъ.

Княгиня знала какъ порой разсудокъ смолкаетъ предъ велѣньями сердца. Про это не разъ читала она въ тѣхъ самыхъ романахъ, которые теперь бросала, потому что они твердили ей что ея жизнь не жизнь, что есть на свѣтѣ нѣчто ею неизвѣданное. Она знала что люди борются сами съ собой и что это самая страшная борьба на жизнь и на смерть, самая отчаянная и самая опасная борьба. Княгиня будто предчувствовала теперь приближенъе этой борьбы въ ней самой, и боялась, предвидя заранѣе что въ ней сердце возьметъ верхъ и заставитъ замолчать разумъ.

Сходя съ лошади на высокій табуретъ, нарочно сдѣланный для этой цѣли, княгиня первый разъ не захотѣла опереться на плечо Хорвата. Быстро подозвала она одного изъ берейторовъ и слѣзла при его помощи. Хорватъ стоялъ неподвижно и удивленно глядѣлъ ей въ лицо. Онъ понялъ что это было наказаніе за его поступокъ съ амазонкой.

Уроки верховой ѣзды прекратились на нѣсколько дней. Хорватъ не напоминалъ объ этомъ; княгиня не хотѣла сама снова подать поводъ къ какимъ-то особымъ отношеніямъ, которыя тотчасъ же устанавливались между ними какъ только она была на лошади. За это время она стала какъ-то задумчивѣе и скучнѣе; менѣе говорила и медленно, будто лѣнливо, двигалась переходя изъ комнаты въ комнату.

Хорватъ, чтобъ избавиться отъ какого-то вновь нахлынувшего въ него чувства, сталъ всякій день по два раза ѣздить верхомъ въ томъ же саду и изрылъ всѣ его дорожки, дѣлая чуть ли не по сорока верстъ въ день.

— Смотрите! говорилъ князь шутя,—не выворотите мнѣ деревья съ корнями!

Только при сильной физической усталости Хорватъ освобождался отъ вереницы мыслей, которыя шлетомъ ложились на сердце. Чѣмъ менѣе видѣлъ онъ за это время княгиню, тѣмъ ему было легче. Онъ вскорѣ замѣтилъ это и придумалъ на время отлучиться подъ предлогомъ поѣздки въ окрестности Москвы къ одному старому знакомому его отца. Поѣздка эта отлагалась всю зиму, и те перь, несмотря на увѣренія князя что дороги непроѣзды, Хорватъ собрался. Княгиня не выразила ни одобренія, ни порицанія. Хорватъ собирался пробыть въ отсутствіи недѣли двѣ и болѣе.

На другой же день послѣ его отъѣзда княгиня показала что огромный московскій домъ преобразился, будто замеръ, помертвѣлъ. Иногда казалось ей что будто сорвало съ дома крышу и онъ возставалъ въ ея воображеніи какими-то развалинами безъ жизни и смысла, въ которыхъ она блуждала какъ потерянная.

Хорватъ былъ принятъ радушно пріятелемъ покойнаго отца, но, несмотря на его просьбы и на давнее неосторожно обѣщаніе прожить долго, молодой человекъ не выдержалъ и чрезъ недѣлю уже скакалъ назадъ.

Страстно, порывисто билось его сердце, когда онъ вѣзжалъ на большой дворъ княжихъ палатъ. Входя въ этотъ домъ онъ чуть не далъ себѣ клятву никогда не покидать его. Эти нѣсколько дней, проведенные вдали отъ нея, онъ могъ только сравнить съ заключеніемъ въ темницу.

Повидавшись съ княземъ, которому сильно нездоровилось, и который сидѣлъ въ халатѣ въ уголкѣ своей спальни, Хорватъ спросилъ о княгинѣ. Князь тревожно отвѣчалъ ему что княгиня поѣхала въ подмосковную вскорѣ послѣ его отъѣзда по какому-то будто неотложному дѣлу.

— И все это вздоръ! желчно сказалъ князь.—Вдобавокъ, вотъ письмо лишетъ что захворала, боится ворочаться и хочетъ обождать.

— Захворала! встрепенулся Хорватъ.

— Я очень безпокоюсь, вымолвилъ князь.— Говорить: горло болитъ и голова болитъ. Я бы тотчасъ поѣхалъ къ ней, да мнѣ двинуться нѣтъ никакой возможности. Я, какъ видите, самъ совсѣмъ расклеился. Хоть болѣзнь моя и не важная, а все-таки какъ-то боишься. Посылалъ я уже дворецкаго, да что эти черти!... Вотъ сейчасъ онъ былъ тутъ.

Стоитъ, смотритъ дуракомъ, и что ни спросишь, отвѣчаетъ какъ изъ бочки: слава Богу-съ!... Что ни спроси, на все: слава Богу-съ! Не знаю, кого опять послать. Князь вопро- сительно глядѣлъ въ лицо молодому человѣку: Вопросъ былъ ясенъ.

Хорватъ, появившій вопросъ, смутился отъ неожиданно- сти, но боялся все-таки ошибиться. Предложить князю съѣздить туда къ ней, къ ней одной, и вдругъ получить отказъ, увидѣть подозрительный взглядъ,—это было слиш- комъ опасно. Однако онъ нашелъ интонацію, при которой возможно было заговорить объ этомъ.

— Какая досада! легко выговорилъ онъ.—Знаете что? Нельзя ли вамъ въ тепломъ возкѣ доѣхать?

Князь махнулъ рукой и отвернулся, будто ожидалъ отъ него совершенно другаго совѣта.

— Прикажете, князь, я слетаю курьеромъ взадъ и впе- редъ.—Сейчасъ выѣду, а къ ночи буду назадъ.

— Да я и думалъ. Да мнѣ право совѣстно гонять васъ... Спасибо. Пожалуста, поѣзжайте. Посмотрите, что она тамъ? Но, конечно, ночуйте тамъ; а завтра, къ обѣду, воз- вращайтесь!

Черезъ полчаса Хорвату уже подали маленькія санки, за- пряженные тройкой великолѣпныхъ лошадей, и когда онъ выѣхалъ со двора въ улицу, то тревожно спросилъ у кучера:

— Не разобьютъ?

— Не бойсь! отвѣчалъ тотъ.—Зачѣмъ разбивать!

Хорватъ испугался, но конечно не за себя, а испугался мысли что какой-нибудь неожиданный случай задержитъ его на дорогѣ. Еслибъ онъ могъ, онъ полетѣлъ бы, любѣ- жалъ бы хоть пѣшкомъ въ эту подмосковную, гдѣ была она одна въ глуши уединенія. Его мечта которую онъ ко- гда-то называлъ безумною, и которая дѣйствительно была безуміемъ, теперь вдругъ стала дѣйствительностью. И сдѣ- лалось все это какъ-то просто, не только безъ вѣдома кня- зя, но съ его позволенія; даже болѣе, по его просьбѣ.

„Вотъ что значитъ судьба-то!“ мысленно повторялъ всю дорогу молодой человѣкъ. „Да! Но вѣдь судьба всѣхъ Хор- ватовъ — скверная судьба. Пускай! Изъ-за нее — на сто смертей пойду!“

XVIII.

Подмосковное имѣніе князя, Каменка, было одно изъ лучшихъ, хотя и не самое большое. Количество душъ было маленькое, всего двѣсти, но за то былъ большой домъ со всякаго рода службами, флигелями, безконечными сараями, конюшнями, съ цѣлымъ рядомъ оранжерей. Домъ красивой архитектуры былъ окруженъ съ трехъ сторонъ большимъ паркомъ, въ концѣ котораго извивалась довольно широкая и быстрая рѣчка Каменка. Отецъ князя когда-то прожилъ здѣсь пять лѣтъ своей жизни, и за это время изъ маленькой деревни, съ маленькимъ помѣщичьимъ домомъ, сдѣлалъ одну изъ лучшихъ подмосковныхъ вотчинъ. Въ эти пять лѣтъ появилась и каменная, богато одаренная, церковь, и выросли изъ земли всѣ каменные строенія усадьбы. А садъ, къ которому прибавили сосѣднюю березовую рощу съ одной стороны, а съ другой насажали кучку деревьевъ, превратился въ большой, теперь уже густой паркъ, извивавшійся вдоль рѣчки. Въ паркѣ этомъ были, конечно, разные барскія затѣи того времени, т.-е. павильоны, пирамиды, фонтаны. Кое-гдѣ были недурныя мраморныя статуи, выписанныя изъ Италиі. Все это стоило когда-то сумашедшихъ денегъ, но теперь немного пришло въ упадокъ, такъ какъ князь Петръ Ильичъ никогда не живя въ подмосковной и не считая себя даже способнымъ жить въ деревнѣ, за всю свою жизнь не обращалъ никакого вниманія на Каменку. Только разъ былъ онъ въ ней на нѣсколько дней. Княгиня, наоборотъ, очень полюбилося это имѣніе. Послѣ своего путешествія по остальнымъ имѣніямъ, она увидѣла что подмосковное самое красивое и самое пріятное для лѣта. Еслибы она не боялась близости Москвы, то, конечно, предложила бы князю переѣхать на лѣто и зиму въ Каменку. Она только потому хотѣла прежде предпочесть одно изъ болѣе отдаленныхъ имѣній что боялась того чтобы князь вдругъ, среди зимы, соскучившись деревенскою жизнью, не вздумалъ ворочаться въ Москву. Впрочемъ, въ послѣдніе дни по отъѣздѣ Хорвата она вздумала поѣхать въ Каменку посмотрѣть нельзя ли устроиться тамъ хотя на лѣто.

Прежде она боялась разных сосѣдей, которые бы ломѣшали спокойно прожить здѣсь лѣто, но за послѣднее время ихъ такъ мало посѣщали въ Москвѣ, князь такъ привыкъ къ уединенію, былъ такъ мало любезенъ и радушенъ, что княгиня могла надѣяться и въ Каменкѣ избавиться отъ тѣхъ же Москвичей. Но главная причина лоѣздки ея въ Каменку была тоска, которая овладѣла ею въ отсутствіе Хорвата. Оставаться въ московскихъ палатахъ безъ него ей было невыносимо. Она была уже почти недѣлю въ деревнѣ и конечно ничего почти не дѣлала. Сидя въ своей комнатѣ, она свободно предавалась своимъ мечтаніямъ или лучше сказать, се терзала все тѣ же тяжелыя мысли и напрасное остыскиваніе исхода изъ нравственнаго и душевнаго лабиринта въ который она попала этою зимой. Княгиня, если не поняла влодѣть, то смутно начинала сознаваться себѣ что та обстановка, которую она думала создать, та жизненная колея по которой она думала возможно будетъ идти вмѣстѣ, втроемъ, хоть десять, хоть двадцать лѣтъ, какъ говорила она, была не только трудна, но совершенно невозможна. Не только Хорвата вести мирною и тихою колеей, но и самой ей мудрою идти по ней. Цѣлые дни проводила княгиня въ раздумьѣ, задавая себѣ вопросъ, что дѣлать? и, конечно, не находила отвѣта на вопросъ.

Ея существованіе, которое сначала пошло было такъ плавно и тихо, вдругъ захлестнулось Гордіевымъ узломъ который развязать нѣтъ возможности. Иногда, въ особености вечеромъ, или ночью среди мертвой тишины царившей по всей усадьбѣ, на нее находила какая-то отчаянная рѣшимость на все. Весь міръ казался ей такъ нечѣленъ и лошалъ, все казалось ей на свѣтѣ и въ особености въ ея собственной обстановкѣ такъ бессмысленно, такъ придуманно, что иногда она сознавала въ себѣ крѣпко и ясно способность и рѣшимость оборвать тѣ луты въ которыхъ она себя чувствовала и освободиться. Она видѣла что все что связало и душитъ, мертвитъ ея личное счастье, все что мѣшаетъ ей воспользоваться Богомъ даннымъ ей существованіемъ, были какія-то тонкія и гаулыя бичевки. Малѣйшее движеніе и она освободитъ себя. За послѣдніе дни она путемъ мысленной борьбы дошла уже до того рѣшенія что князь не имѣетъ права на ея снисходительность и жалость. Онъ загубилъ ее! И смѣло переша-

гаетъ она чрезъ всѣ обязанности супруги, такъ какъ она только носитъ это имя. Для нея это только названіе. Въ дѣйствительности же она та же прежняя Дужинская барышня.

Но между нею и ея счастьемъ стояла другая грозная преграда, чрезъ которую ей не хватало духу переступить, чрезъ которую броситься на встрѣчу собственному счастью значило совершить великій грѣхъ, т.-е. убить отца. Княгиня все болѣе и чаще думала о томъ, какъ поглядѣлъ бы на ея невѣрность мужу Лукьянъ Ивановичъ. Она знала на вѣрное что малѣйшая огласка, малѣйшее справедливое нареканіе на нее со стороны толпы способны убить обожаемаго ею старика. Собакинъ, конечно, предпочелъ бы видѣть свою дочь въ гробу, зачехнувшую въ княжескихъ палатахъ, нежели обезславленную. Прежде княгиня не думала объ этомъ. Она забыла какъ будто задать себѣ вопросъ, что подумаетъ или скажетъ ея отецъ. Она думала только о князѣ. Теперь же словно нарочно, когда она мысленно свела свои счеты съ мужемъ и рѣшила что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на нее, предъ нимъ возникъ образъ старика отца и она мысленно остановилась предъ нимъ безпомощная, оробѣвшая, съ отчаяніемъ въ сердцѣ...

XIX.

Въ тотъ вечеръ, когда Хорватъ въ страшномъ волненіи, увеличивавшемся по мѣрѣ приближенія къ Каменкѣ, хотѣлъ неожиданно появиться предъ княгиней, она будто ждала его. По крайней мѣрѣ ждала чего-то необычайнаго. Въ своей однообразной и скучной жизни, особенно за послѣдніе годы, княгиня не могла научиться вѣрить или не вѣрить предчувствію. Обстановка ея была слишкомъ проста. Тому назадъ годъ она обрадовалась бы какой-либо бурѣ, какому-нибудь неожиданному удару. Однако теперь въ этотъ вечеръ ей было какъ-то не по себѣ. Когда вдаль отъ усадьбы слышался колокольчикъ, она невольно поднялась съ кресель и чутко прислушалась.

Мимо Каменки не было проѣзжей дорога. Всякій кто появлялся въ окрестностяхъ имѣнія былъ непременно прѣзжій.

Княгиня рѣшила что это новый говецъ отъ мужа. Но почему же звенить колокольчикъ? Люди, даже управитель, даже становой, всё считали долгомъ вѣжливости подвизывать колокольчикъ при приближеніи къ дому. Княгиня чувала что этотъ все ближе и ближе звѣнящій и заливающийся звонъ среди окрестной тишины говорить ей о какой-то неожиданности, а все неожиданное за послѣднее время ея существованія было дурно. Новая вѣсть всякій разъ была дурною вѣстью.

Колокольчикъ наконецъ раздался на самомъ дворѣ. Княгиня хотѣла броситься въ залъ и поглядѣть въ окно, но не рѣшилась и стояла неподвижно среди комнаты, ожидая доклада.

Не скоро поднялись два старика, исправлявшіе должность швейцара и камердинера; не скоро отперли главную дверь. Но наконецъ на крыльцѣ раздались голоса, а затѣмъ чрезъ столовую послышались мѣрные, но какъ будто нерѣшительные шаги.

Слишкомъ любила княгиня этого человѣка чтобы сразу не узнать его походки. Она двинулась чрезъ силу къ креслу, чувствуя что ноги ея подкашиваются, и опустила въ него. Въ дверь постучали. Княгиня едва собралась съ силами и чуть слышно выговорила:

— Войдите!

И она закрыла глаза, будто очутившись на краю пропасти. Чрезъ минуту около кресла, въ которомъ она сидѣла почти потерявъ сознание, стоялъ на колѣнахъ Хорватъ и руки его крѣпко сжимали ея ледяную руку.

Какъ вошелъ онъ? сказалъ ли что? Какъ очутился тутъ на полу около ея кресла? Какъ не встала она на встрѣчу, какъ допустила это? княгиня ничего не понимала. Когда она пришла въ себя, то услышала слова его произносимыя тихо, голосомъ дрожащимъ отъ волненія.

— Не смущайтесь! Онъ самъ послалъ. Онъ просилъ поѣхать.

Княгиня постепенно приходила въ себя, едва вѣря дѣйствительности. Они здѣсь въ Каменкѣ! Ночью! Одни! Она сидѣла неподвижно, чувствуя свою руку въ его рукахъ, чувствуя что какой-то пожирающій пламень бѣжитъ по этой рукѣ и постепенно охватываетъ ее всю.

И вдругъ нѣсколько когда-то пережитыхъ минутъ воз-

стали въ ея памяти. Странное дѣло! Въ эту минуту вспомнила она какъ однажды во время прогулки по Женевскому озеру на маленькой баркѣ она была застигнута бурей, и какъ старикъ-рыбакъ, везшій ее, оробѣлъ и не скрывая опасности смущенно попросилъ ее какъ послѣднее средство спасенія молиться Богу. Княгиня, тогда еще съ надеждой глядѣвшая на свое будущее и ожидавшая много отъ жизни, услугалась мысли о смерти. Эти нѣсколько часовъ, проведенныхъ тогда среди лѣнящихся волвъ, грозившихъ ежеминутно опрокинуть баркасъ, вдругъ ясно воскресли въ ея памяти. Да, то же чувство опасности, чувство люгбанія и безпомощности предъ грознымъ врагомъ сказалось въ ней и теперь. Княгиня чувствовала, знала, видѣла, была увѣрена что она погибаетъ.

Тогда услуганный взоръ ея скользилъ по темнымъ, высоко хлещущимъ волнамъ, сердце щемилъ вой вихря, и какой-то болѣзненно жалобный скрилъ баркаса. Тогда, ухватившись руками за канатъ отъ ларуса, она ждала конца всему съ минуты на минуту и сердце болѣзненно сжималось въ ней ужасомъ.

И вотъ теперь въ маленькой полуосвѣщенной горницѣ, гдѣ царилла полная тишина, гдѣ было такъ тепло, уютно, мирно... Теперь когда около нея, въ глуши деревни, далеко отъ чужихъ, предъ ней на колѣнахъ стоялъ человекъ, одицетворяющій для нея все на свѣтѣ и ждалъ ея слова, ея взгляда.... она почувствовала въ себѣ тотъ же ужасъ, то же отчаяніе на сердцѣ и также ждала съ минуты на минуту того удара, который опрокинетъ и погубитъ... Нѣтъ. Теперь еще ужаснѣе! Тамъ была надежда и ощущалась сила на борьбу.. А здѣсь теперь она безсильная, очарованная, порабощенная!

Княгиня двинула свободною рукой и закрыла себѣ лицо платкомъ, затѣмъ слабѣя откачнулась глубже въ кресло, будто невольнo отстраняясь подальше отъ него. Она хотѣла взять у него другую руку, но рука эта, будто самовольно, оставалась и слегка дрожала въ его рукахъ.

— Зачѣмъ! Не надо было!.. зашелтала она наконецъ. — Зачѣмъ было вѣхать сюда! Это... не хорошо! Да.. не хорошо.

— Онъ самъ послалъ! едва слышно прошептала Хорватъ.

— Безумный! съ какою-то злобой вымолвила княгиня. — Безумный! безумный! почти со злобой повторяла она. —

Что жь онъ думаетъ? Онъ самъ толкаетъ на край пропасти. Скажите мнѣ, зачѣмъ вы прѣехали? Вы должны были отказаться, ради меня отказаться!

— Отказаться? прошепталъ Хорватъ. — Богъ съ вами!...

— Да, отказаться! Вы не могли не понять что это поставитъ насъ обоихъ на край пропасти и что не вы, а я должна буду бороться чтобы спасти обоихъ. Да, я спасу и себя и васъ!

Она легко потянула свою руку. Хорватъ сжалъ ее крѣпче.

— Оставьте меня!... глухо выговорила княгиня и поднялась со своего мѣста. Она тихими шагами начала ходить взадъ и впередъ по горницѣ, изрѣдка останавливаясь. Видно было что она въ волненіи рѣшается на что-то...

Хорватъ отошелъ, и не глядя на нее сѣлъ на первый попавшійся стулъ.

— Послушайте! выговорила вдругъ княгиня, останавливаясь среди комнаты,—надо сейчасъ вѣхать.

Хорватъ поднялъ голову и изумленно взглянулъ на нее.

— Въ Москву? выговорилъ онъ.

— Да, надо сейчасъ, сію минуту!

Хорватъ молчалъ.

— Боже мой! воскликнула вдругъ княгиня.—Да поймите же наконецъ, поймите что я не васъ боюсь, я себя боюсь! Я готова каждую секунду броситься... и не вы конечно оттолкнете... Неужели надо объяснять! Неужели мнѣ это говорить, говорить вамъ! Какой злой духъ,—съ отчаяньемъ вскрикнула она,—послалъ меня сюда! Нѣтъ, нѣтъ! Намъ нельзя здѣсь оставаться!... Меня душить. Я здѣсь не могу... ради Бога, прошу васъ!...

— Извольте, глухо проговорилъ Хорватъ,—мы сейчасъ поѣдемъ. Я провожу васъ въ Москву, и на другой же день выѣду изъ вашего дома, и обещаюсь, даю вамъ клятву, что вы никогда не увидите меня. Да, никогда не увидите. Какъ? за всѣ эти мученія цѣлой зимы, всю эту пытку, судьба посылаетъ мнѣ... Слышите ли вы это, судьба! Моя воля была тутъ ни при чемъ. Судьба посылаетъ возможность пробыть одинъ вечеръ, хоть всю ночь около васъ спокойно, въ первый разъ мирно, наединѣ. Въ первый разъ я могу услышать сотую долю того счастья, которое вы обѣщаете мнѣ черезъ двадцать лѣтъ...

Хорватъ разсмѣялся злобно и рѣзко.

— И въ эту минуту вы первая отнимаете у меня и у себя нѣсколько часовъ этого счастья... Нѣтъ, княгиня! повторяю: Довольно! я больше не въ силахъ жить этому жизнью. До сихъ поръ иногда я мечталъ что живя постоянно съ вами вмѣстѣ, когда-нибудь, хоть лѣтомъ, въ деревнѣ, судьба будетъ посылать мнѣ немногія минуты такого счастья. Поймите меня, такого! Я хочу сказать что когда-нибудь въ отсутствіи князя, или иначе какъ-нибудь намъ придется быть вдвоемъ, быть вотъ такъ, однимъ, вполнѣ наединѣ, рука въ рукѣ... И вотъ случайно такая минута пришла теперь, и что же? Вспомните, княгиня, вспомните все... подумайте! Все это не смѣшно и не глупо только потому что оно слишкомъ больно и мучительно. До сихъ поръ даже глазъ на глазъ, даже въ настоящую минуту я зову васъ княгиней! До сихъ поръ коснулись ли хоть разъ мои губы вашей руки? Однажды я позволялъ себѣ поцѣловать край вашей амазонки, и чѣмъ же кончилось? Я долженъ былъ уѣхать! Вы отнеслись къ этому какъ къ страшному преступленію. Нѣтъ, повторяю вамъ, довольно! Я сейчасъ вею закладывать лошадей, но завтра же въ эту пору я буду верстъ за сто отъ Москвы. Въ васъ нѣтъ сердца, въ васъ нѣтъ страсти. Богъ съ вами! Авось я сумѣю забыть васъ и проклинать тотъ часъ, когда...

Онъ махнулъ рукой и двинулся къ дверямъ. Княгиня тихо вскрикнула и онъ обернувшись поневолѣ бросился къ ней, потому что она закачалась. Онъ подхватилъ ее и тихо посадилъ въ кресло. Руки его дрожали отъ прикосновенія къ ней и онъ едва переводилъ дыханіе, но пересиливъ въ себѣ будто раздавившее его въ эту минуту чувство, онъ посадилъ ее какъ малаго ребенка въ кресло и снова отошелъ.

— Последній разъ... прикажете идти? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Княгиня закрыла лицо руками и Хорватъ услышалъ съ трудомъ сдерживаемое рыданіе. Первый разъ плакала она при немъ,—горько, безпомощно, какъ ребенокъ.

Онъ быстро подошелъ къ ней, олустился на колѣна, схватилъ ея руки, отнял отъ лица и вымолвилъ страстно-перывающимся шепотомъ:

— Перестаньте!... Перестаньте!... Да, перестаньте! Если ты боишься, милая... да, милая... то я отвѣчаю. Я даю тебѣ честное слово что проведу въ этомъ уголкѣ всю ночь, мы

завтра выйдемъ въ Москву, и ты съ тою же чистою совѣстью посмотришь въ глаза своего...

Хорватъ залулся. Тѣ слова, которыя злоба и ненависть къ князю подсказывали ему въ эту минуту, онъ не захотѣлъ произнести.

— Перестань же, Маша! Машуна!... Да, ты мнѣ такая же дорогая Машуна, какъ для твоего отца. До завтра я пробуду здѣсь съ тобой послушнѣе ребенка. Но за это послушаніе, это терпѣніе... только одного...

Онъ взялъ ея руки, сложилъ ихъ у нея на колѣняхъ, и покрывая ихъ лопцѣями безъ конца, приникъ къ нимъ горячимъ лицомъ.

Когда онъ подвѣлъ голову и взглянулъ на нее, то испугался. Головка ея опрокинулась назадъ, лицо было мертво блѣдно, взглядъ какъ-то безсмысленъ. Она была очевидно въ полузабытѣи.

Увидя графинъ на столѣ, онъ быстро подаль ей стаканъ воды; но руки ея не двигались и недвижно лежали такъ, какъ онъ оставилъ ихъ на колѣняхъ. Онъ слегка наклонилъ одною рукой ея голову и далъ ей выпить нѣсколько глотковъ.

— Голову водой! тихо, едва слышно шепнула она.

Онъ слегка намочилъ ея серебристую головку.

— Такъ хорошо. Такъ лучше! И помолчавъ, вздохнувъ глубоко, она выговорила твердо:—Теперь прошу, ради Бога, уйдите.... Черезъ часъ, чрезъ полчаса, я сама.... Я позову. Я хочу быть одна. Уйдите!

— Сейчасъ, но съ условіемъ. Скажи мнѣ: уйди!

— Уйди! тихо выговорила она, и лицо ея прояснилось. Взглядъ и улыбка, сквозь слезы, нѣжно сказали Хорвату что сильный порывъ прешель и что, когда онъ вернется, то найдетъ ее уже другою.

XX.

Хорватъ вышелъ въ залу и не зная дома, не зная куда идти по темнымъ комнатамъ. Не находя даже выхода въ переднюю, онъ, взволнованный еще, пошелъ на свѣтъ оконъ. Онъ былъ лодонъ того чувства, которое охватило его, полный радостной мысли что въ первый разъ сломилъ ея волю, поставилъ на своемъ. Онъ машинально подошелъ къ одному изъ большихъ свѣтлыхъ окошекъ, въ которое видѣлось

темное, но звѣздное небо. Окно это, оказалось, выходило на террасу. Кой-гдѣ еще лежали пласты тающаго снѣга; въ саду были еще видны сугробы рядомъ съ голою землею, которые выступали горками и пирамидами, такъ какъ на мела ихъ метель.

Онъ почти безсознательно сталъ смотрѣть на террасу, на ступени лѣстницы, которая вела въ садъ, на эти холмики снѣжные и думалъ объ ней, ждалъ что она снова позоветъ его. Вдругъ Хорватъ увидѣлъ фигуру человѣка въ полушубкѣ, которая быстро шла по снѣгу, приближалась къ террасѣ и стала подыматься по ступенямъ. Сначала фигура эта не удивила его: сторожъ, подумалъ онъ. Но затѣмъ вдругъ показалось Хорвату что фигура эта поднимается осторожно, останавливается, по временамъ озирается назадъ и по бокамъ и, оглядѣвшись, снова поднимается по лѣстницѣ. Ему показалось это странно. Фигура осторожно поднялась на террасу. Хорватъ моментально догадался отойти отъ окна, потому что мундиръ его могъ быть замѣченъ и сквозь двойныя рамы. Отступивъ шага на два, онъ продолжалъ смотрѣть. Человѣкъ въ нахлобученной шапкѣ и тулупѣ вошелъ на террасу, но поровнявшись съ окномъ олустился почти на четверенки и поползъ ниже оконъ, направляясь въ ту сторону, гдѣ была комната княгини.

Сердце дрогнуло у Хорвата. Черезъ секунду онъ олустился.

„Что жь, если воръ, бродяга какой-нибудь, то это только случай защищать дорогое мнѣ существо. Да и лодвигъ незавидный. Отъ тысячи разбойниковъ радъ бы былъ защитить ее.“

Но въ ту же минуту Хорватъ сильнѣе смутился. Въ головѣ его блеснула мысль что этотъ человѣкъ опасенъ, но совершенно иначе. Это—свидѣтель!

Еще чрезъ секунду Хорватъ съ ужасомъ схватился за окно.

А если этотъ свидѣтель подосланный? Если князь послалъ его сюда съ умысломъ и вслѣдъ за нимъ подослалъ шпіона?

— О! какая мерзость! вдругъ вскрикнулъ почти вслухъ молодой человѣкъ.—Какая мерзость! повторялъ онъ.—О! тогда бы ты стоилъ того что смѣешь подозрѣвать! Еслибы только зналъ я что ты думаешь такъ, что ты смѣешь даромъ

оскорблять ее такую мыслью, таким мерзким подозрѣніемъ, то я.... Да я бы увезъ ее, я бы заставилъ послѣдовать за собой.

Въ эту минуту Хорвату послышался голосъ княгини. Онъ быстро двинулся къ ней и встрѣтилъ ее уже въ дверяхъ.

— Найдите кого-нибудь, вымолвила она спокойно.—Пошлите кого-нибудь изъ людей на террасу; тамъ кто-то забрался.

— И вы видѣли?

— Это не сторожъ! Надо послать кого-нибудь.

Хорватъ хотѣлъ идти въ прихожую, но вдругъ остановился.

— Вы не боитесь остаться? вымолвилъ онъ.

Княгиня разсмѣялась.

— Я только насъ боюсь... Себя и.... тебя, милый, боюсь какъ-то грустно произнесла она.—Но ты не найдешь никого. Пойдемъ вмѣстѣ.

Они двинулись по темнымъ горницамъ.

— Дай руку! тихо шепнула она.—Я тебя поведу, ты здѣсь заллутаешься. Да и вообще, добавила она тихо и страстно,—вообще я должна вести обоихъ, чтобы вывести на дорогу.

Онъ молчалъ и только крѣпко жалъ ей руку.

Не скоро дозволились они двухъ стариковъ и послали ихъ за сторожами. Хорвата настолько занимало кто могъ быть этотъ ночной пришелецъ что, надѣвъ шубу, онъ вышелъ тоже на дворъ. Позвавъ двухъ сторожей, онъ быстро двинулся и черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое обойдя въ садъ тихонько поднимались по тѣмъ же ступенямъ террасы, которыя онъ видѣлъ изъ окна. На нѣкоторыхъ лестахъ и сугробахъ снѣга были ясно видны свѣжіе слѣды; когда они были на половинѣ лѣстницы, послышался какой-то мягкій звукъ: что-то какъ будто свалилось въ концѣ террасы.

— Спрыгнулъ! догадался одинъ изъ сторожей.—Васька! добавилъ онъ товарищу,—валяй прямо по террасѣ и тоже спрыгни, а я въ обходъ возьму.

Въ одну минуту одинъ изъ сторожей пустился бѣжать по террасѣ съ освѣщеннымъ окномъ комнаты княгини; другой спускался по лѣстницѣ и любѣжалъ по сугробамъ сада. Хорватъ бросился за первымъ сторожемъ и добѣжавъ до края террасы, спрыгнулъ вмѣстѣ съ нимъ. Когда онъ

неовко упалъ на землю, снова поднялся на ноги, то услышалъ голосъ другаго сторожа, побѣжавшаго по саду.

— Держи! здѣсь!

Но въ ту же секунду раздался его же пронзительный крикъ. Оба бросились на голосъ и пробѣжавъ шаговъ сорокъ увидѣли человѣка на землѣ. Онъ тяжело стоналъ. Хорватъ не зналъ, который изъ двухъ лежитъ растянувшись во всю длину—бродяга или сторожъ.

— Ахъ, разбойникъ! возопилъ Васька, бѣжавшій съ Хорватомъ.—Убилъ и ушелъ.

— Дубиной шарахнулъ!... О-охъ! едва слышно проговорилъ лежавшій на землѣ.

Хорватъ оглянулся. Въ саду было такъ темно и они бѣжали до такой чащи, еще глубоко зарывшейся въ сугробахъ, что нечего было и думать о преслѣдованіи бродяги. Конечно, оба сторожа, ловившіе мошенника, не знали, какъ дорого бы далъ за его поймку молодой баринъ. Для него поимка эта имѣла громадное значеніе. Она сказала бы ему такъ много, что могла бы измѣнить всю его жизнь. Хорватъ мысленно рѣшился, поймавъ неизвѣстнаго гостя, добиться во что бы то ни стало отъ этого ночнаго посѣтителя, кто онъ такой, кто его послалъ.

Сторожа подняли. У него была сильно разбита голова, но однако онъ кое-какъ добрался съ помощью товарища снова во дворъ. Хорватъ шелъ впереди грустный и задумчивый. Загадка осталась загадкой. Сомнѣніе все болѣе и болѣе росло въ немъ.

Когда онъ входилъ въ домъ, то уже былъ почти убѣжденъ что это былъ не простой мошенникъ. Да и зачѣмъ ползаетъ онъ на террасу дома, зная что княгиня находится въ имѣніи; а этого онъ не могъ не знать. Зачѣмъ ползаетъ онъ именно къ этимъ освѣщеннымъ окошкамъ, единственнымъ освѣщеннымъ въ домѣ. Ужъ если лѣзть за кражей, то конечно съ какой-либо другой стороны дома, гдѣ все темно и тихо.

Когда Хорватъ входилъ въ домъ, то услышалъ разговоръ княгини-со старикомъ швейцаромъ.

— Видѣлъ, матушка, видѣлъ собственными глазами, говорилъ старикъ.—Они побѣжали въ садъ, а я въ коюшню къ ихнему кучеру. Смотрю, бѣжитъ человѣкъ черезъ дорогу. Я принялъ за Филата и кричу: Филатка! Филатка! А онъ,

какъ услышалъ, еще сильнѣй дыжи наострилъ, да за мельницу. Что жь, думаю, это стало-быть не Филать, а ты самый. Взялъ да и махнулъ изо всей мочи за гумво, поглядѣть, куда лобѣжитъ. Выглянулъ я изъ-за гумна, смотрю — въ полѣ саночки пароконныя маховыя, а въ нихъ молодчикъ сидитъ. А тутъ и онъ, гляжу, изъ-за мельницы. Вывырнулъ. И шлепнулся, какъ мѣшокъ какой въ сажу... А лошади, матушка, вотъ просто какъ въ колдовствѣ бываетъ. Вотъ были тутъ саночки, а вотъ и нѣту!... Такъ ахнулъ эти кони что я ажю перекрестился. Ужь, думаю, постой! Не онъ ли самъ это? значить, сила нечистая. Ахъ нѣтъ! Вижу, какъ къ овражку сталъ подѣзжать, сдерживаетъ лошадей. А тамъ, какъ изъ оврага олять показался, такъ самъ-то онъ у молодчика возжи взялъ, ахнулъ на лошадей изо всей мочи и прощай! Нѣтъ! это воля твоя, княгинюшка, а это конокрадъ.

— Зачѣмъ же, Семень, конокрадъ полѣзетъ на балконы? угрюмо замѣтилъ Хорватъ.

— Зачѣмъ его чортъ носилъ на терраску — это ужъ его дѣло. Ему по моему надо было къ конюшнѣ лѣзть, а какія тутъ на терраскѣ лошади! Это ужъ значить такъ, по глупству его...

Хорватъ, остановившійся за старикомъ, внимательно слушалъ его и чрезъ плечо его глядѣлъ на конюшню.

Она точно также, слушая, часто переводила глаза со старика на Хорвата.

Они уже поняли другъ друга. У обоихъ была одна и та же мысль.

Когда старикъ кончилъ, княгиня грустно олустила голову и молча простояла нѣсколько секундъ.

— Ну, Семенушка, ласково сказала она, — давай поскорѣй самоваръ. Налить чаемъ надо Юрія Петровича. А потомъ прикажи сейчасъ же...

Княгиня перевела глаза на Хорвата и прибавила:

— Я думаю, закладывать пора?

Хорватъ молчалъ.

— Юрій Петровичъ! снова вымолвила она, — телерь послать его закладывать?

— Обождите полчаса! гаухо вымолвилъ Хорватъ.

XXI.

Черезъ нѣсколько минутъ княгиня и Хорватъ сидѣли молча въ разныхъ углахъ горницы.

Хорватъ сидѣлъ опустивъ голову. Наконецъ онъ вдругъ выпрямился и вымолвилъ злобно.

— Если это онъ подослалъ, то я останусь здѣсь не день, не два, а недѣлю цѣлую, хоть пусть пріѣдетъ самъ... Если онъ смѣлъ подослать, то я въ правѣ увезть отсюда на край свѣта ту которой онъ не стѣдитъ, которую оскорбляетъ.

Княгиня покачала головой.

— Если я смутилась... за себя. Я сама! То почему же онъ не имѣетъ права бояться и подозрѣвать?

— Ахъ, полноте! вскрикнулъ Хорватъ.—Онъ самъ послалъ меня, онъ самъ устроилъ все это. Онъ самъ устроилъ закладню. Это подло! Низко!... Если мы не попались, то благодаря случайности. Вѣдь я за секунду вышелъ въ залъ. Мы могли не замѣтить этого шпіона. Если онъ подозрѣваетъ, такъ скажи прямо. Веди мнѣ выѣхать изъ дому, дѣйствуя открыто и дай возможность, право дѣйствовать также и мнѣ....

— Что же тогда? тихо вымолвила она.

— Что тогда? Тогда я увезу тебя. Другаго исхода нѣтъ!

— Ахъ, Юрій! Юрій!... А мой отецъ!?...

— Ты выберешь или отца или меня.

Княгиня молча опустила голову на руки и, казалось, снова плакала.

— Да, Мама, ты выберешь! воскликнулъ Хорватъ.—Ты говоришь отца убьетъ это. А я? Если мнѣ уѣхать и никогда не видать тебя, то меня не убьетъ это? Тебя не убьетъ? Онъ пожилъ, а мы еще не жили!... тшше прибавилъ онъ.

Они замолчали. Старикъ Семенъ явился съ посудой, и тщательно, старательно сталъ устанавливать все на столѣ. Видно было что старикъ пользуется рѣдкимъ случаемъ служить княгинѣ. Уже нѣсколько лѣтъ жилъ онъ одинъ въ этомъ домѣ и только разъ видѣлъ князя, только разъ пришлось послужить ему. Княгиня пріѣзжала лишь въ третій разъ. Провозившись довольно долго съ посудой, старикъ привнесъ наконецъ самоваръ и спросилъ:

— Не угодно ли чего-нибудь еще?

Княгиня вопросительно взглянула на Хорвата и выговорила:

— Какъ же на счетъ лошадей?

Хорватъ молчалъ.

— Юрій Петровичъ, какъ вы думаете?

Хорватъ поднялся съ мѣста и совершенно не своимъ голосомъ вымолвилъ задыхаясь:

— Да, надо закладывать. Надо ѣхать къ князю! злобно вымолвилъ онъ,—и объясниться съ нимъ. Надо разказать ему про этихъ негодяевъ, которые неизвестно зачѣмъ лѣзутъ по ночамъ на эту террасу. Этотъ мерзавецъ лазилъ сюда, а какой-нибудь другой мерзавецъ,—выговорилъ Хорватъ, обращаясь къ Семену, будто это доставляло ему какое-то наслажденіе,—другой мерзавецъ, сидѣлъ гдѣ-нибудь спокойно и ждалъ что изъ этого будетъ. Ждалъ что этотъ ему разкажетъ. Вотъ тотъ-то, Семень, настоящій мерзавецъ! Тотъ собака подлая.

— Точно-съ! Это который въ саяхъ-то сидѣлъ?...

Хорватъ подошелъ ближе къ старику и продолжалъ:

— Этотъ-то, Семенушка, лазилъ близко. Его могли поймать и отдуть, а тотъ мерзавецъ безопасно сидѣлъ дома. Да что тутъ!... вѣкъ себя махнулъ рукой молодой человѣкъ, и отошелъ въ противоположный уголъ комнаты.

Семень, половину только понявшій изъ тирады молодого барина или понявшій по-своему, выговорилъ снова обращаясь къ княгинѣ:

— Такъ какъ же на счетъ лошадей-то? Ужь вы бы, матушка-княгиня, отдохнули, а завтра со свѣтомъ и собрались. Да и барину олять, значить, въ луть, а они только-что вотъ прѣехали. Если вы въ сумѣнніи на счетъ этого, значить, конокрада, такъ мы всѣ будемъ ночь сторожить, да и кучеровъ пожалуй возьмемъ. Всѣ ляжемъ тутъ, коли укажете, на террасѣ. Мы васъ въ обиду не дадимъ! На счетъ этого будьте благовадежны. Да и баринъ олять военный, все-таки офицеръ. Чего же вамъ сумѣваться?

Старикъ болталъ съ ужимками, со смѣшными жестами, какъ-то присѣдая на старыхъ ногахъ. А около него стояла княгиня, грустная, блѣднолицая, опустивъ руки, склонивъ голову на грудь. А въ глубинѣ комнаты у окна, близъ шкала съ книгами, стоялъ молодой человѣкъ; брови его сдвинулись, онъ кусалъ себѣ губы и судорожно рвалъ въ

рукахъ какую-то полавшуюся случайно веревочку. Тутъ, въ лицѣ старика, было будничное маленькое чувство—усердіе къ баринѣ; рядомъ, въ княгинѣ—острая боль въ сердцѣ и тоска тяжело гнетущая душу; а тамъ, въ лицѣ молодого человѣка—страшно клокотавшая злоба, едва сдерживаемые порывы гнѣва, отъ котораго, казалось, еслибъ онъ вырвался наружу, не осталось бы не только князя, не осталось бы камня на камнѣ отъ всѣхъ его московскихъ палатъ. Гробовое молчаніе царствовало въ этой комнатѣ; только самоваръ шумѣлъ, и клубы пара струились въ тишинѣ, да двѣ свѣчи какъ-то тоскливо мерцали, слабымъ свѣтомъ озаряя комнату.

— Да, стулай! Вели закладывать! вдругъ глухо вымоавилъ Хорватъ.

Княгиня только ниже опустила голову. Старикъ вышелъ, повинувшись странному голосу этого незнакомаго барина. Хорватъ двинулся за нимъ, сталъ у дверей, и когда шаги старика замолкли въ домѣ, онъ притворилъ дверь и быстро подошелъ къ неподвижно стоявшей княгинѣ. Совершенно задыхаясь, Хорватъ тихо вымоавилъ:

— Маша, онъ негодяй! Онъ оскорбилъ тебя! Такъ не жалѣй и ты его, Маша!...

Онъ придвинулся ближе. Руки его тихо, будто давая ей время остановиться, не позволить, обвили ее. Она слегка вздрогнула, но не двинулась.

— Маша, онъ подлымъ поступкомъ далъ намъ это право!...

Она молчала. Онъ тихо обхватилъ ее и привлекъ къ себѣ на грудь. Она затрелетала всѣмъ тѣломъ, но глухо прошептала:

— Подожди!... Мы не знаемъ.... Это одно предположеніе!...

Но Хорватъ, крѣпко обнявъ ее, приикъ губами къ ея губамъ и не далъ ей договорить.... Тихій стонъ вырвался у нея, будто стонъ страдающа физической боли.... Но тотчасъ же она вкинула руки ему на шею, крѣпко обвила его и страстно прижалась къ нему съ поцѣлуемъ.... Въ залѣ раздались шаги. Хорватъ быстро опустилъ ее на ближайшее кресло и вышелъ на встрѣчу въ залъ.

— Баринъ! малечко обождать придется: бураго подковать надо, заявилъ Семень жалостливо.

— Хорошо, хорошо! вымоавилъ Хорватъ.—Стулай!

И онъ невольно подумалъ: „Чортъ тебя возьми вмѣстѣ съ бурымъ!“

— Ступай, ступай! Веди подковать. Ты бы самъ пошелъ поглядѣть какъ они тамъ...

— Слушаю-съ.

И старикъ любѣжалъ дряблою рысью. Хорватъ быстрыми шагами снова вошелъ въ горницу, олустился на колѣни предъ кресломъ княгини, взявъ ее за руки и проговорилъ совершенно инымъ голосомъ, тихо, ласково. Въ голосѣ этомъ звучало безпредѣльное счастье.

— Мама! если овъ виновать, то помни, я буду ждать, даже долго буду ждать... Но жить у васъ я не буду, и не буду потому чтобы мы могли видаться у меня. Да, мы должны видаться хоть разъ въ недѣлю. Гдѣ и какъ, я это устрою. Обманывать такъ обманывать! Обѣщаешь ли ты мнѣ это?

— Я сама не знаю!... едва слышно вымолвила она.

— Не знаю?!...

— Ничего я не знаю. Какъ хочешь. Какъ ты... Я теперь другая. Да, я стала какая-то другая... Чтѣ я буду дѣлать, я не знаю; не знаю даже чтѣ думать буду. Я другая, милый! Я другая!... Я твоя стала. Дѣлай чтѣ хочешь!... Я на все... Да, я на все пойду...

Овъ взявъ ея руки, снова положилъ ихъ на ея колѣни, снова приникъ головой къ теплымъ ладонямъ... и мертвая тишина наступила въ горницѣ. Овъ чувствовалъ эти милыя руки на губахъ своихъ, на лицѣ, и боялся двинуться. Она, опрокинувшись въ креслѣ, смотрѣла на эту черную кудрявую голову почти лежащую у нея на колѣняхъ, и тоже боялась шевельнуться чтобы не нарушить очарованія. Свѣтлыя и тихія слезы одна за другой безъ конца скатывались по ея лицу, пылавшему яркимъ лихорадочнымъ румянцемъ. А въ домѣ во всѣхъ темныхъ комнатахъ, на дворѣ, въ саду, кругомъ всей усадьбы стояла мертвая тишь.

— Боже мой!... едва слышно прошепталъ Хорватъ, — неужели никогда не будешь ты моя?... Совсѣмъ моя?... И ло праву, по святому праву любви?... Нѣтъ, Мама! Будешь! Будешь!... Я убью тебя, но возьму!...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГРАФЪ Е. САЛАСЬ.

Въ былые дни, въ обманчивые годы
Иная цѣль свѣтилась предъ тобой,
Волшебныхъ силъ полна была природа,
Все вѣяло надеждой и весной.
Подъ яркимъ солнцемъ зеленѣли всходы,
Оживши лѣсъ смѣялся молодой,
И ты сама, о будущемъ мечтая
Впередъ шла гордая и молодая.

Теперь какъ дымъ исчезли всѣ мечты,
Такъ ярко намъ свѣтившія сначала,
Надеждъ былыхъ ужъ не лелѣешь ты,
Блеснувши, утро жизни миновало,
И нѣтъ ни свѣта въ ней ни теплоты;
Ты дни безцѣльные влачить устала,
Безропотно неся свои мученья,
И какъ блаженства жажда забвенья.

Ты видишь: все мѣняется кругомъ,
Мелькаютъ звенья цѣли безконечной,
А вѣчности змѣя свилась кольцомъ
И полная вражды и жажды вѣчной
Весь міръ земной замкнула въ немъ;
Но все живетъ и движется безлечно;
Не видя мрачной бездны предъ собой,
Слѣшить къ концу безсмысленной толпой.

Но надъ могилами вновь оживая,
Для смерти жатва новая встаетъ;
Безъ цѣли вѣчно сила роковая
Свершаетъ медленный круговоротъ.
А ты, бывшее грустно провожая,
Глядишь съ тоской задумчивой впередъ;
А предъ тобой кружась несется мимо
Минувшаго потокъ невозвратимый.

Очнись, забудь про то что позади,
Забудь надежды, горе и желанья,
На грозный призракъ смѣло погляди—
Исчезнуть разомъ всѣ твои страданья
И время станетъ, ты жь гляди, гляди!
И въ чудный мигъ нѣмаго созерцанья
Вся вѣчность грѣзная передъ тобой
Сверкаетъ своею страшною красотой.

КНЯЗЬ Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

НА ГОРАХЪ*

РАЗКАЗЪ.

ЛII.

Въ самое то время когда утомленный путемъ Самоквасовъ отдыхалъ въ свѣтелкѣ Ермила Матвѣича, Фленушка у Манеены въ кельѣ сидѣла. Печально поникши головой и облокотясь на столъ недвижна была она: на рѣсницахъ слезы, лицо блѣднехонько, порывистые вздохи трепетно поднимають высокую грудь. Сложивъ руки на кофѣнахъ и склонясь немного станомъ, Манеена, вѣжно, но строго смотритъ на нее.

— Ради тебя, ради твоей же пользы прошу я тебя, говорила игуменья.—Помнишь ли тогда на Тихвинскую, какъ воротились вы съ богомолья изъ Китижа, о томъ же съ тобой мы бесѣдовали? Что ты сказала въ тѣ пору? Помнишь?...

— Помню, матушка, чуть слышно промолвила Фленушка.

— Сказала ты мнѣ: „дай сроку два мѣсяца хорошенько одуматься.“ Помнишь?

* См. *Русск. Вѣсти*. № 5 и 10я 1875, № 8 и 10я 1876 и № 5, 6, 7 и 9я 1877.

— Помню, протелтала Фленушка.

— Испомнились тѣ мѣсяцы, помолчавъ немного продолжала Манееса. — Что теперь скажешь мнѣ?

Молчить Фленушка.

— Въ эти два мѣсяца сколько разъ соглашалась ты приять ангельскій чинъ? продолжала Манееса.—Шесть разъ рѣшалась, шесть разъ отдумывала... Такъ али нѣтъ?

— Такъ, едва могла вымолвить Фленушка, подавая душившія ее слезы.

— Рѣшись, Фленушка, послѣши, ласково сказала Манееса.—Не видишь развѣ какво мое здорovie?... Помру, куда пойдешь, гдѣ голову приложишь? А тутъ бы властной хозяйкой была надо всѣмъ, и никто-бъ изъ воли твоей не вышелъ.

— Охъ матушка, матушка! Что мнѣ воля? На что мнѣ власть? вскрикнула Фленушка. — Что за жизнь безъ тебя? Нищей ли стану, игуменьей ли, не все ль мнѣ одно?... Безъ тебя мнѣ и жизнь не въ жизнь.... Помрешь и я не замедлю.

Такъ отчаяннымъ, надорваннымъ голосомъ говорила, горько плача Фленушка.

— Едивъ Богъ властенъ въ животѣ и смерти, молвила на то Манееса.—Безъ воли Его власъ не падеть со главы человѣка.... Премудро сокрылъ Онъ день и часъ кончины вашей. Какъ же ты говоришь что слѣдомъ за мной отойдешь? Опрочь Бога о томъ никто не вѣдаетъ.

— Не снести мнѣ того горя, матушка! тихо промолвила Фленушка.

— Хорошо... сказала Манееса. — Такъ не все ли жь тебѣ равно что въ бѣлицахъ что въ черницахъ дожидаться моего скончанія?... Примешь лѣстригъ и тогда будетъ тебѣ такая же жизнь какъ теперь.... Одежда будетъ только иная... Что бы съ тобой ни случилось все любовью покрою, все, все.... Не знаешь вѣдь сколь дорога ты мнѣ!... А если бы еще при жизни-то моей, подъ моей бы рукой начала ты править обителью?... Все бы стало твоимъ... Нѣшто въ миръ захотѣла? прибавила немного помолчавъ Манееса, зоркимъ провицательнымъ взоромъ поглядѣвши на Фленушку.

Та, закрывъ лицо руками, отвѣта не дала.

Мало повременивъ олять къ ней съ вопросомъ Манееса:

— Можетъ страсти обуреваютъ твою душу? Смуцаетъ миръ?

Попрежнему молчить Фленушка, но дыханье у ней съ каждой минутой становится лорывистѣй.

— Можетъ врагъ смутилъ твое сердце? Полюбила кого? повизывъ голосъ спросила Манееса.

Молчить Фленушка. Но вскорѣ прервала молчанье глухими рыданьями.

— Что жь? печально покачавъ головою сказала Манееса.— Не разъ я тебѣ говорила втайнѣ—воли съ тебя не снимаю..... Въ тайнѣ!... Нѣтъ, не то я хотѣла сказать—изъ любви къ тебѣ какой и лопать ты не можешь,—буду пожалуй и на разлаку согласна... Иди... Но тогда ужъ намъ съ тобой въ здѣшнемъ мѣрѣ не видѣться....

— Матушка, матушка! воскликнула Фленушка и кинулась къ ногамъ ея.

— Встань моя ластушка, встань родная моя, нѣжнымъ голосомъ стала говорить ей Манееса.—Сядь-ка рядкомъ, потолкуемъ хорошенько... прибавила она усаживая Фленушку и обнявъ рукой ея шею. Такъ что жь? Говорю:—дай отвѣтъ.... Скажу и теперь что прежде говаривала: „на зазорную жизнь вѣтъ тебѣ благословенья, а выйдешь замужь по закону, то хоть я тебя и не увижу, но любовь моя пребудетъ съ тобой на всегда. Воли твоей я не связываю.“

— Какже мнѣ покинуть тебя, матушка, при тяжкихъ болѣзняхъ твоихъ? Какъ мнѣ съ тобой разлучиться?... съ плачемъ говорила Фленушка склоняя голову на грудь Манеесы.— Хоша бъ и полюбила я кого, какже могу покинуть тебя? Нѣтъ, матушка, нѣтъ!... Царство сули мнѣ, горы золотыя, не покину я тебя пока жизнь во мнѣ держится.

— Ахъ ты Фленушка, Фленушка! взволнованнымъ голосомъ сказала Манееса.—Вижу что у тебя на душѣ теперь.... Двѣ любви въ ней борются.... Знаю, какъ тяжело это. Охъ какъ тяжело!... Бѣдная ты моя! Бѣдная!

И не стерпѣла всегда сдержанная въ порывахъ Манееса. Крѣпко прижала къ сердцу Фленушку и сама зарыдала надъ ней.

— Скажи ты мнѣ, шелтала она.— Скажи не утай!

Молчить Фленушка.

— Скажи, Богомъ прошу.... Полюбила кого?... продолжала Манееса.

— Да что жь это такое, матушка!? Зачѣмъ ты меня о

томъ спрашиваешь? совсѣмъ улавшимъ голосомъ проговорила Фленушка.—Игуменское ли то дѣло?...

Ровно въ сердце кольнуло то слово Манеѳу. Поблѣднѣла она и глаза засверкали. Быстро поднялась она съ мѣста и крупными, твердыми шагами стала ходить взадъ и впередъ по кельѣ. Душевная борьба видѣлась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи ея.

Вдругъ остановилась она передъ Фленушкой:

— Призовешь ли мнѣ Бога во свидѣтели, что до самой кончины своей никогда никому не откроешь того, что я скажу тебѣ... По евангельской заповѣди еже есть: ей, ей и ни, ни?...

Изумилась Фленушка. Никогда не видала такую Манеѳу... Нѣтъ и слѣда той величавости что при всякихъ житейскихъ невзгодахъ ни на минуту не покидала ея... Движенія порывисты, голосъ дрожить, глаза слезами наполнены, а протянутыя къ Фленушкѣ руки трясутся какъ осинный листъ.

— Призовешь ли имя Господа? чуть слышно она говорила.

— Призываю имя Господне! Ей, ей, никому не повѣдаю тайны твоей, сказала Фленушка, съ изумленьемъ смотря на Манеѳу.

— Слушай же! въ сильномъ волненіи стала она съ трудомъ говорить. — „Игуменское ли то дѣло?“ сказала ты... Да, точно не игуменьино дѣло съ бѣлицей такъ говорить... Правду ты молвила, но... Слушай, а ты слушай!.. Хотѣла было я, чтобъ вашу тайну узнала ты послѣ смерти моей. Не чаяла чтобы такимъ словомъ ты меня попрекнула...

— Матушка! Что ты? Сказала я то неразумное слово безъ умысла, безъ хитрости, не думала огорчать тебя... Прости меня, ежели... начала было Фленушка, но Манеѳа перервала ее:

— Не перебивай, слушай что я говорю, сказала она.—Вотъ икона Владычицы Курсунской Пресвятой Богородицы... продолжала она показывая на божницу.—Не разъ и тебѣ и другимъ я говаривала что устроила сію святую икону тебѣ на благословеніе. И хотѣла я благословить тебя тою иконою на смертномъ одрѣ моемъ... Но не такъ видно угодно Господу. Возьми теперь же... Сама возьми... Не коснись я теперь... Въ затылѣ тайничокъ. Возьми же Царицу Небесную тогда узнаешь: „игуменьино ли то дѣло“.

И слѣпымъ шагомъ пошла изъ кельи.

Недвижима Фленушка. Изумили ее рѣчи Манеены, не знаетъ что и подумать о нихъ. Голова кружится, въ очахъ померкло, тяжело опустилась она на скамейку.

Двѣ либо три минуты прошло, она немного оправилась... Тихими столами подошла къ божницѣ, положила семи-поклонный началъ, приложилась къ иконѣ Корсунской Богородицы и дрожащими руками взяла ее.

Открыла тайничокъ—тамъ бумажка, та самая что писала Манеена тогда какъ Фленушка, избавясь отъ огненной смерти въ Поломскомъ лѣсу, воротилась жива и невредима съ богомолья изъ невидимаго града Китажа. *

Положивъ на столъ икону, трепещущими руками Фленушка развернула бумажку.

Взглянула — вскрикнула. Въ ея кликъ и радость была и ужась.

На бумажкѣ было написано:

„Вѣдай, Флена Васильевна, что ты мнѣ не токмо дщерь о Господѣ, но и по плоти родная дочь. Моли Бога о грѣшной твоей матери да покрываетъ Онъ Пресвятый Своимъ милосердіемъ прегрѣшенія ея вольныя и невольныя, явныя и тайныя. Родителя твоего имени не повѣдаю, нѣтъ тебѣ въ томъ никакой надобности. Сохрани тайну въ сердцѣ своемъ, никому никогда ее не повѣждь. Господомъ Богомъ въ томъ заклинаю тебя. А записку сію тѣмъ же часомъ, какъ прочитаешь, огню предай.“

Какъ только поуспокоилась Фленушка отъ волненья, что овладѣло ею по прочтеніи записки, подошла она къ божницѣ, сожгла надъ горѣвшею лампадой записку и поставила икону на прежнее мѣсто. Потомъ изъ кельи пошла. Въ сѣняхъ встрѣтилась ей Марья головщица.

— Не видала ль куда прошла матушка?

— Въ часовню, отвѣтила Марыюшка.

Бѣгомъ любѣжала туда Фленушка.

Отворила дверь. Въ часовнѣ Манеена одна... Ницъ распростерлась она передъ иконами... Тихо подошла къ ней Фленушка, стала за нею и сама склонилась до земли.

* Вѣ Лѣсахъ IV, 64.

Когда обѣ воротились изъ часовни, Фленушка съла у ногъ митери, крѣлко обняла ея колѣна и радостно глядя ей въ очи, все про себя разказала. Повѣдала родной свое горе сердечное, кручину великую, любовь къ Петру Степановичу.

— Сначала я тѣшилась надъ нимъ да подсмѣивалась, говорила она, — шутила, рѣзвилась, баломутила. Любо было мнѣ дурачить его, насмѣхъ поднимать, надо всякимъ его словомъ подтрунивать... Зачнетъ бывало мнѣ про любовь разказывать, зачнетъ меня уговаривать бѣжала бѣ я съ нимъ, повѣнчалась бы, а я будто согласье даю, а сама потомъ въ глаза ему насмѣюсь. Прилечалится онъ, повѣситъ голову, слезы цной разъ изъ глазъ побѣгутъ, а мнѣ то и любо—смѣюсь надъ нимъ, издѣваюсь.... Вечера да ночка темныя въ перелѣскѣ мы съ нимъ просиживали, тайныя, любовныя рѣчи говаривали, крѣлко обнимались, сладко цѣловались, во волѣ надъ собой ему не давала я.... Соблюдала себя, матушка... Какъ передъ Богомъ тебѣ говорю...

Замолкла на минуту и потомъ прижавъ голову къ колѣнамъ матери, тихо продолжала передъ ней сердечную исповѣдь.

— Третье лѣто такъ прошло у насъ, каждое лѣто лучше и лучше онъ ко мнѣ приставакъ бѣжала бѣ я съ нимъ и уходомъ повѣнчалась, а я каждый разъ злѣе да злѣй насмѣхалась надъ нимъ. Только въ вышнемъ году, вотъ какъ въ Петровку онъ былъ у насъ, стало мнѣ его жалко.... Стала я тогда думать: видно въ правду онъ сильно меня полюбилъ... Больно, больно стала жалѣть его—и тутъ-то познала я, что сама-то люблю его лаче всего на свѣтѣ.

И зарыдала, прижавшись къ Манеѣ.

Ласкаетъ, нѣжитъ Манею дочку свою, гладить ее по волосикамъ, цѣлуетъ въ головку, а у самой слезы ручьемъ.

— И раздумалась тутъ я, матушка, продолжаетъ всхлипывая, Фленушка. — Увѣхать, выйти замужъ за него, въ богатомъ домѣ полною хозяйкой быть, жить съ нимъ неразлучно!... Раемъ казалась такая жизнь!.. Но только бывало вспомню про тебя сердце такъ и захоловетъ и наладетъ на меня тоска лютая.... Жаль было мнѣ тебя, матушка, не смогла я на побѣгъ согласья дать, чуяло видно сердце что ты мнѣ родная матушка, а я тебѣ мило дѣтище!.. Переломила себя... Распроцались мы съ нимъ на вѣки и

дорога ему сюда заказана. Не видаться мнѣ съ нимъ, не варивать.

И зарывавъ припала лицомъ къ ногамъ Манеены.

— Полюбо-ка, полюбо, моя доченька!... Не надрывай своего сердечушка, родная моя!... Такъ сама обливаясь слезами говорила Манеена, поднимая Фленушку. — Успокой ты себя, касатушка, уйми горе свое, моя дѣвонька, сердечное ты мое дитятко!..

Встала Фленушка, отерла слезы и, выпрямившись становомъ, твердымъ, рѣзкимъ голосомъ сказала матери:

— Все открыла я тебѣ. Все повѣдала... Во всемъ созналась... И никогда больше о томъ слова отъ меня ты не услышишь... Все одно, что померъ онъ теперь для меня... Вотъ еще что скажу... Нудила ты меня, много разъ уговаривала принять иночество... Смущала меня суета, онъ съума не сходилъ, хоть мы и разсталися на вѣки... Отказалась я отъ него ради тебя, матушка, жаль мнѣ было разстаться съ тобой... Но теперь, когда знаю что я рожденье твое, когда знаю какова у тебя власть надо мной, вотъ тебѣ, родная, рѣчи мои: положимъ началъ передъ иконами, благослови меня принять постриженіе.

Крѣпко обняла Манеена Фленушку, и ни слова не молвивъ въ отвѣтъ, стала съ ней на молитву. Сотворивъ началъ, положила игуменья обѣ руки на Фленушкину голову и сказала:

— Добръ изволь твой о Господѣ! Благослови тебя Богъ и Пресвятая Богородица на житіе иноческое, а мое грѣшное благословеніе навсегда пребудетъ съ тобою. Поди теперь успокойся!...

Поклонилась Фленушка въ ноги Манеены, испросила у ней прощенія и благословенія.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ! сказала игуменья, и Фленушка медленно пошла вонъ изъ кельи.

Воротась въ свою комнату, остановилась она по середкѣ ея. Ровно застыла вся, окаменѣла. Унылый, неподвижный взоръ въ окно обращенъ, руки опущены, лицо блѣдно какъ полотно, поблекшія губы чуть замѣтно вздрагиваютъ.

„Клонитъ вѣтеръ деревья, думаетъ она, глядя на рожицу что росла за часовней. Летятъ съ нихъ красныя и желтыя поблекшія листья, Такова и жизнь моя, такова и участь моя

бесталанная... Пришлось куколемъ голову крыть, довелось надѣвать расу черную!.. Нельзя иначе!.. Родная мать велитъ—надо локориться!.. А онъ-то, мой милый, желанный!.. Чуетъ ли сердце твое, Петенька, что со мной теперь дѣется?.. Гдѣ ужъ тутъ?.. И думать забывъ!.. Хотъ бы разокъ еще на него взглянуть!.. Да гдѣ ужъ тутъ!.. Ты прости прощай, мой сердечный другъ, ты прости, прощай, голубчикъ мой Петенька!.. Не видаться намъ съ тобой, не просиживать ночи темныя!.. Ахъ, ты жизнь моя, жизнь горе-горькая, сокрушила ты побѣдную мою голову, иссушила ретиво сердце!.. Хотъ размыкать кручину, разсѣять тяжелыя думы!..⁴

Прошла въ спальню, и отворивши тамъ шкафчикъ, протянула руку къ бутылкѣ съ бальзамомъ.

ЛIII.

Посидѣвши у Бояркиныхъ, побесѣдовавъ съ Ираидой, Петръ Степанычъ направилъ путь въ Манеину обитель. Отворилъ дверь съ крыльца, Марьюшка по снѣгамъ бѣжить. Удивилась и стала на мѣстѣ какъ вкопаная.

— Какими судьбами? черныя брови нахмурилъ и глазами сверкнувъ, спросила она у Петра Степаныча.

— Ну, что? вкругъ себя озираясь шепотомъ спросилъ у нея Самоквасовъ.

— На счетъ чего? На счетъ Казанской-то что ли? тоже шепотомъ, тоже чуть слышно промолвила Марьюшка.

— Ну, да. Знаетъ матушка?

— Не знаетъ, не вѣдаетъ, отвѣтила Марьюшка. — На Пятала Максимыча все ловорочено. Съ первоначалу-то на пострѣла моего у нихъ дума была, знаютъ что съ измальства съ Васькой пріятелемъ былъ. Опять же видѣли его Бояркины какъ онъ съ Васькой лѣшкомъ куда-то пошелъ. Потомъ говорила наша матушка ровно бѣ его непутнаго въ городу она видѣла — у Феклиста трактирщика подъ окномъ слышь сидѣлъ... А тутъ по скорости какъ сталъ Пяталь Максимычъ свои басни плести, будто по его хотѣнью все то дѣло оострялосось, про Сеньку и толковать перестали. Гдѣ онъ непутный?... Что не привезъ съ собой?

— Со старыми хозяевами дѣла кончается, нельзя ему теперь отлучиться, отвѣтилъ Петръ Степанычъ. — А Фленушка что?

— Ничего, слокотливо промолвила Марьюшка. — Постригаться собирается, и я глядя на нее, улыбаясь прибавила головщица.

— Тоскуешь, слышь?

— Еще бъ не тосковать!.. До кого ни доведись!.. При такой-то жизни? Тутъ не то что востокковать, сбѣситься можно, сердито заворчала Марьюшка. — Хуже тюрьмы!.. Прежде бывало на бесѣды хоть обѣгаешь, теперь и туда слѣдъ запасть... Перелуталъ всѣхъ этотъ Васька московскій посланникъ изъ-за какихъ-то тамъ шутовъ архіереевъ.... Матери ссорятся, грызутся, другъ съ дружкой не выдаются и намъ не велятъ. Удавиться такъ въ лору!..

— Фленушка и то слышь руки на себя.... началъ было Петръ Степанычъ.

— Дурила, перебила его головщица. — Хаебнула маленько, ну и пошумѣла.

— Неужто въ самомъ дѣлѣ лить зачала? тоскливо спросилъ Петръ Степанычъ.

— А что жъ не лить-то? на отвѣтъ ему Марьюшка. — Съ такой тоски, съ такой муки какъ не хлебнуть иной разъ?.. Тебя бы посадить на ея мѣсто... Не стерпѣлъ бы и ты... Не подъ силу бы стало!

— Можно къ матушкѣ? немножко помолчать спросилъ Петръ Степанычъ.

— Спать, отвѣтила Марьюшка. — Къ намъ покаянство пойдемъ, краля-то твоя дома...

И взявъ Самоквасова за руку повела его по темнымъ переходамъ. Распахнувъ дверь во Фленушкины горницы втокнула туда его, а сама тихимъ, смиреннымъ шагомъ пошла въ сторону.

Фленушка сидѣла у стола, какое-то рукодѣлье лежало передъ ней, но она до него не дотрогивалась. Взглянувъ Петръ Степанычъ и едва узнавъ свою невагадную—похудѣла, поблѣднѣла, глаза до красноты наплаканы...

— Здравствуй Фленушка! радость вскакинулъ онъ. Въ его голосѣ слышались и любовь, и тревога, и смущенье и душевная скорбь.

Руками вслеснула Фленушка, стремительно вскочила

со стула, но вдругъ неподвижно ставъ середь комнаты за-
сверкала очами и гнѣвно вскрикнула:

— Ты зачѣмъ?... Кто тебя звалъ?... Смущать?... Покоя не
давать?... Забылъ что на вѣкъ мы съ тобой распроцались?...

— Фленушка! нѣжно молвилъ ей Петръ Степанычъ, тихо
взявъ ее за руку.

Съ сердцемъ выдержала она руку.

— За чѣмъ, я спрашиваю тебя, за чѣмъ ты прѣѣхалъ? въ
сильномъ раздраженьи она говорила. — Баловаться попреж-
нему?.. Куралесить?.. Не стану, не хочу... Будетъ съ тебя!..
За чѣмъ же кажешь свои безстыжіе глаза?

— Истохился я по тебѣ, Фленушка, со слезами въ го-
лосѣ заговорилъ Петръ Степанычъ. — А какъ услышалъ
что и ты тосковать зачала, да къ тому еще прихварывать,
таково кручивно мнѣ стало что не могъ стерпѣть—на слѣхъ
собрался, лишь бы глазкомъ на тебя взглянуть.

— Чтò жь?.. Взглянулъ?.. Видѣлъ меня?.. прищурясь и
надменно улыбаясь, молвила Фленушка. — Ну, и будетъ съ
тебя!... Убирайся!..

— Да чтò жь это, Фленушка? Чтò съ тобой? въ изумленьи
спрашивалъ ее Петръ Степанычъ и протанулъ было руки,
чтобъ охватить стройный, гибкій станъ ея.

— Съ глазъ долой! увернувшись и толкнувъ ногой вскрик-
нула Фленушка. — Прочь!... Чтòбъ я никогда тебя не видала.

— Чтò ты, чтò ты, Фленушка? началъ было Самоквасовъ.

Но ея ужь не было. Стремительно кинулась она въ спаль-
ную боковушу. Не успѣвъ оломиться Петръ Степанычъ
какъ она и на ключъ заперлась. Разъ-другой торкнулся,
вѣтъ отвѣта.

— Фленушка, Фленушка!... Выдь на минуточку!... Пусти
меня!

Но какъ ни молилъ, дверь не отворилась. Маленько по-
года вошла Марыюшка.

— Вотала матушка, можно къ ней теперь, сказала она.

— Чтò это съ Фленушкой? Убѣжала, заперлась, говорить
не хочетъ, спрашивалъ у головщицы Петръ Степанычъ.

— Нешто не знаешь ея? брызгавымъ голосомъ она отвѣ-
тила. — Чудить.

„Не вылила ль?“ мелькнуло въ умѣ Самоквасова. Недо-
вольный и сумрачный пошелъ онъ къ Манеѣ.

— Съ чего она зачудила? дорòгой спросилъ головщицу.

— Съ чего? досадливо и насмѣшливо отвѣтила Марьюшка.— Да на такую жизнь амгелъ съ неба сойди, и тотъ, прости Господи, взбѣсится... Тоска!... Не съ кѣмъ слова молвить, посоветовать!... Ни потужить, ни порадоваться!... Опять же вудать въ инокство постригаться... Каждый Божій день уговоры, да слезы, да ворчанья... Какъ тутъ съ ума не сойти?... Посадить бы тебя на ея мѣсто, летаю на шее накинудъ бы... Не тебѣ бы, Петръ Степанычъ, попреки ей дѣлать!... Да... Кто на такую печаль да на горе навелъ ее?.. Кто напустилъ на нее такую кручину? Подумай-ка хорошенько, на чьей душѣ лежитъ горькая жизнь ея?..

— Нешто на моей? сказалъ Самоквасовъ, останавливаясь передъ игуменьиною кельей.

— На чьей же? На куричьей что ли? вскинувъ кверху голову, задорно промолвила Марьюшка, указывая на насѣдку, что съ дюжиной цыплятъ забрела въ сѣни игуменьиной кельи.— Шить, Боговы! тотчасъ же накинудась она на куричье племя, то въ ладоши похлопывая, то съ шумомъ въ ширь распуская передникъ.

— Расскажи ты мнѣ, Марьюшка, все что знаешь до тонкости... Улучи минуточку, сдѣлай дружбу—приходи куда-нибудь потолковать со мной... Хоть на самое короткое время... Такъ молилъ головщицу взволнованный рѣчами ея Петръ Степанычъ.

— Ишь что вздумалъ!... съ досадою отвѣтила Марьюшка.— Теперь не прежняя пора: разомъ подстерегутъ... Началить-то не тебя станутъ!..

И взялась было за скобку игуменьиной двери.

— Стулай къ матушкѣ, дожидается, молвила она Самоквасову.

— Постои! удерживая ея руку, сказалъ онъ.— Шерстяной сарафанъ, батистовые рукава, шелковый алый платокъ на голову хочешь?

— Ну тебя и съ платками-то! огрызнулась Марьюшка.

— Черезъ недѣлю пришаю, а хочешь деньгами сейчасъ получай, продолжалъ онъ.

— А много ль деньгами-то? олустивъ глаза, тихо промолвила Марьюшка.

— Двадцать рублей.

— Маловато, ларень. Накинь еще красенькую, сказала она, бойко взглянувъ въ глаза Самоквасову.

— Ладно, сказалъ Петръ Степанычъ, и, вынувъ деньги, подалъ ихъ Марьюшкѣ.

Послѣшшо спрятала она подарокъ подъ передникомъ.

— Теперь баловать съ тобой мнѣ некогда, да и нельзя. Неравно матушка выйдетъ, сказала головщица.— Ты гдѣ присталъ? У Бояркиныхъ что ли?

— У иконника, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Ну, парень, туда мнѣ ходу нѣтъ, молвила Марьюшка.— Вотъ что: начнетъ темнѣть, приходи въ перелѣсокъ.... Туда гдѣ въ прежни годѣ, со своей прыщессой соловьевъ слушивалъ.... Ждать тебя буду и все разкажу. А теперь ступай скорѣй къ матушкѣ.

И растворила дверь въ ея келью.

Во всей обрядной одеждѣ, вежливо и сумрачно встрѣтила Манеѣа Самоквасова. Только-что положилъ онъ передъ иконами семилोकлонный началъ и за тѣмъ испросилъ у нея прощенія и благословенія, она, не поднимаясь съ мѣста, молча, пылливо на него поглядѣла.

— Какъ ваше здравіе и спасеніе, матушка? спросилъ Петръ Степанычъ, присѣвъ по указанью Манеѣы на скамейку, крытую цвѣтнымъ суконнымъ полавощникомъ.

— Здоровье плохо, о спасеніи единъ Господь вѣдаетъ, слегка покикая головой и медленно опуская креловую наметку, промолвила Манеѣа.

И за тѣмъ настало молчанье. Только маятникъ стѣнныхъ часовъ въ тиши мѣрно постукивалъ.

— Изъ Казани что ли Богъ привнесъ? спросила наконецъ Манеѣа.

— Нѣтъ, матушка. Въ Казани я съ весны не бывалъ, съ весны не видалъ дома родительскаго... Да и что смотрѣть-то на него послѣ дѣдушки?... Сами извоите знать каковы у насъ съ дядей два пошли, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.— Въ Петербургъ да въ Москву вѣздалъ, а послѣ того безъ малаго мѣсяцъ у Макарья жить довелось.

— Слышала, что у Макарья давненько живешь, молвила Манеѣа.— Въ Петербургѣ-то бывши не слыхалъ ли чего полезнаго про наши обстоятельства?

— Ничего полезнаго не слыхалъ я, матушка. Новаго нѣтъ ничего. Одно только сказываютъ, не въ дальнемъ дескати времени безотмѣнно выйдетъ полное рѣшенье скитамъ, сказалъ Петръ Степанычъ.

— Знаемъ, спокойно отвѣтила Манеа.—Знаемъ и то что конечнаго рѣшенья локамѣсть не будетъ. За то впереди благополучія не предвидится. Изъ нашихъ кого не выдашь ли въ Питерѣ?

— Съ Дрябиными видѣлся, у Громова у Василья Оедулыча разъ-другой лобывалъ, отвѣчалъ Самоквасовъ.

— Чтò они? спросила Манеа.

— Слава Богу, здоровы, отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Рада слышать, что здоровы, молвила на то Манеа.— Разговоровъ про наши трудныя обстоятельства у тебя съ ними не было ль?

— Съ Дрябиными раза два говаривалъ, оцѣнь жалѣють, однакожь по ихнимъ словамъ никакъ невозможно бѣду ответи. Милостыней обѣщались не покинуть васъ, матушка... сказалъ Петръ Степанычъ.

— Спаси ихъ Христось, а Громовы чтò?

— Не удосужился логоворить со мной Василій Оедулычъ.—Не время было ему.

— Чтò такъ?

— Гости на ту пору случились, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.—Съѣздъ былъ большой у Василья Оедулыча: министры, сенаторы, генералы. Въ карты съ ними игралъ, невозможно ему было со мной говорить.

— Гм! Слассительное дѣло въ картахъ себѣ поставяеть!... съ презрительной улыбкой досадаиво молвила Манеа.—А дѣдовскій завѣтъ ломить не его дѣло!... Дураки дескать были у насъ старики-то, а мы люди умные, ученые! Дѣдушка-то Василья Оедулыча Гуслицкимъ мужикомъ вѣдъ былъ, капиталы лодъ Москвой скопилъ немалые и завѣщалъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ всячески и безотлажно на вѣчныя времена помогать нашимъ Керженскимъ обителямъ. Не по дѣдушкѣ Василій Оедулычъ пошелъ, инаго сталъ духу, исякло въ немъ древлее благочестіе!... Уты, утолстѣ, уширѣ, забы Бога и честныя обители, во славу Его согражденныя.

И какъ бы истомленная непосильнымъ трудомъ низко склонила она голову.

— Нельзя ему было, матушка, никакъ невозможно заняться со мной, вступился было Петръ Степанычъ за Громова послѣ короткаго молчанья.

— Знаю что некогда, быстро поднявъ голову и свер-

кая гнѣвыми очами воскликнула Манеа. — Знаю что бѣса надо было ему картами тѣшить, въ порывѣ горячей заальчивости говорила она. — Въ евангельскія времена Иуда за сребрянники Христа прѣдалъ; петербургскіе наши благодѣтели радеюньки въ карты Его проиграть, только бы лѣтѣшиться съ министрами, да съ игемонами, сирѣчь, съ проконсулами. да съ Каисеами.... Чтѣ имъ Богъ? Въ чести бы да въ славѣ ложить, а Богъ и душа—имъ наплевать!... Не остави имъ Гослоди во грѣхъ того! помолчавъ и немного услокоившись тихимъ голосомъ прибавила разгнѣванная игуменья. — Покрой Гослоди великимъ Своимъ милосердіемъ прегрѣшенія ихъ... Сохрани ихъ Гослоди въ вѣрѣ Своей праведной, святоотеческой!...

И набожно возвела очи на иконы.

— Василій Федулычъ въ древаемъ благочестіи твердъ, матушка. И самъ и домашніе.... За вѣрное могу доложить! сказалъ Самоквасовъ.

— Злобинъ еще тверже былъ, тихо склоняя голову и опрала креловую наметку, отвѣчала Манеа. — Имъ однимъ держался Иргизъ... Какую часовню-то въ Вольскѣ поставилъ онъ!... Какъ разукрасилъ ее!... Внесъ плащаницу дней царя Константина и матери его Елены. * Ни богатству его счету, ни щедротамъ его не было смѣты... А какъ сдружился се знатными людьми, съ министрами да сенаторами—

* Въ половщинской часовнѣ построенной въ Вольскѣ Злобинимъ (теперь единовѣрческая церковь) есть старинная плащаница, купленная въ прошломъ столѣтіи въ Кіевѣ, женой Злобина, большой ревнительницей раскола. На той плащаницѣ (XVI вѣка) есть греческая надпись, ямбическими стихами, не вполнѣ сохранившаяся. Старообрядцы говорятъ будто она устроена святымъ Митрофаномъ, первымъ Цареградскимъ патріархомъ, современникомъ Константину Великому. Но при внимательномъ разсмотрѣніи поврежденной и наклеенной на новый бархатъ надписи, оказывается что слова патріархос нѣтъ, вмѣсто его стоитъ ὑπερσχος (начальникъ старцевъ, игумень какого-либо греческаго монастыря). Во дни Константина, Елены и патріарха константинопольскаго Митрофана не было еще ни плащаницъ, ни службы въ Великую Субботу надъ плащаницей, ни такого шитья. Въ надписи вмѣсто Митрофанесъ стоитъ только Митрофа, слога вес нѣтъ и не было. Въ Византіи былъ одинъ патріархъ Митрофанъ современникъ Константину, но почему жъ плащаница не могла быть у патріарха александрійскаго или іерусалимскаго, носившаго имя Митрофана, въ XVI столѣтіи?

погрязъ въ грѣховныхъ суетахъ—исчезъ. Все прахомъ пошло и память Злобина съ шумомъ погибла.... Прикащикъ у него былъ, Рогожниковымъ прозывался, отца его за быть въ Малыковкѣ * повѣсили. Разжился и овъ вкругъ Злобина. Правдами и неправдами таково туго набилъ монету что подобныхъ ему богачей нѣтъ и не бывало. Велико и громко всюду было имя его, а недостаткамъ не было счету.... А когда и его отуманила слава мірская, охладѣлъ овъ къ святоотеческой вѣрѣ, на неправду въ торговыхъ дѣлахъ поступилъ, тогда хоть и съ самыми великими людьми мір : сего водился, но исчезе яко дымъ и богатства его, какъ лесокъ бурей вздымаемый, разсѣялись.. Такъ за лиценія суетныхъ Господь полагаетъ имъ злая!... Такъ Овъ, всезнающий—излагаетъ челоуѣка егда возгордится!... Исчезоша и погибоша за беззаконія!... Всегда такъ бываетъ, любезный мой Петръ Степанычъ, ежели кто вѣру отдовъ на славу міра смѣняетъ... Вѣрѣ ты мнѣ, другъ, что ключъ къ богатству въ старой вѣрѣ, отступникамъ же отъ нея нищета и стыдѣніе... Твердо помни это, Петръ Степанычъ.... Скоро станешь своимъ капиталомъ владать, скоро будешь на всей своей волѣ, большаго надъ тобой не будетъ—не забывай же словъ моихъ.... Забудешь—до тяжкихъ дней доживешь, бдѣть бо и не коснѣтъ Господь, ненавидѣтъ беззаконія.... Злобинымъ, Рогожниковымъ, Громовымъ не улодобься!... Не ходи по широкой стезѣ, ими проложенной—во тьму кромѣшную ведетъ она.... Тамъ въ вѣчной жизни геенна огненная, здѣсь на землѣ посмѣяніе твоей памяти—вотъ что себѣ тогда уготоваешь!... Помни же слово мое!

— Матушка, да развѣ нѣтъ пользы древлему благочестію отъ того что почетные наши люди съ сильными міра знаются?... возразилъ Петръ Степанычъ.—Сами жъ вы не разъ говаривали, что христіанство ими ото многихъ бѣдъ охраняется...

— Господь пречистыми устами Своими повелѣлъ вѣрнымъ имѣть не токмо чистоту голубину, но и мудрость змѣину, сказала на то Манеа.—Ну, и пусть ихъ, наши рекомые столпы правовѣрія, носятъ мудрость змѣину—то на пользу христіанства.... Да сами-то змїями губителями зачѣмъ дѣлаются?... Пребывали бъ въ незлобіи и чистотѣ голу-

* Слобода Малыковка, нынѣ уѣздный городъ Волевскъ.

биной... Такъ вѣтъ!... Выкрики въ слова мои, другъ, въ нихъ мудрость. Не моя мудрость, но Господня и отецъ святыхъ завѣщаніе. Ими заловѣданное слово тебѣ говорю. Не мнѣ вѣрь, святыхъ отцовъ послушай.

И низко опустила на лицо наметку.

Замолчалъ Самоквасовъ. Немного повременя спросила у него Манеѳа:

— Какъ теперь съ дядюшкой-то? Съ Тимоѳеемъ-то Гордвичемъ?

— По судамъ наше дѣло пошло, отвѣчалъ Петръ Степанычъ.—Обнадеживаютъ скоро локовчить. По осени надо будетъ свое получить.

— Дай тебѣ Господи! молвила Манеѳа.—Будешь богатъ—не забудь сира, нища и убога, дѣлись со Христомъ богатствомъ своимъ... Неумицему подашь, самому Христу подашь. А лаче всего въ суету не вдавайся, не локовничай передъ ижемонами да проконсулами.

— Я, матушка, всегда радъ по силѣ помощь подать неумицему, сказалъ Петръ Степанычъ.—И на святыхъ обители тоже... Извольте на раздачу принять.

И подалъ ей двѣ сотенныхъ.

— Это, матушка, отъ самого отъ меня, примолвилъ окъ.—Досель изъ чужихъ рукъ глядѣлъ, жертвовалъ вамъ не свое, а дядино. Теперь собственную мою жертву не отрывайте!

— Спаси тебя Христосъ. Благодарна за усердіе, сказала Манеѳа, и вставши съ лавки положила передъ икоками семилоклонный началь.—Чайку не искушаешь ли? спросила она, кончивъ обрядъ. И не дождавшись отвѣта ударила въ стоявшую возлѣ нея кавдію.

Келейная дѣвица вошла... То была Евдокеюшка, племянница добродушной Виринеи, что прежде помогала теткѣ келарничать. Теперь въ игуменьиныхъ комнатахъ она прислуживала. Манеѳа велѣла ей самоваръ собрать и приготовить что слѣдуетъ къ чаю.

— Пали до насъ и о тебѣ, другъ мой, не добрыя вѣсти, будто и ты славою мірской сталъ соблазняться, начала Манеѳа, только-что услѣла выйти Евдокія келейница.—Потому-то я тебѣ по духовной любви моеи и говорила такъ насчетъ Громова да Злобина. Мірская слава до добра не доводитъ, любезный мой Петръ Степанычъ. Вѣрь слову—добра желаю говорю.

— Чѣмъ же соблазноюсь я, матушка? Пожалуйте!.. съ удивленьемъ спросилъ Самоквасовъ.

— Говорять сборы какіе-то были тамъ у Макарья на ярмакѣ. Сбирали слышь на какое-то никоніанское училище, строго и властно говорила Манеа.—Дѣтскимъ приюткомъ что ли зовуть. И кто, сказывали мнѣ, больше даетъ, тому больше и почестей мірскихъ. Медали тамъ слышь за то раздаютъ... А ты, другъ, и поревновалъ славу міра... Сказывали мнѣ... Много ль жертвовалъ на такое нечестіе?

— Сто дѣлковыхъ, тихо, приниженнымъ голосомъ отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— Сто дѣлковыхъ! Деньги лоярочныя! молвила Манеа.— И на другое на что можно бѣ было ихъ пожертвовать. На полезное душѣ, на доброе, благочестивое дѣло... А тебѣ медали захотѣлось?

— Развѣ худое дѣло, матушка, на бѣдныхъ сиротъ подать? возразилъ Петръ Степанычъ, пристально глядя на строгую игуменью.

Еще ниже спустила она на лицо наметку, еще ниже склонила голову и чуть слышнымъ голосомъ учительню ему молвила:

— Въ Писаніи, другъ, сказано: „Аще добро твориши, разумѣй кому твориши и будетъ благодать благамъ твоимъ. Добро сотвори благочестиву и обрящещи воздаяніе аще не отъ него, то отъ Вышняго. Дажь благочестиву и не заступай грѣшника, добро сотвори смиренному и не даждь нечестивому, возбрани хлѣбы твоя и не даждь ему.“*

— Сиротки вѣдь они, матушка, литъ, вѣсть тоже хотять, однимъ подаваемъ живутъ, промолвилъ на то Петръ Степанычъ.

— То помни прежде всего, что они—Никоніане, что отъ нихъ благодать отнята... Безблагодатны они, рѣзко, возвысила голосъ Манеа.—Развѣ ты ихняго стада? Свою крышу, другъ мой, чини, сквозь чужую тебя не замочить. О своихъ потужи, своимъ помощъ яви и будетъ то угодно предъ Господемъ, пойдеть твоей душѣ во спасенье. Оглянись-ка вокругъ себя, посмотри сколь много сирыхъ и нищихъ изъ нашихъ древлеправославныхъ христіанъ.... Есть кому подать, есть кому милость явить.... Ну, будетъ началитъ тебя, довольно... Долго-ль у насъ прогостишь?

* Свѣдѣн. XII—1—5.

— Не знаю какъ вамъ сказать, матушка, отвѣчалъ Самоквасовъ. Признаться, долго-то заживаться мнѣ некогда, дѣла въ Казань призываютъ.

— Лучше бы вамъ миролюбиво какъ-нибудь съ дядей-то покончить, думчиво промолвила Манеа.— Что хорошаго подъ иновѣрный судъ идти? Выбрать бы обоимъ кого-нибудь изъ нашихъ христіанъ и положитьсь-бъ во всемъ на его рѣшенье. Дѣло-то было бы праведнѣе.

— Самому мнѣ, матушка, хотѣлось такъ сдѣлать, да что жь дѣлать?... сказалъ Самоквасовъ. — Дядя никакихъ словъ моихъ не принимаетъ. Одно заладилъ себѣ: „не дамъ ни гроша“ и ни чѣмъ совѣтамъ не внимаетъ, ни чѣмъ разговоровъ не слушаетъ...

— Самъ-отъ ты говорилъ ли съ нимъ? помолчавши маленько, спросила Манеа.

— На глаза меня не пускаетъ, отвѣтилъ Петръ Степанчъ.— Признаться отъ того больше и утѣхалъ я изъ Казани; въ тѣлость стало жить въ одномъ съ нимъ дому... А на квартиру съѣхать, роду нашему будетъ зазорно. Отъ того и страдаю — вотъ въ Петербургѣ пожилъ, въ Москвѣ, у Макарья, вотъ теперь ваши мѣста вздумалъ посѣтить.

— Злобность и вражда ближнихъ противъ Господу, учителью сказала Манеа.— Устами Давида царя Онъ вѣщаетъ: „се что добро или что красно, но еже жити братіи вкули“; Очевъ-то дядѣ не противься: „предъ лицомъ сѣдаго возстави и почти лицо старче“... Онъ вѣдь тебѣ кровный, дядя родной. Что-нибудь попусти, въ чемъ-нибудь уступи.

— На все я былъ согласенъ, матушка, на все, молвилъ на тѣ слова Самоквасовъ.— Все что могъ уступалъ, чужіе люди дивились даже... А ему все хочется безъ рубашки меня со двора долой. Сами посудите, матушка, капиталъ-отъ вѣдь у насъ нераздѣльный: онъ одинъ братъ, отъ другаго брата я одинъ... А онъ что предлагаетъ?.. Изъ всего имѣнья отдай ему половину, а другую дѣли поровну девяти его сыновьямъ да дочерямъ, десятому мнѣ... На что жь это похоже?.. Что за татарскій законъ?.. Шель я вотъ на какую мировую—бери себѣ половину, а другую дѣли пополамъ, одну часть мнѣ, другую его дѣтямъ. Такъ вѣтъ, не хочетъ... Все ему мало. Еще меня же неподобными словами обзываетъ. Каково жь это мнѣ терпѣтъ?.. Хочется дядѣ ободрать меня ровно аилочку.

— Мудренныя дѣла, мудренныя!... покачивая головой проговорила Манеѣа и выслушавши вошедшую было Евдокею келейницу сама стала угощать Самоквасова чаемъ, а передъ тѣмъ какъ водится водочкой, мадердой и всякаго рода соевыми и сладкими закусками.

— Паталъ Максимычъ какъ въ своемъ здоровьѣ? спросилъ Самоквасовъ послѣ короткаго молчанья.

— Здоровъ, сухо и нехотя отвѣтила Манеѣа.

Какъ ни старался Петръ Степанычъ свести рѣчь на семейство Чапурина, не удалось ему. Видимо уклонялась Манеѣа отъ такого разговора и все разспрашивала про свою казначею Таифу, видѣлъ ли онъ ее у Макарья, исправилась ли она дѣлами, не говорила ль когда домой собирается. Завелъ Петръ Степанычъ про Фленушку рѣчь, спросилъ у Манеѣы отъ чего не видно ее и правду ль ему сказывали, будто здоровьемъ стала она не богата. Быстрымъ взоромъ окинула игуменья Петра Степаныча, сжала губы, и торопливо поправивъ наметку, медленно, тихо сказала:

— Въ своемъ мѣстѣ надо думать сидеть, не то въ иную обитель ушла... На здоровье точно что стала почасту жаловаться... Да это мигетъ.

И тотчасъ свела разговоръ на предстоящее переселенье въ городъ.

— Мѣстá кулаевы, лѣсъ заготовлень, стройка началась, подъ крышу вывели, скоро зачнутъ и тесомъ крыть, говорила Манеѣа.—Думала осенью перебраться, да хлопоты задержали, дѣла. Богъ дастъ видно ужъ по веснѣ придется перевозиться, ежели Господь вѣку продлитъ. А тѣмъ временемъ и рѣшенье на счетъ нашихъ обстоятельствъ вѣрнѣе узнаемъ.

Не малое время сидѣлъ Петръ Степанычъ у Манеѣы. Бывало въ ея кельѣ то Фленушка съ Марьюшкой, то изъ матерей кто-нибудь непременно сидитъ—теперь никого. Даже Евдокея келейница, поставивъ на столъ самоваръ, хоть бы разъ потомъ заглянула. Никогда такъ прежде не важивалось.

На прощаньѣ Манеѣа еще разъ поблагодарила Самоквасова за его приношенье, но въ гости не звала, какъ прежде бывало.... Простилась сухо, холодно, тоже не попржнему.

Зашелъ было снова къ Фленушкѣ Петръ Степанычъ, но горницы ея были заперты, даже оконныя ставни закрыты.

LIV.

ьмой часъ послѣ полудня насталь, закаталось въ сугучу красно солнышко, разливалась по вскраю небес-заря алая, выливалъ кверху свѣтль мѣсяць. Забѣль туманы надъ болотами, свѣжимъ холодкомъ повѣвъ въ Каменномъ Вражкѣ и въ укромномъ перелѣскѣ, копшелъ туда Петръ Степанычъ... На урочномъ мѣстѣ еще го не было. Кругомъ тишь. Лишь изрѣдка на вечернемъ летѣ протрещить въ кустахъ боровой куликъ *, лишь дка въ древесныхъ вѣтвяхъ проворчить вѣтютель ** , изрѣдка тамъ либо самъ раздадутся отрывистые голожанокъ, барашковъ, подкопытниковъ ***. Незамѣтно ни йшаго признака чтобъ кто-нибудь изъ людей передъ в приходилъ туда, трава нигдѣ не примята. Пере в нѣсколько времени аукнулъ Самоквасовъ, разъ, дру но не было ни отзыва ни отклика. „Обманула Марья-ка! ему подумалось. Деньги въ рукахъ — больше ничего те надо“....

Фленушкѣ раздумался. „Отъ чего это она слова со мной котѣла сказать?... Для чего заперлась, ставни даже закры-За какую провинность такъ осерчала?... Кажется я на былъ готовъ—третье дѣто согласья ея добиваюсь, а все съ своею сухою любовью... Надоѣлъ видно ей, причилъ.... Иавъ обнесли чѣмъ-нибудь меня?... По обителямъ какъ разъ... На что на другое, а на сплетни да напрасли-матери съ бѣлицами куда какъ досужи!...“

акъ, раскинувшись на сочной, зеленой травѣ, размышлялъ съ собою Петръ Степанычъ. Стали ему всломинаться веселые вечера, что бывало проводилъ онъ съ Фленушкой въ этомъ самомъ перелѣскѣ. Роемъ носятъ въ его памяти

Иначе „слука“ *Scolopax rusticola*. У охотниковъ и поваровъ эта въ извѣстна подъ названьемъ вальдшнепа.

* *Columba palumbus*.

** „Лежанка“—*Scolopax major*—охотники дупелемъ ее зовутъ. арашекъ“—*Scolopax media*—по-охотничьи и по-повареки бекасъ. „подкопытникъ“ иначе „кромка“, „стучикъ“—*Scolopax minor*, самая легкая изъ породы *Scolopax* птичка, у охотниковъ зовется „гар-апомъ“.

воспоминанья объ игривыхъ, затѣвливыхъ забавахъ рѣзвой, бойкой скитяжки.... Передъ душевными его очами во всемъ блескѣ пышной, цвѣтущей красоты возстаетъ образъ Флеушки.... Вспоминается мелькомъ и вѣжвая, скромная Дуя Смолокурова, но блѣднѣетъ ея образъ въ сравненьи съ полной жизни и огня, съ бойкой, шаловливой Флеушкой. Тихая, робкая, задумчивая, и совсѣмъ не разговорчивая Дуя представляется ему жалкимъ, бѣднымъ ребенкомъ... А у той баловницы, у Флеушки и острый разумъ и въ рѣчахъ быстрота и нескончаемые веселые разговоры. „Изъ Дуи что-то еще выйдетъ, думаетъ Самоквасовъ, а Флеушка и телерь краса неописанная, а душой-то какая добрая, сердечная, задушевная!“

Гдѣ-то вдали хрустнулъ сушнякъ. Хрустнулъ въ другой разъ и въ третій. Чуткимъ ухомъ прислушивается Петръ Степанычъ. Привсталъ, — хрусть не смолкаетъ подъ чьей-то легкой на поступь ногой. Зорче и зорче вглядывается въ даль Петръ Степанычъ: что-то мелкнуло межъ кустовъ и тотчасъ же скрылось. Вотъ въ вечернемъ сумракѣ заблѣлись чьи-то рукава, вотъ стали видимы и лестрый широкій передникъ, и шелковый рудожелтый * платокъ на головѣ. Лица не видно — закрыто оно полотнянымъ платкомъ. „Нѣтъ, это не Марьюшка!“ подумалъ Петръ Степанычъ.

Побѣжалъ на встрѣчу... Силы небесныя!... Чтѣ это?.. Навуиль въ сонномъ мечтаньи?... Флеушка передъ нимъ.

Отъ радости и удивленья громко онъ вскрикнулъ.

— Тиме!.. руку поднявъ, шепотомъ молвила Флеушка. — Слѣдять!.. Тиме, какъ можно тиме!.. Дальше пойдемъ, туда гдѣ кустарникъ погуще, къ Елфимову. Тамъ мѣсто укромное, тамъ никто не увидитъ.

— Пойдемъ!.. Пойдемъ моя милая, дорогая моя, началъ было Петръ Степанычъ, въ жаркомъ волненьи схвативъ Флеушку за руку.

Отдернула она руку и чуть слышно ему прошептала:

— Словечка молвить не смѣй, лишній разъ не вздохни! могутъ услышать... Накроютъ...

— Да я, Флеушка... зачалъ было Самоквасовъ.

— Потерли же!.. Потерли голубчикъ!.. Желанный ты мой, неагаглядный!.. До верхотины Вражка не даль какая. Такъ вѣжливо и страстно шептала Флеушка, ступая быстрыми

* Оранжевый.

шагами и склоняясь на плечо Самоквасова.— Тамъ дѣсь ты наговоримся... ровно дитя продолжала она лепетать.— Охъ, какъ сердце по тебѣ изболѣло!... Изстрадалась я безъ тебя, Петинька, измучилась! Не брани меня. Марьюшка мнѣ говорила.... знаешь ты отъ кого-то.... что съ тоски я лить зачала....

И закрыла руками поблѣднѣвшее лицо....

— Фленушка! вскрикнулъ Самоквасовъ. — Неужель это правда?

— А ты молчи пока... Громко не говори!... Потерли маленько, прервала его Фленушка, открывая лицо.— Тамъ никто не услышитъ, тамъ никто ничего не увидитъ. Тамъ дѣсь ты наговоримся, тамъ въ послѣдній разокъ я на тебя налюбуюсь!.. Тамъ... я.... Ой, была не была!... Изстрадаюсь совсѣмъ!... Хоть на часокъ, хоть на одну минуточку счастья и радости!.. Было бы чѣмъ потѣмъ жизнь помянуть!.. Такъ страстно и нѣжно шептала она, спѣша съ Самоквасовымъ къ верхотинѣ Каменнаго Вражка.

Давно ужъ сѣло солнышко. Вечерній подосенній сумракъ небо крылъ, землю темнилъ. Блѣтѣи и бѣлтѣи становились болота отъ вздымавшася надъ ними тумана, широкими рѣками, безбрежными озѣрами казались они. Смокли осеннія птички, развѣ изрѣдка вдали дергачъ прокричитъ, сова ребенкомъ заплачетъ, филинъ ухнетъ въ борѣ.

Пришли. Быстрымъ, лорывистымъ движеньемъ сдернула Фленушка драповый плащъ, что несла на рукѣ. Раскинула его по травѣ, сѣла сама и страстно горѣвшимъ взоромъ нѣжно на друга взглянувъ сказала ему:

— Садись рядкомъ, какъ прежде бывало... Посидимъ, голубчикъ, попрежнему... Въ оставышки съ тобой посидимъ.

— Фленушка! вскрикнулъ Петръ Стеланычъ, садясь возлѣ нея, и обнявъ дрожащей рукой ея станъ. Самъ себя онъ не помнилъ и только одно могъ говорить: — Ахъ ты Фленушка моя, Фленушка!...

Выскользнула она изъ его объятій и саягка притронувшись ладонью къ пылавшей щекѣ его, съ лукавой улыбкой пальцемъ ему погрозила.

Припала онъ къ высокой груди и грустно склонилась надъ нимъ головою Фленушка.

— Ахъ ты Петинька, моѣ Петинька! Ахъ ты бѣдненькій мой! тихо, въ лорывѣ безотраднago горя, безнадежнаго

отчаянья заговорила она, прижимая къ груди голову Петра Степаныча.—Кто-то тебя послѣ меня приласкаетъ, кто-то тебя приголубитъ, кто-то другомъ сердечнымъ тебя назоветъ?

Не частой дробный дождичекъ кропитъ ей лицо бѣлое, мочитъ она свое личико горячими слезами.... Тужить, плачетъ дѣвушка по милымъ дружкѣ, скорбитъ, что пришло время разставаться съ нимъ на вѣки.... Гдѣ былиа затѣи, гдѣ проказы, игры и смѣхи?.. Гдѣ веселыя шутки?.. Плачетъ навзрыдъ и рыдаетъ Фленушка, слова не можетъ промолвить въ слезахъ.

— Фленушка, Фленушка!.. Что съ тобой? кротко, нѣжно лаская ее говорилъ Самоквасовъ.

Минувалъ первый порывъ—перестала рыдать, только тихія слезы льются изъ глазъ.

— Давича я къ тебѣ приходилъ.. Съ глазъ долой прогнала.. Залерлась.... съ нѣжнымъ укоромъ сталъ говорить ей теперь Петръ Степанычъ.—Видѣть меня не хотѣла..

Опустила Фленушка низко голову и закрывъ лицо передникомъ, тихо, грустно промолвила:

— Стыдно мнѣ было.... Дѣло еще непривычное.... Не хотѣлось чтобы ты видѣлъ меня такой!.. Выпила вѣдь я передъ твоимъ-то приходомъ...

— За чѣмъ это? съ горькимъ участиемъ чуть слышно сказалъ Петръ Степанычъ.—Что тутъ хорошаго?..

Тихо, бережно взялъ онъ ее за руку. Опустивъ передникъ она взглянула на него робкимъ, печальнымъ взоромъ... Слезу замѣтила на рѣсницѣ друга.

И пошла у ней изъ очей слезы. Горлицей, чуть слышно воркуетъ она, прилавъ къ плечу Самоквасова.

— А я думала... а я думала.... бранить меня станешь!.. Корить, насмѣхаться!

— Насмѣхаться!.. Бранить! горько улыбнувшись, заговорилъ Петръ Степанычъ.—Какое слово ты молвила?.. Да могу ль я надъ тобой насмѣхаться?

Крѣпко прижалась къ нему безмолвная Фленушка.

— Не я, Петя, лью, заговорила она съ отчаяньемъ въ голосъ.—Горе мое льетъ!.. Тоска тоскучая нашла на меня со всего свѣта вольнаго.... Эхъ ты Петя мой, Петинька!.. Бѣды меня породили, горе горекое выкормило, злая кручинушка выростила... Ничего-то ты не знаешь, милъ сердечный другъ!

И надорваннымъ голосомъ тихо и грустно заплѣла:

Поетъ сердце мое, поетъ,
 Поетъ, закрываетъ—
 Злодѣйки кручинушки
 Вдвое прибываетъ.
 Ахъ, ты молодость, моя молодость,
 Чѣмъ тебя мнѣ будетъ поманути?
 Тоской да кручиной,
 Печалью великой.
 Дола ужъ такая мнѣ,
 На роду такъ писано,
 И печатью запечатано—
 Не знавать мнѣ счастья, радости,
 Съ милымъ другомъ въ разлученья быть?
 Ахъ туманы ль вы, туманушки,
 Вы часты дожди, осенніе,
 Ужъ не подно ль вамъ туманушки
 По синю морю гудать,
 Не пора ли вамъ, туманушки,
 Со синя моря долой?
 На мое ли на сердечушко,
 На мое ли ретивѣ
 Наагала грусть, кручинушка,
 Ровно каменная гора...
 Не пора ль тебѣ кручинушка
 Съ ретивѣ сердца долой?
 Ахъ не видывать, не знать мнѣ
 Радошныхъ, веселыхъ дней?...

Упалъ голосъ. Смолка Фленушка.

— Нѣтъ, не видывать!... Не видывать!... черезъ малое время, чуть слышно она промолвила, грустно наклонивъ голову и отирая слезы передникомъ.

И снова заплѣла. Громче и громче раздавалась по перелѣску ея печальная лѣсня...

Родила меня кручина,
 Горе выкормило,
 Бѣды выростила,
 И спозналаась я несчастна
 Съ тоской да съ печалью...
 Съ ними вѣкъ мнѣ вѣковать,
 Счастья въ жизни не видать!...

— Эхъ ты Петивька, мой Петивька!... Охъ ты сердечный мой! вскрикнула она, страстно бросаясь въ объятя Самоквасова.—Хоть бы выпить чего!

— Чтò ты Фленушка? Помилуй! сказалъ Петръ Степанычъ.—Нешто тебѣ не жаль себя?

— Чего мнѣ жалѣть-то себя?... съ какимъ-то злорадствомъ, глазами сверкнувъ, вскрикнула Фленушка.—Ради кого?... Нѣ для кого.... И меня-то жалѣть некому, oprичь развѣ матушки.... Кому я нужна?... Ради кого мнѣ беречь себя?... Лишняя, ненужная на свѣтъ уродилась!.... Что я, что сорная трава въ огородѣ—все едино!.... Полють ее, Петивька.... Понимаешь ли? полють... Съ корнемъ вошь.... Такъ и меня.... Вотъ чтò!... Чуешь ли все это, милый ты мой?... Понимаешь ли какова участь моя горькая?... Никому не нужна, никому и не жаль меня....

— Про меня-то видно забыла, съ нѣжнымъ укоромъ сказалъ Самоквасовъ.—Нешто я не жалѣю тебя?... Нешто я не люблю тебя всей душой?...

— Поди ты голубчикъ! съ горькой усмѣшкой молвила Фленушка.— Не знаешь ты, какъ надо любить... Тебѣ бы все мимоходомъ, только бѣ побаловать...

— Да сколько жь разъ я молилъ тебя, уговаривалъ женой моей быть?... Сколько разъ Богомъ себя заклиналъ, что стану любить тебя до гробовой доски, вѣкъ стану беречь тебя... дрожащимъ голосомъ говорилъ Петръ Степанычъ.

-- Говорить-то ты точно говаривалъ и я таковы рѣчи твои слыхивала, да вѣры что-то неймаеся имъ, съ усмѣшкой молвила Фленушка.—Тѣ рѣчи у тебя вѣдь облыжныя.... Не разъ я тебѣ говаривала что любовь твоя ровно вешній ледъ — не крѣпка, не надежна... Жиденекъ сердцемъ ты Петивька!... Любви такой дѣвки, какъ я — тебѣ не снести... По себѣ пощщи, потише да жосмирнѣе... Чтò съ Дуней-то Смолокуровой ладится что-ль у тебя?

— Чтò она!... Ровно не живая... Рыба какъ есть, съ недовольствомъ отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

— И рыбка, ларень, вкусенька живетъ, коль ее хорошенько сготовишь... съ усмѣшкой молвила Фленушка и вдругъ разразилась громкимъ, рѣзкимъ, какъ будто безумнымъ хохотомъ.—Мой бы совѣтъ—попробовать... Авось по вкусу придется... лукаво прищуривъ глаза она примолвила.

Прежняя Фленушка сидитъ съ нимъ: бойкая рѣчь, на-смѣшливый взоръ, хитрая улыбка, но бывалому трунить, издѣвается.

— Тиха ужъ больно, не сручна... сквозь зубы процѣдилъ въ отвѣтъ Петръ Степанычъ.

— А тебѣ бы все бойкихъ да ручныхъ, подхватила Фленушка.—Ишь какой сахаръ медовичь!.... Полово-ка дружокъ, перестань, примолвила она положивъ одну руку на плечо Самоквасову, а другою лаская темворусыя кудри его.— Тихая-то много лучше тебѣ, Петруша, меньше слетокъ будетъ про васъ... Вотъ мы съ тобой проказничали только, блѣвались, до грѣха не доходили, а поди-ка увѣрь кого.... А все отъ того что я бойковата... Нѣтъ, не покидай Дунюшки... Не сручна, говоришь — сумѣй ее сдѣлать ручной... Настолько-то у тебя умишка хватить, дурачокъ ты мой глупенькій, говорила она, а сама крѣлко прижималась разалѣвшейся щекой къ горячей щекѣ Самоквасова.

— Ну ее! И думать не хочу.... Ты одна моя радость.... Ты одна мнѣ всего на свѣтѣ дороже! со страстнымъ увлеченьемъ говорилъ Петръ Степанычъ, и крѣлко прижавъ къ груди Фленушку, осыпалъ ее поцѣлуями....

— А ты не клятись.... воли-то рукамъ пока не давай, вырываясь изъ объятій его со смѣхомъ молвила Фленушка.— Тихая рѣчь не въ примѣръ лучше слушается.

— Ахъ Фленушка, Фленушка!... Да бросишь ли ты наконецъ эти скиты, чтобъ имъ и на свѣтѣ не стоять?... сталъ говорить Петръ Степанычъ.—Собирайся скорѣй, уѣдемъ въ Казань, повѣнчаемся, заживемъ въ любви да въ совѣтѣ. Сталъ я богатъ телерь, у дяди изъ рукъ не гляжу..

Вспыхнула Фленушка, и раскрывъ лурлурныя губки, страстнымъ взоромъ его обладала.... Но вдругъ какъ злымъ стрѣльцомъ подстрѣленная лташка лоникла головкой и алмазная слеза блеснула въ ея черныхъ какъ смоль и длинныхъ рѣсницахъ.

— Молви же словечко, моя дорогая, рѣши мою судьбу венаглядная! молилъ Самоквасовъ.

Крѣлко прижавъ ладони къ лицу, ровно дитя чуть слышно она зарыдала.

— Матушка-то?... Матушка-то какъ же?

— Чтò жь?... Матушкѣ свое, а намъ свое... рѣзко отвѣ-

тилъ Петръ Степановичъ.—Сама говоришь, что не долго ей жить... Ну и конечно дѣло—она помереть, а наша жизнь еще впереди...

— Молчи! властно вскрикнула Фленушка, быстро и гнѣвно поднявъ голову.

Слезъ какъ не бывало. Исчезли на лицѣ и страстность и нѣжность. Холодная строгость смѣнила бурные порывы лавившей ее страсти. Быстро съ лужайки вскочивъ рѣзкимъ голосомъ она вскрикнула:

— Уйду!... и никогда тебѣ не видать меня... Сейчасъ же уйду если одно слово молвишь про матушку! Не смѣй вичего про нее говорить!... Люблю тебя, всей душой люблю, отъ всего сердца, жизнь готова отдать за тебя, а матушки трогать не смѣй. Не знаешь каково она дорогѣ мнѣ!...

— Ну, не стану, не стану, уговаривалъ ее Петръ Степановичъ, и снова привлекъ въ объятія.

Безмолвна, недвижима Фленушка. Млѣветъ въ истомѣ страсти.

— Что жалѣть себя?... Для кого блюсти?... Охъ эта страсть!.. чуть слышно шелчетъ она.

До свѣту почти оставались они въ перелѣскѣ. Пала роса, подымались едва проглядные туманы...

Возвращаясь домой всегда веселая, боевая Фленушка шла тихо, склонивъ голову на плечо Самоквасова. Дрожали ея губы, на опущенныхъ въ землю глазахъ искрилась слезы. Тяжело переводила она лорывистое дыханье.... А онъ высоко и гордо несъ голову.

— Какъ же теперь ты со мной не поѣдешь? говорилъ онъ властнымъ голосомъ.—Надо жь вѣщомъ покрыть?

— Охъ ужъ я и сама не знаю, Петенька!... покорно молвила Фленушка.—Уѣзжай ты, голубчикъ мой милый, уѣзжай отсюда два на три... Дружочекъ мой миленькій!... Богомъ прошу тебя...

— А когда черезъ три дня ворочусь—поѣдешь ли въ Казань на хозяйство? Выѣдешь замужъ за меня...

Подумавши немного она отвѣчала:

— Поѣду... Тѣмъ временемъ въ луть соберусь... Такъ уѣдешь?... Сегодня жь, сейчасъ же...

— Уѣду, сказалъ Петръ Степановичъ.

LV.

Не великая была охота Самоквасову выполнять причуды Фленушкины. Прихотью считалъ онъ внезапное ея требо- ванье чтобъ уѣхалъ онъ на три дня изъ Комарова. „Слѣш- нымъ дѣломъ, ступай не знай куда, не знай за чѣмъ!“ ду- малъ онъ возвращаясь въ свѣтелку Ермила Матвѣича.... „Что за блажь забрела ей въ голову? Чѣмъ я помѣшалъ ея сборамъ?... Чудная, какъ есть чудная!... А досталась же мнѣ!... Заживу теперь съ молодой женой—не стыдъ бу- деть въ люди ее показать, такую красавицу, такую раз- умницу!.... Три дня—не сколь много времени, за то послѣ- то, послѣ!... А ѣхать нѣтъ охоты.... Просидѣть развѣ въ свѣтелкѣ три дня и три ночи, никому на глаза не по- казываясь, а иконнику наказать строго настрого гово- рилъ бы всѣмъ что я на слѣхъ срядился и уѣхалъ куда- то?... Нельзя—отъ келейницъ ничто не укроется, пой- дуть толки да пересуды, дойдутъ и до Фленушки, тогда не подстулайся къ ней, на глаза не лустить, станетъ полпрежнему дѣло затягивать... Нѣтъ, ужь видно ѣхать, выполнить что велѣла — отговорокъ чтобъ послѣ у ней не было.“

Наскоро уложивъ въ чемоданъ свой скарбъ, разбудилъ онъ Ермила Матвѣича и упросилъ его тотчасъ же везти его до Язвицкой станціи. Увѣрялъ Сурмина что неожиданно, нежданно слѣшное дѣло ему выпало, что къ полднямъ не- премѣнно ему надо въ сосѣдній городъ яослѣтъ. Подивился такому слѣху иконникъ, но ни слова не молвилъ. Покачалъ сѣдой головой, медленно вышелъ изъ избы и велѣлъ сы- новьямъ лошадей закладывать. Не совсѣмъ еще обустрѣло, какъ Андрей, старшій сынъ Ермила Матвѣича, скакалъ ужь во весь опоръ съ Самоквасовымъ по торной, широкой ло- чтовой дорогѣ.

Въ Язвицахъ, только-что вѣхали они въ деревенскую околицу, встрѣтился Петру Степанычу старый знакомый—ухарскій, разудалый ямщикъ Федоръ Аванасьевъ. На водо- лой коней онъ велъ и какъ только завидѣлъ Самоквасова, ра- достно вскрикнулъ ему:

— А! Ваше степенство! По добру ль по здорову ль? Дамъ не видались!

— Здравствуй Ѳеодоръ Аванасъичъ! выѣзжая изъ тѣхъ отвѣчалъ на привѣтъ его Самоквасовъ. — Каково поживешь? Лошадокъ бы мнѣ.

— Можно, молвилъ ямщикъ. — Лошади у насъ все наготовѣ. Много ль требуется?

— Пару, сказалъ Петръ Степанычъ, отходя съ ямщикомъ въ сторону отъ телѣжки иконниковой.

— Чтò мало? подмигнувъ Самоквасову съ хитрой улыбкой молвилъ ямщикъ. — Я было думалъ троекъ пять или шесть вашему степенству потребуется, думалъ опять сдѣлаю дѣвку задумано красть.

— А ты летише... Зря-то не болтай... Нешто забылъ тебѣ воръ?.. понизивъ голосъ сказалъ Петръ Степанычъ, оглянувшись на Ермилова сына.

Но коренастый, дюжій Андрей откладывая усталыхъ лошадей ни на чтò не обращалъ вниманья.

— Зачѣмъ намъ, ваше степенство, твой уговоръ забывать! Много тогда довольны остались вашей милостью. Потому и держимъ крѣпко заказъ, бойко отвѣтилъ ямщикъ. — Ежели когда лишняя муха летаетъ, и тогда на счетъ того дѣла молчокъ... Это я тебѣ только молвилъ, другой ни-ни, ни гу-гу. Будь надеженъ, въ жизнь отъ насъ не улизнетъ никто.

— То-то, смотри, молвилъ ему Петръ Степанычъ, ставъ возлѣ колодца у водолейной колоды. — Непарокомъ проболтался—бѣда.

— Кажись бы теперича и бѣды-то опасаться нечего, сказалъ Ѳеодоръ Аванасъевъ. — Тогда мы съ тобой отъ Чаррина удирали, а теперъ онъ на себя все дѣло беретъ—я и самъ напередъ зналъ про ту самокрутку, а де самъ и коней-то имъ наймивалъ... Ну, онъ, такъ онъ... Пущай се бахвалится, убытку отъ того нѣтъ никакого.... А примыкать все-таки станемъ какъ ты велѣлъ.... Въ этомъ будь благонадеженъ....

— Ладно, хорошо, молвилъ Петръ Степанычъ.—Пой скорѣй лошадей да закладывай. Къ лоднямъ надо мнѣ въ городъ быть безотгѣбно.

— Къ Феклисту Митричу? съ усмѣшкой спросилъ Аванасъевъ.

— Къ нему, сказалъ Петръ Степанычъ, а самъ подумалъ: „въ самомъ дѣлѣ къ Феклисту зайти... Квартирку ему заказать... Пристанемъ на перелутьи какъ покатымъ въ Казань...“

— Опять хочешь келейную красть, усмѣхнулся Федоръ ямщикъ. — Чтò жь. Въ добрый часъ.... Расхорошее дѣло! Со всякимъ удовольствіемъ послужимъ на томъ.

— Придетъ время тогда ловѣцу, молвилъ Самоквасовъ.

— А много ль троекъ потребуется?... Сколь народу на отбой погови готовить? тряхнувъ кудрями спросилъ разудалый ямщикъ.

— Не такое дѣло. Больше тройки не надо будетъ, сказалъ Петръ Степанычъ.

— Значить красть сироту? Погови не чаешь... Дѣло!.. Можемъ и въ томъ постараться... Останетесь много довольны... Кони — угарь. Стрижена двѣка косы не поспѣетъ заллестъ какъ мы съ тобой на край свѣта уговимъ... Залладывать что ли, аль перекусить чего не въ угоду ль? Молочка похлѣбать съ ситненькимъ не въ охотку ли?... Ячичицу глазунью не велѣтъ ли бабамъ состряпать? Солнышко вонъ ужъ куда поднялось—мы-то давно ужъ позавтракали.

— Нѣтъ, нѣтъ, торопилъ его Петръ Степанычъ.—Скорѣй готовь лошадей—вѣду на слѣхъ, боюсь олоздать...

Десяти минутъ не прошло, какъ ухарскій Федоръ Аевасьевъ во весь опоръ мчалъ Самоквасова по хрящевой дорогѣ.

Подѣхавъ къ дому Феклистову, Петръ Степанычъ вошелъ къ нему въ бѣлую харчевню. Были будни, день не базарный, въ харчевнѣ нѣтъ никого, только въ задней горницѣ какіе-то двое приказныхъ шарами на билліардѣ постукиваютъ. Едва успѣлъ Петръ Степанычъ заказать сельяку изъ почекъ да лодовый пирогъ какъ влетѣлъ въ харчевню самъ хозяинъ и съ радостнымъ видомъ кинулся на встрѣчу къ богатому Казанцу.

— Какими судьбами? заговорилъ онъ, крѣлко сжимая руку Петра Степаныча.—Какимъ вѣтромъ олять привесло вашу милость въ нашъ городишко?... Да зачѣмъ же это вы въ харчевню... Прямо бы ко мнѣ въ горницы!.. Дорога-то чать извѣстна вашему степенству?... Люди мы съ вами маленько знакомые... Пожалуйте, сударь, къ верху, сдѣлайте такое ваше одолженіе... Никитинъ,—обратился онъ къ отставному солдату, бывшему въ харчевнѣ за повара,—отставь селянку съ пирогомъ, что ихъ милость тебѣ заказали... Уважимъ дорогого гостя чѣмъ-нибудь послаще... Пожалуйте, сударь Петръ Степанычъ, пожалуйте-съ...

— Да вѣдь я дня на три сюда, сказалъ Самоквасовъ.—Думалъ на постояломъ дворѣ пристать, а у васъ въ харчевнѣ только перекусить маленько.

— Пущу я васъ на постоялый!.. сказалъ Феклисть Митричъ.—Какъ бы не такъ. Тѣ самыя горницы, что тогда занимали, готовы, сударь, для васъ... Пожалуйте-съ... Просимъ покорно!

— Да право жь мнѣ совѣстно стѣснятъ васъ, Феклисть Митричъ, говорилъ Самоквасовъ.—Тогда было дѣло другое—не стать же новобрачной на постояломъ дворѣ ночевать; мое дѣло иное.

— Какъ вамъ угодно, а ужъ я васъ не пущу, настаивалъ Феклисть и почти силкомъ утащилъ Петра Степаныча въ свои локои...

Какъ водится сейчасъ самоваръ на столѣ. Передъ чаемъ цѣлительной настоечки по рюмочкѣ. Авдотья Федоровна, жена Феклистова, сидя за самоваромъ лустилась было въ разспросы каково поживаютъ молодые, и очень удивилась что Самоквасовъ съ самой свадьбы ихъ въ глаза не видалъ, даже ничего про нихъ не слыхивалъ.

— Какъ же это такъ? изумилась Авдотья Федоровна.—Какъ же вы у своихъ „моложанъ“ до сей поры не бывали? И за горнымъ столомъ не сидѣли, и на княжѣмъ пиру ни лива, ни вина не отвѣдали. * Хоть свадьбу-то и ух-

* На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Москвы *моложанамъ*, а на югъ *молодежанамъ* называютъ новобрачныхъ цѣлый годъ. Въ Поволжѣ, особенно за Волгою „моложанамъ“ считаются только до первой послѣ брака пасхальной субботы. *Горной столъ* и *княжѣмъ пиру* - обѣды у новобрачныхъ или у ихъ родителей, на другой и третій день послѣ вѣнчанья.

домъ сыграли, да Чалуринъ локочилъ ее какъ надо быть слѣдуетъ „честью“. * Гостей къ нему тогда лона-ѣхало и не вѣдомо что, а залравскихъ-то дружекъ, ни васъ, ни Семена Петровича, и не было. Куда жь это вы отлучились отъ ихней радости?

— По разнымъ мѣстамъ разѣвжалъ, сказалъ Петръ Степанычъ.—Въ Москвѣ проживалъ, въ Петербургѣ, у Макарья побывалъ на арманкѣ. Къ тому жь недосуги разные у меня случались, дѣла накопилось... А вы однако не сказали ль кому что свадьбу-то Прасковьи Паталовны мы съ Сеней состряпали?

— Полноте!.. Какъ это возможно! вступился Феклисть.— Ни вашего приказанья, ни вашихъ милостей не забыли... А впрочемъ оласаться телерь Чалурина нечего—славить что самъ состряпалъ... Потѣха и только!..

— Съ чего жь это онъ? спросилъ Самоквасовъ.

— Потому что горданъ. ** Ужь больно высокѣ держитъ себя, никого себѣ въ версту не ставитъ. Отъ того и не хочется ему чтобы сказали: родную дескату дочь прозѣвалъ. Отъ того и принялъ на себя... съ насмѣшливой улыбкой сказалъ Феклисть Митричъ.—А съ зятемъ-то слышь у нихъ въ самомъ дѣлѣ напередъ было слажено и на счетъ приданого и на счетъ инаго прочаго. Мы ужь и сами не мало дивились, какихъ ради причинъ вздумалось вамъ уходомъ вѣнчать ихъ.

— Такъ надо было, отвѣчалъ Самоквасовъ.—А вы все-таки никому не сказывайте что это дѣло мы съ Семеномъ обработали... Хоть до зимы помолчите..

— Слушаемъ, сударь, слушаемъ. Лишняго слова отъ насъ и послѣ зимы не проскочить, молвилъ Феклисть.—Да не лора ль гостю и за столъ?... Федоровна! Готово ль все у тебя?

— Милости просимъ гость дорогой, мало жданый да много желанный! Пожалуйте нашей хлѣба-соли откушать, низко кланяясь, сказала Феклистова хозяйка.

Сѣли за столъ. Никитину строго - настрого приказано было состряпать такой обѣдъ, какой только у исправника въ его именины готовить онъ. И Никитинъ въ

* То-есть со всѣми обрадами.

** Горданъ, гордіанъ—то же что гордецъ.

грязь лицомъ себя не ударилъ. Воздаль Петръ Степанычъ честь стряпнѣ его. Куриный взварецъ, * подовые пироги, солонина подъ хрѣномъ и смѣтаной, печеная рѣпа со сливочнымъ масломъ, жареные рябчики и какой-то вкусный сладкій пирогъ Самоквасову съ голодухи очень понравились. И много тѣмъ довольны остались Феклисть съ хозяйской и Никитинъ, получившій отъ гостя рублевку.

— Ежелибы телерича рыба у насъ была свѣжая, стерлядки бы къ примѣру сказать, да ежелибъ у насъ по всему городу въ погребахъ ледъ не растаялъ, могъ бы я, сударь, и стерлядь въ разварѣ самымъ отличнымъ манеромъ готовить, могъ бы свертѣть и мороженое. Такой бы объедецъ состряпалъ какимъ только господина губернатора угощаютъ, когда его превосходительство на ревизію къ намъ въ городъ изволитъ навѣзжать... А при телерешныхъ нашихъ заласахъ поневолѣ, ваше степенство, рѣпу да солонину подашь. Въ этомъ разѣ ужъ не взыщите... Такъ говорилъ очастливленный рублевкой Никитинъ.

— Ладно, ладно. Спасибо и за то что приготовилъ, сказалъ Феклисть Митричъ. — Спасибо, стулай себѣ съ Богомъ!..

Но Никитинъ, маленько хлѣбнувшій ради лучшаго успѣха въ стряпнѣ, не съ разу послушался хозяина, не пошелъ по первому слову изъ комнаты.

— Когда еще, ваше степенство, находился я въ службѣ его императорскаго величества, не слушая хозяина, говорилъ онъ Петру Степанычу, — въ Малороссійскомъ гренадерскомъ генералъ-фельдмаршала графа Румянцева Задунайскаго полку, въ дѣвѣцкихъ у ротнаго командира находился. Бывало какъ только прѣдетъ начальство на инспекторскій смотръ: бригадный ли, дивизіонный или самъ корпусный, меня тотчасъ къ полковому на кухню прикомандируютъ. Потому что я изъ ученыхъ — до солдатства дворовымъ человѣкомъ у господина Калягина былъ и въ клубѣ поварскому дѣлу обучался, отъ того и умѣю самымъ отличнымъ манеромъ какія вамъ угодно кушанья готовить, особенно силенъ я насчетъ лаштетовъ. Маіонезы олять, провансали по моей части. Генералы кушали и съ похвалою относились... А здѣсь только надъ селянкой да надъ подовыми и сидишь... Распогавый на этотъ счетъ городшка! И вѣсть-то путемъ не умѣють.

* Супъ изъ курицы.

— А ты ступай къ своему мѣсту, крикнулъ наконецъ Феклисть Митричъ на захмѣлѣвшаго повара.—Гостю пора отдохнуть, а ты лѣзешь съ разговорами. Ступай же, ступай!

И едва могъ выжить изъ комнаты не въ мѣру разговарившагося Никитана.

Здорово соснулъ Петръ Степанычъ послѣ бессонной ночи, тряской дороги и плотнаго обѣда. Подъ вечеръ отъ нечего дѣлать по городу пошелъ бродить. Захолустный городокъ былъ невеликъ—съ одного конца на другой поля видны Мѣстоложеніе неважное—съ трехъ сторонъ болота, съ четвертой косогоръ. Широкія прямыя улицы и обширныя необстроенныя площади поросли сочной травой. Кромѣ немногихъ обитаемыхъ чиновниками домовъ всѣ ставлены на подклѣткахъ, дома обширныя, высокіе, изъ толстаго сосняка да ельника. Сторона лѣсная, есть изъ чего хорошо и прочно построиться. Всѣ ворота затворены, иныя даже заперты, а на притолокѣ почти у каждаго прибитъ на бѣлой бумажкѣ мѣдный крестъ, и кромѣ того записочка съ полуустановною надписью: *„Христосъ съ нами уставися, той же вчера и днесъ и во вѣки вѣкомъ. Аминь.“* Значить хозяева старой вѣрѣ послѣдуютъ... Тамъ и сямъ середь улицы вырыты колодцы, надъ ними стоятъ деревянныя шатры на толстыхъ столбахъ. Тихо чуть не безлюдно повсюду—нѣтъ почти звуковъ во всемъ сонномъ городкѣ. Развѣ кое-гдѣ прогудитъ струна шерстобита, да кой-гдѣ зашурчитъ станокъ ложкаря. Изъ иныхъ домовъ глухо доносится тихое, гнусливое лѣніе женскихъ голосовъ—всенощную тамъ старовѣры справляютъ. Строго, сурово повсюду—ни вольной какъ птица небесная лѣсни, ни веселаго задумевнаго говора, ни бойкихъ, слорливыхъ разговоровъ. Куры, что колаются на улицахъ въ лескѣ, свиньи что усердно разрываютъ на соборной площади луговину, и тѣ дѣлаютъ свое дѣло тихо и смирно. Пустыня не пустыня, а похоже на то.

Почти весь городъ обошелъ Петръ Степанычъ, а повстрѣчалъ пять либо шесть человѣкъ. И каждый встрѣчный съ удивленьемъ останавливался, съ любопытствомъ глядѣлъ на незнаемаго человѣка и потомъ еще долго смотрѣлъ ему во слѣдъ, узнать бы куда и къ кому держитъ онъ путь. Тоска напала на Самоквасова и сильно онъ обрадовался,

когда на вспольѣ, у казенныхъ, давнымъ-давно пустыхъ, соляныхъ анбаровъ, охраняемыхъ однако приличною стражей изъ инвалидной команды, увидалъ онъ Фекалиста Митрича. Тотчасъ къ нему подошелъ.

— Гуляете? съ радушной улыбкой спросилъ у него Фекалистъ.

— Да, вышелъ было немощко пройтись. Искодилъ весь городъ, а живой души не встрѣтилъ, отвѣчалъ ему Самоковъ....

— Будни, со сладкой потяготой зѣвая и набожно крестя разинутый ротъ, лѣживо промолвилъ Фекалистъ Митричъ.— Кому теперь по улицамъ шлаться?... Всякъ при двѣхъ—кто работаетъ, кто отдыхаетъ.... Хоша и до меня доведись—нешто сталъ бы я теперь по улицамъ шманяться, ежелибъ не нужное дѣло... Не праздникъ сѣдни слоны-то продавать.*

— Развѣ у васъ не гуляютъ послѣ работы? спросилъ Петръ Стеланычъ.

— Гуляютъ по воскресеньямъ да по праздникамъ, отвѣчалъ Фекалистъ Дмитричъ.—Еще по четвергамъ гуляютъ, потому что четвергъ день базарный, а въ будніе дни лѣчто народу гулять? День-отъ деньской надъ работой умаются, зашабашатъ—тотчасъ ко щамъ, а послѣ щей на боковую.... Городъ нашъ благочестивый, не бездѣльный какой, всѣ при двѣхъ. Маленькій мальчишка и тотъ съ утра до ночи ложки ковыряетъ. Всталъ, умылся, одѣлся, Богу помолился, хлѣбца перекусилъ, да и за тесличку**. Вонъ, тѣ такъ никоимъ лутнымъ дѣломъ не займутся, примолвилъ Фекалистъ, указывая на большой двухъярусный домъ со множествомъ пристроекъ, со всѣхъ сторонъ его облѣпившихъ, и съ закрытыми на половину окнами... Вонъ эти чернохвостыя не орутъ, не сѣютъ, а слаще да больше нашего ѣдятъ. Отъ вечого дѣлать и пошли бы онѣ быть-можетъ прогуляться, до ходу имъ на улицу нѣтъ, oprичъ того, что развѣ по самому нужному дѣлу. Нельзя черницамъ по улицамъ слоняться—не водится такъ...

* *Слоняться, слоны продавать*, а также *шманяться, шмонить, шмонничать*—шататься безъ дѣла, бродить отъ бездѣлья, отбывать отъ дѣла.

** *Тесличка* (тесло) желѣзное орудіе, употребляемое для выдѣлки деревянныхъ ложекъ.

— А чей это домъ? полюбилъ-то Петръ Степанычъ.

— Келейницы живутъ, отвѣтилъ Феклисть. — Мать Се-
рафима Оленевская. Послѣ дяди достался ей домъ-отъ,
она его лѣтошный годъ и обрядила по-скитскому. Ишь сколь
бокевушъ да свѣтелокъ прилапала... Старицы къ ней набра-
лись и бѣлицы; всего челствѣкъ съ лятнадцатъ телерь тутъ
живеть. Какъ есть заправска обитель... Телерь у насъ въ
городу много такихъ развелось и больше того разведется, по-
тому что выгонка скоро, слышь, будетъ, матерей-то пораз-
гоняетъ. Загодя стали селиться здѣсь... Вишь какіе хоромы
Манеѣа Комаровская городить. Тетенька вашей-то моло-
жаны будетъ, сестра родная Чалуруну. Такъ говорилъ
Феклисть досадииво, указывая на недостроенные и еще не
покрытые кровлями дома возлѣ соляныхъ амбаровъ на са-
момъ вспольѣ.

— Три дома! молвилъ Самоквасовъ, поглядѣвъ на Мане-
ѣины постройки:

— Четыре, перебилъ Феклисть. — Четвертой-этъ позади. Съ
руки тутъ имъ будетъ—потаеннаго ль кого привезти, дру-
гое ль дѣльцо спроворить по ихнему секту, * чего лучше
какъ на вспольѣ. И оврагъ рядомъ и лѣсъ недалеко — все
какъ нарочно про нихъ уготовано... Нашему брату, церков-
нику, смотрѣть на нихъ такъ съ души воротить... За чѣмъ
живуть... Къ чему?... Только небо колтять... А пожаръ-ка въ
судукахъ—деньжищъ-то что? Гибель!...

— Зачѣмъ же мать Манеѣа такъ широко строится? спро-
силъ Самоквасовъ. — Незаконныхъ вещей она не творить....

— Широко значить жить захотѣлось, съ усмѣшкой отвѣ-
тилъ Феклисть Митричь. — Навезетъ съ собой цѣлый таборъ
келейницъ. Все заведетъ какъ надо скиту быть. Вонъ и
скотный дворъ ставить и конный.... Часовни особой толь-
ко нельзя, такъ внутри келій моленну заведетъ... Что ей
Манеѣ-то?.. Денегъ не займовать.... И у самой непочата
куча и у брата достаточно.

— Съ братомъ-то, слышь, повздорила, сказалъ Петръ Сте-
панычъ.

— Что жъ изъ того что повздорила? Не важность! мол-
вилъ Феклисть. — Ихви лобранки подогу не живуть. А точно

* Въ православномъ простонародѣ вмѣсто *секта* иногда гово-
рятъ *сектъ*.

что была у нихъ драга грамота. А все изъ-за вашей самокрутки. Какъ принялъ все на себя Чалурунъ, Манею и пошла ругаться. „За чѣмъ, говоритъ, ославилъ ты мою обитель? За чѣмъ, говоритъ, не отъ себя изъ дому, а отъ меня изъ скита дѣвку кралъ?...“ А онъ хохочетъ да лучше сестрицу-то подзадориваетъ.... Шальной вѣдь онъ!..

— А что у васъ въ городѣ про ту свадьбу говорятъ? немного помолчавъ спросилъ Самоквасовъ.

— Чего говорить-то? Ничего не говорятъ, молвилъ Феклисть.—Съ первоначалу правда толковъ было достаточно, а теперь и поминать перестали.

— А много было толковъ?

— Довольно, отвѣтилъ Феклисть.—Наши-то, церковники то-есть, да и старовѣры, которы за матерей не больно гораздо стоятъ, помирають бывало со смѣху, а ихней статья люди, особливо келейныя, тѣ на стѣны лѣзутъ, бранятся.... Не ѡкалось нешто вамъ, какъ они тогда поминки вамъ загибали?

— Развѣ узнали про меня? съ живостью спросилъ Петръ Степанычъ.

— По имени не называли, потому что не знали, а безымянно вдоволь честили, и того вамъ сулили что ежелибъ на самую малость стало по ихнимъ рѣчамъ—сидѣть бы вамъ теперь на самомъ днѣ тѣмы кромѣшной... Всѣмъ тогда отъ нихъ доставалось, и я не ушелъ, зачѣмъ видишь я у себя въ дому молодежь пріютилъ. А я имъ, шмотницамъ, на то денги плачены были за то, а отъ васъ я сроду пятака не видывалъ... Дѣло торговое.“ Унялись, перестали ругаться.

— А не доходило ль до васъ про мать Манею? спросилъ Петръ Степанычъ.—Не было ль у ней на насъ подозрѣнья?

— Какое жь могло у ней подозрѣнье быть? отвѣчалъ Феклисть Митричъ.—За день до Успенья въ городу она здѣсь была, на стройку желалось самой поглядѣть. Тогда на счетъ этого дѣла съ матерью Серафимой у ней рѣчи велись. Мать Манею такъ говорила: „на бѣду о ту пору благодѣтели-то наши Петръ Степанычъ съ Семеномъ Петровичемъ изъ скита выѣхали — при ихней бытности не стало бы такой бѣды, не дали бы они, благодѣтели, такому дѣлу случиться.“

— Это хорошо, молвилъ Самоквасовъ, входя въ домъ Феклиста. А тамъ Федоровна, сидя за самоваромъ давно ужъ ждала и мужа, и гостя.

LVI.

На другой день приходилось воскресенье. Поутру зычно раздался звонъ большого соборнаго колокола. Вторя ему глухо задрезжалъ надтреснутый напольный * и рѣзко забрядалъ маленькій серебристый колоколь единовѣрческой церкви. День выдался красный, въ небѣ ни облачка, вѣтеръ не шелохнетъ, пряди лаутины недвижно висятъ въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ, клонящееся къ осени солнышко привѣтно пригрѣваетъ высылавшія на улицы толпы горожанъ. Чинно, степенно, одѣтые въ темносиніе кафтаны и сибирки съ борами назади, ходомъ не слѣшнымъ идутъ старики и люди пожилые. Съ удалью во взорахъ, съ отвагой въ движеньяхъ особыми кучками выступаютъ люди молодые, всѣ до единаго въ ситцевыхъ рубахахъ съ накинутыми поверхъ суконными чулками. Старухи всѣ въ синемъ, съ темными матерчатыми ** затканными золотомъ головными платками; молодицы въ ситцевыхъ и шелковыхъ сарафанахъ съ яркими головками, *** а заневѣстившіяся дѣвицы въ московскихъ сарафанахъ съ бѣлоснѣжными рукавами и съ цвѣтными платочками на головахъ. Всѣ идутъ, всѣ слѣшатъ, а ребятишки и дѣвчонки давнымъ-давно ужь сплываютъ по улицамъ. Всѣ глядятъ весело, празднично. Не много народа въ соборъ прошло, меньше того въ напольную, чуть-чуть побольше въ единовѣрческую, за то густыми толпами ловалилъ народъ въ дома кейвницъ. Всюду тихо—молятся всѣ, каждый по-своему.

Чинно, степенно, безъ шума, безъ говора послѣ молитвы по домамъ разошлись. Олуствѣли улицы, и старъ и малъ за столами сидятъ, тралезуютъ чѣмъ кому Богъ послалъ. Пообѣдавши старые люди на slopesкой пошли, кто помоложе—на улицу. Тутъ чуть-чуть оживился, тутъ едва развернулся мертвенный въ обычное время городокъ. Въ лучшихъ нарядахъ

* Напольная церковь—кладбищенская.

** Матерчатый—изъ шелковой ткани.

*** *Головка*—головная повязка замужнихъ горожанокъ изъ шелковаго платка или косынки преимущественно яркаго цвѣта. Встрѣчаются головки и по деревнямъ въ зажиточныхъ семействахъ. Въ послѣднее время онѣ стали выходить изъ употребленья, замѣняясь шелковыми платками въ распускъ.

дѣвушки и молодицы разсѣлись подѣ окнами. Рядышкомъ по три да по четыре сидятъ безмолвныя красавицы ровно въ землю врытыя. Ни хоровода, ни лѣсенъ, ни бойкихъ веселыхъ рѣчей. Оборону Господи молодицу, а лучше того дѣвицу на выданьи — громкое слово сказать. Засмѣютъ вольницу, ославятъ что смѣла нарушить давній обычай. И станутъ за то ее женихи обзгать, а мужнюю жену сожителю зачнетъ поколачивать... Особыми кучками также подѣ оконья къ кому-нибудь старики полосже собираются, и до поздняго вечера толкуютъ про дѣла. Тутъ и громкій говоръ и слоры, иной разъ и до ссоры доидеть, но и бранятся чинно, степенно. Холостымъ много вольнѣе — съ увѣсистыми лалками въ рукахъ заводятъ они середь улицы любимую игру въ городки. Разставивъ рядами деревянныя чурки, мечутъ въ нихъ издали лалками; кто больше спибу, тотъ и выигралъ. Тутъ смѣхъ, даже громкіе крики, но чинность, степенность блюдетъ и средь молодежи.

Такъ веселятся въ городкѣ, окруженномъ скитами. Тотъ же духъ въ немъ царить, что и въ обителяхъ, тѣ же нравы, тѣ же преданья, тѣ же обиходныя, житейскіе порядки... Но вѣдь и по сосѣдству съ тѣмъ городкомъ есть вражки, уютныя полянки и темныя перелѣски. И тамъ лѣтней порой чуть не каждый день бываютъ грибовныя гулянки, да ходьба по ягоды, и тамъ до лѣтуховъ слушаетъ молодежь какъ въ кустикахъ ракитовыхъ соловушки расплывають, и тамъ... Словомъ, и тамъ что въ скитахъ многое втайнѣ творится...

Всѣ улицы съ переулками и со всѣми заулками исходилъ Петръ Степанчъ. Людно вездѣ, но столь строго и чинно, что ему, завзjemu чловѣку, безжизненнымъ, мертвымъ все показалось. Скучно стало ему — кругомъ незнакомые люди, не съ кѣмъ рѣчь повести, не съ кѣмъ въ разговоръ вступить. Пробоваль, и не одинъ разъ, но ему отвѣчали сухо, будто нечота, поглядывая недобрими глазами. Тоска напала на в Степаныча середь чужихъ людей. Томимый скукой одиночества влать до ночи бродилъ онъ по городу, на вочлегѣ другая бѣда — словоохотвый Фекаистъ подсѣлъ съ докучными розказнями, висколько для госта не люболытвыми. Радъ бы не слушать, да хозяину рта не зашьешь. Отмалчиваться сталъ, и то не помогаетъ, розказни Фекалиста о городскихъ пользажъ и выгодахъ были не-

емы. На головную боль сталъ жаловаться Самокв-
дывая что хотъ больному-то дадутъ покой. Не тутъ-то
— Феклисть, а лучше его дородная, и сильно къ вечеру
сляньемъ настоечки разговорившаяся Федорова, ле-
я другъ друга, стали ему предлагать разные снадобья,
нно завѣряя что отъ нихъ всякую болѣзнь съ него какъ
сниметь. Чтобъ избавиться отъ надеввшей болтовни

Стелавычъ хотѣлъ было спать идти, но радушныи
на не пустили его. „Какъ можно, съ изумльемъ они
или, какъ возможно безъ ужина гостю держать оло-
.“ Насилу отдѣлался Самоквасовъ отъ докучаго хлѣбо-
ва.... Радостно, свободно вздохнулъ онъ, залершись
неденной ему комнатѣ.

ко, душно. Воздухъ сперся, а освѣжить его невозмож-
ередъ тѣмъ какъ прѣхать Петру Стелавычу завер-
было дожди съ холодами, и домовитый Феклисть за-
илъ окна по-зимнему... Невыносимо стало Самокв-
дѣла нѣтъ, совъ неидеть.... Пуще прежняго и грусть
ка... Хотъ плакать такъ въ леру...

Фленушка неидеть съ ума. Только и мыслей, только
тъ что объ ней, да объ ней. Жалко ее... Кляветъ и
тъ себя Самоквасовъ что прежде законной поры до
свои исканья довелъ... Но тутъ же и править се-
„Какъ стерпѣть, какъ воздержаться?...“ и тѣмъ ста-
я услокоить совѣсть свою... А межъ тѣмъ жалостью
плется сердце, любовь растеть и объемлетъ все су-
ю его... „Что-то телерь она, моя ластовка, что-то те-
лая лебедь бѣлая? Къ отъѣзду ль тихонько собирается,
анеюой ли на послѣдышкахъ бесѣдуетъ?... Охъ, скорѣй
корте проходили эти дни! Обнять бы скорѣй ее, увезти
жучнаго скита на новую жизнь, на счастье, на ра-
, на любовь безконечную!.. Цѣлый день еще остается!..
тѣмъ она такъ упорно домогалась чтобъ уѣхалъ я на
емя, какъ станеть сряжаться она?... Чѣмъ помѣшалъ
ей?... Прихоть, причуда!... Такой ужъ нравъ — ни съ
ни съ сего забереть что-нибудь себѣ въ голову. Тутъ
да положь — тѣшь дѣвичій обычай!..“

сходитъ съ ума Фленушка, не сходитъ она и со взо-

правдываетъ.

ровъ духовныхъ очей у Петра Степаныча. Наяву стала чудится, ровно живая...

Раскидался въ сонномъ бреду Петръ Степанычъ на високо взбитой луховой перины. Призраки стали являться ему.... И все Фленушка, одна только Фленушка. Но не такая какою прежде обычно бывала. Не затѣйница веселыхъ проказъ, не бойкая, насмѣшливая причудница. Иная Фленушка теперь видится, какою подъ конецъ послѣдняго свиданья была: тихая, безмолвная, въ робкомъ смятеніи дѣвичьей стыдливости, во всей красѣ своей, во всей прелести. Закинулась назадъ миловидная головка, слезой наслажденныя подернулись томныя очи, горятъ лавиты, трепещутъ уста пурпуровыя.... Распахнулась бѣлоснѣжная сорочка, и откинулась наотлетъ будто рѣзцомъ художника изъ мрамора изсѣченная стройная рука... Не звонкій хохотъ, не рѣзкая рѣчь слышатся въ мертвой тиши темной ночи Петру Степанычу, слышится ему робко слетающій съ трепетныхъ устъ страстный лепетъ, чудится дрожащій шепотъ, мечтается лорывистые, замирающіе вздохи...

LVII

На другой день Петръ Степанычъ придумать не могъ куда бы дѣваться, что бы дѣлать съ собой. Послѣ безсонной ночи въ душевной горнищѣ, послѣ думъ безпокойныхъ, послѣ страстныхъ горячихъ мечтаній едва могъ онъ съ постели подняться. Увидавъ его блѣднаго, истомленнаго—Феклисть Митричъ не на шутку перелугался. Не третій картофель, не качанъ калусты къ головѣ сталъ теперь ему предлагать, но спрашивалъ не сбѣгать ли за лѣкаремъ. Петръ Степанычъ нѣотрѣзъ отказался. Пуще всего тому дивился Феклисть, что выпивъ двѣ чашки чаю Петръ Степанычъ не согласился позавтракать. Ни жареные въ сметанѣ бѣлые грибы, ни колченая семга, ни сочный уральскій балыкъ, ни сдѣланный самой Федоровной на славу жирный варенецъ, ни стряпня того повара, что лакомилъ когда-то командировъ, не соблазнили его. Много Феклисть за гостемъ ухаживалъ, много его подчивалъ, но не привалъ рѣчей его Петръ Степанычъ... А много Феклисть хаюлоталъ потому что думалъ ежели побольше да олаще поѣсть въ занскій наслѣдникъ, щедрѣе заллатить ему за постой. Отказъ отъ завтрака за убытокъ себѣ онъ почелъ.

Вышелъ Самоквасовъ на улицу. День ясный. Яркими но не знойными лучами обливало землю осеннее солнце, въ небѣ ни облачка, въ воздухѣ тишь. Замеръ городокъ по-будничному — пусто, беззвучно... Въ поле пошелъ Петръ Степанычъ.

Безъ цѣли, безъ намѣренья выйдя за городскую околицу зашелъ онъ на кладбище. Долго бродилъ межъ поросшихъ густою травой надмогильныхъ насыпей, межъ старыхъ и новыхъ крестовъ и голубцовъ. Повидявѣ да побогаче памятниковъ было немного — ставлены были такіе только вкругъ церкви надъ почетными горожанами, больше надъ чиновниками. Изъ дворянъ во всемъ захолустьномъ уѣздѣ никого не живетъ, а кулечество сплошь старинки держится и хоронится въ особомъ участкѣ отдѣльно отъ церковниковъ—отъ того и нѣтъ возлѣ церкви очень богатыхъ памятниковъ. Походилъ Смолокуровъ по кладбищу, бессознательно перечиталъ всѣ надгробія. Было немало смѣшныхъ и забавныхъ. Вотъ на чугунномъ столбикѣ безъ знаковъ прелипанія начертано: „Господи! въ селеніяхъ Твоихъ подаждь ему успокоеніе отъ супруги его Ольги Ивановны.“ Вотъ на каменной плитѣ изсѣчено произведение доморощеннаго стихотворца и въ немъ завѣщаніе въ Возѣ усопшей боярыни Анны супругу ея, оставшемуся въ земной плачевной юдоли,

Помяни ты мое слово—на другой ты не женись.

Вотъ на кирпичномъ, ржавой жестью обитомъ мавзолеѣ возвѣщается „прохожему“, что тутъ погребень „вѣрный, усердный рабъ церкви—удѣльный крестьянинъ такой-то, въ двухъ жалованныхъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества кафтанахъ, одинъ кафтанъ съ позументами, а другой съ золотымъ шитьемъ и таковыми жъ кистями.“ Безсознательно читаетъ Петръ Степанычъ кладбищенскія сказанья, читаетъ, а самъ ничего не понимаетъ. Далѣко его думы—тамъ на Каменномъ Вражкѣ, въ уютныхъ горенкахъ милой, ненаглядной Фленушки.

Тихо повсюду, лишь кузнечики неуставно трещать въ надмогильной травѣ и въ слѣдой яри на не сжатыхъ еще поляхъ. Изрѣдка въ поднебесьи рѣзко пролищитъ ястребъ, направляя бойкій полетъ къ чьему-нибудь огороду полакомиться отставшимъ отъ насѣдки цыпленкомъ. Въ нѣмой

тиши одинъ съ завѣтной душой бродитъ Петръ Степанычъ по Божьей нивѣ.... Весь міръ имъ забытъ, Фленушка только на мысляхъ. „Завтра, завтра только-что стемнѣетъ мы съ ней поѣдемъ. Въ людномъ, большомъ городѣ, въ шумной жизни забудетъ она Манею и скитъ.... Къ новой жизни скоро привыкнетъ.... Разражу ее на зависть всѣмъ и удивленье.... Игры, смѣхи, потѣхи любитъ она, — въ жизнь веселую ее приведу...“

Съ поля вѣтеръ пахнулъ, далекіе голоса слышались:
*Воистину суета всяческая! Житіе бо се — сонъ и снѣгъ, и все млется вслѣдъ земнородный....**

Ровно ножомъ полоснуло по сердцу Петра Степаныча... „Что это?... Надгробная плѣсня?... Плѣсня слезъ и печали!... тревожно замутилось у него на мысляхъ. Не веселую, счастливую жизнь онъ налѣваютъ, горе, печаль, и могила!.... Ей ли умирать?... Жизни веселой, богатой ей надо. И я дамъ ей довольство, дамъ богатство, почетъ!“...

— *Аще и весь міръ приобращежъ и тогда въ гробъ вселимъ, иди же купно цари же и убози....* доносится плѣніе келейницъ....

— О будь вы прокляты!... вскрикнулъ Петръ Степанычъ....

И смущенный въ тревожномъ смятеніи медленнымъ шагомъ пошелъ онъ на тѣ голоса... Нѣхота идти, но будто тайной, непонятной силой тянетъ его туда... „Суета!... Сонъ и снѣгъ!... Во гробъ вселимъ!...“ раздается въ ухахъ его. Страхъ остигилъ разсудокъ и всѣ помысленья его... Не въ начальныхъ же ликахъ, не удалыхъ, веселыхъ плѣсень ждать ему на могилахъ, но это и въ голову ему не приходитъ... Идетъ на голоса и вотъ видитъ — на дальнемъ старовѣрскомъ участкѣ, надъ свѣжей, дерномъ еще не покрытой могилой скитскія черницы стоятъ... На могилѣ чайная чашка съ медомъ, кадея съ дымящимся ладаномъ. Справляютъ канонъ... „По комъ бы это?“ подумалъ Петръ Степанычъ, и слышитъ:

— *Рабъ Божіей престоавльшейся сестры нашей иноки Филагрии спѣчная память!...*

„Что за Филагрія?“ думаетъ Самоквасовъ....

* Сдѣланъ 6 гласъ въ „Службѣ усопшимъ“. Текстъ по Филаретовскому *Потребнику* 1623 года. Листъ 660.

Ковчили матери „службу объ усолшей“. А Петръ Степанычъ все на томъ же мѣстѣ въ раздумѣ стоитъ... „Сонъ и сѣнь!... Сонъ и сѣнь!... Всеу мятется всякъ земнородный!.. Чтѣ это за Филагрія?“.. Никакой Филагріи до той поры онъ не зналъ. Даже имени такого не слыхивалъ, а теперь съ ума не сходитъ оно. Черныя думы въ конецъ обуяли его...

LVIII.

Едва могъ дождаться вечера Петръ Степанычъ. Чтобы въ точности выполнить Фленушкино желанье, надо бы ему было прѣхать въ Комаровъ по-утрѣ. Но не въ силахъ былъ онъ медлить такъ долго. Только-что смеркалось, поскакалъ онъ изъ города къ Каменному Вражку, помчалъ стороной отъ большой дороги, по узкому, едва проѣздному проселку. Скачетъ то по горѣлому, то по срубленному лѣсу, ни мостовъ тамъ черезъ рѣчки, ни гатей по болотамъ, за то много короче. Доставалось бокамъ Самоквасова ото лней, корневищъ, водорослей, но не чувствуетъ онъ ни толчковъ, ни ударовъ, торолить ямщика то и дѣло. Заря еще не занималась какъ подскакалъ онъ къ дому Ермилы Матвѣича.

Спрашиваетъ:

— Чтѣ въ скиту? Нѣтъ ли какихъ новостей? Всѣ ли живы, здоровы?

— Всѣ слава Богу живы, здоровы, отвѣчаетъ Ермило Матвѣевъ.—А новостей никакихъ не предвидится. Съ ярманки кое-кто воротились: мать Таифа Манеиныхъ, мать Таисѣя Бояркиныхъ. Больше того нѣтъ никакихъ новостей.

— Слава Богу, молвилъ Петръ Степанычъ, и вздохнулъ глубоко и легко.

Подивился на гостя Сурминъ, но не молвилъ ни слова.

Одинъ остался въ свѣтелкѣ Петръ Степанычъ... Прилегъ на кровать, но какъ и въ прошлую ночь сонъ не беретъ его... Разгорѣлась голова, руки, ноги дрожать, въ ушахъ трезвонъ, въ глазахъ появились красныя крѣги и зеленые... Душно.... Распахнулъ онъ миткалёвыя занавѣски, оконце открылъ. Потянулъ въ свѣтлицу ночной холодный воздухъ, но не освѣжилъ Самоквасова. Сѣлъ у окна Петръ Степанычъ и глазъ не слуская сталъ глядѣть въ непроядную темь... Замираетъ, занываетъ, ровно пойманный голубъ трепещетъ

сердце его. „Не добро вѣщуешь“, думаетъ Петръ Степанычъ.

Забрежилось. На восточномъ вскраѣ неба разсвѣтъ забѣлѣлся, стали выдѣляться изъ тьмы очерки скитекихъ строеній. Тихо и глухо вездѣ... По обителямъ не видать огоньковъ, только въ Манеиной стаѣ тускло мерцаютъ лампады передъ божницами... Глядитъ Петръ Степанычъ, неуставно глядитъ на окна Фленушкиныхъ горницъ и сладкія мечты олятъ расплаляютъ его воображенье... Ту ночью вспоминаетъ, забыть не можетъ ея... „А моя-то красotka разметалась теперь въ постелькѣ своей, мечтаетъ она... Волной поднимается грудь, жарко дыханье ея... Отъ сонной истомы раскрыты адыя губки и въ сладкой дремотѣ шепчуть онѣ любовныя рѣчи, имя мое поминуютъ...“

Свѣтъ показался въ окнѣ... „Неужель встаетъ?... Что такъ рано поднялась моя ясынька?... Видно сряжается... Всего еще четыре часа... О милая моя, сердце мое!.. День одинъ пролетитъ и насъ никто не разлучитъ съ тобой... Скоро ль, скоро ль пройдетъ этотъ день?..“

Погасъ свѣтъ во Фленушкиныхъ горницахъ, лампада только передъ иконами теплится.... Въ било ударили.... Рѣдкіе, рѣзкіе звуки его въ ширь и въ даль разносятся въ разсвѣтной тиши; по другимъ обителямъ еще тихо и сонно. „Праздникъ должно-быть какой-нибудь у Манеиныхъ, думаетъ Петръ Степанычъ. Спозаранку поднялись къ заутрени... Она не пойдетъ—не великая богомольница.... Не пойти ль къ ней теперь? Пусть тамъ поютъ да читаютъ,—мы свою лѣсню споемъ...“

Схватилъ картузь, любѣжалъ, но тотчасъ одумался. „Увидятъ, какъ разъ на кого навернешься... Ночь еще не минула... Огласка пойдетъ—лучше остаться.“

Поютъ у Манеи заутреню. По другимъ обителямъ тоже стали раздаваться удары въ било. Рѣзче и рѣзче носятъ они въ сыромъ, влажномъ воздухѣ.... А у Манеи въ часовнѣ поютъ да поютъ.

Совсѣмъ разсвѣло, но ровно свинцовыя тучи висятъ надъ землей. Въ воздухѣ бѣлая мгла, кругомъ надъ сырими мѣстами туманы.... Пашетъ сѣверъ холодомъ, завернулъ студеныи утренникъ, любѣлѣли тесовыя крыши. Ровно прикованный къ раскрытому оконцу стоитъ въ раздумьи Самоквасовъ.

Кончилась служба. Съ высекаго крутаго крыльца часовенной палерты старицы съ бѣлицами попарно идутъ. Различаетъ ихъ, узнаётъ чиныхъ Петръ Степанычъ—вотъ мать Таифа, прѣехала значить отъ Макарья, вотъ уставщица Аркадія, мать Лариса, мать Никанора, самой Манеены не видно. Передъ старицами лѣвчія бѣлицы, впереди ихъ склонивъ голову медленнымъ шагомъ выступаетъ Марья головщица. Заунывное лѣвіе ихъ раздается:

— *Послушай Христа что вопіетъ, о дѣво!*

„Что поютъ, зачѣмъ поютъ?“ думаетъ слушая необычное лѣвіе Петръ Степанычъ. Пристально смотритъ онъ на шествіе келейницъ, ввимаая никогда дотолѣ неслышанной лѣси:

— *Иди, отерзѣйся земныхъ, да не привлечетъ тебя страсть...*

Къ Манеениной кельѣ идутъ. „Что жъ это такое? Что онѣ дѣлаютъ?“ въ недоумѣнныи разсуждаетъ Петръ Степанычъ и съ напряженнымъ вниманьемъ ловитъ каждое слово, каждый звукъ долетающаго лѣвія.... Всѣ прошли, всѣ до одной скрылись въ Манеениной кельѣ.

Ермилу Матвѣичъ, увидавъ изъ огорода что гость его стоитъ у окошка, тотчасъ пошелъ навѣстить его.

— Раненько, сударь, поднялись—ни свѣтъ ни заря!... Какое послѣ дороги следи-почивали? Отдохнули ль? спрашивалъ онъ, входя въ свѣтелку.

Не отвѣтилъ Самоквасовъ. Самъ съ вопросомъ къ нему:

— Что это у Манеениныхъ? Послѣ заутрени всей обители къ игуменьѣ въ келью пошли? Съ лѣвіемъ. Что за праздникъ такой?

— Постригъ, молвилъ Ермилу Матвѣичъ.—Постригъ сегодня у нихъ... Не знавали ль вы, сударь, мать Софію что прежде въ ключахъ у Манеены ходила? Тогда, Великимъ Постомъ какъ болѣла матушка, въ чѣмъ-то она провинилась. Великій образъ теперь принимаетъ... Дѣвки мои на дняхъ у Виринеи въ келарнѣ на посадкахъ сидѣли. Онѣ сказывали что мать Софія къ постриженью въ большой образъ готовится. Вечоръ изъ Городца чернаго лола * привезли.

* *Черный полъ*—священнопонокъ, іеромонахъ. По правиламъ онъ только имѣетъ право постригать въ монашество, но „нужды ради“, за недостаткомъ черныхъ половъ, у раскольниковъ нерѣдко и безъ нихъ дѣло обходится.

— Такъ это постригъ? въ раздуми проговорилъ Петръ Степанычъ.

— Постригъ, молвилъ Сурминъ.—Мои дѣвцы и обѣ свои давно ужъ туда любѣжали.... Самоварчикъ не поставить ли, чайку не собрать ли? Совсѣмъ ужъ объутрѣло. Молваю хотъ старухѣ—молодыя-то всѣ убѣжали на постригъ глядѣть....

— Можно посмотрѣть? спросилъ Петръ Степанычъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Сурминъ.—Мущинамъ теперь возвращенъ ходъ въ часовню. Раздѣваютъ вѣдь тамъ пострижену чуть не до нага, въ рубахѣ одной оставляютъ.... Игуменя ноги ей моетъ, обуваетъ ее... Нельзя тутъ мущинамъ быть, нельзя видѣть ему тѣло черницы.

Ни слова на то не сказалъ Самоквасовъ.

— Какъ же на счетъ самоварчика-то? снова спрашивалъ у него Ермило Матвѣичъ?—Чайку бы теперь хорошо было вылить.... И я бы не прочь.

— Пожалуй, бессознательно отвѣтилъ Петръ Степанычъ.

Скоро старушка, жена Ермила Матвѣича, самоваръ и чайный приборъ принесла. Чай пили только вдвоемъ Самоквасовъ съ хозяиномъ.

— Про Софію много тогда нехорошаго шушукали, сидя за чаемъ говорилъ Ермило Матвѣичъ.—Правда ли, нѣтъ ли, а намолвка въ ту пору была, что деньги она припрятала, не чая что Манееса съ одра болѣзни встанетъ... Марья Гавриловна тогда распорядилась, отобрала все у Софіи. А какъ подвѣялъ Господь матушку ей все и рассказали. Она отъ ключей Софію и отставила. Вотъ теперь постригомъ въ великій образъ хочеть оправиться.... А лучше всего—желается ей съ Манеесой въ городу поселиться, келью бы свою тамъ имѣть, отъ того больше и принимаетъ постригъ.... Вовъ въ часовню идуть, прибавилъ Сурминъ.

Двинулось по обительскому двору новое шествіе. Впереди попарно идуть матери и бѣлицы обѣихъ лѣвчихъ стай, Марьюшка всѣхъ впереди. За лѣвицами матери въ соборныхъ мантияхъ и черныи полъ, низенькій, старенькій, съдой, во всемъ иночествѣ и въ эпитрахили. Сзади его величавымъ шагомъ выступаетъ Манееса. Она тоже въ соборной мантии, игуменскій посохъ въ рукѣ. Поднята голова, на небо смотреть она. За ней двѣ старицы лодъ руки ведутъ съ ногъ до головы укрытую Софію. Идетъ она съ

покинутой головой, чуть не на каждомъ шагу остулаясь... По сторонамъ много чужихъ женщинъ. Мужчинъ ни одного, кромѣ пола. Пристально смотритъ на всѣхъ Петръ Степанычъ, ищетъ глазами Фленушку — но не видитъ ея. „Не любить она лѣстриговъ, думаетъ онъ, осталась одна на slopes въ своихъ горенкахъ... Какое дѣло ей до Софіи? Вечеръ придетъ—вольной птицей со мной полетитъ....“

Прошли въ часовню, затворили двери на лалерть, заперли ихъ.

— Теперь начинается, молвилъ Ермилъ Матвѣичъ, долгая шестую чашку чая.

Тихо, ничего не слышно. Но скоро раздалось въ часовенной лалерти лѣвіе:

„Последуемъ, сестры, благому Владыцѣ, увидимъ мірскія похоти, бѣжимъ лестъца и мѣродержателя, будемъ чисти и совершени....“

— Это онъ теперь раздѣваютъ Софію, сказалъ Сурминъ.

И сотворивъ крестное знаменье, примолвилъ:

— Подай Господи рабѣ твоей страстей умереніе, подай ей Святый достойно пріяти ангельскій чинъ.

Опять послышалось лѣвіе:

„Умъй ми нозъ, честная мати, обуи мя сапогомъ умоудрѣя, да не пришеде врагъ обряцетъ пятъ моя наги и заннетъ стопы моя....“

— Это значить Манееса теперь умываетъ ей ноги.... А вотъ теперь, объяснялъ Сурминъ,—калиги * на ноги ей надѣваетъ.

Ни слова Петръ Степанычъ. Свои у него думы, свои желанья. Безмолвно глядитъ на окна своей ненаглядной, каждый вздохъ ея всланивая, каждое движенье въ ту незабвенную ночь.

„Объятія отча отверсти ми потцися“, поютъ тамъ. Громче всѣхъ раздается голосъ Марьюшки. Слезы звучать въ немъ.

„Пускай поютъ, пускай ихъ постригаютъ!.. Нѣтъ намъ дѣла до нихъ!.. А какъ она, голубка моя, локорна была и нѣжна!.. Какъ вдругъ задрожала, какъ прижалась ко мнѣ!..“

„Блудитъ мое изживше житіе....“ доносится изъ часовни.

* Калиги—пшоческая обувь.

А онъ все мечтая на окна глядитъ, со страстнымъ замораваемъ сердца помышляя: вотъ, вотъ колыхнется въ окнѣ занавѣска, вотъ появится милый образъ, вотъ увидитъ онъ цвѣтущую красой невѣсту.... „А какъ хороша была она тогда! продолжаетъ мечтать Петръ Степанычъ.—Горячія лобзанья! Пылъ страстной любви!.. И потомъ... такая тихая, безотвѣтная, безмолвная.... Краса-то какая въ разгорѣвшихся ланитахъ....“

„Гдѣ есть мірская красота? Гдѣ есть временныя мечтаніе? Не же ли видима земля и пепелъ? Что убо тружася всуе? Что же не отвержася міра?“ поютъ въ часовнѣ.

— Антифоны зазвѣли, молвилъ Сурмицъ. — Настоящій постригъ теперь только начинается. Сейчас приладеть Софія передъ святыми, сейчасъ подадутъ ей ножницы добровольнаго ради стриженія власъ.

Что ему до стриженья волосъ? Что ему до Софіи? Одна Фленушка на мысляхъ. Все иное чуждо.

— Вотъ теперь ее черныи полъ вопрошаетъ: „имаша ли хравитися въ дѣвствѣ и цѣломудріи? Сохраниши ли даже до смерти послушаніе?“ говорить Сурмицъ.

Не слушаетъ его Петръ Степанычъ, не сводитъ глазъ со Фленушкиныхъ оконъ....

Раслагнулась занавѣска.... „Проснулась, встаетъ моя дорогая.... думаетъ Петръ Степанычъ.—Спроважу Ермила, лойду... Пусть тамъ постригаютъ!...“

— Долго еще пройдетъ постриженье? спросилъ онъ....

— Не скоро еще до конца, отвѣтилъ Ермилу Матвѣичъ.— А послѣ пострига въ келарню новую мать поведутъ.

Хотѣлъ-было идти Петръ Степанычъ, но взглянувъ увидѣлъ, что у окна не Фленушка стоитъ... Кто такая, не можетъ распознать, только никакъ не она.... Эта приземиста, толста, несуразна, не то что высокая, стройная, гибкая Фленушка. „Нельзя теперь идти, подумалъ Самоквасовъ, — маленько обожду покамѣстъ одна не останется въ горницахъ...“

И сталъ продолжать бесѣду съ Сурмицынымъ. Мало самъ говорилъ, больше съ думами носился; за то словоохотенъ и говоривъ былъ Ермилу Матвѣичъ. О постригахъ все разказалъ до самыхъ послѣднихъ мелочей.

Кончилась служба. Чинно, стройно, съ горящими свѣчами въ рукахъ старицы и бѣлицы въ келарню попарно идутъ. Сзади всѣхъ передъ самой Манею новой мать. Высока и

стройна, видно молодая. „Это не Софья“, подумалъ Петръ Степанычъ. Пытается разсмотрѣть, но креповая наметка плотно закрываетъ лицо. Мать Виринея съ прислѣзницами на келарномъ крыльцѣ встрѣчаетъ новую сестру, а бѣлицы поютъ громогласно:

„Господи, Господи призри съ небеси и оуди, и посети винограда своего.“ *

На частые удары била стекаются въ келарню работныя матери и бѣлицы, тѣ что будучи на послушаніяхъ не удосужились быть на постригѣ... Вотъ и та приземистая бѣлица что сейчасъ была во Фленушкиныхъ горницахъ, а самой Фленушки все нѣтъ, какъ нѣтъ... „Дома значитъ осталась. Телерь самое лучшее время идти къ ней...“ думаетъ Петръ Степанычъ.

Пошелъ, но только-что вступилъ въ обительскую ограду, глядитъ — расходятся всѣ изъ келарни. Вотъ и Мамея, съ нею рядомъ идетъ Марья головница, еще двѣ бѣлицы, казначей Тауфа, сзади всѣхъ новая мать.

„Онѣ теперъ всѣ у Мамеи будутъ сидѣть, а я къ ней, къ невѣстѣ!...“ подумалъ Петръ Степанычъ, и бойко пошелъ къ боковому крыльцу игуменьиной стаи, что ставлено возлѣ самыхъ Фленушкиныхъ горницъ.

Быстрымъ движеніемъ двери настѣжъ онъ распахнулъ. Передъ нимъ Тауфа.

— Нельзя, благодѣтель, нельзя! шелчетъ она, махая тревожно руками и не луская въ келью Самоквасова.— Да вамъ кого?... Матушку Мамею?

— Къ Фленѣ Васильевнѣ, модвилъ онъ.

— Нѣтъ здѣсь никакой Флены Васильевны, отвѣтила Тауфа.

— Какъ? спросилъ какъ свѣгъ поблѣвшій Петръ Степанычъ.

— Здѣсь мать Филагрія пребываетъ, сказала Тауфа.

— Филагрія, Филагрія! шелчетъ Петръ Степанычъ.

* Всѣ эти пѣсни, употребляемыя старообрядцами при постриженіи инокинь, дословно взяты изъ Филаретовскаго *Потребника* 1631. Теперъ чимъ постриженія въ монастыество значительно сокращены и большая часть духовныхъ пѣсень отмѣнена, но старообрядцы сохранили все что дѣлалось и пѣлось при первыхъ московскихъ патріархахъ.

Замутилось въ очахъ и тяжело опустился онъ на стоявшую вдоль стѣны лавку.

Вдругъ распахнулась дверь изъ боковуши. Недвижно стоитъ величавая, строгая мать Филагрія въ черномъ вѣщѣ и въ мантии. Креповая наметка назадъ закинута...

Ринулся къ ней Петръ Степанычъ...

— Флеушка! вскрикнулъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Какъ стрѣла выпрыгнулась становъ мать Филагрія. Сдвинулись соболиныя брови, искрометнымъ огнемъ сверкнули гнѣвные очи. Какъ есть мать Манееса.

Медленно протянула она впередъ руку и твердо, властно сказала:

— Отыди отъ мене, Сатано!...

—

А на ярманкѣ гусли гудятъ, у Макарья наигрываютъ, развеселое тамо житье, ни тоски нѣту, ни горюшка, и не знаютъ тамъ кручинушки!

Туда, въ этотъ омутъ ринулся съ отчаянья Петръ Степанычъ.

И тамъ не утѣшился. Дня черезъ два въ Казань на пароходѣ сплылъ.

Только-что отвалили, видить Петръ Степанычъ развесело парня, маленько подгулявшаго на разставаньи съ ярманкой. Въ красной кумачовой рубахѣ, въ черныхъ лапсовыхъ штанахъ и въ полярковой шляпѣ на бекрень стоитъ онъ середь палубы. Выступивъ впередъ правой ногой и задорно всѣхъ озирая, захватски онъ наяриваетъ на гармоникѣ, то присвистывая, то взвизгивая, то подлѣвая:

Ужь и быть ли, не быть ли бѣдѣ?

Ужь рости ль въ огородѣ лебедѣ?...

„Быть бѣдѣ!... Быть!...“ вслало на умъ Петра Степаныча... И не можетъ онъ отогнать этой мрачной, назойливой думы... „Быть бѣдѣ!...“

(Продолженіе слѣдуетъ)!

АНДРЕЙ ПЕЧЕРОКІЙ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ПОѢЗДКА ПО ЛОМБАРДИИ И АВСТРИИ *

VI. Земмерингъ.

На другой день утромъ Захеръ-Мазохъ и его малютка-дочь потащили меня гулять. Радужные козьева составили противъ меня заговоръ, имѣвшій цѣлью, тронувъ мою слабую струнку, удержать меня отъ отъѣзда перспективой охоты въ горахъ на оленя. Могъ ли я поддаться этому соблазну, когда меня давнымъ-давно уже ждали въ Вѣнѣ и когда я самъ слѣшилъ туда, боясь опоздать къ карнавалу? Вѣдь вѣнскій карнавалъ теперь то же самое чѣмъ былъ въ старину венеціанскій.

Но „не станемъ упреждать происшествій“, какъ говорилось въ романахъ двадцатыхъ годовъ. Въ настоящую минуту мы находимся въ Брюккѣ, стоимъ предъ древнимъ замкомъ герцоговъ Штирійскихъ, и Захеръ-Мазохъ, въ качествѣ бывшего профессора исторіи, рассказываетъ мнѣ жизнь и дѣянія герцога Эрнста Желѣзнаго, прозваннаго такъ потому что онъ безъ малѣйшаго усилія ломалъ пальцами желѣзную

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 8й и 9й.

посуду. Женился онъ на такой же силачкѣ какъ самъ, на какой-то польской княжнѣ, ежедневно ходившей на медвѣдя.

Герцогскій замокъ, со многочисленными столбами и колонками разноцвѣтнаго мрамора, представляетъ странную и оригинальную смѣсь готической архитектуры съ италіанскою. Въ орнаментахъ его замѣчательно безпрестанное сочетаніе собачьей морды съ татарскою головою, смыслъ котораго никому теперь непонятенъ.

Рядомъ съ замкомъ находится церковь, считающаяся очень старинною. Входная дверь ея — образецъ сасарнаго искусства: Австрія пошлетъ ее на выставку.

Леобенъ, знаменитый мирнымъ договоромъ 18го апрѣля 1797 года, лежитъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Брюка. Это самое богатое городское хозяйство въ мірѣ: изъ городскихъ суммъ, получаемыхъ съ принадлежащихъ городу громаднѣхъ поземельныхъ владѣній и другихъ недвижимостей, не только улачиваются въ казну лодати обывателей, но еще производится этимъ послѣднимъ ежегодная рента. Въ небольшомъ павильонѣ хранится перо которымъ Наполеонъ подписалъ мирный трактатъ... Разумѣется, съ этимъ перомъ повторяется та же исторія что съ Вольтеровою палкой: его продаютъ каждому охочему до рѣдкостей Англичаняну, и оно все-таки цѣлешенько.

Мы посѣтили еще развалины древней Брюкоюю цитадели, гдѣ валяются шесть французскихъ лужець, помѣченныхъ 1792 годомъ; потомъ я простился со знаменитымъ писателемъ у котораго гостилъ, и отправился въ Вѣну.

Окрестная долина строгая и трудолюбивая долина; повсюду вертятся въ ней мельничныя колеса, повсюду гремитъ звонкій кузнечный молотъ. Впрочемъ, мѣстная промышленность въ рукахъ не коренныхъ мѣстныхъ жителей: эти мельницы, эти кузницы, эти заводы принадлежатъ Чехамъ, Французамъ, Нѣмцамъ. Штирїецъ вовсе не предприимчивъ; у него первобытныя наклонности ластушескихъ народовъ, онъ довольствуется мадымъ, лишь бы могъ свободно разгуливать по своимъ милымъ ущельямъ, бросать горному эху куллеты своихъ бойкихъ лѣсень, да ласти свое звенящее логремущками стадо, которое онъ гонитъ предъ собою съ гордостью монарха ведущаго армію... И есть чѣмъ гордиться! Коровы здѣсь не простыя коровы, но ведущія свое происхожденіе отъ высокаго и

славнаго колѣна: ихъ сходство съ индуставскимъ племенемъ до того разительно что, по завѣренію ученыхъ, порода ихъ восходитъ до временъ индо-германскихъ и до эпохи великаго переселенія народовъ.... Цвѣта эти коровы, обладающія генеалогическимъ деревомъ, сѣро-пепельнаго, морда у нихъ черная, а рога совсѣмъ не такіе какіе украшаютъ головы ихъ сестрицъ-мѣщаночекъ Европейскаго материка.

Въ Мурзцуплагѣ начинается подъемъ на Земмерингъ. Земмерингъ, гора вышиной въ двѣсти съ чѣмъ-то сажень, отдѣляющая Штирію отъ собственно-Австріи.

Въ былыя времена у подножія Земмеринга росъ дремучій лѣсъ гдѣ всѣ разбойники имперіи находили вѣрное убѣжище; лѣтомъ они кочевали на чистомъ воздухѣ, зимой укрывались въ пещеры. Въ царствованіе Оттокара V разбойники эти, видя что ихъ набралось значительное количество, соединились въ одну шайку подъ начальствомъ атамана и принялись обирать проезжихъ, грабить окрестныя села, нападать даже на замки. Ужасъ распространился по всей той мѣстности; крестьяне прозвали атамана, по цвѣту плаща который онъ носилъ, Краснымъ Дьяволомъ. Одни говорили что Красный Дьяволъ былъ выгнанный изъ университета студентъ, другіе утверждали что это прокутившійся графскій сынъ. Такъ ли, иначе ли, то былъ человекъ необыкновенный и всеконечно знавшій какой-нибудь заговоръ, потому что сколько разъ его ни окружали, онъ всегда ускользалъ отъ опасности цѣлъ и невредимъ.

Въ ту пору неподалеку отъ Леобена стояла большая ливоварня, принадлежавшая Георгу Штейнбеку. Георгъ былъ хозяинъ какихъ теперь нѣтъ: добрый, пріятливый, шутивый. Такъ какъ душу онъ имѣлъ сострадательную, то бродячіе музыканты и всякій бѣдный странствующій людъ безпрестанно заворачивали въ его заведеніе, тѣмъ болѣе что кромѣ радушнаго пріема, тамъ всегда можно было и поживиться отъ тороватыхъ посѣтителей, собиравшихся въ Георговъ садъ на хорошую музыку и доброе пиво.

Не мало привлекала гостей и миловидность красавицы Берты, дочери Штейнбека. Ей исполнилось восемнадцать лѣтъ, и была она румяна какъ роза, весела какъ жаворокъ. Съ самой смерти матери она сама управляла всѣмъ домомъ, и управлялась отлично.

Не мало присматывалось къ ней богатыхъ сынковъ изъ

Леобена, но Берта всеѣмъ отказывала: не за нихъ говорило въ ней дѣвичье сердце.

Берта любила того добраго молодца съ которымъ росла. Андреемъ его звали, былъ онъ сердца отличнаго и работалъ за четверыхъ. Только уѣхалъ онъ разъ въ Нижнюю Венгрію, гдѣ у него заболѣла тетка.

Дѣло было въ маѣ. Разъ послѣ полудня, когда ливоваренный садъ уже наполнился лосѣтителями, вошелъ туда загорѣлый молодой человекъ лѣтъ двадцати-шести или восьми, съ черными глазами, длинными кудрами, съ арфой за спиной. Одѣтъ онъ былъ щегольски: въ бархатное полукафтанье, подпоясанное по стройной талии красными кожанымъ поясомъ. Вошелъ онъ, учтиво поклонился, ударилъ по струнамъ, заигралъ, потомъ и запѣлъ. Голосъ у него былъ сильный, сладкій, прямо бралъ за душу, и лосѣтители стояли вокругъ него одобрительно. Когда онъ сталъ обходить съ шалкой, въ нее мѣдяки такъ и посыпались, а когда возвратился на свое мѣсто, Берта уже поджидала его съ кружкой лѣвистаго лива. Онъ взялъ кружку, покраснѣлъ, и пока ливъ не отрывалъ глазъ отъ красавицы.

— Благодарствуйте, молвилъ онъ возвращая порожній сосудъ, и Берта почувствовала что принимая его у нея дрожали руки.

Онъ еще слѣлъ про любовное приключеніе; предъ сумерками ушелъ. Гости взяли съ него обѣщаніе завернуть и завтра.

Проходя мимо Берты, онъ низко поклонился и, положивъ руку на сердце, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „До свиданья!“

Берта потупилась, а когда очутилась потомъ въ своей горенкѣ, ей все чудилось что лѣвецъ предъ нею и что поясъ у него не красный, а кровавый.

На другой день онъ пришелъ какъ обѣщалъ, а лѣвъ еще слаще вчерашняго. Берта забилась въ уголокъ и передникомъ отирала слезы...

Его попросили и впередъ заходить. Въ эту ночь Берта не спалась. Рано-ранешенько, когда всѣ еще въ домѣ почивали, сошла она въ садъ,—а тамъ, въ двухъ шагахъ отъ нея стоять, прислонившись къ дереву, скрестивъ руки на груди, молодой лѣвецъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросила она лугливо.

— Васъ жду.

— Меня?...

— Да, Берта: я васъ люблю. Молва о вашей красотѣ дошла до меня, я хотѣлъ самъ повидать правду ли толкуютъ люди, и пришелъ посмотрѣть на васъ, а вы еще краше чѣмъ увѣряютъ. Въ глазахъ моихъ вы прочли, изъ лѣсенъ моихъ вы слышали, какъ я полюбилъ васъ. Вы зажгли во мнѣ огонь, котораго ничто не потушить. Знайте, я не бѣднякъ-побродяга какимъ кажусь съ виду, я богатъ и властенъ, живу въ замкѣ какихъ и у принцевъ вѣтъ!.. Хотите идти за мной? Хотите быть моею женой?

Берта задыхалась. Онъ вѣжно взялъ ее за руку. Берта послѣшью отдернула руку, говоря:

— Оставьте меня... Я не могу... Я обручена...

И убѣжавъ въ свою горенку она стала молиться такъ усердно что про все позабыла: отцу пришлось приходиться звать ее къ хозяйству.

Послѣ полудня въ Штейнбековомъ саду опять собралось много народу, но лѣвенецъ не приходилъ.

Берта весь день ходила сама не своя. Къ вечеру, когда послѣдители разошлись, она вздохнула, присѣла на лавочку подлѣрши голову рукой и призадумалась. Вдругъ подходитъ къ ней калѣка перехожій, зоветъ по имени.

— Чтò тебѣ? спрашиваетъ Берта.

— Съ дурными вѣстями, отвѣчаетъ тотъ,—охъ, съ дурными да съ печальными!

— Чтò такое? говори, не мучь!

— Сейчасъ скажу, только чуръ красавица не плакать...

Ничего! отлежится, поправится...

— Кто отлежится? кто поправится? тревожно допрашиваетъ Берта.

— Да онъ же самый, шелчетъ старикъ.

— Кто онъ?

— Андрей!

— Слава тебѣ Господи, воскликнула Берта,—услышавъ мои молитвы! Гдѣ же Андрей? зачѣмъ онъ самъ не пришелъ?

— Говорятъ вамъ, раненъ, толкуетъ калѣка перехожій.

— Какъ, раненъ? кѣмъ раненъ? Съ кѣмъ онъ дрался?

— Съ Краснымъ Дьяволомъ: наткнулся на него, ну пришлось защищать свою шкуру.

— Да гдѣ же онъ! закричала Берта.—Пожалуйста говори поскорѣе!

— Да неподалеку лежитъ, въ лагунѣ что на опушкѣ лѣса. Хотьбы будетъ минутъ двадцать.

— Такъ побѣжимъ къ нему, а завтра утромъ перенесемъ въ домъ.

Калѣвка заковыляла какъ только могъ послѣшнѣе; Берта за нимъ, но какъ только они вошли въ лѣсъ, вдругъ ее кто-то схватилъ сзади.

— Чего вамъ нужно? стала отбиваться дѣвушка.

— Тебя нужно, Берта! раздался отвѣтъ.—Вѣдь говоришь что беру тебя въ жены.

Берта узнала голосъ и задрожала.

— Оставьте меня, ради Христа, взмолилась она,—мой женихъ умираетъ.

— Женихъ? Ты думаешь что онъ раненъ? Успокойся! Это я выдумалъ сказку чтобы заманить тебя сюда. Не хотѣла волей, пойдешь за меня неволей; я добычи изъ рукъ не выпускаю: я Красный Дьяволъ!

Берта вскрикнула и покатилась, лишившись чувствъ.

На другой день угольщики разказывали, что видѣли при лунѣ какъ два всадника мчались во весь опоръ и одинъ изъ нихъ держалъ на рукахъ женщину съ распущенными по вѣтру длинными волосами; но сколько ни искалъ Штейнбекъ и сколько ни сулилъ денегъ за вѣсточку о дочери, слуховъ о ней не приходило никакихъ. Бѣдняга перемѣнился, осунулся, похудѣлъ на цѣлые тридцать фунтовъ; и ливо у него испортилось.

Между тѣмъ благополучно вернулся изъ Венгріи Андрей. Тетка умерла оставивъ ему небольшое наслѣдство, такъ что онъ сталъ совсѣмъ человѣкомъ. Старикъ Штейнбекъ принялъ его какъ роднаго. „Живи со мною, говорилъ онъ, вмѣстѣ будемъ плакать о Бертѣ.“

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, лѣто кончилось, начинались сѣрые осенніе дни.

Разъ вечеромъ Штейнбекъ и Андрей печально разговаривали сидя у огня, какъ вдругъ на дворѣ загремѣли колеса, распахнулась дверь и кто-то бросился въ ихъ объятія... „Берта!“

Она самая, такая же хорошенькая, свѣжая и веселая, какъ всегда. Она разказала что Красный Дьяволъ обра-

щался съ нею хорошо и что ей удалось бѣжать, подловивъ сторожей, какъ разъ наканунѣ того дня какъ разбойники собирались притащить откуда-нибудь священника, чтобъ онъ перевѣчалъ ее съ атаманомъ.

Черезъ два мѣсяца, зимой уже, учинили въ лѣсу облаву, и Андрей, ставшій мужемъ Берты, своеручно уложилъ Краснаго Дьявола.

По мѣрѣ подъема на Земмерингъ, явивъ уже лишенный дубравы, обрисовывается величественная картина. Тамъ и сямъ, какъ бы цѣпляясь за края проласти, торчатъ нѣсколько домшекъ. Нѣсколько хижинъ дерзко карабкаются къ самой верхушкѣ. Кругомъ васъ толлою тѣснятъ горы. Они такъ безпорядочно сжались, какъ будто опроретью сбѣжались сюда со всѣхъ концовъ свѣта и въ попыткахъ навалились одна на другую. Однѣ изъ нихъ громады, окутаны снѣжною мантией, челомъ вознеслись въ заоблачную страну мечтаній; другія презрительно смотрятъ на васъ изъ-подъ простой серебристой ледяной чалмы; третьи точно исковерканы судорогами и въ сердцахъ грозятъ небу своимъ острымъ искривленнымъ шлицомъ, словно малайскимъ кинжаломъ, или сгорбившись отъ старости еле держать на головѣ украшавшій ее и раздробленный молвіей вѣнецъ. У каждой своя особенная физіономія: у этой гордая, у той величавая, у этой задумчивая, какъ будто природа вдохнула въ каждую изъ нихъ особенную жизнь. Изъ рацелинъ ихъ съ ревомъ выскакиваютъ водопады и прыгаютъ со скалы на скалу, потрясая лѣвистою гривой; мѣстами старыя сосны, несокрушимыя предъ напоромъ бурь, встаютъ изъ земли въ своей бровѣ ржаваго цвѣта, мрачныя и высококомбрая, какъ истые владыки этой священной пустыни... Люблю это угрюмое и задумчивое дерево, наломивающее мнѣ грустныя долины моей родины.

Но чѣмъ дальше въ гору, тѣмъ сосны становятся рѣже, онѣ теряютъ свой атлетическій ростъ, мельчаютъ, и вскорѣ обращаются въ какихъ-то прикипшихъ къ землѣ выродковъ, въ карликовъ съ уродливыми вѣтвями, съ кривымъ стволomъ, съ корнями конвульсивно перепутанными оловомъ издыхающіе гады. Пятна моха замѣняютъ собою роскошныя травы, и глазъ сколько ни всматривается въ даль, не открываетъ уже ничего человѣческаго: надъ вами тяготѣетъ грозное сверхъестественное величіе,

вы теперь не что иное какъ кошка, атомъ въ громадности горнаго пространства. И, страшное видѣнiе, влекущiе васъ приземистые локомотивы вдругъ кажутся вамъ чудовищами неизвѣстной породы пускающими дымъ изъ ноздрей, рожденными въ таинственныхъ пещерахъ этихъ ужасныхъ горныхъ областей.

Вотъ мы наконецъ въ ущельи. Продолжаемъ взбираться, лезя по окраинѣ безднъ, перебираясь изъ долины въ долину на двухъэтажныхъ мостахъ, какъ по натянутой на неизмѣримой высотѣ веревкѣ, внезапно исчезая въ тоннеляхъ и потомъ снова выскакивая изъ нихъ на край новой пропасти, откуда снова мчимся по новому воздушному канату-мосту на новыя высоты... Сколько понадобилось терпѣнiя и умѣнья чтобы провести эту дорогу, символъ еще одной побѣды человѣка надъ природой!

Всѣхъ тоннелей лятнадцать. Нѣкоторые изъ нихъ выстланы съ просвѣтами и составляютъ какъ бы рядъ живописныхъ аркадъ, наломанныхъ знаменитыя Шпругеаскiя галлерей.

Цѣлый городокъ хижинъ, прилѣпившихся къ горѣ какъ отдыхающiя въ перелетъ птицы, знаменуетъ собою Пагербахскую станцію. Со всѣхъ сторонъ сбѣгаются молоденькiя дѣвушки и сплываютъ вдоль вагоновъ, подавая навязанные на ладки букеты сушенiцы. * Сушенiца—это тотъ неумирающiй цвѣтокъ горныхъ маковокъ, который точно вырѣзавъ изъ полярка и называется Французами „альпiйскимъ хаюкомъ“, это — улыбка здѣшной угрюмой лачвы. Крохотные горные духи каждую ночь наклоняются надъ свѣтлою колыбелью цвѣтка и отогреваютъ его своимъ дыханiемъ. Подобно тому какъ одолавающiя морозъ ползучiя растенiя—эмблема вѣрной дружбы, сушенiца—эмблема вѣчной любви. Поклонъ тебѣ, кроткiй милый цвѣточекъ, спокойно слушающiйся подъ ударами молнiи и на лонѣ вѣчныхъ свѣговъ, наломивающiй собою горячее чувство! бѣлый дѣвственный цвѣточекъ, непорочныхъ лепестковъ котораго не коснулся ни одинъ мотылекъ,—тебѣ мой привѣтъ!

Въ глубинѣ долины, на темномъ фонѣ отдѣляется нѣсколько свѣтлыхъ точекъ—деревушка Глогницъ. Картина вновь становится идиллическою: по скаламъ прыгаютъ козы,

* *Snaphalium leontopodium.*

потомъ сами скалы понижаются, исчезаютъ и путешественникъ очутился въ глубинѣ равнины, лицомъ къ лицу съ небольшимъ городкомъ, надъ которымъ возвышаются двѣ острокопечныя башни. То Нейштадтъ, гдѣ Марія-Терезія основала въ 1752 году Военную Академію, имѣющую нынѣ четыреста воспитанниковъ. Изъ нея вышелъ Радецкій.

Къ западу отъ города стоитъ ветхій замокъ, построенный въ 1445 году императоромъ Фридрихомъ III. Надъ главными воротами его сохранился еще высококопечный девизъ: *Austriae est imperare orbi universo*, „Австріи поведовать вселенною“... Увы, какъ все на свѣтѣ, проходить и девизы!

Нейштадтъ напоминаетъ одно изъ кровавѣйшихъ событій австро-венгерской исторіи: 29го апрѣля 1671 были казнены здѣсь, на Арсенальной площади, Цриви и Франгилави. Двѣ мраморныя доски, вѣзанныя у входа въ соборъ, до сихъ поръ оновѣщаютъ объ этой развязкѣ заговора, едва не отхватившаго Венгрію отъ Австріи.

Императоръ Леопольдъ сдѣлалъ изъ Вѣны одну изъ великолѣпнѣйшихъ столицъ Европы. Испанская пышность и французская веселость царствовали при его дворѣ, гдѣ пары сжигались балами, карусели турнирами, театральныя представленія фейерверками, карточная игра любовными интригами. Имперскія войска безчинствовали между тѣмъ въ Венгріи, предаваясь тамъ насиліямъ, возбуждавшимъ общія жалобы. Жалобы эти не доходили однако же до императора, и Венгерцы рѣшились послать въ Вѣну депутацію. Ее не приважи; мало того, чтобъ узнать ее, во время нахождения ея въ столицѣ распорядились сожженіемъ чрезъ лапача одной книги, заступавшейся за Венгрію.*

Процессія обошла всѣ улицы, встрѣчаемая общими рукоплесканіями нѣмецкаго населенія; впереди шествовали секретари, за ними судьи верхами, позади ихъ—главный тюремщикъ съ осужденною книгой надъ головой. Эшафотъ былъ покрытъ краснымъ сукномъ, какъ при казни колдуна или вѣдьмы. Заглавіе книги, написанное на четырехъ листахъ бумаги, прибили къ четыремъ позорнымъ столбамъ, потомъ лапачъ схватилъ произведеніе Англера и швырнулъ его въ огонь.

* *Memori belli Ungaro-Turcici*. Autore Joanne Henrico Andler argentoratensi. Massiliae, 1665.

Оскорбленная такимъ образомъ венгерская депутація возвратилась восвояси со злобой въ сердцѣ и съ рѣшимостью отомстить при первомъ удобномъ случаѣ.

Во главѣ недовольныхъ стояли князь Ракоши, графъ Надасди, графъ Петръ Цричи и графъ Христофъ Фраугилани. Этотъ послѣдній былъ блестящій молодой человекъ, тѣмъ болѣе жаждущій мести что онъ повесъ жестокою личную обиду отъ одного австрійскаго офицера. Всѣ названныя лица завязали тайныя сношенія съ Турціей для того чтобы въ данную минуту поднять страну и, при помощи Турокъ, прогнать Австрійцевъ за Лейту.

Пять дамъ участвовали въ заговорѣ. Одна изъ нихъ, графиня Весселеуги, находившаяся въ связи съ секретаремъ своего мужа, не сумѣла сохранить тайну. Какъ только въ Вѣнѣ провѣдали о ней, за заговорщиками стали слѣдить, и чрезъ шесть мѣсяцевъ Надасди, венгерскаго Бреза, какъ его звали, арестовали въ его собственномъ замкѣ Поттенгофѣ, гдѣ за два года предъ тѣмъ гостили у него императоръ и императрица. Вмѣстѣ съ хозяиномъ, захватили находившіеся въ его подвалахъ четыре милліона гульденовъ звонкою серебряною монетою. Надасди увезли въ Вѣну, Цричи и Фраугилани, задержанныхъ въ то же время, отправили въ Нейштадтъ. Судили ихъ одновременно, и всѣ трое были приговорены къ лишенію жизни въ одинъ и тотъ же день на эшафотѣ.

Цричи заплакалъ когда ему прочли грозное рѣшеніе и сталъ увѣрять въ своей невинности, клявась что онъ никогда не входилъ въ сношенія съ Турками.

Фраугилани принялъ приговоръ недовѣрчиво. „Я слышю комъ молодъ чтобъ умирать, воскликнулъ онъ,—и я послѣдній въ родѣ: меня не казнятъ.“

Предъ тѣмъ какъ срубить имъ голову, предстояло отрубить имъ правую руку.

29го апрѣля, между четырьмя и пятью часами вечера, городскія ворота были закрыты и приговоренныхъ, подъ конвоемъ пятидесяти мушкетеръ, перевели изъ тюрьмы въ Арсеналъ, гдѣ имъ отвели двѣ комнаты въ которыхъ они должны были провести послѣднюю ночь въ сообществѣ шести калуциновъ.

Фраугилани потребовалъ перо и бумагу чтобы написать своей женѣ, которая бѣжала въ Венецію. Онъ находился

въ чрезвычайномъ волненіи; больше самой смерти пугало его лишеніе руки.

Цриви, напротивъ, сохранялъ античное спокойствіе. Исполнѣніе его продолжалась лишь нѣсколько минутъ, тогда какъ показаніе Франгилами далося цѣлыхъ три часа.

Имъ дозволили проститься, съ тѣмъ чтобы послѣднія слова ихъ были произнесены по-вѣмцки...

На другой день въ шесть часовъ утра осужденные отслушали обѣду, въ восемь ихъ вывели. Цриви первый оставилъ комнату. Его пришлось посадить на телѣжку, до того онъ ослабѣлъ, потому что въ теченіе двухъ уже сутокъ отказывался отъ пищи. Эшафотъ былъ обставленъ чернымъ сукномъ; всѣ окна, балконы, крыши устланы зрителями.

Влепавъ глаза въ Распятіе, не проронивъ ни одного слова, слушалъ Цриви чтеніе приговора. Когда ему сказали потомъ что императоръ избавляетъ его отъ постыдной церемоніи отнятія руки, онъ просилъ „поблагодарить императора“.

Взойдя на эшафотъ, онъ самъ снялъ полукафтанье и подалъ его своему лаку съ просьбой завязать ему глаза шитымъ золотомъ платкомъ, подареннымъ женой. Палачъ срѣзалъ ножницами его длинныя черныя волосы, и поразилъ его въ ту самую минуту какъ онъ громко предавалъ свою душу Богу.

Ударъ былъ такъ плохо направленъ что голова не отделилась отъ туловища: Цриви испустилъ стоны, приведшіе всю толпу въ содроганіе. Палачъ повторилъ ударъ, но опять неудачно, и голова все держалась, такъ что пришлось схватить ее за волосы и перерѣзать кожу...

Пока калудины колѣнопреклоненно молись у трупа открытаго черною тканью, привели Франгилами. Онъ жалобнымъ голосомъ взмолился о пощаду и съ эшафота произнесъ къ народу длинную рѣчь по-латыни. Дрожа съязъ онъ потомъ, съ завязанными глазами, на страшную скамью, трелетно ожидал роковой развязки. Блѣдныя уста еще бормотали послѣднее прости, когда оверкнулъ мечъ въ рукахъ палача и брызнулъ фонтанъ крови: но ударъ попалъ не въ затылокъ, а въ правое плечо. Франгилами испустилъ вопль и бѣшено вскочилъ съ мѣста. Послѣдовала ужасная сцена. Жертва вырывалась отъ палача, палачъ бѣгалъ за нею и поразалъ ее сзади. Наконецъ несчастный упалъ,

истекая кровью, и тогда только палачу удалось, надавивъ его колѣномъ, перерѣзать горло...

Императоръ молча выслушалъ докладъ объ обстоятельствахъ сопровождавшихъ казнь, и заказалъ шесть тысячъ лавихидъ объ улокоемъ душъ усоннахъ.

Въ 1824 году нѣкоторый студентъ, Германъ Штейгеръ, производя раскопки на древнемъ кладбищѣ, нашелъ голову Црипи: ее узнали по приставшимъ къ черепу золотымъ частуцамъ обвязывавшаго его платка. Въ могилѣ оказались также золотыя луговицы, сохраняемая теперь въ Нейштадтскомъ музеѣ.

Возлѣ Бадена природа веселѣетъ, виноградныя лозы вьются по холмамъ.

Швейцарскій Баденъ—красивъ, Баденъ баденскій—живописенъ, но изъ всѣхъ трехъ Баденовъ, австрійскій по моему наиболѣе привлекателенъ. Покатые холмы лестрѣютъ хорошенькими дачками, осыпанными свѣжимъ пологомъ ясеней, платановъ и гигантскихъ тополей; промежъ кустовъ орѣшника и сирени извиваются тропинки, и легіоны крылатаго населенія лютуютъ и чиликаютъ въ ихъ тѣни съ беззаботною веселостью лутуховъ, лирующихъ подъ древеснымъ навѣсомъ.

Лѣтомъ въ Баденъ собираются вѣнскіе фивансовыя тузы; дипломатія также является сюда подышать чистымъ воздухомъ посреди простой сельской обстановки, но временами заглядываетъ и дворъ.

Надъ окрестностями Бадена господствуютъ старинныя замки, сохранившіе еще свою величавость и силуэты которыхъ могущественно обрисовываются на неопредѣленной бѣлизнѣ неба. Одинъ изъ этихъ замковъ былъ выстроенъ какимъ-то молодымъ австрійскимъ герцогомъ. Когда постройку окончили, герцогъ пригласилъ полюбоваться ею своего дядю, епископа. Дядя, осмотрѣвъ, покачалъ головой.

— Хорошо-то замокъ хорошо, рѣшилъ овъ,—только недостаетъ ему рва и вала.

— А развѣ церковь которую вы воздвигли въ Грацѣ защищена ими? возразилъ герцогъ.

— То совсѣмъ другое дѣло, отвѣчалъ епископъ.—Моя церковь—домъ Божій, самъ Господь хранитъ ее; не преодолѣть ее никакимъ земнымъ силамъ.

— Правда ваша, задумчиво молвилъ герцогъ,—вижу что

мой замокъ нуждается въ твердыхъ укрѣпленіяхъ... Завтра же они будутъ налицо.

— Завтра? недоувѣрчиво усмѣхнулся епископъ, — ты возведешь ихъ въ одну ночь?

— Возведу, утвердительно сказалъ племянникъ, провожая дядю въ приготовленное для него великолѣпное помѣщеніе.

Уложивъ епископа, герцогъ тотчасъ разослалъ гонцовъ по всей долинѣ которою владѣлъ, и цѣлую ночь со всѣхъ сторонъ собирались вооруженныя группы; собравшись, стали лагеремъ въ окрестностяхъ.

На другой день съ восходомъ солнца, герцогъ выстроилъ своихъ вассаловъ, расположилъ ихъ вокругъ замка и затрубилъ въ рогъ.

Пробужденный его звуками, епископъ полуодѣтый подбѣжалъ къ окну.

— Вотъ укрѣпленія моего замка, закричалъ герцогъ, горделиво указывая на своихъ статныхъ и рослыхъ воиновъ въ блестящихъ шлемахъ, въ тяжелыхъ панцыряхъ, съ кольями и палицами въ рукахъ. Истою стальною стѣной окружали они герцогское жилище; сидѣвшіе на коняхъ съ развѣвающимися надъ ними значками казались настоящими окованными желѣзомъ башнями.

Восхищенный епископъ долго любовался этимъ поразительнымъ зрѣлищемъ, потомъ обратился къ племяннику:

— И ты правъ: лучшая оборона принцезъ—любовь и мужество ихъ подданныхъ!

VII. Вѣна и Вѣнды.

I.

Въ настоящую минуту доступъ въ Вѣну свободнѣе чѣмъ въ Пекинъ; паспорта не спрашиваютъ, въ тайны вашего чемодана не провѣкаютъ: китайская стѣна упала, заставъ болѣе не существуетъ. Путешественникъ уплачиваетъ при вступленіи въ городъ четыре крейцера пошлины за право портить колесами своего экипажа мостовую, и не вѣдается болѣе съ Австрійскимъ правительствомъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ можно было полагать что столица Австрійской имперіи находится въ царствіи небес-

комъ, до того трудно было въ нее проникнуть; для этого нужна была духовная чистота и предстательство святыхъ, нужно было чтобы какое-нибудь „известное и почетное лицо“ поручилось за васъ на все время вашего пребыванія, что не мѣшало полиціи слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, наблюдать за вашими знакомствами и читать вашу переписку. Правда, въ утѣшеніе себя можно было говорить что иностранные послы подвергаются еще болѣе заботливому шпіонству... Одважды представитель Великобританіи, знавшій что всѣ его письма старательно подпечатываются, перемѣнилъ печать. Этого не замѣтили и продолжали запечатывать его перелюстрованные пакеты прежнимъ снимкомъ. Черезъ нѣсколько времени посольство встрѣчается у знакомыхъ съ Меттернихомъ.

— Князь, говоритъ онъ,—не мѣшало бы оловѣстить нашихъ чиновниковъ что мы давно уже перемѣнили печать.

— Болваны! проворчалъ министръ, отходя и пожимая плечами.

У вѣзда въ Вѣну можно было помѣстить предостерегательную надпись: „Думать здѣсь запрещается“. Геттингенскіе медики рекомендовали вѣвскій климатъ одному знаменитому ученому своего города, заработавшемуся до изнеможенія и оставившему на дѣлѣ нѣмецкой философіи почти всѣ свои умственные силы. Въ паспортъ его было сказано: „Господинъ профессоръ ^{***}, докторъ философіи, по запрещеніи ему врачами преподавать умственному труду и размышленію, отправляется“, и т. д.

Вѣвская полиція пришла въ удивленіе: профессора избавили отъ всѣхъ обычныхъ формальностей и не тревожили никакими полицейскими требованіями.

Когда Францъ-Иосифъ закончилъ со всѣми этими средне-вѣковыми стѣсненіями, переходъ отъ нихъ къ нормальному порядку вещей показался рѣзкомъ. Вѣна и до сихъ поръ не оправилась еще отъ овладѣвшаго ею недоумѣнія. Она остается какъ бы озадаченною. Представьте себѣ судно лостроенное для того чтобы вѣчно стоять на якорѣ, никогда не выходя изъ порта, и которое вдругъ пустило въ открытое море, на произволъ вѣтровъ и теченій: команда разумѣется чувствуетъ себя не по себѣ.

Какъ бы то ни было, перемѣна пошла на пользу городу, тотчасъ сломившему свои заставы и стѣны и сдѣлавшемуся

одною изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ европейскихъ столицъ. Гдѣ прежде зіяли широкіе рвы и торчали грозные бастіоны, теперъ разстилаются восхитительныя душистыя сады, тянутся великолѣпныя бульвары, возвышаются зданія съ мраморными лѣстницами, расписанныя по фасаду блестящими золотыми фресками.

Въ Вѣнѣ все величаво и внушительно, и теперешнія сооруженія и остатки старины. „Городъ“, составляющій какъ бы черный островъ на бѣломъ морѣ предмѣстій, продолжаетъ быть центромъ торговой, политической и свѣтской жизни. Домъ каменщиковъ пощадилъ эти кривыя улицы; эти тѣсныя площади, полныя памятниками старины, гдѣ живетъ еще душа прежней монархіи.

„Одинъ на свѣтѣ имперскій городъ, одна на свѣтѣ Вѣна,“ восклицаетъ поэтъ, и поэтъ правъ: дунайская царица расположена въ уютельной мѣстности, увѣнчана зелеными холмами, освѣнена и раздужена парками и садами, которые у ней какъ букетъ цвѣтовъ на груди красавицы.

Мало найдешь городовъ съ такою аристократическою осанкой; это по-истинѣ придворный городъ въ полномъ объемѣ слова, городъ кесарей и императоровъ, ибо Вѣна имѣетъ то чего недостаетъ Берлину: преданія, прошлое! Вѣна—дочь знатной семьи, Берлинъ—высочка.

Чего бы только ни дали въ Берлинѣ, чтобъ имѣть такой соборъ каковъ соборъ Св. Стефана, такой дворецъ каковъ „Бургъ“, такіе музеи каковы Бельведерскіе! На каждомъ шагѣ древніе монументы, древнія сооруженія являются намъ здѣсь наглядною лѣтописью этой пятнадцативѣковой монархіи.

Блестящіе экипажи, роскошныя магазины, веселое оживленіе улицъ, все свидѣтельствуетъ объ истинно царскомъ дворѣ, о богатой и изящной аристократіи, сохранившей еще рыцарскіе нравы.

Вѣна—средоточіе племень и оборотовъ, соединительное звено между Германіей и Востокомъ; Берлинъ ничему не служитъ центромъ; это же средоточіе чего-либо, а просто каша.

И какъ жизнь мила и привлекательна посреди этого вѣчно-веселаго, открытаго, радушнаго населенія! Въ одномъ изъ своихъ писемъ Іосифъ Рихтеръ говоритъ о Вѣнѣ:

„Сомнѣваюсь, чтобы гдѣ бы то ни было народъ такъ веселился; правда, на понедѣльникъ не остается на что купить лошадь, но что за бѣда если въ воскресенье позабылись на славу!“

Вѣна—городъ сладкихъ воскресеній и кислыхъ понедѣльниковъ.

Когда историкъ Иоганъ Миллеръ переселялся изъ Вѣны въ Берлинъ, онъ свидѣтельствовалъ, что „Австрійцы добры, гостеприимны и составляютъ добрую монархію.“

Дѣйствительно, добродушіе Австрійцевъ таково что и въ первый разъ очутившись между ними чувствуешь себя какъ дома или у старыхъ знакомыхъ. Вѣна въ особенности такъ привѣтлива что развѣ лишь желѣзное сердце въ состояніи не привязаться къ ней. Свобода ея правовъ, ея беззаботность, ея наклонность къ удовольствіямъ, ея гостеприимство дѣлають изъ нея самый пріятный городъ Германіи.

Впрочемъ, сами нѣмецкіе писатели утверждаютъ что это вовсе не германскій городъ. „Въ этой столицѣ, говорятъ они, испоконъ вѣковъ обитаемой Славянами, Мадьярами, Италіянами, не сохранилось ни капли чисто-нѣмецкой крови. Въ omnibusъ иногда не съ кѣмъ перекинуть слова по-нѣмецки, никто не понимаетъ этого языка. Въ кофейняхъ всевозможныя газеты, чешскія, словакскія, польскія, венгерскія: италіанскіи, получаютъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, нѣмецкихъ же всего одинъ экземпляръ одного листка. Вы сами пожалуй еще коренной Германецъ, но жена у васъ—Малороссіянка изъ Галиціи или Польшка, кухарка—Чешка, нянька—Италіянка или Далматка, камердинеръ—Сербъ, кучеръ—Словакъ, гувернёръ—Французъ. Въ администраціи большинство чиновниковъ—Чехи, высшимъ правительствомъ ворачаютъ Мадьяры. Нѣтъ, Вѣна совсѣмъ не Нѣмка!“

Въ самомъ дѣлѣ, всмотрѣвшись поближе въ Австрійскую имперію видишь что нѣмецкій элементъ въ ней не особенно силенъ и, прибавлю, не особенно любимъ. Развѣ Чехи не кричали въ самой Вѣнѣ „долой Австрійцевъ“ и развѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было показаться на улицахъ Пешта въ круглой шляпѣ, облицующей Нѣмца? Вглядитесь во встрѣчные типы: изъ ста прохожихъ, у двадцати, не болѣе—нѣмецкая физиономія. Отличіе женщннъ отъ Нѣмокъ еще поразительнѣе. У Вѣнки во взглядѣ славянская

живость, мощка стройна и красива, не то что баварская гу-
синая или прусская слоновая лапа; волосы великообразные,
маленькіе зубки молочной бѣлизны; вся она хорошо сложе-
на, граціозна, то блѣдна какъ Парижанка, то краснощека
и свѣжа какъ Англичанка, то смугла какъ Итальянка, во
всякомъ случаѣ жива и живеть, тогда-какъ лимфатическая
Нѣмка прозябаетъ со своимъ взглядомъ на жизнь какъ на
созерцаніе луны—изъ огорода.

То же самое можно сказать и по поводу архитектуры. Еще
гжа Стадь замѣтила что въ Вѣнѣ „ничего не напоминаетъ
Германіи кромѣ нѣсколькихъ готическихъ зданій воскре-
шающихъ въ воображеніи Средніе Вѣка“.

Въ „городѣ“ попадаются улочки перелутанные какъ киш-
ки, и да такой степени грязныя, до какой достигаютъ лишь
нѣкоторыя изъ венеціанскихъ *calles*. Италію напоминаютъ
также въ Вѣнѣ, съ другой точки зрѣнія, каменные Распя-
тія на дворахъ и статуи святыхъ украшающія лѣстницы.
Надъ входомъ одного изъ домовъ *Tiefen Graben* находится
портретъ императора Іосифа II—въ видѣ Св. Іосифа. Въ
1750 году домъ этотъ купилъ тайный совѣтникъ Герденъ.
Желая заявить свою преданность къ облагодѣтельствував-
шему его монарху, онъ вздумалъ повѣсить надъ своею
дверью его изображеніе. Полиція довела это обстоятельство
до свѣдѣнія императора. Іосифъ II тотчасъ послалъ за тай-
нымъ совѣтникомъ.

— Развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ,—что императорскій
портретъ нельзя обращать въ вывѣску!

— Но, государь, вѣдь это не вывѣска, это знакъ вѣрно-
сти и обожанія. Я помѣстилъ портретъ вашего величества
надъ своею дверью какъ святыню, какъ своего ангела-хра-
мителя, какъ...

— Оставимъ ангеловъ въ покоѣ.

— Я желалъ торжественно засвидѣтельствовать мою при-
знательность вашему величеству, продолжалъ Герденъ.

— Спасибо тебѣ, но я не могу допустить чтобы меня на-
дѣлаивали такимъ образомъ на дома. Развѣ вотъ что...

Императоръ оставовиделся.

— Что угодно будетъ приказать вашему величеству? по-
чтительно спросилъ Герденъ.

— Распорядись, чтобы портретъ передѣлали въ образъ.
Въ такомъ случаѣ онъ можетъ остаться.

Такъ и сдѣлали, императорская мантия превратилась въ ризу, скилетръ въ лилію, и Св. Іосифъ до сихъ поръ охраняетъ домъ своимъ покровомъ.

Въ Вѣнѣ множество лампачниковъ XIII и XIV столѣтія. Въ XV архитектурное искусство чрезвычайно развилось, и соборъ Св. Стефана прынулъ къ небу выше Страсбургскаго и Кельнскаго: шпиль его виденъ съ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ горизонта. Увы, онъ не служитъ точкой соединенія для различныхъ народностей составляющихъ Австрійскую имперію! Подъ страхомъ гибели нація должна обладать знаменемъ: все равно будетъ ли это знамя шелковый стягъ или каменный кремль, но отечество должно воплощаться въ наглядномъ символѣ.

Площадь Св. Стефана, это сердце города, отсюда отправляются омнибусы во всѣ предмѣстья, здѣсь сосредоточены всѣ банкирскія конторы, первѣйшіе портывы, лучшія кофейни. Отсюда до Грабена—одинъ шагъ. Грабенъ со своими магазинами прельщающими глаза, возбуждающими желанія и удовлетворяющими всѣмъ прихотямъ, со своими позолоченными кофейнями, со своими волнами гуляющихъ, это Италіанскій-бульваръ Вѣны. Здѣсь утромъ и вечеромъ прохаживаются весь свѣтскій людъ и всѣ пріѣзжіе. Послѣ полудня нужно отправляться въ экилажъ въ Пратеръ или на Рингъ, но отъ 9 часовъ утра до 12 и отъ 6 часовъ вечера до 9—на Грабена бazaarъ житейской суеты, разнѣвъ улыбокъ и томныхъ взглядовъ бросаемыхъ молоденькими грѣшницами. Порокъ облеченъ здѣсь въ какую-то наивную форму, точно онъ предлагаетъ себя не по ремеслу, а по влеченію.

Именно въ такомъ городѣ какъ Вѣна, гдѣ такъ пріятно и интересно бродить безъ цѣли, именно здѣсь какъ сожалѣешь что однообразіе костюмовъ и модъ отнимаетъ у жителей самыхъ своеобразныхъ странъ послѣдніе слѣды ихъ оригинальности! Нѣтъ болѣе на Грабенѣ ни Венгерца въ шитомъ доломанѣ и гусарскихъ салогахъ, ни стриженнаго въ кружокъ Поляка въ жуланѣ, ни Валаха въ украшенныхъ шнурками панталонахъ, ни Серба въ коротенькой курточкѣ съ кияжаломъ за поясомъ. Одни лишь Турки и галицкіе Евреи остаются вѣрны своей національной одеждѣ. Ступайте изъ Грабена въ Жидовскую улицу, и вамъ покажется что вы очутились въ какомъ-нибудь

карпатскомъ мѣстѣчкѣ. Да, Вѣна еще даритъ васъ живописными этнографическими сюрпризами, но сѣдуетъ отправляться въ Юдегассе утромъ, потому что именно отъ 9 до 11 часовъ эти старые, грязные, кривобокіе, подозрительные дома изрыгаютъ шайки своихъ неумытыхъ и нечесанныхъ обитателей въ длиннополыхъ черныхъ сюртукахъ свѣтящихся отъ жира, въ широкополыхъ шляпахъ, съ острокопечными бородами, съ тусклыми голубыми глазами, съ громадными ушами до половины прикрытыми спускающимися на щеки „лейсиками“, обрамляющими ихъ блѣдныя, худыя, вытянутыя лица. Тѣсныя кучки толпятся, продаютъ, перепродаютъ, торгуются, барышничаютъ, сводятъ счета, размахиваютъ руками, вопятъ на своемъ испорченномъ нарѣчій. Одни потрясаютъ своими скорченными костлявыми пальцами серьги, цѣпочки, кораловыя ожерелья (точно обобравъ какой-нибудь ювелиръ по близости); другіе таскаются съ парой изношенныхъ прорванныхъ салогъ или носятъ, прижимая ихъ къ сердцу, то со столовыми часами, то съ кофейною мельницей, третьи расхаживаютъ съ отвратительнѣйшими отрельями на плечѣ, тогда какъ изъ кармана ихъ сюртука, какъ изъ тюремнаго окна, выглядываетъ восхитительная головка куколки изъ стараго саксонскаго фарфора.

А вотъ маленькій рыжій Жиденокъ торжественно потрясаетъ парой крохотныхъ турецкихъ бабушъ узязанныхъ жемчугомъ, усѣянныхъ блестками, покрытыхъ красивымъ шитьемъ, лукаво ловя имъ подъ носомъ старыхъ Евреевъ, одобрительно улыбающихся въ бороду. Чью миниатюрную ножку обували эти туфельки? Какимъ путемъ, вслѣдствіе какихъ мытарствъ лопали они на толкучку?.. И какую прелестьную вещьцу можетъ сочинить разыгравшаяся фантазія на тему этой пары бабушъ...

Юдегассе сохранила сердитый характеръ старинныхъ *Гетто*. Она темна, грязна, мрачна, стѣны ея неопрятны и сѣры. Порою въ полумракѣ растворенной двери мелькаетъ ослѣпительный образъ молодой красавицы: новая Ревекка лоражаетъ васъ своимъ появленіемъ.

Въ извѣстные часы дня все здѣсь вымираетъ какъ бы удрученное гнетомъ вѣчнаго проклятія. Впрочемъ, и вообще на этой улицѣ никогда не слышеть гулъ станка, веселый шумъ работы: всѣ эти лауки втихомолку раскидыва-

ють свою лаутину. Не видно на улицѣ и дѣтей съ ихъ обыкновенною веселою возней.

Заходилъ я въ одинъ изъ этихъ домовъ. Комнаты маленькія, потолокъ низкій, на хромомъ комодѣ рядъ подержанныхъ чашекъ, на этажеркѣ оловянные блюда, за печкой сгорбленный старикъ кряхтящій въ полголоса. Заслышавъ меня, онъ съ усиліемъ приподнялъ голову, прищурилъ глаза и забормоталъ:

— Ты это, реббе-Кацъ?.. Славно, славно: Иерусалаимъ нашъ вопреки голямъ! Завтра въ дорогу, а? Реббе, ты мнѣ найди мѣсто около самаго храма. Заколемъ ягненка, заколемъ...

— Не слушайте его, шеллуда мнѣ на ухо хозяйка дома! Онъ совсѣмъ изъ ума выжилъ отъ старости.

„Иерусалаимъ,“ раздалось мнѣ въ свѣдъ, когда я спускался по лѣстницѣ...

— Старикъ, могъ бы я сказать ему, — ты не ошибаешься, Иерусалимъ вашъ, но тебѣ нечего искать его за морями: онъ здѣсь, на берегу Дуная; не пускайся въ дорогу: ты уже находишься въ обѣтованной землѣ Израильской. Кто настроилъ въ Вѣнѣ палаты?

Евреи.

Въ чьихъ рукахъ австрійская печать?

Въ рукахъ Евреевъ.

Кто управляетъ австрійскими финансами?

Евреи...

По официальнымъ свѣдѣніямъ, изъ 18.398 вѣнскихъ банкирскихъ домовъ—два принадлежатъ не Евреямъ...

Еврейскіе ростовщики въ духъ разорили здѣшнее венгерское, малороссійское и польское дворянство. Нужно вамъ тридцать тысячъ гульденовъ,—вексель подписываете въ полтора ста... Эти лѣвки высосали все золото даже знаменитаго князя Эстергази, извѣстнаго Петербургу и Москвѣ и обладавшаго баснословнымъ богатствомъ: у него все продала, даже платье,—правда украшенное брилліантовыми луговицами, которыя сбыли въ Лондонѣ.

Почти всѣ дома на Рингъ—собственность Евреевъ. Въ одномъ Леопольдштатскомъ предмѣстьи ихъ живетъ 40.000. Въ Академической гимназійи изъ 800 учениковъ 400 Евреи. Въ коллегіумѣ отцовъ Бенедектиновцевъ, одномъ изъ самыхъ модныхъ вѣнскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ четыре года

назадъ не было ни одного Еврея, теперь ихъ трое на десять христіанъ. Въ коммерческомъ училищѣ 250 Евреевъ и 255 христіанъ. Благодаря наплыву провинціального еврейскаго населенія, такія же пропорціи и въ прочихъ школахъ.

Адвокаты, медики по бѣльшей части Евреи; Евреи наполняютъ всѣ министерства. Одинъ чиновникъ министерства юстиціи, самъ Еврей, говорилъ мнѣ: „Черезъ десять лѣтъ въ Австріи не будетъ правосудія,“ подразумеваемая губительное вліяніе своего племени!

Однако еврейскія семьи гораздо нравственнѣе многихъ здѣшнихъ христіанскихъ. Родительская власть сохранилась въ нихъ во всей неприкосновенности и большинство ихъ до сихъ поръ представляетъ величавое въ своей простотѣ зрѣлище патриархальнаго библейскаго быта.

Уравненіе правъ Евреевъ состоялось въ Австріи не раньше 1856 года. Еще въ 1849 они не могли оставаться въ Вѣнѣ безъ особаго разрѣшенія, возобновляемаго каждыя двѣ недѣли.

Въ 1525 году въ Вѣнѣ распространился слухъ, будто одинъ старый Еврей по имени Израиль, доставъ откуда-то освященные Дары, совершилъ святотатственную пародію литургіи. Умы такъ взволновались что герцогъ Альбертъ напелся вынужденнымъ арестовать всѣхъ Евреевъ находившихся въ Австріи, и конфисковать ихъ имущества. Многие изъ нихъ крестились для спасенія жизни, другіе повѣсились, чины открыли себѣ жилы въ тюрьмѣ. 12го марта цѣлую сотню ихъ сожгли живьемъ, и какъ только костеръ погасъ, студенты изъ бѣдняковъ принялись рыться въ золѣ, отыскивая червонцы, зашитыя казенными въ платье на случай побѣга.

— Какъ времена перемѣнчивы, замѣтилъ передавшій мнѣ этотъ анекдотъ Вѣнецъ, — теперь насъ Жиды сажаютъ въ тюрьму и избираютъ....

II.

Въ Вѣнѣ пытались завести главный центральный рынокъ на манеръ Парижскаго, это не удалось. Единственный постоянный вѣнскій рынокъ, снабжающій припасами всю столицу, находится у Елисаветина моста, не подалеку отъ Ринга. Каждое утро перекупщики запасаются здѣсь товаромъ, который увозятъ на небольшихъ тележкахъ запря-

женныхъ собаками. Этотъ рынокъ, называемый Верхнимъ—разнообразнѣйшая коллекція овощей, плодовъ, рыбы, дичи и свиного мяса. Овощами не очень богата Вѣна, гдѣ цвѣтная калуста такая рѣдкость что ее продаютъ какъ лакомство наравнѣ съ апельсинами и лимонами. За то груши и яблоки въ изобиліи: ихъ цѣлыми массами доставляютъ на лотахъ изъ Верхней-Австріи. Дичь очень дешева, потому что выдаются такіе дни, когда сразу доставляется десять тысячъ зайцевъ и три или четыре тысячи фазановъ. Богемскіе фазаны особенно вкусны. Наполеонъ III ежегодно выписывалъ ихъ лятьсотъ штукъ для тюльрийскихъ обѣдовъ.

Вѣнскія рыночныя торговки также безцеремонны въ обращеніи и готовы вѣлиться языкомъ въ кого угодно какъ и парижскія. Иосифъ II любилъ нарочно опрокидывать ихъ корзины, чтобы послушать какъ онѣ бранятся.

Въ древности на мѣстѣ занимаемомъ теперь рынкомъ былъ римскій форумъ: извѣстно что Маркъ-Аврелій умеръ въ Вѣнѣ.

Рынокъ „украшень“ отвратительно-вычурнымъ монументомъ въ стилѣ рококо. Толстенькіе купидоны играютъ на облакахъ въ жмурки. Это произведеніе въ ваятельномъ искусствѣ то же что мадригалъ въ поэзіи. Настоящая кондитерская штучка.

Вотъ и Гофъ, одна изъ самыхъ обширныхъ и красивыхъ площадей столицы. Посреди ея возвышается безвкусная колонна. Массивное и прочное зданіе направо, это арсеналъ, принадлежащій городу: скорѣе музей чѣмъ складъ оружія. Здѣшнее собраніе рыцарскихъ дослѣховъ XV и XVI столѣтія—одно изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ. Алебарды, сабли, пики сложены въ громадные желѣзные сволы, по стѣнамъ развѣшены щиты всевозможныхъ видовъ. Тутъ же и шлага какого-то фельдмаршала, и шляпа другаго, и горная лалка разстрѣляннаго въ Мантуѣ Андрея Гофера. „Нечего завязывать мнѣ глаза, говорилъ онъ стѣя предъ взводомъ, прямо смотрю я въ очи моему Господу и въ глаза смерти. Стрѣлай ребята!“

Вотъ взятая у Турокъ знамена и оружіе. Вотъ зеленый значокъ, отбитый фельдмаршаломъ Ландау у Бѣлграда: на немъ луна, звѣзды и Магометова правосудная даянь, также изреченія Корана, сулящія правовѣрнымъ побѣду и рай.

Вотъ другой значокъ, багровый, съ обычнымъ воззваніемъ къ Пророку. Вотъ широкія кривыя сабли, кивжалы, ятаганы, курдскія лики, чалмы, ямычарскіе барабаны. А въ особомъ уголкѣ подъ стекломъ—черепъ и сорочка Кара-Мустафы, которому послѣ его пораженія султанъ прислалъ шелковый шнурокъ съ приказаніемъ удавиться. Съ лица великаго взира содрали кожу и доставили ее въ Константинополь въ удостовѣреніе его смерти. Послѣ взятія Бѣлграда тѣло Мустафы нашли въ мечети...

Этотъ черепъ воткнутый на пруть, съ обвивающимъ его краснымъ шнуркомъ, производитъ потрясающее впечатлѣніе: онъ точно кривляется въ послѣднихъ судорогахъ агоніи, глаза точно смотрятъ на васъ изъ своихъ пустыхъ впадинъ и острые бѣлые зубы кажется скрежещутъ...

Влѣво отъ Арсенала находится Военное Министерство. Возлѣ него—историческій фонарь.

Въ 1848 году инсургенты, разграбивъ Арсеналъ, бросились на министерство, съ воплемъ требуя выдачи имъ графа Латура. „Подавай намъ измѣнника!“ ревъла оборванная чернь, вооруженная старыми ружьями и ликами: „на висѣлицу его!“

Толпа мгновенно ворвалась въ зданіе министерства и рассыпалась по комнатамъ, ломая прикладами мебель, роясь въ бумагахъ. Крики „бей Латура“ становились все яростнѣе. Напрасно сопровождавшіе народъ офицеры національной гвардіи старались успокоить расходившихся рабочихъ. „Смерть Латуру!“ неукротимо голосила толпа.

Смолка, который для выигрыша времени пустилъ было слухъ что графа Латура нѣтъ дома, видя что всѣ попытки остановить разъяренныхъ остаются тщетными и что дальнѣйшее сопротивленіе только раздражаетъ ихъ, побѣждалъ къ министру.

— Одно средство спастись, сказалъ онъ,—подавайте въ отставку.

Графъ, не отвѣчая ни слова, взялъ листъ бумаги и написалъ на немъ: „Если угодно его величеству, я готовъ отказаться отъ министерства“.

— Лучше бы не упоминать объ императорѣ, замѣтилъ Смолка.—Начнутъ придираться. На вашемъ мѣстѣ...

— Я ни слова не измѣню въ написанномъ, холодно отвѣчалъ Латуръ.

Смолка взялъ бумагу и вышелъ.

— Министръ выходитъ въ отставку, оловѣстилъ овъ толпѣ, продолжавшей свое патріотическое упражненіе надъ мебелью.

— Читайте бумагу! крикнули одни.

— А, такъ овъ здѣсь, подхватили другіе рабочіе съ засученными рукавами какъ у мясниковъ.

Смолка былъ принужденъ прочесть бумагу. Какъ только овъ выговорилъ „если угодно его величеству“, голосъ его заглушили свистки.

— Гдѣ овъ прячется! куда овъ закопался! тащи сюда Латура! съ нимъ самимъ хотимъ говорить! кричала толпа.

— Хорошо, но поклянитесь что вы его не тронете, отвѣчалъ Смолка.

— Не тронемъ, не тронемъ! пообѣщали нѣсколько національныхъ гвардейцевъ.—Мы возьмемъ его и отведемъ на военный судъ.

Смолка повелъ человекъ двадцать инсургентовъ наверхъ въ помѣщеніе министра. Комната въ которой овъ пять минутъ назадъ оставилъ Латура оказалась залпетою. Между тѣмъ народъ пробирался вслѣдъ за своею „депутациею“ и рассыпался по всѣмъ этажамъ, воля:—„Подавай намъ Латура! хотимъ его видѣть!“

Вдругъ двери распахнулись и министръ показался на порогѣ.

— Вы меня требуете, сказалъ овъ,—довѣряюсь вамъ.

Его лотачили внизъ по лѣстницѣ, осылая оскорбленіями и свистя. Когда овъ показался на улицѣ, гдѣ „патріоты“ кушали и пили, его встрѣтили такіе крики что овъ побѣднѣлъ... Ясно было что толпу обуяла жажда крови.

— А, испугался! со смѣхомъ обратился къ нему одинъ рабочій,—постой, я тебя поободрю!

И овъ лажнулъ ему въ лицо.

— Развѣ у васъ нѣтъ лудъ что вы прибѣгаете къ лавкамъ? спокойно отозвался Латуръ.

— Подожди, дождеть и до нихъ очередь, проворчалъ рабочій, прицѣливаясь изъ ружья.

Но какъ овъ былъ льявъ, то выстрѣливъ промахнулся. Однако пороховой запахъ окончательно вывелъ толпу изъ себя. „Бей его!“ вновь заревѣли голоса. На министра бросились, ногами и прикладами разметали сопровождавшихъ его національныхъ гвардейцевъ, и кудаатый кузнечный

подмастерье со звѣрскимъ лицомъ хватилъ Латура молодомъ по головѣ какъ по наковальнѣ. Въ ту же минуту одинъ національный гвардеецъ вонзилъ въ министра штыкъ, другой рубнулъ его саблей.

Латуръ упалъ, обливаясь кровью.

На башенныхъ часахъ Гофа пробило пять...

Ольганные видомъ крови, убійцы схватили трупъ, подняли его показывая толпѣ, потомъ привязавъ веревку на шею, повѣсили на рѣшеткѣ окна. Веревка оборвалась и трупъ тяжело брякнулъ на мостовую. Тогда убійцы ринулись на него, сорвали съ него платье... Между тѣмъ какой-то мальчишка, ученикъ саложныхъ дѣлъ мастера, сбѣгалъ за новою веревкой и вскарабкался на фонарь стоящій неподалеку у министерства. Толпа захолопала. Мальчишка бросилъ конецъ, его обмотали вокругъ шеи трула, и Латуръ обнаженный до-нага повисъ на фонарь при всеобщихъ крикахъ одобренія.

Смерклося. Фонарь зажгли.

Блѣдный свѣтъ газа удваивалъ ужасъ этого зрѣлища. Капли крови падали изъ ранъ еще теплаго трула на мостовую...

Дикая оргія достойно заключила это революціонное празднество. Привезли бочки съ виномъ, затанули лѣсны, стали стрѣлять въ трупъ и изстрѣляли его въ рѣшето... Толпа къ утру разошлась, площадь опустѣла и чья-то рука прикрыла простыней останки замученнаго министра.

III.

Остановимся мимоходомъ предъ зданіемъ главной телеграфной конторы. Это настоящій дворецъ, красивѣе *настоящаго* императорскаго дворца. На подъѣздѣ расхаживаетъ одинъ изъ тѣхъ въискихъ швейцаровъ что разряжены комедіантами будто для представленія въ циркѣ: въ галунахъ, въ перьяхъ, въ позументахъ. Эти швейцары—послѣдніе слѣды испанскихъ нравовъ, занесенныхъ въ Вѣну Карломъ V. Каждый дворянинъ былъ окруженъ тогда по крайней мѣрѣ тремя десятками служителей, негровъ, скороходовъ, лажей, гайдуковъ, не считая домашнихъ медиковъ и секретарей.

Центральный телеграфъ устроенъ образцово. Здѣсь принимаютъ не только собственно делешу, но и залечатывыя

письма въ окрестности города, которыя съ быстротою молніи отправляются по назначенію посредствомъ пневматическихъ трубъ. Бѣольшая часть служащихъ при телеграфѣ, равно какъ и на почтѣ, принадлежитъ къ прекрасному полу. Въ числѣ телеграфистокъ находится въ настоящую минуту и одна графиня,—дѣвица фонъ-Вимпфенъ, дочь главнаго инспектора телеграфовъ графа фонъ-Вимпфена.

Если кто сомнѣвается еще въ пользѣ телеграфныхъ сообщеній, тому сообщу слѣдующій анекдотъ. Въ послѣднюю Вѣнскую выставку пріѣхалъ сюда одинъ Мюнхенецъ. Онъ нашелъ что баварское пиво на выставкѣ—безукоризненно, и такъ имъ угостился на радости что забылъ гдѣ оставовился... Какъ быть?

Тутъ-то и оказалась вся цѣлесообразность электрической проволоки. Поклонникъ Гамбринуса летитъ на телеграфную станцію и посылаетъ своей дражайшей половинѣ слѣдующую дѣлешу: „Теперь я въ ливной подъ антерой К на выставкѣ, но скажи пожалуйста, гдѣ я живу въ этой проклятой Вѣнѣ?“

Жена, разумѣется имѣвшая адресъ мужа, тотчасъ отвѣчаетъ: „Ты живешь въ Вѣнѣ на улицѣ Райскаго-придверья, N 12“.

Новая Биржа — священное зданіе, недоступное для профановъ. Чтобы проникнуть туда, необходимо сопровожденіе кого-либо изъ великихъ жрецовъ Золотаго Тельца. Главная зала обшита по стѣнамъ мраморомъ, украшена аркадами и красными колоннами дорического ордена, залита свѣтомъ: трудно ловѣрить чтобы столько темныхъ дѣлъ совершалось въ такой свѣтлой обстановкѣ. Резонансъ въ залѣ до такой степени силенъ что пришлось увѣшать ее занавѣсками, иначе голоса маклеровъ, раскатываясь громовыми отголосками, взаимно заглушали бы другъ друга. У каждаго маклера свой кабинетъ, гдѣ онъ принимаетъ, куритъ и спитъ. Въ отдѣльной залѣ сотрудники вѣнскихъ газетъ составляютъ свои финансовыя бюллетени. Внизу—превосходный ресторанъ. Всѣ лѣстницы мраморныя. Вентиляція и толка производятся по системѣ Бѣма. Паровая машина въ шестнадцать силъ, установленная въ подвальномъ этажѣ, приводитъ въ движеніе два вентилятора: одинъ приноситъ чистый воздухъ, другой уноситъ испорченный. Освѣщеніе даютъ 1366 газовыхъ рожковъ... Сравнительно съ 1872—73 годомъ, телерешнія сдѣлки на этой финансовой аренѣ—

дѣтская игра. Тогда въ теченіе однихъ сутокъ составлялись десять, двадцать, тридцать акціонерныхъ обществъ. Разъ *въ одинъ день* сдѣлокъ совершенно было почти *на миллиардъ*. Въ 1867 году Биржу посѣщало ежедневно до тысячи лицъ, въ 1873—3.200... Въ 1867 официально котировано было 152 различныя цѣнности: въ 1873—424... Каретами обзавелись люди вчера еще бѣгавшіе безъ салогъ. „Французскіе миллиарды, справедливо замѣчаетъ Захеръ-Мазохъ, были для бѣдной Германіи тѣми греческими дарами которыхъ оплачется лозъ, говоря: *Timeo Danaos et dona ferentes*. Это золото породило въ Берлинѣ, Вѣнѣ и сотнѣ другихъ вѣмецкихъ городовъ гнилую спекулятивную лихорадку; свалишіеся съ неба миллиарды пробудили жадность къ деньгамъ, всѣми нами овладѣло неудержимое желаніе разбогатѣть не работая, зараза проникла во всѣ слои общества; князья, генералы, дипломаты, судьи ринулись на Биржу вѣстѣ съ Жидами и женщинами легкаго поведенія.“

— Научите меня, говорилъ новичокъ опытному мошеннику-банкиру, — научите меня: какимъ способомъ можно скорѣе нажиться?

— Очень простымъ, послѣдовалъ отвѣтъ, — воруйте не разбирая ни своихъ ни чужихъ...

Въ этихъ двухъ строкахъ вся биржевая наука. За то какой же и погромъ! Милліоны улетучились, какъ тѣ сокровища которыя въ сказкахъ чортъ вручаетъ продавшимъ ему свою душу и которыя рассылаются въ прахъ при первомъ прикосновеніи. Раздался отчаянный вопль: „Крахъ!“ Крахъ—разверзлась бездна, обрушился на головы небесный сводъ, клики торжества и радости смѣнились воемъ нищеты и бѣдственности... Двѣсти спекуляторовъ погибли въ крушеніи и оказались несостоятельными. Нѣкоторые изъ нихъ застрѣлились на самой же Биржѣ. Разъяренная толпа ихъ кредиторовъ валустилась на гг. Ротшильда и Шея, обвиняя ихъ въ томъ что они вызвали катастрофу, сокративъ свой дисконтъ. Импровизованные ораторы предали ихъ имена проклятію. На молодого барона Шея тутъ же набросались, и избили его, чуть не разорвали въ куски. На другой день Биржу закрыли и заняли отрядомъ жандармовъ.

Да, минуло то блаженное время, когда Вѣнецъ лилъ вѣсто лива шампанское! Въ акціи, роскошно напечатанныя на розовой бумагѣ и стоившія тысячи гульденовъ, заворачиваютъ теперь кусокъ сыру въ нѣсколько крейцеровъ.

Биржевики не поглощены болѣе непрерывными требованіями кулли и продажи, и отъ нечего дѣлать „остроумно“ подшучиваютъ другъ надъ другомъ, напримѣръ шиваютъ двумъ стоящимъ вмѣстѣ собратьямъ полы сюртука, или рисуютъ сзади какую-нибудь карриатуру на бѣлоснѣжномъ воротничкѣ сосѣда.

Уѣдемъ съ Биржи въ вагонѣ конно-желѣзной дороги. Желѣзно-конный путь уже десять лѣтъ существуетъ въ Вѣнѣ. Кареты не имѣютъ имперіаловъ, и внутри ихъ сѣдоки набиты какъ сельди въ боченкѣ. Нерѣдко дамы помѣщаются на колѣнахъ мушинъ: Вѣнки и Вѣнды такъ общительны... Въ омнибусѣ всѣ улыбаются другъ другу, всѣ болтаютъ другъ съ другомъ съ фамильярностью давнишнихъ пріятелей. Ваша сосѣдка сама повѣдаетъ вамъ замужемъ она или дѣвица; сосѣдъ разкажетъ какую онъ провелъ дурную ночь, потому что слашкомъ нагрузился лавомъ. Черезъ пять минутъ вамъ извѣстны всѣ домашнія дѣла пассажировъ. Милая откровенность! Добродушіе Вѣнды распускается какъ полевой цвѣтокъ...

Выйдемъ на платформу, и полюбуемся Рингомъ, который въ самомъ дѣлѣ кольцомъ обзываетъ городъ. Онъ наполненъ великолѣпными зданіями. Вотъ Комическая Опера, Палата Депутатовъ, монастырь шотландскихъ доминиканцевъ въ мѣстности называемой „Освобожденіе“ (Freiung) и названной такъ потому что когда городъ не простирался еще доселѣ и останавливался у *Tiefen-Graben*, здѣсь преступники по праву находили себѣ убѣжище. Въ старину три четверти Вѣны состояли изъ монастырей, образовавшихъ изъ себя нѣчто въ родѣ отдѣльныхъ маленькихъ городовъ. Въ 1626 году, зимнимъ вечеромъ, карета четверней остановилась предъ находящимся здѣсь же дворцомъ Гарраха. Изъ нея высадили человѣка со строгимъ обликомъ, очевидно измученнаго усталостью, потому что въ локопъ внесли его на носилкахъ.

То былъ Валленштейнъ, женатый на одной изъ дочерей графа Гарраха, любимца императора. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну для поправленія здоровья, сильно разстроеннаго бивуачною жизнью въ Богеміи и Силезіи.

Черезъ нѣсколько дней простой солдатъ, рядовой изъ Кроатовъ, явился сюда, добываясь видѣть Валленштейна. Его хотѣли прогнать, но онъ подымалъ такой шумъ что пришлось доложить о немъ больному.

— Влутить!

и видѣ солдата, Валленштейнъ приподнялся.

А, это ты! Гичинскій сорванецъ! Задалъ же ты мнѣ ху!

Онъ самый и есть, отвѣчалъ Кроатъ, приближаясь къ ели,—я та самая гичинская „скотина“!... Виновать, гелъ: льянъ былъ... Оттого и бросилъ въ васъ грязью, а вы проѣзжали мимо съ Паленгеймомъ: не узналъ... приказали меня ловѣсить, а какъ жизнь была мнѣ еще (ка, такъ я и лустилъ въ васъ лулю...

Стрѣлять не умѣешь, просвистала мимо ушей, молвилъ лешштейнъ.

И слава тебѣ Господи, продолжалъ солдатъ,—потому еслибъ я попалъ, меня тутъ же вздернули бы на осину, о вы приподнялись на стременахъ, взглянули на меня, и изали „не трогать скота“. Меня и не тронули.... Вы меня испи, телерь моя очередь: я пришелъ спасти васъ.

Зодворилось молчаніе. Знаменитый полководецъ и посвященный на него солдатъ впились другъ въ друга глазами.

— Не вѣрьте лѣкарямъ, вновь началъ Кроатъ,—я хоть и ость, а больше ихъ смыслоу. У васъ вѣдь горячка: ну, я къ рукой сниму.

— Что жъ, попробуй, я не прочь, отвѣчалъ Валленштейнъ

— Дѣло. Такъ прикажите чтобы меня лускали на кухню, я сейчасъ любѣгу за травами, изготовлю вамъ литье (батшка научила): завтра же полегчаетъ, ей-Богу.

И странная вещь, вѣдь въ самомъ дѣлѣ Валленштейнъ издоровѣлъ....

Вторично посѣтилъ Валленштейнъ Вѣну въ 1633 году, ѡѣздомъ изъ Праги, гдѣ у него былъ свой дворецъ съ мсотней стражей въ передней. Пріѣхалъ онъ съ шестьюдесятью лажами, въ сопровожденіи лятидесяти экилажей естерней и лятидесяти четверкой; остановился у банкира кова Газера. Хозяинъ дома не ожидалъ гостя и спокойно есъдовалъ предъ камелькомъ со знаменитымъ астрологомъ Андреасомъ Арголи.

— А я васъ ищю! обратился Валленштейнъ къ Арголи, ходя въ комнату безъ доклада, въ широкомъ плащѣ съ ахлбученною на брови шаялой.—Много о васъ слышанъ. Одна только ваша наука можетъ разсѣять мои недоумѣнія...

Завязался серіозный разговоръ, продлившійся до полуночи. Валленштейнъ былъ въ концѣ его смущенъ: астрологъ предъказывалъ что-то недоброе....

И подлинно, въ слѣдующемъ году Валленштейна, воровавшаго одно время Европой, доставили въ Эгеръ на посылкахъ со свитой всего въ пятьсотъ всадниковъ, а черезъ нѣсколько дней его убили.

Депутаты Австрійской имперіи засѣдаютъ во временной постройкѣ италіянскаго стила. Разумѣется я посѣтилъ это зданіе. Пренія шли о томъ, принимать ли Австрію участіе въ Парижской выставкѣ будущаго года, или уклониться по примѣру Германіи. Говорили за, говорили противъ, мимоходомъ не безъ горечи поднимая и политическіе вопросы.

Результатъ извѣстенъ. Публики было очень много, но дамъ очень мало. Политическія Седимены, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Версали, совершенно неизвѣстны въ Вѣнѣ.

Австрійская палата не имѣетъ трибуны. Каждый ораторъ говоритъ съ своего мѣста, заложивъ руки въ карманъ или перебирая пачку бумагъ. Рѣчи нескончаемы. Собственно говоря, это не рѣчи, не импровизаціи, а длиннѣйшіе приготовленные въ тиши кабинета доклады. Мало кто изъ представителей во фракѣ; большинство щеголяетъ синими и фіолетовыми бархатными жилетами. У служителей бѣлый бантъ съ золотою бахромой на плечѣ, какъ въ Парижѣ у шаферовъ мѣщанскихъ орадебъ.

Напротивъ Палаты Депутатовъ церковь воздвигнута въ честь избавленія императора отъ покушенія 1853 года. Въ наше столѣтіе готическое искусство не произвело ничего красивѣе и прелестнѣе: архитектору точно подсказывалъ какой-нибудь старый мастеръ, ну хоть Эрвинъ Страсбургскій. Общее впечатлѣніе величаво. Черезъ расписанныя окна какой-то мечтательный свѣтъ озаряетъ цѣлый лѣсъ колоннъ встающихъ посреди храма. Въ нашу эпоху денегъ и лухекъ, это произведеніе зодческаго искусства чаруетъ какъ оазисъ посреди зыбучихъ песковъ.

На Рингѣ возводятся еще новыя сооруженія: университетъ, музей. По близости, позади небольшихъ римскихъ триумфальныхъ воротъ, находятся императорскія конюшни. Прежде всего вамъ показываютъ двѣнадцать жеребцовъ, доставшихся по завѣщанію отъ умершаго въ Прагѣ курфирста Гессенскаго. Порода ихъ должна прекратиться вмѣстѣ съ ними: таково одно изъ условій завѣщанія. Когда Прусаки заняли его владѣнія, курфистъ, имѣвшій одинъ изъ лучшихъ конскихъ заводовъ Германіи, приказалъ перебить всѣхъ своихъ кобылицъ....

До 1866 года въ императорскихъ конюшняхъ было шестьсотъ лошадей, теперь ихъ осталось всего триста, за то много кровныхъ испанскихъ.

Надъ конюшнями каретный сарай; экипажи спускаются внизъ посредствомъ особаго механизма. Это настоящій музей; тутъ и раззолоченныя парадныя кареты, и экипажи служившіе при коронаціяхъ, расписанные кистью Рубенса, изображавшаго на нихъ монархическія эмблемы: Правосудіе, Могущество и т. д. Внутренность ихъ въ бархатъ съ золотомъ, запрягаются онѣ восьмерикомъ. Очень любопытна коллекція саней; Маріи-Терезіи, которыми обыкновенно она сама правила, имѣютъ видъ раковины, другія — лебединою формою. Въ сѣдельномъ отдѣленіи замѣчательно сѣдло императора Максимилиана, его наѣздничья панталона изъ собачьей кожи, арканъ и мексиканская широкополая шляпа; сѣдло Кара-Мустафы, его золотыя шпоры и увязанный рубинами и жемчугомъ чалракъ. Сбруя для коронацій — бархатная съ золотомъ и золотыми погремучками. Четыре особыя залы наполнены охотничьимъ оружіемъ, начиная съ образчиковъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Вотъ кольца съ которыми первые герцоги ходили на кабана и на медвѣдя... А вотъ хорошенькія ружья съ которыми охотилась Марія-Терезія. Оправленные въ серебро оленьи рога, подарокъ Виктора-Эммануила, украшаютъ эту залу.

Отсюда отправимся отдохнуть въ *Hof-Garten*, „Придворный“ или „Дворцовый садъ“. Это вѣнскія Тюильри. Играютъ цѣти, гремитъ музыка, гуляютъ нарядныя дамы. Другое любимое гулянье — „Народный садъ“, *Volksgarten*, съ тѣнистыми аллеями, щегольскою кофейней и храмомъ Тезея. Здѣсь воздвигается новое зданіе Законодательнаго Кортуса, и отъ этого громаднаго сосѣдства садъ кажется гниаіурьямъ.

Вѣнцы съ локовъ вѣка любители зелени. Они обожаютъ вѣты, деревья, птицъ. Въ каждой самой скромной гостиной непременно горшки цвѣтовъ и калѣтка: гераніумы и анарейка. Не имѣя возможности населить свои общественныя сады соловьями, Вѣнцы наполняютъ ихъ музыкантами, съ ранней весны до поздней осени, каждый вечеръ всѣ вѣнскія гульбища обращаются въ концертную залу.

Не забудемъ что Вѣна-то снабдила Голландію первымъ юльпаномъ. Еще Матвѣй Корвинъ говорилъ въ одномъ

изъ своихъ писемъ что „вся вѣвская земля есть не иное что какъ необъятный садъ; окруженный виноградниками и огородами“. Въ старину Вѣвцы праздновали появленіе фіалокъ: кто первый нашелъ въ полѣ первую фіалку, тому устраивали торжественное шествіе въ городъ.

Неодалеку отъ садовъ—Лобковицкая площадь, съ роскошными хоромами этого имени, возведенными въ стилѣ рококо между 1685 и 1690 годами. Князь Лобковичъ игралъ въ XVII столѣтіи значительную роль. Онъ соединялъ въ себѣ три личности: придворнаго, дѣльца и кутяны. Достигъ онъ чрезвычайно высокаго положенія, потомъ впалъ въ немилость и умеръ въ изгнаніи. Дѣло въ томъ что онъ былъ неводержанъ на языкъ, а извѣстно что „во многоглаголаніи нѣтъ спасенія“... Въ 1673 году императоръ Леопольдъ, потерявшій супругу, желалъ вступить въ новый бракъ. Выборъ его колебался между одвою марграфиней и кузиной его Клавдіей-Фелицитасъ, дочерью великаго герцога Фердинанда. Представлялись также и другія партіи. Портреты всѣхъ невѣстъ были выставлены во дворцѣ въ особой комнатѣ.

Разъ какъ-то когда Лобковичъ разсматривалъ эту любопытную коллекцію, Леопольдъ обратился къ нему съ вопросомъ, на комъ бы остановиться?

Лобковичъ назвалъ нѣсколько именъ, — но не упомянулъ ни одной изъ тѣхъ особъ портреты которыхъ находились предъ его глазами...

Между тѣмъ, супругой императора стала Клавдія. Она рѣшила отомстить князю за нанесенную ей косвенную обиду, и придравшись къ его заграничнымъ знакомствамъ, обвинила его въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей и добилась его изгнанія. Иезуиты помогли ей въ этой интригѣ, потому что они ненавидѣли Лобковича, который преслѣдовалъ ихъ своими сарказмами и постоянно твердилъ императору что „die Juden, Ungarn und Jesuiten berauben die Majestät aller Güte“ (Жиды, Венгерцы и иезуиты отнимаютъ у престола всѣ блага). Онъ навлекъ на себя также нерасположеніе Вѣвскаго муниципалитета, запустившаго столицныя улицы до нельзя и который онъ постоянно преслѣдовалъ требованіями озаботиться наконецъ чистотой города и досаждалъ своими выходками. Однажды напримѣръ, въ качествѣ губернатора, онъ послалъ

за бургомистромъ. Тотъ прикатилъ въ парадномъ экипажѣ, въ шитомъ золотомъ полукафтани, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ брилліантовыми пряжками.

— Ахъ, это вы, господинъ бургомистръ, отвесся къ нему Лобковичъ, хватаясь за шляпу;—извините пожалуйста: меня зовутъ по дѣлу, я долженъ отлучиться; поѣдьте вмѣстѣ въ моей каретѣ, дорогой потолкуемъ и я завезу васъ домой.

Бургомистръ отослалъ своего кучера и усѣлся въ экипажъ князя, который принялся растабарывать съ нимъ о лустякахъ. Карета Лобковича околесила самые грязные закоудки Вѣны, и остановилась посреди площади предъ Ратушей.

— Видовать, господинъ бургомистръ, вновь сталъ извиняться князь,—мы заболтались, время ушло, меня ждутъ, я опоздалъ: приходится высадить васъ здѣсь.

Дверцы распахнулись, лакей подбѣжалъ высадить муниципальнаго сановника. Когда этотъ послѣдній увидѣлъ море грязи, въ которое ему приходилось окунуться, онъ обратился къ Лобковичу.

— Ваше сіятельство, взмолился онъ жалобнымъ голосомъ,—прикажите подѣхать лоблаже къ крыльцу.

— Невозможно, отвѣчалъ князь,—меня ждутъ, я и такъ опоздалъ уже на цѣлыя двадцать минутъ.

Дѣлать нечего, бургомистръ прыгнулъ въ грязь, и добрался домой перепачкавшись какъ собака. Съ этого времени улицы поочистились,—за то на Лобковича подъ рукой пошелъ ковы и муниципалитетъ.

Въ изгнаніи онъ не утратилъ своей обычной веселости. Одна изъ его комнатъ была убрана очень оригинально: половина разукрашена на подобіе дворцовыхъ салоновъ, другая представляла воспроизведеніе крестьянской избы: „Мое прошлое и мое натеящее“, говорилъ онъ посмѣиваясь друзьямъ.

Лобковичъ самъ сочинилъ для своего памятника эпитафію, въ которой сказалась вся его судьба:

„Былъ я графомъ, княземъ, герцогомъ,—теперь я прахъ, тѣнь, ничто“...

(Окончаніе слѣдуетъ)

ВИКТОРЪ ТИССО.

СЪѢЗДЪ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВЪ ЦЮРИХЪ

Между тѣмъ какъ на Дунаѣ идетъ ожесточенная борьба и русская кровь обогрѣетъ многострадальную Болгарію, на мирныхъ берегахъ Цюрихскаго озера собралось общество ученыхъ, поставившее себѣ между прочимъ задачей содѣйствовать поддержанію мира и соблюденію законовъ войны и избравшее своимъ девизомъ: *justitia et pax*.

10го сентября открылся въ Цюрихѣ четвертый съездъ Института Международнаго Права.

Мѣсто избранное для съезда располагало къ спокойному и безпристрастному обсужденію стоявшихъ на очереди вопросовъ, а составъ членовъ ручался за строго научное направление работъ. Тутъ были представители Англій, Бельгіи, Голландіи, Италіи, Франціи, Россіи, Швейцаріи и стоить упомянуть имена Блаунца изъ Гейдельберга, Бульмеринка бывшаго профессора Дерптскаго университета, Паріё, члена Французскаго Института, Монтаю Бернара, члена Тайнаго Совѣта королевы Викторіи, Муанье, председателя Женевскаго комитета Краснаго Креста, Асира изъ Амстердама, Бруса изъ Модены, Гесснера изъ Берлина, Ролель-Жакмена изъ Гента, Мартенса, профессора Петербургскаго университета, Голланда изъ Оксфорда, Неймана изъ Вѣны, чтобы дать читателю понятіе о блестящемъ собраніи ученыхъ и

государственныхъ людей, съѣхавшихся въ настоящемъ году въ Цюрихъ.

Хотя пребываніе въ мирной Швейцаріи, среди населенія исключительно преданнаго своимъ ближайшимъ интересамъ, и способно отвлечь отъ событій совершающихся на Востоку и заставить на время забыть о тѣхъ вопросахъ которые волнуютъ остальную Европу, тѣмъ не менѣ русско-турецкая распря не могла не отразиться на работахъ Института, одна изъ задачъ котораго—содѣйствовать ограниченію тѣхъ бѣдствій какія влекутъ за собою войны. Первоначальная программа съезда была измѣнена и нѣкоторые вопросы стоявшіе на очереди отложены до слѣдующаго съезда. Лишь засѣданіе 10го сентября было занято обсужденіемъ вопроса относящагося къ международному праву во время мира: оно разсматривало предложенія Асира, касавшіяся международнаго судопроизводства по гражданскимъ дѣламъ. Остальныя же засѣданія носили на себѣ такъ-сказать военный характеръ, и были посвящены: 1) настоящей вѣнѣ; 2) обсужденію: а) предложеній Бульмерика, касающихся неприкосновенности частной собственности въ морскихъ войнахъ; б) проекта Вестлека объ организаціи международныхъ призовыхъ судовъ. Объ этихъ-то засѣданіяхъ мы и намѣрены сказать нѣсколько словъ.

10го сентября стояли на очереди правила о неприкосновенности частной собственности на морѣ, выработанныя второю комиссіей, докладчикомъ которой выступилъ Бульмерикъ.

Декларация пяти великихъ державъ, Сардиніи и Турціи 16го апрѣля 1856 года запрещаетъ, какъ извѣстно, калерство, и опредѣляетъ что непріятельскій грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ не подлежитъ захвату. Къ этой деклараціи присоединились остальныя державы, не подписавшія Парижскаго трактата, за исключеніемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Исландіи и Мексики. Министръ иностранныхъ дѣлъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Марси (Marcy) въ своей нотѣ отъ 28го юля 1856 года мотивируетъ отказъ тѣмъ, что уничтоженіе калерства обозначало бы шагъ впередъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы декларация объявила частную собственность на морѣ неприкосновенною, ибо пока непріятельскій грузъ годъ непріятельскимъ флагомъ подлежитъ захвату, воспре-

щеніе калерства выгодно лишь для морскихъ державъ, имѣющихъ постоянный флотъ: эти державы будутъ попрежнему захватывать частную собственность, съ тѣмъ только различіемъ, что государства не имѣющія такого флота и прибѣгавшія до сего времени къ содѣйствию частныхъ судовъ, не будутъ болѣе стѣснять ихъ владычество на морѣ. Северо-Американскіе Штаты объявили, что они готовы присоединиться къ деклараціи 4го (16го) апрѣля 1856 года, если на ряду съ воспрещеніемъ калерства будетъ постановлено, что частная собственность на морѣ неприкосновенна. Съ тѣхъ поръ и публицисты и государственные люди не переставали ратовать за тотъ принципъ который Марси въ своей нотѣ считалъ необходимымъ дополненіемъ Парижской деклараціи. И не прошло и десятилѣтій какъ этотъ принципъ легъ въ основаніе деклараціи державъ участвовавшихъ въ войнѣ 1856 года. Эти деклараціи установили правило, по которому торговые суда и ихъ грузъ подлежатъ захвату лишь въ томъ случаѣ, если они перевозятъ военную контрабанду или пытаются нарушить дѣйствительную и объявленную блокаду. Институтъ, который поставилъ себѣ задачей слѣдить за успѣхами международнаго права, приводить въ сознаніе и формулировать правовыя начала выработанныя жизнью и могущія служить отдѣльнымъ государствамъ руководствомъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ—не могъ не обратить вниманія на этотъ новый принципъ пробивавшій себѣ дорогу сквозь отсталыя понятія устарѣвшей практики. На собраніи въ Гаагѣ онъ принялъ резолюцію, въ которой, констатируя что начало неприкосновенности непріятельской частной собственности подъ нейтральнымъ флагомъ уже вошло въ область положительнаго международнаго права, выражаетъ желаніе, чтобъ и начало неприкосновенности непріятельской частной собственности подъ непріятельскимъ флагомъ, провозглашенное деклараціями Пруссіи, Австріи и Италіи въ 1866 году, получило общее признаніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было, поручить особой комиссіи разсмотрѣніе вопроса: какія ограниченія въ виду военной необходимости долженъ претерпѣть принципъ неприкосновенности частной собственности на морѣ? Результаты работъ комиссіи, докладчикомъ которой выступилъ Бульмерикъ, и были разсмотрѣны на засѣданіи 11го сентября.

Первая резолюція гласитъ такъ: *частная собственность, какъ непріятельская такъ и нейтральная, плавающая подъ непріятельскимъ флагомъ или подъ нейтральнымъ, неприкосновенна.* Резолюція эта встрѣтила оппозицію со стороны присутствовавшихъ на съездѣ Англичанъ. По мнѣнію Монтаю - Бернара, невозможно приравнять непріятельскую собственность къ нейтральной. Прежде чѣмъ провозгласить принципъ неприкосновенности частной собственности, необходимо установить тѣ условія, при которыхъ частная собственность нейтральная должна считаться неприкосновенною, и лишь установивъ правила относительно нейтральной собственности приступить къ разрѣшенію вопроса, насколько эти правила применимы къ частной собственности непріятельской. Бульмерикъ не согласился съ мнѣніемъ Монтаю Бернара и защищая редакцію резолюціи, доказывалъ, что приравнивая нейтральную частную собственность къ непріятельской и объявляя ту и другую неприкосновенною онъ лишь въ болѣе сжатой и болѣе юридической формѣ выразилъ начала принятыя Институтомъ на съездѣ въ Гаагѣ. Остальные члены присоединились ко мнѣнію Бульмерика и безъ дальнѣйшихъ преній приняли резолюцію въ редакціи предложенной докладчикомъ.

Вторая резолюція касается военной контрабанды, вопроса который возбудилъ въ литературѣ и на практикѣ цѣлый рядъ споровъ и который всего труднѣе поддается точной и сжатой формуловкѣ. Бульмерикъ, исходя изъ того убѣжденія что невозможно на теоретическомъ основаніи точно опредѣлить границы военной контрабанды и разъ навсегда перечислить предметы подлежащіе захвату, такъ какъ эти предметы на практикѣ бесконечно разнообразны и могутъ мѣняться сообразно обстоятельствамъ, ограничился въ своей резолюціи установленіемъ общихъ признаковъ тѣхъ предметовъ которые должны считаться военною контрабандой. Его резолюція редактирована въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Подлежать захвату предметы предназначенные для войны, и торговля суда принявшія участіе, предназначенныя принять участіе или кои въ состояніи принять участіе въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ или же нарушившія дѣйствительную и объявленную блокаду“. И тутъ первыми оппонентами выступили Англичане. Монтаю - Бернаръ находилъ что редакція Бульмерика

допускаетъ самыя разнообразныя толкованія и что установленное имъ понятіе контрабанды, какъ до крайности растяжимое и неопредѣленное, висколько не выясняетъ вопроса который онъ старается разрѣшить въ своей резолюціи. Голландъ замѣтилъ что напрасно Бульмерикъ избѣгаетъ усвоенное наукой и освященное практикой слово контрабанда и замѣняетъ его околичнословіемъ, которое не замедлитъ вызвать цѣлый рядъ недоразумѣній. Ко мнѣнію Голланда присоединился Муанье и предложилъ дополнить редакцію Бульмерика словомъ „военная контрабанда“, по отношенію къ которому околичнословіе Бульмерика явилось бы поясненіемъ. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній докладчика, настаивавшаго на необходимости избѣгать выраженія: „военная контрабанда“, которымъ слишкомъ злоупотребляла практика, и въ особенности англійская, вливавшая въ него произвольно самое разнообразное содержаніе, собраніе рѣшило отклонить предложеніе Муанье и обратилось къ разрѣшенію вопроса: охватываетъ ли редакція Бульмерика общіе признаки предметовъ которые должны подлежать захвату? Ролень-Жакменъ находилъ что редакція Бульмерика при опредѣленіи предметовъ подлежащихъ захвату имѣеть въ виду лишь одинъ моментъ, — назначеніе этихъ предметовъ, а оставляетъ безъ вниманія другой не менѣе важный, а именно самое качество предметовъ, ихъ способность служить военнымъ цѣлямъ. Воюющій имѣеть несомнѣнное право лишать непріятеля всѣхъ тѣхъ предметовъ которые могутъ служить военнымъ матеріаломъ. Эти предметы должны считаться военною контрабандою, и въ томъ случаѣ, если въ моментъ ихъ захвата они и не предназначались на театръ войны. Въ виду этихъ соображеній Ролень-Жакменъ предложилъ дополнить опредѣленіе Бульмерика и постановить что военною контрабандою считаются и *предметы способные* служить военнымъ цѣлямъ (*susceptibles d'être employes à la guerre*). Нейманъ выразилъ однако опасеніе что слово „susceptible“ дастъ слишкомъ широкій просторъ произволу, ибо подъ предметами способными служить военнымъ цѣлямъ можно подразумѣвать не только оружіе и военный матеріалъ, но и цѣлый рядъ другихъ предметовъ, которыми непріятель въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ воспользоваться въ интересахъ войны. Принять поправку Ролена-Жакмена значитъ де

открыть настежь двери такъ-называемой относительной военной контрабанды, отвергнутой большинствомъ современныхъ публицистовъ и осужденной практикой континентальныхъ державъ. Предметы изъ которыхъ могутъ быть изготовлены военныя принадлежности, но которые должны пройти еще цѣлый рядъ операций прежде чѣмъ сдѣлаться военнымъ матеріаломъ, подходили бы въ такомъ случаѣ также подъ понятіе военной контрабанды. Хлопокъ, строевой лѣсъ, желѣзо, признавались бы предметами подлежащими захвату. Эти разсужденія Неймана возбудили очень оживленные пренія, которыя выяснили необходимость дополнить редакцію Бульмеринга словами: „*insceptibles d'être employés immédiatement*“. Такимъ образомъ Институтъ принялъ слѣдующее опредѣленіе военной контрабанды: „подлежать захвату предметы предназначенные для войны или способные служить непосредственно военнымъ цѣлямъ“. Какъ бы точно и ясно это опредѣленіе ни было, оно тѣмъ не менѣе устанавливаетъ лишь общіе признаки военной контрабанды и не исключаетъ недоразумѣній, которыхъ трудно будетъ избѣгнуть при конкретномъ опредѣленіи отдѣльныхъ предметовъ. Во избѣжаніе этихъ недоразумѣній, Муанье предложилъ дополнить резолюцію постановленіемъ чтобы воюющіе до открытія военныхъ дѣйствій объявили, какъ то сдѣлала Россія въ настоящую войну, какіе предметы они будутъ считать подлежащими захвату. Собраніе согласилось съ Муанье и рѣшило дополнить резолюцію соответствующимъ постановленіемъ. Второй параграфъ резолюціи Бульмеринга былъ, такимъ образомъ, значительно видоизмѣненъ и принятъ съѣздомъ въ слѣдующей редакціи: *Подлежатъ захвату предметы предназначенные для войны или способные непосредственно служить военнымъ цѣлямъ. Для каждой войны въ отдѣльности правительства воюющихъ сторонъ должны заранее опредѣлить предметы которые они будутъ считать подлежащими захвату. Равнымъ образомъ подвергаются захвату торговые суда, принявшія или предназначенныя принять или кои въ состояніи непосредственно принять участіе въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ или же нарушившія дѣйствительную и объявленную блокаду.*

Съездъ приступилъ затѣмъ къ разсмотрѣнію третьяго параграфа, который гласитъ: *Блокада дѣйствительна, если достаточное количество военныхъ судовъ, занимающихъ станцію*

или лишь временно (momentanément) удаляющихся со своей станціи, препятствуютъ доступу къ блокированному порту. Блокада нарушается, когда торговое судно, извѣщенное о блокадѣ, пытается силой или хитростью проникнуть за линію блокады. Пренія по поводу этого параграфа открыты замѣчаніемъ Неймана, который находилъ что редація этого параграфа не имѣетъ въ виду всѣхъ тѣхъ средствъ которыми можетъ быть блокированъ портъ. Онъ былъ того мнѣнія что нельзя считать блокаду дѣйствительною лишь въ томъ случаѣ, если входъ въ портъ загражденъ судами, но что и всякое другое средство дѣлающее этотъ портъ недоступнымъ нейтральнымъ судамъ можно считать условіемъ удовлетворяющимъ понятію блокады. Батареи, напимѣръ, выведенныя на берегу и своими выстрѣлами препятствующія доступу къ порту, можно считать такимъ же дѣйствительнымъ средствомъ какъ и корабли, выстроившіеся при входѣ въ гавань. Съ этимъ мнѣніемъ согласились Баунчи, Паріе, Брусъ. Бульмерикъ же, Мартенсъ и Ролень-Жакменъ защищали первоначальную редацію и доказывали что дополненіе предлагаемое Нейманомъ 1) нисколько не оправдывается потребностями практики, такъ какъ число случаевъ, когда портъ былъ блокированъ батареями, крайне ограничено; 2) расширить понятіе блокады и сдѣлаетъ его крайне неопредѣленнымъ и шаткимъ, чѣмъ не преминуть воспользоваться воюющіе въ ущербъ интересамъ нейтральности. Этотъ послѣдній доводъ, развитый Ролень-Жакменомъ съ замѣчательною ясностью и убѣдительною, рѣшилъ судьбу третьяго параграфа. Большинство членовъ согласилось съ аргументами защитниковъ резолюціи Бульмерика и приняли § 3 въ редакціи предложенной докладчикомъ.

Остальные два параграфа, касающіеся каперства и права осмотра, были приняты безъ преній. Они редактированы въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

§ 4. Каперство воспрещается (La course est interdite).

§ 5. Военныя суда воюющихъ державъ имѣютъ право производить осмотръ на торговыхъ судахъ для провѣрки ихъ національности, для разысканія предметовъ подлежащихъ захвату и для константированія нарушенія блокады. Осмотръ можетъ быть производимъ съ момента извѣщенія объ объявленіи войны до заключенія мира. Право осмотра отмѣняется во время пріостановки военныхъ дѣствій или

перемірія. Осмотръ можетъ производиться какъ въ водахъ воюющихъ сторонъ, такъ равно и въ открытомъ морѣ, но не на военныхъ нейтральныхъ судахъ или тѣхъ кои несомнѣнно принадлежать нейтральной державѣ. Начальникъ судна производящаго осмотръ долженъ ограничиться провѣркой судовыхъ бумагъ. Ему предоставляется право производить обыскъ на кораблѣ только въ томъ случаѣ, если судовыя бумаги даютъ поводъ къ подозрѣнію въ обманѣ или доказываютъ таковой или же когда есть серьезные поводы подозрѣвать присутствіе на кораблѣ предметовъ предназначенныхъ для войны.

Утреннее засѣданіе 12го сентября было занято разсмотрѣніемъ проекта Вестлека объ организациі международныхъ призовыхъ судовъ. Этотъ проектъ предлагаетъ чтобъ отдѣльныя государства цѣлымъ рядомъ договоровъ условились между собою организовать на случай войны смѣшанные суды по призовымъ дѣламъ. Каждый изъ этихъ договоровъ, заключенный между двумя государствами, долженъ установить что въ случаѣ войны, въ которой одинъ изъ контрагентовъ является воюющею стороною, другой же остается нейтральнымъ, государство, начавъ войну, организовало бы на своей территоріи судъ по призовымъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны подданные государства оставшагося нейтральнымъ. Эти суды должны состоять изъ трехъ или четырехъ членовъ, изъ которыхъ первый, предсѣдатель, назначается воюющею стороною, второй государствомъ не принявшимъ участія въ войнѣ, третій или третій и четвертый однимъ или двумя нейтральными государствами-посредниками. Эти державы посредники или могутъ уже быть указаны въ договорѣ, который въ такомъ случаѣ заключается съ ихъ согласіемъ, или выбираются воюющею стороною изъ числа державъ указанныхъ государствомъ оставшимся нейтральнымъ.

Пренія которыя возбудилъ этотъ проектъ открылись протестомъ Англичанъ, которые, оставаясь вѣрными своей національной точкѣ зрѣнія, объявили что не только не одобряютъ проекта Вестлека, но и самую мысль объ организациі международныхъ призовыхъ судовъ считаютъ неосуществимою и потому праздною. По мнѣнію Монтагу-Бернара, устройство суда предложенное Вестлекомъ будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ медленность и тяжеловѣсность про-

цесса. Суды, личный составъ которыхъ будетъ постоянно мѣняться и члены коихъ будутъ частью представители заинтересованныхъ сторонъ, частью лица принадлежащія къ различнымъ національностямъ, такіе суды не могутъ разбирать и разрѣшать дѣла съ тою увѣренностію и послѣдовательностію какія свойственны судамъ состоящимъ изъ лицъ принадлежащихъ къ одной и той же національности и руководящихся правилами установленными однообразною практикой, выработавшею устойчивыя начала судопроизводства. Если въ существующихъ призовыхъ судахъ засѣдаютъ испытанные юристы, то тѣ делегаты правительствъ, которыхъ предназначаютъ для своихъ судовъ Вестлекъ, наврядъ ли будутъ обладать тѣми свѣдѣніями и тою опытностію, которыя поставили бы ихъ на высоту поручаемой имъ задачи. Международные призовые суды ничѣмъ не будутъ отличаться отъ англо-американской смѣшанной комиссіи по дѣлу Спрингбока, темая стороны которой не отрицаютъ и защитники проекта Вестлека.* Ролень-Жакменъ въ отвѣтъ на послѣднее утвержденіе замѣтилъ что параллель между англо-американскою смѣшанною комиссіей и судами по проекту Вестлека не совсѣмъ точна. Первая состояла лишь изъ трехъ судей, изъ которыхъ два были представителями заинтересованныхъ сторонъ, третій же италіанскій дипломатъ Корти, ничего не смыслившій въ призовомъ правѣ. Кромѣ того эти судьи были назначены ad hoc, для разрѣшенія даннаго спора, между тѣмъ какъ проектъ Вестлека предлагаетъ назначить судей до открытія военныхъ дѣйствій, которые такимъ образомъ будутъ разрѣшать дѣла возникшія до ихъ назначенія. Бульмеринкъ и Нейманъ, не отвергая самаго проекта, находили однако что прежде чѣмъ толковать объ организаціи призовыхъ судовъ, необходимо установить основныя начала матеріальнаго права, которыми могли бы руководиться эти суды, пока же его не существуетъ, осуществленіе проекта Вестлека не будетъ дѣйствительнымъ услѣхомъ. Установлять формальное право, не выработавъ матеріальнаго, замѣтилъ Нейманъ, значитъ начать постройку зданія съ крыши. Съ

* *De la réforme du droit maritime de la guerre, par Gessner, съ примѣчаніями Вестлека, Лоримера и Ролена-Жакмена (Revue du droit international P. VI, 1875).*

ими доводами не согласились однако Блаунчи и Ролень-акмень, которые находили что матеріальное право кото-
 мы могли-бы руководствоваться международные призовые
 ды есть, и хотя практика отдѣльных государствъ выра-
 тала начала которыя не всегда другъ съ другомъ совла-
 ютъ, это не можетъ однако служить основаніемъ отверг-
 нуть предложеніе Вестлека, проектируемый судъ котораго
 жетъ доставить данныя для разработки того матеріальнаго
 вава, о которомъ хлопочуть Бульмерикъ и Нейманъ. И
 въ всякомъ случаѣ международные суды представляютъ бо-
 лѣе ручательствъ за безпристрастность приговора, чѣмъ
 существующіе въ настоящее время. Проектъ Вестлека имѣ-
 етъ де то несомнѣнное достоинство что не требуетъ ломки
 существующаго, а указываетъ путь постепенной и легко на-
 рактикъ осуществимой реформы. Принять предложеніе
 естлека значитъ сдѣлать небольшой, но вѣрный шагъ
 впередъ, между тѣмъ какъ кодификація призоваго права
 есть задача, разрѣшеніе которой принадлежитъ болѣе отда-
 ленному будущему. Пренія о проектѣ Вестлека закончились
 въ томъ что была принята резолюція которая примирила эти
 два противоположныя мнѣнія, Бульмерика и Неймана съ
 одной стороны, Блаунчи и Ролень-Жакмена съ другой. Она
 гласитъ:

„Институтъ заявляетъ что нынѣшняя система судо-
 строения и судопроизводства по призовымъ дѣламъ не-
 остоятельна и что оны считаетъ настоятельно необходи-
 остью улучшить этотъ порядокъ вещей путемъ новаго меж-
 ународнаго учрежденія. По его мнѣнію необходимо:

„1) Формулировать путемъ договоровъ основныя начала при-
 озоваго права.

„2) Замѣнить суды, доселѣ составлявшіеся изъ судей при-
 алежащихъ исключительно государству ведущему войну,
 международными судами, которые представляли бы заинте-
 ресованнымъ лицамъ нейтральнаго и непріятельскаго госу-
 арства болѣе надежныя ручательства за безпристрастность
 приговора.

„3) Условиться относительно общаго судопроизводства по
 призовымъ дѣламъ.

„Во всякомъ случаѣ Институтъ полагаетъ необходимымъ
 явить что отнынѣ оны сочтеть успѣхомъ учрежденіе

смѣшанныхъ судовъ первой инстанціи или апелляціонныхъ на началахъ проекта выработаннаго г. Вестлякомъ.

Утреннее засѣданіе 11го сентября, а вечернее 12го были посвящены настоящей войнѣ.

Институтъ не имѣлъ до сего времени случая высказываться о текущихъ политическихъ событіяхъ. На доая Цюрихскаго съѣзда впервые выпала нелегкая задача подать мнѣніе о вопросѣ который поглощаетъ вниманіе всей Европы.

Институтъ, который, по мысли своихъ основателей, долженъ касаться текущихъ политическихъ событій лишь настолько насколько въ нихъ пробивается юридическій элементъ и насколько самый характеръ этихъ событій допускаетъ объективную научную оцѣнку, приступивъ къ обсужденію событій на Востокѣ, рѣшилъ не касаться ихъ политической стороны, а ограничиться оцѣнкой поведенія обѣихъ воюющихъ державъ съ точки зрѣнія международнаго права. Этими самымъ были исключены изъ преній вопросы о возникновеніи войны и объ условіяхъ будущаго мира, — вопросы, о которыхъ невозможно разсуждать, не затрогивая политическихъ и національныхъ интересовъ. Институтъ поставилъ себѣ, кромѣ того, за правило основать свои заключенія лишь на такихъ свѣдѣніяхъ, источникъ которыхъ ручается за ихъ достовѣрность.

Уже въ началѣ войны бюро Института обнародовало воззваніе озаглавленное *Законы войны*. Въ этомъ документѣ Институтъ наломилъ воюющимъ о правилахъ войны, вошедшихъ въ область положительнаго международнаго права. Теперь на съѣздѣ ему предстояло высказаться о томъ насколько эти правила были соблюдены воюющими. Институтъ не хотѣлъ выступить судьей сторонъ, а констатируя факты, лишь опредѣлить отношеніе воюющихъ къ началамъ международнаго права, установленнымъ договорами и признаннымъ практикой. Съѣздъ поручилъ Ролень-Жакмену и Лемуанье составить циркуляръ въ этомъ смыслѣ, который и былъ рассмотрѣнъ и утвержденъ на засѣданіи 12го сентября.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ его подъ руками, такъ какъ Институтъ рѣшился предать его гласности, лишь сдѣлавъ нѣсколько справокъ, касающихся его фактической стороны. Мы ограничимся указаніемъ на его содержаніе въ самыхъ общихъ чертахъ.

Циркуляръ, озаглавленный: *Observations et vœux délibérés par l'Institut de droit international en séance du 12 septembre 1877*, распадается на три части. Первый отдѣлъ перечисляетъ акты опубликованные Русскимъ правительствомъ по случаю настоящей войны: 1) декларацію Русскаго правительства 11го (23) мая, въ которой предписывается русскимъ войскамъ соблюденіе Парижской деклараціи 1856 года, Женевской конвенціи 1864 года, Петербургской 1868—о разрывныхъ пуляхъ и общихъ постановленій Брюссельской деклараціи 1874 года, насколько онѣ приложимы къ обстоятельствамъ настоящей войны, и которая даетъ, наконецъ, перечень предметовъ контрабанды; 2) положеніе о военнопленныхъ, которое предписываетъ самое гуманное обращеніе съ плавными; 3) изданіе Военнаго Министерства: *Обычаи и законы войны*, имѣющее цѣлью ознакомить офицеровъ съ основными началами права войны, выработанными наукой и практикой. Циркуляръ, перечисливъ эти документы, приходитъ къ заключенію что Русское правительство исполнило всѣ тѣ обязанности которыя возлагаетъ на воюющаго международное право и приняло всѣ зависящія отъ него мѣры, дабы ознакомить свои войска съ постановленіями права войны и дабы обезпечить ихъ соблюденіе.

Второй отдѣлъ задается вопросомъ: что сдѣлало въ этомъ отношеніи Турецкое правительство? и выражаетъ сожалѣніе что Институтъ не можетъ указать ни на одинъ документъ, который указывалъ бы на намѣреніе Турецкаго правительства ознакомить войска съ постановленіями международнаго права и обезпечить ихъ соблюденіе. Въ этомъ отдѣлѣ упоминается между прочимъ о письмѣ адресованномъ Савфеть-пашой Женевскому комитету Краснаго Креста, письмѣ доказывающемъ что турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ не взялъ даже на себя труда прочесть Женевскую конвенцію.

Въ третьей части циркуляра Институтъ выражаетъ желаніе: 1) чтобы обычное право войны (какъ оно формулировано Брюссельскою деклараціей) путемъ договоровъ получило общее признаніе и вошло бы въ область положительнаго международнаго права; 2) чтобы законы войны стояли не только подъ покровительствомъ военныхъ властей воюющихъ державъ, но чтобы за соблюденіями ихъ слѣдили и уполномоченные нейтральныхъ державъ; 3) чтобы были приняты мѣры для распространенія знакомства съ зако-

нами войны не только между офицерами, но и между нижними чинами и чтобы это знакомство сдѣлалось по возможности индивидуальнымъ достояніемъ каждаго отдѣльнаго солдата; 4) чтобы инструкция войскамъ, излагающая законы войны, была опубликована и распредѣлена между войсками до начала войны; 5) чтобы дикія племена участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ лишь организованными въ отдѣльные отряды подъ начальствомъ офицеровъ, которые были бы лично отвѣтственны предъ судомъ за проступки своихъ подчиненныхъ.

Съездъ высказалъ единогласно одобреніе этому циркуляру и принялъ его безъ преній.

А. АЛЕКСѢЕВЪ.

Страсбургъ.

18 (30) сентября, 1877.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ТРИДЦАТЬ ПЕРВАГО.

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

	Стр.	
Исслѣдованія о личности перваго Лжедмитрія. Гл. II. <i>П. С. Казанскаго</i>	5	✓
Воспоминанія крѣпостнаго. 1800—1868. (По подлинной рукописи.) Окончаніе. <i>Н. В. Щербаня</i>	34	✓
Философское ученіе Джорджа Герри Луиса. Окончаніе. <i>А. Ц. Стадлина</i>	68	✓
Происхожденіе романа. Литературно-историческіе очер- ки. Продолженіе. <i>В. Г. Австынка</i>	95	
Залиски генерала Отроценко. Гл. I—IV.....	124	✓
Упреки прошлаго. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. <i>И. В. Шпажннскаго</i>	184	✓
Мадонна. Повѣсть въ трехъ частяхъ. (Изъ одной се- мейной хроники.) Часть первая. <i>Гр. Е. А. Салиаса</i> .	247	✓
Путевыя впечатлѣнія. Поездка по Ломбардіи и Австріи. Гл. V. <i>Виктора Тиссо</i>	358	
На Горахъ. Разказъ Гл. XLVIII—LI. <i>Андрея Печер- скаго</i>	362	✓
Г. Маккензи Уоллесъ о Россіи. <i>С—ва</i>	404	✓
Нѣсколько замѣчаній на статью г. Вельюкова „Между- народные вопросы въ Азіи“. <i>А. И. Воейкова</i>	440	

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И .

Набабъ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Пере-
водъ съ французскаго. Часть первая. Гл. VII—X.

О К Т Я Б Р Ъ.

	<i>Стр.</i>
✓ Россія и Англія въ Персіи. <i>М. И. Венюкова</i>	445
✓ Исслѣдованія о личности перваго Лжедмитрія. Окончаніе. <i>П. С. Казанскаго</i>	472
✓ Записки генерала Отрощенко. Гл. V—VIII.....	508
Изъ поэмы „Собаки“. Гл. XI—XIII. <i>Я. П. Полонскаго</i>	576
Камень Сизифа. Еще изъ воспоминаній Одиссея Полихроніадеса, загорскаго Грека. Гл. IV—V. <i>К. Н. Леонтьева</i>	589
✓ Дѣвѣ невесты. Историческая драма въ пяти дѣйствіяхъ. <i>О. А. Голохвастовой</i>	617
✓ Мадонна. Повѣсть въ трехъ частяхъ. (Изъ одной семейной хроніки.) Часть вторая. <i>Графа Е. А. Салиасти</i>	728
„Въ былые дни, въ обманчивые годы“. Стихотвореніе. <i>Князя Д. Н. Цертелева</i>	824
✓ На горахъ. Разказъ. Гл. LII—LVІ. <i>Андрея Печерскаго</i> .	826
Путевыя впечатлѣнія. Повѣдка по Ломбардіи и Австріи. Гл. VI—VII. <i>Виктора Тиссо</i>	877
Съѣздъ Института Международнаго Права въ Цюрихѣ. <i>А. С. Алексѣева</i>	910

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И.

Набабъ. Французскіе нравы. Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. XI—XIII.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Автони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВВРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фовбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ вольвичьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романа г-на Черъ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тейлора. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками текста. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

которые гасятся при малѣйшемъ скрипѣ въ корри-
Эти прятанья противны моему характеру.... Но
получилъ, какъ на балъ въ порядочномъ домѣ, при-
на розовой бумагѣ, написанное прекраснымъ по-

*оэль проситъ г.... пожаловать кнелу на вичеръ 25го
ю мѣсица. Будетъ ужасно“,*

отря на плохую орфографію, я понялъ что рѣчь
дѣлѣ серьезномъ и дозволенномъ. Итакъ я надѣлѣ
ый сюртукъ, самое тонкое бѣлье и отправился на
скую площадь № 12, какъ значилось въ приглашеніи.
и дать свой праздникъ, г. Ноэль воспользовался пер-
представленіемъ въ оперѣ, куда отправлялась вся
что предоставляло свободу до полуночи всей при-
и весь домъ въ наше распоряженіе. Тѣмъ же ме-
ритрионъ счелъ за лучшее принять насъ наверху, въ
омнатѣ, и я вполнѣ одобрилъ его, раздѣляя мнѣніе,
куда не годится удовольствіе которое можетъ раз-
страхъ“. Да и какой верхній этажъ на Вандомской
и! Пушистый коверъ на полу, кровать подъ аль-
, алжирскія занавѣски съ красными полосами, часы
дьярѣ изъ зеленого мрамора, и все это освѣщено двумя
ыми лампами. Деканъ нашъ г. Шальметтъ не имѣлъ
о помѣщенія въ Дижонѣ. Я пріѣхалъ около девяти
со старымъ Мюлавоновымъ Франсисомъ и долженъ
ся что появленіе мое произвело впечатлѣніе, благо-
оному академическому прошедшему, моей репутаціи
ка вѣжливаго и опытнаго. Моя представительная на-
ить довершила остальное, ибо надо сказать правду, я
являться въ общество. Г. Ноэль, въ черномъ фракѣ,
смуглый, съ бакенбардами котлеткой, вышелъ ко
и встрѣчу.

обро пожаловать господинъ Пассажонъ! сказалъ онъ и
у меня фуражку съ серебрянымъ галуномъ, которую
я держалъ въ правой рукѣ, передалъ ее громадному
въ ливреѣ, красной съ золотомъ.

юзьми, Лакдаръ, повѣсь это.... и это.... присовокулилъ
въ видѣ шутки ударивъ его ногой по нижней части
и.

когда эта возбудила общій смѣхъ и мы начали друже-
зговаривать. Славный малый этотъ г. Ноэль, съ его

южнымъ акцентомъ, его рѣшительною осанкой, съ простотою его манеръ. Онъ напомнилъ мнѣ Набаба, разумѣется помимо величественнаго вида. На этомъ вечерѣ впрочемъ замѣтилъ что такое сходство нѣрѣдко между камердинерами, которые, находясь постоянно при своихъ господахъ всегда нѣсколько ослѣвляющихъ ихъ, принимаютъ наковедь ихъ манеры и обычаи. Такъ на примѣръ г. Франсисъ выпрямляется, выказывая свое бѣлье, поднимаетъ руки, выставляя манжеты, точь въ точь какъ Монлавонъ. Но вотъ человекъ нисколько не похожій на своего господина, Джоз. кучеръ доктора Дженкинса. Я называю его Джоз, но на вечерѣ всѣ его называли Дженкинсомъ; ибо въ этомъ кругу люди завѣдующіе конюшнями въ разговорахъ между собой даютъ другъ другу имена своихъ хозяевъ, просто называя себя Буа-Ландри, Монлавонъ и Дженкинсъ. Для того ли это чтобъ унижить господъ или возвысить прислугу? Въ каждой странѣ свои обычаи; удивляться имъ можетъ только глупецъ. Но возвратимся къ Джоз Дженкинсу: какимъ образомъ докторъ, такой любезный, столь совершенный во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ держать у себя въ услуженіи такое животное, пролитанное портеромъ и джипомъ, которое молчитъ по цѣлымъ часамъ, а какъ только попадетъ ему въ голову, то принимается рычать, готовъ боксировать со всѣми на свѣтѣ, доказательствомъ чему служить скандальная сцена, происшедшая при нашемъ входѣ.

Маленькій грумъ маркиза, Томъ Буа-Ландри, какъ его называютъ здѣсь, хотѣлъ пошутить съ этимъ невѣжей Ирландцемъ, и тотъ въ отвѣтъ на остроту парижскаго шулуна нанесъ ему страшный ударъ кулакомъ въ лицо.

— Колбаса съ лапами, я!... Колбаса съ лапами!.. повторилъ кучеръ, въ то время какъ выносили его виновную жертву въ сосѣднюю комнату, гдѣ дамы и двѣцѣ принялись промывать ему носъ. Волненіе скоро улеглось, благодаря нашему прибытію, а также благодаря разумнымъ словамъ г. Барро, человекъ пожилаго, солиднаго и величественнаго въ родѣ меня. Это поваръ Набабъ—бывшій хозяинъ Англійскаго кафе, котораго Кордельякъ, директоръ театра *Nouveautés*, доставилъ своему другу. Глядя на его черный фракъ, бѣлый галстукъ, его прекрасное гладко выбритое лицо, вы приняли бы его за одного изъ высшихъ сановниковъ Имперіи. Правда что поваръ въ домѣ гдѣ стои-

ежедневно накрывается на тридцать персонъ, и сверхъ того готовится отдѣльный столъ для гослужи, и гдѣ подается все роскошное и изысканное, не простой поваръ. Онъ получаетъ полмовѣсное жалованье, пользуется столомъ, квартирой, а затѣмъ еще доходы!... Можно себя представить, каковы доходы въ такомъ домѣ. Оттого всякій говоритъ съ нимъ почтительно, со вниманіемъ, подобающимъ челоуѣку его значенія. „Г. Барро“—иначе его не называютъ. Ибо не слѣдуетъ воображать чтобы люди живущіе въ одномъ домѣ всѣ были за ланибрата другъ съ другомъ. Нигдѣ не соблюдается такъ строго іерархія. Я самъ видѣлъ на вечерѣ у г. Ноэля что кучера не фамильярничали съ конюхами и камердинеры съ лакеями, точно такъ же какъ и метрдотели не сближались съ мелкою прислугой; и когда г. Барро произносилъ какую-нибудь остроту, то весело было смотрѣть какъ потѣшались его подчиненные. Я нисколько не противъ такихъ вещей. Напротивъ, какъ говаривалъ нашъ деканъ: „общество безъ іерархіи все равно что домъ безъ лѣвстицы“. Только самый фактъ я счелъ не лишнимъ занести въ эти мемуары.

Излишнимъ считаю говорить что вечеръ принялъ блестящій видъ только по возвращенію его лучшаго украшенія, дамъ и дѣвицъ, которыя вышли чтобы помочь бѣдному Тому, горничныхъ съ блестящими и напозаженными волосами, экономокъ въ чепцахъ съ лентами, негрятенокъ, гувернантокъ,—блестящее собраніе, въ которомъ я тотчасъ же пріобрѣлъ большое вліяніе, благодаря моему представительному виду и названію „дядя“, которымъ почтили меня самыя юныя изъ этихъ любезныхъ особъ. Я полагаю, что тутъ не мало было ветхаго шелка, кружевъ, даже полинявшаго бархата, перчатокъ съ восемью луговицами, нѣсколько разъ вычищенныхъ, и духовъ съ туалета гослужь, но лицъ были такія довольныя, столько было веселости, что я сумѣлъ составить себѣ очень оживленный кружокъ, разумѣется вполне приличный, какъ слѣдуетъ челоуѣку въ моемъ положеніи. Впрочемъ таковъ былъ тонъ всего общества. До конца ужина я не слышалъ ни одного изъ тѣхъ неприличныхъ словъ, ни одной изъ тѣхъ скандальныхъ исторій которыя такъ сильно забавляютъ господъ членовъ совѣта; и я съ удовольствіемъ отмѣчаю что Буа-Ландри кучеръ—

упоминаю только объ одномъ — гораздо благовоспитаннѣе Буа-Ландри господина.

Г. Ноэль одинъ отличался своимъ фамильярнымъ тономъ и живостью своихъ выходокъ. Вотъ человекъ не стѣсняющийся называть всѣ вещи ихъ именами. Такъ напримѣръ онъ громкогласно на весь салонъ говорилъ г. Франсису: „Вотъ видишь, Франсисъ, твой старый плутъ еще стащилъ у насъ кой-что на этой недѣлѣ...“ А такъ какъ тотъ находился съ видомъ достоинства, то г. Ноэль расхохотался: „Не смущайся старина.... Сундукъ прочень.... Вы никогда не справитесь съ нимъ“. И тогда онъ разказалъ намъ о суммѣ въ лятнадцать милліоновъ, о которой я упоминалъ выше.

Я удивлялся, однако, что не вижу никакихъ приготовлений къ ужину, о которомъ упоминали приглашенные билеты, и выразилъ шепотомъ мое безпокойство одной изъ прелестныхъ моихъ *пльжанницъ*, которая мнѣ отвѣчала:

— Ожидаютъ господина Луи.

— Господина Луи?...

— Какъ? Вы не знаете господина Луи, камердинера герцога де-Мора?

И мнѣ объяснили тогда что это вліятельное лицо, протекцію котораго добиваются префекты, сенаторы и даже министры, и которое не продаетъ ея дешево, ибо при 1200 франкахъ жалованья получаемого имъ у герцога онъ сумѣлъ оставить себѣ двадцать лять тысячъ годоваго дохода воспитываетъ дочерей въ лансіонѣ *Sacré Coeur*, сына въ коллегіи Бурдалу и имѣетъ дачу въ Швейцаріи, куда во время вакацій перебирается все семейство.

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ важный посѣтитель; но въ наружности его не было ничего такого, по чему можно было бы угадать исключительное положеніе занимаемое имъ въ Парижѣ. Никакого величія въ осанкѣ, жилетъ застегнутый до галстука, лицо невзрачное и нахальное, и манера говорить не шевеля губами, весьма невѣжливая относительно тѣхъ кто васъ слушаетъ.

Онъ привѣтствовалъ все общество легкимъ наклоненіемъ головы, протянулъ палецъ г. Ноэлю, и мы всѣ переглянулись между собою, озадаченные его выекомъ, какъ вдругъ дверь во глубинѣ отворилась и ужинъ представилъ намъ со всѣми родами холоднаго мяса, съ пирамидами фруктовъ, съ бутылками всевозможныхъ формъ, освѣщенный двумя канделябрами.

— Идемъ, господа, предложите руку дамамъ.

Въ одну минуту мы размѣстились; дамы сѣли со старшими или наиболѣе почтенными изъ насъ; другіе стояли, прислуживали, болтали, пили изъ всѣхъ бутылокъ, брали куски со всѣхъ блюдъ. Сосѣдомъ моимъ былъ г. Франсисъ, и я долженъ былъ выслушать всѣ неудовольствія которыя онъ имѣлъ противъ г. Луи, которому онъ завидовалъ по мѣсту занимаемому имъ, столь выгодному сравнительно съ его собственнымъ.

— Это *parvenu*, говорилъ онъ мнѣ шепотомъ.—Онъ обязанъ своимъ счастьемъ своей женѣ госпожѣ Поль.

Повидимому эта гжа Поль экономка, проживающая двадцать лѣтъ у герцога и умѣющая лучше всѣхъ выдѣлывать помаду противъ его ревматизмовъ. Моро не можетъ обойтись безъ нея. Видя это, г. Луи приволокнулся за этою пожилою дамою и женился на ней, хотя онъ и гораздо ея моложе, и чтобы не лишиться своей помадной сидѣлки, его свѣтлость взялъ себѣ ея мужа въ камердинеры. Въ сущности, несмотря на то что я говорилъ г. Франсису, я находилъ это весьма хорошимъ и согласнымъ со строгою нравственностью, такъ какъ дѣло совершилось съ помощью мера и священника. Къ тому же этотъ превосходный ужинъ, состоявшій изъ изысканныхъ и дорогихъ блюдъ, которыхъ я не зналъ даже по названію, расположилъ мой умъ къ снисходительности и довольству. Но не всѣ были въ одинаковомъ со мною настроеніи, ибо я слышалъ на другомъ концѣ стола густой басъ г. Барро, который ворчалъ:

— Во что онъ мѣшается? Развѣ я сую носъ мой въ его дѣло? Во первыхъ, это касается Бонлена, а не его.... И потомъ въ чемъ же меня упрекають? Мясникъ присылаетъ мнѣ каждое утро пять корзинъ съ мясомъ. Я расходую двѣ и перепродаю ему три остальные? Какой главный поваръ этого не дѣлаетъ? Не лучше ли вмѣсто того чтобы шлюнуть у меня внизу, онъ бы наблюдалъ какъ текутъ деньги тамъ наверху? Какъ подумаешь что въ три мѣсяца компанія бель-этажа выкурила сигаръ на двадцать восемь тысячъ франковъ.... двадцать восемь тысячъ! Спросите у Новля, агу ли я. А вовторыхъ, посмотрѣли бы вы какой безпорядокъ у госпожи дома: груды бѣлья и платьевъ бросаемыхъ съ одного раза, пригоршни золотыхъ вещей, жемчугъ, который давится ногами. Постой, я его доведу, этого господчика.

Я понималъ что рѣчь идетъ о г. Жери, молодомъ секретарѣ Набаба, который часто бываетъ въ *Земельной*, гдѣ всегда роется въ книгахъ. Онъ очень вѣжливъ конечно, но малый гордый, не умѣющий привлечь никого къ себѣ. За столомъ раздавался противъ него хоръ проклятій. Г. Луи самъ заговорилъ по этому предмету со своимъ важнымъ видомъ:

— У насъ, мой любезный господинъ Барро, поваръ имѣлъ на дняхъ исторію въ родѣ вашей съ директоромъ канцеляріи его свѣтлости, позволившимъ себѣ сдѣлать ему нѣкоторыя замѣчанія на счетъ расходовъ. Поваръ мигомъ отправился къ герцогу, въ служебномъ костюмѣ, и положиа руку на шнурокъ фартука, сказалъ: „Не угодно ли вашей свѣтлости выбирать между мною и этимъ господиномъ“.... Герцогъ не поколебался ни минуты. Директоровъ канцеляріи найти можно сколько хочешь, тогда какъ хорошіе повара всѣ на перечетъ. Во всемъ Парижѣ ихъ найдется не болѣе четырехъ.... вы въ томъ числѣ, любезный Барро... Мы уволили нашего директора канцеляріи и дали ему въ утѣшеніе первоклассную префектуру, но мы сохранили нашего главнаго повара.

— Вотъ такъ дѣло! сказалъ г. Барро, котораго привелъ въ восторгъ этотъ разказъ.—Вотъ что значитъ служить у знатнаго господина.... Но *parvenu* всегда *parvenu*, что прикажете дѣлать?

— Таковъ и есть Жансуле, прибавилъ г. Франсизъ, выправляя свои манжеты.—Человѣкъ бывший носильщикомъ въ Марсели.

Это укололо г. Ноэля.

— Эй вы тамъ! старина Франсизъ, вы тѣмъ не менѣе очень счастливы что подуѣнили этого носильщика для уплаты вашихъ долговъ!... Попробуй-ка поискать такихъ *parvenu* какъ мы, которые ссужаютъ милліонами королей и которыхъ знатные господа какъ Мора не стыдятся приглашать къ своему столу....

— Да, на дачѣ! подсмѣялся г. Франсизъ, выставляя свои старые зубы.

Тотъ поднялся весь красный и готовъ былъ разсердиться, но г. Луи далъ знакъ рукой, что имѣеть сказать нѣчто, и г. Ноэль тотчасъ же усѣлся и подобно всѣмъ намъ устремился на г. Луи, чтобы не проронить ни одного изъ его драгоценныхъ словъ.

— Правда, сказала эта важная особа, процѣживая сквозь зубы каждое слово и смачивая его маленькими глотками вина,—мы принимали на той недѣлѣ Набаба въ Гранбуа. Случилось даже нѣчто весьма забавное.... У насъ много грибовъ въ старомъ ларкѣ, и его свѣтлость забавляется иногда, собирая ихъ. Вотъ за обѣдомъ и подали большое блюдо масленокъ. Тамъ были... какъ бить его... Мариньви, министръ внутреннихъ дѣлъ, Монлавонъ и вашъ господинъ, любезный Ноэль. Грибы обнесли вокругъ стола; они были очень хороши на взглядъ и всѣ эти господа наполнили ими тарелки, за исключеніемъ герцога, у котораго ихъ не варить желудокъ, и онъ счелъ долгомъ изъ вѣжливости сказать гостямъ: „Не подумайте чтобъ я не довѣрялъ имъ. Они очень хороши... Я самъ собиралъ ихъ.“

— Чортъ возьми! сказалъ Монлавонъ смѣясь,—въ такомъ случаѣ, любезный Огюсть, позвольте мнѣ не трогать ихъ.

Мариньви, не столь короткій съ герцогомъ, искоса посмотрѣлъ на свою тарелку.

— Но увѣряю васъ, Монлавонъ.... они очень здоровы на видъ, мои грибы.... Я сожалею что мнѣ ѣсть не хочется....

Герцогъ говорилъ очень серьезно.

— Надѣюсь, господинъ Жансуле, что вы наконецъ не нанесете мнѣ такого же оскорбленія.... Грибы набраны мною.

— Помилуйте, ваша свѣтлость, почему же? Я буду ѣсть ихъ закрывъ глаза!

Можете себѣ представить, какъ досталось бѣдному Набабу за первымъ обѣдомъ у насъ. Дюперронъ, стоявшій за стуломъ противъ него, рассказывалъ намъ потомъ. Повидимому всего забавнѣе было смотрѣть какъ Жансуле начинался грибами, вращая испуганными глазами, между тѣмъ какъ прочіе съ любопытствомъ смотрѣли на него, не касаясь своихъ тарелокъ. Онъ обливался потомъ, несчастный! Но что всего любопытнѣе, онъ спросилъ ихъ еще, онъ имѣлъ мужество спросить ихъ еще! Только онъ пролускалъ, какъ каменьщикъ, по стакану вина за каждымъ глоткомъ.... Но знаете ли что я вамъ скажу? Онъ поступилъ очень хитро; и меня нисколько не удивляетъ что этотъ толстый мясникъ сдѣлался любимцемъ государей. Онъ умѣетъ имъ льстить въ мелкихъ слабостяхъ, въ которыхъ они не сознаются сами себѣ.... Словомъ, съ того дня герцогъ безъ души отъ него.

Эта исторія заставила всѣхъ смѣяться и разсѣяла тучу, навѣянную нѣсколькими неразумными словами. И потомъ, когда вино еще болѣе развязало языки, собесѣдники оперлись локтями на столъ и принялись говорить о господахъ, о домахъ гдѣ служили и что видѣли тамъ забавнаго. Ну ужь, наслушался я исторій, разузналъ подробностей о домашней жизни знатныхъ господъ! Разузнается и я произвелъ нѣкоторый эффектъ исторіей моею кладовой въ *Земельной*, въ то время когда я убиралъ свою стреляю въ лустой несгораемый шкафъ, что не мѣшало нашему старому кассиру, большому формалисту, перемѣнять слова замка каждыя два дня, какъ будто бы за нимъ хранились всѣ сокровища Французскаго банка. Г. Луи прослушалъ мой анекдотъ съ видимымъ удовольствіемъ. Но всего изумительнѣе было то что сообщалъ намъ своимъ акцентомъ парижскаго гамена маленькій Буа-Ландри о хозяйствѣ своихъ господъ.

Маркизь и маркиза де-Буа-Ландри занимаютъ второй этажъ на бульварѣ Гауссмана. Мебель какъ въ Тюильри. голубой атласъ на всѣхъ стѣнахъ, китайскія куклы, картины, рѣдкости, настоящій музей. Прислуга значительная; шесть лакеевъ, зимой каштановыя ливреи, лѣтомъ свѣтлыя. Они являются повсюду, на бѣгахъ, на первыхъ представленіяхъ, на посольскихъ балахъ, и всегда имя ихъ сопровождается въ газетахъ замѣткой объ изящномъ туалетѣ маркизы и о шикѣ маркиза... И что же? все это пыль, пускаемая въ глаза, фальшь, поддѣлка, и если у маркиза не окажется литифранковой монеты, то никто ему не дастъ ея подъ залогъ всего его имущества... Мебель нанимается на двѣ недѣли у Фитили, мебельщика и обойщика кокотокъ; рѣдкости, картины принадлежатъ старому Швальбаху, который адресуется туда своихъ кліентовъ и беретъ съ нихъ вдвое дороже. потому что никто не торгуется локулая у маркиза, у любителя. Что касается туалетовъ маркизы, то модистка и портниха доставляютъ ихъ ей даромъ каждый сезонъ, заставляя ее носить новыя моды, подъ часъ нѣсколько смѣшныя, но которыя общество принимаетъ потомъ, потому что маркиза еще очень красивая женщина и славится своею элегантною, то что называетъ *lanceuse*. Наконецъ слуги! Временные, какъ и все остальное, перемѣняемые каждую недѣлю по распоряженію конторы помѣщеній, присылающей ихъ туда до полученія серьезнаго мѣста. Если у васъ нѣтъ ни

поручителей, ни аттестатовъ, если вы явились изъ тюрьмы или другаго подобнаго мѣста, то ГIANO, великій раздаватель мѣстъ улицы Мари, посылаетъ васъ на бульваръ Гаусмана. Вы прослужите недѣлю, двѣ, чтобы купить хорошій аттестатъ у маркиза, который разумѣется не платитъ вамъ жалованья, и едва кормитъ васъ, ибо въ этомъ домѣ кухонныя печи почти не топятся, такъ какъ маркизъ и маркиза отправляются почти каждый вечеръ обѣдать въ гости или на вечера гдѣ ужинаютъ. Положительно достоверно, что въ Парижѣ есть люди для которыхъ буфетъ самая важная вещь и которымъ случается кушать въ первый разъ только послѣ полуночи. Оттого Буа-Ландри и знаютъ отлично всѣ дома гдѣ есть буфетъ. Они вамъ разкажутъ, что ужинаютъ отлично въ Австрійскомъ посольствѣ, что Исламское посольство мало заботится о винахъ и что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подаютъ лучшую дичину. И вотъ жизнь этой странной семьи! На нихъ все сметано на живую нитку, прикрѣплено булавками. Подуетъ вѣтеръ и все разлетится. Но по крайней мѣрѣ они увѣрены что ничего не потеряютъ. Это и придаетъ маркизу тотъ спокойный и самоувѣренный видъ, когда онъ смотритъ на васъ заложивъ руки въ карманы и какъ будто говоритъ вамъ: „Ну, а потомъ что?“

И маленькій грумъ, въ этой самой позѣ, съ своимъ дѣтскимъ и некрасивымъ лицомъ, принимавшимъ старческое выраженіе, до такой степени копировалъ своего патрона что мнѣ казалось будто я вижу его самого, когда онъ сидитъ въ нашемъ административномъ совѣтѣ, насупротивъ директора, осылая его своими циническими шуточками. Надо сознаться, что Парижъ страшно громадный городъ, если въ немъ можно прожить шестнадцать, двадцать лѣтъ поддѣлками, ложью, лuskanіемъ лыли въ глаза, и все-таки входить торжественно въ салонъ при провозглашеніи своего имени: „Г. маркизъ де-Буа-Ландри.“

Итакъ видите ли, сколько новаго узнаешь на вечерѣ у прислуги! Дѣло въ томъ что парижское общество любопытно видѣть снизу, изъ подземелья; повѣрить это можно лишь собственнымъ опытомъ. Такъ, напримѣръ, сидя между г. Луи и г. Франсисомъ, изъ отрывка ихъ конфиденціального разговора, вотъ что я узналъ о г. де-Монплавонѣ. Г. Луи говорилъ:

— Вы дурно поступаете, Франсисъ; въ эту минуту у васъ есть деньги. Вы бы должны этимъ воспользоваться и расплатиться съ государственнымъ казначействомъ.

— Что прикажете дѣлать? отвѣчалъ г. Франсисъ съ видомъ прискорбія.—Игра разоряетъ насъ.

— Да, я знаю. Но берегитесь. Мы вѣдь не всегда будемъ при васъ. Мы можемъ умереть, лишиться власти. Тогда у васъ потребуютъ тамъ отчета. И послѣдствія будутъ ужасныя...

Я часто слышалъ какъ разказывали шепотомъ исторію о насильственномъ займѣ который Монлавонъ сдѣлалъ въ государственномъ казначействѣ, когда онъ былъ генеральнымъ сборщикомъ податей; но свидѣтельство его камердинера было еще хуже... Ахъ! еслибы господа подозрѣвали только что знаютъ слуги, что о нихъ разказывается въ передвей, еслибы они могли видѣть какъ ихъ имя приписываютъ къ пылу выметаемой изъ комнатъ, къ выброскамъ на кухню,—они не осмѣлились бы никогда сказать имъ: „Затворите дверь“ или „залрягайте карету“. Вотъ, напримѣръ, докторъ Джеккинсъ, имѣющій богатѣйшую практику въ Парижѣ и десять лѣтъ состоящій въ сожительствѣ съ великолѣпною женщиною пользующеюся общимъ вниманіемъ; что онъ ни дѣлаетъ чтобы скрыть свое положеніе, чтобъ оловѣстить на англійскій манеръ о своемъ супружествѣ въ газетахъ, принимать къ себѣ въ домъ только иностранныхъ слугъ, знающихъ не болѣе трехъ словъ по-французски, но и при помощи этихъ трехъ словъ, приправленныхъ ругательствами и ударами кулакомъ по столу, его кучеръ Джов, ненавидящій его, разказалъ намъ за ужиномъ всю его исторію:

„Она зацѣпляетъ зубами, его Ирландка, его настоящая... Надо знать только, женится ли онъ на той... Сорокъ лѣтъ лѣтъ, мистрисъ Маранья и ни шиллинга... Надо видѣть какъ она боится чтобъ ее не протурили... Не женится на ней, не женится... кс... кс... то-то посмѣемся.“ И чѣмъ больше его лоили, тѣмъ больше онъ разказывалъ, чести свою госпожу какъ послѣднюю изъ послѣднихъ... Но признаюсь, меня интересуетъ эта мнимая гжа Джеккинсъ, плачущая во всѣхъ углахъ, умоляющая своего любовника какъ лалача и рискующая что ее выгнать, тогда какъ все общество считаетъ что она законная жена, пользующаяся лочетомъ и уважені-

емъ. Прочіе только смѣялись надъ этимъ и въ особенности женщины. Ба! забавно, конечно, когда въ этомъ положеніи видишь что дамы высшаго общества также терпятъ оскорбленія и мученія, не дающія имъ спать.

Наша компанія представляла въ эту минуту самый оживленный видъ,—кружокъ веселыхъ лицъ устремленныхъ къ Ирландцу, за которымъ оставалось первенство его анекдота. Это возбуждало зависть; всѣ искали въ своей памяти старыхъ скандаловъ, приключеній съ обманутыми мужьями, интимныхъ фактовъ, выступающихъ на свѣтъ за кухоннымъ столомъ, когда прислуга доѣдаетъ и доливаетъ остатки господскаго обѣда. Дѣло въ томъ что шампанское начинало производить свой эффектъ. Джекъ задумалъ плясать жигу на столѣ. Дамы, при малѣйшемъ нѣсколько веселомъ словѣ, опрокидывались съ рѣзкимъ смѣхомъ особъ которыхъ щекочутъ, не заботясь о томъ что ихъ вышитыя юбки скользили подъ столомъ по остаткамъ кушанья и разлитому вину. Г. Луи тихо ускользнулъ. Стаканы наливались, но оставались нетронутыми; одна изъ экономокъ мочила въ своемъ стаканѣ налитомъ водой платокъ, которымъ освѣжала себѣ лобъ, говоря что у нея кружится голова. Пора уже было расходиться; и дѣйствительно, электрическій звонокъ раздавшійся по корридору извѣстилъ насъ что выѣздной лакей сопровождавшій господъ въ театръ вызывалъ кучеровъ. Тогда Монлавонъ провозгласилъ тостъ въ честь хозяина, благодаря его за прекрасный вѣчеръ. Г. Ноэль сообщилъ что онъ повторитъ его снова въ Сенъ-Романѣ на празднествахъ имѣющихъ быть тамъ по случаю прибытія бея, куда вѣроятно будетъ приглашена большая часть присутствующихъ. Я готовился встать въ свою очередь, привыкнувъ настолько къ свѣтскимъ обычаямъ чтобы знать, что старѣйшій въ собраніи обязанъ провозгласить здоровье дамъ, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и высокій выѣздной лакей, весь въ грязи, съ зонтикомъ съ котораго лила вода, задыхаясь, закричалъ намъ, безо всякаго уваженія къ обществу:

— Да идите же скорѣе, рожи этакія... Чтò вы тутъ колаетесь?.. Когда вамъ говорятъ что кончено.

XI. Празднество въ честь беа.

На югѣ Франціи, гдѣ мало была развита цивилизація, не много сохранилось историческихъ замковъ. Только изрѣдка какое-нибудь старое аббатство высится на склонѣ холма со своимъ дрожащимъ и развалившимся фасадомъ, пронизанное дырами, которыя были когда-то окнами и отверстіе которыхъ обращено только къ небу, — пыльный лампачникъ разложившійся отъ солнечныхъ лучей, относящійся ко времени Крестовыхъ Походовъ или судовъ любви, безъ признака человѣка между своими камнями, гдѣ даже не вьется ни плющъ, ни акантъ, а только разносится запахъ сухой лаванды и другихъ душистыхъ травъ. Посреди всѣхъ этихъ развалинъ замокъ Сенъ-Романъ составляетъ блестящее исключеніе. Если вы путешествовали на югѣ, то вы его видѣли и сейчасъ увидите снова. Стоитъ онъ между Валансомъ и Монтелимаромъ, въ мѣстности гдѣ желѣзный луть идетъ вдоль Роны, у подошвы богатыхъ холмовъ Бома, Ракуля, Меркуроля, покрытыхъ на разстояніи пяти миль виноградными лозами, тѣсно сжатыми, плантаціи которыхъ волнуется предъ глазами, спускаясь до рѣки, зеленой и полной острововъ, подобно Рейну со стороны Базеля, но съ солнечнымъ освѣщеніемъ какого никогда не видалъ Рейнъ. Сенъ-Романъ лежитъ напротивъ на другомъ берегу, и несмотря на быстроту его появленія предъ глазами путешественника, на ходъ на всѣхъ ларахъ вагоновъ, которые какъ будто стремятся при каждомъ поворотѣ съ яростію ринуться къ Рону, замокъ такъ обширенъ, такъ ясно обрисовывается на сосѣднемъ холмѣ что онъ какъ будто слѣдуетъ за неистовымъ бѣгомъ поѣзда и навсегда залечатлѣваетъ въ вашихъ глазахъ воспоминаніе о его башняхъ, перилахъ, о его италіанской архитектурѣ и его двухъ этажахъ и террасѣ съ колонками, по сторонамъ коей расположены два павильона, господствующіе надъ густымъ кустарникомъ, сквозь который видны прядяющіе внизъ каскады воды, сѣтъ усыпанныхъ лескомъ и поднимающихся вверхъ дорожекъ, длинная аллея оканчивающаяся какою-нибудь бѣлою статуей, которая выступаетъ на голубомъ фонѣ какъ въ освѣщенномъ окнѣ.

Тамъ наверху, посреди обширныхъ дужаекъ зелени, гигантскій кедръ воздымаетъ свои зеленыя вѣтви, бросая черную волнистую тѣнь, экзотическій силуэтъ, который можетъ показаться у входа въ это старинное жилище главнаго откупщика времяя Людовика XIV какимъ-то исподлинскимъ негромъ несущимъ зонтикъ вельможи.

Отъ Валанса до Марселя по всей Ронской долины Сенъ-Романсъ-де-Беллегъ славится какъ волшебный замокъ, и дѣйствительно чѣмъ-то волшебнымъ посреди этихъ странъ выжженныхъ мистралемъ представляется этотъ оазисъ зелени и прекрасной струящейся воды.

„Когда я буду богатъ, матушка, говаривалъ еще ребенкомъ Жансуле своей матери, которую онъ обожалъ, я подарю тебѣ Сенъ-Романсъ-де-Беллегъ.“

А такъ какъ жизнь этого человѣка казалась осуществленіемъ сказки изъ *Тысячи и одной ночи*, такъ какъ всѣ его даже самыя несообразныя желанія выполнялись, такъ какъ всѣ самыя безумныя химеры собирались у ногъ его и лизали ему руки подобно ручнымъ и локорнымъ лсамъ, онъ купилъ Сенъ-Романсъ и подарилъ его матери, великолѣпно реставрированный и меблированный заово. Десять лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, и добрая женщина не могла привыкнуть къ такому великолѣпному жилищу. „Ты подарилъ мнѣ дворецъ королевы Жанны, мой бѣдный Франсуа, писала она сыну; я никогда не посмѣю жить въ немъ.“ И дѣйствительно, она никогда не жила въ немъ, и помѣстилась въ павильонѣ новѣйшей постройки, принадлежащемъ къ дому управителя, расположенномъ на самой оконечности увеселительнаго помѣстья, для наблюденія за прислугой и фермой, за овчарней и маслобойней, съ сельскою обстановкой, со скирдами пшеницы, съ масличными деревьями и виноградниками раскинувшимися по возвышенности на необозримое пространство. Въ большомъ замкѣ она сочла бы себя лѣвнищей въ одномъ изъ тѣхъ заколдованныхъ жилищъ, гдѣ сонъ нападаетъ на васъ въ самомъ разгарѣ счастья и не оставляетъ васъ въ теченіе столѣтій. Здѣсь по крайней мѣрѣ крестьянка, которая никогда не могла привыкнуть къ колоссальному богатству, пришедшему слишкомъ поздно, слишкомъ издалека и подобно громовому удару, связана была съ дѣйствительностью движеніемъ рабочихъ,

выгономъ и пригономъ животныхъ, прогулкой ихъ на водопой, всею этою пастушескою жизнью, въ которой она пробуждалась при обычномъ лѣтнѣмъ лѣтнихъ крикахъ лавлиновъ, и спускалась до солнечнаго восхода по витой лѣстницѣ павильона. Она считала себя только хранительницей этого великолѣпнаго помѣстья, которое она берегла для своего Франсуа и желала возвратитъ ему его въ хорошемъ состояніи въ тотъ день, когда онъ, считая себя богатымъ и утомясь жизнью съ *Турками*, возвратится, согласно данному имъ обѣщанію, жить съ нею подъ тѣнистыми аллеями Сент-Романса. И какое всеобщее и неутомимое наблюденіе посвящала она своему помѣстью!

При первомъ мерцаніи дня, служители на фермѣ слышали ея отрывистый и хриплый голосъ: „Оливье... Пейрааль... Одиберъ... Вставайте. Уже четыре часа.“ Потомъ она тотчасъ же являлась въ обширную кухню, гдѣ служанки, съ глазами еще слипавшимися отъ сна, разогрѣвали похлебку на свѣтломъ и трескучемъ огнѣ изъ сучьевъ. Ей подавали маленькое блюдо изъ краснаго марсельскаго фаянса, наполненное вареными каштанами,—скромный завтракъ прежняго времени, которому она никогда не измѣняла. Потомъ она отправлялась почти бѣгомъ съ широкимъ серебрянымъ кольцомъ за поясомъ, на которомъ звенѣли всѣ ея ключи, съ тарелкой въ рукѣ и съ прялкой подъ рукой, ибо она пряла цѣлый день, не перерывая своей работы даже когда кушала каштаны. Мимоходомъ она бросала взглядъ въ конюшню, еще темную, гдѣ животныя начинали тяжело двигаться, въ удушливый хлѣвъ, изъ котораго выставлялись къ воротамъ нетерпѣливыя протянутыя морды; и первые лучи падавшіе на каменную ограду парка освѣщали старушку, бѣжавшую по росѣ съ легкостью молодой дѣвушки, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, провѣряя аккуратно каждое утро всѣ богатства помѣстья, нетерпѣливо желая узнать, не похитила ли ночь статуи и вазы, не повалила ли столѣтнихъ деревьевъ, не высушила ли источниковъ, переливающихся въ ихъ длинныхъ водоемахъ. Затѣмъ жгучее полдневное солнце отражало на пескѣ аллею, противъ бѣлой стѣны какой-нибудь террасы, этотъ длинный станъ старушки, тонкій и прямой, какъ ея веретено, собирающей куски засохшаго дерева, обламывающей сучья дурно подчищеннаго кустар-

ника, не заботясь о жгучемъ освѣщеніи, которое скользило по ея жесткой кожѣ, какъ по камню старой скамьи. Около этого же времени въ паркѣ появлялся другой прогуливающийся, менѣе дѣятельный, менѣе шумный, который скорѣе тащился, чѣмъ шелъ, опираясь на стѣны, на перила, — бѣдное сгорбленное существо, трясущееся, утратившее гибкость суставовъ, съ лицомъ угасшимъ; онъ не говоритъ ни слова и когда чувствовалъ утомленіе, только испускалъ жалобный крикъ, обращаясь къ служителю никогда его не покидавшему, и тотъ помогалъ ему свѣсть на какую-нибудь ступеньку, гдѣ онъ оставался цѣлые часы неподвижный и безмолвный, съ разинутымъ ртомъ, моргающими глазами, убаюкиваемый однообразнымъ и пронзительнымъ чилюканьемъ стрекозы.

Это былъ *Старшій*, братъ Франсуа, любимое дѣтище отца и матери Жансуле, красота, разумъ, главная надежда семейства торговца гвоздами, которое, вѣрное предубѣжденію литаемому всѣми на югѣ къ праву старшинства, принесло всѣ жертвы, чтобы отправить въ Парижъ этого красиваго честолюбиваго юношу, служившаго предметомъ удивленія для всѣхъ дѣвицъ бурга, и Парижъ послѣ десятилѣтняго избіенія, изувѣченія, давленія въ своемъ громадномъ кубѣ этого блестящаго южнаго лоскутка, обдалъ его всѣми своими кислотами, покрылъ всею своею грязью и возвратилъ обратно на родину въ формѣ лохмотья, отгулѣлаго, парализованнаго, уморившаго отца съ горя и принудившаго мать продать все и идти на время въ услуженіе къ достаточнымъ людямъ. Къ счастью въ эту самую минуту, когда выбросокъ парижскихъ больницъ, возвращенный на родину общественною благотворительностью, появился въ Бургъ - Сентъ - Андеоль, Франсуа — тотъ котораго называли „Младшимъ“, какъ водится въ южныхъ полу-арабскихъ семействахъ, гдѣ старшій принимаетъ фамилію отца, а слѣдующій за нимъ носить названіе Младшаго, — уже начиналъ богатѣть въ Тунисѣ и аккуратно присылалъ деньги домой. Но какое угрызеніе совѣсти должна была чувствовать бѣдная мать, что она была обязана всѣмъ, даже жизнью и благосостояніемъ жалкаго больнаго, здоровому и мужественному мальчику, котораго и она и отецъ всегда любили не особенно вѣжно, котораго съ пяти лѣтъ она привыкла считать простымъ ремесленникомъ, потому

что онъ былъ очень силенъ, курчавъ и дурень собою, и лучше всѣхъ въ домѣ умѣлъ барышничать старыми гвоздями. О! какъ бы она желала имѣть при себѣ своего Франсуа, чтобы сколько-нибудь отплатить ему за все добро которое онъ ей дѣлалъ, вознаградить его разомъ всею нѣжностью, всѣми материнскими ласками, которыя она ему должна.

Но замѣтить надо, что эти королевскія богатства сопряжены съ тягостями и печалами королевскихъ существованій. Бѣдная мать Жансуле, посреди своей ослѣпительной обстановки, похожа была на королеву, которой знакомы были продолжительное изгнаніе, жестокая разлука и испытанія, неразлучныя съ величіемъ; одинъ изъ ея сыновей утратилъ навсегда умственные способности, другой былъ далеко, писалъ рѣдко, занятый своими большими дѣлами, говорилъ всегда: „пріѣду“, и не пріѣзжалъ. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ она видѣла его только разъ въ вихрѣ посѣщенія беимъ Сенъ-Романса—посреди безчисленныхъ лошадей, каретъ, петардъ, праздничныхъ представленій. Потомъ онъ отправился вслѣдъ за своимъ государемъ, едва успѣвъ обнять старушку мать, которой отъ этой великой радости, столь нетерпѣливо ожидаемой, осталось лишь нѣсколько журнальныхъ картинокъ, гдѣ изображенъ Франсуа Жансуле, пріѣзжающій въ замокъ съ Ахмедомъ и представляющій ему свою старушку-мать (не такъ ли короли и королевы хранятъ въ своихъ альбомахъ иллюстрированныя изображенія своихъ семейныхъ радостей?), да еще ливанскій кедръ, привезенный съ другаго конца свѣта, громадный какъ обелискъ, поднятый и поставленный на мѣсто силою людей, лошадей и денегъ, и взбудоражившій всю окрестность, чтобы служить памятникомъ царственнаго посѣщенія. По крайней мѣрѣ на этотъ разъ она знала что ея Франсуа во Франціи на нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ-быть навсегда, и надѣялась что онъ будетъ принадлежать исключительно ей. И вотъ онъ прибылъ къ ней въ одинъ прекрасный вечеръ въ томъ же торжественномъ блескѣ, съ тою же официальною обстановкой, окруженный толпой графовъ, маркизовъ, красивыхъ парижскихъ господъ, наполнявшихъ два большіе экилажа, которые она отправила за ними на маленькую станцію Жиффа, на той сторонѣ Роны.

— Да обнимите же меня, милая матушка. Въдъ не стыдно прижать къ сердцу сына, котораго вы не видали столько лѣтъ.... Къ тому же всѣ эти господа наши друзья.... Вотъ маркизь де-Монлавоуъ, маркизь де-Буа-Ландри.... Да, теперь уже не то время когда я приводилъ къ вамъ кушать чечевичную похлебку маленькаго Кабассю и Боилена Жавъ-Батиста.... Вы знакомы съ господиномъ де-Жери.... Вотъ мой старый Кардельякъ, котораго я вамъ представляю, — и это нашъ первый транспортъ.... Но прибудуть еще другіе.... Готовьтесь къ страшной суматохѣ.... Мы принимаемъ беа черезъ четыре дня.

— Олять беи! воскликнула старушка въ ужасѣ.—Я думала онъ уже умеръ.

Жансуле и его гости не могли не разсмѣяться при видѣ этого комическаго ужаса, выраженнаго съ южнымъ увлеченіемъ.

— Но это другой, матушка.... Беи не переводятся.... къ счастью, чортъ возьми.... Только не безлокойтесь. На этотъ разъ вамъ не предстоитъ столько хлопотъ.... Другъ Кардельякъ взялся все устроить. У насъ будуть великолѣпныя празднества.... А пока поскорѣе обѣдъ и комнаты. Наши Парижане утомились.

— Все готово, сынъ мой, просто отвѣчала старушка, прямая и неподвижная въ своемъ полотняномъ платьѣ и челпѣ съ желтыми доластями, съ которыми она не разставалась даже въ большіе праздники. Ее не пзмѣнило богатство. Она была настоящая крестьянка Ронской долины, независимая и гордая, не похожая на притворно смиренныя крестьянъ изображенныя Бальзакомъ, слишкомъ простая чтобы кичиться своимъ богатствомъ. Единственнымъ хвастовствомъ ея было показать сыну съ какимъ неусылнымъ тщаніемъ она исполняла свои обязанности хранительницы замка. Ни одной пылинки, ни одной царапины на стѣнахъ. Весь этотъ великолѣпный нижній этажъ, салоны съ ихъ шелковою мебелью, въ послѣднюю минуту освободившеюся отъ чахловъ, длинныя лѣтнія галереи вымощенныя мозаикой, свѣжія и звучныя, украшенныя диванами времени Лудовика XIII, громадная столовая, уставленная цвѣтами и зеленью, и даже билліардная съ рядами блестящихъ шаровъ изъ слоковой кости, съ люстрами и арматурой; вся авфилада замка съ его дверями-окнами; отворенными настѣжъ,

обширное крыльцо, все являлось въ полномъ блескѣ предъ гостями, и вся прелесть окружающей природы отражалась въ отъивныхъ зеркалахъ, въ лелированныхъ стѣнахъ съ такою ясностью какъ отражались въ зеркалѣ водныхъ бассейновъ тополи, наклоненные одинъ надъ другимъ, и лебеди, плававшіе на поверхности воды. Рама была такъ прекрасна, общій видъ такъ грандіозенъ, что бросающаяся въ глаза роскошь таяла, исчезала....

— Есть изъ чего сдѣлать.... говорилъ директоръ Кардельякъ съ лорнетомъ въ глазу, со шляпой на бокъ, комбинирова уже устройство спектакля.

И высокобравная мина Монлавона, котораго сначала скандализовала челець старушки, принимавшей ихъ на крыльцѣ, уступила мѣсто улыбкѣ снисхожденія. Конечно, было изъ чего сдѣлать, и руководимый людьми со вкусомъ, другъ ихъ Жанеуле могъ сдѣлать его тунисской свѣтлости весьма приличный пріемъ. Только объ этомъ и шла рѣчь у нихъ вечеромъ. Положивъ ложки на столъ въ роскошной столовой, подъ впечатлѣніемъ обильнаго обѣда и дорогаго вина, они соображали, спорили. Кардельякъ, который все замышлялъ въ громадныхъ размѣрахъ, составилъ уже полный планъ.

— Прежде всего полная свобода мнѣ, не правда ли Набабъ?

— Полная свобода, мой милый. И пусть толстый Гемерлингъ лоплетъ съ досады.

Тогда директоръ объяснилъ имъ свои планы; праздникъ раздѣлялся на дни, какъ въ Во, когда Фуке принималъ Людовика XIV; одинъ день комедія, другой провансальскія празднества, хороводы, мѣстная музыка; третій день.... И со свойственною ему важностью, онъ уже набрасывалъ программы, афиши, между тѣмъ какъ Буа-Ландри, засунувъ обѣ руки въ карманы, спалъ, опрокинувшись на стулѣ, съ потухшею сигарой въ зубахъ, а маркизь де-Монлавонъ, всегда строго-приличный, ежеминутно выправлялъ на груди свой щитъ чтобы не заснуть.

Раю оставилъ ихъ Жери. Онъ укрылся у старушки-матери, знавшей его ребенкомъ, его и его братьевъ, въ скромную столовую лавильюна съ бѣлыми занавѣсками, со свѣтлыми обоями, увѣшенными картинами, гдѣ мать Набаба пыталась воскресить свое труженническое прошедшее съ

помощью нѣсколькихъ дорогихъ вещей, уцѣлѣвшихъ отъ ея прежняго хозяйства.

Тихо бесѣдовали Поль и красивая старушка, съ правильными и строгими чертами лица, съ сѣдыми волосами, связанными какъ хлопокъ ея прялки; она сидѣла прямо, окутанная въ свою зеленую шаль, ибо никогда въ жизни не прислонялась къ спинкѣ стула, никогда не садилась въ кресло. Онъ называлъ ее Франсуазой, она его господиномъ Полемъ. Они были старые друзья.... И угадайте, о чемъ они говорили? Объ ея внукахъ, разумѣется, о трехъ сыновьяхъ Франсуа, которыхъ она не знала и которыхъ она желала бы видѣть.

— Ахъ, господинъ Поль, какъ бы мнѣ этого хотѣлось.... Какъ бы я была счастлива, еслибъ онъ привезъ мнѣ своихъ трехъ мальчиковъ вмѣсто всѣхъ этихъ знатныхъ господъ.... Подумайте только что я никогда ихъ не видала и знаю только по портретамъ, которые вонъ тамъ.... Матери ихъ я нѣсколько боюсь, вѣдь она знатная дама, урожденная Афшинъ.... Но дѣти—я увѣрена нисколько не слѣсивы и вѣрно полюбили бы свою старую бабушку.... Мнѣ бы показалось что я вижу снова отца ихъ маленькимъ и возвратила бы то чего не дала отцу.... потому что, видите ли, господинъ Поль, родители не всегда справедливы. У нихъ бываютъ пристрастія. Но Господь справедливъ. Надо посмотрѣть что дѣлаетъ Онъ иногда съ этими куколками которыхъ въ дѣтствѣ, въ ущербъ другимъ, румянятъ, помадятъ и лелѣютъ.... И пристрастіе стариковъ часто приноситъ несчастіе молодымъ.

Она вздохнула, бросивъ взглядъ въ сторону алькова, изъ-за олущенныхъ занавѣсей котораго раздавалось по временамъ лорывистое, тревожное дыханіе, подобное стону засмущаго ребенка котораго прибили и который долго плакалъ....

Тяжелые шаги на лѣстницѣ и густой, но кроткій голосъ проговорилъ: „Это я.... не безлокойтесь.“ И въ комнату вошелъ Жансуле. Когда всѣ улеглись въ замкѣ, такъ какъ онъ зналъ привычки матери, и такъ какъ ея лампа послѣдняя угасала въ домѣ, то онъ и пришелъ ловидаться съ нею и поздороваться съ нею отъ души, чего онъ не могъ сдѣлать при постороннихъ. „О, не уходите, мой милый Поль, съ вами мы стѣсняться не будемъ.“ И превратившись въ ребенка въ присутствіи матери, онъ опустил свое

громадное тѣло къ ея ногамъ и осыпалъ ее ласками по истинѣ трогательными. Она также была совершенно счастлива, что онъ тутъ подавъ нея, но она все-таки была нѣсколько стѣснена, считая его существомъ всемогущимъ, необыкновеннымъ, поднимая его въ своей наивности на высоту Олимпійца, окруженнаго молніями и громами, и обладающаго всемогуществомъ. Она говорила съ нимъ, разспрашивала его, доволенъ ли онъ полпрежнему своими друзьями, своими дѣлами; но не осмѣлилась предложить ему вопроса который она сдѣлала Жери: „Почему къ ней не привезли ея внуковъ?“ Но онъ самъ заговорилъ объ этомъ.

— Они теперъ въ лавсіонѣ, матушка.... какъ только наступитъ вакація, я пришлю ихъ вамъ съ Бонленомъ.... Вы помните его, Бонлена, Жана Батиста?... И они пробудуть у васъ цѣлые два мѣсяца. Они придуть къ вамъ и будутъ слушать ваши прекрасные разказы и заснутъ у васъ на колѣнахъ, вотъ такъ....

И онъ самъ, положивъ свою курчавую голову, тяжелую какъ кусокъ металла, на колѣна старушки, припоминая безмятежные вечера своего дѣтства, какъ онъ засыпалъ такимъ образомъ когда ему это позволяли и когда голова Старшаго не занимала всего мѣста, онъ испытывалъ въ первый разъ со времени возвращенія своего во Францію нѣсколько минутъ блаженнаго спокойствія внѣ шумной и искусственной жизни, прижавшись къ старому материнскому сердцу и слушая удары его, правильные какъ удары маятника столѣтнихъ, стоявшихъ въ углу комнаты часовъ посреди глубокаго безмолвія ночи и невозмущаемой тишины сельской жизни.... Вдругъ тотъ же стонъ ребенка, заснуваго съ рыданіемъ, раздался въ глубинѣ комнаты. Жансуле поднялъ голову, посмотрѣлъ на мать и тихо спросилъ:

— Развѣ онъ тутъ?

— Да, отвѣчала она,— кладу его ночевать здѣсь.... Я могу понадобиться ему ночью....

— Я желалъ бы видѣть и обнять его.

— Пойдемъ!

Старушка встала съ мѣста, полпрежнему серіозная, взяла лампу, подошла къ алькову и отдернувъ занавѣсъ, подала знакъ сыну чтобъ онъ подошелъ потихоньку.

Онъ спалъ.... И нѣтъ сомнѣнія что во время сна въ немъ

ожило нѣчто, чего не было во время бодрственнаго состоянія, ибо вмѣсто лѣнливой неподвижности, въ которую онъ погруженъ былъ цѣлый день, онъ въ эту минуту производилъ порывистыя движенія, и на его лицѣ, обыкновенно мертвенномъ и лишенномъ всякаго выраженія, отражалась горькая жизнь, полная страданій. Сильно тронутый Жансуле смотрѣлъ на эти худощавыя, поблекшія, безжизненные черты, на которыхъ борода, какъ бы захватившая всю жизненность тѣла, росла въ необыкновенномъ обиліи, потомъ наклонился, приложилъ губы ко лбу, покрытому потомъ, и почувствовавъ что онъ вздрогнулъ, сказалъ тихо, важно, почтительно, какъ относятся ко главѣ семейства:

— Здравствуй, Старшій!

Можетъ-быть окованная душа услышала его изъ глубины своей мрачной и отвратительной темницы. Но губы зашевелились, и отвѣтомъ былъ продолжительный стонъ, отдаленная жалоба, отчаянный кличъ, вызвавшій слезы во взглядъ которымъ обмѣнялись Франсуа и его мать, и вырвавшій у нихъ обоихъ одинъ крикъ, въ которомъ выражалась ихъ скорбь: *peccaire!*—мѣстное слово, выражающее всѣ сожалѣнія, всѣ нѣжныя чувства.

На другой день съ утра началась суматоха съ прибытіемъ актрисъ и актеровъ, цѣлая лавина шляпокъ, шиньоновъ, высокихъ салоновъ, короткихъ юбокъ, заученыхъ криковъ, развѣвующихся вуалей; большинство составляли женщины, такъ какъ Кардельякъ предполагалъ что бею такой спектакль особенно будетъ пріятенъ и что фальшивыя ноты сойдутъ съ рукъ, если будутъ раздаваться изъ хорошенькихъ ротиковъ, и если при томъ рельефно будутъ выставлены красивыя руки и стройныя ноги, что не трудно при воздушномъ балетномъ одѣяніи. Всѣ лагестическія знаменитости его театра были налицо и во главѣ ихъ Ами Фера, веселая и смѣлая особа, прошедшая огонь и воду; затѣмъ два, три извѣстные гримиста, блѣдныя лица которыхъ посреди зелени кустарниковъ производили такія же мѣловыя и прозрачныя лятна какъ алебастровыя статуи. Весь этотъ людъ, возбужденный путешествіемъ, чистымъ воздухомъ, роскошнымъ гостепріимствомъ, а также надеждой надѣвоть чего-нибудь во время проѣзда беевъ, набабовъ и другихъ богачей, желалъ только лѣтъ, прыгать и веселиться съ дикимъ увлеченіемъ флотиліи сенскихъ

лодочниковъ, вышедшихъ на твердую землю. Но Кардельякъ былъ не того мѣнѣя. Какъ только всѣ они высадились, умылись и позавтракали, онъ тотчасъ же роздалъ имъ брошюры и велѣлъ приняться за релетициі. Времени терять было некогда. Ученіе производилось въ маленькомъ салонѣ близъ лѣтней галереи, гдѣ уже начинали устраивать театръ; и шумъ молотковъ, аріи и куллеты, дребезжащіе голоса, возбуждаемые смычкомъ капельмейстера, смѣшивались съ трубными криками лавиновъ на насѣсти и разлетались въ мистраль, съ презрѣніемъ потрясавшемъ все это концами своихъ крыльевъ.

Сидя по срединѣ крыльца какъ на авансценѣ своего театра, Кардельякъ наблюдалъ за релетициями, раздавалъ приказанія толпѣ рабочихъ, садовниковъ, приказывалъ срубать деревья, закрывавшія видъ, рисовалъ триумфальныя арки, разсылалъ телеграммы, эстафеты къ мерямъ, къ под-префектамъ, въ Арль, чтобы оттуда прислали депутацію туземныхъ дѣвицъ въ національномъ костюмѣ; въ Барбантану, гдѣ составляются самые лучшіе хоробы, въ Фарманъ, славящійся своими стадами дикихъ быковъ и степныхъ лошадей; а такъ какъ имя Жансуле сіяло надъ всѣми этими посланіями, и такъ какъ къ нему присоединялось имя Тунисскаго бей, то отовсюду получались тотчасъ же благопріятныя отвѣты, телеграфныя проволоки не оставались, гонцы морили лошадей по дорогамъ, и этотъ маленькій Сарданалаль Портъ-Сенъ-Мартена, котораго звали Кардельякомъ, повторялъ постоянно: „Есть изъ чего сдѣлать“, счастливый что онъ можетъ бросать золото пригоршнями и устраивать сцену на пятьдесятъ миль окружности, превращать въ нее весь этотъ Провансъ, котораго былъ уроженцомъ этотъ ярый Парижанинъ и живописные ресурсы котораго онъ зналъ въ совершенствѣ.

Лишенная своихъ обязанностей, старушка-мать совсѣмъ не показывалась, занимаясь только фермой и своимъ большимъ, смущенная этою толпою посѣтителей, этими нахальными слугами, которыхъ нельзя было отличить отъ ихъ господъ, этихъ женщинъ съ наглымъ и кокетливымъ видомъ, этими гладко выбритыми стариками, похожими на дурныхъ священниковъ, всѣми этими сумасбродами которые ночью гонялись по корридорамъ, пуская другъ въ дру-

га подушками, мокрыми губками, кистями занавѣсей которыя они отрывали и обращали въ снаряды. Вечеромъ она не бесѣдовала уже съ сыномъ, который принужденъ былъ заниматься съ гостями, число коихъ увеличивалось по мѣрѣ приближенія праздниковъ; у нея не оставалось даже утѣшенія бесѣдовать о своихъ внучатахъ, съ „господиномъ Полемъ“, котораго Жансуле, всегда простодушный и нѣсколько стѣсняемый серьезностью своего друга, отправилъ на нѣсколько дней къ его братьямъ. И заботливая хозяйка, у которой ежеминутно требовали ключей чтобы достать, чтобы отпереть новую комнату, чтобы пополнить столовое серебро, помышляя о своихъ красивыхъ столбахъ чеканной посуды, о расхищеніи буфетовъ и поставцевъ, приломившая положеніе въ которомъ, въ проѣздъ прежняго бѣа, оставался замокъ, опустошенный какъ бы циклономъ, говорила, авторадочно помахивая хлопокъ своей прялки:

— Да поглотитъ огонь небесный беевъ и лаки беевъ!

Наконецъ наступилъ день, тотъ пресловутый день, о которомъ и теперь еще говорятъ въ томъ краю. Часовъ около трехъ полонудни, послѣ роскошнаго завтрака, за которымъ на этотъ разъ предѣдала старушка-мать въ новомъ челцѣ, и гдѣ сидѣли рядомъ съ парижскими знаменитостями префекты, депутаты, всѣ въ полныхъ мундирахъ со шпагами на боку, меры въ шарфахъ, приходскіе священники, гладко выбритые, Жансуле, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, окруженный гостями, вышелъ на крыльцо и увидѣлъ въ этой роскошной рамѣ великолѣпной природы, посреди знаменъ, арокъ, трофеевъ, это море оловъ, это блистаніе костюмовъ, расположенныхъ по склонамъ, по изгибамъ аллей; тамъ сгрупированныя корзиной на лужайкѣ самыя красивыя дѣвицы Арля, маленькія гладкія головки которыхъ нѣжно выступали изъ-подъ кружевныхъ косынокъ; подъ ними Барбантанскій хороводъ съ своими восемью тамбуринами, готовый двинуться, съ перевитыми руками, съ развѣвающимися по вѣтру лентами, со шляпами на бекрень, съ красными кушаками вокругъ стана; ниже на нисходящихъ террасахъ члены лѣвческихъ обществъ совершенно черные подъ ихъ яркими фуражками, со знаменосцемъ напередѣ, важнымъ, самоувѣреннымъ, высоко поднявшимъ свой рѣзной жезлъ; еще ниже на площадкѣ, превращенной въ боевой циркъ, черные окутанные быки и

всадники съ трезубцами въ рукахъ на своихъ маленькихъ шапкахъ съ длинною бѣлою гривой, затѣмъ еще зашепки, штыки и такъ даѣе до входной триумфальной арки тѣмъ на необозримое пространство по ту сторону Романа, которую двѣ желѣзно-дорожныя компаніи перебросили по тонкой мостъ, чтобы можно было прямо со стади стигнуть Севъ-Романса, громадная толпа, цѣпма съ выступившія со всѣхъ сторонъ. Зрители стояли на верогѣ Жиффа, посреди криковъ и лыли, сидѣли на гамъ ровъ, карабкались на деревья, громоздились на скалахъ, образуя громадную живую шпалеру кортежа. И въ этомъ этомъ ясное широкое солнце, лучи котораго яркимъ ливымъ вѣтеръ разносилъ во всѣхъ направленіяхъ, отражалось и на мѣди тамбурина, и на оконечности трезубца, и на бахромѣ знамени, и величественная Рона, бурная и свободная, уносящая въ море подвижную картину этого истиннаго царскаго праздника. Въ виду этихъ чудесъ, въ которыхъ отражалось все золото его сундуковъ, Набавъ почувствовалъ удивленіе и гордость.

— Это прекрасно... сказалъ онъ блѣднѣя. И за вами, мать, также блѣдная, но подъ влияніемъ неолисаванаго стрѣха, пробормотала:

— Слишкомъ прекрасно для человѣка... Можно сказать что самъ Богъ идетъ.

Чувство старой крестьянки-католички было то самое которое смутно испытывалъ весь этотъ народъ, собравшійся на дорогахъ, какъ бы для гигантской процессіи Господня и которому этотъ царь Востока, прибывшій освѣтить мѣстнаго уроженца, напоминалъ лутешествіе царей волхвовъ несущихъ злато, ладанъ и смирну.

Посреди восторженныхъ привѣтствій, обращенныхъ къ Жансуле, вдругъ появился Кардельякъ, торжествующій обливающимся потомъ, и воскликнулъ:

— Что жъ не правъ ли я былъ, говоря что есть изъ чего одѣлать? Вѣдь шикозно... Вотъ представленіе... Если Парижане дорого бы дали чтобы присутствовать при этомъ....

Потомъ, понизивъ голосъ, чтобы не услышала мать, которая стояла тутъ же, прибавилъ:

— Видѣли вы нашихъ Арлезіанокъ?... Нѣтъ?... Такъ...

смотрите на нихъ.... на первую, которая должна подать букетъ.

— Да это Ами Фера.

— Конечно, чортъ возьми! Вы понимаете, мой милый, что если бей бросить свой платокъ въ толлу этихъ красивыхъ дѣвицъ, то между ними должна найтись хотя одна которая могла бы подвать его.... Эти невинныя ничего бы не поняли!... О! я обо всемъ подумалъ, вы увидите.... Все поставлено и устроено какъ на сценѣ. Съ одной стороны ферма, съ другой—садъ.

И чтобы дать понятіе о совершенствѣ своей организаціи, директоръ поднялъ свою трость; взмахъ его руки тотчасъ же повторился, пробѣжалъ по всему парку сверху внизъ, и разомъ загремѣли всѣ орфеоны, всѣ трубы, всѣ тамбурины, соединенные въ величественномъ ритмѣ южной народной пѣсни: *Grand soleil de Provence*. Голоса, звуки инструментовъ поднимались вверхъ, развѣвая орифламы, приводя въ движеніе хороводы, между тѣмъ какъ съ другаго берега рѣчки раздался гулъ, подобный порыву вѣтра, вѣроятно выражавшій опасеніе, не пріѣхалъ ли нечаянно бей съ другой стороны. Новый взмахъ руки директора и громадный оркестръ успокоился, на этотъ разъ медленнѣе, съ задержками, со взрывами нотъ, заблудившихся въ листвѣ; но нельзя было ничего требовать болѣе отъ сценическаго представленія въ которомъ участвовало три тысячи человекъ.

Въ эту минуту подѣхали экипажи, парадныя кареты, служившія на празднествахъ по случаю прибытія прежняго бея, двѣ большія колесницы, розовыя съ золотомъ по тунисской модѣ, которыя мать Жансуле тщательно сохраняла и которыя вывезены были изъ сарая съ ихъ раскрашенными филевками, коврами и золотою бахромой, столь же блестящія и новыя, какими онѣ были въ первый день. Здѣсь также обнаружился изобрѣтательный умъ Кардельяка, который вмѣсто лошадей, слишкомъ массивныхъ для этихъ расписанныхъ и воздушныхъ колесницъ, посоветывалъ залечь въ нихъ восемь муловъ, разукрашенныхъ бантами, серебряными бубенчиками и покрашенныхъ съ головы до ногъ тѣми латейными лопонами которыя Провансъ заимствовалъ у Мавровъ и еще усовершенствовалъ. Могъ ли еще быть не доволенъ бей?

Набавъ, Монлавонъ, префектъ, одинъ изъ генераловъ сѣли въ первую карету, прочіе заняли мѣста во второй и слѣдующихъ. Приходскіе священники, меры, воспламененные торжествомъ, поспѣшили стать во главѣ орфеоновъ ихъ прихода, долженствовавшихъ предшествовать кортежу, и все заколебалось по дорогѣ Жиффа.

Погода была прекрасная, но воздухъ знойный и тяжелый, опередившій на три мѣсяца сезонъ, какъ часто бываетъ въ этихъ неукротимыхъ странахъ, гдѣ все торопится, все является прежде времени. Хотя на горизонтѣ не было ни одного облака, неподвижность атмосферы, въ которой вѣтеръ вдругъ упалъ какъ спущенный парусъ, ослабительное раскаленное до бѣла пространство, безмолвная торжественность ларящая надъ природой,—все возвышало грозу, готовящуюся сколотиться на какомъ-нибудь углу горизонта. Общее оцѣленіе природы охватывало мало-по-малу и живыя существа. Слышались только бубенчики муловъ, двигавшихся довольно мелкою рысью, ритмическій и тяжелый шагъ по трескучей лыли толпы лѣвцовъ, которыхъ Кардельякъ размѣстилъ на опредѣленномъ разстояніи и отъ времени до времени, въ двойной двигающейся шпалерѣ, окаймлявшей дорогу, какой-то зовъ, дѣтскіе голоса, крикъ продавца свѣжей воды, обязательный акомпанементъ всѣхъ празнествъ юга на открытомъ воздухѣ.

— Спустите окно съ вашей стороны, генераль, здѣсь задохнешься, говорилъ Монлавонъ, оласаясь за свою распсанную наружность; и олущенные стекла дали возможность доброму народу увидѣть этихъ важныхъ особъ, открывшихъ свои почтенныя лица, съ общимъ выраженіемъ ожиданія, ожиданія бѣя, грозы, наконецъ ожиданія чего-то невѣдомаго.

Еще триумфальная арка. То Жиффа и ея длинная, каменистая улица, усталая лальмовыми вѣтвями, и всѣ старенькіе, ветхіе домики ея украшены коврами и цвѣтами. Въ деревни станція, вся бѣлая и квадратная, поставленная какъ грибокъ на краю дороги, настоящій тилъ маленькой сельской станціи, затерянной въ виноградникахъ, гдѣ никогда никого нѣтъ въ единственной залѣ, развѣ какая-нибудь старушка съ узлами, пришедшая за три часа до поѣзда.

Въ честь бѣя, легкое зданіе было разцвѣчено знаменами,

ями, украшено коврами, диванами, и великолѣпнымъ
омъ съ разными яствами и шербетами, готовыми для
ѣтлости.

прибытіи туда и по выходѣ изъ кареты, Набабъ по-
волавъ что тревога, которую онъ испытывалъ нѣ-
ко времени предъ этимъ, разсѣивается. Префекты,
алы, депутаты, черные фраки и шитые мундиры сто-
а широко въ внутреннемъ тротуарѣ, образуя величе-
ныя, торжественныя группы съ тѣми важными минами
женіями, которыми отличаются чиновники когда на
смотрять. А вы можете себѣ представить, какъ всѣ
съ посмотрѣть эти расшитые мундиры, нагрудникъ Мон-
ца, который вдругъ расширился какъ дутый пирогъ,
ельяка, задыхающагося, раздающаго послѣднія при-
ція, и доброе лицо Жансуле, ихъ Жансуле, блестя-
маза котораго между раздутыми загорѣлыми щеками
исъ двумя золотыми гвоздями на узорахъ кардован-
о сафьяна. Вдругъ раздались электрическіе звонки;
льничъ станціи, весь красный, выбѣжалъ на дорогу
лода, поѣздъ двинулся, чрезъ восемь минутъ онъ будетъ
ь"... Всѣ вздрогнули. Потомъ по одинаковому цистик-
ому движенію всѣ вынули часы изъ кармановъ.... Больше
ги минутъ.... Тогда посреди общаго молчанія кто-то ска-
.: „Вотъ посмотрите туда.“ Направо, съ той стороны
уда долженъ былъ придти поѣздъ, два большіе холма,
рытые виноградниками, составляли какъ бы тоннель,
которомъ исчезалъ путь. Въ эту минуту весь этотъ фонъ
ъ совершенно черный, омраченный громадною тучей,
орая темною полосой перерѣзывала небесную синеву,
улы базальтовыхъ скалъ, освѣщенная блѣднымъ какъ
лунаымъ свѣтомъ. Посреди торжественности пустын-
о пути, на этой безмолвной линіи рельсовъ, гдѣ все,
колько могло достигать зрѣніе, становилось въ ряды для
ѣзда его свѣтлости, странною показалась эта воздушная
ла которая приближалась, бросая предъ собою тѣнь съ та-
о игрой перспективы которая придавала тучѣ лавное,
ичественное движеніе, а ея тѣни быстроту скачущей ло-
ди. „Какая гроза грянетъ сейчасъ!...“ Вотъ мысль, при-
дшая всѣмъ въ голову, но они не успѣли ея выразить,
съ какъ раздался пронзительный свистокъ и поѣздъ

показался изъ глубины мрачнаго туннеля. Настоящій королевскій поѣздъ, быстрый и короткій, украшенный французскими и тунисскими знаменами, дымящійся и ревущій локомотивъ котораго съ букетомъ розъ на груди, казался шаферомъ на свадьбѣ левіаѳановъ.

Пущенный на всѣхъ парахъ, онъ умѣрилъ ходъ, приближаясь. Всѣ чиновники сгруллировались, оправляясь, прикрѣпляя шлагы, поднимая воротнички, между тѣмъ какъ Жансуле шелъ на встрѣчу поѣзду вдоль рельсовъ, съ почтительною улыбкой, со сливой уже согнутою для *селлали алика*. Поѣздъ продолжалъ двигаться медленно. Жансуле, думая что онъ останавливается, положилъ руку на дверцу королевскаго вагона, блиставшаго золотомъ подъ чернымъ небомъ; но ходъ былъ данъ вѣроятно слишкомъ сильный, поѣздъ все двигался и Набабъ шелъ рядомъ, пытаясь отворить эту проклятую дверцу которая не уступала, и съ другой стороны подавая знакъ машинѣ чтобъ она остановилась, но машина не повиновалась. „Остановитесь же!“ Она не останавливалась. Въ нетерпѣніи онъ вскочилъ на бархатную подножку, и съ нѣскольکو нахальною горячностью, которая такъ нравилась преждему бею, онъ закричалъ, поднимая свою огромную курчавую голову надъ дверцей:

— Станція Севъ-Романсъ, ваша свѣтлость!

Вамъ знакомъ конечно тотъ особенный, смутный свѣтъ который бываетъ во свѣ, та атмосфера лустая и безцвѣтная, гдѣ все принимаетъ видъ призраковъ; Жансуле былъ внезапно окутанъ, охваченъ, парализованъ ею. Онъ хотѣлъ говорить, но не находилъ словъ; его мягкія руки такъ слабо держались за ручку дверцы что онъ едва не улетѣ навзничь. Чтò же онъ увидѣлъ? Полулежа на диванѣ, занимавшемъ глубину салона, положивъ на локоть свою красивую голову съ блѣдными чертами, съ длинною, черною и шелковистою бородой, бей, застегнутый до верху въ своемъ восточномъ сюртукѣ, безо всякихъ украшеній кромѣ широкой ленты Почетнаго Легіона черезъ плечо, и брилліантовой пряжки на шалкѣ, освѣжался маленькимъ плетенымъ олахаломъ, вышитымъ золотомъ. Предъ нимъ стояли два адъютанта и инженеръ компаніи. Напротивъ его на другомъ диванѣ, въ положеніи почтительномъ, но явно привилегированномъ, потому что они одни сидѣли предъ беемъ, оба желтые, съ большими бакенбар-

дамы, падавшими на бѣлые галстуки, два филина, одинъ толстый, другой худой.... То были Гемерлинги отецъ и сынъ, завоевавшіе снова его свѣтлость и сопровождавшіе его въ Парижъ.... Страшный сонъ! Всѣ люди эти, хорошо знавшіе Жансуле, смотрѣли на него холодно, какъ будто лицо его было имъ незнакомо.... Блѣдный, съ холоднымъ потомъ на лбу, онъ пробормоталъ: „но, ваша свѣтлость, развѣ вы не выйдете?“ Блѣдная молнія въ формѣ сабельнаго взмаха, сопровождаемая страшнымъ ударомъ грома, прервала его рѣчь. Но молнія, блеснувшая въ глазахъ бѣя, показалась ему еще страшнѣе. Бей поднялся, протянулъ руку и нѣсколько горловымъ голосомъ привычнымъ произносить грубые арабскіе слоги, но совершенно чистымъ французскимъ языкомъ, поразилъ его слѣдующими медленными и приготовленными словами:

— Возвратись къ себѣ, мерканти.... Нога идетъ туда, куда влечетъ ее сердце.... Моя не ступитъ никогда въ домъ челоуѣка ограбившаго мою страну.

Жансуле хотѣлъ сказать что-то. Бей подалъ знакъ и инженеръ пожалъ электрическую пуговицу. Раздался свистокъ, и поѣздъ, не перестававшій очень медленно двигаться, дрогнулъ и пошелъ на всѣхъ парахъ, развѣвая свои знамена по бурному вѣтру, среди столбовъ чернаго дыма и зловѣщихъ молній.

Стоя на пути, растерянный, какъ бы опьянѣлый, онъ смотрѣлъ какъ убѣгало и исчезало его счастье, не чувствуя крупныхъ капель дождя падавшихъ на его обнаженную голову. Потомъ, когда всѣ прочіе бросились къ нему, окружили его и засыпали вопросами: „Развѣ бей не остановится?“ онъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ: „Придворныя интриги... гнусныя козни....“ И вдругъ показавъ кулакъ удаляющемуся поѣзду, съ глазами налитыми кровью, съ пѣной гнѣва на губахъ, онъ прорычалъ какъ дикій звѣрь:

— О, канальи!...

— Приличіе, Жансуле, приличіе....

Вы угадываете кто сказалъ это, и кто, подхвативъ подъ руку Набаба, старался выпрямить его и выгнуть ему грудь по образцу своей, и отвелъ его къ каретѣ посреди оцѣпенѣнія всѣхъ шитыхъ мундировъ, и сажалъ его туда, ошеломленнаго, уничиженнаго, какъ родственника покойнаго,

котораго сажаютъ въ траурную карету послѣ погребальной церемоніи. Дождь полилъ, громовые удары слѣдовали одинъ за другимъ. Всѣ разсѣлись по экипажамъ, направившимся въ обратный путь. Тогда произошло нѣчто прискорбное и комическое, одинъ изъ тѣхъ жестокихъ фарсовъ коварной судьбы, удручающей свои жертвы на землѣ. При наступавшихъ сумеркахъ и все возрастающей темнотѣ отъ тучи, толпѣ тѣснившейся около станціи показалось что его свѣтлость находится посреди столькохъ лестрыхъ мундировъ, и какъ только экипажи двинулись, оглушительный крикъ, страшный ревъ, приготовлявшійся болѣе часа во всѣхъ этихъ грудяхъ, раздался, поднялся, прокатился и пронесся по долинь: „Да здравствуетъ бей!“ Извѣщенные этимъ сигналомъ, первыя трубы загремѣли, имъ отвѣчали орфеоны, и когда шумъ распространился мало-по-малу, то вся дорога отъ Жиффы до Сенъ-Романса превратилась въ непрерывный гулъ. Напрасно Кардельякъ, всѣ гости и самъ Жансуле высунувшись изъ оконъ дѣлали отчаянные знаки: „довольно.... довольно!...“ Голоса ихъ исчезали въ общемъ шумѣ, жесты терялись въ темнотѣ; что видѣла толпа, то побуждало ее къ новымъ крикамъ. А увѣряю васъ что и побужденія никакого не было нужно. Всѣ эти южане, энтузіазмъ которыхъ подогрѣвали съ утра, возбужденные еще долгимъ ожиданіемъ и бурей, улотребляли въ дѣло все что у нихъ было голосовъ и шумаго восторга, смѣшивая провансальскій гимнъ съ неумолкаемымъ крикомъ: „да здравствуетъ бей!“ Большая часть и не знала что такое бей, и это странное названіе выговаривала такъ какъ будто въ немъ было три б и десять й. Но какъ бы то ни было они одушевлялись этимъ, поднимали руки, махали шляпами, восторгались собственной мимикой. Растроганныя женщины утирали глаза; вдругъ съ высоты вяза раздался произительные крики ребенка: „мама, мама.... я его вижу“. Овъ видѣлъ его!... Впрочемъ всѣ его видѣли, и въ эту минуту всѣ покаялись бы что видѣли его.

Въ виду такого ольяненія, при невозможности успокоить толпу и принудить ее къ молчанію, людямъ сидѣвшимъ въ каретахъ оставалось только одно: предоставить ей свободу, поднять стекла и вѣхать какъ можно скорѣе, чтобы сократить это жестокое мученіе. Тогда представилось страшное зрѣлище. Какъ только повеся кортежъ, вся дорога поска-

о слѣдъ за нимъ. При глухомъ шумѣ своихъ тамбу-
 ь, барбантанскіе фарандолисты рука въ руку скакали,
 ли около дверецъ, образуя человѣческую гирлянду.
 оны, задыхаясь отъ лѣнія на ходу, но все-таки завыва-
 влекали своихъ знаменосцевъ, со знаменами на пле-
 и добрые красные священники, едва переводя духъ, на-
 и еще силы кричать на ухо своимъ муламъ, сочувствен-
 и вѣжнымъ голосомъ: „да здравствуетъ бей!“ При всемъ
 ь дождь лившій какъ изъ ведра, смывавшій краску съ
 ыхъ каретъ, увеличивалъ толкотню, придавалъ окон-
 ьно этому торжественному возвращенію видъ лора-
 а, но пораженія комическаго, перемѣннаго съ лѣс-
 , со смѣхомъ, съ проклятіями, съ неистовыми объятія-
 адскими ругательствами, вѣчто въ родѣ клерикаль-
 процессіи въ грозу съ поднятыми на голову сутавами....
 ухой и мягкой стукъ колесъ возвѣстилъ бѣдному На-
 , безмолвному и неподвижному въ углу своей кареты,
 они проѣзжали по люттовному мосту. Они подѣзжали
 замку.

Накоонецъ! сказалъ онъ, смотря сквозь отуманенныя
 кла на лѣнящіяся волны Роны, буря которой показалаась
 тишиной въ сравненіи съ тою, которая килѣла у него
 душѣ. Но въ концѣ моста, когда первая карета достиг-
 триумфальной арки, летарды затрещали, барабаны заби-
 лоходъ, привѣтствуя вступленіе монарха на почву его
 сала, и къ довершенію проиці въ сумеркахъ на высотѣ
 ска, громадная полоса газа вдругъ освѣтила крышу
 левными буквами, по которымъ дождь и вѣтеръ проно-
 ли густыя тѣни, но между которыми ясно можно было
 зобратъ слова: „Да здравствуетъ бей!“

— Вотъ это настоящій букетъ, сказалъ злополучный На-
 ббъ, засмѣявшійся очень жалкимъ и горькимъ смѣхомъ.
 о вѣтъ, онъ ошибался. Букетъ ожидалъ его у дверей зам-
 а, и его представила ему Ами Фера, отдѣлившаяся отъ
 руллы Арлезіанокъ, укрывавшихъ подъ маркизой свои
 шелковыя юлки и бархатныя повязки въ ожиданіи первой
 ареты. Со своимъ букетомъ въ рукахъ, екронная, поту-
 живъ глаза, хорошенькая танцовщица бросилась къ дверцѣ
 ареты въ смиренной, почти колѣнопреклоненной позѣ, ко-
 торую она релетировала цѣлую недѣлю. Въмѣсто бей вы-
 пель Жансуае, неподвижный, взволнованный и промель, ве

удостивъ ее даже взглядомъ. А такъ какъ она оставалась съ букетомъ въ рукахъ, ошеломленная неудачей, то Кардельякъ съ своею парижскою веселостію, всегда примиряющеюся со всѣмъ на свѣтѣ, сказалъ ей:

— Отнеси назадъ свои цвѣты, моя милая, твое дѣло не выгорѣло.... Бей не будетъ.... онъ забылъ свой носовой платокъ, а такъ какъ онъ употребляетъ его въ разговорахъ съ дамами, то ты понимаешь....

Наступила ночь. Всѣ спать въ Семь-Романсѣ послѣ страшной дневной суматохи. Проливной дождь не перестаетъ шумѣть, и въ большомъ паркѣ, гдѣ триумфальныя арки и трофеи смутно воздымаютъ свои раззолоченные остовы, слышится паденіе воды по каменнымъ ступенямъ, превратившимся въ каскады. Все льется и гудитъ. Повсюду шумъ воды, громадный шумъ. Одинъ въ своей роскошной комнатѣ съ великолѣпною кроватью обтянутою шелковою китайскою матеріей съ пурпурнымъ бордюромъ, Набабъ не спитъ еще, ходитъ большими шагами и въ головѣ у него таятся зловѣщія мысли. Его занимаетъ уже не нанесенная ему обида, не публичное оскорбленіе въ присутствіи тридцати тысячъ человѣкъ, ни даже кровавое ругательство, сказанное ему беемъ въ присутствіи его смертельныхъ враговъ. Нѣтъ, этотъ южанинъ съ ощущеніями чисто физическими, быстрыми какъ выстрѣлы новаго оружія, уже отбросилъ далеко отъ себя ядъ своей досады. Да къ тому же придворные любимцы благодаря множеству примѣровъ всегда готовы на такія поразительныя ослалы. Его страшитъ то что онъ предусматривалъ за этимъ оскорбленіемъ. Онъ думаетъ что всѣ его имущества, дома, конторы, суда, находятся тамъ въ распоряженіи бей, на томъ Востокѣ безъ закона, въ странѣ полнѣйшаго произвола. И прислонивъ свой горячій лобъ къ стеклу, по которому струились потоки воды, обливаясь потомъ, съ холодными руками, онъ смутно смотрѣлъ въ темную даль, столь же мрачную и непроницаемую какъ его судьба.

Вдругъ раздался шумъ шаговъ и быстрый стукъ въ двери.

— Кто тамъ?

— Вотъ, сказалъ входя полуодѣтый Нозль,—очень слѣшная телеграмма къ вамъ, присланная со станціи съ эстафетой.

Телеграмма!... Что тамъ еще?...

Въ взявъ синій пакетъ и открывъ его дрожащими ру-

Богъ, пораженный дважды, чувствуетъ что онъ до-
нь уязвленю, и начинаетъ терять увѣренность; ему
мы уже страхъ, нервная слабость прочихъ смертныхъ...

бросаетъ послѣшно взглядъ на подпись... *Мора*...
ожно ли?... Герцогъ, самъ герцогъ къ нему!... Да, точно
.. *Мора*.

надъ подписью:

*ополаска умръ. Предстоятъ выборы въ Корсикъ. Вы
иальный кандидатъ.*"

путать!... Вотъ спасеніе. Съ этимъ нечего бояться. Съ
ставителемъ великой Французской націи нельзя обра-
ся какъ въ простымъ торгашемъ.... Провалились Ге-
цнги....

О мой герцогъ, мой благородный герцогъ!

въ былъ такъ взволнованъ, что не могъ расписаться. И
онъ вдругъ вспомнилъ:

Гдѣ человекъ который привезъ эту телеграмму?

Здѣсь, господинъ Жансуле, отвѣчалъ въ корридорѣ
мый, и фамильярный голосъ южнаго крестьянина.
тому счастье повезло!

Иди сюда, сказалъ Набабъ.

отдавая ему расписку, онъ захватилъ изъ кармановъ
да полныхъ, столько золотыхъ монетъ сколько могли
цать его обѣ руки и бросилъ ихъ въ шалку бѣдняка,
ломленнаго и ослѣвленнаго такимъ богатствомъ, такъ
завно посылавшимся на него ночью въ этомъ волшебномъ
рцѣ.

ХІІ. Выборы въ Корсикѣ.

Поццонегро, черезъ Сартенъ.

Наконецъ я могу сообщить вамъ извѣстія о себѣ, лю-
ный господинъ Жуайёзъ. Въ продолженіе пятнадцатидневно-
ного пребыванія въ Корсикѣ, мы столько бѣгали, столько
ориали, такъ часто мѣняли экилажи, сажались то на мул-
къ, то на ослонъ или даже на человѣческія спины, чтобы
ебраться черезъ потокъ; столько писали писемъ, ло-
тили столько просьбъ, выдали столько церковныхъ обла-

ченій и на престольныхъ одеждъ, столько подымаи по качув шихся колоколенъ, столько провозгласили тостовъ, поглотили столько Таланскаго вина, сельдей и бѣлаго сыру, что я не имѣлъ ни минуты времени отправить дружеское привѣтствіе маленькому семейному собранію вокругъ большаго стола, гдѣ меня вѣтъ уже двѣ недѣли. Къ счастью, отсутствіе мое будетъ не слишкомъ продолжительно, потому что мы послѣ-завтра собираемся выѣхать и прямо возвратиться въ Парижъ. Съ точки зрѣнія выборовъ, я полагаю что побѣда наша удалась. Корсика удивительная страна, лѣнивая и бѣдная, смѣсь нищеты и гордости, которыя побуждаютъ дворянство и буржуазію сохранять нѣкоторый видъ достатка даже цѣной самыхъ прискорбныхъ лишеній. Здѣсь очень серьезно говорятъ о состояніи Пополаска, этого неумучаго депутата, котораго смерть лишила ста тысячъ франковъ назначенныхъ ему за его отставку въ пользу Набаба. Сверхъ того, всѣ эти люди одержимы неустовою страстью къ мѣстамъ, административною маніей, потребностью носить какой-нибудь мундиръ и плоскую фуражку съ надписью „чиновникъ правительства“. Еслибы вы предложили корсиканскому крестьянину на выборъ богатѣйшую ферму Босм или самую скромную перевязъ полеваго стража, то онъ не поколебался бы ни на минуту и выбралъ бы перевязъ. Вы понимаете что при такихъ условіяхъ кандидатъ обладающій большимъ состояніемъ и пользующійся милостями правительства имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. Оттого г. Жавсуле и будетъ избранъ, въ особенности если успѣхъ увеличиваетъ предприятую имъ въ настоящую минуту попытку, которая и привела насъ въ единственный трактиръ маленькаго селенія, носящаго названіе Поццонегро (Черная яма), настоящая яма, совершенно черная въ своей густой зелени, съ пятидесятью домиками изъ краснаго камня, скученными вокругъ длинной колокольни въ италіянскомъ стилѣ въ глубинѣ оврага, окруженнаго крутыми берегами, утесами цвѣтнаго песчаника, покрытыми густымъ лѣсомъ лиственницы и можжевельника. Изъ открытаго окна, у котораго я пишу, я вижу на верху голубой доскутокъ, какъ бы поверхность Чернаго Колодезя; внизу на маленькой площади, подъ тѣнью огромнаго орѣховаго дерева—какъ будто и безъ того уже тѣнь не довольно густа—два пастуха одѣтые въ шкуры животныхъ собираются играть въ карты прислонясь къ кам-

намъ фонтана. Игра есть болѣзнь этой лѣнливой страны, гдѣ даже жатва поручается выходцамъ изъ Лукки. Два бѣдняка которые теперь у меня предъ глазами, не отыскали бы и полушки у себя въ карманахъ; одинъ играетъ на свой ножъ, другой на кусокъ сыру завернутый въ виноградные листья— и обѣ ставки лежатъ возлѣ нихъ на скамьѣ. Маленькій священникъ курить сигару, смотря на нихъ и ловидимому принимаетъ большое участіе въ ихъ игрѣ.

„Вотъ все что представляется мнѣ въ эту минуту, — никакого шума вокругъ, за исключеніемъ ладенія водяныхъ капель на камень, возгласа одного изъ игроковъ, который клянется *Sango del seminario*, и подь мою комнату въ общей залѣ шипка горячій голосъ нашего друга, соединенный съ делетавьемъ пресловутаго Паганетти, служащаго ему переводчикомъ въ его бесѣдѣ съ не мнѣе пресловутымъ Пиедигриджіо.

„Г. Пиедигриджіо (Пиегри) — мѣстная знаменитость. Это высокій семидесятилѣтній старикъ, еще очень прямой въ своемъ маленькомъ зипунѣ, на которомъ рисуется его длинная сѣдая борода, съ каталонскою шалкой изъ темной шерсти на такихъ же сѣдыхъ волосахъ, съ ножницами за поясомъ, служащими ему для разрѣзыванія большихъ листовъ табаку на ладони; вообще видъ у него почтенный и когда онъ проходилъ по площади, пожимая руку священнику и покровительственно улыбаясь игрокамъ, я никакъ бы не подумалъ что вижу предъ собою знаменитаго бандита Пиедигриджіо, который съ 1840 по 1860 годъ держалъ разбойничій вертелъ на Монте-Ротондо, отражалъ ливейныя войска и жандармерию, и который, благодаря давности, свободно расхаживаетъ по странѣ, свидѣтельница его преступленій, и даже пользуется въ ней значительнымъ вліяніемъ. И вотъ почему: у Пиедигриджіо два сына которые, благородно слѣдуя по его столамъ, дѣйствуютъ винтовкой, и держатъ въ свою очередь разбойничій притонъ. Неудовимые, какъ былъ и отецъ ихъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, предупреждаемые пастухами о движеніяхъ жандармеріи, бандиты являютя въ деревню, какъ только ее оставляетъ жандармы. Старшій, Сцилионъ, приходилъ въ прошедшее воскресенье слушать миссу въ Поццонегро. Сказать что ихъ любятъ что пожатіе окровавленной руки этихъ негодяевъ пріятно для всѣхъ его принимающихъ, значило бы клеветать на

мирныхъ жителей этой общины; но ихъ боятся, и воля ихъ становится закономъ.

„И вотъ эти Пиедигриджіо забрали себѣ въ голову покровительствовать нашему сопернику на выборахъ,—покровительство опасное, потому что оно можетъ возстановить противъ насъ цѣлые два кантона, такъ какъ у негодаевъ ноги также длинны какъ и ружья. Разумѣется жандармы на нашей сторонѣ, но бандиты гораздо могущественнѣе. „Жандармы, какъ говорилъ сегодня нашъ трактирщикъ, уходятъ, а бандиты остаются.“ Въ виду такого логического разсужденія мы поняли что намъ остается только одно — вступить въ переговоры въ Пиетри и заключить съ ними сдѣлку. Меръ шелнулъ о томъ старику, который посоветовался съ сыновьями, и тамъ ввиду обсуждаются условія договора. Отсюда я слышу голосъ директора: „Ну ладно, любезный товарищъ, ты знаешь, вѣдь я старый Коронкаецъ“... И затѣмъ спокойные отвѣты старика, отрѣзываемые въ тактъ со скрипомъ нижницъ, которыми онъ крошитъ табакъ. Любезный товарищъ, какъ мнѣ кажется, не слишкомъ довѣряетъ словамъ, и пока эки не зазвенятъ на столѣ, я не думаю чтобы дѣло подвинулось сколько-нибудь.

„Дѣло въ томъ что Паганетти извѣстенъ на своей родинѣ. Чего стоить его слова, то написано на площади Кортѣ, все еще ожидающей ламятника Паоли, на обширныхъ поляхъ съ морковью, которую онъ нашелъ средство насадить на этомъ каменистомъ островѣ, на тонкихъ и пустыхъ кошелькахъ этихъ несчастныхъ сельскихъ священниковъ, мелкихъ буржуа, мелкихъ дворянъ, у которыхъ онъ вытягивалъ скудные сбереженія, осѣпляя имъ глаза химерическими *combinazioni*. По истинѣ сказать что появиться сюда онъ могъ только благодаря своей изумительной дерзости, а равно и средствамъ которыми онъ располагаетъ нынѣ...

„Вообще сдѣлаано ли что-нибудь изъ числа этихъ баснословныхъ работахъ, предпринятыхъ *Земельною Кассой*?

„Ровно ничего.

„Рудники, которые не разрабатываются и никогда не будутъ разрабатываться, потому что они существуютъ только на бумагѣ, коменоломни не выдавшія ни кирки, ни пороку; песчанья и необработанныя стѣлы, на которыя указываютъ вамъ рукой, говоря: „Мы начнемъ отсюда... и до-

беремъ сюда, чортъ возьми!“ То же самое и о лѣсахъ: вся лѣсная сторона Монте-Ротондо повидимому принадлежитъ намъ, но вырубать ее нѣтъ возможности, если только аэроавты не примуть на себя обязанности дровосѣковъ. Точно также и съ мѣстами минеральныхъ водъ, между которыми эта бѣдная деревушка Поццонегро одно изъ важнѣйшихъ со своимъ источникомъ, котораго изумительныя цѣлительныя свойства прославляетъ Паганетти. Пакетботовъ нѣтъ и тѣни. Правда, старая полуразрушенная Генуэзская башня имѣетъ надъ входомъ, герметически закрытымъ, слѣдующую надпись на маленькой доскѣ: „Агентство Паганетти. Морская компанія. Бюро сообщеній.“ Но тамъ въ конторѣ засѣдаютъ только большія сѣрыя ящерицы въ сообществѣ съ совою. Что касается желѣзныхъ дорогъ, то всѣ эти честные Корсиканцы, съ которыми я о нихъ заговаривалъ, лукаво улыбались, отвѣчали подмигиваніемъ глазъ, таинственными полусловами, и только сегодня утромъ я получилъ чрезвычайно комическое объясненіе всѣхъ этихъ недосказанныхъ словъ.

„Я читалъ въ бумагахъ, которыми директоръ отъ времени до времени махаетъ предъ нашими глазами какъ вѣромъ чтобъ надуть свое вранье, я видѣлъ кулчую на мраморную каменоломню въ мѣстѣ называемомъ „Таверна“, въ разстояніи двухъ часовъ отъ Поццонегро. Пользуясь нашимъ прибытіемъ сюда сегодня утромъ, не говоря никому ни слова, я взобрался на мула, и сопровождаемый долговязымъ плутомъ съ оленьими ногами, настоящимъ тиломъ корсиканскаго браковьера или контрабандиста, съ большою красною трубкой въ зубахъ, съ ружьемъ черезъ плечо, я отправился въ мѣстность носящую названіе Таверны. послѣ ужаснаго перехода по разстреснувшимся утесамъ, по глубокимъ рывтинамъ, по бездоннымъ пропастямъ, у самаго края которыхъ какъ бы забавляясь и съ желаніемъ полугать меня пробирался мой мулъ, мы достигли слуска съ отвѣсной высоты, цѣли нашего путешествія, обширной пустыни совершенно обнаженныхъ утесовъ, поблѣвшихъ отъ помета чаекъ и другихъ морскихъ птицъ; ибо море тамъ внизу, оно близко, и безмолвіе мѣста нарушается только прибоемъ волнъ и провзительными криками птицъ летающихъ кругомъ. Мой проводникъ, летающій спасительный страхъ къ таможеннымъ и жандармамъ, остался

наверху на скалѣ по случаю маленькаго таможеннаго поста на берегу, а я направилась къ большой желтой постройкѣ, которая воздвигала въ этомъ жгучемъ удивленіи свои три этажа съ разбитыми стеклами, съ развалившеюся черепицей, съ огромною вывѣской на нахлобучившей двери: *Земельная Касса... Каменол.... бря....* 54. Вѣтеръ, солнце и дождь стерли остальное.

„Несомнѣнно тамъ было начало эксплуатаціи, такъ какъ посрединѣ вырыта была широкая четверугольная зияющая яма, а тамъ за нею, между терновникомъ, громадные глыбы мрамора, носящаго въ торговлѣ названіе *griotte*, глыбы осужденныя, коими нельзя воспользоваться за неимѣніемъ удобной дороги которая вела бы къ ломкѣ или порта, который бы дѣлалъ берегъ доступнымъ для грузовыхъ судовъ, и въ особенности за неимѣніемъ субсидій довольно значительныхъ для того или другаго изъ этихъ предприятий. Итакъ, ломка эта остается заброшенною въ вѣсколькихъ шагахъ отъ берега, бесполезная какъ челнокъ Робинзона, съ тѣми же недостатками помѣщенія. Эти подробности прискорбной исторіи нашего единственнаго територіальнаго богатства были мнѣ передаваемы несчастнымъ, дрожащимъ отъ лихорадки, надзирателемъ, котораго я отыскалъ въ нижней залѣ желтаго дома, когда онъ пытался изжарить кусокъ дикой козы на вѣдомъ дымѣ хвороста.

„Этотъ человекъ, заключающій въ себѣ одномъ личный составъ *Земельной Кассы* въ Корсикѣ, мужъ кормилицы Пагаветти, бывший хранитель маяка, привыкшій къ удивленію. Директоръ оставляетъ его тамъ отчасти изъ милосердія, а также и для того что получаемыя отъ времени до времени письма изъ Тавернской ломки производить хорошій эффектъ въ собраніи акціонеровъ. Мнѣ стоило большаго труда исторгнуть вѣскольکو свѣдѣній отъ этого полудикаря, смотрѣвшаго на меня съ недоверіемъ изъ-подъ козьей шкуры своего *pelone*; онъ однако сообщилъ мнѣ какъ-то невольно что Корсиканцы разумѣютъ подъ словомъ „желѣзная дорога“ и почему говоря о ней они принимаютъ таинственный видъ. Когда я пытался развѣдать, имѣетъ ли онъ свѣдѣніе о проектѣ желѣзной дороги въ странѣ, старикъ не отвѣчалъ мнѣ лукавою улыбкой своихъ соотечественниковъ, но сказалъ весьма натурально, своимъ скрипучимъ и визжащимъ, какъ ржавый замокъ, голосомъ, довольно чисто по-французки:

„— О! мусью, не нужно дороги, не нужно *желѣзной* здѣсь....

„— А между тѣмъ дѣло это очень драгоценное, очень полезное для облегченія сообщеній....

„— Я и не слорю; но жандармовъ намъ достаточно....

„— Жандармовъ?...

„— Да, конечно.

„Недоразумѣнне длилось минутъ пять, по простествіи которыхъ я понялъ наконецъ что тайная полиція называется здѣсь „желѣзными дорогами“. Такъ какъ на материкѣ много Корсиканцевъ занимають полицейскія должности, то въ частныхъ семействахъ этимъ названіемъ обозначаютъ несомнѣнно чистое ремесло которому они себя посвящаютъ. Вы спрашиваете у родныхъ: „Гдѣ братъ вашъ Амброзио? Гдѣ вашъ дядя Барбикаль?“ Онѣ отвѣчаютъ вамъ, слегка подергивая глазомъ: „У него должность на желѣзной дорогѣ...“ и всякому извѣстно что это значить. Въ народѣ, между крестьянами, отъ роду не выдавшими желѣзныхъ дорогъ, и не подозревающими что это такое, очень серьезно предполагають что тайная администрація императорской полиціи не имѣетъ иного названія. Нашъ главный агентъ въ странѣ раздѣляетъ это трогательное простодушіе; а этого достаточно чтобъ обрисовать вамъ положеніе *Линіи изъ Аяччіо въ Бастію черезъ Бонафачіо, Порто-Веккіо* и пр., какъ написано въ большихъ книгахъ съ зеленымъ корешкомъ дома Паганетти. Въ окончательномъ результатѣ все имущество Земельной Кассы заключается въ нѣсколькихъ дощечкахъ съ надписями, двухъ старыхъ постройкахъ, весьма годныхъ для занятія своего мѣста между развалинами улицы Св. Фердинанда, которыя представляются мнѣ каждый вечеръ, когда я засылаю, съ ихъ скрипучими флюгерами и старыми дверями, хлолающими отъ вѣтра.

„Но куда же пошли, куда же идутъ и теперь огромныя суммы внесенныя г. Жансуле въ теченіе пяти мѣсяцевъ, не считая того что поступило извнѣ, привлеченное этимъ магическимъ именемъ? Правда, я думалъ также какъ и онъ что всѣ эти ломки, дѣса, локулки земель, заключающіяся въ книгахъ, безъ мѣры преувеличены. Но какъ подозревать подобную наглость? Вотъ почему г. директору такъ не понравилась мысль взять меня съ собою въ это избирательное путешествіе... Я не хотѣлъ приступать къ немедленному объясненію. Моему бѣдному Набабу и безъ того маж

хлопотъ съ его выборами. Но какъ только мы возвратимся, я ему представляю подробности моего долгаго слѣдствія, и волей-неволей вытасу его изъ этого вертела.... Они покончили тамъ внизу. Старикъ Пидигриджіо проходитъ по площади, запрягая своя длинный крестьянскій кошелекъ, который мнѣ кажется туго набитымъ. Полагаю что торгъ заключенъ. Прощайте пока, любезный господинъ Жуайбъзъ, напомните обо мнѣ вашимъ дочерямъ и сохраните мнѣ маленькое мѣстечко у рабочаго стола.

„Поль де-Жери.“

Избирательный вихрь, окружившій ихъ въ Корсикѣ, прошелъ за ними по морю подобно дуновенію сирокко, послѣдовалъ за ними въ Парижъ, распространилъ свой неистовый гудъ въ аллартаментахъ Вандомской площади, запруженныхъ съ утра и до вечера обычнымъ элементомъ, увеличившимся постояннымъ приливомъ маленькихъ человечковъ, смуглыхъ, какъ сладкіе рожки, съ лицами правильными и бородами, изъ коихъ одни буйные, подвижные и болтаивые въ родѣ Паганетти, другіе молчаливые, сдержанные и догматическіе,—два типа племени, гдѣ одинъ и тотъ же климатъ имѣетъ различное вліяніе. Всѣ эти голодные островитяне изъ глубины своей дикой родины назначали себѣ свиданіе за столомъ Набаба, домъ котораго сдѣлался трактиромъ, рестораномъ, рынкомъ. Въ столовой, гдѣ приборы никогда не убиралась, всегда находился только - что прибывшій Корсиканецъ, готовый приняться за кушанье съ надутою и жадною физиономіей деревенскаго родственника.

Нагдое и шумное племя избирательныхъ агентовъ повсюду одно и то же; тѣмъ не менѣ эти отличались какото особенно горячностью, болѣе страстнымъ усердіемъ, павильнымъ тщеславіемъ раскаленнымъ до бѣла. Самый мелкій чиновникъ, счетчикъ, секретарь меріи, сельскій наставникъ, говорили такимъ тономъ какъ будто они распорядились цѣлымъ капиталомъ и карманы ихъ изможенныхъ сортуковъ были полны избирательными бюллетенями. Дѣло въ томъ что въ корсиканскихъ общинахъ, какъ Жансуле могъ самъ удостовѣриться, фамиліи такіа старинныя и съ такими развѣтвленіями, что какой-нибудь бѣднякъ разбивающій камни на дорогахъ находитъ средство считатья родствомъ съ самыми значительными лицами острова и вслѣдствіе того

пользуется, серіознымъ вліяніемъ. Такъ какъ національный темпераментъ, гордый, скрытный, склонный къ интригамъ, мстительный, еще увеличиваетъ эти усложненія, то оказывается что необходимо тщательно наблюдать, гдѣ поставить ногу въ этихъ тенетахъ, растянутыхъ отъ одной оконечности народа до другой.

Самое ужасное то, что всѣ эти люди завидовали другъ другу, ненавидѣли другъ друга, ссорились за столомъ по поводу выборовъ, бросали вокругъ себя яростные взгляды, хватались за рукоятъ своихъ ножей при малѣйшемъ возраженіи, говоря очень громко и всѣ разомъ, кто на звучномъ и грубомъ генуэзскомъ нарѣчій, кто на самомъ комическомъ французскомъ языкѣ, поражая другъ друга недосказанными ругательствами, перебрасывались названіями невидимыхъ бургадъ, мѣотными историческими датами, которыя разомъ воздвигали между двумя приборами два вѣка семейной ненависти. Набабъ боялся чтобъ его завтраки не окончились чѣмъ-нибудь трагическимъ и старался укротить всѣ эти бури своею доброю примирительною улыбкой. Но Пагаветти усложнилъ его. По его словамъ, вендетта, все еще существующая въ Корсикѣ, употребляетъ весьма рѣдко и только въ низшихъ классахъ кинжалъ и винтовку. Ихъ замѣняетъ безымянное письмо. И дѣйствительно, на Вандомской площади ежедневно получались письма безъ подписи въ слѣдующемъ родѣ:

„Господинъ Жансуле, вы такъ великодушны что я не могу не указать вамъ на Борналинко (Анджело-Марія) какъ на измѣнника продавшаго себя вашимъ врагамъ; совершенно иное я долженъ сказать о его двоюродномъ братѣ Борналинко (Луи-Томасѣ) преданномъ доброму дѣлу и пр.“

Или въ такомъ родѣ:

„Господинъ Жансуле, я оласяюсь что ваше избраніе не достигнетъ цѣли, и мало надежды вамъ будетъ на успѣхъ если вы будете продолжать пользоваться услугами извѣстнаго Кастирла (Жозюэ) изъ кантона Омессы, между тѣмъ какъ родственникъ его Лучіани именно человекъ какого вамъ нужно...“

Хотя онъ наконецъ и пересталъ читать эти посланія, но все-таки бѣдный кандидатъ испытывалъ потрясенія всѣхъ этихъ сомнѣній, всѣхъ этихъ страстей, затянутый въ слетеніе мелкихъ интригъ, полный ужаса, недоумѣнія, боязни,

страдалъ лихорадкой, нервными припадками, сознавалъ вѣрность корсиканской пословицы: „Если ты желаешь великаго зла твоему врагу, то пожелай ему выборовъ въ его семействѣ“.

Понятно что книга съ чеками и три большіе ящичка комода краснаго дерева не были пощажены этою тучей прожорливой саранчи, влетѣвшей на салоны „Мусью Жансуле“. Трудно представить себѣ что-нибудь потѣшнѣе высокообразнаго способа какимъ эти честные островитане производили свои займы, рѣзко, и съ вызывающимъ видомъ. Но не они были главнымъ бичемъ дома, хотя они и упрятывали въ свои карманы ящички съ сигарами, такъ что можно было подумать что всѣ они намѣреваются открыть табачную лавку по возвращенію на родину. Подобно тому какъ въ сильные жары язвы краснѣютъ и ухудшаются, выборы придали неимоверное развитіе разграбленію Набабова богатства. Всего болѣе расхищали его громадныя расходы гласности, статьи Муассара отправляемыя въ Корсику кипами въ 20, въ 30 тысячъ экземпляровъ съ портретами, біографіями, брошюрами, со всѣмъ печатнымъ громомъ, которымъ можно окружить какое-нибудь имя. И затѣмъ обычная вереница высасывающихъ помпъ вокругъ большаго резервуара съ миліонами. Здѣсь Вилеемское заведеніе, мощная машина, дѣйствующая промежуточными, сильными ударами... Земельная Касса, чудесная, неутомимая помпа, съ тройнымъ и четвернымъ насосомъ, съ силой нѣсколькихъ тысячъ лошадей, и помпа Швальбаха и помпа Буа-Ландри, и сколько другихъ еще, то громадныхъ, шумныхъ, съ полными листовыми, то глухихъ, скромныхъ, съ шестернями искусно подставленными, съ маленькими клапанами, помпы игрушки похожія на эти рои насѣкомыхъ жажда которыхъ производитъ уколы и которыя кладутъ свой ядъ въ то мѣсто, откуда покупаютъ свою жизнь, но всѣ дѣйствующія одинаково, дружно и долженствующія неизбежно повести если не къ полной засухѣ, то къ серьезному пониженію уровня.

Уже дурные слухи, хотя еще смутные, пронеслись на биржѣ. Было ли то интригой врага, того Гемерлинга, противъ котораго Жансуле велъ ожесточенную денежную войну, пытаясь противодѣйствовать всѣмъ его финансовымъ операціямъ и теряя въ эту игру огромныя суммы, потому что противъ него была и его собственная ярость, и хладнокро-

віе его противника и неловкости Паганетти, служившаго ему тѣмъ что называютъ „соломеннымъ человѣкомъ“? Какъ бы то ни было, золотая звѣзда поблѣднѣла. Поль-де-Жери зналъ это черезъ старика Жуайѣза,—опредѣлившагося бухгалтеромъ къ одному биржевому агенту, хорошо знакомому съ биржевыми дѣлами; но всего болѣе пугали его крайнее волненіе Набаба, эта потребность закружиться, смѣнившая его прекрасное спокойствіе силы и ясности, утрата южной трезвости, возбужденіе себя предъ обѣдомъ большими глотками *raki*, причеиъ онъ говорилъ громко, хотѣлъ во все горло, подобно толстому матросу на вахтѣ. Въ немъ виденъ былъ человѣкъ возбуждающій себя чтобы заглушить тревогу которая однако была замѣтна во внезапномъ искаженіи всѣхъ мускуловъ его лица при появленіи докучной мысли или когда онъ просматривалъ свою поличную записную книжку. Серіознаго разговора, рѣшительнаго объясненія, котораго такъ сильно желалъ имѣть съ нимъ Поль, Жансуле избѣгалъ упорно. Онъ проводилъ ночи въ клубѣ, утра въ постели, и когда просыпался, то комната его наполнялась людьми которые разговаривали съ нимъ въ то время когда онъ одѣвался и которымъ онъ отвѣчалъ уткнувъ носъ въ умывальникъ. Когда какимъ-нибудь чудомъ Жери ловилъ его на секунду, то онъ убѣгалъ, прерывая его словами: „Послѣ, прошу васъ...“ Наконецъ молодой человѣкъ рѣшился прибѣгнуть къ отчаянному средству.

Однажды утромъ, около пяти часовъ, возвращаясь изъ клуба, Жансуле нашелъ у себя на столѣ, подлѣ кровати, маленькое письмо, которое онъ принялъ сначала за одинъ изъ анонимныхъ доносовъ получаемыхъ имъ ежедневно. То былъ дѣйствительно доносъ, но подписанный, съ открытымъ лицомъ, дышавшимъ честностью и серіозною юностью того кто писалъ его. Жери указывалъ ему очень ясно всѣ гнусности, всѣ эксплуатаціи, которыя его окружали. Безъ обиняковъ онъ называлъ негодаевъ по именамъ. Ни одного не было не подозрительнаго изъ обычныхъ посягателей, ни одного кто бы пріѣзжалъ за чѣмъ-нибудь инымъ кромѣ того чтобы лгать и воровать. Сверху и до низу во всемъ домѣ грабежъ и расхищеніе. Лошади Буа-Ландри были ислорченныя, галлерей Швальбаха надувательство, статьи Муассара отъявленный шантажъ. Объ этихъ наглыхъ злоупотребленіяхъ Жери составилъ длинный, подробный

мемуаръ съ доказательствами; но дѣла Земельной Кассы онъ спеціально рекомендовалъ Жансуле, какъ истинную опасность положенія. Въ прочихъ дѣлахъ рускъ былъ только денежный, а здѣсь дѣло шло о чести. Привлеченныя именемъ Набаба, его званіемъ президента совѣта, въ эту гнусную ловушку, явились сотни акціонеровъ, искателей золота вслѣдъ за этимъ счастливымъ рудоколомъ. Это возлагало на него страшную отвѣтственность, которую онъ пойметъ читая документы дѣла бывшего отъ начала и до конца ложью и мадувательствомъ.

„Вы найдете мемуаръ, о которомъ я говорю, писалъ Поль де-Жери въ заключеніе, въ первомъ ящикѣ моей конторки. Къ нему приложены различныя квитанціи. Я не помѣстилъ ихъ въ вашей комнатѣ, потому что подозреваю Новаля какъ и всѣхъ остальныхъ. Сегодня вечеромъ увѣжая, я вамъ передамъ ключъ. Ибо я увѣжаю, мой дорогой другъ и благодѣтель, увѣжаю полнынъ признательности за сдѣланное вами мнѣ добро и въ отчаяніи, что ваша слѣпая довѣренность помѣшала мнѣ хотя отчасти заллатить вамъ за него. Въ настоящую минуту моя совѣсть честнаго человѣка упрекала бы меня еслибъ я долѣе безъ пользы оставался на моемъ посту. Я присутствую при катастрофѣ, при разграбленіи дворца, противъ которыхъ я ничего не могу сдѣлать; во сердце мое возмущается тѣмъ что я вижу. Я раздаю рукожатія безчестія меня. Я вашъ другъ и кажусь ихъ сообщникомъ. И кто знаетъ, проживая долго въ подобной атмосферѣ не сдѣлаюсь ли я имъ наконецъ?“

Письмо это, которое Набабъ прочиталъ медленно, глубоко, до промежутковъ между строками и словами, произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что вмѣсто того чтобы лечь въ постель онъ пошелъ къ своему юному секретарю. Послѣдній занималъ въ концѣ салоновъ рабочій кабинетъ, въ которомъ ему стали постель на диванъ—временное помѣщеніе, котораго онъ никогда не хотѣлъ измѣнять. Весь домъ спалъ еще. Проходя по анфиладѣ большихъ салоновъ, въ которыхъ не было пріемовъ по вечерамъ и которые постоянно оставались съ поднятыми занавѣсками и въ этотъ часъ освѣщались смутнымъ свѣтомъ парижской утренней зари, Набабъ вдругъ остановился, пораженный видомъ печальной грязи, которую представляла его роскошь. Въ тяжеломъ запахѣ табаку и крѣпкихъ валитковъ, которыми

былъ пропитанъ воздухъ, мебель, тюфяки, еще новые обои казались пожелавшими. Пятна на изящномъ атласѣ, пепель рассыпанный по изящному мрамору, слѣды салогъ на коврахъ наломивали громадный вагонъ лерваго класса, гдѣ видѣруются вся лѣвъ, все нетерпѣиве продолжительнаго луги, съ грязнымъ презрѣивемъ публлки къ роскоши, за которую она заллатала. Посреди этихъ декорацій влодѣвъ устроенныхъ и еще пропитанныхъ возмутительною комедией, разыгрывавшеюся тамъ ежедневно, его собственный образъ, отражавшійся въ двадцати холодныхъ и потускѣвшихъ зеркалахъ, воздымался предъ нимъ, зловѣщій и вѣвствъ комической, къ которому такъ не шель его щегольской костюмъ, съ раслухшими глазами, съ полнымъ и раскрасѣвшимся лицомъ.

Какой очевидный и полный разочарованія разсвѣтъ безумной жизни которую онъ велъ!

Онъ погрузился на минуту въ мрачныя мысли, потомъ сдѣлалъ обычное ему энергическое движеніе плечами, движеніе носильщика, которымъ онъ стряхивалъ съ себя слашкомъ жестокія заботы, ставилъ на мѣсто ношу, которую каждый человекъ несетъ на себѣ и которая болѣе или менѣе сгибаетъ ему спину, смотря по его мужеству и силѣ, и вошелъ къ Жери, который уже всталъ и разбиралъ бумагу предъ открытою конторкой.

— Прежде всего, мой другъ, сказалъ Жансуле, тихо притворяя дверь,—отвѣчайте мнѣ на слѣдующее. Дѣйствительно ли по причинамъ выраженнымъ въ вашемъ лисьмѣ вы рѣшились меня оставить? Не участвуетъ ли въ этомъ какая-нибудь изъ гнусностей, которыя, какъ мнѣ извѣстно, разыказываютъ обо мнѣ въ Парижѣ? Я увѣренъ что вы настолько благородны, чтобы предупредить меня и дать мнѣ возможность... оправдаться предъ вами.

Поль увѣрилъ его что онъ не имѣлъ никакихъ другихъ причинъ къ своему отъѣзду, но что и этихъ конечно достаточно, потому что дѣло идетъ о чести.

— Въ такомъ случаѣ, дитя мое, выслушайте меня и я увѣренъ что вы меня не оставите. Письмо ваше, столь краснорѣчивое по своей честности и искренности, не сообщило мнѣ ничего, въ чемъ бы я не былъ убѣжденъ вотъ уже три мѣсяца. Да, мой милый Поль, правы были вы: Парижъ гораздо сложнѣе чѣмъ я предполагалъ. По прибытіи моемъ

сюда, у меня не было честнаго и безкорытнаго чичероне, который бы предостерегъ меня отъ людей и дѣлъ. Я шаель только эксплуататоровъ. Все что есть негодяевъ въ городѣ, собиралось пачкать грязью мои ковры... Я сейчасъ осматривалъ мои бѣдные салоны. Имъ необходимо сильныи ударъ метлой, и я отвѣчаю что онъ будетъ нанесенъ, чортъ возьми! и безошадною рукой... Для этого я только жду чтобы меня назначили депутатомъ. Всѣ эти негодяи мнѣ служатъ для моего избранія, и это избраніе мнѣ слишкомъ необходимо, чтобы рисковать потерей хотя малѣйшаго шава... Вотъ въ двухъ словахъ мое положеніе. Бей не только не расположенъ возвратитъ мнѣ деньги которыя я ссудилъ ему мѣсяць тому назадъ, но на мое требованіе онъ отвѣчалъ требованіемъ 80 милліоновъ,—цифра, которою онъ опредѣляетъ деньги будто бы выманенныя у его брата... Это страшный грабежъ, дерзкая клевета... Мое богатство совершенно законно принадлежитъ мнѣ... Я нажилъ его своими комиссіонерскими оборотами. Я пользовался расположеніемъ Ахмеда; онъ самъ доставилъ мнѣ средства обогатиться... Можетъ-быть я дѣйствительно прижималъ иногда дружку слишкомъ крѣпко, но на это нельзя смотрѣть глазами Европейца... Тамъ извѣстны и допускаются эти огромныя барыши, получаемыя Левантинцами; это давь дикарей которыхъ мы научаемъ западному благосостоянію... Негодный Гемерлингъ, внушающій бею все это преслѣдованіе противъ меня, поступалъ несравненно хуже... Но къ чему толковать? Я нахѣжусь въ ласти волка. Въ ожиданіи, пока я отправлюсь вѣдаться съ его трибуналами — мнѣ извѣстно восточное правосудіе—бей началъ съ того что наложилъ секвестръ на все мое имущество, на суда, дворцы и на все что они заключаютъ въ себѣ... Дѣло было ведено очень правильно, на основаніи декрета верховнаго совѣта. Во всемъ этомъ чувствуется лапа Гемерлинга-сына... Если я буду депутатомъ, то все это кончится ничѣмъ. Совѣтъ отмѣнитъ свой декретъ и мнѣ возвратятъ мои богатства со всевозможными извиненіями. Если меня не выберутъ, то я потеряю шестьдесятъ, восемьдесятъ милліоновъ, даже возможность возстановитъ мое состояніе; тутъ разореніе, безчестіе, пролать... Ну что же, сынъ мой, ужели вы меня оставите въ такомъ кризисѣ?... Подумайте, вѣдь у меня кромѣ васъ никого нѣтъ на свѣтѣ... Моя жена? Вы ее ви-

дѣли, вы знаете, какая поддержка и совѣтница она для мужа... Мои дѣти? Да ихъ какъ будто и нѣтъ у меня. Я никогда ихъ не вижу, и они съ трудомъ узнали бы меня на улицѣ... Моя ужасная роскошь устранила отъ меня всѣ привязанности и замѣнила ихъ безстыдною корыстью... Любить меня можетъ только моя мать, да вы, котораго она же мнѣ прислала... Нѣтъ, вы не оставите меня посреди всѣхъ клеветъ, кшащихъ вокругъ меня... Еслибы вы знали, какъ это ужасно... Въ клубъ, въ театрѣ, повсюду гдѣ я бываю, я вижу голову эхидны баронессы Гемерлингъ, слышу отголосокъ ея шипѣнія, чувствую ядъ ея ярости. Повсюду насмѣшливые взгляды, прерываемые при моемъ приближеніи, разговоры, лживыя улыбки или выраженія доброжелательства съ примѣсью сожалѣнія. И потомъ всюду разочарованія, люди удаляющіеся отъ меня какъ бы при видѣ несчастья. Такъ напримѣръ Фелиція Рюисъ, въ минуту окончанія бюста, подъ предлогомъ какой-то случайности, не хочетъ посылать его въ салонъ. Я ничего не сказалъ. Я сдѣлалъ видъ что вѣрю. Но я понялъ и это, и съ этой стороны таится какая-нибудь гнусность... Это большое лишеніе для меня. При столь важныхъ кризисахъ, какъ тотъ который постигъ меня, все имѣетъ свое значеніе. Мой бюстъ на выставкѣ, подписанный этимъ славнымъ именемъ, много послужилъ бы мнѣ въ Парижѣ... Но нѣтъ, все кончается, все ускользаетъ отъ меня... Вы видите что вы не должны меня оставлять...

XIII. День сплина.

Пять часовъ полудни. Дождь льетъ съ утра, небо сѣрое и столь низко олутившееся что едва не касается зонтиковъ; погода сырая; слякоть, грязь, грязь повсюду, густыми лужами, свѣтящимися полосами по краямъ тротуаровъ, напрасно прогоняемая механическими средствами, складываемая на огромныя дроги, медленно отвозяція ее къ Монреалу, торжественно провозяція ее по улицамъ, безжестянно переворачиваемую и постоянно накопляющуюся снова, пробивающуюся сквозь камни мостовой, обрызгивая стекла каретъ, грудь лошадей, одежду прохожихъ, пятнающую окна, подвѣзды, витрины, такъ что можно подумать, что весь Парижъ погрузится и исчезнетъ въ этой грязной пропасти, гдѣ все разлагается и смѣшивается. И нельзя безъ сожа-

дѣвнѣ смотрѣть на слѣды этой грязи на бѣлизнѣ новыхъ домовъ, на окраинахъ набережныхъ, на колонадахъ каменныхъ балконовъ.... Тѣмъ не менѣе есть нѣкто, утѣшающійся этимъ зрѣлищемъ,—бѣдное существо большое и вѣсѣмъ наскучившее, которое разстянувшись во всю длину на вышитомъ шелковомъ диванѣ, опираясь головой на сжатые кулаки, радостно смотритъ на дворъ сквозь покрытыя ручьями воды стекла и наслаждается вѣсѣмъ этимъ безобразіемъ.

— Видишь ли, моя старая фея, вотъ погода, какая мнѣ нужна была сегодня... Посмотри, какъ они барахтаются въ грязи... Какіе они отвратительные, залащанные!... Сколько грязи! Она повсюду, на улицахъ, на набережныхъ, даже въ Сенѣ, даже на небѣ... Ахъ! грязь славная вещь когда скучно... Я бы желала пошлепать по ней, улотребить ее на ванне, сдѣлать изъ нея статую во сто футовъ вышины, которая называлась бы: „Моя Скука“.

— Но почему ты скучаешь такъ, моя милая, кротко замѣтила старая таксидовщица, любезная и разговорчивая, сидя въ своемъ креслѣ очень прямо, изъ опасенія разстроить свою причѣску, болѣе тщательную, чѣмъ когда-либо... Развѣ у тебя нѣтъ ничего, чтобы быть счастливою?

И своимъ спокойнымъ голосомъ, она въ сотый разъ принимается исчислять всѣ поводы къ счастію — ея славу, ея геній, ея красоту, столько мушницъ у ея ногъ, самыхъ красивыхъ, самыхъ могущественныхъ; о, да! самыхъ могущественныхъ, потому что сегодня еще...

Но вдругъ страшный пронзительный вой шакала, выведеннаго изъ себя одообразиемъ своей пустыни, потрясъ окна мастерской и заставилъ испуганную дремлющую хризалиду убраться въ свой коконъ.

Прошла уже недѣля, какъ группа ея была окончена, отослана на выставку, но Фелиція осталась въ томъ же положеніи расслабленія, отвращенія ко всему, отчаяннаго раздраженія, которое слѣдовало обыкновенно у нея за окончаніемъ какого-нибудь большаго труда. Необходимы были все неистощимое терпѣніе феи, все очарованіе ежеминутно вызываемыхъ воспоминаній, чтобы ужиться о бокъ съ этою тревогой, съ этимъ злымъ гнѣвомъ, которые килѣли во глубинѣ молчанія молодой дѣвушки, и которые внезапно вырывались горькимъ словомъ, выраженіемъ отвращенія ко всему на свѣтѣ... Группа никуда не годится... Никто не

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 годѣ.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородныя адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 годѣ.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годѣ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій четырнадцать рублей 50 коп.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки шестнадцать рублей 50 коп.; съ доставкой и пересылкой девятнадцать рублей 50 коп.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

